
3 1761 08820967 1

№6

СОЧИНЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА

СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ ИХЪ

и

СВОДОМЪ ОТЗЫВОВЪ КРИТИКИ.

ИЗДАНІЕ
Льва Поливанова
ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

ПРОЗАИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.—ПИСЬМА.

МОСКВА.
1887.

I.

СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ КРИТИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ (1822—1837).

1.

О слогѣ.

(1822).

Въ этомъ отрывкѣ, написанномъ въ черновой тетради 1822 г., Пушкинъ признаетъ однимъ изъ главныхъ требованій отъ слога—простоту его—качество, положенное имъ въ основу слога собственныхъ произведеній.

Пушкинъ цѣнилъ всякое проявленіе этой простоты, у кого бы ни находилъ ее, хотя бы у Боброва [1]). Ссылаясь на его „Тавриду" въ письмѣ къ кн. Вяземскому, въ ноябрѣ 1823 г., онъ пишетъ: „Мнѣ хотѣлось что-нибудь у него украсть, а къ тому же я желалъ бы оставить русскому языку нѣкоторую библейскую откровенность. Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе". Изъ этого видно, какъ строгъ былъ Пушкинъ даже къ самому себѣ въ этомъ отношеніи. (Почти то же высказываетъ онъ и въ письмѣ къ Гнѣдичу 27 іюня 1822 г. по поводу вреднаго вліянія французской поэзіи „робкой и жеманной"). Въ бѣглыхъ замѣткахъ къ друзьямъ объ ихъ сочиненіяхъ онъ также не упускаетъ случая обличить всякую натяжку: „Вся мужнина рѣчь", писалъ онъ въ февралѣ 1825 г. кн. Вяземскому по поводу его стихотворенія „Чистосердечный отвѣтъ" въ Сѣв. Цвѣтахъ: „до: „за гробомъ ревность мучитъ"—растянута и натянута". Недостатокъ простоты слога Пушкинъ высмѣивалъ, пародируя изысканныя выраженія писателей. Нѣсколько примѣровъ встрѣчаемъ въ замѣткѣ „О слогѣ". Вотъ еще примѣръ изъ письма его къ брату Льву въ декабрѣ 1824: „Не забудь (прислать) и—говоря по-Делилевски—витую сталь, пронзающую главу бутылки, т. е. штопоръ".

Простота слога, какъ видно изъ замѣтки „О слогѣ", не исключаетъ, по мнѣнію Пушкина, „цвѣтущаго" слога: но онъ разумѣлъ подъ этимъ нѣчто противоположное слогу писателей старой школы, видѣвшихъ это свойство въ „вялыхъ метофорахъ". Въ поэтическомъ слогѣ цѣнилъ Пушкинъ то, что́ называлъ „размашкою слога". Такъ въ письмѣ отъ 25 мая 1825 г. къ кн. Вяземскому онъ отдаетъ слогу Рылѣева предпочтеніе передъ слогомъ Козлова, имѣя въ виду эту живость его: „Эта поэма (Чернецъ), конечно, полна чувства и умнѣе „Войнаровскаго" [2]), но въ Рылѣевѣ есть болѣе замашки или размашки въ слогѣ". Но достаточно было замѣтить ему реторичность—и произведеніе болѣе не заслуживало его пощады. Такъ, въ томъ же письмѣ, „Думы" Рылѣева вызываютъ такой отзывъ: „Зато „Думы"—дрянь, и названіе сіе происходитъ отъ нѣмецкаго

---

[1]) Серг. Сем. Бобровъ — авторъ лирической поэмы „Таврида, или Мой лѣтній день въ Таврическомъ Херсонесѣ" (Спб. 1804), которую ниже и имѣетъ въ виду Пушкинъ.

[2]) См. Соч. П., т. II, стр. 150.

dumm, а не отъ польскаго, какъ казалось бы съ перваго взгляда“ [3]). Что касается слога Д. Давыдова, то по свидѣтельству кн. П. П. Вяземскаго [4]), самъ Пушкинъ высказывалъ, что въ молодости старался подражать ему въ „крученіи стиха“, но это подражаніе не оставило слѣдовъ на произведеніяхъ Пушкина, свободныхъ отъ всякой искусственности. „Цвѣтущій“ слогъ и „блескъ“ его Пушкинъ, какъ видно изъ слѣдующей замѣтки о слогѣ, не только въ прозѣ, но и въ стихахъ ставилъ въ неразрывную связь съ содержаніемъ. То же читаемъ въ его статьѣ „Вольтеръ“ (см. ее ниже, 1836), гдѣ по поводу стихотворенія Вольтера къ сосѣду при посылкѣ ему розановъ, Пушкинъ замѣчаетъ: „Признаемся въ rococo нашего запоздалаго вкуса: въ этихъ семи стихахъ мы находимъ болѣе слога, болѣе жизни, болѣе мысли, нежели въ полдюжинѣ длинныхъ французскихъ стихотвореній, писанныхъ въ нынѣшнемъ вкусѣ, гдѣ мысль замѣняется исковерканнымъ выраженіемъ, ясный языкъ Вольтера—напыщеннымъ языкомъ Ронсара, живость его—несноснымъ однообразіемъ, а остроуміе — площаднымъ цинизмомъ или вялой меланхоліей“.

Въ противоположность указанному въ замѣткѣ пристрастію къ избитымъ изысканнымъ длиннотамъ слога, Пушкинъ высказываетъ требованіе новизны, свѣжести въ выборѣ выраженій, если писатель отступаетъ отъ совершенной простоты слога. Первыми достоинствами прозы Пушкинъ полагаетъ точность, опрятность слога. Какъ онъ самъ былъ строгъ въ точности даже поэтическаго языка своего, можно видѣть въ его письмахъ многократно. Такъ, желая похвалить стихи Плетнева, онъ указываетъ „поэтическую точность“ выраженій. Съ особеннымъ удовольствіемъ замѣчаетъ Пушкинъ успѣхъ Дельвига въ этомъ отношеніи: „Дельвигъ!.. поздравляю тебя—добился ты наконецъ до точности языка—единственной вещи, которой у тебя недоставало“. Какъ Пушкинъ задумывался надъ точнымъ значеніемъ каждаго слова, свидѣтельствуютъ, напр., слѣдующія строки его писемъ къ кн. Вяземскому: „Подъ влажной буркой“. Бурка не промокаетъ и влажна только сверху, слѣдственно можно спать подъ нею, когда нечѣмъ инымъ покрыться, а сушить нѣтъ надобности“. „На берегу завѣтныхъ водъ“. Кубань—граница. На ней карантинъ, и строго запрещается казакамъ переѣзжать обонполъ. Изъясни это потолковѣе забавникамъ Вѣстника Европы“ (14 окт. 1823). Такъ защищалъ Пушкинъ каждое слово свое отъ чужихъ нападеній. Еще примѣръ въ письмѣ къ кн. Вяземскому же: „Отвѣчаю на твою критику (по поводу письма Татьяны, см. т. IV, стр. 213): Нелюдимъ не есть мизантропъ, т. е. ненавидящій людей, а убѣгающій отъ людей. Онѣгинъ нелюдимъ для деревенскихъ сосѣдей; как ъполагаемъ, причиной тому то, что въ глуши, въ деревнѣ, все ему скучно, и что блескъ одинъ можетъ привлечь его. Если впрочемъ смыслъ и не совсѣмъ точенъ, то тѣмъ болѣе истины въ письмѣ (Татьяны). Письмо женщины, къ тому же 17-лѣтней, къ тому же влюбленной“! (29 ноября 1824). Критикуя стихи самого кн. Вяземскаго, онъ не пропускаетъ замѣтить: „Еще мучительнѣй вдвойнѣ“ — едва ли не плеоназмъ“ (въ февр. 1825); въ другомъ его стих. („Водопадъ“) Пушкинъ не допускаетъ эпитета молніи — „властительница небеснаго огня“. „Водопадъ самъ состоитъ изъ влаги“, замѣчаетъ Пушкинъ, „какъ молнія — сама огонь. Перемѣнить какъ-нибудь“... „Но ты, питомецъ тайной

---

[3]) „Что сказать тебѣ о „Думахъ“? писалъ Пушкинъ Рылѣеву въ апрѣлѣ 1825 г. „Во всѣхъ встрѣчаются стихи живые... но вообще всѣ онѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ. Всѣ онѣ на одинъ покрой, составлены изъ общихъ мѣстъ (l.ci topici)“.

[4]) „Пушк. по докум. Остафьевскаго арх.“ II, 71.

бури". Не питомецъ, скорѣе родитель. И то не хорошо. Не соперникъ ли? „Тайной", о гремящемъ водопадѣ говоря, не годится; о бурѣ физической также [5]). „Игралище глухой войны"—не совсѣмъ точно [6]). „Ты не зерцало"... впрочемъ это придирка и пр. Не яснѣе ли, и не живѣе ли: „ты не пріемлешь ихъ лазури" etc. Точность требовала бы: „не отражаешь". Но твое повтореніе *ты* тутъ нужно [7]). „Подъ грознымъ знаменемъ" etc. „Хранишь" etc. Но вся строфа сбивчива. „Зародышъ непогоды" о водопадѣ — темно [8]). „Вѣчно бьющій огонь" — тройная метафора [9]). Не вычеркнуть ли всю строфу? „Ворвавшись" чудно хорошо. „Какъ средь пустыни" etc.: не должно тутъ двойнымъ сравненіемъ развлекать вниманіе; да и сравненіе не точно. „Вихорь" и „пустыню" уничтожь-ка. Посмотри, чтó выйдетъ изъ того [10]). „Какъ ты, внезапно разгорится" — вотъ видишь ли? Ты сказалъ объ водопадѣ „огненномъ" метафорически, т. е. блистающій какъ огонь, а здѣсь ужъ переносишь къ жару страсти сей самый водопадный пламень... Итакъ не лучше ли: „Какъ ты, *пустынно* разразится etc. А? или чтó другое, но *разгорится* слишкомъ натянуто [11])... „Я созвалъ *нежданныхъ* гостей" — прелесть. Не лучше ли *незванныхъ?* Нѣтъ, cela serait de l'esprit".—Очень довольный „Марѳой Посадницей" Погодина [12]) со стороны содержанія, Пушкинъ прибавляетъ: „Одна бѣда—слогъ и языкъ. Вы неправильны до безконечности—и съ языкомъ поступаете, какъ Іоаннъ съ Новымгородомъ" (пис. къ Погодину въ дек. 1830). Съ другой стороны Пушкинъ отнюдь не стоялъ за ту „правильность" поэтическаго языка, которая обезцвѣчиваетъ языкъ. Вотъ напр. его отзывъ о стихотвореніяхъ одного изъ лицеистовъ 1829 года, Деларю: „Деларю слишкомъ гладко, слишкомъ правильно, слишкомъ чопорно пишетъ для молодого лицеиста. Въ немъ не вижу я никакого творчества, а много искусства. Это второй томъ Подолинскаго. Впрочемъ, можетъ быть, онъ и разовьется" (пис. Плетневу въ апр. 1831) [13]). Въ той же чопорности упрекаетъ Пушкинъ В. И. Панаева (см. ниже № 19, вын.).

Въ замѣткѣ своей о слогѣ Пушкинъ касается легкой прозы (преимущественно описательной и повѣствовательной) и языка поэтическаго. Чтó касается отвлеченнаго языка прозы философской, то его мнѣніе объ этомъ узнаемъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому (13 іюня 1825): „Когда-нибудь должно же вслухъ сказать, что русскій метафизическій языкъ находится у насъ еще въ дикомъ состояніи. Дай Богъ ему когда-нибудь образоваться на подобіе французскаго (яснаго, точнаго языка прозы, т. е. языка мыслей)".

Напеч. впервые въ Р. С. 1884. V. 329.

---

[5]) Въ печатномъ текстѣ „Водопада" кн. Вяземскаго: „Но ты, созданье тайно бури".

[6]) Стихъ этотъ не былъ измѣненъ кн. Вяземскимъ.

[7]) Стихъ: „Ты не зерцало ихъ лазури" оставленъ безъ измѣненія.

[8]) По исправленіи, строфа получила такой видъ:

Противорѣчіе природы,
Подъ грознымъ знаменемъ тревогъ,
Въ залогѣ вѣчной непогоды
Ты бытія пріялъ залогъ.

[9]) Эта метафора исключена кн. Вяземскимъ.

[10]) Строфа получила такой видъ:

Ворвавшись въ сей предѣлъ спокойный,
Одинъ свирѣпствуешь въ глуши,
Какъ вдоль пустыни вихорь знойный,
Какъ страсть въ святилищѣ души.

[11]) По исправленіи:

Какъ ты, внезапно разразится,
Какъ ты, растетъ она въ борьбѣ,
Терзаетъ лоно, гдѣ родится,
И поглощается въ себѣ.

[12]) См. ниже разборъ ея.

[13]) Сюда должно отнести и слѣдующія стихи XXVIII строфы III главы Онѣгина, конечно серьезное основаніе ихъ, скрытое подъ покровомъ шутки:

Какъ устъ румяныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошибки
Я русской рѣчи не люблю.

Д'Аламберъ [14]) сказалъ однажды Лагарпу [15]): „Не выхваляйте мнѣ Бюффона [16]). Этотъ человѣкъ пишетъ: „благороднѣйшее изо всѣхъ (пріобрѣтеній?) человѣка было сіе животное гордое, пылкое“ и проч. Зачѣмъ просто не сказать: „лошадь“? [17]). Лагарпъ удивляется сухому разсужденію философа, но д'Аламберъ очень умный человѣкъ и, признаюсь, я почти согласенъ съ его мнѣніемъ. Замѣчу мимоходомъ, что дѣло шло о Бюффонѣ, великомъ живописцѣ природы. Слогъ его, цвѣтущій, полный, всегда будетъ образцомъ описательной прозы... Но что́ сказать объ нашихъ писателяхъ, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самыя обыкновенныя, думаютъ оживить дѣтскую прозу дополненіями и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажутъ дружба, не прибавивъ: „сіе священное чувство, коего благородный пламень“ и пр. Должно бы сказать: рано поутру, а они пишутъ: „едва первые лучи восходящаго солнца озарили восточные края лазурнаго неба“. Какъ это все ново и свѣжо! развѣ оно лучше потому только, что длиннѣе?

Читаю отчетъ новаго любителя театра: „Сія юная питомица Таліи и Мельпомены, щедро одаренная Апол....“ Боже мой! а поставь: „эта молодая хорошая актриса, и продолжай (такъ же?)“, — будь увѣренъ, что никто не замѣтитъ твоихъ выраженій, никто спасибо не скажетъ. И развѣ завистливый зоилъ, коего неусыпная зависть изливаетъ усыпительный свой ядъ на лавры русскаго Парнаса, коего утомительная тупость (или глупость) можетъ только сравниться съ неутомимой злостію... Боже мой! зачѣмъ просто не сказать лошадь, не короче ли?

Вольтеръ можетъ почесться прекраснымъ образцомъ благороднѣйшаго слога. Онъ осмѣялъ въ своемъ... изысканность выраженій Фонтенеля [18]), который никогда не могъ ему того простить“ [a] *).

Точность, опрятность — вотъ первыя достоинства прозы. Она требуетъ мыслей и мыслей; блестящія выраженія ни къ чему не служатъ; стихи — дѣло другое (впрочемъ въ нихъ не мѣшало бы нашимъ поэтамъ имѣть сумму идей гораздо позначительнѣе, чѣмъ у нихъ обыкновенно; съ воспоминаніями о протекшей юности литература наша далеко не подвинется).

*) Кстати о слогѣ: должно ли въ семъ случаѣ сказать: „не могъ ему“ и пр. или („не могъ ему простить *справедливыхъ* насмѣш*екъ?*) Кажется, что слова сіи зависятъ не отъ глагола *могъ*, управляемаго частицею *не*, но отъ неопредѣленнаго наклоненія *простить*, требующаго винительнаго надежа [19]). Впрочемъ Н. М. (Карамзинъ) пишетъ иначе. *(Выноска Пушкина).*

[a] простить его справедливыя насмѣшки *(первонач., зачеркнуто).*

[14]) Д'Аламберъ—см. т. I, № 1, вып. 1.

[15]) Лагарпъ—id. № 4, вып. 17.

[16]) Ж. Л. Леклеркъ гр. де Бюффонъ (1707—1788) — знаменитый фр. естествоиспытатель и писатель, авторъ „Естественной исторіи“ (1749—1767). Въ 15 томахъ этого труда находятся: Теорія земли, Общія размышленія о животныхъ, Исторія человѣка, Исторія домашнихъ животныхъ, Исторія птицъ, Исторія минераловъ, Эпохи природы.

[17]) Ср. ниже замѣчаніе о словахъ „помостъ“ и „корова“ (въ 9 замѣткѣ № 14).

[18]) О Фонтенелѣ см. „Избр. соч. Карамзина“, I, 79.

[19]) Пушкинъ не разъ возвращается къ этому синтактическому вопросу. См. замѣтку его о своемъ стихѣ: „Два вѣка ссорить не хочу“) въ „Критическихъ замѣткахъ“ 1830—1831 г. (ниже № 36).

Вопросъ: чья проза лучшая въ нашей литературѣ? Отвѣтъ: Карамзина [20]). Это еще похвала небольшая. Скажемъ нѣсколько словъ о семъ почтен.... [21]).

2.

Письмо къ издателю „Сына Отечества".

(1824).

Вмѣсто предисловія къ 1-му изд. „Бахчисарайскаго Фонтана" былъ помѣщенъ прозаическій „Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго острова" кн. Вяземскаго. (Выдержки изъ этого разговора см. т. II, стр. 97).

Въ письмѣ своемъ къ кн. Вяземскому изъ Одессы отъ 8 марта 1824 г. Пушкинъ писалъ: „Жду съ нетерпѣніемъ моего Фонтана, т. е. твоего предисловія", а въ слѣдующемъ письмѣ (въ мартѣ же или апрѣлѣ) сообщаетъ уже свое впечатлѣніе отъ „Разговора": „Не знаю, какъ тебя и благодарить. Разговоръ—прелесть: какъ мысли, такъ и блистательный образъ ихъ выраженія. Сужденія неоспоримы. Слогъ твой чудесно шагнулъ впередъ... Знаешь ли что? Твой Разговоръ болѣе для Европы, чѣмъ для Руси. Ты правъ въ отношеніи къ романтической поэзіи. Но старая классическая, на которую ты нападаешь, полно существуетъ ли у насъ? Это еще вопросъ. Повторяю тебѣ, что Дмитріевъ [1]), несмотря на все старое свое вліяніе, не имѣетъ, не долженъ имѣть болѣе вѣсу, чѣмъ Херасковъ или дядя Вас. Львов. Развѣ онъ одинъ представляетъ въ себѣ классическую нашу словесность..? И чѣмъ онъ классикъ? Гдѣ его трагедіи, поэмы дидактическія

---

[20]) Въ письмахъ своихъ Пушкинъ выражаетъ одобреніе также прозѣ кн. Вяземскаго. (См. ниже о „блистательномъ образѣ выраженія мыслей въ „Разговорѣ издателя съ классикомъ" и въ „Мелкихъ замѣткахъ 1829—1831 № 42). Такъ въ письмѣ къ нему отъ 13 іюля 1825 г. онъ пишетъ: „Сейчасъ прочелъ твои замѣчанія на замѣчанія Дениса (Давыдова) на замѣчанія Наполеона (т. е. статью кн. Вяземскаго „О разборѣ трехъ статей, помѣщенныхъ въ запискахъ Наполеона" въ № 12 „Моск. Телегр.". Чудо-хорошо! Твой слогъ живой и оригинальный тутъ еще живѣе и оригинальнѣе. Ты хорошо сдѣлалъ, что заступился явно за галлицизмы". Послѣднія слова относятся къ слѣдующему мѣсту статьи кн. Вяз.: „Если въ оборотахъ рѣчей найдутся (у Д. Давыдова) галлицизмы, то по крайней мѣрѣ сабля, очинившая перо нашего военнаго писателя, чужда сего упрека и должна обезоружить строгость Аристарховъ, которые готовы защищать нашъ языкъ отъ чужеземнаго язычества съ такимъ же упорствомъ и энтузіазмомъ, съ какимъ наши воины обороняли отъ него нашу землю. Усердіе похвальное! Пусть цѣлость нашего языка будетъ равно священна, какъ и неприкосновенность нашихъ границъ; но позвольте спросить: развѣ и завоеванія наши почитать за нарушеніе этой драгоцѣнной цѣлости? Не забудемъ, что языкъ политическій, языкъ военный — скажу наотрѣзъ — языкъ мысли вообще, мало и немногими у насъ обработанъ. Хорошо не затѣвать новизны тѣмъ, коимъ не зачѣмъ выходить изъ колеи и выпускать вдаль умъ домовитый и ручной; но повторяю: новые набѣги въ область мыслей требуютъ часто и новаго порядка. Отъ нихъ книжный синтаксисъ, условная логика частнаго языка могутъ пострадать, но есть синтаксисъ, но есть логика общаго ума, которые, не во гнѣвъ ученымъ будь сказано, также существуютъ".

Пушкинъ раздѣлялъ эти мнѣнія кн. Вяземскаго. Они выражены имъ еще рѣшительнѣе въ вышеупомянутомъ письмѣ къ Бестужеву (30 ноября 1825 г.). Онъ былъ, какъ и кн. Вяземскій, воспитанъ воззрѣніями Арзамаса.

Изъ русскихъ поэтовъ Пушкинъ, кромѣ Жуковскаго, наиболѣе цѣнилъ слогъ Языкова и Баратынскаго (пис. 9 ноября 1826 кн. Вяземскому и 20 іюля 1826 бар. Дельвигу).

[21]) Замѣтка на этомъ прерывается. Въ рукописи она не имѣетъ заглавія.

[1]) т. е. Ив. Ив. Дмитріевъ.

или эпическія? Развѣ классикъ въ посланіяхъ къ Севериной [2], да въ эпиграммахъ, переведенныхъ изъ Гиппара? Мнѣнія Вѣстника Европы не можно почитать за мнѣнія: на Благонамѣреннаго сердиться невозможно. Гдѣ же враги романтической поэзіи? Гдѣ столбы классической? Обо всемъ этомъ поговоримъ на досугѣ".

Между тѣмъ въ „Вѣстникѣ Европы" появился „Второй разговоръ между издателемъ и классикомъ" Мих. А. Дмитріева (В. Е. 1824, № 5), изъ котораго въ своемъ „Письмѣ къ издателю" Пушкинъ и дѣлаетъ выписку. Такимъ образомъ завязался въ московской журналистикѣ споръ о классицизмѣ и романтизмѣ.

Кн. Вяземскій отвѣчалъ статьею „О литературныхъ мистификаціяхъ" въ Дамскомъ Журналѣ 1824, № 7. Дмитріевъ въ В. Е., № 7 помѣстилъ „Отвѣтъ на статью о литературныхъ мистификаціяхъ". Кн. Вяземскій разобралъ „Второй разговоръ" (Д. Ж., № 8). Дмитріевъ возражалъ снова (В. Е., № 8) и вызвалъ „Мое послѣднее слово" кн. Вяземскаго (Д. Ж., № 9).

„Споръ о классицизмѣ и романтизмѣ", замѣчаетъ г. Анненковъ (Мат. 103), „занесенъ къ намъ былъ изъ Франціи и, кажется, потерялъ на пути свою серьезную и ученую сторону. Извѣстно, что первое основаніе для послѣдующихъ преній положили нѣмцы еще въ прошломъ столѣтіи сравнительной критикой различныхъ литературъ: древнихъ, восточныхъ и старо-европейскихъ. Критика эта уже очистила путь двумъ самостоятельнымъ поэтамъ Германіи — Шиллеру и Гёте; но въ другихъ странахъ, невполнѣ переданная и оцѣненная, породила ту литературу *поддѣлокъ*, которая еще недавно казалась высшей степенью искусства. Къ намъ перешли только одни опредѣленія романтизма изъ вторыхъ рукъ, изъ Франціи, а первоначальная работа науки, которая одна и могла объяснить сущность самого дѣла, — была пренебрежена. Отсюда тотъ недостатокъ почвы, дѣльнаго содержанія, какіе чувствуются у насъ въ большей части статей этой эпохи по предмету, раздѣлившему литературу на двѣ враждебныя партіи. Всего чаще, напримѣръ, вопросъ о романтизмѣ представляется критикамъ чѣмъ-то въ родѣ любопытной новости, почти какъ извѣстіе о неожиданномъ случаѣ, и такъ ими и обсуживается. Произвольное пониманіе его, смотря по случайностямъ личныхъ впечатлѣній каждаго автора или критика, было уже въ порядкѣ вещей. Такимъ образомъ иные объясняли его своенравіемъ мысли, скучающей положительными законами искусства, а сущность его опредѣляли смѣсью *мрачности съ сладострастіемъ, быстроты разсказа съ неподвижностію дѣйствія, пылкости страстей съ холодностью характеровъ* (Вѣстн. Евр. 1824, № 4). Другіе отстаивали право генія и таланта творить на-перекоръ теоріямъ, и поясняли направленіе тѣмъ высокимъ наслажденіемъ, *„въ которомъ человѣкъ, упоенный очаровательнымъ восторгомъ, не можетъ, не смѣетъ дать отчета самому себѣ въ своихъ чувствахъ"*, и прибавляли: *„въ неопредѣленномъ, неизъяснимомъ состояніи сердца человѣческаго заключена и тайна и причина такъ называемой романтической поэзіи"* (Моск. Телегр. 1825, № 5). Иные еще полагали истинное содержаніе романтизма въ мѣстныхъ краскахъ и народности, о которой однако никто особенно не распространялся, по неимѣнію яснаго понятія о самомъ словѣ. Мы могли бы представить еще болѣе выписокъ для подтвержденія нашего мнѣнія, но ограничиваемся тѣми, которыя приведены здѣсь. Текущія явленія словесности, требованія немедленной оцѣнки, еще болѣе затемняли дѣло. Были у насъ романтики, восхищавшіеся эпопеями Хераскова и его подражателей, составившіе особый отдѣлъ классическихъ романтиковъ, представителемъ которыхъ сдѣ-

---

[2]) Матери Дм. Петр. Северина (род. † 1792), русскаго дипломата.

лался журналъ кн. В. Одоевскаго: „Мнемозина“, и были такіе романтики, которые упрекали В. А. Жуковскаго за наклонность его къ повѣрьямъ, за мечтательность, неопредѣленность и туманность его поэзіи. Пушкинъ весьма остроумно и колко сравнивалъ послѣднихъ съ ребенкомъ, кусающимъ грудь своей кормилицы потому только, что у него зубки прорѣзались. Онъ самъ не могъ избавиться отъ прихотливыхъ толкованій собственныхъ друзей, и принужденъ былъ объяснять смыслъ своихъ стихотвореній обычнымъ своимъ поклонникамъ, приходившимъ въ тупикъ отъ неожиданности какъ содержанія, такъ и пріемовъ ихъ.

„Любопытно знать, въ какомъ отношеніи состоялъ Пушкинъ къ обѣимъ враждующимъ сторонамъ, и какъ понималъ литературный споръ въ глубинѣ собственной мысли. Никто тогда еще и не подозрѣвалъ, что его произведенія вскорѣ сдѣлаютъ споръ этотъ анахронизмомъ, и замѣнятъ оба понятія, соединенныя съ именами классицизма и романтизма, новымъ и гораздо высшимъ понятіемъ творчества и художественности, отыскивающихъ законы для себя, въ самихъ себѣ. Онъ понималъ сущность дѣла весьма просто, полагая разницу между обоими родами произведеній только въ *формѣ ихъ* и говоря, что если различать ихъ *по духу,* то нельзя будетъ выпутаться изъ противорѣчій и насильственныхъ толкованій. Вотъ что писалъ онъ для самого себя о вопросѣ, занимавшемъ тогда литературу нашу: „Наши критики не согласились еще въ ясномъ различіи между родами классическимъ и романтическимъ. Сбивчивымъ понятіемъ о семъ предметѣ обязаны мы французскимъ журналистамъ, которые, обыкновенно относятъ къ романтизму все, что имъ кажется ознаменованнымъ печатью мечтательности и германскаго идеологизма или основаннымъ на предразсудкахъ и преданіяхъ простонародныхъ. Опредѣленіе самое неточное. Стихотвореніе можетъ являть всѣ эти признаки, а между тѣмъ принадлежать къ роду классическому. Къ сему роду должны относиться тѣ стихотворенія, коихъ *формы* извѣстны были грекамъ и римлянамъ, или коихъ образцы они намъ оставили. Если же, вмѣсто формы стихотворенія, будемъ брать за основаніе только *духъ,* въ которомъ оно написано, то никогда не выпутаемся изъ опредѣленій. Гимнъ Пиндара духомъ своимъ конечно отличается отъ оды Анакреона, сатира Ювенала отъ сатиры Горація, Освобожденный Іерусалимъ отъ Энеиды — всѣ они однакожъ принадлежатъ къ роду классическому. Какіе же роды стихотвореній должно отнести къ поэзіи романтической? Тѣ, которые не были извѣстны древнимъ, и тѣ, въ коихъ прежнія формы измѣнились или замѣнены другими“.

„Это простое, не хитрое опредѣленіе“, продолжаетъ Анненковъ, „обнаруживаетъ вообще малую способность Пушкина къ теоретическимъ тонкостямъ, что доказалъ онъ многими примѣрами и впослѣдствіи. Чрезвычайно мѣткій въ оцѣнкѣ всякаго произведенія, даже и своего собственнаго, онъ былъ чуждъ по природѣ той тяжелой работы мысли, какую требуетъ отвлеченная теорія искусства. Часто не хотѣлъ онъ доискиваться значенія идеи, вѣрность которой только чувствовалъ, и отрывочно бросалъ ее на бумагу въ своихъ тетрадяхъ. И вотъ примѣръ:

„Пушкина называли романтикомъ, и онъ самъ себя называлъ романтикомъ, но подъ этимъ словомъ въ умѣ его таилось совсѣмъ другое пониманіе. Такъ, онъ постоянно употребляетъ въ письмахъ къ друзьямъ выраженіе: *романтическое произведеніе,* но видимо соединяетъ съ нимъ значеніе творческаго созданія, не принадлежащаго къ какой-либо системѣ или одностороннему воззрѣнію. Другого выраженія для истинной своей мысли онъ не находилъ, да, вѣроятно, и не искалъ. Всѣмъ извѣстное и принятое слово обозначило у него понятіе, о которомъ еще немногіе тогда думали... Такъ, онъ безпрестанно

пишетъ: „Я хотѣлъ бы написать что-нибудь истинно *романтическое*". Въ другой разъ онъ говоритъ: „Важная вещь! я написалъ трагедію и очень ею доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать—робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго *романтизма* [3])... Сколько я ни читалъ о романтизмѣ—все не то". За этими простыми замѣтками можно различить мысль о художническомъ произведеніи; но онъ никогда не разбиралъ ея, предоставляя выразить вполнѣ только своимъ созданіямъ. Дѣйствительно, они ясно указали законы, на которыхъ должна основываться истинная теорія искусства, и сдѣлали изъ Пушкина настоящаго учителя изящнаго и воспитателя эстетическаго вкуса въ обществѣ".

Пушкинъ въ спорѣ между кн. Вяземскимъ и М. Дмитріевымъ не участвовалъ. Онъ ограничился своимъ „Письмомъ къ издателю „Сына Отечества" и только для того, чтобы очистить кн. Вяземскаго отъ упрека въ томъ, что онъ будто бы своимъ „Разговоромъ" оказалъ Пушкину медвѣжью услугу, о которой „самъ авторъ пожалѣетъ".

Пушкинъ заклеймилъ уже позднѣе редактора Вѣстника Европы своей эпиграммою: „Живъ, живъ курилка журналистъ" (см. т. I, № 112, стр. 216). Посылая эту эпиграмму въ письмѣ къ брату Льву въ началѣ апрѣля 1825 г., онъ выразилъ желаніе ознакомиться со всѣмъ споромъ: „Пришли мнѣ тотъ № Вѣстника Европы, гдѣ напечатанъ Второй разговоръ лже-Дмитріева (такъ называетъ онъ М. А. Дмитріева въ отличіе отъ Ив. Ив.); это мнѣ нужно для предисловія къ Бахч. Фонтану. Не худо бы мнѣ переслать и весь процессъ" (Вѣстникъ и Дамскій Журналъ). „Мнѣ грустно, мой милый", писалъ Пушкинъ кн. Вяземскому 29 іюня, не встрѣчая болѣе статей его, „что ты ничего не пишешь. Кто жъ будетъ писать? М. Дмитріевъ да А. Писаревъ? Хороши! Если бы покойникъ Байронъ связался съ полупокойникомъ Гете, то и тутъ бы Европа не шевельнулась, чтобъ ихъ стравить, поддразнить, или окатить холодной водой. Вѣкъ полемики миновалъ. Для кого же занимательно мнѣніе Дмитріева о мнѣніи Вяземскаго, или мнѣніе Писарева о самомъ себѣ? Я принужденъ былъ вмѣшаться, ибо призванъ былъ въ свидѣтели М. Дмитріевымъ, но болѣе не буду".

Пушкинъ касается романтизма и классицизма въ своихъ замѣткахъ 1825 г. (См. ниже № 10 и 11). Въ перепискѣ своей касаясь французскихъ новѣйшихъ писателей, Пушкинъ не находилъ у нихъ достаточной свободы отъ лжеклассицизма и предсказывалъ во Франціи появленіе поэта, который „ударится въ такую свободу—что̀ твои нѣмцы" (4 ноября 1823 пис. къ кн. Вяз.). Тѣмъ, что̀ писалось у насъ о романтизмѣ Пушкинъ не былъ доволенъ: „Подъ романтизмомъ у насъ разумѣютъ Ламартина. Сколько я ни читалъ о романтизмѣ — все не то; даже Кюхельбекеръ вретъ" (пис. къ А. Бестужеву 30 ноября 1825).

Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ мнѣ случалось быть предметомъ журнальныхъ замѣчаній. Часто несправедливыя, часто непристойныя, иныя не заслуживали никакого вниманія; на другія издали отвѣчать было невозможно. Оправданія оскорбленнаго авторскаго самолюбія не могли быть занимательны для публики; я молча предполагалъ исправить въ новомъ изданіи недостатки, указанные мнѣ какимъ бы то ни было образомъ, и съ живѣйшей благодарностію читалъ изрѣдка лестные похвалы и одобренія, чувствуя, что не одно, довольно слабое, достоинство моихъ стихотвореній давало поводъ благородному изъявленію снисходительности и дружелюбія.

[3]) О названіи „Бориса Годунова" трагедіей *романтической* см. т. III, стр. 8.

Нынѣ нахожусь въ необходимости прервать молчаніе. Кн. П. А. Вяземскій, предприпявъ изъ дружбы ко мнѣ изданіе „Бахчисарайскаго Фонтана", присоединилъ къ оному „Разговоръ между издателемъ и антиромантикомъ"[1] — разговоръ, вѣроятно вымышленный: по крайней мѣрѣ, если между нашими печатными классиками многіе силою своихъ сужденій сходствуютъ съ классикомъ Выборгской стороны, то, кажется, ни одинъ изъ нихъ не выражается съ его остротой и свѣтской вѣжливостью.

Сей разговоръ не понравился одному изъ судей нашей словесности. Онъ напечаталъ въ 5 № Вѣстника Европы второй разговоръ между издателемъ и классикомъ, гдѣ, между прочимъ, прочелъ я слѣдующее:

„Изд. Итакъ разговоръ мой вамъ не нравится?— Класс. Признаюсь, что вы напечатали его при прекрасномъ стихотвореніи Пушкина; думаю, и самъ авторъ объ этомъ пожалѣетъ".

Авторъ очень радъ, что имѣетъ случай благодарить князя Вяземскаго за прекрасный его подарокъ. „Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго острова" писанъ болѣе для Европы вообще, чѣмъ исключительно для Россіи, гдѣ противники романтизма слишкомъ слабы и незамѣтны, и не стоятъ столь блистательнаго отраженія.

Не хочу, или не имѣю права, жаловаться по другому отношенію, и съ искреннимъ смиреніемъ принимаю похвалы извѣстнаго критика.

Одесса. Александръ Пушкинъ.

3.

О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности.

(1824).

Въ письмѣ къ кн. Вяземскому (въ мартѣ или апрѣлѣ 1824 г.). Пушкинъ писалъ между прочимъ: „Читая твои критическія сочиненія и письма, я и самъ собрался съ мыслями и думаю надняхъ написать кое-что о нашей бѣдной словесности, о вліяніи Ломоносова, Карамзина, Дмитріева и Жуковскаго. Авось и тисну".

Слѣдующій за симъ отрывокъ и есть начало этой статьи, задуманной Пушкинымъ, но не оконченной и не озаглавленной самимъ авторомъ.

Напеч. впервые въ изд. Анненкова. Исправленія въ изд. О. д. п. н. л. и у. V, 19.

Причинами, замедлившими ходъ нашей словесности, обыкновенно почитаются: 1-е, общее употребленіе французскаго языка и пренебреженіе русскаго. Всѣ наши писатели на то жаловались, но кто же виноватъ, какъ не они сами? Исключая тѣхъ, которые занимаются стихами, русскій языкъ ни для кого еще не можетъ быть довольно привлекателенъ; у насъ нѣтъ еще ни словесности, ни книгъ; всѣ

---

[1]) Замѣна здѣсь слова „классикъ" словомъ „антиромантикъ" понятна, если принять во вниманіе, что Пушкинъ, недовольный дѣленіемъ поэзіи на „классическую и романтическую" и видѣвшій хорошо всю запутанность такого дѣленія, далъ этимъ понять, что не доволенъ примѣненіемъ этой терминологіи къ русской литературѣ, какъ онъ далъ понять это въ вышеприведенномъ письмѣ своемъ къ кн. Вяземскому.

наши знанія, всѣ наши понятія съ младенчества почерпнули мы въ книгахъ иностранныхъ; мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ [1]). Просвѣщеніе вѣка требуетъ важныхъ предметовъ для пищи умовъ, которые уже не могутъ довольствоваться блестящими игрушками, но ученость, политика, философія по-русски еще не изъяснялись. Проза наша еще такъ мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать обороты для понятій самыхъ обыкновенныхъ, и лѣность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, коего механическія формы давно уже готовы и всѣмъ извѣстны. Но, скажутъ мнѣ, русская поэзія достигла высокой степени образованности. Согласенъ, что нѣкоторыя оды Державина, несмотря на неправильность языка и неровность слога, исполнены порывами генія, что въ „Душенькѣ" Богдановича встрѣчаются стихи и цѣлыя страницы, достойныя Лафонтена, что Крыловъ превзошелъ всѣхъ намъ извѣстныхъ баснописцевъ, исключая, можетъ быть, того же самаго Лафонтена, что Батюшковъ, счастливый сподвижникъ Ломоносова, сдѣлалъ для русскаго языка то же самое, что̀ Петрарка для итальянцевъ, что Жуковскаго перевели бы на всѣ языки, если бы онъ самъ менѣе переводилъ...

4.
О вдохновеніи и восторгѣ.
(1824).

Въ „Мнемозинѣ" 1824 г. явилась статья „О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической въ послѣднее десятилѣтіе". Сочинитель ея принадлежалъ къ „романтикамъ" и осуждалъ элегіи вообще и элегіи Пушкина въ особенности, какъ мелочной родъ поэзіи, не выдерживающій сравненія съ пареніемъ оды. Мѣриломъ художническаго достоинства обоихъ родовъ онъ принялъ восторгъ и пришелъ къ заключенію, что въ одѣ гораздо болѣе поэзіи, чѣмъ въ элегіи.

Этими мыслями и вызвана замѣтка Пушкина о вдохновеніи и восторгѣ. Въ рукописи она не имѣла заглавія.

Напеч. впервые въ „Матеріалахъ" Анненкова (1855).

Критикъ смѣшиваетъ вдохновеніе съ восторгомъ. Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи. Вольтеръ исключаетъ спокойствіе — необходимое условіе прекраснаго [2]). Восторгъ не предполагаетъ силы ума, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвесть истинное, великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества. Она исключаетъ постоянный трудъ, безъ коего нѣтъ истинно великаго. Трагедія, комедія, сатира — всѣ болѣе ея требуютъ творчества, fantaisie, воображенія, знанія природы. И плана не можетъ быть въ одѣ! Единый планъ Дантова „Ада" есть уже плодъ

---

[1]) См. выше, стр. 7.

[2]) Ср. стихъ: „Прекрасное должно быть величаво".

высокаго генія! Какой планъ въ одахъ Пиндара? Какой планъ въ „Водопадѣ“, лучшемъ произведеніи Державина?

5.

О г-жѣ Сталь и г-нѣ Мухановѣ.

(1825).

Анна Луиза Жерменъ баронеса Сталь-Гольштейнъ (m-me Staël) (1766—1817), дочь Неккера [1]), рано проявила любознательный умъ. Еще ребенкомъ дѣлала она извлеченія изъ Монтескьё и другихъ философовъ и писала повѣсти, театральныя піески и стихи. Въ сочиненіяхъ Руссо нашла она подкрѣпленіе своего настроенія—грустной восторженности къ природѣ, любви, дружбѣ, къ генію и несчастію. Но уже тогда къ меланхоліи ея присоединилась живость, подвижность ума. Въ 1786 г. вышла она замужъ за барона ф. Сталь-Гольштейнъ. Событія осьмидесятыхъ годовъ увлекли ее въ политику. Она составила планъ бѣгства королю Людовику XVI и не задумалась явиться передъ революціоннымъ комитетомъ защитницею королевы. Послѣ сентябрьскихъ дней 1790 г. она оставила Парижъ и отправилась къ отцу, въ родовое его имѣніе, Коппетъ, на Женевскомъ озерѣ. Когда г-жа Сталь возвратилась съ мужемъ въ Парижъ, салонъ ихъ сдѣлался важнымъ общественнымъ центромъ. Въ немъ группировались противники односторонняго господства политики вообще. Въ своемъ „Essai sur les fictions“ (1795) г-жа Сталь опредѣлила задачу романа и всякой поэзіи—анализировать страсти, и указала важность общественнаго романа. Въ основѣ ея собственнаго перваго романа „Дельфина“ (1802), (по эпистолярной формѣ и тону представляющемъ подражаніе „Новой Элоизѣ“ Руссо), лежитъ презрѣніе къ тому, что обыкновенно называютъ „общественнымъ мнѣніемъ“.

Наполеонъ, оскорбленный частію ея эпиграммами, частію сочиненіемъ Неккера „Послѣдніе виды политики и финансовъ“, издалъ въ 1803 г. декретъ объ изгнаніи г-жи Сталь изъ Франціи. Она отправилась въ Германію, гдѣ изучила нѣмецкую поэзію и философію въ Веймарѣ, Іенѣ и Берлинѣ. По смерти отца въ 1804 г. она поселилась въ Коппетѣ, гдѣ около нея собралось общество поэтовъ и ученыхъ. А. В. Шлегель [2]), Бенжаменъ-Констанъ [3]), Бонштеттенъ [4]), Сисмонди [5]), Барантъ [6]), иногда Зах. Вернеръ [7]) и Шамиссо [8]) составляли этотъ кругъ, гдѣ общество собиралось по вечерамъ, при чемъ каждый долженъ былъ приготовить что-нибудь „умное“.

Плодомъ ея поѣздки въ Италію явился второй ея романъ: „Коринна, или

---

[1]) О Неккерѣ см. „Избр. соч. Кар.“ I.

[2]) См. т. III, стр. 7.

[3]) См. т. IV, стр.

[4]) К. В. ф. Бонштеттенъ (1745—1832)—авторъ соч.: „О національномъ образованіи“ (1802), „Изученіе человѣка“ (1821) „Человѣкъ юга и сѣвера“ (1824).

[5]) Джіованни Карло Сисмонди (1773—1842—политико-экономъ и историкъ, авторъ „Исторіи итал. республикъ въ средніе вѣка“ (1809—1818), „Возрожденія свободы въ Италіи“ (1832), „О южно-европейской литературѣ“ (1829), „Исторіи паденія Римской имперіи“ (1835) и „Исторіи Франціи“, доведенной до 29 тома (1821—1842).

[6]) Барантъ бар. (1782—1866)—франц. государственный человѣкъ, историкъ и публицистъ, авторъ „Исторіи Бургундскихъ герцоговъ дома Валуа (1824—1826), „Исторіи національной конвенціи (1851—1853), „Исторіи директоріи и фр. республики“ (1855), „Парламента и фронды“ (1859) и переводчикъ драмъ Шиллера (1821).

[7]) См. т. III, стр. 100.

[8]) Адальберъ де Шамиссо (1781—1838)—нѣм. поэтъ и натуралистъ—авторъ извѣстной сказки „Петръ Шлемиль“ и „Путешествія по свѣту“.

Италія" (1808), который доставилъ ей имя перваго поэта Франціи наряду съ Шатобріаномъ. Блестящая сторона романа — восторженное изображеніе италіанской жизни. Героиня его—знаменитая женщина-импровизаторъ, увѣнчанная въ Капитоліи пѣвица, родомъ изъ Англіи.

Сочиненіе г-жи Сталь „О Германіи" (1810), навлекшее на нее изгнаніе изъ Берлина, представляетъ вѣрную характеристику нѣмцевъ, ихъ поэзіи, философіи. Появленіе этой книги (уже по паденіи Наполеона, въ Англіи 1813) произвело эпоху во французской литературѣ: оно положило начало позднѣйшей романтической школѣ во Франціи. Вмѣстѣ съ книгою „О литературѣ, въ ея отношеніи къ общественнымъ учрежденіямъ", гдѣ г-жа Сталь осуждаетъ формализмъ и матеріализмъ французской литературы и узаконяваетъ гармонію между литературой и жизнью, сочиненіе это произвело сильное и благотворное вліяніе на развитіе французовъ.

Въ 1812 г. г-жа Сталь предприняла поѣздку въ Россію, была въ Москвѣ и Петербургѣ, потомъ въ Стокгольмѣ, гдѣ она издала новое сочиненіе: „Десять лѣтъ изгнанія". Вторая реставрація призвала ее въ Парижъ, гдѣ она и умерла въ 1817 году.

Нѣкоторыя строки ея „Десяти лѣтъ изгнанія" вызвали безтактное нападеніе А. А. Муханова въ „Сынѣ Отечества (1825, № 10, съ подписью: М.). Слѣдующая ниже статья Пушкина, явившаяся въ „Моск. Телеграфѣ" 1825, № 12, была отвѣтомъ на него. Потомъ, 15 сентября, Пушкинъ писалъ кн. Вяземскому: „Жалѣю, что о Staël писалъ Мухановъ (или адъютантъ Раевскаго): онъ мой пріятель, и я бы не тронулъ его, а все же онъ виноватъ. M-me Staël наша — не тронь ея. Впрочемъ я пощадилъ его".

Впослѣдствіи (1831) Пушкинъ въ своемъ „Рославлевѣ" (см. т. IV, стр. 150) живо воспроизвелъ сцену пребыванія г-жи Сталь въ Москвѣ, сопоставя съ ней, наряду съ ничтожнымъ обществомъ, превосходный образъ мыслящей и благородно чувствующей русской дѣвушки.

О статьѣ своей „О г-жѣ Сталь и г. Мухановѣ" Пушкинъ увѣдомлялъ 13 іюля кн. Вяземскаго такъ: „За твоей статьею (о замѣчаніяхъ на статью Д. Давыдова) слѣдуетъ моя о M-me Staël, но не разглашай этого: тутъ есть одно великодушіе, поставленное во 1-хъ ради цензуры, а во 2-хъ ради вящшаго анонима".

Изъ всѣхъ сочиненій г-жи Сталь, книга: „Десятилѣтнее изгнаніе" должна была преимущественно обратить на себя вниманіе русскихъ. Взглядъ быстрый и проницательный, замѣчанія разительныя по своей новости и истинѣ, благодарность и доброжелательство, водившія перомъ сочинительницы — все приноситъ честь уму и чувствамъ необыкновенной женщины. Вотъ что сказано объ ней въ одной рукописи: „Читая ея книгу Dix ans d'éxil, можно видѣть ясно, что тронутая ласковымъ пріемомъ русскихъ бояръ, она не высказала всего, что бросилось ей въ глаза *). Не смѣю въ томъ укорять краснорѣчивую, благородную чужеземку, которая первая отдала полную справедливость русскому народу, вѣчному предмету невѣжественной клеветы писателей иностранныхъ". Эта снисходительность, которую не смѣетъ порицать авторъ рукописи, именно и составляетъ главную прелесть той части книги, которая посвящена описанію нашего отечества. Г-жа Сталь оставила Россію какъ свя-

*) Рѣчь идетъ о большомъ обществѣ петербургскомъ прежде 1812 года. *А. П.*

щенное убѣжище, какъ семейство, въ которое она была принята съ довѣренностію и радушіемъ. Исполняя долгъ благороднаго сердца, она говоритъ объ насъ съ уваженіемъ и скромностію, съ полнотою душевною хвалитъ, порицаетъ осторожно, не выноситъ сора изъ избы. Будемъ же и мы благодарны знаменитой гостьѣ нашей: почтимъ ея славу юпамять, какъ она почтила гостепріимство наше...

Изъ Россіи г-жа Сталь ѣхала въ Швецію по печальнымъ пустынямъ Финляндіи. Въ преклонныхъ лѣтахъ, удаленная отъ всего милаго ея сердцу, семь лѣтъ гонимая дѣятельнымъ деспотизмомъ Наполеона, принимая мучительное участіе въ политическомъ состояніи Европы, она не могла, конечно, въ это время (въ осень 1812 года) сохранить ясность души, потребную для наслажденія красотами природы. Не мудрено, что почернѣлыя скалы, дремучіе лѣса и озера наводили на нее уныніе.

Недоконченныя ея записки останавливаются на мрачномъ описаніи Финляндіи...

Г-нъ А. Мухановъ (Сынъ От., № 10), пробѣгая снова книжку г-жи Сталь, набрелъ на сей послѣдній отрывокъ и перевелъ его довольно тяжелою прозою, присовокупивъ къ оному слѣдующія замѣчанія на грёзы г-жи Сталь: „Не говоря уже объ обличеніи вѣтренаго легкомыслія, отсутствія наблюдательности и совершеннаго невѣдѣнія мѣстности, невольно поражающихъ читателей, знакомыхъ съ твореніями автора книги о Германіи, я въ свою очередь былъ пораженъ самымъ разсказомъ, во всемъ подобнымъ пошлому пустомельству тѣхъ щепетильныхъ французиковъ, которые, немного времени тому назадъ, являясь съ скуднымъ запасомъ свѣдѣній и богатыми надеждами въ Россію, такъ радостно принимались щедрыми и подъ-часъ неумѣстно-добродушными нашими соотечественниками (только по образу мыслей не нашими современниками)“.

Что за слогъ и что за тонъ! Какое сношеніе имѣютъ двѣ страницы „записокъ“ съ Дельфиною, Коринною, Взглядомъ на Французскую революцію и проч., и что есть общаго между щепетильными (?) французиками и дочерью Неккера, гонимою Наполеономъ и покровительствуемою великодушіемъ русскаго императора?

„Кто читалъ творенія г-жи Сталь“, продолжаетъ г-нъ А. Мухановъ, „въ коихъ такъ часто ширяется она и пр..., тому точно покажется страннымъ, какъ безпредѣльные лѣса и проч.... не сдѣлали другаго впечатлѣнія на автора Коринны, кромѣ скуки отъ единообразія!“—За симъ г-нъ А. Мухановъ ставитъ въ примѣръ самого себя. „Нѣтъ! никогда“, говоритъ онъ, „не забуду я волненія души моей, расширявшейся для вмѣщенія столь сильныхъ впечатлѣній. Всегда буду помнить утра...“ и проч.—Слѣдуетъ описаніе сѣверной природы, слогомъ совершенно отличнымъ отъ прозы г-жи Сталь.

Далѣе совѣтуетъ онъ покойной сочинительницѣ, посредствомъ какого-либо толмача, разспросить извощиковъ своихъ о точной причинѣ пожаровъ и пр.

Шутка о близости волковъ и медвѣдей къ абовскому универси-

тету отмѣнно не понравилась г-ну А. Муханову; но г-нъ А. Муханов и самъ расшутился. „Ужели“, говоритъ онъ, „четыреста студентовъ, тамъ воспитывающихся, готовятъ себя въ звѣроловы? Въ этомъ случаѣ, академію сію могла бы она точнѣе назвать псарнымъ дворомъ. Ужели г-жа Сталь не нашла другаго способа отыскивать причинъ, замедляющихъ ходъ просвѣщенія, какъ перерядившись Діаной, заставить читателя рыскать вмѣстѣ съ собою въ лѣсахъ финляндскихъ по порошамъ за медвѣдями и волками и затѣмъ ихъ искать въ берлогахъ?... Наконецъ отъ страха, наведеннаго на робкую душу нашей барыни“ и проч.

Объ этой барынѣ должно было говорить языкомъ вѣжливымъ образованнаго человѣка. Эту барыню удостоилъ Наполеонъ гоненія, монархи довѣренности, Европа своего уваженія, а г-нъ А. Муханов журнальной статейки, не весьма острой и весьма неприличной.

Уваженъ хочешь быть, умѣй другихъ уважить.

9 іюня 1825. *Ст. Ар.* [9]).

6.

О предисловіи г. Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова.

(1825).

Статья эта, помѣщенная въ „Моск. Телегр.“, 1825 г., № 17, съ подписью Н. К. (двѣ первыя согласныя обращенной фамиліи поэта: н и к ш у П, см. т. I. № 2) вызвана была появившимся въ „Сынѣ Отечества“ 1825 г., (ч. СII), переводомъ предисловія Лемонте при только что вышедшемъ въ Парижѣ французскомъ переводѣ басенъ Крылова: „Fables russes tirées du recueil de M. Kriloff, et imitées en vers français et italiens, par divers auteurs; précédées d'une Introduction française de M. Lemontey et d'une preface italienne de M. Salfi; publiées par M. le comte Orloff. Paris, 1825. 2 t. in 8. LXI, 245, 378 [1]).

Лемонте между прочимъ высказалъ такое сужденіе о Крыловѣ: „Баснями Крылова начался блестящій періодъ русской словесности. Русскіе, испытавъ силы свои въ литературѣ, которую можно назвать почти чужеземною, вдругъ увидѣли у себя и литературу совершенно народную и публику, понимающую ее. Басни Крылова, кажется мнѣ, донынѣ есть совершеннѣйшее изъ всего, чѣмъ обладаетъ невскій Парнасъ. Ни въ какомъ народѣ не было баснописца, который превзошелъ бы Крылова въ оригинальности и въ изобрѣтеніи. Почти всѣ сюжеты принадлежатъ ему. Его разсказъ въ одно время остроуменъ и добродушенъ, истиненъ и усѣянъ подробностями веселыми и замысловатыми. Съ необыкновенною способностью употребляетъ онъ мѣстныя краски, и его кисть, отличительно русская, какъ въ зеркалѣ выражаетъ намъ особливый *обликъ* народа, получившаго столько простоты отъ своей патріархальной жизни и столько свѣтской тонкости отъ своего общественнаго быта. Изобрѣтенія г. Крылова вообще исполнены чувства. Онъ рѣдко играетъ своими уроками. Въ его право-

---

[9]) т. е.: Старый Арзамасецъ.

[1]) Русскія Басни, извлеченныя изъ собранія басенъ г. Крылова, въ стихотворныхъ подражаніяхъ французскихъ и итальянскихъ, сочиненныхъ разными писателями, съ предисловіемъ французскимъ г. Лемонте и итальянскимъ г. Сальфи; изданныя гр. Орловымъ. Парижъ. 1825. 2 т.

ученіяхъ видна простота и твердость, иногда похожая на эпиграмму или на ту общую сатиру, которою вооружается добродѣтель. Его слогъ, совершенство котораго сильно чувствуютъ соотечественники, соединяетъ въ себѣ двоякую красоту, недоступную переводчикамъ: съ одной стороны онъ изобилуетъ словами подражательной гармоніи, съ другой въ немъ искусно собраны изъ простонароднаго языка выраженія особенныя, неожиданныя, которыя сами-по-себѣ возбуждаютъ множество идей, чувствъ и воспоминаній, драгоцѣнныхъ соотечественникамъ поэта".

Въ этомъ собраніи басенъ, изданномъ гр. Орловымъ, переводы принадлежатъ Дарю, Эньяну, г. и г-жѣ Жансуль, Арно, Суме, Стассару, гр. Сегюру, Андріё, графинѣ Сальмъ, Ле-Бальи, Вьенне, Рессегье, Казиміру Делавинь и Нодье, г-жѣ Амабль Тастю, Софіи Ге. Изъ итальянскихъ переводчиковъ здѣсь приняли участіе: Жіанноне, Монти, Пиндемонте, Ламиреди, Анджелони, Біонди, Риччи и Сальфи, предисловіе котораго слѣдуетъ въ книгѣ за предисловіемъ Лемонте. Русское посвященіе книги Крылову принадлежитъ самому издателю. Къ книгѣ приложенъ портретъ Крылова и пять гравированныхъ картинокъ, и она напечатана въ типографіи Дидо.

Любители нашей словесности были обрадованы предпріятіемъ графа Орлова, хотя и догадывались, что способъ перевода, столь блестящій и столь недостаточный, нанесетъ нѣсколько вреда баснямъ неподражаемаго нашего поэта. Многіе съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали предисловія Лемонте; оно въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательно, хотя и не совсѣмъ удовлетворительно. Вообще тамъ, гдѣ авторъ долженъ былъ необходимо писать по наслышкѣ, сужденія его могутъ иногда показаться ошибочными; напротивъ того, собственныя догадки и заключенія удивительно правильны. Жаль, что сей знаменитый писатель едва коснулся такихъ предметовъ, о коихъ мнѣнія его должны быть весьма любопытны. Читаешь его статью*) съ невольной досадою, какъ иногда слушаешь разговоръ очень умнаго человѣка, который, будучи связанъ какими-то приличіями, слишкомъ многаго не договариваетъ и слишкомъ часто отмалчивается.

Бросивъ бѣглый взглядъ на исторію нашей словесности, авторъ говоритъ нѣсколько словъ о нашемъ языкѣ, признаетъ его первобытнымъ, не сомнѣвается въ томъ, что онъ способенъ къ усовершенствованію и, ссылаясь на увѣренія русскихъ, предполагаетъ, что онъ богатъ, сладкозвученъ и обиленъ разнообразными оборотами.

Мнѣнія сіи не трудно было оправдать. Какъ матеріалъ словесности, языкъ славяно-русскій имѣетъ неоспоримое превосходство предъ всѣми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. Въ XI вѣкѣ древній греческій языкъ открылъ ему свой лексиконъ, сокровищницу гармоніи, даровалъ ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное теченіе рѣчи; словомъ, усыновилъ его, избавя такимъ образомъ отъ медленныхъ усовершенствованій времени. Самъ по себѣ уже звучный и выразительный, отселѣ заемлетъ онъ гибкость и правильность. Простонародное нарѣчіе необходимо должно было отдѣлиться отъ книжнаго; но

*) По крайней мѣрѣ—въ переводѣ, напечатанномъ въ Сынѣ Отечества. Мы не имѣли случая видѣть французскій подлинникъ. *А. П.*

впослѣдствіи они сблизились, и такова стихія, данная намъ для сообщенія нашихъ мыслей.

Лемонте напрасно думаетъ, что владычество татаръ оставило ржавчину на русскомъ языкѣ. Чуждый языкъ распространяется не саблею и пожарами, но собственнымъ обиліемъ и превосходствомъ. Какія же новыя понятія, требовавшія новыхъ словъ, могло принести намъ кочующее племя варваровъ, не имѣвшихъ ни словесности, ни торговли, ні законодательства? Ихъ нашествіе не оставило никакихъ слѣдовъ въ языкѣ образованныхъ китайцевъ, и предки наши, въ теченіе двухъ вѣковъ стоная подъ татарскимъ игомъ, на языкѣ родномъ молились русскому Богу, проклинали грозныхъ властителей и передавали другъ другу свои сѣтованія. Такой же примѣръ видѣли мы въ новѣйшей Греціи. Какое дѣйствіе имѣетъ на порабощенный народъ сохраненіе его языка? Разсмотрѣніе сего вопроса завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Какъ бы то ни было, едва ли полсотни татарскихъ словъ перешло въ русскій языкъ. Войны литовскія не имѣли также вліянія на судьбу нашего языка: онъ одинъ оставался неприкосновенной собственностію несчастнаго нашего отечества.

Въ царствованіе Петра I началъ онъ примѣтно искажаться отъ необходимаго введенія голландскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ словъ. Сія мода распространяла свое вліяніе и на писателей, въ то время покровительствуемыхъ государями и вельможами; къ счастію, явился Ломоносовъ.

Г. Лемонте въ одномъ замѣчаніи говоритъ о всеобъемлющемъ геніи Ломоносова; но онъ взглянулъ не съ настоящей точки на великаго сподвижника Великаго Петра.

Соединяя необыкновенную силу воли съ необыкновенною силою понятія, Ломоносовъ обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія. Жажда науки была сильнѣйшею страстію сей души, исполненной страстей. Историкъ, риторъ, механикъ, химикъ, минералогъ, художникъ и стихотворецъ, онъ все испыталъ и все проникъ... Первый углубляется въ исторію отечества, утверждаетъ правила общественнаго языка его, даетъ законы и образцы классическаго краснорѣчія, съ несчастнымъ Рихманомъ предугадываетъ открытія Франклина, учреждаетъ фабрику, самъ сооружаетъ махины, даритъ художества мозаическими произведеніями, и наконецъ открываетъ намъ истинные источники нашего поэтическаго языка.

Поэзія бываетъ исключительно страстію немногихъ, родившихся поэтами: она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни; но если мы станемъ изслѣдовать жизнь Ломоносова, то найдемъ, что науки точныя были всегда главнымъ и любимымъ его занятіемъ, стихотворство же иногда забавою, но чаще должностнымъ упражненіемъ. Мы напрасно искали бы въ первомъ нашемъ лирикѣ пламенныхъ порывовъ чувства и воображенія. Слогъ его, ровный, цвѣтущій и живописный, заемлетъ главное достоинство отъ глубокаго знанія книжнаго славянскаго языка и отъ счастливаго сліянія его съ языкомъ простонароднымъ. Вотъ почему преложенія псалмовъ и другія сильныя и близкія подражанія высокой поэзіи священныхъ книгъ суть его лучшія произ-

веденія *). Они останутся вѣчными памятниками русской словесности; по нимъ долго еще должны мы будемъ изучаться стихотворному языку нашему; но странно жаловаться, что свѣтскіе люди не читаютъ Ломоносова, и требовать, чтобъ человѣкъ, умершій семьдесять лѣтъ тому назадъ, оставался и нынѣ любимцемъ публики. Какъ будто нужны для славы великаго Ломоносова мелочныя почести моднаго писателя!

Упомянувъ объ исключительномъ употребленіи французскаго языка въ образованномъ кругу нашихъ обществъ, г. Лемонте, столь же остроумно, какъ и справедливо замѣчаетъ, что русскій языкъ чрезъ то долженъ былъ непремѣнно сохранить драгоцѣнную свѣжесть, простоту и, такъ сказать, чистосердечность выраженій. Не хочу оправдывать нашего равнодушія къ успѣхамъ отечественной литературы, но нѣтъ сомнѣнія, что если наши писатели чрезъ то теряютъ много удовольствія, по крайней мѣрѣ языкъ и словесность много выигрываютъ. Кто отклонилъ французскую поэзію отъ образцовъ классической древности? Кто напудрилъ и нарумянилъ Мельпомену Расина и даже строгую музу стараго Корнеля? Придворные Людовика XIV. Что навело холодный лоскъ вѣжливости и остроумія на всѣ произведенія писателей XVIII столѣтія? Общество M-mes du Deffand, Boufflers, d'Epinay, очень милыхъ и образованныхъ женщинъ. Но Мильтонъ и Данте писали не для благосклонной улыбки прекраснаго пола.

Строгій и справедливый приговоръ французскому языку дѣлаетъ честь безпристрастію автора. Истинное просвѣщеніе безпристрастно. Приводя въ примѣръ судьбу сего прозаическаго языка, г. Лемонте утверждаетъ, что и нашъ языкъ, не столько отъ своихъ поэтовъ, сколько отъ прозаиковъ долженъ ожидать европейской своей общежительности. Русскій переводчикъ оскорбился симъ выраженіемъ; но если въ подлинникѣ сказано civilisation européenne, то сочинитель чуть ли не правъ.

Положимъ, что русская поэзія достигла уже высокой степени образованности: просвѣщеніе вѣка требуетъ пищи для размышленія, умы не могутъ довольствоваться однѣми играми гармоніи и воображенія, но ученость, политика и философія еще по-русски не объяснялись; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ. Проза наша такъ еще мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать обороты для объясненія понятій самыхъ обыкновенныхъ, такъ что лѣность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, коего механическія формы давно готовы и всѣмъ извѣстны.

Г. Лемонте, входя въ нѣкоторыя подробности касательно жизни и

*) Любопытно видѣть, какъ тонко насмѣхается Тредьяковскій надъ славянщизмами Ломоносова, какъ важно совѣтуетъ онъ ему перенимать легкость и щеголеватость реченій нарядной компаніи! Но удивительно, что Сумароковъ съ большою точностію опредѣлилъ въ одномъ полустишіи достоинство Ломоносова-поэта:

Онъ нашихъ странъ Мальгербъ, онъ Пиндару подобенъ!
Enfin Malherbe vint et le premier en France [1]) etc. А. П.

[1]) т. е.: „Наконецъ явился Мальгербъ | и первый во Франціи... (изъ Буало).

привычекъ нашего Крылова, сказалъ, что онъ не говоритъ ни на какомъ иностранномъ языкѣ и только понимаетъ по-французки. Неправда! рѣзко возражаетъ переводчикъ въ своемъ примѣчаніи. Въ самомъ дѣлѣ, Крыловъ знаетъ главные европейскіе языки и сверхъ того онъ, какъ Альфіери, пятидесяти лѣтъ выучился древнему греческому. Въ другихъ земляхъ такая характеристическая черта извѣстнаго человѣка была бы прославлена во всѣхъ журналахъ; но мы въ біографіи славныхъ писателей нашихъ довольствуемся означеніемъ года ихъ рожденія и подробностями послужнаго списка [1]), да сами же потомъ и жалуемся на невѣдѣніе иностранцевъ о всемъ, что до насъ касается.

Въ заключеніе скажу, что мы должны благодарить графа Орлова, избравшаго истинно-народнаго поэта, дабы познакомить Европу съ литературою Сѣвера. Конечно, ни одинъ французъ не осмѣлится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можемъ предпочитать ему Крылова. Оба они вѣчно останутся любимцами своихъ единоземцевъ. Нѣкто справедливо замѣтилъ, что простодушіе (naïveté, bonhomie) есть врожденное свойство французскаго народа; напротивъ того, отличительная черта въ нашихъ нравахъ есть какое-то веселое лукавство ума, насмѣшливость и живописный способъ выражаться: Лафонтенъ и Крыловъ—представители духа обоихъ народовъ.

P. S. Мнѣ показалось излишнимъ замѣчать нѣкоторыя явныя ошибки, простительныя иностранцу, напримѣръ сближеніе Крылова съ Карамзинымъ (сближеніе, ни на чемъ не основанное), мнимая неспособность языка нашего къ стихосложенію совершенно метрическому и проч. Н. К.

7.

О народности въ литературѣ.

(1825).

„Весьма любопытна", замѣчаетъ Анненковъ (1855), „замѣтка Пушкина о толкахъ, возбужденныхъ требованіями народности, показавшимися у насъ вмѣстѣ съ понятіемъ о романтизмѣ. Вопросъ еще былъ теменъ... Пушкинъ не докончилъ своей замѣтки, но легко видѣть, что народность онъ полагалъ естественнымъ, природнымъ качествомъ всякаго истинно-замѣчательнаго писателя. Только посредственный талантъ или выбравшій ложную почву дѣятельности не народенъ, потому что заимствуетъ или подделываетъ свой взглядъ, чувство, языкъ. Самъ Пушкинъ былъ именно въ этомъ смыслѣ народенъ, безъ сознанія, оставаясь народнымъ и въ то время, какъ онъ переносился въ Испанію, въ рыцарскій замокъ и пр. Въ дальнѣйшемъ развитіи своей мысли онъ говоритъ, что Шекспиръ народенъ въ Отелло и Гамлетѣ; Вега и Кальдеронъ во всѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ дѣйствуютъ ихъ герои; Аріостъ въ описаніи китайскихъ своихъ красавицъ; но мысль эта передана намъ такъ коротко и неразборчиво, что здѣсь выражена ея сущность, а собственныхъ словъ автора невозможно было выписать, безъ лишнихъ и непозволительныхъ прибавокъ".

---

[1]) Таковъ былъ „Опытъ краткой исторіи русской литературы" Греча, изд. въ 1822 г.

Впослѣдствіи та же мысль была примѣнена Гоголемъ уже къ самому Пушкину. „Онъ при самомъ началѣ своемъ“, писалъ Гоголь въ своей характеристикѣ Пушкина, „уже былъ націоналенъ, потому что истинная національность состоитъ не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можетъ быть и тогда національнымъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами своего народа, когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами“.

О попыткахъ русской критики опредѣлить народность Пушкина см. т. IV, стр. 72 и 75.

Замѣтка Пушкина „О народности въ литературѣ“ была впервые напечатана Анненковымъ въ его „Матеріалахъ“ 1855 г.

Съ нѣкотораго времени у насъ вошло въ обыкновеніе говорить о народности, жаловаться на отсутствіе народности; но никто не думалъ опредѣлить, что̀ разумѣетъ онъ подъ словомъ народность.

Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, полагаетъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи... [1]) Другіе видятъ народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т. е. радуются тому, что, изъясняясь по-русски, употребляютъ русскія выраженія.

Народность въ писателѣ есть достоинство, которое вполнѣ можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками: для другихъ оно или не существуетъ, или даже можетъ показаться порокомъ. Ученый нѣмецъ негодуетъ на учтивость героевъ Расина; французъ смѣется, видя въ Кальдеронѣ—Коріона, вызывающаго на дуэль своего противника и проч. Все это однакожъ носитъ печать народности. Есть образъ мыслей и чувствованій, есть тьма обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому-нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра даютъ каждому народу особенную физіономію, которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи. Въ Россіи...

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ ПРИ ЧТЕНІИ КНИГЪ.

(1825).

8.

О переводчикахъ.

Переводчики суть подставныя лошади просвѣщенія.

9.

О романахъ Вальтеръ Скотта.

Главная прелесть романовъ W. Scott состоитъ въ томъ, что мы знакомимся съ прошедшимъ временемъ, не съ enflure [2]) французской трагедіи, не съ чопорностію чувствительныхъ романовъ, не съ

---

[1]) Здѣсь въ рукописи оставлено мѣсто для выписки.

[2]) т. е.: „надутостью“.

dignité исторіи, но современно, по домашнимъ образомъ. Они не походятъ (какъ герои французскіе) на холопей, передразнивающихъ la dignité et la noblesse [1]). Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecté, de théatral, même dans les circonstances solennelles—car les grandes circonstances leur sont familières [2]).

10.

О Шенье, какъ классикѣ.

Андре Шенье былъ однимъ изъ любимыхъ поэтовъ Пушкина въ эпоху его жизни на югѣ Россіи. Переводы изъ него и подражанія ему см. въ I т. (№№ 60, 95, 108 и 138). Свѣдѣнія объ А. Шенье см. тамъ же (стр. 180—187).

Опровержепіе Пушкина Анненковъ (1855) считаетъ не совсѣмъ справедливымъ. „Шенье", писалъ онъ, „несмотря на форму свою, ничего общаго не имѣлъ съ классическою поэзіей", и самъ выразилъ это въ четырехъ замѣчательныхъ стихахъ своей поэмы: „L'invention" (Изобрѣтеніе):

Changeons en notre miel leurs plus antiques fleurs,
Pour peindre notre idée empruntons leurs couleurs,
Allumons nos flambeaux à leurs feux poétiques,
Sur des pensées nouvelles faisons des vers antiques [3]).

„Но извѣстно", прибавляетъ Анненковъ, „что Пушкинъ, во избѣжаніе недоразумѣній, судилъ о родѣ произведенія по одной формѣ его, хотя это не было вѣрнымъ средствомъ избавиться отъ ошибокъ. Впрочемъ недосмотръ (Пушкина) еще маловаженъ въ сравненіи съ запутанностію тогдашнихъ сужденій о романтизмѣ... Были и у насъ критики, не уступавшіе французскимъ: трагикъ Озеровъ, напримѣръ, причислялся нѣкоторыми изъ нихъ къ романтикамъ за изображеніе томленій страсти и любви. Suum cuique"!

Кн. П. В. Вяземскій писалъ (1817): „Онъ (Озеровъ) уже нѣсколько принадлежитъ къ новѣйшему роду, такъ называемому романтическому, который принятъ нѣмцами отъ испанцевъ". Въ позднѣйшей припискѣ къ этой статьѣ объ Озеровѣ кн. Вяземскій замѣчаетъ: „Болѣе всего Пушкинъ не прощалъ мнѣ сказаннаго, что „теорія Озерова уже нѣсколько принадлежитъ къ драматическому роду, т. е. романтическому". Пушкинъ никакъ не хотѣлъ признать его романтикомъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи былъ онъ правъ. Въ другомъ былъ и я не совсѣмъ виноватъ"...

Французскіе критики имѣютъ свое понятіе о романтизмѣ. Они относятъ къ нему всѣ произведенія, носящія на себѣ печать унынія или мечтательности. Иные даже называютъ романтизмомъ неологизмъ и ошибки грамматическія. Такимъ образомъ Андрей Шенье—поэтъ, напитанный древностью, коего даже недостатки проистекаютъ отъ желанія дать французскому языку формы греческаго стихосложенія, попалъ у нихъ въ романтическіе поэты.

---

[1]) т. е.: „важность и благородство".

[2]) т. е.: „Они чувствуютъ себя дома въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ жизни, рѣчь ихъ не имѣетъ въ себѣ ничего искусственнаго, театральнаго, даже въ торжественныхъ обстоятельствахъ — потому что великія событія имъ по плечу".

[3]) т. е.: „Превратимъ въ нашъ медъ ихъ древнѣйшіе цвѣты; заимствуемъ ихъ краски для выраженія нашей мысли; зажжемъ наши свѣтильники у ихъ поэтическихъ огней; новыя мысли облечемъ въ древніе стихи".

11.

О дѣленіи Европы на классическую и романтическую.

Мнѣнія Пушкина о романтизмѣ см. выше въ вступ. зам. къ № 2. Новая замѣтка вызвана воззрѣніями Н. Полевого, который въ своемъ „Московскомъ Телеграфѣ" дѣлилъ европейскую литературу на классическую и романтическую, относя къ первой литературы латинскаго юга, а ко второй — литературы германскихъ народовъ. См. также полемику Веневитинова съ Полевымъ по вопросу о романтизмѣ въ IV т., стр. 76 и 77.

Побѣда будетъ несомнѣнно принадлежать классицизму, благодаря неожиданной помощи, доставленной журналомъ [1]). Данте (il gran padre Alighieri), Аріосто, Лопецъ, Кальдеронъ, Сервантесъ попали въ классическую фалангу.

12.

Замѣчанія на анналы Тацита.

„Обращаясь къ римской исторіи", замѣчаетъ Анненковъ (1855), „мы можемъ сказать, что Пушкинъ нашелъ въ ней одно величавое лицо, приковавшее все вниманіе его, именно Тиберія: „Чѣмъ болѣе читаю Тацита", пишетъ онъ, „тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ умовъ древности". Въ другой разъ, въ своемъ трактатѣ о воспитаніи, онъ прибавляетъ: „Тацитъ есть великій писатель, впрочемъ исполненный политическихъ предразсудковъ". По обыкновенію своему, Пушкинъ сталъ писать замѣтки о Тиберіи, слѣдя за мыслями кесаря по разсказу знаменитаго римскаго историка и выводя изъ сжатыхъ его опредѣленій тѣ поясненія, образцы которыхъ находятся у Макіавеля въ его разсужденіяхъ о книгахъ Тита Ливія". Анненковъ приводитъ замѣчанія эти, „какъ примѣръ этой борьбы съ Тацитомъ и самаго способа веденія исторической полемики".

Замѣтки I—IX, напеч. впервые въ „Матеріалахъ" Анненкова, X-я—въ V т. Соч. П., изд. Общ. пос. нужд. лит. и уч. 1887.

I.

Тиберій былъ въ Иллиріи, когда получилъ извѣстіе о болѣзни престарѣлаго Августа. Неизвѣстно, засталъ ли онъ его въ живыхъ. Первое его злодѣяніе (замѣчаетъ Тацитъ) было умерщвленіе Постума Агриппы, внука Августова. Если убійство политическое можетъ быть извинено государственной необходимостью, то Тиберій правъ. Агриппа, родной внукъ Августа, имѣлъ право на власть и нравился черни необычайною силою, дерзостью и даже простотою ума. Таковыя лица всегда могутъ имѣть большое число приверженцевъ или сдѣлаться орудіемъ хитраго мятежника. Неизвѣстно, говоритъ Тацитъ, Тиберій или его мать Ливія убійство сіе приказали. Вѣроятно—Ливія; но и Тиберій не пощадилъ бы его.

II.

Когда сенатъ просилъ дозволенія нести тѣло Августа на мѣсто сожженія, Тиберій позволилъ сіе съ насмѣшливой скромностью. Тиберій никогда не мѣшалъ изъявленію подлости, хотя и притво-

[1]) „Моск. Телеграфомъ".

рялся иногда, будто бы негодовалъ на оную. Вначалѣ же рѣшительный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, кажется онъ запутаннымъ и скрытнымъ въ однихъ отношеніяхъ своихъ къ сенату.

III.

Августъ вторично испрашивалъ для Тиберія трибунства. Точно ли въ насмѣшку и для невыгоднаго сравненія съ самимъ собою хвалилъ онъ наружность своего пасынка и наслѣдника? Въ своемъ завѣщаніи изъ единой ли зависти совѣтовалъ не распространять предѣловъ имперіи, простиравшейся тогда отъ— до—?

IV.

Тиберій не могъ быть доволенъ Германикомъ, оказавшимъ много слабости въ погашеніи бунта легіоновъ. Германикъ соглашается на требованія мятежниковъ, ограничиваетъ время службы, допускаетъ самовольныя казни, даже междоусобную битву. Блестящія пораженія непріятеля при Марсорскихъ селеніяхъ не заглаживаютъ столь явныхъ ошибокъ. Тиберій въ своей рѣчи старался ихъ прикрыть риторическими украшеніями; меньше хвалилъ онъ Друза, но откровеннѣе и вѣрнѣе. Счастливыя обстоятельства благопріятствовали Друзу, но сей оказалъ и много благоразумія: не склонился на требованія мятежниковъ, самъ казнилъ первыхъ возмутителей, самъ водворилъ порядокъ.

V.

Германикъ, тщетно стараясь усмирить бунтъ легіоновъ, хотѣлъ заколоться въ глазахъ воиновъ. Его удержали. Тогда одинъ изъ нихъ подалъ свой мечъ, говоря: „онъ вострѣе“. Это показалось, говоритъ Тацитъ, слишкомъ злобно и жестоко самымъ яростнымъ мятежникамъ.

Самоубійство было обыкновенно въ древности. Мать Мессалины совѣтуетъ ей убиться. Мессалина въ нерѣшимости подноситъ ножъ то къ горлу, то къ груди, и мать ее не останавливаетъ. Сенека не препятствуетъ своей женѣ Паулинѣ послѣдовать за нимъ и проч. Предложеніе воина есть хладнокровный вызовъ, а не неумѣстная шутка.

VI.

Юлія, дочь Августа, извѣстная ссылкой Овидія, умираетъ въ изгнаніи и въ нищетѣ, но не отъ нищенства и голода, какъ пишетъ Тацитъ. Голодомъ можно заморить въ тюрьмѣ.

VII.

Тиберій отказывается отъ управленія государства, но изъявляетъ готовность принять на себя ту часть онаго, которую на него возложатъ.

Сквозь раболѣпства Галла Азинія видитъ онъ его гордость и предпріимчивость, негодуетъ на Скавра, нападаетъ на Гонорія, который подвергается опасности быть убиту воинами. Они спасены просьбами Августа и Ливіи.

Тиберій не допускалъ, чтобы Ливія имѣла много почестей и вліянія.—Не изъ зависти, какъ думаетъ Тацитъ, онъ не увеличиваетъ, вопреки мнѣнію сената, число преторовъ, установленное Августомъ.

VIII.

Первое дѣйствіе Тиберіевой власти есть уничтоженіе народныхъ собраній на Марсовомъ полѣ, слѣдственно и совершенное уничтоженіе республики. Народъ ропщетъ, сенатъ охотно соглашается. (Тѣнь правленія перенесена въ сенатъ).

IX.

Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына, былъ присужденъ римскимъ сенатомъ къ заключенію на какомъ-то безлюдномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что человѣка, коему дарована жизнь, не слѣдуетъ лишать способовъ къ поддержанію жизни. Слова, достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго! Чѣмъ болѣе читаю Тацита, тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ государственныхъ умовъ древности [1]).

X.

Съ таковыми сужденіями не удивительно, что Тацитъ, бичъ тирановъ, не нравился Наполеону,—но удивительно чистосердечіе Наполеона, въ томъ признававшагося, не думая о добрыхъ людяхъ, готовыхъ видѣть тутъ ненависть тирана къ своему мертвому карателю...

Тацитъ говоритъ о Тиберіи, что онъ не любилъ смѣнять своихъ проконсуловъ, однажды назначенныхъ. Ибо, прибавляетъ онъ важно, злая душа его не желала счастія многихъ...

13.

О Байронѣ.

(1827).

Эта замѣтка вызвана появленіемъ драмы Валер. Ник. Олина: „Корсаръ, др. въ 3 д. съ хоромъ, романсами и 2 пѣснями: турецкою и австрійскою, заимствованная изъ англ. поэмы Байрона подъ названіемъ: The Corsair. Спб. 1827“.

Впервые напеч. въ „Матеріалахъ“ Анненкова не вполнѣ; дополненія въ из: Общ. пос. нужн. лит. и уч. 1887.

Ни одно изъ произведеній лорда Байрона не сдѣлало въ Англіи такого сильнаго впечатлѣнія, какъ его поэма Корсаръ, несмотря на то, что она достоинствомъ уступаетъ многимъ другимъ: Гяуру въ пламенномъ изображеніи страстей, Осадѣ Коринеа, Шильонскому Узнику въ трогательномъ развитіи сердца человѣческаго, Паризинѣ въ трагической силѣ, Чайльдъ Гарольду въ глубокомысліи и высотѣ паренія, и въ удивительномъ Шекспировскомъ разнообразіи — Донъ-Жуану. Корсаръ неимовѣрнымъ своимъ успѣхомъ былъ обязанъ характеру главнаго лица, таинственно напоминающаго намъ человѣка, коего роковая воля правила тогда одной частью Европы, угрожая другой. По крайней мѣрѣ англійскіе критики предполагаютъ въ Байронѣ сіе намѣреніе, но вѣроятно, что поэтъ и здѣсь вывелъ на сцену лицо, являющееся во всѣхъ его созданіяхъ, и которое наконецъ принялъ онъ на себя въ Чайльдъ Га-

---

[1]) Эта замѣтка находится въ письмѣ Пушкина къ Дельвигу отъ 23 іюля 1825 года.

рольдѣ. Какъ бы то ни было, поэтъ никогда не изъяснялъ своего намѣренія: сближеніе съ Наполеономъ нравилось его самолюбію.

Байронъ мало заботился о планахъ своихъ произведеній, или даже вовсе не думалъ о нихъ. Нѣсколько сценъ, слабо между собою связанныхъ, было ему достаточно для бездны мыслей, чувствъ и картинъ. Что же мы подумаемъ о писателѣ, который изъ поэмы Корсаръ выбираетъ одинъ только планъ, достойный нелѣпой повѣсти, и по сему дѣтскому плану составляетъ длинную трагедію, замѣнивъ очаровательную и глубокую поэзію Байрона прозой надутой и уродливой, достойной нашихъ несчастныхъ подражателей покойному Коцебу? Спрашивается: что же въ Байроновой поэмѣ его поразило? Неужели планъ? O miratores!

Англійскіе критики оспаривали у лорда Байрона драматическій талантъ; они, кажется, правы. Байронъ, столь оригинальный въ Чайльдъ Гарольдѣ, въ Гяурѣ и въ Донъ-Жуанѣ, дѣлается подражателемъ, какъ скоро вступаетъ на поприще драмы. Въ Manfred онъ подражалъ Фаусту,—замѣняя простонародныя сцены и субботы другими, по его мнѣнію благороднѣйшими. Но Фаустъ есть величайшее созданіе поэтическаго духа, служитъ представителемъ новѣйшей поэзіи, точно какъ Иліада служитъ памятникомъ классической древности.

Въ другихъ трагедіяхъ, кажется, образцомъ Байрону былъ Alfieri. Каинъ имѣетъ одну только форму драмы, но по безсвязности сцены и отвлеченнымъ разсужденіямъ въ самомъ дѣлѣ относится къ роду скептической поэзіи Чайльдъ Гарольда. Байронъ бросилъ одностороній взглядъ на міръ и природу человѣческую, потомъ отвратился отъ нихъ и погрузился въ описаніе самого себя, въ коемъ онъ поэтически создалъ и описалъ единый характеръ (именно—свой); все, кромѣ... etc. отнесъ онъ къ сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно плѣнительному [a]. Когда же онъ сталъ составлять свою трагедію, то каждому дѣйствующему лицу роздалъ онъ по одной изъ составныхъ частей сильнаго и сложнаго характера... и такимъ образомъ раздробилъ величественное свое созданіе на нѣсколько лицъ, мелкихъ и незначительныхъ. Байронъ чувствовалъ свою ошибку, и въ послѣдствіи времени снова принялся за Фауста, подражая ему въ своемъ *Превращенномъ Уродѣ* (думая тѣмъ исправить le chef d'oeuvre).

14.

Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія.

(1827).

Отрывки эти впервые напеч. въ „Сѣв. Цв.“ на 1828 г., безъ имени автора.

Истинный вкусъ состоитъ не въ безотчетномъ отверженіи такого-то слова, такого-то оборота, но въ чувствѣ соразмѣрности и сообразности.

---

[a] Внизу слѣдующей страницы, въ рукописи, *прибавлено*: „Онъ представилъ намъ свой призракъ. Онъ создалъ себя вторично, то подъ чалмой ренегата, то въ плащѣ корсара, то издыхающимъ подъ схимой, то странствующимъ посреди...

*

Ученый безъ дарованія подобенъ тому бѣдному муллѣ, который изрѣзалъ и съѣлъ Коранъ, думая исполниться духа Магометова.

*

Однообразность въ писателѣ доказываетъ односторонность ума, хоть, можетъ быть, и глубокомысленнаго.

*

Жалуются на равнодушіе русскихъ женщинъ къ нашей поэзіи, полагая тому причиною незнаніе отечественнаго языка; но какая же дама не пойметъ стиховъ Жуковскаго, Вяземскаго или Баратынскаго? Дѣло въ томъ, что женщины вездѣ тѣ же. Природа, одаривъ ихъ тонкимъ умомъ и чувствительностію самой раздражительною, едва ли не отказала имъ въ чувствѣ изящнаго. Поэзія скользитъ по слуху ихъ, не досягая души; онѣ безчувственны къ ея гармоніи; примѣчайте, какъ онѣ поютъ модные романсы, какъ искажаютъ стихи самые естественные, разстроиваютъ мѣру, уничтожаютъ риому. Вслушайтесь въ ихъ литературныя сужденія, и вы удивитесь кривизнѣ и даже грубости ихъ понятія... Исключенія рѣдки.

*

Чѣмъ болѣе мы холодны, разсчетливы, осмотрительны, тѣмъ менѣе подвергаемся нападеніямъ насмѣшки. Эгоизмъ можетъ быть отвратительнымъ, но онъ не смѣшонъ, ибо отмѣнно благоразуменъ. Однако есть люди, которые любятъ себя съ такою нѣжностію, удивляются своему генію съ такимъ восторгомъ, думаютъ о своемъ благосостояніи съ такимъ умиленіемъ, о своихъ неудовольствіяхъ съ такимъ состраданіемъ, что въ нихъ и эгоизмъ имѣетъ всю смѣшную сторону энтузіазма и чувствительности.

*

Никто болѣе Баратынскаго не имѣетъ чувства въ своихъ мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ.

*

Примѣры невѣжливости.—Въ нѣкоторомъ азіатскомъ народѣ, мужчины каждый день, возставъ отъ сна, благодарятъ Бога, создавшаго ихъ не женщинами.

Магометъ оспариваетъ у дамъ существованіе души.

Во Франціи, въ землѣ, прославленной своею учтивостію, грамматика торжественно провозгласила мужескій родъ благороднѣйшимъ.

Стихотворецъ отдалъ свою трагедію на разсмотрѣніе извѣстному критику. Въ рукописи находился стихъ:

Я человѣкъ и шла путями заблужденій...

Критикъ подчеркнулъ стихъ, усомнясь, можетъ ли женщина называться человѣкомъ. Это напоминаетъ извѣстное рѣшеніе: женщина не человѣкъ, курица не птица, прапорщикъ не офицеръ.

Даже люди, выдающіе себя за усерднѣйшихъ почитателей прекраснаго пола, не предполагаютъ въ женщинахъ ума равнаго нашему и, приноравливаясь къ слабости ихъ понятія, издаютъ ученыя книжки для дамъ, какъ будто для дѣтей, и т. п.

*

Тредьяковскій пришелъ однажды жаловаться Шувалову на Сумарокова. „Ваше высокопревосходительство! меня Александръ Петро-

вичъ такъ ударилъ въ правую щеку, что она до сихъ поръ у меня болитъ". — Какъ же, братецъ? — отвѣчалъ ему Шуваловъ — у тебя болитъ правая щека, а ты держишься за лѣвую. „Ахъ, ваше высокопревосходительство, вы имѣете резонъ", отвѣчалъ Тредьяковскій и перенесъ руку на другую сторону. Тредьяковскому не разъ случалось быть битымъ. Въ дѣлѣ Волынскаго сказано, что сей однажды въ какой-то праздникъ потребовалъ оду у придворнаго піиты Василія Тредьяковскаго; но ода была не готова, и пылкій статсъ-секретарь наказалъ тростію оплошнаго стихотворца.

*

Одинъ изъ нашихъ поэтовъ говорилъ гордо: пускай въ стихахъ моихъ найдется безсмыслица, зато ужъ прозы не найдется. Байронъ не могъ изъяснить нѣкоторые свои стихи. Есть два рода безсмыслицы: одна происходитъ отъ недостатка чувствъ и мыслей, замѣняемаго словами; другая—отъ полноты чувствъ и мыслей и недостатка словъ для ихъ выраженія.

*

„Все, что превышаетъ геометрію, превышаетъ насъ", сказалъ Паскаль—и вслѣдствіе того написалъ свои философическія мысли.

*

Un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme [1]). Хорошая эпиграмма лучше плохой трагедіи... Что это значитъ? Можно ли сказать, что хорошій завтракъ лучше дурной погоды?

Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux [2]). Хорошо было сказать это въ первый разъ; но какъ можно важно повторять столь великую истину? Эта шутка Вольтера служитъ основаніемъ поверхностной критикѣ литературныхъ скептиковъ; но скептицизмъ, во всякомъ случаѣ, есть только первый шагъ умствованія. Впрочемъ, нѣкто замѣтилъ, что и Вольтеръ не сказалъ: également bons [3]).

*

Путешественникъ Ансело говоритъ о какой-то грамматикѣ, утвердившей правила нашего языка и еще не изданной, о какомъ-то русскомъ романѣ, прославившемъ автора и еще находящемся въ рукописи, и о какой-то комедіи, лучшей изъ всего русскаго театра и еще не игранной и не напечатанной [4]). Забавная словесность!

*

Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи [5]).

*

Байронъ говорилъ, что никогда не возьмется описывать страну, которой не видалъ бы собственными глазами. Однакожъ въ Донъ-Жуанѣ описываетъ онъ Россію; зато примѣтны нѣкоторыя погрѣш-

---

[1]) т. е.: „Безукоризненный сонетъ стоитъ длинной поэмы".

[2]) т. е.: „Всѣ роды (литературные) хороши, кромѣ скучнаго".

[3]) т. е.: „равно хороши".

[4]) О грамматикѣ Греча, романѣ Булгарина „Иванъ Выжигинъ" и о „Горѣ отъ ума".

[5]) Ср. выше № 4.

ности противу мѣстности. Напримѣръ, онъ говоритъ о грязи улицъ Измаила; Донъ-Жуанъ отправляется въ Петербургъ въ кибиткѣ, безпокойной повозкѣ безъ рессоръ, по дурной, каменистой дорогѣ. Измаилъ взятъ былъ зимою, въ жестокій морозъ. На улицахъ непріятельскіе трупы прикрыты были снѣгомъ, и побѣдитель ѣхалъ по нимъ, удивляясь опрятности города: „помилуй Богъ, какъ чисто!..“ Зимняя кибитка не безпокойна, а зимняя дорога не каменистa. Есть и другія ошибки, болѣе важныя.—Байронъ много читалъ и разспрашивалъ о Россіи. Онъ, кажется, любилъ ее и хорошо зналъ ея новѣйшую исторію. Въ своихъ поэмахъ онъ часто говоритъ о Россіи, о нашихъ обычаяхъ. Сонъ Сарданапаловъ напоминаетъ извѣстную политическую карикатуру, изданную въ Варшавѣ во время суворовскихъ войнъ. Въ лицѣ Нимврода изобразилъ онъ Петра Великаго. Въ 1813 году Байронъ намѣревался черезъ Персію пріѣхать на Кавказъ.

*

Coquette, prude. Слово кокетка обрусѣло, но prude не переведено и не вошло еще въ употребленіе. Слово это означаетъ женщину, чрезмѣрно щекотливую въ своихъ понятіяхъ о чести (женской)—недотрогу. Таковое свойство предполагаетъ нечистоту воображенія, отвратительную въ женщинѣ, особенно молодой. Пожилой женщинѣ позволяется многое знать и многаго опасаться; но невинность есть лучшее украшеніе молодости. Во всякомъ случаѣ, и рюдство или смѣшно, или несносно. Prude мужескаго рода не имѣетъ; но есть мужья prudes въ отношеніи своихъ женъ,—животныя самыя глупыя и скучныя.

*

Нѣкоторые люди не заботятся ни о славѣ, ни о бѣдствіяхъ отечества, его исторію знаютъ только со времени князя Потемкина, имѣютъ нѣкоторое понятіе о статистикѣ только той губерніи, въ которой находятся ихъ помѣстья; со всѣмъ тѣмъ почитаютъ себя патріотами потому, что любятъ ботвинью, и что дѣти ихъ бѣгаютъ въ красной рубашкѣ.

*

Должно стараться имѣть большинство голосовъ на своей сторонѣ: не оскорбляйте же глупцовъ.

*

Появленіе Исторіи Государства Россійскаго (какъ и надлежало быть) надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе. 3000 экз. разошлись въ одинъ мѣсяцъ, чего не ожидалъ и самъ Карамзинъ. Свѣтскіе люди бросились читать исторію своего отечества. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени нигдѣ ни о чемъ не говорили. Признаюсь, ничего нельзя вообразить глупѣе свѣтскихъ сужденій, которыя удалось мнѣ слышать; они были въ состояніи отучить хоть кого отъ охоты къ славѣ. Одна дама (впрочемъ очень милая), при мнѣ, открывъ вторую часть, прочла вслухъ: Владиміръ усыновилъ Святополка, однако не любилъ его... „Однако! зачѣмъ не но? однако! чувствуете ли всю ничтожность

вашего Карамзина?" [1]) Въ журналахъ его не критиковали; у насъ никто не въ состояніи изслѣдовать, оцѣнить огромное созданіе Карамзина. Каченовскій бросился на предисловіе. Никита Муравьевъ молодой человѣкъ, умный и пылкій, разобралъ предисловіе (предисловіе!). Михаилъ Орловъ, въ письмѣ къ Вяземскому, пенялъ Карамзину, зачѣмъ въ началѣ своего творенія не помѣстилъ онъ какой-нибудь блестящей гипотезы о происхожденіи славянъ, т. е. требовалъ отъ историка не исторіи, а чего-то другаго. Нѣкоторые остряки за ужиномъ переложили первыя главы Тита Ливія слогомъ Карамзина; за то почти никто не сказалъ спасибо человѣку, уединившемуся въ ученый кабинетъ во время самыхъ лестныхъ успѣховъ и посвятившему цѣлыхъ 12 лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ. Примѣчанія къ русской исторіи свидѣтельствуютъ обширную ученость Карамзина, пріобрѣтенную имъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно заключенъ, и хлопоты по службѣ замѣняютъ усилія къ просвѣщенію. Многіе забывали, что Карамзинъ печаталъ свою исторію въ Россіи. Повторяю, что Исторія Государства Россійскаго есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка.

*

Французская словесность родилась въ передней и далѣе гостиной не доходила.

14.

О смѣлости выраженій.

(1827).

Эта замѣтка напеч. впервые въ V т. Соч. П., изд. Общ. пос. нужд. лит. и уч. 1887.

Есть различная смѣлость; Державинъ написалъ: „Былъ на высотѣ... Счастіе къ тебѣ хребетъ свой съ грознымъ смѣхомъ повернуло... Ты видишь, видишь какъ мечты сіяньс вкругъ тебя заснуло... [2]).—Жуковскій говоритъ о Богѣ:

Онъ въ дымъ могилъ себя облекъ.

Мы находимъ эти выраженія смѣлыми. Крыловъ говоритъ о храбромъ муравьѣ:

Онъ даже хаживалъ одинъ на паука.

Французы донынѣ еще удивляются смѣлости Расина, употребившаго слово **pavé**, помостъ:

En voyant l'étranger d'un pied silencieux
Fouler avec respect le pavé de ces lieux [3]).

И Делиль гордится тѣмъ, что онъ употребилъ слово **vache**. Жалка словесность, повинующаяся таковой мелочной и своенравной критикѣ. Жалка участь поэтовъ (какого бы достоинства они, впро-

---

[1]) Князь П. А. Вяземскій (Соч. VIII. 384) высказалъ предположеніе, что здѣсь Пушкинъ имѣетъ въ виду кн. Е. И. Голицыну (о ней см. т. I. стр. 66).

[2]) Въ одѣ: „На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи", 1797 г. (См. Избр. соч. Держ.).

[3]) т. е.: „Видя чужеземца, съ чувствомъ почтенія попирающаго тихою стопою помостъ этихъ мѣстъ..."

чемъ, ни были), если они принуждены славиться позабытыми побѣдами надъ предразсудками вкуса.

Описаніе водопада:

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ, и проч.—

есть высшая смѣлость,—смѣлость воображенія, созданія, гдѣ планъ обширный объемлется творческою мыслію; такова смѣлость Шекспира, Dante, Milton, Гёте въ Фаустѣ, Моліера въ Тартюфѣ, Фонъ-Визина въ Недорослѣ.

Кальдеронъ называетъ молнію огненными языками небесъ, глаголющихъ землѣ. Мильтонъ говоритъ, что адское пламя давало только различать вѣчную тьму преисподней.

15.

Ромео и Юлія, Шекспира.

(1829).

Впервые напеч. въ „Сѣв. Цв.“ на 1830 г., какъ примѣчаніе къ помѣщенному тамъ переводу сцены изъ трагедіи Шекспира „Ромео и Юлія“, съ помѣтою: „Извлечено изъ рукописнаго сочиненія А. С. Пушкина“.

Многія изъ трагедій, приписываемыхъ Шекспиру, ему не принадлежатъ, а только имъ поправлены. Трагедія Ромео и Джульета, хотя слогомъ своимъ и совершенно отдѣляется отъ извѣстныхъ его пріемовъ, но она такъ явно входитъ въ его драматическую систему и носитъ на себѣ такъ много слѣдовъ вольной и широкой его кисти, что ее должно почесть сочиненіемъ Шекспира. Въ ней отразилась Италія, современная поэту, съ ея климатомъ, страстями, праздниками, нѣгой, сонетами, съ ея роскошнымъ языкомъ, исполненнымъ блеска и concetti. Такъ понялъ Шекспиръ драматическую мѣстность. Послѣ Джюльеты, послѣ Ромео, сихъ двухъ очаровательныхъ созданій Шекспировской граціи, Меркутіо, образецъ молодаго кавалера того времени, изысканный, привязчивый, благородный Меркутіо, есть замѣчательнѣйшее лицо изо всей трагедіи. Поэтъ избралъ его въ представители итальянцевъ, бывшихъ моднымъ народомъ Европы, французами XVI вѣка.

17.

Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей.

(1829).

„Полемика“, замѣчаетъ М. И. Сухомлиновъ (1884), „составляетъ неизбѣжное условіе журнальной дѣятельности, а отъ участія въ журналистикѣ трудно было отказаться писателю съ умомъ и талантомъ Пушкина и съ его отзывчивостью ко всему, въ чемъ выражается движеніе литературы и общественной жизни. Въ одной изъ статей „Литературной Газеты“ говорится: „Въ журналахъ—движеніе, въ нихъ страсти, въ нихъ отголосокъ самихъ рѣчей, самихъ дѣяній; въ книгахъ гораздо меньше индивидуальности: въ книгѣ скроешь себя, въ журнальной статьѣ авторъ проговаривается; въ одной — слышимъ рѣчь его съ авторской каѳедры, въ другой—невольный крикъ его, экспромтъ его ума,

его характера" и т. д.... На страницахъ различныхъ повременныхъ изданій появились и полемическія статьи Пушкина, бывшія украшеніемъ тогдашней журналистики. Нѣкоторыя изъ полемическихъ статей его появлялись не въ своемъ первоначальномъ видѣ, а съ измѣненіями и пропусками... Въ этомъ отношеніи любопытна судьба статьи Пушкина, направленной противъ редактора „Вѣстника Европы" Михаила Трофимовича Каченовскаго, обиженнаго выходками Полевого и подавшаго грозную жалобу на „соумышленника" его—цензора Глинку. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія, вызвавшаго въ журнальныхъ кружкахъ оживленные толки. Пушкинъ воспроизвелъ въ статьѣ съ тою же буквальной точностью, какъ и въ эпиграммѣ, написанной по тому же поводу на Каченовскаго:

Обиженный журналами жестоко,
Зоилъ Пахомъ печалился глубоко:
Вотъ подалъ онъ на цензора доносъ,
Но цензоръ правъ—намъ смѣхъ, Зоилу носъ...

„Статья предназначалась для „Невскаго Альманаха", издававшагося Аладьинымъ. Авторъ не далъ ей особаго заглавія, какъ видно изъ того, что въ дѣлѣ, возникшемъ по ея поводу, она называется такъ: „Распря между двумя извѣстными журналистами и тяжба одного изъ нихъ съ цензурою надѣлали шуму", т. е. заглавіемъ послужили слова, которыми статья начинается. Имени автора не обозначено. Цензурное вѣдомство, въ различныхъ инстанціяхъ, не дозволило напечатать эту статью на томъ основаніи, что въ ней выводится какъ дѣйствующее лицо цензоръ, и говорится о рѣшеніи, послѣдовавшемъ въ главномъ управленіи цензуры... Пушкинъ исключилъ изъ своей статьи все то, что̀ относится къ цензурному вѣдомству. Въ новомъ видѣ своемъ подъ заглавіемъ: „Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей, сочиненіе А. Пушкина", она появилась въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1830 годъ".

Для пониманія статьи Пушкина нужно знать тѣ обстоятельства, которыя вызвали ее. Дѣло началось съ поданнаго Каченовскимъ въ московскій цензурный комитетъ прошенія на издателя Московскаго Телеграфа Н. Полевого и цензора Сергѣя Глинку. Въ этомъ прошеніи Каченовскій жаловался на Полевого за „укоризненныя относительно къ его лицу" мѣста въ его журналѣ, дозволенныя цензоромъ. Наиболѣе оскорбительными для себя Каченовскій указалъ слѣдующія мѣста Телеграфа: „Обѣщанія, какія всегда даетъ и не исполняетъ издатель В. Е." и пр. „Мы напоминаемъ только Вѣстнику Европы, что не такъ должно ему браться за законы словесности". „Если бъ онъ, старецъ по лѣтамъ, признался въ незнаніи своемъ, принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшные предразсудки" и пр. „Но что сдѣлалъ до сихъ поръ издатель В. Е? гдѣ права его?" и пр. „Юноши, обогнавшіе издателя В. Е., не виноваты, что они шли впередъ, когда издатель В. Е. засѣлъ на одномъ мѣстѣ и неподвижно просидѣлъ болѣе 20-ти лѣтъ" и пр. „Онъ даетъ поводъ у него потребовать доказательствъ на его права: гдѣ они?" и пр. „Самъ издатель В. Е. знаетъ по-гречески очень плохо" и пр. Къ этому Каченовскій, на новый запросъ, прибавлялъ, что цензоръ Глинка „и прежде неоднократно одобрялъ къ напечатанію то, что купецъ Полевой дозволялъ себѣ и сотрудникамъ своимъ безъ всякаго повода литературнаго писать о немъ съ неуваженіемъ, порицать его труды безъ всякихъ доказательствъ о степени ихъ достоинствъ", а именно: онъ подтверждалъ мнѣніе „Современнаго Наблюдателя", что В. Е. нынѣшняго издателя сухъ и тяжелъ; что „въ В. Е.... на каждой страницѣ встрѣтите полдюжины барбаризмовъ и солецизмовъ"; что въ программѣ своей издатель В. Е.

каждый годъ обѣщаетъ оды, гимны, отрывки изъ трагедій и комедій, элегіи-посланія, сатиры и пр., но онъ не поэтъ и, по недороду поэзіи, не исполняетъ никогда своего обязательства на поставку одъ, гимновъ, элегій...": наконецъ послѣ нѣсколькихъ именъ, въ числѣ коихъ помѣщено и имя издателя В. Е., слѣдовало такое сужденіе: „союзъ, смѣшеніе и заговоръ сихъ именъ въ виду имени заслугъ и славы Карамзина, все это явленіе болѣе смѣшное, нежели прискорбное для нашей литературной и народной чести". Свое объясненіе Каченовскій кончаетъ слѣдующими словами: „За симъ, какъ жестоко обиженный [1]) передъ публикою, я, на основаніи § 70-го устава о цензурѣ и вышеприведенныхъ параграфовъ устава благочинія или полицейскаго, повторительно прошу цензурный комитетъ принять мѣры къ оборонѣ меня отъ обидъ и къ законному удовлетворенію, и меня же снабдить копіею съ опредѣленія, какое по сему учинено будетъ. Января 24 дня, 1829 года. Къ сему объясненію статскій совѣтникъ, ординарный профессоръ Михаилъ Трофимовъ сынъ Каченовскій руку приложилъ".

Объясненіе, представленное съ своей стороны цензоромъ С. Н. Глинкою, походило на рѣзкую полемическую журнальную статью. Сторону Каченовскаго приняли совѣтъ московскаго университета и московскій цензурный комитетъ; сторону Глинки—цензоръ В. В. Измайловъ и главное управленіе цензуры.

Совѣтъ московскаго университета находилъ, что дѣйствительно статьею Телеграфа унижена честь проф. Каченовскаго и тѣмъ оскорблено даже начальство университета, и просилъ предсѣдателя цензурнаго комитета принять начальническія мѣры для законнаго взысканія съ виновнаго и для отвращенія впредь подобнаго оскорбленія.

Московскій цензурный комитетъ призналъ жалобу Каченовскаго справедливою и просилъ высшее начальство о предписаніи „пропускать такія только критики, въ которыхъ явственно доказываются недостатки разбираемой книги, а не знанія самого писателя".

Цензоръ В. В. Измайловъ подалъ особое мнѣніе, въ которомъ заявлялъ, что правительство черезъ законъ цензуры „не позволило порабощать свободу мыслей". „Честь личная не одно съ достоинствомъ литературнымъ", поясняетъ онъ далѣе, „и нанесенное кому-либо неудовольствіе, какъ автору или издателю, не имѣетъ ничего общаго съ оскорбленіемъ человѣка, какъ гражданина или чиновника". „Иначе нельзя будетъ пропустить ни одной критической статьи противъ литераторовъ, занимающихъ государственныя мѣста". Измайловъ ссылается на извѣстную строгую критику Макарова на вице-адмирала Шишкова и на многіе критическіе отрывки, писанные объ исторіографѣ Карамзинѣ и объ статсъ-секретарѣ Муравьевѣ. Въ концѣ своего мнѣнія Измайловъ однакоже присоединился къ общему желанію комитета, чтобы „особеннымъ наказомъ дано было цензору право прекратить бранную полемику, выходящую нынѣ изъ границъ вѣжливости и умѣренности".

Главное управленіе цензуры признало, что выраженія, на которыя принесъ жалобу Каченовскій, не содержатъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для его личной чести. „Посему", заключаетъ оно, „соглашаясь въ полной мѣрѣ съ мнѣніемъ г. цензора Измайлова, управленіе нашло, что г. цензоръ Глинка не могъ воспретить напечатаніе вышеупомянутой статьи, какъ не заключающей въ себѣ ничего противнаго общимъ правиламъ устава о цензурѣ. При семъ главное

[1]) См. 1-й стихъ эпиграммы, приведенной выше, на стр. 34.

управленіе замѣтило, что въ споръ совершенно литературный не слѣдовало бы вмѣшивать достоинство службы государственной и высшаго ученаго сословія. Раздѣляя съ московскимъ цензурнымъ комитетомъ желаніе, чтобы вообще литературныя критики въ повременныхъ изданіяхъ русскихъ приняли сколько можно лучшій и приличнѣйшій тонъ, и чтобъ въ нихъ были соблюдаемы всѣ условія вѣжливости и учтивости; но не находя въ уставѣ о цензурѣ постановленія, дающаго цензурнымъ комитетамъ право воспрещать по симъ только уваженіямъ литературныя сужденія о книгахъ и ученыхъ изданіяхъ, не выходящія впрочемъ изъ предѣловъ благопристойности и не обидныя для нравственности и чести, главное управленіе цензуры признало, что исправленіе сего недостатка въ литературѣ принадлежитъ предоставить вліянію читающей публики и дѣйствію общаго вкуса".

„Этимъ-то рѣшеніемъ главнаго управленія цензуры и было, по словамъ Пушкина, водворено спокойствіе въ области словесности, взволнованной полемическими статьями двухъ журналовъ и жалобой одного изъ редакторовъ на цензора" [1]).

Послѣ того, какъ статья Пушкина, излагающая все это дѣло, въ сокращеніи явилась въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ", Каченовскій отозвался на нее въ „Вѣстникѣ Европы" (ч. 1, стр. 164): „Чудная судьба великихъ геніевъ! Послѣ неудачнаго боя при Полтавѣ, А. С. Пушкинъ, отстрѣливаясь карикатурами и эпиграммами, отретировался мужественно съ поля литературнаго и принялся за грифель лѣтописца!.. Жаль только, что нашъ развѣнчанный герой еще не довольно навыкъ въ новомъ дѣлѣ. Онъ не умѣетъ смотрѣть на описываемыя имъ событія съ тѣмъ безпристрастіемъ и самоотверженіемъ, которыя требуются отъ историка, и посему не удивительно, что ему все еще видятся всюду пьяные семинаристы" и т. д.

Tantæne animis scholasticis iræ [2]!

Распря между двумя извѣстными журналистами и тяжба одного изъ нихъ съ цензурою надѣлали шуму.—Постараемся изложить исторически все дѣло, sine ira et studio.

Въ концѣ минувшаго года редакторъ „Вѣстника Европы", желая въ слѣдующемъ 1829 году потрудиться еще и въ качествѣ издателя, объявилъ о томъ публикѣ, все еще худо понимающей различіе между сими двумя учеными званіями. Убѣдившись единогласнымъ мнѣніемъ критиковъ въ односторонности и скудости Вѣстника Европы, сверхъ того движимый глубокимъ чувствомъ состраданія при видѣ безпомощнаго состоянія литературы, онъ обѣщалъ употребить наконецъ свои старанія, чтобы сдѣлать журналъ сей обширнѣе и разнообразнѣе. Онъ надѣялся отнынѣ далѣе видѣть, свободнѣе соображать и рѣшительнѣе дѣйствовать. Онъ собирался пуститься въ неизмѣримую область бытописанія, по которой Карамзинъ, какъ всѣмъ извѣстно, проложилъ тропинку, теряющуюся въ тундрахъ безплодныхъ [3]).

---

[1]) Ист. Вѣстн. 1884. III.

[2]) т. е.: „Ужели такой гнѣвъ въ схоластическихъ душахъ"! пародія Виргиліева стиха: Tantæne animis caelestium irae.

[3]) С. Н. Глинка въ отвѣтѣ своемъ цензурному комитету (см. выше вводн. зам. писалъ: „Россія и Европа давно уже обратили вниманіе свое на трудъ знаменитаго нашего исторіографа Н. М. Карамзина. Ужели и сей бытописатель

„Предполагаю работать самъ“, говорилъ почтенный редакторъ, „не отказывая однакожъ и другимъ литераторамъ участвовать въ трудахъ моихъ“. Сіи поздніе, но тѣмъ не менѣе благія намѣренія, сія похвальная заботливость о руской литературѣ, сія скромная снисходительность къ своимъ сотрудникамъ тронули и обрадовали насъ чрезвычайно. Пріятно было бы намъ привѣтствовать первые труды, первые успѣхи знаменитаго редактора Вѣстника Европы. Его глубокія знанія (думали мы), столь извѣстныя намъ по слуху, дадутъ плодъ во время свое (въ нынѣшнемъ 1829 году). Свѣтильникъ исторической его критики озаритъ вышеупомянутыя тундры области бытописаній, а законы словесности, умолкшіе при звукахъ журнальной полемики, заговорятъ устами ученаго редактора. Онъ не ограничитъ своихъ глубокомысленныхъ изслѣдованій замѣчаніями о заглавномъ листѣ Исторіи Государства Россійскаго, или даже разсужденіями о куньихъ мордкахъ [4]), но вѣрнымъ взоромъ обниметъ наконецъ твореніе Карамзина, оцѣнитъ систему его разысканій, укажетъ источники новыхъ соображеній, дополнитъ недосказанное. Въ критикахъ собственно-литературныхъ мы не будемъ слышать то брюзгливаго ворчанья какого-нибудь стараго педанта, то непристойныхъ криковъ пьянаго семинариста. Критики г. Каченовскаго должны будутъ имѣть рѣшительное вліяніе на словесность. Молодые писатели не будутъ ими забавляться, какъ статьями, наполненными восклицаніями, пошлою бранью и неумѣстными цитатами. Писатели извѣстные не будутъ ими презирать, ибо услышатъ не жалкія шуточки журнальнаго гаера, но окончательный судъ своимъ произведеніямъ, оцѣненнымъ ученостью, вкусомъ и хладнокровіемъ.

Можемъ смѣло сказать, что мы ни единой минуты не усомнились въ исполненіи плановъ г. Каченовскаго, изложенныхъ поэтическимъ слогомъ въ газетномъ объявленіи о подпискѣ на Вѣстникъ Европы. Но г. Полевой, долгое время наблюдавшій литературное поведеніе своихъ товарищей-журналистовъ, худо повѣрилъ новымъ обѣщаніямъ Вѣстника. Не ограничиваясь безмолвными сомнѣніями, онъ напечаталъ въ 20-й книжкѣ Московскаго Телеграфа прошедшаго года статью, въ которой сильно напалъ на почтеннаго редактора Вѣстника Европы. Давъ замѣтить неприличіе нѣкоторыхъ выраженій, употребленныхъ вѣроятно неумышленно г. Каченовскимъ, онъ говоритъ:

„Если бы онъ (Вѣстникъ Европы), старецъ по лѣтамъ, признался въ незнаніи своемъ, принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшные предразсудки, заговорилъ голосомъ безпристрастія; мы всѣ охотно уважили бы его сознаніе въ слабости, желаніе учиться и познавать истину, всѣ охотно стали бы слушать его“.

Странныя требованія! Въ лѣтахъ Вѣстника Европы уже не учатся и не бросаютъ предразсудковъ закоренѣлыхъ. Скромность, украшеніе сѣдинъ, не есть необходимость литературная; а если сознанія,

---

оставилъ въ твореніи своемъ однѣ „тропинки, теряющіяся въ тундрахъ безплодныхъ?“ Ужели въ тѣ же тундры надлежно сослать всѣ изысканія о Россіи Миллера, Шлецера, Круга и другихъ мужей извѣстныхъ умомъ и трудолюбіемъ?“

[4]) Въ Вѣстн. Евр. 1828, № 13, напечатана статья Каченовскаго: „О бѣльихъ лобкахъ и куньихъ мордкахъ“.

требуемыя г. Полевымъ, и заслуживаютъ какое-нибудь уваженіе, то можно ли намъ оныя слушать изъ устъ почтеннаго старца, безъ болѣзненнаго чувства стыда и состраданія?

„Но что сдѣлалъ до сихъ поръ издатель Вѣстника Европы?“ продолжаетъ г. Полевой. „Гдѣ его правда, и на какой воздѣланной его трудами землѣ онъ водрузитъ свои знамена: гдѣ, за какимъ океаномъ эта обѣтованная земля? Юноши, обогнавшіе издателя Вѣстника Европы, не виноваты, что они шли впередъ, когда издатель Вѣстника Европы засѣлъ на одномъ мѣстѣ, и неподвижно просидѣлъ болѣе двадцати лѣтъ. Дивиться ли, что теперь Вѣстнику Европы видятся чудныя распри, грезятся кимвалы бряцающіе и мѣдь звенящая?“

На сіе отвѣтствуемъ:

Если г. Каченовскій, не написавъ ни одной книги, достойной нѣкотораго вниманія, не напечатавъ въ теченіе двадцати шести лѣтъ ни одной замѣчательной статьи, снискалъ однакожъ себѣ безсмертную славу, то чего же должно намъ ожидать отъ него, когда наконецъ онъ примется за дѣло не на шутку?

Г-нъ Каченовскій просидѣлъ двадцать шесть лѣтъ на одномъ мѣстѣ—согласенъ; но какъ могли юноши обогнать его, если онъ ни за чѣмъ и не гнался? Г. Каченовскій ошибочно судилъ о музыкѣ Верстовскаго—но развѣ онъ музыкантъ? [5]) Г. Каченовскій перевелъ „Терезу и Фальдони“ [6])—что за бѣда?

Доселѣ казалось намъ, что г. Полевой не правъ, ибо обнаруживается какое-то пристрастіе въ замѣчаніяхъ, которыя съ перваго взгляда являются довольно основательными. Мы ожидали отъ г. Каченовскаго возраженій неоспоримыхъ, или благороднаго молчанія, каковымъ нѣкоторые извѣстные писатели всегда отвѣтствовали на неприличныя и пристрастныя выходки нѣкоторыхъ журналистовъ. Но сколь изумились мы, прочитавъ въ 24 № Вѣстника Европы слѣдующее примѣчаніе редактора къ статьѣ своего почтеннаго сотрудника, г. Надоумки [7]) (одного изъ великихъ писателей, приносящихъ истинную честь и своему вѣку, и журналу, въ коемъ они участвуютъ).

„Здѣсь приличнымъ считаю объявить, что препираться съ Бенигною [8]) я не имѣю охоты, отказавшись навсегда отъ безплодной полемики; а теперь не имѣю на то и права, предпринявъ другія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола сего Бенигны и всѣхъ прочихъ. Я даже не читалъ бы статьи Телеграфической, если бъ не былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и къ достоинству мѣста, при которомъ имѣю счастіе продолжать оную. Рдръ“.

Сіе загадочное примѣчаніе привело насъ въ большое безпокойство. Какія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго про-

---

[5]) Намёкъ на отзывъ „Вѣстника Европы“ (1824, № 1) Верстовскому за его музыку къ „Черной Шали“; тамъ былъ сдѣланъ упрекъ композитору за то, что онъ расточилъ талантъ на „темное злодѣяніе какихъ-то неизвѣстныхъ людей: молдаванъ, армянъ“.

[6]) Тереза и Фальдони, или письма двухъ любовниковъ“, соч. Леонарда (М. 1804 и 1816).

[7]) М. И. Надеждина.

[8]) Псевдонимъ Полевого.

извола г. Бенигны предпринялъ почтенный редакторъ? что значитъ игривый произволъ г. Бенигны? что такое: былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и достоинству мѣста? (Впрочемъ, смыслъ послѣдней фразы донынѣ остается тёменъ, какъ въ логическомъ, такъ и въ грамматическомъ отношеніи). Многочисленные почитатели Вѣстника Европы затрепетали, прочитавъ, сіи мрачныя, грозныя, безпорядочныя строки. Не смѣли вообразить, на что могло рѣшиться рыцарское негодованіе Міхаила Трофімовича. Къ счастію, скоро все объяснилось. Оскорбленный, какъ издатель „Вѣстника Европы", г. Каченовскій рѣшился требовать защиты законовъ, какъ ординарный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ, и явился въ цензурный комитетъ съ жалобою на цензора, пропустившаго статью г. Полевого.

Успокоясь насчетъ ужаснаго смысла вышеупомянутаго примѣчанія, мы сожалѣли о безполезномъ дѣйствіи почтеннаго редактора. Всѣ предвидѣли послѣдствія онаго. Въ статьѣ г. Полевого личная честь г. Каченовскаго не была оскорблена. Говоря съ неуваженіемъ о его занятіяхъ литературныхъ, издатель Московскаго Телеграфа не упомянулъ ни о его службѣ, ни о тайнахъ домашней жизни, ни о качествахъ его души. Новое лицо выступило на сцену: цензоръ С. Н. Глинка явился отвѣтчикомъ. Пылкость и неустрашимость его духа обнаружились въ его рѣчахъ, письмахъ и дѣловыхъ запискахъ. Онъ увлекъ сердце краснорѣчіемъ сердца и, вопреки чувству уваженія и преданности, глубоко питаемому нами къ почтенному профессору, мы желали побѣды храброму его противнику, ибо польза просвѣщенія и словесности требуетъ степени свободы, которая намъ дарована мудрымъ и благодѣтельнымъ уставомъ. В. В. Измайловъ, которому отечественная словесность уже многимъ обязана, снискалъ себѣ новое право на общую благодарность свободнымъ изъясненіемъ мнѣнія столь же умѣреннаго, какъ и справедливаго.

Между тѣмъ, ожесточенный издатель Московскаго Телеграфа напечаталъ другую статью, въ коей дерзновенно подтвердилъ и оправдалъ первыя свои показанія. Вся литературная жизнь г. Каченовскаго была разобрана по годамъ, всѣ занятія оцѣнены, всѣ простодушныя обмолвки выведены на позоръ. Г. Полевой доказалъ, что почтенный редакторъ пользуется славою ученаго мужа, такъ сказать, на честное слово; а донынѣ, кромѣ переводовъ съ переводовъ, и койкакихъ заимствованныхъ кое-гдѣ статеекъ, ничего не произвелъ. Скудость, болѣе достойная сожалѣнія, нежели укоризны! Но что всего важнѣе, г. Полевой доказалъ, что Міхаилъ Трофімовичъ нѣсколько разъ дозволялъ себѣ личности въ своихъ критическихъ статейкахъ, что онъ упрекалъ издателя Телеграфа виннымъ его заводомъ (пятномъ ужаснымъ, какъ извѣстно всему нашему дворянству!); что онъ неоднократно съ упрекомъ повторялъ г. Полевому, что сей послѣдній купецъ (другое, столь же ужасное обвиненіе!) и все сіе въ непристойныхъ, оскорбительныхъ выраженіяхъ. Тутъ уже мы приняли совершенно сторону г. Полевого. Никто болѣе нашего не уважаетъ истиннаго, родоваго дворянства, коего существованіе столь важно въ смыслѣ государственномъ; но въ мирной республикѣ наукъ какое

намъ дѣло до гербовъ и пыльныхъ грамотъ? Потомокъ Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессоръ, честный аудиторъ и странствующій купецъ равны предъ законами критики. Князь Вяземскій уже далъ однажды замѣтить неприличность сихъ аристократическихъ выходокъ; но не худо повторять полезныя истины.

Однакожъ таково дѣйствіе долговременнаго уваженія! и тутъ мы укоряли г. Полевого въ запальчивости и неумѣренности. Мы съ умиленіемъ взирали на почтеннаго старца, разстроеннаго до такой степени, что для поддержанія ученой своей славы принужденъ онъ былъ обратиться къ русскому букварю [1]), и преобразовать оный такъ, что свѣдѣнія Міхаила Трофімовича въ греческой азбукѣ отнынѣ не подлежатъ уже никакому сомнѣнію.

Съ нетерпѣніемъ ожидали мы развязки дѣла. Наконецъ рѣшеніе главнаго управленія цензуры водворило спокойствіе въ области словесности и прекратило распрю миромъ, равно выгоднымъ для побѣдителей и побѣжденныхъ.

СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ 1830 Г.

18.

О некрологіи Раевскаго.

Эта замѣтка была напечатана въ № 1 „Л. Г.". Она вызвана некрологомъ генерала Н. Н. Раевскаго, написаннымъ Д. В. Давыдовымъ („Некрологія генерала отъ кавалеріи Н. Н. Раевскаго" (дозв. ценз. 4 дек. 1829 г., въ военной тип., 1—12 стр.).

Въ концѣ истекшаго года вышла въ свѣтъ „Некрологія генерала отъ кавалеріи Н. Н. Раевскаго", умершаго 16 сентября 1829 года. Сіе сжатое обозрѣніе, писанное, какъ намъ кажется, человѣкомъ свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ, отличается благородною теплотою слога и чувствъ. Желательно, чтобы то же перо описало пространнѣе подвиги и приватную жизнь героя и добродѣтельнаго человѣка. Съ удивленіемъ замѣтили мы непонятное упущеніе со стороны неизвѣстнаго автора некролога: онъ не упомянулъ о двухъ отрокахъ, приведенныхъ отцомъ на поля сраженій въ кровавомъ 1812-мъ году!.. Отечество того не забыло.

19.

О выходѣ Иліады въ переводѣ Гнѣдича.

Эта замѣтка была напечатана въ № 2 „Л. Г.".

Наконецъ вышелъ въ свѣтъ такъ давно и такъ нетерпѣливо ожиданный переводъ Иліады! Когда писатели, избалованные минутными успѣхами, большею частію устремились на блестящія бездѣлки, когда

[1]) Намёкъ на своеобразное правописаніе Каченовскаго, согласно которому онъ вводилъ въ употребленіе букву і передъ согласными, букву г и т. п.

талантъ чуждается труда, а мода пренебрегаетъ образцами древности, когда поэзія не есть благоговѣйное служеніе, но токмо легкомысленное занятіе,—съ чувствомъ глубокимъ уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ и совершенію единаго, высокаго подвига. Русская Иліада передъ нами. Приступаемъ къ ея изученію, дабы современемъ отдать отчетъ нашимъ читателямъ о книгѣ, долженствующей имѣть столь важное вліяніе на отечественную словесность.

20.

О литературной критикѣ.

Эта статья была помѣщена въ № 3 „Л. Г.“.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ даютъ замѣтить, что „Литературная Газета“ у насъ не можетъ существовать по весьма простой причинѣ: у насъ нѣтъ литературы. Если бъ это было справедливо, то мы не нуждались бы и въ критикѣ; однакожъ произведенія нашей литературы, какъ ни рѣдки, но являются, живутъ и умираютъ, не оцѣненныя по достоинству. Критика въ нашихъ журналахъ или ограничивается сухими библіографическими извѣстіями, сатирическими замѣчаніями, болѣе или менѣе остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается въ домашнюю переписку издателя съ сотрудниками, съ корректоромъ и проч.—„Очистите мѣсто для новой статьи моей“, пишетъ сотрудникъ [1]). „Съ удовольствіемъ“, отвѣчаетъ издатель. И это все напечатано. Недавно въ одномъ журналѣ было упомянуто о порохѣ. „Вотъ ужо вамъ будетъ порохъ!“ сказано въ замѣчаніи наборщика; а самъ издатель возражаетъ на сіе:

„Могущему пороку—брань.
Безсильному—презрѣнье“ [2]).

Эти семейственныя шутки должны имѣть свой ключъ и вѣроятно очень забавны; но для насъ онѣ покамѣстъ не имѣютъ никакого смысла.

Скажутъ, что критика должна единственно заниматься произведеніями, имѣющими видимое достоинство; не думаю. Иное сочиненіе само по себѣ ничтожно, но замѣчательно по своему успѣху или вліянію, и въ семъ отношеніи нравственныя наблюденія важнѣе наблюденій литературныхъ. Въ прошломъ году напечатано нѣсколько книгъ (между прочими Иванъ Выжигинъ) [3]), о коихъ критика могла

[1]) Въ В. Евр. (1828, № 24) въ статьѣ Надеждина: „Откликъ съ Патріаршихъ прудовъ“ при словахъ: „Благоволите очистить въ вашемъ журналѣ мѣстечко для другой моей статьи“ сдѣлана выноска: „Весьма охотно и безъ малѣйшаго отлагательства. Рдръ“.

[2]) Въ № 23, въ ст. Надеждина: „Вѣмъ сестрамъ по серьгамъ“ одно изъ разговаривающихъ лицъ замѣчаетъ о журнальной полемикѣ, что „на пустяки пороху тратить много не слѣдуетъ“. Здѣсь выноска: „Порохъ! порохъ! дадутъ вамъ этотъ порохъ опять! Прим. наборщика. — Продолжай набирать! ты не знаешь прекрасныхъ стиховъ Жуковскаго“...

[3]) „Иванъ Выжигинъ“, романъ Ѳ. Булгарина.

бы сказать много поучительнаго и любопытнаго. Но гдѣ же онѣ были разобраны, пояснены? Не говоря уже о живыхъ писателяхъ, Ломоносовъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ ожидаютъ еще египетскаго суда. Высокопарныя прозвища, безусловныя похвалы, пошлыя восклицанія уже не могутъ удовлетворить людей здравомыслящихъ. Впрочемъ, „Литературная Газета“ была у насъ необходима не столько для публики, сколько для нѣкотораго числа писателей, не могшихъ по разнымъ отношеніямъ являться подъ своимъ именемъ ни въ одномъ изъ петербургскихъ или московскихъ журналовъ.

21.

Объ Исторіи Русскаго Народа Полевого.

Въ 1828 г. явился первый томъ „Исторіи Русскаго Народа“ Н. Полевого; за нимъ послѣдовали слѣдующіе томы, изъ которыхъ послѣдній (VI-й) вышелъ въ 1833 г., гдѣ исторія доведена до начала казней Іоанна IV. Книгу свою Полевой посвятилъ Нибуру, какъ главѣ историковъ скептической школы, мысли которой Полевой популяризировалъ въ своемъ „Моск. Телеграфѣ“.

Самое заглавіе труда Полевого указывало на притязаніе, вопреки автору Исторіи Государства Россійскаго, сдѣлать предметомъ своей исторіи внутренній бытъ русскаго народа.

Задавшись задачею—изучать свою исторію сравнительно съ исторіей другихъ народовъ и не совладѣвъ съ нею, Полевой впалъ въ грубое искаженіе отечественной исторіи. Такъ онъ смѣло перенесъ въ Россію феодальное устройство западной Европы и находилъ въ Россіи вассальныя области. „Сблизивъ Россію и западную Европу“, замѣчаетъ М. О. Кояловичъ [1]), „Полевой оттѣняетъ затѣмъ ихъ различіе. Ходъ его мыслей слѣдующій. Одинаковое съ русскимъ западно-европейское варварство тѣхъ старыхъ временъ ослаблялось и разрушалось тамъ наслѣдіемъ древней культуры. Въ Россіи этого не было. Она, правда, приняла христіанство, но отъ разлагавшейся Византіи, которая не передала намъ этой древней, классической культуры. Страсть сближать Россію съ западной Европой побудила Полевого умалить и значеніе у насъ христіанства, принятаго отъ грековъ. Оно, по мнѣнію Полевого, введено насильно, духовенство наше было ужасомъ для народа (т. I, 224—227; т. II, стр. 195—196)... Татарское иго, по естественному порядку вещей, Полевой признаетъ полезнымъ для Россіи, какъ облегчавшее объединеніе ея, образованіе въ ней единодержавной монархіи. Поэтому Полевой, подобно Карамзину, съ которымъ старался во всемъ расходиться, признаетъ великимъ человѣкомъ Іоанна III и не жалѣетъ о паденіи Новгорода и другихъ областей... Вліяніе Карамзина лежитъ и на всей исторіи Полевого. Враждуя, полемизируя съ Карамзинымъ, онъ по нему и изучалъ русскую исторію и даже по нему излагалъ ее въ частныхъ случаяхъ. Самостоятельнаго изученія русской исторіи у него не было“.

Пушкинъ, высоко чтя заслугу Карамзина, былъ возмущенъ самодовольной и легкомысленной книгой дилетанта, притязавшей замѣнить трудъ исторіографа. Позднѣе Пушкинъ отозвался еще строже о книгѣ Полевого, а именно: въ 1836 г. на поляхъ проекта письма кн. Вяземскаго къ гр. Уварову о современной лите-

---

[1]) „Исторія русскаго самосознанія“. Спб. 1884. Стр. 204.

ратурѣ, противъ того мѣста, гдѣ кн. Вяземскій замѣчаетъ, что „Устряловъ не усомнился поставить на одну доску Карамзина и Полевого", Пушкинъ приписалъ: „О Полевомъ не худо было бы напомнить и пространнѣе. Не должно забывать, что онъ сдѣланъ членомъ-корреспондентомъ нашей академіи за свою шарлатанскую книгу, писанную безъ смысла, безъ изысканій и безъ всякой совѣсти".

Не менѣе строго отнесся къ книгѣ Полевого и кн. Вяземскій въ статьѣ своей, озаглавленной: „Исторія Русскаго Народа. Критики на нее Вѣстника Европы и другихъ журналовъ. Одинъ томъ на лицо. Одиннадцать будущихъ томовъ въ волѣ Божіей" (1830). „Авторъ", пишетъ здѣсь кн. Вяземскій, „укоряетъ Карамзина за поспѣшность его въ трудѣ и довольно забавно спрашиваетъ: „когда же думалъ историкъ?" На это можно было бы ему отвѣтить: всегда; ибо рѣшительно вся жизнь Карамзина была или приготовленіемъ къ труду, или исполненіемъ труда, или порою созрѣванія, или порою зрѣлости и жатвы. Но дѣло не въ томъ: любопытно только послѣ сей укоризны видѣть, сколько авторъ самъ посвятилъ времени на составленіе 12-ти томовъ исторіи, не только уже готовыхъ въ кабинетѣ автора, но даже сдѣлавшихся уже и собственностію публики, ибо подписка на нихъ открыта, и сумма за всѣ 12 томовъ заплачена подписчиками. „Съ 1825 г. я началъ уже систематическое сочиненіе о Русской исторіи". Въ 1829 г. появился 1-й томъ и 11 томовъ должны быть готовы къ напечатанію: слѣдовательно въ 4 года совершенъ трудъ, на который Карамзинъ со всею поспѣшностію своею, употребилъ болѣе 20 лѣтъ... Пока Исторія Русскаго Народа есть только исторія русской сноровки сбывать свой товаръ налично, когда онъ еще и не на лицо".

Статья I [1]).

Мы не охотники разбирать заглавія и предисловія книгъ, о коихъ обязываемся отдавать отчетъ публикѣ; но передъ нами первый томъ Исторіи Русскаго Народа, соч. г. Полевымъ, и поневолѣ должны мы остановиться на первой строкѣ посвященія: Г-ну Нибуру, первому историку нашего вѣка. Спрашивается: кѣмъ и какимъ образомъ г. Полевой уполномоченъ назначать мѣста писателямъ, заслужившимъ всемірную извѣстность? Долженъ ли г. Нибуръ быть благодаренъ г. Полевому за милостивое производство въ первые историки нашего вѣка, не въ примѣръ другимъ? Нѣтъ ли тутъ, со стороны г. Полевого, излишней самонадѣянности? Зачѣмъ съ первой страницы вооружать уже на себя читателя, всегда недовѣрчиваго къ выходкамъ авторскаго самолюбія и предубѣжденнаго противъ нескромности? Самое посвященіе, вѣроятно, не помиритъ его съ г. Полевымъ. Въ немъ господствуетъ единая мысль, единое слово: Я, еще болѣе неловкое, чѣмъ ненавистное Я. Послушаемъ г. Полевого: „Въ то время, когда образованность и просвѣщеніе соединяютъ всѣ народы союзомъ дружбы, основанной на высшемъ созерцаніи жребія человѣчества, когда высокія помышленія, плоды философскихъ наблюденій, и великія истины прошедшаго и настоящаго составляютъ общее наслѣдіе различныхъ народовъ и быстро раздѣляются между обитателями отдаленныхъ одна отъ другой странъ"... тогда—что бъ вы

---

[1]) Въ №№ 4, 12 и 32 „Л. Г.".

думали? „я осмѣливаюсь поднести вамъ мою Исторію Русскаго Народа".

Belle conclusion et digne de l'exorde! ²).

Далѣе: „Я не поколебался писать Исторію Россіи послѣ Карамзина: утвердительно скажу, что я вѣрно изобразилъ Исторію Россіи; я зналъ подробности событій, я чувствовалъ ихъ, какъ русскій; я былъ безпристрастенъ, какъ гражданинъ міра..." Воля ваша: хвалить себя немножко можно; зачѣмъ терять хоть единый голосъ въ собственную пользу? Но есть мѣра всему. Далѣе: „Она (картина г-на Полевого) достойна вашего взора (Нибурова). Пусть приношеніе мое покажетъ вамъ, что въ Россіи столько же умѣютъ цѣнить и почитать васъ, какъ и въ другихъ просвѣщенныхъ странахъ міра". Опять! какъ можно самому себя выдавать за представителя всей Россіи? За посвященіемъ слѣдуетъ предисловіе. Вступленіе въ оное писано темнымъ, изысканнымъ слогомъ, и своими противорѣчіями и многословіемъ напоминаетъ философскую статью о Русской Исторіи, напечатанную въ Московскомъ Телеграфѣ и разобранную съ такою оригинальной веселостію въ Славянинѣ.

Пріемлемъ смѣлость замѣтить г-ну Полевому, что онъ поступилъ по крайней мѣрѣ неискусно, напавъ на Исторію Государства Россійскаго въ то самое время, какъ начиналъ печатать Исторію Русскаго Народа. Чѣмъ полнѣе, чѣмъ искреннѣе отдалъ бы онъ справедливость Карамзину, чѣмъ смиреннѣе отозвался бы онъ о самомъ себѣ, тѣмъ охотнѣе были бы всѣ готовы привѣтствовать его появленіе на поприщѣ, ознаменованномъ безсмертнымъ трудомъ его предшественника. Онъ отдалилъ бы отъ себя нареканія, правдоподобныя, если не совсѣмъ справедливыя. Уваженіе къ именамъ, освященнымъ славою, не есть подлость (какъ осмѣлился кто-то напечатать), но первый признакъ ума просвѣщеннаго. Позорить ихъ дозволяется токмо вѣтреному невѣжеству, какъ нѣкогда, по указу эфоровъ, однимъ хіосскимъ жителямъ дозволено было пакостить всенародно.

Карамзинъ есть первый нашъ историкъ и послѣдній лѣтописецъ. Своею критикой онъ принадлежитъ исторіи, простодушіемъ и апоѳегмами—хроникѣ. Критика его состоитъ въ ученомъ сличеніи преданій, въ остроумномъ изысканіи истины, въ ясномъ и вѣрномъ изображеніи событій. Нѣтъ ни единой эпохи, ни единаго важнаго происшествія, которыя не были бы удовлетворительно развиты Карамзинымъ. Гдѣ разсказъ его неудовлетворителенъ, тамъ недоставало ему источниковъ: онъ ихъ не замѣнялъ своевольными догадками. Нравственныя его размышленія, своею иноческою простотою, даютъ его повѣствованію всю неизъяснимую прелесть древней лѣтописи. Онъ ихъ употреблялъ какъ краски, но не полагалъ въ нихъ никакой существенной важности. „Замѣтимъ, что сіи апоѳегмы", говоритъ онъ въ предисловіи, столь много критикованномъ и столь еще мало понятомъ, „бываютъ для основательныхъ умовъ или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которыя не имѣютъ большой

²) т. е.: „Прекрасное заключеніе и достойное вступленія".

цѣны въ исторіи, гдѣ ищемъ дѣйствія и характеровъ". Не должно видѣть въ отдѣльныхъ размышленіяхъ насильственнаго направленія повѣствованія къ какой нибудь извѣстной цѣли. Историкъ, добросовѣстно разсказавъ происшествіе, выводитъ одно заключеніе, вы другое, г-нъ Полевой никакого: вольному воля, какъ говорили наши предки.

Г. Полевой замѣчаетъ, что 5-я глава XII тома была еще недописана Карамзинымъ, а начало ея, вмѣстѣ съ первыми четырьмя главами, было уже переписано и готово къ печати, и дѣлаетъ вопросъ: „Когда же думалъ историкъ?"

На сіе отвѣтствуемъ:

Когда первые труды Карамзина были съ жадностію принимаемы публикою, имъ образуемою, когда лестный успѣхъ слѣдовалъ за каждымъ новымъ произведеніемъ его гармоническаго пера, тогда уже думалъ онъ объ исторіи Россіи и мысленно обнималъ свое будущее созданіе. Вѣроятно, что XII томъ не былъ имъ еще начатъ, а уже историкъ думалъ о той страницѣ, на которой смерть застала послѣднюю его мысль... Г-нъ Полевой, немного подумавъ, конечно, самъ удивится своему легкомысленному вопросу.

Статья 2 [1]).

Дѣйствіе Вальтеръ Скотта ощутительно во всѣхъ отрасляхъ ему современной словесности. Новая школа французскихъ историковъ образовалась подъ вліяніемъ шотландскаго романиста. Онъ указалъ имъ источники совершенно новые, неподозрѣваемые прежде, не смотря на существованіе исторической драмы, созданной Шекспиромъ и Гёте.

Г-нъ Полевой сильно почувствовалъ достоинства Баранта [2]) и Тьерри [3]) и принялъ ихъ образъ мнѣній съ неограниченнымъ энтузіазмомъ молодого неофита. Плѣняясь романическою живостію истины, выведенной передъ насъ въ простодушной наготѣ лѣтописи, онъ фанатически отвергнулъ существованіе всякой другой исторіи. Судимъ не по словамъ г-на Полевого, ибо изъ нихъ невозможно вывести никакого положительнаго заключенія; но основываемся на самомъ духѣ, въ которомъ вообще писана Исторія Русскаго Народа, на стараніи г-на Полевого сохранить драгоцѣнныя краски старины и частыхъ его заимствованіяхъ у лѣтописей. Но желаніе отличиться отъ Карамзина слишкомъ явно въ г-нѣ Полевомъ, и какъ заглавіе его книги есть не что иное, какъ пустая пародія заглавія Исторіи Государства Россійскаго, такъ и разсказъ г-на Полевого слишкомъ часто не что иное, какъ пародія разсказа исторіографа.

Исторія Русскаго Народа начинается живымъ географическимъ изображеніемъ Скандинавіи и нравовъ дикихъ ея обитателей (подражаніе Тьерри); но переходя къ описанію странъ, Россіею нынѣ именуемыхъ, и народовъ, нѣкогда тамъ обитавшихъ, г-нъ Полевой становится столь же теменъ въ изложеніи своихъ этнографическихъ по-

---

[1]) Въ №№ 51, 54, 61 и 65 „Л. Г.".
[2]) См. выше, стр. 15, вын. 6.
[3]) Тьерри Огюстенъ (1795—1856)— фр. историкъ, авторъ „Исторіи завоеванія Англіи норманнами (1825), „Писемъ объ исторіи Франціи" (1827) и пр.

нятій, какъ въ философическихъ разсужденіяхъ своего предисловія. Онъ или повторяетъ сбивчиво то, что было ясно изложено Карамзинымъ, или касается предметовъ, вовсе чуждыхъ исторіи русскаго народа, и, утомляя вниманіе читателя, говоритъ поминутно: „Итакъ мы видимъ... Изъ сего слѣдуетъ... Мы въ нѣсколькихъ словахъ означили главныя черты великой картины...“ между тѣмъ, какъ мы ничего не видимъ, какъ изъ этого ничего не слѣдуетъ, и какъ г-нъ Полевой въ весьма многихъ словахъ означилъ не главныя черты великой картины.

Желаніе противорѣчить Карамзину поминутно завлекаетъ г-на Полевого въ мелочныя придирки, въ пустыя замѣчанія, большею частію несправедливыя. Онъ то соглашается съ Татищевымъ, то ссылается на Розенкампфа [1]), то утвердительно и безъ доказательства повторяетъ нѣкоторые скептическіе намеки г-на Каченовскаго. Признавъ уже достовѣрность похода къ Царюграду, онъ сомнѣвается, имѣлъ ли Олегъ съ собою сухопутное войско. „Гдѣ могли пройти его дружины?“ говоритъ г-нъ Полевой: „не чрезъ Булгарію, по крайней мѣрѣ“. Почему же нѣтъ? Какая тутъ физическая невозможность? Оспаривая у Карамзина смыслъ выраженія: на ключъ, онъ пускается въ догадки, ни на чемъ не основанныя. Быть можетъ, и Карамзинъ ошибся въ примѣненіи своей догадки: ключъ (символъ хозяйства), какъ котелъ у казаковъ, означалъ, вѣроятно, общее хозяйство, артель *). Въ древнемъ договорѣ Карамзинъ читаетъ: милымъ ближникамъ, ссылаясь на сгорѣвшій Троицкій списокъ. Г-нъ Полевой, признавая, что въ другихъ спискахъ поставлено ad libita librarii милымъ и малымъ, подчеркиваетъ однакожъ слово сгорѣвшій, читаетъ малымъ (малолѣтнимъ, младшимъ) и переводитъ: дальнимъ (дальнимъ ближнимъ!). Не говоримъ уже о довольно смѣшномъ противорѣчіи; но что за мысль отдавать наслѣдство дальнимъ родственникамъ мимо ближайшихъ?

Первый томъ Исторіи Русскаго Народа писанъ съ удивительною опрометчивостію. Г-нъ Полевой утверждаетъ, что дикая поэзія согрѣвала душу скандинава, что пѣснопѣнія скальда воспламеняли его, что религія усиливала въ немъ врожденную склонность къ независимости и презрѣнію смерти (склонность къ презрѣнію смерти!), что онъ гордился названіемъ берсеркера и пр.; а черезъ три страницы г-нъ Полевой увѣряетъ, что не слава вела его въ битвы; что онъ ея не зналъ, что недостатокъ пищи, одежды, жадность добычи были причинами его походовъ. Г-нъ Полевой не видитъ еще государства россійскаго въ начальныхъ княженіяхъ скандинавскихъ витязей, а въ Ольгѣ признаетъ уже мудрую образовательницу системы скрѣпленія частей въ единое цѣлое, а у Владиміра стремленіе къ единовластію. Въ удѣлахъ г-нъ Полевой видитъ то образъ восточнаго самодержавія, то феодальную систему, общую тогда

*) Стряпчій съ ключемъ вѣдалъ хозяйственною частію двора. Въ Малороссіи ключевать значитъ управлять хозяйствомъ. *А. П.*

[1]) Бар. Густ. Андр. Розенкампфъ— авторъ „Объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ въ Несторовой лѣтописи“ (1827) и соч. „О кормчей книгѣ“ (1827).

въ Европѣ. Промахи, указанные въ Московскомъ Вѣстникѣ [5]), почти невѣроятны.

Г-нъ Полевой въ своемъ предисловіи весьма искусно даетъ замѣтить, что слогъ въ исторіи есть дѣло весьма второстепенное, если уже не совсѣмъ излишнее; онъ говоритъ о немъ почти съ презрѣніемъ:

Maître renard, peut-être on vous croirait... [6]).

По крайней мѣрѣ, слогъ есть самая слабая сторона Исторіи Русскаго Народа. Невозможно отвергать у г-на Полевого ни остроумія, ни воображенія, ни способности живо чувствовать; но искусство писать до такой степени чуждо ему, что въ его сочиненіи картины, мысли, слова, все обезображено, перепутано и затемнено.

P. S. Сказавъ откровенно нашъ образъ мыслей насчетъ Исторіи Русскаго Народа, не можемъ умолчать о критикахъ, которымъ она подала поводъ. Въ журналѣ, издаваемомъ ученымъ, извѣстнымъ профессоромъ [7]), напечатана статья, въ коей брань доведена до изступленія; болѣе чѣмъ на тридцати страницахъ грубыхъ насмѣшекъ и ругательства, нѣтъ ни одного дѣльнаго обвиненія, ни одного поучительнаго показанія, кромѣ ссылки на мнѣніе самого издателя, мнѣніе весьма любопытное, коему доказательства съ нетерпѣніемъ должны ожидать любители отечественной исторіи *). Московскій Вѣстникъ... (et tu autem, Brute!) сказалъ свое мнѣніе насчетъ г-на Полевого еще съ бóльшимъ, непростительнѣйшимъ забвеніемъ своей обязанности, непростительнѣйшимъ, ибо издатель Московскаго Вѣстника доказалъ, что чувство приличія ему сродно, и что слѣдственно онъ добровольно пренебрегаетъ онымъ. Ужели такъ трудно нашей братьѣ критикамъ сохранять хладнокровіе? Какъ не вспомнить, по крайней мѣрѣ, совѣта старинной сказки:

То же бы ты слово,
Да не такъ бы молвилъ.

Программа 3-й статьи.

Эта программа набросана въ Болдинѣ осенью 1830 г., но статья написана не была. Напеч. вполнѣ въ изд. О. п. н. л. и у. 1887.

I.

Феодальное право, основанное на правѣ завоеванія.
Что были предводители?
Что былъ народъ?
Тѣлохранители.
Власть королевская.
Продажа вольности городамъ.
Парламенты.

---

*) Выписки, коими наполнена сія статья, въ самомъ дѣлѣ пойдутъ въ примѣръ галиматьи: но самый текстъ почти отъ нихъ не отличается. *А. П.*

---

5) Въ статьѣ М. П. Погодина (ч. I и IV).

6) т. е.: „Госпожа Лисица, можетъ быть, вамъ и повѣрили бы“...

7) Въ „В. Евр.“ Каченовскаго (№ 1).

Vénalité des charges [1]).

Ришелье.

Споры аристократіи съ парламентами.

Уничтоженіе феодализма.

1) Феодальное правленіе—система простая и сильная, было основано на правѣ завоеванія. Побѣдители, присвоивъ себѣ землю и собственность побѣжденныхъ, обратили ихъ самихъ въ рабство и раздѣлили все между собою. Предводители получили большіе участки. Слабые прибѣгнули къ покровительству сильнѣйшихъ, и феодальная іерархія установилась.

2) Каждый владѣлецъ управлялъ въ своемъ участкѣ по своему, устанавливая свои законы, соблюдая свои выгоды и стараясь окружить себя достаточнымъ числомъ приверженцевъ, для удержанія въ повиновеніи своихъ вассаловъ или для отраженія хищныхъ сосѣдей. Для сего избирались большею частію вольные люди, составлявшіе нѣкогда войско завоевателей. Современемъ они смѣшались съ побѣжденными, и такимъ образомъ установились взаимныя обязательства между владѣльцами и вассалами.

3) Короли, избираемые вначалѣ владѣльцами, были властителями только въ собственномъ своемъ участкѣ. Въ случаѣ войны съ непріятелемъ, новыхъ налоговъ или споровъ между двумя могущими сосѣдами, они созывали сеймы. Сеймы сіи составляли сначала одни знатные владѣльцы и военные люди. Духовенство было призвано впослѣдствіи властолюбивыми палатными мерами (Maire du Palais), а народъ гораздо позже, когда королевская власть почувствовала необходимость противупоставить новую силу дворянству, соединенному съ духовенствомъ.

4) Судопроизводство находилось въ рукахъ владѣльцевъ. Для записыванія ихъ постановленій избирались грамотеи изъ простолюдиновъ, ибо знатные люди занимались единственно военной наукою и не умѣли читать. Когда же война призывала бароновъ къ защитѣ королевскихъ владѣній или собственныхъ за́мковъ, то въ ихъ отсутствіи сіи грамотеи чинили судъ и расправу, сначала отъ имени бароновъ, а впослѣдствіи сами отъ себя. Продолжительныя войны дали имъ время основать свою самобытность. Такимъ образомъ родились парламенты.

5) Нужда въ деньгахъ заставила бароновъ и епископовъ продавать вассаламъ права, нѣкогда присвоенныя завоевателями. Сначала откупились рабы отъ вассаловъ, затѣмъ общины пріобрѣли привилегіи. Въ послѣдствіи времени, короли, для уничтоженія власти сильныхъ владѣльцевъ, непрестанно покровительствовали общины, и когда мало по малу народъ откупился, владѣльцы обѣднѣли и стали проситься на жалованье королей. Они выбрались изъ феодальныхъ своихъ вертеповъ...

6) Короли почувствовали всю выгоду новаго положенія. Дабы покрыть новые, необходимые расходы, они прибѣгнули къ продажѣ судебныхъ мѣстъ, ибо доходы отъ правъ, покупаемыхъ городами, нача-

[1]) т. е.: „Продажность должностей“.

ли истощаться и казались уже опасными. Сія мѣра утвердила независимость гражданскихъ чиновниковъ (de la Magistrature), и сіе сословіе вошло въ соперничество съ дворянствомъ, которое возненавидѣло его.

7) Продажа гражданскихъ мѣстъ упрочила вліяніе достаточной части народа, слѣдовательно столь же благоразумна, какъ и другіе законы. Напрасно пошли противъ сей мѣры, будто бы варварской и нелѣпой.

8) Но вскорѣ замѣтили, до какой степени сія мѣра укрѣпила независимость чиновниковъ. Ришельё установилъ коммиссаровъ, т. е. временныхъ сановниковъ, уполномоченныхъ королемъ. Законники возроптали, какъ на нарушеніе правъ своихъ и злоупотребленіе общественной довѣренности. Ихъ не послушали, и могущество министра подавило и ихъ, и феодализмъ.

Несмотря на то, что Исторія Русскаго Народа писана наобумъ, ошибки и промахи, указанные въ разныхъ журналахъ, доказываютъ, конечно, не невѣжество г-на Полевого (ибо онъ могъ бы ихъ избѣжать, давъ себѣ время подумать и справиться), но только непростительную опрометчивость и поспѣшность. Презрѣніе, съ какимъ г. Полевой отзывался въ своихъ примѣчаніяхъ о Карамзинѣ, издѣваясь надъ его трудомъ, оскорбляло нравственное чувство уваженія нашего къ великому соотечественнику. Но сія опрометчивость и необдуманность сильно повредили г. Полевому въ мнѣніи малаго числа просвѣщенныхъ и благоразумныхъ читателей, ибо онѣ поколебали, или вовсе уничтожили, довѣренность, которую онъ способенъ былъ внушить. Теперь мы читаемъ Исторію Русскаго Народа, не полагаясь на добросовѣстность труда и вѣрность разысканій, но на каждое слово невольно требуемъ подтвержденія повтореннаго, если не имѣемъ терпѣнія или способовъ справляться сами.—Исторія Русскаго Народа состоитъ изъ отдѣльныхъ отрывковъ, часто не имѣющихъ между собой связи по духу, въ коемъ они писаны, и походитъ болѣе на журнальныя статьи, чѣмъ на книгу, обдуманную однимъ человѣкомъ и проникнутую единствомъ духа.

Несмотря на сіи недостатки, Исторія Русскаго Народа заслуживаетъ вниманія по многимъ остроумнымъ замѣчаніямъ (NB. Остроуміемъ мы называемъ вовсе не шуточки, столь любезныя нашимъ веселымъ критикамъ, но способность сближать понятія и выводить изъ нихъ новыя и правильныя заключенія), по своей живости, хоть и неправильной, по взглядамъ и воззрѣніямъ недальнимъ и часто невѣрнымъ, но вообще новымъ и достойнымъ критическихъ изслѣдованій.

Второй томъ, нынѣ вышедшій изъ печати, имѣетъ, по нашему мнѣнію, большое преимущество передъ первымъ.

1) Въ немъ нѣтъ сбивчиваго предисловія и гораздо менѣе болтовни и противорѣчій.

2) Тонъ нападенія на Карамзина уже гораздо благопристойнѣе.

3) Самый разсказъ не есть уже пародія разсказа Карамзина, но нѣчто собственно принадлежащее г. Полевому.

II-й томъ начинается взглядомъ на всеобщее состояніе Европы въ XI столѣтіи.

Г. Полевой предчувствуетъ присутствіе истины, но не умѣетъ ее отыскать и вьется около. Онъ чувствуетъ, что Россія была совершенно отдѣлена отъ западной Европы. Онъ предчувствуетъ тому причину, но вскорѣ желаніе приноровить систему новѣйшихъ историковъ къ Россіи увлекаетъ его. Онъ видитъ опять феодализмъ (называетъ его семейственнымъ феодализмомъ) и въ семъ феодализмѣ— средство задушить феодализмъ же, полагаетъ его необходимымъ для развитія силъ юной Россіи. Дѣло въ томъ, что въ Россіи не было еще феодализма, а были удѣлы, князья и ихъ дружина; что въ древнихъ удѣльныхъ княжествахъ не было никакой силы (доказательство — нашествіе татаръ); что Россія не окрѣпла и не развилась въ удѣльныя междоусобія, но, напротивъ, ослабѣла и сдѣлалась легкою добычею татаръ; что боярство не есть феодализмъ; феодализмъ — частность, аристократія — общность.

Феодализма въ Россіи не было. Одна фамилія, варяжская, властвовала независимо, добиваясь великаго княжества.

Бояре жили въ городахъ, при дворѣ княжескомъ,
не укрѣпляя своихъ помѣстій,
не сосредоточиваясь въ маломъ семействѣ,
не враждуя противу королей,
не продавая своей помощи городамъ;
они были вмѣстѣ придворные и товарищи, но
составляли союзы,
считались старшинствомъ,
крамольничали.

Великіе князья не имѣли нужды соединяться съ народомъ, дабы ихъ усмирять.

Феодализма у насъ не было — и тѣмъ хуже.

Освобожденія городовъ не существовало въ Россіи. Новгородъ на краю Россіи и сосѣдній ему Псковъ были истинныя республики, а не общины (communes), удаленныя отъ великаго княжества и обязанныя своимъ бытіемъ сперва хитрой покорности, а потомъ — слабости враждующихъ князей. Феодализмъ могъ бы, наконецъ, развиться, какъ первый шагъ учрежденій независимости (общины были бы второй), но онъ не успѣлъ. Онъ разсѣялся во времена татаръ, былъ подавленъ Иваномъ III, гонимъ, истребляемъ Иваномъ IV.— Мѣсто феодализма заступила аристократія и могущество ея въ междуцарствіе возросло до высочайшей степени. Она была наслѣдственная—отселѣ мѣстничество, на которое до сихъ поръ привыкли смотрѣть самымъ дѣтскимъ образомъ. Не Ѳеодоръ, а Языковъ и меньшое дворянство уничтожили мѣстничество и боярство. Съ Ѳеодора и Петра начинается революція въ Россіи, которая продолжается и до сего дня.

Какое время силы нашего боярства?—Во время удѣловъ, когда удѣльные князья сами сдѣлались боярами.—Когда пало боярство?— При Іоаннахъ, которые къ одному мѣстничеству не дерзнули прикоснуться. — Были ли дворянскія грамоты? — Мининъ! — Было ли зло мѣстничество?.. Вездѣ ли существовало оно? Зачѣмъ уничтожено было оно? И было ли оно въ самомъ дѣлѣ уничтожено?—Петръ.

Исторія древняя кончилась Богочеловѣкомъ, говоритъ г. Полевой. Справедливо. Великій духовный и политическій переворотъ нашей планеты есть христіанство. Въ этой священной стихіи исчезъ и обновился міръ. Исторія древняя есть исторія Египта, Персіи, Греціи, Рима, —исторія новѣйшая есть исторія христіанства. Горе странѣ, находящейся внѣ его! Зачѣмъ же г. Полевой за нѣсколько страницъ выше повторилъ пристрастное мнѣніе XVIII-го столѣтія и призналъ концомъ древней исторіи паденіе Западной римской имперіи,—какъ будто самое распаденіе оной на Восточную и Западную не есть уже конецъ Рима и ветхой системы его?

Гизо объясняетъ одно изъ событій христіанской исторіи — европейское просвѣщеніе. Онъ обрѣтаетъ его зародышъ, описываетъ постепенное развитіе и, отклоняя все отдаленное, случайное и постороннее, доводитъ до насъ сквозь рядъ темныхъ и кровавыхъ, тяжелыхъ и разцвѣтающихъ вѣковъ.

Вы поняли всѣ достоинства французскаго историка, поймите жъ и то, что Россія никогда ничего не имѣла общаго съ остальною Европою, что исторія ея требуетъ другой мысли, другой формулы, чѣмъ мысли и формулы, выведенныя Гизотомъ изъ исторіи христіанскаго запада. Не говорите: иначе нельзя было быть. Коли было бы это правда, то историкъ былъ бы астрономъ и событія жизни человѣческой были бы предсказаны въ календаряхъ, какъ затменія солнечныя. Но провидѣніе—не алгебра; умъ человѣческій, по простонародному выраженію—не пророкъ, а угадчикъ. Онъ видитъ общій ходъ вещей и можетъ выводить изъ онаго глубокія предположенія, часто оправданныя временемъ, но невозможно предвидѣть ему случая. Одинъ изъ остроумнѣйшихъ людей XVIII-го столѣтія предсказалъ камеру депутатовъ, но никто не могъ предсказать ни Наполеона, ни Полиньяка.

22.

О романѣ Загоскина: Юрій Милославскій.

Напечатано въ № 5. „Л. Г.“

Въ наше время подъ словомъ романъ разумѣемъ историческую эпоху, развитую въ вымышленномъ повѣствованіи. Вальтеръ Скоттъ увлекъ за собою цѣлую толпу подражателей. Но какъ они всѣ далеки отъ шотландскаго чародѣя! Подобно ученику Агриппы, они, вызвавъ демона старины, не умѣли имъ управлять и сдѣлались жертвами своей дерзости. Въ вѣкъ, въ который хотятъ они перенести читателя, перебираются они сами съ тяжелымъ запасомъ домашнихъ привычекъ, предразсудковъ и дневныхъ впечатлѣній. Подъ беретомъ, осѣненнымъ перьями, узнаете вы голову, причесанную вашимъ парикмахеромъ; сквозь кружевную фрезу à la Henri IV проглядываетъ накрахмаленный галстухъ нынѣшняго dandy. Готическія героини воспитаны у madame Campan, а государственные люди XVI столѣтія читаютъ Times и Journal des Débats. Сколько несообразностей, ненужныхъ мелочей, важныхъ упущеній! сколько изыскан-

ности, а сверхъ всего—какъ мало жизни! Однакожъ сіи бѣдныя произведенія читаются и въ Европѣ. Потому ли, что люди, какъ утверждала madame de Staël, знаютъ только исторію своего времени и, слѣдственно, не въ состояніи замѣтить нелѣпости романическихъ анахронизмовъ? Потому ли, что изображеніе старины, даже слабое и невѣрное, имѣетъ неизъяснимую прелесть для воображенія, притупленнаго однообразной пестротою настоящаго, ежедневнаго?

Спѣшимъ замѣтить, что упреки сіи вовсе не касаются „Юрія Милославскаго". Г. Загоскинъ точно переноситъ насъ въ 1612 годъ. Добрый нашъ народъ, бояре, казаки, монахи, буйные шиши — все это угадано, все это дѣйствуетъ, чувствуетъ, какъ должно было дѣйствовать, чувствовать въ смутныя времена Минина и Авраамія Палицына. Какъ живы, какъ занимательны сцены старинной русской жизни, сколько истины, добродушной веселости въ изображеніи характеровъ Кирши, Алексѣя Бурнаша, Ѳедьки Хомяка, пана Копычинскаго, батьки Еремѣя! Романическое происшествіе безъ насилія входитъ въ раму обширнѣйшую происшествія историческаго. Авторъ не спѣшитъ своимъ разсказомъ, останавливается на подробностяхъ, заглядываетъ и въ сторону, но никогда не утомляетъ читателя. Разговоръ (живой, драматическій вездѣ, гдѣ онъ простонароденъ) обличаетъ мастера своего дѣла. Но неоспоримое дарованіе г. Загоскина замѣтно измѣняетъ ему, когда онъ приближается къ лицамъ историческимъ. Рѣчь Минина на нижегородской площади слаба: въ ней нѣтъ порывовъ народнаго краснорѣчія. Боярская дума изображена холодно. Можно замѣтить два-три легкіе анахронизма и нѣкоторыя погрѣшности противъ языка и костюма. Напр. новѣйшее выраженіе: столбовой дворянинъ, употреблено въ смыслѣ человѣка знатнаго рода (мужа честна, какъ говорятъ лѣтописцы); охотиться, вмѣсто: ѣздить на охоту; пользовать, вмѣсто лѣчить. Эти два послѣднія выраженія не простонародныя, какъ видно полагаетъ авторъ, но просто принадлежатъ языку дурного общества. Быть въ отвѣтѣ значило въ старину: быть въ посольствѣ. Нѣкоторыя пословицы употреблены авторомъ не въ ихъ первобытномъ смыслѣ: изъ сказки слóва не выкинешь, вмѣсто изъ пѣсни. Въ пѣснѣ слова составляютъ стихъ, и слóва не выкинешь, не испортивъ склада; сказка—дѣло другое. Но сіи мелкія погрѣшности и другія, замѣченныя въ 1-мъ № „Московскаго Вѣстника" нынѣшняго года, не могутъ повредить блистательному, вполнѣ заслуженному успѣху „Юрія Милославскаго".

23.
О Запискахъ Сансона [1].

Напечатано въ № 5 „Л. Г."

Французскіе журналы извѣщаютъ насъ о скоромъ появленіи Записокъ Сансона, парижскаго палача. Этого должно было

[1]) Въ Л. Г.: Самсона. Mémoires de Sanson, mis en ordre, rédigées et publiées par H. Sanson, éxécuteur des hautes œuvres etc. вышли въ свѣтъ только въ 1862 г. (6 vol. in 8⁰). Рус. переводъ, 6 т., Спб. 1864—67. Упоминаемыя въ этой статьѣ запис-

ожидать. Вотъ до чего довела насъ жажда новизны и сильныхъ впечатлѣній!

Послѣ соблазнительныхъ исповѣдей философіи XVIII вѣка, явились политическія, не менѣе соблазнительныя откровенія. Мы не довольствовались видѣть людей извѣстныхъ въ колпакѣ и въ шлафрокѣ; мы захотѣли послѣдовать за ними въ ихъ спальню и далѣе. Когда намъ и это надоѣло, явилась толпа людей темныхъ, съ позорными своими сказаніями. Но мы не остановились на безстыдныхъ запискахъ Генріеты Вильсонъ, Казановы и Современницы. Мы кинулись на плутовскія признанія полицейскаго шпіона и на поясненія оныхъ клейменаго каторжника. Журналы наполнились выписками изъ Видока [2]). Поэтъ Гюго не постыдился въ немъ искать вдохновеній для романа, исполненнаго огня и грязи. Недоставало палача въ числѣ новѣйшихъ литераторовъ. Наконецъ и онъ явился, и къ стыду нашему скажемъ, что успѣхъ его Записокъ кажется несомнительнымъ.

Не завидуемъ людямъ, которые, основавъ свои разсчеты на безнравственности нашего любопытства, посвятили свое перо повторенію сказаній, вѣроятно безграмотнаго, Сансона. Но признаемся же и мы, живущіе въ вѣкѣ признаній: съ нетерпѣливостію, хотя и съ отвращеніемъ, ожидаемъ мы Записокъ парижскаго палача. Посмотримъ, что есть общаго между нимъ и людьми живыми? На какомъ звѣриномъ ревѣ объяснитъ онъ свои мысли? Что скажетъ намъ сіе твореніе, внушившее графу Мейстру столь поэтическую, столь страшную страницу? что скажетъ намъ сей человѣкъ, въ теченіе сорока лѣтъ кровавой жизни своей присутствовавшій при послѣднихъ содроганіяхъ стольких жертвъ, и славныхъ, и неизвѣстныхъ, и священныхъ, и ненавистныхъ? Всѣ, всѣ онѣ — его минутные знакомцы—чредой пройдутъ передъ нами по гильотинѣ, на которой онъ, свирѣпый фигляръ, играетъ свою однообразную роль. Мученики, злодѣи, герои—и царственный страдалецъ, и убійца его, и Шарлотта Кордé [3]), и прелестница Дю-Барри [4]), и безумецъ Лувель [5]), и мятежникъ Бертонъ, и лѣкарь Кастенъ, отравлявшій своихъ ближнихъ, и Папавуанъ, рѣзавшій дѣтей: мы ихъ увидимъ опять въ послѣднюю, страшную минуту. Головы, одна за другою, западаютъ передъ нами, произнося каждая свое послѣднее слово... И насытивъ жестокое наше любопытство, книга палача займетъ свое мѣсто въ библіотекахъ, въ ожиданіи ученыхъ справокъ будущаго историка.

ки Казановы вышли на нѣмецкомъ языкѣ въ Лейпцигѣ, 1826—32, 10 т. 8⁰. Записки Вильсонъ (Mém. d'Henriette Wilson, concernant plusieurs grands personnages d'Angleterre, trad. par. J. A. Lardier) вышли въ Парижѣ, 1825, 8 т. in 22⁰. (Соч. П., о. л. л. п. у., V, стр. 85).

[2]) Въ „Галатеѣ“ 1829 г.—Видокъ—франц. полицейскій сыщикъ (1775—1857). Сосланный за мошенничество на галеры, онъ бѣжалъ оттуда и вступилъ на службу въ парижскую полицію.

[3]) См. т. I, стр. 170.

[4]) Графиня Дю-Барри (1746—1793)—временщица при Людовикѣ XV, погибшая на гильотинѣ.

[5]) Пьеръ Луи Лувель (1783—1820)—убившій изъ ненависти къ Бурбонамъ герцога Беррійскаго 13 февр. 1820 г.

24.

О Разговорѣ у княгини Халдиной, Фонъ-Визина.

Замѣтка эта, помѣщенная въ № 7 Л. Г., написана по поводу вновь открытаго рукописнаго сочиненія Ф. Визина: „Разговоръ у княгини Халдиной". „Разговоръ" принадлежитъ къ числу нѣсколькихъ статей, заготовленныхъ Ф. Визинымъ для сатирическаго журнала „Другъ честныхъ людей, или Стародумъ", который намѣревался издавать Ф. Визинъ въ 1788 г., но который не былъ ему разрѣшенъ. „Разговоръ" имѣетъ форму письма отъ Стародума, въ которое и включена бесѣда княгини Халдиной съ Сорванцовымъ и Здравомысломъ. Сорванцовъ разсказываетъ княгинѣ свою жизнь, которая представляетъ цѣлый рядъ вопіющихъ злоупотребленій помощію взяточничества, и о собственной непригодности къ судейской должности, которую занимаетъ, не будучи къ тому совсѣмъ приготовленнымъ. Вошедшій во время этой бесѣды Здравомыслъ высказываетъ мысли о необходимости науки для лицъ, занимающихъ государственныя должности, о необходимости преподаванія въ университетахъ наукъ политическихъ. На высказанное Здравомысломъ желаніе видѣть взяточничество искорененнымъ, Сорванцовъ объясняетъ, что это дѣло невозможное, потому что на жалованье жить чиновникъ не можетъ. Воспоминанія Сорванцова и княгини Халдиной о ихъ воспитаніи даютъ поводъ къ сатирическому очерку семейной жизни, гдѣ дѣти поручаются невѣжественному иностранцу, внушающему своимъ воспитанникамъ ненависть къ ихъ отечеству, и воспитаніе ограничивается однимъ питаніемъ.

Пушкинъ въ краткой замѣткѣ своей характеризуетъ отрывокъ Ф. Визина, защищая его подлинность на основаніи согласія его содержанія и формы съ другими сочиненіями автора.

Недавно въ одномъ изъ нашихъ журналовъ изъявили сомнѣніе: точно ли „Разговоръ у княгини Халдиной", напечатанный въ 3-мъ № „Литературной Газеты", есть сочиненіе Фонъ-Визина. Во-первыхъ, родной племянникъ покойнаго автора ручается въ достовѣрности онаго; во вторыхъ, не такъ легко, какъ думаютъ, поддѣлаться подъ руку творца Недоросля и Бригадира: кто хотя немного изучалъ духъ и слогъ Фонъ-Визина, тотъ узнаетъ тотчасъ ихъ несомненные признаки и въ „Разговорѣ". Статья сія замѣчательна не только какъ литературная рѣдкость, но и какъ любопытное изображеніе нравовъ и мнѣній, господствовавшихъ у насъ лѣтъ сорокъ тому назадъ. Княгиня Халдина говоритъ Сорванцову ты, онъ ей также. Она бранитъ служанку, зачѣмъ не пустила она гостя въ уборную. „Развѣ ты не знаешь, что я при мужчинахъ люблю одѣваться?"—„Да вѣдь стыдно, В. С.", отвѣчаетъ служанка.—„Глупа, радость", возражаетъ княгиня. Все это, вѣроятно, было списано съ натуры. Мы и тутъ узнаёмъ подражаніе нравамъ парижскимъ. Изображеніе Сорванцова достойно кисти, нарисовавшей семью Простаковыхъ. Онъ записался въ службу, чтобы ѣздить цугомъ. Онъ проводитъ ночи за картами— и спитъ въ присутственномъ мѣстѣ во время чтенія запутаннаго дѣла. Онъ чувствуетъ нелѣпость дѣловой бумаги—и соглашается съ мнѣніемъ прочихъ изъ лѣности и безпечности. Онъ продаетъ кре-

стьянъ въ рекруты—и умно разсуждаетъ о просвѣщеніи. Онъ взятокъ не беретъ изъ тщеславія—и хладнокровно извиняетъ бѣдныхъ взяткобрателей. Словомъ, онъ истинно русскій баричъ прошлаго вѣка, каковымъ образовала его природа и полупросвѣщеніе. Здравомыслъ напоминаетъ Правдина и Стародума, хоть въ немъ и менѣе педантства Прочитавъ „Разговоръ у княгини Халдиной", пожалѣешь невольно, что не Фонъ-Визину досталось изображать новѣйшіе наши нравы.

25.

О статьяхъ кн. Вяземскаго.

„Въ литературной моей жизни", писалъ кн. П. А. Вяземскій въ автобіографическомъ введеніи (1876) къ изданію его сочиненій [1]) „было только два періода постоянной дѣятельности, а именно, когда я участвовалъ въ изданіи журнала Телеграфъ, и когда писалъ біографію Ф. Визина. Обѣ дѣятельности были почти случайныя. Одна обязана холерѣ, другая вотъ какимъ обстоятельствамъ: Полевой былъ въ то время еще литераторомъ in partibus infidelium. Едва ли не противъ меня были обращены первыя дѣйствія его. По крайней мѣрѣ ему приписывали довольно бранное посланіе на имя мое, напечатанное въ „Вѣстникѣ Европы", въ отвѣтъ на мое извѣстное и также не слишкомъ вѣжливое посланіе къ Каченовскому. Какъ бы то ни было Полевой со мной познакомился и бывалъ у меня по утрамъ. Однажды засталъ онъ у меня гр. Михаила Вьельгорскаго. Рѣчь зашла о журналистикѣ. Вьельгорскій спросилъ Полевого, что̀ онъ дѣлаетъ теперь.—Да покамѣстъ ничего,—отвѣчалъ онъ.—Зачѣмъ не приметесь вы издавать журналъ? продолжалъ графъ. Тотъ благоразумно отнѣкивался за недостаткомъ средствъ и другихъ приготовительныхъ пособій. Юноша былъ тогда скроменъ и застѣнчивъ. Вьельгорскій настаивалъ и преслѣдовалъ мысль свою; онъ указалъ на меня, что я и пріятели мои не откажутся содѣйствовать ему въ предпріятіи его, и т. д.; дѣло было рѣшено... Я закабалилъ себя Телеграфу. Почти въ одно время закабалилъ себя Пушкинъ Московскому Вѣстнику. Но онъ скоро вышелъ изъ кабалы, а я втерся и въѣлся въ свою всѣми помышленіями и всѣмъ тѣломъ. Журнальная дѣятельность была по мнѣ. Пушкинъ и Мицкевичъ увѣряли, что я рожденъ памфлетеромъ, открылось бы только поприще. Иная книжка Телеграфа была наполовину наполнена мною, или матеріалами, которые сообщалъ я въ журналъ.—Журналъ удался: отъ него пахло новизною... Сначала медовые мѣсяцы сожитія моего съ Полевымъ шли благополучно, работа кипѣла. Не было недостатка въ досадѣ, зависти и брани прочихъ журналовъ. Все это было по мнѣ; все подстрекало, подбивало меня. Я стоялъ въ боевой стѣнѣ, стрѣлялъ изо всѣхъ орудій, партизанилъ, наѣздничалъ и подъ собственнымъ именемъ, и подъ разными заимствованными именами и буквами. „Журнальный сыщикъ" все ловилъ на лету. Потѣха, да и только. Но послѣ издатель началъ дѣлать попытки по своему усмотрѣнію: печаталъ статьи, изъявлялъ мнѣнія, которыя выходили совершенно въ разрѣзъ съ моими, прибавлю—не въ отношеніи политическомъ и либеральномъ, нѣтъ — просто въ личномъ и чисто литературномъ. Мнѣ это не понравилось, и я отказался отъ сотрудничества...

---

[1]) См. „Полн. Собр. соч. кн. П. А. | Вяземскаго". Т. I 1878.

„При переѣздѣ въ Петербургъ на житье, принималъ я участіе въ „Литературной Газетѣ“ Дельвига, позднѣе въ „Современникѣ“ Пушкина. Но дѣятельность моя тутъ и тамъ далека была отъ прежней моей телеграфической дѣятельности...“

Такъ вспоминалъ самъ кн. Вяземскій о своей журнальной дѣятельности. Пушкинъ въ замѣткѣ своей характеризуетъ критическія статьи его, въ которыхъ цѣнилъ особенно остроуміе и приличіе тона; несмотря на нѣкоторыя разногласія во взглядахъ до конца своего поприща, Пушкинъ принадлежалъ къ одному литературному лагерю съ кн. Вяземскимъ, котораго впослѣдствіи пригласилъ участвовать и въ своемъ „Современникѣ“. Теперь же, въ 1830 г., Пушкинъ въ газетѣ Дельвига пользуется случаемъ, чтобы, защищая кн. Вяземскаго отъ нападокъ журналистики, напомнить о необходимости приличія въ этой области литературы, что́ дѣлалъ неоднократно. Литературный кругъ друзей Пушкина постоянно пытался облагородить журнальную сферу, которая сильно нуждалась въ томъ. Вотъ какъ характеризовалъ кн. Вяземскій въ заключеніи письма своего А. И. Готовцевой (въ томъ же 1830 году) состояніе нашей журналистики: „Духъ критики нѣкоторыхъ журналовъ... исторгнулся изъ границъ не только литературнаго и общежительнаго, но и нравственнаго приличія. Судить ихъ нечего: довольно и того, что остаются за ними, по силѣ печати, въ вѣчное и потомственное владѣніе, нареканія, коими они перекидывались между собою въ частыхъ своихъ схваткахъ. Не скажешь ничего сильнѣе и оскорбительнѣе того, что они другъ другу говорятъ. Тутъ только слушай и любуйся, а прибавлять нечего. Въ политическихъ сношеніяхъ журнальныхъ кабинетовъ видимъ мы нерѣдко, послѣ продолжительныхъ браней, союзы насильственные, худо и на скорую руку по обстоятельствамъ слѣпленные; но вслѣдъ за этими мировыми сдѣлками не можетъ быть уваженія ни между примирившимися, ни со стороны, потому что оружія, употребленныя воевавшими, были недостойны образованныхъ и честныхъ противниковъ. О литературномъ состояніи нашей республики письменъ говорить почти нечего; но можно и должно бы написать обозрѣніе нравственнаго состоянія литературы нашей. Литературу называютъ выраженіемъ общества: слѣдуетъ вступиться за общество, изобличая лживость выраженія поддѣльнаго и оскорбительнаго для чести ея. Литература наша, т. е. журнальная, то воинственная, то рыночная, не есть выраженіе общества, а развѣ нѣкоторыхъ темныхъ закоулковъ его. Но я опять запутался въ этихъ закоулкахъ и забылъ, что служу вамъ проводникомъ: извините меня, впередъ не буду“.

Замѣтка Пушкина, помѣщенная въ № 10 „Литературной Газеты“, вызвана тѣмъ же горькимъ сознаніемъ низкаго состоянія нашей журналистики, которое высказано въ этихъ словахъ письма кн. П. А. Вяземскаго. Оно же вызвало ироническое заключеніе замѣтки Пушкина.

Нѣкоторые журналы, обвиненные въ неприличности ихъ полемики, указали на кн. Вяземскаго, какъ на зачинщика брани, господствующей въ нашей литературѣ. Указаніе не искреннее. Критическія статьи кн. Вяземскаго носятъ на себѣ отпечатокъ ума тонкаго, наблюдательнаго, оригинальнаго. Часто не соглашаешься съ его мыслями, но онъ заставляетъ мыслить. Даже тамъ, гдѣ его мнѣнія явно противорѣчатъ нами принятымъ понятіямъ, оно невольно увлекаетъ необыкновенною силою разсужденія (discussion) и ловкостію самаго софизма. Эпиграмматическіе разборы его могутъ казаться обидными

самолюбію авторскому, но кн. Вяземскій можетъ смѣло сказать, что личность его противниковъ никогда не была имъ оскорблена; они же всегда преступаютъ черту литературныхъ преній, и поминутно, думая напасть на писателя, вызываютъ на себя негодованіе члена общества и даже гражданина. Но должно ли на нихъ негодовать? Не думаемъ. Въ нихъ болѣе извинительнаго незнанія приличій, чѣмъ предосудительнаго намѣренія. Чувство приличія зависитъ отъ воспитанія и другихъ обстоятельствъ. Люди свѣтскіе имѣютъ свой образъ мыслей, свои предразсудки, непонятные для другой касты. Какимъ образомъ растолкуете вы мирному алеуту поединокъ двухъ французскихъ офицеровъ? Щекотливость ихъ покажется ему чрезвычайно странною, и онъ чуть ли не будетъ правъ.

Доказательствомъ, что журналы наши никогда не думали выходить изъ границъ благопристойности, служитъ ихъ добродушное изумленіе при таковыхъ обвиненіяхъ и ихъ единогласное указаніе на того, чьи произведенія болѣе всего носятъ на себѣ печать ума свѣтскаго и тонкаго знанія общежитія.

26.

О каррикатурѣ въ Англіи.

Эта замѣтка, напечатанная въ № 12 Л. Г., была вызвана пародіями стихотвореній поэтовъ Пушкинскаго кружка, помѣщавшихся въ особомъ сатирическомъ приложеніи къ „Моск. Телеграфу", подъ заглавіемъ: „Выдержки изъ новаго альманаха: „Литературное Зеркало". Здѣсь пародировались стихотворенія Дельвига (съ подписью: Ѳеокритовъ), кн. П. А. Вяземскаго (Шольё-Андреевъ), Баратынскаго (И. Пустоцвѣтовъ) и, наконецъ, Пушкина (Гамлетовъ).— Замѣтка Пушкина напечатана въ „Литературной Газетѣ", вслѣдъ за 2-й статьей объ исторіи Полевого [1]).

Англія есть отечество каррикатуры и пародіи. Всякое замѣчательное происшествіе подаетъ поводъ къ сатирической картинкѣ; всякое сочиненіе, ознаменованное успѣхомъ, подпадаетъ подъ пародію. Искусство поддѣлываться подъ слогъ извѣстныхъ писателей доведено въ Англіи до совершенства. Вальтеръ-Скотту показывали однажды стихи, будто бы имъ сочиненные. „Стихи, кажется, мои", отвѣчалъ онъ смѣясь: „я такъ много и такъ давно пишу, что не смѣю отречься отъ этой безсмыслицы!"—Не думаю, чтобы кто-нибудь изъ извѣстныхъ нашихъ писателей могъ узнать себя въ пародіяхъ, напечатанныхъ недавно въ одномъ изъ московскихъ журналовъ. Сей родъ шутокъ требуетъ рѣдкой гибкости слога; хорошій пародистъ обладаетъ всѣми слóгами, а нашъ едва ли и однимъ. Впрочемъ, и у насъ есть очень удачный опытъ: г-нъ Полевой очень забавно пародировалъ Гизота и Тьерри [2]).

---

[1]) См. соч. П., изд. о. п. н. л. п у., т. Ѵ, стр. 88.

[2]) Въ своей „Исторіи Русскаго Народа" (см. выше № 21).

27.

О гекзаметрахъ Мерзлякова.

Эта замѣтка, напечатанная въ № 16 Л. Г., была вызвана замѣткою Надеждина въ „Моск. Вѣстникѣ“ за подписью: д ж д.

Въ третьемъ нумерѣ „Московскаго Вѣстника“ на нынѣшній годъ мы прочли слѣдующее замѣчаніе: „Въ предисловіи къ переводу Иліады, которымъ подарилъ русскую словесность г. Гнѣдичъ, говорится объ опытахъ гекзаметрами Жуковскаго и Дельвига—и ни слова о гекзаметрахъ Мерзлякова, который прежде всѣхъ въ наше время ввелъ эту мѣру. Не понимаемъ, что значитъ такое упущеніе, и въ слѣдующемъ нумерѣ предложимъ документы въ подтвержденіе истины нашихъ словъ, въ пособіе будущему историку русской словесности“. Странно, подумали мы, обвинять Гнѣдича въ проступкѣ, имъ не сдѣланномъ! Въ предисловіи къ Иліадѣ не говорится, кто у насъ первый по возобновленіи началъ слагать гекзаметры, а именуются два писателя, которыхъ стихи нравятся переводчику Гомера. Можно не раздѣлять съ человѣкомъ образа мыслей, даже осуждать вкусъ его; но требовать, чтобы онъ чувствовалъ, какъ мы, или еще болѣе, укорять его, какъ сдѣлано въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, зачѣмъ онъ не говоритъ, чего мы желаемъ—несправедливо. Тѣмъ не менѣе, ожидали мы четвертаго нумера сего журнала, надѣясь найти въ немъ, для повѣрки нашего мнѣнія о трудахъ г. Мерзлякова, исчисленіе его гекзаметрическихъ пьесъ и хотя поверхностное сужденіе объ оныхъ. Ожидали съ любопытствомъ, потому что знали изъ числа ихъ только двѣ-три небрежныя попытки въ переводахъ съ древнихъ, и читали въ „Трудахъ московскаго общества любителей словесности“ его мнѣніе, что гекзаметръ у насъ существовать не можетъ, ибо русскій языкъ не пѣвучій. Наконецъ желанный нумеръ вышелъ, и въ длинной, ученической диссертаціи о старикѣ Гомерѣ, мы прочли, что „честь торжественнаго введенія гекзаметра въ святилище русской словесности составляетъ одну изъ многочисленныхъ заслугъ почтеннаго профессора и поэта, подарившаго насъ прекраснымъ переводомъ изъ Одиссеи и нѣкоторыми оригинальными стихотвореніями въ гекзаметрахъ, задолго до появленія первыхъ отрывковъ изъ настоящаго преложенія Иліады“. Признаемся, къ стыду нашему, мы не знаемъ ни одного оригинальнаго гекзаметрическаго стихотворенія г. Мерзлякова; на переводъ же Одиссеи ссылаться нельзя, хотя при первомъ изданіи его и было сказано, что онъ переведенъ размѣромъ подлинника. Всякій, умѣющій скандовать стихъ, увидитъ, что помянутый отрывокъ переведенъ не древними гекзаметрами, а неровными амфибрахіями: то шестистопными, то пятистопными, и даже есть одинъ стихъ четырехстопный. Такъ неотчетливо привыкли и осуждать, и хвалить въ нашихъ журналахъ. Такъ, въ Московскомъ же Вѣстникѣ прошлаго года укоряли барона Дельвига, зачѣмъ онъ иногда въ пятой стопѣ гекзаметра замѣняетъ дактиль хореемъ. Баронъ Дельвигъ виноватъ въ этомъ только тѣмъ, что не зная правилъ своего критика, слѣдовалъ примѣру Гомера, Вир-

гилія, Горація, Фосса, и правиламъ, изложеннымъ Германомъ и другими европейскими учеными. Обратимся къ переводамъ г. Мерзлякова. Гекзаметрами онъ переложилъ: изъ Иліады начало пѣсни VII-й, единоборство Аякса и Гектора; изъ Каллимаха - Гимнъ Аполлону; изъ идиллій Моска—Европа; изъ Овидіевыхъ Превращеній—Дафна, и Пирамъ и Тизбе. Если произведенія каждаго искусства вначалѣ должны носить на себѣ печать несовершенства, то сіи пьесы имѣютъ неотъемлемое право на первородство. Въ нихъ напрасно вы будете искать важной и вѣрной гармоніи Гомера, роскошнаго благозвучія Моска, и до изысканности щеголеватыхъ стиховъ Овидія; въ нихъ вы замѣтите одно намѣреніе кое-какъ высказать нечистымъ прозаическимъ языкомъ поэзію подлинника. Словомъ, если г. Гнѣдичъ и зналъ о сихъ опытахъ, то умолчалъ о нихъ по причинамъ понятнымъ. Онъ первый изъ русскихъ переводчиковъ съ древнихъ—чувствовалъ все достоинство своего подлинника и все неприличіе шутить надъ искусствомъ и своими читателями.

28.

Объясненіе къ замѣткѣ объ Иліадѣ.

Напечатано въ № 17 Л. Г.

Въ одномъ изъ московскихъ журналовъ выписываютъ объявленіе объ „Иліадѣ", напечатанное во 2-мъ № „Литературной Газеты" [1]), и говорятъ, что сіе воззваніе на счетъ (?) труда г-на Гнѣдича обнаруживаетъ духъ партіи, которая въ литературѣ не должна быть терпима. Въ доказательство чего даютъ затѣтить, что въ „Литературной Газетѣ" сказано: „Русская Иліада должна имѣть важное вліяніе на отечественную словесность"; а что въ предисловіи къ своему переводу Н. И. Гнѣдичъ похвалилъ гекзаметры барона Дельвига.

Вотъ лучшее доказательство правила, слишкомъ пренебрегаемаго нашими критиками: ограничиваться замѣчаніями чисто-литературными, не примѣшивая къ онымъ догадокъ на счетъ постороннихъ обстоятельствъ, догадокъ, большею частію столь же несправедливыхъ, какъ и неблагопристойныхъ. Объявленіе о переводѣ „Иліады" писано мною и напечатано во время отсутствія барона Дельвига. Принужденнымъ нахожусь сказать, что нынѣшнія отношенія барона Дельвига къ Н. И. Гнѣдичу не суть дружескія; но, какъ бы то ни было, это не можетъ повредить ихъ взаимному уваженію. Н. И. Гнѣдичъ, по благородству чувствъ, ему свойственному, откровенно сказалъ свое мнѣніе на счетъ таланта барона Дельвига, похваливъ произведенія музы его. Примѣръ утѣшительный въ нынѣшнюю эпоху русской литературы *). *Александръ Пушкинъ.*

---

*) Ужели переводъ „Иліады" столь незначителенъ, что Н. И. Гнѣдичу нужно покупать себѣ похвалы? Если же нѣтъ, то неужели критикъ, по предполагаемой пріязни съ переводчикомъ, долженъ непремѣнно бранить трудъ его, чтобы показать свое безпристрастіе? *А. П.*

---

[1]) См. выше, № 19.

29.

О Запискахъ Видока.

Напеч. въ № 20 Л. Г.

„Самымъ ожесточеннымъ противникомъ Пушкина“, замѣчаетъ М. И. Сухомлиновъ (1884), „былъ Булгаринъ, большой охотникъ до журнальной полемики и обличительныхъ статей... Не говоря уже о различіи литературныхъ взглядовъ и направленій... самыя условія, въ которыя поставленъ былъ Пушкинъ, давали новую пищу недовѣрію къ Булгарину, пользовавшемуся особеннымъ покровительствомъ сильныхъ тогдашняго міра. Извѣстно, что Пушкинъ находился подъ постояннымъ надзоромъ Бенкендорфа [1]), а о Булгаринѣ ходили слухи, что онъ состоитъ при Бенкендорфѣ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, преимущественно по литературнымъ дѣламъ. Трудно было разобраться во всѣхъ этихъ слухахъ и предположеніяхъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если на Булгарина падали подозрѣнія, въ иныхъ случаяхъ и неосновательныя, тѣмъ болѣе, что самъ Булгаринъ не прочь былъ подчасъ похвалиться своею дружбою съ Бенкендорфомъ и Дубельтомъ.

„Появленіе романа Булгарина „Дмитрій Самозванецъ“ послужило однимъ изъ сильнѣйшихъ поводовъ къ полемикѣ, достигшей крайняго раздраженія и вышедшей изъ литературныхъ предѣловъ. Предчувствуя бѣду, Булгаринъ пишетъ Пушкину:

„Съ величайшимъ удивленіемъ услышалъ я отъ Олина [2]), будто вы говорите, что я ограбилъ вашу трагедію „Борисъ Годуновъ“, переложилъ ваши стихи въ прозу и взялъ изъ вашей трагедіи сцены для моего романа! Александръ Сергѣевичъ, поберегите свою славу! Можно ли взводить на меня такія небылицы? Я не читалъ вашей трагедіи, кромѣ отрывковъ печатныхъ, я слыхалъ только о ея составѣ отъ читавшихъ и отъ васъ. Мнѣ разсказали содержаніе, и я, признаюсь, не соглашался во многомъ. Говорятъ, что вы хотите напечатать въ „Лит. Газетѣ“, что я обокралъ вашу трагедію!.. Для меня непостижимо, чтобы въ литературѣ можно было дойти до такой степени... Съ истиннымъ уваженіемъ и любовью есть вашъ навѣки Ѳ. Булгаринъ“.

„Письмо Булгарина писано 18 февр. 1830 г., а 7 марта того же года появился въ „Лит. Газетѣ“ разборъ романа Булгарина: „Дмитрій Самозванецъ“. О заимствованіяхъ изъ „Бориса Годунова“ не было сказано ни слова въ этомъ разборѣ. Только впослѣдствіи, въ самомъ разгарѣ полемики, въ „Л. Г.“ сдѣлано ироническое замѣчаніе объ искусствѣ Булгарина пользоваться чужими трудами: „Въ Сѣверной Пчелѣ прочли мы, будто бы Пушкинъ, описывая Москву, взялъ обильную дань изъ „Горя отъ ума“, и просимъ не прогнѣваться—изъ другой извѣстной книги. Не называетъ ли Сѣверная Пчела извѣстною книгою Ивана Выжигина? [3]) Обвинилъ Пушкина и въ другомъ, еще важнѣйшемъ похищеніи: онъ многое заимствовалъ изъ романа Дмитрій Самозванецъ, и сими хищеніями удачно съ искусствомъ, ему свойственнымъ, украсилъ свою историческую трагедію: Борисъ Годуновъ; хотя тоже, по странному стеченію обстоятельствъ, написанную за пять лѣтъ до рожденія историческаго романа г. Булгарина“ [4]).

---

[1]) См. т. I. стр. 229.

[2]) См. т. I. стр. 282.

[3]) „Иванъ Выжигинъ“,—романъ Булгарина.

[4]) Л. Г. 1830, стр. 6, № 20.

„Особенно обиднымъ для Булгарина было то, что его не считаютъ русскимъ писателемъ [5]). Въ разборѣ романа, помѣщенномъ въ „Л. Г.“, между прочимъ сказано: „Мы будемъ снисходительны къ роману Димитрій Самозванецъ: мы извинимъ въ немъ повсюду высказывающееся пристрастное предпочтеніе народа польскаго передъ русскимъ. Намъ пріятно видѣть въ г. Булгаринѣ поляка, ставящаго выше всего свою націю; но мы бы еще съ бо́льшимъ удовольствіемъ прочли повѣсть о тѣхъ временахъ, сочиненную писателемъ русскимъ“ [6]). Ав-

---

[5]) Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ (Thaddeus Bulharyn) род. 1789 г. въ Виленской или Минской губ. Отецъ его, рьяный республиканецъ, извѣстный въ округѣ своей подъ именемъ шальнаго (szalny) Булгарина въ пылу польской революціи 1794 г. убилъ русскаго генерала Воронова и былъ сосланъ на жительство въ Сибирь. Жена его отправилась съ сыномъ Ѳаддеемъ въ Петербургъ и помѣстила его въ Сухопутный (послѣ первый) кадетскій корпусъ. Мужъ ея былъ возвращенъ на родину Имп. Павломъ и вскорѣ умеръ. Вдова вышла замужъ за Менджинскаго. Ѳаддей, нареченный такъ въ честь Костюшки, учился въ корпусѣ хорошо. По окончаніи курса поступилъ въ уланскій полкъ, подъ команду В. Кн. Константина Павловича; участвовалъ въ походахъ 1805—1807 годовъ. Раненный въ животъ при Фридландѣ, долго лежалъ въ кенигсбергскомъ лазаретѣ. Тамъ поляки, служившіе въ арміи Наполеона, приглашали его перейти къ французамъ. Булгаринъ отвѣчалъ: „Теперь было бы безчестно это сдѣлать, дайте срокъ: заключатъ миръ; подамъ въ отставку и прикачу къ коханымъ“. Когда полкъ его стоялъ въ Ревелѣ, Булгаринъ привелъ въ исполненіе свой замыселъ. Вышедши въ отставку (а можетъ быть, состоя еще на службѣ), онъ выѣхалъ оттуда съ однимъ французомъ, графомъ де Кенсона, посѣтилъ свою мать на пути, прибылъ въ Варшаву и вступилъ въ одинъ сформированный французами уланскій полкъ рядовымъ. Изъ Варшавы былъ онъ отправленъ къ полку въ Испанію. Въ 1812 г. находился онъ въ корпусѣ маршала Удино, дѣйствовавшаго въ Литвѣ и Бѣлоруссіи противъ гр. Витгенштейна; въ 1813 г. участвовалъ въ сраженіи при Бауценѣ, потомъ при Кульмѣ. Въ кампанію 1814 г. во Франціи, былъ онъ взятъ въ плѣнъ. Булгаринъ оправдывался тѣмъ, что онъ передался французамъ въ то время (1810), когда Франція была съ Россіей въ дружбѣ и союзѣ. Въ Варшавѣ Булгаринъ, вмѣстѣ съ другими освобожденными поляками, явился къ цесаревичу Константину Павловичу, который принялъ его ласково и предлагалъ ему любое комендантское мѣсто въ царствѣ Польскомъ, но Булгаринъ отказался и занялся процессомъ своихъ родственниковъ, для чего переѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь въ 1820 г. познакомился съ Н. Гречемъ и въ его домѣ—съ литературнымъ кругомъ; сошелся и съ лицами, окружавшими Аракчеева. Потерявъ возможность продолжать съ успѣхомъ военную службу, Булгаринъ пошелъ въ стряпчіе; видя, что можно пріобрѣсти литературную извѣстность, а съ нею и состояніе, онъ наконецъ взялся за литературу. Сначала издалъ „Оды Горація“ съ коментаріями Ежевскаго и др., хотя зналъ латинскій яз. не болѣе того, какъ знаетъ какая-нибудь полька, посѣщающая костелъ. Потомъ обратился онъ къ русской и славянской исторіи. Набравъ нѣсколько историческихъ матеріаловъ, сталъ издавать съ 1822 г. „Сѣверный Архивъ“, въ которомъ нерѣдко впадалъ въ грубые промахи; потомъ при этомъ журналѣ сталъ издавать особые листки „Волшебнаго Фонаря“. Въ 1825, не прекращая этихъ изданій, Булгаринъ съ Н. Гречемъ основалъ газету „Сѣв. Пчелу“. Позволеніе на это изданіе получено было безъ труда. Булгаринъ былъ знакомъ съ бывшею потомъ женою Шишкова Лобаршевскою, и чрезъ нее втерся къ министру народнаго просвѣщенія, который даже считалъ Булгарина своимъ родственникомъ и причислилъ его къ 1826 г. къ министерству народнаго просвѣщенія. Затѣмъ Булгаринъ написалъ романъ: „Иванъ Ивановичъ Выжигинъ„ и историческій романъ „Димитрій Самозванецъ“. Позднѣе, въ 1836 г. онъ затѣялъ спекуляцію, сочиненіе книги: „Россія въ историческомъ, географическомъ и литературномъ отношеніи“. Послѣднимъ предпріятіемъ Булгарина были его „Воспоминанія“ или „Записки“ (въ „Библ. для Чт.“ 1848 г.) (См. Р. С. 1871, ноябрь).

[6]) Л. Г., марта 7, № 14.

торомъ критической статьи былъ бар. Дельвигъ: о Пушкинѣ замѣчено въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ: „А. С. Пушкину предлагали написать критику историческаго романа г. Булгарина: онъ отказался, говоря: „чтобы критиковать книгу [7], надобно ее прочесть, а я на свои силы не надѣюсь". Статья напечатана безъ имени автора, и Булгаринъ, полагая, что она принадлежитъ Пушкину, сталъ помѣщать въ „Сѣв. Пчелѣ" статьи, направленныя противъ Пушкина и какъ писателя, и человѣка. О замѣчательнѣйшей литературной новости своего времени, VII гл. Евг. Онѣгина, „Сѣв. Пчела" отозвалась какъ о пустой и жалкой книжонкѣ [8]... Перломъ полемической дѣятельности Булгарина служитъ статья, помѣщенная въ „Сѣв. Пчелѣ" подъ видомъ анекдота, заимствованнаго изъ англійскаго журнала, и наполненная рѣзкими и возмутительными выходками противъ Пушкина. По словамъ „Сѣв. Пчелы", Пушкинъ—человѣкъ безпутный и безнравственный, картежникъ, кутила, готовый на самую унизительную лесть для полученія камеръ-юнкерскаго мундира. Пушкинъ выведенъ подъ именемъ природнаго француза, а Булгаринъ подъ именемъ писателя-иноземца Гофмана. Сопоставленіе Булгарина съ франц. писателемъ Гофманомъ, нѣмцемъ по происхожденію, не разъ встрѣчается на страницахъ „Сѣв. Пчелы" и дѣлалось обыкновенно съ той цѣлью, чтобы возвысить Булгарина и уколоть критиковъ, не признававшихъ его вполнѣ русскимъ писателемъ. Возражая (въ этой газетѣ) Воейкову, Н. И. Гречъ говоритъ въ защиту своего „ловкаго" товарища: „Булгаринъ, конечно, родился въ Польшѣ, писалъ и по-польски, но теперь онъ пишетъ по-русски, и стяжалъ неотъемлемое право литератора русскаго. Вспомнимъ, что Гофманъ одинъ изъ первыхъ франц. критиковъ, по фамиліи нѣмецъ. Многіе статьи Булгарина переведены на нѣмецкій и французскій языки и украшаютъ лучшіе европейскіе журналы: подъ каждою отмѣчено: „переводъ съ русскаго языка". Самые строгіе критики иностранные отдаютъ справедливость его трудамъ по изданію „Сѣвернаго Архива" — прочтите разныя книжки и листки журналовъ: Geographische Ephemeriden, Annales des voyages, Morgenblatt, Abendzeitung, Freymüthiger, Lesefrüchte, и вы въ этомъ удостовѣритесь. Еще недавно Меркель, гроза германскихъ авторовъ-самозванцевъ, отозвался съ безпристрастною хвалою о статьяхъ Булгарина" и т. т. [9]).

„Ближайшимъ поводомъ къ злобной статьѣ Булгарина противъ Пушкина было приведенное нами мѣсто въ разборѣ Димитрія Самозванца. Вотъ какого рода анекдотъ разсказывается въ С. Пчелѣ англичаниномъ:

„Путешественники гнѣваются на нашу старую Англію (Old England), что чернь въ ней невѣжливо обходится съ иноземцами, и вмѣсто бранныхъ словъ употребляетъ названіе иноземнаго народа. Но подобные невѣжды есть вездѣ, и даже въ классѣ людей, имѣющихъ притязаніе на образованность. Tous les gascons ne sont pas en Gascogne! Извѣстно, что въ просвѣщенной Франціи иноземцы, занимающіеся словесностью, пользуются особеннымъ уваженіемъ туземцевъ. Мальте-Брунъ, Деппингъ, Гофманъ и др. служатъ тому примѣромъ. Надлежало имѣть исключеніе изъ правила, и появился какой-то французскій стихотворецъ, который, долго морочивъ публику передразниваніемъ Байрона и Шиллера (хотя не понималъ ихъ въ подлинникѣ), наконецъ, упалъ въ общемъ мнѣніи, отъ стиховъ хватился за критику, и разбранилъ новое сочиненіе Гофмана самымъ безстыднымъ образомъ. Чтобъ уронить Гофмана во мнѣніи французовъ, злой человѣкъ

---

[7]) Id., № 45.

[8]) Сѣв. Пч. 1830, марта 22, № 35.

[9]) С. О. 1825. № XI.

упрекнулъ автора тѣмъ, что онъ не природный французъ, и представляетъ въ комедіяхъ своихъ странности французовъ съ умысломъ, для возвышенія своихъ земляковъ-нѣмцевъ. Гофманъ, вмѣсто отвѣта на ложное обвиненіе и невѣжественный упрекъ, напечаталъ къ одному почтенному фр. литератору письмо слѣдующаго содержанія: „Дорожа вашимъ мнѣніемъ, спрашиваю у васъ, кто достоинъ болѣе уваженія изъ двухъ писателей: предъ вами предстаютъ на судъ, во 1-хъ природный французъ, служащій — усерднѣе Бахусу и Плутусу, нежели музамъ, который въ своихъ сочиненіяхъ не обнаружилъ ни одной высокой мысли, ни одного возвышеннаго чувства, ни одной полезной истины; у котораго сердце холодное и нѣмое существо какъ устрица, а голова—родъ побрякушки, набитой гремучими риѳмами, гдѣ не зародилась ни одна идея; который, подобно изступленнымъ, въ баснѣ Пильпая, бросающимъ камнями въ небеса, бросаетъ риѳмами во все священное, чванится передъ чернью вольнодумствомъ, а тишкомъ ползаетъ у ногъ сильныхъ, чтобъ позволили ему нарядиться въ шитый кафтанъ; который мараетъ бѣлые листы на продажу, чтобъ пустить деньги на крапленыхъ листахъ, и у котораго одно господствующее чувство—суетность. Во вторыхъ иноземецъ, который во всю жизнь не измѣнялъ ни правиламъ своимъ, ни характеру, былъ и есть вѣренъ долгу и чести, любилъ свое отечество до присоединенія онаго къ Франціи и послѣ присоединенія любитъ вмѣстѣ съ Франціей; который за гостепріимство заплатилъ Франціи собственною кровью на полѣ битвы, а нынѣ платитъ ей дань жертвою своего ума, чувствованій и пламеннымъ желаніемъ видѣть ее славною, великою, очищенною отъ всѣхъ моральныхъ недуговъ; который пишетъ только то, что́ готовъ сказать каждому въ глаза, и говоритъ, что́ радъ напечатать. Рѣшите, м. г., кто достоинъ болѣе уваженія“. На сіе французскій литераторъ отвѣчалъ слѣдующее: „Въ семьѣ не безъ урода. Трудитесь на полѣ нашей словесности, и не обращайте вниманія на пасущихся животныхъ, потребныхъ для удобренія почвы. Пристрастная критика есть матеріалъ удобренія; но этотъ матеріалъ, согнивая, не заражаетъ ни зерна, ни плода, а напротивъ утучняетъ ниву“. Утѣшься, Джонъ-Буль, не ты одинъ бросаешь камнями и грязью въ добрыхъ иноземцевъ“.

„Статья Булгарина была между прочимъ разсчитана и на то, чтобы еще болѣе повредить Пушкину во мнѣніи Бенкендорфа. Пушкинъ понялъ это очень хорошо, и въ приливѣ негодованія писалъ Бенкендорфу 24 марта 1830 г.: „Г. Булгаринъ, имѣющій, по его словамъ, у васъ вліяніе, сдѣлался моимъ жесточайшимъ врагомъ вслѣдствіе критики, которую онъ мнѣ приписываетъ. Послѣ гнусной статьи (l'infame article), написанной имъ обо мнѣ, я считаю его способнымъ на все. Я долженъ предупредить васъ о моихъ отношеніяхъ къ этому человѣку, ибо онъ могъ бы надѣлать мнѣ безчисленное множество бѣдъ“. Бенкендорфъ отвѣчалъ Пушкину: „Что касается до Булгарина, то онъ мнѣ никогда не говорилъ о васъ по той простой причинѣ, что я вижу его не болѣе двухъ-трехъ разъ въ годъ, и въ послѣднее время видѣлся съ нимъ только для того, чтобы сдѣлать ему выговоръ“.

„Литературнымъ отвѣтомъ Пушкина на вызовъ Булгарина была остроумная замѣтка о сочиненіи полицейскаго сыщика Видока, напечатанная въ Л. Г., апр. 6, № 20.

„Мѣткая статья Пушкина попала въ цѣль: въ Видокѣ всѣ узнали Булгарина“ [10]).

---

[10]) См. Полемическія статьи Пушкина, М. И. Сухомлинова. „Ист. Вѣстн.“ 1884, № 3.

Въ одномъ изъ нумеровъ Литературной Газеты упоминали о Запискахъ парижскаго палача; нравственныя сочиненія Видока, полицейскаго сыщика, суть явленіе не менѣе отвратительное, не менѣе любопытное.

Представьте себѣ человѣка безъ имени и пристанища, живущаго ежедневными донесеніями, женатаго на одной изъ тѣхъ несчастныхъ, за которыми по своему званію обязанъ онъ имѣть присмотръ, отъявленнаго плута, столь же безстыднаго, какъ и гнуснаго, и потомъ вообразите себѣ, если можете, что́ должны быть нравственныя сочиненія такого человѣка.

Видокъ въ своихъ запискахъ именуетъ себя патріотомъ, кореннымъ французомъ (un bon français), какъ будто Видокъ можетъ имѣть какое-нибудь отечество! Онъ увѣряетъ, что служилъ въ военной службѣ, и какъ ему не только дозволено, но и предписано всячески переодѣваться, то и щеголяетъ орденомъ почетнаго легіона, возбуждая въ кофейныхъ негодованіе честныхъ бѣдняковъ, состоящихъ на половинномъ жалованьѣ (officiers à la demi-solde). Онъ нагло хвастается дружбою умершихъ извѣстныхъ людей, находившихся въ сношеніи съ нимъ (кто молодъ не бывалъ? а Видокъ человѣкъ услужливый, дѣловой). Онъ съ удивительной важностью толкуетъ о хорошемъ обществѣ, какъ будто входъ въ оное можетъ ему быть дозволенъ, и строго разсуждаетъ объ извѣстныхъ писателяхъ, отчасти надѣясь на ихъ презрѣніе, отчасти по разсчету: сужденія Видока о Казимирѣ де-ла-Винѣ, о Б. Констанѣ должны быть любопытны именно по своей нелѣпости.

Кто бы могъ повѣрить? Видокъ честолюбивъ! Онъ приходитъ въ бѣшенство, читая неблагосклонный отзывъ журналистовъ о его слогѣ (слогъ г-на Видока!). Онъ при семъ случаѣ пишетъ на своихъ враговъ доносы, обвиняетъ ихъ въ безнравственности и вольнодумствѣ, и толкуетъ (не въ шутку) о благородствѣ чувствъ и независимости мнѣній: раздражительность смѣшная во всякомъ другомъ писакѣ, но въ Видокѣ утѣшительная, ибо видимъ изъ нея, что человѣческая природа, въ самомъ гнусномъ своемъ униженіи, все еще сохраняетъ благоговѣніе передъ понятіями, священными для человѣческаго рода.

Предлагается важный вопросъ:

Сочиненія шпіона Видока, палача Сансона и проч. не оскорбляютъ ни господствующей религіи, ни правительства, ни даже нравственности въ общемъ смыслѣ этого слова; со всѣмъ тѣмъ, нельзя ихъ не признать крайнимъ оскорбленіемъ общественнаго приличія. Не должна ли гражданская власть обратить мудрое вниманіе на соблазнъ новаго рода, совершенно ускользнувшій отъ предусмотрѣнія законодательства?

30.

О личностяхъ въ критикѣ.

Замѣтка эта была напечатана въ № 20 Л. Г.

Требуетъ ли публика извѣщенія, что такой-то журналистъ не хочетъ больше снимать шляпы передъ такимъ-то поэтомъ или про-

заикомъ? Конечно нѣтъ; но журналистъ объ этомъ публикуетъ, чтобъ его товарищъ, получающій по пріязни даромъ листки его (къ которому бы не мѣшало ему лучше зайти мимоходомъ, да словесно объявить о томъ), узналъ эту важную для нихъ новость. Впрочемъ, такія извѣщенія излагаютъ иногда съ нѣкоторою дипломатическою важностію. Въ одномъ московскомъ журналѣ вотъ какъ отзываются о книгѣ, въ которой собраны статьи разныхъ писателей: „Она не блеститъ именами знаменитаго созвѣздія русскихъ поэтовъ и прозаиковъ. Жалѣть ли объ этомъ? По крайней мѣрѣ мы не пожалѣемъ" [1]). Эти господа мы другъ друга вѣрно понимаютъ, но довѣрчивому, скромному и благомыслящему читателю понять здѣсь нечего. Какъ можно не пожалѣть, что въ книгѣ нѣтъ ни одной статьи, написанной человѣкомъ съ отличнымъ талантомъ? Наконецъ, всего смѣшнѣе, что и самъ критикъ, сначала обѣщавшій не жалѣть объ этомъ, признается послѣ, что въ этой книгѣ, которой ему не хотѣлось бы осуждать, нѣтъ ни одной статьи путной: въ 1-й статьѣ нѣтъ общности; во 2-й авторъ не умѣетъ разсказывать; 3-ю читать скучно; 4-я старая пѣсня; въ 5-й надоѣдаютъ офицеры съ своимъ питьемъ, ѣдою, чаемъ и трубками; 6-я перепечатана; 7-я тоже, и такъ далѣе. Вотъ до какого противорѣчія доводятъ личности. Ужели названія порядочнаго и здравомыслящаго человѣка лишились въ наше время цѣны своей?

31.

О неблаговидности нападокъ на дворянство.

Замѣтки „О неблаговидности нападокъ на дворянство" и „О выходкахъ противъ литературной аристократіи" появились: 1-я въ № 36, а 2-я—въ № 45 Л. Г. Первая напечатана вслѣдъ за статьею кн. Вяземскаго: „О духѣ партій; о литературной аристократіи".

Кн. Вяземскій въ своей статьѣ писалъ: „Если вѣрить нѣкоторымъ указаніямъ, то въ литературѣ нашей существуетъ какой-то духъ партій: онъ силится возстановить какую-то аристократію именъ ...но нигдѣ (указанія эти) не объясняются убѣдительными доказательствами... У насъ можно опредѣлить 2 главныя партіи, два главные духа, если непремѣнно хотѣть ввести междоусобіе въ домашній кругъ литературы нашей; можно даже означить ихъ двухъ родоначальниковъ: Ломоносова и Тредьяковскаго. Къ 1-му разряду принадлежатъ литераторы съ талантомъ, къ другому литераторы безталанные. Мудрено ли, что люди, возвышенные мыслями и чувствами своими, сближаются единомысліемъ и сочувствіемъ? Мудрено ли, что Расинъ, Мольеръ, Депрео были друзьями? Прадоны [1]) и тогда называли вѣроятно связь ихъ духомъ партіи, заговоромъ аристократическимъ. Но дѣло въ томъ, что потомство само пристало къ этой партіи и записалось въ заговорщики. Державинъ, Хемницеръ и Капнистъ, Карамзинъ и Дмитріевъ, Жуковскій и Батюшковъ, каждые въ свою эпоху современники и болѣе или менѣе совмѣстники, были также сообща главами тайнаго заговора дарова-

---

[1]) Слова рецензіи „Невскаго Альманаха" въ „Моск. Телеграфѣ" 1830, № 3.

[1]) Прадонъ (1632—1698)—самолюбивый и желчный фр. трагическій писатель.

нія противъ дюжинной пошлости, вкуса противъ безвкусія, образованности противъ невѣжества... Эти союзы дѣлаются сами собою... Лукавство, пронырство, ничѣмъ невозмущаемое упрямство, никакими средствами не пренебрегающая дерзость, вырывали иногда случайную побѣду изъ рукъ менѣе дѣятельнаго, болѣе безкорыстнаго достоинства. И тѣ, которые у насъ болѣе другихъ говорятъ объ аристократическомъ союзѣ, будто существующемъ въ литературѣ нашей, твердо знаютъ, что этотъ союзъ не опасенъ выгодамъ ихъ, ибо не онъ занимается текущими дѣлами литературы, не онъ старается всякими происками, явными и тайными, овладѣть источниками ежедневныхъ успѣховъ...

„Что можно подразумѣвать у насъ подъ литературною аристократіею? Идетъ ли дѣло о томъ, что нѣкоторые изъ коренныхъ дворянъ нашихъ занимаются литературою, что нѣкоторые изъ сановниковъ нашихъ были первоклассными писателями, что напр. кн. Кантеміръ, Державинъ и Дмитріевъ были министрами, что иные изъ писателей и нашего поколѣнія, по рожденію своему, по обстоятельствамъ, по образованію, полученному отъ европейскаго и утонченнаго воспитанія, стоятъ на высшей степени русскаго общежитія..? Но тутъ, кажется, нѣтъ ни малѣйшаго повода къ порицанію. Что́ худого, что, напримѣръ, творецъ Недоросля носилъ при имени своемъ аристократическую частичку ф о н ъ, имѣлъ право быть воспитанъ въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ и пр...? Неужели Исторія, Карамзинымъ написанная, тѣмъ виновата, что и онъ былъ человѣкъ благовоспитанный, что по связямъ съ государственными сановниками имѣлъ онъ болѣе способовъ изучать людей и дѣла, вѣрнѣе судить о прошедшемъ по удобству видѣть вблизи настоящее. Неужели вслѣдствіе того Исторія его должна быть хуже, чѣмъ напр. „Исторія Русскаго Народа“, рожденная въ конторѣ Моск. Телеграфа, двойчатка парижскихъ чепчиковъ и вѣнскихъ колясокъ? [2]) Неужели нѣкоторымъ участникамъ Литературной Газеты теперь не даютъ пропуска на Парнасъ, какъ сказано въ Телеграфѣ, потому только, что они помѣщики, и что они у мѣста въ высшемъ кругѣ нашего общества?... Въ какомъ литературномъ уложеніи сказано, что нынѣ истинному дарованію должно ѣздить на извощикѣ, взятомъ съ биржи, а не въ каретѣ четвернею?... Нападать на безграмотность аристократіи нашей, или дворянства, несправедливо, ибо одно это званіе у насъ и грамотное. Ссылаясь на біографическіе словари Новикова и Греча, мы, укажемъ, что большая часть писателей нашихъ принадлежала аристократіи, т. е. званію, пользующемуся преимуществами, дарованными дворянству: слѣдовательно въ Россіи выраженіе „литературная аристократія“ нимало не можетъ быть нареканіемъ, а напротивъ, оно похвальное и, что еще лучше, справедливое нарицаніе. Дворянство не даетъ дипломовъ на умъ и просвѣщеніе, но не есть же оно синонимъ глупости и невѣжества. Вѣдь вы не говорите, что такая-то литературная школа дурна... Вы говорите о литературной аристократіи... Говорите, что стихи, что проза князя такого-то не хороши: мнѣнія въ этомъ случаѣ свободны, и вкусы независимы. Вы, можетъ быть, и правы, но оставьте княжество его въ сторонѣ“...

Такъ защищалъ кн. Вяземскій отъ нападеній Булгарина и ему подобныхъ журналистовъ „Литературную Газету“, ставшую органомъ избраннаго круга русскихъ писателей. Газета эта возникла вслѣдствіе того, что по прекращеніи „Московскаго Вѣстника“ значительный кругъ писателей остался безъ журнала, въ которомъ они могли бы помѣщать произведенія своего пера. Къ нему принадлежали Жу-

---

[2]) При Моск. Тел. прилагались картинки модъ, мебели и экипажей.

ковскій, Баратынскій, кн. Вяземскій, Крыловъ, Катенинъ и Пушкинъ. По общему соглашенію въ редакторы основанной ими газеты призванъ былъ бар. А. А. Дельвигъ, пользовавшійся репутаціей тонкаго критика и жившій постоянно въ Петербургѣ. На первыхъ же порахъ Литературная Газета заявила о своемъ намѣреніи поднять литературную критику изъ ея прискорбнаго состоянія [3]) и предоставить поле дѣятельности для „писателей, которые не могутъ участвовать ни въ одномъ изъ петербургскихъ и московскихъ журналовъ“. Душою предпріятія сталъ Пушкинъ. Онъ принялъ на себя важнѣйшую, полемическую часть газеты [4]). „Монополія“, пишетъ Анненковъ, „тотчасъ же распознала грозившую ей опасность, и для отвращенія ея собрала всѣ свои силы литературныя, а также и тѣ, которыми располагала *внѣ* литературы ... Она очень искусно перенесла вопросъ о причинахъ появленія новаго журнала на политическую почву, назвавъ издателей и сторонниковъ „Литературной Газеты“ — кружкомъ людей, желающихъ выдѣлиться изъ общаго положенія, существующаго для литераторовъ, и стать особнякомъ, образовать партію знаменитостей, водворить „принципъ аристократизма“ тамъ, гдѣ его быть не можетъ, и направлять общественную мысль въ смыслѣ этого принципа... Этотъ намекъ и дерзкій вызовъ... были подняты Литературной Газетой или, лучше, ея вдохновителемъ Пушкинымъ съ необычайной энергіей... Статья Пушкина о запискахъ сыщика (Видока) въ № 20 газеты [5]) нанесла чувствительный ударъ Булгарину, какъ нравственной личности... Враги Пушкина и вся Булгаринская партія поздно тогда спохватились, что сдѣлали ошибку, затронувъ его и приложивъ къ нему свой инсинуаціонный способъ борьбы: Пушкинъ встрѣтилъ ихъ на той самой почвѣ, гдѣ они считали себя непобѣдимыми, и далъ почувствовать, что оружіе инсинуаціи можетъ быть обращено и противъ нихъ самихъ“. Вотъ объясненіе того сравненія противниковъ круга избранныхъ писателей съ демократическими писателями XVIII в., которое встрѣчаемъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ Пушкина.

Съ нѣкоторыхъ поръ журналисты наши упрекаютъ писателей, которымъ неблагосклонствуютъ, ихъ дворянскимъ достоинствомъ и литературною извѣстностію. Французская чернь кричала когда-то: les aristocrates à la lanterne! [6]) Замѣчательно, что и у французской черни крикъ этотъ былъ двусмысленъ и означалъ въ одно время аристократію политическую и литературную. Подражаніе наше не дѣльно. У насъ въ Россіи государственныя званія находятся въ такомъ равновѣсіи, которое предупреждаетъ всякую ревнивость между ними. Дворянское достоинство въ особенности, кажется, ни въ комъ не можетъ возбуждать непріязненнаго чувства, ибо доступно каждому. Военная и статская служба, чины университетскіе легко выводятъ въ оное людей прочихъ званій. Ежели негодующій на преимущества дворянскія не способенъ ни къ какой службѣ, ежели онъ не довольно знающъ, чтобы выдержать университетскіе экзамены, жаловаться ему не на что. Враждебное чувство его, конечно, извинительно, ибо необходимо соединено съ сознаніемъ собственной ничтожности; но выказывать его неблагоразумно. Что касается до литературной из-

---

[3]) См. т. IV, стр. 105.

[4]) См. Анненкова: „Обществ. идеалы Пушкина“.

[5]) См. выше № 29.

[6]) т. е.: „Аристократы къ фонарю!“

вѣстности, упреки въ оной отмѣнно простодушны. Извѣстный баснописецъ, желая объяснить одно изъ самыхъ жалкихъ чувствъ человѣческаго сердца, обыкновенно скрывающееся подъ какою-нибудь личиною, написалъ слѣдующую басню:

Со свѣтлымъ червякомъ встрѣчается змѣя
И ядомъ вмигъ его смертельнымъ обливаетъ.
„Убійца!“ онъ вскричалъ: „за что погибнулъ я?“
— Ты свѣтишь! — отвѣчаетъ.

Современники наши, кажется, желаютъ доказать намъ ребячество подобныхъ примѣненій, и червяковъ и козявокъ замѣнить лицами болѣе выразительными. Все это напоминаетъ эпиграмму (Баратынскаго), помѣщенную въ 32-мъ № Литературной Газеты:

„Онъ вамъ знакомъ. Скажите кстати:
Зачѣмъ онъ такъ не терпитъ знати?“
— Затѣмъ, что онъ не дворянинъ.
„Ага! нѣтъ дѣйствій безъ причинъ!
Но почему чужая слава
Его такъ бѣситъ?“ — Потому,
Что славы хочется ему,
А на нее Богъ не далъ права;
Что не хвалилъ его никто,
Что плоскій авторъ онъ. „Вотъ что!“

32.

О выходкахъ противъ литературной аристократіи.

Новыя выходки противу такъ называемой литературной нашей аристократіи столь же недобросовѣстны, какъ и прежнія. Ни одинъ изъ извѣстныхъ писателей, принадлежащихъ будто бы этой партіи, не думалъ величаться своимъ дворянскимъ званіемъ. Напротивъ, Сѣверная Пчела помнитъ, кто упрекалъ поминутно г-на Полеваго тѣмъ, что онъ купецъ, кто заступился за него, кто осмѣлился посмѣяться надъ феодальной нетерпимостію нѣкоторыхъ чиновныхъ журналистовъ. При семъ случаѣ замѣтимъ, что если большая часть нашихъ писателей дворяне, то сіе доказываетъ только, что дворянство наше (не въ примѣръ прочимъ) грамотное: этому смѣяться нечего. Если же бы званіе дворянина ничего у насъ не значило, то и это было бы вовсе не смѣшно. Но пренебрегать своими предками изъ опасенія шутокъ гг. Полеваго, Греча и Булгарина—не похвально, а не дорожить своими правами и преимуществами—глупо. Недворяне (особливо не русскіе), позволяющіе себѣ насмѣшки на счетъ русскаго дворянства, болѣе извинительны. Но и тутъ шутки ихъ достойны порицанія. Эпиграммы демократическихъ писателей XVIII столѣтія (которыхъ, впрочемъ, ни въ какомъ отношеніи сравнивать съ нашими невозможно) пріуготовили крики: „аристократовъ къ фонарю“ и ничуть не забавные куплеты съ припѣвомъ: „повѣсимъ ихъ, повѣсимъ“. Avis au lecteur.

33.

Альманашникъ.

СЦЕНЫ.

(1830).

Ближайшимъ поводомъ къ этой шуткѣ Пушкина послужилъ альманахъ М. А. Бестужева-Рюмина „Сѣверная Звѣзда“ 1829 г., въ которомъ было напечатано нѣсколько стихотвореній Пушкина безъ его позволенія.

Напеч. впервые въ VII т. изд. Анненкова; дополненія въ изд. Общ. пос. н. л. и уч. 1887.

I.

— Господи Боже мой! Вотъ ужъ четвертый мѣсяцъ живу въ Петербургѣ, таскаюсь по всѣмъ переднимъ, кланяюсь всѣмъ канцелярскимъ начальникамъ, а до сихъ поръ не могу получить мѣста. Я весь прожился, задолжалъ—я жъ отставной—того и гляди, въ яму посадятъ.

— А по какой части собираешься ты служить?

— По какой части? Господи, Боже мой! Да развѣ я не русскій человѣкъ? Я на все гожусь. Разумѣется, хотѣлось бы мнѣ мѣстечка потеплѣе, но дѣло до петли доходитъ, теперь я и всякому радъ.

— Неужто у тебя нѣтъ таки ни единаго благодѣтеля?

— Благодѣтеля! Господи, Боже мой! Да въ каждомъ министерствѣ у меня по три благодѣтеля сидитъ: всѣ обо мнѣ хлопочутъ, всѣ обо мнѣ докладываютъ, а я все-таки безъ куска хлѣба.

— Служба тебѣ, знать, не дается. Возьмись-ка за что-нибудь другое.

— А за что прикажешь?

— Напримѣръ, за литературу.

— За литературу? Господи, Боже мой! Въ сорокъ три года начать свое литературное поприще!

— Что за бѣда? А Руссо?

— Руссо, вѣроятно, ни къ чему другому не былъ способенъ: онъ не имѣлъ въ виду быть виннымъ приставомъ. Да къ тому же онъ былъ человѣкъ ученый; а я учился въ Московскомъ университетѣ.

— Что за бѣда? Затѣвай журналъ.

— Журналъ? а кто же подпишется?

— Мало ли кто? Россія велика, охотниковъ довольно.

— Нѣтъ, братецъ, нынче ихъ не надуешь: ихъ отучили. Всѣ говорятъ—деньги возьметъ, а журнала не выдастъ, или не додастъ. Кому охота судиться изъ тридцати пяти рублей?

— Ну, такъ пиши Выжигина.

— Выжигина? Господи, Боже мой! написать Выжигина не штука; пожалуй, я вамъ въ четыре мѣсяца отхватаю четыре тома, не хуже Орлова и Булгарина; но покамѣстъ успѣю съ голоду околѣть.

— Знаешь ли что? Издай альманахъ.

— Какъ такъ?

— Вотъ какъ: выпроси у нашихъ литераторовъ по нѣскольку пьесъ, кой-что перепечатай, закажи въ долгъ виньетку, самъ выдумай заглавіе, да и тисни съ Богомъ!

— Въ самомъ дѣлѣ! Да я ни съ кѣмъ изъ этихъ господъ не знакомъ.

— Что нужды? Ступай себѣ къ нимъ; скажи имъ, что ты юный питомецъ музъ, впервые вступаешь на поприще славы и рѣшился издать альманахъ, а между тѣмъ просишь ихъ вспоможенія и покровительства.

— А что ты думаешь? Ей-Богу, съ отчаянія готовъ и на альманахъ.

— Совѣтую дѣла не откладывать.

— Сегодня жъ начну визиты.

— И дѣло! Желаю тебѣ всякаго успѣха.

II.

Кабинетъ стихотворца. Все въ большомъ безпорядкѣ. По срединѣ столъ. Стихотворецъ и трое молодыхъ людей играютъ въ кости.

Стихотворецъ (гремя стаканчикомъ). Я въ рукѣ... sept à la main... neuf... sacre-dieu... neuf et sept... neuf... мое! кто держитъ?

Гость. Экое счастье: держу.

Стихотворецъ. Sept à la main... (про себя). Это кто?

Входитъ Альманашникъ (одному изъ гостей). Я давно желалъ имѣть счастіе представиться вамъ. Позвольте одному изъ усерднѣйшихъ вашихъ почитателей... ваши прекрасныя сочиненія... Позвольте одному изъ усерднѣйшихъ...

Гость. Вы ошибаетесь: я кромѣ векселей ничего не сочиняю. Вотъ хозяинъ.

Альманашникъ. Позвольте одному изъ усерднѣйшихъ...

Стихотворецъ. Помилуйте!.. Радуюсь, что имѣю честь съ вами познакомиться... садитесь, сдѣлайте милость.

Альманашникъ. Извините — вы заняты — я вамъ помѣшалъ.

Стихотворецъ. О, нѣтъ... мы будемъ продолжать... Sept à la main... trois крепсъ. Какое несчастіе! (Передаетъ кости).

Гость. Сто рублей à prendre.

Стихотворецъ. Держу. (Играютъ). Что за несчастіе! (Смотритъ косо на альманашника).

Альманашникъ. Я въ первый разъ выступаю на поприще славы и рѣшился издать альманахъ... Я надѣюсь, что вы...

Стихотворецъ. Пятую руку проходитъ — и всегда я попадусь... Вы издаете альманахъ? Подъ какимъ заглавіемъ?... Прошелъ!.. я болѣе не держу.

Альманашникъ. „Восточная звѣзда". Я надѣюсь, что вы не откажете украсить ее драгоцѣнными...

Стихотворецъ (беретъ стаканчикъ). Позвольте!... сто рублей à prendre... Sept à la main... крепсъ... Это удивительно! Первой руки не могу пройти (плюетъ, вертитъ стулъ). Несносный альманашникъ! онъ мнѣ принесъ несчастіе!

Альманашникъ. Надѣюсь, что вы не откажетесь украсить мой альманахъ своими драгоцѣннѣйшими произведеніями.

Стихотворецъ. Ей-Богу, нѣтъ у меня стиховъ: всѣ разобраны журналистами, альманашниками... Держу все... Что? Прошелъ опять? это непостижимо! Проклятый альманашникъ!

Альманашникъ (вставая). Позвольте надѣяться, что если будетъ у васъ свободная пьеска...

Стихотворецъ (провожая его до дверей)). Отыщу непремѣнно и буду имѣть счастіе вамъ доставить.

Альманашникъ. Повѣрьте, что крайность... бѣдное положеніе... жена и дѣти...

Стихотворецъ (выпроводивъ его). Насилу отвязался... Экое дьявольское ремесло!

Гость. Чье? Твое или его?

Стихотворецъ. Ужъ вѣрно мое хуже... отдавай стихи одному дураку въ альманахъ, чтобъ другой обругалъ ихъ въ журналѣ... Жена и дѣти! Чортъ его бы взялъ. Человѣкъ, кто тамъ? (Входитъ слуга). Я говорилъ тебѣ—альманашниковъ не пускать.

Слуга. Да кто ихъ знаетъ, альманашникъ ли, нѣтъ ли?

Стихотворецъ. Дуракъ! это по лицу видно... Я въ рукѣ... Sept à la main... (Играютъ).

III.

Харчевня. Безстыдинъ (журналистъ) и альманашникъ обѣдаютъ.

Безстыдинъ. Гей, водки!

Альманашникъ. Девятая рюмка!.. И я за все плачу, а что толку?

Безстыдинъ. Увидишь, какъ пойдетъ нашъ альманахъ. Съ моей стороны даю тридцать четыре стихотворенія, подъ пятью подпишу А. П. [1]), подъ пятью другими Е. Б. [2]), подъ пятью еще К. П. В. [3]), остальныя пущу безъ подписи. Въ предисловіи буду благодарить господъ поэтовъ, приславшихъ намъ свои стихотворенія. Прозы у насъ вдоволь. Лихое обозрѣніе словесности, гдѣ славно обруганы наши знаменитые писатели, наши аристократы—знаешь?

Альманашникъ. Никакъ нѣтъ-съ, не знаю...

Безстыдинъ. Не знаешь? О, да ты, видно, журнала моего не читаешь... Вотъ, видишь ли: аристократами (разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ) называются тѣ писатели, которые съ нами не знаются, полагая, вѣроятно, что наше общество незавидно... Мы было сперва того и не замѣтили, но уже съ годъ какъ спохватились, и съ тѣхъ поръ ругаемъ ихъ наповалъ... Теперь понимаешь?

Альманашникъ. Понимаю.

Безстыдинъ. Водки!.. Эти аристократы (разумѣется, говорю въ ироническомъ смыслѣ) вообразили себѣ, что насъ въ хорошее общество не пускаютъ... Желалъ бы я посмотрѣть, кто меня не впуститъ... Чѣмъ я хуже другого? Ты смотришь на мое платье...

Альманашникъ. Никакъ нѣтъ, ей-Богу...

Безстыдинъ. Оно немного поношено: меня обманули на Вшивомъ рынкѣ... Къ тому же, я не стану франтить въ харчевнѣ, а на

---

[1]) т. е.: Александръ Пушкинъ.

[2]) т. е.: Евгеній Баратынскій.

[3]) т. е.: Кн. П. Вяземскій.

балахъ я великій щеголь... Это моя слабость... Если бы ты видѣлъ меня на балахъ... Я славно танцую... Я танцую французскую кадриль... Ты не вѣришь? (Ветаетъ, шатаясь, танцуетъ). Каково?

Альманашникъ. Прекрасно. (Безетыдинъ зацѣпляетъ стаканъ и роняетъ его). Боже мой! стаканъ въ дребезгахъ... Его поставятъ на счетъ—и еще граненый!..

Безетыдинъ. Какъ на счетъ? Его склеятъ, вотъ и все (подбираетъ стекло и подаетъ).

Альманашникъ (расплачивается, охая, выводитъ его подъ руку — онъ на ногахъ не стоитъ). Такъ и быть, взять извощика.

Безетыдинъ. Сдѣлай одолженіе. Посади меня верхомъ, и самъ садись поперекъ, да поѣдемъ по Невскому... Люблю франтить... Это моя слабость...

Альманашникъ. И вотъ моя послѣдняя опора! Господи, Боже мой!

IV.

(Альманашникъ въ передней сочинителя).

— Можно видѣть барина?

— Никакъ нѣтъ, онъ почиваетъ.

— Какъ, въ 12 часовъ?

— Онъ возвратился съ балу въ шестомъ часу.

— Да когда же его можно застать?

— Да почти никогда.

— Когда же вашъ баринъ сочиняетъ?

— Не могу знать.

— Экое несчастіе! Доложи своему барину, что приходилъ рекомендоваться... Да скажи, не знаешь ли ты какого-нибудь сочинителя?...

34.

Дѣтскія сказочки.

(1830).

Эти сказочки, въ рукописи озаглавленныя еще: Дѣтская книжка, высмѣиваютъ: 1-я—издателя „Отеч. Записокъ“ П. П. Свиньина; вторая—Н. И. Надеждина; третья—Н. А. Полевого. Впервые напеч. въ изд. Анненкова.

---

1. Маленькій лжецъ.

Павлуша былъ опрятный, добрый, примѣрный мальчикъ, но имѣлъ большой порокъ: онъ не могъ сказать трехъ словъ, чтобъ не солгать. Папенька въ его именины подарилъ ему деревянную лошадку. Павлуша увѣрялъ, что его лошадка принадлежала Карлу XII и была та самая, на которой онъ ускакалъ изъ Полтавскаго сраженія. Павлуша увѣрялъ, что въ домѣ его родителей находится поваренокъ—астрономъ, форрейторъ — историкъ, и что птичникъ Прошка сочиняетъ стихи лучше Ломоносова. Сначала всѣ товарищи ему вѣрили, но скоро догадались и никто уже не хотѣлъ ему вѣрить даже и тогда, когда случалось ему сказать и правду.

II. Исправленный забіяка.

Ванюша, сынъ приходскаго дьячка, былъ ужасный шалунъ. Цѣлый день проводилъ онъ на улицѣ съ мальчиками, валяясь съ ними въ грязи и мараая свое праздничное платье. Когда проходилъ мимо ихъ порядочный человѣкъ, Ванюша показывалъ ему языкъ, бѣгалъ за нимъ и изо всѣхъ силъ кричалъ: „пьяница, уродъ, развратникъ, зубоскалъ, писака, безбожникъ!"—и кидалъ въ него грязью. Однажды степенный человѣкъ, имъ замаранный, разсердился и, поймавъ его за вихоръ, больно побилъ его тросточкою. Ванюша въ слезахъ побѣжалъ жаловаться своему отцу. Старый дьячокъ сказалъ ему: „подѣломъ тебѣ, негодяй; дай Богъ здоровья тому, кто не побрезгалъ поучить тебя". Ванюша сталъ очень печаленъ и, почувствовавъ свою вину, исправился.

III. Вѣтреный мальчикъ.

Алеша былъ очень неглупый мальчикъ, но слишкомъ вѣтренъ и занозчивъ. Онъ ничему не хотѣлъ порядочно учиться. Когда учитель ему за это выговаривалъ, то онъ старался оправдаться разными увертками. Когда учитель бранилъ его за французскіе и нѣмецкіе вокабулы, то онъ отвѣчалъ, что онъ русскій, и что уже знаетъ Шеллинга, Фихте, Кузеня, Геерена, Нибура, Шлегеля и проч. Латинскій языкъ, по его мнѣнію, вышелъ совсѣмъ изъ употребленія, а русской грамматикѣ не хотѣлъ онъ учиться потому, что недоволенъ былъ изданною для народныхъ училищъ и ожидалъ новой, философической, хотя логика казалась ему наукою прошлаго вѣка, недостойною нашихъ просвѣщенныхъ временъ. Что же? При всемъ своемъ умѣ и способностяхъ Алеша прослылъ невѣждою, и всѣ его товарищи надъ нимъ смѣялись.

35.

Критическія замѣтки.

(1830—1831).

Замѣтки эти, писанныя въ Болдинѣ въ октябрѣ и ноябрѣ 1830 г., явились въ отрывкахъ въ „Сынѣ Отечества", 1840, № 7 (о Полтавѣ) [1]; въ „Москвитянинѣ" (о драмѣ. 1842, № 10) и въ изд. Анненкова. Дополненія—въ изд. Общ. л. н. л. и уч. (1887).

> Сколь ни удаленъ я моими привычками и правилами отъ полемики всякаго рода, но еще не отрекся я совершенно отъ права самозащищенія.
>
> Southey.

Нѣкоторые писатели ввели обыкновеніе, весьма вредное литературѣ: не отвѣчать на критики. Рѣдко кто изъ нихъ отзовется и подастъ голосъ, и то не за себя. Развѣ и впрямь они гнушаются своимъ братомъ-литераторомъ?.. Если они принадлежатъ хорошему обществу,

---

[1] Часть замѣтки о Полтавѣ вошла въ письмо къ Плетневу, а вся замѣтка, еще при жизни Пушкина, напечатана въ „Денницѣ" 1831 г.

какъ благовоспитанные и порядочные люди, то это статья особая и литературы не касается... Одинъ писатель извинялся тѣмъ, что-де съ нѣкоторыми людьми неприлично связываться человѣку, уважающему себя и общее мнѣніе, что разница-де между споромъ и дракой, что наконецъ никто-де не въ правѣ требовать, чтобъ человѣкъ разговаривалъ, съ кѣмъ не хочетъ разговаривать. Все это не отговорка. Если уже ты пришелъ на сходку, то не прогнѣвайся — какова компанія, таковъ и разговоръ; если шалунъ швырнетъ въ тебя грязью, то смѣшно вызывать его биться на шпагахъ, а не поколотить его просто; а если ты будешь молчать съ человѣкомъ, который съ тобой разговариваетъ, то это съ твоей стороны обида и недостойная гордость...

Будучи русскимъ писателемъ, я всегда почиталъ долгомъ слѣдовать за текущей литературой и всегда читалъ съ особеннымъ вниманіемъ критики, коимъ подавалъ я поводъ. Чистосердечно признаюсь, что похвалы трогали меня, какъ явные и вѣроятно искренніе знаки благосклонности и дружелюбія. Читая разборы самые неприязненные, смѣю сказать, что всегда старался войти въ образъ мыслей моего противника и слѣдовать за его сужденіями, не отвергая оныхъ съ самолюбивымъ нетерпѣніемъ, но желая съ нимъ согласиться со всевозможнымъ авторскимъ самоотверженіемъ; къ несчастію замѣчалъ я, что по большей части мы другъ друга не понимали. Что касается до критическихъ статей, написанныхъ съ одною цѣлію оскорбить меня какимъ бы то ни было образомъ, скажу только, что онѣ очень сердили меня, по крайней мѣрѣ въ первыя минуты, и что слѣдственно сочинители оныхъ могутъ быть довольны, удостовѣрясь, что труды ихъ не пропали.

Если въ теченіе 16-лѣтней авторской жизни я никогда не отвѣчалъ ни на одну критику (не говорю ужъ о ругательствахъ), то сіе происходило конечно не изъ презрѣнія.

Состояніе критики само по себѣ доказываетъ степень образованности всей литературы вообще. Если приговоры журналовъ нашихъ достаточны для насъ, то изъ сего слѣдуетъ, что мы не имѣемъ еще нужды ни въ Шлегеляхъ, ни даже въ Лагарпахъ. Презирать критику значило бы презирать публику (чего Боже сохрани!). Какъ наша словесность съ гордостію можетъ выставить передъ Европою Исторію Карамзина, нѣсколько одъ, нѣсколько басенъ, поэмъ, переводъ Иліады, нѣсколько цвѣтовъ элегической поэзіи, такъ и наша критика можетъ представить нѣсколько отдѣльныхъ статей, исполненныхъ свѣтлыхъ мыслей и важнаго остроумія. Но онѣ являлись отдѣльно, въ разстояніи одна отъ другой, и не получили еще вѣса и постояннаго вліянія. Время ихъ еще не приспѣло.

Не отвѣчалъ я моимъ критикамъ не потому также, чтобъ недоставало во мнѣ веселости и педантства, не потому, чтобъ я не полагалъ въ сихъ критикахъ никакого вліянія на читающую публику: мнѣ совѣстно было итти судиться передъ публикою и стараться насмѣшить ее (къ чему ни малѣйшей не имѣю склонности); мнѣ было совѣстно, для опроверженія критикъ, повторять школьныя или пошлыя истины, толковать объ азбукѣ, риторикѣ; оправдываться тамъ,

гдѣ не было обвиненій, а что всего затруднительнѣе — важно говорить: Et moi je vous soutiens que mes vers sont très bons [2]).

Напримѣръ, одинъ изъ моихъ критиковъ, человѣкъ, впрочемъ, добрый и благонамѣренный, разбирая, кажется, Полтаву, выставилъ нѣсколько отрывковъ и вмѣсто всякой критики увѣрялъ, что таковые стихи сами себя дурно рекомендуютъ. Что бы могъ я отвѣчать ему на это? А такъ поступали почти всѣ его товарищи. Ибо критики наши говорятъ обыкновенно: это хорошо потому, что прекрасно; а это дурно потому, что скверно. Отселѣ ихъ никакъ не выманишь.

Еще причина, и главная: лѣность. Никогда не могъ я до того разсердиться на непонятливость или недобросовѣстность, чтобъ взять перо и приняться за возраженія и доказательства. Нынче, въ несносные часы карантиннаго заключенія, не имѣя съ собою ни книгъ, ни товарищей, вздумалъ я, для препровожденія времени, писать возраженія не на критики (на это никакъ не могу рѣшиться), но на обвиненія нелитературныя, которыя нынче въ большой модѣ. Смѣю увѣрить моего читателя (если Господь пошлетъ мнѣ читателя), что глупѣе сего занятія отъ роду ничего не могъ я выдумать.

2 октября (1830). Болдино.

У одного изъ нашихъ извѣстныхъ писателей спрашивали, зачѣмъ не возражаетъ онъ никогда на критики. — Критики не понимаютъ меня, отвѣчалъ онъ, — а я не понимаю критиковъ. Если будемъ сердиться передъ публикой, вѣроятно, и она насъ не пойметъ, и мы напомнимъ старинную эпиграмму:

Глухой глухаго звалъ на судъ судьи глухаго.
Глухой кричалъ: „Моя имъ сведена корова!“
— Помилуй, возопилъ глухой тому въ отвѣтъ:
Сей пустошью владѣлъ еще покойный дѣдъ!
Судья рѣшилъ: „Почто итти вамъ братъ на брата?
Не тотъ и не другой, а дѣвка виновата!“ [3]).

Можно не удостоивать отвѣтомъ своихъ критиковъ (какъ аристократически говоритъ о себѣ издатель Исторіи Русскаго Народа), когда нападенія суть чисто-литературныя и вредятъ развѣ одной продажѣ разбраненной книги. Но не должно оставлять безъ вниманія, по лѣности или по добродушію, оскорбленія личныя и клеветы, нынѣ, къ несчастію, слишкомъ обыкновенныя. Публика не заслуживаетъ такого неуваженія. Предлагаемъ благосклоннымъ читателямъ опытъ отраженія оныхъ.

Опытъ отраженія нѣкоторыхъ нелитературныхъ обвиненій.

§ 1.

О личной сатирѣ.—Китайскій анекдотъ.—Самъ съѣшь.

§ 2.

О нравственности; о гр. Нулинѣ. — Что есть безнравственное сочиненіе? — О Видокѣ.

---

[2]) т. е.: „Увѣряю васъ, что мои стихи очень хороши“.

[3]) Это стихотвореніе напоминаетъ шутку Palissot „Les trois sourds“. (Морозовъ).

§ 3.

Объ литературной аристократіи, о дворянствѣ.

§ 4.

Разговоръ о примѣч.

Заключеніе.

Перечитывая самыя бранчивыя критики, я нахожу ихъ столь забавными, что не понимаю, какъ я могъ на нихъ досадовать; кажется, если бъ я хотѣлъ надъ ними посмѣяться, то ничего не могъ бы лучшаго придумать, какъ только ихъ перепечатать безо всякаго замѣчанія. Однакожъ я видѣлъ, что самое глупое ругательство и неосновательное сужденіе получаютъ вѣсъ отъ волшебнаго вліянія типографіи. Намъ все еще печатный листъ быть кажется святымъ [4]). Мы все думаемъ: какъ это можетъ быть глупо или несправедливо? Вѣдь это печатно!

*

Кстати. Началъ я писать съ 13-тилѣтняго возраста и печатать почти съ того же времени. Многое желалъ бы я уничтожить, какъ недостойное даже и моего дарованія, каково бы оно ни было. Иное тяготѣетъ, какъ упрекъ, на совѣсти моей. По крайней мѣрѣ, не долженъ я отвѣчать за перепечатаніе грѣховъ моего отрочества, а тѣмъ паче за чужія проказы. Въ альманахѣ, изданномъ г-мъ Б. Федоровымъ, между найденными, Богъ знаетъ гдѣ, стихами моими [5]), напечатана идиллія, писанная слогомъ переписчика стиховъ г-на Панаева. Г-нъ Бестужевъ [6]), въ предисловіи какого-то альманаха, благодаритъ какого-то Ап. за доставленіе стихотвореній, объявляя, что не всѣ удостоились напечатанія.

Г-нъ Ап. не имѣлъ никакого права располагать моими стихами, поправлять ихъ по-своему, и отсылать въ альманахъ г. Бестужева вмѣстѣ съ собственными произведеніями стихи, преданные мною забвенію или написанные не для печати (напримѣръ: Она мила, скажу межъ нами), или которые простительно мнѣ было написать на 19-мъ году, но непростительно признать публично въ возрастѣ болѣе зрѣломъ и степенномъ (напримѣръ, Посланіе къ Ю.) *).

*

Самъ съѣшь **). Симъ выраженіемъ въ энергическомъ нарѣчіи нашего народа замѣняется болѣе учтивое, но столь же затѣйливое

*) Въ рукоп. эта замѣтка оканчивается такъ: „Въ числѣ піесъ, поставленныхъ г-номъ Ап., нѣкоторыя принадлежатъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ, другія мнѣ вовсе неизвѣстны. Г-нъ Ап. собралъ давно мною написанное и замѣнилъ своими стихами тѣ, кои не могли быть пропущены цензурой. Такъ какъ въ мои лѣта и въ моемъ положеніи непріятно отвѣчать за чужія произведенія, то честь имѣю объявить г-ну Ап., что при первомъ таковомъ же случаѣ принужденъ буду прибѣгнуть къ покровительству законовъ“.

**) Происхожденіе сего слова: Остроумный человѣкъ показываетъ шишъ и говоритъ язвительно: съѣшь, а догадливый противникъ отвѣчаетъ: самъ съѣшь. (Замѣчаніе для будуарныхъ, или даже для паркетныхъ дамъ, какъ журналисты называютъ дамъ, имъ незнакомыхъ). *А. П.*

[4]) Стихъ изъ „Чужаго толка“ И. И. Дмитріева.

[5]) Въ альманахѣ Б. М. Федорова: „Памятникъ отечественныхъ музъ“ 1827 г. было напечатано 6 стих. Пушкина.

[6]) Въ альманахѣ М. А. Бестужева-Рюмина „Сѣв. Звѣзда“ (1829) были напечатаны 7 стихотв. Пушкина съ подписью *Ап*.

выраженіе: обратите это на себя. То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно, безъ церомоніи, шутками и колкостями своихъ же противниковъ. Самъ съѣшь есть нынѣ главная пружина нашей журнальной полемики. Является колкое стихотвореніе, въ коемъ сказано, что Фебъ, усадивъ-было такого-то, велѣлъ его послѣ вывести лакею за дурной тонъ и занозчивость, нетерпимую въ хорошемъ обществѣ,—и тотчасъ въ отвѣтъ явилась эпиграмма, гдѣ то же самое пересказано немного похуже, съ надписью: самъ съѣшь.

Поэтъ вздумалъ описать любопытное собраніе букашекъ [7]).—Самъ ты букашка, закричали бойко журналы, и стихи твои букашки, и друзья твои букашки. Самъ съѣшь.

Гг. чиновные журналисты вздумали было напасть на одного изъ своихъ собратьевъ за то, что онъ не дворянинъ. Другіе литераторы позволили себѣ посмѣяться надъ нетерпимостью дворянъ-журналистовъ, осмѣлились спросить: кто сіи феодальные бароны, сіи незнакомые рыцари, гордо требующіе гербовъ и грамотъ отъ смиренной братьи нашей? Что же они въ отвѣтъ? Помолчавъ немного, гг. чиновные журналисты съ жаромъ возразили, что въ литературѣ дворянства нѣтъ, что чваниться своимъ дворянствомъ передъ своею братьею (особенно мѣщанамъ во дворянствѣ) уморительно смѣшно, что и настоящему дворянину 600-лѣтнія его грамоты не помогутъ въ плохой прозѣ или посредственныхъ стихахъ. Ужасное самъ съѣшь! Къ несчастію, въ Литературной Газетѣ отыскали, кто были аристократическіе литераторы, открывшіе гоненіе на не-дворянство. А публика-то что? Публика, какъ судія безпристрастный и благоразумный, всегда соглашается съ тѣмъ, кто послѣдній жалуется ей. Напримѣръ, въ сію минуту она, покамѣстъ, согласна съ нашимъ мнѣніемъ, т. е. что самъ съѣшь вообще показываетъ или мало остроумія, или большую надѣянность на безпамятство читателей, и это фиглярство и недобросовѣстность унижаютъ почтенное званіе литераторовъ, какъ сказано въ китайскомъ анекдотѣ № 1.

Отчего издателя „Литературной Газеты“ и его сотрудниковъ называютъ аристократами (разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ, пишутъ остроумно журналы)? Въ чемъ же состоитъ ихъ аристократія? Въ томъ ли, что они дворяне? Нѣтъ: всѣ журналы побожились уже, что надъ званіемъ никто не имѣлъ и намѣренія смѣяться. Стало быть, —въ дворянской спеси? Нѣтъ: въ „Литературной Газетѣ“ доказано, что главные сотрудники оной одни и вооружились противу сего смѣшнаго чванства и заставили чиновныхъ литераторовъ уважать собратіевъ-мѣщанъ. Можетъ быть, —въ притязаніи на тонъ высшаго общества? Нѣтъ: они стараются сохранить тонъ хорошаго общества, проповѣдуютъ сей тонъ и другимъ собратіямъ, но проповѣдуютъ въ пустынѣ. Не они поминутно находятъ одно выраженіе бурлацкимъ, другое—мужицкимъ, третье—неприличнымъ для дамскимъ ушей и т. п.; не они гнушаются просторѣчіемъ и замѣняютъ его простомысліемъ (niaiserie, NB

---

7) См. т. I, № 162.

не одно просторѣчіе); не они провозгласили себя опекунами высшаго общества, не они вѣчно пишутъ приторныя статейки, гдѣ стараются подделаться подъ свѣтскій тонъ такъ же удачно, какъ горничныя и камердинеры пересказываютъ разговоры своихъ господъ; не они comme un homme de noble race outrage et ne se bat pas [8]; не они находятъ 600-лѣтнее дворянство мѣщанствомъ; не они печатаютъ свои портреты съ гербами весьма сомнительными; не они разбираютъ дворянскія грамоты и провозглашаютъ такого-то мѣщаниномъ, такого-то аристократомъ; не они толкуютъ вѣчно о будуарныхъ читательницахъ, о паркетныхъ дамахъ (?). Отчего же они аристократы (разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ)?

Въ одной газетѣ, оффиціальной, сказано было, что я—мѣщанинъ во дворянствѣ. Справедливѣе было бы сказать: дворянинъ во мѣщанствѣ. Родъ мой одинъ изъ самыхъ старинныхъ дворянскихъ. Мы происходимъ отъ прусскаго выходца Радши или Рачи, человѣка знатнаго (мужа честна, говоритъ лѣтописецъ), пріѣхавшаго въ Россію во время княженія Александра Ярославича Невскаго (см. Русскія Лѣтописи и Исторію Государства Россійскаго). Отъ него произошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобрищевы-Пушкины, Бутурлины, Мятлевы, Поводовы и другіе. Карамзинъ упоминаетъ объ однихъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ (изъ учтивости къ покойному гр. Алексѣю Ивановичу). Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, уцѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ царя Ивана Васильевича Грознаго, исторіографъ именуетъ и Пушкиныхъ.

Въ царствованіе Бориса Годунова Пушкины были гонимы и явнымъ образомъ обижаемы въ спорахъ мѣстничества. Г. Г. Пушкинъ, тотъ самый, который выведенъ въ моей трагедіи, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи, столь богатой историческими характерами. Другой Пушкинъ, во время междуцарствія, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, сдѣлалъ честно свое дѣло. Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою о избраніи Романовыхъ на царство, а одинъ изъ нихъ, окольничій Матвѣй Степановичъ, — подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества (что мало дѣлаетъ чести его характеру). При Петрѣ они были въ оппозиціи, и одинъ изъ нихъ, стольникъ Өедоръ Алексѣевичъ, былъ замѣшанъ въ заговорѣ Циклера и казненъ вмѣстѣ съ нимъ и съ Соковнинымъ. Прадѣдъ мой былъ женатъ на меньшой дочери адмирала графа Головина, перваго въ Россіи Андреевскаго кавалера и пр. Онъ умеръ очень молодъ и въ заточеніи, въ припадкѣ ревности или сумасшествія зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его, дѣдъ мой, Левъ Александровичъ, во время мятежа 1762 года, остался вѣренъ Петру III и не хотѣлъ присягать Екатеринѣ, и былъ посаженъ въ крѣпость вмѣстѣ съ Измайловымъ (странны судьба и союзъ сихъ именъ), см. Рюліера и Кастера. Чрезъ два года выпущенъ по приказанію Екатерины, и всегда пользовался ея уваженіемъ. Онъ уже никогда не вступалъ въ службу и жилъ въ Москвѣ и въ своихъ

---

[8]) т. е.: „Какъ человѣкъ благородной | крови, оскорбляетъ и не дерется“.

деревняхъ. Вообще имя моихъ предковъ встрѣчается почти на каждой страницѣ нашей исторіи.

Нынѣ огромныя имѣнія Пушкиныхъ раздробились и пришли въ упадокъ; послѣднее родовое имѣніе скоро исчезнетъ; имя ихъ останется честнымъ, единственнымъ достояніемъ темныхъ потомковъ нѣкогда знатнаго боярскаго рода.

Я русскій дворянинъ, и я зналъ своихъ предковъ прежде, чѣмъ узналъ Байрона. Если быть стариннымъ дворяниномъ значитъ подражать англійскому поэту, то сіе подражаніе весьма невольное. Но что̀ есть общаго между привязанностію лорда къ своимъ феодальнымъ преимуществамъ и безкорыстнымъ уваженіемъ къ мертвымъ прадѣдамъ, коихъ минувшая знаменитость не можетъ доставить намъ ни чиновъ, ни покровительства? Ибо нынѣ знать нашу большею частью составляютъ люди новые, получившіе существованіе уже при императорахъ. Каковъ бы ни былъ образъ моихъ мыслей, никогда не раздѣлялъ я съ кѣмъ бы то ни было демократической ненависти къ дворянству. Оно всегда казалось мнѣ необходимымъ и естественнымъ сословіемъ всякаго образованнаго народа. Смотря около себя и читая старыя наши лѣтописи, я сожалѣлъ, видя, какъ древніе дворянскіе роды уничтожились, какъ остальные упадаютъ и исчезаютъ, какъ новыя фамиліи, новыя историческія имена, заступивъ мѣсто прежнихъ, уже падаютъ, ничѣмъ не огражденныя, и какъ имя дворянина, часъ отъ часу униженное, стало наконецъ, въ притчу и въ посмѣяніе даже разночинцамъ, вышедшимъ въ дворяне, и досужимъ журнальнымъ балагурамъ.

Образованный французъ иль англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка, честнаго рыцаря, падшаго въ такой-то битвѣ или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины; но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Дикость, подлость и невѣжество не уважаетъ прошедшаго, пресмыкаясь предъ однимъ настоящимъ, и у насъ иной потомокъ Рюрика болѣе дорожитъ звѣздою двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіей своего дома, т. е. исторіей отечества. И это ставите вы ему въ достоинство! Конечно, есть достоинства выше знатности рода, именно — достоинство личное; но я видѣлъ родословную Суворова, писанную имъ самимъ: Суворовъ не презиралъ своимъ дворянскимъ происхожденіемъ.

Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ, можетъ быть, всѣ наши старинныя родословныя; но неужто потомству ихъ смѣшно было было бы гордиться сими именами? [9]).

Одинъ изъ великихъ нашихъ согражданъ сказалъ однажды мнѣ (онъ удостоивалъ меня своего вниманія и часто оспоривалъ мои мнѣнія), что если у насъ была бы свобода книгопечатанія, то онъ съ женой и дѣтьми уѣхалъ бы въ Константинополь. Все имѣетъ свою злую сторону, —и неуваженіе къ чести гражданъ и удобность клеветы суть однѣ изъ главнѣйшихъ невыгодъ свободы тисненія. У насъ, гдѣ личность ограждена цензурою, естественно нашли косвенный путь

---

[9]) См. въ „Отрывкахъ изъ романа въ | письмахъ“ (IV, стр. 170).

для личной сатиры, именно обиняки. Первымъ примѣромъ обязаны мы **, который въ своемъ журналѣ напечаталъ уморительный анекдотъ о двухъ китайскихъ журналистахъ, которыхъ судія наказалъ бамбуковою палкою за плутни, унижающія честное званіе литератора. Этотъ китайскій анекдотъ такъ насмѣшилъ публику и такъ понравился журналистамъ, что съ тѣхъ поръ, коль скоро газетчикъ прогнѣвался на кого-нибудь, тотчасъ въ листкахъ его является извѣстіе изъ-заграницы (и большею частью изъ-за китайской), въ коемъ противникъ расписанъ самыми черными красками въ лицѣ какого-нибудь вымышленнаго или безыменнаго писателя. Большею частью, китайскіе анекдоты, если не дѣлаютъ чести изобрѣтательности и остроумію сочинителя, то по крайней мѣрѣ достигаютъ цѣли своей, по злости, съ каковой они написаны. Не узнавать себя въ пасквилѣ безыменномъ, но явно направленномъ, было бы малодушіемъ. Тотъ, о которомъ напечатаютъ, что человѣкъ такого-то званія, такихъ-то лѣтъ, такихъ-то примѣтъ, крадетъ, напримѣръ, платки изъ кармановъ,— все-таки долженъ отозваться и вступиться за себя, конечно не изъ уваженія къ газетчику, но изъ уваженія къ публикѣ. Чтó за аристократическая гордость дозволять всякому негодяю швырять въ насъ грязью? Англійскій лордъ равно не отказывается и отъ поединка на кухенрейтерскихъ пистолетахъ съ учтивымъ джентельменомъ и отъ кулачнаго боя съ пьянымъ конюхомъ. Одинъ изъ нашихъ литераторовъ, бывшій, говорятъ, въ военной службѣ, отказывался отъ пистолетовъ подъ предлогомъ, что на своемъ вѣку онъ видѣлъ болѣе крови, чѣмъ его противникъ чернилъ [10]). Отговорка забавная, но въ такомъ случаѣ что прикажете дѣлать съ тѣмъ, который, по выраженію Шатобріана, comme un homme de noble race outrage et ne se bat pas [11]). Однажды (оффиціально) напечаталъ кто-то, что такой-то французскій стихотворецъ, подражатель Байрону, печатающій критическія статьи въ Литературной Газетѣ,—человѣкъ подлый и безнравственный, а что такой-то журналистъ — человѣкъ умный, скромный, храбрый, служилъ съ честью сперва одному отечеству, потомъ другому. Французскій стихотворецъ отвѣчалъ подлинно такъ, что скромный и храбрый журналистъ объ двухъ отечествахъ, вѣроятно, долго будетъ его помнить [12]). On en rit, j'en ris moi-même [13]).

Въ другой газетѣ объявили, что я собою весьма неблагообразенъ, и что портреты мои слишкомъ льстивы. На эту личность я не отвѣчалъ, хотя она меня глубоко тронула.

Иной говоритъ: какое дѣло критику или читателю, хорошъ ли я собой или дуренъ, старинный ли дворянинъ или изъ разночинцевъ, добръ ли или золъ, ползаю ли въ ногахъ сильныхъ или даже съ ними не кланяюсь, играю ли я въ карты и т. п.? Будущій мой біографъ, если Богъ пошлетъ мнѣ біографа, объ этомъ будетъ заботиться. А критику и читателю дѣло только до моихъ книгъ. Сужденіе, кажется, поверхностное. Нападенія на писателя и оправданія, къ коимъ подаютъ они поводъ, суть важный шагъ къ гласности преній о дѣй-

---

10) Такъ отвѣтилъ Булгаринъ на вызовъ Дельвига (Мор.).

11) См. стр. 78.

12) См. выше, стр. 61. вып. 5.

13) т. е.: „Надъ этимъ смѣются: смѣюсь надъ этимъ и я“.

ствіяхъ такъ называемыхъ общественныхъ лицъ (hommes publics), — къ одному изъ главнѣйшихъ условій высокообразованныхъ обществъ; въ семъ отношеніи и писатели, справедливо заслуживающіе презрѣніе наше, ругатели и клеветники, приносятъ истинную пользу.

Такимъ образомъ, дружина ученыхъ и писателей стоитъ всегда впереди во всѣхъ набѣгахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности. Не должно имъ малодушно негодовать, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла.

Такимъ образомъ и возрастаетъ могущество общаго мнѣнія, на которомъ въ просвѣщенномъ народѣ основана чистота его нравовъ. Мало-по-малу образуется и уваженіе къ личной чести гражданина.

Руслана и Людмилу вообще приняли благосклонно. Кромѣ одной статьи въ Вѣстникѣ Европы [1]), въ которой побранили весьма неосновательно, и весьма дѣльныхъ вопросовъ [2]), изобличающихъ слабость созданія поэмы, кажется, не было объ ней сказано худаго слова. Никто не замѣтилъ даже, что она холодна. Обвиняли ее въ безнравственности за нѣкоторыя слегка сладострастныя описанія, за стихи, выпущенные во второмъ изданіи:

О страшный видъ! волшебникъ хилый
Ласкаетъ сморщенной рукой etc.,

за вступленіе, не помню, которой пѣсни:

Напрасно вы въ тѣни таились etc.

и за пародію Двѣнадцати спящихъ дѣвъ. За послѣднее можно было меня пожурить порядкомъ, какъ за недостатокъ эстетическаго чувства. Непростительно было (особенно въ мои лѣта) пародировать, въ угожденіе черни, дѣвственное поэтическое созданіе. Были прочіе упреки, довольно пустые. Есть ли въ Русланѣ хоть одно мѣсто, которое въ вольности шутокъ могло быть сравнено съ шалостями, хоть напримѣръ Аріоста, о которомъ поминутно твердили мнѣ? Да и выпущенное мною мѣсто было очень смягченное подражаніе Аріосту.

*

Кавказскій Плѣнникъ — первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я насилу сладилъ; онъ былъ принятъ лучше всего, что я ни написалъ, благодаря нѣкоторымъ элегическимъ и описательнымъ стихамъ. Но за то Николай и Александръ Раевскіе и я, мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись.

*

Бахчисарайскій Фонтанъ слабѣе Плѣнника и, какъ онъ, отзывается чтеніемъ Байрона, отъ котораго я съ ума сходилъ. Сцена Заремы съ Маріей имѣетъ драматическое достоинство. Его, кажется, не критиковали. Ал. Раевскій хохоталъ надъ слѣдующими стихами:

---

[1]) 1820, № 11.

[2]) Вопросы Д. П. Зыкова въ „Сынѣ Отеч.“ 1820, ч. 64. Пушкинъ приписывалъ ихъ сначала П. А. Катенину. См. т. II, стр. 20.

Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю—и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ etc.

Молодые писатели вообще не умѣютъ изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрогаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами и проч. Все это смѣшно, какъ мелодрама.

*

Не помню, кто замѣтилъ мнѣ, что невѣроятно, чтобы скованные вмѣстѣ разбойники могли переплыть рѣку. Все это происшествіе справедливо и случилось въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринославѣ.

*

О Цыганахъ одна дама замѣтила, что во всей поэмѣ одинъ только честный человѣкъ, и то медвѣдь. Покойный Рылѣевъ негодовалъ, зачѣмъ Алеко водитъ медвѣдя и еще собираетъ деньги съ глазѣющей публики. Вяземскій повторилъ то же замѣчаніе. Рылѣевъ просилъ меня сдѣлать изъ Алеко хоть кузнеца, что было бы не въ примѣръ благороднѣе. Всего бы лучше сдѣлать изъ него чиновника или помѣщика, а не цыгана. Въ такомъ случаѣ, правда, не было бы и всей поэмы: ma tanto meglio[1]).

Въ Вѣстникѣ Европы [2]) съ негодованіемъ говорили о сравненіи Нулина съ котомъ, цапцарапствующимъ кошку (забавный глаголъ: цапцарапствую, цапцарапствуешь, цапцарапствуетъ). Правда, во всемъ Графѣ Нулинѣ этого сравненія не находится, такъ же какъ и глагола цапцарапствую, но хоть бы и было, что за бѣда?

*

Графъ Нулинъ надѣлалъ мнѣ большихъ хлопотъ и т. д. См. т. IV, стр. 46.

Мы такъ привыкли читать ребяческія критики, что онѣ даже насъ и не смѣшатъ. Сравнивая Шекспира съ Байрономъ, недавно одинъ изъ нашихъ критиковъ считалъ по пальцамъ: гдѣ болѣе мертвыхъ? Но что сказали бы мы, прочитавъ, напримѣръ, слѣдующій разборъ Федры, если бъ, къ несчастію, написалъ ее русскій и въ наше время? Извольте. „Нѣтъ ничего отвратительнѣе предмета, избраннаго г-мъ сочинителемъ: женщина замужняя, мать семейства, влюблена въ молодаго олуха, побочнаго сына ея мужа (!!!!). Какое неприличіе! Она не стыдится въ глаза ему признаваться въ развратной страсти своей (!!!!). Сего не довольно: сія фурія, употребляя во зло глупую легковѣрность супруга своего, взноситъ на невиннаго Ипполита гнусную небывальщину, которую, изъ уваженія къ нашимъ читательницамъ, не смѣемъ объяснить (!!!). Злой старичишка, не входя въ обстоятельства, не разобравъ дѣла, проклинаетъ своего собственнаго сына (!!), послѣ чего Ипполита разбиваютъ лошади (!!!); Федра отравливается; ея гнусная наперсница утопляется — и только. Вотъ что пишутъ, не краснѣя, писатели, которые, и проч. (тутъ личности и ругательства). Вотъ до какого разврата дошла у насъ литература,

[1]) т. е. „по тѣмъ лучше“.

[2]) Въ статьѣ Надеждина.

кровожадная, развратная вѣдьма съ прыщиками на лицѣ! Шлюсь на совѣсть самихъ критиковъ!"[1]).

Но должно ли и можно ли серьезно отвѣчать на таковыя критики, хотя бъ онѣ были писаны и по-латыни? Не такъ ли, хотя и болѣе кудрявымъ слогомъ, разбираютъ онѣ каждый день сочиненія, конечно, не равныя достоинствомъ произведеніямъ Расина, но вѣрно ничуть не предосудительнѣе оныхъ въ нравственномъ отношеніи? А пріятели называютъ этотъ вздоръ глубокомысліемъ.

Если бъ Недоросль, сей единственный памятникъ народной сатиры, явился въ наше время, то въ нашихъ журналахъ, посмѣясь надъ правописаніемъ Фонъ-Визина, съ ужасомъ замѣтили бы, что Простакова бранитъ Палашку канальей и собачьей дочерью, а себя сравниваетъ съ сукою (!!). „Что скажутъ дамы?" воскликнулъ бы критикъ: „вѣдь эта комедія можетъ попасться дамамъ!" Въ самомъ дѣлѣ странно. Что за нѣжный и разборчивый языкъ должны употреблять господа сіи съ дамами! Гдѣ бы, какъ бы послушать! А дамы наши (Богъ имъ судья!) и не слушаютъ, и не читаютъ; а читаютъ этого грубаго В. Скотта, который никакъ не умѣетъ замѣнить просторѣчіе простомысліемъ.

Отчего происходитъ это мѣщанское, отвратительное жеманство, эта чопорность деревенской дьячихи, пришедшей въ гости къ петербургской барынѣ, засѣдательницы въ гостяхъ у пріѣзжей горожанки?

Оттого, что нашимъ литераторамъ хочется доказать, что они принадлежатъ высшему обществу (high life), что имъ извѣстны его законы; не лучше ли было бы имъ постараться по своему тону и поведенію принадлежать къ хорошему обществу (bonne société)?

Но не смѣшно ли имъ судить о томъ, что принято или не принято въ свѣтѣ, что могутъ, чего не могутъ читать наши дамы, какое выраженіе принадлежитъ гостиной (или будуару, какъ говорятъ эти господа)? Не забавно ли видѣть ихъ опекунами высшаго общества, куда, вѣроятно, имъ и некогда, и вовсе не нужно являться? Не странно ли въ ученыхъ изданіяхъ встрѣчать важныя разсужденія объ отвратительной безнравственности такого-то выраженія и ссылки на парижскихъ дамъ? Не совѣстно ли въ душѣ видѣть почтенныхъ профессоровъ, краснѣющихъ отъ свѣтской шутки? Почему имъ знать, что вычурное жеманство и напыщенность нестерпимы, еще болѣе выказываютъ мелкое общество, чѣмъ простонародность (vulgarité), и что оно-то именно и обличаетъ свѣтъ? Почему имъ знать, что откровенныя оригинальныя выраженія простолюдиновъ повторяются и въ высшемъ обществѣ, не оскорбляя слуха, между тѣмъ какъ чопорные обиняки провинціальной вѣжливости возбудили бы общую невольную улыбку? Хорошее общество можетъ существовать и не въ одномъ кругу, а вездѣ, гдѣ есть люди честные, умные и образованные.

Эта охота выдавать себя за членовъ высшаго общества вводила иногда нашихъ журналистовъ въ забавные промахи. Одинъ изъ нихъ

[1]) См. въ статьѣ 1828 г. Надеждина о Гр. Нулинѣ, въ „В. Евр.": „Это суть прыщики на лицѣ вдовствующей нашей литературы" и пр. См. (т. IV, стр. 6).

думалъ, что невозможно говорить при дамахъ о блохахъ, и далъ строгій выговоръ — кому же? — одному изъ молодыхъ блестящихъ царедворцевъ. Въ одномъ журналѣ сильно напали на неблагопристойность поэмы, гдѣ сказано, что молодой человѣкъ осмѣлился войти ночью къ спящей красавицѣ; и между тѣмъ какъ стыдливый рецензентъ разбиралъ ее, какъ самую вольную сказку Боккачіо или Лафонтена, всѣ петербургскія дамы читали ее и знали цѣлые отрывки наизусть. Недавно одинъ историческій романъ обратилъ на себя вниманіе всеобщее и отвлекъ на нѣсколько дней всѣхъ нашихъ дамъ отъ fashionable tales и историческихъ записокъ. Что же? Газета [1]) важно дала замѣтить автору, что въ простонародныхъ сценахъ находятся слова ужасныя: сукинъ сынъ. Возможно ли? Что скажутъ дамы, если, паче чаянья, взоръ ихъ упадетъ на это неслыханное выраженіе? Что бы онѣ сказали Фонъ-Визину, который императрицѣ Екатеринѣ читалъ своего Недоросля, гдѣ на каждой страницѣ эта невѣжественная Простакова бранитъ Еремѣевну собачьей дочерью? Что сказали бы нынѣшніе блюстители нравственности и о чтеніи Душеньки, и объ успѣхѣ сего прелестнаго произведенія? Что думаютъ они о шутливыхъ одахъ Державина, о прелестныхъ сказкахъ Дмитріева? Модная жена не столь же ли безнравственна, какъ и Графъ Нулинъ? [2]).

*

Шутки нашихъ критиковъ приводятъ иногда въ изумленіе своею невинностію. Вотъ истинный анекдотъ: въ лицеѣ одинъ изъ младшихъ нашихъ товарищей, и не тѣмъ будь помянутъ, добрый мальчикъ, но довольно простой и во всѣхъ классахъ послѣдній, сочинилъ однажды два стиха, извѣстные всему лицею:

Ха, ха, ха, хи, хи, хи,
Дельвигъ пишетъ стихи.

Каково же было намъ, Дельвигу и мнѣ, въ прошломъ 1830 году, въ первой книжкѣ важнаго Вѣстника Европы найти слѣдующую шутку: „Альманахъ Сѣверные Цвѣты раздѣляется на прозу и стихи — хи, хи!“ Вообразите себѣ, какъ обрадовались мы старой нашей знакомкѣ! Сего не довольно. Это хи, хи, показалось, видно, столь затѣйливымъ, что его перепечатали съ большой похвалой въ Сѣверной Пчелѣ:

„Хи, хи, какъ весьма остроумно сказано было въ Вѣстникѣ Европы, etc“ [3]).

*

Молодой Кирѣевскій, въ краснорѣчивомъ и полномъ мыслей обозрѣніи нашей словесности [4]), говоря о Дельвигѣ, употребилъ сіе изысканное выраженіе: „древняя муза его покрывается иногда душегрѣйкою новѣйшаго унынія“. Выраженіе, конечно, смѣшное. Зачѣмъ

---

[1]) „Сѣверн. Пчела“, въ разборѣ „Юрія Милославскаго“, 1830 г., № 7, 8 и 9.

[2]) Далѣе слѣдовали замѣтки объ „Евг. Онѣгинѣ“, которыя помѣщены въ т. IV, стр. 174—177, и предисловіе, заготовленное для 2 послѣднихъ главъ Онѣгина (VIII и IX), помѣщенное тамъ же на стр. 177 и 178. — [3]) Не въ „Сѣв. Пчелѣ“, а въ Сынѣ „Отечества“ 1830, № 16, стр. 243. (Пр. Морозова).— [4]) Въ альманахѣ Максимовича „Денница“ на 1830 г. См. т. IV. стр. 126.

не сказать было просто: въ стихахъ Дельвига отзывается иногда уныніе новѣйшей поэзіи? Журналисты наши, о которыхъ г. Кирѣевскій отозвался довольно непочтительно, обрадовались, подхватили эту душегрѣйку, разорвали на мелкіе лоскутки и вотъ уже годъ, какъ ими щеголяютъ, стараясь насмѣшить свою публику. Положимъ, все та же шутка каждый разъ имъ и удается. Но какая имъ отъ того прибыль? Публикѣ почти дѣла нѣтъ до литературы, а малое число любителей вѣритъ наконецъ не шуткѣ, безпрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно, пробивающимся мнѣніямъ здоровой критики и безпристрастія [1]).

*

Китайскій анекдотъ. Недавно въ Пекинѣ случилось очень забавное происшествіе. Нѣкто изъ класса грамотеевъ написалъ трагедію, долго не отдавалъ ее въ печать, но читалъ ее неоднократно въ порядочныхъ пекинскихъ обществахъ и даже ввѣрялъ свою рукопись нѣкоторымъ мандаринамъ. Другой грамотей (слѣдуютъ китайскія ругательства) или подслушалъ трагедію изъ прихожей, чтó, говорятъ, за нимъ важивалось, или тихонько взялъ рукопись изъ шкатулки мандарина (что въ старину также съ нимъ случалось) и склеилъ на скорую руку изъ довольно нескладной трагедіи чрезвычайно скучный романъ. Грамотей-трагикъ, человѣкъ безталанный, но смирный, поворчавъ немного, оставилъ было въ покоѣ похитителя; но грамотей-романистъ, опасаясь быть обличеннымъ, сталъ кричать изо всей мочи, что трагикъ Фанъ-хо обокралъ его безстыднымъ образомъ. Трагикъ Фанъ-хо, разсердясь не на шутку, позвалъ романиста Фанъ-хи въ совѣстный пекинскій судъ, и проч. и проч. [2]).

*

Вотъ уже 16 лѣтъ, какъ я печатаю, и критики замѣтили въ моихъ стихахъ пять грамматическихъ ошибокъ (и справедливо); я всегда былъ имъ искренно благодаренъ и всегда поправлялъ замѣченное мѣсто [a]. Прозой пишу я гораздо неправильнѣе, а говорю еще хуже и почти такъ, какъ пишетъ Гоголь.

*

У насъ многіе (между прочимъ и г-нъ Каченовскій, котораго, кажется, нельзя упрекнуть въ незнаніи русскаго языка) спрягаютъ: рѣшаю, рѣшаешь, рѣшаетъ—рѣшаемъ, рѣшаете, рѣшаютъ, вмѣсто рѣшу, рѣшишь и проч. Рѣшу спрягается какъ грѣшу.

*

Иностранныя собственныя имена, кончающіяся на *е*, *и*, *о*, не склоняются. Кончающіяся на *а*, *ъ* и *ь* склоняются въ мужескомъ родѣ,

---

[a] Въ рук. выписаны самыя ошибки: 1) остановлялъ я взоръ на отдаленныя громады („Кавк. Плѣнникъ"), 2) на темѣ горъ (темени); 3) воплъ вм. вылъ (стих: „Буря") 4) былъ отказанъ вм. ему отказали (въ примѣчаніи къ стиху 40 I пѣсни „Полтавы"); 5) игумену вм. игумну.

---

1) Далѣе слѣдовала замѣтка о критикахъ „Полтавы", помѣщенная во II т. (стр. 155—157) и о томъ, какъ возникла у Пушкина мысль написать эту поэму (тамъ же, стр. 149).

2) Дѣло идетъ о „Борисѣ Годуновѣ" и романѣ Булгарина „Дмитрій Самозванецъ". (Пр. М.). Ср. письмо Ѳ. Булгарина къ Пушкину (т. III, стр. 152).

а въ женскомъ нѣтъ; и противъ этого многіе у насъ погрѣшаютъ, пишутъ: книга, сочиненная Гётемъ, и проч.

*

Какъ надобно писать: турковъ или турокъ? То и другое правильно. Турокъ и турка равно употребительны.

*

Многіе пишутъ: юпка, сватьба. Никогда въ производныхъ словахъ *т* не перемѣняется на *д*, ни *п* на *б*, а мы говоримъ юбочница, свадебный.

*

Двенадцать, а не двѣнадцать—сокращено изъ двое, какъ три изъ трое.

*

Пишутъ тѣлега, телѣга. Не правильнѣе ли телега (отъ слова телецъ: телега, запряженная волами)? [1]).

*

Разговорный языкъ простаго народа (не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на французскомъ языкѣ) достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій.

Альфіери изучалъ итальянскій языкъ на флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушиваться къ московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ.

*

Московскій выговоръ чезвычайно изнѣженъ и прихотливъ. Звучныя буквы *щ* и *ч* передъ другими согласными въ немъ измѣнены. Мы даже говоримъ: женшины, послегъ (см. Богдановича).

*

Шпіоны подобны буквѣ *ъ*: нужны они только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но и тутъ можно безъ нихъ обойтиться, а они привыкли всюду соваться.

*

О русскихъ словахъ, взятыхъ съ французскаго.

Множество словъ и выраженій, насильственнымъ образомъ введенныхъ въ употребленіе, остались и укоренились въ нашемъ языкѣ. Напримѣръ: трогательный отъ слова touchant (см. справедливое о томъ разсужденіе г. Шишкова[2]). Хладнокровіе—это слово не только переводъ буквальный, но еще и ошибочный; настоящее выраженіе французское есть sens froid—хладномысліе, а не sang froid. Такъ и писали это слово до самаго 18-го столѣтія. Dans son assiette ordinaire. Assiette значитъ—положеніе, отъ слова asseoir, но мы перевели каламбуромъ: не въ своей тарелкѣ.

Любезнѣйшій, ты не въ своей тарелкѣ. (Горе отъ ума).

*

Разборъ пословицъ.

„Не твоя печаль чужихъ дѣтей качать“, т. е. не твоя забота.

„Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ“—пословица латинская.

---

[1]) Двѣ послѣднія замѣтки не согласны съ этимологіей.

[2]) См. А. С. Шишкова: „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка“ (1803).

„Нужда научитъ калачи ѣсть", т. е. нужда мать изобрѣтенія и роскоши.

„Кто въ дѣлѣ, тотъ и въ отвѣтѣ". Въ дѣлѣ, т. е. въ должности; въ отвѣтѣ, т. е. въ посольствѣ.

„Не суйся середа прежде четверга". Смыслъ ироническій и относится къ тѣмъ, которые хотятъ оспаривать явныя, законныя преимущества; вѣроятно, выдумана во время мѣстничества.

„Горе лыкомъ подпоясано". Разительное изображеніе нищеты; см. Др. стих. [1]).

„Иже не ври же, его же пригоже". Насмѣшка надъ книжнымъ языкомъ: и въ старину надъ этимъ острились.

*

Разборъ терминовъ соколиной охоты.

(Изъ „Урядника" царя Алексѣя Михайловича).

Семеновскій потѣшный дворъ.

Свѣтлица для выдерживанія птицъ.

Челигъ—самецъ, дикомытъ—самка.

Оленья перчатка.

Обносцы—ремешки оленьи съ краснымъ сукномъ.

Кречетъ больше и сѣрѣе сокола. Соколъ посизѣе.

Дóлжникъ—въ два аршина ремень сыромятный.

Вабилъ, свабúло — гусиныя крылья съ сырымъ мясомъ для вабки.

Шалгачъ—мѣшокъ для живой птицы (на ремнѣ).

Пущенная птица—для обученія сокола.

Дербнички напущаютъ попарно—одинъ снизу, другой сверху (дермлички).

Колокольчикъ привязанъ къ ногѣ; коли соколъ отбудетъ, то начинаетъ чесаться, etc.

Дермлички съ кречетомъ, копчикъ къ соколомъ.

Вертлугъ желѣзный—на немъ вертится вабилъ.

Помычки—ловкіе крестьяне.

Стулъ—гдѣ сначала сидятъ кречеты.

Толунбасы—родъ барабана для пуганья птицъ.

Помцы }
Тайникъ } сѣти.

Съ Благовѣщенія ихъ подымаютъ, т. е. на руки берутъ, до Петрова дня учатъ. Учатъ сокола, заструнивъ носъ воронѣ. Соколъ бьетъ ее когтями, за голову носомъ, глотку... добудетъ грачей, галокъ, воронъ, голубей, утку.

Вечеровое поле.

Зарьялъ, зарьяелъ—отъ зноя утомился.

Юрчакъ—конвульція, корчь—болѣзнь сокола.

Чины: Ястребникъ, Сокольникъ — унт.-офицеръ, Кречетникъ.

Начальники: Статейничій, главный. Подъ-статейничій. Секретарь—расходчикъ.

---

[1]) „Древнія росс. стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ".

36.

О драмѣ.

(1830).

(См. т. III, стр. 3).

Драматическое искусство родилось на площади — для народнаго увеселенія. Что нравится народу, что поражаетъ его? Какой языкъ ему понятенъ?

Съ площадей, ярмонки (вольность мистерій) Расинъ переноситъ ее во дворъ. Каково было ея появленіе?

(Корнель, поэтъ испанскій).

Сумароковъ, Озеровъ (Катенинъ).

Шекспиръ, Гёте. Вліяніе его на нынѣшній французскій театръ, — на насъ. Блаженное невѣдѣніе критиковъ, осмѣянное Вяземскимъ; они на словахъ согласились, признали романтизмъ, а на дѣлѣ не только его не держатся, но дѣтски нападаютъ на него.

Что развивается въ трагедіи? Какая цѣль ея? Человѣкъ и народъ — судьба человѣческая, судьба народная. Вотъ почему Расинъ великъ, не смотря на узкую форму своей трагедіи. Вотъ почему Шекспиръ великъ, не смотря на неравенство, небрежность, уродливость отдѣлки.

Что нужно драматическому писателю? Философію, безпристрастіе, государственныя мысли историка, догадливость, живость воображенія, никакого предразсудка, любимой мысли. Свобода.

Между тѣмъ какъ эстетика со временъ Канта и Лессинга [1]) развита съ такой ясностію и обширностію, мы все еще остаемся при понятіяхъ тяжелаго педанта Готшеда [2]), мы все еще повторяемъ, что прекрасное есть подражаніе изящной природѣ и что главное достоинство искусства есть **польза**. Почему же статуи раскрашенныя нравятся намъ менѣе чисто мраморныхъ и мѣдныхъ? Почему поэтъ предпочитаетъ выражать мысли свои стихами? И какая польза въ Тиціановой Венерѣ или въ Аполлонѣ Бельведерскомъ?

Правдоподобіе все еще полагается главнымъ условіемъ и основаніемъ драматическаго искусства. Что, если докажутъ намъ, что и самая сущность драматическаго искусства именно исключаетъ правдоподобіе?

Читая поэму, романъ, мы часто можемъ забыться и полагать, что описываемое происшествіе не есть вымыселъ, но истина; въ одѣ, въ элегіи можемъ думать, что поэтъ изображалъ свои настоящія чув-

---

[1]) Эстетическія воззрѣнія свои Лессингъ изложилъ въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: 1) О баснѣ (1759); 2) Примѣчанія объ эпиграммѣ (1771); 3) Лаокоонъ, или о границахъ живописи и поэзіи (1766); 4) Театральная библіотека (1754); 5) Литературныя письма (1753); 6) Гамбургская драматургія (1767. 1768); 7) Какъ древніе изображали смерть (1769) и въ др.

[2]) Іог. Христофъ Готшедъ (1700—1766). Важнѣйшее его сочиненіе: „Опытъ критической поэтики“ (1730) долго служило кодексомъ нѣмецкой эстетики. Его теорія была опровергнута швейцарцами Бодмеромъ и Брейтингеромъ, послѣдователями англійскихъ взглядовъ на поэзію.

ствованія, въ настоящихъ обстоятельствахъ. Но можетъ ли сей обманъ существовать въ зданіи, раздѣленномъ на двѣ части, изъ коихъ одна наполнена зрителями, которые etc. etc [1]).

Если мы будемъ полагать правдоподобіе въ строгомъ соблюденіи костюма, красокъ времени и мѣста, то и тутъ мы увидимъ, что величайшіе драматическіе писатели не повиновались сему правилу. У Шекспира римскіе ликторы сохраняютъ обычаи лондонскихъ алдермановъ. У Кальдерона храбрый Коріоланъ вызываетъ противника на дуэль и бросаетъ ему перчатку. У Расина полускиѳъ Ипполитъ ее подымаетъ и говоритъ языкомъ молодаго благовоспитаннаго маркиза. У Корнеля Клитемнестру сопровождаетъ швейцарская гвардія. Римляне Корнеля суть если не испанскіе рыцари, то гасконскіе бароны. Со всѣмъ тѣмъ Кальдеронъ, Шекспиръ, Корнель и Расинъ стоятъ на высотѣ недосягаемой, а ихъ произведенія составляютъ вѣчный предметъ нашихъ изученій и восторговъ.

Какого же правдоподобія требовать должны мы отъ драматическаго писателя? Для разрѣшенія сего вопроса разсмотримъ сначала, что такое драма и какая ея цѣль?

Драма родилась на площади и составляла увеселеніе народное. Народъ, какъ дѣти, требуетъ занимательности дѣйствія—драма представляетъ ему необыкновенное истинное происшествіе; народъ требуетъ сильныхъ ощущеній (для него и казни—зрѣлище) — трагедія преимущественно выводитъ предъ нимъ тяжкія злодѣянія, страданія сверхъестественныя, даже физическія (напр. Филоктетъ, Эдипъ, Лиръ). Но привычка притупляетъ ощущенія; воображеніе привыкаетъ къ убійствамъ и казнямъ, смотритъ на нихъ ужъ равнодушно; изображеніе же страстей и души человѣческой для него всегда занимательно, велико и поучительно. Драма стала завѣдывать страстями и душою человѣческой.

Смѣхъ, жалость и ужасъ суть три струны нашего воображенія, потрясаемыя волшебствомъ драмы; но смѣхъ скоро ослабѣваетъ, и на немъ одномъ невозможно основать полнаго драматическаго дѣйствія. Древніе трагики пренебрегали сею пружиною. Народная сатира овладѣла ею исключительно и приняла форму драматическую болѣе какъ пародію. Такимъ образомъ родилась комедія, современемъ столь усовершенствованная. Замѣтили, что высокая комедія не основана единственно на смѣхѣ, но на развитіи характеровъ, и что она нерѣдко близко подходитъ къ трагедіи.

Истина страстей, правдоподобіе чувствованій въ предлагаемыхъ обстоятельствахъ—вотъ чего требуетъ нашъ умъ отъ драматическаго писателя.

Драма оставила площадь и перенеслась въ чертоги образованнаго, избраннаго общества. Между тѣмъ, драма остается вѣрною первоначальному своему назначенію дѣйствовать на толпу, занимать ея любопытство. Но тутъ, что привлекаетъ вниманіе образованнаго, просвѣщеннаго зрителя, какъ не изображеніе великихъ, историческихъ про-

---

[1]) См. т. III, стр. 149.

шествій? Отселѣ исторія перенеслась на театръ; и народы, и цари выведены передъ нами драматическимъ поэтомъ. Въ чертогахъ драма измѣнилась, голосъ ея понизился; она не имѣла уже нужды въ крикахъ. Она оставила маску преувеличенія, необходимую на площади, но излишнюю въ комнатѣ; она явилась проще, естественнѣе. Чувства, болѣе утонченныя, уже не требовали сильнаго потрясенія. Она перестала изображать отвратительныя страданія, отвыкла отъ ужасовъ, мало-по-малу сдѣлалась благопристойна и важна.

Отселѣ важная разница. Творецъ трагедіи народной былъ образованнѣе своихъ зрителей; онъ это зналъ и давалъ имъ свои свободныя произведенія съ увѣренностію въ своей возвышенности, и публика безпрекословно это признавала. При дворѣ, наоборотъ, поэтъ чувствовалъ себя ниже своей публики: зрители были образованнѣе его — по крайней мѣрѣ такъ думалъ онъ и они; онъ не предавался вольно и смѣло своимъ вымысламъ; онъ старался угадывать требованія утонченнаго вкуса людей, чуждыхъ ему по состоянію; онъ боялся унизить такое-то высокое званіе, оскорбить такихъ-то спесивыхъ своихъ патроновъ: отъ сего и робкая чопорность и отселѣ смѣшная надутость, вошедшая въ пословицу (un héros, un roi de comédie), и привычка влагать въ уста людямъ высшаго состоянія, съ какимъ-то подобострастіемъ, странный, не человѣческій образъ изъясненія. У Расина, напримѣръ, Неронъ не скажетъ просто: je serai caché dans ce cabinet, но caché près de ces lieux, je vous verrai, madame. Агамемнонъ будитъ своего наперсника, говоритъ ему съ напыщенностью: Oui, c'est Agamemnon, etc.

Мы къ этому привыкли, намъ кажется, что такъ и быть должно; но надобно признаться, что у Шекспира этого не замѣтно. И если иногда герои выражаются въ его трагедіяхъ какъ конюхи, то намъ это не странно, ибо мы чувствуемъ, что и знатные должны выражать простыя понятія какъ простые люди. Драма оставила языкъ общенародный и приняла нарѣчіе модное, избранное, утонченное.

Не имѣю цѣлію и не смѣю опредѣлять выгоды и невыгоды той и другой трагедіи, развивать существенныя разницы системъ Расина и Шекспира. Спѣшу обозрѣть исторію драматическаго искусства въ Россіи.

Драма никогда не была у насъ потребностію народною. Мистерія Д. Ростовскаго, трагедіи царевны Софьи Алексѣевны были представляемы при царскомъ дворѣ и въ палатахъ ближнихъ бояръ и были необыкновеннымъ праздничествомъ, а не постоянными увеселеніями. Первыя труппы, появившіяся въ Россіи, не привлекали народа, не понимающаго драматизма и не привыкшаго къ его условіямъ. Явился Сумароковъ, несчастнѣйшій изъ подражателей. Трагедіи его, исполненныя противомыслія, писанныя варварскимъ изнѣженнымъ языкомъ, нравились двору Елисаветы, какъ новость, какъ подражаніе парижскимъ увеселеніямъ. Сіи вялыя, холодныя произведенія не могли имѣть никакого вліянія на народное пристрастіе. Озеровъ это чувствовалъ. Онъ попытался дать намъ трагедію народную и вообразилъ, что для сего довольно будетъ, если выберетъ предметъ изъ народной исторіи, забывъ, что поэты Франціи брали всѣ предметы

для своихъ трагедій изъ греческой, римской и европейской исторіи, и что самыя народныя трагедіи Шекспировы заимствованы имъ изъ итальянскихъ новеллъ.

Послѣ *Дмитрія Донскаго*, послѣ *Пожарскаго* (произведенія незрѣлаго таланта), мы все не имѣли трагедіи. *Андромаха* Катенина (можетъ быть, лучшее произведеніе нашей драмы по силѣ истинныхъ чувствъ, по духу истинно трагическому), не разбудила, однакожъ, нашу сцену, опустѣлую послѣ Семеновой [1]).

Ермакъ идеализированный—лирическое произведеніе въ формѣ драмы. Ермакъ, лирическое произведеніе пылкаго юношескаго вдохновенія [2]), не есть произведеніе драматическое. Въ немъ все чуждо нашимъ нравамъ и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзіи.

Комедія была счастливѣе. Мы имѣемъ двѣ драматическія сатиры.

Отчего же нѣтъ у насъ трагедіи? Не худо было бы рѣшить: можетъ ли она и быть? Мы видѣли, что народная трагедія родилась на площади, образовалась, и потомъ уже была призвана въ аристократическое общество. У насъ было напротивъ. Мы захотѣли придворную сумароковскую трагедію низвести на площадь; но есть препятствія!

Трагедія наша, образованная по примѣру трагедіи Расина, можетъ ли отказаться отъ аристократическихъ своихъ привычекъ, отъ своего разговора, размѣреннаго, важнаго и напыщенно благопристойнаго? Какъ ей перейти къ грубой откровенности народныхъ страстей, къ вольности сужденій площади? какъ ей вдругъ отстать отъ подобострастія? какъ ей обойтись безъ правилъ, къ которымъ она привыкла? гдѣ, у кого выучиться нарѣчію, понятному народу? какія суть страсти сего народа, какія струны его сердца, гдѣ найдетъ она себѣ созвучія,—словомъ: гдѣ зрители, гдѣ публика?

Вмѣсто публики встрѣтитъ она тотъ же малый, ограниченный кругъ и оскорбитъ надменныя его привычки (dédaigneux); вмѣсто созвучія, отголоска и рукоплесканій услышитъ она мелочную привязчивую критику. Передъ нею возстанутъ непреодолимыя преграды; для того, чтобъ она могла разставить свои подмостки, надобно было бы перемѣнить обычаи, нравы и понятія цѣлыхъ столѣтій...

Передъ нами, однакожъ, опытъ народной трагедіи.

РАЗБОРЪ ДРАМЫ: МАРѲА ПОСАДНИЦА.

Въ ноябрѣ 1830 г. Пушкинъ писалъ Погодину изъ Болдина: „Если пришлете мнѣ вѣчевую свою трагедію, то вы будете моимъ благодѣтелемъ... Я бы на досугѣ васъ раскритиковалъ. А то ничего не дѣлаю, даже браниться не съ кѣмъ“. Погодинъ не замедлилъ исполнить просьбу Пушкина, который въ концѣ того же мѣсяца писалъ ему: „Нашелъ я ваше письмо и „Марѳу“ — и прочелъ ее два раза духомъ. Ура! — Я было, признаюсь, боялся, чтобъ первое впечатлѣніе не ослабѣло потомъ; но нѣтъ — я все-таки при томъ же мнѣніи: Марѳа имѣетъ

---

1) См. т. IV, стр. 184.

2) Трагедія А. С. Хомякова, напечатанная въ началѣ 1833 г.

европейское, высокое достоинство.— Я разберу ее какъ можно пространнѣе.— Это будетъ для меня изученіе и наслажденіе. — Одна бѣда — слогъ и языкъ. Вы неправильны до безконечности — и съ языкомъ поступаете, какъ Іоаннъ съ Новымгородомъ. Ошибокъ грамматическихъ, противныхъ духу его — усѣченій, сокращеній — тьма. Но знаете ли? и эта бѣда — не бѣда. Языку нашему надобно воли дать болѣе — разумѣется, сообразно съ духомъ его. И мнѣ ваша свобода болѣе нравится, чѣмъ чопорная наша правильность.—Скоро ли выйдетъ ваша „Мароа?" Не посылаю вамъ замѣчаній (частныхъ), потому что некогда вамъ будетъ перемѣнить то, что требуетъ перемѣны. До другаго изданія. Покамѣстъ скажу вамъ, что антидраматическимъ показалось мнѣ только одно мѣсто — разговоръ Борецкаго съ Іоанномъ: Іоаннъ не сохраняетъ величія (не въ образѣ рѣчи, но въ отношеніи къ предателю). Борецкій (хоть и новгородецъ) съ нимъ слишкомъ за-панибрата; такъ торговаться могъ бы онъ развѣ съ бояриномъ Іоанна, а не съ нимъ самимъ. Сердце ваше не лежитъ къ Іоанну. Развивъ драматически (т. е. умно, живо, глубоко) его политику — вы не могли придать ей увлекательности чувства вашего. — Вы принуждены были даже заставить его изъясняться слогомъ нѣсколько надутымъ. Вотъ главная критика моя. Остальное — надобно будетъ хвалить при звонѣ Ивана Великаго, что́ и выполнитъ съ усердіемъ вашъ покорнѣйшій понамарь А. П.". „О слогѣ упомяну я вкратцѣ, предоставя его журналамъ...., а вы ихъ послушайтесь. Для васъ же пришлю я подробную критику надстрочную. Простите, до свиданія... Что за прелесть сцена пословъ. Какъ вы поняли русскую дипломатику! А вѣче? а посадникъ? а кн. Шуйскій? а князья удѣльные? Я вамъ говорю, что это все достоинства шекспировскаго".

„Мнѣ сказывали", писалъ Пушкинъ 26 марта 1831 г. Плетневу, „что Жуковскій очень доволенъ Мароой Посадницей. Если такъ, то пусть же выхлопочетъ онъ... позволеніе напечатать всю драму, произведеніе чрезвычайно замѣчательное, несмотря на неравенство общаго достоинства и слабость стихосложенія".

Статья Пушкина есть исполненіе обѣщанія, даннаго автору.

Программа ея: „Ошибочное понятіе о поэзіи вообще и о драматическомъ искусствѣ въ особенности. Какая цѣль драмы? Что есть драма? Какъ она образовалась?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мысль написать историческую трагедію явилась у московскаго профессора русской исторіи М. П. Погодина послѣ того, какъ онъ ознакомился съ Пушкинскимъ „Борисомъ Годуновымъ". Его историческія занятія давали ему обильный матеріалъ для піесы той новой драматической системы, которую вносилъ Пушкинъ своей исторической трагедіей въ русскую литературу. Насколько Погодинъ былъ увлеченъ ею, мы видимъ изъ его воспоминанія о томъ чтеніи, которое происходило 12 сентября 1826 г. у Веневитинова, когда въ присутствіи московскихъ литераторовъ Пушкинъ прочелъ своего „Бориса Годунова" (см. т. III, стр. 41). Для своей трагедіи Погодинъ выбралъ характерный моментъ изъ исторіи русскаго народа — покореніе Новгорода Іоанномъ III-мъ. Вліяніе „Бориса Годунова" сказалось во введеніи народныхъ сценъ и въ стихѣ, пятистопномъ ямбѣ, которымъ Пушкинъ смѣнилъ александрійскій стихъ трагедіи старой школы.

„Мароа, посадница Новгородская, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ", явилась въ 1830 году (дозволеніе цензора Сергѣя Аксакова — 26 августа) безъ

имени автора. „Сочинитель этой трагедіи“, сказано въ предисловіи, „трудясь и имѣя цѣль на другомъ поприщѣ, не драматическомъ, не можетъ судить съ вѣроятностію о произведеніи въ новомъ для себя родѣ, — не вѣритъ своимъ друзьямъ, которые разумѣется смотрятъ на него съ пристрастіемъ, — а съ другой стороны стыдится представить публикѣ сочиненіе, совершенно недостойное ея вниманія. Вотъ причина, почему онъ хочетъ теперь остаться неизвѣстнымъ“.

По словамъ того же предисловія (помѣченнаго 17 августа), въ основаніе трагедіи положены слѣдующія слова Карамзина: „Историкъ русскій, любя и человѣческія и государственныя добродѣтели, можетъ сказать: Іоаннъ былъ достоинъ сокрушить утлую вольность Новгородскую, ибо хотѣлъ твердаго блага всей Россіи“. „Въ изображеніи буйныхъ вѣчей“, сказано въ предисловіи далѣе, „сочинитель слѣдовалъ также ему и лѣтописямъ: и едва ль найдется нѣсколько выраженій, которыхъ бы онъ не указалъ въ памятникахъ того времени“.

Такимъ образомъ трагедія Погодина представляетъ произведеніе, бывшее плодомъ непосредственнаго знакомства автора съ историческими источниками и навѣяннаго образцомъ Пушкина. Погодинъ не обладалъ поэтическимъ творчествомъ, не владѣлъ поэтическимъ стихомъ, но былъ способенъ сдѣлать выборъ въ историческомъ матеріалѣ, сообразно задуманной мысли. При богатомъ источникѣ, бывшемъ въ распоряженіи автора и при указанной примѣромъ Пушкина свободѣ отъ условныхъ старыхъ драматическихъ формъ, ему удалось дать нѣсколько живыхъ народныхъ сценъ. Вотъ что и вызвало особенное сочувствіе Пушкина. Но напрасно стали бы мы искать въ піесѣ Погодина характеровъ и драматическаго дѣйствія. Его лица большею частью говорятъ и не рѣдко впадаютъ въ героическій тонъ, выражая языкомъ отвлеченнымъ свои мысли и чувства (о чести, любви къ отчизнѣ, о долгѣ, славѣ и т. п.)

Изъ дѣйствія I. (Театръ представляетъ Софійскую площадь въ Новгородѣ). Звонятъ въ вѣчевой колоколъ. По улицамъ слышны трещетки. Народъ сбѣгается).

Одинъ изъ гражданъ. О чемъ тревогу бьютъ?
Второй. Зачѣмъ сзываютъ
Народъ на вѣче?
Третій. Нѣтъ ли изъ Москвы
Вѣстей?
Четвертый. Худыя есть: самъ князь московскій
Идетъ незваный въ гости къ Новгородцамъ.
Первый. Такъ что жъ? Мы угостимъ его, пожалуй,
Виномъ заморскимъ, брагой, медомъ хмельнымъ;
На путь гостинцами надѣлимъ въ волю,
Коль на Москвѣ ему поживы мало, —
Вѣдь онъ затѣмъ лишь жалуетъ сюда.
Третій. Нѣтъ, слышно, онъ теперь гостинцы хочетъ
Дѣлить другіе съ нами, посытнѣе:
Давно на насъ онъ точитъ жадный зубы,
Давно ужъ зарится на наше счастье, —
Заходитъ туча надъ Святой Софіей.
. . . .
Нѣсколько голосовъ. Постой мы разочтемся съ нимъ посвойски!
Напомнимъ мы ему, какъ наши дѣды

Рать Боголюбскаго посѣкли.
Третій. Легче!
Иванъ и Боголюбскаго плечми
Пошире будетъ: съ нимъ бороться трудно.
Вѣдь онъ не то, что прежніе князья:
Ворочаетъ всей Русскою землею.
Рязань и Тверь, Владиміръ и Казань,
Ростовъ — ему всѣ кланяются въ поясъ,
Людей, запасы, деньги присылаютъ.
Охъ, чудится, бѣды не миновать.
Конецъ приходитъ новгородской волѣ!
Недаромъ крестъ съ Софіи нашей сшибло,
Недаромъ колоколъ Хутынскій ночью воетъ.
Второй. И кровь вчера тамъ на гробахъ являлась.
Первый. По типуну бъ вамъ на языкъ зловѣщій!
Не слушайте, честные люди, бредней!
Вы были ль нынѣ у Святой Софіи?
Глядѣли ль въ верхній куполъ? — Нашъ Спаситель
Не разнималъ своей десницы сжатой,
А Новгородъ до тѣхъ поръ будетъ счастливъ,
Пока рука Его не разожмется.
. . . .
Посадникъ. Внимайте, братья!
Чиновникъ нашъ Назарій съ дьякомъ вѣча
Захаріей...
Крикъ въ народѣ. Измѣнники! злодѣи!
Мы знаемъ ихъ... Они давно сбирались
Отъ насъ Москвѣ враждебной передаться!
Держали перевѣты къ князю... Что
Затѣяли они!
Посадникъ. О Господинкахъ
Въ Москву они явились къ Іоанну,
И именемъ всѣхъ новгородскихъ гражданъ
Его назвали государемъ нашимъ...
Народъ. Какъ государемъ?.. Это ложь... Будь проклятъ.
Кому вападетъ на умъ такая мысль!
Намъ Новградъ государь! Другаго знать
Мы не хотимъ... Казнить измѣнниковъ!..
Ихъ нѣту здѣсь. Но вотъ Назарьевъ братъ,
Вотъ зять Захаріи... Мечите въ Волховъ
Предателей отчизны, лиходѣевъ!
(Многіе бросаются съ ужаснымъ шумомъ на двухъ гражданъ. Посадникъ тщетно хотятъ возстановить спокойствіе. Ихъ рѣчей не слышно).
Одинъ изъ схваченныхъ гражданъ. О братія мои! Пустите душу
На покаянье грѣшную. Божуся
Софіею, душой новогородской. —
Невиненъ я, не зналъ о козняхъ брата.
Народъ (въ остервененіи). Не слушайте его, мечите въ Волховъ!
Въ немъ кровь одна течетъ. Изъ поля вонъ

Негодную траву!

Жена (съ воплемъ бросается на шею къ другому схваченному гражданину, который рыдая съ ней прощается). Прощай, жена!
(Взглядываетъ на Софійскій соборъ и крестится):
Спаси Богъ Новгородъ на многи лѣта!
(Обоихъ тащатъ со сцены къ Волхову. Множество народа убѣгаетъ за ними. (Шумъ).

Всѣ (кричатъ). Да здравствуетъ нашъ Новгородъ великій!
Да расточатся всѣ враги его!

Другіе. Пойдемъ... дома ихъ на вѣтеръ подымемъ...
Хоть поживимся около злодѣевъ!..
(Нѣсколько человѣкъ изъ заднихъ рядовъ убѣгаетъ).

Посадникъ. Князь, разговѣвшись, къ намъ прислалъ посла—
Спросить, что значитъ имя Государь,
Которымъ будто мы его назвали,
Въ противность прежнимъ всѣмъ уставамъ —
Князей лишь господами величать.
Хотимъ ли мы ему поддаться вовсе...

Граждане (прерывая). Ему поддаться! Нѣтъ! Скорѣе Волховъ
Въ Ильмень назадъ польется.

Другіе (вдали). Эй смотрите:
Они опять изъ проруби полѣзли!
Да стукните долбнею ихъ покрѣпче
По головѣ... вотъ такъ... прощайте, братцы!
Скорѣй зовите Іоанна въ гости
Къ себѣ, уху хлебать...

Посадникъ. Но я, съ совѣта
Всѣхъ вами выбранныхъ властей, рѣшился
Тогда народъ пустою вѣстью не тревожить,
И отвѣчалъ съ посломъ, что дьякъ Захарій
Отъ насъ ни съ чѣмъ въ Москву посыланъ не былъ,
Что онъ въ опалѣ у своихъ согражданъ,
Самъ съ злости выдумалъ такія рѣчи,
Хотѣвъ раздоръ посѣять въ православьи.
Назарій также провинялся часто
Передъ судомъ и былъ наказанъ пеней.
Мы всѣ просили князя, чтобъ въ Новгóродъ
Онъ возвратилъ ихъ для примѣрной казни.

Граждане. Что жъ — не прислалъ онъ ихъ! Не видно ль, братья,
Что съ ними заодно московскій князь!

Другіе. Позоръ и срамъ! Потомокъ Ярослава
Съ безчестными лжецами заодно!
(Шумъ. Посадникъ не можетъ говорить).

Мароа (которая до сихъ поръ то слушала посадника, то разговаривала съ разными гражданами).
Умѣрьте, братья, гнѣвъ вашъ справедливый!
Еще не все — конца вы не слыхали.
Послѣдняя, увы, лесть горше первой.
Дослушайте, какой злохитрый умыселъ

На этомъ лживомъ, зыбкомъ основаньи
Построилъ Іоаннъ...
Посадникъ. Онъ принимаетъ
Отвѣтъ нашъ оскорбленіемъ смертельнымъ.
Мы, говоритъ, явитъ дерзаемъ князя
Великаго всей Руси предъ лицомъ
Всѣхъ подданныхъ его лжецомъ презрѣннымъ.
Граждане (прерывая). Онъ лжецъ и есть.
Другіе. Вотъ какова зацѣпа!
Дьякъ Арх. Ѳеофила. Нелѣпая глаголетъ.
Посадникъ. Въ гнѣвѣ яромъ...
Граждане (прерывая). Притворный гнѣвъ!
Другіе. Чтобы за милость послѣ
Еще взять что-нибудь у насъ.
Посадникъ. Онъ хочетъ
Смыть кровью безпримѣрную обиду;
Огонь и мечъ пустить грозитъ свободно
По нашимъ всѣмъ землямъ. Съ симъ словомъ онъ,
Приславъ намъ нынѣ грамоту складную,
Идетъ на камнѣ не оставить камня
Въ великомъ Новградѣ. (Многіе граждане крестятся).
Судите, братья,
Что дѣлать въ страшное такое время?
(Внезапная тишина)...
Одинъ изъ людей житыхъ. А въ грамотѣ на миръ нѣтъ слова?
Посадникъ. Нѣтъ.
Второй. Гдѣ жъ онъ стоитъ теперь съ своею ратью?
Посадникъ. Верстахъ ужъ въ сорока—и никогда
Въ Руси быстрѣй похода не бывало:
Въ семь дней былъ Іоаннъ на полдорогѣ.

После предложенія посадника отправить пословъ къ Іоанну съ полномочіемъ на уступки:

Крикъ въ народѣ: Нѣтъ, прежде мы хотимъ услышать Марѳу,
Что думаетъ она о вашемъ словѣ.
Марѳа. Я вотъ что думаю: вы положили
Унизиться передъ московскимъ княземъ,
Ему своими кровными правами
Пожертвовать, но что уступкой робкой
Вы пріобрѣсть отъ властолюбца льститесь?
Спасенье?—Нѣтъ! Отсрочку только казни
Получите: онъ дастъ покой вамъ на годъ,
Вы будете мереть лишь долгой смертью,
Страдать передъ послѣднимъ часомъ дольше.
Чрезъ годъ опять онъ подъ предлогомъ новымъ
Придетъ сюда,—съ ножемъ пристанетъ къ горлу,
Еще кусокъ изъ вашей плоти вырветъ,
Потомъ опять—пока лишь въ трупѣ вашемъ
Останется хоть капля древней жизни.
Такъ дѣйствовалъ сначала князь московскій,

Такъ непримѣтно, шагъ за шагомъ
Ступая, очутился предъ вратами,
Пробрался къ намъ на площадь вѣчевую.
Смотрите—здѣсь ужъ онъ межъ нами
(Народъ съ ужасомъ оглядывается).
Въ лицѣ своихъ клевретовъ богоотступныхъ
(Многіе мѣряютъ другъ друга глазами. Слышенъ шопотъ на разныхъ сторонахъ).
Которые они?.. Кто?.. Укажи.
Мареа (продолжая). Онъ сѣетъ низкій духъ, смущенье, робость.
Смотрите,—крадется какъ тать полночный,
Языкъ изъ колокола вырвать хочетъ,
Языкъ святой свободы новгородской,
Завѣтное наслѣдство предковъ...
И вы рѣшилися молиться татю?
Стыдитесь, братья!
. . . . . .
Воспрянемъ отъ чужаго наважденья,
Рѣшимся все принесть на жертву чести,
Надѣнемъ саванъ, обречемся смерти,
Зажжемъ нашъ городъ!
. . . . . .
Чернь. Нѣтъ, не падемъ, мы побѣдимъ Москву!
Война! война! къ мечамъ! свобода! Мареа!
Да здравствуетъ нашъ Новгородъ великій!
Да здравствуетъ нашъ Новгородъ великій!
Посадникъ (давши умолкнуть народному волненію).
Такъ, братія мои, и я радъ съ вами
Оборонять Новгóродъ до упаду,
Какъ вамъ сказала дорогая сватья,
И можетъ быть, Господь пособитъ правымъ.
Но отчего жъ, приготовляясь къ битвѣ,
Не справить намъ, по мнѣнію владыки,
Посольства къ Іоанну? Если можно
Уладить безъ большаго съ нимъ убытка,
То лучше миръ намъ сохранить, и время
Побольше выгадать для снаряженья...
. . . . . .
Младшій гражданинъ. Вѣдь мы вольны и передумать послѣ,
И сдѣлать, что опять угодно будетъ.
Второй. Ну, на такомъ условіи пожалуй.
Третій (къ Мареѣ). Что скажешь ты на это?
Мареа. Не мѣшаетъ
Теперь проникнуть въ мысль и волю князя,
Но главное не позабудьте, братья:
Въ войнѣ надежда свѣтитъ намъ, не въ мирѣ.
Бояре (между собою тихо). Нѣтъ, въ мирѣ. Мы ужъ на своемъ поставимъ.
Посадникъ (къ народу). Такъ выбирайте же, кого хотите.
Въ народѣ кричатъ съ разныхъ сторонъ:
Кого же, братцы?.. Вы кого? искайте!

Борецкаго! Борецкаго!.. Ну ладно.
Борецкаго!

. . . .

Борецкій (останавливая Захарія Овина и отводя его въ сторону).
Послушай — я въ сношеньѣ съ Іоанномъ.
Ты также другъ Москвѣ давно, я знаю.
(Овинъ хочетъ говорить).
Борецкій. Безъ лишнихъ словъ! Я ѣду въ станъ московскій.
Условлюсь объ отдачѣ Новграда.

. . . .

Приводимъ и выдержки изъ рѣчи Іоанна къ новгородскимъ посламъ, упоминаемой Пушкинымъ въ его рецензіи (Актъ II):

Мятежному Новграду мира нѣтъ.
Исполнилась долготерпѣнья мѣра,
И правый нашъ его постигнетъ гнѣвъ.
Всѣмъ вѣдомо, что городъ сей издревле
Принадлежалъ къ великому княженью.
Воспользуясь войной междоусобной,
Терзавшею столѣтія Россію,
Владычествомъ татаръ, насланныхъ Богомъ,
Дерзнулъ онъ вольности себѣ присвоить,
Потомками ругаться Ярослава,
Верховную князей похитить власть.

. . . .

Возшедшимъ намъ на отческій престолъ,
Ихъ больше увеличилася дерзость.
На младость нашихъ лѣтъ они надѣясь,
Не слушались намѣстниковъ, пословъ,
Княжой землей, водою овладѣли,
Купцовъ, московскихъ подданныхъ судили,
И съ Городища стали брать подъ стражу,
Враговъ къ себѣ приняли нашихъ кровныхъ.
Мы все имъ не чинили ни обиды,
Ни тягости не налагали новой,
Какъ наконецъ, къ свершенью окаянства,
На радость дьяволу, печаль христьянамъ,
Они рѣшили измѣнить законнымъ
Князьямъ, отчизнѣ, православной церкви.

. . . .

Что же
Намъ оставалось дѣлать? Божьи слуги
Должны носить съ собою мечъ не туне. —
Мы, обнаживъ его, пошли войною
Казнить злодѣевъ. Наши полководцы
Разбили ихъ толпы въ Шелонской сѣчѣ.
Чрезъ день могли мы покорить строптивыхъ,
Но сжалися надъ ихъ молитвой слезной,
Повѣря ихъ раскаянью, еще
Рабамъ явили милость недостойнымъ.

И что жъ? — Едва въ Москву мы возвратились,
У нихъ всѣ прежнія явились козни,
Возникли ереси, крамолы и измѣны,
И взмялася опять земля блажная, —
Граждане многіе принять ихъ подъ защиту
Просили насъ — и наконецъ Новгородъ
Смѣлъ отъ своего посольства отпереться,
Ложь положить на насъ предъ всѣмъ народомъ.
Конца не зря дѣламъ симъ боготметнымъ,
Не могши силами располагаться
Своими на враговъ природныхъ Руси,
Пока не успокоится она внутри,
Рѣшились мы съ благословенья нашихъ
Святителей московскихъ и съ совѣту
Любезной матери, бояръ и братьевъ,
Казнить предателей, не какъ хрестьянъ,
А какъ язычниковъ, глубокій корень
Зла новгородскаго пресѣчь навѣки
Вѣковъ, и Русь отъ ихъ смущенья успокоить,
И отъ соблазновъ сохранить народы.
Самъ Богъ мятежниковъ намъ предаетъ,
Ихъ злодѣяніями раздраженный.
...... Изъ рѣчи пословъ:
    Дьякъ Арх. Өеофила. Отмѣняемъ
Мы грамоты вѣчны́я, признаемъ
Во всѣхъ судахъ верховную власть князя
Московскаго. Пускай его намѣстникъ
Съ посадникомъ дѣла вершаетъ наши.
Чего же въ разногласьѣ не урядитъ,
Рѣшитъ самъ государь, черезъ три года
Въ Новго́родъ ѣздя судъ творить и правду.
Лишь къ Архіепископу въ судъ особливый
И къ тысячскому не вступайся онъ.
    Борецкій. Мы будемъ ежегодно государю
Платить дань черную съ всего народа,
Но безъ московскихъ данщиковъ съ писцами:
Отъ нихъ бываетъ тѣснота большая
Всѣмъ людямъ — вѣрь душѣ новогородской.
    1 староста. По всѣмъ приго́родамъ мы принимаемъ
Твоихъ намѣстниковъ, пятью градами
Мы кланяемся въ вѣчное владѣнье!
(Іоаннъ молчитъ).
    Дьякъ А. Ө. Чего жъ душѣ твоей угодно?
    Іоаннъ. Хочу отнынѣ властвовать въ Новградѣ,
Какъ у себя я властвую въ Москвѣ...

Изъ сцены Іоанна съ Борецкимъ, которую Пушкинъ упрекаетъ въ невыдержанности:

Берецкій. За жизнь, имѣнье, общее прощенье,
Я обѣщалъ тебѣ готовить къ битвѣ

Новгородъ, и обѣтъ свой исполняю:
Цѣна второй услуги иль измѣны:
Дай слово не касаться до имѣнья
Граждан новогородскихъ (коимъ нынѣ
Всего на свѣтѣ больше дорожать
Они), намѣстникомъ меня пожалуй,
Чины раздай указаннымъ мной людямъ,
Въ своихъ земляхъ дай селъ и волостей,
Сосватай дочь боярина Челядии....
Іоаннъ. Борецкій! слишкомъ дорого ты просишь.
Борецкій. Дешевле взять нельзя.
Іоаннъ. Но отчего же
За первую, важнѣйшую услугу,
Ты взялъ съ меня сходнѣй и меньше.
Борецкій. Въ-первыхъ:
Я ею исполнялъ свое желанье;
Мнѣ самому хотѣлося сраженья,
Чтобъ выпустить изъ насъ побольше крови
Дурной, съ которой не было бъ покоя
И подъ твоей державой. Во-вторыхъ:
Она не стоила труда мнѣ. Въ-третьихъ:
Мнѣ не было тамъ никакой отваги, —
Меня жъ хвалила мать и сограждане
За ревность, пылъ, безстрашіе, любовь
Къ отечеству. Теперь не то вѣдь: если
Узнаютъ раньше о моихъ затѣяхъ —
А этому немудрено случиться, —
Мнѣ голову сшибутъ безъ дальныхъ справокъ,
А мать... безъ ужаса объ ней подумать
Я не могу теперь... Новогородцы...
И память... ну ты видишь самъ...
Іоаннъ. Я вижу,
Какъ трудно человѣку безъ пристрастья
Судить о собственныхъ дѣлахъ. — Послушай:
Увѣренъ ты, что Новгородъ подъ мною
Быть можетъ только счастливымъ. Итакъ,
Побѣду нужную мнѣ облегчая,
Ты выполнишь опять свое желанье,
Благое, справедливое: и кто же
Осмѣлится назвать его измѣной?
Теперь съ другой посмотримъ стороны:
Ну если я безъ помощи желанной
Сраженье потеряю Новгородцамъ!
Твои труды погибнутъ безъ награды,
И не достигнешь ты высокой цѣли,
Которую разумный никогда
Изъ виду своего терять не долженъ.
Борецкій. Но я тогда останусь въ Новградѣ
Съ своею прежней славой. Родъ Борецкихъ

Усилится, и я успѣю, можетъ,
Другими мѣрами дѣла исправить,
Доставить миръ и счастіе отчизнѣ,
Предметъ моихъ желаній и трудовъ.
Но время дорого. Рѣшай скорѣе.
Скажу еще: безъ этихъ обѣщаній
Я не могу набрать сообщниковъ.
Іоаннъ. Изволь: дамъ селъ, сосватаю невѣсту.
Къ имѣньямъ не коснуся... Но зачѣмъ
Намѣстникомъ ты хочешь быть въ Новградѣ?
Ты ненависть возбудишь, подозрѣнье
Къ себѣ. Увѣренъ я въ твоемъ радѣньѣ;
Я знаю, лучше всѣхъ ты сдержишь Новградъ.
Но я боюся за тебя. Ну если
Какой-нибудь завистливый злодѣй
Убьетъ тебя на этомъ видномъ мѣстѣ,
Какъ часто и случалося у васъ, —
Мнѣ больно потерять такого друга,
Слугу...
Борецкій. Спокоенъ будь. Новгородцы,
Счастливѣе со мной, чѣмъ въ старину,
Уберегутъ меня своей любовью.
Іоаннъ. А мать твоя!
Борецкій. Предъ ней я оправдаюсь...
Она посѣтуетъ... потомъ съ другими
Невольно согласится...
Іоаннъ. Да! поутру
Она не будетъ спорить ужъ ни съ кѣмъ.
Борецкій. Нѣтъ, нѣтъ! Она останется въ живыхъ —
Условье непремѣнное мое!
Іоаннъ. Я долженъ наказать ее примѣрно.
Борецкій. Опять не согласились мы съ тобою.
Ты женщины боишься, князь всей Руси!
Іоаннъ. Я не боюся никого, но долженъ,
Въ примѣръ для подданныхъ, казнить злодѣйку...
Пятнадцать лѣтъ — покоя днемъ и ночью
Меня лишавшую...
Борецкій. Итакъ прощай!
Быть можетъ, завтра ты и пожалѣешь
О нынѣшнемъ безвременномъ отказѣ.
(Отходя). Суди — вѣдь я прошу ей только жизни.
Ты можешь заточить ее, коль хочешь.
Повѣрь — такая жизнь ей горше смерти.
Іоаннъ (подумавъ). Согласенъ я.
Борецкій. Клянись.
Іоаннъ (крестясь). Клянуся Богомъ.

. . . .

Упоминаемая Пушкинымъ рѣчь Іоанна, противорѣчащая его властолюбивому духу:

Россійскіе бояре,
Вожди, князья! Цѣль наша передъ нами.
Поутру съ помощью Господней можемъ
Достигнуть мы ее. Напоминать ли
Теперь еще вамъ, что судьба отчизны,
Честь предковъ и потомковъ дальныхъ благо
Отъ вашей воли, доблести зависитъ.
Намъ долгъ велитъ казнить виновный городъ.
Притомъ съ врагами нашими — Ордой
И Польшей безъ него нельзя бороться.
Вы знаете все сами. Мы должны лишь
Васъ ободрить своимъ великимъ словомъ,
Сказать вамъ: потрудитесь. — Мы десницей
Державною отремъ вашъ потъ кровавый,
Богатой милостью исцѣлимъ раны.
Впередъ — и съ нами Богъ! Приступимъ къ дѣлу!
и т. д.

Въ III актѣ дѣйствіе происходитъ снова на вѣчевой площади въ Новгородѣ. Ждутъ возвращенія пословъ. Они являются. Когда выслушаны условія Іоанна, происходитъ слѣдующій разговоръ:

Шестой изъ народа. Да растолкуй мнѣ, братъ, въ чемъ дѣло.
Поддаться вовсе — что такое?
Седьмой. Глупый!
Чтобъ вѣча не было у насъ.
Шестой. Вотъ на!
Да развѣ города живутъ безъ вѣчей?
Гдѣ жъ говорить-то намъ? Какъ можно?
Седьмой. Можно.
Другіе будутъ говорить за насъ,
Мы станемъ слушать.
Шестой. А, такъ вотъ что! Понялъ.
Дьякъ Арх. Ѳеофила. Просили мы ужъ только главныхъ
Новогородскихъ правъ, чѣмъ наши предки
Владѣли на Руси испоконъ-вѣку.
2 бояринъ. Ну что жъ — ломается?
Дьякъ А. Ѳ. Лишь обѣщаетъ...
2 староста. А клятвы дать ни самъ вѣдь онъ не хочетъ,
Ни приказать боярамъ.
Второй изъ народа. Вѣрь на слово
Честному человѣку!
Бояринъ. Вотъ дожили
Мы до чего!
. . . . . .
Борецкій (входитъ стремительно). Все кончено!
Московскій князь прервалъ переговоры.
Отвѣтъ пословъ сомнительный услышавъ,
Велѣлъ тотчасъ полки готовить къ бою.
. . . . . .
Посадникъ. Поратуемъ подъ знаменемъ московскимъ

За главу, честь и благо всей Россіи.
Бояринъ. Такъ Богъ велѣлъ!
Крикъ въ народѣ. Не такъ! Не такъ! Не такъ!
Мы не хотимъ къ Москвѣ за князя! Лучше
Къ Литвѣ за Казимира!.. Не хотимъ
За Іоанна!.. Сдаться!.. Драться!.. Сдаться! (Шумъ).
Овинъ (къ Борецкому). Сдадутся... охъ, сдадутся... да скажи,
Что рать княжая не надежна...
Борецкій. Полно,
Не трусь до времени. Я это слово
Поберегу къ концу...
Изъ черни. А что, ребята,
Посадникъ насъ обманывать не станетъ.
И въ самомъ дѣлѣ, ужъ не лучше ль сдаться?
Купецъ. И чѣмъ же худо жить подъ Іоанномъ?
Москва катается, что сыръ твой въ маслѣ.
. . . . . .
Посадникъ. Итакъ...
Мароа. Итакъ мы на послѣднемъ вѣчѣ...
Сыны Новгóрода, цѣлуя какъ Іуды,
Идутъ предать отца своего Пилатамъ.
(Движеніе. Къ боярамъ и житымъ).
Ну что жъ остановились вы? Снимайте,
Снимайте колоколъ!
Въ черни. Друзья и братья!
Невинны мы отъ праведной сей крови...
Приложимся къ его святынѣ чистой,
Простимся съ нимъ, съ кормильцемъ нашимъ!
(Бросается съ плачемъ и рыданіемъ на колоколъ. Глухой шумъ).
Нѣкоторые изъ бояръ. Кто колоколъ отдать Іоанну хочетъ?
Нѣтъ — лучше мы костьми здѣсь ляжемъ.
Мароа (въ слезахъ обнимая колоколъ).
Ужъ благовѣстъ твой громкій не раздастся.
Новогородское не вздрогнетъ сердце,
Послушавъ звукъ родимый, животворный.
Не будетъ слова намъ о нашемъ дѣлѣ, —
Заглохнетъ слѣдъ на площадь вѣчевую.
Софія мать осиротѣетъ наша.
Ея сыны, грустя по ней, зачахнутъ
Въ неволѣ по темницамъ на чужбинѣ.
Погаснетъ вѣчная ея лампада.
Спаситель разожметъ свою десницу.
Скончается нашъ Новгородъ великій.
Родныя дѣти поднимаютъ руку...
Житый. Снесемъ ли, братья, мы попрекъ такой!
Умремъ за Новгородъ, Софію нашу...
. . . . . .
Всѣ (кричатъ). Умремъ за Новгородъ, умремъ, умремъ!
. . . . . .

Марѳа (къ сыну). Мой сынъ! иди съ отпѣтыми на битву.
Будь впереди, гдѣ льется кровь быстрѣе,
Гдѣ падаютъ удары вражьи чаще,
Гдѣ бой кипитъ страшнѣй, и смерти больше.
Умри за родину, честь предковъ нашихъ —
Чтобъ ни одинъ Новогородецъ нынѣ
Насъ больше не терпѣлъ!

Борецкій. Завѣтъ священный
Исполню я...

. . . . . .

Гражданинъ (подходитъ къ нему и говоритъ на ухо)
Пятнадцать пушекъ ужъ Упадышъ
Заколотилъ. Еще осталось сорокъ.
Какъ ихъ?

Борецкій. Заколотить еще пятнадцать...

Актъ IV — въ Новгородѣ, у Московскихъ воротъ:

Марѳа. Вы здѣсь, друзья, собрались
Узнать рѣшеніе судьбины нашей.
Скажите мнѣ, что́ чуетъ ваше сердце?

2-я женщина. Не разберешь, родная! У меня вѣдь
Тамъ сынъ-кормилецъ.

3-я. Мужъ мой молодой.

5-я. И мой женихъ.

Ребенокъ. А тятя тамъ же?

4-я. Тамъ.

Марѳа. И я свою надёжу, Алексѣя,
Послѣдняго, который мнѣ остался
Отъ четверыхъ, туда же отпустила.

. . . . . .

Двое бояръ, окровавленные, бѣгутъ чрезъ ворота и увидя Марѳу:
Ну что, довольна ли? Ты Іоанна
Встрѣчаешь здѣсь! Что взяли вы за Новградъ?
Чѣмъ будешь ты? Царицею? Отродье
Проклятое!

Марѳа (къ предстоящимъ). Безъ памяти онъ что ли?
Что говоритъ?

Овинъ. А вѣрностью хвалились —
Повѣрь-ка имъ!

Стража (у воротъ). Несутъ кого-то. Шуйскій!
(Князя Шуйскаго раненаго приносятъ на носилкахъ).

. . . . . .

Воины. Москва! Москва! Спасайтеся! Москва!
(Слышатся вдали трубы. Марѳу уносятъ на рукахъ).

Всѣ граждане. Москва! Москва! идутъ! конецъ, конецъ!

Старикъ. Скончался нашъ отецъ великій Новгородъ! Память тебѣ вѣчная! Господи! Пріими духъ нашъ съ миромъ! (Упадаетъ безъ чувствъ).

(Съ другой стороны выходятъ нѣсколько гражданъ съ хлѣбомъ и солью на блюдахъ. Задніе новгородскіе воины, увидя ихъ, возвращаются и вышибаютъ изъ рукъ хлѣбъ-соль, ругаясь).

Куда негодные! Успѣете
Накланяться еще!

Граждане. Разбой! разбой!

(Трубы приближаются, и воины оставляютъ ихъ въ покоѣ. Ихъ набирается больше и больше).

1-й гражданинъ. Гдѣ встрѣтить князя намъ: за воротами,
Иль здѣсь?

Второй. Нѣтъ, лучше у воротъ ужъ самыхъ:
Виднѣе, ближе тамъ; князь насъ замѣтитъ.

(Войска вступаютъ торжественно въ городъ. Овинъ и прочіе безпрестанно кланяются. Показывается Іоаннъ на конѣ. Граждане падаютъ предъ нимъ на колѣни).

Овинъ. Отецъ нашъ православный государь!
Прими рабовъ въ свою державу вѣрныхъ
Съ великимъ Новгородомъ!

Другіе. Спаси, помилуй!
Насилу дождалися мы тебя!
Насилу Богъ прислалъ спасителя!

Іоаннъ (не говоря ни слова, проѣзжаетъ мимо ихъ).

Его воины (бросаются на гражданъ и отнимаютъ ихъ приношенія).
Вотъ мы васъ, гущеѣды, погодите!

Дѣйствіе V-е. — Первая сцена въ покояхъ Мароы. Послѣ печальной сцены съ дочерью, Ксеніей, Мароа отказывается отвѣчать на допросъ присланнаго къ ней Образца, который ведетъ ее къ Іоанну.

Вторая сцена во дворѣ Ярославовомъ. Іоаннъ на престолѣ со скипетромъ и державою.

Мароа, выслушавъ приговоръ о заточеніи по смерть, обращается къ Іоанну:
И ты не радуйся своей побѣдѣ.
Угодникъ изъ пустыни Соловецкой
Велѣлъ мнѣ предсказать твою судьбину
Въ послѣдній часъ...

Іоаннъ. Скажи: Я не боюсь
Услышать отъ тебя святое слово.

Мароа. Но будешь ли такъ радъ ему, услышавъ?
Вотъ что́ святитель о тебѣ повѣдалъ, —
Внимай въ Господнемъ трепетѣ и страхѣ:
Успѣешь ты въ своихъ всѣхъ предпріятьяхъ,
Противниковъ своихъ ты одолѣешь,
Ты побѣдишь востокъ, и югъ, и сѣверъ,
Богатъ и знаменитъ, и силенъ будешь
Между владыками на этомъ свѣтѣ.
Но Богъ тебя накажетъ за измѣны,
Которыми сбираешь ты стяжанье,
И счастія не чувствовать тебѣ.
Въ семействѣ у тебя раздоръ возникнетъ,
Супругу ты свою, дѣтей и внуковъ,
Однихъ возненавидишь за другими.
Любовь къ себѣ, отчаянный, смятенный,
Не различишь со злобою, ложь съ правдой.

Друзья далеко отъ тебя всѣ станутъ,
Потомки всѣ твои въ кровяхъ погибнутъ,
Которыми польется вся Россія,
Униженная, полуживая.
И не удастся вамъ ее поставить
На твердомъ основаніи, чему
Работаешь ты правдой и неправдой,
И родъ несчастный вашъ весь изведется
Среди терзаній, мукъ, измѣнъ и козней.
И се другой, блистая горней славой,
Отъ западныхъ далекихъ странъ идетъ.
Онъ приметъ власть надъ вашею державой,
Къ величію Россію поведетъ.
Съ твоихъ трудовъ, заботъ и попеченій
Обильную онъ жатву соберетъ,
И счастіе созиждетъ поколѣній,
И имя онъ свое предъ вашимъ вознесетъ.
И всѣ сіи мучительныя язвы
Себѣ на плоть ты принимая, станешь
Въ грядущей жизни и на этомъ свѣтѣ
Стенать въ раскаяньѣ о Новѣградѣ,
Какъ горько мы о немъ стенаемъ нынѣ.
Іоаннъ. Что̀ Господу угодно — да свершится!
Спокоенъ я, исполнивъ подвигъ свой.
Литвы, Орды досель не устрашится
Отечество, стяжавшее покой.
Пускай мой родъ любезный прекратится,
Но Русь моя возстанетъ надъ землей.
Забудьте жъ всѣ грозы̀ и всѣ напасти
Въ сѣни моей самодержавной власти!
(Всѣ невольно падаютъ ницъ передъ Іоанномъ, кромѣ Мароы Посадницы. Занавѣсъ опускается).

Таковъ опытъ Погодина. Пушкинъ отнесся къ нему со всевозможнымъ сочувствіемъ. Подобно тому, какъ при отзывахъ о сочиненіяхъ Катенина (см. ниже стр. 120), Баратынскаго (стр. 109), Дельвига (стр. 114), Теплякова, такъ и при оцѣнкѣ трагедіи Погодина Пушкинъ прежде всего отыскивалъ хорошее въ ней и высоко цѣнилъ его, даже выше того, чего оно, быть можетъ, заслуживало. Иногда его высокая оцѣнка вызывалась — несправедливостію публики къ разбираемому автору (какъ это мы видимъ въ отношеніи къ Катенину и Баратынскому); но въ разборѣ трагедіи Погодина, провѣренномъ его перепискою, нельзя не видѣть дѣйствительнаго увлеченія нѣкоторыми сторонами этой пьесы. Прежде всего, конечно, закупало Пушкина сердечное побужденіе молодого писателя, увлеченнаго своимъ дѣломъ. Пушкинъ всегда цѣнилъ это искреннее отношеніе писателей къ своему дѣлу, какъ бы малъ ни былъ талантъ ихъ. На этотъ разъ, сверхъ того, замыселъ Погодина совпадалъ съ тою идеею объ исторической драмѣ, какую Пушкинъ составилъ себѣ при созданіи „Бориса Годунова“. Трагедія Погодина явилась въ свѣтъ почти одновременно съ Годуновымъ, и Пушкинъ не могъ не сочувствовать этому опыту въ

томъ же родѣ. Изъ переписки, касающейся этой піесы, мы знаемъ, что его особенно привлекли въ ней народныя сцены. „Пушкинъ“, писалъ Погодинъ Шевыреву „случайно допытался до моей тайны и заставилъ меня прочесть: былъ въ восторгѣ, цѣловалъ, говорилъ, что его народныя сцены — ничто предъ моими и проч.“ Въ высшей степени впечатлительный ко всему, что было ему дорого, Пушкинъ и въ самомъ дѣлѣ могъ быть увлеченнымъ опытомъ Погодина, гдѣ услыхалъ ту „грубую откровенность народныхъ страстей“, ту „вольность сужденій площади“, которую считалъ принадлежностію народной драмы, и не встрѣчалъ въ правильныхъ и холодныхъ драмахъ своего времени.

Тѣмъ не менѣе Пушкинъ не могъ не указать и множества недостатковъ піесы Погодина. Такъ онъ не признаетъ вполнѣ исполненнымъ нужное въ исторической трагедіи безпристрастіе: указываетъ невыдержанность въ сценѣ Іоанна съ Борецкимъ, неправдоподобную снисходительность перваго и запальчивость второго; противорѣчіе рѣчи Іоанна во II актѣ его характеру. Статья осталась не оконченною, быть можетъ, потому, что автору было бы нужно перейти и къ оцѣнкѣ языка трагедіи, „неправильнаго до безконечности“, который не выдержалъ бы его критики. Выше приведено письмо его къ Погодину, гдѣ онъ откровенно высказалъ ему свое порицаніе за ошибки грамматическія, противныя духу его — усѣченія, сокращенія. Вотъ нѣсколько примѣровъ этихъ неправильностей:

Онъ сѣетъ низкій духъ... (дѣйствіе I, стр. 21),
Дадимъ предлогъ хорошій
Къ кровавому отмщенью, доконанью (стр. 91).
Небось: вишь покраснѣла
Какъ матушка! Онъ имъ напо́ддастъ (стр. 91).
И взмялася опять земля блажная (43).
Мѣшать имъ у заставы. Ихъ имѣнье
Годится для друзей, вина для князя (103).
Какъ вилами ужей онъ припёръ:
Отъ Рюрика все д'Іоанна вычелъ (39).
Мириться, воевать за'дно съ Москвою (47).

Кромѣ сокращеній, какія видимъ въ двухъ послѣднихъ примѣрахъ, встрѣчаются еще: „боготступникъ“ вм. богоотступникъ, „боготметнымъ“ вм. богоотметнымъ, „Архьепископу“ вм. Архіепископу, „пербродиться“.

Разборъ „Мароы“ напечатанъ былъ уже по смерти Пушкина Погодинымъ въ его „Москвитянинѣ“ (1842, № 10); статья о драмѣ — въ изд. Анненкова, съ сокращеніями.

———

Прежде чѣмъ станемъ судить, поблагодаримъ неизвѣстнаго автора за добросовѣстность его труда, поруку истиннаго таланта. Онъ написалъ свою трагедію не по разсчетамъ самолюбія, жаждущаго минутнаго успѣха, не въ угожденіе общей массѣ читателей, не только не пріуготовленныхъ къ романтической драмѣ, но даже рѣшительно ей непріятствующихъ. Онъ написалъ трагедію вслѣдствіе сильнаго внутренняго убѣжденія, вполнѣ предавшись независимому вдохновенію, уединясь въ своемъ трудѣ. Безъ сего самоотверженія въ нынѣшнемъ состояніи нашей литературы ничего нельзя произвести истинно достойнаго вниманія.

Авторъ Мароы Посадницы имѣлъ цѣлію развитіе важнѣйшаго

историческаго происшествія, паденія Новгорода, рѣшившаго вопросъ о единодержавіи Россіи; два великихъ лица предоставлены ему были исторіею. Первое—Іоаннъ, уже начертанный у Карамзина во всемъ его грозномъ величіи; второе — Новгородъ, коего черты надлежало угадать. Драматическій поэтъ, безпристрастный какъ судьба, долженъ былъ изобразить столько же искренно отпоръ погибающей вольности, какъ глубоко обдуманный ударъ, утвердившій Россію на ея огромномъ основаніи. Онъ не долженъ былъ хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не онъ, не его политическій образъ мнѣній, не его тайное или явное пристрастіе должно было говорить въ трагедіи, но люди минувшихъ дней, умы ихъ, предразсудки. Не его дѣло оправдывать, обвинять, подсказывать рѣчи. Его дѣло воскресить минувшій вѣкъ во всей его истинѣ. Исполнилъ ли сіи первоначальныя, необходимыя условія авторъ Маррѳы Посадницы? Отвѣчаемъ — исполнилъ, и если не вездѣ, то измѣнило ему не желаніе, не убѣжденіе, не совѣсть, но природа человѣка всегда несовершенная — сколько глубокое добросовѣстное изслѣдованіе истины и живость воображенія юнаго, пламеннаго ему послужили.

Іоаннъ наполняетъ трагедію. Мысль его приводитъ въ движеніе всю махину, всѣ страсти, всѣ пружины. Въ первой сценѣ новгородцы узнаютъ о властолюбивыхъ его притязаніяхъ и о начатомъ походѣ. Негодованіе, ужасъ, разногласіе, смятеніе, произведенное симъ извѣстіемъ, даютъ уже понятіе о его могуществѣ. Онъ еще не появился, но ужъ тутъ; какъ Марѳа, мы ужъ чувствуемъ его присутствіе. Поэтъ переноситъ насъ въ московскій станъ, среди недовольныхъ князей, среди бояръ и воеводъ. И тутъ мысль объ Іоаннѣ господствуетъ и правитъ всѣми мыслями, всѣми страстями. Здѣсь видимъ могущество его, владычество, укрощающее мятежныхъ удѣльныхъ князей, страхъ, наведенный на нихъ Іоанномъ, сильную вѣру въ его всемогущество. Князья свободно и ясно понимаютъ его дѣйствія, предвидятъ и объясняютъ высокіе замыслы. Послы новгородскіе ожидаютъ его; является Іоаннъ. Рѣчь его къ посламъ не умаляетъ понятія, которое поэтъ успѣлъ внушить. Холодная, твердая рѣшимость, обвиненія сильныя, притворное великодушіе, хитрое изложеніе обидъ... мы слышимъ точно Іоанна, мы узнаемъ мощный государственный его смыслъ, мы слышимъ духъ его вѣка. Новгородъ отвѣчаетъ ему въ лицѣ своихъ пословъ. Какая сцена, какая вѣрность историческая! Какъ угадана дипломатика русскаго вольнаго города! Іоаннъ не заботится о томъ, правы ли они или нѣтъ: онъ предписываетъ свои послѣднія условія. Между тѣмъ готовится къ рѣшительной битвѣ. Но не однимъ оружіемъ дѣйствуетъ осторожный Іоаннъ. Измѣна помогаетъ силѣ. Сцена между Іоанномъ и Борецкимъ кажется намъ невыдержанною. Поэту не хотѣлось совсѣмъ унизить новгородскаго предателя; отселѣ заносчивость его рѣчей и не драматическая (т. е. не правдоподобная) снисходительность Іоанна. Скажутъ: онъ терпитъ, ибо ему нуженъ Борецкій; правда. Но предъ его лицомъ не смѣлъ бы забыться Борецкій, и измѣнникъ не говорилъ бы уже сильнымъ языкомъ Новгорода. За то съ какой полнотой, съ какимъ спокойствіемъ развиваетъ Іоаннъ государственныя

свои мысли! и замѣтимъ его откровенность: вотъ лучшая лесть властителя и единственно его достойная. Послѣдняя рѣчь Іоанна (Россійскіе бояре, вожди, князья и пр.) кажется намъ не въ духѣ властвованія Іоанна. Ему не нужно воспламенять ихъ усердія; онъ не станетъ изъяснять причины своихъ дѣйствій. Довольно, если онъ скажетъ имъ: завтра битва, будьте готовы.

Мы разстаемся съ Іоанномъ, узнавъ его намѣренія, его мысли, его могучую волю—и уже видимъ его опять, когда молча въѣзжаетъ онъ побѣдителемъ въ преданный ему Новгородъ. Его распоряженія, переданныя намъ исторіей, сохранены въ трагедіи безъ добавленій затѣйливыхъ, безъ объясненій. Мароа предрекаетъ ему семейственныя несчастія и погибель его рода...

Изображеніе Іоанна, согласно съ исторіей, почти вездѣ выдержано. Въ немъ трагикъ не ниже своего предмета. Онъ его понимаетъ ясно, вѣрно, знаетъ коротко и представляетъ намъ безъ театральныхъ преувеличеній, безъ надутости, чопорности, безъ противосмыслія, безъ шарлатанства...

37.

Баратынскій.

(1831).

Еще въ 1827 г. Пушкинъ набросалъ слѣдующую программу этой статьи, вызванную первымъ изданіемъ стихотвореній Баратынскаго:

„Истинный вкусъ не въ томъ состоитъ, что въ безотчетномъ отверженіи dédaigne такое-то слово, такой-то оборотъ, но въ чувствѣ соразмѣрности цѣлаго и сообразности частей.

„Никто болѣе Баратынскаго не вложилъ чувства въ свои мысли и болѣе вкуса въ свои чувства. Они въ немъ нераздѣлимы.

„Наконецъ появилось собраніе стихотвореній Баратынскаго, такъ давно и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемое. Спѣшимъ воспользоваться случаемъ высказать наше мнѣніе объ одномъ изъ первостепенныхъ нашихъ поэтовъ и (быть можетъ) еще не довольно оцѣненномъ своими соотечественниками.

„Первыя произведенія Баратынскаго обратили на него вниманіе. Знатоки съ удивленіемъ увидѣли въ первыхъ опытахъ зрѣлость и стройность необыкновенную.

„Сіе преждевременное развитіе всѣхъ поэтическихъ способностей, можетъ быть, зависѣло отъ обстоятельствъ, но уже предрекало намъ то, что нынѣ выполнено поэтомъ столь блистательнымъ образомъ.

„Соперники Баратынскаго—Батюшковъ и Жуковскій; сравненіе.

„Первыя произведенія Баратынскаго были элегіи, и въ этомъ родѣ онъ первенствуетъ. Нынѣ вошло въ моду порицать элегіи, какъ встарину старались осмѣять оды; но если вялыя подражанія Ломоносову и Баратынскому равно несносны, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что роды элегическій и лирическій должны быть исключены изъ разрядныхъ книгъ поэтической олигархіи.

„Къ тому же, у насъ почти не существуетъ чистая элегія. Въ древности отличалась она особымъ стихосложеніемъ, но иногда сбивалась на идиллію, иногда входила въ трагедію, иногда принимала ходъ лирическій (чему въ новѣйшее

время видимъ примѣры у Гете). Tous les genres sont bons, excepté l'ennuyeux: вотъ основаніе поверхностной критики: хорошая эпиграмма лучше плохой трагедіи, — что это значитъ? Можно ли сказать, что бутылка шампанскаго лучше дурной погоды?"

Приводимъ изъ упоминаемой въ статьѣ Пушкина поэмы „Балъ" нѣсколько выдержекъ.

Вотъ характеристика героини поэмы „Балъ" (княгини Нины):

Какъ въ близкихъ сердцу разговорахъ
Была плѣнительна она!
Какъ угодительно-нѣжна!
Какая ласковость во взорахъ
У ней сіяла! Но порой
Ревнивымъ гнѣвомъ пламенѣя,
Какъ зла въ словахъ, страшна собой,
Являлась новая Медея!
Какія слезы изъ очей
Потомъ катилися у ней!
Терзая душу, проливали
Въ нее томленье слезы тѣ:
Кто бъ не отеръ ихъ у печали,
Кто бъ не оставилъ красотѣ!

Страшись прелестницы опасной,
Не подходи: обведена
Волшебнымъ очеркомъ она:
Кругомъ ея заразы страстной
Исполненъ воздухъ! Жалокъ тотъ,
Кто въ сладкій чадъ его вступаетъ:
Ладью пловца водоворотъ
Такъ на погибель увлекаетъ!
Бѣги ее: нѣтъ сердца въ ней!
Страшися вкрадчивыхъ рѣчей
Одурѣвающей приманки:
Влюбленныхъ взглядовъ не лови:
Въ ней жаръ упившейся вакханки,
Горячки жаръ—не жаръ любви.

Когда герой поэмы (Арсеній) предпочелъ княгинѣ подругу своего дѣтства и женился на ней, княгиня ѣдетъ на балъ, гдѣ должны были явиться молодые. Она не вынесла счастія своей соперницы и, поспѣшно уѣхавъ домой, отравилась. Вотъ окончаніе поэмы:

Глухая ночь. У Нины въ спальной,
Лѣниво споря съ темнотой,
Передъ иконой золотой
Лампада точитъ свѣтъ печальной.
То пропадетъ во мракѣ онъ,
То заиграетъ на окладѣ:
Кругомъ глубокій, мертвый сонъ!
Межъ тѣмъ въ блистательномъ нарядѣ,
Въ богатыхъ перьяхъ, жемчугахъ,
Съ румянцемъ страннымъ на щекахъ,
Ты ль это, Нина, мною зрима?
Въ переливающейся мглѣ,
Зачѣмъ сидишь ты недвижима,
Съ недвижной думой на челѣ?
Дверь заскрипѣла: слышитъ ухо
Походку чью-то на полу:
Передъ иконою, въ углу,
Сталъ и закашлялъ кто-то глухо.
Сухая, дряхлая рука
Изъ тьмы къ лампадѣ протянулась:
Свѣтильню тронула слегка,
Свѣтильня сонная очнулась,
И свѣтъ нежданный и живой
Вдругъ озаряетъ весь покой:

Княгини мамушка сѣдая
Передъ иконою стоитъ,
И вотъ ужъ, набожно вздыхая,
Земной поклонъ она творитъ.
Вотъ поднялась, перекрестилась;
Вотъ поплелась было домой:
Вдругъ видитъ Нину предъ собой,
На полпути остановилась,
Глядитъ печально на нее,
Качаетъ старой головою:
„Ты ль это, дитятко мое,
Такою позднею порою?..
И не смыкаешь очи сномъ,
Горюя, Богъ знаетъ о чемъ!
Вотъ такъ-то ты свой вѣкъ проводишь,
Хоть отъ ума, да не умно:
Ну, право, ты себя уходишь,
А вѣдь грѣшно, куда грѣшно!
И что въ твоей судьбѣ худого?
Какъ погляжу я, полонъ домъ
Не перечесть какимъ добромъ
Ты роду-званія большого;
Твой князь пріятнаго лица,
Душа въ немъ кроткая такая —

Вечасно Вышняго Творца
Благословляла бы другая!
Ты позабыла Бога... да,
Не ходишь въ церковь никогда:
Повѣрь, кто Господа оставитъ,
Того оставитъ и Господь;
А Онъ-то духомъ нашимъ правитъ,
Онъ охраняетъ нашу плоть!
Не осердись, моя родная:
Ты знаешь, мало ли о чемъ
Мелю я старымъ языкомъ:
Прости, дай ручку мнѣ".
Вздыхая,
Къ рукѣ княгининой она
Устами ветхими прильнула:
Рука ледяно-холодна.
Въ лицо ей съ трепетомъ взглянула:
На немъ поспѣшной смерти ходъ;
Глаза стоятъ, и въ пѣнѣ ротъ...
Судьбина Нины совершилась,
Нѣтъ Нины! Ну такъ что же? Нѣтъ!
Какъ видно, ядомъ отравилась,
Сдержала страшный свой обѣтъ!
Уже билеты роковые,
Билеты съ черною каймой.
На концхъ бренности людской
Трофеи, модой принятые,
Печалью поражаютъ взглядъ:
Гдѣ сухощавые Сатурны
Съ косами грозными сидятъ,
Склонясь на траурныя урны;
Гдѣ кости мертвыя крестомъ
Лежатъ разительнымъ гербомъ
Подъ гробовыми головами.—
О смерти Нины должно вѣсть
Узаконенными словами
Спѣшатъ по городу разнесть.
Въ урочный часъ, на вынось тѣла,
Со всѣхъ концовъ Москвы большой
Одна карета за другой
Къ хоромамъ князя полетѣла.
Обсѣвъ гостиную кругомъ,
Сначала важное молчанье
Толпа хранила; но потомъ
Возникло томное жужжанье:
Оно росло, росло, росло
И въ шумный говоръ перешло.
Объятый счастливымъ забвеньемъ,
Самъ князь за дѣло принялся
И жаркимъ богословскимъ преньемъ
Съ ханжой какимъ-то занялся.
Богатый гробъ несчастной Нины,
Священствомъ пышнымъ окружонъ.
Былъ въ землю мирно опущенъ.
Свѣтъ не узналъ ея судьбины.
Князь, безъ особаго труда,
Свой жребій Вышней волѣ предалъ.
Поэтъ, который завсегда
По четвергамъ у нихъ обѣдалъ,
Никакъ съ желудочной тоски
Скропалъ на смерть ея стишки.
Обильна слухами столица;
Молва какая-то была,
Что ихъ законная страница
Въ Журналѣ Дамскомъ приняла.

Статья Пушкина, написанная въ 1831 г., явилась впервые въ посмертномъ изданіи его сочиненій.

Пора Баратынскому занять на русскомъ Парнасѣ мѣсто, давно ему принадлежащее. Наши поэты не могутъ жаловаться на излишнюю строгость критиковъ и публики; напротивъ: едва замѣтимъ въ молодомъ писателѣ навыкъ къ стихосложенію, знаніе языка и средствъ онаго, уже тотчасъ спѣшимъ привѣтствовать его титломъ генія за гладкіе стишки и нѣжно благодаримъ его въ журналахъ отъ имени человѣчества; невѣрный переводъ, блѣдное подражаніе сравниваемъ безъ церемоніи съ безсмертными произведеніями Гёте и Байрона: добродушіе смѣшное, но безвредное! Истинный талантъ довѣряетъ болѣе собственному сужденію, основанному на любви къ искусству, нежели малообдуманному рѣшенію записныхъ аристарховъ. Зачѣмъ лишать златую посредственность невинныхъ удовольствій, доставляемыхъ журнальнымъ торжествомъ?

Изъ нашихъ поэтовъ Баратынскій всѣхъ менѣе пользовался обычной благосклонностію журналовъ—оттого ли, что вѣрность ума, чувства, точность выраженія, вкусъ, ясность и стройность менѣе дѣйствуютъ на толпу, нежели преувеличеніе (exagération) модной поэзіи, или потому, что нашъ поэтъ нѣкоторыми эпиграммами заслужилъ негодованіе братіи, не всегда смиренной. Какъ бы то ни было, критики изъявляли въ отношеніи къ нему или недобросовѣстное равнодушіе, или даже непріязненное расположеніе. Не упоминая уже объ извѣстныхъ шуточкахъ покойнаго „Благонамѣреннаго", извѣстнаго весельчака, замѣтимъ, что появленіе „Эды", произведенія столь замѣчательнаго оригинальной своей простотою, прелестью разсказа, живостью красокъ и очеркомъ характеровъ, слегка, но мастерски означенныхъ,—появленіе „Эды" подало только поводъ къ неприличной статейкѣ въ „Сѣверной Пчелѣ" и слабому возраженію на нее въ „Московскомъ Телеграфѣ".

Какъ отозвался „Московскій Вѣстникъ" о собраніи стихотвореній нашего перваго элегическаго поэта? (Упоминаю обо всемъ этомъ для назиданія молодыхъ писателей). Между тѣмъ Баратынскій спокойно усовершенствовался. Послѣднія его произведенія являются плодами зрѣлаго таланта. Послѣдняя поэма „Балъ" (напечатанная въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ) подтверждаетъ наше мнѣніе. Сіе блестящее произведеніе исполнено оригинальныхъ красотъ и прелести необыкновенной. Поэтъ съ удивительнымъ искусствомъ соединилъ въ своемъ разсказѣ тонъ шутливый и страстный, метафизику и поэзію (два лица являются передъ нами; одно исключительно занимаетъ интересъ). Характеръ героини совершенно новый, развитый con amore, широко и съ удивительнымъ искусствомъ; для него поэтъ нашъ создалъ совершенно новый языкъ и выразилъ на немъ всѣ оттѣнки своей метафизики; для него расточилъ онъ всю элегическую нѣгу, всю прелесть своей поэзіи [1]).

Напрасно поэтъ беретъ иногда строгій тонъ порицанія, укоризны; напрасно онъ съ принужденной холодностью говоритъ о смерти Нины, сатирически описываетъ намъ ея похороны и шуткою кончаетъ поэму свою: мы чувствуемъ, что онъ любитъ свою бѣдную, страстную героиню; онъ заставляетъ и насъ принимать болѣзненное соучастіе въ судьбѣ падшаго, но еще очаровательнаго созданія.

Арсеній есть тотъ самый, кого должна была полюбить бѣдная Нина. Онъ сильно овладѣлъ ея воображеніемъ, и — никогда вполнѣ не удовлетворяя ни ея страсти, ни любопытству—долженъ былъ до конца сохранить надъ нею роковое свое вліяніе (ascendant).

Перечтите его Эду (которую критики наши назвали ничтожной, ибо, какъ дѣти, отъ поэмы требуютъ они происшествій),—перечтите сію простую, восхитительную повѣсть: вы увидите, съ какою глубиною чувства развита въ ней женская любовь. Посмотрите на Эду послѣ перваго поцѣлуя предпріимчиваго обольстителя:

Взоръ укоризны, даже гнѣва
Тогда поднять хотѣла дѣва,
Но гнѣва взоръ не выражалъ:
Веселость ясная сіяла
Въ ея младенческихъ очахъ...

---

[1]) Здѣсь оставлено мѣсто для выписки | изъ поэмы: „Балъ".

Она любитъ, какъ дитя, радуется его подаркамъ, рѣзвится съ нимъ, безпечно привыкаетъ къ его ласкамъ... Но время идетъ, Эда уже не ребенокъ:

На камняхъ розовыхъ твоихъ
Весна игриво засвѣтлѣла,
И ярко-зеленъ мохъ на нихъ.
И птичка весело запѣла,
И по гранитному одру
Свѣтло бѣжитъ ручей сребристый,
И лѣсъ прохладою душистой
Съ востока вѣетъ поутру;
Тамъ, за горою, долъ таится;
Уже цвѣты пестрѣютъ тамъ;
Уже черемухъ опміамъ
Тамъ въ чистомъ воздухѣ струится...
Своею нѣгою страшна
Тебѣ волшебная весна.
Не слушай птички сладкогласной!
Отъ сна возставшая, съ крыльца
Къ прохладѣ утренней лица
Не обращай, и въ долъ прекрасный
Не приходи...

Какая роскошная черта! какъ весь отрывокъ исполненъ нѣги!

Баратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ у насъ оригиналенъ—ибо мыслитъ. Онъ былъ бы оригиналенъ и вездѣ, ибо мыслитъ посвоему, правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ. Кромѣ прелестныхъ элегій и мелкихъ стихотвореній, знаемыхъ всѣми наизусть и столь неудачно поминутно подражаемыхъ, Баратынскій написалъ двѣ повѣсти, которыя въ Европѣ доставили бы ему славу, а у насъ были замѣчены одними знатоками. Первыя, юношескія произведенія Баратынскаго были нѣкогда приняты съ восторгомъ; послѣднія, болѣе зрѣлыя, болѣе близкія къ совершенству, въ публикѣ имѣли меньшій успѣхъ. Постараемся объяснить тому причины. Первою должно почесть самое сіе совершенствованіе, самую зрѣлость его произведеній. Понятія, чувства 18-ти-лѣтняго поэта еще близки и сродны всякому; молодые читатели понимаютъ его, и съ восхищеніемъ въ его произведеніяхъ узнаютъ собственныя чувства и мысли, выраженныя ясно, живо и гармонически. Но лѣта идутъ — юный поэтъ мужаетъ, талантъ его растетъ, понятія становятся выше, чувства измѣняются — пѣсни его уже не тѣ, а читатели все тѣ же, и развѣ только сдѣлались холоднѣе сердцемъ и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. Поэтъ отдѣляется отъ нихъ и мало-по-малу уединяется совершенно. Онъ творитъ для самого себя, и если изрѣдка еще обнародываетъ свои произведенія, то встрѣчаетъ холодность, невниманіе и находитъ отголосокъ своимъ звукамъ только въ сердцахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ, уединенныхъ въ свѣтѣ. Вторая причина есть отсутствіе критики и общаго мнѣнія. У насъ литература не есть потребность народная. Писатели получаютъ извѣстность посторонними обстоятельствами, публика мало ими занимается; классъ читателей ограниченъ, и имъ управляютъ журналы, которые судятъ о литературѣ какъ о политической экономіи, о политической экономіи какъ о музыкѣ, т. е. наобумъ, по наслышкѣ, безъ всякихъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, а большею частію по личнымъ разсчетамъ. Будучи предметомъ ихъ неблагосклонности, Баратынскій никогда за себя не вступался, не отвѣчалъ ни на одну журнальную статью. Правда, что довольно трудно оправдываться

8

тамъ, гдѣ не было обвиненія, и что, съ другой стороны, довольно легко презирать ребяческую злость и площадныя насмѣшки — тѣмъ не менѣе, ихъ приговоры имѣютъ рѣшительное вліяніе.

Третья причина — эпиграммы Баратынскаго; сіи мастерскія, образцовыя эпиграммы не щадили правителей русскаго Парнаса. Поэтъ нашъ не только никогда не нисходилъ къ журнальной полемикѣ и не любилъ состязаться съ нашими аристархами, несмотря на необыкновенную силу своей діалектики, но и не могъ удержаться, чтобъ сильно не выразить иногда своего мнѣнія въ этихъ маленькихъ сатирахъ, столь забавныхъ и язвительныхъ. Не смѣемъ упрекать его за нихъ. Слишкомъ было бы жаль, если бъ онѣ не существовали *).

Сія безпечность о судьбѣ своихъ произведеній, сіе неизмѣнное равнодушіе къ успѣху и похваламъ, не только въ отношеніи къ журналистамъ, но и въ отношеніи къ публикѣ, очень замѣчательны. Никогда не старался онъ малодушно угождать господствующему вкусу и требованіямъ мгновенной моды, никогда не прибѣгалъ къ шарлатанству, преувеличенію (exagération) для произведенія большаго эффекта, никогда не пренебрегалъ трудами неблагодарными, рѣдко замѣчаемыми, трудами отдѣлки и очетливости. Никогда не тащился онъ по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго генія, подбирая имъ обронениые колосья: онъ шелъ своею дорогою одинъ и независимъ. Время ему занять степень, ему принадлежащую, и стать подлѣ Жуковскаго и выше пѣвца Пенатовъ и Тавриды... [1]).

38.

Дельвигъ.

(1831).

Первая замѣтка напеч. впервые въ посмертномъ изд. соч. Пушкина; обѣ остальныя — въ изд. Анненкова.

Дельвигъ родился въ Москвѣ (1798 года...). Отецъ его, умершій генералъ-маіоромъ въ 1828 году, былъ женатъ на дѣвицѣ Рахмановой [2]).

Дельвигъ первоначальное образованіе получилъ въ частномъ пансіонѣ; въ концѣ 1811 года вступилъ онъ въ царскосельскій лицей. Способности его развивались медленно. Память у него была тупа, понятія лѣнивы. На 14-мъ году онъ не зналъ никакого иностраннаго языка и не оказывалъ склонности ни къ какой наукѣ. Въ немъ

---

*) Эпиграмма, опредѣленная законодателемъ французской піитики: „Un bon mot de deux rimes orné“ (острота, украшенная двумя риѳмами), скоро старѣетъ и, живѣе дѣйствуя въ первую минуту, какъ и всякое острое слово, теряетъ всю свою силу при повтореніи. Напротивъ съ эпиграммами Баратынскаго. Сатирическая мысль пріемлетъ оборотъ то сказочный, то драматическій, и улыбнувшись ей, какъ острому слову, съ наслажденіемъ перечитываешь ее, какъ произведеніе искусства. *А. П.*

---

1) Батюшкова.

2) Одна изъ сестеръ Дельвига была за Рахмановымъ, мать же поэта была урожденная Красильникова.

замѣтна была только живость воображенія. Однажды вздумалось ему разсказать нѣсколькимъ изъ своихъ товарищей походъ 1807 года, выдавая себя за очевидца тогдашнихъ происшествій. Его повѣствованіе было такъ живо и правдоподобно, и такъ сильно подѣйствовало на воображеніе молодыхъ слушателей, что нѣсколько дней около него собирался кружокъ любопытныхъ, требовавшихъ новыхъ подробностей о походѣ. Слухъ о томъ дошелъ до нашего директора А. Ѳ. Малиновскаго, который захотѣлъ услышать отъ самого Дельвига разсказъ о его приключеніяхъ. Дельвигъ постыдился признаться во лжи, столь же невинной, какъ и замысловатой, и рѣшился ее поддержать, что и сдѣлалъ съ удивительнымъ успѣхомъ, такъ что никто изъ насъ не сомнѣвался въ истинѣ его разсказовъ, покамѣстъ онъ самъ не признался въ своемъ вымыслѣ. Будучи еще пяти лѣтъ отъ роду, вздумалъ онъ разсказать о какомъ-то чудесномъ видѣніи и смутилъ имъ всю свою семью. Въ дѣтяхъ, одаренныхъ игривостью ума, склонность ко лжи не мѣшаетъ искренности и прямодушію. Дельвигъ, разсказывающій о таинственныхъ своихъ видѣніяхъ и о мнимыхъ опасностяхъ, которымъ, будто бы, подвергался въ обозѣ отца своего, никогда не лгалъ въ оправданіе какой-нибудь вины, для избѣжанія выговора или наказанія.

Любовь къ поэзіи пробудилась въ немъ рано. Онъ зналъ почти наизусть собраніе русскихъ стихотвореній, изданное Жуковскимъ. Съ Державинымъ онъ не разставался. Клопштока, Шиллера и Гёте прочелъ онъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, живымъ лексикономъ и вдохновеннымъ комментаріемъ [1]). Горація изучилъ въ классѣ, подъ руководствомъ профессора Кошанскаго. Дельвигъ никогда не вмѣшивался въ игры, требовавшія проворства и силы; онъ предпочиталъ прогулки по аллеямъ Царскаго Села и разговоры съ товарищами, коихъ умственныя склонности сходствовали съ его собственными. Первыми его опытами въ стихотворствѣ были подражанія Горацію. Оды: къ Діону, къ Лилетѣ, Доридѣ, писаны имъ на пятнадцатомъ году и напечатаны въ собраніи его сочиненій безъ всякой перемѣны. Въ нихъ уже замѣтно необыкновенное чувство гармоніи и той классической стройности, которой никогда онъ не измѣнялъ. Какимъ образомъ никто не обратилъ тогда вниманія на ранніе отпрыски столь прекраснаго таланта? Никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юношу, между тѣмъ какъ стихи одного изъ его товарищей, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, въ то же время были расхвалены и прославлены, какъ нѣкоторое чудо. Но такова участь Дельвига: онъ не былъ оцѣненъ при раннемъ появленіи на краткомъ своемъ поприщѣ; онъ еще не оцѣненъ и теперь, когда покоится въ своей безвременной могилѣ!

Я ѣхалъ съ Вяземскимъ изъ Петербурга въ Москву. Дельвигъ хотѣлъ проводить меня до Царскаго Села. 10 августа (1830) поутру мы вышли изъ города. Вяземскій долженъ былъ насъ догнать на дорогѣ.—Дельвигъ обыкновенно просыпался очень поздно, и раз-

[1]) В. Кюхельбекеромъ.

будить его преждевременно было почти невозможно. Но въ этотъ день вставалъ онъ въ осьмомъ часу, и у него съ непривычки кружилась и болѣла голова. Мы принуждены были зайти въ низенькій трактиръ. Дельвигъ позавтракалъ. Мы пошли далѣе. Ему стало легче; головная боль прошла. Онъ сталъ веселъ и говорливъ.—Завтракъ въ трактирѣ напомнилъ ему повѣсть, которую намѣревался онъ написать. Дельвигъ долго обдумывалъ свои произведенія, даже самыя мелкія. La raison de ce que Delvig a si peu écrit tient à sa manière de composer [1]). Онъ любилъ въ разговорахъ развивать свои поэтическіе помыслы, и мы знали его прекрасныя созданія нѣсколько лѣтъ прежде, нежели были они написаны; но когда наконецъ онъ ихъ читалъ, облеченныя въ звучные гекзаметры, они казались намъ новыми и неожиданными. Такимъ образомъ Русская его Идиллія, напечатанная въ самый годъ его смерти [2]), была въ первый разъ разсказана мнѣ еще въ лицейской залѣ, послѣ скучнаго математическаго класса.

Идилліи Дельвига для меня удивительны: какую силу воображенія должно имѣть, дабы такъ совершенно перенестись изъ 19-го столѣтія въ золотой вѣкъ, и какое необыкновенное чутье изящнаго, дабы такъ угадать греческую поэзію сквозь латинскія подражанія или нѣмецкіе переводы; эту роскошь, эту нѣгу, эту прелесть болѣе отрицательную, чѣмъ положительную, которая не допускаетъ ничего напряженнаго въ чувствахъ, тонкаго, запутаннаго въ мысляхъ, лишняго, неестественнаго въ описаніяхъ.

39.

Современные французскіе писатели.

(1831).

Напеч. впервые въ „Матеріалахъ“ Анненкова.

Всѣмъ извѣстно, что французы народъ самый анти-поэтическій. Славнѣйшіе представители сего остроумнаго и положительнаго народа: Монтань, Монтескьё, Вольтеръ, доказали это. Монтань, путешествовавшій по Италіи, не упоминаетъ ни о Микель-Анджело, ни о Рафаэлѣ; Монтескьё смѣется надъ Гомеромъ; Вольтеръ, кромѣ Расина и Горація, кажется, не понялъ ни одного поэта... Если обратимъ вниманіе на критическіе результаты, обращающіеся въ народѣ и принятые за литературные аксіомы, то мы изумимся ихъ бѣдности...

Ламартинъ скучнѣе Юма и не имѣетъ его глубины. Не знаю, признались ли они въ тощемъ однообразіи, въ вялой безцвѣтности своего Ламартина, но тому лѣтъ десять — его ставили наравнѣ съ Байрономъ и Шекспиромъ.

---

[1]) т. е.: „Причина, почему Дельвигъ написалъ такъ мало, заключается въ его манерѣ сочинять“.

[2]) Отставной солдатъ (русская идиллія), напечатанная въ Сѣв. Цвѣтахъ на 1830 г.

40.

Мелкія замѣтки.

(1829—1831).

Замѣтки эти напечатаны были частію въ „Сѣв. Цв." 1828 г., безъ имени автора, частію въ посмертномъ изд. соч. Пушкина, частію въ изд. О. п. и. л. и у. 1887.

Езуитъ Поссевинъ, столь извѣстный въ нашей исторіи [1]), былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ гонителей памяти Макіавелевой [2]). Онъ соединилъ въ одной книгѣ всѣ клеветы, всѣ нападенія, которыя навлекъ на свои сочиненія безсмертный флорентинецъ, и тѣмъ остановилъ новое изданіе оныхъ. Ученый Coringius, издавшій Il Principe въ 1660 году, доказалъ, что Поссевинъ никогда не читалъ Макіавеля, а толковалъ о немъ по наслышкѣ.

*

Гёте имѣлъ большое вліяніе на Байрона. Фаустъ тревожилъ воображеніе творца Чайльдъ Гарольда. Нѣсколько разъ пытался Байронъ бороться съ этимъ великаномъ романтической поэзіи—и всегда оставался хромъ, какъ Іаковъ.

*

Дельвигъ не любилъ поэзіи мистической. Онъ говаривалъ: „чѣмъ ближе къ небу, тѣмъ холоднѣе".

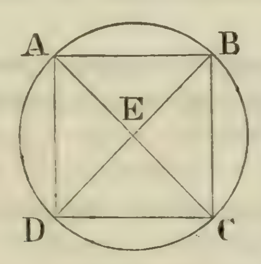
*

Отелло отъ природы не ревнивъ; напротивъ, онъ довѣрчивъ. Вольтеръ это понялъ, и, развивая въ своемъ подражаніи созданіе Шекспира, вложилъ въ уста своего Орозмана слѣдующій стихъ:

Je ne suis point jaloux...
Si je l'étais jamais!.. [3]).

*

Форма цыфръ арабскихъ составлена изъ слѣдующей фигуры:

AD [1], EABDC [2], ABECD [3], ABD+AE [4] и проч. Римскія цифры составлены по тому же образцу.

*

---

[1]) Поссевинъ (1534—1611), будучи папскимъ легатомъ въ Польшѣ, во время войны Баторія съ Іоанномъ IV, ѣздилъ для переговоровъ съ нимъ въ Старицу. Онъ велъ съ Іоанномъ религіозные споры, намѣреваясь окатоличить Россію. Споры не имѣли послѣдствій. Онъ написалъ сочиненіе о Россіи (Moskowia).

[2]) Никколо ди Бернардо ди Макіавелли (1469 — 1527) — знаменитый итал. госуд. человѣкъ, авторъ сочиненія „Il principe" (1515), гдѣ онъ указываетъ, какъ должна быть учреждена неограниченная власть, которая одна можетъ спасти Италію.

[3]) т. е.: „Я совсѣмъ не ревнивецъ... Если же я когда-нибудь имъ буду..."

Многіе негодуютъ на журнальную критику за дурной ея тонъ, незнаніе приличія и тому подобное; неудовольствіе ихъ несправедливо. Ученый человѣкъ, занятый своимъ дѣломъ, погруженный въ свои размышленія, не имѣетъ времени являться въ общество и пріобрѣтать навыкъ въ суетной образованности, подобно праздному жителю большаго свѣта. Мы должны быть снисходительны къ его простодушной грубости, залогу добросовѣстности и любви къ истинѣ. Педантизмъ имѣетъ свою хорошую сторону. Онъ только тогда смѣшонъ и отвратителенъ, когда мелкомысліе и невѣжество выражаются его языкомъ.

*

Будемъ справедливы: г. Полеваго нельзя упрекнуть въ низкомъ подобострастіи предъ знатными; напротивъ, мы готовы обвинить его въ юношеской занозчивости, не уважающей ни лѣтъ, ни званія, ни славы, и оскорбляющей равно память мертвыхъ и отношенія къ живымъ.

*

Человѣкъ по природѣ своей склоненъ болѣе къ осужденію, нежели къ похвалѣ... (говоритъ Макіавель, сей великій знатокъ природы человѣческой).

Глупость осужденія не столь замѣтна, какъ глупость похвалы; глупецъ не видитъ никакого достоинства въ Шекспирѣ, и это приписано разборчивости его вкуса, странности, и т. п. Тотъ же глупецъ восхищается романомъ Дюкре-Дюмениля или исторіей г. Полеваго, и на него смотрятъ съ презрѣніемъ, хотя въ первомъ случаѣ глупость его выразилась яснѣе для человѣка мыслящаго.

*

Повторенное острое слово становится глупостью. Какъ можно переводить эпиграммы — разумѣю не антологическія, въ которыхъ развертывается поэтическая прелесть,—но ту, которую Буало опредѣляетъ: Un bon mot de deux rimes orné [1]).

*

Д. говаривалъ, что самая полная сатира на нѣкоторыя литературныя общества былъ бы списокъ членовъ съ означеніемъ того, что кѣмъ написано.

*

Грамматика не предписываетъ законовъ языку, но изъясняетъ и утверждаетъ его обычаи.

*

Одна изъ причинъ жадности, съ которой мы читаемъ записки великихъ людей, — наше самолюбіе; мы рады, ежели сходствуемъ съ замѣчательнымъ человѣкомъ чѣмъ бы то ни было, — мнѣніями, даже слабостями и пороками; вѣроятно, большее сходство имѣли бы мы съ мнѣніями, привычками и способностями людей вовсе ничтожныхъ, если бы они оставляли намъ свои признанія.

*

Проза кн. Вяземскаго чрезвычайно жива. Онъ обладаетъ рѣдкой

---

[1]) См. выше стр. 14.

способностью оригинально выражать мысли; къ счастью, онъ мыслитъ, что́ довольно рѣдко... ибо должно стараться имѣть большинство голосовъ на своей сторонѣ: уважайте глупцовъ.

*

К. находитъ какое-то сочиненіе глупымъ. Чѣмъ вы это докажете?— Помилуйте, простодушно увѣряетъ онъ, да я могъ бы такъ написать.

*

Буквы, составляющія славянскую азбуку, не представляютъ никакого смысла. Азъ, буки, вѣди, глаголь, добро etc суть отдѣльныя слова, выбранныя для начальнаго ихъ звука. У насъ Грамотинъ [1]) первый, кажется, вздумалъ составить апофоегмы изъ нашей азбуки. Онъ пишетъ: Первоначальное значеніе буквъ, вѣроятно, было слѣдующее: Азъ Букъ (или Бугъ!) вѣдю, т. е. я Бога вѣдаю; глаголь добро есть; живетъ на землѣ, кто и какъ люди мыслитъ; нашъ онъ покой рцу. Слово (Λόγος) твержу... (и прочая, говоритъ Грамотинъ; вѣроятно, что въ прочемъ не могъ уже найти никакого смысла). Какъ это все натянуто!..

41.

О книгѣ А. Н. Муравьева: Путешествіе къ св. мѣстамъ. Спб. 1832.

(1832).

Замѣтка эта напечатана впервые въ изд. О. н. н. л. й у. (1887).

Въ 1829 году авторъ находился въ главной квартирѣ Дибича.— За Балканами остановились русскія войска; начались переговоры, военныя дѣйствія прекратились. Вниманіе Европы было обращено на Адріанополь, гдѣ рѣшалась судьба Греціи, цѣлыя восемь лѣтъ занимавшей помышленія просвѣщеннаго міра. Греція оживала. Могущественная помощь Сѣвера возвращала ей независимость и самобытность.

Во время переговоровъ, среди торжествующаго нашего стана, въ виду смятеннаго Константинополя, одинъ молодой поэтъ думалъ о Іерусалимѣ, о св. храмѣ, нынѣ забытомъ христіанскою Европою для суетныхъ развалинъ Пареенона и Ликея. Ему представилась возможность исполнить давнее желаніе, любимую мечту отрочества. Г. Муравьевъ черезъ г. Дибича получилъ дозволеніе посѣтить св. мѣста и отправился къ нимъ черезъ Константинополь и Александрію. Нынѣ издалъ онъ свои путевыя записки.

Съ умиленіемъ и невольной завистью прочли мы книгу г. Муравьева... Молодаго нашего соотечественника привлекло туда не суетное желаніе обрѣсти краски для поэтическаго романа, не безпокойное любопытство, не надежда найти насильственныя впечатлѣнія для сердца усталаго и притупленнаго. Онъ посѣтилъ св. мѣста, какъ вѣрующій, какъ смиренный, простодушный крестоносецъ, жа-

---

[1]) Николай Өедоровичъ Грамматинъ (1786—1827), авторъ „Разсужденія о древней русской словесности“ (1809).

жаждущій повергнуться въ прахъ предъ гробомъ Христа Спасителя [a]. Онъ не старается, какъ Шатобріанъ, воспользоваться противоположностью миѳологій Библіи и Одиссеи; онъ не останавливается, онъ спѣшитъ, онъ мимоходомъ бесѣдуетъ съ... преобразователемъ Египта, проникаетъ въ глубину пирамидъ, проникаетъ въ пустыню, оживленную черными шатрами бедуиновъ и верблюдами каравановъ, вступаетъ въ обѣтованную землю; наконецъ, съ высоты вдругъ видитъ Іерусалимъ...

42.

О сочиненіяхъ П. А. Катенина.

(1833).

Въ концѣ 1832 г. вышли „Сочиненія и переводы въ стихахъ Павла Катенина, съ пріобщеніемъ нѣсколькихъ стихотвореній кн. Николая Голицына. Часть I. Сочиненія. — Часть II. Подражанія и переводы. Спб. Въ тип. вдовы Плюшора. 1832". Издатель, Николай Бахтинъ, въ предисловіи своемъ замѣчаетъ: „Мы имѣемъ стихотворцевъ, которые при жизни насладились громкою славою, но послѣ смерти преданы забвенію. Имѣемъ и такихъ, которые были почти неизвѣстны современникамъ, но нынѣ уважаются потомками. Есть у насъ также примѣры, что поэты сохраняютъ доброе о себѣ мнѣніе публики только потому, что сочиненія ихъ разсѣяны въ журналахъ и никогда не были собраны и напечатаны отдѣльно; но едва ли кто-либо изъ нашихъ стихотворцевъ, изданіемъ полнаго собранія своихъ произведеній пріобрѣлъ отъ современниковъ похвалу, которою они скупо надѣляли его прежде. Я ожидаю сего благого послѣдствія отъ изданія въ свѣтъ стихотвореній П. А. Катенина. — Почти при вступленіи на поприще словесности, онъ былъ встрѣченъ самыми несправедливыми и самыми неумѣренными критиками. Нѣкоторые изъ писателей, даже уважаемыхъ публикою, какъ бы сами стыдясь своихъ поступковъ, скрывали свои имена, и подъ вымышленными названіями печатали въ журналахъ пристрастныя сужденія о его произведеніяхъ. Другіе, менѣе извѣстные, хотя иногда и не скрывали именъ своихъ, но боясь, чтобы читатели не усомнились въ чистотѣ ихъ намѣреній, видя часто подпись ихъ подъ критиками на одного писателя, разнообразили оную и старались обмануть легковѣрныхъ. — Такимъ образомъ появленіе каждаго новаго стихотворенія г. Катенина сопровождалось въ журналахъ новыми нападеніями его антагонистовъ. Всѣ ихъ писанія носили на себѣ явную печать пристрастія, а нѣкоторыя сверхъ того и непростительнаго незнанія дѣла; но тѣмъ не менѣе они вредили поэту, подобно какъ въ странахъ и болѣе образованныхъ, нежели Россія, подкупные свистки райка вредятъ часто успѣху хорошей трагедіи. — Глубокое молчаніе г. Катенина и вѣрность правиламъ, которыхъ онъ объявилъ себя единожды послѣдователемъ, утомили наконецъ его противниковъ. Можетъ быть, даже нѣкоторые изъ нихъ, увлеченные сначала примѣромъ и желаніемъ блеснуть своимъ остроуміемъ, потомъ увидѣли свою ошибку. Словомъ, всѣ они мало-по-малу смолкли, и благопріятные отзывы о стихотвореніяхъ Катенина начали появляться въ журналахъ; но отзывы сіи не могли произвести вполнѣ дѣйствія надъ публикою, не бывъ подкрѣплены чтеніемъ самихъ сти-

[a] Въ рукоп. слѣдуетъ: Онъ traverse Грецію. — préoccupé одною великой мыслію.

зовъ, ибо кому охота перечитывать Сынъ Отечества и Вѣстникъ Европы за минувшіе годы?

Далѣе авторъ предисловія указываетъ достоинства стихотвореній Катенина: ихъ оригинальность и по содержанію, и по краскамъ, и формамъ. „Наташа“, „Убійца“, „Лѣшій“, „Мстиславъ Мстиславичъ“, „Старая быль“, „Элегія (Фивъ и Музы! нѣтъ вамъ жестокостью равныхъ)—суть единственныя въ своемъ родѣ произведенія“, замѣчаетъ авторъ. Онъ находитъ въ сочиненіяхъ Катенина и богатство вымысла, и разнообразіе размѣровъ. „Гексаметръ подъ перомъ его“, сказано далѣе, „освободился совершенно отъ тяжести и неловкости, которыя заставляли иныхъ жаловаться, что стихъ сей трудно читать“. Далѣе авторъ предисловія защищаетъ слогъ Катенина отъ упрековъ въ употребленіи обветшалыхъ словъ и выраженій. Въ „Пирѣ Іоанна Безземельнаго“, замѣчаетъ авторъ, „публика въ первый разъ услышала на театрѣ пятистопные стихи, вошедшіе съ нѣкотораго времени у насъ въ большую моду“, и ставитъ этимъ стихамъ въ особую заслугу, что въ нихъ всегда соблюдена цезура послѣ двухъ первыхъ стопъ, что́ не строго наблюдалось писавшими впослѣдствіи этимъ размѣромъ. Почетнѣйшее мѣсто отводитъ Бахтинъ тремъ пѣснямъ изъ Дантова Ада, „по трудностямъ, которыя переводчикъ преодолѣлъ, умѣвъ сохранить размѣръ и силу слога подлинника“, и романсамъ изъ Гердера. „Ольга“, равно какъ и „Романсы о Сидѣ“ представляютъ весьма любопытное сравненіе. Отрывки изъ Аріоста и Тасса, изъ Федры и Гоѳоліи заслуживаютъ, помнѣнію автора предисловія, также вниманіе.

Пушкинъ всегда заступался за произведенія Катенина. Ожидая „Полярной Звѣзды“, онъ писалъ 21 марта 1825 г. А. А. Бестужеву: „Предвижу, что буду согласенъ съ тобою въ твоихъ мнѣніяхъ литературныхъ. Надѣюсь, что наконецъ отдашь справедливость Катенину. Это было бы, кстати, благородно, достойно тебя. Ошибаться и усовершенствовать сужденія свои сродно мыслящему созданію“. Пушкинъ цѣнилъ также критическій талантъ Катенина. Такъ въ письмѣ къ Плетневу 7 янв. 1831 г. замѣчаетъ онъ по поводу ожидаемыхъ отзывовъ о „Борисѣ Годуновѣ“: „Любопытно будетъ видѣть отзывъ нашихъ Шлегелей, изъ коихъ одинъ Катенинъ знаетъ свое дѣло“. „Для журнала онъ находка“, писалъ Пушкинъ и кн. Вяземскому еще въ 1826 г. Сообщая самому Катенину мысль о необходимости журнала, гдѣ нашелъ бы себѣ мѣсто „голосъ истинной критики“, Пушкинъ писалъ: „Кому же, какъ не тебѣ, забрать въ руки общее мнѣніе и дать нашей словесности новое, истинное направленіе? Покамѣстъ, кромѣ тебя, нѣтъ у насъ критика. Многіе (въ томъ числѣ и я) много тебѣ обязаны; ты отучилъ меня отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность есть пагуба мысли. Если бъ согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принесъ бы ты русской словесности“.

Пушкинъ даже преувеличивалъ достоинства Катенина, какъ поэта. Вызывая его въ 1825 г. на романтическую трагедію (въ пис. 14 сент.), Пушкинъ писалъ ему: „Ты сдѣлаешь переворотъ въ нашей словесности, и никто болѣе тебя того не достоинъ. Прочелъ твое 3-е дѣйствіе („Андромахи“ въ Таліи 1825 г.), прелестное въ величавой простотѣ своей“. Въ письмѣ 4 декабря того же года, узнавъ, что „Андромаху“ ставятъ на театрѣ, и что Катенинъ намѣревается издать свои стихотворенія, Пушкинъ готовится быть свидѣтелемъ торжества своего друга.

Въ статьѣ своей, помѣщенной въ № 26 „Литер. приб. къ Русск. Инвалиду“,

Пушкинъ указываетъ лучшія изъ произведеній Катенина. Балладу его „Ольгу", передѣланную изъ „Леноры" Бюргера, онъ ставитъ выше „Людмилы" Жуковскаго. Въ „Ольгѣ", по словамъ Пушкина, баллада Бюргера явилась въ энергической красотѣ ея первобытнаго созданія. Вотъ выдержки изъ „Ольги", написанной въ 1816 г.:

1. Ольгу сонъ встревожилъ слезный,
Смутный рядъ мечтаній злыхъ:
„Измѣнилъ ли другъ любезный?
„Или нѣтъ тебя въ живыхъ"?
Войскъ дѣля Петровыхъ славу,
Съ нимъ ушелъ онъ подъ Полтаву:
И не пишетъ ни двухъ словъ:
Все ли живъ онъ и здоровъ?
3. И вездѣ толпа народа;
Старый, малый, всѣ бѣгутъ
Посмотрѣть, какъ изъ похода
Побѣдители идутъ;
Всѣ на встрѣчу, на дорогу:
Кличутъ: „здравствуй! слава Богу"!
Ахъ! на Ольгинъ лишь привѣтъ
Ни отколь отвѣта нѣтъ.
10. „Гдѣ жъ, родима, злѣе мука?
„Или гдѣ мученью край?
„Ахъ, мнѣ съ суженымъ разлука,
„Вмѣстѣ съ нимъ мнѣ всюду рай.
„Не боюсь смертей, ни ада.
„Смерть одна, одна отрада:
„Съ милымъ врознь несносенъ свѣтъ,
„Здѣсь, ни тамъ блаженства нѣтъ.
11. Такъ весь день она рыдала,
Божій промыселъ кляла,
Руки бѣлыя ломала,
Черны волосы рвала:
И стемнѣло небо ясно,
Закатилось солнце красно...
Всѣ къ покою улеглись,
Звѣзды яркія зажглись.
12. И дѣвица горько плачетъ,
Слезы градомъ по лицу:
И вдругъ полемъ кто-то скачетъ,
Кто-то всадникъ слѣзъ къ крыльцу;
Чу! за дверью зашумѣло,
Чу! кольцо въ ней зазвенѣло;
И знакомый голосъ вдругъ
Кличетъ Ольгу: „Встань, мой другъ!"
17. Ольга встала, вышла, сѣла
На коня за женихомъ;
Обвила ему вкругъ тѣла
Руки бѣлыя кольцомъ.
Мчатся всадникъ и дѣвица
Какъ стрѣла, какъ пращъ, какъ птица;
Конь бѣжитъ, земля дрожитъ,
Искры бьютъ изъ подъ копытъ.
23. Казни столпъ; надъ нимъ за тучей
Брезжетъ трепетно луна;
Чьей-то сволочи летучей
Пляска вкругъ его видна.
„Кто тамъ? Сволочь! вся за мною!
„Вслѣдъ бѣгите всѣ толпою;
„Чтобъ подъ пляску вашу мнѣ
„Веселѣй прилечь къ женѣ".
27. Наскакалъ въ стремленьи яромъ
Конь на каменный заборъ;
Съ двери вдругъ хлыста ударомъ
Спали петли и запоръ.
Конь въ ограду; тамъ кладбище,
Мертвыхъ вѣчное жилище;
Свѣтятъ камни на гробахъ
Въ блѣдныхъ мѣсяца лучахъ.
28. Что же мигомъ предъ собою
Видитъ Ольга? чудо! страхъ!
Латы всадника золою
Всѣ разсыпались на прахъ:
Голова, взглядъ, руки, тѣло,
Все на миломъ помертвѣло,
И стоитъ ужъ онъ съ косой,
Страшный остовъ костяной.
29. На дыбы конь воронъ взвился,
Дикимъ голосомъ заржалъ,
Стукнулъ въ землю, провалился
И не вѣсть куда пропалъ.
Вой на воздухѣ высоко;
Скрежетъ подъ землей глубоко;
Ольга въ страхѣ безъ ума,
Неподвижна и нѣма.
30. Тутъ надъ мертвымъ заплясали
Адски духи при лунѣ,
И протяжно припѣвали
Ей въ воздушной вышинѣ:
„Съ Богомъ въ судъ нейди крамольно;
„Скорбь терпи, хоть сердцу больно.
„Казнена ты во плоти:
„Грѣшну душу Богъ прости"!

Лучшею балладою Катенина Пушкинъ называетъ „Убійцу“. (1815) Вотъ выдержки изъ этой баллады!

1. Въ селѣ Зажитномъ дворъ широкій,
Тесовая изба,
Свѣтлица и теремъ высокій,
Бѣленая труба.

3. Хозяинъ, староста округа,
Родился сиротой,
Безъ рода, племени и друга
Съ одною нищетой.

4. И съ нею вѣкъ бы жилъ дѣтина,
Но сжалился мужикъ:
Взялъ въ домъ, и какъ родного сына
Взростилъ его старикъ.

5. Большая чрезъ село дорога:
Онъ постоялый дворъ
Держалъ, и съ помощію Бога
Наживъ его былъ скоръ.

7. Купцы пріѣхали къ ночлегу
Однажды ввечеру,
И рано въ путь впрягли телѣгу
Назавтра поутру.

8. Не долго спорили о платѣ
И со двора долой;
А самъ хозяинъ на полатѣ
Удавленъ той порой.

10. Нѣтъ слова молвить въ оправданье
И уголовный судъ
Въ Сибирь сослалъ ихъ въ наказанье,
Въ работу мѣдныхъ рудъ.

11. А старика межъ тѣмъ съ моленьемъ
Предавъ на-вѣкъ землѣ,
Пріемышъ получилъ съ имѣньемъ
Чинъ старосты въ селѣ.

12. Но что чины, что деньги, слава,
Когда болитъ душа?
Тогда ни почесть, ни забава,
Ни жизнь не хороша.

14. Одинъ въ лѣсу день цѣлый бродитъ,
Онъ встрѣчнаго бѣжитъ.
Глазъ напролетъ всю ночь не сводитъ,
И все въ окно глядитъ.

15. Особенно когда день жаркій
Потухнетъ въ ясну ночь,
И свѣтитъ въ небѣ мѣсяцъ яркій,
Онъ ни на мигъ не прочь.

16. Всѣ спятъ; но онъ одинъ садится
Къ косящату окну.
То засмѣется, то смутится,
И смотритъ на луну.

28. „Да полно что! гляди, плѣшивой!
Не побоюсь тебя;
Ты видно съ роду молчаливый:
Такъ знай же про себя“.

30. Не спитъ жена, ей страхъ и совѣсть
Покоя не даютъ.
Судьямъ доноситъ страшну повѣсть,
И за убійцей шлютъ.

31. Казнь Божья вслѣдъ злодѣю рыщетъ;
Обманетъ пусть людей,
Но виноватаго Богъ сыщетъ:
Вотъ пѣсни складъ моей.

Упоминаемое въ статьѣ Пушкина стихотвореніе „Мстиславъ Мстиславичъ“ (1819) вызываетъ съ его стороны отзывъ, какъ произведеніе, „исполненное огня и движенія“. Вотъ выдержки изъ него:

1. Не бѣлые лебеди,
Стрѣлами охотниковъ
Разсыпаны въ стороны,
Стремглавъ по поднебесью
Испуганы мечутся.
2. Среди поля чистаго
Бѣжитъ православная
Рать русская храбрая,
Отъ силы несчетныя
Татаръ побѣдителей.
3. Какъ токъ рѣки,
Какъ холмовъ цѣпь,
Враговъ полки
Покрыли степь.

От тучи стрѣлъ
Затмился свѣтъ:
Сквозь груды тѣлъ
Прохода нѣтъ.
Ихъ пращи—дождь...
и т. д.

4. Въ той равнинѣ холмъ высокій.
На холмѣ ракитовъ кустъ.
Отдыхаетъ одинокій
Витязь тамъ; стрѣлами пустъ,
Тулъ отброшенъ безполезный;
Конь лежитъ, въ груди стрѣла;
Рѣшето сталъ щитъ желѣзный,
Мечъ—зубчатая пила.

6. Ахъ! рвется надвое
Въ немъ сердце храброе
и т. д.

7. Смертный омракъ.
Сну подобный
Силу князя
Оковалъ.
Бездыханный
Неподвижный
Беззащитный
Онъ лежитъ.
Что, о Боже!
Боже правый,
Милосердый,
Будетъ съ нимъ?
и т. д.

8. Въ полѣ звонкомъ стукъ конскихъ копытъ.
Скачетъ всадникъ, весь пылью покрытъ:
Онъ съ переломленнымъ въ пахѣ копьемъ
Быстро мчится ретивымъ конемъ:
Молодецъ, веселясь на бою,
Позабылъ знать и рану свою.
Кто сей юноша славы и силъ?
Зять княжой, рати свѣтъ, Даніилъ.

11. „О горе вѣчное Мстиславу!
„На мнѣ вина такого дня,
„И внуки поздніе по праву
„Въ немъ будутъ укорять меня.

„Весь опытъ браней долголѣтныхъ
„Однимъ я разомъ погубилъ;
„Напалъ на рать враговъ несчетныхъ,
„И тѣмъ разбитье заслужилъ.
. . . .
„Но чѣмъ бы ни рѣшились битвы,
„Моя надежда все крѣпка:
„Услышитъ наши Богъ молитвы,
„И насъ спасетъ Его рука.
и т. д.

12. Такъ Мстиславъ Мстиславичъ храбрый Галицкій молвилъ.
На руки склонивши главу, Даніилъ его слушалъ безмолвно.
Отроки жъ, веслами быстрыя волны дружно взметая,
Къ берегу мчали ладью; сошли и князья и дружина,
Пали на земь лицомъ, и въ слезахъ благодарныхъ молили
Бога и Спаса Христа и Пречистую Дѣву Марію.

Вотъ выдержки изъ „Старой были“ (1828), въ которой по словамъ Пушкина, „столько простодушія и истинной поэзіи“:

1. Нашъ славный Владиміръ, нашъ солнышко князь,
Побѣдой въ Херсонѣ вѣнчанный,
Съ добычею въ Кіевъ родной возвратясь,
По бурѣ покоился бранной:

Миръ съ греками сладилъ, и брачную связь
Съ ихъ юной царевною Анной.

10. „Пусть вѣщіе придутъ и станутъ на судъ.
„И спорятъ: чье лучшее пѣнье?
Достойно и щедро воздамъ имъ за трудъ.
„Второму пѣвцу награжденье:
„Цимисхіевъ даръ Святославу, сосудъ,
„Трапезы моей украшенье.

11. „Но первый получитъ не то отъ меня
„Въ бою побѣдитель счастливый:
„Персидскаго дамъ ему подъ верхъ коня;
„Весь бѣлый онъ съ черною гривой;
„Копытомъ изъ камня бьетъ искры огня,
„И носится вихремъ надъ нивой.

19. (Пѣснь грека):
„Когда бъ воспѣть хотѣла ты,
Моя возлюбленная лира,
Блистающіе съ высоты
Свѣтила горняго эѳира,
Средь дня въ пустыхъ бы небесахъ
Луны и звѣздъ ты не искала,
Но жизнь пія въ его лучахъ,
Одно бы солнце воспѣвала.
Когда же долгомъ чтишь святымъ
Воспѣть величіе земное,
Прославь хоть голосомъ простымъ
Царей величіе святое.
А ты, великій русскій князь,
Прости, что смѣю предъ тобою,
Отчизны славою гордясь,
Другого возносить хвалою..."
и т. д.

21. Безмолвно, и въ землю потупивши взоръ,
Нашъ русскій пѣвецъ оставался;
Онъ думалъ: что дѣлать? итти ли на споръ?
И даже бы, чай, отказался;
И къ счастію началъ самъ князь разговоръ,
Какъ будто во всемъ догадался:

22. „Я вижу, землякъ, ты бы легче съ мечемъ,
„Чѣмъ съ гуслями вышелъ на грека;
„Хоть пѣсней и много въ поминѣ твоемъ,
„Такой ты не вспомнишь отъ вѣка.
„Совѣтъ мой: признайся, что первенство въ немъ;
„Признанье честитъ человѣка.

23. „Награду, хоть правда не съ нимъ наравнѣ,
„Но все же получишь на славу;
„За свѣтлымъ Дунаемъ въ Болгарской странѣ
„Ты вѣрно служилъ Святославу;
„И кубокъ, добытый имъ въ грозной войнѣ,
„Тебѣ назначаю по праву.

25. — „Пѣвалъ я о витязяхъ смѣлыхъ въ бояхъ:
Давно ихъ зарыли въ могилы;
Пѣвалъ о любови и радостныхъ дняхъ:
Теперь не разбудишь Всемилы;

А пѣть о великихъ царяхъ и князьяхъ
Ума не достанетъ, ни силы".

Приведимъ начало „Идилліи" (1831), о которой упоминаетъ въ своей статьѣ Пушкинъ:

Между Оссы горы и горы высочайшей Олимпа
Злачный стелется лугъ, зовомый долиной Темпейской:
Краше его не зритъ по небу ходящее солнце.
Въ немъ средь лавровыхъ кущинъ рѣка Пеней среброви́дный
Тихо катитъ волны къ морю чуть подвигаясь,
Словно грустно ей разстаться съ брегами такими.
Многія въ горныхъ пещерахъ живущія нимфы Наяды
Съ шумомъ изъ каменныхъ урнъ студеную льютъ въ нее влагу
Съ той страны и съ другой: когда жъ, наступающей ночи,
Пастыри скличутъ стада и загонятъ до новаго утра,
Смолкнутъ звуки свирѣлей, и птицы пѣть перестанутъ,
Такъ что нигдѣ въ долинѣ гласа не чуть ни дыханья,
Свѣтлый же мѣсяцъ полный сребритъ лучами всю землю,
Дѣвы потоковъ сбираются въ лугъ, играютъ и пляшутъ...

Приведемъ также заключеніе „Элегіи" (1829):

„Боги!" Евдоръ воскликнулъ, „сонъ ли я видѣлъ?
„Тщетный ли призракъ, ночное созданье Морфея,
„Или сама явилась мнѣ здѣсь Эгемона?
„Образъ я видѣлъ ея, и гласъ ея слышалъ:
„Лира узнала ее и запѣла: и тѣни
„Могутъ ли вспять приходить отъ полей Персефоны?
„Развѣ одна изъ богинь, несчастнымъ утѣшныхъ,
„Въ милый мнѣ ликъ облеклась, харитамъ подобный?..
„Разумъ колеблется мой, и рѣшить я не смѣю;
„Волю жъ ея я долженъ исполнить святую".
Такъ онъ сказалъ, и лиру отвѣсивъ отъ дуба,
Путь направилъ въ свой домъ, молчаливъ и задумчивъ.

Приведемъ и нѣсколько первыхъ терцинъ I пѣсни изъ перевода Дантова „Ада" (1827):

Путь жизненный пройдя до половины,
Опомнился я вдругъ въ лѣсу густомъ,
Уже съ прямой въ немъ сбившися тропины.

Есть что сказать о дикомъ лѣсѣ томъ:
Какъ въ немъ трудна дорога и опасна;
Робѣетъ духъ при помыслѣ одномъ.

И малымъ чѣмъ смерть болѣе ужасна.
Что къ благу мнѣ снискалъ я въ немъ, что зрѣлъ,
Все разскажу, и повѣсть не напрасна.

Не знаю самъ, какъ и войти успѣлъ:
Такъ сильно сонъ клонилъ меня глубокой,
Что истаго пути не усмотрѣлъ.

Но у горы подножія высокой,
Гдѣ бѣдственной юдоли сей конецъ,
Томившей духъ боязнію жестокой,

Взглянулъ я вверхъ: и на холмѣ вѣнецъ
Сіялъ лучей безсмертнаго свѣтила.
Вожатая заблудшихся сердецъ.

Наконецъ приводимъ выдержку и изъ „Романсовъ о Сидѣ“ (1822—1823), столь извѣстныхъ въ переводѣ Жуковскаго:

Графа Гормаса Донъ Родригъ
Предъ дворцомъ на площади
Встрѣтилъ, двое ихъ и было:
Слово молвилъ онъ ему:
„Зналъ ли ты, скажи, графъ Гормасъ,
„Что есть сынъ Донъ Дьеговъ, я.
„Какъ рукой ты смѣлъ коснуться
„До почтеннаго лица?
„Зналъ ли ты, что родъ Донъ Дьега
„Лаинъ Кольва древній родъ,
„Что нѣтъ въ свѣтѣ благороднѣй
„Ихней крови и щита?
„Зналъ ли ты, что я покуда
„Живъ, не только человѣкъ,
„Врядъ ли самъ Господь небесный
„Даромъ сдѣлать могъ, что ты?—
— Ты, отвѣтилъ гордый Гормасъ,
Знаешь ли, полвѣка что?
Юноша!—„Да“, молвилъ Родригъ.
„Знаю, и тебѣ скажу:
„Въ томъ нашъ долгъ, одинъ полвѣка,
„Какъ достойныхъ уважать,
„А другой: какъ за обиду
„Дерзновеннымъ отомщать,
„И смывать послѣдней кровью
„Стыдъ“...

По приведеннымъ выдержкамъ можно судить, насколько Пушкинъ преувеличивалъ достоинства стихотвореній Катенина.

Замѣтка Пушкина напеч. впервые въ „Лит. прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“ 1833 г., № 26.

На дняхъ вышли въ свѣтъ сочиненія и переводы въ стихахъ Павла Катенина.

Издатель (г. Бахтинъ) въ началѣ предисловія, весьма замѣчательнаго, упомянулъ о томъ, что П. А. Катенинъ почти при вступленіи на поприще словесности былъ встрѣченъ самыми несправедливыми и самыми неумѣренными критиками.

Намъ кажется, что г. Катенинъ (какъ и всѣ наши писатели вообще) скорѣе могъ бы жаловаться на безмолвіе критики, чѣмъ на ея строгость или пристрастную привязчивость. Критики, по настоящему, у насъ еще не существуетъ: несправедливо было бы намъ и требовать оной. У насъ и литература едва ли существуетъ, а на нѣтъ—суда нѣтъ, говоритъ неоспоримая пословица. Если публика можетъ довольствоваться тѣмъ, что называется у насъ критикой, то это доказываетъ только, что мы еще не имѣемъ нужды ни въ Шлегеляхъ, ни даже въ Лагарпахъ.

Что же касается до несправедливой холодности, оказываемой публикой сочиненіямъ г. Катенина, то во всѣхъ отношеніяхъ она дѣлаетъ ему честь: во-первыхъ, она доказываетъ отвращеніе поэта отъ мелочныхъ способовъ добывать успѣхи, а во-вторыхъ, и его самостоятельность. Никогда не старался онъ угождать господствующему вкусу въ публикѣ, напротивъ: шелъ всегда своимъ путемъ, творя для самого себя, что̀ и какъ ему было угодно. Онъ даже до того простеръ свою гордую независимость, что оставлялъ одну отрасль поэзіи, какъ скоро становилась она модною, и удалялся туда, куда не сопровождало его ни пристрастіе толпы, ни образцы какого-нибудь писателя, увлекающаго за собою другихъ. Такимъ образомъ,

былъ одинъ изъ первыхъ приверженцевъ романтизма, первый введши въ кругъ возвышенной поэзіи языкъ и предметы простонародные, онъ первый отрекся отъ романтизма и обратился къ классическимъ идоламъ, когда читающей публикѣ начала нравиться новизна литературнаго преобразованія.

Первымъ замѣчательнымъ произведеніемъ г. Катенина былъ переводъ славной Бюргеровой Леноры. Она была уже извѣстна у насъ по невѣрному и прелестному подражанію Жуковскаго [1]), который сдѣлалъ изъ нея то же, что Байронъ въ своемъ Манфредѣ сдѣлалъ изъ Фауста: ослабилъ духъ и формы своего образца. Катенинъ это чувствовалъ и вздумалъ показать намъ Ленору въ энергической красотѣ ея первобытнаго созданія: онъ написалъ Ольгу. Но сія простота и даже грубость выраженій, сія сволочь, замѣнившая воздушную цѣпь тѣней, сія висѣлица вмѣсто сельскихъ картинъ, озаренныхъ лѣтнею луною, непріятно поразили непривычныхъ читателей, и Гнѣдичъ взялся высказать ихъ мнѣнія въ статьѣ, коей несправедливость обличена была Грибоѣдовымъ. Послѣ Ольги явился Убійца, лучшая, можетъ быть, изъ балладъ Катенина. Впечатлѣніе, имъ произведенное, было и того хуже. Убійца, въ припадкѣ сумасшествія, бранилъ мѣсяцъ, свидѣтеля его злодѣянія, плѣшивымъ! Читатели, воспитанные на Флоріанѣ и Парни, расхохотались и почли балладу ниже всякой критики.

Таковы были первыя неудачи Катенина; онѣ имѣли вліяніе и на слѣдующія его произведенія. На театрѣ имѣлъ онъ рѣшительные успѣхи. Отъ времени до времени въ журналахъ и альманахахъ появлялись его стихотворенія, коимъ наконецъ начали отдавать справедливость, и то скупо и неохотно. Между ими отличаются Мстиславъ Мстиславичъ, стихотвореніе, исполненное огня и движенія, и Старая быль [a], гдѣ столько простодушія и истинной поэзіи.

Въ книгѣ, нынѣ изданной, просвѣщенные читатели замѣтятъ идиллію, гдѣ съ такою прелестною вѣрностію постигнута буколическая природа, не геснеровская, чопорная и манерная, но древняя— простая, широкая, свободная; меланхолическую элегію, мастерской переводъ трехъ пѣсенъ изъ Inferno и собраніе романсовъ о Сидѣ, сію простонародную хронику, столь любопытную и поэтическую. Знатоки отдадутъ справедливость ученой отдѣлкѣ и звучности гекзаметра и вообще механизму стиха г. Катенина, слишкомъ пренебрегаемому лучшими нашими стихотворцами.

14 марта.

---

[a] *Во всѣхъ изд. ошибочно:* Вторая быль.

[1]) Пушкинъ имѣетъ въ виду первую его передѣлку Леноры: „Людмилу". (Сличеніе ея съ нѣм. подлинникомъ см. въ книгѣ П. Загарина: „Жуковскій и его произведенія".

ЗАМѢТКИ.

(1833).

43.

Графъ Нулинъ.

См. т. II, стр. 3.—Впервые напеч. въ „Матеріалахъ“ Анненкова.

44.

Моцартъ и Сальери.

Анекдотъ о первомъ представленіи „Д. Жуана“. См. т. III, стр. 25. Впервые напеч. въ „Матеріалахъ“ Анненкова.

45.

Державинъ.

О посѣщеніи Державинымъ Лицея. См. т. I, стр. 19 и 20. Впервые напеч. въ посмертномъ изд. соч. Пушкина.

46.

Шайлокъ, Анджело и Фальстафъ, Шекспира.

Впервые напеч. въ посмертномъ изд. соч. Пушкина.

Лица, созданныя Шекспиромъ, не суть, какъ у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живыя, исполненныя многихъ страстей, многихъ пороковъ; обстоятельства развиваютъ передъ зрителемъ ихъ разнообразные, многосложные характеры. У Мольера Скупой скупъ — и только; у Шекспира Шайлокъ скупъ, сметливъ, мстителенъ, чадолюбивъ, остроуменъ. У Мольера лицемѣръ волочится за женою своего благодѣтеля, лицемѣря; принимаетъ имѣніе подъ храненіе, лицемѣря; спрашиваетъ стаканъ воды, лицемѣря. У Шекспира лицемѣръ произноситъ судебный приговоръ съ тщеславною строгостію, но справедливо [1]); онъ оправдываетъ свою жестокость глубокомысленнымъ сужденіемъ государственнаго человѣка; онъ обольщаетъ невинность сильными, увлекательными софизмами, не смѣшною смѣсью набожности и волокитства. Анджело лицемѣръ, потому что его гласныя дѣйствія противорѣчатъ тайнымъ страстямъ! А какая глубина въ этомъ характерѣ!

Но нигдѣ, можетъ быть, многосторонній геній Шекспира не отразился съ такимъ многообразіемъ, какъ въ Фальстафѣ [2]), коего пороки, одинъ съ другимъ связанные, составляютъ забавную, уродливою цѣпь, подобную древней вакханаліи. Разбирая характеръ Фальстафа, мы видимъ, что главная черта его есть сластолюбіе. Смолоду, вѣроятно, грубое, дешевое волокитство было первою для него заботою; но ему уже за пятьдесятъ. Онъ растолстѣлъ, одряхъ; обжорство и вино взяли

---

[1]) Анжело въ ком.: „Мѣра за мѣру“.

[2]) Въ „Генрихѣ IV“ Шекспира. Онъ же дѣйствуетъ въ ком.: „Виндзорскія кумушки“.

верхъ надъ Венерою. Во-вторыхъ, онъ трусъ; но, проведя свою жизнь съ молодыми повѣсами, поминутно подверженный ихъ насмѣшкамъ и проказамъ, онъ прикрываетъ свою трусость дерзостью уклончивой и насмѣшливой; онъ хвастливъ по привычкѣ и по разсчету. Фальстафъ совсѣмъ не глупъ; напротивъ, онъ имѣетъ и нѣкоторыя привычки человѣка, нерѣдко видѣвшаго хорошее общество. Правилъ нѣтъ у него никакихъ. Онъ слабъ какъ баба. Ему нужно крѣпкое испанское вино (the sack), жирный обѣдъ и деньги для своихъ любовницъ; чтобъ достать ихъ, онъ готовъ на все, только бъ не на явную опасность.

Въ молодости моей случай сблизилъ меня съ человѣкомъ, въ коемъ природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его геніальное созданіе. *** былъ второй Фальстафъ: сластолюбивъ, трусъ, хвастливъ, не глупъ, забавенъ, безъ всякихъ правилъ, слезливъ и толстъ. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Онъ былъ женатъ. Шекспиръ не успѣлъ женить своего холостяка. Фальстафъ умеръ у своихъ пріятельницъ, не успѣвъ быть ни рогатымъ супругомъ, ни отцомъ семейства. Сколько сценъ, потерянныхъ для кисти Шекспира!

Вотъ черта изъ домашней жизни моего почтеннаго друга. Четырехлѣтній сынокъ его, вылитый отецъ, маленькій Фальстафъ III, однажды, въ его отсутствіи, повторялъ про себя: „какой папенька хлаблій! какъ папеньку госудаль любитъ!“ Мальчика подслушали и кликнули. „Кто тебѣ это сказалъ, Володя?“ — Папенька, отвѣчалъ Володя.

47.

О книгѣ И. И. Дмитріева: Путешествіе N. N. въ Парижъ и Лондонъ.

(1834).

Эта замѣтка о книгѣ И. И. Дмитріева, вышедшей въ Москвѣ въ 1808 г., напечатана впервые въ изд. О. п. н. л. и у. (1887).

Путешествіе est. Картинка представляетъ est. Эта книжка никогда не была въ продажѣ. Нѣсколько экземпляровъ розданы были пріятелямъ автора, отъ котораго имѣлъ я счастіе получить и свой (чуть ли не послѣдній). Я храню его, какъ памятникъ благосклонности, для меня драгоцѣнной.

Путешествіе есть веселая, незлобная шутка надъ однимъ изъ пріятелей автора. Покойный В. Л. Пушкинъ отправлялся въ Парижъ, и его младенческій восторгъ подалъ поводъ къ сочиненію этой маленькой поэмы, въ которой съ удивительною точностію изображенъ весь Василій Львовичъ. Это образецъ игривой легкости и шутки живой и незлобной.

Для тѣхъ, которые любятъ поэзію не только въ ея лирическихъ порывахъ или въ дивномъ вдохновеніи элегіи, не только въ обширныхъ созданіяхъ драмы и эпопеи, но и въ младенческой, живой игривости шутки и въ забавахъ ума, вдохновеннаго веселостью... Вино-

вать: я бы отдалъ все, что было писано у насъ въ подражаніе лорду Байрону, за слѣдующіе незадумчивые и невосторженные стихи, въ которыхъ поэтъ заставляетъ героя своего восклицать друзьямъ [1])....

Есть люди, которые не понимаютъ Байрона; есть люди, которые находятъ и Горація прозаическимъ (спокойнымъ, умнымъ, разсудительнымъ, — такъ ли?) Пусть такъ; но жаль было бы, если бы не существовали прелестныя оды, которымъ подражалъ и нашъ Державинъ. Для тѣхъ, которые любятъ Катулла, Грессета [2]) и Вольтера etc., для тѣхъ искренность драгоцѣнна въ поэтѣ. Намъ пріятно видѣть поэта во всѣхъ состояніяхъ и измѣненіяхъ его живой, творческой души: и въ печали, и въ радости, и въ порывахъ восторга, и въ отдохновеніи чувствъ, и въ ювенальскомъ негодованіи, и въ маленькой досадѣ на скучнаго сосѣда.

Благоговѣю предъ созданіемъ Фауста, но люблю и эпиграммы etc. Есть люди, которые не признаютъ иной поэзіи, кромѣ выспренней...

48.

Мысли на дорогѣ.

(1833—1834).

Въ позднѣйшей статьѣ своей „Александръ Радищевъ" (1835), впервые напечатанной въ VII т. изд. соч. Пушкина Анненковымъ (1857), Пушкинъ сообщаетъ біографическія свѣдѣнія объ этомъ писателѣ и характеризуетъ его такъ:

„Александръ Радищевъ родился около 1750 г. Онъ обучался сперва въ пажескомъ корпусѣ и обратилъ на себя вниманіе начальства, какъ молодой человѣкъ, подающій о себѣ великія надежды". Въ числѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей былъ онъ отправленъ въ лейпцигскій университетъ... „Университетская жизнь принесла ему мало пользы... Безпокойное любопытство, болѣе нежели жажда познаній, была отличительная черта ума его. Онъ былъ кротокъ и задумчивъ. Тѣсная связь съ молодымъ Ушаковымъ (товарищемъ его) имѣла на всю его жизнь вліяніе рѣшительное... Имъ попался въ руки Гельвецій [3]). Они жадно изучили начало его пошлой и безплодной метафизики... Теперь было бы для насъ непонятно, какимъ образомъ холодный и сухой Гельвецій могъ сдѣлаться любимцемъ молодыхъ людей пылкихъ и чувствительныхъ, если бы мы, по несчастію, не знали, какъ соблазнительны для развивающихся умовъ мысли и правила новыя, отвергаемыя закономъ и преданіями... Возвратясь въ Петербургъ, Радищевъ вступилъ въ гражданскую службу [4]), не переставая между тѣмъ заниматься и словесностію... Графъ Воронцовъ [5]) ему покровительствовалъ, но государыня знала его лично и опредѣлила въ собственную свою канцелярію.

„Онъ написалъ свое „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву" [6]). (1790)... Книга его, сначала не замѣченная, вѣроятно потому, что первыя страницы чрезвычайно скучны и утомительны, вскорѣ произвела шумъ. Она дошла до государыни. Екатерина сильно была поражена. Нѣсколько дней сряду читала

---

1) Здѣсь оставлено мѣсто для выписки.

2) См. т. IV, стр. 25.

3) См. Избр. соч. Кар. I, 262. Еще сильнѣе оказали вліяніе на Радищева парадоксы Руссо (см. Избр. соч. Кар. I, стр. 435).

4) Въ коммерцъ-коллегію.

5) Гр. А. Р. Воронцовъ.

6) По его собственному объясненію.

она эти горькія, возмутительныя сатиры... Радищевъ преданъ былъ суду. Сенатъ осудилъ его на смерть. Государыня смягчила приговоръ. Преступника лишили чиновъ и дворянства и въ оковахъ сослали въ Сибирь. Въ Илимскѣ Радищевъ предался мирнымъ литературнымъ занятіемъ. Здѣсь онъ написалъ большую часть своихъ сочиненій: многія изъ нихъ относятся къ статистикѣ Сибири, къ китайской торговлѣ и проч. Радищевъ былъ тогда вдовцомъ. Къ нему поѣхала его свояченица, дабы раздѣлить съ изгнанникомъ грустное его уединеніе... Императоръ Павелъ I, взошедъ на престолъ, вызвалъ Радищева изъ ссылки, возвратилъ ему чины и дворянство, обошелся съ нимъ милостиво и взялъ съ него обѣщаніе не писать ничего противнаго духу правительства. Радищевъ сдержалъ свое слово. Онъ во все время царствованія Павла I не писалъ ни одной строчки. Онъ жилъ..., занимаясь воспитаніемъ своихъ дѣтей. Смирённый опытностію и годами, онъ даже перемѣнилъ образъ мыслей, ознаменовавшій его бурную и кичливую молодость... Императоръ Александръ, вступивъ на престолъ, вспомнилъ о Радищевѣ и, извиняя въ немъ то, что можно было приписать пылкости лѣтъ и заблужденіямъ вѣка, увидѣлъ въ сочинителѣ „Путешествія" отвращеніе отъ многихъ злоупотребленій и нѣкоторые благонамѣренные виды. Онъ опредѣлилъ Радищева въ коммиссію составленія законовъ, и приказалъ ему, изложить свои мысли касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ установленій... [7]).

„Сочиненія Радищева изданы были въ 1807 г. Самое пространное изъ его сочиненій есть философское разсужденіе „О человѣкѣ и его смертности и безсмертіи"... Радищевъ хотя и вооружается противу матеріализма, но въ немъ все еще виденъ ученикъ Гельвеція... Между статьями литературными замѣчательно его сужденіе о „Телемахидѣ" и Тредьяковскомъ, котораго онъ любилъ по тому же самому чувству, которое заставило бранить Ломоносова: изъ отвращенія отъ общепринятыхъ мнѣній. Въ стихахъ лучшее произведеніе его есть „Осьмнадцатый вѣкъ",—лирическое стихотвореніе, писанное древнимъ элегическимъ размѣромъ, гдѣ находятся слѣдующіе стихи, столь замѣчательные подъ его перомъ:

„Урна временъ часы изливаетъ каплямъ подобно;
Капли въ ручьи собрались; въ рѣку ручьи возрасли,
И на дальнѣйшемъ брегу изливаютъ пѣнистыя волны
Вѣчности въ море; а тамъ нѣтъ ни предѣлъ, ни бреговъ...
Не возвышается островъ, ни дна тамъ лотъ не находитъ:
Вѣки въ него протекли, въ немъ исчезаетъ ихъ слѣдъ;
Но знаменито вовѣки, своею кровавой струею
Съ звуками грома течетъ наше столѣтье туда;
И сокрушивъ наконецъ корабль, надежды несущій,

въ подражаніе „Іорикову путешествію" (см. объ этомъ сочиненіи Стерна въ „Избр. соч. Кар.. I, стр. 98 – 102). Сверхъ того, въ „Путешествіи" есть заимствованія изъ „Исторіи объ Индіяхъ" Рейналя, изъ Гердера и Руссо.

7) Въ собственномъ тогда мнѣніи своемъ, гдѣ онъ выступаетъ на защиту человѣческихъ правъ крестьянъ, Радищевъ взялъ нѣсколько чертъ изъ „Путешествія" и притомъ такихъ, о которыхъ Екатерина замѣтила, что авторъ ожидаетъ свободы отъ самой тяжести порабощенія" (см. Сухомлинова „А. Н. Радищевъ", въ „Сборникѣ отд. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ" 1883). Имѣя въ виду это мнѣніе, гр. Заводовскій, по словамъ Пушкина, удивился молодости его сѣдинъ и сказалъ ему съ дружескимъ упрекомъ: „Эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить по прежнему! или мало тебѣ было Сибири?" Въ этихъ словахъ Радищевъ увидѣлъ угрозу. Огорченный и испуганный, онъ возвратился домой и отравился.

Пристани близокъ уже, въ водоворотъ поглощенъ.
Счастіе и добродѣтель и вольность пожралъ омутъ ярый.
Зри: всплываютъ еще страшны обломки въ струѣ.
Нѣтъ! ты не будешь забвенно, столѣтье безумно и мудро!
Будешь проклято вовѣкъ, ввѣкъ удивленіемъ всѣхъ.
Кровь — въ твоей колыбели, припѣваніе — громы сраженьевъ:
Ахъ, омоченный въ крови вѣкъ, ниспадаешь во гробъ!..
Но зри: двѣ вознеслися скалы во средѣ струй кровавыхъ —
Екатерина и Петръ, вѣчности чада! и Россъ.

„Первая пѣснь „Бовы" имѣетъ также достоинства. Характеръ Бовы обрисованъ оригинально, и разговоръ его съ Каргою забавенъ. Жаль, что въ „Бовѣ"... нѣтъ ни тѣни народности, необходимой въ твореніяхъ такого рода; но Радищевъ думалъ подражать Вольтеру, потому что вѣчно кому-нибудь подражалъ. Вообще Радищевъ писалъ лучше стихами, нежели прозою. Въ ней не имѣлъ онъ образца, а Ломоносовъ, Херасковъ, Державинъ и Костровъ успѣли уже обработать нашъ стихотворный языкъ... „Путешествіе въ Москву"... есть очень посредственное произведеніе, не говоря уже о варварскомъ слогѣ. Сѣтованія на несчастное состояніе народа, на насиліе вельможъ и проч. преувеличены... . . . . . Порывы чувствительности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайно смѣшны.... Въ Радищевѣ отразилась вся французская философія его вѣка: скептицизмъ Вольтера, филантропія Руссо, политическій цинизмъ Дидрота и Реналя, но все въ нескладномъ и искаженномъ видѣ, какъ всѣ предметы криво отражаются въ кривомъ зеркалѣ. Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя, поверхностныя свѣдѣнія, наобумъ приноровленныя ко всему — вотъ что мы видимъ въ Радищевѣ... Онъ какъ будто старается раздражить верховную власть своимъ горькимъ злорѣчіемъ: не лучше ли было бы указать на благо, которое она въ состояніи сотворить?.. Какую цѣль имѣлъ Радищевъ? Чего именно желалъ онъ? На сіи вопросы врядъ ли могъ онъ самъ отвѣтить удовлетворительно. Вліяніе его было ничтожно. Всѣ прочли его книгу и забыли ее, несмотря на то, что въ ней есть нѣсколько благоразумныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній, которыя не имѣли никакой нужды быть облечены въ бранчивыя и напыщенныя выраженія... Онѣ принесли бы истинную пользу... ибо нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ, и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви".

Въ „Мысляхъ на дорогѣ" Пушкинъ касается тѣхъ предметовъ, которые изображены Радищевымъ въ его „Путешествіи", дѣлаетъ выписки изъ послѣдняго и сопровождаетъ ихъ своими замѣчаніями, то возражая, то соглашаясь съ нимъ. „Возражая Радищеву", замѣчаетъ г. Сухомлиновъ (1883), „Пушкинъ въ пріемахъ своихъ остается вѣренъ литературному преданію, идущему со временъ Болтина. Подобно Болтину, онъ сопоставляетъ явленія русской жизни съ тѣмъ, что̀ происходитъ въ западной Европѣ" (см. напр. ниже: XI. „Руская изба").

Въ гл. VII. „Тверь" упоминаются стихотворенія Радищева. Кромѣ „Осьмнадцатаго столѣтія", изъ котораго Пушкинъ приводитъ выдержку въ упомянутой выше статьѣ о Радищевѣ, онъ указываетъ достоинства въ „Сафическихъ строфахъ" и „Журавляхъ". Вотъ эти пьесы:

Сафическія строфы.

Ночь была прохладная, свѣтло въ небѣ,
Звѣзды блещутъ, тихо источникъ льется,
Вѣтры нѣжны вѣютъ, шумятъ листами
Тополи бѣлы.

Ты клялась вѣрною быть вовѣки
Мнѣ, богиню нощи дала порукой:
Сѣверъ хладной дунулъ одинъ разъ крѣпче,
Клятва исчезла.

Ахъ, почто быть клятвопреступной!
Будь всегда жестока, то легче будетъ, лучше
Сердцу. Ты маня лишь взаимно страстью,
Ввергла въ погибель.

Жизнь прерви, о рокъ! рокъ суровый, лютый;
Иль вдохни ей вѣрной быть клятвѣ данной.
Будь блаженна, если ты можешь только
Быть безъ любови.

Журавли (басня).

Осень листы ощипала съ деревъ,
Иней сѣдой на траву упадалъ,
Стадо тогда журавлей собралося,
Чтобъ прелетѣть въ теплу, дальну страну
За море жить. Одинъ бѣдной журавль,
Нѣмъ и унылъ, пригорюнясь сидѣлъ;
Ногу стрѣлой перешибъ ему ловчій;
Радостный крикъ журавлей онъ не множитъ;
Бодрые братья смѣялись надъ нимъ —
„Я не виновенъ, что я охромѣлъ,
„Нашему царству, какъ вы, помогалъ.
„Вамъ надо мной хохотать бы не должно,
„Ни презирать, видя бѣдство мое.
„Какъ мнѣ летать? отымаетъ возможность,
„Мужество, силу претяжка болѣзнь.
„Волны несчастному будутъ мнѣ гробомъ;
„Ахъ, для чего не пресѣкъ моей жизни
„Ярый ловецъ!“ Между тѣмъ вѣетъ вѣтръ,
Стадо взвилося и скорымъ полетомъ
За море вмигъ прелетѣть поспѣшаетъ.
Бѣдный больной назади остается,
Часто на листьяхъ пловущихъ въ водахъ
Онъ отдыхаетъ, горюетъ и стонетъ;
Грусть и болѣзнь въ немъ все сердце снѣдаютъ.
Мѣшкавъ онъ много, летя помаленьку,
Землю узрѣлъ, вожделѣнну душою,
Ясное небо и тихую пристань.
Тутъ Всемогущій болѣзнь излѣчилъ,
Далъ жить въ блаженствѣ въ награду трудовъ:

Многи жъ насмѣшники въ воду упали.
О, вы стенящіе подъ тяжкою рукою
Злосчастія и бѣдъ!
Исполнены тоскою,
Клянете жизнь и свѣтъ,
Любители добра, ужель надежды нѣтъ?
Мужайтесь, бодрствуйте и смѣло протекайте
Сей краткой жизни путь. На онъ-полъ поспѣшайте.
Тамъ лучшая страна; тамъ міръ вовѣкъ живетъ,
Тамъ юность вѣчная, блаженство тамъ васъ ждетъ.

Статьи Пушкина не имѣютъ заглавія въ рукописи. „Мыслями на дорогѣ" ихъ назвалъ Анненковъ, впервые напечатавшій ихъ въ отрывкахъ. Дополненія появились въ „Библіогр. Запискахъ" 1859 г., въ статьѣ Анненкова: „Пушкинъ въ Александровскую эпоху", въ „Русскомъ Архивѣ" (1880) и въ „Русской Старинѣ" (1884).

I. Шоссе [1]).

Узнавъ, что новая московская дорога совсѣмъ окончена, я вздумалъ съѣздить въ Петербургъ, гдѣ не бывалъ болѣе пятнадцати лѣтъ. Я записался въ конторѣ поспѣшныхъ дилижансовъ (которые показались мнѣ спокойнѣе прежнихъ почтовыхъ каретъ), и 15-го октября, въ десять часовъ утра, выѣхалъ изъ Тверской заставы.

Катясь по гладкому шоссе, въ спокойномъ экипажѣ, не заботясь ни о его прочности, ни о прогонахъ, ни о лошадяхъ, я вспомнилъ о послѣднемъ своемъ путешествіи въ Петербургъ по старой дорогѣ. Не рѣшившись скакать на перекладныхъ, я купилъ тогда дешевую коляску, и съ однимъ слугою отправился въ путь. Не знаю, кто изъ насъ, Иванъ или я, согрѣшили передъ выѣздомъ, но путешествіе наше было неблагополучно. Проклятая коляска требовала поминутно починки. Кузнецы меня притѣсняли; рытвины и, мѣстами, деревянная мостовая совершенно измучили. Цѣлые шесть дней тащился я по несносной дорогѣ и пріѣхалъ въ Петербургъ полумертвый. Мои пріятели смѣялись надъ моей изнѣженностію, но я не имѣю и притязаніи на фельдъ-егерское геройство и, по зимнему пути возвратясь въ Москву, съ той поры уже никуда не выѣзжалъ.

Вообще, дороги въ Россіи (благодаря пространству) хороши, и были бы еще лучше, если бы губернаторы менѣе объ нихъ заботились. Напримѣръ, дернъ есть уже природная мостовая; зачѣмъ его сдирать и замѣнять наносной землею, которая, при первомъ дождикѣ, обращается въ слякоть? Поправка дорогъ, одна изъ самыхъ тяжелыхъ повинностей, не приноситъ почти никакой пользы и есть большею частью предлогъ къ утѣсненію и взяткамъ. Возьмите перваго мужика, хотя крошечку смышленаго и заставьте его провести новую дорогу: онъ начнетъ, вѣроятно, съ того, что пророетъ два параллельные рва для стеченія дождевой воды. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, одинъ воевода вмѣсто рвовъ подѣлалъ парапеты, такъ что

---

[1]) Первоначально эта глава называлась: Дорожный товарищъ.

дороги сдѣлались ящиками для грязи. Лѣтомъ дороги прекрасны; но весной и осенью путешественники принуждены ѣздить по пашнямъ и полямъ, потому что экипажи вязнутъ и тонутъ на большой дорогѣ, между тѣмъ какъ пѣшеходы, гуляя по парапетамъ, благословляютъ память мудраго воеводы. Такихъ воеводъ на Руси весьма довольно.

Великолѣпное московское шоссе начато по повелѣнію императора Александра; дилижансы учреждены обществомъ частныхъ людей. Такъ должно быть и во всемъ: правительство открываетъ дорогу, частные люди находятъ удобнѣйшіе способы ею пользоваться.

Не могу не замѣтить, что, со временъ восшествія на престолъ дома Романовыхъ, у насъ правительство всегда впереди на поприщѣ образованности и просвѣщенія. Народъ слѣдуетъ за нимъ всегда лѣниво, а иногда и неохотно [a].

Собравшись въ дорогу, вмѣсто пироговъ и холодной телятины я хотѣлъ запастись книгою, понадѣясь довольно легкомысленно на трактиры и боясь разговоровъ съ почтовыми товарищами. Въ тюрьмѣ и въ путешествіи всякая книга есть Божій даръ, и та, которую не рѣшитесь вы и раскрыть, возвращаясь изъ англійскаго клуба или собираясь на балъ, покажется вамъ занимательна, какъ арабская сказка, если попадется вамъ въ казематѣ или въ поспѣшномъ дилижансѣ. Скажу болѣе: въ такихъ случаяхъ чѣмъ книга скучнѣе, тѣмъ она предпочтительнѣе. Книгу занимательную вы проглотите слишкомъ скоро, она слишкомъ врѣжется въ вашу память и воображеніе; перечесть ее уже невозможно. Книга скучная, напротивъ, читается съ разстановкою, съ отдохновеніемъ; оставляетъ вамъ способность позабыться, мечтать; опомнившись, вы опять за нее принимаетесь, перечитываете мѣста, вами пропущенныя безъ вниманія, и проч. Книга скучная представляетъ болѣе развлеченія. Понятіе о скукѣ весьма относительное. Книга скучная можетъ быть очень хороша; не говорю о книгахъ ученыхъ, но и о книгахъ писанныхъ съ цѣлію просто литературною. Многіе читатели согласятся со мною, что Клариса очень утомительна и скучна, но со всѣмъ тѣмъ романъ Ричардсоновъ имѣетъ необыкновенное достоинство.

Вотъ на что хороши путешествія.

Итакъ, собравшись въ дорогу, зашелъ я къ старому моему пріятелю Соболевскому, коего библіотекой привыкъ пользоваться. Я просилъ у него книгу скучную, но любопытную, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Пріятель мой хотѣлъ было мнѣ дать нравственно-

---

[a] Далѣе въ черн. рук.: „Я началъ записки свои не для того, чтобы льстить властямъ: товарищъ, мною избранный,—худой внушитель ласкательства: но не могу не замѣтить, что со времени возведенія Романовыхъ, отъ Михаила Ѳедоровича до Николая I, правительство у насъ всегда впереди на поприщѣ образованія и просвѣщенія. Народъ слѣдуетъ за нимъ всегда лѣниво, а иногда и неохотно. Вотъ что и составляетъ силу нашего самодержавія. Не худо было бы инымъ европейскимъ государствамъ понять эту простую истину: Бурбоны не были бы выгнаны каменьями, и англійская аристократія не принуждена была бы уступить радикализму.

Я упомянулъ о моемъ товарищѣ. Должно мнѣ познакомить съ нимъ читателя“.

сатирическій романъ, утверждая, что скучнѣе ничего быть не можетъ, а что книга очень любопытна въ отношеніи участи ея въ публикѣ; но я его благодарилъ, зная уже по опыту непреодолимость нравственно-сатирическихъ романовъ. „Постой", сказалъ мнѣ Соболевскій: „есть у меня для тебя книжка". Съ этимъ словомъ вынулъ онъ изъ-за полнаго собранія сочиненій Александра Сумарокова и Михайлы Хераскова книгу, повидимому, изданную въ концѣ прошлаго столѣтія. „Прошу беречь ее", сказалъ онъ таинственнымъ голосомъ. „Надѣюсь, что ты вполнѣ оцѣнишь и оправдаешь мою довѣренность". Я раскрылъ ее и прочелъ заглавіе: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву", съ эпиграфомъ:

„Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй".
Телемахида. Томъ II. Книга XVIII, ст. 514.

Книга—нѣкогда прошумѣвшая соблазномъ и навлекшая на сочинителя гнѣвъ Екатерины, смертный приговоръ и ссылку въ Сибирь, нынѣ типографическая рѣдкость, потерявшая свою заманчивость, случайно встрѣчаемая на пыльной полкѣ библіомана, или въ мѣшкѣ бородатаго разнощика.

Я искренно благодарилъ Соболевскаго и взялъ съ собою Путешествіе. Содержаніе его всѣмъ извѣстно. Радищевъ написалъ нѣсколько отрывковъ, давъ каждому въ заглавіе названіе одной изъ станцій, находящихся на дорогѣ изъ Петербурга въ Москву. Въ нихъ излилъ онъ свои мысли безъ всякой связи и порядка. Въ Черной Грязи, пока перемѣняли лошадей, я началъ книгу съ послѣдней главы и такимъ образомъ заставилъ Радищева путешествовать со мною изъ Москвы въ Петербургъ.

II. Москва.

Въ рукописи находится программа этой статьи: „Что была Москва? Мнѣніе Екатерины. Что Москва теперь? Отчего сіе происходитъ? Чѣмъ Москва еще держится? Что изъ нея будетъ? Сравненіе Москвы съ боярствомъ. Московскій университетъ. Горе отъ ума".

„Москва! Москва!" восклицаетъ Радищевъ на послѣдней страницѣ своей книги, и бросаетъ желчью напитанное перо, какъ будто мрачныя картины его воображенія разсѣялись при взглядѣ на золотыя маковки Москвы бѣлокаменной. Вотъ уже Всесвятское... Онъ прощается съ утомленнымъ читателемъ; онъ проситъ своего спутника подождать его у околицы; на возвратномъ пути онъ примется опять за свои горькія полу-истины, за свои дерзкія мечтанія. Теперь ему некогда: онъ скачетъ успокоиться въ семьѣ родныхъ, позабыться въ вихрѣ московскихъ забавъ. До свиданья, читатель! „Ямщикъ, погоняй!.. Москва, Москва!"

Многое перемѣнилось со временъ Радищева... Покидая нынѣ смиренную Москву и готовясь увидѣть блестящій Петербургъ, я заранѣе встревоженъ при мысли перемѣнить мой тихій образъ жизни на вихрь и шумъ, ожидающіе меня; голова моя заранѣе кружится...

Fuit Troja, fuimus Trojani [1]). Нѣкогда соперничество между

---

[1]) т. е. „Была Троя, мы были троянцы".

Москвой и Петербургомъ дѣйствительно существовало. Нѣкогда въ Москвѣ пребывало богатое, неслужащее боярство, вельможи, оставившіе дворъ, люди независимые, безпечные, страстные къ безвредному злорѣчію и къ дешевому хлѣбосольству. Нѣкогда Москва была сборнымъ мѣстомъ для всего русскаго дворянства, которое изо всѣхъ провинцій съѣзжалось въ нее на зиму. Блестящая гвардейская молодежь налетала туда жъ изъ Петербурга. Во всѣхъ концахъ древней столицы гремѣла музыка, и вездѣ была толпа. Въ залѣ благороднаго собранія, два раза въ недѣлю, было до пяти тысячъ народу. Тутъ молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невѣстами, какъ Вязьма пряниками. Московскіе обѣды (такъ оригинально описанные княземъ Долгорукимъ) вошли въ пословицу. Невинныя странности москвичей были признакомъ ихъ независимости. Они жили по своему, забавлялись какъ хотѣли, мало заботясь о мнѣніи ближняго. Бывало, богатый чудакъ выстроитъ себѣ на одной изъ главныхъ улицъ китайскій домъ съ зелеными драконами, съ деревянными мандаринами подъ золочеными зонтиками. Другой выѣдетъ въ Марьину Рощу въ каретѣ изъ кованаго серебра 84-й пробы. Третій на запятки четверомѣстныхъ саней поставитъ человѣкъ пять арановъ, егерей и скороходовъ — и цугомъ тащится по лѣтней мостовой [1]). Щеголихи, перенимая петербургскія моды, налагали и на наряды неизгладимую печать. Надменный Петербургъ издали смѣялся и не вмѣшивался въ затѣи старушки Москвы. Куда дѣвалася эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда дѣвались балы, пиры, чудаки и проказники? — Все исчезло! Остались однѣ невѣсты, къ которымъ нельзя, по крайней мѣрѣ, примѣнить грубую пословицу: vieilles comme les rues [2]). Московскія улицы, благодаря 1812 году, моложе московскихъ красавицъ, все еще цвѣтущихъ розами! Нынѣ въ присмирѣвшей Москвѣ огромные боярскіе дома стоятъ печально между широкимъ дворомъ, заросшимъ травою, и садомъ, запущеннымъ и одичалымъ. Подъ вызолоченнымъ гербомъ торчитъ вывѣска портнаго, который платитъ хозяину тридцать рублей въ мѣсяцъ за квартиру; великолѣпный бель-этажъ нанятъ мадамой для пенсіона — и то слава Богу! На всѣхъ воротахъ прибито объявленіе, что домъ продается и отдается въ наймы — и никто его не покупаетъ, и никто его не нанимаетъ. Улицы мертвы; рѣдко по мостовой раздается стукъ кареты; барышни бѣгутъ къ окошкамъ, когда ѣдетъ одинъ изъ полицмейстеровъ со своими казаками. Подмосковныя деревни также пусты и печальны: роговая музыка не гремитъ въ рощахъ Свирлова и Останкина; плошки и цвѣтные фонари не освѣщаютъ англійскихъ дорожекъ, нынѣ заросшихъ травою, а бывало уставленныхъ миртовыми и померанцовыми деревьями. Пыльныя кулисы домашняго театра тлѣютъ въ залѣ, оставленной послѣ послѣдняго представленія французской комедіи. Барскій домъ дряхлѣетъ. Во флигелѣ живетъ нѣмецъ-управитель и хлопочетъ о проволочномъ заводѣ. Обѣды даются уже не хлѣбосо-

---

1) Подобными чудачествами отличался Прокофій Акинфіевичъ Демидовъ.

2) т. е. „стары, какъ улицы“.

лами стариннаго покроя въ день хозяйскихъ именинъ, или въ угоду веселыхъ обжоръ, въ честь вельможи, удалившагося отъ двора, но обществомъ игроковъ, задумавшихъ обобрать навѣрное юношу, вышедшаго изъ-подъ опеки, или саратовскаго откупщика. Московскіе балы... Увы! Посмотрите на эти домашнія прически, на эти бѣлые башмачки, искусно забѣленные мѣломъ... Кавалеры набраны кое-гдѣ—и что за кавалеры! Горе отъ ума есть картина обветшалая, печальный анахронизмъ. Вы въ Москвѣ уже не найдете ни Фамусова, который „всякому, ты знаешь, радъ“: и князю Петру Ильичу, и французу изъ Бордо, и Загорѣцкому, и Скалозубу, и Чацкому; ни Татьяны Юрьевны, которая „балы даетъ нельзя богаче, отъ Рождества и до поста, а лѣтомъ праздники на дачѣ“. Хлёстова въ могилѣ; Репетиловъ въ деревнѣ. Бѣдная Москва!.. [а].

Петръ I-й не любилъ Москвы, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчалъ воспоминанія мятежей и казней, закоренѣлую старину и упрямое сопротивленіе суевѣрія и предразсудковъ. Онъ оставилъ Кремль, гдѣ ему было не душно, но тѣсно, и на дальнемъ берегу Балтійскаго моря искалъ досуга, простора и свободы для своей мощной и безпокойной дѣятельности. Послѣ этого, когда старая аристократія возымѣла прежнюю силу и вліяніе, Долгорукіе чуть было не возвратили Москвѣ своихъ государей; но смерть молодаго Петра II-го снова утвердила за Петербургомъ его недавнія права.

Упадокъ Москвы есть неминуемое слѣдствіе возвышенія Петербурга. Двѣ столицы не могутъ въ равной степени процвѣтать въ одномъ и томъ же государствѣ [1]), какъ два сердца не существуютъ въ тѣлѣ человѣческомъ. Но обѣднѣніе Москвы доказываетъ и другое—обѣднѣніе русскаго дворянства, происшедшее частію отъ раздробленія имѣній, исчезающихъ съ ужасной быстротою, частію отъ другихъ причинъ, о которыхъ успѣемъ еще потолковать.

Но Москва, утративши свой блескъ аристократическій, процвѣтаетъ въ другихъ отношеніяхъ: промышленность, сильно покровительствуемая, въ ней оживилась и развилась съ необыкновенной силою. Купечество богатѣетъ и начинаетъ селиться въ палатахъ, покидаемыхъ дворянствомъ. Съ другой стороны, просвѣщеніе любитъ городъ, гдѣ Шуваловъ основалъ университетъ по предначертанію Ломоносова [б].

[а] Въ черн. рук. слѣдуетъ: „Нынѣ нѣтъ въ Москвѣ мнѣнія общаго, народнаго; нынѣ бѣдствія или слава отечества не отзываются въ этомъ сердцѣ Россіи. Грустно было слышать толки московскаго общества во время послѣдняго польскаго возмущенія; гадко было видѣть бездушныхъ читателей французскихъ газетъ, улыбающихся при вѣсти о нашихъ неудачахъ...“

[б] Послѣ этого въ рук. зачеркнуто: „Признаюсь въ моей слабости: московскую словесность я всегда предпочиталъ петербургской, и охотнѣе читаю „Вѣдомости“ кн. Шаликова, нежели Сѣверную Пчелу. Московская словесность выше петербургской. Г-нъ А. заводитъ журналъ, потому что онъ отставленъ отъ выгоднаго мѣста. Г-нъ В. пишетъ романъ, потому что романы въ цѣнѣ. Критики пишутся потому, что по краямъ газетнаго листа нуженъ фельетонъ въ полтора вершка,

---

[1]) Ср. въ „Мѣдномъ Всадникѣ“,
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва.
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова
(ст. 39—42 вступленія).

Московская словесность выше петербургской. Литераторы петербургскіе по большей части не литераторы, но предпріимчивые и смышленые литературные откупщики. Ученость, любовь къ искусству и таланты, неоспоримо, на сторонѣ Москвы.

Московскій журнализмъ убьетъ петербургскій. Московская критика съ честью отличается отъ петербургской. Шевыревъ, Кирѣевскій, Погодинъ и другіе писатели написали нѣсколько опытовъ, достойныхъ стать наряду съ лучшими статьями англійскихъ Reviews; между тѣмъ какъ петербургскіе журналы судятъ о литературѣ какъ о музыкѣ, о музыкѣ какъ о политической экономіи, то есть наобумъ и какъ-нибудь, иногда впопадъ и остроумно, но большею частію неосновательно и поверхностно.

Философія нѣмецкая, которая нашла въ Москвѣ, можетъ быть, слишкомъ много молодыхъ послѣдователей, кажется, начинаетъ уступать духу болѣе практическому. Тѣмъ не менѣе, вліяніе ея было благотворно: она спасла нашу молодежь отъ холоднаго скептицизма французской философіи и удалила ее отъ употребительныхъ и вредныхъ мечтаній, которыя имѣли столь ужасное вліяніе на лучшій цвѣтъ предшествовавшаго поколѣнія.

Кстати, я отыскалъ въ моихъ бумагахъ любопытное сравненіе между обѣими столицами; оно написано однимъ изъ моихъ пріятелей, великимъ меланхоликомъ, имѣющимъ иногда свои свѣтлыя минуты веселости: Москва и Петербургъ... [1]).

III. Ломоносовъ.

Въ концѣ книги своей Радищевъ помѣстилъ слово о Ломоносовѣ. Оно написано слогомъ надутымъ и тяжелымъ. Радищевъ имѣлъ тайное намѣреніе нанести ударъ неприкосновенной славѣ р о с с к а г о П и н д а р а. Достойно замѣчанія и то, что Радищевъ тщательно прикрылъ это намѣреніе уловками уваженія и обошелся со славою Ломоносова гораздо осторожнѣе, нежели съ верховной властію, на которую напалъ съ такой безумной дерзостію. Онъ болѣе тридцати страницъ наполнилъ пошлыми похвалами стихотворцу, ритору и грамматику, чтобы въ концѣ своего слова помѣстить слѣдующія мятежныя строки:

„Мы желаемъ показать, что въ отношеніи россійской словесности тотъ, кто путь ко храму славы проложилъ, есть первый виновникъ въ пріобрѣтеніи славы, хотя бы онъ войти во храмъ не могъ. Баконъ Веруламскій не достоинъ развѣ напоминанія, что могъ токмо сказать, какъ можно размножать науки? Не достойны развѣ признательности мужественные писатели, возстающіе на губительство и веселіе, для того, что не могли избавить человѣчества изъ оковъ и плѣненія? И мы не почтимъ Ломоносова для того, что не р а з у м ѣ л ъ правилъ

кайма для шали.—Даже въ „Телеграфѣ“, журналѣ московскомъ, принадлежащемъ къ предпріятіямъ чисто-торговымъ, даже и тутъ перевѣсъ на сторонѣ московскаго издателя. Какая смышленость въ выборѣ переводныхъ статей! какая оборотливость въ сужденіяхъ о предметахъ, вовсе чуждыхъ понятіямъ критика! какое бойкое шарлатанство! Куда петербургскимъ торгашамъ за нашими!“

---

[1]) Статьи этой не осталось.

позорищнаго стихотворенія и томился въ эпопеи, что чуждъ былъ въ стихахъ чувствительности, что не всегда проницателенъ въ сужденіяхъ, и что въ самыхъ одахъ своихъ вмѣщалъ иногда болѣе словъ, нежели мыслей?"

Ломоносовъ былъ великій человѣкъ. Между Петромъ I и Екатериною II онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ. Но въ семъ университетѣ профессоръ поэзіи и элоквенціи не что иное, какъ исправный чиновникъ, а не поэтъ, вдохновенный свыше, не ораторъ, мощно увлекательный. Однообразныя и стѣснительныя формы, въ кои отливалъ онъ свои мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полуславянская, полулатинская, сдѣлалась было необходимостію; къ счастію, Карамзинъ освободилъ языкъ отъ чуждаго ига и возвратилъ ему свободу, обративъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова.

Въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія. Оды его, писанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и надуты. Его вліяніе на словесность было вредное и до сихъ поръ въ ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращеніе отъ простоты и точности, отсутствіе всякой народности и оригинальности — вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ. Ломоносовъ самъ не дорожилъ своею поэзіею и гораздо болѣе заботился о своихъ химическихъ опытахъ, нежели о должностныхъ одахъ на высокоторжественный день тезоименитства и проч. Съ какимъ презрѣніемъ говоритъ онъ о Сумароковѣ, страстномъ къ своему искусству, объ этомъ человѣкѣ, который ни о чемъ, кромѣ какъ о бѣдномъ своемъ риѳмичествѣ, не думаетъ... За то съ какимъ жаромъ говоритъ онъ о наукахъ, о просвѣщеніи. Смотрите письма его къ Шувалову, къ Воронцову и проч. [a]:

„По ордеру вашего сіятельства велѣно всѣмъ академическимъ профессорамъ и адъюнктамъ, чтобы рапортовали вашему сіятельству о своихъ трудахъ и упражненіяхъ въ наукахъ съ 1751 года по нынѣ. Въ силу онаго рапортую, что съ того времени до нынѣшняго числа по моей профессіи и въ другихъ наукахъ я учинилъ погодно.

---

[a] Въ черн. рук. это мѣсто изложено такъ: „Въ немъ нѣтъ ни воображенія, ни чувства. Оды его, писанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, утомительны и надуты; подражанія псалмамъ и книгѣ Іова лучше, но отличаются только хорошимъ слогомъ, и то не всегда точнымъ; ихъ поэзія принадлежитъ не Ломоносову. Его вліяніе было вредное и до сихъ поръ отзывается на тощей нашей литературѣ. Изысканность, высокопарность, отвращеніе отъ простоты и точности—вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ. Давно ли стали мы писать языкомъ общепонятнымъ? Убѣдились ли мы, что славянскій языкъ не есть языкъ русскій, и что мы не можемъ смѣшивать ихъ своенравно? что если многія слова, многіе обороты счастливо могутъ быть заимствованы изъ церковныхъ книгъ въ нашу литературу, то изъ сего не слѣдуетъ, чтобы мы могли писать: да лобзаешь мя лобзаніемъ вмѣсто: цѣлуй меня, etc. Конечно, и Ломоносовъ того не думалъ; онъ предпочелъ изученіе славянскаго языка, какъ необходимое средство къ основательному знанію языка русскаго..."

Въ 1751 году. Въ Химіи. 1) Произведены многіе опыты химическіе, по большей части огнемъ, для изслѣдованія натуры цвѣтовъ, что значитъ того жъ году журналъ лабораторіи на двѣнадцати листахъ и другія записки. 2) Говорилъ сочиненную свою рѣчь о пользѣ химіи на россійскомъ языкѣ. 3) Вымыслилъ нѣкоторые новые инструменты для физической химіи.

Въ Физикѣ. 1) Дѣлалъ опыты въ большіе морозы, для изысканія, какою пропорціею воздухъ сжимается и расширяется по всѣмъ градусамъ термометра. 2) Лѣтомъ дѣланы опыты зажигательнымъ стекломъ и термометромъ, коль высоко втекаетъ ртуть въ разныхъ разстояніяхъ отъ зажигательной точки. 3) Сдѣланы опыты, какъ раздѣлять олово отъ свинца однимъ плавленіемъ, безъ всякихъ постороннихъ матерій простою механикою, что изрядный успѣхъ имѣетъ, и весьма дешево становится.

Въ Исторіи. Читалъ книги для собранія матерій къ сочиненію россійской исторіи: Нестора, за нимъ Большой лѣтописецъ, Татищева первый томъ, Крамера, Вейселя, Гелмолда, Арсолда и другія, изъ которыхъ бралъ нужныя эксцерпты или выписки и примѣчанія, всѣхъ числомъ 653 статьи, на пятнадцати листахъ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1) Сочинилъ трагедію, Демофонтъ называемую. 2) Сочинялъ стихи на иллюминаціи. 3) Собранныя прежде сего матеріи къ сочиненію грамматики зачалъ приводить въ порядокъ. Давалъ приватныя лекціи студентамъ въ россійскомъ стихотворствѣ, и особливо Поповскому, который нынѣ профессоромъ. 4) Диктовалъ студентамъ сочиненное мною начало третьей книги краснорѣчія о стихотворствѣ вообще.

Въ 1752 году. Въ Химіи. 1) Дѣланы многіе химическіе опыты для теоріи цвѣтовъ, о чемъ явствуетъ въ журналѣ сего года, на двадцати пяти листахъ. 2) Показывалъ студентамъ химическіе опыты тѣмъ курсомъ, какъ самъ учился у Генкеля. 3) Для яснаго понятія и краткаго познанія всей химіи диктовалъ студентамъ и толковалъ сочиненные мною въ физической химіи пролегомены на латинскомъ языкѣ, которые содержатся на тринадцати листахъ въ 150-ти параграфахъ, со многими фигурами на шести полулистахъ. 4) Изыскалъ способы и практикою доказалъ, какъ составлять мусію. 5) По канцелярскому указу обучалъ составленію разноцвѣтныхъ стеколъ присланнаго изъ канцеляріи строеній ученика Дружинина для здѣшнихъ стеклянныхъ заводовъ.

Въ Физикѣ. 1) Чинилъ электрическія воздушныя наблюденія съ немалою опасностію. 2) Зимою повторялъ опыты о разномъ протяженіи воздуха по градусамъ термометра.

Въ Исторіи. Для собранія матеріаловъ къ россійской исторіи читалъ Кранца, Преторія, Мураторія, Іорнанда, Прокопія, Павла Дьякона, Зонару, Өеофана Исповѣдника, Леона Грамматика и иныхъ эксцерптовъ нужныхъ, на пяти листахъ въ 161 статьѣ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1) Сочинилъ оду на восшествіе на престолъ ея императорскаго величества. 2) Письмо о пользѣ стекла. 3) Изобрѣталъ иллюминаціи и сочинялъ къ нимъ стихи: на 25-е апрѣля, на 5-е сентября, на 25-е ноября. 4) Ораторіи второй части краснорѣчія сочинилъ десять листовъ.

Въ 1753 году. Въ Химіи. 1) Продолжались опыты для изслѣдованія натуры цвѣтовъ, что показываетъ журналъ того же году, на пятидесяти шести листахъ. 2) По окончаніи лекцій дѣлалъ новые химикофизическіе опыты, дабы привести химію, сколько можно, къ философскому познанію и сдѣлать частью основательной физики: изъ оныхъ многочисленныхъ опытовъ, гдѣ мѣра, вѣсъ и ихъ

пропорціи показаны, сочинены многія цыфирныя таблицы на двадцати-четырехъ полулистовыхъ страницахъ, гдѣ каждая строка цѣлый опытъ содержитъ.

Въ Физикѣ. 1) Съ покойнымъ профессоромъ Рихманомъ дѣлалъ химико-физическіе опыты въ лабораторіи для изслѣдованія градуса теплоты, который на себя вода принимаетъ отъ погашенныхъ въ ней минераловъ, прежде раскаленныхъ. 2) Чинилъ наблюденія электрической силы въ воздухѣ съ великою опасностію. 3) Говорилъ въ публичномъ собраніи рѣчь о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ, съ истолкованіемъ многихъ другихъ свойствъ натуры. 4) Дѣлалъ опыты, коими оказалось, что цвѣты, а особливо красный. на морозѣ ярчѣе, нежели въ теплотѣ.

Въ Исторіи. 1) Записки изъ упомянутыхъ прежде авторовъ приводилъ подъ статьи числами. 2) Читалъ россійскіе академичесвіе лѣтописцы, безъ записокъ, чтобы общее понятіе имѣть пространно о дѣяніяхъ россійскихъ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1) Для россійской грамматики привелъ глаголы въ порядокъ. 2) Пять проектовъ со стихами на иллюминаціи и фейерверки: на 1-е января, на 25-е апрѣля, на 5-е сентября, на 25-е ноября и на 18-е декабря.

Въ 1754 году. Въ Химіи. 1) Сдѣланы разные опыты химическіе, которые содержатся въ журналѣ сего года, на 46 листахъ. 2) Повтореніемъ повѣрены физико-химическія таблицы, прошлаго года сочиненныя.

Въ Физикѣ. 1) Изобрѣтены нѣкоторые способы къ сысканію долготы и широты на морѣ при мрачномъ небѣ. Въ практикѣ изслѣдовать сего безъ адмиралтейства невозможно. 2) Дѣланы опыты метеорологическіе надъ водою, изъ Сѣвернаго океана привезенною, въ какомъ градусѣ мороза она замерзнуть можетъ. Притомъ были разные химическіе растворы морожены, для сравненія. 3) Дѣланы опыты при пильной мельницѣ въ деревнѣ: какъ текущая по наклоненію вода теченіе свое ускоряетъ, и какою силою бьетъ. 4) Дѣланъ опытъ машины, которая бы, подымаясь къ верху сама, могла поднять съ собою маленькой термометръ, дабы узнать градусъ теплоты на вышинѣ, которая хотя слишкомъ на два золотника облегчалась, однако къ желаемому концу не приведена.

Въ Исторіи. Сочиненъ опытъ исторіи славянскаго народа до Рюрика: дедикація, вступленіе; глава 1: о старобытныхъ жителяхъ въ Россіи; глава 2: о величествѣ и поколѣніяхъ славянскаго народа; глава 3: о древности славянскаго народа; всего 6 листовъ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1) Сочинилъ оду на рожденіе государя великаго князя Павла Петровича. 2) Изобрѣлъ фейерверкъ, который былъ представленъ въ новый 1754 годъ, и стихи сдѣлалъ. Также дѣлалъ проекты на иллюминацію и фейерверкъ къ 25-му апрѣля, къ 5-му сентября, къ 25-му ноября.

Въ 1755 году. Въ Химіи. Дѣланы разные физикохимическіе опыты, что явствуетъ въ журналѣ того жъ года, на четырнадцати листахъ.

Въ Физикѣ. 1) Сочинилъ диссертацію о должности журналистовъ, въ которой опровергнуты всѣ критики, учиненныя въ Германіи противъ моихъ диссертацій, въ „комментаріяхъ" напечатанныхъ; а особливо противъ новыхъ теорій о теплотѣ и стужѣ, о химическихъ растворахъ и упругости воздуха. Оная диссертація, переведенная господиномъ Формеемъ на французскій языкъ, и въ журналѣ, называемомъ: Нѣмецкая библіотека (Bibliothèque germanique), на ономъ языкѣ напечатана. 2) Сочинилъ письмо о сѣверномъ ходу въ Остъ-Индію Сибирскимъ океаномъ.

Въ Исторіи. Сдѣланъ опытъ описаніемъ владѣній первыхъ великихъ князей россійскихъ: Рюрика, Олега, Игоря.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1) Сочинилъ и говорилъ въ публичномъ собраніи слово похвальное блаженныя памяти государю императору Петру Великому. 2) Сочинивъ большую часть грамматики, привелъ къ концу, которая въ нынѣшнемъ году печатью къ концу приходитъ. 3) Сочинилъ письмо о сходствѣ и перемѣнахъ языковъ.

Въ 1756 году. Въ Химіи. 1) Между разными химическими опытами, которыхъ журналъ на тридцати листахъ, дѣланы опыты въ заплавленныхъ накрѣпко стеклянныхъ сосудахъ, чтобы изслѣдовать, прибываетъ ли вѣсъ металловъ отъ чистаго жару. Оными опытами нашлось, что славнаго Роберта Бойля мнѣніе ложно, ибо безъ пропущенія внѣшняго воздуха вѣсъ сожженнаго металла остается въ одной мѣрѣ. 2) Учинены опыты химическіе со вспоможеніемъ воздушнаго насоса, гдѣ въ сосудахъ химическихъ, изъ которыхъ былъ воздухъ вытянутъ, показывали на огнѣ минералы такіе феномены, какіе химикамъ еще неизвѣстны. 3) Нынѣ лабораторъ Клементьевъ, подъ моимъ смотрѣніемъ, изыскиваетъ, по моему указанію, какъ бы сдѣлать для фейерверковъ верховыя зеленыя звѣздки.

Въ Физикѣ. 1) Изобрѣтенъ мною новый оптическій инструментъ, который я назвалъ никтоптическою трубою, tubus nictopticus; оный долженъ служить къ тому, чтобы ночью видѣть можно было. Первый опытъ показываетъ на сумеркахъ ясно тѣ вещи, которыя простымъ глазомъ не видны, и весьма надѣяться можно, что стараніемъ искусныхъ мастеровъ можетъ простереться до такого совершенства, какого нынѣ достигли телескопы и микроскопы отъ малаго начала. Сдѣлалъ четыре новоизобрѣтенные мною пендула, изъ которыхъ одинъ мѣдный, длиною въ сажень, однако служитъ чрезъ механическія стрѣлки противъ такого, который бы былъ вышиною съ четвертью на версту. Употребляется къ тому, чтобы узнать, всегда ли съ земли центръ притягающій къ себѣ тяжкія тѣла стоитъ неподвижно, или перемѣняетъ мѣсто. 3) Говорилъ въ публичномъ собраніи сочиненную мною рѣчь о цвѣтахъ.

Въ Исторіи. Собранныя мною въ нынѣшнемъ году россійскіе историческіе манускрипты для моей библіотеки, 15 книгъ, сличалъ между собою для наблюденія сходствъ въ дѣяніяхъ россійскихъ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1) Сочиняю героическую поэму, именуемую Петръ Великій. 2) Сдѣлалъ проектъ со стихами для фейерверка 18-го декабря сего года.

Сверхъ сего въ разные годы зачаты дѣлать диссертаціи: 1) О лучшемъ и ученомъ мореплаваніи. 2) О твердомъ термометрѣ. 3) О трясеніи земли. 4) О первоначальныхъ частицахъ, тѣла составляющихъ. 5) О градусахъ теплоты и стужи, какъ ихъ опредѣлить основательно, со мнѣніемъ о умѣренности растворенія воздуха на планетахъ. Къ совершенію привесть отчасти препятствуютъ другія дѣла, отчасти протяжнымъ печатаніемъ „комментаріевъ“ охота отнимается“.

Сумароковъ былъ шутомъ у всѣхъ тогдашнихъ вельможъ: у Шувалова, у Панина; его дразнили, подстрекали и забавлялись его выходками.

Фонъ-Визинъ, коего характеръ имѣетъ нужду въ оправданіи, забавлялъ знатныхъ, передразнивая Александра Петровича въ совершенствѣ. Державинъ исподтишка писалъ сатиры на Сумарокова и пріѣзжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, наслаждаться его бѣшенствомъ. Ломоносовъ былъ инаго покроя. Съ нимъ шутить было накладно. Онъ вездѣ былъ тотъ же: дома, гдѣ всѣ его трепетали; во дворцѣ, гдѣ онъ диралъ за уши пажей; въ академіи, гдѣ, по

свидѣтельству Шлёцера, не смѣли при немъ пикнуть. Немногимъ извѣстна стихотворная перепалка его съ Димитріемъ Сѣченовымъ[1]), по случаю Гимна Бородѣ[2]), не напечатаннаго ни въ одномъ собраніи его сочиненій[3]). Она можетъ дать понятіе о запозчивости поэта, какъ и о нетерпимости проповѣдника. Со всѣмъ тѣмъ Ломоносовъ былъ добродушенъ. Какъ хорошо его письмо о семействѣ несчастнаго Рихмана![4]) Въ отношеніи къ самому себѣ онъ былъ очень безпеченъ, и, кажется, жена его, хоть была и нѣмка, но мало смыслила въ хозяйствѣ. Вдова одного стараго профессора, услыша, что рѣчь идетъ о Ломоносовѣ, спросила: „О какомъ Ломоносовѣ говорите вы? Не о Михаилѣ ли Васильевичѣ? То-то былъ пустой человѣкъ! Бывало, отъ него всегда бѣгали къ намъ за кофейникомъ. Вотъ Тредьяковскій, Василій Кириловичъ, вотъ этотъ былъ почтенный и порядочный человѣкъ!“ Тредьяковскій былъ, конечно, почтенный и порядочный человѣкъ. Его филологическія и грамматическія изъясненія очень замѣчательны. Онъ имѣлъ о русскомъ стихосложеніи обширнѣйшее понятіе, нежели Ломоносовъ и Сумароковъ. Любовь его къ Фенелонову эпосу дѣлаетъ ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выборъ стиха доказываютъ необыкновенное чувство изящнаго. Въ Телемахидѣ находится много хорошихъ стиховъ и счастливыхъ оборотовъ. Дельвигъ приводилъ часто слѣдующій стихъ въ примѣръ прекраснаго гекзаметра:

Корабль Одиссеевъ
Бѣгомъ волны дѣля, изъ очей ушелъ и сокрылся.

Вообще, изученіе Тредьяковскаго приноситъ болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ старыхъ писателей. Сумароковъ и Херасковъ вѣрно не стоятъ Тредьяковскаго.

Радищевъ укоряетъ Ломоносова въ лести и тутъ же извиняетъ его. Ломоносовъ наполнилъ торжественныя свои оды высокопарною хвалою; онъ безъ обиняковъ называетъ благодѣтеля своего, графа Шувалова, своимъ благодѣтелемъ; онъ въ какой-то придворной идилліи воспѣваетъ графа К. Разумовскаго подъ именемъ Полидора; онъ стихами поздравляетъ графа Орлова съ возвращеніемъ его изъ Финляндіи; онъ пишетъ: „Его сіятельство графъ М. Л. Воронцовъ, по своей высокой ко мнѣ милости, изволилъ взять отъ меня пробы мозаическихъ составовъ для показанія ея

---

[1]) Димитрій Сѣченовъ — митрополитъ новгородскій (1708—1767).

[2]) Сатирическое стихотвореніе „Гимнъ бородѣ“, написанный Ломоносовымъ въ 1757 г. Вотъ одна строфа изъ него (гдѣ рѣчь идетъ о двойной пошлинѣ, уплачиваемой раскольниками, по указу Петра I, за право ношенія бороды):

Борода въ казну доходы
Умножаетъ по вся годы;
Керженцамъ (нижегородскіе раскольники по р. Керженцу) любезный братъ:
Съ радостью двойной окладъ
Въ сборъ за оную приноситъ
И съ поклономъ низкимъ проситъ
Въ вѣчный пропустить покой
Безголовыхъ съ бородой...

Димитрій же Сѣченовъ растолковалъ нѣкоторыя выраженія этой сатиры, какъ направленныя противъ духовенства.

[3]) Впервые напечатанъ въ Библіогр. Запискахъ 1857 г.

[4]) Его друга, убитаго молніей при производствѣ имъ опытовъ для изслѣдованія воздушнаго электричества. Ломоносовъ письменно просилъ И. И. Шувалова помощи семейству покойнаго.

величеству.“ Нынѣ все это вывелось изъ обыкновенія. Дѣло въ томъ, что разстояніе отъ одного сословія до другаго въ то время еще существовало. Ломоносовъ, рожденный въ низкомъ сословіи, не думалъ возвысить себя наглостію и запанибратствомъ съ людьми высшаго состоянія (хотя, впрочемъ, по чину, онъ могъ быть имъ и равный). Но за то умѣлъ онъ за себя постоять, и не дорожилъ ни покровительствомъ своихъ меценатовъ, ни своимъ благосостояніемъ, когда дѣло шло о его чести или торжествѣ его любимыхъ идей. Послушайте, какъ пишетъ онъ этому самому Шувалову, предстателю музъ, высокому своему патрону, который вздумалъ было надъ нимъ пошутить: „Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельможъ, но ниже у Господа моего Бога дуракомъ быть не хочу“ *).

Въ другой разъ, заспоря съ тѣмъ же вельможею, Ломоносовъ такъ его разсердилъ, что Шуваловъ закричалъ: „Я отставлю тебя отъ академіи.“ — Нѣтъ, возразилъ гордо Ломоносовъ: развѣ академію отъ меня отставятъ.—Вотъ каковъ былъ этотъ униженный сочинитель похвальныхъ одъ и придворныхъ идиллій [a].

Patronage (покровительство) до сей поры сохраняется въ обычаяхъ англійской литературы. Почтенный Креббъ, умершій недавно, поднесъ всѣ свои прекрасныя поэмы to his Grace the Duke etc. Въ своихъ смиренныхъ посвященіяхъ онъ почтительно упоминаетъ о милостяхъ и высокомъ покровительствѣ, коихъ онъ удостоился, и проч. [6]. Въ Россіи вы не встрѣтите ничего подобнаго. У насъ, какъ замѣтила m-me de Staël, словесностію занимались большею частію дворяне (en Russie quelques gentilshommes se sont occupés de littérature). Это дало особенную физіономію нашей литературѣ; у насъ писатели не могутъ изыскивать милостей и покровительства у людей, которыхъ почитаютъ себѣ равными, и подносить свои сочиненія вельможѣ или богачу, въ надеждѣ получить отъ него пятьсотъ рублей или перстень, украшенный драгоцѣнными каменьями. Что жъ изъ этого слѣдуетъ? Что нынѣшніе писатели благо-

---

*) См. его письмо къ Ив. Ив. Шувалову.—*Авт.*

[a] Въ черновой рук. слѣдовало: Радищевъ говоритъ, что Ломоносовъ ни въ какой отрасли наукъ не проложилъ новыхъ слѣдовъ (слѣдуетъ выписка), и тутъ же сравниваетъ его съ лордомъ Бэкономъ. Такое странное понятіе имѣлъ XVIII вѣкъ о величайшемъ умѣ новѣйшихъ временъ, о человѣкѣ, произведшемъ въ наукахъ сильнѣйшій переворотъ и давшемъ имъ то направленіе, на которомъ онѣ нынѣ.

Если Ломоносова можно назвать русскимъ Бэкономъ, то это развѣ въ такомъ же смыслѣ, какъ Хераскова называли русскимъ Гомеромъ. Къ чему эти прозвища? Ломоносовъ есть русскій Ломоносовъ, — этого съ него, право, довольно.“

[6] Въ черн. рук. слѣдовало: „Во Франціи вся блестящая литература вѣка Людовика XIV была въ передней. Анекдотъ о Б. даетъ понятіе о тогдашнихъ нравахъ (изъ Бейля), и замѣтьте, что Бейль приводитъ эту черту безо всякаго замѣчанія, какъ дѣло весьма обыкновенное! Нынѣ во Франціи нравы уже не тѣ, но сословіе писателей потому только не ползаетъ передъ министрами, что публика въ состояніи дать больше денегъ. За то какъ безстыдно ползаютъ они передъ господствующими людьми! Какой талантъ нынѣ не запачкалъ себя грязью и кровью въ угоду толпы, требующей грязи и крови?...“

роднѣе мыслятъ и чувствуютъ, нежели мыслили и чувствовали Ломоносовъ и Костровъ? Позвольте въ томъ усомниться [a].

Нынче писатель, краснѣющій при одной мысли посвятить книгу свою человѣку, который двумя или тремя чинами выше его, не стыдится публично жать руку журналисту, ошельмованному въ общемъ мнѣніи, но который площадной руганью можетъ повредить продажѣ книги, или хвалебнымъ объявленіемъ заманить покупщиковъ. Нынѣ послѣдній изъ писакъ, готовый на всякую приватную подлость, громко проповѣдуетъ независимость и пишетъ безыменные пасквили на людей, передъ которыми разстилается въ ихъ кабинетѣ [б].

Къ тому жъ съ нѣкоторыхъ поръ литература стала у насъ ремесло выгодное, и публика въ состояніи дать болѣе денегъ, нежели его сіятельство такой-то или его высокопревосходительство такой-то. Какъ бы то ни было, повторяю, что формы ничего не значатъ. Ломоносовъ и Креббъ достойны уваженія всѣхъ честныхъ людей, несмотря на ихъ смиренныя посвященія; а господа NN все-таки презрительны, несмотря на то, что въ своихъ книжкахъ они проповѣдуютъ благородную гордость, и что они свои сочиненія посвящаютъ не доброму и умному вельможѣ, а какому-нибудь бестіи и плуту, подобному имъ.

IV. Черная Грязь.

„Здѣсь я видѣлъ такъ же изрядный опытъ самовластія дворянскаго надъ крестьянами. Проѣзжала тутъ свадьба. Но вмѣсто радостнаго поѣзда и слезъ боязливой невѣсты, скоро въ радость претворится опредѣленныхъ, зрѣлись на челѣ опредѣленныхъ вступить въ супружество печаль и уныніе. Они другъ друга ненавидятъ и властію господина своего влекутся на казнь, къ алтарю отца всѣхъ благъ, подателя нѣжныхъ чувствованій и веселій, зиждителя истиннаго блаженства, Творца вселенныя. И служитель его пріиметъ исторгнутую властію клятву и утвердитъ бракъ! И сіе назовется союзомъ божественнымъ!

---

[a] Въ черн. рук.: „Даже теперь наши писатели, не принадлежащіе къ дворянскому сословію, весьма малочисленны. Несмотря на то, ихъ дѣятельность овладѣла всѣми отраслями литературы, у насъ существующими. Это есть важный признакъ и непремѣнно будетъ имѣть важныя послѣдствія. Писатели-дворяне (или тѣ, которые почитаютъ себя à tort ou à raison членами высшаго общества) постепенно начинаютъ отъ нихъ удаляться подъ предлогомъ какого-то неприличія. Странно, что въ то время, когда во всей Европѣ готическій предразсудокъ противу наукъ и словесности (будто бы несовмѣстимыхъ съ благородствомъ и знатностью) почти совершенно исчезъ, — у насъ онъ только что начинаетъ показываться. Уже одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ нашихъ писателей провозгласилъ, что литературой заниматься онъ болѣе не намѣренъ, потому что она—дѣло не дворянское. Жалко! Конечно, не слишкомъ лестное товарищество нѣкоторыхъ новичковъ, ихъ невѣжество отчасти тому причиною; но развѣ безчестное поведеніе двухъ или трехъ выслужившихся проходимцевъ можетъ быть достаточнымъ предлогомъ для всѣхъ офицеровъ оставить шпагу и отречься отъ честнаго званія воиновъ?“

б) Въ черн. рук. слѣдовало: „Всѣ журналы пришли въ благородное бѣшенство, возстали противъ стихотворца (было: Пушкина), который—о, верхъ униженія!—въ отвѣтъ на приглашеніе князя ** (Юсупова) извинялся въ стихахъ, что не можетъ къ нему пріѣхать, и обѣщался къ нему пріѣхать на дачу. Сіе несчастное посланіе было предано всенародно проклятію, и съ той поры, говоритъ одинъ журналъ, слава *** (Пушкина) упала совершенно!“ (См. т. I, стр. 311, вын. 4).

И богохуленіе сіе останется на примѣръ другимъ! И неустройство сіе въ законѣ останется ненаказаннымъ!.. Почто удивляться сему? Благословляетъ бракъ наемникъ; градодержатель, для охраненія закона опредѣленный, — дворянинъ. Тотъ и другой имѣютъ въ семъ дѣлѣ свою пользу. Первой, ради полученія мзды; другой, дабы истребляя поносительное человѣчеству насиліе, не лишиться самому лестнаго преимущества — управлять себѣ подобнымъ самовластно. — О, горестная участь многихъ милліоновъ! конецъ твой сокрытъ еще отъ взора и внучатъ моихъ...“ (Путешествіе, стр. 417—418).

Черная Грязь. Браки. Радищевъ въ главѣ: Черная Грязь говоритъ о бракахъ поневолѣ, и горько порицаетъ самовластіе господъ и потворство градодержателей (городничихъ). Вообще, несчастіе жизни семейственной есть отличительная черта въ нравахъ русскаго народа. Шлюсь на русскія пѣсни: обыкновенное ихъ содержаніе — или жалобы красавицы, выданной замужъ насильно, или упреки молодаго мужа постылой женѣ. Свадебныя пѣсни наши унылы, какъ вой похоронный [1]). Спрашивали однажды у старой крестьянки: по страсти ли вышла она замужъ? — По страсти, отвѣчала старуха: я было заупрямилась, да староста грозилъ меня высѣчь. Таковыя страсти обыкновенны. Неволя браковъ давнее зло [2]). Недавно правительство обратило вниманіе на лѣта вступающихъ въ супружество: это уже шагъ къ улучшенію. Осмѣливаюсь замѣтить одно: возрастъ, назначенный законнымъ срокомъ для вступленія въ бракъ, могъ бы для женскаго пола быть уменьшенъ. Пятнадцатилѣтняя дѣвка, и въ нашемъ климатѣ, уже на выданіи, а крестьянскія семейства нуждаются въ работницахъ.

VI. Клинъ.

Слѣпой старикъ поетъ стихъ объ Алексіѣ, Божьемъ человѣкѣ; крестьяне плачутъ; Радищевъ рыдаетъ вслѣдъ за ямскимъ собраніемъ... „О природа! колико ты властительна!“ Крестьяне даютъ старику милостыню. Радищевъ дрожащею рукою даетъ ему рубль. Старикъ отказывается отъ него, потому что Радищевъ — дворянинъ! Онъ разсказываетъ, что въ молодости лишился онъ глазъ на войнѣ за свои жестокости. Между тѣмъ баба подноситъ ему пирогъ. Старикъ принимаетъ его съ восторгомъ. Вотъ истинная благостыня, восклицаетъ онъ. Радищевъ наконецъ даритъ ему шейный платокъ, и извѣщаетъ насъ, что старикъ умеръ нѣсколько дней послѣ, похороненъ съ этимъ платкомъ на шеѣ. Имя Вертера, встрѣчаемое въ началѣ главы, поясняетъ загадку.

Вмѣсто всего сего пустословія, лучше было бы, если бы Радищевъ, кстати о старомъ и всѣмъ извѣстномъ стихѣ, поговорилъ намъ о нашихъ народныхъ пѣсняхъ, которыя до сихъ поръ еще не напечатаны, и которыя заключаютъ въ себѣ столь много истинной поэзіи.

VII. Тверь.

„Стихотворство у насъ, говорилъ товарищъ мой трактирнаго обѣда, въ разныхъ смыслахъ, какъ оно пріемлется, далеко еще отстоитъ величія. Поэзія

---

[1]) Ср. т. IV, стр. 53, строфа 29. | [2]) См. т. IV, стр. 209, строфа 18.

было пробудилась, но нынѣ паки дремлетъ, а стихосложеніе — шагнуло одинъ разъ и стало въ пень.

Ломоносовъ, уразумѣвъ смѣшное въ польскомъ одѣяніи нашихъ стиховъ, снялъ съ нихъ несродное имъ полукафтанье. Подавъ хорошіе примѣры новыхъ стиховъ, надѣлъ на послѣдователей своихъ узду великаго примѣра, и никто доселѣ отшатнуться отъ него не дерзнулъ. По несчастію случилося, что Сумароковъ въ то же время былъ, и былъ отмѣнной стихотворецъ. Онъ употреблялъ стихи по примѣру Ломоносова, и нынѣ всѣ вслѣдъ за ними не воображаютъ, чтобы другіе стихи быть могли, какъ ямбы, какъ такіе, какими писали сіи оба знаменитые мужи. Хотя оба сіи стихотворцы преподавали правила другихъ стихосложеній, а Сумароковъ и во всѣхъ родахъ оставилъ примѣры, но они столь маловажны, что ни отъ кого подражанія не заслужили. Если бы Ломоносовъ преложилъ Іова Псалмопѣвца дактилями, или если бы Сумароковъ Семиру или Димитрія написалъ хореями, то и Херасковъ вздумалъ бы, что можно писать другими стихами опричь ямбовъ, и болѣе бы славы въ осьмилѣтнемъ своемъ пріобрѣлъ трудѣ, описавъ взятіе Казани свойственнымъ эпопеи стихосложеніемъ. Не дивлюсь, что древній треухъ на Виргилія надѣтъ Ломоносовскимъ покроемъ, но желалъ бы я, чтобы Омиръ между нами не въ ямбахъ явился, но въ стихахъ, подобныхъ его, гекзаметрахъ, и Костровъ, хотя не стихотворецъ, а переводчикъ, сдѣлалъ бы эпоху въ нашемъ стихосложеніи, ускоривъ шествіе нашей поэзіи цѣлымъ столѣтіемъ.

Но не одни Ломоносовъ и Сумароковъ составили россійское стихосложеніе. Неутомимый возовикъ Тредіаковскій немало къ тому способствовалъ своею Телемахидою. Теперь дать примѣръ новаго стихосложенія очень трудно, ибо примѣры въ добромъ и худомъ стихосложеніи глубокій пустили корень. Парнасъ окруженъ ямбами, и риѳмы стоятъ вездѣ на караулѣ. Кто бы ни задумалъ писать дактилями, тому тотчасъ Тредіаковскаго приставятъ дядькою, и прекраснѣйшее дитя долго казаться будетъ уродомъ, доколѣ не родится Мильтона, Шекспира или Вольтера. Тогда и Тредіаковскаго выроютъ изъ поросшей мхомъ забвенія могилы, въ Телемахидѣ найдутся добрые стихи, и будутъ въ примѣръ поставляемы.

Долго благой перемѣнѣ въ стихосложеніи препятствовать будетъ привыкшее ухо къ краесловію. Слышавъ долгое время единогласное въ стихахъ окончаніе, безриѳміе покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будетъ, доколѣ французскій языкъ будетъ въ Россіи больше другихъ языковъ въ употребленіи. Чувства наши, какъ гибкое и молодое дерево, можно выростить прямо и криво, по произволенію. Сверхъ же того въ стихотвореніи, такъ какъ и во всѣхъ вещахъ, можетъ господствовать мода, и если она хотя нѣсколько имѣетъ въ себѣ естественнаго, то принята будетъ безъ прекословія. Но все модное мгновенно, а особливо въ стихотворствѣ. Блескъ наружный можетъ заржавѣть, но истинная красота не поблекнетъ никогда. Омиръ, Виргилій, Мильтонъ, Расинъ, Вольтеръ, Шекспиръ, Тассо и многіе другіе читаны будутъ, доколѣ не истребится родъ человѣческій.

Излишнимъ почитаю я бесѣдовать съ вами о разныхъ стихахъ, россійскому языку свойственныхъ. Что такое ямбъ, хорей, дактиль, или анапестъ, — всякъ знаетъ, если немного кто разумѣетъ правила стихосложенія. Но то бы было неизлишне, если бы я могъ дать примѣры въ разныхъ родахъ достаточные. Но силы мои и разумѣніе коротки. Если совѣтъ мой поможетъ что либо сдѣлать, то я бы сказалъ, что россійское стихотворство, да и самъ россійскій языкъ,

гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворныхъ сочиненій дѣлали не всегда ямбами. Гораздо бы эпической поэмѣ свойственнѣе было, если бы переводъ Генріады не былъ въ ямбахъ, а ямбы некраесловные хуже прозы". (Путешествіе, стр. 350—354).

Радищевъ, будучи нововводителемъ въ душѣ, силился перемѣнить и русское стихосложеніе. Его изученія Телемахиды замѣчательны. Онъ первый писалъ у насъ древними лирическими размѣрами. Стихи его лучше его прозы. Прочтите его: Осьмнадцатое столѣтіе, Сафическія строфы, басню или вѣрнѣе элегію Журавли — все это имѣетъ достоинство. Въ главѣ, изъ которой выписалъ я приведенный отрывокъ, помѣщена его извѣстная ода на вольность; въ ней много сильныхъ стиховъ. — Обращаюсь къ русскому стихосложенію. Думаю, что современемъ мы обратимся къ бѣлому стиху. Риомъ въ русскомъ языкѣ слишкомъ мало. Одна вызываетъ другую. Пламень неминуемо тащитъ за собою камень. Изъ-за чувства выглядываетъ непремѣнно искусство. Кому не надоѣли любовь и кровь, трудной и чудной, вѣрной и лицемѣрной и проч.?

Много говорили о настоящемъ русскомъ стихѣ. А. Востоковъ опредѣлилъ его съ большою ученостію и смѣлостію. Вѣроятно, будущій нашъ эпическій поэтъ изберетъ его и сдѣлаетъ народнымъ.

VIII. Мѣдное.

„Во полѣ береза стояла, во полѣ кудрявая стояла, ой люли, люли, люли, люли... Хороводъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ—пляшутъ—пойдемъ поближе, говорилъ я самъ себѣ, развертывая найденныя бумаги моего пріятеля. Но я читалъ слѣдующее. Не могъ дойти до хоровода. Уши мои задернулися печалію, и радостный гласъ нехитростнаго веселія до сердца моего не проникъ. О мой другъ! гдѣ бы ты ни былъ, внемли и суди.

Каждую недѣлю два раза вся россійская имперія извѣщается, что Н. Н. или Б. Б. въ несостояніи или не хочетъ заплатить того, что занялъ, или взялъ чего отъ него требуютъ. Занятое либо проиграно, проѣзжено, прожито, проѣдено, пропито, про... или раздарено, потеряно въ огнѣ, или водѣ, или Н. Н. или Б. Б. другими какими либо случаями вошелъ въ долгъ или подъ взысканіе. То и другое наравнѣ въ вѣдомостяхъ пріемлется. — Публикуется: Сего... дня, по полуночи въ 10 часовъ, по опредѣленію уѣзднаго суда или городоваго магистрата, продаваться будетъ съ публичнаго торга оставнаго капитана Г... недвижимое имѣніе: домъ, состоящій въ ... части, подъ №... и при немъ шесть душъ мужескаго и женскаго полу; продажа будетъ при ономъ домѣ. Желающіе могутъ осмотрѣть заблаговременно". (Путешествіе, стр. 341—342).

Слѣдуетъ картина, ужасная тѣмъ, что она правдоподобна. Не стану теряться вслѣдъ за Радищевымъ въ его надутыхъ, но искреннихъ мечтаніяхъ... съ которыми на сей разъ соглашаюсь поневолѣ.

XI. Русская изба.

Въ Пешкахъ (на станціи, нынѣ уничтоженной) Радищевъ съѣлъ кусокъ говядины и выпилъ чашку кофею. Онъ пользуется симъ случаемъ, дабы упомянуть о несчастныхъ африканскихъ невольникахъ,

и тужитъ о судьбѣ русскаго крестьянина, не употребляющаго сахара. Все это было тогдашнимъ моднымъ краснословіемъ. Но замѣчательно описаніе русской избы:

„Четыре стѣны, до половины покрытыя, такъ какъ и весь потолокъ, сажею: полъ въ щеляхъ, на вершокъ по крайней мѣрѣ поросшій грязью; печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода; и дымъ, всякое утро зимою и лѣтомъ наполняющій избу; окончины, въ коихъ натянутой пузырь смеркающійся въ полдень пропускалъ свѣтъ; горшка два или три (щастлива изба, коли въ одномъ изъ нихъ всякой день есть пустыя шти!); деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; столъ, топоромъ срубленной, которой скоблятъ скребкомъ по праздникамъ; корыто, кормить свиней или телятъ, буде есть; спать съ ними вмѣстѣ, глотая воздухъ, въ коемъ горящая свѣча какъ будто въ туманѣ или за завѣсою кажется. Къ щастію, кадка съ квасомъ, на уксусъ похожимъ, и на дворѣ баня, въ коей коли не парятся, то спитъ скотина. Посконная рубаха, обувь данная природою, онучки съ лаптями для выхода“. (Путешествіе, стр. 412—413).

Очевидно, что Радищевъ начерталъ каррикатуру, но онъ упоминаетъ о банѣ и о квасѣ, какъ о необходимостяхъ русскаго быта. Это уже признакъ довольства. Замѣчательно, что наружный видъ русской избы мало перемѣнился со временъ Мейерберга. Посмотрите на рисунки, присовокупленные къ его путешествію. Ничто такъ не похоже на русскую деревню въ XVI столѣтіи, какъ русская деревня въ 1833 году. Изба, мельница, заборъ, даже эта ёлка, это печальное тавро сѣверной природы – ничто, кажется, не измѣнилось. Однако, произошли улучшенія, по крайней мѣрѣ на большихъ дорогахъ: труба въ каждой избѣ; стекла замѣнили натянутый пузырь; вообще болѣе чистоты, удобства, того, что англичане называютъ comfort. Замѣчательно и то, что Радищевъ, заставивъ свою хозяйку жаловаться на голодъ и неурожай, оканчиваетъ картину нужды и бѣдствія сею чертою: „и начала сажать хлѣбы въ печь.“

Фонъ-Визинъ, лѣтъ 15 передъ тѣмъ путешествовавшій по Франціи, говоритъ, что, по чистой совѣсти, судьба русскаго крестьянина показалась ему счастливѣе судьбы французскаго земледѣльца. Вѣрю. Вспомнимъ описаніе Лабрюера *); слова госпожи Севинье

*) L'on voit certains animaux farouches, des mâles et des femelles, repandus par la campagne, noirs, livides et tout brulés du soleil, attachés à la terre qu'ils fouillent et qu'ils remuent avec une opiniâtreté invincible; ils ont comme une voix articulée, et quand ils se lèvent sur leurs pieds, ils montrent une face humaine et en effet ils sont des hommes. Ils se retirent la nuit dans des tanières où ils vivent de pain noir, d'eau et de racines: ils épargnent aux autres hommes la peine de semer, de labourer et de recueillir pour vivre, et méritent ainsi de ne pas manger de ce pain qu'ils ont semé. (Les caractères) [1]).—*Авт.*

[1]) т. е.: „Видишь животныхъ дикихъ, самцовъ и самокъ, разсѣянныхъ по полямъ, черныхъ, багровыхъ и совсѣмъ сожженныхъ солнцемъ, привязанныхъ къ землѣ, которую они вскапываютъ и взворачиваютъ съ настойчивостію непреодолимою; звуки ихъ какъ будто членораздѣльные, и когда они поднимаются на ноги, то показываютъ лицо человѣческое, и въ самомъ дѣлѣ это — люди. Ночью они скрываются въ логовища, гдѣ питаются чернымъ хлѣбомъ, водою и кореньями: они избавляютъ другихъ людей отъ труда сѣять, пахать и жать для того, чтобы жить, и тѣмъ не заслуживаютъ себѣ даже возможности ѣсть тотъ хлѣбъ, который они посѣяли („Характеры“).

еще сильнѣе тѣмъ, что она говоритъ безъ негодованія и горечи, а просто разсказываетъ, что̀ видитъ и къ чему привыкла. Судьба французскаго крестьянина не улучшилась въ царствованіе Людовика XV и его преемника...

Прочтите жалобы англійскихъ фабричныхъ работниковъ: волоса встанутъ дыбомъ отъ ужаса. Сколько отвратительныхъ истязаній, непонятныхъ мученій! какое холодное варварство съ одной стороны, съ другой какая страшная бѣдность! Вы думаете, что дѣло идетъ о строеніи фараоновыхъ пирамидъ, о евреяхъ, работающихъ подъ бичами египтянъ. Совсѣмъ нѣтъ: дѣло идетъ о сукнахъ г-на Смита или объ иголкахъ г-на Джаксона. И замѣтьте, что все это есть не злоупотребленіе, не преступленіе, но происходитъ въ строгихъ предѣлахъ закона. Кажется, что нѣтъ въ мірѣ несчастнѣе англійскаго работника; но посмотрите, что дѣлается тамъ при изобрѣтеніи новой машины, избавляющей вдругъ отъ каторжной работы тысячъ пять или шесть народу и лишающей ихъ послѣдняго средства къ пропитанію... У насъ нѣтъ ничего подобнаго. Повинности вообще не тягостны. Подушная платится міромъ, барщина опредѣлена закономъ; оброкъ неразорителенъ (кромѣ какъ въ близости Москвы и Петербурга, гдѣ разнообразіе оборотовъ промышленности усиливаетъ и раздражаетъ корыстолюбіе владѣльцевъ). Помѣщикъ, наложивъ оброкъ, оставляетъ на произволъ своего крестьянина доставать оный, какъ и гдѣ онъ хочетъ. Крестьянинъ промышляетъ, чѣмъ онъ вздумаетъ, и уходитъ иногда за 2,000 верстъ вырабатывать себѣ деньгу... Злоупотребленій вездѣ много; уголовныя дѣла вездѣ ужасны.

Взгляните на русскаго крестьянина: есть ли и тѣнь рабскаго униженія въ его поступи и рѣчи? О его смѣлости и смышлености и говорить нечего. Переимчивость его извѣстна; проворство и ловкость удивительны. Путешественникъ ѣздитъ изъ края въ край по Россіи, не зная ни одного слова по-русски, и вездѣ его понимаютъ, исполняютъ его требованія, заключаютъ съ нимъ условія. Никогда не встрѣтите вы въ нашемъ народѣ того, что французы называютъ un badaud; никогда не замѣтите въ немъ ни грубаго удивленія, ни невѣжественнаго презрѣнія къ чужому. Въ Россіи нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ собственнаго своего жилища. Нищій, уходя скитаться по міру, оставляетъ свою избу. Этого нѣтъ въ чужихъ краяхъ. Имѣть корову вездѣ въ Европѣ есть знакъ роскоши; у насъ не имѣть коровы есть знакъ ужасной бѣдности. Нашъ крестьянинъ опрятенъ по привычкѣ и по правилу: каждую субботу ходитъ онъ въ баню; умывается по нѣскольку разъ въ день... Судьба крестьянина улучшается со дня на день, по мѣрѣ распространенія просвѣщенія. Избави меня Боже быть поборникомъ и проповѣдникомъ рабства; я говорю только, что благосостояніе крестьянъ тѣсно связано съ пользою помѣщиковъ,—и это очевидно для всякаго. Злоупотребленія встрѣчаются вездѣ. Конечно, должны еще произойти великія перемѣны; но не должно торопить времени, и безъ того уже довольно дѣятельнаго. Лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ одного

улучшенія нравовъ, безъ насильственныхъ потрясеній политическихъ, страшныхъ для человѣчества...

Прибавленія:

О русской литературѣ, съ очеркомъ французской.

Наши критики не согласились еще въ ясномъ различіи между родами классическимъ и романтическимъ [1]). Сбивчивымъ понятіемъ о семъ предметѣ обязаны мы французскимъ журналистамъ, которые обыкновенно относятъ къ романтизму все, что имъ кажется ознаменованнымъ печатью мечтательности и германскаго идеологизма, или основаннымъ на предразсудкахъ и преданіяхъ простонародныхъ. Опредѣленіе самое неточное. Стихотвореніе можетъ являть всѣ сіи признаки, а между тѣмъ принадлежать къ роду классическому. Къ сему роду должны отнестись тѣ стихотворенія, коихъ формы извѣстны были грекамъ и римлянамъ, или коихъ образцы они намъ оставили. Слѣдовательно, сюда принадлежатъ: эпопея, поэма дидактическая, трагедія, комедія, ода, сатира, посланіе, ироида, эклога, элегія, эпиграмма и баснь. Если же вмѣсто формы стихотворенія будемъ брать за основаніе только духъ, въ которомъ оно написано, то никогда не выпутаемся изъ опредѣленій. Гимнъ Пиндара духомъ своимъ, конечно, отличается отъ оды Анакреона, сатира Ювенала отъ сатиры Горація, „Освобожденный Іерусалимъ“ отъ „Энеиды“ — всѣ они однакожъ принадлежатъ къ роду классическому. Какіе же роды стихотвореній должно отнести къ поэзіи романтической? Тѣ, которые не были извѣстны древнимъ, и тѣ, въ коихъ прежнія формы измѣнились или замѣнены другими.

Не считаю за нужное говорить о поэзіи грековъ и римлянъ. Каждый образованный европеецъ долженъ имѣть достаточное понятіе о безсмертныхъ созданіяхъ величавой древности. Взглянемъ на происхожденіе и постепенное развитіе поэзіи новыхъ народовъ.

Западная Имперія клонилась къ паденію, а съ нею — науки, словесность и художества. Наконецъ она пала, просвѣщеніе погасло, невѣжество омрачило Европу. Едва спаслась латинская грамота въ пыли книгохранилищъ монастырскихъ; монахи соскобляли съ пергамента стихи Лукреція, Виргилія, и вмѣсто нихъ писали на немъ свои хроники и легенды.

Поэзія проснулась подъ небомъ полуденной Франціи; риѳма, новое украшеніе стиха, съ перваго взгляда столь мало значущее, отозвалась въ романскомъ языкѣ, — имѣла сильное вліяніе на словесность новѣйшихъ народовъ. Побѣжденная трудность всегда приноситъ намъ удовольствіе; любить соотвѣтственность (symmetria), размѣренность — свойственно уху человѣческому; ухо обрадовалось удареніямъ звуковъ. Трубадуры играли риѳмою, изобрѣтали для нея всевозможныя измѣненія стиховъ, придумывали самыя затруднительныя формы; явились тріолетъ, баллада, рондо, сонетъ и пр. Отъ сего произошла необходимая натяжка выраженія, какое-то жеманство, вовсе неизвѣстное древнимъ; мелочное остроуміе замѣнило

[1]) См. выше стр. 10.

чувство, которое не можетъ выражаться въ тріолетахъ. Мы находимъ несчастные сіи слѣды въ величайшихъ геніяхъ новѣйшихъ временъ.

Но умъ не можетъ довольствоваться одними игрушками гармоніи. Воображеніе требуетъ картинъ и разсказовъ; трубадуры обратились къ новымъ источникамъ вдохновенія, воспѣли любовь и войну, оживили народныя преданія; родились лэ [1]), романъ и фабліо.

Темныя понятія о древней трагедіи и церковныя празднества подали поводъ къ сочиненію таинствъ (mystères). Почти всѣ писаны на одинъ образецъ и подходятъ подъ одно условіе; но въ то время не было Аристотеля для установленія непреложныхъ законовъ мистической драматургіи.

Два обстоятельства имѣли рѣшительное дѣйствіе на духъ европейской поэзіи: нашествіе мавровъ и крестовые походы.

Мавры внушили ей изступленіе и нѣжность любви, приверженность къ чудесному, роскошное краснорѣчіе Востока. Рыцари сообщили ей свою набожность и простодушіе, новыя понятія о геройствѣ и вольность нравовъ походныхъ становъ Годфрида и Ричарда.

Таково было смиренное начало романтической поэзіи.

Отрасли романтической поэзіи пышно процвѣли въ Италіи и Гишпаніи. Италія присвоила себѣ эпопею; полу-африканская Гишпанія завладѣла трагедіей и романомъ; Англія противу именъ Данте, Аріоста, Кальдерона съ гордостію выставила имена Спенсера, Мильтона, Шекспира; въ Германіи (что довольно странно) отличилась новая сатира, ѣдкая, шутливая. Во Франціи тогда поэзія все еще младенчествовала. Лучшій стихотворецъ Вильонъ воспѣвалъ въ площадныхъ куплетахъ кабаки и почитался народнымъ поэтомъ. Наслѣдникъ его Маротъ, жившій въ одно время съ Аріостомъ и Камоэнсомъ, rima des triolets, fit fleurir la ballade [2]). Проза имѣла уже сильный перевѣсъ: скептикъ Монтань, циникъ Раблэ были современниками Тассу [a].

Въ Италіи и Гишпаніи народная поэзія уже существовала прежде появленія ея геніевъ. Они пошли по дорогѣ, уже проложенной. Были поэмы прежде Аріостова Orlando, были трагедіи прежде созданій de Vega и Кальдерона. Во Франціи просвѣщеніе застало поэзію въ ребячествѣ, безъ всякаго направленія, безъ всякой силы. Образованные умы вѣка Людовика XIV справедливо презрѣли ея ничтожность и обратились къ древнимъ образцамъ. Буало, человѣкъ, одаренный умомъ рѣзкимъ и здравымъ и мощнымъ талантомъ, обнародовалъ свой коранъ, и французская словесность ему покорилась.

---

[a] Въ другомъ набросеѣ это мѣсто читается такъ: „Разсматривая произведенія французской поэзіи въ теченіе XVI вѣка, нельзя не быть поражену ихъ ничтожествомъ; нѣсколько любовныхъ пѣсенъ отличаются легкостью и нѣжностью, нѣсколько сказокъ — веселостью и простодушіемъ, но вообще напрасно бы стали въ нихъ искать высокаго и сильнаго чувства или яркаго воображенія. Проза имѣетъ уже рѣшительный перевѣсъ: Раблэ, Montaigne, etc“.

---

[1]) Lay—пѣсня у шотладцевъ.

[2]) т. е.: „сочинялъ тріолеты, заставилъ процвѣтать балладу“ (Буало).

P. S. Не должно думать, однакожъ, чтобъ и во Франціи не остались никакіе памятники чистой романтической поэзіи: сказки Лафонтена и Вольтера и Дѣва сего послѣдняго носятъ на себѣ ея клеймо. Не говоря ужъ о многочисленныхъ подражаніяхъ, по большей части посредственныхъ: легче превзойти геніевъ въ забвеніи всѣхъ приличій, нежели въ поэтическомъ достоинствѣ.

*

Люди, одаренные талантами, будучи поражены ничтожностью французскаго стихотворства, думали, что скудость языка была тому виною и стали стараться пересоздать его по образцу древняго греческаго. Образовалась новая школа, коей мнѣнія, цѣль и усилія напоминаютъ школу нашихъ славяно-руссовъ, между коими также были люди съ дарованіями. Но труды Ронсара, Жоделя и Дюбеллэ остались тщетными. Языкъ отказался отъ исправленія, ему чуждаго, и пошелъ опять своею дорогой. Наконецъ пришелъ Малербъ, съ такой строгой справедливостію оцѣненный великимъ критикомъ Буало:

Enfin Malherbe vint et le premier en France [1])
Fit sentir dans les vers une juste cadence... [2]) etc.

Но Малербъ нынѣ забытъ подобно Ронсару. Сіи два таланта истощили силы свои въ боренія съ механизмомъ языка, въ усовершенствованіи стиха. Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся болѣе о наружныхъ формахъ слова, нежели о мысли — истинной жизни его, не зависящей отъ употребленія!

*

Какимъ чудомъ, посреди общаго паденія вкуса, вдругъ явилась толпа истинно великихъ писателей, покрывшихъ такимъ блескомъ конецъ XVII вѣка? Политическая ли щедрость кардинала Ришельё, покровительство ли Людовика XIV — причиною такого феномена, или каждому народу предназначена судьбою эпоха, въ которой созвѣздіе геніевъ вдругъ является, блеститъ и исчезаетъ. Какъ бы то ни было, вслѣдъ за толпой бездарныхъ или несчастныхъ стихотворцевъ, заключающихъ періодъ старинной французской поэзіи, тотчасъ выступаетъ Корнель, Буало, Расинъ, Мольеръ и Лафонтенъ. И владычество ихъ надъ умами просвѣщеннаго міра гораздо легче можетъ объясниться, нежели ихъ неожиданное пришествіе.

Нѣкто у насъ сказалъ, что французская словесность родилась въ передней etc [3]). Это слово было повторено и во французскихъ журналахъ и замѣчено, какъ жалкое мнѣніе (opinion déplorable). Это не мнѣніе, но истина историческая, буквально выраженная: Маротъ былъ камердинеромъ Франциска I-го (valet de chambre), Мольеръ — камердинеромъ Людовика XIV; Буало, Расинъ и Вольтеръ (особенно Вольтеръ), конечно, дошли до гостиной, но все-таки черезъ переднюю. Объ новѣйшихъ поэтахъ говорить нечего: они, конечно, на площади, съ чѣмъ ихъ и поздравляемъ.

Вліяніе, которое французскіе писатели произвели на общество, должно приписать ихъ старанію приноравливаться къ господствующему вкусу, къ мнѣніямъ публики. Замѣчательно, что ни одинъ изъ

[1]) См. выше, стр. 21.
[2]) т. е.: „Далъ почувствовать въ стихахъ правильный размѣръ“ и т. д.
[3]) См. выше, стр. 32.

извѣстныхъ французскихъ поэтовъ не выѣзжалъ изъ Парижа. Вольтеръ, изгнанный изъ столицы тайнымъ указомъ Людовика XV, полу-шутливымъ, полу-важнымъ тономъ совѣтуетъ писателямъ оставаться въ Парижѣ, если дорожатъ они покровительствомъ Аполлона и бога вкуса.

Ни одинъ изъ французскихъ поэтовъ не дерзнулъ быть самобытнымъ, ни одинъ, подобно Мильтону, не отрекся отъ современной славы.

Расинъ перестаѣлъ писать, увидя неуспѣхъ своей Гоѳоліи. Публикѣ (о которой Шамфоръ спрашивалъ такъ забавно: сколько нужно глупцовъ, чтобы составить публику?) — невѣжественная публика была единственною руководительницею и образовательницею писателей. Когда писатели перестали толпиться по переднимъ вельможъ, они (писатели) обратились къ народу, лаская его любимыя мнѣнія или фиглярствуя независимостью и странностями, но съ одною цѣлію: выманить себѣ репутацію или деньги. Въ нихъ нѣтъ и не было безкорыстной любви къ искусству и къ изящному: жалкій народъ!

*

Несмотря на ея видимую ничтожность, Ришелье чувствовалъ важность литературы. Великій человѣкъ, унизившій во Франціи феодализмъ, захотѣлъ также связать и литературу. Писатели, классъ бѣдный и незнатный, были призваны ко двору и задарены, какъ и дворяне. Людовикъ XIV слѣдовалъ системѣ кардинала. Вскорѣ словесность сосредоточилась около его трона. Всѣ писатели получили придворную должность. Корнель, Расинъ тѣшили короля своими трагедіями; Буало воспѣвалъ его побѣды и назначалъ ему писателей, достойныхъ его вниманія; Боссюэтъ и Флешье проповѣдовали слово Божіе въ его придворной капеллѣ; камердинеръ Мольеръ при дворѣ смѣялся надъ придворными. Академія хвастливо первымъ правиломъ своего устава положила хвалу великаго короля. Были исключенія: бѣдный дворянинъ Лафонтенъ, несмотря на господствующую набожность, печаталъ въ Голландіи свои веселыя сказки о монахиняхъ, а сладкорѣчивый епископъ, въ книгѣ, наполненной смѣлою философіею, помѣщалъ язвительную сатиру на прославленное царствованіе; за то Лафонтенъ умеръ безъ пенсіи, а Фенелонъ—въ своей епархіи, отдаленный отъ двора за мистическую ересь. — Отселѣ вѣжливая, тонкая словесность, блестящая, аристократическая, немного жеманная, но тѣмъ самымъ понятная для всѣхъ дворовъ Европы, ибо высшее общество, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей, составляетъ во всей Европѣ одно семейство.

Между тѣмъ духъ изслѣдованія и порицанія начиналъ проявляться во Франціи. Ничто не могло быть противоположнѣе поэзіи, какъ та философія, которой XVIII вѣкъ далъ свое имя. Она была направлена противъ господствующей религіи, вѣчнаго источника поэзіи у всѣхъ народовъ, и любимымъ орудіемъ ея была иронія, холодная и осторожная, и насмѣшка, бѣшеная и площадная. Вольтеръ, великанъ сей эпохи, овладѣлъ и стихами, какъ важной отраслью умственной дѣятельности человѣка. Онъ написалъ Магомета съ намѣреніемъ очернить католицизмъ. Онъ шестьдесятъ лѣтъ наполнялъ театръ трагедіями, въ которыхъ, не заботясь ни о правдоподобіи характеровъ,

ни о законности средствъ, заставилъ онъ свои лица, кстати и некстати, выражать правила своей философіи. Онъ наводнилъ Парижъ перелетными бездѣлками, въ которыхъ философія говорила общепонятнымъ и шутливымъ языкомъ, одною риѳмою и метромъ отличавшимся отъ прозы. И эта личность не владѣла верхомъ поэзіи; наконецъ и онъ однажды, въ своей старости, становится истиннымъ поэтомъ, когда весь его разрушительный геній со всею свободою излился въ циничной поэмѣ, гдѣ всѣ высокія чувства, драгоцѣнныя человѣчеству, были принесены въ жертву демону смѣха и ироніи. Вліяніе Вольтера было неимовѣрно. Около великаго копошились пигмеи, стараясь привлечь его вниманіе. Умы возвышенные слѣдуютъ за нимъ. Задумчивый Руссо провозглашаетъ себя его ученикомъ; пылкій Дидротъ есть самый ревностный изъ его апостоловъ. Англія, въ лицѣ Юма и Гиббона, привѣтствуетъ его. Екатерина вступаетъ съ нимъ въ дружескую переписку; Фридрихъ съ нимъ ссорится и мирится; общество ему покорно. Европа ѣдетъ въ Ферней на поклонъ. Вольтеръ умираетъ, благословивъ внука Франклина и привѣтствуя Новый Свѣтъ словами, дотолѣ неслыханными.

Общество созрѣло для великаго разрушенія. Все еще спокойно, но уже голосъ молодаго Мирабо, подобно отдаленной бурѣ, глухо гремитъ изъ глубины темницъ, по которымъ онъ скитается.

Смерть Вольтера не останавливаетъ потока. Бомарше влечетъ на сцену и терзаетъ все, что еще почитается неприкосновеннымъ. Министры Людовика XVI нисходятъ въ арену спорить съ писателями. Старая академія, созданная Людовикомъ XIV, хохочетъ и рукоплещетъ. Слѣды великаго вѣка (какъ называли французы вѣкъ Людовика XIV) исчезаютъ. Древность осмѣяна, обругана; поэзія истощается, превращается въ мелочныя игрушки остроумія; романъ дѣлается скучною проповѣдью или галлереею соблазнительныхъ картинъ...

Европа, оглушенная очарованная славою французскихъ писателей, преклоняетъ къ нимъ подобострастное вниманіе. Германскіе профессора съ высоты каѳедры провозглашаютъ правила французской критики. Англія слѣдуетъ за Франціей на поприще философіи; поэзія въ отечествѣ Шекспира и Мильтона становится суха и ничтожна, какъ и во Франціи; Ричардсонъ, Фильдингъ и Стернъ поддерживаютъ славу прозаическихъ сочиненій, Италія отрекается отъ Данте; Metastasio подражаетъ Расину.

Обратимся къ Россіи.

Вступленіе.

I. Отчужденіе Россіи отъ Европы.

Долго Россія была совершенно отдѣлена отъ судебъ Европы [a]. Ея широкія равнины поглотили безчисленныя толпы монголовъ и остановили ихъ разрушительное нашествіе. Варвары не осмѣлились оставить у себя въ тылу порабощенную Русь и возвратились въ степи своего Востока. Христіанское просвѣщеніе было спасено истер-

[a] Зачеркнуто: „Она совершила свое предназначеніе. Съ XI вѣка, принявъ христіанство изъ Византіи, она не участвовала въ умственной дѣятельности католическаго міра въ эпоху возрожденія латинской Европы“.

ванной и издыхающей Россіей, а не Польшей, какъ еще недавно утверждали европейскіе журналы; но Европа въ отношеніи Россіи всегда была столь же невѣжественна, какъ и неблагодарна.

Духовенство, пощаженное удивительною смѣтливостью татаръ, одно, въ теченіе двухъ мрачныхъ столѣтій, питало искры блѣдной византійской образованности. Въ безмолвіи келій иноки вели свои безпрерывныя лѣтописи; архіереи въ посланіяхъ своихъ бесѣдовали съ князьями и боярами въ тяжкія времена искушеній и безнадежности. Но духовная жизнь порабощеннаго народа не развивалась. Великая эпоха Возрожденія не имѣла на него никакого вліянія, рыцарство не одушевляло его дѣвственными восторгами, и благодѣтельныя потрясенія крестовыхъ походовъ не отозвались въ краяхъ печальнаго сѣвера. Нашествіе татаръ не было, подобно наводненію мавровъ, плодотворнымъ: татары не принесли намъ ни алгебры, ни поэзіи. Нѣсколько сказокъ и пѣсенъ, безпрестанно поновляемыхъ изустнымъ преданіемъ, сохранили драгоцѣнныя, полуизглаженныя черты народности, и Слово о Полку Игоревѣ возвышается уединеннымъ памятникомъ въ пустынѣ нашей словесности.

II. Ничтожество древнихъ нашихъ памятниковъ.

Боярство домогалось аристократіи. Два великана — Іоаннъ III и Іоаннъ IV. Едва Россія успѣла свергнуть съ себя иго татарское, и уже ей были нужны всѣ возраждающіяся ея силы, дабы противоборствовать Польшѣ. Царская власть ополчилась на боярство; вожди сихъ различныхъ усилій, цари и бояре, согласны были въ одномъ: въ необходимости сблизить Россію съ Европой; отселѣ сношенія Ивана Васильевича съ Англіей, переписка Годунова съ (Даніей), условія, подписанныя польскимъ королевичемъ аристократіи XVII столѣтія, посольства Алексѣя Михайловича (во Францію, къ Людовику XIV). Наконецъ—крутой и кровавый переворотъ, произведенный мощнымъ самодержавіемъ Петра.

Россія вошла въ Европу, какъ спущенный корабль, при стукѣ топора и при громѣ пушекъ. Предпринятыя Петромъ войны были благодѣтельны и плодотворны какъ для Россіи, такъ и для человѣчества. Успѣхъ петровскаго преобразованія былъ слѣдствіемъ полтавской битвы, и европейское просвѣщеніе причалило къ берегамъ завоеванной Невы.

Петръ не успѣлъ довершить начатое имъ. Онъ умеръ въ полную пору мужества, во всей силѣ своей творческой дѣятельности, еще только въ полъ-ножны вложивъ побѣдительный свой мечъ. Онъ умеръ, но движеніе, переданное мощною его рукою, долго продолжалось въ огромныхъ составахъ государства. Даже мѣры революціонныя, предпринятыя имъ по необходимости въ минуту (борьбы) и которыя потомъ не успѣлъ онъ отмѣнить, надолго еще возымѣли силу закона. Напримѣръ: дворянство, даруемое порядкомъ службы, мимо верховной власти; преимущества, данныя чиновникамъ (замѣчательный неуспѣхъ).

Петръ Великій бросилъ на словесность взоръ разсѣянный, но проницательный. Онъ возвысилъ Ѳеофана, ободрилъ Копіевича [1]), на-

[1]) См. т. IV. стр. 26 (Б).

казалъ Татищева за его легкомысліе, угадалъ Тредьяковскому, вѣчному труженику, печальную его участь, безсиліе и трудолюбіе.

III. Просвѣщеніе Россіи.

Этотъ черновой набросокъ долженъ былъ въ отдѣленномъ видѣ, по первоначальному плану Пушкина, составлять часть главы о Ломоносовѣ въ статьѣ „Мысли на дорогѣ". Пушкинъ не разъ возвращался къ плану этой статьи, которая, видимо, очень его занимала. Въ рукописяхъ остались относящіяся сюда двѣ программы:

I. „Лѣтописи, сказки, пѣсни, пословицы, посланія царскія, пѣснь о Полку: Побоище Мамаево; царствованіе Петра, царствованіе Елизаветы,—Екатерины.—Александра; вліяніе французской поэзіи".

II. „Отчего первыя стихотворенія были сатиры?" Ихъ успѣхъ etc. Отчего сатира существовала еще при Екатеринѣ, а нынѣ совсѣмъ уже не существуетъ?

Петръ создалъ войско, флотъ, науки, законы, но не могъ создать словесности, которая рождается сама собою,—отъ своихъ собственныхъ началъ. Поколѣніе преобразованное презрѣло безграмотную, изустную народную словесность, и кн. Кантемиръ, одинъ изъ воспитанниковъ Петра, въ путеводители себѣ избралъ Буало".

Крутой переворотъ, произведенный мощнымъ самодержавіемъ Петра, ниспровергнулъ все старое, и европейское вліяніе разлилось по всей Россіи. Голландія и Англія образовали наши флоты, Пруссія — наши войска. Лейбницъ начерталъ планъ гражданскихъ учрежденій.

*

Но сѣмена просвѣщенія были посѣяны. Петръ первый былъ нетерпѣливъ: ставъ главою новыхъ идей, онъ, можетъ быть, далъ слишкомъ крутой оборотъ огромнымъ колесамъ государства.

Въ общемъ презрѣніи ко всему народному включена и народная поэзія, столь живо проявившаяся въ грустныхъ народныхъ пѣсняхъ, въ сказкахъ и въ лѣтописяхъ.

Новая словесность — отголосокъ новообразованнаго общества. Сынъ молдавскаго господаря, юноша, обрусѣвшій въ походахъ Петровыхъ, въ Парижѣ перекладывалъ стихи Горація и писалъ сатиры по образцу, данному придворнымъ поэтомъ Людовика XIV, между тѣмъ какъ сынъ холмогорскаго рыбака скитался по германскимъ университетамъ, вслушивался въ уроки Готшеда и передавалъ звучному русскому языку отголоски нѣмецкой поэзіи.

Наслѣдники Великаго пошли суевѣрно по его слѣдамъ. Но интриги Меншикова, пронырство Долгорукихъ, тайный заговоръ стариннаго боярства, наконецъ притѣсненнаго мощною рукою Бирона, слишкомъ занимали русское дворянство. Наконецъ, воцарилась Елизавета. При ней рождается русская словесность.

Но, приступая къ описанію словесности русской, мы должны будемъ изслѣдовать и ту словесность иноземную, которая имѣла на нее долгое, рѣшительное вліяніе.

*

Приступая къ изученію нашей словесности, мы хотѣли бы обратиться назадъ и взглянуть съ любопытствомъ и благоговѣніемъ на ея старинные памятники, сравнить ихъ съ этою бездной поэмъ, романсовъ ироическихъ, и любовныхъ, и простодушныхъ, и сатирическихъ, коими наводнены европейскія литературы среднихъ вѣковъ. Въ сихъ первоначальныхъ играхъ творческаго духа намъ пріятно было бы наблюдать исторію нашего народа, сравнить вліяніе завоеванія скандинавскаго съ завоеваніемъ мавровъ. Мы бы увидѣли разницу между простодушною сатирою французскаго трувѣра и лукавой насмѣшливостію скомороха, между площадной, полудуховной мистеріей и затѣями нашей старой комедіи. Но, къ сожалѣнію, старой словесности у насъ не существуетъ [1]), за нами степь—и на ней возвышается единственный памятникъ: „Пѣснь о Полку Игоревѣ“.

*

Кантемиръ. Ломоносовъ. Тредьяковскій. Вліяніе Кантемира уничтожается Ломоносовымъ. Вліяніе Тредьяковскаго уничтожается его бездарностью. Постоянное бореніе Тредьяковскаго. Онъ побѣжденъ. Сумароковъ. Екатерина (Вольтеръ). Фонъ-Визинъ, Державинъ.

Начало русской словесности; Кантемиръ въ Парижѣ обдумываетъ свои сатиры, переводитъ Горація, умираетъ 28-ми лѣтъ. Ломоносовъ, плѣненный гармоніею риѳмы, пишетъ въ первой своей молодости оду, исполненную живости etc., и обращается къ точнымъ наукамъ, degoûté славою Сумарокова. Сумароковъ въ сіе время. Тредьяковскій—одинъ, понимающій свое дѣло...

Ничтожество общее. Французская обмельчавшая словесность envahit tout. Знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи, но бездарные писаки, грибы, выросшіе у корней дубовъ: Доратъ, Флоріанъ, Мармонтель, Гишаръ, M-me Жанлисъ овладѣваютъ русской словесностію...

49.

Замѣчанія на пѣснь о полку Игоревѣ.

(1834).

Г. Анненковъ (1855) предполагаетъ, что эти замѣчанія написаны по поводу переложенія „Слова“ Вельтманомъ, вышедшаго въ 1833 году, и что только приписка въ концѣ вызвана статьею „Библ. для Чтенія“ (1834, т. IV), въ которой подлинность Слова подвергалась сильному сомнѣнію. Первое предположеніе основано на томъ, что въ замѣчаніяхъ приводятся мнѣнія Вельтмана. А. Н. Майковъ въ своей статьѣ о Словѣ (Заря, 1870, № 1, стр. 105—106) говоритъ: „Сказывалъ мнѣ очевидецъ, тогдашній студентъ, что когда Каченовскій читалъ лекцію о Словѣ, графъ Уваровъ привелъ на лекцію Пушкина. „Вотъ, господа“, сказалъ Уваровъ студентамъ, указывая на Каченовскаго, — „вотъ передъ вами наука, а вотъ (указывая на Пушкина) само искусство!“ Каченовскій сталъ чи-

---

[1]) Въ тридцатыхъ годахъ изслѣдованіе памятниковъ древней руской литературы было весьма незначительно.

гать лекцію о Словѣ и уничтожать его. Пушкинъ, давно лелѣявшій мысль передать пѣснь объ Игорѣ своими стихами, не выдержалъ и пустился защищать. Но защита, должно быть, была слаба". Это-то обстоятельство, по мнѣнію г. Морозова (1887), и вызвало Пушкина на замѣчанія.

Какого рода были возраженія Каченовскаго на подлинность Слова, можно судить по выдержкамъ изъ его лекцій, сдѣланнымъ Бѣликовымъ въ „Уч. Зап. Имп. Моск. Унив. (V, 457):

„Хощу копіе приломити—съ вами"—фраза рыцарская! Rompre une lance avec и также pour quelqu'un. Смотри словари. Странная встрѣча"!

„Чили—или. Но это есть такое польское словцо, котораго употребленія невозможно приписывать тому времени. Какимъ былъ польскій языкъ XIV столѣтія—никто не знаетъ".

„Велесовъ внуче". Изъ св. Власія, покровителя скотовъ, невѣжды сдѣлали небывалаго бога волоса, иначе велеса; въ такомъ же заблужденіи былъ и нашъ авторъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что въ Новгородѣ была Волосова улица (И. Г. Р., т. IV, пр. 337). Гражданинъ Волосъ, т. е. Власъ былъ убитъ на вѣчѣ 1230 г. (Новг. лѣт., стр. 115). Была и церковь св. Власія или Волоса. Странно, что въ Новг. находилась и улица Бояня (лѣт. Новг. 177)! Авторъ частехонько бредитъ именами лицъ и урочищъ сѣверныхъ"!!

„Буй туръ Всеволодъ". Туръ—дикій баранъ горъ Кавказскихъ; оттуда: турій рогъ (Приб. къ инв. 1833, № 62, стр. 493). Изобрѣтатель пѣсни Игоревой, въ общемъ со всѣми заблужденіи, почитаетъ за вола.

„Драгыя оксамиты". Оксамитъ (слово польское, но происхожденія греческаго)—бархатъ и притомъ изъ шелку, ибо дорогыя оксамиты. Но въ XII или XIII столѣтіяхъ шелкъ былъ веществомъ еще весьма рѣдкимъ даже между греками. Шелководствомъ начали заниматься въ Венеціи только съ 1309 г., въ Неаполѣ 1456; во Франціи шелковыя фабрики появляются около 1470 года (Бека Всеобщ. ист. IV, 858)".

„Свычая и обычая". Слова, употребительныя въ польскомъ языкѣ, въ видѣ поговорки, какъ напримѣръ въ нѣмецкомъ: handeln und wandeln и проч. Это пахнетъ чѣмъ-то новымъ; ибо польскій яз. XII и XIII столѣтій никому неизвѣстенъ".

„Давеча"—украдено изъ великороссійскаго простонарѣчія новѣйшаго; ибо въ книгахъ его не находимъ".

„Упоминаемыя въ пѣсни ногаты суть принадлежность сѣвера, а не юга.

„Наконецъ еще должно замѣтить, что нѣкоторыя необыкновенныя формы глаголовъ заимствованы изъ Новгородской лѣтописи; на стр. 65 найдете: учашеть, бяшеть" и т. д.

Пѣснь о Полку Игоровѣ найдена была въ библіотекѣ графа А. Ив. Мусина-Пушкина и издана въ 1800 году. Рукопись сгорѣла въ 1812 году. Знатоки, видѣвшіе ее, сказываютъ, что почеркъ ея былъ полууставъ XV вѣка. Первые издатели приложили къ ней переводъ, вообще удовлетворительный, хотя нѣкоторыя мѣста остались темны или вовсе невразумительны. Многіе послѣ того силились ихъ объяснить. Но хотя въ изысканіяхъ таковаго рода, послѣдніе бываютъ первыми (ибо ошибки и открытія предшественниковъ открываютъ и очищаютъ дорогу послѣдователямъ), первый переводъ, въ которомъ участвовали люди истинно ученые, все еще остается лучшимъ. Про-

чіе толкователи наперерывъ затмѣвали неясныя выраженія своевольными поправками и догадками, ни на чемъ не основанными. Объясненіями важнѣйшими обязаны мы Карамзину, который въ своей исторіи, мимоходомъ разрѣшилъ нѣкоторыя загадочныя мѣста.

Нѣкоторые писатели усомнились въ подлинности древняго памятника нашей поэзіи и возбудили жаркія возраженія. Счастливая подделка можетъ ввести въ заблужденіе людей незнающихъ, но не можетъ укрыться отъ взоровъ истиннаго знатока. Вальполь не вдался въ обманъ, когда Чаттертонъ прислалъ ему стихотворенія стараго монаха Rowley; Джонсонъ тотчасъ уличилъ Макферсона [1]). Но ни Карамзинъ, ни Ермолаевъ, ни А. Х. Востоковъ никогда не сомнѣвались въ подлинности пѣсни о Полку Игоревѣ. Великій скептикъ Шлецеръ, не видѣвъ еще Слова о Полку Игоревѣ, рѣзко назвалъ оное подлогомъ, но прочитавъ, призналъ подлинно древнее происхожденіе, и не почелъ даже за нужное приводить тому доказательства: такъ очевидна казалась ему истина!

§ 1. *Слово о Пълку Игоревѣ, сына Святъславля, внука Ольгова.*

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе,
Начати старыми словесы
Трудныхъ повѣстей о пълку
Игоревѣ, Игоря Святъславлича!
Начати же ся тъй пѣсни
По былинамъ сего времени,
А не по замышленію Бояню.

§ 1-й. Всѣ, занимавшіеся толкованіемъ Слова о Полку Игоревѣ, перевели: „не прилично *ли* будетъ намъ, не лучше *ли* намъ, не пристойно *ли* бы намъ, не славно *ли*, други, братья, братцы — воспѣть древнимъ складомъ, старымъ слогомъ, древнимъ языкомъ трудную, печальную пѣснь о Полку Игоревѣ, Игоря Святославлича [2])?“ Но въ древнемъ славянскомъ языкѣ частица *ли* не всегда даетъ смыслъ вопросительный, подобно Латинскому ne. Иногда *ли* значитъ: *только*, иногда *бы*, иногда *же*; донынѣ въ сербскомъ языкѣ сохраняетъ она сіи знаменованія. Въ русскомъ частица *ли* есть или союзъ раздѣлительный, или вопросительный, если управляетъ ею отрицательное *не*. Въ пѣсняхъ она иногда никакого смысла не имѣетъ, и вставляется для мѣры, также какъ и частицы: *и, что, а какъ ужъ, ужъ какъ* (замѣчанія Тредьяковскаго).

Въ другомъ мѣстѣ Слова о Полку Игоревѣ *ли* постановлено такъ же, но всѣ переводчики рѣшили, что это есть ошибка переписчика и перевели не во-

---

[1]) Издателя поэмъ, приписанныхъ имъ Оссіану.

[2]) Въ такомъ смыслѣ переложили начальные стихи Слова — Пожарскій, Грамматинъ и г. Вельтманъ, а первое изданіе графа Мусина-Пушкина и Шишковъ перевели: „Пріятно намъ, братцы, начать“ и „Возвѣстимъ, братіе,... тѣмъ слогомъ и проч.“ (Анн.).

просомъ, а утвердительно [3]). То же надлежало бы сдѣлать и здѣсь.

Во-первыхъ разсмотримъ смыслъ рѣчи. По мнѣнію переводчиковъ, поэтъ говоритъ: „Не воспѣть ли намъ объ Игорѣ по старому? начнемъ же пѣть по былинамъ сего времени *(т. е. по новому)*, а не по замышленію Бояню *(т. е. не по старому)*“. Явное противорѣчіе [3]). Если же признаемъ, что частица *ли* смысла вопросительнаго не даетъ, то выйдетъ: „Не прилично, братья, начать стариннымъ слогомъ печальную пѣснь объ Игорѣ Святославичѣ. Начаться же пѣсни по былинамъ сего времени, а не по вымысламъ Бояна“.

Стихотворцы никогда не любили упрека въ подражаніи, и неизвѣстный творецъ Слова о полку Игоревѣ не преминулъ объявить въ началѣ своей поэмы, что онъ будетъ пѣть по-своему, а не тащиться по слѣдамъ стараго Бояна. Глаголъ *бяшетъ* подтверждаетъ замѣчаніе мое: онъ употребленъ въ прошедшемъ времени (съ неправильностію въ склоненіи, коему примѣры встрѣчаются въ лѣтописяхъ), и предполагаетъ кондиціональную частицу *бы*. „Не прилично было *бы*“. Вопросъ же требовалъ бы настоящаго или будущаго.

§ 2. *Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орлóмъ подъ облакы.*

§ 2. Не рѣшу, упрекаютъ ли здѣсь Бояна или хвалятъ, но, во всякомъ случаѣ, поэтъ приводитъ сіе мѣсто въ примѣръ того, *какимъ образомъ слагали пѣсни въ старину*. Здѣсь полагаю описку, или даже поправку, впрочемъ незначительную: „растѣкашется мыслію по древу“... тутъ пропущено *славіемъ*, которое довершаетъ уподобленіе. Г. Вельтманъ перевелъ это мѣсто: „былое воспѣть, а не вымыслъ Бояна, коего мысли текли въ вышину, такъ какъ соки по древу [4])“. Удивительно!

---

[3]) Къ этому мѣсту должна относиться слѣдующая выноска, сдѣланная А. С. Пушкинымъ: „Очень понимаемъ, почему А. С. Шишковъ не отступилъ отъ того же мнѣнія. Сочинителю „Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ“ было бы непріятно видѣть, что и во времена сочинителя Слова о Полку Игоревѣ предпочитали былины своего времени—старымъ словесамъ“ (Анн.).

[4]) Пѣснь Ополченію Игоря, переведенная Александромъ Вельтманомъ, Москва. 1833. стр. 3.

§ 3. *Помняшеть бо речь първыхъ временъ усобіць, тогда пущашеть і҃ соколовь на стадо лебедьй, который дотечаше, та преди пѣсь пояше: старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарьза Редедю предъ пълки Косожьскыми, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не і҃ соколовь на стадо лебедьй пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами Княземъ славу рокотаху.*

§ 3-й. Ни одинъ изъ толкователей не перевелъ сего мѣста удовлетворительно. Дѣло здѣсь идетъ о Боянѣ; все это продолженіе прежней мысли: „Помная преданія о прежнихъ браняхъ (усобица значитъ ополченіе, брань, а не междоусобіе, какъ перевели нѣкоторые [5]). Между-усобіе есть уже слово составленное), напускалъ онъ и проч.“. Поэтъ изъясняетъ иносказательный языкъ Соловья стараго времени, и изъясненіе столь же великолѣпно, какъ и блестящая аллегорія, приведенная имъ въ примѣръ: 10 соколовъ, напущенныхъ на стадо лебедей, значили 10 пальцевъ, возложенныхъ на струны. Толкованіе Ал. Сем. любопытно (томъ 7, стр. 43). „И такъ надлежитъ паче думать“ etc. [6]) *Г. Пожарскій* съ симъ мнѣніемъ не согласуется. Ему кажется неприличнымъ для русскихъ князей *доказывать первенство свое, кровію пріобрѣтенное, полетомъ соколовъ*. Онъ полагаетъ, что не князья, а стихотворцы напускали соколовъ, а причина такого древняго обряда, думаетъ онъ, была *скромность* стихотворцевъ, не хотѣвшихъ выставлять себя передъ товарищами [7]). А. С. Шишковъ въ свою очередь видитъ въ мнѣніи Я. Пожарскаго *крайнюю неосновательность и несчастное самолюбіе* (томъ

---

5) „Междоусобіемъ“—переведено у А. Вельтмана (ibid.).

6) Ссылка на собраніе сочиненій и переводовъ А. С. Шишкова. Вотъ это мѣсто вполнѣ: „Итакъ надлежитъ паче думать, что въ древнія времена соколиная охота служила не къ одному удовольствію, но также и къ нѣкоторому прославленію героевъ, или къ рѣшенію спора, кому изъ нихъ отдать преимущество. — Можетъ быть, отличившіеся въ сраженіяхъ военачальники или князья, состязавшіеся въ славѣ, выѣзжали на поле, каждый съ соколомъ своимъ и пускали ихъ на стадо лебединое съ тѣмъ, что чей соколъ удалѣе и скорѣе долетитъ, тому прежде и приносить общее поздравленіе въ одержаніи преимущества предъ прочими“.

7) Яковъ Пожарскій въ примѣчаніяхъ своихъ къ Слову, изданному имъ въ 1819 году, стр. 31—32. Вотъ его слова вполнѣ: „Согласно ли съ истиною, чтобы древніе россійскіе князья, изъ коихъ одинъ менѣе, другой болѣе оказалъ геройства въ военныхъ подвигахъ и тѣмъ заслужилъ преимущество на полѣ брани, могли еще первенство свое, кровію пріобрѣтенное, доказывать полетомъ соколовъ; ибо въ подобныхъ обстоятельствахъ русскому князю для пріобрѣтенія славы и первенства надъ прочими не настояло бы надобности подвергать себя опасности въ сраженіяхъ и стараться бы только имѣть удалаго сокола?... Какъ по сему разсужденію, такъ и по словамъ подлинника, не князья, но стихотворцы пускали соколовъ, что доказывается послѣдующею рѣчью.... Причиною таковаго древняго

II, стр. 388) [8]. Къ крайнему сожалѣнію, г. Пожарскій не возразилъ [9].

a) *„Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря“*. Здѣсь опредѣляется эпоха, въ которую написано Слово о Полку Игоревѣ.

b) *„Иже истягну умъ крѣпостію своею“*. Истягнулъ — вытянулъ, натянулъ, извѣдалъ, попробовалъ (Пожарскій: препоясалъ умъ крѣпостію; первые толкователи: напрягши умъ крѣпостію своею). *Натянулъ какъ лукъ, изострилъ какъ мечъ* — метафоры, заимствованныя изъ одного источника.

c) *Наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луце-жъ бы потяту быти, неже полонену быти“*. Лучше быть убиту, нежели полонену. Въ русскомъ языкѣ сохранилось одно слово, гдѣ *ли* послѣ *не*, не имѣетъ силы вопросительной: *нежели*. Слово *неже* употреблялось во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и встрѣчается и въ Словѣ о Полку Игоревѣ.

d) *„Спала Князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону Великаго“*. Слова запутаны [10]. Первые издатели перевели: „пришло князю на мысль пренебречь (худое) предвѣщаніе и извѣдать (счастія на) Дону великомъ“. *„Заступить“* имѣетъ нѣсколько значеній—омрачить, *lumen impedio*, помѣшать, удержать. „Спали Князю въ умъ — желаніе и печаль. Ему знаменіе мѣшало, запрещало искусити Дону великаго. Такъ хочу же, сказалъ...“ *Хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецкаго съ вами Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону“*.

e) *„О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа пълкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы,*

обряда была, можетъ быть, скромность стихотворцевъ, не хотѣвшихъ выставлять себя передъ товарищами“.

[8]) Другая ссылка на собраніи сочиненій и переводовъ А. С. Шишкова. Опроверженіе А. С. Шишкова: „Простительно любить свое дитя, хотя бы и дурное, лучше другихъ дѣтей, но находить ихъ уродами предъ нимъ, есть крайнее ослѣпленіе. Можно оспаривать мысль другаго и утверждать свою; но видѣть нелѣпымъ образомъ нелѣпицу въ другомъ, есть крайняя неосновательность и несчастное самолюбіе.... Положимъ, что прежній ошибся, но сей послѣдній лучше ли растолковалъ? Какая нужда стихотворцамъ (и еще мнимымъ, ибо ихъ нѣтъ въ подлинникѣ) спорить между собою и пускать соколовъ, кому изъ нихъ первому пѣть? Кромѣ того, что соколиная охота всегда была царская, а не стихотворческая, можно ли себѣ представить, чтобъ Ломоносовъ сталъ кидать жребій съ Тредьяковскимъ, кому изъ нихъ пѣть Елисавету. Предположеніе, ни мало неудовлетворительное, и ежели первый толкователь не заслуживаетъ вѣроятія, то и второй тоже: надобно третьяго“.

[9]) Все это мѣсто есть тонкая иронія надъ спорами двухъ ученыхъ, которую Пушкинъ еще яснѣе выразилъ зачеркнутой фразой: „Всѣ сіи толкованія крайне любопытны“. По толкованію самого Пушкина смыслъ спорныхъ стиховъ Пѣсни долженъ быть слѣдующій: „Боянъ начиналъ тѣмъ, что напускалъ десять соколовъ на стадо лебедей, а это у него значило, братіе, что онъ десять пальцевъ на живыя струны возлагалъ....“ и проч. Послѣ этого мѣста въ рукописи Пушкина являются однѣ бѣглыя и часто недописанныя замѣтки, которыя здѣсь собираемъ со тщаніемъ и въ томъ порядкѣ, какъ нашли (Анн.).

[10]) Въ рукописи зачеркнуты слова: *„смыслъ ясенъ“*.

свива славы оба полы сего времени", т. е. „сплетая хвалы на всѣ стороны сего времени". Если не ошибаюсь, иронія пробивается сквозь пышную хвалу.

f) ***Рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы***".

(„Четыре раза" говорятъ первые издатели... 5 стр. изд. Шишкова) [11]). Прочіе толкователи не послѣдовали скромному примѣру. Они не хотѣли оставить безъ рѣшенія то, чего не понимали.

Черезъ всю Бессарабію проходитъ рядъ кургановъ, памятникъ римскихъ укрѣпленій, извѣстный подъ названіемъ ***Троянова вала***. Вотъ куда обратились толкователи и утвердили, что неизвѣстный Троянъ, о коемъ 4 раза упоминаетъ Слово о Полку Игоревѣ, есть не кто иной, какъ римскій императоръ. Должно ли не шутя опровергать такое легкомысленное объясненіе? Но и тропа Троянова можетъ ли быть принята за Трояновъ валъ, когда нѣсколько ниже опредѣляется: „*вступилъ дѣвою на землю Трояню.... на синѣмъ морѣ, у Дону*" (стр. 14, изд. Шишкова). Гдѣ же тутъ Бессарабія? „Слѣды Трояна...." говоритъ Вельтманъ [12]). Почему же?

g) „***Пѣти было пѣсь Игореви, того (Олги) внуку. Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая***", *etc*. Поэтъ повторяетъ опять изображенія Бояновы и, обращаясь къ Бояну, вопрошаетъ: „или не такъ ли пѣть было, вѣщій Бояне, Велесовъ внуче: ***Комони ржуть за Сулою; звенитъ слава въ Кыевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ, стоятъ стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода***".

Теперь поэтъ говоритъ самъ отъ себя — не по вымыслу Бояню, а по былинамъ сего времени. Должно признаться, что это живое и быстрое описаніе стоитъ иносказаній Соловья стараго времени!

h) „***И рече ему Буй-Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты Игорю, оба есвѣ Святъславлича: сѣдлай, брате, свои***

---

[11]) Эта фраза въ скобкахъ есть памятная замѣтка автора о томъ, что первые издатели Слова сосчитали, что имя Трояна упоминается тамъ 4 раза, но объясненія стиху: „рища въ тропу Трояню"—не приложили. Вотъ подлинныя слова ихъ изъ примѣчанія: „Четыре раза упоминается въ сей пѣсни о Троянѣ, т. е. тропа Трояна, вѣчи Трояни, земля Трояня и седьмый вѣкъ Трояновъ: но кто сей Троянъ — догадаться ни почему невозможно". (см. Ироическая пѣснь о походѣ на Половцевъ и проч. 1800 г. стр. 6). Г. Пожарскій въ 1819 году проходитъ молчаніемъ загадочнаго Трояна (Анн.).

[12]) Вотъ это мѣсто изъ примѣчаній А. Ѳ. Вельтмана, приложенныхъ имъ къ своей Пѣсни ополченію: „Слѣды Трояна въ Дакіи, видимые по сіе время, должны были быть извѣстны потомкамъ дунайскихъ славянъ. Прим. 3-е". Пушкинъ искалъ объясненія темному мѣсту Пѣсни весьма усердно. Онъ обращался много разъ къ нашимъ ученымъ, предлагая имъ свои догадки и вызывая на разысканія. Такъ еще въ 1836 г. онъ говорилъ объ этомъ предметѣ съ П. И. Кеппеномъ. Въ бумагахъ его сохранилась слѣдующая записка академика: „Свидѣтельствуя отличное свое почтеніе Его Высокоблагородію Алекс. Сер—чу, Кеппенъ имѣетъ честь препроводить при семъ копію со статьи, доставленной къ нему о Троянѣ, о коей было говорено въ Императорской Публичной библіотекѣ. Павловскъ. 17 іюня 1836". На оборотѣ записки изложено по-нѣмецки мнѣніе г. профессора Кучарскаго (Kucharski) о спорномъ Троянѣ. Профессоръ предлагаетъ его считать не римскимъ императоромъ, а константинопольскимъ полководцемъ Трояномъ, который въ царствованіе Валентіана сражался на низовьяхъ Дуная съ славянами и былъ ими побитъ въ 376 году по Р. Х. Отселѣ возможность предполагать, что нѣкоторое время славяне отъ этого счастливаго событія вели лѣтосчисленіе свое и часто упоминали

бръзыи комони, а мои ти готови" [13]). Готовы значитъ здѣсь: извѣстны; значеніе сіе сохранилось въ иллирійскомъ славянскомъ нарѣчіи. Ниже мы увидимъ, что половцы бѣгутъ ***неготовыми*** (неизвѣстными) дорогами. Если же неготовыми значило бы „***немощеными***", то что же значило: *готовые кони осѣдлани у Курска на переди?*

i) *А мои ти Куряни свѣдоми.* „Сіе повтореніе того же понятія другими выраженіями подтверждаетъ предъидущія мои показанія. Это одна изъ древнѣйшихъ формъ поэзіи. Смотри Священное Писаніе" [14]).

k) ***Кмети подъ трубами повити.*** „Г. Вельтманъ"... „кметь" значитъ вообще крестьянинъ, мужикъ: Kar gospóda stori krivo, kmeti mórjo plázhat shivo" [15]).

*

Другаго доказательства нѣтъ, какъ слова самого стихотворца,. Подлинность же самой Пѣсни доказывается духомъ древности, подъ который невозможно поддѣлаться. Кто изъ нашихъ писателей въ 18 вѣкѣ могъ имѣть на то довольно таланта? Карамзинъ? Но Карамзинъ не поэтъ. Державинъ? Но Державинъ не зналъ и русскаго языка, не только языка Пѣсни о Полку Игоревѣ. Прочіе не имѣли всѣ вмѣстѣ столько поэзіи, сколько находится оной въ планѣ ея, въ описаніи битвы и бѣгства. Кому пришло бы въ голову взять въ предметъ Пѣсни темный походъ неизвѣстнаго князя? Кто съ такимъ искусствомъ могъ затмить нѣкоторыя мѣста изъ своей Пѣсни словами, открытыми въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ, или отысканными въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, гдѣ еще сохранились они во всей свѣжести употребленія? Это предполагало бы знаніе всѣхъ нарѣчій славянскихъ. Положимъ, онъ ими бы и обладалъ — неужто таковая смѣсь естественная? Гомеръ, если и существовалъ, искаженъ рапсодами.

Ломоносовъ жилъ не въ XII столѣтіи. Ломоносовскія оды писаны на русскомъ языкѣ съ примѣсью нѣкоторыхъ выраженій, взятыхъ имъ изъ Библіи, которая лежала передъ нимъ...

объ немъ въ своихъ пѣсняхъ. Такимъ образомъ, если принимать полководца Трояна, а не императора Трояна, то и мѣсто Пѣсни, гдѣ говорится о Всеславѣ, поскакавшемъ къ Кіеву и отворившемъ врата Новгорода — *на седьмомъ вѣцѣ Трояни* — будетъ сходно съ хронологіей. Всеславъ завладѣлъ Новгородомъ въ 1067 году, на седьмомъ вѣкѣ, послѣ пораженія Трояна - полководца. Таково въ сокращеніи мнѣніе г. профессора. Онъ старается пояснить также мѣсто Пѣсни, гдѣ говорится: „звоня русскимъ златомъ (готскія дѣвы), поютъ *время Бусово*. „У славянъ-антовъ, Іорданъ упоминаетъ около 373 года о королѣ ихъ *Боксѣ*, убитомъ въ сраженіи. Не одно ли это лицо?" (Анн.).

[13]) У А. Ѳ. Вельтмана переведено: „Мои.... готовы" (Пѣснь Ополченію стр. 7), а также и у Я. Пожарскаго стихъ „*А половцы неготовами дорогами побѣгоша*"—переведенъ: „Половцы же неготовыми дорогами побѣжали къ Дону". Это чтеніе пѣсни и породило вопросъ Пушкина: что же значитъ „готовые кони осѣдланы у Курска?" (Анн.).

[14]) „Готови" и „свѣдоми"—по толкованію Пушкина—синонимы. (Анн).

[15]) Я. Пожарскій и первые издатели, соединивъ два стиха: А мои ти Куряне свѣдоми *къ мети* — переводили: „А мои Курчане искусны въ цѣль стрѣлять". А. Ѳ. Вельтманъ—*кметь* перевелъ старостой, и вотъ его слова, на которыя ссылается Пушкинъ: „Кметь—значитъ частный начальникъ, староста. Въ Сербіи по сіе время есть кметы: *у свакомъ селу имаіу по два, по три кмета....*" (Примѣчаніе 7-е къ пѣсни Ополченію). Пушкинъ *кметь* передаетъ крестьяниномъ.

50.

Лордъ Байронъ.

(1835).

По мнѣнію Анненкова, это одна изъ замѣтокъ, набросанныхъ Пушкинымъ при чтеніи книгъ.

Родъ Байроновъ, одинъ изъ самыхъ старинныхъ въ англійской аристократіи, младшей между европейскими, произошелъ отъ нормандца Ральфа дю-Бюронъ (или Бирона), одного изъ сподвижниковъ Вильгельма-Завоевателя. Имя Байроновъ съ честію упоминается въ англійскихъ лѣтописяхъ. Лордство дано ихъ фамиліи въ 1643. Говорятъ, что Байронъ своею родословною дорожилъ болѣе, нежели своими твореніями. Чувство весьма понятное! Блескъ его предковъ и почести, которыя наслѣдовалъ онъ отъ нихъ, возвышали поэта; напротивъ того, слава, имъ самимъ пріобрѣтенная, принесла ему мелочныя оскорбленія, часто унижавшія благороднаго лорда, предавая имя его на произволъ молвѣ, ко всему равнодушной и ничего не уважающей.

Капитанъ Байронъ, сынъ знаменитаго адмирала и отецъ великаго поэта, навлекъ на себя соблазнительную славу. Онъ увезъ супругу лорда Cormorthen и женился на ней тотчасъ послѣ ея развода. Вскорѣ потомъ она умерла, въ 1784 году, оставя ему одну дочь. На другой годъ разсчетливый вдовецъ, для поправленія своего разстроеннаго состоянія, женился на миссъ Gordon, единственной дочери и наслѣдницѣ Георгія Gordon, владѣльца гайфскаго. Бракъ сей былъ несчастливъ: 23,500 фунт. стерл. (587,500 руб.) были расточены въ два года—и mistress Байронъ осталась при 150 ф. стерл. годоваго дохода. Въ 1786 году мужъ и жена отправились во Францію и возвратились въ Лондонъ въ концѣ 1787 г.

Въ слѣдующемъ году, 22-го января, леди Байронъ родила единственнаго своего сына, Георгія Гордона Байрона. (Вслѣдствіе распоряженій фамильныхъ, наслѣдница гайфская должна была сыну своему передать имя Гордона). Новорожденнаго крестили герцогъ Гордонъ и полковникъ Дофъ. При его рожденіи повредили ему ногу, и л. Байронъ полагалъ тому причиною стыдливость или упрямство своей матери.

Въ 1790 году, леди Байронъ удалилась въ Абердинъ, и мужъ ея за нею послѣдовалъ. Нѣсколько времени жили они вмѣстѣ; но характеры были слишкомъ несовмѣстны; вскорѣ потомъ они разошлись. Мужъ уѣхалъ во Францію, выманивъ прежде у бѣдной жены своей деньги, нужныя ему на дорогу. Онъ умеръ въ Валансьенѣ, въ слѣдующемъ 1791 году.

Во время краткаго пребыванія своего въ Абердинѣ, онъ однажды взялъ къ себѣ маленькаго сына, который у него и ночевалъ, но на другой же день онъ отослалъ неугомоннаго ребенка къ его матери, и съ тѣхъ поръ уже его не приглашалъ.

Мистриссъ Байронъ была проста, вспыльчива и во многихъ отношеніяхъ безразсудна; но твердость, съ которою она умѣла пере-

нести бѣдность, дѣлать честь ея правиламъ. Она держала одну только служанку, и когда, въ 1798 году, повезла она молодаго Байрона вступать во владѣніе Ньюстида, долги ея не превышали шестидесяти фунтовъ стерлинговъ.

Достойно замѣчанія и то, что Байронъ никогда не упоминалъ о домашнихъ обстоятельствахъ своего дѣтства, находя ихъ унизительными.

Маленькій Байронъ выучился читать и писать въ абердинской школѣ. Въ классахъ онъ былъ изъ послѣднихъ учениковъ и болѣе отличался въ играхъ. По свидѣтельству его товарищей, онъ былъ рѣзвый, вспыльчивый и злопамятный мальчикъ, всегда готовый подраться и отплатить старую обиду.

Нѣкто Питерсонъ, строгій пресвитеріанецъ, но тихій и ученый, былъ потомъ его наставникомъ, и Байронъ сохранилъ о немъ благодарное воспоминаніе.

Въ 1796 году леди Байронъ повезла его въ горы, для поправленія его здоровья послѣ скарлатины. Она поселилась близъ Бематера.

Суровыя красоты шотландской природы глубоко впечатлѣлись въ воображеніи отрока.

Около того же времени осьмилѣтній Байронъ влюбился въ Марію Дофъ. Семнадцать лѣтъ послѣ того, въ одномъ изъ своихъ журналовъ, онъ описалъ свою раннюю любовь.

Въ 1798 году умеръ въ Ньюстидѣ старый лордъ Вильгельмъ Байронъ. За четыре года передъ симъ родной внукъ его скончался въ Корсикѣ, и маленькій Георгій Байронъ остался единственнымъ наслѣдникомъ имѣній и титула своего рода; но, какъ несовершеннолѣтній, онъ отданъ былъ въ опеку лорду Карлилю, дальнему его родственнику, и восхищенная mistress Байронъ осенью того же года оставила Абердинъ и отправилась въ древній Ньюстидъ съ единственнымъ своимъ сыномъ и вѣрною служанкою Лили Грэ.

Лордъ Вильгельмъ, братъ адмирала Байрона, роднаго дѣда его, былъ человѣкъ странный и несчастный. Нѣкогда на поединкѣ закололъ онъ своего родственника и сосѣда, г. Hawort'а. Они дрались безъ свидѣтелей, въ трактирѣ, при свѣчкѣ. Дѣло это произвело много шуму, и палата перовъ признала убійцу виновнымъ. Онъ былъ однакожъ освобожденъ отъ наказанія; съ тѣхъ поръ жилъ въ Ньюстидѣ, гдѣ его причуды, скупость и мрачный характеръ сдѣлали его предметомъ сплетенъ и клеветы. Носились самые нелѣпые слухи о причинѣ развода его съ женою. Увѣряли, что онъ однажды покусился ее утопить въ ньюстидскомъ пруду [a].

Онъ старался разорять свои владѣнія изъ ненависти къ своимъ наслѣдникамъ. Единственные собесѣдники его были старый слуга и ключница, занимавшая при немъ и другое мѣсто. Сверхъ того домъ былъ полонъ сверчками, которыхъ лордъ Вильгельмъ кормилъ и воспитывалъ. Несмотря на свою скупость, старый лордъ имѣлъ

[a] Далѣе въ рук. зачеркнуто: Онъ былъ всегда вооруженъ и, когда садился обѣдать, требовалъ, чтобы клали на столъ его пистолеты и прочій необходимый приборъ.

часто нужду въ деньгахъ и доставалъ ихъ способами, иногда весьма предосудительными. Такимъ образомъ продалъ онъ Рогдаль, родовое владѣніе, безъ всякаго на то права (что знали и покупщики, но они надѣялись выручить себѣ выгоды прежде, нежели наслѣдники успѣютъ уничтожить незаконную куплю).

Лордъ Вильгельмъ никогда не входилъ въ сношенія съ молодымъ своимъ наслѣдникомъ, котораго звалъ не иначе, какъ мальчикъ, что живетъ въ Абердинѣ.

Первые годы, проведенные лордомъ Байрономъ въ состояніи бѣдномъ, не соотвѣтствовавшемъ его рожденію, подъ надзоромъ пылкой матери, столь же безразсудной въ своихъ ласкахъ, какъ и въ порывахъ гнѣва, имѣли сильное, продолжительное вліяніе на всю его жизнь. Уязвленное самолюбіе, поминутно потрясаемая чувствительность оставили въ сердцѣ его эту горечь, эту раздражительность, которыя потомъ сдѣлались главными признаками его характера.

Странности лорда Байрона — частію врожденныя, частію заимствованныя. Муръ справедливо замѣчаетъ, что въ характерѣ Байрона ясно отразились и достоинства, и пороки многихъ изъ его предковъ: съ одной стороны—смѣлая предпріимчивость, великодушіе, благородство чувствъ; съ другой—необузданныя страсти, причуды и дерзкое презрѣніе къ общему мнѣнію. Сомнѣнія нѣтъ, что память, оставленная по себѣ лордомъ Вильгельмомъ, сильно дѣйствовала на воображеніе его наслѣдника: многое перенялъ онъ у своего страннаго дѣда въ его обычаяхъ; и нельзя не согласиться въ томъ, что Манфредъ и Лара напоминаютъ уединеннаго ньюстидскаго барона.

Обстоятельство, повидимому маловажное, имѣло столь же сильное вліяніе на его душу. Въ самую минуту его рожденія нога его была повреждена, и Байронъ остался хромъ на всю свою жизнь. Этотъ физическій недостатокъ оскорблялъ его самолюбіе. Онъ воображалъ себя уродомъ. Ничто не могло сравниться съ его бѣшенствомъ, когда однажды мистриссъ Байронъ выбранила его хромымъ мальчишкою. Онъ, будучи собою красавецъ, воображалъ себя уродомъ и дичился общества людей, мало ему знакомыхъ, опасаясь ихъ насмѣшливаго взгляда. Самый сей недостатокъ усиливалъ въ немъ желаніе отличиться во всѣхъ упражненіяхъ, требующихъ силы физической и проворства.

51.

О повѣстяхъ Павлова.

(1835).

Въ 1835 г. въ Москвѣ вышли „Три повѣсти“ Н. Ф. Павлова: „Именины“, „Аукціонъ“ и „Ятаганъ“ (двѣ первыя первоначально были помѣщены въ „Телескопѣ“).

Въ повѣсти „Именины“ представлена судьба крѣпостного человѣка, получившаго образованіе и страстно полюбившаго музыку, которая давала ему возмож-

ность жить въ кругу людей, сочувствовавшихъ его таланту. Но сознаніе своего положенія пробуждалось въ немъ, когда ему случалось слышать выраженіе общественнаго предразсудка въ заявленіяхъ, напримѣръ, такого рода: „А я сегодня обработалъ славное дѣло: продалъ двухъ музыкантовъ, по тысячѣ рублей за штуку". Наконецъ и самъ герой повѣсти, котораго его баринъ готовъ былъ отпустить на волю за десять тысячъ рублей, былъ проигранъ со всею деревнею. Музыкантъ рѣшился бѣжать. Его поймали, судили очень долго. Наконецъ приговорили въ солдаты, чему онъ былъ радъ несказанно. „И у меня наконецъ явилось будущее", говоритъ герой повѣсти: „Не разъ я цѣловалъ солдатскій мундиръ, обливаясь слезами.....Съ какимъ поэтическимъ трепетомъ увидѣлъ я въ первый разъ это поприще, гдѣ падаютъ люди не по выбору, а кто попадется, гдѣ презрѣніе къ жизни можетъ задушить человѣческое лицепріятіе и поставить первымъ того, кто стоялъ послѣднимъ!"

Въ небольшой повѣсти „Аукціонъ" разсказанъ на нѣсколькихъ страницахъ случай изъ свѣтской жизни: встрѣча оставленнаго поклонника съ его бывшимъ кумиромъ и попытка отомстить ему, напоминающая отчасти Печорина.

Въ „Ятаганѣ" главное лицо — корнетъ, разжалованный въ солдаты за дуэль и порученный особому надзору полковника, который оказывается соперникомъ его въ любви. Убѣдившись, что сердце любимой имъ женщины принадлежитъ солдату, полковникъ притѣсняетъ его, доводитъ до нарушенія дисциплины и подвергаетъ тѣлесному наказанію. Герой повѣсти поражаетъ его ятаганомъ и за то прогнанъ сквозь строй...

Современная журналистика отозвалась съ большою похвалою объ этихъ повѣстяхъ Павлова. Телескопъ нашелъ, что авторъ съ особеннымъ искусствомъ схватываетъ характеристическія черты современнаго быта, преимущественно высшаго общества, и что при нѣкоторой изысканности положеній, характеровъ и языка, въ авторѣ вездѣ виденъ умный человѣкъ съ вѣрнымъ и самостоятельнымъ взглядомъ, замѣчающій въ людяхъ много движеній, которыя ускользаютъ отъ другихъ. Бѣлинскій, сводя автора съ того пьедестала, на который возведенъ онъ былъ Телескопомъ, вопреки критику „Московскаго Наблюдателя", осуждавшему „Ятаганъ", отдалъ именно этой повѣсти предпочтеніе, находя въ авторѣ ея знаніе свѣта и человѣческаго сердца. Отрывки повѣсти были помѣщены А. Д. Галаховымъ въ христоматію (1843), а именно: „Человѣкъ достоинъ изученія во всѣхъ состояніяхъ" и „Материнская любовь". Тѣ же мѣста приводилъ Шевыревъ, какъ образцовыя, въ „М. Наблюдателѣ". Въ „Молвѣ" (1835) признана художественная отдѣлка этихъ повѣстей и знаніе жизни. „Картины его (Павлова)", сказано здѣсь, „не обливаютъ душу смертнымъ холодомъ, не взбиваютъ дыбомъ волосы на головѣ, но не берите ихъ, чтобъ заснуть слаще послѣ обѣда въ мягкихъ вольтеровскихъ креслахъ; не читайте, если хотите по забыться на минуту... если не хотите

рѣки слезныя
Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ.

Здѣсь отдано преимущество также „Ятагану", а „Аукціонъ" признанъ за слабѣйшую изъ трехъ повѣстей. Сенковскій въ „Библ. для Чтенія" также встрѣтилъ повѣсти Павлова благопріятнымъ отзывомъ и за языкъ, и за умъ, но порицалъ ихъ за отсутствіе идеи. „Что онѣ доказываютъ?" спрашиваетъ Сенковскій: „Ничего. И ничего потому, что это частные случаи, обстоятельства исключительныя. Надобно, чтобы повѣсть выражала какую-нибудь прикладную идею".

Послѣдняя повѣсть вызвала непріятности цензорамъ, пропустившимъ ее въ печать. Пушкинъ, какъ всегда, отдаетъ справедливость достоинствамъ автора, но не оставляетъ безъ порицанія ту фальшь, которая заключалась въ повѣстяхъ юнаго писателя. Замѣтка Пушкина впервые напеч. въ изд. О. л. н. л. и уч. (1887).

Три повѣсти г. Павлова очень замѣчательны и имѣли успѣхъ вполнѣ заслуженный. Онѣ разсказаны съ большимъ искусствомъ, слогомъ, къ которому не пріучили насъ записные наши романисты. Повѣсть Именины, несмотря на свою занимательность, представляетъ нѣкоторыя несообразности. Идеализированное лакейство имѣетъ въ себѣ что-то неестественное, непріятное для здраваго вкуса. Можетъ быть, это же самое происшествіе представляло въ разительной простотѣ своей сильнѣйшія краски и положенія болѣе драматическія, но требовало и кисти болѣе сильной, и болѣе глубины въ знаніи человѣческаго сердца. Аукціонъ есть очень милая шутка, легкая картинка, въ которой оригинально вмѣщены три или четыре лица. А я на аукціонъ, а я съ аукціона—черта истинно комическая.

Объ Ятаганѣ скажемъ то же, что и объ Именинахъ. Занимательность этой повѣсти не извиняетъ несообразности. Развязка несбыточна, или, по крайней мѣрѣ, есть анахронизмъ. За то всѣ лица живы и дѣйствуютъ и говорятъ каждый, какъ ему свойственно и говорить, и дѣйствовать. Въ слогѣ г. Павлова, чистомъ и свободномъ, изрѣдка отзывается манерность въ описаніяхъ, близорукая мелочность нынѣшнихъ французскихъ романистовъ. Г. Павлова такъ расхвалили въ Московскомъ Наблюдателѣ, что мы въ сихъ строкахъ хотѣли ограничить наши замѣчанія одними порицаніями, но въ заключеніе должны сказать, что г. Павловъ первый у насъ написалъ истинно-занимательные разсказы. Книга его принадлежитъ къ числу тѣхъ, отъ которыхъ, по выраженію одной дамы, забываютъ даже обѣдать.

Талантъ г. Павлова выше его произведеній. Въ доказательство привожу одно мѣсто, гдѣ чувство истины увлекло автора даже противу его воли. Въ Именинахъ, несмотря на то, что выслужившійся офицеръ видимо герой, авторъ далъ ему черты, обнаруживающія холопа [1]).

52.

Объ исторіи поэзіи Шевырева.

(1835).

Эти наброски, оставшіеся въ рукописяхъ Пушкина, вызваны предисловіемъ къ „Исторіи поэзіи" С. Шевырева, т. I. М. 1835. Впервые напеч. въ Р. С. 1884. XI.

Исторія поэзіи—явленіе утѣшительное, книга важная!

Россія, по своему положенію географическому и политическому etc., есть судилище, приказъ Европы. Nous sommes les grands

---

[1]) Пушкинъ выписки не сдѣлалъ.

jugeurs [1]). Безпристрастіе и здравый смыслъ нашихъ сужденій касательно того, что дѣлается не у насъ, удивительны. Примѣры тому.

Критика литературная у насъ ничтожна: почему? потому что въ ней требуется не одного здраваго смысла, но и любви къ наукѣ. Взглядъ на нашу критику; Мерзляковъ, Шишковъ, Дашковъ etc.

Шевыревъ при самомъ вступленіи своемъ обѣщаетъ не слѣдовать ни эмпирической системѣ французской критики, ни отвлеченной философіи нѣмцевъ. Онъ избираетъ способъ изложенія историческій — и подѣломъ: такимъ образомъ придаетъ онъ наукѣ заманчивость разсказа.

Критикъ приступаетъ къ исторіи западной словесности.

Въ Италіи видитъ онъ чувственность римскую, побѣжденную христіанствомъ, обрѣтающую покровительство религіи, воскресшую въ художествахъ, покорившую своему роскошному вліянію строгій каѳолицизмъ и снова овладѣвшую своей отчизною.

Въ Испаніи признаетъ то же начало, но встрѣчаетъ мавровъ и видитъ въ ней магометанское направленіе (? не магометанское, а...)

Оставляя роскошный югъ, Шевыревъ переходитъ къ сѣвернымъ народамъ, рабамъ нужды, пасынкамъ природы.

Въ туманной Англіи видитъ онъ нужду, развивающую богатство, промышленность, трудъ, изученіе, литературу безъ преданій, вещественность.

Въ германскихъ священныхъ лѣсахъ открываетъ онъ уже то стремленіе къ отвлеченности, къ уединенію, къ феодальному разъединенію, которыя и донынѣ господствуютъ въ политической системѣ Германіи и въ системахъ ея мыслителей, и при дворахъ ея князей, и на каѳедрахъ ея профессоровъ.

Франція, средоточіе Европы, представительница жизни общественной, жизни — все вмѣстѣ — эгоистической и народной. Въ ней науки и поэзія — не цѣли, а средства. Народъ (der Herr Omnis) властвуетъ въ ней отвратительною властью демокраціи. Въ немъ всѣ признаки невѣжества, презрѣніе къ чужому, une marque pétulante et tranchante [2]), etc.

Девизъ Россіи — Suum cuique...

СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ ИЗЪ СОВРЕМЕННИКА

1836 года.

Замыселъ литературнаго круга, къ которому принадлежалъ Пушкинъ, издавать журналъ—восходитъ еще къ 1819 году, когда М. Ѳ. Орловъ сдѣлалъ о томъ предложеніе въ „Арзамасѣ“.

Но Пушкинъ впервые высказалъ свои о томъ мысли въ 1826 году, въ письмѣ къ Катенину по поводу затѣвавшагося имъ альманаха: „Будущій альманахъ радуетъ меня несказанно, если разбудитъ онъ тебя для поэзіи. Душа проситъ твоихъ стиховъ. Но знаешь ли что? Вмѣсто альманаха не затѣять ли намъ журнала въ родѣ Edimburgh Review? Голосъ истинной критики необходимъ у насъ“...

---

1) т. е.: „Мы великіе судьи“.

2) т. е.: „признакъ буйства и рѣшительности“.

Въ іюнѣ Пушкинъ писалъ и кн. П. А. Вяземскому: „Пора бы намъ отослать и Булгарина, и Благонамѣреннаго [1]), и Полеваго, друга нашего. Теперь не до того, а ей-Богу когда-нибудь примусь за журналъ. Жаль мнѣ, что съ Катенинымъ ты никакъ не ладишь. А для журнала онъ находка“.

Основаніе „Московскаго Вѣстника“ въ 1826 г. дало Пушкину надежду, что будетъ наконецъ органъ, въ которомъ соберутся лучшія литературныя силы, и явится серьезная критика. Пушкинъ самъ принималъ участіе въ этомъ журналѣ. Освобожденный осенью этого года изъ своего заточенія въ Михайловскомъ, Пушкинъ въ Москвѣ лично сошелся съ молодымъ профессорскимъ кругомъ, гдѣ возникъ этотъ журналъ, редакторомъ котораго сталъ М. П. Погодинъ. Не видя успѣха этого журнала, Пушкинъ всячески возбуждалъ Погодина къ его оживленію. Онъ горячо воспротивился мысли Погодина продолжать, наряду съ М. Вѣстникомъ, изданіе альманаха, первая книжка котораго вышла въ 1826 г. „Вы хотите“, писалъ онъ ему 31 авг. 1827 г., издать Уранію!!! Et tu, Brute!.. Но подумайте, на что̀ это будетъ похоже? Вы, издатель европейскаго журнала въ азіатской Москвѣ, вы, честный литераторъ между лавочниками литературы, вы!.. Нѣтъ, вы не захотите марать себѣ рукъ альманашной грязью. У васъ „много накопилось статей, которыя не входятъ въ журналъ“; но какихъ же? quod licet Uraniae, licet тѣмъ паче Вѣстнику; не только licet, но decet. „И другія причины“. Какія? Деньги? деньги будутъ, будутъ. Ради Бога не покидайте Вѣстника... Главная ошибка наша была въ томъ, что мы хотѣли быть слишкомъ дѣльными; стихотворная часть у насъ славная; проза можетъ быть еще лучше, но вотъ бѣда: въ немъ слишкомъ мало вздору. Вѣдь вѣрно есть у васъ повѣсть для Ураніи, давайте ее въ Вѣстникъ. Кстати о повѣстяхъ: онѣ должны быть непремѣнно существенной частію журнала, какъ моды у Телеграфа. У насъ не то, что въ Европѣ—повѣсти въ диковинку. Онѣ составили первоначальную славу Карамзина... Московскій Вѣстникъ по моему безпристрастному, совѣстному мнѣнію—лучшій изъ русскихъ журналовъ. Въ „Телеграфѣ“ похвально одно ревностное трудолюбіе, а хороши однѣ статьи Вяземскаго... Издатель журнала долженъ всѣ мѣры употребить, дабы сдѣлать свой журналъ какъ можно совершеннымъ, а не бросаться за барышемъ“. — Извиняясь, что долго не посылалъ ничего въ Моск. Вѣстникъ, Пушкинъ снова писалъ 1 іюля 1828 г. Погодину: „Надобно, чтобы нашъ журналъ издавался и на слѣдующій годъ. Онъ конечно—будь сказано между нами—первый, единственный журналъ на святой Руси: должно терпѣніемъ, добросовѣстностію, благородствомъ и особенно настойчивостію оправдать ожиданія истинныхъ друзей словесности и одобреніе великаго Гёте.—Честь и слава милому нашему Шевыреву [2])... Пора уму и знаніямъ вытѣснить и Булгарина и Өедорова... Впередъ! и да здравствуетъ Московскій Вѣстникъ“.

По прекращеніи Моск. Вѣстника тотъ кругъ писателей, къ которому принадлежалъ Пушкинъ, остался безъ органа. Настоятельной потребности хоть нѣсколько удовлетворила „Литературная Газета“ 1830 г., издававшаяся подъ редакціей бар. Дельвига (см. выше, стр. 66 и 67). Послѣ же ея прекращенія и смерти Дельвига (14 января 1831 г.), Пушкинъ рѣшается, наконецъ, самъ ходатайствовать объ изданіи политическаго и литературнаго журнала. „Если государю угодно будетъ употребить перо мое для политическихъ статей“, писалъ Пушкинъ въ іюлѣ 1831 г. къ А. Х. Бенкендорфу, „то постараюсь съ точностію

---

[1]) „Благонамѣренный“ издавался Измайловымъ.

[2]) Шевыревъ напечаталъ въ Моск. Вѣстникѣ разборъ Елены изъ II части „Фауста“.

и усердіемъ исполнить волю Его Величества. Въ Россіи періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій (которыхъ у насъ и не существуетъ) — и правительству нѣтъ надобности имѣть свой оффиціальный журналъ. Но тѣмъ не менѣе общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо. Нынѣ, когда справедливое негодованіе и старая народная вражда, долго растравляемая завистью, соединила всѣхъ насъ противъ польскихъ мятежниковъ, озлобленная Европа нападаетъ покамѣстъ не оружіемъ, но ежедневной бѣшеной клеветою [3]). Конституціонныя правительства хотятъ мира, а молодыя поколѣнія, волнуемыя журналами, требуютъ войны... Пускай позволятъ намъ, русскимъ писателямъ, отражать безстыдныя и невѣжественныя нападенія иностранныхъ газетъ. Съ радостію взялся бы я за редакцію политическаго и литературнаго журнала, т. е. такого, въ которомъ печатались бы политическія и заграничныя новости, около котораго соединилъ бы писателей съ дарованіями, и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его неприязненнымъ къ просвѣщенію“.

По замѣчанію Анненкова, этотъ новый политическій органъ, задуманный поэтомъ, связывался у него съ воспоминаніями о „Литературной Газетѣ“ барона Дельвига. Но тогда онъ заботился о матеріальномъ и нравственномъ ущербѣ, который терпятъ русскіе писатели отъ монополіи „Сѣв. Пчелы“, захватившей иностранныя извѣстія, а теперь онъ имѣлъ въ виду привлечь лучшія литературныя силы для выясненія существующихъ порядковъ русской жизни, для толкованія смысла правительственныхъ мѣръ, и для развитія въ обществѣ политическихъ идей.

Но ген. Бенкендорфъ, отъ котораго зависѣло разрѣшеніе изданія, не понималъ Пушкина и не довѣрялъ ему. Въ стихотвореніи „Анчаръ“, явившемся въ „Сѣв. Цвѣтахъ“ 1832 г., онъ заподозрилъ неблагонамѣренный намекъ и оскорбилъ Пушкина упрекомъ въ томъ, что онъ нарушаетъ данныя обѣщанія. Пушкинъ рѣшился передать другому лицу разрѣшенное ему изданіе задуманной газеты. Выбранъ былъ нѣкто Наркизъ Ив. Тарасенко-Отрѣшковъ. Участіе Пушкина въ изданіи ограничилось наброскомъ наружнаго вида газеты: „Дневникъ, политическая и литературная газета“, съ отдѣлами: „Внутреннія извѣстія“, „Новости заграничныя“ и „Смѣсь“. Газета не состоялась вовсе.

Наконецъ въ октябрѣ 1835 г. Пушкинъ снова возвращается къ мысли о періодическомъ изданіи. На этотъ разъ ему приходитъ на мысль не газета и не журналъ, а та форма изданія, о которой онъ задумывался еще въ 1826 году— т. е. изданія на образецъ англійскаго Review, выходящаго 4 книгами въ годъ. Въ письмѣ къ Нащокину онъ объясняетъ свое намѣреніе матеріальными соображеніями: „Денежныя мои обстоятельства плохи. Я принужденъ былъ приняться за журналъ“. Однакоже, кромѣ денежныхъ разсчетовъ, несомнѣнно Пушкинъ не покидалъ мысли о необходимости дать русской публикѣ серьезное и честное періодическое изданіе, по содержанію—литературное, потому не принялъ приглашенія книгопродавца Смирдина отступиться отъ собственнаго изданія и остаться сотрудникомъ издававшейся имъ подъ редакціей Сенковскаго „Библіотеки для Чтенія“. 31 декабря подано было прошеніе о разрѣшеніи трехмѣсячнаго изданія.

„Я желалъ бы въ слѣдующемъ 1836 году“, писалъ Пушкинъ Бенкендорфу, „издать четыре тома статей чисто литературныхъ (какъ-то повѣстей, стихотвореній etc.), историческихъ, ученыхъ, также критическихъ разборовъ русской и иностранной

---

[3]) См. вступ. зам. къ стих.: „Клевет- | никамъ Россіи“, т. I, № 215.

словесности, на подобіе англійскихъ трехъ-мѣсячныхъ Reviews". Разрѣшеніе было получено, и въ февралѣ того же года Пушкинъ уже разсылалъ своимъ знакомымъ билеты на полученіе „Современника".

Смерть и похороны матери отозвали Пушкина въ Псковскую губернію. Въ его отсутствіе печатаніемъ Современника завѣдывали кн. Одоевскій и Плетневъ, и первый томъ его вышелъ въ началѣ апрѣля (цензурное дозволеніе подписано 31 марта). Содержаніе перваго тома Современника слѣдующее:

„Стихотворенія: Пиръ Петра Перваго (см. т. I, № 237).—Ночной смотръ Жуковскаго.—Скупой Рыцарь (см. т. III). — Изъ А. Шенье („Покровъ, упитанный... см. т. I, № 108).—Роза и Кипарисъ, кн. Вяземскаго.

„Проза: Императрица Марія.—Путешествіе въ Арзрумъ.—Разборъ сочиненій Георгія Конискаго (см. ниже № 53).—О риѳмѣ, барона Розена.—Долина Султана Казы-Гирей.—Коляска, Н. Гоголя.—О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 г.—Утро дѣловаго человѣка Н. Гоголя.—Разборъ парижскаго математическаго Ежегодника, кн. Козловскаго.—Парижъ (хроника Русскаго) [4].—Новыя книги (перечисленіе вновь вышедшихъ книгъ съ замѣтками о нѣкоторыхъ изъ нихъ: кромѣ того заглавія нѣкоторыхъ книгъ отмѣчены звѣздочкою, и въ выноскѣ объяснено: „Книги, означенныя звѣздочкою, будутъ впослѣдствіи разобраны". Такими звѣздочками отмѣчены 3 книги: „Русскіе классики. Часть I. Кантемиръ. 1836. Спб., въ тип. Гинце", „Исторія поэзіи, чтенія С. Шевырева 1835", „Воспоминанія о Сициліи А. Черткова. Ч. I, съ 29 рисунками въ листъ. М. 1836" [5]).

Уже одно это содержаніе первой книги Современника показываетъ, по замѣчанію Анненкова, важное значеніе, которое желалъ изданіемъ своимъ придать Пушкинъ литературѣ нашей вопреки тому насмѣшливому, парадоксальному взгляду на литературу, который высказывался въ наиболѣе распространившемся въ то время журналѣ Сенковскаго — „Библіотекѣ для Чтенія" и получилъ успѣхъ въ средѣ полуобразованной публики, изъ которой состоитъ вездѣ большинство читателей. „Пушкинъ", замѣчаетъ Анненковъ, „думалъ вмѣстѣ со многими изъ друзей своихъ, что, несмотря на безобразіе многихъ отдѣльныхъ явленій, литература наша въ общности всегда была сильнымъ орудіемъ образованности, что легкое, постоянно шутливое обращеніе съ ней лишено и основанія и цѣли, если не полагать цѣль въ доставленіи одной забавы праздному чтенію".

На большую публику серьезный журналъ не могъ разсчитывать. Современникъ не имѣлъ ничего общаго съ тѣми наполовину торговыми предпріятіями, какими были журналы, издававшіеся Булгаринымъ или Полевымъ. Пушкинъ могъ разсчитывать на избранную публику, которая желала серьезной критики, и художественный вкусъ которой былъ бы воспитанъ поэтической дѣятельностью того литературнаго круга, къ которому принадлежалъ издатель новаго журнала.

Друзья новой русской литературы встрѣтили Современникъ сочувственно.

„Благодарю за Современникъ", писала А. О. Смирнова [6] къ кн. Вяземскому

---

[4]) Ал. Ив. Тургенева.

[5]) Авторъ этой книги привезъ ее Пушкину. По поводу этого писалъ Пушкинъ женѣ изъ Москвы 11 мая: „...пріѣхалъ ко мнѣ Чертковъ. Отроду мы другъ къ другу не ѣзжали. Но при сей вѣрной оказіи вспомнилъ онъ, что жена его мнѣ родня и потому привезъ мнѣ экземпляръ своего путешествія въ Сицилію. Не побранить ли мнѣ его en bon parent?" Въ 3-мъ томѣ Современника Пушкинъ впрочемъ заявилъ, что не можетъ исполнить обѣщанія—представить разборы всѣхъ книгъ, отмѣченныхъ звѣздочками въ библіографическомъ перечнѣ двухъ первыхъ томовъ, потому что „многія не входятъ въ область литературы, а о другихъ потребны свѣдѣнія, которыхъ онъ не пріобрѣлъ".

[6]) См. т. I, стр. 364.

изъ Берлина 4 мая 1836 г. Пушкину: „я его вкушаю съ чувствомъ и разстановкой, разомъ проглотивъ Чиновниковъ и Коляску Гоголя, смѣясь какъ рѣдко смѣются, а я никогда; вѣдь это однако Плетневъ открылъ это маленькое сокровище; у него чутье очень вѣрное, онъ его распознавалъ съ первой встрѣчи. „Арзерумъ“ — вылитый Пушкинъ, когда онъ расположенъ болтать и заинтересовать... Въ сущности Арзерумъ очень интересенъ... Я сейчасъ узнала Тургенева въ его парижскомъ дневникѣ: онъ нанизываетъ громкія имена и рекомендуетъ книги, которыхъ самъ никогда не читаетъ... Тѣмъ не менѣе я сбираюсь писать à l'homme de toutes sciences et de tout savoir: онъ добрый малый, и умный добрый малый“ [7])...

Современникъ заслужилъ благосклонный отзывъ и представителя старой литературной школы — И. И. Дмитріева [8]).

Между тѣмъ Пушкинъ призывалъ къ участію въ журналѣ Погодина, кн. Одоевскаго и поэта Языкова. Онъ писалъ первому изъ Михайловскаго, куда прибылъ по случаю похоронъ матери: „Не войдете ли вы со мною въ сношенія литературныя и торговыя? Въ такомъ случаѣ прошу васъ объявить безъ обиняковъ ваши требованія“. Языкову писалъ Пушкинъ тогда же: „Вы получите мой Современникъ; желаю, чтобы онъ заслужилъ ваше одобреніе. Изъ статей критическихъ моя одна: о Конисскомъ [9]). Будьте моимъ сотрудникомъ непремѣнно. Ваши стихи — вода живая; наши — вода мертвая; мы ею окатимъ Современника: спрысните его вашими кипучими каплями. Въ концѣ 1836 г. Пушкинъ завязалъ сношенія и съ извѣстнымъ археологомъ И. П. Сахаровымъ [10]).

Пушкинъ съ перваго же тома журнала своего пытался склонить вниманіе читателей къ интересамъ историческимъ. Первая статья въ отдѣлѣ „Новыя книги“ посвящена историческимъ трудамъ Погодина. Замѣтка написана по поводу вышедшей въ 1836 г. книги: „Историческіе афоризмы Михаила Погодина“. Указывая заслуги молодого профессора, статья эта замѣчаетъ: „Онъ первый у насъ сказалъ, что „исторія должна изъ всего рода человѣческаго сотворить одну единицу, одного человѣка, и представить біографію этого человѣка во всѣхъ степеняхъ его возраста; что многочисленные народы, жившіе и дѣйствовавшіе въ продолженіе тысящелѣтій, доставятъ въ такую біографію, можетъ быть, по одной чертѣ. Черту сію узнаютъ великіе историки“. Онъ первый говорилъ о великихъ писателяхъ, указавшихъ въ твореніяхъ своихъ на истинное значеніе исторіи. Онъ переводилъ изъ нихъ отрывки для своего журнала; наконецъ онъ многихъ изъ нихъ перевелъ вполнѣ, почти не заботясь о томъ, что важность ихъ еще мало у насъ чувствовали.—Выписавъ нѣкоторые изъ афоризмовъ Погодина, рецензентъ прибавляетъ: „Читатель обыкновенный небрежно и разсѣянно взглянетъ на эту книгу и, отыскавъ двѣ-три незначительныя мысли, дурно выраженныя, можетъ быть, посмѣется надъ нею съ дѣтскимъ легкомысліемъ; но читатель, въ душѣ котораго горитъ пламень любви къ наукѣ, а мысль постигаетъ глубокое значеніе ея, прочтетъ эти страницы съ соучастіемъ, проникнется благодарностію за оживленныя въ душѣ его размышленія, и скажетъ: этотъ человѣкъ видѣлъ и чувствовалъ въ исторіи то, что не всякому дано видѣть и чувствовать“.

Въ другой замѣткѣ, по поводу перевода „Исторіи среднихъ вѣковъ“ Цим-

---

[7]) Пушкинъ по док. Ост. арх. II, 74.

[8]) См. письмо къ нему Пушкина 14 іюня 1836.

[9]) Пушкинъ не упоминаетъ о другихъ мелкихъ замѣткахъ своихъ въ отдѣлѣ: „Новыя книги“.

[10]) Онъ просилъ кн. Одоевскаго привезти его къ себѣ.

мермана, въ томъ же I томѣ Современника выражено сожалѣніе, что „у насъ не переведены лучшіе историки: Гизо, Тьерри, Гюльменъ и проч.“ Въ третьей замѣткѣ, о „Письмахъ леди Рондо“ замѣчено: „Нѣсколько бѣглыхъ словъ о Петрѣ II, объ имп. Аннѣ Іоанновнѣ, о Биронѣ прибавляютъ новыя черты къ ихъ портретамъ“.

Одновременно съ заботами о научномъ и поэтическомъ отдѣлахъ журнала, Пушкинъ заботился и о мемуарахъ, которые всегда цѣнилъ, какъ полезный матеріалъ для чтенія. „Онъ заводилъ переписку“, пишетъ Анненковъ, „по первому слуху о существованіи какого-либо документа въ этомъ родѣ, какого-либо семейнаго сказанія или откровенной повѣсти изъ жизни дѣйствительнаго лица. Пусть вспомнятъ читатели участіе, съ которымъ онъ встрѣтилъ записки Н. А. Дуровой, помѣщенныя имъ во второмъ томѣ Современника, съ объясненіемъ отъ собственнаго лица. Такъ точно по первому извѣстію, что Д. В. Давыдовъ находится въ близкихъ сношеніяхъ съ Вальтеръ-Скоттомъ, Пушкинъ просилъ его разсказать всю исторію его знакомства съ знаменитымъ шотландцемъ. Съ благодарностію получилъ Пушкинъ „Воспоминанія объ осадѣ Дрездена“ Д. Давыдова, которыя и были помѣщены уже въ IV т. Современника“ [11].

Тѣмъ же желаніемъ пользоваться для своего журнала всякимъ живымъ словомъ о явленіяхъ жизни, достойныхъ вниманія образованныхъ читателей, должно объяснить и помѣщеніе въ I т. „Современника“ отрывковъ дружескихъ писемъ изъ Парижа А. И. Тургенева безъ разрѣшенія на то самого автора ихъ. Пушкину пришлось извиниться за это самовольство; во II т. Современника онъ помѣстилъ слѣдующее объясненіе „Отъ редакціи“:

„Для очистки совѣсти нашей и для предупрежденія всѣхъ возможныхъ толковъ и недоразумѣній вольныхъ и невольныхъ, почитаемъ обязанностью сознаться, что напечатаніе въ 1-й книжкѣ журнала нашего: „Хроники Русскаго въ Парижѣ“ есть не что иное, какъ слѣдствіе нашей нескромности, что сіи отрывки изъ дружескихъ писемъ, или лучше сказать домашняго журнала, никогда не были предназначены для печати особенно въ томъ видѣ, въ какомъ они представлены публикѣ. Глубокомысліе, остроуміе, вѣрность и тонкая наблюдательность, оригинальность и индивидуальность слога полнаго жизни и движенія, которыя вездѣ пробиваются сквозь небрежность и бѣглость выраженія, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, чего можно было бы ожидать отъ пера, писавшаго такимъ образомъ про себя, когда слѣдовало бы ему писать про другихъ. Мы имѣли случай стороною подслушать этотъ aparte, подсмотрѣть эти ежедневныя, ежеминутныя отмѣтки, и поторопились, какъ водится нынѣ въ эпоху разоблаченія всѣхъ тайнъ, подѣлиться удовольствіемъ и свѣжими современными новинками съ читателями „Современника“. Можно было бы, и по нѣкоторымъ отношеніямъ слѣдовало бы, для порядка дать этимъ разбросаннымъ чертамъ стройное единство, облачить въ литературную форму. Но мы предпочли сохранить въ немъ живый, теплый, внезапный отпечатокъ мыслей, чувствъ, впечатлѣній, городскихъ вѣстей, булеварныхъ, академическихъ, салонныхъ, кабинетныхъ движеній,—такъ сказать стенографировать эти горячіе слѣды, эту лихорадку парижской жизни; впрочемъ, кажется, мы и не ошиблись въ своемъ предпочтеніи. По всѣмъ отзывамъ образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, Парижская хроника возбудила живѣйшее любопытство и вниманіе. Даже и тупыя печатныя замѣчанія подтвердили насъ въ убѣжденіи, что способъ, нами

---

[11]) Пушкинъ благодарилъ Давыдова | за эту статью въ маѣ 1836 г.

избранный, едва ли не лучшій. Вкусъ иныхъ людей можетъ служить всегда надежнымъ и неизмѣннымъ руководствомъ: стоитъ только выворотить вкусъ ихъ наизнанку. То, чего они оцѣнить не могли, что показалось имъ неприличнымъ, неумѣстнымъ, то безъ сомнѣнія, имѣетъ внутреннее многоцѣнное достоинство, слѣдовательно не ихъ имѣемъ въ виду въ настоящемъ объясненіи. Но мы желали только по обязанности редакторской принявъ на себя всю отвѣтственность за произвольное напечатаніе помянутыхъ выписокъ, отклонить ее отъ того, который писалъ ихъ, забывая, что есть книгопечатаніе на бѣломъ свѣтѣ".

Мысль о важности мемуаровъ выражена и въ краткой замѣткѣ въ I томѣ Современника по поводу вновь вышедшей книги: „Походныя Записки Артиллериста, съ 1812 по 1816 г., артиллеріи полковника И. Р.... М. 1835—1836. 4 части". Въ замѣткѣ этой между прочимъ сказано: „...ни одинъ изъ нашихъ офицеровъ до сихъ поръ не вздумалъ записать свои разсказы въ той истинѣ и простотѣ, въ какой они излагаются изустно. То, что случалось съ ними, какъ съ людьми частными, почитаютъ они слишкомъ неважнымъ, и очень ошибаются. Ихъ простые разсказы иногда вносятъ такую черту въ исторію, какой нигдѣ не дороешься. Возьмите напр. эту книгу: она не отличается блестящимъ слогомъ и замашками опытнаго писателя; но все въ ней живо, и вездѣ слышенъ очевидецъ. Ее прочтутъ и тѣ, которые читаютъ только для развлеченія, и тѣ, которые изъ книгъ извлекаютъ новое богатство для ума".

„Изданное Плюшаромъ въ 1836 г. „Путешествіе вокругъ свѣта", вызываетъ въ томъ же I т. Современника ту же мысль о преимуществахъ живыхъ разсказовъ очевидцевъ передъ обработкой ихъ въ иномъ видѣ: „Свѣдѣнія, принесенныя новѣйшими путешественниками, въ этой книгѣ вложены въ уста одного. Быть можетъ, слишкомъ взыскательному читателю станетъ досадно при мысли, что все это разсказываетъ ему человѣкъ не существующій: свѣжесть впечатлѣній, сохраненныхъ очевидцемъ, ничѣмъ незамѣнима".

Наконецъ помѣстивъ въ I томѣ Современника свое „Путешествіе въ Арзрумъ", Пушкинъ далъ и собственный мастерской образецъ мемуара, какъ одинъ изъ разсказовъ, „въ той истинѣ и простотѣ, въ какой они изливаются изустно".

Чтó до критики, то Пушкинъ принялъ въ этомъ отдѣлѣ значительное личное участіе. Неизвѣстно, съ какимъ намѣреніемъ Пушкинъ хотѣлъ познакомиться съ Бѣлинскимъ, но свидѣтельство объ этомъ намѣреніи сохранилось. Такъ 27 мая писалъ Пушкинъ Нащокину: „Я оставилъ у тебя два порожнихъ экземпляра Современника. Одинъ отдай кн. Гагарину, а другой пошли отъ меня Бѣлинскому (тихонько отъ Наблюдателей NB [12]) и вели сказать ему, что очень жалѣю, что съ нимъ не успѣлъ увидаться. Иные предполагаютъ, что Пушкинъ хотѣлъ привлечь Бѣлинскаго въ свой Современникъ, какъ писателя, уже заявившаго о себѣ критическими статьями. Въ концѣ 1836 г., когда прекратился „Телескопъ" Надеждина, гдѣ участвовалъ Бѣлинскій, Нащокинъ писалъ Пушкину: „Бѣлинскій получалъ отъ Надеждина... 3 тысячи; „Наблюдатель" предлагалъ ему 5 тысячъ. Гречъ тоже его звалъ. Теперь, коли хочешь, онъ къ твоимъ услугамъ; я его не видѣлъ, но его друзья, въ томъ числѣ и Щепкинъ, говорятъ, что онъ будетъ очень счастливъ, если придется ему на тебя работать. Ты мнѣ отпиши, и я его къ тебѣ пришлю" [13]). Но въ концѣ года Пушкину было уже не до журнала—и свиданіе съ Бѣлинскимъ не состоялось.

---

[12]) т. е. сотрудниковъ „Московскаго Наблюдателя", которые относились тогда къ Бѣлинскому недружелюбно.

[13]) „Девятнадцатый вѣкъ" I, стр. 404.

Пушкинъ хотѣлъ дать библіографическому отдѣлу своего журнала характеръ литературныхъ обозрѣній. Это очевидно изъ попытки въ I томѣ сдѣлать общій выводъ объ истекшей четверти года. Въ слѣдующихъ томахъ журнала эта мысль оставлена, вѣроятно по причинѣ скудости литературы, которая не доставляла никакой возможности сдѣлать какой-либо иной выводъ, кромѣ высказаннаго уже въ I томѣ. Приводимъ эту замѣтку, заключающую отдѣлъ: „Новыя книги" въ I томѣ Современника:

„Вотъ книги, вышедшія въ продолженіе первой четверти сего года. О большей части ихъ мы ничего не говорили, потому что о нихъ рѣшительно ничего нельзя сказать. Иныя по значительности своей требуютъ особаго разбора. Иныя, взятыя отдѣльно, не принадлежатъ собственно къ словесности, которой преимущественно посвященъ журналъ нашъ, но, будучи сложены въ общій итогъ книгъ, входятъ такимъ образомъ въ область литературы и въ этомъ отношеніи получили здѣсь мѣсто. Изъ сего реэстра книгъ ощутительно замѣтно преобладаніе романа и повѣсти, этихъ властелиновъ современной литературы. Ихъ почти вдвое болѣе противъ числа другихъ книгъ. Безпрерывнымъ появленіемъ въ свѣтъ они, несмотря на глубокое свое ничтожество, свидѣтельствуютъ о всеобщей потребности. Исторія заглядываетъ урывками въ русскую литературу. Капитальныхъ и большихъ историческихъ сочиненій нѣтъ ни въ переводахъ, ни въ оригиналахъ. На статистику и экономію одни намеки. Даже въ знаніяхъ практическихъ, не вторгающихся въ бытъ литературный, замѣтно то же мелководіе".

Въ своемъ Современникѣ Пушкинъ видимо избѣгалъ той задорной полемики, которой и самъ отдалъ дань въ „Литературной Газетѣ" Дельвига, гдѣ помѣстилъ не мало желчныхъ замѣтокъ (см. выше №№ 21, 26, 29—31), и въ „Телескопѣ" 1831 года, гдѣ подъ псевдонимомъ Ѳеофилакта Косичкина помѣстилъ двѣ сатирическія рецензіи, направленныя противъ Булгарина („Торжество дружбы, или оправданный Александръ Анѳимовичъ Орловъ" и „Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ") и представляющія пародіи на критическія статьи Булгарина. Хотя въ замѣткѣ отъ редакціи во II т. Современника и упомянуто: „Мы получили также статью г. Косичкина, но къ сожалѣнію и эта статья доставлена поздно, и мы, боясь замедлить выходъ этой книжки, отлагаемъ ее до слѣдующей", но и въ слѣдующей книгѣ Современника статья эта не явилась.

Принимая мѣры къ обогащенію научнаго, художественнаго и серьезнаго критическаго отдѣловъ журнала, Пушкинъ не упускалъ изъ виду литературу иностранную. Такъ въ самый день дуэли, унесшей его въ могилу, писалъ онъ къ извѣстной дѣтской писательницѣ А. О. Ишимовой: „Мнѣ хотѣлось бы познакомить публику съ произведеніями Barry Cornwall [14]). Не согласитесь ли вы перевести нѣсколько изъ его драматическихъ очерковъ? Въ такомъ случаѣ буду имѣть честь препроводить къ вамъ его книгу".

Содержаніе второго тома Современника уступаетъ первому тому въ отдѣлѣ художественномъ. Лучшею статьею здѣсь явилась сказка Языкова [15]).

„Стихотворенія: Битва при Тиверіадѣ.—Урожай, Кольцова.—Іоаннъ III и Аристотель (изъ трагедіи: Дочь Іоанна III) бар. Розена.—Драматическая сказка объ Иванѣ-царевичѣ, Жаръ-птицѣ и сѣромъ волкѣ, Н. Языкова.—Отрывки изъ IV и V актовъ „Битвы при Тиверіадѣ" съ предисловіемъ.

„Проза: Россійская Академія.—Французская Академія.—Записки Н. Дуровой

---

[14]) См. т. I, стр. 338.

[15]) Пушкинъ благодаритъ Давыдова за нее въ маѣ 1836 г.

(съ замѣткою Пушкина).—Персидскій анекдотъ султана Казы-Гирея.—Миѳологія Вотяковъ и Черемисъ, А. Емичева.—О враждѣ къ просвѣщенію, замѣчаемой въ новѣйшей литературѣ".

Но въ этой книжкѣ дано болѣе мѣста критикѣ. Сюда вошли разборы книгъ: Статистическое описаніе Нахичеванской провинціи В. Золотницкаго и комедіи г. Гоголя: „Ревизоръ" (кн. Вяземскаго). Что же касается до иностранной литературы, то здѣсь находимъ статью: „Наполеонъ и Юлій Цезарь" (по поводу книги Маршана, диктованной ему Наполеономъ на островѣ св. Елены), и разборъ поэмы Эдгара Кине: „Наполеонъ". Сверхъ того въ статьѣ „Французская Академія" читатели Современника получили свѣдѣнія объ умершемъ членѣ ея, поэтѣ Арно, о вступленіи въ Академію Скриба, при чемъ приведены въ переводѣ рѣчь его объ Арно и отвѣтъ Вильмена.

Въ отдѣлѣ библіографическомъ („Новыя русскія книги") звѣздочкою отмѣчены: „М. В. Ломоносовъ" Кс. Полеваго, „Слова и рѣчи Филарета, митрополита „Московскаго", „Стихотворенія Бенедиктова", изд. 2-е, и „Путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ".

Изъ статей этого тома одна принадлежала кн. Одоевскому. Заглавіе „О враждѣ къ просвѣщенію" дано ей самимъ Пушкинымъ [16]).

Уступая первому тому въ отдѣлѣ художественномъ, вторая книга Современника болѣе опредѣлила характеръ этого журнала, какъ изданія, которое вопреки обычаю нѣкоторыхъ журналистовъ, занимавшихъ читателей интересами своей узкой журнальной сферы, вводило бы ихъ въ европейскіе интересы науки и искусства, наряду съ оцѣнкою крупнѣйшихъ явленій русской литературы.

„Второй № Современника очень хорошъ", писалъ Пушкинъ Нащокину 27 мая, „и ты скажешь мнѣ за него спасибо. Я самъ начинаю его любить, и вѣроятно займусь имъ дѣятельно".

И Пушкинъ дѣйствительно занялся съ особеннымъ жаромъ приготовленіемъ новаго тома Современника. Онъ посвятилъ ему лѣто, которое проводилъ на Каменноостровской дачѣ. „Первые два №№", замѣчаетъ Анненковъ, „хотя и составлены были имъ, но печатались безъ личнаго надзора. Неутомимо работалъ поэтъ-журналистъ надъ матеріалами и содержаніемъ новой (3-й) книжки. Одинъ изъ друзей, посѣтивъ его въ воскресенье, засталъ за статьею: „Джонъ Теннеръ". Поэтъ работалъ надъ ней уже цѣлое утро и, встрѣчая пріятеля, сказалъ ему, потягиваясь, полушутливо: „Плохое наше ремесло, братецъ. Для всякаго человѣка есть праздникъ, а для журналиста—никогда".

„Въ сентябрѣ вышелъ третій томъ Современника", продолжаетъ Анненковъ: „Постоянная работа лѣта не прошла даромъ, и Пушкинъ сдержалъ обѣщаніе. Третій томъ есть чуть ли не лучшій томъ всего изданія по разнообразію и существенности своего содержанія".

Содержаніе его таково:

„Стихотворенія Ѳ. Т. (т. е. Ѳ. Тютчева), присланныя изъ Германіи (всего 16).—Челобитная, Д. Давыдова.—Kennst du das Land К(н). В(яземскаго).—Отвѣтъ.—Эпиграммы Д. Д(авыдо)ва и др.—„Родословная моего героя" самого Пушкина (съ помѣтою: „Отрывокъ изъ сатирической поэмы").—Полководецъ (его же, см. т. I, № 235).—Подражаніе испанскимъ сегидильямъ.—Сапожникъ, притча (Пушкина).—3 іюля 1836 г., Семена Строжилова изъ Москвы.

---

[16])Это видно изъ письма Пушкина къ | кн. Одоевскому въ апрѣлѣ 1836 г.

„Проза: О надеждѣ, кн. Козловскаго.—Какъ пишутся у насъ романы, Ѳ. С.—Носъ, повѣсть Н. Гоголя.—О „Мнѣніи М. А. Лобанова“ (Пушкина).—Объ „Исторіи Пугачевскаго бунта“, разборъ статьи, напечатанной въ Сынѣ Отечества въ январѣ 1835 года, А. П(ушкина) (отвѣтъ на критику Броневскаго, см. ниже).—О партизанской войнѣ, Д. Давыдова.—Вольтеръ (Пушкина) (см. ниже №60).—„Ѳракійскія Элегіи“ Теплякова (его же) (см. ниже № 61).—Анекдоты (его же, числомъ 9).—Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы, съ обозначеніемъ: „съ французскаго“ (статья самого Пушкина, извѣстная подъ заглавіемъ: „Рославлевъ“, см. т. IV, стр. 150).—Джонъ Теннеръ (Пушкина, см. ниже № 62).—Прогулка по Москвѣ, Пѣшехода.—Государственная внѣшняя торговля 1835 года въ разныхъ ея видахъ.—Новыя книги (здѣсь помѣщена статья самого Пушкина о книгѣ Сильвіо Пеллико: „Объ обязанностяхъ человѣка“). Въ перечнѣ новыхъ книгъ отмѣчены звѣздочками: „Записки 1814 и 1815 г. А. Михайловскаго - Данилевскаго“, „Романы и Повѣсти“ В. Нарѣжнаго, „Серапіоновы братья“ Гофмана, перев. Безсомыкина, „Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей, въ Россіи существовавшихъ“, „Сборникъ“ Муханова, „Мои темницы“, Записки Сильвіо Пеллико, переводъ; и „Объ историческихъ таблицахъ В. А. Жуковскаго“, соч. А. Краевскаго.

Томъ оканчивался замѣткою самого Пушкина о романѣ: „Село Михайловское“ (см. ниже № 65) и „Письмомъ къ издателю“ А. Б. (И. А. Безсонова) полемическаго характера, направленнымъ противъ „Библіотеки для Чтенія“ Сенковскаго, которая была задѣта и въ I-мъ томѣ Современника, въ анонимной статьѣ Гоголя: „О движеніи современной журнальной литературы“. Въ статьѣ Безсонова замѣчено о статьѣ Гоголя: „Она не соотвѣтствуетъ тому, что ожидали мы отъ направленія, которое дано будетъ вашей критикѣ... Неужто... цѣль Современника слѣдовать по пятамъ за „Библіотекою“, нападая на нее въ расплохъ и вооруженной рукою отбивая отъ нея подписчиковъ? Надѣюсь, что опасенія сіи лживы, и что Современникъ изберетъ для себя кругъ дѣйствія болѣе обширный и благородной“. Пушкинъ присоединилъ къ этому письму выноску:

„Съ удовольствіемъ помѣщая здѣсь письмо г. А. Б., нахожусь въ необходимости дать моимъ читателямъ нѣкоторыя объясненія. Статья о движеніи журнальной литературы напечатана въ моемъ журналѣ, но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ мнѣнія, въ ней выраженныя съ такою юношескою живостію и прямодушіемъ, были совершенно сходны съ моими собственными. Во всякомъ случаѣ, она не есть и не могла быть программою Современника. Изд.“.

Въ заключеніе третьяго тома Пушкинъ помѣстилъ слѣдующіе 5 замѣтокъ „Отъ редакціи“:

„I. Современникъ будетъ издаваться въ слѣдующемъ 1837 году. Каждые три мѣсяца будетъ выходить по одному тому. Цѣна за всѣ четыре тома, составляющіе годовое изданіе, 25 руб. асс., съ пересылкою 30 руб. асс. Подписка въ Спб. принимается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. Иногородные могутъ адресоваться въ Газетную Экспедицію.

„II. Издатель „Современника“ не печаталъ никакой программы своего журнала, полагая, что слова: литературный журналъ уже заключаютъ въ себѣ достаточное объясненіе. Нѣкоторые изъ журналистовъ почли нужнымъ составить программу новаго журнала. Одинъ изъ нихъ объявилъ, что „Современникъ“ будетъ имѣть цѣлію—уронить „Библіотеку для Чтенія“, издаваемую г. Смирдинымъ; въ „Сѣверной же Пчелѣ“ сказано, что Современникъ будетъ продолженіемъ Литературной Газеты, издаваемой нѣкогда бар. Дельвигомъ. Издатель Современника принужденъ объявить, что онъ не имѣетъ чести быть въ

сношеніи съ гг. журналистами, взявшими на себя трудъ составить за него программу, и что онъ никогда имъ того не поручалъ. Отклоняя однакожъ отъ себя цѣль, недостойную литературы и несправедливо ему приписанную въ „Библіотекѣ для Чтенія“, онъ вполнѣ признаетъ справедливость объявленія, напечатаннаго въ „Сѣверной Пчелѣ“: „Современникъ“ по духу своей критики, по многимъ именамъ сотрудниковъ, въ немъ участвующихъ, по неизмѣнному образу мнѣнія о предметахъ, подлежащихъ его суду, будетъ продолженіемъ „Литературной Газеты“.

„III. Обстоятельства не позволили издателю лично заняться печатаніемъ первыхъ двухъ нумеровъ своего журнала; вкрались нѣкоторыя ошибки, и одна довольно важная, происшедшая отъ недоразумѣнія: публикѣ дано обѣщаніе, которое издатель ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не намѣренъ исполнить. Сказано было въ примѣчаніи къ статьѣ: „Новыя Книги“, что книги, означенныя звѣздочкою, будутъ современемъ разобраны. Въ спискѣ вновь вышедшимъ книгамъ звѣздочкою означены были у издателя тѣ, которыя показались ему замѣчательными, или которыя намѣренъ онъ былъ прочитать; но онъ не предполагалъ отдавать о всѣхъ ихъ отчетъ публикѣ: многія не входятъ въ область литературы, о другихъ потребны свѣдѣнія, которыхъ онъ не пріобрѣлъ“.

„IV. Въ первомъ томѣ Современника, въ статьѣ: „Новыя книги“, подъ параграфомъ, относящимся къ „Вастолѣ“, поэмѣ Виланда, изданной А. Пушкинымъ, ошибочно пропущена подпись издателя“.

„V. Редакція Современника не можетъ принять на себя обратнаго доставленія присылаемыхъ статей“.

„Выдавъ 3-ю книжку Современника“, замѣчаетъ Анненковъ, „Александръ Сергѣевичъ въ октябрѣ мѣсяцѣ переѣхалъ въ городъ, на Мойку, къ Пѣвческому мосту, въ домъ Волхонской. Съ этого времени становится въ немъ замѣтно особенное безпокойство духа... Между тѣмъ въ ноябрѣ выдалъ онъ четвертый, послѣдній томъ Современника, имѣющій цензурное одобреніе отъ 11 ноября 1836 г. Существенной частью этой книжки былъ романъ „Капитанская дочка“, напечатанный въ ней цѣликомъ, да „Хроника русскаго въ Парижѣ“. Отдѣльныхъ стиховъ Пушкина въ немъ не было, но онъ напечаталъ здѣсь объясненіе по поводу „Полководца“, въ которомъ заключилъ три строфы въ честь вождя 12 года кн. Кутузова, бывшіе дотолѣ неизвѣстными (см. т. I, № 214). Въ „Новыхъ книгахъ“ Пушкинъ сдѣлалъ одобрительную замѣтку на записки Н. А. Дуровой, вышедшія отдѣльно подъ заглавіемъ: „Кавалеристъ-дѣвица“ (см. ниже № 68). Другая замѣтка касается труда Строева: „Ключъ къ Ист. Гос. Росс., 2 ч. М.“ (см. № 69).

По кончинѣ Пушкина въ февралѣ 1837 г. высочайше разрѣшено было издать „Современникъ“, по прежнему плану, и въ этомъ году въ пользу семейства поэта. Издателями были Жуковскій, кн. П. А. Вяземскій, кн. В. Ѳ. Одоевскій и П. А. Плетневъ, редакторомъ—А. А. Краевскій [1]).

53.

О сочиненіяхъ Георгія Конискаго.

Эта статья помѣщена въ I кн. „Современника“.

Названная здѣсь Пушкинымъ какъ главный трудъ Конисскаго, „Исторія Руссовъ“ или „Исторія Малой Россіи“, по позднѣйшимъ изслѣдованіямъ не принадлежитъ

[1]) См. Р. С. 1874. Августъ.

перу знаменитаго бѣлорусскаго архіепископа. Давно ходила она въ рукописи съ именемъ этого писателя между малорусскими патріотами. Въ 1846 г. она была впервые напечатана въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс.“, при чемъ издатель (Бодянскій) не сомнѣвался въ принадлежности этой лѣтописи Конисскому. Впервые высказалъ сомнѣніе Максимовичъ; Костомаровъ же утвердительно говоритъ, что „Исторія“ приписана Конисскому ложно (Русск. Стар. 1877, т. XIX), и что она „переполнена выдумками“. По мнѣнію новыхъ южнорусскихъ ученыхъ, „Исторія Руссовъ“ очевидно не была писана Конисскимъ, ни вообще духовнымъ его времени и не можетъ считаться достовѣрной фактической лѣтописью; по языку и стилю она принадлежитъ нашему столѣтію, а по духу—эпохѣ декабристовъ украинскаго происхожденія, когда либерализмъ Александровскихъ временъ искалъ себѣ мѣстныхъ опоръ въ исторіи Новгорода, Украйны и т. п. Максимовичъ, принадлежавшій къ числу первыхъ распространителей „Исторіи Руссовъ“ (которую потомъ опровергалъ) и сообщившій ее Пушкину, передавалъ потомъ, что всѣ слѣды, на какіе онъ нападалъ, разспрашивая о первыхъ рукописяхъ „Исторіи“, приводили его къ кн. Репнину, который былъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и какъ-то загадочно оставилъ эту должность. Максимовичъ подозрѣвалъ въ Репнинѣ, или лицѣ ему близкомъ, автора или передѣлывателя „Исторіи Руссовъ“. Дѣйствительно „Исторія“ имѣетъ характеръ историческаго памфлета: факты прилаживаются къ тенденціи... По отзыву Костомарова, она „вся проникнута духомъ полудворянскаго малорусскаго мѣстнаго патріотизма“ [1])...

Георгій Конискій извѣстенъ у насъ краткою рѣчью, которую произнесъ онъ въ Мстиславлѣ императрицѣ Екатеринѣ во время ея путешествія въ 1787 году: „Оставимъ астрономамъ...“ и проч [2]). Рѣчь сія, прославленная во всѣхъ нашихъ риторикахъ, не что иное, какъ остроумное привѣтствіе, и заключаетъ въ себѣ игру выраженій, можетъ быть, слишкомъ затѣйливую; по нашему мнѣнію, привѣтствіе, коимъ высокопреосвященный Филаретъ встрѣтилъ государя императора, пріѣхавшаго въ Москву въ концѣ 1830 года, въ своей умилительной простотѣ заключаетъ гораздо болѣе краснорѣчія. Впрочемъ, различіе обстоятельствъ изъясняетъ и различіе чувствъ, выражаемыхъ обоими ораторами. Императрица путешествовала, окруженная всею пышностію двора своего, встрѣчаемая всюду торжествами и празднествами; государь посѣтилъ Москву, опустошаемую заразой, пораженную скорбью и ужасомъ.

Но Георгій есть одинъ изъ самыхъ достопамятныхъ мужей минувшаго столѣтія. Жизнь его принадлежитъ исторіи. Онъ вступилъ въ управленіе своею епархіею, когда Бѣлоруссія находилась еще подъ игомъ Польши. Православіе было гонимо католическимъ фанатизмомъ. Церкви наши стояли пусты, или отданы были уніятамъ. Миссіонеры насильно гнали народъ въ уніятскіе костелы, ругались надъ ослушниками, сѣкли ихъ, заключали въ темницы, томили голодомъ, отымали у нихъ дѣтей, дабы воспитывать ихъ въ своей вѣрѣ, уничтожали браки, совершенные по обрядамъ нашей церкви, ругались надъ могилами православныхъ. Георгій искалъ защиты у

---

[1]) „Ист. Слав. лит.“ Пыпина и Спасовича. Изд. 2-е. Т. I, стр. 366.

[2]) „Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца движется: наше солнце вокругъ насъ обращается“ etc.

русскаго правительства; онъ доносилъ обо всемъ святѣйшему синоду и жаловался нашему посланнику, находившемуся въ Варшавѣ. Ревность его пуще озлобила гонителей. Доминиканецъ Овлачинскій, прославившійся ненавистію къ нашей церкви, замыслилъ принести Георгія въ жертву своему изувѣрству. Въ 1759 году Георгій, презирая опасности, ему угрожающія, поѣхалъ обозрѣвать сѣтующую свою епархію. Овлачинскій и миссіонеры возмутили въ Оршѣ шляхту и жолнеровъ. Они разогнали народъ, вышедшій съ хоругвями на встрѣчу своему архипастырю, остановили колокольный звонъ и съ воплемъ ворвались въ церковь, гдѣ Георгій священнодѣйствовалъ. Преосвященный едва успѣлъ спастись отъ ихъ сабель въ стѣнахъ Кутеинскаго монастыря, откуда тайно вывезли его въ телѣгѣ, прикрывъ навозомъ. Другой изувѣръ, свирѣпый Зеновичъ, предводительствуя іезуитскими воспитанниками, ночью въ Могилевѣ напалъ на архіерейскій домъ. Буйные молодые люди вломились въ ворота, перебили окна, ранили нѣсколько монаховъ, семинаристовъ и слугъ; но къ счастію не нашли Георгія, скрывшагося въ подвалахъ своего дома.

Дерзость гонителей часъ отъ часу усиливалась. Польское правительство имъ потворствовало. Миссіонеры своевольничали, поносили православную церковь, лестью и угрозами преклоняли къ уніи не только простой народъ, но и священниковъ. Георгій снова жаловался Россіи. Императрица Елизавета Петровна, передъ самой своей кончиною, и государь Петръ III, при своемъ восшествіи на престолъ, требовали отъ польскаго двора, чтобъ гоненія надъ нашими единовѣрцами были прекращены; но избавленіе православія предоставлено было Екатеринѣ II.

Георгій предсталъ передъ нею въ 1762 году въ Москвѣ, когда она короновалась, и вслѣдъ за русскимъ духовенствомъ принесъ ей, вмѣстѣ съ поздравленіями, тихія сѣтованія народа, издревле намъ роднаго, но отчужденнаго отъ Россіи жребіями войны. Екатерина съ глубокимъ вниманіемъ выслушала печальную рѣчь представителя будущихъ ея подданныхъ, и когда, нѣсколько времени спустя, святѣйшій синодъ думалъ вызвать Георгія и поручить въ его управленіе псковскую эпархію, императрица на то не согласилась и сказала: „Георгій нуженъ въ Польшѣ.“

Въ 1765 Георгій явился въ Варшавѣ и предъ трономъ Станислава съ жаромъ заступился за тѣхъ, которые именовались еще подданными Польши. Король пораженъ былъ его словами. Онъ обѣщалъ свое покровительство диссидентамъ, и въ слѣдующемъ году дѣйствительно повелѣлъ „уніятскимъ архіереямъ, изъ среды своей избравъ одного епископа, прислать въ Варшаву, для изысканія и постановленія надлежащихъ мѣръ ко взаимному успокоенію враждующихъ.“ Но гордые польскіе магнаты, презрѣвъ посредничество Россіи и Пруссіи, отвергли справедливыя требованія диссидентовъ. Вслѣдствіе сего Екатерина повелѣла своимъ войскамъ двинуться къ Варшавѣ. Тамъ, за оградою русскихъ штыковъ, созванъ былъ сеймъ, учреждена согласительная коммиссія, и диссидентамъ возвращены ихъ прежнія права.

Георгій, одинъ изъ первыхъ членовъ Слуцкой конфедераціи, опредѣленъ былъ въ члены сей коммиссіи. Онъ опять отправился въ Варшаву и дѣятельно занялся объясненіемъ древнихъ грамотъ, на коихъ основаны были права диссидентовъ. Онъ умѣлъ пріобрѣсти уваженіе своихъ противниковъ и даже ихъ довѣренность. „Мы за вами еще живемъ", сказалъ однажды ему уніятскій епископъ Шептицкій: „а когда католики васъ догрызутъ, то примутся и за насъ." Уніяты втайнѣ готовы были отложиться отъ папы и снова соединиться съ греко-россійскою церковью. Между тѣмъ Барская конфедерація, поддерживаемая политикою Шуазёля, воспламенила новую войну. Слѣдствіемъ оной былъ первый раздѣлъ Польши. Семь областей, древнее достояніе нашего отечества, были ему возвращены— и въ 1773 году Георгій явился предъ Екатериною уже какъ подданный, радостно привѣтствуя избавительницу и законную владычицу Бѣлоруссіи.

Съ тѣхъ поръ Георгій могъ спокойно посвятить себя на управленіе своею епархіею. Просвѣщеніе духовенства, ему подвластнаго, было главною его заботою. Онъ учреждалъ училища, безпрестанно поучалъ свою паству, а часы досуга посвящалъ ученымъ занятіямъ. Онъ умеръ въ 1795 году, будучи семидесяти семи лѣтъ отъ роду.

Нынѣ протоіерей І. Григоровичъ издалъ собраніе сочиненій Георгія Конискаго, присовокупивъ къ книгѣ своей любопытное и прекрасно изложенное жизнеописаніе Георгія Конискаго [1]).

Проповѣди Георгія просты, и даже нѣсколько грубы, какъ поученія старцевъ первоначальныхъ; но ихъ искренность увлекательна. Политическія рѣчи его имѣютъ большое достоинство. Лучшая изъ нихъ произнесена Екатеринѣ, по совершеніи ея коронованія. Помѣщаемъ здѣсь нѣсколько изъ его отдѣльныхъ мыслей [2]).

Конискій написалъ также нѣсколько стихотвореній русскихъ, польскихъ и латинскихъ. Въ художественномъ отношеніи они имѣютъ мало достоинства, хотя въ нихъ и виденъ духъ мыслящій. Слѣдующая элегія показалась намъ достопримѣчательна:

Серпа ожидаютъ созрѣлые класы;
А намъ вѣстники смерти—сѣдые власы и пр.

Но главное произведеніе Конискаго остается до сихъ поръ неизданнымъ: Исторія Малороссіи извѣстна только въ рукописи. Георгій написалъ ее съ цѣлію государственною. Когда императрица Екатерина учредила коммиссію о составленіи новаго уложенія, тогда депутатъ малороссійскаго шляхетства Андрей Григорьевичъ Полетика обратился къ Георгію, какъ человѣку, свѣдущему въ старинныхъ правахъ и постановленіяхъ сего края. Конискій, справедливо полагая, что одна только исторія народа можетъ объяснить истинныя требованія онаго, принялся за свой важный трудъ и совершилъ его съ удивительнымъ успѣхомъ. Онъ сочеталъ поэтическую свѣжесть лѣтописи съ критикой, необходимой въ исторіи. Не говорю здѣсь о нѣкоторыхъ этнографическихъ и этимологическихъ объ-

---

1) „Собраніе сочиненій преосв. Георгія Конискаго, съ его жизнеописаніемъ и портретомъ". 2 части. Спб. 1835.

2) Въ „Современникѣ" приведены обширныя выписки. См. тамъ стр. 89—95.

ясненіяхъ, помѣщенныхъ имъ въ началѣ его книги, которыя перенесъ онъ въ исторію изъ хроники, не видя въ нихъ никакой существенной важности и не находя нужнымъ противорѣчить общепринятымъ въ то время понятіямъ. Подъ словомъ критика я разумѣю глубокое изученіе достовѣрныхъ событій и ясное, остроумное изложеніе ихъ истинныхъ причинъ и послѣдствій.

Смѣлый и добросовѣстный въ своихъ показаніяхъ, Конискій не чуждъ нѣкотораго невольнаго пристрастія. Ненависть къ изувѣрству католическому и угнетеніямъ, коимъ онъ самъ такъ дѣятельно противился, отзывается въ краснорѣчивыхъ его повѣствованіяхъ. Любовь къ родинѣ часто увлекаетъ его за предѣлы строгой справедливости. Должно замѣтить, что чѣмъ ближе подходитъ онъ къ настоящему времени, тѣмъ искреннѣе, небрежнѣе и сильнѣе становится его разсказъ. Онъ любитъ говорить о подробностяхъ войны, и описываетъ битвы съ удивительною точностію. Видно, что сердце дворянина еще бьется въ немъ подъ иноческою рясою. (Конискій происходилъ отъ стариннаго шляхетскаго роду, и этимъ вовсе не пренебрегалъ, какъ видно даже изъ эпитафіи, вырѣзанной надъ его гробомъ и сочиненной имъ самимъ). Множество мѣстъ въ Исторіи Малороссіи суть картины, начертанныя кистію великаго живописца. Дабы дать о немъ нѣкоторое понятіе тѣмъ, которые еще не читали его, помѣщаемъ здѣсь два отрывка изъ его рукописи [1]).

Какъ историкъ, Георгій Конискій еще не оцѣненъ по достоинству, ибо счастливый мадригалъ приноситъ иногда болѣе славы, нежели созданіе истинно высокое, рѣдко понятное для записныхъ цѣнителей ума человѣческаго и мало доступное для большаго числа читателей.

Протоіерей І. Григоровичъ, издавъ сочиненія великаго архіепископа Бѣлоруссіи, оказалъ обществу великую услугу. Будемъ надѣяться, что и великій историкъ Малороссіи найдетъ себѣ наконецъ столь же достойнаго издателя.

54.

Вастола, или Желанія. Повѣсть въ стихахъ Виланда. Издалъ А. Пушкинъ.

Эта статья помѣщена въ I кн. „Современника".

„Въ 40-хъ годахъ", замѣчаетъ Я. К. Гротъ [2]), „занимая каѳедру русской исторіи и литерауры въ гельсингфорскомъ университетѣ, я переписывался съ П. А. Плетневымъ и иногда обращался къ нему съ вопросами о Пушкинѣ". Одно изъ его объясненій раскрываетъ отчасти то лицо, которому принадлежалъ переводъ „Вастолы". „Вастолу Виланда", писалъ Я. К. Гроту Плетневъ, „перевелъ какой-то бывшій нѣкогда учитель Пушкина"; онъ состоялъ въ первые годы членомъ Общ. Соревнователей просвѣщенія и благотворенія. Послѣ служилъ онъ въ военномъ министерствѣ чиновникомъ, и, по общей слабости чиновниковъ изъ

---

[1]) Здѣсь выписаны отрывки: „Введеніе уніи" и „Казнь Остраницы". См. „Исторію Руссовъ", стр. 40—42 и 53—57.

[2]) „Пушкинъ" 1887. Стр. 217.

класса ученыхъ, пописывалъ. Ему-то Пушкинъ и позволилъ назвать себя издателемъ его перевода".

Замѣтка Пушкина вызвана была явившимся въ „Библіотекѣ для Чтенія" извѣщеніемъ Сенковскаго:

„Важное событіе! А. С. Пушкинъ издалъ новую поэму подъ заглавіемъ: „Вастола, или Желанія сердца", Виланда. Мы еще ея не читали, но говорятъ, что стихъ ея удивителенъ. Кто не порадуется новой поэмѣ Пушкина? Истекшій годъ заключился общимъ восклицаніемъ: Пушкинъ воскресъ!"

Вслѣдъ за этими строками, въ Литературной лѣтописи „Библіотеки для Чтенія" появился слѣдующій разборъ „Вастолы":

„Пѣвецъ Кавказскаго Плѣнника сдѣлалъ въ новый годъ непостижимый подарокъ лучшей своей пріятельницѣ, доброй, честной русской публикѣ. Та, которая любила его какъ своего первенца, любила такъ искренно, такъ благородно, такъ безкорыстно; та, для чьего сердца имя его было нераздѣльно съ драгоцѣннѣйшею вещію въ мірѣ, — славою своего отечества, та самая, въ возвратъ за всѣ свои нѣжныя чувства, заслуживающія всякаго уваженія, получила отъ него, при визитномъ билетѣ „Вастолу", съ двусмысленнымъ заглавіемъ. Первымъ ея движеніемъ было посмотрѣть въ календарь, не пришлось ли въ нынѣшнемъ году въ новый годъ первое апрѣля. Нѣтъ, первое апрѣля будетъ перваго апрѣля, а теперь начало января, время изліянія дружескихъ чувствованій, время поклоновъ съ почтеніемъ и всякихъ маскарадовъ. Бѣдная русская публика не знала что́ дѣлать — гнѣваться ли за эту мистификацію, или приказать „кланяться и благодарить и въ другой разъ къ себѣ просить"... Посланецъ отпущенъ былъ безъ отвѣта.

„Для многихъ еще не рѣшенъ вопросъ о „Вастолѣ". Каждый толкуетъ по-своему слово „издалъ", которое, какъ извѣстно, принимается въ русскомъ языкѣ также въ значеніи: написалъ и напечаталъ. Одни утверждаютъ, что это дѣйствительно стихи А. С. Пушкина; другіе, что они не его, а онъ только ихъ издатель. Трудно повѣрить, чтобы Пушкинъ, вельможа русской словесности, сдѣлался книгопродавцемъ и „издавалъ" книжки для спекуляцій. Мы сами сначала позволили себя увѣрить, что А. С. играетъ здѣсь только скромную роль издателя; но одинъ почтенный „читатель" убѣдилъ насъ въ противномъ. Зашедши въ первыхъ числахъ января въ книжный магазинъ С***, чтобъ купить себѣ „Вастолу", мы застали тамъ одного депутата отъ публики, одного читателя, который пришелъ туда съ той же цѣлію. Онъ держалъ въ одной рукѣ „Вастолу" и пробѣгалъ ее глазами по неразрѣзаннымъ листамъ, а въ другой, протянутой къ прикащику магазина, красную ассигнацію. Совѣстливый книгопродавецъ, прежде чѣмъ взять деньги, спрашивалъ читателя, знаетъ ли онъ, что́ такое покупаетъ. „Если вы хотите купить поэму Пушкина", говорилъ благородный прикащикъ, котораго за это въ нынѣшнемъ же году надобно представить къ Монтіоновымъ преміямъ за добродѣтель, „то я долженъ предостеречь васъ, что вы ошибаетесь: это не Пушкина сочиненіе-съ!" Читатель посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ и вскричалъ: — Какъ не Пушкина? Ба!.. будто бы я Пушкина стиховъ не знаю!.. — Увѣряю васъ, что не Пушкина-съ. — Подите, сударь! Да кто, кромѣ Пушкина, въ состояніи написать у насъ такіе стихи? И читатель сталъ тутъ же читать намъ вслухъ слѣдующіе стихи изъ „Вастолы", постепенно одушевляясь ихъ красотами:

„Мѣщанка мать его, вдова честная,
Ужъ нѣсколько годовъ пряденьемъ промышляя,

Кормила тѣмъ себя и милаго сынка.
Ея рабочая, проворная рука
Не знала никогда покоя, и въ присядку
Трескучую свою вертѣла самопрядку;
Вертѣла у окна при солнечномъ лучѣ,
Вертѣла при свѣчѣ,
Вертѣла при лучинѣ,
Не мысля о кручинѣ;
Но слезно и за то всегда благодаря
Небеснаго Царя,
Когда на очажкѣ для варева какого
Горѣло у нея обѣденной порой
Немого хворосту сухаго,
Отъ *коего* потомъ всѣ угли кочергой
Скорѣй вгребала въ печь, чтобъ въ бѣдности за дѣломъ
Хоть было ей тепло въ пріютѣ устарѣломъ.
При тихой жизни, толь святой,
Какъ нынѣ рѣдкія на свѣтѣ
Живутъ, оставшися вдовой,
Имѣя легкій трудъ въ предметѣ...
Одна гнела ее тоска,
Одна заботила кручина,
Что отъ Перфонтьюшки, любезнаго сынка,
Хоть онъ и дюжій былъ дѣтина,
Ни шерсти нѣтъ, ни молока.

— Кто у насъ въ состояніи, торжественно сказалъ читатель, произнесши послѣдніе стихи съ непритворнымъ энтузіазмомъ: кто у насъ въ состояніи такъ написать, кромѣ Пушкина?

Книгопродавецъ улыбался. Читатель бросилъ съ гнѣвомъ ассигнацію на прилавокъ и, не дожидаясь сдачи, побѣжалъ изъ магазина. Я слышалъ еще, какъ онъ говорилъ у дверей: „Да я знаю навѣрное, что это Пушкина книга! Вотъ нашли, кого дурачить!“

„Послѣ этого я не смѣлъ и сомнѣваться, чтобы „Вастола“ не была дѣйствительно произведеніемъ А. С. Пушкина. Не вдаваясь въ объясненія съ книгопродавцами, я важно потребовалъ для себя одного экземпляра, заплатилъ деньги и ушелъ.

„Я читалъ „Вастолу“. Читалъ и вовсе не сомнѣваюсь, что это стихи Пушкина. Пушкинъ даритъ насъ всегда такими стихами, которымъ надобно удивляться, не въ томъ, такъ въ другомъ отношеніи.

„Нѣкоторые однако намекаютъ, будто А. С. Пушкинъ никогда не писалъ этихъ стиховъ, что „Вастола“ переведена какимъ-то бѣднымъ литераторомъ, что Александръ Сергѣевичъ только далъ ему на прокатъ свое имя, для того чтобы лучше покупали книгу, и что онъ желалъ сдѣлать этимъ благотворительный поступокъ. Этого быть не можетъ! Мы безпредѣльно уважаемъ всякое благотворительное намѣреніе, но такой поступокъ противился бы всѣмъ нашимъ понятіямъ о благотворительности, и мы съ негодованіемъ отвергаемъ всѣ подобные намеки, какъ клевету завистниковъ великаго поэта. Пушкинъ не станетъ обманывать публики двусмысленностями, чтобъ дѣлать кому добро. Онъ знаетъ, что́ долженъ публикѣ и себѣ. Если бъ въ словѣ „издалъ“ и не было

двусмысленности, если бы оно и принято было здѣсь въ самомъ тѣсномъ его значеніи, онъ знаетъ, что человѣкъ, пользующійся литературною славою, отвѣчаетъ передъ публикою за примѣчательное достоинство книги, которую издаетъ подъ покровительствомъ своего имени, и что, въ подобномъ случаѣ, выставленное имя напечатлѣвается всею святостью торжественно даннаго въ томъ слова. Онъ охотно выметъ изъ своего кармана тысячу рублей для бѣднаго, но обманывать не станетъ, — ни васъ, ни меня. Дать свое имя книгѣ, какъ вы говорите, „плохой", изъ благотворительности?.. Невозможно, невозможно! Не говорите мнѣ даже этого! Не повѣрю! Благотворительность предполагаетъ пожертвованіе труда или денегъ, чего бы то ни было,—иначе она не благотворительность. Согласитесь, что позволить напечатать свое имя не стоитъ никакихъ хлопотъ. Александръ Сергѣевичъ, если бъ пожелалъ быть благотворителемъ, написалъ бы самъ двѣ-три страницы стиховъ, и онѣ принесли бы болѣе выгоды бѣдному, которому бы онъ подарилъ ихъ, чѣмъ вся эта „Вастола". Люди добраго сердца оказываютъ благотворительность приношеніемъ нищетѣ какого-нибудь дѣйствительнаго труда, а не бросая въ лицо бѣдному одно свое имя для продажи, что равнялось бы презрѣнію къ бѣдному и презрѣнію къ публикѣ, къ вамъ, ко мнѣ, ко всякому. Нѣтъ, нѣтъ, клянусь вамъ, это подлинные стихи Пушкина. И если бы они даже были не его, ему теперь не оставалось бы ничего болѣе какъ признать ихъ своими и внести въ собраніе своихъ сочиненій. Между возможностью упрека въ томъ, что вы употребили уловку (рука дрожитъ, чертя это) и чистосердечнымъ принятіемъ на свой счетъ стиховъ, которымъ дали свое имя для успѣшнѣйшей ихъ продажи, выборъ не можетъ быть сомнителенъ для благороднаго человѣка. Но этотъ выборъ не представится никогда Пушкину. „Вастола", мы увѣрены, дѣйствительно его твореніе. Это его стихи. Удивительные стихи!"

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ дано было почувствовать, что издатель Вастолы хотѣлъ присвоить себѣ чужое произведеніе, выставя свое имя на книгѣ, имъ изданной. Обвиненіе несправедливое: печатать чужія произведенія съ согласія или по просьбѣ автора до сихъ поръ никому не воспрещалось. Это называется издавать: слово ясно; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ другаго не придумано.

Въ томъ же журналѣ сказано было, что „Вастола" переведена какимъ-то бѣднымъ литераторомъ, что А. С. П. только далъ ему на прокатъ свое имя, и что лучше бы сдѣлалъ, давъ ему изъ своего кармана тысячу рублей.

Переводчикъ Виландовой поэмы, гражданинъ и литераторъ заслуженный, почтенный отецъ семейства, не могъ ожидать нападенія столь жестокаго. Онъ человѣкъ небогатый, но честный и благородный. Онъ могъ поручить другому пріятный трудъ издать свою поэму, но конечно бы не принялъ милостыни, отъ кого бы то ни было.

Послѣ таковаго объясненія не можемъ рѣшиться здѣсь наименовать настоящаго переводчика. Жалѣемъ, что искреннее желаніе ему услужить могло подать поводъ къ намекамъ, столь оскорбительнымъ.

55.

Вечера на хуторѣ, изданіе 2-е.

Эта статья о „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки" Гоголя помѣщена въ I кн. „Современника".

Читатели наши, конечно, помнятъ впечатлѣніе, произведенное надъ ними появленіемъ „Вечеровъ на хуторѣ". Всѣ обрадовались этому живому описанію племени поющаго и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картинамъ малороссійской природы, этой веселости, простодушной и вмѣстѣ лукавой. Какъ изумились мы русской книгѣ, которая заставляла насъ смѣяться, мы, не смѣявшіеся со временъ Фонъ-Визина! Мы такъ были благодарны молодому автору, что охотно простили ему неровность и неправильность его слога, безсвязность и неправдоподобіе нѣкоторыхъ разсказовъ, предоставя сіи недостатки на поживу критики. Авторъ оправдалъ такое снисхожденіе. Онъ съ тѣхъ поръ непрестанно развивался и совершенствовался. Онъ издалъ „Арабески", гдѣ находится его „Невскій проспектъ", самое полное изъ его произведеній. Вслѣдъ за тѣмъ явился „Миргородъ", гдѣ съ жадностію всѣ прочли и „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ", эту шутливую трогательную идиллію, которая заставляетъ васъ смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія, и „Тараса Бульбу", коего начало достойно Вальтеръ-Скотта. Г. Гоголь идетъ еще впередъ. Желаемъ и надѣемся имѣть часто случай говорить о немъ въ нашемъ журналѣ *).

56.

О разсказѣ: Долина Ажитугай.

Эта замѣтка помѣщена во II кн. „Современника".

Вотъ явленіе, неожиданное въ нашей литературѣ! Сынъ полудикаго Кавказа становится въ ряды нашихъ писателей; черкесъ изъясняется на русскомъ языкѣ свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотѣли перемѣнить въ предлагаемомъ отрывкѣ; любопытно видѣть, какъ Султанъ Казы-Гирей (потомокъ крымскихъ Гиреевъ), видѣвшій вблизи роскошную образованность, остался вѣренъ привычкамъ и преданіямъ наслѣдственнымъ; какъ русскій офицеръ помнитъ чувства ненависти къ Россіи, волновавшія его отроческое сердце, какъ, наконецъ, магометанинъ съ глубокой думою смотритъ на крестъ, эту хоругвь Европы и просвѣщенія.

57.

Россійская Академія.

Эта статья помѣщена во II кн. „Современника".

Пушкинъ былъ предложенъ въ члены Россійской Академіи А. С. Шишковымъ и избранъ въ засѣданіи 3 декабря 1832 г. единогласно. Отсутствовавшіе

*) На дняхъ будетъ представлена на здѣшнемъ театрѣ его комедія Ревизоръ.—*А. П.*

члены Академіи подали свои голоса также въ пользу Пушкина, а въ числѣ отсутствовавшихъ были и враги его — Уваровъ и Каченовскій. Только митрополитъ Серафимъ не далъ своего голоса ни за, ни противъ Пушкина, на томъ основаніи, что Пушкинъ ему неизвѣстенъ. (Сухомлиновъ, Исторія Росс. Академіи, VII, 77—84).

18-го января нынѣшняго года Россійская Академія была удостоена присутствія его свѣтлости принца Петра Ольденбургскаго, избраннаго ею въ почетные члены. Непремѣнный секретарь, Д. И. Языковъ, открылъ засѣданіе чтеніемъ краткой исторіи Академіи.

Екатерина II основала Россійскую Академію въ 1783 году и повелѣла княгинѣ Дашковой быть предсѣдателемъ оной.

Екатерина, стремившаяся во всемъ установить законъ и незыблемый порядокъ, хотѣла дать уложеніе и русскому языку. Академія, повинуясь ея наказу, тотчасъ приступила къ составленію словаря. Императрица приняла въ немъ участіе не только словомъ, но и дѣломъ. Часто освѣдомлялась она объ успѣхѣ начатаго труда, и нѣсколько разъ слыша, что словарь доведенъ до буквы Нашъ, сказала однажды съ видомъ нѣкотораго нетерпѣнія: „все Нашъ да Нашъ! когда же вы мнѣ скажете вашъ?“ Академія удвоила стараніе. Черезъ нѣсколько времени на вопросъ императрицы: что́ словарь? отвѣчали ей, что Академія дошла до быквы Покой. Императрица улыбнулась и замѣтила, что Академіи пора было бы покой оставить.

Несмотря на сіи шутки, Академія должна была изумить государыню поспѣшнымъ исполненіемъ ея воли: словарь оконченъ былъ въ теченіе шести лѣтъ *). Карамзинъ справедливо удивляется такому подвигу. „Полный словарь, изданный Академіей“, говоритъ онъ, „принадлежитъ къ числу тѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иноземцевъ; наша, безъ сомнѣнія, счастливая судьба во всѣхъ отношеніяхъ есть какая-то необыкновенная скорость: мы зрѣемъ не вѣками, а десятилѣтіями. Италія, Франція, Англія, Германія славились уже многими великими писателями, еще не имѣя словаря: мы имѣли церковныя, духовныя книги, имѣли стихотворцевъ, писателей, но только одного истинно классическаго (Ломоносова), и представили систему языка, которая можетъ равняться съ знаменитыми твореніями академій флорентинской и парижской“.

Многіе изъ членовъ Академіи участвовали въ изданіи Собесѣдника любителей россійскаго слова. Слѣдующее происшествіе, гово-

*) Французская академія, основанная въ 1634 году, и съ тѣхъ поръ безпрерывно занимавшаяся составленіемъ своего словаря, издала оный не прежде, какъ въ 1694 году. Словарь обветшалъ, пока еще надъ нимъ трудились, говоритъ Вильменъ. Стали его передѣлывать. Прошло нѣсколько лѣтъ, и все еще академія пересматривала букву А. Дѣятельный Кольберъ, удивлявшійся такой медленности, пріѣхалъ однажды въ собраніе академіи. Разбирали слово ami. Но были такіе споры о точномъ опредѣленіи онаго; разсуждали съ такою утонченностію о томъ, что въ словѣ ami предполагается ли свѣтская обязанность, или сердечное отношеніе, чувство раздѣленное, или одно наружное изъявленіе, или усердіе безъ вознагражденія, что министръ, у коего при дворѣ было такъ много друзей, признался, что онъ болѣе ужъ не удивляется медленности и затрудненіямъ академіи. *А. П.*

ритъ г. Языковъ, достойно быть сохранено въ памяти: Фонъ-Визинъ доставилъ въ Собесѣдникъ статью подъ названіемъ: „Нѣсколько вопросовъ, могущихъ возбудить въ умныхъ и честныхъ людяхъ особливое вниманіе". Вопросы явились въ Собесѣдникѣ съ весьма остроумными отвѣтами. Приведемъ здѣсь нѣкоторые.

В. Отчего всѣ въ долгахъ?

О. Оттого, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ.

В. Отчего не только въ Петербургѣ, но и въ самой Москвѣ, перевелись общества между благородными?

О. Отъ розмноженія клубовъ.

В. Отчего главное стараніе большей части дворянъ состоитъ не въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать дѣтей своихъ людьми, а въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать ихъ гвардіи унтеръ-офицерами?

О. Оттого, что одно легче другаго.

В. Отчего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?

О. Оттого, что сіе не есть дѣло всякаго.

В. Отчего у насъ не стыдно не дѣлать ничего?

О. Сіе не ясно: стыдно дѣлать дурное, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего.

В. Отчего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостію, потомъ оставляются, а нерѣдко и совсѣмъ забываются?

О. По той же причинѣ, по которой человѣкъ старѣется.

В. Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?

О. Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи и въ корнѣ всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ.

В. Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ и весьма большіе?

О. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли.

NB. Сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли.

Сіи отвѣты писаны самой императрицей.

Подъ предсѣдательствомъ А. А. Нартова (1802—1813) академія издала:

1) Грамматику россійскую. 2) Сочиненія и переводы академіи. 3) Словарь, расположенный по азбучному порядку. 4) Переводъ лѣтописи Тацитовой. 5) Переводъ путешествія Младшаго Анахарсиса [1]).

Въ 1813 году, по смерти Нартова, А. С. Шишковъ, бывшій въ то время за границей съ государемъ императоромъ, назначенъ предсѣдателемъ Россійской академіи. Подъ его руководствомъ академія издала слѣдующія книги:

1) Извѣстія академіи, 11 книжекъ (1815—1823). 2) Повременное изданіе, 4 части (1829—1832). 3) Краткія записки, 3 книжки (1834—1836). 4) Квинтиліановы критическія наставленія (1834). 5) Собраніе сочиненій и переводовъ А. С. Шишкова, 16 частей.

---

[1]) См. Избр. соч. Кар. I, стр. 405.

Нынѣ академія приготовляетъ третье изданіе своего словаря, коего распространеніе часъ отъ часу становится необходимѣе. Прекрасный нашъ языкъ, подъ перомъ писателей неученыхъ и неискусныхъ, быстро клонится къ паденію. Слова искажаются, грамматика колеблется. Ороографія, сія геральдика языка, измѣняется по произволу всѣхъ и каждаго.

Вслѣдъ за непремѣннымъ секретаремъ, преосвященный Филаретъ представилъ отрывокъ изъ рукописи 1073 года, писанной для великаго князя Святослава и хранящейся нынѣ въ московской синодальной библіотекѣ.

„Рукопись называется Изборникъ, т. е. извлеченіе избранныхъ мѣстъ изъ разныхъ писателей. — Она содержитъ наиболѣе предметы, относящіеся до христіанскаго ученія, но частію и метафизическіе по разуму того вѣка, напримѣръ: о естествѣ, о собствѣ, о лици, о различіи, о случаніи, о супротивныхъ, о оглаголемыихъ. — На оборотѣ листа 237 начитается 175 статья книги, которая говоритъ о тропахъ и фигурахъ. Вотъ ея начало: Георьгия Хоуровьска о образѣхъ. Творьчьсти образи суть 27 (кз҃): 1. Инословіе. 2. Прѣводъ (metaphora). 3. Напотребіе. 4. Іріятіе. 5. Прѣходьноіе. 6. Възвратъ. 7. Съпріятіе. 8. Съяятіе. 9. Именотвореніе (onomatopoeia). 10. Сътвореніе. 11. Въименомѣстьство. 12. Отъименіе (metonymia). 13. Въспятословіе. 14. Окроугословіе. 15. Нестатъкъ. 16. Изрядіе. 17. Лихорѣчіе. 18. Притъча. 19. Прикладъ. 20. Отъданіе. 21. Лицетворіе (олицетвореніе). 22. Сълогъ. 23. Пороуганіе (ironia). 24. Видъ. 25. Послѣдословіе. — Инословіе оубо іесть ино нѣчто глаголюшти, а инъ разоумъ оуказаіюшти, якоже іеже іе речено отъ Бога къ зміи проклята ты и отъ всѣхъ звѣрий слово бо акы зміи іесть на диавола же, ино рѣчь нѣ зміемъ нарицаіема разоумѣваіемъ. — Далѣе слѣдуютъ подобныя сему опредѣленія и прочихъ выше исчисленныхъ наименованій, но не довольно понятныя для читателя, можетъ быть и потому, что не довольно понимаемы были предметы составителемъ или переводчикомъ, издателями русской энциклопедіи XI вѣка“.

Непремѣнный секретарь прочелъ главу II изъ устава академіи и слѣдующій отрывокъ изъ всеподданнѣйшаго доклада президента академіи, при поднесеніи на высочайшее усмотрѣніе проекта устава:

„Академія есть стражъ языка: и потому должно ей со всевозможною къ общей пользѣ ревностію вооружаться противъ всего несвойственнаго, чуждаго, невразумительнаго, темнаго, неправственнаго въ языкѣ. Но сіе вооруженіе ея долженствуетъ быть на единой пользѣ словесности основанное, кроткое, правдивое, безъ лицепріятія, безъ нападеній и потворства, не похожее на тѣ предосудительныя сочиненія, въ которыхъ, подъ мнимымъ разборомъ, пристрастное невѣжество или злость расточаютъ недостойныя похвалы или язвительныя хулы безъ всякой истины и доказательствъ, въ коихъ одныхъ заключается достоинство и польза сего рода писаній“.

За симъ дѣйствительный членъ М. Е. Лобановъ занялъ собраніе чтеніемъ мнѣнія своего: О духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной. Мнѣніе сіе заслуживаетъ особеннаго разбора, какъ по своей сущности, такъ и по важности мѣста, гдѣ оно было произнесено [1]).

---

[1]) Статью Пушкина объ этой рѣчи см. ниже. стр. 198.

В. А. Полѣновъ прочелъ: Краткое жизнеописаніе И. И. Лепехина, перваго непремѣннаго секретаря Россійской академіи: статью дѣльную, полную, прекрасно изложенную, словомъ—истинно академическую.

Послѣ сего дѣйствительные члены: М. Е. Лобановъ, князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ и Б. М. Федоровъ читали, одинъ послѣ другаго, сочиненія своего стихи.

Наконецъ князь Ширинскій-Шихматовъ прочелъ написанную г. президентомъ краткую статью подъ заглавіемъ: Нѣчто о Карамзинѣ. Невозможно было безъ особеннаго чувства слышать искреннія, простыя похвалы, воздаваемыя почтеннымъ старцемъ великому писателю... При семъ случаѣ А. С. Шишковъ упомянулъ о пребываніи Карамзина въ Твери въ 1811 году, при дворѣ блаженной памяти государыни великой княгини Екатерины Павловны, матери его свѣтлости принца Петра Ольденбургскаго. Извѣстно, что Карамзинъ читалъ тогда въ присутствіи покойнаго государя и августѣйшей сестры его нѣкоторыя главы Исторіи Государства Россійскаго. „Вы слушали“, пишетъ исторіографъ въ своемъ посвященіи, „съ восхитительнымъ для меня вниманіемъ; сравнивали давно минувшее съ настоящимъ, и не завидовали славнымъ опасностямъ Димитрія, ибо предвидѣли для себя еще славнѣйшія.“ Пребываніе Карамзина въ Твери ознаменовано еще однимъ обстоятельствомъ, важнымъ для друзей его славной памяти, неизвѣстнымъ еще для современниковъ. По вызову государыни великой княгини, женщины съ умомъ необыкновенно возвышеннымъ, Карамзинъ написалъ свои мысли: „О древней и новой Россіи“, со всею искренностію прекрасной души, со всею смѣлостію убѣжденія сильнаго и глубокаго. Государь прочелъ эти краснорѣчивыя страницы... прочелъ, и остался по прежнему милостивъ и благосклоненъ къ прямодушному своему подданному. Когда-нибудь потомство оцѣнитъ и величіе государя, и благородство патріота...

Засѣданіе 18 января 1836 года будетъ памятно въ лѣтописяхъ Россійской академіи.

58.

Записки Н. А. Дуровой, издаваемыя А. Пушкинымъ.

Modo vir, modo femina.—Ov.

Статья эта помѣщена—во II-й книгѣ „Современника“ 1836 г., какъ вступительная замѣтка къ тому отрывку изъ записокъ Дуровой, который помѣщенъ въ этой книгѣ.

Приводимъ нѣсколько отрывковъ изъ этихъ записокъ, занимающихъ 80 страницъ Современника:

„Вчера, проходя одно селеніе, должно было нашему эскадрону итти чрезъ узкую плотину; какое-то затрудненіе, встрѣтившееся переднему отдѣленію, заставило эскадронъ остановиться; другіе, проходя потѣснили насъ съ тылу, и лошади наши, тѣснясь и упираясь, чтобъ не упасть въ широкіе рвы съ боковъ плотины, стали бѣситься, бить и становиться на дыбы. Въ этомъ безпорядкѣ

меня вдавили въ средину моего взвода и такъ сжали, что я, хотя и видѣла, какъ стоящая передо мною лошадь располагалась ударить меня своею, хорошо подкованною ногою, но во власти моей было только съ мужествомъ дождаться и вытерпѣть этотъ ударъ; отъ жестокой боли я вздохнула изъ глубины души! Негодная лошадь имѣла и волю и возможность раздробить ногу мою, потому что я была какъ въ тискахъ; къ счастію, когда она собиралась повторить ударъ, эскадронъ тронулся съ мѣста, и все пришло въ порядокъ. Когда стали на лагерь, я осмотрѣла свою ногу и ужаснулась: она была расшиблена до крови и распухла! отъ подошвы до колѣна ломитъ нестерпимо! Въ первый разъ въ жизни я охотно сѣла бы въ повозку: мучительно ѣхать верхомъ, но какъ перемѣнить этого нечѣмъ, то и надобно терпѣть. Повозокъ при насъ давно уже нѣтъ ни одной; теперь вино пригодилось мнѣ: всякій день я мыла имъ больную ногу свою, и вижу къ испугу моему, что она дѣлается съ каждымъ днемъ богровѣе, хотя боль и утихаетъ. Ступень ушибленной ноги сдѣлалась черна какъ уголь; я боюсь смотрѣть на нее... (стр. 57 и 58).

......Если бъ я имѣла милліоны, отдала бы ихъ теперь всѣ за позволеніе уснуть. Я въ совершенномъ изнеможеніи. Всѣ мои чувства жаждутъ успокоенія... Мнѣ вздумалось взглянуть на себя въ свѣтлую полосу своей сабли: лицо у меня блѣдно какъ полотно, и глаза потухли! Съ другими нѣтъ такой сильной перемѣны, и вѣрно оттого, что они умѣютъ спать на лошадяхъ; я не могу... (стр. 70).

.....Вечеромъ вся наша армія расположилась бивакаміі близъ села Бородина. Кутузовъ хотѣлъ дать сраженіе, котораго такъ давно всѣ желаютъ и ожидаютъ. Нашъ полкъ по обыкновенію занимаетъ передовую линію. Въ эту ночь я, сколько ни свертывалась, сколько ни куталась подъ шинель, но не могла ни согрѣться, ни заснуть... Товарищи мои, которыхъ шинели теплы, спятъ покойно; охотно бы легла я у огня, но его нѣтъ и не разводили.—Вѣтеръ не унялся! на разсвѣтѣ грозно загрохотала вѣстовая пушка. Гулъ ея несся, катился и переливался по всему пространству, занятому войскомъ нашимъ. Обрадовавшись дню, я тотчасъ оставила безпокойный ночлегъ свой! Еще не совсѣмъ замолкъ гулъ пушечнаго выстрѣла, какъ все уже было на ногахъ! Чрезъ четверть часа все пришло въ движеніе, все готовится къ бою! Французы идутъ къ намъ густыми колоннами. Все поле почернѣло, закрывшись несмѣтнымъ ихъ множествомъ.— Адскій день! Я едва не оглохла отъ дикаго и неумолкнаго рева обѣихъ артиллерій. Ружейныя пули, которыя свистали, визжали, шикали, какъ градъ осыпали насъ, не обращали на себя ничьего вниманія, даже и тѣхъ, кого ранили, и они не слыхали ихъ: до нихъ ли было намъ?... Эскадронъ нашъ ходилъ нѣсколько разъ въ атаку, чѣмъ я была очень недовольна: у меня нѣтъ перчатокъ и руки мои такъ окоченѣли отъ холоднаго вѣтра, что пальцы едва сгибаются; когда мы стоимъ на мѣстѣ, я кладу саблю въ ножны и прячу руки въ рукава шинели, но когда велятъ итти въ атаку, надобно вынуть саблю и держать ее голою рукою на вѣтру и холодѣ..... Хотя нѣтъ робости въ душѣ моей, и цвѣтъ лица моего ни разу не измѣнялся, я покойна, но обрадовалась бы однакожъ, если бы перестали сражаться.—Ахъ, если бы я могла согрѣться и опять почувствовать, что у меня есть руки и ноги! Теперь я ихъ не слышу.—Желаніе мое исполнилось: нужды нѣтъ, какимъ образомъ, но только исполнилось, я не сражаюсь, согрѣлась и чувствую, что у меня есть руки и ноги, а особливо лѣвая очень ощутительно даетъ мнѣ знать, что я имѣю ее: она распухла, почернѣла и ломитъ нестерпимо: я получила контузію отъ ядра. Вахмистръ не допустилъ меня упасть съ лошади, поддержалъ и отвелъ за фронтъ. Несмотря на столько битвъ,

въ которыхъ была, я не имѣла никакого понятія о контузіи. Мнѣ казалось, что получить ее не значитъ быть ранену, и потому я, не видя крови на колѣнѣ своемъ, воротилась опять къ своему мѣсту. П., оглянувшись и видя, что я стою предъ фронтомъ, спросилъ, съ удивленіемъ: „зачѣмъ ты воротился?"—Я не раненъ, отвѣчала я. „Ротмистръ, полагая, что меня ударила пуля на излетѣ, успокоился, и мы продолжали стоять и выдерживать огонь до самой ночи; тогда непріятель началъ освѣщать насъ свѣтлыми ядрами, живописно скачущими мимо нашего фронта; наконецъ и эта забава кончилась, все затихло. Полкъ нашъ отступилъ нѣсколько назадъ и спѣшился, но эскадронъ П. остался на лошадяхъ. Я не въ силахъ была выдерживать долѣе мученій, претерпѣваемыхъ мною отъ лома въ ногѣ, отъ холода оледенявшаго кровь мою, и отъ жестокой боли всѣхъ членовъ (я думаю отъ того, что во весь день ни на минуту не сходила съ лошади). Я сказала П., что не могу болѣе держаться на сѣдлѣ, и что, если онъ позволитъ, то я поѣду въ вагенбургъ, гдѣ К. посмотритъ, что дѣлается съ моею ногою. Ротмистръ позволилъ...—Оставя эскадронъ, я поѣхала, въ сопровожденіи одного улана по дорогѣ къ вагенбургу, едва удерживаясь отъ болѣзненнаго стона. Я не могла ѣхать далѣе Бородина и остановилась въ этомъ селеніи; оно изъ конца въ конецъ было наполнено ранеными" (стр. 85—89).

„...Кутузовъ велѣлъ позвать меня. „Ну что", сказалъ онъ, взявъ меня за руку, какъ только я вошла, „покойнѣе ли у меня, нежели въ полку? Отдохнулъ ли ты? что твоя нога?" Я принуждена была сказать правду, что нога моя болитъ до нестерпимости, что отъ этого у меня всякій день лихорадка, и что я машинально только держусь на лошади, по привычкѣ, но что силы у меня нѣтъ и за пятилѣтняго ребенка. „Поѣзжай домой", сказалъ главнокомандующій, смотря на меня съ отеческимъ состраданіемъ: „ты въ самомъ дѣлѣ похудѣлъ и ужасно блѣденъ; поѣзжай, отдохни, вылѣчись и пріѣзжай обратно". При семъ предложеніи сердце мое стѣснилось: „Какъ мнѣ ѣхать домой, когда ни одинъ человѣкъ теперь не оставляетъ армію?" сказала я печально — „Что жъ дѣлать! ты боленъ. Развѣ лучше будетъ, когда останешься гдѣ-нибудь въ лазаретѣ? Поѣзжай! теперь мы стоимъ безъ дѣла; можетъ быть, и долго еще будемъ стоять здѣсь; въ такомъ случаѣ успѣешь застать насъ на мѣстѣ". Я видѣла необходимость послѣдовать совѣту Кутузова" (стр. 99, 100).

„Замѣчаю я, что носится какой-то глухой, невнятный слухъ о моемъ существованіи въ арміи. Всѣ говорятъ объ этомъ, но никто ничего не знаетъ; всѣ считаютъ возможнымъ, но никто не вѣритъ; мнѣ не одинъ разъ уже разсказывали собственную мою исторію со всѣми возможными искаженіями: одинъ описывалъ меня красавицею, другой уродомъ, третій старухою, четвертый давалъ мнѣ гигантскій ростъ и звѣрскую наружность, и т. д. Судя по симъ описаніямъ, я могла бы быть увѣренною, что никогда ни чьи подозрѣнія не остановятся на мнѣ, если бъ одно обстоятельство не угрожало обратить наконецъ на меня замѣчанія моихъ товарищей: мнѣ должно носить усы, а ихъ нѣтъ, и разумѣется не будетъ; Н., С. и Л. часто уже смѣются мнѣ, говоря: „А что, братъ, когда мы дождемся твоихъ усовъ? Ужъ не лапландецъ ли ты?" Разумѣется, это шутка; они не полагаютъ мнѣ болѣе 18-ти лѣтъ, но иногда примѣтная вѣжливость въ ихъ обращеніи и скромность въ словахъ даютъ мнѣ замѣтить, что если они не совсѣмъ вѣрятъ, что я никогда не буду имѣть усовъ, по крайней мѣрѣ сильно подозрѣваютъ, что это можетъ быть. Впрочемъ сослуживцы мои очень дружески расположены ко мнѣ и весьма хорошо мыслятъ; я ничего не потеряю въ ихъ мнѣніи: они были свидѣтелями и товарищами ратной жизни моей". (стр. 113 и 114).

Въ 1808 году молодой мальчикъ, по имени Александровъ, вступилъ рядовымъ въ конно-польскій уланскій полкъ, отличился, получилъ за храбрость солдатскій георгіевскій крестъ, и въ томъ же году произведенъ былъ въ офицеры въ маріупольскій гусарскій полкъ. Впослѣдствіи перешелъ онъ въ литовскій уланскій и продолжалъ свою службу столь же ревностно, какъ и началъ.

Повидимому, все это въ порядкѣ вещей и довольно обыкновенно; однакожъ это самое надѣлало много шуму, породило много толковъ и произвело сильное впечатлѣніе, отъ одного нечаянно открывшагося обстоятельства: корнетъ Александровъ былъ дѣвица Надежда Дурова.

Какія причины заставили молодую дѣвушку хорошей дворянской фамиліи оставить отеческій домъ, отречься отъ своего пола, принять на себя труды и обязанности, которыя пугаютъ и мужчинъ, и явиться на полѣ сраженій—и какихъ еще? Наполеоновскихъ! Что побудило ее? Тайныя семейныя огорченія? Воспаленное воображеніе? Врожденная, неукротимая склонность? Любовь? Вотъ вопросы, нынѣ забытые, но которые въ то время сильно занимали общество.

Нынѣ Н. А. Дурова сама разрѣшаетъ свою тайну. Удостоенные ея довѣренности, мы будемъ издателями ея любопытныхъ записокъ. Съ неизъяснимымъ участіемъ прочли мы признанія женщины, столь необыкновенной; съ изумленіемъ увидѣли, что нѣжные пальчики, нѣкогда сжимавшіе окровавленную рукоять уланской сабли, владѣютъ и перомъ быстрымъ, живописнымъ и пламеннымъ. Надежда Андреевна позволила намъ украсить страницы Современника отрывками изъ журнала, веденнаго ею въ 1812—13 году. Съ глубочайшей благодарностью спѣшимъ воспользоваться ея позволеніемъ.

59.

Мнѣніе М. А. Лобанова о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной.

(Читано имъ 18 января 1836 г. въ въ Императорской Россійской Академіи). Помѣщено въ III кн. Современника 1836 г.

Г. Лобановъ заблагоразсудилъ дать своему мнѣнію форму неопредѣленную, вовсе не академическую: это краткая статья, въ родѣ журнальныхъ отмѣтокъ, помѣщаемыхъ въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду. Можетъ статься, то, что хорошо въ журналѣ, покажется слишкомъ легковѣснымъ, если будетъ произнесено въ присутствіи всей академіи и торжественно потомъ обнародовано. Какъ бы то ни было, мнѣніе г. Лобанова заслуживаетъ и даже требуетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія.

„Любовь къ чтенію и желанію образованія (такъ начинается статья г. Лобанова) сильно увеличились въ нашемъ отечествѣ въ послѣдніе годы. Умножились типографіи, умножилось число книгъ; журналы расходятся въ большемъ количествѣ; книжная торговля распространяется".

Находя событіе сіе пріятнымъ для наблюдателя успѣховъ словесности въ нашемъ отечествѣ, г. Лобановъ изрекаетъ неожиданное обвиненіе:

„Безпристрастные наблюдатели“, говоритъ онъ, „носящіе въ сердцахъ своихъ любовь ко всему, что клонится къ благу отечества, проходя въ памяти своей все, въ послѣднія времена ими читанное, не безъ содроганія могутъ сказать: есть и въ нашей новѣйшей словесности нѣкоторый отголосокъ безнравія и нелѣпостей, порожденныхъ иностранными писателями“.

Г. Лобановъ не входя въ объясненіе того, что разумѣетъ онъ подъ словами безнравіе и нелѣпость, продолжаетъ:

„Народъ заимствуетъ у народа, и заимствовать полезное, подражать изящному — предписываетъ благоразуміе. Но что жъ заимствовать нынѣ (говорю о чистой словесности) у новѣйшихъ писателей иностранныхъ? Они часто обнажаютъ такія нелѣпыя, гнусныя и чудовищныя явленія, распространяютъ такія пагубныя и разрушительныя мысли, о которыхъ читатель до тѣхъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и которыя насильственно влагаютъ въ душу его зародышъ безнравія, безвѣрія и, слѣдовательно, будущихъ заблужденій и преступленій.

„Ужели жизнь и кровавыя дѣла разбойниковъ, палачей и имъ подобныхъ, наводняющихъ нынѣ словесность въ повѣстяхъ, романахъ, въ стихахъ и прозѣ, и питающихъ одно только любопытство, представляются въ образецъ для подражанія? Ужели отвратительнѣйшія зрѣлища, внушающія не назидательный ужасъ, а омерзѣніе, возмущающее душу, служатъ въ пользу человѣчеству? Ужели истощилось необъятное поприще благороднаго, назидательнаго, добраго и возвышеннаго, что обратились къ нелѣпому, отвратительному (?), омерзительному и даже ненавистному?“

Въ подтвержденіе сихъ обвиненій г. Лобановъ приводитъ извѣстное мнѣніе эдимбургскихъ журналистовъ о нынѣшнемъ состояніи французской словесности. При семъ случаѣ своды академіи огласились собственными именами Жюль-Жанена, Евгенія Сю и прочихъ; имена сіи снабжены были странными прилагательными... Но что, если (паче всякаго чаянія) статья г. Лобанова будетъ переведена, и сіи господа увидятъ имена свои, напечатанныя въ отчетѣ Императорской Россійской Академіи? Не пропадетъ ли втунѣ все краснорѣчіе нашего оратора? Не въ правѣ ли будутъ они гордиться такой честію, неожиданной, неслыханной въ лѣтописяхъ европейскихъ академій, гдѣ доселѣ произносились имена только тѣхъ изъ живыхъ людей, которые воздвигнули себѣ вѣковѣчные памятники своими талантами, заслугами и трудами? (Академіи безмолвствовали о другихъ). Критическая статья англійскаго аристарха напечатана была въ журналѣ; тамъ она заняла ей приличное мѣсто и произвела свое дѣйствіе. У насъ Библіотека перевела ее, и хорошо сдѣлала. Но тутъ и надлежало остановиться.

„Для Франціи“, пишетъ г. Лобановъ, „для народовъ, отуманенныхъ гибельною для человѣчества новѣйшею философіею, огрубѣлыхъ въ кровавыхъ явленіяхъ революцій, и упавшихъ въ омутъ душевнаго и умственнаго разврата, самыя отвратительнѣйшія зрѣлища, напримѣръ: гнуснѣйшая изъ драмъ, омерзительнѣйшій хаосъ ненавистнаго безстыдства и кровосмѣшенія, Лукреція

Борджіа, не кажутся имъ таковыми; самыя разрушительнѣйшія мысли для нихъ не столь заразительны: ибо они давно ознакомились и, такъ сказать, срослись съ ними въ ужасахъ революціи".

Спрашиваю: можно ли на цѣлый народъ изрекать такую страшную анаѳему? Народъ, который произвелъ Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля и Монтескьё; который и нынѣ гордится Шатобріаномъ и Балланшемъ; народъ, который Ламартина призналъ первымъ изъ своихъ поэтовъ, который Нибуру и Галламу противупоставилъ Баранта, обоихъ Тьерри и Гизо; народъ, который оказываетъ столь сильное религіозное стремленіе, который такъ торжественно отрекается отъ жалкихъ скептическихъ умствованій минувшаго столѣтія,— ужели весь сей народъ долженъ отвѣтствовать за произведенія нѣсколькихъ писателей, большею частію молодыхъ людей, употребляющихъ во зло свои таланты, и основывающихъ корыстные разсчеты на любопытствѣ и нервной раздражительности читателей? Для удовлетворенія публики, всегда требующей новизны и сильныхъ впечатлѣній, многіе писатели обратились къ изображеніямъ отвратительнымъ, мало заботясь объ изящномъ, объ истинѣ, о собственномъ убѣжденіи. Но нравственное чувство, какъ и талантъ, дается не всякому. Нельзя требовать отъ всѣхъ писателей стремленія къ одной цѣли. Никакой законъ не можетъ сказать: пишите именно о такихъ-то предметахъ, а не о другихъ. Мысли, какъ и дѣйствія, раздѣляются на преступныя и на неподлежащія никакой отвѣтственности. Законъ не вмѣшивается въ привычки частнаго человѣка, не требуетъ отчета о его обѣдѣ, о его прогулкахъ и тому подобномъ; законъ также не вмѣшивается въ предметы, избираемые писателемъ, не требуетъ, чтобъ онъ описывалъ нравы женевскаго пастора, а не приключенія разбойника или палача, выхвалялъ счастіе супружеское, а не смѣялся надъ невзгодами брака. Требовать отъ всѣхъ произведеній словесности изящества или нравственной цѣли было бы то же, что требовать отъ всякаго гражданина безпорочнаго житья и образованности. Законъ постигаетъ одни преступленія, оставляя слабости и пороки на совѣсть каждаго. Вопреки мнѣнію г. Лобанова, мы не думаемъ, чтобъ нынѣшніе писатели представляли разбойниковъ и палачей въ образецъ для подражанія. Лесажъ, написавъ „Жилблаза" и „Гусмана д'Альфарашъ", конечно, не имѣлъ намѣренія преподавать уроки въ воровствѣ и въ плутняхъ. Шиллеръ сочинилъ своихъ „Разбойниковъ" вѣроятно не съ тою цѣлію, чтобъ молодыхъ людей вызвать изъ университетовъ на большія дороги. Зачѣмъ же и въ нынѣшнихъ писателяхъ предполагать преступные замыслы, когда ихъ произведенія просто изъясняются желаніемъ занять и поразить воображеніе читателя? Приключенія ловкихъ плутовъ, страшныя исторіи о разбойникахъ, о мертвецахъ и пр. всегда занимали любопытство не только дѣтей, но и взрослыхъ ребятъ, а разсказщики и стихотворцы изстари пользовались этой наклонностію души нашей.

Мы не полагаемъ, чтобы нынѣшняя раздражительная, опрометчивая, безсвязная французская словесность была слѣдствіемъ политическихъ волненій *). Въ словес-

---

*) Современникъ № 1: „О движеніи журнальной литературы". *(А. П.)*

ности французской совершилась своя революція, чуждая политическому перевороту, ниспровергшему старинную монархію Людовика XIV. Въ самое мрачное время революціи литература производила приторныя, сентиментальныя, нравоучительныя книжки. Литературныя чудовища начали появляться уже въ послѣднія времена кроткаго и благочестиваго Возстановленія (Restauration). Начало сему явленію должно искать въ самой литературѣ. Долгое время покорствовавъ своенравнымъ уставамъ, давшимъ ей слишкомъ стѣснительныя формы, она ударилась въ крайнюю сторону, и забвеніе всякихъ правилъ стала почитать законною свободой. Мелочная и ложная теорія, утвержденная старинными риторами, будто бы польза есть условіе и цѣль изящной словесности, сама собою уничтожилась. Почувствовали, что цѣль художества есть идеалъ, а не нравоученіе. Но писатели французскіе поняли одну только половину истины неоспоримой, и положили, что и нравственное безобразіе можетъ быть цѣлію поэзіи, т. е. идеаломъ! Прежніе романисты представляли человѣческую природу въ какой-то жеманной напыщенности; награда добродѣтели и наказаніе порока были непремѣннымъ условіемъ всякаго ихъ вымысла: нынѣшніе, напротивъ, любятъ выставлять порокъ всегда и вездѣ торжествующимъ, и въ сердцѣ человѣческомъ обрѣтаютъ только двѣ струны: эгоизмъ и тщеславіе. Таковой поверхностный взглядъ на природу человѣческую обличаетъ, конечно, легкомысліе, и вскорѣ такъ же будетъ смѣшонъ и приторенъ, какъ чопорность и торжественность романовъ Арно и г-жи Котенъ. Покамѣстъ онъ еще новъ, и публика, т. е. большинство читателей, съ непривычки, видитъ въ нынѣшнихъ романахъ глубочайшихъ знатоковъ природы человѣческой. Но уже „словесность отчаянія" (какъ назвалъ ее Гёте), „словесность сатаническая" (какъ говоритъ Соутей), словесность гальваническая, каторжная, пуншевая, кровавая, цыгарочная и пр.— эта словесность, давно уже осужденная высшею критикою, начинаетъ упадать даже и во мнѣніи публики.

Французская словесность, со временъ Кантемира имѣвшая всегда прямое или косвенное вліяніе на рождающуюся нашу литературу, должна была отозваться и въ нашу эпоху. Но нынѣ вліяніе ея было слабо. Оно ограничилось только переводами и кой-какими подражаніями, не имѣвшими большаго успѣха. Журналы наши, которые, какъ и вездѣ, правильно и неправильно управляютъ общимъ мнѣніемъ, вообще оказались противниками новой романической школы. Оригинальные романы, имѣвшіе у насъ наиболѣе успѣха, принадлежатъ къ роду нравоописательныхъ и историческихъ. Лесажъ и Вальтеръ-Скоттъ служили имъ образцами, а не Бальзакъ и не Жюль-Жаненъ. Поэзія осталась чужда вліянію французскому; она болѣе и болѣе дружится съ поэзіей германскою, и гордо сохраняетъ свою независимость отъ вкусовъ и требованій публики.

„Останавливаясь на духѣ и направленіи нашей словесности", продолжаетъ г. Лобановъ, „всякій просвѣщенный человѣкъ, всякій благомыслящій русскій видитъ: въ теоріяхъ наукъ — сбивчивость, непроницаемую тьму и хаосъ несвязныхъ мыслей; въ приговорахъ литературныхъ — совершенную безотчетность,

безсовѣстность, наглость и даже буйство. Приличіе, уваженіе, здравый умъ отвергнуты, забыты, уничтожены. Романтизмъ, слово до сихъ поръ неопредѣленное, но слово магическое, сдѣлался для многихъ эгидою совершенной безотчетливости и литературнаго сумасбродства. Критика, сія кроткая наставница и добросовѣстная подруга словесности, нынѣ обратилась въ площадное гаерство, въ литературное пиратство, въ способъ добывать себѣ поживу изъ кармана слабоумія дерзкими и буйными выходками, нерѣдко даже противъ мужей государственныхъ, знаменитыхъ и гражданскими и литературными заслугами. Ни санъ, ни умъ, ни талантъ, ни лѣта, ничто не уважается. Ломоносовъ слыветъ педантомъ. Величайшій геній, оставившій въ достояніе Россіи высокую пѣснь Богу, пѣснь, которой нѣтъ равной ни на одномъ языкѣ народовъ вселенной, какъ бы не существуетъ для нашей словесности: онъ, какъ бы безталанный (г. Лобановъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать безталантный), оставленъ безъ вниманія. Имя Карамзина, мудреца глубокаго, писателя добросовѣстнаго, мужа чистаго сердцемъ, предано глумленію“.

Конечно, критика находится у насъ еще въ младенческомъ состояніи. Она рѣдко сохраняетъ важность и приличіе, ей свойственныя; можетъ быть, ея рѣшенія часто внушены разсчетами, а не убѣжденіемъ. Неуваженіе къ именамъ, освященнымъ славою (первый признакъ невѣжества и слабомыслія), къ несчастію, почитается у насъ не только дозволеннымъ, но еще и похвальнымъ удальствомъ. Но и тутъ г. Лобановъ сдѣлалъ несправедливыя указанія: у Ломоносова оспоривали (весьма неосновательно) титло поэта, но никто, нигдѣ, сколько я помню, не называлъ его педантомъ: напротивъ, нынѣ вошло въ обыкновеніе хвалить въ немъ мужа ученаго, унижая стихотворца. Имя великаго Державина всегда произносится съ чувствомъ пристрастія, даже суевѣрнаго. Чистая, высокая слава Карамзина принадлежитъ Россіи, и ни одинъ писатель съ истиннымъ талантомъ, ни одинъ истинно ученый человѣкъ, даже изъ бывшихъ ему противниками, не отказалъ ему въ дани уваженія глубокаго и благодарности.

Мы не принадлежимъ къ числу подобострастныхъ поклонниковъ нашего вѣка, но должны признаться, что науки сдѣлали шагъ впередъ. Умствованія великихъ европейскихъ мыслителей не были тщетны и для насъ. Теорія наукъ освободилась отъ эмпиризма, возымѣла видъ болѣе общій, оказала болѣе стремленія къ единству. Германская философія, особенно въ Москвѣ, нашла много молодыхъ, пылкихъ, добросовѣстныхъ послѣдователей, и хотя говорили они языкомъ мало понятнымъ для непосвященныхъ, но тѣмъ не менѣе ихъ вліяніе было благотворно и часъ отъ часу становится болѣе ощутительно [1].

„Не стану говорить ни о господствующемъ вкусѣ, ни о понятіяхъ и ученіяхъ объ изящномъ. Первый явно вездѣ и во всемъ обнаруживается и всякому извѣстенъ: а послѣднія такъ сбивчивы и превратны въ новѣйшихъ эфемерныхъ и разрушающихъ одна другую системахъ, или такъ спутаны въ суесловныхъ мудрствованіяхъ, что они непроницаемы для здраваго разума. Нынѣ едва ли вѣрятъ, что изящное, при нѣкоторыхъ только измѣненіяхъ формъ, было и есть одно и

---

[1]) См. выше, стр. 140, и т. IV, стр. 69.

то же для всѣхъ вѣковъ и народовъ; что Гомеры, Данты, Софоклы, Шекспиры, Шиллеры, Расины, Державины, несмотря на различіе ихъ формъ, рода, вѣры, и нравовъ, всѣ созидали изящное и для всѣхъ вѣковъ; что писатели, романтики ли они или классики, должны удовлетворять умъ, воображеніе и сердце образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, а не одной толпы несмысленной, плещущей безъ разбора, и гаерамъ подкачельнымъ. Нѣтъ, нынѣ проповѣдуютъ, что умъ человѣческій далеко ушелъ впередъ, что онъ можетъ оставить въ покоѣ древнихъ и даже новѣйшихъ знаменитыхъ писателей, что ему не нужны руководители и образцы, что нынѣ всякій пишущій есть самобытный геній,—и подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, поражая великихъ писателей древности именемъ тяжелыхъ и приторныхъ классиковъ (которые однакожъ за тысячи лѣтъ плѣняли своихъ согражданъ, и всегда будутъ давать много возвышенныхъ наслажденій своему читателю), подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, новѣйшіе писатели безотчетно омрачаютъ разумъ неопытной юности и ведутъ къ совершенному упадку нравственность и словесность".

Оставляя безъ возраженія сію филиппику, не могу не остановиться на заключеніи, выведенномъ г. Лобановымъ изъ всего имъ сказаннаго.

„По множеству сочиняемыхъ нынѣ безнравственныхъ книгъ, цензурѣ предстоитъ непреодолимый трудъ проникнуть всѣ ухищренія пишущихъ. Не легко разрушить превратность мнѣній въ словесности и обуздать дерзость языка, если онъ, движимый злонамѣренностію, будетъ провозглашать нелѣпое и даже вредное. Кто жъ долженъ содѣйствовать въ семъ трудномъ подвигѣ? Каждый добросовѣстный русскій писатель, каждый просвѣщенный отецъ семейства, а всего болѣе Академія, для сего самаго учрежденная. Она, движимая любовію къ государю и отечеству, имѣетъ право, на ней лежитъ долгъ неослабно обнаруживать, поражать и разрушать зло, гдѣ бы оно ни встрѣтилось на поприщѣ словесности. „Академія (сказано въ ея уставѣ, гл. III, § 2, и во всеподданнѣйшемъ докладѣ, § III), яко сословіе, учрежденное для наблюденія нравственности, цѣломудрія и чистоты языка, разборъ книгъ, или критическія сужденія, долженствуетъ почитать одною изъ главнѣйшихъ своихъ обязанностей". Итакъ, милостивые государи, каждый изъ почтенныхъ сочленовъ моихъ да представляетъ для разсмотрѣнія и напечатанія въ собраніи сей Академіи, согласно съ ея уставомъ, разборы сочиненій и сужденія о книгахъ и журналахъ новѣйшей нашей словесности, и тѣмъ содѣйствуя общей пользѣ, да исполняетъ истинное назначеніе сего высочайше утвержденнаго закона".

Но гдѣ же у насъ это множество безнравственныхъ книгъ? Кто сіи дерзкіе, злонамѣренные писатели, ухищряющіеся ниспровергать законы, на коихъ основано благоденствіе общества? И можно ли укорять у насъ цензуру въ неосмотрительности и послабленіи? Вопреки мнѣнію г. Лобанова, цензура не должна проникать всѣ ухищренія пишущихъ. „Цензура долженствуетъ обращать особенное вниманіе на духъ разсматриваемой книги, на видимую цѣль и намѣреніе автора, и въ сужденіяхъ своихъ принимать всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону" (Уставъ о цензурѣ, § 6). Такова была высочайшая воля, даровавшая намъ литературную собственность и законную свободу мысли! Если съ перваго

взгляда сіе основное правило нашей цензуры и можетъ показаться льготою чрезвычайною, то по внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи увидимъ, что безъ того не было бы возможности напечатать ни одной строчки, ибо всякое слово можетъ быть перетолковано въ худую сторону. Нелѣпое, если оно просто нелѣпо, и не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго вѣрѣ, правительству, нравственности и чести личной, не подлежитъ уничтоженію цензуры. Нелѣпость, какъ и глупость, подлежитъ осмѣянію общества, а не вызываетъ на себя дѣйствія закона. Просвѣщенный отецъ семейства не дастъ въ руки своимъ дѣтямъ многихъ книгъ, дозволенныхъ цензурою: книги пишутся не для всѣхъ возрастовъ одинаково. Нѣкоторые моралисты утверждаютъ, что и восьмнадцатилѣтней дѣвушкѣ нельзя позволить чтеніе романовъ: изъ того еще не слѣдуетъ, чтобъ цензура должна была запрещать всѣ романы. Цензура есть установленіе благодѣтельное, а не притѣснительное; она есть вѣрный стражъ благоденствія частнаго и государственнаго, а не докучливая нянька, слѣдующая по пятамъ шаловливыхъ ребятъ.

Заключимъ искреннимъ желаніемъ, чтобы Россійская Академія, уже принесшая истинную пользу нашему прекрасному языку и совершившая столь много знаменитыхъ подвиговъ, ободрила, оживила отечественную словесность, награждая достойныхъ писателей дѣятельнымъ своимъ покровительствомъ, а недостойныхъ — наказывая однимъ невниманіемъ.

60.

Вольтеръ.

(Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brosses, etc. Paris 1836).

Эта статья помѣщена въ III кн. Современника 1836 г.

Недавно издана въ Парижѣ переписка Вольтера съ президентомъ де Броссомъ. Она касается покупки земли, совершенной Вольтеромъ въ 1758 году.

Всякая строчка великаго писателя становится драгоцѣнной для потомства. Мы съ любопытствомъ разсматриваемъ автографы, хотя бы они были не что иное, какъ отрывокъ изъ расходной тетради, или записка къ портному объ отсрочкѣ платежа. Насъ невольно поражаетъ мысль, что рука, начертавшая эти смиренныя цыфры, эти незначущія слова, тѣмъ же самымъ почеркомъ и, можетъ быть, тѣмъ же самымъ перомъ написала и великія творенія, предметъ нашихъ изученій и восторговъ. Но, кажется, одному Вольтеру предоставлено было составить изъ дѣловой переписки о покупкѣ земли книгу, на каждой страницѣ заставляющую васъ смѣяться, и передать сдѣлкамъ и купчаямъ всю заманчивость остроумнаго памфлета. Судьба на столь забавнаго покупщика послала продавца не менѣе забавнаго. Президентъ де Броссъ есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей прошедшаго столѣтія. Онъ извѣстенъ многими учеными сочиненіями *), но луч-

---

*) Histoire des navigations aux terres australes; Traité de la formation mécanique des langues; Histoire du VII siècle de la République Romaine; Traité du culte des dieux fétiches, и проч. (*А. П.*).

шимъ изъ его произведеній мы почитаемъ письма, имъ написанныя изъ Италіи въ 1730—1740, и недавно вновь изданныя подъ заглавіемъ: „L'Italie il y a cent ans“. Въ этихъ дружескихъ письмахъ де Броссъ обнаружилъ необыкновенный талантъ. Ученость истинная, но никогда не отягощенная педантизмомъ, глубокомысліе, шутливая острота, картины, набросанныя съ небреженіемъ, но живо и смѣло, ставятъ его книгу выше всего, что̀ написано было въ томъ же родѣ.

Вольтеръ, изгнанный изъ Парижа, принужденный бѣжать изъ Берлина, искалъ убѣжища на берегу Женевскаго озера. Слава не спасала его отъ безпокойствъ. Личная свобода его была не безопасна; онъ дрожалъ за свои капиталы, розданные имъ въ разныя руки. Покровительство маленькой, мѣщанской республики не слишкомъ его ободряло. Онъ хотѣлъ на всякій случай помириться съ своимъ отечествомъ и желалъ (пишетъ онъ самъ) имѣть одну ногу въ монархіи, другую въ республикѣ — дабы перешагать туда и сюда, смотря по обстоятельствамъ. Мѣстечко Турне (Tournoy), принадлежавшее президенту де Броссъ, обратило на себя его вниманіе. Онъ зналъ президента за человѣка безпечнаго, расточительнаго, вѣчно имѣющаго нужду въ деньгахъ, и вступилъ съ нимъ въ переговоры слѣдующимъ письмомъ:

„Я прочелъ съ величайшимъ удовольствіемъ то, что вы пишете объ Австраліи; но позвольте сдѣлать вамъ предложеніе, касающееся твердой земли. Вы не такой человѣкъ, чтобъ Турне могло приносить вамъ доходъ. Шуэ, вашъ арендаторъ, думаетъ уничтожить свой контрактъ. Хотите ли продать мнѣ землю пожизненно? Я старъ и хворъ. Я знаю, что дѣло это для меня невыгодно; но вамъ оно будетъ полезно, а мнѣ пріятно — и вотъ условія, которыя вздумалось мнѣ повергнуть вашему благоусмотрѣнію.

„Обязуюсь изъ матеріаловъ вашего прегадкаго замка выстроить хорошенькій домикъ. Думаю на то употребить 25,000 ливровъ. Другіе 25,000 ливровъ заплачу вамъ чистыми деньгами.

„Все, чѣмъ украшу землю, весь скотъ, всѣ земледѣльческія орудія, коими снабжу хозяйство, будутъ вамъ принадлежать. Если умру не успѣвъ выстроить домъ, то у васъ останутся въ рукахъ 25,000 ливровъ, и вы достроите его, коли вамъ будетъ угодно. Но я постараюсь прожить еще два года, и тогда вы будете даромъ имѣть очень порядочный домикъ.

„Сверхъ сего обязуюсь прожить не болѣе четырехъ или пяти лѣтъ.

„Въ замѣнъ сихъ честныхъ предложеній требую вступить въ полное владѣніе вашимъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ, правами, лѣсомъ, и даже каноникомъ, до самаго того времени, какъ онъ меня похоронитъ. Если этотъ забавный торгъ покажется вамъ выгоднымъ, то вы однимъ словомъ можете утвердить его не на шутку. Жизнь слишкомъ коротка: дѣла не должны длиться.

„Прибавлю еще слово. Я украсилъ мою норку, прозванную les Délices; я украсилъ домъ въ Лозанѣ; то и другое теперь сто̀итъ вдвое противъ прежней цѣны: то же сдѣлаю и съ вашею землею. Въ теперешнемъ ея положеніи, вы никогда ее съ рукъ не сбудете.

„Во всякомъ случаѣ, прошу васъ сохранить все это въ тайнѣ, и честь имѣю“, и проч.

Де Броссъ не замедлилъ своимъ отвѣтомъ. Письмо его, какъ и Вольтерово, исполнено ума и веселости.

„Если бы я былъ въ вашемъ сосѣдствѣ (пишетъ онъ) въ то время, какъ вы поселились такъ близко къ городу *), то, восхищаясь вмѣстѣ съ вами физическою красотою береговъ вашего озера, я бы имѣлъ честь шепнуть вамъ на ухо, что нравственный характеръ жителей требовалъ, чтобы вы поселились во Франціи, по двумъ важнымъ причинамъ: во-первыхъ, потому что надобно жить у себя дома, во-вторыхъ, потому что не надобно жить у чужихъ. Вы не можете вообразить, до какой степени эта республика заставляетъ меня любить монархію... Я бы вамъ и тогда предложилъ свой замокъ, если бъ онъ былъ для васъ достоинъ: но замокъ мой не имѣетъ даже чести быть древностью: это просто ветошь. Вы вздумали возвратить ему юность, какъ Мемнону: я очень одобряю ваше предположеніе. Вы не знаете, можетъ быть, что г. д'Аржанталь имѣлъ для васъ то же намѣреніе. — Приступимъ къ дѣлу".

Тутъ де Броссъ разбираетъ одно за другимъ всѣ условія, предлагаемыя Вольтеромъ; съ иными соглашается, другимъ противорѣчитъ, обнаруживая смѣтливость и тонкость, которыхъ Вольтеръ отъ президента, кажется, не ожидалъ. Это подстрекнуло его самолюбіе. Онъ началъ хитрить; переписка завязалась живѣе. Наконецъ, 15 декабря купчая была совершена.

Эти письма, заключающія въ себѣ переговоры торгующихся, и нѣсколько другихъ, написанныхъ по заключеніи торга, составляютъ лучшую часть переписки Вольтера съ де Броссомъ. Оба другъ передъ другомъ кокетничаютъ; оба поминутно оставляютъ дѣловые запросы для шутокъ самыхъ неожиданныхъ, для сужденій самыхъ искреннихъ о людяхъ и происшествіяхъ современныхъ. Въ этихъ письмахъ Вольтеръ является Вольтеромъ, т. е. любезнѣйшимъ изъ собесѣдниковъ; де Броссъ — тѣмъ острымъ писателемъ, который такъ оригинально описалъ Италію въ ея правленіи и привычкахъ, въ ея жизни художественной и сладострастной.

Но вскорѣ согласіе между новымъ хозяиномъ земли и прежнимъ ея владѣльцемъ было прервано. Война, какъ и многія другія войны, началась отъ причинъ маловажныхъ. Срубленныя деревья осердили нетерпѣливаго Вольтера; онъ поссорился съ президентомъ, не менѣе его раздражительнымъ. Надобно видѣть, что́ такое гнѣвъ Вольтера! Онъ уже смотритъ на де Бросса какъ на врага, какъ на Фрерона, какъ на великаго инквизитора. Онъ собирается его погубить: „qu'il tremble!" — восклицаетъ онъ въ бѣшенствѣ — „il ne s'agit pas de le rendre ridicule: il s'agit de le déshonorer!" [1]). Онъ жалуется, онъ плачетъ, онъ скрежещетъ... а все дѣло въ двухстахъ франкахъ. Де Броссъ съ своей стороны не хочетъ уступить вспыльчивому философу; въ отвѣтъ на его жалобы, онъ пишетъ знаменитому старцу надменное письмо, укоряетъ его въ природной дерзости, совѣтуетъ ему въ минуты сумасшествія воздерживаться отъ пера, чтобы не краснѣть опомнившись потомъ, и оканчиваетъ письмо желаніемъ Ювенала: „Mens sana in corpore sano" [1]).

*) Вольтеръ въ 1755 году купилъ les Délices sur St. Jean, близъ самой Женевы. (*А. П.*).

[1]) т. е.: „Пусть онъ трепещетъ! Дѣло не въ томъ, чтобы высмѣять его, а въ томъ, чтобы его опозорить!"

[1]) т. е. „Здравый духъ въ здоровомъ тѣлѣ".

Посторонніе вмѣшиваются въ распрю сосѣдей. Общій ихъ пріятель г. Рюфе, старается усовѣстить Вольтера и пишетъ къ нему ѣдкое письмо (которое, вѣроятно, диктовано самимъ де Броссомъ): „Вы боитесь быть обманутымъ", говоритъ г. Рюфе, „но изъ двухъ ролей это лучшая... Вы не имѣли никогда тяжебъ: онѣ разорительны, даже когда ихъ и выигрываемъ... Вспомните устрицу Лафонтена, и пятую сцену втораго дѣйствія въ Скапиновыхъ обманахъ *). Сверхъ адвокатовъ, вы должны еще опасаться и литературной черни, которая рада будетъ на васъ броситься..."

Вольтеръ первый утомился и уступилъ. Онъ долго дулся на упрямаго президента, и былъ причиною тому, что де Броссъ не попалъ въ Академію (что въ то время много значило). Сверхъ того Вольтеръ имѣлъ удовольствіе его пережить: де Броссъ, младшій изъ двухъ пятнадцатью годами, умеръ въ 1777 году, годомъ прежде Вольтера.

Несмотря на множество матеріаловъ, собранныхъ для исторіи Вольтера (ихъ цѣлая библіотека), какъ человѣкъ дѣловой, капиталистъ и владѣлецъ, онъ еще весьма мало извѣстенъ. Нынѣ изданная переписка открываетъ многое. „Надобно видѣть", пишетъ издатель въ своемъ предисловіи, „какъ баловень Европы, собесѣдникъ Екатерины Великой и Фридерика II, занимается послѣдними мелочами для поддержанія своей мѣстной важности; надобно видѣть, какъ онъ въ праздничномъ кафтанѣ въѣзжаетъ въ свое графство, сопровождаемый своими обѣими племянницами (которыя всѣ въ брилліантахъ); какъ выслушиваетъ онъ рѣчь своего священника, и какъ новые подданные привѣтствуютъ его пальбой изъ пушекъ, взятыхъ на прокатъ у Женевской республики. — Онъ въ вѣчной распрѣ со всѣмъ мѣстнымъ духовенствомъ. Габель (налогъ на соль) находитъ въ немъ тонкаго и дѣятельнаго противника. Онъ хочетъ быть банкиромъ своей провинціи. Вотъ онъ пускается въ спекуляціи. У него свои дворяне: онъ шлетъ ихъ посланниками въ Швейцарію. И все это его ворочаетъ; онъ искренно тревожится обо всемъ, съ этой раздражительностію страстей, исключительно ему свойственной. Онъ расточаетъ то искусныя разсужденія адвоката, то придѣпки прокурора, то хитрости купца, то гиперболы стихотворца, то порывы истиннаго краснорѣчія. Письмо его къ президенту о дракѣ въ кабакѣ, право, напоминаетъ его заступленіе за семейство Каласа" [1]).

Въ одномъ изъ этихъ писемъ встрѣтили мы неизвѣстные стихи Вольтера. На нихъ легкая печать его неподражаемаго таланта. Они писаны сосѣду, который прислалъ ему розаны:

Vos rosiers sont dans mes jardins,
Et leur fleurs vont bientôt paraître.
Doux asile où je suis mon maître!
Je renonce aux lauriers si vains,
Qu'à Paris j'aimais trop peut-être.
Je me suis trop piqué les mains
Aux épines qu'ils ont fait naître [2]).

---

*) Сцену, въ которой Леандръ заставляетъ Скапина на колѣняхъ признаваться во всѣхъ своихъ плутняхъ. *(А. П.)*

---

[1]) См. Избр. соч. Корамз., I, стр. 205.

[2]) т. е.: „Ваши розаны у меня въ садахъ, и на нихъ скоро появятся цвѣты. Тихое убѣжище, гдѣ я себѣ господинъ!

Признаемся въ гососо нашего запоздалаго вкуса: въ этихъ семи стихахъ мы находимъ болѣе слога, болѣе жизни, болѣе мысли, нежели въ полдюжинѣ длинныхъ французскихъ стихотвореній, писанныхъ въ нынѣшнемъ вкусѣ, гдѣ мысль замѣняется исковерканнымъ выраженіемъ, ясный языкъ Вольтера — напыщеннымъ языкомъ Ронсара, живость его — несноснымъ однообразіемъ, а остроуміе — площаднымъ цинизмомъ или вялой меланхоліей.

Вообще переписка Вольтера съ де Броссомъ представляетъ намъ творца Меропы и Кандида съ его милой стороны. Его притязанія, его слабости, его дѣтская раздражительность — все это не вредитъ ему въ нашемъ воображеніи. Мы охотно извиняемъ его, и готовы слѣдовать за всѣми движеніями пылкой его души и безпокойной чувствительности. Но не такое чувство рождается при чтеніи писемъ, приложенныхъ издателемъ къ концу книги, нами разбираемой. Эти новыя письма найдены въ бумагахъ г. де ла Туша, бывшаго французскимъ посланникомъ при дворѣ Фридерика II (въ 1752 году).

Въ это время Вольтеръ не ладилъ съ Сѣвернымъ Соломономъ *), своимъ прежнимъ ученикомъ. Мопертюи, президентъ берлинской Академіи, поссорился съ профессоромъ Кёнигомъ. Король взялъ сторону своего президента; Вольтеръ заступился за профессора. Явилось сочиненіе безъ имени автора подъ заглавіемъ: Письмо къ публикѣ. Въ немъ осуждали Кёнига и задѣвали Вольтера. Вольтеръ возразилъ, и напечаталъ свой колкій отвѣтъ въ нѣмецкихъ журналахъ. Спустя нѣсколько времени „Письмо къ публикѣ“ было перепечатано въ Берлинѣ, съ изображеніемъ короны, скиптра и прусскаго орла на заглавномъ листѣ. Вольтеръ только тогда догадался, съ кѣмъ имѣлъ онъ неосторожность состязаться, и сталъ помышлять о благоразумномъ отступленіи. Онъ видѣлъ въ поступкахъ короля явное къ нему охлажденіе и предчувствовалъ опалу. „Я стараюсь тому не вѣрить“ — писалъ онъ въ Парижъ къ д'Аржанталю — „но боюсь быть подобну рогатымъ мужьямъ, которые силятся увѣрить себя въ вѣрности своихъ женъ. Бѣдняжки втайнѣ чувствуютъ свое горе!“ Несмотря на свое уныніе, онъ однакожъ не могъ удержаться, чтобъ еще разъ не задѣть своихъ противниковъ. Онъ написалъ самую язвительную изъ своихъ сатиръ (La Diatribe du Dr. Akakias) и напечаталъ ее, выманивъ обманомъ позволеніе на то отъ самого короля.

Слѣдствія извѣстны. Сатира, по повелѣнію Фридерика, сожжена была рукою палача. Вольтеръ уѣхалъ изъ Берлина, задержанъ былъ во Франкфуртѣ прусскими приставами, нѣсколько дней находился подъ арестомъ, и принужденъ былъ выдать стихотворенія Фриде-

*) Такъ называлъ Вольтеръ Фридерика II въ хвалебныхъ своихъ посланіяхъ. *(А. П.)*.

Отрекаюсь отъ лавровъ, столь тщетныхъ, которые я, быть можетъ, слишкомъ любилъ въ Парижѣ. Мои руки всѣ исколоты шипами, которыя выросли на нихъ“.

рика, напечатанныя для немногихъ, и между коими находилась сатирическая поэма противъ Людовика XV и его двора.

Вся эта жалкая исторія мало приноситъ чести философіи. Вольтеръ, во все теченіе долгой своей жизни, никогда не умѣлъ сохранить своего собственнаго достоинства. Въ его молодости заключеніе въ Бастилію, изгнаніе и преслѣдованіе не могли привлечь на его особу сострадапія и сочувствія, въ которыхъ почти никогда не отказывали страждущему таланту. Наперсникъ государей, идолъ Европы, первый писатель своего вѣка, предводитель умовъ и современнаго мнѣнія, Вольтеръ и въ старости не привлекалъ уваженія къ своимъ сѣдинамъ: лавры, ихъ покрывающіе, были обрызганы грязью. Клевета, преслѣдующая знаменитость, но всегда уничтожающаяся передъ лицомъ истины, вопреки общему закону, для него не исчезала, ибо была всегда правдоподобна. Онъ не имѣлъ самоуваженія и не чувствовалъ необходимости въ уваженіи людей. Что влекло его въ Берлинъ? Зачѣмъ ему было промѣнивать свою независимость на милости государя, ему чужаго, не имѣвшаго никакого права его къ тому принудить?..

Къ чести Фридерика II скажемъ, что самъ отъ себя король, вопреки природной своей насмѣшливости, не сталъ бы унижать своего стараго учителя, не надѣлъ бы на перваго изъ французскихъ поэтовъ шутовскаго кафтана, не предалъ бы его на посмѣяніе свѣта, если бы самъ Вольтеръ не напрашивался на такое жалкое посрамленіе.

До сихъ поръ полагали, что Вольтеръ самъ отъ себя, въ порывѣ благороднаго огорченія, отослалъ Фридерику каммергерскій ключъ и прусскій орденъ, знаки непостоянныхъ его милостей; но теперь открывается, что король самъ ихъ потребовалъ обратно. Роль перемѣнена: Фридерикъ негодуетъ и грозитъ, Вольтеръ плачетъ и умоляетъ...

Что изъ этого заключить? Что геній имѣетъ свои слабости, которыя утѣшаютъ посредственность, но печалятъ благородныя сердца, напоминая имъ о совершенствѣ человѣчества; что настоящее мѣсто писателя есть его ученый кабинетъ, и что наконецъ независимость и самоуваженіе одни могутъ насъ возвысить надъ мелочами жизни и надъ бурями судьбы.

61.

Ѳракійскія Элегіи, стихотворенія Теплякова.

Авторъ „Ѳракійскихъ Элегій“, Викторъ Алексѣевичъ Тепляковъ (1801—1838), сошелся съ Пушкинымъ въ Кишиневѣ, гдѣ онъ бывалъ въ началѣ 20-хъ годовъ, въ качествѣ русскаго вице-консула въ Молдавіи и Валахіи. Пушкинъ любилъ Теплякова, бывшаго въ Кишиневѣ постояннымъ его собесѣдникомъ и спутникомъ въ загородныхъ прогулкахъ, и въ шутку называлъ его Мельмотомъ-скитальцемъ, такъ какъ Тепляковъ, дѣйствительно, мало жилъ на одномъ мѣстѣ.

Эта статья помѣщена въ III кн. Современника 1836 г.

Въ наше время молодому человѣку, который готовится посѣтить великолѣпный Востокъ, мудрено, садясь на корабль, не вспомнить лорда Байрона и невольнымъ соучастіемъ не сблизить судьбы своей

съ судьбою Чильдъ-Гарольда. Ежели, паче чаянія, молодой человѣкъ еще и поэтъ, и захочетъ выразить свои чувствованія, то какъ избѣжать ему подражанія? Можно ли за то его укорять? Талантъ не воленъ, и его подражаніе не есть постыдное похищеніе — признакъ умственной скудости, но благородная надежда на свои собственныя силы, надежда открыть новые міры, стремясь по слѣдамъ генія,—или чувство, въ смиреніи своемъ еще болѣе возвышенное: желаніе изучить свой образецъ и дать ему вторичную жизнь [a].

Нѣтъ сомнѣнія, что фантастическая тѣнь Чильдъ-Гарольда сопровождала г. Теплякова на кораблѣ, принесшемъ его къ ѳракійскимъ берегамъ. Звуки прощальныхъ строфъ

Adieu, adieu, my native land [1])!

отзываются въ самомъ началѣ его пѣсенъ:

Плывемъ!.. Блѣднѣетъ день; бѣгутъ брега родные;
Златой струится блескъ по синему пути;
Прости, земля! Прости, Россія!
Прости, о родина, прости!

Но уже съ первыхъ стиховъ поэтъ обнаруживаетъ самобытный талантъ:

Безумецъ! что за грусть? въ минуту развлеченья
Чьи слезы ты лобзалъ на берегу родномъ?
Чьи слышалъ ты благословенья?
Одно минувшее мудренымъ, тяжкимъ сномъ
Въ тотъ мигъ душѣ твоей мелькало,
И юности твоей избитый бурей челнъ,
И бездны, передъ ней отверстыя, казало! —
Пусть такъ! Но грустно мнѣ! Какъ плескъ угрюмыхъ волнъ
Печально въ сердцѣ раздается!
Какъ быстро мой корабль въ чужую даль несется!
О, лютня странника, святой отъ грусти щитъ,
Приди, подруга думъ завѣтныхъ!
Пусть въ каждомъ звукѣ струнъ привѣтныхъ
Къ тебѣ душа моя, о родина, летитъ!

I.

Пускай на юность ты мою
Вѣнецъ терновый положила —
О мать! душа не позабыла
Любовь старинную твою!
Теперь — сны сердца, прочь летите!
Къ отчизнѣ душу не маните!
Тамъ никому меня не жаль!
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!

II.

Какъ жадно вольной грудью я
Пью безпредѣльности дыханье!
Лазурный міръ! въ твоемъ сіяньи
Стараетъ, тонетъ мысль моя!
Шумите, парусы, шумите!

---

[a] Далѣе въ рук. зачеркнуто: „Такъ Брюловъ, усыпляя нарочно свою творческую силу, съ пламеннымъ и благороднымъ подобострастіемъ списывалъ Аѳинскую школу Рафаэля. А между тѣмъ, въ головѣ его уже шаталась поколебленная Помпея, кумиры падали, народъ бѣжалъ по тѣсной улицѣ, чудно освѣщенной волканомъ...“

---

[1]) Ст. т. I, стр. 86.

Мечты о родинѣ, молчите:
Тамъ никому меня не жаль!
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!

III.

Увижу я страну боговъ,
Краснорѣчивый прахъ открою,
И зашумитъ передо мною
Рой незапамятныхъ вѣковъ!
Гуляйте жъ, вѣтры, не молчите!
Утесы родины, простите!
Тамъ никому меня не жаль!
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны не дремлите!

Тутъ есть гармонія, лирическое движеніе, истина чувствъ!

Вскорѣ поэтъ плыветъ мимо береговъ, прославленныхъ изгнаніемъ Овидія; они мелькаютъ передъ нимъ на краю волнъ,

Какъ поясъ желтый и струистый.

Поэтъ привѣтствуетъ незримую гробницу Овидія стихами слишкомъ небрежными:

Святая тишина Назоновой гробницы
Громка, какъ дальній шумъ побѣдной колесницы!
О! кто средь мертвыхъ сихъ песковъ
Мнѣ славный гробъ его укажетъ?
Кто повѣсть мукъ его разскажетъ —
Степной ли вѣтръ, иль плескъ валовъ,
Иль въ шумѣ бури гласъ вѣковъ?..
Но тише... тише... что за звуки?
Чья тѣнь надъ бездною сѣдой
Меня манитъ, подъемля руки,
Качая тихо головой?
У ногъ лежитъ вѣнецъ терновый (!),
Въ лучахъ сіяетъ голова,
Бѣлѣе волнъ хитонъ перловый,
Святѣй ихъ ропота слова. —
И подъ эѳирными перстами
О древнихъ людяхъ съ ихъ бѣдами
Златая лира говоритъ.
Печально струнъ ея бряцанье:
Въ немъ сердцу слышится изгнанье;
Въ немъ стонъ о родинѣ звучитъ,
Какъ плачъ души безъ упованья.

Тишина гробницы, громкая какъ дальній шумъ колесницы; стонъ, звучащій какъ плачъ души; слова, которыя святѣе ропота волнъ... все это не точно, фальшиво, или просто ничего не значитъ.

Гросетъ въ одномъ изъ своихъ посланій пишетъ:

Je cesse d'estimer Ovide,
Quand il vient sur des faibles tons
Méchanter, pleureur insipide,
Des longues lamentations [1]).

Книга Tristium не заслужила такого строгаго осужденія. Она выше, по нашему мнѣнію, всѣхъ прочихъ сочиненій Овидіевыхъ (кромѣ „Превращеній“). Героиды, элегіи любовныя, и самая поэма

[1]) т. е.: „Я перестаю уважать Овидія, когда онъ, скучный плакса, начинаетъ слабыми тонами безконечно завывать“.

„Ars amandi“, мнимая причина его изгнанія, уступаетъ „Элегіямъ Понтійскимъ“. Въ сихъ послѣднихъ болѣе истиннаго чувства, болѣе простодушія, болѣе индивидуальности, и менѣе холоднаго остроумія. Сколько яркости въ описаніи чуждаго климата и чуждой земли! Сколько живости въ подробностяхъ! И какая грусть о Римѣ! Какія трогательныя жалобы! Благодаримъ г. Теплякова за то, что онъ не ищетъ блистать душевной твердостію на счетъ бѣднаго игзнанника, а съ живостію заступается за него.

И ты ль тюремный вопль, о странникъ! назовешь
Ласкательствомъ души уничиженной? —
Нѣтъ, самъ терновою стезею ты идешь,
Слѣпой судьбы проклятьемъ пораженный!...

Подобно мнѣ (Овидію), ты сиръ и одинокъ межъ всѣхъ,
И знаешь самъ хладъ жизни безъ отрады;
Огнь сердца безъ тепла, и безъ веселья смѣхъ,
И плачъ безъ слезъ, и слезы безъ услады!

Пѣснь, которую поэтъ влагаетъ въ уста Назоновой тѣни, имѣла бы болѣе достоинства, если бы г. Тепляковъ болѣе соображался съ характеромъ Овидія, такъ искренно обнаруженнымъ въ его плачѣ. Онъ не сказалъ бы, что при набѣгахъ гетовъ и бессовъ, поэтъ

Радостно на смертный мчался бой.

Овидій добродушно признается, что онъ и смолоду не былъ охотникъ до войны, что тяжело ему подъ старость покрывать сѣдину свою шлемомъ, и трепетной рукою хвататься за мечъ при первой вѣсти о набѣгѣ (См. Trist. Lib. IV. El. I).

Элегія „Томисъ“ оканчивается прекрасными стихами:

„Не буря ль это, кормчій мой?
Ужъ черезъ мачты море хлещетъ,
И предъ чудовищной волной,
Какъ предъ тираномъ рабъ нѣмой,
Корабль мой гнется и трепещетъ!..“
. . . .
„Вели стрѣлять! Быть можетъ, насъ
Какой-нибудь въ сей страшный часъ
Корабль услышитъ отдаленный!“ —
И грянулъ знакъ... и все молчитъ,
Лишь море бьется и кипитъ,
Какъ тигръ бросаясь разъяренный; —
Лишь вѣтра свистъ, лишь бури вой,
Лишь съ неба голосъ громовой
Толпѣ отвѣтствуетъ смятенной.
„Мой кормчій, какъ твой блѣденъ ликъ!“
—Не ты ль дерзнулъ бы въ этотъ мигъ,
О странникъ, бурѣ улыбаться? —
„Ты отгадалъ!.. Я сердцемъ съ ней
Желалъ бы каждый мигъ сливаться;
Желалъ бы въ бой стихій вмѣшаться!..
Но нѣтъ! — и громче, и сильнѣй
Святой призывъ съ другаго свѣта,
Слова погибшаго поэта
Теперь звучатъ въ душѣ моей!

Вскорѣ изъ глазъ поэта исчезаютъ берега, на которыхъ низвергаются въ море воды семиустнаго Дуная.

Какъ старъ сей шумный Истръ! Чела его морщины
Сѣдыхъ вѣковъ скрываютъ рой:
Во мглѣ ихъ Дарія мелькаетъ челнъ нѣмой,
Мелькаютъ и орлы Траяновой дружины.
Скажи, сафирный богъ, надъ брегомъ ли твоимъ,
По дебрямъ и горамъ, сквозь боръ необозримый,
Средь тучи варваровъ, на этотъ вѣчный Римъ

Летѣлъ Сатурнъ неотразимый?
Не ты ль спиралъ свой быстрый бѣгъ
Народовъ съ бурными волнами,
И твой ли въ ихъ крови не растопился брегъ,
Племенъ безчисленныхъ усѣянный костями?
Хотите ль знать, зачѣмъ, куда,
И изъ какой глуши далекой
Неслась ихъ бурная чреда,
Какъ лавы огненной потоки?
— Спросите вы, зачѣмъ къ садамъ,
Къ богатымъ нивамъ и лугамъ
По вѣтру саванъ свой летучій
Мчатъ саранчи голодной тучи;
Спросите молнію, куда она летитъ,
Откуда ураганъ крушительный бѣжитъ,
Зачѣмъ кочуетъ валъ ревучій!

Слѣдуетъ идиллическая, немного блѣдная картина народа кочующаго; размышленія при видѣ развалинъ венеціанскаго замка имѣютъ ту невыгоду, что напоминаютъ нѣкоторыя строфы изъ четвертой пѣсни Чильдъ-Гарольда, строфы, слишкомъ сильно врѣзанныя въ наше воображеніе. Но вскорѣ поэтъ снова одушевляется.

Улегся вѣтеръ; водъ стекло
Яснѣй небесъ лазурныхъ блещетъ;
Повисшій парусъ нашъ, какъ лебедя крыло,
Свинцомъ охотника пронзенное, трепещетъ.
Но что за гулъ?.. Какъ громъ глухой
Надъ тихимъ моремъ онъ раздался.
То грохотъ пушки заревой,
Изъ русской Варны онъ примчался!
О радость! завтра мы узримъ
Страну поклонниковъ Пророка:
Подъ небомъ вѣчно голубымъ
Упьемся воздухомъ твоимъ,
Земля роскошнаго Востока!
И въ темныхъ миртовыхъ садахъ,
Фонтановъ мраморныхъ при медленномъ журчаньи,
При соблазнительныхъ луны твоей лучахъ,
Въ твоемъ, о юная невольница, лобзаньи
Цвѣтовъ родной твоей страны,
Живыхъ восточныхъ розъ отвѣдаемъ дыханье
И жаръ, и свѣжесть ихъ весны!..

Элегія „Гебеджинскія развалины", по мнѣнію нашему, лучшая изъ всѣхъ. Въ ней обнаруживается необыкновенное искусство въ описаніяхъ, яркость въ выраженіяхъ и сила въ мысляхъ. Пользуясь намъ даннымъ позволеніемъ, выписываемъ большую часть этой элегіи.

Столбовъ, поникнувшихъ сѣдыми головами,
Столбовъ у Тлѣнности угрюмой на часахъ,
Стоящихъ пасмурно надъ падшими столбами —
Повсюду сумрачный дедалъ въ моихъ очахъ!
. . . .

Дружины мертвецовъ гранитныхъ!
Не вы ли стражи тѣхъ столбовъ,
На коихъ чудеса вѣковъ,
Искусствъ и знаній первобытныхъ
Рукою Сиоовыхъ начертаны сыновъ?..
Какъ знать? И здѣсь былой порою,
Творенья, можетъ быть, весною,
Родъ человѣческій безъ умолку жужжалъ —
Въ тѣ времена, какъ нашихъ башенъ
Главою отрокъ достигалъ,
И мамонта, могучъ и страшенъ,
На битву равную охотникъ вызывалъ!
Быть можетъ, нѣкогда и въ этомъ запустѣньи
Гигантской роскоши лилось обвороженье:
Вздымались портики близъ кедровыхъ палатъ,
Кругомъ висячіе сады благоухали,
Тѣснились мѣдныя чудовища у вратъ,
И мраморъ золотомъ расписанныхъ аркадъ
Слоны гранитные хребтами подпирали!
И здѣсь огромныхъ башенъ лѣсъ,
До вѣковыхъ переворотовъ,
Пронзалъ, быть можетъ, сводъ небесъ,
И пѣна горныхъ струй, средь пальмовыхъ древесъ,
Изъ пасти бронзовыхъ сверкала бегемотовъ! —
И здѣсь на жертвенную кровь,
Быть можетъ, мирными вѣнчанные цвѣтами,
Колоссы яшмовыхъ боговъ
Глядѣли весело алмазными очами...
Такъ, такъ! подлуннаго величія звѣздой
И сей Ничтожества былъ озаренъ объѣдокъ, —
Пари́лъ умовъ надмѣнныхъ рой,
Цвѣла любовь... и напослѣдокъ —
Повсюду смерть, повсюду прахъ
Въ печальныхъ странника очахъ!

Лишь ты, Армида красотою,
Надъ сей могилой вѣковою,
Природа-мать, лишь ты одна
Души магической полна!
Какою роскошью чудесной
Сей градъ развалинъ неизвѣстный
Повсюду богатитъ она! —
Взгляните: этотъ столбъ, гигантъ окаменѣлый,
Какъ въ полѣ колосъ переспѣлый,
Къ землѣ онъ древнею склонился головой;
Но съ нимъ подвинутый годами,
Сосѣдъ, увѣнчанный цвѣтами,
Гирляндой связанъ молодой;
Но съ головы его маститой

Кудрей зеленыхъ вьется рой,
И плащъ изъ листьевъ шелковитый,
Колышетъ вѣтръ на немъ лѣсной!
Вотъ столбъ другой: на дернъ кудрявый,
Какъ трупъ онъ рухнулся безглавый;
Но по сіяющимъ развалины рубцамъ
Играетъ свѣжій плющъ и вьется миртъ душистый,
И великана корень мшистый
Корзиной вешнимъ сталъ цвѣтамъ!
И вмѣсто рухнувшей громады
Ужъ юный тополь нѣжитъ взгляды,
И тихо все... лишь соловей,
Какъ сердце, полное — то безнадежной муки,
То чудной радости — съ густыхъ его вѣтвей
Свои льетъ пламенные звуки...
Лишь посреди сѣдыхъ столбовъ,
Хаоса дикихъ травъ, обломковъ и цвѣтовъ,
Вечернимъ золотомъ облитыхъ —
Семейство ящерицъ отъ странника бѣжитъ,
И въ камняхъ, зелени узорами обвитыхъ,
Кустами дальними шумитъ!..

Іероглифы вѣковые,
Былаго міра мавзолей!
Межъ вами и душой моей,
Скажите, что за симпатія? —
Нѣтъ! вы не мертвая Ничтожества строка:
Вашъ прахъ — урокъ судьбы тщеславію потомковъ;
Живѣй ли гордый лавръ сихъ дребезговъ цвѣтка?..
О дайте жъ, дайте для вѣнка
Мнѣ листьевъ съ мертвыхъ сихъ обломковъ!
Остатки Древности святой,
Когда безмолвно я надъ вами
Парю крылатою мечтой —
Вѣка́ смѣняются вѣками,
Какъ волны моря предо мной!
И съ великанами былыми —
Тогда я будто какъ съ родными,
И неземнаго бытія
Призывъ блаженный слышу я!..
Но день погасъ, а я душою
Къ симъ камнямъ будто пригвождёнъ,
И вотъ ужъ яхонтовой мглою
Одѣлся вѣчный небосклонъ,
По морю синяго эѳира,
Какъ челнъ мистическаго міра,
Царица ночи поплыла,
И на чудесныя громады
Свои опаловые взгляды,
Сквозь тѣнь лѣсную, навела.
Рубины звѣздъ надъ нею блещутъ,
И межъ столбовъ сѣдыхъ трепещутъ;
И будто движа ихъ, встаютъ
Изъ-подъ земли былаго дѣти,
И мертвый градъ свой узнаютъ,
Паря во мглѣ тысячелѣтій...
Звѣрей и птицъ ночныхъ пріютъ,
Давноминувшаго зерцало,
Ничтожныхъ дребезговъ твоихъ
Для градовъ нашихъ бы достало!
Къ обломкамъ гордыхъ зданій сихъ,
О, Альнаскары! приступите,
Свои имъ грезы разскажите,
Откройте имъ: боговъ земныхъ
О чемъ тщеславіе хлопочетъ?
Чего докучливый отъ нихъ
Народовъ муравейникъ хочетъ?..

Ты правъ, *божественный* пѣвецъ:
Вѣка́ вѣковъ лишь повторенье!
Сперва — свободы обольщенье,
Гремушки славы наконецъ;
За славой — роскоши потоки,
Богатства съ золотымъ ярмомъ,
Потомъ — изящные пороки,
Глухое варварство потомъ!..

Это прекрасно! Энергія послѣднихъ стиховъ удивительна!

Остальныя элегіи (между коими шестая весьма замѣчательна) заключаютъ въ себѣ недостатки и красоты, уже нами указанные: силу выраженія, переходящую часто въ надутость; яркость описанія, затемненную иногда неточностію. Вообще главныя достоинства „Ѳракійскихъ Элегій" — блескъ и энергія; главные недостатки — напыщенность и однообразіе.

Къ „Ѳракійскимъ Элегіямъ" присовокуплены разныя мелкія стихотворенія, имѣющія неоспоримое достоинство: вездѣ гармонія, вездѣ мысли, изрѣдка истина чувствъ. Если бы г. Тепляковъ ничего другаго не написалъ, кромѣ элегіи Одиночество и станса Любовь и Ненависть, то и тутъ занялъ бы онъ почетное мѣсто между нашими поэтами. Заключимъ разборъ, выписавъ стихотвореніе, которымъ заключается и книга г. Теплякова.

Одиночество.

Въ лѣсу осенній вѣтръ и стонетъ, и дрожитъ;
По морю темному ревучій валъ кочуетъ;
Уныло крупный дождь въ окно мое стучитъ;
Раздумье тяжкое мечты мои волнуетъ.

Мнѣ грустно! Догорѣлъ каминъ трескучій мой;
Послѣдній красный блескъ надъ угольями вьется...
Мнѣ грустно! Тусклый день ужъ гаснетъ надо мной;
Ужъ съ неба темнаго туманный вечеръ льется.

Какъ сладко онъ для двухъ супруговъ пролетитъ,
Въ кругу, гдѣ бабушка *внуча́тъ* своихъ ласкаетъ;
У креселъ дѣдовскихъ красавица сидитъ —
И былямъ старины, работая, внимаетъ!

Мечта докучная! зачѣмъ передъ тобой
Супруговъ долгія лобзанья пламенѣютъ?
Что въ томъ, какъ ихъ сердца́, подъ ризою ночной,
Средь ненасытныхъ ласкъ, въ палящей нѣгѣ млѣютъ,

Ме́жъ тѣмъ какъ онъ кипитъ, мой одинокій умъ!
Какъ сердце сирое, обливщись кровью, рвется,
Когда душа моя, средь вихря горькихъ думъ,
Надъ ихъ мучительно-завидной долей вьется!

Но если для меня безвѣстный уголокъ
Не созданъ, темными *дуба́ми* осѣненный,
Подруга милая и яркій камелёкъ,
Въ часы осеннихъ бурь друзьями окруженный, —

О жаръ святыхъ молитвъ, зажгись въ душѣ моей!
Лучъ вѣры пламенной блесни въ ея пустынѣ?
Пролейся въ грудь мою цѣлительный елей:
Пусть сны вчерашніе не мучатъ сердца нынѣ!

Пусть, упоенная надеждой неземной,
Съ душой всемірною моя соединится:

Пускай сей мрачный долъ исчезнетъ предо мной;
Осеннiй въ окна вѣтръ, бушуя, не стучится!
  О, пусть превыше звѣздъ мой вознесется духъ,
Туда, гдѣ взоръ Творца ихъ сонмы зажигаетъ!
Въ мiрахъ надсолнечныхъ пускай мой жадный слухъ
Органамъ ангеловъ, восторженный, внимаетъ...
  Пусть я увижу ихъ, въ безмолвiи святомъ,
Предъ трономъ Вѣчнаго, колѣнопреклоненныхъ;
Прочту символы тайнъ, пылающихъ на немъ,
И юнымъ первенцамъ творенья откровенныхъ...
  Пусть Соломоновой премудрости звѣзда
Блеснетъ душѣ моей въ безоблачномъ эѳирѣ;
Поправъ земную грусть, быть можетъ, я тогда
Не буду тосковать о другѣ въ здѣшнемъ мiрѣ!

62.

Джонъ Теннеръ.

Эта статья помѣщена въ III кн. Современника 1836 г.

Съ нѣкотораго времени Сѣверо-Американскiе Штаты обращаютъ на себя въ Европѣ вниманiе людей наиболѣе мыслящихъ. Не политическiя происшествiя тому виною: Америка спокойно совершаетъ свое поприще, донынѣ безопасная и цвѣтущая, сильная миромъ, упроченнымъ ей географическимъ ея положенiемъ, гордая своими учрежденiями. Но нѣсколько глубокихъ умовъ въ недавнее время занялись изслѣдованiемъ нравовъ и постановленiй американскихъ, и ихъ наблюденiя возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже рѣшенными. Уваженiе къ сему новому народу и къ его уложенiю, плоду новѣйшаго просвѣщенiя, сильно поколебалось. Съ изумленiемъ увидѣли демократiю въ ея отвратительномъ цинизмѣ, въ ея жестокихъ предразсудкахъ, въ ея нестерпимомъ тиранствѣ. Все благородное, безкорыстное, все возвышающее душу человѣческую, подавленное неумолимымъ эгоизмомъ и страстiю къ довольству (comfort); большинство, нагло притѣсняющее общество; рабство негровъ посреди образованности и свободы; родословныя гоненiя въ народѣ, не имѣющемъ дворянства; со стороны избирателей — алчность и зависть; со стороны управляющихъ — робость и подобострастiе; талантъ, изъ уваженiя къ равенству, принужденный къ добровольному остракизму; богачъ, надѣвающiй оборванный кафтанъ, дабы на улицѣ не оскорбить надменной нищеты, имъ втайнѣ презираемой: такова картина Американскихъ Штатовъ, недавно выставленная передъ нами.

Отношенiя Штатовъ къ индiйскимъ племенамъ, древнимъ владѣльцамъ земли, нынѣ заселенной европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новыхъ наблюдателей. Явная несправедливость, ябеда и безчеловѣчiе американскаго конгресса осуждены съ негодованiемъ; такъ или иначе, чрезъ мечъ и огонь, или отъ рома и ябеды, или средствами болѣе нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближенiи цивилизацiи. Таковъ неизбѣжный

законъ. Остатки древнихъ обитателей Америки скоро совершенно истребятся; и пространныя степи, необозримыя рѣки, на которыхъ сѣтьми и стрѣлами добывали они себѣ пищу, обратятся въ обработанныя поля, усѣянныя деревнями, и въ торговыя гавани, гдѣ задымятся пироскафы и разовьется флагъ американскій.

Нравы сѣверо-американскихъ дикарей знакомы намъ по описанію знаменитыхъ романистовъ. Но Шатобріанъ и Куперъ оба представили намъ индійцевъ съ ихъ поэтической стороны, и закрасили истину красками своего воображенія. „Дикари, выставленные въ романахъ", пишетъ Вашингтонъ-Ирвингъ, „такъ же похожи на настоящихъ дикарей, какъ идиллическіе пастухи на пастуховъ обыкновенныхъ". Это самое подозрѣвали и читатели; и недовѣрчивость къ словамъ заманчивыхъ повѣствователей уменьшала удовольствіе, доставляемое ихъ блестящими произведеніями.

Въ Нью-Йоркѣ недавно изданы: „Записки Джона Теннера", проведшаго тридцать лѣтъ въ пустыняхъ Сѣверной Америки, между дикими ея обитателями. Эти „Записки" драгоцѣнны во всѣхъ отношеніяхъ. Онѣ — самый полный, и вѣроятно послѣдній, документъ бытія народа, коего скоро не останется и слѣдовъ. Лѣтописи племенъ безграмотныхъ, онѣ разливаютъ истинный свѣтъ на то, что́ нѣкоторые философы называютъ естественнымъ состояніемъ человѣка; показанія простодушныя и безстрастныя, онѣ, наконецъ, будутъ свидѣтельствовать передъ свѣтомъ о средствахъ, которыя Американскіе Штаты употребляли въ XIX столѣтіи къ распространенію своего владычества и христіанской цивилизаціи. Достовѣрность сихъ „Записокъ" не подлежитъ никакому сомнѣнію. Джонъ Теннеръ еще живъ; многія особы (между прочимъ Токвиль, авторъ славной книги: „De la démocratie en Amérique") видѣли его, и купили отъ него самого эту книгу. По ихъ мнѣнію, подлога тутъ быть не можетъ. Да и стоитъ прочитать нѣсколько страницъ, чтобы въ томъ удостовѣриться: отсутствіе всякаго искусства и смиренная простота повѣствованія ручаются за истину [1]).

63.

Объ обязанностяхъ человѣка. Сочиненіе Сильвіо Пеллико.

Сильвіо Пеллико (1789—1854)—итал. поэтъ и писатель, присужденный за карбонаризмъ къ тюремному заключенію.

Сочиненія С. Пеллико: „Мои темницы" и „Объ обязанностяхъ человѣка", оба вышли на русскомъ языкѣ, въ Спб. 1836, въ переводѣ первое—Евгр. Сервеского, второе—С. П. Дирина.

Эта статья помѣщена въ III кн. Современника 1836 г.

На дняхъ выйдетъ изъ печати новый переводъ книги: Dei doveri degli uomini, сочиненія славнаго Сильвіо Пеллико.

Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, примѣнено ко всевозможнымъ

---

[1]) Далѣе Пушкинымъ частію изложены, частію переведены записки Теннера.

обстоятельствамъ жизни и происшествіямъ міра; изъ коей нельзя повторить ни единаго выраженія, котораго не знали бы всѣ наизусть, которое не было бы уже пословицею народовъ; она не заключаетъ уже для насъ ничего неизвѣстнаго; но книга сія называется евангеліемъ — и такова ея вѣчно новая прелесть, что если мы, пресыщенные міромъ, или удрученные уныніемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію, и погружаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе.

И не всуе, собираясь сказать нѣсколько словъ о книгѣ кроткаго страдальца, дерзнули мы упомянуть о божественномъ евангеліи: мало было избранныхъ (даже между первоначальными пастырями церкви), которые бы въ своихъ твореніяхъ приближились кротостію духа, сладостію краснорѣчія и младенческою простотою сердца къ проповѣди небеснаго учителя.

Въ позднѣйшія времена неизвѣстный творецъ книги „О подражаніи Іисусу Христу“, Фенелонъ и Сильвіо Пеллико въ высшей степени принадлежатъ къ симъ избраннымъ, которыхъ ангелъ господній привѣтствовалъ именемъ человѣковъ благоволенія.

Сильвіо Пеллико десять лѣтъ провелъ въ разныхъ темницахъ и, получа свободу, издалъ свои записки. Изумленіе было всеобщее: ждали жалобъ, напитанныхъ горечью,—прочли умилительныя размышленія, исполненныя яснаго спокойствія, любви и доброжелательства.

Признаемся въ нашемъ суетномъ зломысліи. Читая сіи записки, гдѣ ни разу не вырывается изъ-подъ пера несчастнаго узника выраженія нетерпѣнія, упрека или ненависти, мы невольно предполагали скрытое намѣреніе въ этой ненарушимой благосклонности ко всѣмъ и ко всему; эта умѣренность казалась намъ искусствомъ. И восхищаясь писателемъ, мы укоряли человѣка въ неискренности. Книга Dei doveri устыдила насъ, и разрѣшила намъ тайну прекрасной души, тайну человѣка-христіанина.

Сказавъ, какую книгу напомнило намъ сочиненіе Сильвіи Пеллико, мы ничего болѣе не можемъ и не должны прибавить къ похвалѣ нашей.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ (Московскій Наблюдатель), въ статьѣ писателя съ истиннымъ талантомъ [1]), критика, заслужившаго довѣренность просвѣщенныхъ читателей, съ удивленіемъ прочли мы слѣдующія строки о книгѣ Сильвіо Пеллико:

„Если бы книга Обязанностей не вышла вслѣдъ за книгою Жизни (Мои темницы), она показалась бы намъ общими мѣстами, сухимъ, произвольно-догматическимъ урокомъ, который мы бы прослушали безъ вниманія.“

Неужели Сильвіо Пеллико имѣетъ нужду въ извиненіи? Неужели его книга, вся исполненная сердечной теплоты, прелести неизъяснимой, гармоническаго краснорѣчія, могла кому бы то ни было, и въ какомъ бы то ни было случаѣ, показаться сухой и холодно-догматической? Неужели, если бъ она была написана въ

---

[1]) С. П. Шевырева.

тишинѣ Оиванды или въ библіотекѣ философа, а не въ грустномъ уединеніи темницы, недостойна была бы обратить на себя вниманія человѣка, одареннаго сердцемъ? — Не можемъ повѣрить, чтобы въ самомъ дѣлѣ такова была мысль автора „Исторіи поэзіи".

Это ужъ не ново; это было уже сказано — вотъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ обвиненій критики. Но все уже было сказано, всѣ понятія выражены и повторены въ теченіе столѣтій; что жъ изъ этого слѣдуетъ? Что духъ человѣческій уже ничего новаго не производитъ? Нѣтъ, не станемъ на него клеветать: разумъ неистощимъ въ соображеніи понятій, какъ языкъ неистощимъ въ соединеніи словъ. Всѣ слова находятся въ лексиконѣ; мысли же могутъ быть разнообразны до безконечности.

Какъ лучшее опроверженіе мнѣнія г-на Шевырева, привожу собственныя его слова:

„Прочтите ее (книгу Пеллико) съ тою же вѣрою, съ какою она писана, и вы вступите изъ темнаго міра сомнѣній, разстройства, раздора головы съ сердцемъ въ свѣтлый міръ порядка и согласія. Задача жизни и счастія вамъ покажется проста. Вы какъ-то соберете себя, разсѣяннаго по мелочамъ страстей, привычекъ и прихотей—и въ вашей душѣ вы ощутите два чувства, которыя, къ сожалѣнію, очень рѣдки въ эту эпоху: чувство довольства и чувство надежды."

64.

Словарь о святыхъ, православныхъ въ россійской церкви и пр. Кн. Эристова.

Эта замѣтка помѣщена также въ отдѣлѣ: „Новыя книги" III тома Современника 1836 г.

Въ наше время главный недостатокъ, отзывающійся во всѣхъ почти ученыхъ произведеніяхъ, есть отсутствіе труда. Рѣдко случается критикѣ указывать на плоды долгихъ изученій и терпѣливыхъ разысканій. Что же изъ того происходитъ? Наши такъ называемые ученые принуждены замѣнять существенныя достоинства изворотами болѣе или менѣе удачными: порицаніемъ предшественниковъ, новизною взглядовъ, приноровленіемъ модныхъ понятій къ старымъ, давно извѣстнымъ предметамъ и пр. Таковыя средства (которыя, въ нѣкоторомъ смыслѣ, можно назвать шарлатанствомъ) не подвигаютъ науки ни на шагъ, поселяютъ жалкій духъ сомнѣнія и отрицанія въ умахъ незрѣлыхъ и слабыхъ, и печалятъ людей истинно ученыхъ и здравомыслящихъ.

Словарь о святыхъ не принадлежитъ къ числу опрометчивыхъ и скороспѣлыхъ произведеній, наводняющихъ наши книжныя лавки. Отчетливость въ предварительныхъ изысканіяхъ, полнота въ совершеніи предпринятаго труда поставили сію книгу высоко во мнѣніи знающихъ людей. Издатель на своемъ поприщѣ имѣлъ предшественниковъ Новикова, напечатавшаго, въ 1784 году, Опытъ историческаго словаря о всѣхъ въ истинной православной вѣрѣ святою непорочною жизнію прославив-

шихся святыхъ мужахъ. Съ того времени прошло болѣе пятидесяти лѣтъ; средства и источники умножились; для новаго издателя трудъ былъ облегченъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и удвоенъ. Въ опытѣ Новикова помѣщено 169 именъ угодниковъ, съ описаніемъ ихъ житія, или безъ всякаго объясненія: Словарь о святыхъ заключаетъ въ себѣ 363 имени, т. е. болѣе, нежели вдвое. У Новикова источники изрѣдка указаны внизу самаго текста: въ нынѣшнемъ „Словарѣ" полный „Указатель" источникамъ напечатанъ особо, въ два столбца, мелкимъ шрифтомъ, и составляетъ цѣлый печатный листъ.

„Церковь россійская", сказано въ предисловіи, „весьма осторожно оглашала святыми угодниковъ своихъ, и только по явномъ открытіи нетлѣнія мощей, прославленныхъ чудесами, помѣщала ихъ въ мѣсяцословы. Россія къ утвержденію православія своего видѣла во многихъ мѣстахъ явное знаменіе благодати надъ мощами тѣхъ, кои святостію жизни, примѣромъ благочестія, или христіанскимъ самоотверженіемъ явили себя достойными почитанія; но имена сихъ угодниковъ не были внесены въ „Общія Святцы Россійской Церкви"; а память ихъ совершалась въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ они почиваютъ. Причиною такой мѣстности было отдѣленіе духовной власти Новгорода отъ главной духовной власти Россіи, и потомъ раздѣленіе митрополіи на кіевскую и московскую. Уже въ половинѣ XVI вѣка московскій митрополитъ Макарій, составляя „Великія Четьи-Минеи", собралъ житія и нѣкоторыхъ святыхъ, еще дотолѣ въ патерикахъ не помѣщенныхъ, и для установленія имъ служебъ имѣлъ въ Москвѣ, 1547 года, соборъ, на которомъ двѣнадцати святымъ россійскимъ назначено повсюду празднованіе и службы, а девяти — только въ мѣстахъ, гдѣ мощи ихъ почиваютъ. Тѣ церкви, которыя не успѣли на соборъ представить свидѣтельствъ о своихъ мѣстныхъ угодникахъ, послѣ получали, по разсмотрѣнію митрополита, дозволеніе совершать память ихъ, и потомъ, при патріархахъ, нѣкоторые изъ нихъ внесены въ общіе мѣсяцословы. Митрополитъ ростовскій Димитрій, въ своихъ „Четьи-Минеяхъ" помѣстилъ преподобныхъ кіевопечерскихъ подъ числомъ совершенія ихъ памяти. Но и за симъ многіе не внесены въ мѣсяцословы, хотя нѣкоторымъ сочинены особыя службы, кондаки и тропари: таковы угодники новгородскіе, псковскіе, вологодскіе, и другіе.

„Въ предлагаемомъ „Словарѣ" помѣщены житія святыхъ, прославленныхъ въ россійской церкви; житія нѣкоторыхъ другихъ подвижниковъ благочестія, коихъ память благоговѣйно сохраняется тамъ, гдѣ они жили или почили; наконецъ краткія извѣстія о тѣхъ богоугодно-пожившихъ, которыхъ имена выписаны изъ синодиковъ, или древнихъ монастырскихъ записокъ. При описаніи жизни святаго, прославленнаго во всей россійской церкви, обозначены въ „Словарѣ" мѣсяцъ и число совершенія памяти; относительно прочихъ также означается мѣсто и день, когда чтится ихъ память совершеніемъ молебныхъ пѣній или панихидъ, по введенному постановленіями или преданіемъ обычаю".

Слогъ издателя долженъ будетъ служить образцомъ для всѣхъ ученыхъ словарей. Онъ простъ, полонъ и кратокъ. Намъ случилось въ „Энциклопедическомъ лексиконѣ" (впрочемъ, книгѣ необходимой и имѣющей столь великое достоинство) найти въ описаніи какого-то сраженія уподобленіе одного изъ корпусовъ кораблю или птицѣ, не помнимъ навѣрное чему: таковыя риторическія фигуры въ какомъ нибудь иномъ сочиненіи могутъ быть дурны или хороши, смотря

по таланту писателя; но въ словарѣ онѣ во всякомъ случаѣ нестерпимы.

Издатель „Словаря о святыхъ“ оказалъ важную услугу исторіи. Между тѣмъ книга его имѣетъ и общую занимательность: есть люди, не имѣющіе никакого понятія о житіи того св. угодника, чье имя носятъ отъ купели до могилы, и чью память празднуютъ ежегодно. Не дозволяя себѣ никакой укоризны, не можемъ, по крайней мѣрѣ, не дивиться крайнему ихъ нелюбопытству.

Наконецъ и библіофилы будутъ благодарны за типографическую изящность изданія: „Словарь“ напечатанъ въ большую осьмушку, на лучшей веленевой бумагѣ, и есть отличное произведеніе типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Канцеляріи Е. И. В.

65.

Новый романъ.

Подъ этимъ заглавіемъ помѣщена въ концѣ отдѣла: „Новыя книги“ III тома Современника 1836 г. замѣтка о рукописномъ романѣ: „Село Михайловское“ [1]).

Недавно одна рукопись, подъ заглавіемъ: Село Михайловское, ходила въ обществѣ по рукамъ и произвела большое впечатлѣніе. Это романъ, сочиненный дамою. Говорятъ, въ немъ много оригинальности, много чувства, много и живыхъ сильныхъ изображеній. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ его появленія.

66.

Замѣтка къ повѣсти Гоголя: Носъ.

Эта замѣтка помѣщена при повѣсти „Носъ“ въ III книгѣ Современника 1836 г.

Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатаніе этой шутки; но мы нашли въ ней такъ много неожиданнаго, фантастическаго, веселаго, оригинальнаго, что уговорили его позволить намъ подѣлиться съ публикою удовольствіемъ, которое доставила намъ его рукопись.

67.

О сборникѣ кн. Вяземскаго.

Эта замѣтка отъ редакціи помѣщена въ IV томѣ Современника 1836 г.

Спѣшимъ увѣдомить публику, что въ началѣ будущаго 1837 года выйдетъ въ свѣтъ: „Старина и Новизна, историческій и литературный сборникъ“, изданный кн. Вяземскимъ. — Въ сей книгѣ будутъ помѣщены многіе любопытные матеріалы, относящіеся до исторіи нашей, извлеченные изъ бумагъ гр. Ивана Захаровича Чер-

---

[1]) Этотъ романъ В. С. Миклашевичевой, не имѣющій никакого отношенія къ Пушкинскому селу (т. е. сельцу) Михайловскому, изданъ только въ 1864 г. (4 части). Рукопись 1-й части была взята Пушкинымъ у автора для прінсканія эпиграфовъ къ главамъ (Пр. Морозова).

нышева, подаренныхъ издателю сыномъ его, гр. Григорьемъ Ивановичемъ. Между прочими статьями упомянемъ о письмахъ и рескриптахъ царевича Алексѣя Петровича, Екатерины II, гр. Чернышева, объ анекдотѣ о принцѣ Биронѣ и проч., и проч., почерпнутыхъ изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ. Будутъ еще письма Екатерины II къ вице-адмиралу принцу Нассау-Зигену, отрывокъ изъ собственноручныхъ записокъ гр. Ростопчина, воспоминаніе о гр. Каподистріи и нѣкоторыхъ современныхъ ему происшествіяхъ. Литературное отдѣленіе будетъ также разнообразно и составлено изъ отрывковъ изъ собственноручныхъ записокъ Ив. Ив. Дмитріева, нѣсколькихъ писемъ Карамзина, изъ повѣстей, разныхъ стихотвореній, писемъ о современной русской литературѣ, нѣсколькихъ главъ изъ біографическихъ и литературныхъ записокъ о Фонъ-Визинѣ и временахъ его, извѣстія о первыхъ трехъ пѣсняхъ „Потеряннаго Рая", съ англійскаго прозою на русскій языкъ переведенныхъ нашимъ поэтомъ Петровымъ и напечатанныхъ въ собраніи твореній его, и проч., и проч. Въ концѣ книги будутъ помѣщены снимки съ разныхъ рукописей, вошедшихъ въ составъ сборника.

68.

О выходѣ книги: Кавалеристъ-дѣвица, въ изданіи Ив. Бутовскаго.

Эта замѣтка помѣщена въ IV томѣ Современника 1836 г.

Подъ симъ заглавіемъ вышелъ въ свѣтъ первый томъ записокъ Н. А. Дуровой. Читатели „Современника" видѣли уже отрывки изъ этой книги [1]. Они оцѣнили, безъ сомнѣнія, прелесть этого искренняго и небрежнаго разсказа, столь далекаго отъ авторскихъ притязаній, и простоту, съ которою пылкая героиня описываетъ самыя необыкновенныя происшествія. Въ семъ первомъ томѣ описаны дѣтскія лѣта, первая молодость и первые походы Надежды Андреевны. Ожидаемъ появленія послѣдняго тома, дабы подробнѣе разобрать книгу, замѣчательную по всѣмъ отношеніямъ.

69.

Ключъ къ Исторіи Государства Россійскаго.

Эта замѣтка помѣщена также въ IV т. Современника 1836 г.

Издавъ сіи два тома, г. Строевъ оказалъ болѣе пользы русской исторіи, нежели всѣ наши историки съ высшими взглядами, вмѣстѣ взятые. Тѣ изъ нихъ, которые не суть еще закоренѣлые верхогляды, принуждены будутъ въ томъ сознаться. Г. Строевъ облегчилъ до невѣроятной степени изученіе русской исторіи. „Ключъ" составленъ по второму изданію Исторіи Государства Россійскаго, „самому полному и исправному", пишетъ г. Строевъ. Издатели „И. Г. Р." должны будутъ поскорѣе пріобрѣсти право на перепечатаніе „Ключа", необходимаго дополненія къ безсмертной книгѣ Карамзина.

---

[1]) См. выше стр. 195.

СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ ИЗЪ СОВРЕМЕННИКА 1837 года.

70.

Къ запискѣ о древней и новой Россіи.

Въ „Запискѣ о древней и Новой Россіи“ Карамзинъ изложилъ свои взгляды на дѣла внѣшней политики и внутренняго управленія. Здѣсь находится рѣзкая, но благонамѣренная критика того, что было совершено въ Россіи въ первое десятилѣтіе XIX в.—Записка эта была передана въ 1811 году великой княгиней Екатериной Павловной государю Александру Павловичу.

Эта замѣтка помѣщена въ V кн. Современника 1837 г. при небольшой выпискѣ изъ „Записки“ Карамзина.

Во второмъ нумерѣ [1]) „Современника“ упомянуто было о неизданномъ сочиненіи покойнаго Карамзина. Мы почитаемъ себя счастливыми, имѣя возможность представить нашимъ читателямъ хотя отрывокъ изъ драгоцѣнной рукописи. Они услышатъ, если не полную рѣчь великаго нашего соотечественника, то по крайней мѣрѣ звуки его умолкнувшаго голоса.—А. Пушкинъ.

71.

О Мильтонѣ и Шатобріановомъ переводѣ «Потеряннаго Рая».

Эта статья помѣщена въ кн. V Современника 1837 г.

Долгое время французы пренебрегали словесность своихъ сосѣдей. Увѣренные въ своемъ превосходствѣ надъ всѣмъ человѣчествомъ, они цѣнили славныхъ писателей иностранныхъ по мѣрѣ ихъ бо́льшаго или меньшаго отдаленія отъ французскихъ привычекъ и отъ правилъ, установленныхъ французскими критиками; переводя ихъ, они никогда не думали быть вѣрными своимъ подлинникамъ, напротивъ, тщательно ихъ преобразовывали. Во французскихъ переводахъ, изданныхъ въ прошломъ столѣтіи, нельзя прочесть ни одного предисловія, гдѣ бы не находилась неизбѣжная фраза: „мы думали угодить публикѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ оказать услугу и нашему автору.“ И въ увѣренности, что оказываетъ услугу публикѣ и самому автору, переводчикъ исключалъ изъ книги мѣста, которыя могли бы оскорбить вкусъ образованнаго французскаго читателя. Странно, когда подумаешь, кто, кого и передъ кѣмъ извинялъ такимъ образомъ! И вотъ къ чему ведетъ невѣжественная страсть къ народности!.. Наконецъ критики спохватились. Стали подозрѣвать, что гг. Летурнёры [2]) могли ошибочно судить о Шекспирѣ и не совсѣмъ благоразумно поступили, переправляя на свой ладъ Гамлета, Ромео и Лира. Отъ переводчиковъ стали требовать болѣе вѣрности, а менѣе щекотливости и усердія къ публикѣ; по-

---

[1]) Ошибка вм.: „въ третьемъ нумерѣ“. | см. въ „Избр. соч. Карамзина“, I, стр. 19

[2]) Объ этомъ переводчикѣ Шекспира | и прибавленіе на стр. 510.

желали видѣть Данте, Шекспира и Сервантеса въ ихъ собственномъ видѣ; въ ихъ народной одеждѣ—народные недостатки. Даже мнѣніе, утвержденное вѣками и принятое всѣми, что переводчикъ долженъ стараться передать духъ, а не букву, нашло противниковъ и искусныя опроверженія.

Нынѣ (примѣръ неслыханный!) первый изъ французскихъ писателей переводитъ Мильтона слово въ слово и объявляетъ, что подстрочный переводъ былъ бы верхомъ его искусства, если бъ только оный былъ возможенъ! Таковое смиреніе во французскомъ писателѣ, первомъ мастерѣ своего дѣла, должно было сильно изумить поборниковъ исправительныхъ переводовъ и, вѣроятно, будетъ имѣть большое вліяніе на словесность.

Изъ всѣхъ иноземныхъ писателей Мильтонъ былъ всѣхъ несчастнѣе во Франціи. Не говоримъ о переводахъ въ прозѣ, въ которыхъ онъ былъ безвинно оклеветанъ, не говоримъ о переводѣ въ стихахъ аббата Делиля, который ужасно поправилъ его грубые недостатки и украсилъ его безъ милосердія; но какъ же выводили его собственное лицо въ трагедіяхъ и въ романахъ писатели новѣйшей романтической школы? Что сдѣлалъ изъ него г-нъ Альфредъ де-Виньи [1]), котораго французскіе критики безъ церемоніи поставили на одной доскѣ съ В.-Скоттомъ? Какъ поступилъ съ нимъ Викторъ Гюго [2]), другой любимецъ парижской публики? Можетъ быть, читатели забыли и „С. Mars", и „Кромвеля", и потому не могутъ судить о нелѣпости вымысловъ гг. Альфреда де-Виньи и Виктора Гюго. Выведемъ того и другаго на судъ всякаго знающаго и благомыслящаго человѣка.

Начнемъ съ трагедіи, одного изъ самыхъ нелѣпыхъ произведеній человѣка, впрочемъ одареннаго талантомъ.

Мы не станемъ слѣдовать за спотыкливымъ ходомъ этой драмы, скучной и чудовищной: мы хотимъ только показать нашимъ читателямъ, въ какомъ видѣ въ ней представленъ Мильтонъ, еще неизвѣстный поэтъ, но политическій писатель, уже славный въ Европѣ своимъ горькимъ занозчивымъ краснорѣчіемъ.

Кромвель во дворцѣ своемъ бесѣдуетъ съ лордомъ Рочестеромъ, переодѣтымъ въ методиста, и съ четырьмя шутами; тутъ же находится Мильтонъ съ своимъ вожатымъ (лицомъ довольно ненужнымъ, ибо Мильтонъ ослѣпъ уже гораздо послѣ). Протекторъ говоритъ Рочестеру:

„Такъ какъ мы теперь одни, то я хочу посмѣяться: представляю вамъ моихъ шутовъ. Когда мы находимся въ веселомъ духѣ, тогда они бываютъ очень забавны. Мы всѣ пишемъ стихи, даже и мой старый Мильтонъ.

---

[1]) Альфредъ де-Виньи (1799—1863) — французскій поэтъ романтической школы, авторъ лироэпическихъ произведеній и романовъ (извѣстнѣйшій изъ нихъ Cinq Mars) и переводчикъ Шекспира.

[2]) Викторъ Марія Гюго (1802—1885)—глава романтической школы во Франціи, авторъ лирическихъ стихотвореній, балладъ, романовъ и драмъ. Въ драмахъ своихъ, начиная „Кромвелемъ" (1827), онъ, вооружившись противъ классицизма, довелъ неправильность поэтическихъ формъ до крайности. И по содержанію своему драмы Гюго нерѣдко оскорбляютъ эстетическое чувство.

МИЛЬТОНЪ (съ досадою). Старый Мильтонъ! Извините, милордъ, я девятью годами моложе васъ.

КРОМВЕЛЬ.—Какъ угодно.

МИЛЬТОНЪ.—Вы родились въ 99-мъ, а я въ 608-мъ.

КРОМВЕЛЬ.—Какое свѣжее воспоминаніе!

МИЛЬТОНЪ (съ живостію).—Вы бы могли обходиться со мною учтивѣе: я сынъ нотаріуса, городоваго альдермана.

КРОМВЕЛЬ.—Ну, не сердись; я знаю, что ты великій ѳеологъ и даже хорошій стихотворецъ, хотя пониже Вайсерса и Донна.

МИЛЬТОНЪ (говоря самъ про себя).—Пониже! какъ это слово жестоко! Но погодимъ. Увидять, отказало ли мнѣ небо въ своихъ дарахъ. Потомство мнѣ судія. Оно пойметъ мою Еву, падающую въ адскую ночь, какъ сладкое сновидѣніе; Адама, преступнаго и добраго; и неукротимаго Духа, царствующаго также надъ одною вѣчностію, высокаго въ своемъ отчаяніи, глубокаго въ безуміи, исходящаго изъ огненнаго озера, которое бьетъ онъ огромнымъ своимъ крыломъ: ибо пламенный геній во мнѣ работаетъ. Я обдумываю мóлча странное намѣреніе. Я живу въ мысли моей, и ею Мильтонъ утѣшенъ. Такъ я хочу въ свою очередь создать свой міръ между адомъ, землею и небомъ.

ЛОРДЪ РОЧЕСТЕРЪ (про себя).—Что онъ тамъ городитъ?

ОДИНЪ ИЗЪ ШУТОВЪ.—Смѣшной мечтатель!

КРОМВЕЛЬ (пожимая плечами).—Твой „Иконокластъ“ очень хорошая книга, но твой чортъ Левіаѳанъ... (смѣясь) очень плохъ...

МИЛЬТОНЪ (сквозь зубы, съ негодованіемъ). — Кромвель смѣется надъ моимъ сатаною!

РОЧЕСТЕРЪ (подходитъ къ нему).—Г-нъ Мильтонъ!

МИЛЬТОНЪ (не слыша его и обратясь къ Кромвелю). — Онъ это говоритъ изъ зависти.

РОЧЕСТЕРЪ (Мильтону, который слушаетъ его съ разсѣянностію). — По чести, вы не понимаете поэзіи. Вы умны, но у васъ недостаетъ вкуса. Послушайте: французы—учители наши во всемъ; изучайте Ракана, читайте его пастушескія стихотворенія. Пусть Аминта и Тирсисъ гуляютъ у васъ по лугамъ; пусть она ведетъ за собою барашка на голубой ленточкѣ; но Ева, Адамъ, адъ, огненное озеро! сатана голый, съ опаленными крыльями! Другое дѣло: если бы вы прикрыли его щегольскимъ платьемъ, если бы вы дали ему огромный парикъ и шлемъ съ золотою шишкою, розовый камзолъ и мантію флорентинскую, какъ недавно видѣлъ я во французской оперѣ солнце въ праздничномъ кафтанѣ.

МИЛЬТОНЪ (удивленный).—Это что за пустословіе?

РОЧЕСТЕРЪ (кусая губы).—Опять я забылся! Я, сударь, шутилъ.

МИЛЬТОНЪ.—Очень глупая шутка!“

Далѣе Мильтонъ утверждаетъ, что править государствомъ—бездѣлица; то ли дѣло—писать латинскіе стихи!

Спустя немного времени, Мильтонъ бросается въ ноги Кромвелю, умоляя его не домогаться престола, на что протекторъ отвѣчаетъ: Мильтонъ, государственный секретарь! ты піитъ, ты въ лирическомъ восторгѣ забылъ, кто я таковъ и пр.

На сценѣ, не имѣющей ни исторической истины, ни драматическаго правдоподобія, въ безсмысленной пародіи церемоніала, наблюдаемаго при коронаціи англійскихъ королей, Мильтонъ и одинъ изъ придворныхъ шутовъ играютъ главную роль. Мильтонъ проповѣдуетъ республику, шутъ подымаетъ перчатку королевскаго рыцаря...

Вотъ какимъ жалкимъ безумцемъ, какимъ пустомелей выведенъ Мильтонъ человѣкомъ, который, вѣроятно, самъ не вѣдалъ, что творилъ, оскорбляя великую тѣнь! Въ теченіе всей трагедіи, кромѣ насмѣшекъ и ругательства, ничего иного Мильтонъ не слышитъ; правда и то, что и самъ онъ, во все время, ни разу не вымолвилъ дѣльнаго слова. Это старый болтунъ, котораго всѣ презираютъ, и на котораго никто не обращаетъ никакого вниманія.

Нѣтъ, господинъ Гюго! не таковъ былъ Мильтонъ, другъ и сподвижникъ Кромвеля, суровый фанатикъ, строгій творецъ „Иконокласта" и книги „Defensio populi!" Не такимъ языкомъ изъяснялся бы съ Кромвелемъ тотъ, который написалъ ему свой славный пророческій сонетъ: Cromwel, our chief etc.

Не могъ быть посмѣшищемъ развратнаго Рочестера и придворныхъ шутовъ тотъ, кто, въ злые дни жертва злыхъ языковъ, въ бѣдности, въ гоненіи и въ слѣпотѣ сохранилъ непреклонность души и продиктовалъ „Потерянный Рай".

Если г-нъ Гюго, будучи самъ поэтъ (хотя и второстепенный), такъ худо понялъ поэта Мильтона, то всякъ легко себѣ вообразитъ, что́ подъ его перомъ стало изъ лица Кромвеля, съ которымъ не имѣлъ онъ ужъ ровно никакого сочувствія! Но это не касается до нашего предмета. Отъ неровнаго, грубаго Виктора Гюго и его уродливыхъ драмъ перейдемъ къ чопорному, манерному гр. Виньи и къ его облизанному роману.

Альфредъ де-Виньи въ своемъ „Сенъ-Марсѣ" также выводитъ передъ нами Мильтона, и вотъ въ какихъ обстоятельствахъ:

У славной Маріи де-Лормъ, любовницы кардинала Ришельё, собирается общество придворныхъ и ученыхъ. Скюдери толкуетъ имъ свою аллегорическую карту любви; гости въ восхищеніи отъ крѣпости Красоты, стоящей на рѣкѣ Гордости, отъ деревни Нѣжныхъ Записочекъ, отъ гавани Равнодушія, и проч., и проч. Всѣ осыпаютъ г-жу Скюдери напыщенными похвалами, кромѣ Мольера, Корнеля и Декарта, которые тутъ же находятся. Вдругъ хозяйка представляетъ обществу молодаго путешествующаго англичанина Мильтона и заставляетъ его читать гостямъ отрывки изъ „Потеряннаго Рая". Хорошо. Да какъ же французы, не зная англійскаго языка, поймутъ Мильтоновы стихи? Очень просто: мѣста, которыя онъ будетъ читать, переведены на французскій языкъ, переписаны на особыхъ листочкахъ и списки розданы гостямъ. Мильтонъ будетъ декламировать, а гости слѣдовать за нимъ. Да зачѣмъ же ему безпокоиться, если уже стихи переведены? Стало быть Мильтонъ великій декламаторъ, или звуки англійскаго языка чрезвычайно любопытны? А какое дѣло графу де-Виньи до всѣхъ этихъ нелѣпыхъ несообразностей? Ему надобно, чтобъ Мильтонъ читалъ въ парижскомъ обществѣ свой „Потерянный Рай", и чтобъ французскіе умники надъ нимъ посмѣялись и не поняли духа великаго поэта.

Мильтонъ, не смотря на то, что назначенныя мѣста для чтенія переведены, и что онъ долженъ читать ихъ по порядку, ищетъ въ памяти своей то, что по его мнѣнію болѣе произведетъ дѣйствія

на слушателей, не заботясь о томъ, поймутъ ли его или нѣтъ. Но посредствомъ какого-то чуда (неизъясненнаго г-мъ де-Виньи) всѣ его понимаютъ. Де-Барро находитъ его приторнымъ, Скюдери скучнымъ и холоднымъ, Марія де-Лормъ очень тронута описаніемъ Адама въ первобытномъ его состояніи; Мольеръ, Корнель и Декартъ осыпаютъ его комплиментами, и проч., и проч.

Или мы очень ошибаемся, или Мильтонъ, проѣзжая черезъ Парижъ, не сталъ бы показывать себя какъ заѣзжій фигляръ, и въ домѣ непотребной женщины забавлять общество чтеніемъ стиховъ, писанныхъ на языкѣ неизвѣстномъ никому изъ присутствующихъ, жеманясь и рисуясь, то закрывая глаза, то взводя ихъ въ потолокъ. Разговоры его съ де-Ту, съ Корнелемъ и Декартомъ не были бы пошлымъ и изысканнымъ пустословіемъ; а въ обществѣ игралъ бы онъ роль, ему приличную, скромную, роль благороднаго, хорошо воспитаннаго молодаго человѣка.

Послѣ удивительныхъ вымысловъ Виктора Гюго и графа де-Виньи, хотите ли видѣть картину, просто набросанную другимъ живописцемъ? Прочтите въ „Вудстокѣ“ встрѣчу одного изъ дѣйствующихъ лицъ съ Мильтономъ, въ кабинетѣ Кромвеля.

Французскій романистъ, конечно, не довольствовался бы такимъ незначущимъ и естественнымъ изображеніемъ. У него Мильтонъ, занятый государственными дѣлами, непремѣнно терялся бы въ піитическихъ мечтаніяхъ и на поляхъ какого-нибудь отчета намаралъ бы нѣсколько стиховъ изъ „Потеряннаго Рая“; Кромвель бы это подмѣтилъ, разбранилъ бы своего секретаря, назвалъ бы его стихоплетомъ, вралемъ и проч., и изъ того бы вышелъ эффектъ, о которомъ бѣдный Вальтеръ-Скоттъ и не подумалъ.

Переводъ, изданный Шатобріаномъ, заглаживаетъ до нѣкоторой степени презрѣніе молодыхъ французскихъ писателей, такъ невинно, но такъ жестоко оскорбившихъ великую тѣнь. Мы сказали уже, что Шатобріанъ переводилъ Мильтона почти слово въ слово, такъ близко, какъ только то могъ позволить синтаксисъ французскаго языка: трудъ тяжелый и неблагодарный, незамѣтный для большинства читателей и который можетъ быть оцѣненъ двумя, тремя знатоками. Но удаченъ ли новый переводъ? Шатобріанъ нашелъ въ Низарѣ критика неумолимаго. Низаръ въ статьѣ, наполненной тонкой смѣтливости, сильно напалъ и на способъ перевода, избранный Шатобріаномъ, и на самый переводъ. Нѣтъ сомнѣнія, что стараясь передать Мильтона слово въ слово, Шатобріанъ, однако, не могъ соблюсти въ своемъ преложеніи вѣрности смысла и выраженія. Подстрочный переводъ никогда не можетъ быть вѣренъ. Каждый языкъ имѣетъ свои обороты, свои усвоенныя выраженія, которыя не могутъ быть переведены на другой языкъ соотвѣтствующими словами. Возьмемъ первыя фразы: Comment vous portez vous; How do you do. Попробуйте перевести ихъ слово въ слово на русскій языкъ *).

*) Кстати: недавно (въ Телескопѣ, кажется), кто-то, критикуя переводъ, хотѣлъ, вѣроятно, блеснуть знаніемъ итальянскаго языка и пѣнялъ переводчику, зачѣмъ онъ пропустилъ въ своемъ переводѣ выраженіе „battersi la guencia“—

Если уже русскій языкъ, столь гибкій и мощный въ своихъ оборотахъ и средствахъ, столь переимчивый и общежительный въ своихъ отношеніяхъ къ чужимъ языкамъ, не способенъ къ переводу подстрочному, къ преложенію слово въ слово, то какимъ образомъ языкъ французскій, столь осторожный въ своихъ привычкахъ, столь пристрастный къ своимъ преданіямъ, столь непріязненный къ языкамъ, даже ему единоплеменнымъ, выдержитъ таковой опытъ, особенно въ борьбѣ съ языкомъ Мильтона, сего поэта, вмѣстѣ и изысканнаго и простодушнаго, и темнаго и запутаннаго, и выразительнаго и своенравнаго, и смѣлаго даже до безсмыслія?

Переводъ „Потеряннаго Рая“ есть торговая спекуляція. Первый изъ современныхъ французскихъ писателей, учитель всего пишущаго поколѣнія, бывшій нѣкогда первымъ министромъ, нѣсколько разъ посланникомъ, Шатобріанъ на старости лѣтъ перевелъ Мильтона для куска хлѣба. Каково бы то ни было исполненіе труда, имъ предпринятаго, но самый сей трудъ и цѣль онаго дѣлаютъ честь знаменитому старцу. Шатобріанъ, который, поторговавшись немного съ самимъ собою, могъ бы спокойно пользоваться щедротами новаго правительства, властію, почестями и богатствомъ, предпочелъ имъ честную бѣдность и, уклонившись отъ палаты перовъ, гдѣ могущественно раздавался краснорѣчивый его голосъ, приходитъ въ книжную лавку съ продажной рукописью, но съ неподкупной совѣстію. Послѣ этого — что скажетъ критика? Станетъ ли она строгостію оцѣнки смущать благодарнаго труженика и, подобно скупому покупщику, хулитъ его товаръ? Но Шатобріанъ не имѣетъ нужды въ снисхожденіи: къ своему переводу присовокупилъ онъ два тома, столь же блестящіе, какъ и всѣ прежнія его произведенія, и критика можетъ оказаться строгою къ ихъ недостаткамъ столько, сколько ей будетъ угодно; несомнѣнныя красоты, страницы, достойныя лучшихъ временъ великаго писателя, спасутъ его книгу отъ пренебреженія читателей, несмотря на всѣ ея недостатки.

Англійскіе критики строго осудили „Опытъ объ англійской литературѣ“. Они нашли его слишкомъ поверхностнымъ, слишкомъ недостаточнымъ; повѣривъ заглавію, они отъ Шатобріана требовали ученой критики и совершеннаго знанія предметовъ, близко знакомыхъ имъ самимъ; но совсѣмъ не того должно было искать въ семъ блестящемъ обозрѣніи. Въ ученой критикѣ Шатобріанъ не твердъ, робокъ и самъ не свой; онъ говоритъ о писателяхъ, которыхъ не читалъ; судитъ о нихъ вскользь и по наслышкѣ и кое-какъ отдѣлывается отъ скучной должности библіографа; но поминутно изъ-подъ пера его вылетаютъ вдохновенныя страницы; онъ поминутно забываетъ критическія изысканія и на свободѣ развиваетъ свои мысли о великихъ историческихъ эпохахъ, которыя сближаетъ съ тѣми, коихъ самъ онъ былъ свидѣтель. Много искренности, много сердечнаго краснорѣчія, много простодушія (иногда дѣтскаго, но всегда привлекательнаго) въ сихъ отрывкахъ, чуждыхъ исторіи

бить себя по щекамъ. „Battersi la guencia“ значитъ — раскаяться; перевести иначе, не имѣло бы никакого смысла. — (Прим. Пушк.).

англійской литературы, но составляющихъ главное, блистательное достоинство „Опыта“.

72.

Послѣдній изъ родственниковъ Іоанны д'Аркъ.

Эта замѣтка помѣщена въ VI-й кн. Современника 1837 г.

Въ Лондонѣ, въ прошломъ 1836 году, умеръ нѣкто г-нъ Дюлисъ (Jean-François-Philippe Dulys), потомокъ роднаго брата Іоанны д'Аркъ, славной Орлеанской дѣвственницы. Г-нъ Дюлисъ переселился въ Англію въ началѣ французской революціи. Онъ былъ женатъ на англичанкѣ, и не оставилъ по себѣ дѣтей. По своей духовной назначилъ онъ по себѣ наслѣдникомъ родственника жены своей, Джемса Белли, книгопродавца эдинбургскаго. Между его бумагами найдены подлинныя грамоты королей Карла VII, Генриха III и Людовика XIII, подтверждающія дворянство рода господъ д'Аркъ Дюлисъ (d'Arc Dulys). Всѣ сіи грамоты проданы были съ публичнаго торга за весьма дорогую цѣну, такъ же какъ и любопытный автографъ: письмо Вольтера къ отцу покойнаго г-на Дюлиса.

Повидимому, Дюлисъ-отецъ былъ добрый господинъ, мало занимавшійся литературою. Однакожъ, около 1767 года, дошло до него, что нѣкто Mr. de Voltaire издалъ какое-то сочиненіе объ Орлеанской героинѣ. Книга продавалась очень дорого. Г-нъ Дюлисъ рѣшился однакожъ ее купить, полагая найти въ ней достовѣрную исторію славной своей прабабки. Онъ былъ изумленъ самымъ непріятнымъ образомъ, когда получилъ маленькую книжку, in-18, напечатанную въ Голландіи и украшенную удивительными картинами. Въ первомъ пылу негодованія написалъ онъ Вольтеру слѣдующее письмо, съ котораго копія найдена также между бумагами покойника. (Письмо сіе, такъ же какъ и отвѣтъ Вольтера, напечатано въ журналѣ Morning Chronicle):

„Милостивый государь! Недавно имѣлъ я случай пріобрѣсти за шесть луидоровъ написанную вами исторію осады Орлеана въ 1429 году. Это сочиненіе преисполнено не только грубыхъ ошибокъ, непростительныхъ для человѣка, знающаго сколько-нибудь исторію Франціи, но еще и нелѣпою клеветою касательно короля Карла VII, Іоанны д'Аркъ, по прозванію Орлеанской дѣвственницы, Агнессы Сорель, господъ Латремулья, Лагира, Бодрикура и другихъ благородныхъ и знатныхъ особъ. Изъ приложенныхъ копій съ достовѣрныхъ грамотъ, которыя хранятся у меня въ замкѣ моемъ (Tournebu, baillage de Chaumont en Touraine), вы ясно увидите, что Іоанна д'Аркъ была родная сестра Лукѣ д'Аркъ дю-Ферону (Lucas d'Arc, seigneur de Feron), отъ котораго я происхожу по прямой линіи. А посему не только я полагаю себя въ правѣ, но даже и ставлю себѣ въ непремѣнную обязанность требовать отъ васъ удовлетворенія за дерзкія, злостныя и лживыя показанія, которыя вы себѣ дозволили напечатать касательно вышеупомянутой дѣвственницы. И такъ, прошу васъ, милостивый государь, дать мнѣ знать о мѣстѣ и времени, также и объ оружіи, вами избираемомъ, для немедленнаго окончанія сего дѣла. Честь имѣю“ и проч.

Несмотря на смѣшную сторону этого дѣла, Вольтеръ принялъ его не въ шутку. Онъ испугался шуму, который могъ бы изъ того произойти, а можетъ быть и шпаги щекотливаго дворянина, и тотчасъ прислалъ слѣдующій отвѣтъ:

22 мая 1767 г.

„Милостивый государь! Письмо, которымъ вы меня удостоили, застало меня въ постели, съ которой не схожу вотъ уже около осьми мѣсяцевъ. Кажется, вы не изволите знать, что я бѣдный старикъ, удрученный болѣзнями и горестями, а не одинъ изъ тѣхъ храбрыхъ рыцарей, отъ которыхъ вы произошли. Могу васъ увѣрить, что я никакимъ образомъ не участвовалъ въ составленіи глупой риѳмованной хроники (l'impertinente chronique rimée), о которой изволите мнѣ писать. Европа наводнена печатными глупостями, которыя публика великодушно мнѣ приписываетъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, случилось мнѣ напечатать поэму подъ заглавіемъ Генріада. Исчисляя въ ней героевъ, прославившихъ Францію, взялъ я на себя смѣлость обратиться къ знаменитой вашей родственницѣ (votre illustre cousine) съ слѣдующими словами:

— Et toi, brave Amazone,
La honte des Anglais et le soutien du trône [1]).

Вотъ единственное мѣсто въ моихъ сочиненіяхъ, гдѣ упомянуто о безмертной героинѣ, которая спасла Францію. Жалѣю, что я не посвятилъ слабаго своего таланта на прославленіе Божіихъ чудесъ, вмѣсто того, чтобы трудиться для удовольствія публики, безсмысленной и неблагодарной.—Честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Voltaire, gentilhomme de la chambre du Roy".

Англійскій журналистъ, по поводу напечатанія сей переписки, дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія:

Судьба Іоанны д'Аркъ, въ отношеніи къ ея отечеству, поистинѣ достойна изумленія: мы, конечно, должны раздѣлить съ французами стыдъ ея суда и казни. Но варварство англичанъ можетъ еще быть извинено предразсудками вѣка, ожесточеніемъ оскорбленной народной гордости, которая искренно приписала дѣйствію нечистой силы подвиги юной пастушки. Спрашивается, чѣмъ извинить малодушную неблагодарность французовъ? Конечно, не страхомъ дьявола, котораго изстари не боялись. По крайней мѣрѣ, мы хоть что-нибудь да сдѣлали для памяти славной дѣвы: нашъ лауреатъ посвятилъ ей первые дѣвственные порывы своего (еще не купленнаго) вдохновенія. Англія дала пристанище послѣднему изъ ея сродниковъ. Какъ же Франція постаралась загладить свое кровавое пятно, замаравшее самую меланхолическую страницу ея хроники? Правда, дворянство дано было родственникамъ Іоанны д'Аркъ; но ихъ потомство пресмыкалось въ неизвѣстности. Ни одного д'Арка или Дюлиса не видно при дворѣ французскихъ королей отъ Карла VII до самаго Карла X. Новѣйшая исторія не представляетъ предмета болѣе трогательнаго — жизни и смерти Орлеанской героини; что же сдѣлалъ изъ того Вольтеръ, сей достойный представитель своего народа? Разъ въ жизни случилось ему быть истинно поэтомъ, и вотъ на что онъ употребляетъ вдохновеніе! Онъ сатаническимъ ды-

[1]) т. е.: „А ты, храбрая Амазонка, посрамленіе англичанъ и опора престола"...

ханіемъ раздуваетъ искры, тлѣвшія въ пеплѣ мученическаго костра, и какъ пьяный дикарь пляшетъ около своего потѣшнаго огня. Онъ какъ римскій палачъ присовокупляетъ поруганіе къ смертнымъ мученіямъ дѣвы. Поэма лауреата не стоитъ, конечно, поэмы Вольтера въ отношеніи силы вымысла; но твореніе Соутея есть подвигъ честнаго человѣка и плодъ благотворнаго восторга. Замѣтимъ, что Вольтеръ, окруженный во Франціи врагами и завистниками, на каждомъ своемъ шагу подвергавшійся самымъ ядовитымъ порицаніямъ, почти не нашелъ обвинителей, когда явилась его преступная поэма. Самые ожесточенные враги его были обезоружены. Всѣ съ восторгомъ приняли книгу, въ которой презрѣніе ко всему, что почитается священнымъ для человѣка и гражданина, доведено до послѣдней степени цинизма. Никто не вздумалъ заступиться за честь своего отечества, и вызовъ добраго и честнаго Дюписа, если бы сталъ тогда извѣстенъ, возбудилъ бы неистощимый хохотъ не только въ философическихъ гостиныхъ барона д'Ольбаха и M-me Jeoffrin, но и въ старинныхъ залахъ потомковъ Лагира и Латремулья. Жалкій вѣкъ! жалкій народъ!"

73.

Желѣзная маска.

Эта замѣтка помѣщена въ VI кн. Современника 1837 г.

Вольтеръ въ своемъ „Siècle de Louis XIV" (въ 1760) первый сказалъ нѣсколько словъ о Желѣзной Маскѣ: „Нѣсколько времени послѣ смерти кардинала Мазарини", пишетъ онъ, „случилось происшествіе безпримѣрное и, что еще удивительнѣе, неизвѣстное ни одному историку. Нѣкто, высокаго роста, молодыхъ лѣтъ, благородной и прекрасной наружности, съ величайшей тайною посланъ былъ въ заточеніе на островъ св. Маргариты. Дорогою невольникъ носилъ маску, коей нижняя часть была на пружинахъ, такъ что онъ могъ ѣсть, не сымая ея съ лица. Приказано было, въ случаѣ если бъ онъ открылся, его убить. Онъ оставался на островѣ до 1690 года, когда Сенъ-Марсъ, губернаторъ Пиньерольской крѣпости, бывъ назначенъ губернаторомъ въ Бастилію, пріѣхалъ за нимъ и препроводилъ его въ Бастилію, все такъ же маскированнаго. Передъ тѣмъ маркизъ де-Лувуа посѣтилъ его на семъ островѣ и говорилъ съ нимъ стоя, съ видомъ уваженія. Неизвѣстный посаженъ былъ въ Бастилію, гдѣ всевозможныя удобства были ему доставляемы. Ему ни въ чемъ не отказывали. Онъ любилъ самое тонкое бѣлье и кружева. Онъ игралъ на гитарѣ. Столъ его былъ самый отличный. Губернаторъ рѣдко садился передъ нимъ. Старый лѣкарь, часто его лѣчившій въ различныхъ болѣзняхъ, сказывалъ, что никогда не видывалъ его лица, хотя и осматривалъ его языкъ и другія части тѣла. По словамъ лѣкаря, онъ былъ прекрасно сложенъ, цвѣтомъ довольно смуглъ. Голосъ его былъ трогателенъ; онъ никогда не жаловался и не намекалъ на свое состояніе.

„Неизвѣстный умеръ въ 1703 году, и былъ похороненъ ночью, въ приходѣ св. Павла. Удивительно и то, что въ то время, когда

привезенъ онъ былъ на островъ св. Маргариты, никого изъ важныхъ особъ въ Европѣ не исчезало. Невольникъ сей, безъ всякаго сомнѣнія, былъ особа важная. Доказательствомъ тому служитъ происшествіе, случившееся въ первые дни его заточенія на островѣ. Самъ губернаторъ приносилъ ему кушанье на столъ, запиралъ дверь и удалялся. Однажды невольникъ начертилъ что-то ножемъ на серебряной тарелкѣ и бросилъ ее изъ окошка. Рыбакъ поднялъ тарелку на берегу моря и принесъ ее губернатору. Сей изумился. „Читалъ ли ты, что тутъ написано", спросилъ онъ у рыбака, „и видѣлъ ли кто у тебя эту тарелку?" — Я не умѣю читать, отвѣчалъ рыбакъ: я сейчасъ ее нашелъ; никто ея не видалъ. — Рыбака задержали, пока не удостовѣрились, что онъ въ самомъ дѣлѣ безграмотный, и что тарелки никто не видалъ. Губернаторъ отпустилъ его, сказавъ: „ступай; счастливъ ты, что не умѣешь читать..." Г-нъ де-Шамильяръ былъ послѣдній изъ министровъ, знавшихъ эту странную тайну. Зять его, маршалъ де-ла-Фельядъ, сказывалъ мнѣ, что при смерти своего тестя онъ на колѣняхъ умолялъ его открыть, кто таковъ былъ человѣкъ въ желѣзной маскѣ. Шамильяръ отвѣтствовалъ, что это государственная тайна, и что онъ клялся ея не открывать. Многіе изъ моихъ современниковъ подтвердятъ истину моихъ словъ. Я не знаю ничего ни удивительнѣе, ни достовѣрнѣе".

Сіи строки произвели большое впечатлѣніе. Любопытство было сильно возбуждено. Стали разыскивать, разгадывать, предполагать. Иные думали, что Желѣзная Маска былъ графъ de Vermandois, осужденный на вѣчное заключеніе, будто бы за пощечину, имъ данную дофину (Людовику XIV). Другіе видѣли въ немъ герцога де-Бофоръ, сего феодальнаго демагога, мятежнаго любимца черни парижской, пропавшаго безъ вѣсти во время осады Кандіи въ 16..; третьи утверждали, что онъ былъ не кто иной, какъ герцогъ Монмуфъ, и проч., и проч. Самъ Вольтеръ, опровергнувъ всѣ сіи мнѣнія съ ясностью критики, ему свойственной, романически думалъ или выдумалъ, что славный невольникъ былъ старшій братъ Людовика XIV, жертва честолюбія и политики жестокосердой. Доказательства Вольтера были слабы. Загадка осталась неразрѣшенною. Взятіе Бастиліи въ 1789 году и обнародованіе ея архива ничего не могло открыть касательно таинственнаго затворника.

74.

Записки бригадира Моро-де-Бразе о походѣ 1711 года.

Предисловіе А. С. Пушкина.

Помѣщено въ VI кн. Современника 1887 г.

Въ числѣ иноземцевъ, писавшихъ о Россіи, Моро-де-Бразе заслуживаетъ особенное вниманіе. Онъ принадлежалъ къ толпѣ тѣхъ наемныхъ храбрецовъ, которыми Европа была наводнена еще въ началѣ XVIII столѣтія и которыхъ Вальтеръ-Скоттъ такъ геніально изобразилъ въ лицѣ своего капитана Dalgetty.

Моро былъ родомъ французскій дворянинъ. Вслѣдствіе какой-то ссоры принужденъ онъ былъ оставить полкъ, въ которомъ служилъ офицеромъ, и искать фортуны въ чужихъ государствахъ. Въ началѣ 1711 года, услыша о выгодахъ, доставляемыхъ Петромъ I иностраннымъ офицерамъ, пріѣхалъ онъ въ Россію, и принятъ былъ въ службу полковникомъ. Онъ былъ свидѣтелемъ несчастнаго похода въ Молдавію, и послѣ Прутскаго мира былъ отставленъ отъ службы съ чиномъ бригадира. Онъ скитался потомъ по Европѣ, предлагалъ свои услуги то Австріи, то Саксоніи, то Венеціанской республикѣ, получалъ отказы и вспоможенія; сидѣлъ въ тюрьмѣ и проч.

Онъ былъ женатъ на вдовѣ, женщинѣ хорошей дворянской фамиліи, и которая для него перемѣнила свое вѣроисповѣданіе. Она, какъ кажется, была то, что французы называютъ une aventurière. Въ 1714 году, г-жа Моро-де-Бразе была при дворѣ государыни великой княгини, супруги несчастнаго царевича, но не ужилась съ молодымъ графомъ Левенвольдомъ, и была выслана изъ Петербурга.

Въ 1735 году Моро издалъ свои записки подъ заглавіемъ: Mémoires politiques, amusans et satiriques de messire J. M. d. B., c. de Lion, colonel du régiment de dragons de Casanski et brigadier des armées de Sa M. Czarienne, à Véritopolis chez Jean Disant-vrai. 3 volumes.

Въ сихъ запискахъ слишкомъ часто принужденъ онъ оправдывать то себя, то свою жену. Онѣ не имѣютъ ни прелести Гамильтона [1]), ни оригинальности Казановы; слогъ ихъ столь же тяжелъ, какъ и неправиленъ. Впрочемъ, Моро писалъ свои сочиненія съ небрежной увѣренностію дворянина, а смотрѣлъ на ихъ успѣхъ съ философіей человѣка, знающаго цѣну славѣ и деньгамъ.

„Qui que vous soyez, ami lecteur", говоритъ онъ въ своемъ предисловіи: „quelque élevé que soit votre génie, quelques supérieures que soient vos lumières, quelque délicate enfin que soit votre manière de parler et d'écrire, je ne vous demande point de grâce et vous pouvez-vous égayer en critiquant ces amusements, que je laisse à la censure publique; mais en vous donnant carrière à mes dépens et aux vôtres, car il vous en coutera vôtre argent pour lire mes ouvrages, souvenez-vous qu'un galant homme qui se trouve au fond du nord, avec des gens la plupart barbares dont il n'entend pas la langue serait bien à plaindre, s'il ne savait pas se servir d'une plume pour se désennuyer en écrivant tout ce qui se passe sous ses yeux. Vous savez qu'il n'est pas donné à tout le monde de penser et d'écrire finement. Sur ce pied vous m'excuserez, s'il vous plait, s'entend, par la raison qu'il y aurait bien des gens inutiles, s'il n'y avait que ceux qui pensent et qui écrivent dans le goût raffiné qui s'en mélassent; vous y perdriez les nouvelles de ces pays perdus, que je vous donne, où les bonnes plumes ne sont pas familières. Adieu, lecteur mon ami, critiquez; plus il y aura des censeurs, mieux mon libraire s'en trouvera. Ce sera une marque qu'il débitera mon livre et qu'il retirera les fruits de son travail.

Sunt sanis omnia sana" [2]).

---

[1]) См. т. II, стр. 6.

[2]) т. е.: „Кто бы ты ни былъ, любезный читатель, какъ бы ни былъ высокъ твой духъ, какъ бы ни были превосходны твои знанія, какъ бы изящна ни была твоя манера говорить и писать, — я не прошу снисхожденія, и ты можешь утѣшаться критикою этихъ шутокъ, которыя я предлагаю на общій судъ; я даю тебѣ возможность тѣ-

Записки Моро перемѣшаны съ разными стихотвореніями, иногда чрезвычайно вольными, большею частію собранными имъ; ибо онъ, вѣроятно, по своей драгунской привычкѣ, располагалъ иногда чужою литературной собственностію, какъ непріятельскою.

Впрочемъ онъ и самъ написалъ множество стиховъ. Выпишемъ нѣсколько строфъ изъ его оды къ королю Августу, какъ образецъ его поэтическаго таланта.

En quittant le Brabant j'épousai le querelle
Du Czar votre allié, je crus le bien servir,
J'ai même cru longtemps pouvoir lui convenir.
Et quoiqu'il agréa mon zèle,
Je fus contraint de revenir.
Le sang que j'ai versé, les pertes que j'ai faites
D'un équipage entier que je n'ai point gagné,
Qui fut par le Turban dans le combat pillé,
Furent les tristes interprètes
Qui m'annoncèrent mon congé.
Renvoyé sans argent du fond de la Russie,
Etranger, sans patron et toujours malheureux,
Je cherche le secours d'un généreux
A qui je viens offrir ma vie
Egalement comme mes voeux.
Ne croyez pas, grand Roi, qu'ardent en espérance,
J'ose vous demander plus que mon entretien,
Dans mon état présent, que je ne me sais rien.
Un peu d'honneur pour ma naissance,
Un peu de bien pour mon soutien [3]).

шиться на мой счетъ и на твой, потому что для этой забавы чтеніе моихъ сочиненій будетъ оплачено твоими деньгами, но помни, что порядочный человѣкъ, который находится на краю сѣвера съ людьми по большей части грубыми, говорящими на языкѣ непонятномъ,—былъ бы очень достоинъ сожалѣнія, если бы не умѣлъ владѣть перомъ, чтобы развлечься описаніемъ всего, что происходитъ передъ его глазами. Ты знаешь, что не всѣмъ дано мыслить и писать тонко. Въ этомъ отношеніи прошу извинить меня: вѣдь очень много было бы лишнихъ людей, если бы писать осмѣливались только тѣ, кто мыслитъ и пишетъ въ утонченномъ вкусѣ; ты бы лишился тѣхъ свѣдѣній о затерянныхъ странахъ, которыя я доставляю тебѣ оттуда, гдѣ изящныя перья рѣдки. Прощай, любезный читатель, критикуй; чѣмъ болѣе будетъ критиковъ, тѣмъ лучше для моего книгопродавца. Это будетъ залогомъ того, что онъ распродастъ мою книгу и извлечетъ пользу отъ труда своего. Для здоровыхъ все здорово".

[3]) „Покидая Брабантъ, я отдался душой борьбѣ царя, вашего союзника; я надѣялся, что служилъ ему хорошо; я даже долго надѣялся, что угожу ему. И хотя онъ принялъ мое усердіе, но я былъ вынужденъ возвратиться".

„Пролитая мною кровь, причиненная мною гибель цѣлаго экипажа, который не былъ выручень мною и былъ ограбленъ Турбаномъ во время битвы—вотъ печальныя обстоятельства, бывшія причиною моего удаленія".

„Отосланный безъ денегъ изъ глубины Россіи, иностранецъ, безъ покровителей и всегда злополучный, я ищу помощи великодушнаго, которому предлагаю мою жизнь и мои надежды.

„Не подумай, великій царь, что въ пылу моихъ ожиданій я осмѣливаюсь просить у тебя болѣе, нежели мое содержаніе, въ моемъ настоящемъ положеніи, когда я сознаю себя ничѣмъ. Прошу хоть немного уваженія къ моему происхожденію; хоть что-нибудь для того, чтобы поддержать меня".

Эти стихи доказываютъ, что финансы отставнаго бригадира находились не въ цвѣтущемъ состояніи. Впрочемъ, Августъ велѣлъ выдать ему триста гульденовъ, и Моро былъ очень доволенъ; должно признаться, что ода и того не стоила.

Разсказъ Моро-де-Бразе о походѣ 1711 года лучшее мѣсто изо всей книги, отличается умомъ и веселостію беззаботнаго бродяги; онъ заключаетъ въ себѣ множество любопытныхъ подробностей и неожиданныхъ откровеній, которыя можно подмѣтить только въ пристрастныхъ и вмѣстѣ искреннихъ сказаніяхъ современника и свидѣтеля.

Renvoyé sans argent du fond de la Russie,

Моро не любитъ русскихъ и недоволенъ Петромъ; тѣмъ замѣчательнѣе свидѣтельства, которыя вырываются у него поневолѣ. Съ какой простодушной досадою жалуется онъ на Петра, предпочитающаго своихъ полудикихъ подданныхъ храбрымъ и образованнымъ иноземцамъ! Какъ живо описанъ Петръ во время сраженія при Прутѣ! Съ какой забавной вѣтреностію говоритъ Моро о нашихъ гренадерахъ, qui, quoique russes, c'est à dire peu pitoyables, voulaient monter à cheval pour sécourir ces braves hongrois *), на что чувствительные нѣмцы, ихъ начальники, не хотѣли однако согласиться. Мы не хотѣли скрыть или ослабить и порицанія, и вольныя сужденія нашего автора, будучи увѣрены, что таковыя нападенія не могутъ повредить ни славѣ Петра Великаго, ни чести русскаго народа. Предлагаемъ „Записки бригадира Моро", какъ важный историческій документъ, который не должно смѣшивать съ нелѣпыми повѣствованіями иностранцевъ о нашемъ отечествѣ [4]).

75.

О Татищевѣ.

Эта статья напечатана впервые въ Р. С. 1884. № 12. По предположенію г. Якушкина (1884), она обязана своимъ происхожденіемъ занятіямъ Пушкина по исторіи Оренбургскаго края.

Татищевъ (Василій Никитичъ), тайный совѣтникъ и астраханскій губернаторъ, родился въ 1686 году, поступилъ въ 1704 году на службу и въ томъ же году находился при взятіи Нарвы; былъ въ полтавскомъ сраженіи (1709), а потомъ подъ Азовомъ и при Прутѣ (1711). Послѣ сего отправленъ въ чужіе края, гдѣ усовершенствовалъ себя въ наукахъ и въ языкахъ нѣмецкомъ и польскомъ. Въ 1718 году, президентъ мануфактуръ и бергъ-коллегіи генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Брюсъ, за отбытіемъ своимъ на Аландскій конгрессъ, поручилъ географическія занятія свои Татищеву, состоявшему тогда въ чинѣ артиллеріи капитанъ-поручика. Въ 1720 году отправленъ Татищевъ въ Сибирь, для управленія казенными же-

---

*) Тринадцать венгерцевъ, кинувшихся въ средину турецкой конницы. *А. Пушкинъ.*

---

[4]) Далѣе слѣдуетъ текстъ перевода „Записокъ Моро-де-Бразе" съ краткими примѣчаніями Пушкина въ выноскахъ.

лѣзными заводами. Онъ говоритъ въ лексиконѣ своемъ: 1721 года зачатъ строить на рѣкѣ Исети капитаномъ Татищевымъ желѣзный заводъ и построенъ городъ немалый, Екатеринин съ. Демидовъ, коему пожалованъ былъ Петромъ I одинъ только Өедьковскій заводъ, распространилъ свои владѣнія болѣе, нежели слѣдовало, и употреблялъ къ заводу казенныхъ мастеровыхъ; опасаясь, чтобы Татищевъ не отнялъ у него казеннаго имущества, онъ подалъ на него Петру I жалобу въ притѣсненіи его. Государь отправлялъ въ сіе время Геннина на Сибирскіе заводы и поручилъ ему произвести слѣдствіе о сей ссорѣ; Геннинъ, розыскавъ дѣло сіе, отправилъ все слѣдствіе съ Татищевымъ къ государю. По окончаніи сей распри повелѣно было Татищеву отправиться къ прежней должности на Сибирскіе заводы. Какъ я отъѣзжалъ въ 1722 году въ Сибирь, говоритъ Татищевъ, и пріѣхалъ къ царевнѣ Аннѣ Іоанновнѣ прощеніе принять, она, жалуя меня спросила шалуна сумазброднаго подьячаго Тимофея Архиповича, бывшаго шутомъ при дворѣ: скоро ли я возвращусь? онъ, меня не любивъ за то, что я не былъ суевѣренъ и руки его не цѣловалъ, сказалъ: онъ руды много накопаетъ, да и самого закопаютъ.

Въ 1723 году Татищевъ взятъ былъ ко двору, гдѣ и пробылъ близъ года, но по какому случаю и при какой должности, подлинно неизвѣстно. Въ 1724 году произведенъ Татищевъ въ полковники отъ артиллеріи и посланъ въ Швецію для обозрѣнія горныхъ заводовъ и для составленія плановъ и моделей машинамъ. Ему поручено было пригласить въ россійскую службу нѣсколько горныхъ чиновниковъ и отдать тамъ въ обученіе разнымъ горнымъ мастерствамъ посланныхъ съ нимъ академическихъ учениковъ. Татищевъ исполнилъ порученіе и торговалъ въ Швеціи, по указу бергъ-коллегіи, мѣдь, которая обходилася по 5 руб. 50 коп. за пудъ, съ тою выгодою, что провозъ могъ быть заплаченъ превосходствомъ шведскаго вѣса противъ россійскаго. Онъ возвратился въ С.-Петербургъ чрезъ Копенгагенъ 1726 года и привезъ съ собою одного только гранильнаго мастера, поручика Рефа, потому что шведское правительство запретило ему нанимать заводскихъ мастеровъ. Въ 1727 году Татищевъ сдѣланъ совѣтникомъ бергъ-коллегіи и поручено ему съ другими монетное дѣло. Въ 1730 году пожалованъ онъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; а въ 1734 назначенъ въ Сибирь, на мѣсто де-Геннина, для смотрѣнія надъ казенными и партикулярными заводами. Прибывъ въ Екатеринбургъ, онъ обозрѣлъ всѣ подвѣдомственные ему заводы. Тогда общими трудами рудныхъ промышленниковъ и заводчиковъ составленъ былъ общій уставъ, извѣстный подъ именемъ: Татищева уставъ заводскій. Сей уставъ не былъ высочайше утвержденъ, но имъ руководствовались казенные и частные заводы; и хотя послѣдовали многія измѣненія по горному управленію, но заводскія конторы и нынѣ слѣдуютъ Татищеву уставу. Послѣ сего опредѣлилъ Татищевъ казенныхъ надзирателей на всѣ частные заводы, назвавъ ихъ шихтмейстерами и далъ чиновникамъ симъ наказъ, примѣняясь къ учрежденіямъ саксонскихъ и шведскихъ заводовъ. Та-

тищевъ обратилъ особенное вниманіе на учрежденіе горныхъ училищъ въ Кунгурѣ, Соликамскѣ и по заводамъ. Онъ подарилъ библіотеку симъ заведеніямъ, болѣе 1,000 книгъ составлявшую. Демидовъ успѣлъ однакожъ устранить свои заводы отъ подвѣдомства Татищева; тогда же отчислены были отъ него Строгоновыхъ горные заводы и соляные ихъ промыслы.

При учрежденіи въ 1736 году вмѣсто бергъ-коллегіи — генералъ-бергъ-директоріума, Татищевъ подчиненъ былъ по управленію заводовъ генералъ-бергъ-директору Шембергу. Въ сіе время принялъ онъ непосредственное участіе въ усмиреніи бунтующихъ башкирцевъ. Еще прежде сего, въ 1734, помогалъ онъ полковнику Тевкелеву провіантомъ и снарядами, а въ 1735 Татищевъ самъ ходилъ противу башкирцевъ Осинскаго уѣзда и, бывъ подкрѣпленъ полковниками Мартыновымъ и Тевкелевымъ, одержалъ надъ ними значительную побѣду, казнилъ бунтовщиковъ, а съ покорившихся взыскалъ въ пользу Оренбургской экспедиціи 10,000 руб. контрибуціи и большое количество лошадей. Главный начальникъ оренбургской экспедиціи, статскій совѣтникъ Кириловъ, донося о семъ 1736 года кабинету, просилъ, чтобъ съ Сибирской стороны поручить главное начальство надъ военными Татищеву. Кабинетъ утвердилъ сіе представленіе въ 1737 году, и того же года, по смерти Кирилова, ему поручены всѣ дѣла Оренбургской экспедиціи. По полученіи о томъ указа, онъ оставилъ совѣтника Хрущова начальникомъ надъ всѣми горными заводами, а самъ отправился водою въ Мензелинскъ, гдѣ нашелъ генералъ-маіора Соймонова, полковниковъ Бардевика, Тевкелева и Уфимскаго воеводу, статскаго совѣтника Шемякина. Для удержанія въ покорности башкирцевъ, они рѣшили общимъ совѣтомъ учредить за Ураломъ новую Исетскую провинцію, которой быть вмѣстѣ съ Уфимской подъ вѣдѣніемъ Оренбургской экспедиціи. Кабинетъ утвердилъ сіе положеніе. Въ январѣ 1738 года Татищевъ отправился въ Самару, откуда предположено было начать военныя дѣйствія противъ непокорныхъ башкирцевъ. На пути онъ осмотрѣлъ съ инженерами положеніе Красноярска и выбралъ мѣсто для перевода Оренбургской крѣпости, помѣщенной на весьма неудобномъ мѣстѣ. Въ сіе время киргизскій ханъ Нибирсъ прибылъ въ русскій лагерь. Татищевъ принялъ сего владѣльца съ почестію; онъ присягнулъ Россіи въ вѣрности подданства. Татищевъ воспользовался симъ случаемъ, чтобы доставить Оренбургскому краю всѣ выгоды по торговлѣ. Онъ отправилъ караванъ въ Ташкентъ и послалъ вмѣстѣ съ онымъ двухъ офицеровъ для географическихъ наблюденій. Караванъ миновалъ среднюю и меньшія орды, но былъ разбитъ при большой. Около сего же времени установилъ Татищевъ Оренбургскую мѣновую торговлю и собралъ первую пошлину съ торговъ и акцизъ съ продажи питей. Окончивъ дѣла сіи, принялся Татищевъ за устроеніе крѣпостей. Онъ обозрѣлъ весь Оренбургскій край. Въ предпріятіи семъ способствовали ему много флота капитанъ Элтонъ и инженерные офицеры. Но спокойствіе башкирцевъ продолжалось недолго. Волжскіе калмыки, кочевавшіе по луговой сторонѣ рѣки Волги, оказали вдругъ неповиновеніе, начали отгонять табуны отъ ново-

построенныхъ крѣпостей и разграбили купеческій обозъ, шедшій изъ Самары въ Яицкій городокъ. Татищевъ отправилъ противъ сихъ бунтовщиковъ нѣсколько казацкихъ партій, кои, разбивъ калмыковъ въ разныхъ мѣстахъ, переловили зачинщиковъ. 1739 года Татищевъ отправился въ С.-Петербургъ и подалъ въ кабинетъ разныя представленія свои, изъ коихъ главнѣйшія: I. Перенести городъ Оренбургъ на урочище Красной горы. II. Провести линію вверхъ по Яику, до Верхнеяицкой пристани и оттуда по рѣкѣ Ую до Царева Городища и по рѣкѣ Сакмарѣ. III. На линіи сей поселить гарнизонные и ландмилицкіе полки. IV. Позволить, за отдаленностію мѣста, производить достойныхъ оберъ-офицеровъ въ чины, а недостойныхъ увольнять въ отставку. V. Позволить распространить торговлю того края. VI. Установить правила для управленія киргизъ-кайсаками. Въ сіе время полковникъ Тевкелевъ, природный башкирецъ, находившійся при оренбургской экспедиціи, вызванный въ С.-Петербургъ за нѣсколько мѣсяцевъ прежде Татищева, дабы состоять въ свитѣ посла, прибывшаго туда изъ Персіи, успѣлъ разсѣять неблагопріятные слухи на счетъ Татищева и подалъ на него нѣсколько жалобъ. Кабинетъ, разсмотря жалобы сіи и возраженія Татищева, нарядилъ слѣдственную коммиссію надъ нимъ, а между тѣмъ опредѣленъ былъ начальникомъ оренбургской коммиссіи членъ государственной адмиралтействъ коллегіи, контръ-адмиралъ кн. Василій Урусовъ. Несмотря на сіе, всѣ вышеприведенныя представленія Татищева были уважены. Неизвѣстно, чѣмъ кончилась наряженная надъ Татищевымъ коммисія. Обвиненія оказались, вѣроятно, несправедливыми, ибо чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Татищевъ былъ снова посланъ, въ 1741 году, по смерти калмыцкаго хана Дондукъ-Омбы, для усмиренія взбунтовавшихся калмыковъ, и вскорѣ нязначенъ въ Астрахань губернаторомъ. Отъ сей должности онъ уволенъ по несогласію его съ намѣстникомъ калмыцкаго ханства. Татищевъ, оставивъ Астрахань, отправился въ подмосковную деревню свою, сельцо Болдино, гдѣ и умеръ 1750 года, іюля 15. Тѣло Татищева предано землѣ въ погостѣ, состоящемъ въ одной верстѣ отъ его деревни.

Докторъ Лерхъ, сопровождавшій князя Михаила Михайловича Голицына въ Персію, говоритъ о Татищевѣ: „октября 27, 1744 года, прибыли мы въ Астрахань. Губернаторомъ былъ тамъ извѣстный ученый, Василій Никитичъ Татищевъ, который предъ симъ образовалъ новую Оренбургскую губернію. Онъ говорилъ по-нѣмецки, имѣлъ большую библіотеку отличнѣйшихъ книгъ и былъ въ философіи, математикѣ, а особенно въ исторіи весьма свѣдущъ. Онъ написалъ россійскую исторію, которая, по кончинѣ его, досталась кабинетъ-министру барону Ивану Черкасову“. — Черкасовъ передалъ оную Ломоносову. Татищевъ жилъ совершеннымъ философомъ и имѣлъ особенный образъ мыслей. Онъ былъ слабаго здоровья, но сіе не препятствовало ему быть дѣятельнымъ и рѣшительнымъ въ дѣлахъ; онъ умѣлъ каждому дать полезный совѣтъ и помощь, а особенно купечеству, которое онъ въ томъ краѣ возстановилъ.

Татищевъ рѣшился первый привести въ систему разнообразныя повѣствованія о Россіи и, слича оныя съ лѣтописями, составилъ Исто-

рію россійскаго государства, съ самыхъ древнихъ временъ до 1463 года. Она напечатана въ 4-хъ частяхъ (1768—1784 гг.). Въ сочиненіяхъ своихъ упоминаетъ онъ, что занимался безпрерывно географіею. „Во время пребыванія моего въ Астрахани“, говоритъ онъ, „посылалъ я по землѣ и морю описывать искусныхъ людей; сочиня ландкарту, послалъ оную въ сенатъ и академію“.

Татищевъ занимался разборомъ древнихъ законовъ русскихъ и объяснилъ основательными примѣчаніями Русскую Правду и Судебникъ царя Ивана Васильевича съ дополнительными къ нему указами. Первая помѣщена въ 1-й части продолженія Древней Россійской Вивліоѳики, а второй изданъ двукратно: въ 1768 и 1786 годахъ. Не успѣлъ онъ, къ сожалѣнію, кончить своего лексикона. Три книги онаго, продолжающіяся до буквы Л, изданы въ 1793 году и содержатъ много любопытнаго. Татищевъ говоритъ въ предисловіи Лексикона, между прочимъ, что въ 1735 году представилъ онъ кабинету, дабы перемѣнить тѣ нѣмецкія названія, коими опредѣляются степени горныхъ чиновъ. Кабинетъ на сіе согласился, но Биронъ, узнавъ сіе, на него сильно гнѣвался. Татищевъ приложилъ къ своей исторіи извѣстіе о россійскомъ государственномъ гербѣ, о родословіи россійскихъ государей, о іерархіи, о чинахъ и суевѣріяхъ древнихъ и о географіи россійской вообще. Въ духовной Татищева помѣщено много замѣчаній, кои суть плоды долговременной службы и опытности. Татищевъ вооружается весьма сильно противъ кабаковъ, доказывая, сколь они вредны и пагубны; но читая сіе, нельзя не вспомнить, что онъ самъ учредилъ кабаки въ заводахъ Демидова. Духовная сочинена Татищевымъ въ 1733 году сыну его Евграфу Васильевичу; издана она въ 1773 году Сергѣемъ Друковцовымъ. Сверхъ того, многія сочиненія Татищева пропали, важныя по предметамъ своимъ:

1) Лексиконъ сарматскихъ, эстляндскихъ и финскихъ словъ; 2) Жизнеописанія царей Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича; 3) Замѣчанія на Страленберга и 4) переводъ Кирхеровой хронологіи татаръ и калмыковъ.

II.

СОЧИНЕНІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ.
(1832—1836).

1.

Наброски «Исторіи Петра Великаго».

(1832—1835).

Въ ходатайствѣ Пушкина, посланномъ генералу Бенкендорфу въ іюлѣ 1831 года, кромѣ заявленнаго желанія предпринять политическое и литературное періодическое изданіе [1]), находилась просьба о разрѣшеніи ему „заняться историческими изысканіями въ нашихъ государственныхъ архивахъ и библіотекахъ“. „Не смѣю и не хочу“, прибавлено здѣсь, „взять на себя званіе исторіографа, послѣ незабвеннаго Карамзина, но могу со временемъ исполнить давнишнее мое желаніе написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до государя Петра III“. Въ отвѣтъ на это прошеніе Пушкину было дано право на посѣщеніе и изученіе государственныхъ архивовъ и библіотекъ подъ руководствомъ статсъ-секретаря Д. Н. Блудова, а 14 ноября его причислили къ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ сверхъ штата, потому что начальники этого вѣдомства заявили о неимѣніи вокантныхъ мѣстъ; но Пушкину положено было жалованье по 5000 р. асс. въ годъ. Января 12-го министръ иностранныхъ дѣлъ Нессельродъ во всеподданѣйшей докладной запискѣ испросилъ высочайшее повелѣніе о занятіяхъ Пушкина въ архивѣ. Съ этого времени начинаются разборъ и чтеніе документовъ, касающихся царствованія Петра.

Таковы первые шаги Пушкина на поприщѣ историка.

По первымъ же собраннымъ матеріаламъ онъ приступилъ къ составленію текста — спокойному, стройному повѣствованію о жизни и эпохѣ Петра I прежде, нежели сдѣлана была предварительная критическая разработка свидѣтельствъ. Скоро почувствовалъ Пушкинъ свою ошибку, когда почти на каждой строкѣ своего повѣствованія встрѣчался съ сомнѣніемъ или относительно достовѣрности самаго источника или правильнаго пониманія его. Онъ обозначалъ всѣ такія сомнѣнія вопросительными знаками. Какъ ни разстраивали такія сомнѣнія начатый трудъ, Пушкинъ продолжалъ его, отлагая критику источниковъ до позднѣйшаго времени. Такъ довелъ онъ свое повѣствованіе до 1689 года, т. е. до объявленія Петра I самодержцемъ. Только тогда измѣнилъ Пушкинъ методъ своего труда и началъ хронологическій подборъ фактовъ, выписки изъ указовъ, не прибавляя отъ себя ничего [2]). По замѣчанію Анненкова [3]), „эта система продолжается уже черезъ всѣ пять съ половиною тетрадей до самаго года смерти императора... Безпрестанно встрѣчаетесь вы съ недоумѣніемъ или съ вопросомъ

---

[1]) См. выше стр. 174 и 175.

[2]) Анненковъ. Общественные идеалы Пушкина. См. „Воспоминанія и критич. очерки“. III. стр. 260.

[3]) Матеріалы, изд. 2-е, стр. 396.

самого собирателя, знавшаго, гдѣ искать разрѣшенія имъ, но не оставившаго тайны своей въ бумагахъ... Будущіе выводы и объясненія здѣсь обозначены вопросительными знаками, нотабенами NB и иногда — самымъ опредѣленіемъ въ скобкахъ". Многія изъ тетрадей этихъ, бывшія въ рукахъ Анненкова, нынѣ не находятся въ числѣ рукописей, пожертвованныхъ сыномъ поэта Румянцевскому Музею.

„Примѣчанія Пушкина къ указамъ и событіямъ эпохи преобразователя", замѣчаетъ Анненковъ [4], „а тѣмъ которыми по часту излагаются они, и составляютъ единственную существенную часть всего его труда. Въ нихъ обнаруживается главная мысль историка — та самая, которая неотступно преслѣдовала его и прежде, и которая теперь помѣшала ему довести до конца свое предпріятіе и написать задуманную книгу, несмотря на весь его талантъ и на все его трудолюбіе. Чѣмъ далѣе развертывалась передъ нимъ картина дѣятельности Петра, тѣмъ сильнѣе укрѣплялось у Пушкина представленіе о геніальномъ императорѣ, какъ объ олицетвореніи страшной бури, одинаково сметающей передъ собою, безъ выбора и сожалѣнія, все, что ни встрѣчается на пути, до тѣхъ поръ, пока не истощится сама собою ея природная, феноменальная сила [5]. Завзятому типу людей Александровской эпохи, какимъ былъ Пушкинъ, казалось тяжелою ношею даже и благодарность за великіе отечественные подвиги, если они совершены съ помощію крутыхъ и нравственно-оскорбительныхъ мѣръ. Еще менѣе расположенъ былъ Пушкинъ, по личному характеру своему, оправдывать реформы, которыя шли наперекоръ нѣкоторымъ существеннымъ народнымъ особенностямъ, и возмущался ими, когда они не оставляли въ покоѣ частнаго, безвреднаго убѣжденія, или грубо затрогивали наивныя, простосердечныя вѣрованія. Большое разстройство въ сознаніи Пушкина внесено было соображеніемъ, что не вся правда цѣликомъ и при всякомъ случаѣ стояла на сторонѣ грознаго реформатора, а между тѣмъ мѣры, какія онъ принималъ для доставленія торжества своимъ ошибкамъ и погрѣшностямъ, нисколько не уступали въ энергіи и безпощадности мѣрамъ, съ помощью которыхъ онъ осуществлялъ и свои великія предначертанія: люди гибли, положенія уничтожались, общество колебалось уже въ пользу явной исторической невозможности, чему свидѣтельствомъ остался законъ о престолонаслѣдіи и друг. Сквозь призму своего установившагося воззрѣнія на Петра I, Пушкинъ видѣлъ или думалъ, что видитъ двойное лицо — геніальнаго создателя государства и старый восточный типъ „бича Божія". Рука Пушкина дрогнула... Пушкинъ такъ и умеръ, не отыскавъ способа примирить два совершенно противоположныя требованія" (изобразить Петра согласно съ своимъ пониманіемъ его и не оскорбляя тѣхъ, кто ожидалъ безусловной апофеозы преобразователя).

Не таково было отношеніе Пушкина къ задуманному труду на первыхъ порахъ, въ 1834 году, когда онъ писалъ Погодину 7-го апрѣля: „Къ Петру приступаю со страхомъ и трепетомъ, какъ вы къ исторической каѳедрѣ", и 29 мая къ женѣ: „Ты спрашиваешь о Петрѣ? идетъ помаленьку; скопляю матеріалы — привожу въ порядокъ — и вдругъ вылью мѣдный памятникъ, котораго нельзя будетъ перетаскивать съ одного конца города на другой, съ площади на площадь, изъ переулка въ переулокъ". 11 іюня того же года Пушкинъ писалъ женѣ: „Петръ 1-й идетъ; того и гляди напечатаю первый томъ къ зимѣ".

---

[4]) „Общ. идеалы Пушкина", стр. 261.

[5]) Таково поэтическое воспроизведеніе этой силы въ „Мѣдномъ Всадникѣ" (см. т. II, стр. 326).

Впервые напечатаны отрывки „Исторіи Петра В." въ „Матеріалахъ" Анненкова: а именно объ основаніи Петербурга и о кончинѣ Петра, и въ дополнительномъ томѣ (1857) набросокъ первой главы. Отрывочные замѣтки къ „Исторіи" явились впервые въ Вѣстникѣ Европы 1880 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Петръ родился въ Москвѣ въ 7180 году мая 30-го (1672).

Рожденіе царевича праздновали трехдневнымъ торжествомъ при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ. Царь, въ знакъ своей радости, даровалъ прощеніе осужденнымъ на смерть, возвратилъ изъ ссылки преступниковъ, роздалъ богатую милостыню, простилъ народу долги и недоимки, искупилъ невольниковъ, заключенныхъ за долги.

Царевичъ былъ окрещенъ іюня 29, въ субботу, на праздникъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла, въ Чудовомъ монастырѣ, отъ патріарха Іоакима. Воспріемниками были братъ его царевичъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ и тетка его царевна Ирина Михайловна. Разсказываютъ, будто бы на третьемъ году его возраста, когда въ день именинъ его, между прочими подарками, одинъ купецъ подалъ ему дѣтскую саблю, Петръ такъ ей обрадовался, что оставя всѣ прочіе подарки, съ нею не хотѣлъ даже разставаться ни днемъ, ни ночью. Къ купцу же пошелъ на руки, поцѣловалъ его въ голову, и сказалъ, что его не забудетъ. Царь пожаловалъ купца гостемъ, а Петра, при прочтеніи молитвы духовникомъ, самъ тою саблею опоясалъ. При семъ случаѣ были заведены потѣшные. Передъ своею кончиною царь назначилъ приставниками къ царевичу боярина Кириллу Полуехтовича Нарышкина и при немъ окольничихъ к. Петра Ивановича Прозоровскаго, Ѳедора Алексѣевича Головина и Гаврила Ивановича Головкина. Царь Алексѣй Михайловичъ скончался 30 января 1676 года, оставя Петра трехъ лѣтъ и осьми мѣсяцевъ.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ оставилъ при вдовствующей царицѣ весь ея штатъ. Въ 1677 г. она имѣла при себѣ 102 стольниковъ. Потѣшные, большею частію, были дѣти ихъ. Петръ началъ учиться грамотѣ 12-го марта 1677 года, по благословенію святѣйшаго патріарха. Учителемъ его былъ челобитнаго приказа дьякъ Никита Моисеевичъ Зотовъ, бывшій знакомый боярину Ѳ. Соковнину, который и привелъ его во дворецъ ко вдовствующей царицѣ. Зотовъ по утрамъ обучалъ царевича грамотѣ и закону, а послѣ обѣда разсказывалъ ему россійскую исторію. Покои дворца были расписаны картинами, изображавшими главныя черты изъ исторіи, главные европейскіе города, зданія, корабли и проч. Иноземцы, приставленные также къ царевичу: Лефортъ и Тимерманъ учили его геометріи и фортификаціи.

Милославскіе, во время царствованія Ѳеодора, утѣсняли Нарышкиныхъ; изъ нихъ ни одинъ не былъ произведенъ въ большіе чины. Дѣдъ царевича, Кириллъ Полуехтовичъ, опредѣленный Алексѣемъ Михайловичемъ главнымъ судіею въ приказѣ большаго дворца, былъ отставленъ.

Бояринъ Иванъ Максимовичъ Языковъ предложилъ однажды вдовствующей царицѣ, подъ предлогомъ тѣсноты, перебраться въ другой дворецъ, отдаленный отъ царскаго дворца. Царица не захотѣла, и подослала Петра съ своимъ учителемъ къ царю Ѳеодору. Петръ поцѣловалъ его руку и пожаловался на Языкова, сравнивая себя съ царевичемъ Димитріемъ, а боярина съ Годуновымъ. Царь извинился передъ Натальей Кирилловной и отдалъ ей Языкова головою. Языковъ былъ на время отдаленъ.

Царица жила обыкновенно въ Потѣшномъ дворцѣ царя Алексѣя Михайловича, отчего и Петръ его предпочиталъ.

15 августа 1680 г. Зотовъ былъ отъ него удаленъ по навѣтамъ. Онъ былъ посланъ съ полковникомъ стрѣлецкимъ, стольникомъ Василіемъ Тяпкинымъ, въ Крымъ, для заключенія мирнаго договора на 20 лѣтъ, что и случилось 15 января 1681 года. Зотовъ воротился 8 іюня. Неизвѣстно, продолжалъ ли онъ учить царевича.

Страленбергъ и „Рукопись о зачатіи" повѣствуетъ, что царица, ѣдучи однажды весною въ одинъ монастырь, при переправѣ черезъ разлившійся ручей, испугалась и криками своими разбудила Петра, спавшаго у ней на рукахъ. Петръ до четырнадцати лѣтъ боялся воды. Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, его оберъ-гофмейстеръ, излѣчилъ его. Миллеръ тому не вѣритъ.

Когда слабому здравіемъ Ѳеодору совѣтовали вступить во второй бракъ, тогда отвѣтствовалъ онъ: „Отецъ мой имѣлъ намѣреніе наречи на престолъ брата моего, царевича Петра, то же сдѣлать намѣренъ и я". Сказываютъ, что Ѳеодоръ то же говорилъ и Языкову, который ему сперва противорѣчилъ и наконецъ отвратилъ разговоръ въ другую сторону, и уговорилъ его на второй бракъ. Въ самомъ дѣлѣ, 1682 года февраля 16, Ѳеодоръ женился на Марѳѣ Матвѣевнѣ Апраксиной, но въ тотъ же годъ апрѣля 27 скончался, наименовавъ Петра въ преемники престола (въ чемъ не согласенъ Миллеръ. См. Оп. Тр. Ак. Ч. V, стр. 20). Царевичу Іоанну было шестнадцать лѣтъ, а Петру десять лѣтъ.

О избраніи см. Оп. Тр. Ак. Ч. V, стр. 123.

Всѣ государственные чины собрались передъ дворцомъ. Патріархъ съ духовенствомъ предложилъ имъ избраніе, и стольники, и стряпчіе, и дьяки, и жильцы, и городовые дворяне, и дѣти боярскіе, и гости, и гостиной и черныхъ сотенъ и иныхъ именъ люди единогласно избрали царемъ Петра.

Патріархъ говорилъ потомъ боярамъ и окольничимъ и думнымъ и ближнимъ людямъ, и они были того же мнѣнія.

Петръ избранъ былъ 10 мая 1682 года, и въ тотъ же день ему присягнули; царица Наталья Кирилловна наречена была правительницею, но чрезъ три недѣли все рушилось. Бояринъ Милославскій и царевна Софія произвели возмущеніе. Планъ ихъ былъ:

1) Истребить приверженцевъ Петра.

2) Возвести царемъ Іоанна.

3) Царя Петра лишить престола. (?)

Сумароковъ и князь Хилковъ утверждаютъ, что Милославскій удержалъ стрѣльцовъ отъ присяги,— Голиковъ, дабы согласить ихъ съ лѣтописью, говоритъ: многихъ стрѣльцовъ.

Главные сообщники Милославскаго были племянникъ его Александръ Щегловитой, Цыклеръ, Иванъ и Петръ Толстые, Озеровъ, Санбуловъ и главные изъ стрѣлецкихъ начальниковъ: Петровъ, Черновъ, Озеровъ и проч. Сумароковъ въ числѣ приверженцевъ Софіи именуетъ и Іоакима.

Санбуловъ началъ возмущеніе. Онъ закричалъ въ толпѣ стрѣльцовъ, что бояре отняли престолъ у законнаго царя и отдали его меньшому брату, слабому отроку. Александръ Милославскій и Петръ Толстой разсѣяли слухи, что Іоаннъ уже убитъ, и роздали стрѣльцамъ письменный списокъ мнимымъ убійцамъ, приверженцамъ царицы Натальи Кирилловны.

Мая 15. Стрѣльцы, отпѣвъ въ Знаменскомъ монастырѣ молебенъ съ водосвятіемъ, берутъ чашу святой воды и образъ Б. Матери, предшествуемые попами, при колокольномъ звонѣ и барабанномъ боѣ, вторгаются въ Кремль.

Дѣда Петра, Кирилла Полуехтовича, принудили постричься, а сына его Ивана при его глазахъ изрубили.

Убиты въ сей день братья Натальи Кирилловны, Иванъ и Аѳанасій, князья Михайло Алегумовичъ Черкасской, Долгорукіе Юрій Алексѣевичъ и сынъ его Михайло, Ромадановскіе Григорій и Андрей Григорьевичи, бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, Салтыковы—бояринъ Петръ Михайловичъ и сынъ его стольникъ Ѳеодоръ, Иванъ Максимовичъ Языковъ (?), стольникъ Василій Ивановъ, думные люди Иванъ и Аверкій Кирилловы, Иларіонъ Ивановъ съ сыномъ, подполковники: Горюшкинъ, Юреневъ, Даниловъ и Яновъ; медики Ф. Гаденъ и Гутменшъ. Стрѣльцы, разбивъ холопій приказъ, разломали сундуки, разорвали крѣпости и провозгласили свободу господскимъ людямъ.—Но дворовые къ нимъ не пристали.

Мая 18. Стрѣльцы вручили царевнѣ Софіи правленіе, потомъ возвели въ соцарствіе Петру брата его Іоанна. 25 мая царевна правительница короновала обоихъ братьевъ. Софія уже черезъ два года приняла титло самодержицы-царевны (иногда и царицы), называя себя во всѣхъ дѣлахъ послѣ обоихъ царей. Др. Вивл. Ч. VII, стр. 400.

Стрѣльцы получили денежныя награжденія, право имѣть выборныхъ, имѣющихъ свободный въѣздъ къ великимъ государямъ, позволеніе воздвигнуть памятникъ на Красной площади, похвальныя грамоты за государственными печатьми, переименованіе изъ стрѣльцовъ въ надворную пѣхоту. Выборные несли сіи грамоты на головѣ до своихъ съѣзжихъ избъ и полки встрѣтили ихъ съ колокольнымъ звономъ, барабаннымъ боемъ и съ восхищеніемъ. Сухаревъ полкъ одинъ не принялъ участія въ бунтѣ.

Царевна поручила стрѣлецкій приказъ боярамъ князьямъ Хованскимъ—Ивану Андреевичу и сыну его Ѳеодору, любящимъ стрѣльцовъ и тайнымъ раскольникамъ аввакумовской и никитской ереси.

Вскорѣ послѣ того (?) стрѣльцы подъ предводительствомъ разстриги попа Никиты производятъ новый мятежъ, вторгаются въ соборную церковь во время служенія, изгоняютъ патріарха и духовенство—которое скрывается въ Грановитую палату. Старый Хо-

ланскій представляетъ патріарху и царямъ требованія мятежниковъ о словопреніи съ Никитою. Стрѣльцы входятъ съ налоемъ и свѣчами и съ каменьями за пазухою, подаютъ царямъ челобитную. Начинается словопреніе. Патріархъ и холмогорскій архіепископъ Аѳанасій (бывшій нѣкогда раскольникомъ) вступаютъ въ ѳеологическій споръ. Настаетъ шумъ, летятъ каменья (сказка о Петрѣ, будто бы усмирившемъ смятеніе). Бояре при помощи стрѣльцовъ-нераскольниковъ изгоняютъ наконецъ бѣшеныхъ ѳеологовъ. Никита и главные мятежники схвачены и казнены 6-го іюня. Царица Наталья Кирилловна, по свидѣтельству венеціанскаго историка, удалилась съ обоими царями въ Троицкій монастырь. — Послѣ того Петръ удалился въ село Преображенское и тамъ умножаетъ число потѣшныхъ (вѣроятно безъ разбору: отселѣ товарищество его съ людьми низкаго происхожденія). Старый Хованскій угождалъ всячески стрѣльцамъ. Онъ роздалъ имъ имѣніе побитыхъ бояръ. Принималъ отъ нихъ жалобы и доносы на мнимыя взятки и удержаніе поможныхъ денегъ. Хованскіе взыскивали, не пріемля оправданій и не слушая отвѣтчиковъ.

Софія возвела любимца своего князя Голицына на степень великаго канцлера. Онъ заключилъ съ Карломъ XI (1683) миръ, на тѣхъ же условіяхъ, на коихъ былъ онъ заключенъ двадцать лѣтъ прежде. Россія была въ миру со всѣми державами, кромѣ Китая, съ которымъ были неважныя ссоры за городъ Албазинъ при рѣкѣ Амурѣ.

Бояре, приверженные къ Петру, назначили ему въ оберъ-гофмейстеры князя Бориса Алексѣевича Голицына. Онъ овладѣлъ довѣренностію молодаго царя и дѣлалъ перевѣсъ на его сторону. Многіе бояре, а особливо дѣти ихъ, перешли на сторону Петра.

Царевна въ сіе время женила брата своего Іоанна на Прасковьѣ Ѳедоровнѣ Салтыковой (1684) года января 9). Петру I, бывшему по двѣнадцатому году, дана была полная свобода. Онъ подружился съ иностранцами. Женевецъ Лефортъ (23 (?) годами старше его) научилъ его гол. (?) языку. Онъ одѣлъ роту потѣшную по-нѣмецки. Петръ былъ въ ней барабанщикомъ и за отличіе произведенъ въ сержанты. Такъ начался важный переворотъ, впослѣдствіи имъ совершенный: истребленіе дворянства и введеніе чиновъ. Въ сіе время князь Василій Голицынъ, бывшій главнымъ въ коммиссіи о разобраніи дворянскихъ родовъ и о составленіи родословной книги, думалъ возобновить мѣстничество, уничтоженное царемъ Ѳеодоромъ въ 1681 году. Коммиссія была учреждена подъ начальствомъ боярина князя Владиміра Дмитріевича Долгорукова и окольничаго Чаадаева.

Бояре съ неудовольствіемъ смотрѣли на потѣху Петра и предвидѣли нововведенія. По ихъ наущенію сама царица и патріархъ увѣщевали молодаго царя оставить упражненія, неприличныя сану его. Петръ отвѣчалъ съ досадою, что во всей Европѣ царскіе дѣти такъ воспитаны, что и такъ много времени тратитъ онъ въ пустыхъ забавахъ, въ которыхъ ему однакожъ никто не мѣшаетъ, и что оставить свои занятія онъ не намѣренъ. Бояре хотѣли внушить ему любовь къ другимъ забавамъ и пригласили его на охоту. Петръ, самъ ли отъ себя или по совѣту своихъ любимцевъ, но вздумалъ

пошутить надъ ними: онъ притворно согласился; назначилъ охоту, но пріѣхавъ объявилъ, что съ холопями тѣшиться не намѣренъ, а хочетъ, чтобъ господа одни участвовали въ царскомъ увеселеніи. Псари отъѣхали, отдавъ псовъ въ распоряженіе господъ, которые не умѣли съ ними справиться. Произошло разстройство. Собаки пугали лошадей; лошади несли, сѣдоки падали, собаки тянули снуры, надѣтые на руки неопытныхъ охотниковъ. Петръ былъ чрезвычайно доволенъ—и на другой день, когда на приглашеніе его ѣхать на соколиную охоту господа отказались, онъ сказалъ имъ: „знайте, что царю подобаетъ быть воиномъ, а охота есть занятіе холопское".

Въ день Преполовенія (того жъ 1684 г.) оба царя были на крестномъ ходу по городской стѣнѣ и потомъ обѣдали у патріарха. Петръ разспрашивалъ патріарха объ установленіи сего хода и о другихъ церковныхъ обрядахъ. Послѣ обѣда пріѣхалъ онъ съ боярами на пушечный дворъ и повелѣлъ бомбами и ядрами стрѣлять въ цѣль. Онъ самъ, несмотря на представленія бояръ, запалилъ пушку — и узнавъ, что поручикъ Францъ Тимерманъ хорошо знаетъ науку артиллерійскую, повелѣлъ его къ себѣ прислать и уѣхалъ въ Преображенское.

На другой день Тимерманъ былъ ему представленъ. Петръ взялъ его къ себѣ въ учителя—велѣлъ отвести ему комнату подлѣ своей, и съ той поры по нѣскольку часовъ въ день обучался геометріи и фортификаціи. Онъ въ рощахъ Преображенскаго, на берегу Яузы, повелѣлъ выстроить правильную маленькую крѣпость, самъ работалъ, помогалъ Тимерману разставлять пушки и назвалъ крѣпость Пресбургомъ. Онъ самъ ее атаковалъ и взялъ приступомъ. Потомъ въ присутствіи бояръ сдѣлалъ ученье стрѣлецкому Тарбѣева полку. Онъ осуждалъ многое въ артикулѣ царя Алексѣя Михайловича (см. т. I. стр. 179). Въ доказательство онъ одному капральству велѣлъ выстроиться и самъ скомандовалъ по-своему. Съ той поры старый артикулъ былъ имъ отмѣненъ и новый введенъ въ употребленіе. (Крекшинъ).

Миллеръ относитъ учрежденіе потѣшнаго войска къ 1687 году, потому что въ разрядныхъ книгахъ продолжительное пребываніе царя въ Преображенскомъ начинается съ того году. Но наборы начались уже въ 84. Записныя книги доказываютъ, что въ 87 увеличилось число потѣшныхъ, ибо царь уже началъ набирать изъ придворныхъ и конюшенныхъ служителей, и вскорѣ ихъ прибавилось такъ много, что уже должно было часть оныхъ поселить въ селѣ Семеновскомъ. Отселѣ Сем. и Преобр. Петръ изъ Бутырскаго полка взялъ пятнадцать барабанщиковъ (въ 1687 г.). Лефортъ (въ томъ же году) произведенъ въ полковники. Учреждена конница. Оп. Тр. Ч. IV „о началѣ гвардіи". Петръ, находясь однажды на сокольничьемъ дворѣ, узналъ, что всѣхъ охотниковъ до трехсотъ человѣкъ. Съ согласія брата, взялъ изъ нихъ молодыхъ въ потѣшные.

1684 г. мая 14-го. Посольство отъ цесаря Леопольда.

Цѣлью онаго было склонить Россію на войну съ Турціей. Отвѣ-

чали, что заключеннаго царемъ Өеодоромъ двадцатилѣтняго мира нельзя нарушить, и что Россія ничего не можетъ предпринять, пока Польша не отречется отъ своихъ притязаній на Смоленскъ, Кіевъ и всю Украйну и не заключитъ вѣчнаго мира.

1684 г. іюня 1-го и 2-го Петръ осматривалъ патріаршую библіотеку. Нашедъ оную въ большомъ безпорядкѣ, онъ прогнѣвался на патріарха и вышелъ отъ него, не сказавъ ему ни слова.

Патріархъ прибѣгнулъ къ посредничеству царя Іоанна. Петръ повелѣлъ библіотеку привести въ порядокъ и отдалъ ее, сдѣлавъ ей опись, на храненіе Зотову, за царской печатью.

Стрѣльцы между тѣмъ продолжали своевольничать. Они самовольно схватили стольника А. Ө. Барсукова и солдатскаго полковника Матв. Кравкова, мучили ихъ на правежѣ за мнимые долги, и домы ихъ разорили. Своего заслуженнаго полковника Янова, негодуя на его строгость, они съ похода вытребовали въ Москву и казнили. У Хованскихъ съ Милославскимъ завязалась ссора. Милославскій принужденъ былъ скрываться по своимъ деревнямъ и оттолѣ посылать царямъ и правительницѣ доносы на Хованскихъ, обвиняя ихъ въ потворствѣ стрѣльцамъ, у коихъ, говорилъ онъ, готовится новый бунтъ противъ обоихъ царей, патріарха и ближнихъ бояръ. Онъ доноситъ, что Ө. Хованскій, хвастая своею породою, происшедшей отъ королей польскихъ Ягелловъ, похваляется бракомъ сочетаться съ царевной Екатериной Алексѣевной. Правительница повѣрила Милославскому. Государи укрылись въ с. Коломенское. 1685 г. марта 2 найдено прибитое къ дворцовымъ дверямъ письмо, въ коемъ объявлено было намѣреніе Хованскихъ истребить весь царскій домъ и овладѣть государствомъ. Государи уѣхали въ Саввинъ монастырь—послали оттуда грамоты въ Москву и во всѣ города, повелѣвая войску и пахотнымъ людямъ (и всякаго званія) быть какъ можно скорѣе въ село Воздвиженское, куда оні и отправились. Все сіе сдѣлано было въ величайшей тайнѣ. Хованскому послана была особая похвальная грамота, въ коей повелѣвалось ему и сыну немедленно для нужныхъ совѣтовъ отправиться къ государямъ (куда?). Өеофанъ говоритъ, что Хованскій не хотѣлъ прежде сего отлучиться отъ стрѣльцовъ, подозрѣвая недоброжелательство двора. 17 сентября (въ день св. Софіи) бояринъ кн. Мих. Иван. Лыковъ схватилъ стараго Хованскаго на дорогѣ въ селѣ Пушкинѣ и сына его на рѣкѣ Клязьмѣ въ его отчинѣ—и привелъ обоихъ въ оковахъ въ село Воздвиженское, гдѣ, прочтя имъ указъ, безъ всякаго слѣдствія, имъ и стрѣльцамъ Одинцову съ товарищами отрубили головы.

Между тѣмъ оба царя прибыли въ Троицкій монастырь. Туда собралось и множество войскъ изо всѣхъ городовъ (иные говорятъ до 30, а другіе до 100.000). Данъ указъ боярину к. Петру Семеновичу Урусову итти съ замосковскими городовыми дворянами въ Переяславль-Залѣсскій. Бояр. Алексѣю Сем. Шеину съ коломенск., рязанск., путивл. и каширскими дворянами — въ Коломну. Бояр. князю Влад. Дмитр. Долгорукову съ серпуховск., алексинск., тарузск.,

одоевск., и калужск.—въ Серпуховъ; а новгородскому дворянству послана похвальная грамота.

Сынъ Хованскаго, комнатный стольникъ царя Петра, прибѣжалъ въ Москву и объявилъ стрѣльцамъ о казняхъ воздвиженскихъ; стрѣльцы взбунтовались. Они овладѣли царскою пушечною, ружейною и пороховой казною, укрѣпились въ Москвѣ, разставили всюду караулы и никого не стали пускать ни въ городъ, ни вонъ изъ города. Они громко грозили пойти къ Тр. Извѣстясь о томъ, дворъ укрѣпился въ монастырѣ. Въ сіе самое время, пишутъ лѣтописцы, дана Петру отрава, отъ которой страдалъ онъ цѣлую жизнь. Царевна не знала, что дѣлать. По совѣту Голицына, она думала употребить противу стрѣльцовъ поселенный въ особой слободѣ (при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ) иностранный полкъ и послала офицеровъ онаго въ монастырь для полученія о томъ указа отъ государей.

18 сентября изъ Троицы прибылъ къ патріарху стольникъ Зиновьевъ съ грамотою о винахъ и казняхъ Хованскихъ. Стрѣльцы потребовали, чтобъ грамота была имъ прочтена, и чуть было не убили Зиновьева — крича: пойдемъ къ Троицѣ и всѣхъ побьемъ. Услышавъ, однако, что государи повелѣваютъ забрать и другихъ князей Хованскихъ, именно: двухъ Петровъ и Ивана, да спальниковъ Ѳедора и Ивана, дабы, снявъ съ нихъ боярство и дворянство, сослать—пришли въ робость. И бояринъ Михайло Петр. Головинъ, прибывшій изъ Тр. для принятія Москвы въ свое вѣдѣніе—успѣлъ ихъ укротить. Патріархъ, по просьбѣ ихъ, за нихъ заступился. Имъ прислано было повелѣніе выдать зачинщиковъ бунта. Они ихъ перехватали и сверхъ того отрядили изъ всѣхъ полковъ для того на казнь. Выборные шли, двое неся плаху, а третій топоръ. Милославскій остановилъ слѣдствіе и судъ. Государи простили виновниковъ. Хованскаго привели въ монастырь. Онъ сосланъ былъ въ Сибирь и 30 человѣкъ казнены.

Началась реакція. Головинъ собралъ проданные стрѣльцами пожитки бояръ, убитыхъ въ первомъ бунтѣ, и возвратилъ ихъ наслѣдникамъ.

Государи наградили войско и чиновниковъ за ихъ вѣрность и усердіе.

Передъ выѣздомъ повелѣно всѣмъ, кромѣ стрѣльцовъ, быть вооруженнымъ. Государи остановились въ селѣ Алексѣевскомъ. Стрѣльцы прибѣгнули опять къ патріарху, и онъ съ выборными пріѣхалъ умолять государей. Выборные просили позволенія столбъ сломать и жалованныя грамоты возвратить.

Тогда дворъ поднялся въ Москву. Отъ самаго села до Москвы стрѣльцы стояли по обѣимъ сторонамъ дороги, падая ницъ передъ государями—Іоаннъ оказывалъ тупое равнодушіе: но Петръ быстро смотрѣлъ на всѣ стороны, оказывая живое любопытство. У самой Москвы стрѣлецкіе начальники поднесли государямъ хлѣбъ-соль и отдали пожалованныя грамоты.

Петръ уѣхалъ въ Преображенское.

Софія же повелѣла Голицыну произвести новое слѣдствіе. Нѣсколько ихъ были казнены. Четыре полка посланы служить на гра-

шинахъ. Приближеннымъ своимъ (не изъ знатныхъ) раздала мѣста. Стрѣлецкій приказъ поручила въ вѣдѣніе Щегловитому; а молодаго князя Голицына, двоюроднаго брата любимца, пожаловала главнымъ судьей казанскаго дворца.

Китайскій императоръ Канъ Хій прислалъ государямъ грамоту съ мирными предложеніями. Назначенъ посольскій съѣздъ, и главнымъ выбранъ окольничій Феодоръ Алексѣевичъ Головинъ (Ежемѣс. Соч. 1757 г. Ч. II — 206).

Во Францію отправленъ посланникъ стольникъ Семенъ Алмазовъ, съ дьякомъ Дмитріевымъ. Датскому резиденту дозволено купить и вывезти изъ Россіи хлѣба 100.000 четвертей.

1686 г. Австрійскій императоръ, не успѣвъ заключить союзъ съ Россіей, обратился къ Собѣскому, который въ 1676 г. принужденъ былъ уступить Каменецъ и заключить съ Портою невыгодный миръ. Негоціаціи сіи имѣли успѣхъ и были весьма выгодны для Россіи, ибо 26 апрѣля 1686 г. Польша утвердила вѣчно за Россіей Смоленскъ, Кіевъ, Новгородъ-Сѣверской и всю по сей сторонѣ Днѣпра лежащую Украйну..

По словамъ же „Поденной записки“: Смол., Кіевск. и Сѣверск. Мал. Рос. областей 57 городовъ по Черный лѣсъ и по Черное море.

Россіей заплачено Польшѣ 1.500.000 польскихъ злотыхъ (или 187.500 рублей) и заключенъ въ пользу Австріи оборонительный и наступательный союзъ. Россія обязалась также чрезъ посольство предложить о вступленіи въ сей же союзъ Англіи, Франціи, Испаніи, Голландія и Даніи.

Миръ сей утвержденъ присягою въ Отвѣтной (Посольской палатѣ). Послѣ того послы и бояре вошли въ Грановитую палату, гдѣ сидѣли на тронахъ оба царя — а передъ ними былъ налой съ Евангеліемъ. Дьякъ Емельянъ Украинцевъ принялъ Евангеліе изъ рукъ царскаго духовника, и послы вторично присягнули. Послѣ того оба государя говорили рѣчь и дали обѣщаніе хранить тотъ миръ ненарушимо. Вельможи, заключившіе условія, съ нашей стороны были бояре: князь Вас. Вас. Голицынъ, Бор. Петр. Шереметевъ, Ив. Ив. Бутурлинъ, окольничіе: Скуратовъ и Чаадаевъ и думный дьякъ Украинцевъ. Голицынъ получилъ золотую чашу вѣсомъ въ 9 фунтовъ, кафтанъ въ 500 рублей, да въ Нижн. Новг. волость Богородицкую (3.000 дв.).

Вслѣдствіе сего, въ слѣдующемъ 1687 году были отправлены послами: въ Англію — Василій Семеновичъ Посевниковъ, во Францію и Испанію — стольникъ ближній князь Яковъ Федоровичъ Долгорукій и стольникъ князь Мышецкій, къ Голл. штатамъ — дьякъ Василій Постниковъ, въ Данію — дьякъ Любимъ Доминнъ, въ Швецію и Бранденбургію — дьякъ Борисъ Протасовъ („Под. записки“). Посольства сіи не имѣли успѣха. Папа объявленъ былъ отъ австр. имп. покровителемъ и защитникомъ союза.

Петръ продолжалъ между тѣмъ свои изученія и потѣхи. Одно изъ нихъ происходило на Прѣснѣ. Петръ стрѣлялъ изъ всѣхъ пушекъ.

Петръ занимался строеніемъ крѣпостей и ученіями. Іоаннъ, слабый здравіемъ и духомъ, ни въ какія дѣла не входилъ. Вельможи, страшась отвѣтственности въ послѣдствіи времени, уклонились отъ правленія — и царевна Софія правила государствомъ самовластно и безъ противорѣчія.

Въ совѣтѣ царскомъ положено было: когда Венеція нападетъ на Морею, поляки на границы Подоліи, Волыни, а цесарцы въ Венгріи и Трансильваніи вооружатся,—тогда намъ итти въ Крымъ. Тутъ же объявленъ былъ отъ Петра главнокомандующимъ князь Голицынъ. Въ Большомъ полку назначенъ начальникомъ сей же Голицынъ, (? бояр.) князь Константинъ Щербатовъ, окольничій Аггей Шепелевъ и думный дьякъ Украинцевъ. Въ Новгор. полкахъ: бояринъ Алексѣй Шеинъ, окольничій князь Данило Борятинскій. Въ Рязанскомъ разрядѣ: бояринъ князь Влад. Долгорукій, окольничій Петръ Скуратовъ. Въ Сѣвскихъ полкахъ: окольнич. Леонтій Неплюевъ. Въ Низовыхъ полкахъ: стольникъ Ив. Леонтьевъ и Вас. Дмитріевъ Мамоновъ (кн.)? Въ Бѣлогородскихъ: бояринъ Борисъ Шереметевъ и малороссійскій гетманъ Ив. Самойловичъ. Генералу Гордону (подъ нач. Голицына) порученъ былъ отъ Петра особый отрядъ (сколько?) изъ лучшаго войска состоявшій. Государь осмотрѣлъ его самъ и изъявилъ Гордону свое благоволеніе. Армія состояла (по мнѣнію нѣк.) изъ 400.000 (а по свидѣтельству двухъ лѣтописей, извѣстныхъ Голикову, изъ 200.000).

Крымскій походъ былъ безполезенъ для Россіи. Войско возвратилось ни съ чѣмъ, ибо степи на двѣсти верстъ были выжжены татарами. Обвиняли Самойловича въ тайномъ согласіи съ татарами. Онъ былъ лишенъ гетманства и сосланъ съ сыномъ своимъ сперва въ Нижній, а потомъ въ Сибирь. Старшій сынъ его казненъ въ Сѣвскѣ за возмущеніе. Генеральный есаулъ (?) Ив. Мазепа избранъ мал. гетманомъ (1687 г.). Царевна наградила щедро князя Голицына, всѣхъ начальниковъ и даже простыхъ воиновъ. Первый получилъ 1,000 дворовъ крестьянъ и золотую братину; всѣ офицеры получили золотыя медали (каждая была въ 300 черв. и осыпана алмазами); простые солдаты получили медали, старые по золотой, молодые по вызолоченной.

Сей походъ принесъ большую пользу Австріи, ибо разрушилъ союзъ, заключенный въ Адріанополѣ между крымскимъ ханомъ, французскимъ посломъ и славнымъ трансильванскимъ принцемъ Текели. По сему союзу ханъ долженъ былъ дать 30,000 войска въ помощь верховному визирю при вступленіи его въ Венгрію; самъ же ханъ съ таковымъ же числомъ долженъ былъ вмѣстѣ съ Текели напасть на Трансильванію. Франція обязывалась помогать Текели деньгами и дать ему искусныхъ офицеровъ.

Въ лѣтописи. Исторіи царя Михайла Өеодоровича и его преемниковъ сказано, что Петръ былъ недоволенъ походомъ, и упрекалъ князя Голицына въ томъ, что онъ только что раздражилъ татаръ, а отступленіемъ обнажилъ границы. Тогда повелѣно тремъ полкамъ (30,000) стать по Бѣлогородской чертѣ, подъ начальствомъ боярина князя Михайла Ромодановскаго и думнаго дьяка Авраама Хитрово.

Между тѣмъ (1688 г.) янычары свергли Магомета и возвели Солимана II. Но какъ Польша не воспользовалась внутренними смятеніями для начатія войны, то и Россія оставалась въ покоѣ.

Ханъ собралъ межъ тѣмъ войско съ намѣреніемъ вторгнуться въ Россію. 25 января 1689 года *) въ царскомъ совѣтѣ положено его предупредить. Князь Голицынъ опять выступилъ въ походъ, и при впаденіи Самары въ Днѣпръ заложилъ крѣпость Богородицкую, по плану голландца архитектора (?). Петръ въ сей походъ посылалъ своего любимца Лефорта, дабы, говоритъ Голиковъ, вѣдать поведеніе начальниковъ. Передъ его отъѣздомъ взялъ онъ себѣ въ лакеи (несправедливо) Меньшикова и записалъ въ потѣшные (см. Гол. часть 1, стран. 205).

Супруга царя Іоанна сдѣлалась беременна: сіе побудило царицу Наталью Кирилловну и приближенныхъ бояръ склонить и Петра къ избранію себѣ супруги. Петръ 27 янв. (по друг. 17) 1689 г. женился на Евдокіи Өеодоровнѣ Лопухиной, и въ слѣдующемъ 1690 году родился несчастный Алексѣй.

Бракъ сей совершился противу воли правительницы. Петръ уже чувствовалъ свои силы и начиналъ освобождаться отъ опеки. Прибывшаго изъ похода князя Голицына онъ къ себѣ не допустилъ. Царевна употребила ласки и просьбы, дабы умилостивить молодаго государя, который хотя, наконецъ, и допустилъ Голицына къ рукѣ своей, но сдѣлалъ ему строгій выговоръ за вторичную неудачу. Царевна скрыла свое неудовольствіе, ибо видѣла уже необходимость угождать юному царю. Молва обвиняла Голицына (а нѣкоторые говорятъ, что доносы офицеровъ подтвердили обвиненія), будто бы онъ былъ подкупленъ ханомъ. Царевна успѣла выпросить у Петра согласіе на награды, коими осыпала она своего любимца.

Бояре, угадывая причину сихъ щедротъ, и видя опасность прямо приступить къ удаленію Голицына и къ лишенію власти правительницы, избрали (говоритъ Гол.) дальнѣйшую, но безполезную къ тому дорогу. Царевна стала помышлять о братоубійствѣ. Она стала совѣтоваться съ княземъ Голицынымъ (раскольникомъ, замѣчаетъ Гол.), открыла ему намѣреніе Петра заключить ее въ монастырь (?). Голицынъ, помышлявшій уже о престолѣ, съ нею согласился во всемъ и на всякій случай отослалъ сына своего въ Польшу съ частію своего имѣнія.

Но гроза уже готовилась. 8-го іюля (1689 г.) во время соборнаго крестнаго хода въ церковь Казанской Богородицы, когда государи вышли изъ собора за крестами, тогда правительница пошла

*) Годъ начинался въ сентябрѣ (*Пр. Пушк.*).

вмѣстѣ съ ними. Петръ съ гнѣвомъ сказалъ ей, что она, какъ женщина, не можетъ быть въ томъ ходу безъ неприличія и позора. Царевна его не послушалась, и Петръ, не дошедъ еще отъ Успенскаго до Архангельскаго собора, оставилъ торжество и уѣхалъ въ село Коломенское, а оттуда въ Преображенское.

Царевна приступила къ исполненію своего умысла. Она снеслась съ Щегловитымъ и предначертала съ нимъ новый мятежъ. Щегловитый въ ночь на 5-е (по друг. на 9-е) августа собираетъ до 600 стрѣльцовъ на Лыковъ дворъ (гдѣ нынѣ арсеналъ) и дерзкой рѣчью пріуготовляетъ ихъ къ бунту противъ Петра, который вводитъ нѣмецкіе обычаи, одѣваетъ войско въ нѣмецкое платье, имѣетъ намѣреніе истребить православіе, а съ тѣмъ и царя Іоанна и всѣхъ бояръ и проч. Разъяренные стрѣльцы требуютъ, чтобъ ихъ вели въ Преображенское; но двое изъ нихъ, Мих. Ѳеоктистовъ и Дм. Мельновъ, успѣли прибѣжать прежде, и черезъ князя Бориса Алексѣевича Голицына открыли Петру весь заговоръ. Петръ съ обѣими царицами, съ царевной Наталіей Алексѣевной, съ нѣкоторыми боярами, съ Гордономъ, Лефортомъ и немногими потѣшными убѣжалъ въ Троицкій монастырь. Передъ восходомъ солнца прискакалъ Щегловитый съ убійцами, но узнавъ объ отсутствіи царя, сказалъ, что будто пріѣзжалъ онъ для смѣны стражи и поспѣшилъ обо всемъ увѣдомить царевну. Она не смутилась и не согласилась послѣдовать совѣту князя Голицына, предлагавшаго ей бѣжать въ Польшу.

Скоро всѣ приближенныя къ государю особы пріѣхали къ нему въ Троицкій монастырь. Оттуда послалъ онъ въ Москву указъ къ своимъ боярамъ и иностранцамъ, быть немедленно къ нему съ ихъ полками. 10-го явились къ Петру стремяннаго полка полковникъ Цыклеръ и пятисотный Ларіонъ Ульфовъ, да пятидесятникъ Ипатъ Ульфовъ, да съ ними пять стрѣльцовъ съ доносомъ на Щегловитова.

Царевна, притворясь ужаснувшеюся новому мятежу, втайнѣ однакожъ старалась разжечь оный черезъ Щегловитова. Она именемъ царя Іоанна не допустила исполнить требованія Петра, приславшаго къ Іоанну стольника Ив. Велико-Гагина, чтобъ позволилъ царь Іоаннъ быть изо всѣхъ полковъ выборнымъ стрѣльцамъ; такъ и отъ себя Петръ посылалъ въ стрѣлецкіе полки свой государевъ указъ, чтобъ были къ нему выборные для подлиннаго розыску, и съ ними полковники, такожде и гостямъ и гостиной сотни посадскимъ людямъ и черно-слободцамъ (Поденная записка). Царь Іоаннъ (говоритъ венец. ист.) далъ указъ подъ смертною казнію не отлучаться изъ Москвы. Мятежа однакожъ не было. Царевна, видя, что приверженцы Петра часъ отъ часу становятся сильнѣе, прибѣгнула къ посредничеству тетки своей царевны Татьяны Михайловны и сестеръ своихъ царевенъ Марѳы и Маріи, дабы примириться съ Петромъ. Онѣ прибыли къ Троицѣ и пали къ стопамъ государевымъ, повторяя затверженное оправданіе. Петръ, ихъ выслушавъ, сталъ доказывать преступленіе правительницы. Царевна Татьяна осталась съ нимъ въ монастырѣ, а другія двѣ царевны, возвратясь къ правительницѣ, объявили о неудачѣ своего посредничества.

Софія прибѣгнула къ патріарху: старецъ отправился къ Троицѣ. Но Петръ не только его не послушалъ, но и далъ ему знать, что самъ онъ долженъ быть лишенъ своего сана и на мѣсто его уже назначенъ архимандритъ Сильвестръ. Патріархъ задержанъ былъ въ монастырѣ. Царевна въ ужасѣ поѣхала сама, въ сопровожденіи знатныхъ особъ, держа въ рукахъ икону Спасителеву. Но Петръ, узнавъ, что она остановилась въ селѣ Воздвиженскомъ, послалъ къ ней стольника Ив. Ив. Бутурлина сказать, что въ монастырь ее не впустятъ, и чтобъ она поѣхала назадъ. Царевна упорствовала, говоря, что она непремѣнно хочетъ увидѣть своего брата. Петръ послалъ ей князя Ив. Бор. Троекурова съ послѣднимъ словомъ, что буде она не повинуется, то поступлено будетъ съ нею нечестно. Царевна въ отчаяніи возвратилась въ Москву.

Петръ вторично писалъ брату своему о присылкѣ къ нему выборныхъ, а имъ послалъ опять указъ, и 5-го сентября всѣ прибыли въ монастырь. Петръ вышелъ предъ нихъ на крыльцо съ царицей Натальей Кирилловной, съ теткою царевной Татьяной и съ патріархомъ, и приказалъ вслухъ читать доносы стрѣлецкіе о злодѣйскихъ умыслахъ Щегловитова и главныхъ его соучастниковъ: полковника Семена Резанова и выборныхъ стрѣльцовъ Обросима и Никиты Гладковыхъ, Козьмы Чернаго и друг. По прочтеніи, всѣ предстоящіе приговорили казнить осужденныхъ.

Петръ благодарилъ за усердіе, и половину къ нему прибывшихъ послалъ въ Москву съ двумя стами солдатъ (потѣшныхъ?) при Б. П. Шереметевѣ и полковникѣ Нечаевѣ, съ повелѣніемъ схватить преступниковъ, а боярамъ послалъ указъ явиться къ нему. Бояре поспѣшили повиноваться. Князь Голицынъ и сынъ его Леонтій Неплюевъ и восемь окольничихъ были въ томъ же числѣ, но ихъ не впустили, а велѣли стать на постоялыхъ дворахъ и дожидаться указа. Посланные въ Москву не могли отыскать Щегловитова, сокрытаго самою царевною въ ея теремѣ. Они возвратились съ прочими его сообщниками. Петръ послалъ опять за Щегловитымъ полковника Сергѣева со ста выборными и писалъ брату, жалуясь на покровительство, оказываемое злодѣю. Царевна, видя гибель несчастнаго ея сообщника, велѣла ему въ запасъ пріобщиться св. таинъ. Сергѣевъ прибылъ и требовалъ отъ нея выдачи измѣнника. Правительница старалась еще его спасти, но Сергѣевъ объявилъ ей, что по указу Петра будетъ онъ принужденъ обыскивать ея покои, а царь Іоаннъ черезъ П. Ив. Прозоровскаго прислалъ сказать ей, что онъ не только за вора Щегловитова, но и за нее съ братомъ своимъ ссориться не намѣренъ, и приказывалъ ей выдать Щегловитова. Софія въ слезахъ повиновалась, и вмѣстѣ съ измѣнникомъ (гов. Гол.) выдала безпрекословное свидѣтельство собственной вины своей.

Щегловитый и его сообщники отданы были боярамъ на судъ (кн. Троекурову, Бутурлину и друг.) (?). Чытыре дня онъ ни въ чемъ не признавался. Стали его пытать голоднаго, нѣсколько дней не ѣвшаго. Щегловитый послѣ нѣсколькихъ ударовъ кнутомъ во

всемъ признался и подалъ свои показанія на письмѣ за своею рукою. Предъ симъ признаніемъ просилъ онъ, чтобъ велѣли его накормить. Онъ и двое изъ его сообщниковъ (?) были колесованы; прочимъ отрѣзали языкъ, другихъ ссылали. Изъ нихъ Обросимъ Петровъ, когда вели его на казнь, громко винился передъ народомъ, увѣщевая всѣхъ научиться отъ его примѣра.

Князь Троекуровъ, человѣкъ умный, ярый и строгій, принялъ въ вѣдѣніе свое стрѣлецкій приказъ. А розыскныя дѣла поручены боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу.

Вскорѣ казненъ монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, бывшій въ приказѣ тайныхъ дѣлъ подъячимъ. Онъ пойманъ былъ близъ Смоленска, въ Бизюковѣ монастырѣ.

Князь Голицынъ приведенъ былъ въ Троицкій монастырь. Его не допустили до царя. На крыльцѣ, въ присутствіи боярина Стрѣшнева, прочтены ему его вины, за которыя онъ и сынъ его лишены боярства и имѣнія и сосланы въ недальніе города. Послѣ, однако, сосланы они въ Сибирь, въ Пустозерскъ, потомъ переведены на Мезень, послѣ же на Пинегъ, гдѣ старый князь умеръ, а сынъ его наконецъ прощенъ. Бояр. Леонтій Роман. Неплюевъ осужденъ былъ точно такъ же.

Голиковъ прибавляетъ слѣдующія подробности и объясненія:

8-го іюня (въ день крестн. хода) голова стрѣлецкаго приказа окольничій съ стр. полковниками и другими чиновниками—Оброською Петровымъ, Кузькою Чернымъ, Сенькою Рязановымъ, Ивашкою Муромцевымъ, Демкою Лаврентьевымъ, Мишкою Чечеткою, Микиткою Евдокимовымъ, Егоркою Романовымъ — собрались и начали заговоръ.

Дабы озлобить стрѣльцовъ, избрали они нѣкоего подъячаго Шошина, станомъ и лицомъ схожаго съ бояр. Л. К. Нарышкинымъ. Нарядивъ его въ боярское платье (?) и придавъ ему свиту, заставили его разъѣзжать по карауламъ, нападать на стрѣльцовъ, бить ихъ и мучить. Шошинъ ломалъ имъ суставы, отсѣкалъ пальцы и, нападая въ рощахъ на простой народъ, многихъ билъ кнутьями и палками и инымъ рѣзалъ языки, приговаривая, что онъ бояринъ Нарышкинъ и что онъ, мстя за братьевъ, шелъ ихъ истребить, а сестра де моя (Нат. Кир.) и Петръ меня послушаютъ. Стрѣльцы, приходя въ приказы, являли свои раны и записывали.

Злодѣи думали умертвить государя во время пожара. Щегловитый и Обр. Петровъ на то и покусились. Первый пріѣхалъ въ Преображенское (когда?), разставилъ въ тайныхъ мѣстахъ и въ буеракахъ стражу, и самъ (по праву званія своего) явился къ государю и, прошедши до спальни, вышелъ. Въ полночь загорѣлось одно строеніе, но вскорѣ было утушено; въ ту же ночь пожаръ возобновился и снова былъ утушенъ. Люди придворные и народъ возымѣли подозрѣніе, цѣлую ночь стерегли и не расходились. Заговорщики, видя свою неудачу, распустили сокрытую стражу и отправились въ Москву до разсвѣта.

Поутру донесено о пожарахъ царю. Петръ, еще не подозрѣвая истины, но полагая зажигателей ворами, велѣлъ всюду разставить

стрѣльцовъ Сухарева полка. Щегловитый представлялъ ему, что надежнѣе и удобнѣе стражу составить изо всѣхъ полковъ стрѣлецкихъ. Но (NB) Петръ на то не согласился. Послѣ были еще разныя покушенія. Заговорщики думали совершить цареубійство въ Кр. дворцѣ, или на дорогѣ изъ Преображенск., стерегли его на пути, въ Кремль вводили ночью стрѣльцовъ, которые должны были дожидаться на Лыковомъ и на Нитяномъ дворѣ.

Самъ Щегловитый забирался иногда на верхъ Грановитой палаты, а другіе препровождали ночи на верху церкви Распятія Христова.

Когда Петръ, извѣстясь (8-го августа) о злоумышленіи, скрылся въ Троицкій монастырь, тогда бывшіе на сторожѣ вѣстники дали знать о томъ Соковнину (?). Заговорщики, устрашась, распустили всѣхъ стрѣльцовъ по домамъ.

Петръ повелѣлъ: имена пріѣзжающихъ бояръ (въ мон.) записывать, благодаря ихъ за усердіе, и они разставили около монастыря и по московской дорогѣ стражу.

Царь Іоаннъ призывалъ (получивъ письмо отъ Петра) къ себѣ Щегловитова и его сообщниковъ, разспрашивая ихъ о смятеніи. Они во всемъ отперлись, а доносили о злодѣйствахъ Нарышкина. Іоаннъ имъ повѣрилъ, и тогда они купно съ царевною просили его: да единъ онъ царствуетъ. Царь съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ, что онъ брату, яко достойнѣйшему, самовольно уступаетъ престолъ. Вы же всуе мятетесь... и повелѣлъ ихъ, сковавъ, отослать въ монастырь.

По привезеніи ихъ, Петръ повелѣлъ патріарху допросить ихъ по духовенству. Они принесли повинную и отдали написанную къ Софіи челобитную отъ имени всѣхъ стрѣльцовъ о принятіи ею единовластнаго правленія. Петръ сію челобитную и разспросныя рѣчи за патріаршимъ свидѣтельствомъ отослалъ къ Москву къ Іоанну.

Вины кн. Голицыныхъ сказаны были, что они безъ указу великихъ государей имя сестры ихъ царевны Софіи Алексѣевны во всѣхъ дѣлахъ и посольскихъ грамотахъ установили обще съ именами государей писать самодержицею, и что въ крымскомъ походѣ пользы никакой не учинили (тутъ есть несообразность).

Оставалась ненаказанной главная виновница смятеній, сестра обоихъ царей, правительница Софія. Петръ послалъ ей приказъ добровольно удалиться въ монастырь. Царевна отклонилась отъ исполненія воли своего брата и готовилась бѣжать въ Польшу. Тогда Петръ послалъ Троекурова въ Москву съ повелѣніемъ взять царевну и, не говоря ни слова, заключить ее въ Новодѣвичій монастырь. Троекуровъ въ точности исполнилъ приказаніе Петра; для виду предварительно отнеслись о томъ къ Іоанну.

Царевна самодержавно правительствовала семь лѣтъ съ половиною. На монетахъ и медаляхъ изображалась она (по другую сторону царей) въ коронѣ, порфирѣ и со скипетромъ съ надписью: Бож. мил. в. г. цари и в. кн. І. А. П. А. и благов. гос. цар. (а иногда и царица) и в. кн. С. А. вс. вел., мал. и бѣл. Россіи са-

модержцы. Титулъ сей давался ей во всѣхъ грамотахъ, указахъ и письменныхъ дѣлахъ.

Изданы во время ея правленія: писцовый[a] наказъ о межеваніи земель, о разборахъ по сортамъ людей и войска, о распредѣленіи дворцовыхъ черносл᠎ободскихъ мѣстъ и бѣломѣстныхъ дворовъ, корчемный уставъ и до ста пятидесяти указовъ. Между сими указъ, повелѣвающій казнить смертію лѣкаря, уморившаго своего больнаго.

7-го сентября, отъ имени обоихъ царей состоялся указъ, чтобъ ни въ какихъ дѣлахъ имени бывшей правительницы не упоминать.

Петръ выѣхалъ изъ монастыря и отправился въ Москву. Въ с. Алексѣевскомъ встрѣтили его всѣ чины московскіе при безчисленномъ множествѣ народа. Стрѣльцы отъ самаго села до Москвы лежали по дорогѣ на плахахъ, въ коихъ воткнуты были топоры, и громко умоляли о помилованіи. Петръ въѣхалъ въ Москву 10-го сентября и прямо прибылъ къ собору. Отъ заставы до самаго собора стояло войско въ ружьѣ. Петръ за спасеніе свое отслужилъ благодарственное моленіе. Предъ ц. домомъ встрѣтилъ его Іоаннъ. Оба брата обнялись, и старшій въ доказательство своей невинности, уступилъ меньшому все правленіе, и до самой кончины своей (1696 г.) велъ жизнь мирную и уединенную.

Отселѣ царствованіе Петра единовластное и самодержавное.

ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ ДРУГИХЪ ГЛАВЪ.

1703.

ОСНОВАНІЕ С.-ПЕТЕРБУРГА.

Посреди самаго пылу войны, Петръ Великій думалъ объ основаніи гавани, которая открыла бы ходъ торговлѣ съ сѣверозападною Европою и сообщеніе съ образованностію. Карлъ XII былъ на высотѣ своей славы; удержать завоеванныя мѣста, по мнѣнію всей Европы, казалось невозможно. Но Петръ Великій положилъ исполнить великое намѣреніе, и на островѣ, находящемся близъ моря, на Невѣ, 16 мая заложилъ крѣпость С.-Петербургъ (одной рукою заложивъ крѣпость, а другой ее защищая. Голик.). Онъ раздѣлилъ и тутъ работу. Первый болверкъ взялъ самъ на себя, другой поручилъ Меншикову, 3-й графу Головину, 4-й Зотову (? канцлеру, пиш. Голик.), 5-й князю Трубецкому, 6-й кравчему Нарышкину. Болверки были прозваны ихъ именами. Въ крѣпости построена деревянная церковь во имя Петра и Павла, а близъ оной, на мѣстѣ, гдѣ стояла рыбачья хижина, деревянный же дворецъ на 9 саженяхъ въ длину и 3-хъ въ ширину, о 2-хъ покояхъ съ сѣнями и кухнею, съ холстинными выбѣленными обоями, съ простой мебелью и кроватью. Домикъ Петра въ семъ видѣ сохраняется и понынѣ.

Въ крѣпости опредѣленъ комендантомъ полковникъ Ренъ. Меншикову, какъ генералъ-губернатору завоеванныхъ городовъ и зе-

---

[a] Во всѣхъ изд.: пищевой. См. П. С. З., т. II, № 1013 (20 мая 1683).

мель, поручено надзираніе надъ новоначинавшимся городомъ. Отведено мѣсто для гостинаго двора, пристани, присутственныхъ мѣстъ, адмиралтейства, государева дворца, сада и домовъ знатныхъ господъ. Городъ Нейшанцъ былъ упраздненъ и жители онаго переведены и были первые петербургскіе поселенцы.

Петръ послалъ Шереметева взять крѣпость Копорье, а генералъ-маіора Ф. Бердена подъ Ямы. Обѣ крѣпости вскорѣ сдались на капитуляцію; гарнизоны выпущены въ Нарву.

Когда народъ встрѣчался съ царемъ, то по древнему обычаю падалъ предъ нимъ на колѣна. Петръ Великій въ Петербургѣ, коего грязныя и болотистыя улицы не были вымощены, запретилъ колѣнопреклоненіе, а какъ народъ его не слушался, то Петръ Великій запретилъ уже сіе подъ жестокимъ наказаніемъ, дабы, пишетъ Штелинъ, народъ ради его не марался въ грязи.

Петръ ѣздилъ въ Ямы и Копорье, наименовалъ первый Ямбургомъ, и повелѣлъ его укрѣпить. Тамъ узналъ онъ, что Кроніортъ идетъ изъ Лифляндіи съ 12.000 ч., въ намѣреніи напасть на Петербургъ. Петръ его предупредилъ съ полками своей гвардіи и 4 драгунскими, и нашедъ его въ крѣпкихъ мѣстахъ у рѣки Сестры, прогналъ его до Выборга, положивъ 2.000. Въ то же время подъ Ямбургъ подступилъ нарвскій ком. генералъ-маіоръ Горнъ, но прогнанъ съ урономъ отъ Шереметева; въ разныхъ мѣстахъ сверхъ того шведы были побиваемы.

Велѣдъ за симъ на олонецкой верфи, въ присутствіи Петра, заложены 6 фрегатовъ; отправлено къ Шереметеву четыре наставленія, между прочимъ о вымѣреніи ладожскаго устья и какъ подымается полая вода, понеже зѣло нужны и тамъ нѣкоторыя суда. Къ Апраксину писалъ онъ, чтобы по веснѣ исправлялся пушками и заготовлялъ сіе для кораблей, но не зачиналъ ихъ строить.

Изъ Олонца прибылъ государь на новопостроенномъ фрегатѣ Штандартъ съ 6-ю ластовыми судами въ Петербургъ, куда вскорѣ пришелъ первый корабль голландскій съ товарами, напитками и солью. Обрадованный Петръ велѣлъ отвести шхиперу и матросамъ постой въ домѣ Меншикова; они обѣдали за его столомъ, и Петръ сидѣлъ съ ними (С.-Петербургскія Вѣдомости 1703 года, декабря 15), подарилъ шхиперу 500 черв., а каждому матросу 300 ефимк.; второму кораблю впередъ обѣщано тоже (300 черв. шхиперу). Товары, по приказанію государя, тотчасъ были раскуплены.

Петръ всегда посѣщалъ корабельщиковъ на ихъ судахъ. Они угощали его водкой, сыромъ и сухарями. Онъ обходился съ ними дружески. Они являлись при его дворѣ, угощаемы были за его столомъ... Ихъ уважали и вѣроятно не любили. (Анекдотъ объ аладьяхъ. Кухмистеръ государевъ звался Фелтенъ. Лѣтній дворецъ. См. Штелина и Голикова).

1-го октября въ третій разъ Петръ заключилъ условія съ Августомъ, обязавшись усилить его саксонцевъ 10.000 пѣхоты, да дать 300.000 руб. Все было исполнено. Деньги посланы съ оберъ-комиссаромъ кн. Дм. Голицынымъ.

Петръ видѣлъ еще нужду въ пространной гавани, въ кою могли бы входить большіе корабли, и крѣпости для прикрытія Петербурга. Въ октябрѣ, когда шелъ уже ледъ, онъ ѣздилъ осматривать островъ Котлинъ, лежащій въ Финскомъ заливѣ, въ 30 верстахъ отъ Петербурга. Онъ вымѣрилъ фарватеръ между симъ островомъ и мелью, противъ него находившеюся; на той мели, въ морѣ, опредѣлилъ построить крѣпость, а на островѣ сдѣлать гавани и оныя укрѣпить, и самъ дѣлалъ тому планъ и проспектъ.

Потомъ государь съ Шереметевымъ отправился въ Москву, оставя у Ямбурга окольничаго П. Апраксина съ 5-ю полками.

Въ Москву въѣхалъ онъ торжественно. По указу его сдѣланы были трои тріумфальныхъ воротъ. Четвертыя выстроилъ Меншиковъ. Потомъ занялся гражданскимъ устройствомъ государства, особенно финансами. Доходы не составляли и 6 или 7 милліоновъ (?). Беeръ и другіе (?), Щербатовъ.

1725.

КОНЧИНА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

1-го января Ѳеофанъ говорилъ проповѣдь въ присутствіи Петра Великаго.

1-го же изданъ указъ о снятіи лишнихъ карауловъ.

Король испанскій Филиппъ V заключилъ торговый союзъ съ императоромъ австрійскимъ Карломъ VI и женилъ Дона-Карлоса на эрцгерцогинѣ Маріи-Терезіи.

Георгій I былъ недоволенъ. Онъ подозрѣвалъ тайныя статьи въ пользу претендента. Франція завидовала выгодамъ торговымъ Австріи.

Фридерикъ Вильгельмъ неохотно платилъ Австріи магдебургскія пошлины. Отселѣ ганноверскій договоръ, оборонительный.

Франція и Англія обязывались поддерживать права на Бергское наслѣдство короля прусскаго.

Швеція, Данія и Голландія приступили къ тому же союзу.

Австрія вступила въ союзъ съ Россіею. Петръ началъ переговоры съ Пруссіей...

Петръ послалъ въ Архангельскъ корабельному мастеру Баженову приказъ строить три корабля груландскихъ, 3 бота и 18 шлюбокъ.

Онъ назначилъ Беринга (капитана) для открытія пути въ Восточную Индію черезъ Ледовитый океанъ. Петръ получилъ извѣстіе отъ Матюшкина.

Шамхалъ, собравъ 30.000 войска, осадилъ крѣпость св. Креста. Генералъ-маіоръ Кропотовъ его разбилъ и землю его разорилъ. Петръ Великій уничтожилъ званіе шамхала (см. Ежем. Сочин. 1760, II—38 и проч.).

Петръ (по свидѣтельству Катифора) на іорданѣ простудился и занемогъ горячкою.

Петръ повелѣлъ сало, юфть, воскъ и проч. въ чужіе края сухимъ путемъ не возить.

Изданъ полицейскій указъ о продажѣ съѣстныхъ припасовъ.

О размѣщеніи солдатъ, гдѣ есть пустыя строенія въ городахъ.

Объясненъ указъ о утайкѣ душъ.

О сборахъ.

16-го января Петръ началъ чувствовать предсмертныя муки. Онъ кричалъ отъ рѣзи.

Онъ близъ своей спальни повелѣлъ поставить церковь походную.

22-го исповѣдывался и причастился.

Всѣ петербургскіе врачи собрались у государя. Они молчали; но всѣ видѣли отчаянное состояніе Петра. Онъ уже не имѣлъ силы кричать и только стоналъ...

При немъ дежурили три-четыре сенатора.

25-го сошлись во дворецъ весь сенатъ, весь генералитетъ, члены всѣхъ коллегій, всѣ гвардейскіе и морскіе офицеры, весь сунодъ и знатное духовенство.

Церкви были отворены: въ нихъ молились за здравіе умирающаго государя, народъ толпился передъ дворцомъ.

Екатерина то рыдала, то вздыхала, то падала въ обморокъ; она не отходила отъ постели Петра, и не шла спать, какъ только по его приказанію.

Петръ царевенъ не пустилъ къ себѣ.

26-го утромъ Петръ повелѣлъ освободить всѣхъ преступниковъ, сосланныхъ на каторгу (кромѣ 2-хъ первыхъ пунктовъ и убійцъ), для здравія государя.

Тогда же данъ имъ указъ о рыбѣ и клеѣ (казенные товары).

Къ вечеру ему стало хуже, его миропомазали.

27-го данъ указъ о прощеніи не явившимся дворянамъ на смотръ. Осужденныхъ на смерть по Артикулу по дѣламъ военной коллегіи (кромѣ и пр.) простить — дабы молили они о здравіи государевомъ.

Тогда-то Петръ потребовалъ бумаги и перо и начерталъ нѣсколько словъ неявственныхъ, изъ коихъ разобрать можно было только сіи: отдайте все... перо выпало изъ рукъ его. Онъ велѣлъ призвать къ себѣ цесаревну Анну, дабы ей продиктовать... Она вошла — но онъ уже не могъ ничего говорить.

Архіереи псковскій и тверской и архимандритъ Чудова монастыря стали его увѣщевать. Петръ оживился — показалъ знакъ, чтобъ они его приподняли, и возведши очи вверхъ, произнесъ засохлымъ языкомъ и невнятнымъ голосомъ: сіе едино жажду мою утоляетъ; сіе едино услаждаетъ меня.

Увѣщевающій сталъ говорить ему о милосердіи Божіемъ безпредѣльномъ. Петръ повторилъ нѣсколько разъ: вѣрую и уповаю.

Увѣщевающій прочелъ надъ нимъ причастную молитву: вѣрую, Господи, и исповѣдую яко ты еси и прочее. Петръ произнесъ: вѣрую, Господи, и исповѣдую; вѣрую, Господи: помози моему невѣрію и сіе все, что весьма дивно (сказано въ рукописи свидѣтеля) съ умиленіемъ, лицо къ веселію елико могъ устроевая, говорилъ; но семъ замолкъ..!

Присутствующіе начали съ нимъ прощаться. Онъ привѣтствовалъ

всѣхъ плохимъ взоромъ; потомъ произнесъ съ усиліемъ: послѣ... Всѣ вышли, повинуясь въ послѣдній разъ его волѣ.

Онъ уже не сказалъ ничего. 15 часовъ мучился онъ, стоналъ, безпрестанно дергая правую свою руку—лѣвая была уже въ параличѣ. Увѣщевающій отъ него не отходилъ. Петръ слушалъ его и нѣсколько разъ силился перекреститься.

Троицкій архимандритъ предложилъ ему еще разъ причаститься. Петръ въ знакъ согласія, приподнялъ руку; его причастили опять. Петръ казался въ памяти до 4 часа ночи. Тогда началъ онъ охладѣвать и не показывалъ уже признаковъ жизни. Тверской архіерей на ухо ему продолжалъ свои увѣщеванія и молитвы объ отходящихъ. Петръ пересталъ стонать, дыханіе остановилось; въ 6 часовъ утра, 28-го января, Петръ умеръ на рукахъ Екатерины. Екатерина провозглашена императрицей.

Въ тотъ же день обнародованъ манифестъ.

Полкамъ въ Петербургѣ роздано жалованье. Генералъ-маіоръ Дмитріевъ-Мамоновъ посланъ въ Москву къ сенатору графу Матвѣеву.

2-го февраля напечатана присяга и разослана по всему государству.

Тѣло государя вскрыли и бальзамировали. Сняли съ него гипсовую маску.

Тѣло положено въ меньшую залу. 30-го января народъ допущенъ къ его рукѣ.

4-го марта скончалась 6-ти-лѣтняя царевна Наталія Петровна. Гробъ ея поставленъ въ той же залѣ.

8-го марта возвѣщено народу погребеніе. Чрезъ два дня оное совершилось (см. Голикова).

15-го декабря (1835 г.)

Отдѣльныя замѣтки къ исторіи Петра Великаго.

I. Тогда же (1699) состоялся указъ, всѣмъ русскимъ подданнымъ, кромѣ крестьянъ (?) и духовныхъ, брить бороду и носить платье нѣмецкое: сперва венгерское, а потомъ мужескому полу верхнее—саксонское и французское, а нижнее и камзолы—нѣмецкіе (?) (съ ботфортами?), женскому полу (нѣмецкое). Съ ослушныхъ брать пеню въ воротахъ (московскихъ улицъ) съ пѣшихъ 40 к., съ конныхъ 2 р. Запрещено было купцамъ продавать, а портнымъ шить русское платье, подъ наказаніемъ (какимъ?).

II. Вотъ уже 150 лѣтъ „табель о рангахъ" сметаетъ дворянство въ одну кучу [a]. Что изъ этого слѣдуетъ? — Восшествіе Екатерины II, 14-е декабря и т. д.

III. 1711—1714 г. У князя Меншикова на фейерверкѣ на щитѣ надпись: „Идѣже правда, тамъ и помощь Божія", однако Богъ

---

[a] Далѣе говорится, что уничтоженіе майоратства плутовскимъ образомъ при Аннѣ Ивановнѣ довершило паденіе передового класса.

помогъ не намъ. Въ сіе же время изданъ тиранскій указъ о запрещеніи во всемъ государствѣ каменнаго строенія...

1715 г. Петръ опять издалъ одинъ изъ своихъ жестокихъ указовъ: онъ повелѣлъ приготовлять юфть по новымъ способамъ, по обыкновенію своему, угрожая за ослушаніе кнутомъ и каторгою...

1718. Приказываютъ юфть для обуви дѣлать не съ дегтемъ, а съ ворваннымъ саломъ, подъ страхомъ конфискаціи и галеръ, какъ обыкновенно кончаются хозяйственные указы Петра...

1721. Указъ о возвращеніи родителямъ деревень, принадлежащихъ имъ и невиннымъ ихъ дѣтямъ, также о платежѣ заимодавцамъ. NB. Сей законъ справедливъ и милостивъ, но фактъ, изъ коего онъ проистекаетъ,—самъ по себѣ—несправедливость и жестокость. Отъ гнилаго корня отпрыскъ живой...

1722. Сенатъ и синодъ подносятъ ему титулъ Отца отечества, Всероссійскаго императора и Петра Великаго. Петръ недолго церемонился и принялъ его. Сенатъ (т. е. восемь стариковъ) прокричали: vivat! Петръ отвѣчалъ рѣчью, гораздо болѣе приличной и разсудительной, чѣмъ это все торжество...

1722. Петръ былъ гнѣвенъ. Дворяне не явились на смотръ. Издалъ указъ, превосходящій варварствомъ всѣ прежніе...

1722. Манифестъ о правѣ наслѣдства, т. е. уничтожилъ всякую законность въ порядкѣ наслѣдства, и отдалъ престолъ на произволеніе...

IV. Достойна удивленія разность между государственными учрежденіями Петра Великаго и временными его указами. Первыя суть плоды ума обширнаго, исполненнаго доброжелательства и мудрости; вторые—нерѣдко жестокіе, своенравны и, кажется, писаны кнутомъ. Первыя были для вѣчности или, по крайней мѣрѣ, для будущаго: вторые—вырвались у нетерпѣливаго, самовластнаго помѣщика.

NB. Это внести въ исторію Петра, обдумавъ.

2.

Исторія Пугачевскаго бунта.

(1833).

Среди архивныхъ занятій по исторіи Петра Великаго, начатыхъ въ 1832 г., у Пушкина возникла мысль о другомъ историческомъ трудѣ—исторіи Суворова, изъ которой написалъ онъ лишь одинъ эпизодъ—о Пугачевскомъ бунтѣ.

Переписка по военному министерству, куда обратился Пушкинъ за нужными для этого новаго труда документами, началась 8 февраля 1833 года. Хотя Пушкину были доставлены нѣкоторые документы изъ Спб. архива Инспекторскаго департамента и изъ его московскаго отдѣленія [1]), но въ числѣ ихъ Пушкинъ не нашелъ всѣхъ нужныхъ ему бумагъ касательно Пугачева. Въ полученныхъ имъ документахъ по этому предмету извѣстія доведены лишь до назначенія генералъ-аншефа Бибикова, но донесеній его въ Военную коллегію и рапортовъ кн. Голицына, Михельсона и самого Суворова не оказалось. Пушкинъ увѣдомилъ объ этомъ военнаго министра гр. Чернышова, и вслѣдствіе того были вытребованы изъ Москвы и доставлены Пушкину (29 марта) рапорты Бибикова, кн. Голицына и Суворова за 1774 г.; рапортовъ же Михельсона въ дѣлахъ военнаго министерства не оказалось.

Вотъ главные и почти единственные рукописные источники, которыми успѣлъ воспользоваться Пушкинъ для своей „Исторіи Пугачевскаго бунта“. Такъ какъ въ этихъ источникахъ заключались болѣе обильные матеріалы лишь первой половины бунта, то въ „Исторіи“ Пушкина она и разработана съ бо́льшею полнотою и точностію, нежели вторая, періодъ назначенія Панина, преслѣдованіе Пугачева Михельсономъ, поимка самозванца, слѣдствіе и судъ надъ нимъ. Потому же и въ числѣ „Приложеній“, которыя присоединены Пушкинымъ къ его труду, не напечатано почти ничего изъ документовъ второй эпохи.

Уже послѣ изданія „Исторіи Пугачевскаго бунта“ Пушкинъ сталъ искать новыхъ матеріаловъ для изученія эпохи. Между прочимъ, зная объ участіи Державина въ дѣйствіяхъ противъ Пугачева, онъ обращался къ родственникамъ поэта съ просьбою позволить ему просмотрѣть записки, а можетъ быть и другія бумаги покойнаго, относящіяся къ Пугачевщинѣ, но повидимому безуспѣш-

---

[1]) А именно—документы, состоявшіе большею частію въ перепискѣ Военной коллегіи съ мѣстными начальниками, въ бумагахъ, касающихся преимущественно численнаго состава и передвиженія войскъ, въ манифестахъ Пугачева и допросахъ нѣкоторыхъ его сообщниковъ; затѣмъ письма и донесенія Суворова за 1789, 90 и 91 года, 1794, 99 и частью 1800 г., а также реляціи его за послѣдніе года (Я. К. Гротъ. „Пушкинъ“, стр. 156 и 162).

ну [2]). Счастливѣе былъ онъ въ своихъ стараніяхъ найти доступъ къ актамъ государственнаго архива. Переписка объ этомъ началась не прежде 1835 г., т. е. послѣ изданія книги. Государь приказалъ дѣло о Пугачевскомъ бунтѣ въ 8 запечатанныхъ пакетахъ передать въ государственный архивъ и о допущеніи туда Пушкина увѣдомить министра иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельрода. По соглашенію между нимъ и министромъ юстиціи Д. В. Дашковымъ дѣло о Пугачевѣ было доставлено прямо Пушкину. Распечатавъ 8 связокъ, онъ не нашелъ главнѣйшаго, по его словамъ, документа—допроса, снятаго съ Пугачева въ Москвѣ. Самъ же Пушкинъ въ собственноручномъ примѣчаніи къ „Исторіи Пуг. б." замѣтилъ, что „не читалъ его, не смѣвъ распечатать безъ Высочайшаго на то соизволенія" (см. „Зарю", 1870, XII, 425). Поэтому Пушкинъ просилъ завѣдывавшаго государственнымъ архивомъ В. А. Полѣнова, снестись съ начальникомъ архива московскаго, А. Ѳ. Малиновскимъ, которому должно быть извѣстно, гдѣ находится этотъ документъ. Малиновскій отвѣчалъ, что въ московскомъ архивѣ оффиціальныхъ бумагъ о Пугачевѣ нѣтъ, но что въ архивской библіотекѣ находятся собранные приватно его предмѣстниками, Миллеромъ и Бантышъ-Каменскимъ, современные матеріалы. Эти матеріалы были препровождены въ спб. Госуд. архивъ и, конечно, сообщены Пушкину [3]).

„Изъ всѣхъ этихъ сочиненій", прибавляетъ Я. К. Гротъ, „видно.... какъ дѣятельно заботился Пушкинъ объ усовершенствованіи (своего труда). Но, начавъ вскорѣ издавать журналъ, онъ не успѣлъ уже заняться разработкою новыхъ матеріаловъ, и самъ сомнѣвался въ возможности передѣлать свою книгу...:Можно однакожъ полагать, что такой строгій къ самому себѣ писатель, какъ Пушкинъ, рано или поздно возвратился бы къ своему труду, если бъ тому не помѣшала ранняя смерть его. Какъ бы то ни было „Исторія Пугачевскаго бунта" осталась въ своемъ первоначальномъ видѣ. Недостатокъ знакомства съ самыми важными источниками не могъ не отразиться на этомъ сочиненіи, и надобно еще удивляться относительному обилію вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній, собранныхъ Пушкинымъ, если вспомнить, какъ мало времени онъ употребилъ на всю эту работу, и какъ мало имѣлъ навыка въ историческихъ изслѣдованіяхъ. Впрочемъ иногда замѣтно, что онъ не вполнѣ пользовался и тѣми матеріалами, какіе были въ рукахъ его [4]), и довольствовался легкими, хотя и мастерскими очерками, когда можно было развить предметъ съ бóльшею подробностью. Даже нѣкоторые изъ документовъ, имъ самимъ напечатанныхъ, остались у него какъ будто безъ приложенія къ дѣлу".

„По словамъ самого Пушкина (въ отвѣтѣ на критику Броневскаго, см. ниже), онъ посвятилъ два года, т. е. 1833 и 1834, на составленіе „Исторіи Пугачевскаго бунта". Принимая въ разсчетъ другіе труды, которые занимали его въ то же время, мы должны значительно сократить этотъ срокъ. Вѣроятно, первый томъ, въ которомъ самый текстъ состоитъ только изъ 168 стр. довольно разгонистой печати, былъ законченъ уже въ 1833 г., на чтó указываетъ и предисловіе, помѣченное 2 ноября этого года, писанное въ Болдинѣ [5]). Въ 1834 г.

---

[2]) Вдова Державина по полученіи просьбы Пушкина въ Званкѣ отложила исполненіе ея до своего возвращенія въ Петербургъ. Я. К. Гротъ прибавляетъ: „Вѣроятно, и по возвращеніи Дарьи Алексѣевны въ городъ, бумаги ея мужа не были доставлены Пушкину, по крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ данныхъ для предположенія, чтобъ онѣ были въ рукахъ его. (Id. 160).

[3]) Id. 165.

[4]) См. напр. ниже выноску 29-ю къ главѣ II-й.

[5]) См. т. I. стр. 352.

происходило печатаніе какъ этого тома, такъ и второго, содержащаго одни приложенія (почти все извлеченія изъ дѣлъ Инспекторскаго департамента).

Изъ всего хода работы видно, что и при написаніи „Исторіи Пугачевскаго бунта“, также какъ и при „Исторіи Петра Великаго“, Пушкинъ изложеніемъ сочиненія своего упреждалъ работу надъ источниками. Къ началу осени 1833 г. „Исторія Пугачевскаго бунта“ была уже вчернѣ готова. Одновременно съ нею писалась и повѣсть „Капитанская дочка“: итакъ изслѣдованіе фактовъ опережалось сверхъ того образами поэтическими. Для оживленія историческаго повѣствованія Пушкинъ почувствовалъ потребность въ личномъ знакомствѣ съ мѣстами, бывшими театромъ дѣйствій Пугачева.

Испрашивая разрѣшенія для поѣздки въ эти мѣста, Пушкинъ писалъ Бенкендорфу 30 іюля: „Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важнѣйшихъ занятій и кончить книгу, давно мною начатую, и которая доставитъ мнѣ деньги, въ коихъ имѣю нужду... Если угодно будетъ знать, какую именно книгу хочу я дописать въ деревнѣ: это романъ, коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани, и вотъ почему хотѣлось бы мнѣ посѣтить обѣ сіи губерніи“.

12 августа 1833 г. Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга и къ концу мѣсяца былъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. 5-го сентября былъ онъ уже въ Казани, и на другой день отправился за 10 верстъ, къ Троицкой мельницѣ, гдѣ былъ лагерь Пугачева, а вечеромъ посѣтилъ купца Крупеникова, бывшаго нѣкогда въ плѣну у самозванца. 8-го числа Пушкинъ отправился въ Симбирскъ и 12-го былъ въ имѣніи поэта Языкова, а 18-го—въ Оренбургѣ. Вмѣстѣ съ В. И. Далемъ объѣхалъ онъ оренбургскую линію крѣпостей, разыскивая преданія и живыхъ свидѣтелей, говорилъ съ сыномъ казака Пьянова. „Въ деревнѣ Бердѣ“, писалъ Пушкинъ женѣ, „гдѣ Пугачевъ простоялъ 6 мѣсяцевъ, имѣлъ я une bonne fortune—нашелъ 75-лѣтнюю казачку, которая помнитъ это время, какъ мы съ тобою помнимъ 1830 годъ... Въ Уральскѣ... атаманъ и казаки приняли меня славно... наперерывъ давали мнѣ всѣ извѣстія, въ которыхъ имѣлъ нужду“. 23-го Пушкинъ выѣхалъ изъ Уральска и черезъ Саратовъ и Пензу проѣхалъ въ Болдино, куда прибылъ 1 октября. „Вотъ ужъ недѣля, какъ я въ Болдинѣ“, писалъ онъ женѣ 8 октября: „привожу въ порядокъ мои записки о Пугачевѣ, а стихи пока еще спятъ.

Поспѣшность, съ которою Пушкинъ готовилъ свою „Исторію Пугачевскаго бунта“ къ печати, объясняется настоятельною нуждою въ деньгахъ, которая преслѣдовала его съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился и повелъ жизнь въ той великосвѣтской средѣ столицы, которая привлекала жену его. „Если царь позволитъ“, писалъ Пушкинъ въ томъ же письмѣ къ женѣ, „то у насъ будетъ тысячъ 30 чистыхъ денегъ“. „Женка, женка“, прибавляетъ онъ въ письмѣ отъ 6 ноября, „я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по 3 мѣсяца въ степной глуши... а для чего?—для тебя, женка: чтобъ ты была спокойна, и блистала себѣ на здоровье“.

Итакъ ни бѣглое знакомство съ источниками, ни способъ работы надъ ними, ни внѣшнія условія, сопровождавшія историческій трудъ Пушкина, не могли обѣщать произведенія, которое удовлетворяло бы всѣмъ требованіямъ науки.

И дѣйствительно, „Исторія Пугачевскаго бунта“, первоначально озаглавленная общимъ именемъ: „Пугачевщина“, не есть исторія въ настоящемъ смыслѣ этого слова. По замѣчанію Анненкова (1880), это скорѣе дѣльная, хорошо составленная докладная записка, назначенная для быстраго ознакомленія съ пред-

метомъ читателя, который бы поинтересовался имъ,—чѣмъ и объясняется ея хладнокровный, чисто объективный и невозмутимый тонъ, который такъ восхищалъ друзей поэта и, между прочимъ, Гоголя, когда она явилась въ печати. Всѣ краски, бытовыя подробности, вся живость изображенія этой русской жакеріи выпала на долю „Капитанской дочки". Извѣстно, какимъ изяществомъ постройки она отличается, какимъ добродушнымъ юморомъ вѣетъ отъ описанія патріархальностей порядковъ того времени и какимъ мастерствомъ въ созданіи типическихъ характеровъ въ духѣ эпохи она отличается... Романъ и историческая записка составили какъ бы отдыхъ для Пушкина, явились чѣмъ-то въ родѣ его междудѣлія, которое однакоже еще сильнѣе напоминало ему самому и всѣмъ другимъ о главной задачѣ, за нимъ еще числящейся (т. е. объ „Исторіи Петра Великаго").

Вслѣдъ за „Исторіей Пугачевскаго бунта" ниже помѣщенъ подъ заглавіемъ „Объ исторіи Пугачевскаго бунта" отвѣтъ Пушкина на рецензію Броневскаго, явившуюся въ январѣ 1835 г. въ „Сынѣ Отечества".

Въ „Библіотекѣ для чтенія" (1835, № 6) явилась слѣдующая замѣтка объ „Исторіи" Пушкина:

„Исторія пугачевскаго бунта. *Санктпетербургъ, 1835. Двѣ части.*

„Несправедливо было бы требовать отъ сочинителя, живущаго такъ близко къ эпохѣ описываемаго происшествія, выполненія всѣхъ условій, которыхъ требуетъ исторія: чтобы обнять взоромъ все пространство значительнаго событія, необходимо стать отъ него въ извѣстной отдаленности; перспектива такъ же нужна историку, какъ и живописцу. На близкомъ разстояніи собираются только подробности, которыя со временемъ могутъ служить превосходными матеріалами для исторіи. Съ этой точки зрѣнія должно смотрѣть на „Исторію Пугачевскаго бунта", изданную А. С. Пушкинымъ. Авторъ не имѣлъ даже доступа къ подлинному дѣлу о Пугачевѣ, которое, какъ онъ говоритъ въ предисловіи, хранится запечатанное въ Санктпетербургскомъ Государственномъ Архивѣ, и онъ предоставляетъ исправить и пополнить свой трудъ будущему историку, болѣе его счастливому въ этомъ отношеніи. Но нельзя не воздать ему полной похвалы и не быть благодарнымъ за совѣстливое и тщательно изготовленное сообщеніе тѣхъ бумагъ и свѣдѣній, которыя находились въ его рукахъ и для собранія которыхъ предпринималъ онъ изысканія на мѣстѣ самого происшествія, долго покрытаго молчаніемъ и наконецъ сдѣлавшагося темнымъ, почти неизвѣстнымъ нынѣшнему поколѣнію. Эти бумаги, принимая въ разсчетъ разницу въ плотности печати разныхъ частей книги, занимаютъ почти семь-осьмыхъ всего сочиненія: къ нимъ приложена въ началѣ историческая статья, въ которой авторъ изобразилъ ихъ содержаніе ясно, живо и съ возможною краткостью, и она составляетъ послѣднюю, одну-осьмую цѣлаго. Сочинитель конечно и самъ не удивится тому, что мы его „Исторію" называемъ только историческою статьею: по своему объему, который занимаетъ сто шестьдесятъ восемь страницъ крупной печати, она равняется пяти листамъ „Библіотеки для Чтенія"; многія изъ статей этого журнала были обширнѣе. Съ другой стороны и самое событіе — бунтъ обольщенной и пьяной черни въ отдаленной провинціи, продолжавшійся нѣсколько мѣсяцевъ, не имѣвшій никакого вліянія на общую судьбу государства, ни въ чемъ не измѣнившій хода ни внѣшней, ни внутренней политики, не можетъ быть предметомъ настоящей исторіи, и, въ крайнемъ случаѣ, составляетъ только ея печальную страницу, которой, по несчастію, мы не въ правѣ

вырвать, но которую властны перекинуть при чтеніи, не расторгнувъ тѣмъ связи повѣствованія о цѣлой эпохѣ, не разстроивъ въ мысли ряда блестящихъ и утѣшительныхъ событій, образующихъ истинную, прагматическую исторію того времени. Какъ бы то ни было, названіе, которое мы придаемъ этому творенію, нисколько не уменьшаетъ ни его внутренняго достоинства, ни цѣны услуги, оказанной его авторомъ. Въ сочиненіяхъ, которыя, по свойству ихъ предмета и обстоятельствъ писателя, не окончательны и не могутъ требовать для себя монументальнаго титла „Исторіи", которыя не связываютъ своего содержанія съ массою происшествій цѣлаго періода, съ ихъ обширною и сложною вииословностью, съ современнымъ состояніемъ образованности, нравовъ и умовъ,—въ такихъ сочиненіяхъ любопытность и новость разсказываемыхъ подробностей, вѣрное и откровенное ихъ изложеніе, и цѣль его, благонамѣренная и выполненная со тщаніемъ, вообще сосредоточиваютъ въ себѣ всѣ достоинства книги, и одни обезпечиваютъ ей почетное мѣсто въ народной литературѣ. И въ этомъ отношеніи первый историческій опытъ знаменитаго нашего поэта вполнѣ удовлетворяетъ условіямъ особеннаго рода творенія, вышедшаго изъ подъ его пера, потому что невозможно было ни предпринять труда съ похвальнѣйшимъ намѣреніемъ, ни совокупить большаго числа любопытныхъ фактовъ и анекдотовъ на полуторѣ сотнѣ страницъ, ни дать имъ точнѣйшей и вмѣстѣ занимательнѣйшей формы.

„Авторъ превосходно объясняетъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ событія въ историческомъ отношеніи, именно, что Пугачевъ былъ только орудіе мятежной партіи „Несогласныхъ", то есть, казаковъ, которые не хотѣли подчиниться преобразованіямъ, вводимымъ въ устройствѣ ихъ войска [6]).

„Когда Пугачевъ былъ схваченъ своими сообщниками и выданъ генералъ-поручику Маврину, онъ съ перваго слова признался ему во всемъ. Мавринъ приказалъ привести прежнихъ его товарищей, содержавшихся въ оковахъ, и самозванецъ громко сталъ ихъ уличать, говоря: „Вы погубили меня: вы нѣсколько „дней сряду меня упрашивали принять на себя имя покойнаго Великаго Госу„даря; я долго отрицался, а когда и согласился, то все, что ни дѣлалъ, было „съ вашей воли и согласія; вы же поступали часто безъ вѣдома моего и даже „вопреки моей волѣ". Бунтовщики не отвѣчали ни слова.

„Пугачевъ однакожъ былъ не безъ твердости въ волѣ, ни безъ дарованій. Изысканія автора бросаютъ большой свѣтъ на личный характеръ и природныя способности этого разбойника. Но мы упомянули о Харловой: исторія этой несчастной женщины ужасна, и безъ всякихъ украшеній вымысла составляетъ полный романъ [7]).

„Дикій другъ несчастной жертвы не слишкомъ былъ постояненъ въ любви: привязанность его къ Харловой не помѣшала ему, посреди лужъ крови, разбоевъ и опасностей войны, предаться влеченію новой, и еще нѣжнѣйшей, страсти [8]).

„Свадьба Пугачева, котораго первая жена была еще въ живыхъ и находилась тогда въ Казани, едва не стоила нашей словесности преждевременной потери одного изъ превосходнѣйшихъ ея украшеній. Самозванецъ желалъ отпразд-

---

[6]) Слѣдуетъ выписка изъ III главы: „Пугачевъ не былъ самовластенъ"... „Вотъ какіе люди колебали государствомъ"!

[7]) Слѣдуетъ выписка изъ главы II: „Изъ Разсыпной... семилѣтняго ея брата".

[8]) Слѣдуетъ выписка изъ главы V: „Пугачевъ въ Яицкомъ городкѣ... на Яицкую крѣпость".

новать свое супружеское счастіе приступомъ къ осажденной его толпами Яицкой крѣпости, въ которой мужественно защищался полковникъ Симоновъ [9]).

„Состояніе осажденнаго Оренбурга, послѣ безпрерывныхъ неудачъ съ мятежниками, было таково, что угроза свирѣпаго казака равнялась величайшей опасности. Тамъ давно уже боролись съ голодомъ и уныніемъ духа [10]).

„Страхъ бѣднаго губернатора, которому въ продолженіе шестимѣсячной осады мятежниками ничто не удавалось, былъ такъ великъ, что когда Голицынъ разбилъ самозванца у Татищевой, когда избавитель уже почти стоялъ у стѣнъ Оренбурга, и бунтовщики сами прислали къ Рейнсдорпу съ предложеніемъ выдать ему Пугачева, тотъ не хотѣлъ еще вѣрить своему счастію, опасаясь какой-нибудь хитрости, и отвергъ ихъ желаніе. Эта нерѣшимость продлила бѣдствія Россіи еще нѣсколькими мѣсяцами.

„Между тѣмъ отецъ юнаго поэта претерпѣвалъ въ Яицкой крѣпости, вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ и своими подчиненными, неслыханныя страданія. Картина бѣдствій гарнизона и его освобожденія составляетъ одну изъ лучшихъ страницъ исторіи этихъ смятеній [11]).

„Съ того времени мятежъ и поприще войны перенеслись на Волгу. Почти непостижимо, до какой степени въ Пугачевѣ, простомъ, безграмотномъ казакѣ, вдругъ развились воинскія дарованія. При первомъ извѣстіи о приближеніи Голицына, самозванецъ оставляетъ Яицкъ и Оренбургъ, и летитъ къ Татищевой крѣпости, которую самъ разорилъ въ предыдущемъ году. „Сгорѣвшія деревянныя укрѣпленія“, говоритъ авторъ, „мигомъ замѣнены снѣговыми. Распоряженія Пугачева удивили князя Голицына, который не ожидалъ отъ него такихъ свѣдѣній въ военномъ искусствѣ“. Со времени побѣга своего на Волгу, безпрерывно разбиваемый Михельсономъ, онъ черезъ нѣсколько дней опять являлся предводителемъ сильнаго и стройнаго отряда. Однажды Михельсонъ, вдругъ увидѣвъ передъ собою войско Пугачева, не могъ вообразить, чтобъ это были остатки сволочи, разсѣянной наканунѣ, и принялъ его, какъ самъ говоритъ въ донесеніи, „за корпусъ генералъ-маіора Декалонга“. Признаться, и мы не можемъ вообразить, какъ происходили эти превращенія, которыя уже выходятъ изъ предѣловъ дарованій и довольно похожи на волшебство. Должно полагать, что авторъ не имѣлъ достаточно данныхъ для того, чтобы объяснить ихъ. Мы приведемъ свѣдѣнія, представляемыя исторіею бунта, объ устройствѣ силъ самозванца и картину главной его квартиры въ ноябрѣ, 1774 [12]).

„Характеръ этого грубаго изверга представляетъ весьма странную смѣсь неслыханной природной жестокости и мгновенныхъ проблесковъ чувства. По взятіи Ильинской крѣпости, гдѣ погибъ маіоръ Заевъ, почти всѣ его офицеры и двѣсти солдатъ, мятежники погнали остальныхъ въ ближнюю татарскую деревню [13]).

---

9) Слѣдуетъ выписка изъ главы V: „Его прибытіе (капитана Симонова) оживило... Такимъ образомъ обреченъ былъ смерти и четырехъ-лѣтній ребенокъ, впослѣдствіи славный Крыловъ“!

10) Слѣдуетъ выписка изъ главы IV объ Оренбургской осадѣ: „Рейнсдорпъ требовалъ съѣстныхъ припасовъ... совѣтуя покориться самозванцу“ и „Положеніе Оренбурга становилось ужаснымъ... Опасались мятежа“.

11) Слѣдуетъ выписка изъ главы V: „Девятаго марта... отправлены въ Оренбургъ“.

12) Слѣдуетъ выписка изъ главы III: „Войско его состояло уже... подхвативъ его лошадь подъ узды“.

13) Слѣдуетъ выписка изъ главы IV: „Плѣнные солдаты... остричь по-казацки“.

„Въ Казани привели къ нему реформатскаго пастора. Разбойникъ узналъ въ немъ того самаго сострадательнаго человѣка, который прежде давалъ ему милостыню, когда онъ ходилъ въ оковахъ по улицамъ Казани, ожидая утвержденія приговора къ кнуту и каторгѣ за воровство и убійства. Онъ не только пощадилъ жизнь его, но еще посадилъ его на коня, пожаловалъ въ свои полковники, и увелъ съ собою. Пасторъ едва черезъ нѣсколько дней успѣлъ отдѣлаться отъ его благодарности и возвратиться въ Казань. Но подлѣ этой черты благодарности, гдѣ онъ забывалъ даже принятое на себя званіе, должно тотчасъ поставить двѣ противоположныя черты,—одну истинно турецкаго коварства въ мести, когда онъ велѣлъ тайно задушить своего вѣрнаго пріятеля, Лысова, съ которымъ поссорился напьянѣ, потомъ примирился и пилъ дружески еще за нѣсколько часовъ до его казни, — другую холоднаго и насмѣшливаго звѣрства въ поступкѣ съ злополучнымъ астрономомъ Ловицемъ. Онъ нашелъ его на южной Волгѣ, и сталъ разспрашивать, въ чемъ именно состоитъ званіе астронома. Ловицъ объяснилъ, что онъ по званію своему, занимается исчисленіемъ звѣздъ. Пугачевъ, въ отвѣтъ, велѣлъ повѣсить его „поближе къ звѣздамъ“.

„Авторъ, въ приложеніяхъ къ первому тому, помѣстилъ отысканный имъ списокъ всѣхъ извѣстнѣйшихъ жертвъ свирѣпости этого злодѣя и его сообщниковъ.

„Мы замѣтили между разсказываемыми подробностями событія два анекдота, относящіеся къ юности знаменитаго Державина, и выпишемъ ихъ здѣсь, несмотря на разительное несходство ихъ между собою. Въ первомъ случаѣ, обнаруживающемъ удивительную смѣлость и присутствіе духа, онъ былъ еще подпоручикомъ [14]).

„Спустя пять мѣсяцевъ Державинъ былъ уже поручикъ гвардіи [15]).

„Мы желали бъ еще предложить нашимъ читателямъ прекрасное своей простотою и живостью описаніе бѣдствія Казани, взятой мятежниками, но боимся, чтобы, умножая выписки, не исчерпать всего сочиненія, и заключимъ ихъ допросомъ пойманнаго Пугачева, въ Симбирскѣ [16]).

„Мы нашли въ „Исторіи Пугачевскаго бунта“ слишкомъ много любопытнаго и занимательнаго, чтобъ за удовольствіе, доставленное намъ и нашимъ читателямъ, заплатить ея сочинителю, неблагодарностью, упреками; и только мимоходомъ изъявимъ наше сожалѣніе о нѣкоторыхъ неправильностяхъ языка и небрежностяхъ слога, оставшихся случайно подъ перомъ автора и забытыхъ его внимательностью. Кому жъ и учить насъ образцовой чистотѣ русскаго языка и изящности выраженій, если не автору „Исторіи Пугачевскаго бунта“?

Таковъ отзывъ о языкѣ „Исторіи Пуг. бунта“ въ журналѣ Сенковскаго, имѣвшаго претензію усовершенствовать русскій литературный языкъ.

Бѣлинскій (1846), напротивъ, именно языкъ „Исторіи“ признаетъ образцовымъ. „Этотъ историческій опытъ“, писалъ онъ, „образцовое произведеніе и со стороны исторической и со стороны слога. Въ послѣднемъ отношеніи Пушкинъ вполнѣ достигъ того, къ чему Карамзинъ только стремился....“

---

14) Слѣдуетъ первый анекдотъ изъ главы V: „Державинъ, начальствуя... и сборище разбѣжалось“.

15) Слѣдуетъ второй анекдотъ изъ главы VIII: „Узнавъ о взятіи Пензы... осмѣяннаго имъ Бошняка“.

16) Слѣдуетъ выписка объ этомъ допросѣ изъ главы VIII: „Пугачева привезли прямо на дворъ къ гр. Панину... просилъ помилованія“.

Изъ отзывовъ журналистики, современной появленію труда Пушкина, вызвала его отвѣтъ статья Броневскаго, напечатанная въ январьской книгѣ „Сына Отечества и Сѣвернаго Архива" 1835 г. № 3. Отвѣтъ этотъ и рецензію Броневскаго см. ниже, вслѣдъ за „Исторіей".

Самъ Пушкинъ отзывался такъ о трудѣ своемъ въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву отъ 26 апр. 1835 г.: „Приношу искреннюю мою благодарность вашему в-пр. за ласковое слово и за утѣшительное одобреніе моему историческому отрывку. Его побраниваютъ, и по-дѣломъ: я писалъ его для себя, не думая, чтобъ могъ напечатать, и старался только объ одномъ ясномъ изложеніи происшествій, довольно запутанныхъ. Читатели любятъ анекдоты, черты мѣстности и пр., а я все это отбросилъ въ примѣчанія. Что касается до тѣхъ мыслителей, которые негодуютъ на меня за то, что Пугачевъ представленъ у меня Емелькою Пугачевымъ, а не Байроновымъ Ларою, то охотно отсылаю ихъ къ г. Полевому, который вѣроятно за сходную цѣну возьмется идеализировать это лицо по самому послѣднему фасону". Пушкинъ называетъ описанный имъ эпизодъ „отвратительно-ужасною исторіею" (пис. къ А. А. Фуксъ отъ 19 окт. 1834).

Имѣя въ виду, что повѣствованіе Пушкина мѣстами заключаетъ фактическія неточности и для современнаго читателя требуетъ исправленій и дополненій, здѣсь прилагаются въ выноскахъ (въ 2 колонны) необходимыя для того выдержки изъ новѣйшаго труда Н. Дубровина „Пугачевъ и его сообщники, по неизданнымъ источникамъ", (Спб., 1884, 3 тома), написаннаго по источникамъ, изъ которыхъ многіе не были Пушкину извѣстны. Мѣстами приводимъ краткія извлеченія изъ книги г. Дубровина и для освѣщенія крайне сжато разсказанныхъ Пушкинымъ военныхъ дѣйствій, дабы облегчить читателю пониманіе сообщаемыхъ событій.

Изъ примѣчаній Пушкина (здѣсь напечатанныхъ подъ текстомъ въ одну колонну) мы сохраняемъ тѣ, которыя представляютъ необходимыя объясненія къ тексту, указывая источникъ, или разъясняя значеніе словъ и географическое положеніе упоминаемыхъ въ текстѣ мѣстностей или же важныя обстоятельства военныхъ дѣйствій. Опущены лишь тѣ пространныя выписки изъ источниковъ, которыя имѣютъ уже значеніе самостоятельныхъ статей (напр. изъ книгъ Левшина, о. Іоакинѳа и др.), если тамъ не разъясняется какое-нибудь существенное явленіе изображаемой въ „Исторіи" народной жизни (напр. о казацкихъ кругахъ). Изъ приложеній Пушкина также сохранены важнѣйшіе документы, имѣющіе общій интересъ; опущены лишь тѣ изъ нихъ, которые заключаютъ мелочные факты. Лѣтопись Рычкова опущена по своему размѣру, но сдѣлано сличеніе съ нею изложенія Пушкина.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сей историческій отрывокъ составлялъ часть труда, мною оставленнаго. Въ немъ собрано все, что было обнародовано правительствомъ касательно Пугачева, и то, что показалось мнѣ достовѣрнымъ въ иностранныхъ писателяхъ, говорившихъ о немъ. Также имѣлъ я случай пользоваться нѣкоторыми рукописями, преданіями и свидѣтельствомъ живыхъ.

Дѣло о Пугачевѣ, донынѣ нераспечатанное, находилось въ государственномъ санктпетербургскомъ архивѣ, вмѣстѣ съ другими важными бумагами, нѣкогда тайнами государственными, нынѣ превращенными въ историческіе матеріалы. Государь Императоръ, по сво-

емъ восшествіи на престолъ, приказалъ привести ихъ въ порядокъ. Сіи сокровища вынесены были изъ подваловъ, гдѣ нѣсколько наводненій посѣтило ихъ и едва не уничтожило.

Будущій историкъ, коему позволено будетъ распечатать дѣло о Пугачевѣ, легко исправитъ и дополнитъ мой трудъ — конечно, несовершенный, но добросовѣстный. Историческая страница, на которой встрѣчаются имена Екатерины, Румянцова, двухъ Паниныхъ, Суворова, Бибикова, Михельсона и Державина, не должна быть затеряна для потомства.

2-го ноября 1833.
Село Болдино.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Мнѣ кажется, сего вора всѣхъ замысловъ и похожденій не только посредственному, но ниже самому превосходнѣйшему историку порядочно описать едва ли бы удалось,—коего всѣ затѣи не отъ разума и воинскаго распорядка, но отъ дерзости, случая и удачи зависѣли. Почему и самъ Пугачевъ (думаю) подробностей оныхъ не только разсказать, но нарочитой части припомнить не въ состояніи, поелику не отъ его одного непосредственно, но отъ многихъ его сообщниковъ полной воли и удальства въ разныхъ вдругъ мѣстахъ происходили.

Архимандритъ Платонъ Любарскій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Начало яицкихъ казаковъ.—Поэтическое преданіе.—Царская грамота.—Грабежи на Каспійскомъ морѣ. — Стенька Разинъ. — Нечай и Шамай. — Предположенія Петра Великаго.—Внутреннія безпокойства.—Побѣгъ кочующаго народа.—Бунтъ яицкихъ казаковъ.—Ихъ усмиреніе.

Яикъ, по указу Екатерины II переименованный въ Уралъ, выходитъ изъ горъ, давшихъ ему нынѣшнее его названіе; течетъ къ югу вдоль ихъ цѣпи до того мѣста, гдѣ нѣкогда положено было основаніе Оренбургу и гдѣ теперь находится Орская крѣпость; тутъ, раздѣливъ каменистый хребетъ ихъ, поворачиваетъ на западъ [1]) и, протекши болѣе двухъ тысячъ пятисотъ верстъ, впадаетъ въ Каспійское море. Онъ орошаетъ часть Башкиріи, составляетъ почти всю юго-восточную границу Оренбургской губерніи; справа примыкаютъ къ нему заволжскія степи; слѣва простираются печальныя пустыни, гдѣ кочуютъ орды дикихъ племенъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ киргизъ-кайсаковъ. Его теченіе быстро; мутныя воды наполнены рыбою всякаго рода; берега большею частію глинистые, песчаные и безлѣсные, но въ мѣстахъ поемныхъ удобные для скотоводста. Близъ устья обросъ онъ высокимъ камышемъ, гдѣ кроются кабаны и тигры.

На сей-то рѣкѣ, въ XV столѣтіи, явились донскіе казаки, разъѣзжавшіе по Хвалынскому морю *). Они зимовали на ея берегахъ, въ

---

*) Нѣкоторые изъ ученыхъ яицкихъ казаковъ почитаютъ себя потомками стрѣльцовъ. Мнѣніе сіе не безъ основанія, какъ увидимъ ниже. Самыя удовлетво-

---

1) Пушкинъ не упоминаетъ о слѣдующемъ затѣмъ поворотѣ Урала на югъ (близъ Уральска). Длина Урала у Пушкина указана не вѣрно вслѣд-

то время еще покрытыхъ лѣсомъ и безопасныхъ по своему уединенію; весною снова пускались въ море, разбойничали до глубокой осени и къ зимѣ возвращались на Яикъ. Подаваясь все вверхъ съ одного мѣста на другое, наконецъ они избрали себѣ постояннымъ пребываніемъ урочище Коловратное, въ шестидесяти верстахъ отъ нынѣшняго Уральска.

Въ сосѣдствѣ новыхъ поселенцевъ кочевали нѣкоторыя татарскія семейства, отдѣлившіяся отъ улусовъ Золотой Орды и искавшія привольныхъ пажитей на берегахъ того же Яика. Сначала оба племени враждовали между собою, но въ послѣдствіи времени вошли въ дружелюбныя сношенія: казаки стали получать женъ изъ татарскихъ улусовъ. Сохранилось поэтическое преданіе: казаки, страстные къ холостой жизни, положили между собой убивать приживаемыхъ дѣтей, а женъ бросать при выступленіи въ новый походъ. Одинъ изъ ихъ атамановъ, по имени Гугня, первый преступилъ жестокій законъ, пощадивъ молодую жену, и казаки, по примѣру атамана, покорились игу семейственной жизни. Донынѣ, просвѣщенные и гостепріимные жители, уральскихъ береговъ пьютъ на своихъ пирахъ здоровье бабушки Гугнихи [2]).

Живя набѣгами, окруженные непріязненными племенами, казаки чувствовали необходимость въ сильномъ покровительствѣ, и въ царствованіе Михаила Өеодоровича послали отъ себя въ Москву просить государя, чтобъ онъ принялъ ихъ подъ свою высокую руку. Поселеніе казаковъ на безхозяйномъ Яикѣ могло казаться завоеваніемъ, коего важность была очевидна. Царь обласкалъ новыхъ подданныхъ и пожаловалъ имъ грамоту **) на рѣку Яикъ, отдавъ имъ ее отъ вершины до устья и дозволя имъ набираться на житье вольными людьми.

Число ихъ часъ отъ часу умножалось. Они продолжали разъѣзжать по Каспійскому морю, соединялись тамъ съ донскими казаками, вмѣстѣ нападали на торговыя персидскія суда и грабили приморскія селенія. Шахъ жаловался царю. Изъ Москвы посланы были на Донъ и на Яикъ увѣщевательныя грамоты.

рительныя изслѣдованія о первоначальномъ поселеніи яицкихъ казаковъ находимъ мы въ Историческомъ и статистическомъ обозрѣніи уральскихъ казаковъ, сочиненіи А. И. Левшина, отличающемся, какъ и прочія произведенія автора, истинною ученостію и здравой критикою.

Далѣе Пушкинъ приводитъ выписки изъ сочиненія Левшина.

**) Грамота сія не сохранилась. Старые казаки говорили Рычкову, что оная сгорѣла во время бывшаго пожара. „Не только сія грамота“, говоритъ Левшинъ, „безъ которой нельзя точно опредѣлить начала подданства уральскихъ казаковъ Россіи, но и многія другія, данныя царями Михаиломъ Өеодоровичемъ, Алексѣемъ Михайловичемъ и Өеодоромъ Алексѣевичемъ, сгорѣли. Древнѣйшій и единственный актъ, найденный Неплюевымъ въ яицкой войсковой избѣ, была грамота царей Петра и Іоанна Алексѣевичей 1684 года, гдѣ упоминается о прежнихъ службахъ войска со временъ Михаила“.

ствіе неимѣнія точныхъ о томъ свѣдѣній. Нынѣ, по измѣренію генерала Стрѣльбицкаго, длина Урала принимается въ 2328 километровъ, или 2181 версту.

[2]) Пушкинъ ссылается здѣсь на „баснословіе Рычкова“ въ его Оренбургской Исторіи.

Казаки на лодкахъ, еще нагруженныхъ добычею, поѣхали Волгою въ Нижній Новгородъ; оттолѣ отправились въ Москву и явились ко двору съ повинною головою, каждый неся топоръ и плаху. Имъ велѣно было ѣхать въ Польшу и подъ Ригу заслуживать тамъ свои вины; а на Яикъ посланы были стрѣльцы, въ послѣдствіи времени составившіе съ казаками одно племя.

Стенька Разинъ посѣтилъ яицкія жилища. По свидѣтельству лѣтописей, казаки приняли его какъ непріятеля. Городокъ ихъ былъ взятъ симъ отважнымъ мятежникомъ, а стрѣльцы, тамъ находившіеся, побиты или потоплены ***).

Преданіе, согласное съ татарскимъ лѣтописцемъ, относитъ къ тому же времени походы двухъ яицкихъ атамановъ: Нечая и Шамая. Первый, набравъ вольницу, отправился въ Хиву, въ надеждѣ на богатую добычу. Счастіе ему благопріятствовало. Совершивъ трудный путь, казаки достигли Хивы. Ханъ съ войскомъ своимъ находился тогда на войнѣ. Нечай овладѣлъ городомъ безъ всякаго препятствія, но зажился въ немъ и поздно выступилъ въ обратный походъ. Обремененные добычею, казаки были настигнуты возвратившимся ханомъ и на берегу Сыръ-Дарьи разбиты и истреблены. Не болѣе трехъ возвратилось на Яикъ, съ объявленіемъ о погибели храбраго Нечая. Нѣсколько лѣтъ послѣ, другой атаманъ, по прозванію Шамай, пустился по его слѣдамъ. Но онъ попался въ плѣнъ степнымъ калмыкамъ, а казаки его отправились далѣе, сбились съ дороги, на Хиву не попали, и пришли къ Аральскому морю, на которомъ принуждены были зимовать. Ихъ постигнулъ голодъ. Несчастные бродяги убивали и ѣли другъ друга. Большая часть погибла. Остальные послали отъ себя къ хивинскому хану просить, чтобъ онъ ихъ принялъ и спасъ отъ голодной смерти. Хивинцы пріѣхали за ними, забрали всѣхъ и отвели рабами въ свой городъ. Тамъ они и пропали. Шамай же, нѣсколько лѣтъ послѣ, привезенъ былъ калмыками въ яицкое войско, вѣроятно, для размѣна. Съ тѣхъ поръ у казаковъ охота къ дальнимъ походамъ охладѣла. Они мало по малу привыкли къ жизни семейной и гражданственной.

Яицкіе казаки послушно несли службы по наряду московскаго приказа, но дома сохраняли первоначальный образъ управленія своего. Совершенное равенство правъ; атаманы и старшины, избираемые народомъ, временные исполнители народныхъ постановленій; круги, или совѣщанія, гдѣ каждый казакъ имѣлъ свободный голосъ, и гдѣ всѣ общественныя дѣла рѣшены были большинствомъ голосовъ; никакихъ письменныхъ постановленій; въ куль да въ воду — за измѣну, трусость, убійство и воровство: таковы главныя черты сего управленія ****). Къ простымъ и грубымъ учрежденіямъ, еще

***) Левшинъ справедливо замѣчаетъ, что царскіе стрѣльцы вѣроятно помѣшали яицкимъ казакамъ принять участіе въ возмущеніи Разина. Какъ бы то ни было, нынѣшніе уральскіе казаки не терпятъ имени его, и слова Разина порода почитаются у нихъ за жесточайшую брань.

****) Смотри статью г-на С.: О внутреннемъ состояніи донскихъ казаковъ въ концѣ XVI столѣтія, напечатанную въ Соревнователѣ Просвѣщенія 1824 года. Вотъ что пишетъ г. Левшинъ о казацкихъ кругахъ:

принесеннымъ ими съ Дона, яицкіе казаки присовокупляли и другія, мѣстныя, относящіяся къ рыболовству, главному источнику ихъ богатства, и къ праву нанимать на службу требуемое число казаковъ, учрежденія чрезвычайно сложныя и опредѣленныя съ величайшею утонченностію *****).

Петръ Великій принялъ первыя мѣры для введенія яицкихъ казаковъ въ общую систему государственнаго управленія. Въ 1720 году яицкое войско отдано было въ вѣдомство военной коллегіи. Казаки возмутились, сожгли свой городокъ, съ намѣреніемъ бѣжать въ киргизскія степи, но были жестоко усмирены полковникомъ Захаровымъ. Сдѣлана была имъ перепись, опредѣлена служба и назначено жалованье. Государь самъ назначилъ войсковаго атамана.

Въ царствованіе Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны правительство хотѣло исполнить предположенія Петра. Тому благопріятствовали возникшіе раздоры между войсковымъ атаманомъ Меркульевымъ и войсковымъ старшиною Логиновымъ, и раздѣленіе чрезъ то казаковъ на двѣ стороны: атаманскую и логиновскую, или народную. Въ 1740 году положено было преобразовать внутреннее управленіе яицкаго войска, и Неплюевъ, бывшій въ то время оренбургскимъ губернаторомъ, представилъ въ военную коллегію проектъ новаго учрежденія; но большая часть предположеній и предписаній

„Коль-скоро, бывало, получится какой-нибудь указъ, или случится какое-нибудь общее войсковое дѣло, то на колокольнѣ соборной церкви бьютъ сполохъ, или повѣстку, дабы всѣ казаки сходились на сборное мѣсто къ войсковой избѣ, или приказу (что нынѣ канцелярія войсковая), гдѣ ожидаетъ ихъ войсковой атаманъ. Когда соберется довольно много народа, то атаманъ выходитъ къ оному изъ избы на крыльцо съ серебряною позолоченною булавою: за нимъ съ жезлами въ рукахъ есаулы, которые тотчасъ идутъ въ средину собранія, кладутъ жезлы и шапки на землю, читаютъ молитву и кланяются сперва атаману, а потомъ на всѣ стороны окружающимъ ихъ казакамъ. Послѣ того берутъ они жезлы и шапки въ руки, подходятъ къ атаману, принимая отъ него приказанія, возвращаются къ народу и громко привѣтствуютъ оный сими словами: Помолчите, атаманы молодцы и все великое войско яицкое! А наконецъ, объявивъ дѣло, для котораго созвано собраніе, вопрошаютъ: любо ль, атаманы молодцы? Тогда со всѣхъ сторонъ или кричатъ: любо, или подымаются ропотъ и крики не любо. Въ послѣднемъ случаѣ атаманъ самъ начиналъ увѣщевать несогласныхъ, объясняя дѣло и исчисляя пользы онаго. Если казаки были имъ довольны, то убѣжденія его часто дѣйствовали; въ противномъ случаѣ никто не внималъ ему, и воля народа исполнялась". (Историч. и статист. обозрѣніе уральскихъ казаковъ).

*****) Уральское казачье войско, также какъ и всѣ казаки, не платитъ государству податей, но оно несетъ службу и обязано во всякое время по первому требованію выставлять на свой счетъ опредѣленное число одѣтыхъ и вооруженныхъ конныхъ воиновъ; а въ случаѣ нужды всѣ считающіеся на службѣ должны выступить въ походъ. Теперь служащихъ казаковъ въ уральскомъ войскѣ 12 полковъ. Изъ нихъ одинъ въ Илецкой и одинъ въ Сакмарской станицахъ. Сіи оба полка, какъ не участвующіе въ богатыхъ рыбныхъ промыслахъ уральскихъ, не участвуютъ и въ нарядѣ казаковъ въ армію, но отправляютъ только линейную службу, т. е. оберегаютъ границу отъ киргизовъ. Остальные 10 полковъ, считающіеся на службѣ, но дѣйствительно не служащіе, выставляютъ на свой счетъ полки въ армію и стражу на Линію, по всему пространству земель своихъ до Каспійскаго моря. Какъ первая, такъ и вторая служба несутся не по очереди, но по найму, за деньги. При первомъ повелѣніи правительства о нарядѣ одного или нѣсколькихъ полковъ дѣлается расклад-

остались безъ исполненія до восшествія на престолъ государыни Екатерины II.

Съ самаго 1762 года стороны логиновской яицкіе казаки начали жаловаться на различныя притѣсненія, ими претерпѣваемыя отъ членовъ канцеляріи, учрежденной въ войскѣ правительствомъ: на удержаніе опредѣленнаго жалованья, самовольные налоги и нарушеніе старинныхъ правъ и обычаевъ рыбной ловли [3]). Чиновники, посылаемые къ нимъ для разсмотрѣнія ихъ жалобъ, не могли или не хотѣли ихъ удовлетворить. Казаки неоднократно возмущались, и генералъ-маіоры Потаповъ и Череповъ (первый въ 1766 году, а второй въ 1767) принуждены были прибѣгнуть къ силѣ оружія и къ ужасу казней. Въ Яицкомъ городкѣ учреждена была слѣдственная коммиссія. Въ ней присутствовали генералъ-маіоры Потаповъ, Череповъ, Брахвельдъ [4]) и Давыдовъ, и гвардіи капитанъ

ка: на сколько человѣкъ, считающихся въ службѣ, приходитъ поставить одного вооруженнаго, и потомъ каждый таковой участокъ общими силами нанимаетъ одного казака съ тѣмъ, чтобы онъ самъ себя и обмундировалъ и вооружилъ. Плата ему простирается рублей до 1000, до 1500 и болѣе; а за 10-мѣсячный походъ въ Бухарію для сопровожденія бывшей тамъ миссіи нашей, по неизвѣстности земель, платили по 2000 и даже до 3000 руб. каждому казаку. Тотъ, который въ случаѣ раскладки не можетъ за себя заплатить, самъ нанимается въ походъ. Иные, нанявшись, сдаютъ свою обязанность другимъ, иногда съ барышемъ для себя. Плата тѣмъ, кои нанимаются въ линейную стражу, самая малая, потому что они, имѣя въ форпостахъ и крѣпостяхъ свои собственные домы, скотоводство, мѣну и все имущество, невольно идутъ оберегать границу, хотя впрочемъ необходимость сія лишаетъ ихъ права участвовать въ общихъ рыбныхъ промыслахъ.

Обыкновеніе служить по найму, съ одной стороны повидимому несправедливое, потому что богатый всегда отъ службы избавленъ, а бѣдный всегда несетъ ее, съ другой стороны полезно: ибо—1-е, теперь всякій казакъ, выступающій въ походъ, имѣетъ возможность хорошо одѣться и вооружиться; 2-е, онъ, оставляя семейство свое, можетъ удѣлить оному довольно денегъ на содержаніе во время своей отлучки; 3-е, человѣкъ, занимающійся промысломъ какимъ-нибудь или работою, полезною для него и для другихъ, не принужденъ бросать занятій своихъ и невольно итти на службу, которую бы отправлялъ очень неисправно. Отставные казаки уже ни въ какихъ службахъ не участвуютъ, а потому и па рыбныя ловли безъ платы ѣздить не могутъ" (Историч. и статист. обозрѣніе уральскихъ казаковъ).

(Далѣе Пушкинъ приводитъ изъ той же книги описаніе рыбной ловли на Уралѣ.

---

[3]) Несогласія, возникшія въ войскѣ отъ злоупотребленій атамана и старшинъ, существовали съ давнихъ поръ, но особенно усилились съ 1752 г., когда Яицкое войско взяло на откупъ рыбные промыслы по теченію р. Яика и приняло на себя сборъ съ таможенъ, съ вина и тотъ доходъ, который правительство получало отъ продажи соленой рыбы. Обязавшись платить въ казну ежегодно 10.450 р. 63⅙ к. откупной суммы, войско поручило сборъ этихъ денегъ своему атаману Андрею Бородину. Пользуясь безграмотностію большинства, атаманъ употребилъ во зло довѣріе войска. (*Пугачевъ и его сообщники*, по неизданнымъ источникамъ Н. Дубровина. I т. I гл).

[4]) Пушкинъ здѣсь слѣдуетъ безпорядочному перечисленію Рычкова въ его лѣтописи. Приводимъ извѣстія о каждомъ лицѣ съ обозначеніемъ времени его дѣятельности въ Яицкомъ городкѣ. Генералъ-маіоръ Б р а х в е л ь д ъ (а не Бримфельдъ, какъ ошибочно печаталось во всѣхъ изданіяхъ) былъ назначенъ военной коллегіей въ 1762 г. предсѣдателемъ коммиссіи „для справедливѣйшаго изслѣдованія" тѣхъ безпорядковъ, на которые одновремен-

Чебышевъ [5]). Войской атаманъ Андрей Бородинъ былъ отставленъ; на его мѣсто выбранъ Петръ Тамбовцевъ; члены канцеляріи осуждены уплатить войску, сверхъ удержанныхъ денегъ, значительную пеню; но они умѣли избѣгнуть исполненія приговора [6]). Казаки не теряли надежды. Они покушались довести до свѣдѣнія самой

но приносились жалобы обѣими партіями яицкаго войска. — Члены этой коммиссіи были подкуплены атаманомъ Бородинымъ. Брахвельдъ донесъ, что всѣ безпорядки на Яикѣ происходятъ отъ „одного другъ противъ друга властолюбія", что хотя коммиссія „не безеумлѣнія состоитъ" въ излишнемъ сборѣ и употребленіи денегъ атаманомъ „якобы на войсковыя нужды", но, не находя въ войскѣ яицкомъ способнаго человѣка, спрашивала, какъ отрѣшить Бородина? Сенатъ предписалъ выборъ новаго атамана предоставить войску; но Брахвельдъ затягивалъ дѣло и явно склонялся на сторону атамана Бородина. Въ 1763 г. новая депутація, жалуясь на Бородина, просила и о смѣнѣ ген.-м. Брахвельда. На атамана Бородина жаловался въ то же время и киргизъ-кайсацкій Нуръ-Али-ханъ. Военная коллегія рѣшила отозвать Брахвельда.

Генералъ-маіоръ Иванъ Потаповъ былъ командированъ въ 1763 г. на мѣсто Брахвельда. Онъ произвелъ слѣдствіе безъ всякой „поноровки" и справедливо, отрѣшилъ Бородина отъ присутствія въ военной канцеляріи и отъ другихъ атаманскихъ обязанностей до рѣшенія слѣдственнаго дѣла. Но по требованію военной коллегіи и онъ не исполнилъ указа Сената о выборѣ новаго атамана. Должность атамана онъ поручилъ исполнять есаулу изъ Оренбургскаго войска. Онъ призналъ Бородина виновнымъ, а войсковую сторону правой. (Ibid).

Ген.-м. Череповъ замѣнилъ въ 1767 полковника Полозова, бывшаго въ тягость старшинамъ, но расположившаго къ себѣ войско. Онъ пробылъ 2 недѣли на Яикѣ, подпалъ подъ вліяніе старшинской партіи и грубо и жестоко поступалъ съ казаками. Войско отправило новую депутацію въ военную коллегію; не удовлетворенные военной коллегіею депутаты подали прошеніе самой императрицѣ. (Ibid).

[5]) Гвардіи капитанъ Чебышевъ былъ посланъ на Яикъ императрицей въ іюлѣ 1767 г. Не дождавшись рѣшенія коллегіи, которая все затягивала дѣло, императрица, чтобы скорѣе прекратить волненія на Яикѣ, рѣшилась отправить лично ей извѣстное лицо. Чебышевъ долженъ былъ управлять войскомъ вмѣсто атамана до тѣхъ поръ, пока не будутъ выбраны „согласными голосами" войска 3 кандидата для пожалованія одного изъ нихъ въ сію должность. Чебышеву удалось получить полное довѣріе войска, и казаки успокоились; но ему не удалось примирить враждующія партіи и достигнуть соглашенія въ выборѣ атамана. Войско въ прошеніи своемъ къ императрицѣ (23 сент. 1767 г.) предпочло отказаться навсегда отъ права избирать атамана и предоставляло это дѣло на усмотрѣніе императрицы. Военная коллегія, пользуясь тѣмъ, что изъ двухъ кандидатовъ, выбранныхъ казаками, Петръ Тамбовцевъ былъ принятъ обѣими партіями, утвердила его въ званіи атамана, Чебышевъ былъ отозванъ (1768 г.) (Ibid.)

Ген.-м. Давыдовъ былъ посланъ оренбургскимъ губернаторомъ и военной коллегіей въ 1770 г. для разбирательства безпорядковъ, возникшихъ при атаманѣ Тамбовцевѣ. Въ томъ же году императрица, снисходя къ прошенію войска, отправила на Яикъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка капитана Дурново. Оба они должны были составить новую слѣдственную коммиссію. Давыдовъ, будучи въ 1771 г. назначенъ губернаторомъ въ Бѣлгородъ, покинулъ Яикъ. Его замѣнилъ ген.-м. фонъ Траубенбергъ (30 дек. 1771 г.) (Ibid. гл. I и II).

[6]) Атаманъ Петръ Тамбовцевъ, будучи человѣкомъ слабаго характера, все болѣе и болѣе подпадалъ подъ власть старшинъ и обижалъ казаковъ войсковой стороны, изъ которой самъ вышелъ. Тамбовцевъ, по требованію военной коллегіи, отставалъ нарядъ казаковъ на службу *по очереди*, а казаки признавали только службу *по найму*. Когда казаки отказались выбрать для легіонной команды (см. ниже вып. 8) людей, Тамбовцевъ приказалъ хватать кого попало, „сколько бы съ которой сотни и десятка ни прилучилось": при этомъ, по его приказанію, казаковъ сѣкли и били безъ пощады (Ibid. I гл.)

императрицы справедливыя свои жалобы [7]). Но тайно посланные отъ нихъ люди были, по повелѣнію президента военной коллегіи графа Чернышова, схвачены въ Петербургѣ, заключены въ оковы и наказаны какъ бунтовщики. Между тѣмъ велѣно было нарядить нѣсколько сотъ казаковъ на службу въ Кизляръ. Мѣстное начальство воспользовалось и симъ случаемъ, дабы новыми притѣсненіями мстить народу за его сопротивленія. Узнали, что правительство имѣло намѣреніе составить изъ казаковъ гусарскіе эскадроны [8]), и что уже повелѣно брить имъ бороду. Генералъ-маіоръ Траубенбергъ, присланный для того въ Яицкій городокъ, навлекъ на себя народное негодованіе. Казаки волновались. Наконецъ въ 1771 году [9]) мятежъ обнаружился во всей своей силѣ.

Происшествіе, не менѣе важное, подало къ оному поводъ. Между Волгой и Яикомъ, по необозримымъ степямъ астраханскимъ и саратовскимъ, кочевали мирные калмыки, въ началѣ осьмнадцатаго столѣтія ушедшіе отъ границъ Китая подъ покровительство Бѣлаго царя. Съ тѣхъ поръ они вѣрно служили Россіи, охраняя южныя ея границы. Русскіе приставы, пользуясь ихъ простотою и отдаленностію отъ средоточія правленія, начали ихъ угнетать. Жалобы сего смирнаго и добраго народа не доходили до высшаго начальства: выведенные изъ терпѣнія, они рѣшились оставить Россію и тайно снеслись съ китайскимъ правительствомъ. Имъ не трудно было, не возбуждая подозрѣнія, прикочевать къ самому берегу Яика. И вдругъ, въ числѣ тридцати тысячъ кибитокъ, они перешли на другую сторону и потянулись по Киргизской степи къ предѣламъ прежняго отечества †). Правительство спѣшило удержать неожиданный побѣгъ. Яицкому войску велѣно было выступить въ погоню; но казаки (кромѣ весьма малаго числа) не послушались и явно отказались отъ всякой службы [10]).

---

†) Самымъ достовѣрнымъ и безпристрастнымъ извѣстіемъ о побѣгѣ калмыковъ обязаны мы отцу Іакинѳу, коего глубокія познанія и добросовѣстные труды разлили столь яркій свѣтъ на сношенія наши съ Востокомъ. (Далѣе у Пушкина слѣдуетъ отрывокъ „изъ неизданной книги о. Іакинѳа о калмыкахъ").

[7]) Казацкіе депутаты, всегда не удовлетворяемые военной коллегіей и гонимые гр. Чернышевымъ, добивались вниманія императрицы, подавая ей лично свои прошенія. Императрица вникала въ ихъ просьбы и не разъ удовлетворяла ихъ. Какъ въ 1767 г. былъ отправленъ ею Чебышевъ, такъ въ 1770 г. былъ посланъ ею же Дурново для устройства дѣлъ войска. (Ibid).

[8]) Развитіе военныхъ дѣйствій и обширность театра войны нашей съ Турціей требовали увеличенія числа полевыхъ войскъ, и гр. Чернышеву пришла мысль сформировать двѣ самостоятельныя части войскъ и назвать ихъ *легіонами*. Въ 1769 г. военная коллегія поручила яицкому войску назначить 334 человѣка для легіонной команды (а не въ гусарскіе эскадроны). Цыфра эта совпала съ числомъ солдатъ, замерзшихъ и умершихъ при посылкѣ войскъ изъ Оренбурга по требованію Черепова (1767 г.), и казаки припоминали слова оренб. губернатора, что „съ виновныхъ взыщется толикое же число людей". Казаки заподозрили, что правительство намѣрено обратить ихъ въ солдатъ и завести „регулярство". Это распоряженіе взволновало войско. (Ibid).

[9]) Мятежъ вспыхнулъ въ 1772 г., а не въ 1771 г. (какъ могъ читать Пушкинъ и у Рычкова § 5).

[10]) Депутаты яицкаго войска запаслись въ Петербургѣ копіей съ указа императрицы (указъ 7 дек. 1770 г.); копія эта, будучи не вѣрна, усилила волненіе казаковъ. Когда Давыдовъ и поз

Тамошніе начальники прибѣгнули къ строжайшимъ мѣрамъ для прекращенія мятежа; но наказанія уже не могли смирить ожесточенныхъ. 13 января 1771 года [11]) они собрались на площади, взяли изъ церкви иконы и пошли, подъ предводительствомъ казака Кирпичникова[12]), въ домъ гвардіи капитана Дурново, находившагося въ Яицкомъ городкѣ по дѣламъ слѣдственной коммиссіи. Они требовали отрѣшенія членовъ канцеляріи и выдачи задержаннаго жалованья. Генералъ-маіоръ Траубенбергъ пошелъ имъ навстрѣчу съ войскомъ и пушками, приказывая разойтиться; но ни его повелѣнія, ни увѣщанія войсковаго атамана не имѣли никакого дѣйствія. Траубенбергъ велѣлъ стрѣлять; казаки бросились на пушки. Произошло сраженіе; мятежники одолѣли. Траубенбергъ былъ убитъ у воротъ своего дома, Дурново израненъ, Тамбовцевъ повѣшенъ, члены канцеляріи посажены подъ стражу, а на мѣсто ихъ учреждено новое начальство.

Мятежники торжествовали. Они отправили отъ себя выборныхъ въ Петербургъ, дабы объяснить и оправдать кровавое происшествіе. Между тѣмъ генералъ-маіоръ Фрейманъ посланъ былъ изъ Москвы, для усмиренія, съ одною ротой гренадеръ и съ артиллеріей. Фрейманъ весною прибылъ въ Оренбургъ, гдѣ дождался слитія рѣкъ и, взявъ съ собою двѣ легкія полевыя команды и нѣсколько казаковъ, пошелъ къ Яицкому городку ††). Мятежники, въ числѣ трехъ тысячъ, выѣхали противъ него; оба войска сошлись въ семидесяти верстахъ отъ города. 3 и 4 іюня произошли жаркія сраженія. Фрей-

††) Полевыя команды состояли изъ 500 человѣкъ пѣхоты, конницы и артиллерійскихъ служителей. Въ 1775 году онѣ замѣнены были губернскими баталіонами.

же замѣнившій его Траубенбергъ съ Дурново потребовали командированія въ Кизляръ 500 казаковъ, на смѣну казакамъ, отбывшимъ свой срокъ службы, и погони за калмыками, то войско, ссылаясь на указъ императрицы, объявило, что не пойдетъ. Въ копіи, вмѣсто словъ: „увольняемъ ихъ вовсе отъ легіонной команды, *куда и съ* и впредь не наряжать“ — стояло: *никуда и съ* впредь не наряжать. (Ibid. I гл.)

[11]) Рѣзня началась и окончилась 13 января 1772 г.—(Ibid. II гл.) (У Рычкова *12* января 1772 г.).

[12]) Сотникъ Кирпичниковъ съ 23 товарищами былъ отправленъ въ Петербургъ депутатомъ отъ непослушной стороны (весною 1771 г.), когда, довѣряя невѣрной копіи съ указа императрицы (см. 10 вын.), казаки отказались отъ наряда команды въ Кизляръ и отъ погони за калмыками, а Давыдовъ и Дурново донесли объ ихъ непослушаніи военной коллегіи. Кирпичниковъ долженъ былъ испросить отъ имени всего яицкаго войска подтвержденія капитану Дурново скорѣе исполнить именной указъ со всѣми его послѣдствіями. Гр. Чернышевъ не принялъ челобитной на имя императрицы и толкнулъ ногою Кирпичникова, такъ что онъ упалъ. Казакамъ удалось подать прошеніе въ руки самой государыни. Не зная ничего о результатахъ своего прошенія, они прожили въ Петербургѣ съ 28 іюня по 6 дек. Узнавъ, что военная коллегія ихъ разыскиваетъ черезъ полицію и не велитъ держать на квартирахъ, „яко сущихъ злодѣевъ“, казаки сняли національный костюмъ и, переодѣвшись въ ямское платье, ждали резолюціи. Они ощущали недостатокъ въ пропитаніи, и 6 человѣкъ изъ нихъ были арестованы и биты плетьми; имъ обрили бороды, остригли волосы и ихъ отправили на службу въ полки. Тогда казаки вновь обратились къ императрицѣ. Но прежде, чѣмъ императрица могла узнать отъ депутатовъ подробности ихъ дѣла, большинство ихъ было отправлено въ Петропавловскую крѣпость. Кирпичниковъ обратился къ гр. Ив. Гр. Орлову съ просьбой о покровительствѣ. Орловъ не сочувствовалъ поступ-

манъ картечью открылъ себѣ дорогу. Мятежники прискакали въ свои домы, забрали женъ и дѣтей и стали переправляться черезъ рѣку Чаганъ, намѣреваясь бѣжать къ Каспійскому морю. Фрейманъ, вслѣдъ за ними вступившій въ городъ, успѣлъ удержать народъ угрозами и увѣщаніями. За ушедшими послана погоня, и почти всѣ были переловлены. Въ Оренбургѣ учредилась слѣдственная коммисія подъ предсѣдательствомъ полковника Неронова. Множество мятежниковъ было туда отправлено. Въ тюрьмахъ не достало мѣста. Ихъ разсадили по лавкамъ гостинаго и мѣноваго дворовъ. Прежнее казацкое правленіе было уничтожено. Начальство поручено яицкому коменданту подполковнику Симонову. Въ его канцеляріи повелѣно присутствовать войсковому старшинѣ Мартемьяну Бородину и старшинѣ (простому) Мостовщикову [13]). Зачинщики бунта наказаны были кнутомъ; около ста сорока человѣкъ сослано въ Сибирь; другіе отданы въ солдаты (NB всѣ бѣжали); остальные прощены и приведены ко вторичной присягѣ. Сіи строгія и необходимыя мѣры возстановили наружный порядокъ; но спокойствіе было ненадежно. „То ли еще будетъ!“ говорили прощенные мятежники: „такъ ли мы тряхнемъ Москвою“.—Казаки все еще были раздѣлены на двѣ стороны: согласную и несогласную (или, какъ весьма точно переводила слова сіи военная коллегія, на послушную и непослушную). Тайныя совѣщанія происходили по степнымъ уметамъ †††) и отдаленнымъ хуторамъ. Все предвѣщало новый мятежъ. Недоставало предводителя. Предводитель сыскался.

---

†††) Уметъ — постоялый дворъ.

камъ гр. Чернышева и далъ Кирпичникову письмо къ Дурново на Яикъ. 9-го января 1772 г. Кирпичниковъ вернулся въ Яицкій городокъ, гдѣ казаки на требованія Траубенберга отказывались отправить команду въ Кизляръ до возвращенія Кирпичникова. Депутаты объяснили казакамъ, что всѣ бѣды ихъ отъ гр. Чернышева, и что Траубенбергъ присланъ отъ него же и нанятъ старшинами, что государыня того не вѣдаетъ, и что если казаки за себя постоятъ, то она будетъ ими довольна. Онъ совѣтовалъ казакамъ требовать отъ Дурново отрѣшенія отъ должности старшинъ, взысканія съ нихъ штрафа и удовлетворенія войска жалованіемъ черезъ 3 дня; послѣ этого срока поступить воинскимъ отпоромъ. На требованіе Траубенберга явиться въ войсковую канцелярію и объявить, что̀ послѣдовало на челобитную депутатовъ, Кирпичниковъ отвѣтилъ отказомъ и бранью.—Волненіе усилилось, начался сходки, столкновенія враждующихъ партій, а попытки со стороны Дурново къ мирному исходу не увѣнчались успѣхомъ. Въ день же 13 января Кирпичниковъ, по изложенію Дубровина, теряется въ толпѣ и особой роли не играетъ.—Передъ войскомъ, съ образами, которые несли старики, шелъ впереди всѣхъ Шигаевъ, а не Кирпичниковъ. (Ibid. II гл). У Рычкова сказано, что Кирпичниковъ „больше другихъ *предводительствовалъ*“ мятежниками по убіеніи Траубенберга).

[13]) Въ помощь коменданту, полковнику) а не подполковнику, какъ у Пушкина согласно съ Рычковымъ) Симонову были назначены *старшины* Мартемьянъ Бородинъ и Мостовщиковъ; въ должность экзекутора—одинъ изъ оберъ-офицеровъ. Казачій кругъ былъ уничтоженъ, и въ набатъ бить запрещено навсегда. (Ibid. III гл.).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Появленіе Пугачева.—Бѣгство его изъ Казани.—Показанія Кожевникова.—Первые успѣхи самозванца.—Измѣна илецкихъ казаковъ.—Взятіе крѣпости Разсыпной.—Нурали-Ханъ.—Распоряженіе Рейнсдорпа.—Взятіе Нижне-Озерной.—Взятіе Татищевой.—Совѣтъ въ Оренбургѣ.—Взятіе Чернорѣченской.—Пугачевъ въ Сакмарскѣ.

Въ смутное сіе время по казацкимъ дворамъ шатался неизвѣстный бродяга, нанимаясь въ работники то къ одному хозяину, то къ другому, и принимаясь за всякія ремесла *). Онъ былъ свидѣтелемъ усмиренія мятежа и казни зачинщиковъ, уходилъ на время въ иргизскіе скиты; оттуда, въ концѣ 1772 года, посланъ былъ для закупки рыбы въ Яицкой городокъ, гдѣ и стоялъ у казака Дениса Пьянова [1]). Онъ отличался дерзостію своихъ рѣчей, поносилъ начальство и подговаривалъ казаковъ бѣжать въ области турецкаго султана; онъ увѣрялъ, что и донскіе казаки не замедлятъ за нимъ послѣдовать, что у него на границѣ заготовлено двѣсти тысячъ рублей и товару на семьдесятъ тысячъ, и что какой-то паша, тотчасъ по приходѣ казаковъ, долженъ имъ выдать до пяти милліоновъ; покамѣстъ обѣщалъ онъ каждому по двѣнадцати рублей въ мѣсяцъ жалованья. Сверхъ того сказывалъ онъ, будто бы противу яицкихъ казаковъ изъ Москвы идутъ два полка, и что около Рождества или Крещенія непремѣнно будетъ бунтъ. Нѣкоторые изъ послушныхъ хотѣли его поймать и представить, какъ возмутителя, въ комендантскую канцелярію, но онъ скрылся вмѣстѣ съ Денисомъ Пьяновымъ [2]) и былъ пойманъ уже въ селѣ Малыковкѣ (что нынѣ Вольскъ), по указанію крестьянина, ѣхавшаго съ нимъ одною дорогой **).

*) Пугачевъ на хуторѣ Шелудякова косилъ сѣно. Въ Уральскѣ жила еще старая казачка, носившая черевики его работы. Однажды, нанявшись копать гряды въ огородѣ, вырылъ онъ четыре могилы. Сіе обстоятельство истолковано было послѣ, какъ предзнаменованіе его участи.

**) Малыковскихъ управительскихъ дѣлъ земскій Трофимъ Герасимовъ и Мечетной слободы смотритель Ѳедотъ Ѳаддеевъ, и сотникъ Сергѣй Протопоповъ, въ бытность его въ Мечетной слободѣ письменно объявили: Мечетной слободы крестьянинъ Семенъ Филиповъ былъ въ Яицкѣ за покупкою хлѣба, а ѣхалъ оттуда съ раскольникомъ Емельяномъ Ивановымъ. Сей въ городкѣ Яицкѣ подговаривалъ казаковъ бѣжать на рѣку Лобу, къ турецкому султану, обѣщая по 12 рублей жалованья на человѣка, объявляя, что у него на границѣ оставлено до 200 тысячъ рублей, да товару на 70 тыс., а по приходѣ ихъ паша-де дастъ имъ до пяти милліоновъ. Нѣкоторые казаки хотѣли было его связать и отвести въ комендантскую канцелярію, но онъ-де скрылся и находился вѣроятно въ селѣ Малыковкѣ.

Вслѣдствіе сего, вышедшій изъ-за польской границы съ даннымъ съ Добрянскаго форпосту паспортомъ для опредѣленія на жительство по рѣкѣ Иргизу,

[1]) Впервые Пугачевъ былъ въ Яицкомъ городкѣ 22 ноября 1772 г.: прибылъ туда съ Иргиза, гдѣ слышалъ о волненіяхъ и неудовольствіяхъ яицкихъ казаковъ и надѣялся подговорить ихъ выселиться на рѣку Кубань и сдѣлаться ихъ атаманомъ. Еще ранѣе онъ пытался сдѣлаться атаманомъ на Терекѣ, но это ему неудалось и осталось завѣтной мечтой (Id. I т. V и VI гл.).

[2]) По отъѣздѣ Пугачева изъ Яицкаго городка, распространился слухъ, что у Пьянова былъ какой-то великій человѣкъ. Слухъ дошелъ до коменданта, и онъ приказалъ арестовать Пьянова, но послѣдній успѣлъ бѣжать. (Id. VIII гл.).

Сей бродяга былъ Емельянъ Пугачевъ, донской казакъ и раскольникъ [3]), пришедшій съ ложнымъ письменнымъ видомъ изъ-за польской границы, съ намѣреніемъ поселиться на рѣкѣ Иргизѣ, посреди тамошнихъ раскольниковъ. Онъ былъ отосланъ подъ стражею въ Симбирскъ, а оттуда въ Казань; и какъ все относящееся къ дѣламъ яицкаго войска, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, могло казаться важнымъ, то оренбургскій губернаторъ и почелъ за нужное увѣдомить о томъ государственную военную коллегію донесеніемъ отъ 18 января 1773 года.

Яицкіе бунтовщики были тогда не рѣдки, и казанское начальство не обратило большаго вниманія на присланнаго преступника. Пугачевъ содержался въ тюрьмѣ не строже прочихъ невольниковъ. Между тѣмъ сообщники его не дремали. Однажды онъ подъ стражею двухъ гарнизонныхъ солдатъ ходилъ по городу для собиранія милостыни. У Замочной Рѣшетки (такъ называлась одна изъ главныхъ казанскихъ улицъ) стояла готовая тройка. Пугачевъ, подошедъ къ ней, вдругъ оттолкнулъ одного изъ солдатъ, его сопровождавшихъ; другой помогъ колоднику сѣсть въ кибитку и вмѣстѣ съ нимъ ускакалъ изъ города. Это случилось 19 іюня 1773 года [4]).

раскольникъ Емельянъ Ивановъ былъ найденъ и приведенъ ко управительскимъ дѣламъ выборнымъ Митрофаномъ Ѳедоровымъ и Филаретова раскольничьяго скита инокомъ Филаретомъ, и крестьяниномъ Мечетной слободы Степаномъ Васильевымъ съ товарищи—оказался подозрителенъ, битъ кнутомъ; а въ допросѣ показалъ: что онъ зимовейскій служилый казакъ Емельянъ Ивановъ Пугачевъ, отъ роду 40 лѣтъ; съ той станицы бѣжалъ великимъ постомъ сего 72 года въ слободу Ветку за границу, жилъ тамъ недѣль 15, явился на Добрянскомъ форпостѣ, гдѣ сказался вышедшимъ изъ Польши, и въ августѣ мѣсяцѣ, высидѣвъ тутъ 6 недѣль въ карантинѣ, пришелъ въ Яицкъ и стоялъ съ недѣлю у казака Дениса Степанова Пьянова. А все-де говорилъ онъ пьяный, а объ подданствѣ султану и встрѣчѣ съ пашею и 5 мил. не говаривалъ,—а имѣлъ-де онъ намѣреніе въ симбирскую провинціальную канцелярію явиться для опредѣленія къ жительству на рѣкѣ Иргизѣ. По резолюціи дворцовыхъ дѣлъ былъ онъ отправленъ подъ карауломъ съ мужиками малыковскими, а сообщеніе въ комендантскую канцелярію, учрежденную въ городѣ Яицкѣ 19 декабря 1772. (Промеморія отъ дворцовыхъ малыковскихъ дѣлъ въ комендантскую канцелярію, учрежденную въ городѣ Яицкѣ, декабря 18, 1772 года, поданная смотрителемъ Иваномъ Расторгуевымъ).

Крестьянинъ Семенъ Филиповъ содержался подъ карауломъ до самаго 1775 года. По окончаніи слѣдствія надъ Пугачевымъ и его сообщниками, велѣно было его освободить и сверхъ того о награжденіи его, Филипова, яко доносителя въ Малыковкѣ о начальномъ прельщеніи злодѣя Пугачева, представить на разсмотрѣніе правительствующему сенату. (См. сентенцію 10 января 1775 года).

---

3) „Родившись въ Зимовейской станицѣ войска донскаго, Пугачевъ въ самой ранней молодости занимался вмѣстѣ съ отцомъ хлѣбопашествомъ и въ дѣйствительности никогда не былъ раскольникомъ“ (Id. т. V гл.). Но онъ выдавалъ себя за раскольника послѣ побѣга изъ Зимовейской станицы, когда скрывался на Иргизѣ и позже, когда нуждался въ помощи раскольниковъ; потому-то многія лица, дававшія показанія о Пугачевѣ, говорили о немъ, какъ о раскольникѣ. У Рычкова сказано, что Пугачевъ „содержался въ Казани *подъ именемъ* раскольника“ (§ 8).

4) Г. Дубровинъ иначе разсказываетъ побѣгъ Пугачева изъ Казани.—Въ казанскомъ острогѣ Пугачевъ особенно сблизился съ бывшимъ купцомъ пригорода Алата (отъ Казани въ 44 верст.) Парѳеномъ Дружининымъ. Пугачевъ подговорилъ его бѣжать вмѣстѣ. Дру-

Три дня послѣ въ Казани получено было утвержденное въ Петербургѣ рѣшеніе суда, по коему Пугачевъ приговоренъ къ наказанію плетьми и къ ссылкѣ въ Пелымъ на каторжную работу [5] ***).

Пугачевъ явился на хуторахъ отставнаго казака Данилы Шелудякова, у котораго жилъ онъ прежде въ работникахъ. Тамъ производились тогда совѣщанія злоумышленниковъ [6]).

Сперва дѣло шло о побѣгѣ въ Турцію: мысль издавна общая всѣмъ недовольнымъ казакамъ. Извѣстно, что въ царствованіе Анны Іоанновны Игнатій Некрасовъ успѣлъ привести ее въ дѣйство и увлечь за собой множество донскихъ казаковъ. Потомки ихъ донынѣ живутъ въ турецкихъ областяхъ, сохраняя на чуждой имъ родинѣ вѣру, языкъ и обычаи прежняго своего отечества. Во время послѣдней турецкой войны они дрались противу насъ отчаянно. Часть ихъ явилась къ императору Николаю, уже переплывшему Дунай на запорожской лодкѣ; такъ же, какъ остатокъ сѣчи, они принесли повинную за своихъ отцовъ и возвратились подъ владычество законнаго своего государя.

***) „Оному Пугачеву, за побѣгъ его за границу въ Польшу и за утайку по выходѣ его оттуда въ Россію о своемъ названіи, а тѣмъ больше за говореніе возмутительныхъ и вредныхъ словъ, касающихся до побѣга всѣхъ яицкихъ казаковъ въ Турецкую область, учинить наказаніе плетьми и послать, такъ какъ бродягу и привыкшаго къ праздной и продерзкой жизни, въ городъ Пелымъ, гдѣ употреблять его въ казенную работу. 6 мая 1773“. (Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова).

жинина провѣдывали 17-лѣтній сынъ и жена. Онъ поручилъ сыну купить лошадь и телѣгу и держать ихъ на-готовѣ. Отпросившись 29 мая 1773 г. у караульнаго офицера къ священнику (родственнику Дружинина) для прошенія милостыни, они вышли изъ острога въ сопровожденіи 2 конвойныхъ, изъ коихъ одинъ заранѣе согласился бѣжать съ ними. Въ домѣ священника они напоили до-пьяна конвойнаго, въ которомъ не были увѣрены, и когда, выйдя отъ священника, увидали кибитку, которою правилъ сынъ Дружинина, то сдѣлали видъ, что наняли ее подвезти ихъ въ кремль. Спустивъ рогожу въ кибиткѣ, поѣхали по большой казанской дорогѣ. Отъѣхавъ отъ города до дворцоваго села Царицына, высадили пьянаго солдата, который только квечеру добрался въ Казань и лишь на другой день донесъ о побѣгѣ арестантовъ (Id. VI гл.). У Рычкова о побѣгѣ сказано кратко: „(Пугачевъ) нашелъ способъ къ уходу своему изъ подъ караула съ имѣвшимся при немъ караульнымъ солдатомъ“ (§ 8).

5) Казанскій губернаторъ фонъ Брандтъ не придалъ большого значенія бѣгству Пугачева, но увѣрялъ генералъ-прокурора кн. Вяземскаго, что приняты всѣ самые „строжайшіе способы“ къ отысканію бѣжавшихъ. Письмо Брандта было получено въ Петербургѣ лишь 8 августа. Тамъ извѣстіе о побѣгѣ Пугачева произвело болѣе сильное впечатлѣніе. Гр. Чернышевъ 14 августа подписалъ указъ оренбургскому губернатору и грамоту войску донскому, въ которыхъ Рейнсдорпу и донской войсковой канцеляріи предписано употребить всѣ мѣры къ отысканію Пугачева по хуторамъ и станицамъ. 18 сентября ген. Рейнсдорпъ донесъ военной коллегіи, что принялъ должныя мѣры, но что бѣглые еще не отысканы. Рапортъ свой Рейнсдорпъ подписалъ въ тотъ самый день, когда Пугачевъ, уже съ титуломъ императора Петра III и окруженный значительной толпой вооруженныхъ яицкихъ казаковъ, овладѣлъ Бударинскимъ форпостомъ и подходилъ къ Яицкому городку... (Id гл. VI).

6) Это изложено по Рычкову (§ 10). О пребываніи Пугачева на хуторѣ отставного казака Шелудякова ничего нѣтъ въ книгѣ Дубровина (см. 11 выноску). Нигдѣ не говорится и о томъ, что Пугачевъ жилъ въ работникахъ у Шелудякова и другихъ.

Но яицкіе заговорщики слишкомъ привязаны были къ своимъ богатымъ, родимымъ берегамъ. Они, вмѣсто побѣга, положили быть новому мятежу. Самозванство показалось имъ надежною пружиною. Для сего нуженъ былъ только пришлецъ дерзкій и рѣшительный, еще неизвѣстный народу. Выборъ ихъ палъ на Пугачева. Имъ не трудно было его уговорить [7]). Они немедленно начали собирать себѣ сообщниковъ.

Военная коллегія дала знать о побѣгѣ казанскаго колодника во всѣ мѣста, гдѣ, по предположеніямъ, могъ онъ укрываться. Вскорѣ подполковникъ Симоновъ узналъ, что бѣглеца видѣли на хуторахъ, находящихся около Яицкаго городка. Отряды были посланы для поимки Пугачева, но не имѣли въ томъ успѣха: Пугачевъ и его главные сообщники спасались отъ поиска, переходя съ одного мѣста на другое и часъ отъ часу умножая свою шайку. Между тѣмъ разнеслись странные слухи... Многіе казаки взяты были подъ стражу. Схватили Михайлу Кожевникова, привели въ комендантскую канцелярію и пыткою вынудили отъ него слѣдующія важныя показанія:

Въ началѣ сентября находился онъ на своемъ хуторѣ, какъ пріѣхалъ къ нему Иванъ Зарубинъ [8]) и объявилъ за тайну, что великая особа находится въ ихъ краю. Онъ убѣждалъ Кожевникова скрыть ее на своемъ хуторѣ. Кожевниковъ согласился. Зарубинъ уѣхалъ и въ ту же ночь передъ свѣтомъ возвратился съ Тимоѳеемъ Мясниковымъ и съ невѣдомымъ человѣкомъ, всѣ трое верхами. Незнакомецъ былъ росту средняго, широкоплечъ и худощавъ. Черная борода его начинала сѣдѣть. Онъ былъ въ верблюжьемъ армякѣ, въ голубой калмыцкой шапкѣ и вооруженъ винтовкою. Зарубинъ и Мясниковъ поѣхали въ городъ для повѣстки народу, а незнакомецъ, оставшись у Кожевникова, объявилъ ему, что онъ императоръ Петръ III****); что слухи о смерти его были ложны; что онъ, при

****) Пугачевъ былъ уже пятый самозванецъ, принявшій на себя имя императора Петра III. Не только въ простомъ народѣ, но и въ высшемъ сословіи существовало мнѣніе, что будто государь живъ и находится въ заключеніи. Самъ великій князь Павелъ Петровичъ долго вѣрилъ или желалъ вѣрить сему слуху. По восшествіи на престолъ первый вопросъ государя графу Гудовичу былъ: живъ ли мой отецъ? (*Прим., не внесенное Пушкинымъ въ изданіе. См. Ефр. Соч. П. 1882. т. VI, стр.* 113).

7) Выраженіе Пушкина, что казаки Пугачева „уговорили" — не точно. Въ показаніи Пугачева 5 декабря 1774 г. читаемъ: „Все отъ меня злодѣяніе произошло чрезъ яицкихъ казаковъ, ибо они точно знали, что я не государь, а донской казакъ". Но самая мысль о самозванствѣ была навѣяна Пугачеву слухами о другомъ самозванцѣ, арестованномъ въ Царицынѣ (см. 9 выноску) и, объявляя себя Петромъ III, онъ говорилъ первымъ сообщникамъ своимъ о своемъ спасеніи какъ изъ Ораніенбаума, такъ и изъ Царицына (Id. IX гл.). У Рычкова сказано: „Пугачевъ весьма хитро и коварно внушалъ имъ (казакамъ), о себѣ, что онъ есть и. Петръ III (§ 10). Уже на первыхъ порахъ нѣкоторые изъ казаковъ вынудили у Пугачева признаніе въ его происхожденіи и личности. Но всѣ казаки равно стояли за него, потому что надѣялись воспользоваться увѣренностію русскаго народа, что Петръ III живъ и, сдѣлавъ „изъ грязи себѣ князя", возвратить войску яицкому всѣ его прежнія права, привилегіи и вольности (Id. X гл.).

8) Зарубинъ (Чика), котораго впослѣдствіи Пугачевъ называлъ графомъ Чернышевымъ.

помощи караульнаго офицера, ушелъ въ Кіевъ, гдѣ скрывался около года*****); что потомъ былъ въ Царѣградѣ и тайно находился въ русскомъ войскѣ во время послѣдней турецкой войны; что оттуда явился онъ на Дону и былъ потомъ схваченъ въ Царицынѣ, но вскорѣ освобожденъ вѣрными казаками [9]); что въ прошломъ году находился онъ на Иргизѣ и въ Яицкомъ городкѣ, гдѣ былъ снова пойманъ и отвезенъ въ Казань; что часовой, подкупленный за семьсотъ рублей неизвѣстнымъ купцомъ, освободилъ его снова; что послѣ подъѣзжалъ онъ къ Яицкому городку, но узнавъ черезъ одну женщину о строгости, съ каковою нынѣ требуются и осматриваются паспорты, воротился на сызранскую дорогу, по коей скитался нѣсколько времени, пока наконецъ съ Таловинскаго умета взятъ Зарубинымъ и Мясниковымъ и привезенъ къ Кожевникову [10]). Высказавъ нелѣпую повѣсть, самозванецъ сталъ объяснять свои предположенія. Онъ намѣренъ былъ обнаружить себя по выступленіи казацкаго войска на плавню (осеннее рыболовство), въ избѣжаніе сопротивленія со стороны гарнизона и напраснаго кровопролитія. Во

*****) Пугачевъ говорилъ, что сама императрица помогла ему скрыться (*То же*).

[9]) Пушкинъ передаетъ здѣсь слова Пугачева. Въ дѣйствительности же въ Царицынѣ былъ не Пугачевъ, а другой самозванецъ. Въ 1772 г. объявилъ себя императоромъ Петромъ III самозванецъ Ѳедотъ Богомоловъ; взволновалъ волгское войско, часть донского и встрѣтилъ большое сочувствіе въ гарнизонѣ города Царицына, гдѣ содержался подъ карауломъ. Онъ умеръ на дорогѣ въ Сибирь, пересылаемый въ кандалахъ на Нерчинскіе заводы.— Попытки приверженцевъ освободить его не удались; но молва о Петрѣ III, заключенномъ въ Царицынѣ, разошлась далеко; не всѣ знали о судьбѣ, постигшей самозванца (Id. IV и VI гл.).— У Рычкова есть краткое упоминаніе о самозванцахъ, предшествовавшихъ Пугачеву: „Извѣстно уже, что по кончинѣ И. Петра III въ разныхъ мѣстахъ Россійской имперіи подъ его именемъ самозванцы находились“ ... (§ 8).

[10]) Вотъ дальнѣйшія похожденія Пугачева послѣ побѣга изъ казанскаго острога, по разсказу г. Дубровина: Переѣхавъ рѣку Каму и проѣхавъ село Сарсасы, бѣглецы остановились по близости его въ полѣ. Пугачевъ пошелъ въ Сарсасы къ раскольнику крестьянину Кандалинцеву, который однажды, конвоируя арестантовъ, бесѣдовалъ съ Пугачевымъ въ Казни, въ „черныхъ тюрьмахъ“, и считалъ его пострадавшимъ за крестъ и бороду. Пугачевъ уговорилъ его теперь ѣхать съ нимъ вмѣстѣ на Иргизъ, и покинулъ Дружинина, ночью, когда тотъ спалъ въ лѣсу съ семьей своей. Пугачевъ и Кандалинцевъ поѣхали въ Яицкій городокъ, но не доѣзжая верстъ пять, узнали отъ встрѣчной молодушки, что безъ паспорта въ городъ не пускаютъ. Пугачевъ отправился на знакомый ему ранѣе Таловый уметъ и разстался съ Кандалинцевымъ, купивъ у него лошадей. Таловый уметъ арендовалъ пѣхотный солдатъ Оболяевъ прозванный „Еремкиной курицей“. Надѣясь пробраться въ Яицкій городокъ, Пугачевъ остался пока на хуторѣ. Здѣсь онъ ходилъ ежедневно на охоту за сайгаками, но не работалъ, какъ то дѣлали другіе бѣглецы, укрывавшіеся по уметамъ и хуторамъ. Будучи въ банѣ вмѣстѣ съ Оболяевымъ, Пугачевъ на вопросъ о знакахъ на груди (оставшихся у него отъ болѣзни) объявилъ себя Петромъ III, говоря, что каждый царь имѣетъ тѣлесные царскіе знаки. Вскорѣ Пугачевъ объявилъ себя Петромъ III двумъ казакамъ войсковой стороны, наѣзжавшимъ въ уметъ (Григорію Закладнову, Зарубину или Чикѣ), прося ихъ присылать къ нему казаковъ изъ Яицкаго городка. Скоро начали пріѣзжать къ Пугачеву казаки войсковой стороны. По приказанію самозванца они становились передъ нимъ

время же плавни хотѣлъ онъ явиться посреди казаковъ, связать атамана, итти прямо на Яицкой городокъ, овладѣть имъ и учредить заставы по всѣмъ дорогамъ, дабы никуда преждевременно не дошло о немъ извѣстія. Въ случаѣ же неудачи, думалъ онъ броситься въ Русь, увлечь ее всю за собою, повсюду поставить новыхъ судей (ибо въ нынѣшнихъ, по его словамъ, присмотрѣна имъ многая неправда) и возвести на престолъ государя великаго князя. Самъ же я, говорилъ онъ, уже царствовать не желаю. Пугачевъ на хуторѣ Кожевникова находился три дня; Зарубинъ и Мясниковъ пріѣхали за нимъ и увезли его на Усихину Розсашь [11]), гдѣ и намѣренъ онъ былъ скрываться до самой плавни. Кожевниковъ, Коноваловъ и Кочуровъ проводили его.

Взятіе подъ стражу Кожевникова и казаковъ, замѣшанныхъ въ его показаніи, ускорило ходъ происшествій [12]). 18 сентября Пугачевъ съ Будоринскаго †) форпоста пришелъ подъ Яицкой городокъ съ толпою, изъ трехъ сотъ человѣкъ состоявшею, и остановился въ трехъ верстахъ отъ города, за рѣкой Чаганомъ.

---

†) Форпостъ Будоринскій въ 79 верстахъ отъ Яицкаго городка.

на колѣни и цѣловали руку (Караваевъ, Кунишниковъ). Не будучи грамотнымъ, Пугачевъ задумалъ имѣть при себѣ писаря, для чего и отправился вмѣстѣ съ Оболяевымъ въ Мечетную слободу, но тамъ его встрѣтили съ недовѣріемъ; тогда они поскакали къ Пахоміеву скиту, гдѣ Оболяевъ былъ схваченъ, тогда какъ Пугачевъ успѣлъ скрыться отъ погони и вернулся одинъ въ Таловый уметъ. Тамъ ожидали его прибывшіе къ нему изъ Яицкаго городка казаки (Мясниковъ, Караваевъ, Зарубинъ и Шигаевъ). Посовѣщавшись между собою, гдѣ вѣрнѣе укрыть Пугачева, Зарубинъ (Чика) и Мясниковъ повезли его на хутора Кожевникова (въ 30 верстахъ отъ Яицкаго городка), гдѣ его принялъ въ домъ свой старикъ Шаварновскій (Id. VII, VIII и IX гл.).

[11]) Опасаясь старшинской стороны, которая могла провѣдать о самозванцѣ, рѣшено было перевезти Пугачева на Усиху (рѣчка Усиха находилась отъ хутора Кожевникова верстахъ въ 20-ти, а отъ Яицкаго городка въ 50-ти). Мѣсто это было степное, у берега стояло одинокое дерево, съ котораго далеко видно и потому можно во-время уйти въ случаѣ погони (Id. X гл.).

[12]) Вотъ извлеченіе изъ книги г. Дубровина о дѣйствіяхъ пугачевцевъ послѣ взятія Кожевникова подъ стражу: Казакъ Кононовъ донесъ полковнику Симонову, что близъ Яицкаго городка появился государь и находится на рѣкѣ Усихѣ. Отправленные Симоновымъ для поимки самозванца старшина Бородинъ съ казаками и поручикъ Иглинъ съ нѣсколькими пѣхотными солдатами арестовали Михаила Кожевникова и отправились обратно въ Яицкій городокъ. Сидоръ Кожевниковъ окольными путями прискакалъ на Усиху и предупредилъ Пугачева объ опасности. Сообщники рѣшили немедленно бѣжать съ Усихи на хутора Толкачева, находившіеся въ 40 верстахъ отъ Усихи и во 100 верстахъ отъ Яицкаго городка. Послѣ допроса М. Кожевникова, Симоновъ послалъ небольшой отрядъ на Усиху; не найдя уже тамъ Пугачева и предполагая, что у него много людей, посланные преслѣдовать его не отважились до прибытія подкрѣпленія изъ городка. Пугачевъ же, благополучно пріѣхавъ 15 сент. ночью на хуторъ Толкачева, на слѣдующій же день собралъ по ближнимъ хуторамъ людей (изъ русскихъ бѣглыхъ, казаковъ и калмыковъ), усиленныхъ казаками, прибывшими съ Кожехаровскаго и Бударинскаго форпостовъ. Толпѣ былъ прочитанъ 1-й манифестъ самозванца, написанный полуграмотнымъ сыномъ казака Почиталина. Свита Пугачева возрасла до 80 человѣкъ вооруженныхъ. Онъ приказалъ развернуть знамена, приготовленныя заранѣе изъ лоскутьевъ разныхъ цвѣтовъ съ нашитыми на нихъ осьмиконечными крестами; ихъ прикрѣпили къ копьямъ и, сѣвъ на

Въ городѣ все пришло въ смятеніе. Недавно усмиренные жители начали перебѣгать на сторону новыхъ мятежниковъ. Симоновъ выслалъ противъ Пугачева пятьсотъ казаковъ, подкрѣпленныхъ пѣхотою, и съ двумя пушками. Двѣсти казаковъ при капитанѣ Крыловѣ [13]) отряжены были впередъ. Къ нимъ выѣхалъ навстрѣчу казакъ, держа надъ головою возмутительное письмо отъ самозванца ††). Казаки потребовали, чтобъ письмо было имъ прочтено. Крыловъ тому противился. Произошелъ мятежъ, и половина отряда тутъ же передалась на сторону самозванца и потащила за собою пятьдесятъ вѣрныхъ казаковъ, ухватя за узды ихъ лошадей. Видя измѣну въ своемъ отрядѣ, Крыловъ возвратился въ городъ. Захваченные казаки приведены были къ Пугачеву, и одиннадцать изъ нихъ, по приказанію его, повѣшены. Сіи первыя его жертвы были сотники: Витошновъ, Черторороговъ, Раиневъ и Коноваловъ; пятидесятники: Руженниковъ, Толстовъ, Подъячевъ и Колпаковъ; рядовые: Сидоровкинъ, Ларзяневъ и Чукалинъ.

На другой день Пугачевъ приблизился къ городу, но при видѣ выходящаго противъ него войска сталъ отступать [14]), разсыпавъ по степи свою шайку. Симоновъ не преслѣдовалъ его, ибо казаковъ не хотѣлъ отрядить, опасаясь отъ нихъ измѣны; а пѣхоту не смѣлъ отдалить отъ города, коего жители готовы были взбунтоваться. Онъ донесъ обо всемъ оренбургскому губернатору генералъ-поручику Рейнсдорпу, требуя отъ него легкаго войска для преслѣдованія Пугачева. Но прямое сообщеніе съ Оренбургомъ было уже пресѣчено,

††) Первое возмутительное воззваніе Пугачева къ яицкимъ казакамъ есть удивительный образецъ народнаго краснорѣчія, хотя и безграмотнаго [a]. Оно тѣмъ болѣе подѣйствовало, что объявленія, или публикаціи Рейнсдорпа были писаны столь же вяло, какъ и правильно, длинными обиняками, съ глаголами на концѣ періодовъ. (*Прим., не внесенное Пушкинымъ въ изд. См. Ефр., VI стр. 113*).

лошадей, двинулись по направленію къ Яицкому городку въ сопровожденіи толпы, увеличивавшейся по пути изъ близь-лежащихъ хуторовъ и форпостовъ (Id. XII гл.).

[13]) Г. Дубровинъ въ выноскѣ къ 2 гл. II тома замѣчаетъ: „По какому случаю Крыловъ, отецъ нашего баснописца, находился при казакахъ, мы доискаться не могли, но что онъ былъ тамъ—это несомнѣнно и подтверждается показаніями почти всѣхъ участниковъ". У Рычкова вмѣсто Крылова здѣсь дѣйствуетъ Наумовъ. Пушкинъ исправилъ ошибку, заимствовавъ картину казацкихъ переговоровъ у Рычкова, но передалъ ее не совсѣмъ точно: „Наумовъ какъ скоро приблизился къ толпѣ самозванцевой, то выѣхало изъ оной нѣсколько человѣкъ подъ видомъ переговора, изъ коихъ одинъ на головѣ своей держалъ бумагу, сказывая, яко бы та грамота отъ государя... но подполковникъ Наумовъ, отнявъ ту бумагу, удержалъ у себя" (§ 13). Равно и ниже Пушкинъ слѣдуетъ изложенію Рычкова о дѣйствіяхъ казаковъ, которые „подхватя за узды лошадей, погнали къ самозванцу тѣхъ, кто имъ былъ надобенъ", и въ перечисленіи повѣшенныхъ жертвъ Пугачева, и въ объясненіи причины, по коей Симоновъ не преслѣдовалъ отступившихъ мятежниковъ (Рычк. § 14).

[14]) По Рычкову: „*А разсыпавшись де по степи*, пошелъ онъ далѣе по верхнимъ Яицкимъ форпостамъ" (§ 12). Послѣ выстрѣловъ, сдѣланныхъ по приказанію Симонова изъ пушекъ, поставленныхъ на Таганскомъ мосту, Пугачевъ рѣшилъ отступить. У него тогда еще не было ни одной пушки (Дубр., II, гл. I).

[a] не смотря на грамматическія ошибки (*вар. рукоп.*).

и донесеніе Симонова дошло до губернатора не прежде, какъ черезъ недѣлю.

Съ шайкой, умноженной новыми бунтовщиками, Пугачевъ пошелъ прямо къ Илецкому городку [15]) †††) и послалъ начальствовавшему въ немъ атаману Портнову повелѣніе — выйти къ нему навстрѣчу и съ нимъ соединиться. Онъ обѣщалъ казакамъ пожаловать ихъ крестомъ и бородою (илецкіе, какъ и яицкіе казаки были всѣ староверцы), рѣками и лугами, деньгами и провіантомъ, свинцомъ и порохомъ, и вѣчною вольностію, угрожая местію въ случаѣ непослушанія. Вѣрный своему долгу, атаманъ думалъ сопротивляться; но казаки связали его и приняли Пугачева съ колокольнымъ звономъ и съ хлѣбомъ-солью. Пугачевъ повѣсилъ атамана, три дня праздновалъ побѣду и, взявъ съ собою всѣхъ илецкихъ казаковъ и городскія пушки [16]), пошелъ на крѣпость Разсыпную ††††).

Крѣпости, въ томъ краю выстроенныя, были не что иное, какъ деревни, окруженныя плетнемъ или деревяннымъ заборомъ. Нѣсколько старыхъ солдатъ и тамошнихъ казаковъ, подъ защитой двухъ или трехъ пушекъ, были въ нихъ безопасны отъ стрѣлъ и копій дикихъ племенъ, разсѣянныхъ по степямъ Оренбургской губерніи и около ея границъ. 24-го сентября Пугачевъ напалъ на Разсыпную. Казаки и тутъ измѣнили. Крѣпость была взята. Комендантъ маіоръ Веловскій [17]), нѣсколько офицеровъ и одинъ священникъ были повѣшены, а гарнизонная рота и полтораста казаковъ присоединены къ мятежникамъ.

Слухъ о самозванцѣ быстро распространялся. Еще съ Будоринскаго форпоста Пугачевъ писалъ къ киргизъ-кайсакскому хану, именуя себя государемъ Петромъ III и требуя отъ него сына въ заложники и ста человѣкъ вспомогательнаго войска [18]). Нурали-ханъ подъѣзжалъ къ Яицкому городку подъ видомъ переговоровъ съ начальствомъ, коему предлагалъ онъ свои услуги. Его благодарили и отвѣчали, что надѣются управиться съ мятежниками безъ его помощи. Ханъ послалъ оренбургскому губернатору татарское письмо самозванца съ первымъ извѣстіемъ о его появленіи. „Мы, люди живущіе

†††) Илецкій городокъ въ 145 верстахъ отъ Яицкаго городка и въ 124 отъ Оренбурга. Въ немъ находилось до 300 казаковъ. Илецкіе казаки были тутъ поселены статскимъ совѣтникомъ Кириловымъ, образователемъ Оренбургской губерніи.

††††) Крѣпость Разсыпная, выстроенная при томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно перебирались киргизы въ бродъ черезъ Яикъ. Она находится въ 25 верстахъ отъ Илецкаго городка и въ 101 отъ Оренбурга.

---

15) У Рычкова: „пошелъ по прямой дорогѣ къ Илецкому городку“ (§ 15). —Обогнувъ городъ, толпа двинулась вверхъ по рѣкѣ Яику къ Гниловскому форпосту, прошла черезъ форпосты Генварцовскій, Кирсановскій и Иртецкій, и вездѣ мятежники забирали съ собою всѣхъ казаковъ; успѣли пріобрѣсти 3 пушки съ боевыми зарядами (Дубр. II, гл. I).

16) Пугачевъ оставался 2 дня въ Илецкомъ городкѣ; выбралъ годныя пушки и приказалъ сдѣлать къ нимъ лафеты, забрать изъ крѣпости весь порохъ, свинецъ, снаряды и присоединилъ къ себѣ до 300 илецкихъ казаковъ. (Ibid).

17) Маіоръ Веловскій былъ повѣшенъ съ женою (Ibid.). Такъ и у Рычкова (§ 17).

18) По Рычкову (§ 12).

на степяхъ — писалъ Нурали къ губернатору, — не знаемъ, кто сей, разъѣзжающій по берегу: обманщикъ ли, или настоящій государь? Посланный отъ насъ воротился, объявивъ, что того развѣдать не могъ, а что борода у того человѣка русая". При семъ, пользуясь обстоятельствами, ханъ требовалъ отъ губернатора возвращенія аманатовъ, отогнаннаго скота и выдачи бѣжавшихъ изъ орды рабовъ. Рейнсдорпъ спѣшилъ отвѣчать, что кончина императора Петра III извѣстна всему свѣту; что самъ онъ видѣлъ государя во гробѣ и цѣловалъ его мертвую руку. Онъ увѣщевалъ хана, въ случаѣ побѣга самозванца въ киргизскія степи, выдать его правительству, обѣщая за то милость императрицы. Прошенія хана были исполнены. Между тѣмъ Нурали вошелъ въ дружескія сношенія съ самозванцемъ, не преставая увѣрять Рейнсдорпа въ своемъ усердіи къ императрицѣ, а киргизцы стали готовиться къ набѣгамъ.

Вслѣдъ за извѣстіемъ хана получено было въ Оренбургѣ донесеніе яицкаго коменданта, посланное черезъ Самару. Вскорѣ потомъ пришло донесеніе Веловскаго о взятіи Илецкаго городка [19]). Рейнсдорпъ поспѣшилъ принять мѣры къ прекращенію возникающаго зла. Онъ предписалъ бригадиру барону Билову выступить изъ Оренбурга съ четырьмя стами солдатъ пѣхоты и конницы и съ шестью полевыми орудіями, и итти къ Яицкому городку, забирая по дорогѣ людей съ форпостовъ и изъ крѣпостей. Командиру Верхне-Озерной дистанціи *), бригадиру барону Корфу, велѣлъ какъ можно скорѣе итти къ Оренбургу; подполковнику Симонову отрядить маіора Наумова съ полевой командой и съ казаками для соединенія съ Биловымъ; ставропольской канцеляріи **) велѣно было выслать къ Си-

*) Въ 1773 году Оренбургская губернія раздѣлялась на четыре провинціи: Оренбургскую, Исетскую, Уфимскую и Ставропольскую. Къ первой принадлежали дистриктъ (уѣздъ) Оренбургскій и Яицкій городокъ со всѣми форпостами и станицами, до самаго Гурьева, также и Бугульминская земская контора. Исетская провинція заключила въ себѣ Зауральскую Башкирію и уѣзды Исетскій, Шадринскій и Окуневскій; Уфимская провинція—уѣзды Осинскій, Бирскій и Мензелинскій (*по Дубр.*: и Куртамышскій). Ставропольскую провинцію составлялъ одинъ обширный уѣздъ. Сверхъ сего, Оренбургская губернія раздѣлялась еще на восемь линейныхъ дистанцій (рядъ крѣпостей, выстроенныхъ по рѣкамъ Волгѣ, Самарѣ, Яику, Сакмарѣ и Ую); сіи дистанціи находились подъ вѣдомствомъ военныхъ начальниковъ, пользовавшихся правами провинціальныхъ воеводъ. (См. Бишинга и Рычкова).

**) Ставропольская канцелярія вѣдала дѣла крещеныхъ калмыковъ, поселенныхъ въ Оренбургской губерніи.

---

[19]) До 21 сентября въ Оренбургѣ ничего не подозрѣвали о дѣйствіяхъ Пугачева; не знали даже, что онъ уже болѣе мѣсяца находится въ предѣлахъ губерніи. Въ этотъ день прискакалъ въ Оренбургъ илецкій казакъ съ извѣстіемъ, что городокъ занятъ самозванцемъ, и что населеніе встрѣтило его съ хлѣбомъ-солью. Рейнсдорпъ счелъ это „невѣроятнымъ, потому что прибывшій не привезъ письменнаго рапорта". 22 сент., среди бала (по случаю коронаціи императрицы), полученъ рапортъ коменданта Татищевой крѣпости и начальника Нижне-яицкой дистанціи, полковника Елагина, доносившаго о занятіи Пугачевымъ Илецкаго городка. Рейнсдорпъ не придавалъ серьезнаго значенія успѣхамъ самозванца и до 24 числа не дѣлалъ никакихъ распоряженій. Въ этотъ промежутокъ времени былъ полученъ рапортъ Симонова, и явился посланный отъ Нуръ-Али-хана (Id. II гл.).

монову пятьсотъ вооруженныхъ калмыковъ, а ближайшимъ башкирцамъ и татарамъ собраться какъ можно скорѣе и, въ числѣ тысячи человѣкъ, итти навстрѣчу Наумову [20]). Ни одно изъ сихъ распоряженій не было исполнено. Биловъ занялъ Татищеву крѣпость и двинулся было на Озерную, но въ пятнадцати верстахъ отъ оной, услышавъ ночью пушечные выстрѣлы, отступилъ, полагая крѣпость уже взятою Пугачевымъ. Рейнсдорпъ вторично приказалъ ему спѣшить на пораженіе бунтовщиковъ; Биловъ не послушался и остался въ Татищевой. Корфъ отговаривался отъ похода подъ различными предлогами. Вмѣсто пятисотъ вооруженныхъ калмыковъ, не собралось ихъ и трехсотъ, и тѣ бѣжали съ дороги. Башкирцы и татары не слушались предписанія. Маіоръ же Наумовъ и войсковой старшина Бородинъ, выступивъ изъ Яицкаго городка, шли издали по слѣдамъ Пугачева и 3-го октября прибыли въ Оренбургъ степною стороною, не видавъ непріятеля.

Изъ Разсыпной Пугачевъ пошелъ на Нижне-Озерную ***). На дорогѣ встрѣтилъ онъ капитана Сурина, высланнаго на помощь Беловскому комендантомъ Нижне-Озерной маіоромъ Харловымъ. Пугачевъ его повѣсилъ, а рота пристала къ мятежникамъ [21]). Узнавъ о приближеніи Пугачева, Харловъ отправилъ въ Татищеву молодую жену свою, дочь тамошняго коменданта Елагина, а самъ приготовился къ оборонѣ. Казаки его измѣнили и ушли къ Пугачеву. Харловъ остался съ малымъ числомъ престарѣлыхъ солдатъ. Ночью на 26-е сентября вздумалъ онъ, для ихъ ободренія, палить изъ двухъ своихъ пушекъ, и сіи-то несчастные выстрѣлы остановили Билова, шедшаго къ нему на помощь. Утромъ Пугачевъ показался передъ крѣпостью. Онъ ѣхалъ впереди своего войска. „Берегись, государь“, сказалъ ему старый казакъ: „неравно изъ пушки убьютъ“.— „Старый ты человѣкъ“, отвѣчалъ самозванецъ: „развѣ пушки льются на царей?“ [22])—Харловъ бѣгалъ отъ одного солдата къ другому и приказывалъ стрѣлять. Никто не слушался. Онъ схватилъ фитиль, выпалилъ изъ одной пушки и кинулся къ другой. Въ сіе время бунтовщики заняли крѣпость, бросились на единственнаго ея защитника

***) Нижне-Озерная находится въ 19 верстахъ отъ Разсыпной и въ 82 отъ Оренбурга. Она выстроена на высокомъ берегу Яика. — Память капитана Сурина сохранилась въ солдатской пѣснѣ:

Изъ крѣпости изъ Зерной,
На подмогу Разсыпной,
Вышелъ капитанъ Суринъ,
Со командою одинъ, и проч.

---

[20]) Всѣ эти мѣры Рейнсдорпа разсказаны здѣсь по Рычкову (§ 16). Дубровинъ сообщаетъ, что 500 человѣкъ калмыковъ изъ Ставрополя должны были итти прямо на соединеніе съ Биловымъ и Наумовымъ, а для подкрѣпленія Оренбурга вытребованы изъ ближайшихъ селеній 500 человѣкъ башкирцевъ и 300 человѣкъ сеитовскихъ татаръ. (Ibid). Дальнѣйшія распоряженія Рейнсдорпа Билову и Корфу у Пушкина изложены по Рычкову (§ 17 и 18).

[21]) Въ книгѣ г. Дубровина читаемъ: „Пугачевъ.... на пути (въ Нижне-Озерную крѣпость) уничтожилъ отрядъ капитана Сурина и самого его повѣсилъ“. (Ibid.).—У Рычкова (§ 17) сказано: „Посланная къ нему Беловскому отъ Харлова пѣхота и 100 ч. казаковъ въ ту злодѣйскую толпу захвачены.“

[22]) Этихъ рѣчей нѣтъ у Рычкова; нѣтъ и у г. Дубровина.

и изранили его. Полумертвый, онъ думалъ отъ нихъ откупиться и повелъ ихъ къ избѣ, гдѣ было спрятано его имущество. Между тѣмъ за крѣпостью уже ставили висѣлицу; передъ нею сидѣлъ Пугачевъ, принимая присягу жителей и гарнизона. Къ нему привели Харлова, обезумленнаго отъ ранъ и истекающаго кровью. Глазъ, вышибенный копьемъ, висѣлъ у него на щекѣ. Пугачевъ велѣлъ его казнить, и съ нимъ прапорщиковъ Фигнера и Кабалерова, одного писаря и татарина Бикбая. Гарнизонъ сталъ просить за своего добраго коменданта; но яицкіе казаки, предводители мятежа, были неумолимы. Ни одинъ изъ страдальцевъ не оказалъ малодушія [23]). Магометанинъ Бикбай, взошедъ на лѣстницу, перекрестился и самъ надѣлъ на себя петлю ****). На другой день Пугачевъ выступилъ *****) и пошелъ на Татищеву †).

Въ сей крѣпости начальствовалъ полковникъ Елагинъ. Гарнизонъ былъ умноженъ отрядомъ Билова, искавшаго въ ней своей без-

****) Неизвѣстный авторъ краткой исторической записки: Histoire de Pougatschef. разсказываетъ смерть Харлова слѣдующимъ образомъ:

Le major Charlof avoit épousé depuis quelques semaines la fille du colonel Ielaguine, jeune personne très-aimable. Il avait été dangereusement blessé en défendant la place et on l'avoit rapporté chez lui. Lorsque la forteresse fut prise, Pougatschef envoya chez lui, le fit arracher de son lit et emmener devant lui. La jeune épouse au désespoir le suivit, se jeta aux pieds du vainqueur, et lui demanda la grâce de son mari. Je vais le faire pendre en ta présence, répondit le barbare. A ces mots la jeune femme verse un torrent de larmes, embrasse de nouveau les pieds de Pougatschef et implore sa pitié; tout fut inutile et Charlof fut pendu à l'instant même, en présence de son épouse. A peine eut-il expiré que les cosaques se saisirent de la femme... (т. е.: „Маіоръ Харловъ нѣсколько недѣль какъ женился на дочери полк. Елагина, очень пріятной молодой особѣ: онъ былъ опасно раненъ, защищая свой постъ, и его принесли домой. Когда крѣпость была взята, Пугачевъ послалъ къ нему, велѣлъ встать съ постели и явиться къ себѣ. Молодая жена въ отчаяніи послѣдовала за нимъ, бросилась къ ногамъ побѣдителя и просила помилованія мужу. „Я велю его повѣсить въ твоемъ присутствіи!“ отвѣтилъ злодѣй. При этихъ словахъ молодая женщина проливаетъ потоки слезъ, вновь обнимаетъ ноги Пугачева и взываетъ къ его состраданію: все было напрасно, и Харловъ былъ тотчасъ же повѣшенъ въ присутствіи жены. Лишь только онъ испустилъ духъ, казаки схватили женщину).... Вообще вся записка замѣчательна и вѣроятно составлена дипломатическимъ агентомъ, находившимся въ то время въ Петербургѣ.

*****) Бѣдный Харловъ накапунѣ взятія крѣпости былъ пьянъ, но я не рѣшился того сказать, изъ уваженія его храбрости и прекрасной смерти. (*Прим., не внесенное Пушкинымъ въ изданіе*).

†) Крѣпость Татищева, при устьѣ рѣки Камышъ-Самары, основана Кириловымъ, образователемъ Оренбургской губерніи, и названа отъ него Камышъ-Самарою. Татищевъ, заступившій мѣсто Кирилова, назвалъ ее своимъ именемъ: Татищева пристань. Находится въ 28 верстахъ отъ Нижне-Озерной и въ 54 (прямой дорогою) отъ Оренбурга.

[23]) Въ книгѣ г. Дубровина разсказанъ конецъ Харлова такъ: „Наконецъ мятежники отбили ворота и ворвались въ крѣпость, причемъ маіоръ Харловъ былъ изрубленъ казакомъ Давилинымъ, и съ нимъ погибло нѣсколько офицеровъ и человѣкъ 10 нижнихъ чиновъ“. (Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Госуд. Арх. VI д. № 512). (Ibid. II т. 1 гл.). Въ выноскѣ къ этой главѣ г. Дубровинъ замѣчаетъ: „Пушкинъ, а за тѣмъ и другіе авторы статей о пугачевск. бунтѣ рисуютъ страшную картину смерти Харлова, но откуда почерпнуты эти свѣдѣнія — Пушкинъ не говоритъ“. — Вѣроятно Пушкинъ пользовался *устными преданіями*, которыя собиралъ во время своей поѣздки въ Оренбургкій край.

опасности. Утромъ 27-го сентября Пугачевъ показался на высотахъ, ее окружающихъ. Всѣ жители видѣли, какъ онъ разставилъ тамъ свои пушки и самъ направилъ ихъ на крѣпость. Мятежники подъѣхали къ стѣнамъ, уговаривая гарнизонъ — **не слушаться бояръ** и сдаться добровольно. Имъ отвѣчали выстрѣлами. Они отступили. Безполезная пальба продолжалась съ полудня до вечера; въ то время скирды сѣна, находившіяся близъ крѣпости, загорѣлись, подожженныя осаждающими. Пожаръ быстро достигнулъ деревянныхъ укрѣпленій. Солдаты бросились тушить огонь. Пугачевъ, пользуясь смятеніемъ, напалъ съ другой стороны. Крѣпостные казаки ему передались. Раненый Елагинъ и самъ Биловъ оборонялись отчаянно. Наконецъ мятежники ворвались въ дымящіяся развалины. Начальники были захвачены. Билову отсѣкли голову. Съ Елагина, человѣка тучнаго, содрали кожу; злодѣи вынули изъ него сало и мазали имъ свои раны. Жену его изрубили [24]). Дочь ихъ, наканунѣ овдовѣвшая, Харлова, приведена была къ побѣдителю, распоряжавшему казнію ея родителей. Пугачевъ пораженъ былъ ея красотою и взялъ несчастную къ себѣ въ наложницы, пощадивъ для нея семилѣтняго ея брата. Вдова маіора Веловскаго, бѣжавшая изъ Разсыпной, также находилась въ Татищевой: ее удавили [25]). Всѣ офицеры были повѣшены. Нѣсколько солдатъ и башкирцевъ выведены въ поле и разстрѣляны картечью [26]). Прочіе острижены по-казацки и присоединены къ мятежникамъ. Тринадцать пушекъ достались побѣдителю [27]).

Извѣстія объ успѣхахъ Пугачева приходили въ Оренбургъ одно за другимъ. Едва Веловскій успѣлъ донести о взятіи Илецкаго городка, уже Харловъ доносилъ о взятіи Разсыпной; вслѣдъ затѣмъ Биловъ изъ Татищевой извѣщалъ о взятіи Нижне-Озерной; маіоръ Крузе изъ Чернорѣченской о пальбѣ, происходящей подъ Татищевой. Наконецъ (28-го сентября) триста человѣкъ татаръ, насилу собранные и отправленные къ Татищевой, возвратились съ дороги съ извѣстіемъ объ участи Билова и Елагина. Райнсдорпъ, испуганный быстротою пожара, собралъ совѣтъ изъ главныхъ оренбургскихъ чиновниковъ, и слѣдующія мѣры были имъ утверждены:

---

[24]) Пожаръ Татищевой описанъ по Рычкову (§ 23). Смерть Билова и Елагина съ женою у Рычкова разсказана кратко. Такъ же и въ книгѣ г. Дубровина, гдѣ находимъ только: „Бригадиръ Биловъ и комендантъ полковникъ Елагинъ съ женою были убиты“. (Ibid. II т. II гл.). О судьбѣ жены Харлова у Пушкина разсказано по Рычкову (§ 23).

[25]) См. выше вын. 17.

[26]) Г. Дубровинъ передаетъ эти дѣйствія Пугачева по взятіи крѣпости иначе: „Гарнизонъ не оказалъ почти никакого сопротивленія; солдаты бросали ружья, и были выведены изъ крѣпости въ поле. Тамъ въ одной общей и нестройной кучѣ собралось ихъ человѣкъ 300, по которыхъ, для страха, мятежники сдѣлали три выстрѣла, и убили нѣсколько человѣкъ. (Ibid). „Башкирцевъ тутъ не было“—замѣчаетъ г. Дубровинъ (выноска къ II гл.). О нихъ не упоминается и у Рычкова (§ 23).

[27]) Паденіе Татищевой имѣло серьезное значеніе. Эта крѣпость считалась главнымъ опорнымъ пунктомъ Яицкой линіи, и потому въ ней находились склады амуниціи, денежная казна, артиллерія и другіе запасы. Гарнизонъ крѣпости былъ значительно болѣе остальныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ. Съ возвращеніемъ Билова въ Татищеву, гарнизонъ ея состоялъ не менѣе, какъ изъ тысячи человѣкъ съ 13 орудіями. Овладѣвъ Татищевой, Пугачевъ являлся уже

1) Всѣ мосты черезъ Сакмару разломать и пустить внизъ по рѣкѣ.

2) У польскихъ конфедератовъ, содержащихся въ Оренбургѣ, отобрать оружіе и отправить ихъ въ Троицкую крѣпость подъ строжайшимъ присмотромъ.

3) Разночинцамъ, имѣющимъ оружіе, назначить мѣста для защищенія города, отдавъ ихъ въ распоряженіе оберъ-коменданту генералъ-маіору Валленштерну; прочимъ находиться въ готовности, въ случаѣ пожара, и быть подъ начальствомъ таможеннаго директора Обухова.

4) Сеитовскихъ татаръ перевести въ городъ и поручить начальство надъ ними коллежскому совѣтнику Тимашеву.

5) Артиллерію отдать въ распоряженіе дѣйствительному статскому совѣтнику Старову-Милюкову, служившему нѣкогда въ артиллеріи.

Сверхъ сего Рейндсорпъ, думая уже о безопасности самаго Оренбурга, приказалъ оберъ-коменданту исправить городскія укрѣпленія и привести въ оборонительное состояніе. Гарнизонамъ же малыхъ крѣпостей, еще не взятыхъ Пугачевымъ, велѣно было итти въ Оренбургъ, зарывая или потопляя тяжести и порохъ.

Изъ Татищевой 29-го сентября Пугачевъ пошелъ на Черноречинскую ††). Въ сей крѣпости оставалось нѣсколько старыхъ солдатъ при капитанѣ Нечаевѣ, заступившемъ мѣсто коменданта маіора Крузе, который скрылся въ Оренбургъ. Они сдались безъ сопротивленія. Пугачевъ повѣсилъ капитана, по жалобѣ крѣпостной его дѣвки [28]).

Пугачевъ, оставя Оренбургъ вправѣ [29]), пошелъ къ Сакмарскому городку †††), коего жители ожидали его съ нетерпѣніемъ.—1-го октября изъ татарской деревни Каргале поѣхалъ онъ туда въ сопро-

---

††) Черноречинская въ 36 верстахъ отъ Татищевой и въ 18 отъ Оренбурга.

†††) Сакмарской городъ, основанный при рѣкѣ Сакмарѣ, находится въ 29 верстахъ отъ Оренбурга. Въ немъ было до трехсотъ казаковъ.

не простымъ разбойникомъ, а грознымъ врагомъ для Оренбурга (Ibid).

[28]) Въ выноскѣ къ II гл. г. Дубровинъ замѣчаетъ: „Нечаевъ не былъ въ Черноречинской крѣпости командиромъ и не заступалъ мѣста маіора Краузе, какъ говоритъ Пушкинъ въ своей „Исторіи Пугачевскаго бунта“. Въ книгѣ своей г. Дубровинъ сообщаетъ, что Краузе, отдавъ въ отрядъ Билова большую часть своего гарнизона и оставшись съ людьми больными и престарѣлыми, по приказанію Рейнсдорпа перешелъ въ Оренбургъ. Большая же часть казаковъ предпочла остаться въ Черноречинской крѣпости; они-то и встрѣтили самозванца съ хлѣбомъ и солью. Капитанъ Нечаевъ былъ взятъ въ плѣнъ въ Татищевой крѣпости, но повѣшенъ въ Черноречинской, по жалобѣ его крѣпостной дѣвки на жестокое обращеніе съ нею ея господина (Ibid). — У г. Дубровина подробности о Краузе и Нечаевѣ согласны съ Рычковымъ (§ 24).

[29]) По мнѣнію г. Дубровина, Пугачевъ легко могъ овладѣть Оренбургомъ, если бы шелъ на него отъ Черноречья, не отдаляясь на нѣсколько дней въ Сакмарскій городокъ. Двинувшись степью на Каргалинскую слободу (или Сеитовскую), онъ далъ возможность жителямъ Оренбурга и его гарнизону приготовиться къ защитѣ и получать подкрѣпленія (Ibid).

вожденіи нѣсколькихъ казаковъ [30]). Очевидецъ описываетъ его прибытіе слѣдующимъ образомъ ††††).

„Въ крѣпости у станичной избы постланы были ковры, и поставленъ столъ съ хлѣбомъ и солью. Попъ ожидалъ Пугачева съ крестомъ и съ святыми иконами. Когда въѣхалъ онъ въ крѣпость, начали звонить въ колокола; народъ снялъ шапки, и когда самозванецъ сталъ сходить съ лошади, при помощи двухъ изъ его казаковъ, подхватившихъ его подъ руки, тогда всѣ пали ницъ. Онъ приложился ко кресту, хлѣбъ-соль поцѣловалъ и, сѣвъ на уготовленный стулъ, сказалъ: вставайте, дѣтушки. Потомъ всѣ цѣловали его руку.—Пугачевъ освѣдомился о городскихъ казакахъ. Ему отвѣчали, что иные на службѣ, другіе съ ихъ атаманомъ Даниломъ Донскимъ взяты въ Оренбургъ, и что только двадцать человѣкъ оставлены для почтовой гоньбы, но и тѣ скрылись. Онъ обратился къ священнику и грозно приказалъ ему отыскать ихъ, примолвя: ты попъ, такъ будь и атаманъ; ты и всѣ жители отвѣчаете мнѣ за нихъ своими головами.—Потомъ поѣхалъ онъ къ атаманову отцу, у котораго былъ ему приготовленъ обѣдъ. Если бъ твой сынъ былъ здѣсь, сказалъ онъ старику, то вашъ обѣдъ былъ бы высокъ и честенъ; но хлѣбъ-соль твоя помрачилась. Какой онъ атаманъ, коли мѣсто свое покинулъ?—Послѣ обѣда, пьяный, онъ велѣлъ было казнить хозяина, но бывшіе при немъ казаки упросили его; старикъ былъ только закованъ и посаженъ на одну ночь въ станичную избу подъ караулъ. На другой день сысканные казаки представлены были Пугачеву. Онъ обошелся съ ними ласково и взялъ съ собою. Они спросили его: сколько прикажетъ взять припасовъ? Возьмите, отвѣчалъ онъ, краюшку хлѣба; вы проводите меня только до Оренбурга [31]).—Въ сіе время башкирцы, присланные отъ оренбургскаго губернатора, окружили городъ. Пугачевъ къ нимъ выѣхалъ и безъ бою взялъ всѣхъ въ свое войско. На берегу Сакмары повѣсилъ онъ шесть человѣкъ“ †††††).

††††) Показаніе крестьянина Алексѣя Кирилова, отъ 6-го октября 1773 года. (Изъ оренбургскаго архива).

†††††) Повѣшены два курьера, ѣхавшіе въ Оренбургъ, одинъ изъ Сибири, другой изъ Уфы, гарнизонный капралъ, толмачъ-татаринъ, старый садовникъ, нѣкогда бывшій въ Петербургѣ и знавшій государя Петра III, да прикащикъ съ рудниковъ Твердышевскихъ.

[30]) Каргалинская слобода „имѣющимся въ ней дворовымъ числомъ“ равнялась Оренбургу. Здѣсь Пугачевъ могъ увеличить свои силы по крайней мѣрѣ 500 человѣкъ. (Ibid. по Лѣтописи Рычкова, § 24). Въ этой слободѣ жили сеитовскіе татары.

[31]) Пушкинъ здѣсь не освѣтилъ дѣйствій Пугачева въ военномъ отношеніи. По мнѣнію г. Дубровина, Пугачевъ, какъ человѣкъ вовсе незнакомый съ географическимъ положеніемъ Сакмарскаго городка, не оцѣнилъ выгодъ пріобрѣтенныхъ съ занятіемъ его. Овладѣвъ обоими берегами р. Сакмары, мятежники отрѣзали Оренбургъ отъ Россіи. Изъ Сакмарска можно было слѣдить за подкрѣпленіями, идущими къ Оренбургу съ Самарской линіи, съ московской дороги, съ Верхне-Яицкой линіи и изъ Сибири. Если бы Пугачевъ понялъ важное стратегическое положеніе этого пункта, то не забралъ бы изъ Сакмарска всѣхъ способныхъ носить оружіе, и для обезпеченія своего тыла оставилъ бы въ немъ

Въ тридцати верстахъ отъ Сакмарскаго городка находилась крѣпость Пречистенская. Лучшая часть ея гарнизона была взята Биловымъ на походѣ его къ Татищевой [32]). Одинъ изъ отрядовъ Пугачева занялъ ее безъ сопротивленія. Офицеры и гарнизонъ вышли на встрѣчу побѣдителямъ. Самозванецъ, по своему обыкновенію, принялъ солдатъ въ свое войско и въ первый разъ оказалъ позорную милость офицерамъ.

Пугачевъ усиливался: прошло двѣ недѣли со дня, какъ явился онъ подъ Яицкимъ городкомъ съ горстью бунтовщиковъ, и ужъ онъ имѣлъ до трехъ тысячъ пѣхоты и конницы и болѣе двадцати пушекъ. Семь крѣпостей были имъ взяты или сдались ему. Войско его съ часу на часъ умножалось неимовѣрно. Онъ рѣшился воспользоваться счастіемъ, и 3-го октября, ночью, подъ Сакмарскимъ городкомъ перешелъ рѣку черезъ мостъ, уцѣлѣвшій вопреки распоряженіямъ Рейнсдорпа, и потянулся къ Оренбургу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мѣры правительства.—Состояніе Оренбурга.—Объявленіе Рейнсдорпа о Пугачевѣ.—Разбойникъ Хлопуша.—Пугачевъ подъ Оренбургомъ.—Бердская слобода.—Сообщники Пугачева.—Генералъ-маіоръ Карръ.—Его неудача.—Гибель полковника Чернышова.—Карръ оставляетъ армію.—Бибиковъ.

Оренбургскія дѣла принимали худой оборотъ. Съ часу на часъ ожидали общаго возмущенія яицкаго войска; башкирцы, взволнованные своими старшинами (которыхъ Пугачевъ успѣлъ задарить верблюдами и товарами, захваченными у бухарцевъ), начали нападать на русскія селенія и кучами присоединяться къ войску бунтовщиковъ. Служивые калмыки бѣжали съ форпостовъ. Мордва, чуваши, черемисы перестали повиноваться русскому начальству. Господскіе крестьяне явно оказывали свою приверженность самозванцу, и вскорѣ не только Оренбургская, но и пограничныя съ нею губерніи пришли въ опасное колебаніе.

Губернаторы: казанскій—фонъ-Брантъ, сибирскій—Чичеринъ и астраханскій—Кречетниковъ, вслѣдъ за Рейнсдорпомъ, извѣстили государственную военную коллегію о яицкихъ происшествіяхъ [1]). Императрица съ безпокойствомъ обратила вниманіе на возникающее бѣд-

часть своихъ силъ, дѣйствуя подъ Оренбургомъ (Ibid).

[32] У Пушкина смѣшаны свѣдѣнія о гарнизонѣ Пречистенской крѣпости съ свѣдѣніями о гарнизонѣ Чернорѣченской (см. 28 вын.). Гарнизонъ и орудія Пречистенской крѣпости были отправлены въ Оренбургъ для защиты этого города, по требованію Рейнсдорпа, когда уже было получено страшное извѣстіе о паденіи Татищевой крѣпости, разбитіи отряда Билова и занятіи Пугачевымъ Чернорѣченской крѣпости. (Ibid. по экстракту происшествій въ Оренбургѣ, приложенномъ къ донесенію Рейнсдорпа Сенату отъ 25-го ноября 1773 г. Архивъ кабинета Его Импер. Величества, особое дѣло о Пугачевѣ).

[1]) Рейнсдорпъ доносилъ военной коллегіи въ Петербургѣ, а фонъ Брандтъ, увѣдомленный Рейнсдорпомъ и принявшій заблаговременно энергическія мѣры въ Казанской губ., просилъ кн. Волконскаго, главнокомандующаго въ Москвѣ, о присылкѣ войска и оружія. Сибирскій губернаторъ, астраханскій (П. Н. Кречетниковъ, только что назначенный) и другіе получили указы Военной Коллегіи о томъ, какъ имъ дѣйствовать противъ Пугачева.—(Ibid., II гл.).

ствіе. Тогдашнія обстоятельства сильно благопріятствовали безпорядкамъ. Войска отовсюду были отвлечены въ Турцію и въ волнующуюся Польшу. Строгія мѣры, принятыя по всей Россіи для прекращенія недавно свирѣпствовавшей чумы, производили въ черни общее негодованіе. Рекрутскій наборъ усиливалъ затрудненія. Повелѣно было нѣсколькимъ ротамъ и эскадронамъ изъ Москвы, Петербурга, Новгорода и Бахмута наскоро слѣдовать въ Казань [2]). Начальство надъ ними поручено генералъ-маіору Кару, отличившемуся въ Польшѣ твердымъ исполненіемъ строгихъ предписаній начальства. Онъ находился въ Петербургѣ при пріемѣ рекрутъ [3]). Ему велѣно было сдать свою бригаду генералъ-маіору Нащокину *) и спѣшить къ мѣстамъ, угрожаемымъ опасностію; къ нему присоединили генералъ-маіора Фреймана, уже усмирившаго разъ яицкое

*) Сей Нащокинъ былъ тотъ самый, который далъ пощечину Суворову (послѣ того Суворовъ, увидя его, всегда прятался и говорилъ: боюсь, боюсь! онъ дерется). Въ другомъ спискѣ добавлено: Суворовъ на своемъ вѣку получилъ двѣ пощечины.

Нащокинъ, Воинъ Васильичъ, былъ одинъ изъ самыхъ странныхъ людей своего времени. Сынъ его написалъ его записки: отроду не читывалъ я ничего забавнѣе. Государь Павелъ Петровичъ любилъ его и при восшествіи своемъ на престолъ звалъ его въ службу. Нащокинъ отвѣчалъ государю: вы горячи и я горячъ; служба въ прокъ мнѣ не пойдетъ. Государь пожаловалъ ему деревни въ Костромской губерніи, куда онъ и удалился. Онъ былъ крестникъ императрицы Елизаветы и умеръ въ 1809 году. (*Прим., не внесенное Пушкинымъ въ изданіе*).

---

[2]) Г. Дубровинъ объясняетъ и причину столь малочисленной военной помощи. Опасаясь, чтобы волненія внутри имперіи не имѣли вліянія на внѣшнія дѣла, правительство признало необходимымъ извѣстія о самозванцѣ хранить въ тайнѣ, не трогать цѣлыхъ полковъ, расположенныхъ на границахъ, чтобы не дать повода предположенію, что смута имѣетъ серьезное значеніе. Но свободныхъ войскъ подъ руками не было, и приходилось собирать ихъ по клочкамъ, небольшими разрозненными командами. Такъ кн. Волконскому приказано было (14 окт.). отправить изъ Калуги въ Казань ген.-м. Фреймана и слѣдомъ за нимъ на почтовыхъ 3 остальныя пушки Томскаго полка съ прислугою и зарядными ящиками. Командиру Вятскаго пѣхотнаго полка предписано отправить гренадерскую роту съ 2 орудіями, изъ Новгорода въ Москву и далѣе въ Казань. Комендантамъ царицынскому и крѣпости св. Димитрія поручено: первому препятствовать переправѣ Пугачева черезъ Волгу для слѣдованія на Кубань, а второму не пропускать самозванца на Донъ. Позже (23 окт.). приказано было главнокомандующему 2-й арміей кн. Долгорукову отправить въ Царицынъ изъ Бахмута 2 гусарскіе эскадрона, кн. Волконскому изъ Москвы въ Казань гренадерскую роту Томскаго полка; губернаторамъ псковскому и могилевскому отправить въ Саратовъ: первому 23-ю и 25-ю, а второму 22-ю и 24-ю легкія полевыя команды. Къ Оренбургу приказано было слѣдовать изъ Смоленска 700 башкирцамъ, пришедшимъ изъ Польши (Ibid.).

[3]) Василій Алексѣевичъ Каръ, будучи полковникомъ, состоялъ отъ 1766 г. до 1768 при князѣ Радзивилѣ въ Польшѣ. Имѣлъ случай выказать твердость характера и свои дипломатическія способности. Съ мая 1769 года былъ командиромъ С.-Петербургскаго легіона. Боевой опытъ, пріобрѣтенный въ Семилѣтней войнѣ и затѣмъ въ войнѣ съ конфедератами, доставили Кару репутацію прекраснаго офицера. Не имѣя еще 40 лѣтъ, онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1771 г. императрица разрѣшила ему ѣхать за границу для излѣченія хронической болѣзни. Въ 1773 г. онъ былъ въ числѣ очень немногихъ генераловъ въ Петербургѣ и руководилъ наборомъ рекрутъ. (Ibid).

войско и хорошо знавшаго театръ новыхъ безпорядковъ. Начальникамъ окрестныхъ губерній велѣно было, съ ихъ стороны, дѣлать нужныя распоряженія. Манифестомъ отъ 15 октября правительство объявляло народу [4]) о появленіи самозванца, увѣщевая обольщенныхъ отстать заблаговременно отъ преступнаго заблужденія **).

Обратимся къ Оренбургу.

Въ семъ городѣ находилось до трехъ тысячъ войска и до семидесяти орудій [5]). Съ таковыми средствами можно и должно было уничтожить мятежниковъ. Къ несчастію, между военными начальниками не было ни одного, знавшаго свое дѣло. Оробѣвъ съ самаго начала, они дали время Пугачеву усилиться и лишили себя средствъ къ наступательнымъ движеніямъ [6]). Оренбургъ претерпѣлъ бѣдственную осаду, коей любопытное изображеніе сохранено самимъ Рейнсдорпомъ ***).

Нѣсколько дней появленіе Пугачева было тайною для оренбургскихъ жителей; но молва о взятіи крѣпостей вскорѣ разошлась по городу, а поспѣшное выступленіе Билова ****) подтвердило справедливые слухи. Въ Оренбургѣ оказалось волненіе; казаки съ угрозами роптали; устрашенные жители говорили о сдачѣ города. Схваченъ былъ зачинщикъ смятенія, отставной сержантъ *****), подосланный Пугачевымъ. Въ допросѣ онъ показалъ, что имѣлъ намѣреніе заколоть губернатора. Въ селеніяхъ около Оренбурга начали показываться возмутители. Рейнсдорпъ обнародовалъ объявленіе о Пуга-

**) См. приложенія, I.

***) Журналъ осадѣ, веденный въ губернаторской канцеляріи, помѣщенъ въ любопытной рукописи академика Рычкова. Читатель найдетъ ее въ приложеніи (см. стр. 272). Я имѣлъ въ рукахъ три списка, доставленные мнѣ гг. Спасскимъ, Языковымъ и Лажечниковымъ.

****) Биловъ выступилъ изъ Оренбурга 24-го сентября. Въ этотъ день губернаторъ давалъ у себя балъ. Вѣсть о Пугачевѣ разошлась на балѣ.

(Это неточность: балъ происходилъ 22 сент. по случаю коронаціи императрицы Дубров., гл. 2 тома II. См. 19 вып. къ 2 главѣ. У Рычкова, которымъ здѣсь Пушкинъ руководствовался, число бала указано вѣрно, но обозначено днемъ рожденія государыни).

*****) Сержантъ сей назывался Иванъ Костицынъ. Участь его неизвѣстна. Его допрашивалъ подполковникъ В. Могутовъ.

4) Манифестъ (15 окт.) былъ напечатанъ лишь въ 200 экземплярахъ, такъ какъ желали сохранить въ тайнѣ отъ большинства населенія имперіи происходившее подъ Оренбургомъ. (Ibid).

5) Численность защитниковъ Оренбурга по свѣдѣніямъ въ книгѣ г. Дубровина: регулярныхъ солдатъ — 174 человѣка, гарнизонныхъ — 1,314 человѣкъ, рекрутъ — 105, казаковъ — 467, татаръ — 350, отставныхъ солдатъ вмѣстѣ съ обывателями 496 человѣкъ. При этомъ гарнизонные солдаты были по преимуществу люди престарѣлые и плохо вооруженные, рекруты только что собраны и не обучены, татары ненадежны, отставные солдаты калѣки, а обыватели вовсе не вооружены. Что же касается бóльшей части офицеровъ, говоритъ современникъ, „то о томъ лучше я умолчу“ (Письмо Ѳедора Сукина отъ 25 ноября 1773 г. Рукописная книга изъ собранія рукоп. графа А. Уварова № 559). (Ibid. II гл.).

6) По мнѣнію г. Дубровина, Рейнсдорпу трудно было выйти въ поле съ гарнизономъ, состоявшимъ изъ стариковъ, людей неподвижныхъ и не бывавшихъ на войнѣ, и дѣйствовать безъ обоза, съ плохимъ вооруженіемъ противъ коннаго непріятеля, быстро возраставшаго въ численности своихъ силъ (Ibid).

чевѣ, въ коемъ объяснялъ его настоящее званіе и прежнія преступленія. Оно было писано темнымъ и запутаннымъ слогомъ. Въ немъ было сказано, что о злодѣйствующемъ съ яицкой стороны носится слухъ, якобы онъ другова состоянія, нежели какъ есть; но что онъ въ самомъ дѣлѣ донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, за прежнія преступленія наказанный кнутомъ съ поставленіемъ на лицѣ знаковъ. Сіе показаніе было несправедливо †). Рейнсдорпъ повѣрилъ ложному слуху, и мятежники потомъ торжествовали, укоряя его въ клеветѣ ††).

Казалось, всѣ мѣры [7]), предпринимаемыя Рейнсдорпомъ, обращались ему во вредъ. Въ оренбургскомъ острогѣ содержался тогда въ оковахъ злодѣй, извѣстный подъ именемъ Хлопуши. Двадцать лѣтъ разбойничалъ онъ въ тамошнихъ краяхъ; три раза ссылаемъ былъ въ Сибирь, и три раза находилъ способъ уходить. Рейнсдорпъ вздумалъ †††) употребить смышленаго каторжника, и чрезъ него переслать въ шайку пугачевскую увѣщевательные манифесты. Хлопуша клялся въ точности исполнить его препорученія. Онъ былъ освобожденъ, явился прямо къ Пугачеву и вручилъ ему самому всѣ губернаторскія бумаги. „Знаю, братецъ, что̀ тутъ написано", сказалъ безграмотный Пугачевъ, и подарилъ ему полтину денегъ и платье недавно повѣшеннаго киргизца. Хорошо зная край, на который такъ долго наводилъ ужасъ своими разбоями, Хлопуша сдѣлался ему необходимъ. Пугачевъ наименовалъ его полковникомъ и поручилъ ему грабежъ и возмущеніе заводовъ. Хлопуша оправдалъ его довѣренность. Онъ пошелъ по рѣкѣ Сакмарѣ, возмущая окрестныя селенія; явился на Бугульчанской и Стерлитамацкой пристаняхъ, и на уральскихъ заводахъ, и переслалъ оттолѣ Пугачеву пушки, ядра и порохъ, умножа свою шайку приписными крестьянами и башкирцами, товарищами его разбоевъ.

5-го октября Пугачевъ со своими силами расположился лагеремъ на казачьихъ лугахъ, въ пяти верстахъ отъ Оренбурга. Онъ тотчасъ двинулся впередъ и подъ пушечными выстрѣлами поставилъ одну батарею на паперти церкви у самаго предмѣстія, а другую въ загородномъ губернаторскомъ домѣ. Онъ отступилъ, отбитый сильною пальбою. Въ тотъ же день, по приказанію губернатора, предмѣстіе было выжжено. Уцѣлѣла одна только изба и Георгіевская церковь. Жители переведены были въ городъ, и имъ обѣщано воз-

---

†) Въ донесеніи Малыковской земской конторы сказано о Пугачевѣ: оказался подозрителенъ, битъ кнутомъ. (См. выше примѣчаніе*** ко 2 главѣ).

††) Падуровъ, въ послѣдствіи времени повѣшенный, писалъ Мартемьяну Бородину, увѣщевая его покориться Пугачеву: „А нынѣ вы называете его (самозванца) донскимъ казакомъ Емельяномъ Пугачевымъ и яко бы у него поздри рваныя и клейменой. А по усмотрѣнію моему, у него тѣхъ признаковъ не имѣется". (См. это письмо ниже въ выноскѣ къ приложенію: 1-му указу).

†††) По совѣту одного изъ чиновниковъ (говоритъ Рычковъ).

---

[7]) По мнѣнію г. Дубровина, оренбургскій губернаторъ не подлежитъ упреку относительно военныхъ мѣръ, имъ принятыхъ; политическія же его дѣйствія ниже всякой критики: это рядъ ошибокъ, послужившихъ къ усиленію Пугачева (Ibid).

награжденіе за весь убытокъ. Начали очищать ровъ, окружающій городъ, а валъ обносить рогатками [8]).

Ночью около всего города запылали скирды заготовленнаго на зиму сѣна. Губернаторъ не успѣлъ перевезти оное въ городъ. Противу зажигателей (уже на другой день утромъ) выступилъ маіоръ Наумовъ (только что прибывшій изъ Яицкаго городка). Съ нимъ было тысяча пятьсотъ человѣкъ конницы и пѣхоты. Встрѣченный пушками, онъ перестрѣливался и отступилъ безъ всякаго успѣха. Его солдаты робѣли, а казакамъ онъ не довѣрялъ [9]).

Рейнсдорпъ собралъ опять совѣтъ изъ военныхъ и гражданскихъ своихъ чиновниковъ и требовалъ отъ нихъ письменнаго мнѣнія: выступить ли еще противъ злодѣя, или подъ защитой городскихъ укрѣпленій ожидать прибытія новыхъ войскъ? На семъ совѣтѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Старовъ-Милюковъ одинъ объявилъ мнѣніе, достойное военнаго человѣка: идти противу бунтовщиковъ. Прочіе боялись новою неудачею привести жителей въ опасное уныніе и только думали защищаться. Съ послѣднимъ мнѣніемъ согласился и Рейнсдорпъ [10]).

8-го октября мятежники выѣхали грабить мѣновой дворъ, находившійся въ трехъ верстахъ отъ города ††††). Высланный противу нихъ отрядъ прогналъ ихъ, убивъ на мѣстѣ двѣсти человѣкъ и захвативъ до ста шестнадцати. Рейнсдорпъ, желая воспользоваться симъ случаемъ, нѣсколько ободрившимъ его войско, хотѣлъ на другой день выступить противъ Пугачева; но всѣ начальники единогласно донесли ему, что на войско никакимъ образомъ положиться было невоз-

††††) „Мѣновой дворъ, на которомъ съ азіатскими народами, чрезъ все лѣто до самой осени, торгъ и мѣна производятся, построенъ на степной сторонѣ рѣки Яика, въ виду изъ города, разстояніемъ отъ берега версты съ двѣ; ближе строить его было невозможно, потому что прилегло все мѣсто низменное и водопоемное. Въ немъ находится пограничная таможня; лавокъ вокругъ всего двора 246, да анбаровъ 140. Внутри же построенъ дворъ для азіатскихъ купцовъ съ 98 лавками и 8 анбарами. Въ 1762 году полавочныхъ денегъ взималось 4,854 руб. Мѣновой дворъ укрѣпленъ батареями“. (Топографія Оренбургской губерніи).

8) Свѣдѣнія о Хлопушѣ заимствованы у Рычкова въ выноскахъ къ § 26 и 34, а о дѣйствіяхъ 5 октября — въ §§ 27 и 35.

9) Въ книгѣ г. Дубровина о неудачѣ Наумова сообщается слѣдующее: „Человѣкъ нерѣшительный, не особенно храбрый и наслышавшійся на пути къ Оренбургу о жестокостяхъ Пугачева, маіоръ Наумовъ вышелъ изъ города и, остановясь вдали отъ непріятеля, приказалъ открыть огонь изъ орудій. Мятежники отвѣчали тѣмъ же, а сами разсыпались по степи небольшими кучками и тѣмъ лишили Наумова возможности наносить имъ вредъ своими выстрѣлами. Послѣ двухчасовой перестрѣлки, разстрѣлявъ всѣ свои заряды, маіоръ Наумовъ счелъ болѣе удобнымъ возвратиться въ крѣпость, тѣмъ болѣе, что, по словамъ его, онъ замѣтилъ въ своихъ подчиненныхъ „робость и страхъ“. Выходцы изъ толпы самозванца говорили послѣ, что если бы Наумовъ продвинулся впередъ, а не оставался на мѣстѣ, то толпа мятежниковъ побросала бы свои пушки и убѣжала бы въ лагерь, такъ какъ зарядовъ у нихъ почти не оставалось. (По лѣтописи Рычкова въ приложеніи къ Ист. Пугачевскаго бунта Пушкина). (Ibid).—У Рычкова это изложено въ §§ 28 и 32. Пушкинъ не воспользовался этими данными.

10) О собраніи Рейнсдорпомъ совѣта между 6 и 8 окт. ничего не говорится въ книгѣ г. Дубровина. Пушкинъ заимствовалъ это изъ § 33 лѣтописи Рычкова.

можно: солдаты, приведенные въ уныніе и недоумѣніе, сражались неохотно, а казаки на самомъ мѣстѣ сраженія могли соединиться съ мятежниками, и слѣдствія ихъ измѣны были бы гибилью для Оренбурга. Рейнсдорпъ не зналъ, что дѣлать †††††). Онъ кое-какъ успѣлъ однакожъ уговорить и усовѣстить своихъ подчиненныхъ, и 12 октября Наумовъ вывелъ опять изъ города свое ненадежное войско.

Сраженіе завязалось. Артиллерія Пугачева была превосходнѣе числомъ выведенной изъ города. Оренбургскіе казаки съ непривычки робѣли ядеръ и жались къ городу подъ прикрытіе пушекъ, разставленныхъ по валу. Отрядъ Наумова былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ многочисленными толпами. Онъ выстроился въ карре и началъ отступать, отстрѣливаясь отъ непріятеля. Сраженіе продолжалось четыре часа. Наумовъ убитыми, ранеными и бѣжавшими потерялъ сто семнадцать человѣкъ.

Не проходило дня безъ перестрѣлокъ. Мятежники толпами разъѣзжали около городскаго вала и нападали на фуражировъ. Пугачевъ нѣсколько разъ подступалъ подъ Оренбургъ со всѣми своими силами. Но онъ не имѣлъ намѣренія взять его приступомъ. „Не стану тратить людей“, говорилъ онъ сакмарскимъ казакамъ, „а выморю городъ моромъ“. Не разъ находилъ онъ способъ доставлять возмутительные свои листы. Схватили въ городѣ нѣсколько злодѣевъ, посланныхъ отъ самозванца: у нихъ находили порохъ и фитили.

Вскорѣ въ Оренбургѣ оказался недостатокъ въ сѣнѣ. У войска и у жителей худыя и къ работѣ неспособныя лошади было отобраны и отправлены частію къ Илецкой защитѣ и къ Верхо-Яицкой крѣпости, частію въ Уфимскій уѣздъ. Но въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города лошади были захвачены бунтующими крестьянами и татарами, а казаки, гнавшіе табунъ, отосланы къ Пугачеву.

Осенняя стужа настала ранѣе обыкновеннаго. Съ 14-го октября начались уже морозы; 16-го выпалъ снѣгъ; 18-го Пугачевъ, зажегши свой лагерь, со всѣми тяжестями пошелъ обратно отъ Яика къ Сакмарѣ и расположился подъ Бердскою*) слободою, близъ лѣтней сакмарской дороги, въ семи верстахъ отъ Оренбурга[11]). Оттолѣ

†††††) „Der kläglichste Zustand des Orenburgischen Gouvernements ist weit critischer als ich ihn beschreiben kann; eine reguläre feindliche Armee von zehntausend Mann würde mich nicht in Schrecken setzen, allein ein Verräther mit 3000 (Рейнсдорпъ въ семъ числѣ не считалъ башкирцевъ) Rebellen macht ganz Orenburg zittern. Meine aus 1200 Mann bestehende Garnison ist noch das einzige Commando worauf ich mich verlasse. Durch die Gnade des Höchsten, haben wir 12 Spions aufgefangen, etc. (т. е.: Плачевнѣйшее состояніе Оренб. губерніи гораздо болѣе критическое, нежели я могу то описать; регулярная непріятельская армія въ 10.000 человѣкъ не испугала бы меня, но измѣнникъ съ 3000 мятежниками приводитъ весь Оренбургъ въ трепетъ.—Мой гарнизонъ, состоящій изъ 1200 ч., составляетъ единственную команду, на которую я могу положиться. По милости Всевышняго схватили мы 12 шпіоновъ и т. д. (Письмо Рейнсдорпа къ гр. Чернышеву отъ 9-го октября 1773).

*) Бердская казачья слобода, при рѣкѣ Сакмарѣ. Она обнесена была надолотомъ и рогатками. По угламъ были батареи. Дворовъ въ ней было до двухсотъ. Жалованныхъ казаковъ считалось до ста. Они имѣли своего атамана и особыхъ старшинъ.

---

[11]) Мятежники много терпѣли отъ | стужи и непогоды. Мнимый государь

разъѣзды его не переставали тревожить городъ, нападать на фуражировъ и держать гарнизонъ во всегдашнемъ опасеніи.

2-го ноября Пугачевъ со всѣми силами подступилъ опять къ Оренбургу и, поставя около всего города батареи, открылъ ужасный огонь. Съ городской стѣны отвѣчали ему тѣмъ же. Между тѣмъ человѣкъ тысяча изъ его пѣхоты, со стороны рѣки закравшись въ погреба выжженнаго предмѣстія, почти у самаго вала и рогатокъ, стрѣляли изъ ружей и сайдаковъ. Самъ Пугачевъ ими предводительствовалъ. Егери полевой команды выгнали ихъ изъ предмѣстія. Пугачевъ едва не попался въ плѣнъ. Вечеромъ огонь утихъ; но во всю ночь мятежники пальбою сопровождали бой часовъ соборной церкви, дѣлая по выстрѣлу на каждый часъ.

На другой день огонь возобновился, несмотря на стужу и метель. Мятежники въ церкви разложили огонь, истопили избу, уцѣлѣвшую въ выжженномъ предмѣстіи, и грѣлись попеременно. Пугачевъ поставилъ пушку на паперти, а другую велѣлъ втащить на колокольню. Въ верстѣ отъ города находилась высокая мишень, служившая цѣлью во время артиллерійскихъ ученій. Обоюдная пальба продолжалась цѣлый день. Ночью Пугачевъ отступилъ, претерпѣвъ незначительный уронъ и не сдѣлавъ вреда осажденнымъ **). Утромъ изъ города высланы были невольники, подъ прикрытіемъ казаковъ, срыть мишень и другія укрѣпленія, а избу разломать. Въ церкви, куда мятежники приносили своихъ раненыхъ, видны были на помостѣ кровавыя лужи. Оклады съ иконъ были ободраны, напрестольное одѣяніе въ лоскутьяхъ... [12]).

Стужа усилилась. 6-го ноября Пугачевъ съ яицкими казаками перешелъ изъ своего новаго лагеря въ самую слободу. Башкирцы, калмыки и заводскіе крестьяне остались на прежнемъ мѣстѣ въ своихъ кибиткахъ и землянкахъ. Разъѣзды, нападенія и перестрѣлки не прекращались. Съ каждымъ днемъ силы Пугачева увеличивались [13]).

**) Въ городѣ убито 7 человѣкъ, въ томъ числѣ одна баба, шедшая за водой.

ихъ жилъ въ калмыцкой кибиткѣ, а всѣ его сообщники валялись по степи, ничѣмъ неприкрытые, или прятались по кустамъ, спасаясь отъ холода. Опасаясь ропота и побѣговъ, Пугачевъ помѣстился теперь между Бердскою слободою и Маячною горой, расположивъ часть своей толпы по домамъ и сараямъ, а для остальныхъ началъ строить землянки. „Если бы Рейнсдорпъ въ это время выслалъ изъ крѣпости отрядъ подъ предводительствомъ энергическаго начальника“, говоритъ г. Дубровинъ, „онъ, конечно могъ бы разогнать толпу плохо вооруженную и не имѣвшую пристанища“. — У Пушкина всѣ событія отъ 8 октября изложены по Рычкову (§§ 29, 30, 35, 39, 52, 48, 36 и 37).

[12]) Событія 2 и 3 ноября разсказаны у Пушкина съ бóльшими подробностями, нежели въ сочиненіи г. Дубровина. Но о вредѣ, причиненномъ осажденнымъ снарядами самозванца, у г. Дубровина разсказано слѣдующее: „человѣкъ шесть обывателей было убито, семь ранено; 2 ядра попали внутрь губернаторскихъ покоевъ, одно — въ двери палатки, гдѣ хранилась денежная казна, другое — въ стѣну дома Солянаго управленія, гдѣ была судейская камера, и наконецъ на дворъ дома Рычкова“ (Ibid). — Объ этомъ см. у Рычкова § 45. По этому § и по 40-му изложены у Пушкина событія 2 и 3 ноября.

[13]) О переходѣ въ Берду см. § 47 Рычкова. У г. Дубровина находимъ опредѣленныя указанія силъ Пугачева. Расположившись лагаремъ подъ Оренбургомъ, Пугачевъ продолжалъ раз-

Войско его состояло уже изъ двадцати пяти тысячъ; ядромъ онаго были яицкіе казаки и солдаты, захваченные по крѣпостямъ; но около ихъ скоплялось неимовѣрное множество татаръ, башкирцевъ, калмыковъ, бунтующихъ крестьянъ, бѣглыхъ каторжниковъ и бродягъ всякаго рода. Вся эта сволочь была кое-какъ вооружена: кто копьемъ, кто пистолетомъ, кто офицерскою шпагой. Инымъ розданы были штыки, наткнутые на длинныя палки; другіе носили дубины; большая часть не имѣла никакого оружія [14]). Войско раздѣлено было на полки, состоящіе изъ пятисотъ человѣкъ. Жалованье получали одни яицкіе казаки; прочіе довольствовались грабежемъ [15]). Вино продавалось отъ казны. Кормъ и лошадей доставали отъ башкирцевъ. За побѣгъ объявлена была смертная казнь. Десятникъ головою отвѣчалъ за своего бѣглеца. Учреждены были частые разъѣзды и караулы. Пугачевъ строго наблюдалъ за ихъ исправностію, самъ ихъ объѣзжая, иногда и ночью. Ученія (особенно артиллерійскія) происходили почти всякій день. Церковная служба отправлялась ежедневно. На ектеніи поминали государя Петра Өеодоровича и супругу его государыню Екатерину Алексѣевну. Пугачевъ, будучи раскольникъ, въ церковь никогда не ходилъ. Когда ѣздилъ онъ по базару или по бердскимъ улицамъ, то всегда бросалъ въ народъ мѣдными деньгами. Судъ и расправу давалъ [16]) сидя въ креслахъ передъ своею

сылать повсюду воззванія и приглашать въ свою толпу киргизовъ, ногайцевъ, заводскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ. Воззванія самозванца, обѣщавшаго каждому свободу религіи, освобожденіе отъ крѣпостной зависимости и надѣленіе землей—были приняты населеніемъ съ большимъ сочувствіемъ. Прежде всего присоединились къ Пугачеву тѣ 400 человѣкъ башкирцевъ, которые были вытребованы для подкрѣпленія гарнизона Оренбурга; вскорѣ явились двое башкирскихъ старшинъ, каждый съ 500 человѣкъ. По мѣрѣ того, какъ регулярныя войска собирались въ центральныхъ пунктахъ дистанцій, оставшееся населеніе крѣпостей и форпостовъ принимало сторону самозванца. Такимъ образомъ были заняты мятежниками Пречистенская, Красногорская крѣпости, Нѣжинскій и Вязовскій редуты и др. пункты. Шигаевъ собралъ по верхнеяицкимъ форпостамъ 100 человѣкъ въ станъ Пугачева. Прибыло 100 человѣкъ казаковъ, бѣжавшихъ изъ Яицкаго городка. За ними пришли высланные Хлопушей 83 крестьянина Преображенскаго Твердышевскаго завода и привезли много денегъ, 5 пушекъ и пороха. Явились черемисскій старшина съ 500 человѣкъ, башкирскій съ 600 человѣкъ, старшина ставропольскихъ калмыковъ съ 300 человѣкъ. (Ibid). Въ началѣ декабря 1773 г. силы Пугачева простирались до 15.000 человѣкъ и 86 орудій (Ibid. VII гл).

[14] Не имѣвшіе никакого оружія ходили подъ Оренбургъ съ одною плетью (Показаніе ссыльнаго Семена Демидова; Гос. Арх. VI; дѣло № 467 (13) (Ibid. VII гл).

[15]) Г. Дубровинъ въ выноскѣ къ главѣ VII, т. II своей книги замѣчаетъ: „А. С. Пушкинъ ошибается, говоря, что полки имѣли одинаковый составъ, по 500 чел. каждый, и что жалованіе получали одни казаки. Жалованье выдавалось всѣмъ, но не аккуратно, а когда были деньги“.—Ни полковые командиры, ни ихъ помощники не знали точно, сколько находилось въ ихъ вѣдѣніи людей. „Списковъ не было, показывалъ Шигаевъ, потому что часто прибывали и убывали, а былъ счетъ однимъ только командирамъ, коимъ въ руки и жалованье на ихъ команду отдавалось“. (Ibid).

[16]) Пушкинъ заимствовалъ это изъ Рычкова (§ 39: „...выслушиваетъ и распоряжаетъ всякія дѣла“). Но у Рычкова же находимъ свѣдѣнія о коллегіи, которую Пугачевъ учредилъ въ Бердской слободѣ (§ 75). По изложенію г. Дубровина, никакихъ разбирательствъ самъ Пугачевъ не производилъ. Спустя нѣсколько дней по обложеніи Оренбурга, онъ учредилъ „военную коллегію“ для управленія краемъ и войсками. Пер-

избою. По бокамъ его сидѣли два казака, одинъ съ булавою, другой съ серебрянымъ топоромъ. Подходящіе къ нему кланялись въ землю и, перекрестясь, цѣловали его руку. Бердская слобода была вертепомъ убійствъ и распутства. Лагерь полонъ былъ офицерскихъ женъ и дочерей, отданныхъ на поруганіе разбойникамъ. Казни происходили каждый день. Овраги около Берды были завалены трупами разстрѣлянныхъ, удавленныхъ, четвертованныхъ страдальцевъ. Шайки разбойниковъ устремлялись во всѣ стороны, пьянствуя по селеніямъ, грабя казну и достояніе дворянъ, но не касаясь крестьянской собственности. Смѣльчаки подъѣзжали къ рогаткамъ оренбургскимъ; иные, наткнувъ шапку на копье, кричали: господа казаки! пора вамъ одуматься и служить государю Петру Ѳедоровичу. Другіе требовали, чтобы имъ выдали Мартюшку Бородина (войсковаго старшину, прибывшаго въ Оренбургъ изъ Яицкаго городка вмѣстѣ съ отрядомъ Наумова), и звали казаковъ къ себѣ въ гости, говоря: у нашего батюшки вина много! Изъ города противу ихъ выѣзжали наѣздники и завязывались перестрѣлки, иногда довольно жаркія. Нерѣдко самъ Пугачевъ являлся тутъ же, хвастая молодечествомъ. Однажды прискакалъ онъ пьяный, потерявъ шапку и шатаясь на сѣдлѣ — и едва не попался въ плѣнъ. Казаки спасли его и утащили, подхвативъ его лошадь подъ уздцы ***) [17]).

Пугачевъ не былъ самовластенъ. Яицкіе казаки, зачинщики бунта, управляли дѣйствіями прошлеца [18]), не имѣвшаго другаго достоинства, кромѣ нѣкоторыхъ военныхъ познаній и дерзости необыкновенной. Онъ ничего не предпринималъ безъ ихъ согласія; они же часто дѣйствовали безъ его вѣдома, а иногда и вопреки его воли. Они оказывали ему наружное почтеніе, при народѣ ходили за нимъ безъ шапокъ и били ему челомъ; но наединѣ обходились съ нимъ какъ съ товарищемъ и вмѣстѣ пьянствовали, сидя при немъ въ шапкахъ и въ однѣхъ рубахахъ и распѣвая бурлацкія пѣсни. Пугачевъ скучалъ ихъ опекою. Улица моя тѣсна, говорилъ онъ Денису Пьянову, пируя на свадьбѣ младшаго его сына ****). Не терпя посторон-

***) Въ другой разъ Пугачевъ, пьяный, лежа въ кибиткѣ, во время бури сбился съ дороги и въѣхалъ въ оренбургскія ворота. Часовые его окликали. Казакъ Федуловъ, правившій лошадьми, молча поворотилъ и успѣлъ ускакать. Федуловъ, недавно умершій, былъ одинъ изъ казаковъ, предавшихъ самозванца въ руки правительства.

****) Слышано мною отъ самого Дмитрія Денисовича Пьянова, донынѣ здравствующаго въ Уральскѣ.

нымъ главнымъ судьей былъ Твороговъ, потомъ Витошновъ; Шигаевъ, Горшковъ и Почиталинъ „сидѣли ниже“..., Пугачевъ, сидя на креслахъ, взятыхъ въ загородномъ домѣ оренб. губерн., принималъ просителей и доклады „военной коллегіи“. (Ibid).

[17]) Эти сцены подъ Оренбургомъ Пушкинъ заимствовалъ по большей части изъ §§ 37, 39, 49 и 75 Рычкова. У г. Дубровина сообщается, что отправляясь подъ Оренбургъ, Пугачевъ всегда переодѣвался въ самое простое платье, чтобы его не узнали, и держался въ сторонѣ отъ выстрѣловъ. (Показаніе Ивана Почиталина, 8 мая 1774 г. Гос. Арх., VI д. № 506). (Ibid).

[18]) 25 чел. изъ наиболѣе преданныхъ самозванцу яицкихъ казаковъ составляли караулъ и конвой Пугачева— это была гвардія самозванца. Выборъ должностныхъ лицъ составлялся исключительно яицкими казаками. (Ibid).—О Харловой при Пугачевѣ и о смерти ея

няго вліянія на царя, ими созданнаго, они не допускали самозванца имѣть иныхъ любимцевъ и повѣренныхъ. Пугачевъ, въ началѣ своего бунта, взялъ къ себѣ писаря сержанта Кармицкаго, простивъ его подъ самой висѣлицей. Кармицкій сдѣлался вскорѣ его любимцемъ. Яицкіе казаки при взятіи Татищевой удавили его и бросили съ камнемъ на шеѣ въ воду. Пугачевъ о немъ освѣдомился. Онъ пошелъ, отвѣчали ему, къ своей матушкѣ внизъ по Яику. Пугачевъ, молча, махнулъ рукой. Молодая Харлова имѣла несчастіе привязать къ себѣ самозванца. Онъ держалъ ее въ своемъ лагерѣ подъ Оренбургомъ. Она одна имѣла право во всякое время входить въ его кибитку; по ея просьбѣ прислалъ онъ въ Озерную приказъ—похоронить тѣла имъ повѣшенныхъ при взятіи крѣпости. Она встревожила подозрѣнія ревнивыхъ злодѣевъ, и Пугачевъ, уступивъ ихъ требованію, предалъ имъ свою наложницу. Харлова и семилѣтній братъ ея были разстрѣляны. Раненые, они сползлись другъ съ другомъ и обнялись. Тѣла ихъ, брошенныя въ кусты, оставались долго въ томъ же положеніи.

Въ числѣ главныхъ мятежниковъ отличался Зарубинъ (онъ же и Чика), съ самаго начала бунта сподвижникъ и пѣстунъ Пугачева. Онъ именовался фельдмаршаломъ и былъ первый по самозванцѣ. Овчинниковъ, Шигаевъ, Лысовъ и Чумаковъ предводительствовали войскомъ. Всѣ они назывались именами вельможъ, окружавшихъ въ то время престолъ Екатерины: Чика—графомъ Чернышевымъ, Шигаевъ—графомъ Воронцовымъ, Овчинниковъ—графомъ Панинымъ, Чумаковъ—графомъ Орловымъ *****). Отставной артиллерійскій капралъ Бѣлобородовъ пользовался полною довѣренностію самозванца. Онъ вмѣстѣ съ Падуровымъ [19]) завѣдывалъ письменными дѣлами у безграмотнаго Пугачева, и ввелъ строгій порядокъ и повиновеніе въ шайкахъ бунтовщиковъ. Перфильевъ, при началѣ бунта находившійся въ Петербургѣ по дѣламъ яицкаго войска, обѣщался правительству привести казаковъ въ повиновеніе и выдать самого Пугачева въ руки правосудія, но пріѣхавъ въ Берду, оказался изъ самыхъ ожесточенныхъ бунтовщиковъ и соединилъ судьбу свою съ судьбою самозванца. Разбойникъ Хлопуша изъ-подъ кнута, клейменый рукою палача, съ ноздрями, вырванными до хрящей, былъ одинъ изъ любимцевъ Пугачева. Стыдясь своего безобразія, онъ носилъ на лицѣ сѣтку или закрывался рукавомъ, какъ будто защищаясь отъ мороза ******). Вотъ какіе люди колебали государствомъ.

*****) Кажется, Пугачевъ и его сообщники не полагали важности въ этой пародіи. Они въ шутку называли также Бердскую слободу — Москвою, деревню Каргале—Петербургомъ, а Сакмарской городокъ—Кіевомъ. (Ср. Лѣт. Рычк. § 83).

******) Такъ пишетъ Каръ въ письмѣ къ графу Чернышеву, отъ 11-го ноября 1773.

Пушкинъ разсказываетъ по § 39, 23 Рычкова.

[19]) Г. Дубровинъ въ выноскѣ къ VI гл. замѣчаетъ: „Ни Бѣлобородовъ, ни Падуровъ, какъ говоритъ Пушкинъ, не находились въ составѣ военной коллегіи“.—Свѣдѣнія о главныхъ мятежникахъ Пушкинъ заимствовалъ изъ § 39 Рычкова, который здѣсь не упоминаетъ ни Бѣлобородова, ни Падурова.

Кар между тѣмъ прибылъ на границу Оренбургской губерніи [20]). Казанскій губернаторъ, еще до пріѣзда его, успѣлъ собрать нѣсколько сотъ гарнизонныхъ, отставныхъ и поселенныхъ солдатъ и расположить ихъ частію около Кичуевскаго фельдшанца, частію по рѣкѣ Черемшану, на половинѣ дороги отъ Кичуева до Ставрополя [21]). На Волгѣ находились человѣкъ тридцать рядовыхъ при одномъ офицерѣ для поимки разбойниковъ: имъ велѣно было примѣчать за движеніями бунтовщиковъ. Брантъ писалъ въ Москву къ генералъ-аншефу князю Волконскому, требуя отъ него войска. Но московскій гарнизонъ былъ весь отряженъ для отвода рекрутъ, а томскій полкъ, находившійся въ Москвѣ, содержалъ караулы на заставахъ, учрежденныхъ въ 1771 году во время свирѣпствовавшей чумы. Князь Волконскій могъ отрядить только триста рядовыхъ при одной пушкѣ и тотчасъ послалъ ихъ на подводахъ въ Казань [22]).

Каръ предписалъ симбирскому коменданту полковнику Чернышеву, идущему по Самарской линіи къ Оренбургу, занять какъ можно скорѣе Татищеву [23]). Онъ былъ намѣренъ, тотчасъ по прибытіи генералъ-маіора Фреймана, находившагося въ Калугѣ для пріема рекрутъ, послать его на подкрѣпленіе Чернышеву. Каръ не сомнѣвался въ успѣхѣ [24]). „Опасаюсь только", писалъ онъ графу З. Г. Чернышеву, „чтобы сіи разбойники, свѣдавъ о приближеніи командъ, не обратились бы въ бѣгъ, не допустя до себя оныхъ, по тѣмъ же

20) 30 октября Каръ пріѣхалъ въ Кичуевскій фельдшанецъ, находившійся въ 432 верстахъ отъ Оренбурга (Дубр.).

21) Войска, которыя должны были поступить въ распоряженіе ген.-м. Кара, состояли изъ трехъ незначительныхъ отрядовъ: 1) секундъ-маіора Астафьева, находившагося въ Кичуевскомъ фельдшанцѣ и на постахъ по границѣ Казанской губ. (794 ч. съ 1 орудіемъ); 2) премьеръ-маіора фонъ-Варнстедта, стоявшаго за Бугульмой, по ново-московской дорогѣ, и имѣвшаго авангардъ въ Кутлубетевой слободѣ въ 1825 ч. съ 5 орудіями, и 3) симбирскаго коменданта полк. Чернышева, стоявшаго въ Бузулукѣ и имѣвшаго авангарды въ Тоцкой и Сорочинской крѣпостяхъ (849 ч. съ 2 орудіями). Войска эти состояли изъ старыхъ гарнизонныхъ солдатъ, плохо вооруженныхъ поселянъ и лишь незначительнаго числа полевыхъ войскъ (606 чел.). (Ibid. V гл).

22) (См. вын. 2).—Каръ выѣхалъ изъ Москвы 21 окт.; 24 окт. выступила изъ Москвы гренадерская рота Вятскаго полка съ 2 орудіями, а 27 окт. двинулась и гренадерская рота Томскаго полка. Остальныя войска, назначенныя въ распоряженіе ген.-м. Кара, выступали въ походъ лишь въ началѣ ноября, и могли прибыть къ мѣстамъ назначенія не ранѣе января 1774 г. Такимъ образомъ Каръ могъ разсчитывать только на тѣ войска, которыя были отправлены изъ Москвы и собраны казанскимъ губернаторомъ (см. вын. 21). (Ibid).

23) Этою мѣрой Каръ желалъ отрѣзать мятежникамъ главнѣйшіе пути отступленія. Планъ его дѣйствій былъ: прикрывая границу Казанской губ. между Волгой и Камой, двигаться впередъ по двумъ направленіямъ: по ново-московской дорогѣ (дорога эта проходила черезъ Кичуевскій фельдшанецъ, Бугульму, деревню Самарнаеву и Сакмарскій городокъ въ Оренбургъ) и по Самарской линіи (начинаясь у Самары, линія эта проходила черезъ слободу Мачинскую, крѣпости: Борскую, Бузулукскую, Тоцкую, Сорочинскую, Переволоцкую, Татищеву и далѣе къ Оренбургу), для атаки мятежниковъ одновременно съ двухъ сторонъ. (Ibid).

24) Каръ не имѣлъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній о степени распространенія мятежа. Каръ зналъ только, что Пугачевъ со своею толпою стоитъ подъ Оренбургомъ, по рѣкѣ Сакмарѣ. Фонъ-Брандтъ ввелъ его въ заблужденіе, увѣривши, что толпа Пугачева немногочисленна и состоитъ *изъ сущей сволочи* (Ibid).

самымъ мѣстамъ, отколь онѣ появились". Онъ предвидѣлъ затрудненія только въ преслѣдованіи Пугачева по причинѣ зимы и недостатка въ конницѣ.

Въ началѣ ноября, не дождавшись ни артиллеріи, ни ста семидесяти гренадеръ, посланныхъ къ нему изъ Симбирска, ни высланныхъ къ нему изъ Уфы вооруженныхъ башкирцевъ и мещеряковъ, онъ сталъ подаваться впередъ. На дорогѣ, во ста верстахъ отъ Оренбурга, онъ узналъ, что отряженный отъ Пугачева ссыльный разбойникъ Хлопуша, вылнвъ пушки на Овзяно-Петровскомъ †) заводѣ и возмутивъ приписныхъ крестьянъ и окрестныхъ башкирцевъ, возвращается подъ Оренбургъ. Каръ поспѣшилъ пресѣчь ему дорогу и 7-го ноября послалъ секундъ-маіора Шишкина съ четырьмя стами рядовыхъ и двумя пушками въ деревню Юзееву ††) ,а самъ съ генераломъ Фрейманомъ и преміеръ-маіоромъ Ф. Варнстедомъ, только что подоспѣвшимъ изъ Калуги [25]), выступилъ изъ Сарманаевой. Шишкинъ былъ встрѣченъ подъ самой Юзеевой шестью стами мятежниками [26]). Татары и вооруженные крестьяне, бывшіе при немъ, тотчасъ передались. Шишкинъ однако разсѣялъ сію толпу нѣсколькими выстрѣлами. Онъ занялъ деревню, куда Каръ и Фрейманъ прибыли въ четвертомъ часу ночи. Войско было такъ утомлено, что невозможно было даже учредить конные разъѣзды [27]). Генералы рѣшились ожидать свѣта, чтобъ напасть на бунтовщиковъ, и на зарѣ увидѣли передъ собой ту же толпу [28]). Мятежникамъ передали увѣщевательный манифестъ; они его приняли, но отъѣхали съ бранью, говоря, что ихъ манифесты правѣе, и начали стрѣлять изъ бывшей у нихъ пушки. Ихъ разогнали опять... Въ это время Каръ услышалъ у себя въ тылу четыре дальныхъ пушечныхъ выстрѣла. Онъ испугался и поспѣшно началъ отступать, полагая себя отрѣзаннымъ отъ Казани. Тутъ болѣе двухъ тысячъ мятежниковъ наскакали со всѣхъ сторонъ и открыли огонь изъ девяти орудій. Пугачевъ самъ ими предводительствовалъ [29]). Хлопуша успѣлъ съ нимъ соединиться. Разсыпавшись по полямъ на разстояніе пушечнаго выстрѣла, они были внѣ всякой опасности. Конница Кара была утомлена и малочисленна. Мятежники, имѣя добрыхъ лошадей, при наступленіи пѣхоты отдалялись, проворно перевозя свои пушки [30]) съ одной горы на другую, и

†) Овзяно-Петровскій заводъ принадлежалъ купцу Твердышеву, человѣку предпріимчивому и смышленому. Твердышевъ нажилъ свое огромное имѣніе въ теченіе семи лѣтъ. Потомки его наслѣдниковъ суть донынѣ одни изъ богатѣйшихъ людей въ Россіи.

††) Деревня Юзеева во 120 верстахъ отъ Оренбурга.

[25]) Здѣсь у Пушкина явная описка. Не Варнстедтъ, а Фрейманъ прибылъ на помощь Кару изъ Калуги. О его пребываніи тамъ уже сказано выше у Пушкина.

[26]) Авангардъ Шишкина былъ атакованъ Зарубинымъ (Чикой) съ толпою въ 400 чел. съ 2 орудіями. (Дубр. Ibid).

[27]) Темнота ночи и недовѣріе къ оставшимся всадникамъ не дозволили отправить разъѣзды. (Ibid).

[28]) На утро (8 ноября) деревня Юзеева была окружена толпой, состоявшею изъ 600 чел. съ 1 орудіемъ. (Ibid).

[29]) Мятежниками предводительствовалъ главный атаманъ ихъ Овчинниковъ, которому Пугачевъ поручилъ не допустить Кара до Оренбурга (Ibid. гл. IV и V).

[30]) У мятежниковъ было 9 орудій значительно бо́льшихъ калибровъ (12,

такимъ образомъ семнадцать верстъ сопровождали отступающаго Кара. Онъ цѣлыхъ восемь часовъ отстрѣливался изъ своихъ пяти пушекъ, бросилъ свой обозъ и потерялъ (если вѣрить его донесенію) не болѣе ста двадцати человѣкъ убитыми, ранеными и бѣжавшими. Башкирцы, ожидаемые изъ Уфы, не бывали; находившіеся въ недальнемъ разстояніи, подъ начальствомъ князя Уракова, бѣжали, заслыша пальбу. Солдаты, по большей части престарѣлые или рекруты, громко роптали и готовы были сдаться; молодые офицеры, не бывавшіе въ огнѣ, не умѣли ихъ ободрить. Гренадеры, отправленные на подводахъ изъ Симбирска при поручикѣ Карташовѣ, ѣхали съ такой оплошностію, что даже ружья не были у нихъ заряжены, и каждый спалъ въ своихъ саняхъ. Они сдались съ четырехъ первыхъ выстрѣловъ, услышанныхъ Каромъ поутру изъ деревни Юзеевой.

Каръ потерялъ вдругъ свою самонадѣянность. Съ донесеніемъ о своемъ уронѣ, онъ представилъ военной коллегіи, что для пораженія Пугачева нужны не слабые отряды, а цѣлые полки, надежная конница и сильная артиллерія. Онъ немедленно послалъ повелѣніе полковнику Чернышеву не выступать изъ Переволоцкой и стараться въ ней укрѣпиться въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Но посланный къ Чернышеву не могъ уже его догнать.

11-го ноября Чернышевъ выступилъ изъ Переволоцкой и 13-го въ ночь прибылъ въ Чернорѣченскую [31]). Тутъ онъ получилъ отъ двухъ илецкихъ казаковъ, приведенныхъ самарскимъ атаманомъ, извѣстіе о разбитіи Кара и о взятіи ста семидесяти гренадеръ. Въ истинѣ послѣдняго показанія Чернышевъ не могъ усомниться: гренадеры были отправлены имъ самимъ изъ Симбирска, гдѣ они находились при отводѣ рекрутъ. Онъ не зналъ, на что рѣшиться: отступить ли къ Переволоцкой, или спѣшить къ Оренбургу, куда наканунѣ отправилъ онъ донесеніе о своемъ приближеніи. Въ сіе время явились къ нему пять казаковъ и одинъ солдатъ, которые, какъ увѣряли, бѣжали изъ пугачевскаго стана [32]). Между ними находился казацкій

---

6 и 3-фунтовыя пушки и 8-фунтовые единороги), чѣмъ у Кара (1 восьмифунтовый единорогъ и 4 никуда негодныя 3-фунтовыя пушки). (Ibid. гл. V).

[31]) Двигаясь къ Чернорѣченской крѣпости (18 верстъ отъ Оренбурга), Чернышевъ остановился (12 ноября) на хуторѣ Рычкова, въ 40 верстахъ отъ Оренбурга. Отсюда отправилъ 2 казаковъ къ ген. Рейнсдорпу, съ просьбой указать, по какой сторонѣ Яика двигаться. Рейнсдорпъ, получившій рапортъ бригадира Корфа, доносившаго, что къ ночи 12 ноября онъ будетъ въ 20 верст. отъ Оренбурга,—отправилъ предписаніе, чтобы Корфъ и Чернышевъ выступили со своихъ ночлеговъ въ одно время на разсвѣтѣ. Такъ какъ Чернышеву приходилось итти мимо лагеря самозванца, то Корфу приказано слѣдовать къ нему на соединеніе. Изъ Оренбурга для поддержки ихъ должна была быть произведена вылазка. Являлась надежда, что злодѣи, атакованные съ трехъ сторонъ, будутъ побѣждены. (Ѳедоръ Сукинъ въ письмѣ къ петерб. губернатору отъ 25 ноября 1773 г. Изъ собранія гр. Уварова, за № 59 (Ibid).

[32]) Сакмарскій (а не самарскій) атаманъ Углецкій объявилъ Чернышеву также, что силы Пугачева весьма значительны, что ген. Каръ разбитъ и отступилъ, что Чернышевъ будетъ непремѣнно атакованъ, и ему остается только пробраться въ Оренбургъ тайно ночью. Захваченные въ Чернорѣчьѣ 5 чел. казаковъ изъ толпы самозванца и солдатъ Крыловъ подтвердили слова атамана. Они просили помилованія и обѣщали за то провести отрядъ скрытными путями въ Оренбургъ (Ibid).

сотникъ и депутатъ †††) Падуровъ [33]). Онъ увѣрилъ Чернышева въ своемъ усердіи, представя въ доказательство свою депутатскую медаль, и совѣтовалъ немедленно итти къ Оренбургу, вызываясь провести его безопасными мѣстами. Чернышевъ ему повѣрилъ и въ тотъ же часъ, безъ барабаннаго бою, выступилъ изъ Чернорѣченской. Падуровъ велъ его горами, увѣряя, что передовые караулы Пугачева далеки, и что если на разсвѣтѣ они его и увидятъ, то опасность уже минуется, и онъ безпрепятственно успѣетъ вступить въ Оренбургъ. Утромъ Чернышевъ пришелъ къ Сакмарѣ и при урочищѣ Маякѣ, въ пяти верстахъ отъ Оренбурга, началъ переправляться по льду. Съ нимъ было тысяча пятьсотъ солдатъ и казаковъ, пятьсотъ калмыковъ и двѣнадцать пушекъ. Капитанъ Ружевскій переправился первый съ артиллеріей и легкимъ войскомъ; онъ тотчасъ, взявъ съ собою трехъ казаковъ, отправился въ Оренбургъ и явился къ губернатору съ извѣстіемъ о прибытіи Чернышева.—Въ самое сіе время въ Оренбургѣ услышали пушечную пальбу, которая черезъ четверть часа и умолкла... Нѣсколько времени спустя, Рейнсдорпъ получилъ извѣстіе, что весь отрядъ Чернышева взятъ и ведется въ лагерь Пугачева.

Чернышевъ былъ обманутъ Падуровымъ, который привелъ его прямо къ Пугачеву. Мятежники вдругъ на него бросились и овладѣли артиллеріей [34]). Казаки и калмыки измѣнили. Пѣхота, утомленная стужею, голодомъ и ночнымъ переходомъ, не могла сопротивляться. Все было захвачено. Пугачевъ повѣсилъ Чернышева ††††), тридцать шесть офицеровъ, одну прапорщицу и калмыцкаго полковника †††††), оставшагося вѣрнымъ своему несчастному начальнику [35]).

---

†††) То есть депутатъ въ коммиссіи составленія новаго уложенія. Депутатовъ было 652 человѣка. Имъ розданы были для ношенія въ петлицѣ, на золотой цѣпочкѣ, золотыя овальныя медали, съ изображеніемъ на одной сторонѣ вензелеваго е. и. в. имени, а на другой пирамиды, увѣнчанной императорскою короною съ надписью: Блаженство каждаго и всѣхъ; а внизу: 1766 годъ, Декабря 14 день.

††††) Сей Чернышевъ есть тотъ самый, о которомъ государыня говоритъ въ своихъ запискахъ. Онъ былъ нѣкогда камеръ-лакеемъ и удаленъ изъ Петербурга повелѣніемъ императрицы Елизаветы. Онъ и братъ его были любимцами Петра III, который сдѣлалъ одного полковникомъ и далъ ему полкъ, а второго подполковникомъ. Екатерина пожаловала перваго бригадиромъ и сдѣлала с.-петербургскимъ комендантомъ, а брата его (повѣшеннаго) полковникомъ и комендантомъ симбирскимъ.... (*Прим., не включенное Пушкинымъ въ изданіе*).

†††††) Изъ сего калмыцкаго полковника сдѣлали капитана Калмыкова. (Г. Дубровинъ въ выноскѣ къ 5 гл. II тома своей книги замѣчаетъ: „Капитанъ

---

33) Г. Дубровинъ въ выноскѣ къ V гл. II т. своей книги замѣчаетъ: „Въ Ист. Пугач. бунта А. С. Пушкина многіе эпизоды написаны по разсказамъ и преданіямъ, а потому невѣрно. Падуровъ не являлся къ Чернышеву и не велъ отряда“. Отрядъ двигался по указанію солдата Крылова (Ibid.).

34) Переправившись черезъ рѣку Сакмару по льду, на разсвѣтѣ 13 числа отрядъ сталъ подниматься на такъ называемую Маячную гору, въ 4½ верст. отъ Оренбурга. За этой-то горою и поджидалъ Пугачевъ, знавшій еще наканунѣ о движеніи Чернышева. Самозванецъ съ толпою въ 2000 человѣкъ и 2 орудіями встрѣтилъ выстрѣлами отрядъ, спускавшійся съ горы. (Ibid).—О прибытіи капитана Ржевскаго и о взятіи отряда Чернышева Пушкинъ разсказываетъ по § 50 Рычкова.

35) 13 ноября были повѣшены 32 офи-

Въ то же самое время бригадиръ Корфъ вступалъ въ Оренбургъ съ двумя тысячами четырьмя стами человѣкъ войска и съ двадцатью орудіями. Пугачевъ напалъ и на него, но былъ отраженъ городскими казаками [36]).

Оренбургское начальство казалось обезумленнымъ отъ ужаса. 14-го ноября Рейнсдорпъ, не подавъ наканунѣ никакой помощи отряду несчастнаго Чернышева, вздумалъ сдѣлать сильную вылазку. Все войско, бывшее въ городѣ (включая тутъ же и вновь прибывшій отрядъ), было выведено въ поле подъ предводительствомъ оберъ-коменданта. Бунтовщики, вѣрные своей системѣ, сражались издали и вразсыпную, производя безпрестанный огонь изъ многочисленныхъ своихъ орудій. Изнуренная городская конница не могла имѣть и надежды на успѣхъ. Валленштернъ принужденъ былъ составить карре и отступить, потерявъ тридцать два человѣка *). Въ тотъ же день маіоръ Варнстедъ, отряженный Каромъ на ново-московскую дорогу, встрѣченъ былъ сильнымъ отрядомъ Пугачева и поспѣшно отступилъ, потерявъ до двухъ сотъ человѣкъ убитыми [37]).

Калмыковъ былъ дѣйствительно повѣшенъ, и никто не дѣлалъ, какъ говоритъ авторъ Исторіи Пугачевскаго бунта изъ калмыцкаго старшины капитана Калмыкова". (См. вын. 35 къ этой главѣ). Пушкинъ былъ введенъ въ заблужденіе Рычковымъ, который въ § 50 называетъ повѣшеннаго „Калмыцкимъ полковникомъ." Впрочемъ ниже въ § 52 и у Рычкова упоминается въ выноскѣ между офицерами, умерщвленными Пугачевымъ, „ставропольскаго гарнизона капитанъ Калмыковъ, человѣкъ твердаго духа, о коемъ сказано, что якобы онъ предъ кончиною своего предводителя-злодѣя публично предъ всѣмъ смотрѣвшимъ на сію казнь народомъ ругалъ."

*) При семъ сраженіи пойманъ былъ одинъ изъ первыхъ зачинщиковъ бунта, Данила Шелудяковъ. Старый наѣздникъ принялъ оренбургскихъ казаковъ за своихъ и подскакалъ къ нимъ съ повелѣніями. Казакъ схватилъ его за воротъ: Пугачевъ, нѣкогда жившій у него въ работникахъ, любилъ его и звалъ своимъ отцомъ. На другой день, не нашедъ его между убитыми, многіе

цера, калмыцкій старшина и жена артиллерійскаго офицера. Трупы повѣшенныхъ были брошены подъ гору, при чемъ у ставропольскаго гарнизоннаго баталіона маіора Семенова и капитана Калмыкова, „какъ они были собою толсты, вскрыты были груди злодѣями, и вынимали изъ нихъ сало, сказывая, что оно пригодно для лѣченія ранъ" (Показаніе прапорщика Ставроп. баталіона Григорія Аверкіева, 5 февр. 1774 г. и друг. Дѣла Гос. Арх. (Ibid).

[36]) О нападеніи мятежниковъ на отрядъ Корфа, въ книгѣ г. Дубровина сообщается слѣдующее: Покончивъ съ отрядомъ Чернышева и „обольстясь тою важною побѣдою", Пугачевъ, по его словамъ, оплошалъ. Онъ послалъ стеречь отрядъ Корфа Якова Пономарева съ 4 казаками, а толпѣ своей разрѣшилъ обѣдать. Во время шумнаго и пьянаго обѣда прибѣжалъ посланный Пономарева. Пока двухтысячная толпа собиралась, частичь Корфа, ему удалось пройти въ Оренбургъ; къ тому же онъ двигался не по той дорогѣ, по которой предполагалъ самозванецъ. Рейнсдорпъ успѣлъ дать ему приказаніе не итти на соединеніе съ Чернышевымъ и слѣдовать по противоположному берегу Яика. (Id.). Пушкинъ и здѣсь даетъ главную роль самому Пугачеву. У Рычкова (§ 50) читаемъ: „не преминули они, злодѣи, во многолюдствѣ и его (Корфа) встрѣтить". Но это нападеніе опровергается вышеприводимыми свѣдѣніями г. Дубровина.

[37]) Здѣсь Пушкинъ былъ введенъ въ ошибку Рычковымъ (§ 50). По изложенію г. Дубровина, премьеръ - маіоръ Варнстедтъ, отрядъ котораго стоялъ за Бугульмой по ново-московской дорогѣ, когда Каръ принялъ начальство надъ войсками, собранными и расположенными казанскимъ губернаторомъ фонъ Брандтомъ для защиты Казанской губерніи и на помощь Оренбургу,—не дѣйствуетъ съ своимъ отрядомъ самостоя-

Получивъ извѣстіе о взятіи Чернышева, Каръ совершенно упалъ духомъ и думалъ уже не о побѣдѣ надъ презрѣннымъ бунтовщикомъ, но о собственной безопасности. Онъ донесъ обо всемъ военной коллегіи, самовольно отказался отъ начальства подъ предлогомъ болѣзни, далъ нѣсколько умныхъ совѣтовъ насчетъ образа дѣйствій Пугачева и, оставя свое войско на попеченіе Фрейману, уѣхалъ въ Москву, гдѣ появленіе его произвело общій ропотъ [38]). Императрица строгимъ указомъ повелѣла его исключить изъ службы **). Съ того времени жилъ онъ въ своей деревнѣ, гдѣ и умеръ въ началѣ царствованія императора Александра ***).

подъѣзжали къ городу и требовали его выдачи. Дня черезъ два, передъ свѣтомъ, три человѣка подъѣхали къ городскому валу и требовали опять Шелудякова. Имъ отвѣчали: приведите къ намъ и сына его (Пугачева), и обѣщали за то 500 рублей награжденія. Они отъѣхали молча. Шелудяковъ былъ пытанъ и умеръ дней черезъ пять.

**) См. въ приложеніяхъ (2-е) указъ военной коллегіи объ увольненіи генералъ-маіора Кара отъ службы.

***) Каръ былъ употребленъ предъ симъ въ дѣлахъ, требовавшихъ твердости и даже жестокости (это еще не предполагаетъ храбрости, и Каръ это доказалъ). (Въ друг. спискѣ: Въ Радомѣ онъ былъ сторожемъ Радзивила). Разбитый двумя каторжниками (Пугачевымъ и Хлопушей, ibid.) онъ бѣжалъ подъ предлогомъ лихорадки, лома въ костяхъ, фистулы и горячки. Пріѣхавъ въ Москву, онъ хотѣлъ явиться съ оправданіями къ князю Волконскому, который его не принялъ. Каръ пріѣхалъ въ благородное собраніе, но его появленіе произвело такой шумъ и такіе крики, что онъ принужденъ былъ поспѣшно удалиться. Нынѣ общее мнѣніе если и существуетъ, то уже гораздо равнодушнѣе, нежели бывало въ старину. Сей человѣкъ, пожертвовавшій честью для своей безопасности, нашелъ однакоже смерть насильственную: онъ былъ убитъ своими крестьянами, выведенными изъ терпѣнія его жестокостью. (*Прим., не включенное Пушкинымъ въ изд.*).

тельно. Усиливъ отрядъ Варнстедта прибывшей командой Томскаго полка и 200 гарниз. солдатами, Каръ прибылъ самъ 2 ноября въ Бугульминскую слободу, гдѣ заготовлялъ продовольствіе и фуражъ. 6 ноября Каръ съ отрядомъ Варнстедта дошелъ до деревень Мустафиной и Сарманаевой, гдѣ поджидалъ увеличенія войска и числа орудій. 7 ноября онъ былъ вынужденъ двинуться въ деревню Юзееву и впервые вступить въ бой съ мятежниками (см. выше). При содѣйствіи ген.-м. Фреймана и пр.-м. Варнстедта, Кару удалось удержать нѣкоторый порядокъ отряда при отступленіи къ деревнѣ Сарманаевой. Лишенный всѣхъ средствъ продовольствія и имѣя на всѣ орудія только 167 зарядовъ, Каръ 11 ноября рѣшился отступить въ деревню Дюсметеву. Здѣсь сильные морозы увеличили число больныхъ. Каръ рѣшился выждать прибытія изъ Казани артиллеріи и боевыхъ припасовъ, а затѣмъ уже атаковать мятежниковъ одновременно съ отрядомъ Чернышева, которому послалъ приказаніе остановиться и до времени ограничиться прикрытіемъ Самарской линіи. (Id). Какъ же могъ быть отряженъ Каромъ Варнстедтъ на ново-московскую дорогу?

[38]) Г. Дубровинъ въ своей книгѣ возражаетъ Пушкину противъ обвиненія Кара такъ: „Мало знакомый съ дѣйствительнымъ ходомъ бунта, Пушкинъ, говоря объ отъѣздѣ Кара, голословно обвиняетъ его въ трусости, называетъ Пугачева презрѣннымъ, и, подобно современникамъ, силы его ничтожными. На самомъ дѣлѣ Кара слѣдуетъ упрекнуть не въ трусости, а въ отсутствіи сознанія, что при тогдашнемъ положеніи внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ, появленіе его въ Петербургѣ будетъ крайне непріятно. Въ столицѣ тщательно скрывали все, что̀ могло хотя временно ослабить увѣренность въ величіи и силѣ Россіи“....„лишь только 25 ноября было получено письмо, въ которомъ Каръ выражалъ желаніе пріѣхать въ Петербургъ, его участь была уже рѣшена“. „Уѣзжая въ Казань и

Императрица видѣла необходимость взять сильныя мѣры противъ возрастающаго зла. Она искала надежнаго военачальника и выбрала генералъ-аншефа Бибикова.—Александръ Ильичъ Бибиковъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ лицъ екатерининскихъ временъ, столь богатыхъ людьми знаменитыми. Въ молодыхъ еще лѣтахъ онъ успѣлъ уже отличиться на поприщѣ войны и гражданственности. Онъ служилъ съ честію въ семилѣтнюю войну и обратилъ на себя вниманіе Фридриха Великаго. Важныя препорученія были на него возлагаемы: въ 1763 году посланъ онъ былъ въ Казань для усмиренія взбунтовавшихся заводскихъ крестьянъ. Твердостію и благоразумною кротостію вскорѣ возстановилъ онъ порядокъ. Въ 1766 году, когда составлялась коммиссія новаго уложенія, онъ предсѣдательствовалъ въ Костромѣ на выборахъ, самъ былъ избранъ депутатомъ и потомъ назначенъ въ предводители всего собранія. Въ 1771 году онъ назначенъ былъ на мѣсто генералъ-поручика Веймарна главнокомандующимъ въ Польшу, гдѣ въ скоромъ времени успѣлъ не только устроить упущенныя дѣла, но и пріобрѣсти любовь и довѣренность побѣжденныхъ ****).

****) (Придворныя отношенія А. И. Бибикова чрезвычайно любопытны. Это одинъ изъ благороднѣйшихъ характеровъ того времени ibid.). Императрица уважала Бибикова и увѣрена была въ его усердіи, но никогда его не любила. Въ началѣ ея царствованія былъ онъ посланъ въ Холмогоры, гдѣ содержалось семейство несчастнаго Іоанна Антоновича, для тайныхъ переговоровъ (*вар.*: въ Шлиссельбургъ для переговоровъ съ несчастнымъ семействомъ несчастнаго I. А.). Бибиковъ возвратился влюбленный безъ памяти въ принцессу Екатерину (что весьма не понравилось государынѣ) (свобода его мыслей и всегдашняя его оппозиція были извѣстны, ibid.); Бибикова подозрѣвали благопріятствующимъ той партіи, которая

далѣе г.-м. Каръ вывелъ отрядъ изъ опаснаго положенія и не слагалъ съ себя ни отвѣтственности, ни возложенной на него обязанности. Очутившись лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, онъ видѣлъ истинное положеніе дѣлъ, не имѣлъ основанія презирать врага, какъ презирали его въ Петербургѣ, и не считалъ возможнымъ съ ничтожными силами, ему данными, исполнить инструкціи военной коллегіи, требовавшей, чтобъ онъ старался „какъ самого Пугачева, такъ и злодѣйскую его шайку переловить“. Зная изъ опытовъ прошедшихъ войнъ, какъ трудно самымъ лучшимъ войскамъ, предводимымъ геніальными полководцами, имѣть дѣло съ народной войной, нельзя обвинять Кара въ бездѣятельности и трусости, но необходимо сказать, что полуторатысячному отряду безъ кавалеріи, самаго разнохарактернаго состава трудно было не только переловить, но и разогнать толпу, состоявшую изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ преимущественно конныхъ“. Всю тяжесть отвѣтственности за неудачу Кара, г. Дубровинъ переноситъ на гр. Чернышева, который, „ограничившись первыми сдѣланными распоряженіями, успокоился и не оказывалъ никакой помощи“. „Чернышевъ былъ болѣе погруженъ въ политическія интриги, чѣмъ заботился о внутреннихъ дѣлахъ и о болѣе добросовѣстномъ исполненіи обязанности президента военной коллегіи“. — „До сосредоточенія своихъ силъ, Кару приходилось, по его выраженію, *маячить* или, другими словами, оставаться въ бездѣйствіи и издали смотрѣть, какъ мятежъ будетъ распространяться все шире и шире. Такое положеніе было тяжело и невозможно для человѣка энергическаго, какимъ былъ Каръ, и понятно, что онъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ, чтобы разсѣять ложный взглядъ на совершающіяся событія и сколь возможно скорѣе усилить свои боевыя средства“.—Самовольная отлучка начальника не только въ тѣ, а и въ позднѣйшія времена не казалась странной и не вызывала даже выговора. (Id. VIII гл).

Въ эпоху, нами описываемую, находился онъ въ Петербургѣ. Сдавъ недавно главное начальство надъ завоеванною Польшею генераль-поручику Романіусу, онъ готовился ѣхать въ Турцію служить при графѣ Румянцовѣ [39]). Бибиковъ былъ холодно принятъ императрицею, дотолѣ всегда къ нему благосклонною. Можетъ быть, она была недовольна нескромными словами, вынужденными у него досадою; ибо, усердный на дѣлѣ и душою преданный государынѣ, Бибиковъ былъ брюзгливъ и смѣлъ въ своихъ сужденіяхъ. Но Екатерина умѣла властвовать надъ своими предубѣжденіями. Она подошла къ нему на придворномъ балѣ съ прежнею ласковой улыбкой и, милостиво съ нимъ разговаривая, объявила ему новое его назначеніе. Бибиковъ отвѣчалъ, что онъ посвятилъ себя на службу отечеству, и тутъ же привелъ слова простонародной пѣсни, примѣнивъ ихъ къ своему положенію:

Сарафанъ ли мой, дорогой сарафанъ!
Вездѣ ты, сарафанъ, пригожаешься;
А не надо, сарафанъ, и подъ лавкой лежишь [40]).

Онъ безотговорочно принялъ на себя многотрудную должность, и 9-го декабря отправился изъ Петербурга.

Пріѣхавъ въ Москву, Бибиковъ нашелъ старую столицу въ страхѣ и уныніи [41]). Жители, недавніе свидѣтели бунта и чумы, трепетали

будто бы желала возвести на престолъ государя великаго князя. (Существовала ли такая партія или нѣтъ—другой вопросъ, ibid.). Симъ призракомъ безпрестанно смущали государыню и тѣмъ отравляли сношенія между матерью и сыномъ, котораго раздражали и ожесточали ежедневныя мелочныя досады и подлая дерзость временщиковъ. Бибиковъ не разъ бывалъ посредникомъ между императрицей и великимъ княземъ. Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ: великій князь, разговаривая однажды о военныхъ движеніяхъ, подозвалъ полковника В. И. Бибикова (брата Александра Ильича) и спросилъ: во сколько времени полкъ его, въ случаѣ тревоги, можетъ поспѣть въ Гатчину? На другой день Александръ Ильичъ узнаетъ, что о вопросѣ великаго князя донесено, и что у брата его отымаютъ полкъ. Александръ Ильичъ, разспросивъ брата, бросился къ императрицѣ и объяснилъ ей, что слова великаго князя были не что иное, какъ военное сужденіе, а не заговоръ. Государыня успокоилась, но сказала: скажи брату своему, что въ случаѣ тревоги, полкъ его долженъ итти въ Петербургъ, а не въ Гатчино. (*Прим., не включенное Пушкинымъ въ изд.*).

---

[39]) Имѣя личные счеты и будучи въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ фельдмаршаломъ Румянцовымъ, А. И. Бибиковъ считалъ это назначеніе немилостью для себя. (Id. XII гл.).

[40]) „Подробности о назначеніи А. И. Бибикова, разсказанныя Г. Р. Державинымъ (см. его сочиненія т. VI, стр. 462, изд. Я. К. Грота)... надо отнести къ числу вымысловъ. Въ среду 13 ноября 1773 г. императрица уѣхала въ Царское Село на охоту для стрѣлянія тетеревей, и оставалась тамъ до 25 ноября. 17 ноября, въ воскресенье, и 24 ноября, въ день тезоименитства Екатерины II, А. И. Бибиковъ былъ приглашенъ къ высочайшему столу. Въ этотъ день, надо полагать, и было ему объявлено новое назначеніе, потому что на слѣдующій день императрица, въ приведенномъ нами выше письмѣ, сообщала объ этомъ С. М. Козьмину. 30 ноября былъ дѣйствительно балъ при дворѣ, по случаю кавалерскаго праздника Св. Андрея Первозваннаго, но изъ камеръ-фурьерскаго журнала видно, что А. И. Бибиковъ на этомъ балу не былъ.“ („Пугачевъ“ Н. Дубровина II т. IX гл., выноска).

[41]) Г. Дубровинъ въ книгѣ своей (II т. XII гл.) пишетъ: „Утромъ, 14 декабря, Александръ Ильичъ Бибиковъ пріѣхалъ въ Москву, „гдѣ были небольшія враки и болтанья“, какъ выразился князь Волконскій, „но ни унынія и страха, ни трепета не было“

въ ожиданіи новаго бѣдствія. Множество дворянъ бѣжало въ Москву изъ губерній, уже разоряемыхъ Пугачевымъ или угрожаемыхъ возмущеніемъ. Холопья, ими навезенные, распускали по площадямъ вѣсти о вольности и объ истребленіи господъ. Многочисленная московская чернь, пьянствуя и шатаясь по улицамъ, съ явнымъ нетерпѣніемъ ожидала Пугачева. Жители приняли Бибикова съ восторгомъ, доказывающимъ, въ какой опасности полагали себя. Онъ оставилъ Москву, спѣша оправдать ея надежды.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дѣйствія мятежниковъ.—Маіоръ Заевъ.—Взятіе Ильинской крѣпости.—Смерть Камешкова и Воронова.—Состояніе Оренбурга.—Осада Яицкаго городка.—Сраженіе подъ Бердою.—Бибиковъ въ Казани.—Екатерина II, помѣщица казанская.—Мнѣніе Европы.—Вольтеръ.—Указъ о домѣ и семействѣ Пугачева.

Разбитіе Кара и Фреймана, погибель Чернышева и неудачныя вылазки Валленштерна и Корфа увеличили въ мятежникахъ дерзость и самонадѣянность. Они кинулись во всѣ стороны, разоряя селенія, города, возмущая народъ, и нигдѣ не находили сопротивленія. Торновъ съ шестью стами человѣкъ взбунтовалъ и ограбилъ всю Нагайбацкую область. Чика между тѣмъ подступилъ подъ Уфу съ десятитысячнымъ отрядомъ и осадилъ ее въ концѣ ноября [1]). Городъ не имѣлъ укрѣпленій, подобныхъ оренбургскимъ; однакожъ комендантъ Мясоѣдовъ и дворяне, искавшіе въ немъ убѣжища, рѣшились обороняться. Чика, не отваживаясь на сильныя нападенія, остановился въ селѣ Чесноковкѣ, въ десяти верстахъ отъ Уфы, взбунтовалъ окрестныя деревни, большею частію башкирскія, и отрѣзалъ городъ отъ всякаго сообщенія [2]). Ульяновъ, Давыдовъ и Бѣлобородовъ дѣйствовали между Уфою и Казанью. Между тѣмъ Пугачевъ послалъ Хлопушу съ пятью стами человѣкъ и шестью пушками взять крѣ-

---

(Письмо кн. Волконскаго императрицѣ 7 янв. 1774 г. *Осьмнадцатый вѣкъ* изд. П. Бартенева, кн. I, 105. Сравни: *Записки о жизни и службѣ Бибикова*, изд. 1865 г., стр. 126 и статью г. Д. Анучина: „Дѣйствія Бибикова въ Пугачевщину". Русск. Вѣстн. 1872 г. № 6, стр. 472). Слѣдовательно, уныніе въ Москвѣ, изображенное далѣе Пушкинымъ, было по меньшей мѣрѣ преждевременно.

[1]) Башкирія была въ полномъ возстаніи. Башкирцы грабили русскія селенія, произвели нападеніе на пристань (на р. Бѣлой), а 24 ноября 500 чел. башкирцевъ подъ начальствомъ самозванныхъ вождей, направились къ г. Уфѣ; число мятежниковъ умножалось съ каждымъ днемъ ясачными татарами, помѣщичьими, дворцовыми и экономическими крестьянами; скоро оно достигло 1000 чел. Башкирцы требовали сдачи г. Уфы. Убѣдившись, что съ шайкою, вооруженною стрѣлами, копьями и рогатинами, взять городъ невозможно, предводители отправили къ Пугачеву за помощью. Добровольное подчиненіе башкирцевъ льстило самозванцу. Воспользовавшись пребываніемъ Зарубина (Чики) въ Уфимск. уѣздѣ (на Воскресенскомъ Твердышева заводѣ), Пугачевъ приказалъ ему принять начальство надъ собравшимся ополченіемъ. Въ *началѣ декабря* Чика прибылъ въ Чесновку, взявъ себѣ въ помощники Илью Ульянова. Тамъ собралъ онъ до 4000 человѣкъ; силы эти вскорѣ утроились перешедшими на сторону самозванца рабочими многихъ заводовъ.—(Дубр., II т. VI и X гл.).

[2]) Зарубинъ (Чика), самозванный гр. Чернышевъ, скоро въ Чесновкѣ сталъ дѣйствовать самостоятельно, мало обращая вниманія на „военную коллегію", и изъ Чесновки сдѣлалъ вторую Берду. Самъ онъ былъ вторымъ Пугачевымъ,

пость Ильинскую и Верхне-Озерную, къ востоку отъ Оренбурга [3]). Для защиты сей стороны отряжены были сибирскимъ губернаторомъ Чичеринымъ генералъ-поручикъ Декалонгъ и генералъ-маіоръ Станиславскій *). Первый прикрывалъ границы сибирскія; послѣдній находился въ Орской **) крѣпости, дѣйствуя нерѣшительно, теряя бодрость при малѣйшей опасности и подъ различными предлогами отказываясь отъ исполненія своего долга [4]).

Хлопуша взялъ Ильинскую [5]), на приступѣ заколовъ коменданта поручика Лопатина [6]), но пощадилъ офицеровъ и не разорилъ даже крѣпости. Онъ пошелъ на Верхне-Озерную. Комендантъ полковникъ Демаринъ отразилъ его нападеніе. Узнавъ о томъ, Пугачевъ самъ поспѣшилъ на помощь Хлопуши и, соединясь съ нимъ 26-го ноября утромъ, подступилъ тотъ же часъ къ крѣпости. Цѣлый день пальба не умолкала. Нѣсколько разъ мятежники, спѣшась, ударяли въ копья, но всегда были опрокинуты. Вечеромъ Пугачевъ отступилъ въ башкирскую деревню, за двѣнадцать верстъ отъ Верхне-Озерной. Тутъ узналъ онъ, что съ сибирской линіи идутъ къ Ильинской три роты, отряженныя генералъ-маіоромъ Станиславскимъ. Онъ пошелъ пересѣчь имъ дорогу.

Маіоръ Заевъ, начальствовавшій симъ отрядомъ, успѣлъ однако занять Ильинскую (27-го ноября). Крѣпость, оставленная Хлопушею, не была имъ выжжена. Жители не были выведены. Между ними находилось нѣсколько плѣнныхъ конфедератовъ. Стѣны и нѣкоторыя избы были повреждены. Войско все было взято, кромѣ одного сер-

---

*) У Декалонга со Станиславскимъ было до 5,000 войска. Но всѣ они были растянуты на великомъ пространствѣ отъ крѣпости Верхояицкой до Орской. Декалонгъ ихъ не сосредоточилъ, боясь оставить линейныя крѣпости безъ обороны.

**) Орская крѣпость на степной сторонѣ рѣки Яика, въ двухъ верстахъ отъ рѣки Орп. выстроена въ 1735 году подъ названіемъ Оренбурга. Она имѣла изрядныя земляныя укрѣпленія. Въ ней всегда находился командиръ Орской дистанціи и двойное число гарнизона, по причинѣ близь-кочующихъ ордъ.

но болѣе умнымъ, самостоятельнымъ и энергичнымъ. (Id. XI гл.).

[3]) Совѣтники Пугачева настаивали на томъ, чтобы, овладѣвъ деньгами, боевыми и продовольственными запасами крѣпостей Верхне-Озерной и Ильинской, атаковать Яицкій городокъ. Послѣдній былъ необходимъ мятежникамъ, какъ опорный пунктъ для зимовки: при продолжительности осады Оренбурга у нихъ могло не хватить средствъ для продовольствія толпы. (Id. VI гл.).

[4]) Заимствовано Пушкинымъ изъ лѣтописи Рычкова, гдѣ неоднократно приводятся дѣйствія ген.-м. Станиславскаго, вызвавшія это освѣщеніе Пушкина (§ 56, 62, 63, 70). Въ книгѣ г. Дубровина находимъ болѣе точное указаніе: Станиславскій съ своимъ отрядомъ занималъ Орскую крѣпость, а Декалонгъ Троицкую крѣпость (II т. III гл.). Освѣщеніе дѣйствій Станиславскаго г. Дубровинымъ согласно съ Пушкинскимъ (Id. VI гл.).

[5]) Въ Ильинской крѣпости находился теперь комендантомъ поручикъ Лопатинъ съ немногими инвалидами. Онъ замѣнилъ полковника Демарина, который со всѣмъ гарнизономъ былъ переведенъ изъ Ильинской въ Верхне-Озерную, какъ болѣе важную крѣпость, когда Корфъ выступилъ изъ нея въ Оренбургъ. (Id. VI гл.).

[6]) Лопатинъ былъ захваченъ мятежниками въ плѣнъ и изрубленъ на дорогѣ (Id.). У Рычкова (§ 62) находится только упоминаніе о взятіи мятежниками Ильинской и—никакихъ подробностей о смерти Лопатина.

жанта и раненаго офицера. Анбаръ былъ отворенъ. Нѣсколько четвертей муки и сухарей валялись на дворѣ. Одна пушка брошена была въ воротахъ. Заевъ наскоро сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія, разставилъ по тремъ бастіонамъ три пушки, бывшія въ его отрядѣ (на четвертый не достало); также учредилъ караулы и разъѣзды и сталъ ожидать непріятеля.

На другой день въ сумерки Пугачевъ явился передъ крѣпостью. Мятежники приблизились и, разъѣзжая около нея, кричали часовымъ: „не стрѣляйте и выходите вонъ: здѣсь государь". По нихъ выстрѣлили изъ пушки. Убило ядромъ одну лошадь. Мятежники скрылись и черезъ часъ показались изъ-за горы, скача вразсыпную, подъ предводительствомъ самого Пугачева. Ихъ отогнали пушками. Солдаты и плѣнные поляки (особливо послѣдніе) съ жаромъ просились на вылазку; но Заевъ не согласился, опасаясь отъ нихъ измѣны. „Оставайтесь здѣсь и защищайтесь"—сказалъ онъ имъ—„а я отъ генерала выходить на вылазку повелѣнія не имѣю".

29-го Пугачевъ подступилъ опять, везя двѣ пушки на саняхъ и передъ ними подвигая нѣсколько возовъ сѣна. Онъ кинулся къ бастіону, на которомъ не было пушки. Заевъ поспѣшилъ поставить тамъ двѣ; но прежде нежели успѣли ихъ перетащить, мятежники разбили ядрами деревянный бастіонъ, спѣшась, бросились и доломали его, и съ обычнымъ воплемъ ворвались въ крѣпость. Солдаты разстроились и побѣжали. Заевъ, почти всѣ офицеры и двѣсти рядовыхъ были убиты. Остальныхъ погнали въ ближнюю татарскую деревню. Плѣнные солдаты приведены были противъ заряженной пушки. Пугачевъ, въ красномъ казацкомъ платьѣ, пріѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи Хлопуши. При его появленіи солдаты поставлены были на колѣна. Онъ сказалъ имъ: „Прощаетъ васъ Богъ и я, вашъ государь Петръ III, императоръ. Вставайте"! Потомъ велѣлъ оборотить пушку и выпалить въ степь. Ему представили капитана Камешкова и прапорщика Воронова. Исторія должна сохранить сіи смиренныя имена. „Зачѣмъ вы шли на меня, на вашего государя"? спросилъ побѣдитель.—„Ты намъ не государь", отвѣчали плѣнники: „у насъ въ Россіи государыня императрица Екатерина Алексѣевна и государь цесаревичъ Павелъ Петровичъ; а ты воръ и самозванецъ". Они тутъ же были повѣшены.—Потомъ привели капитана Башарина. Пугачевъ, не сказавъ уже ему ни слова, велѣлъ было вѣшать и его, но взятые въ плѣнъ солдаты стали за него просить. „Коли онъ былъ до васъ добръ", сказалъ самозванецъ, „то я его прощаю". И велѣлъ его, такъ же, какъ и солдатъ, остричь по-казацки, а раненыхъ отвести въ крѣпость. Казаки, бывшіе въ отрядѣ, были приняты мятежниками какъ товарищи. На вопросъ, зачѣмъ они тотчасъ не присоединились къ осаждающимъ, они отвѣчали, что боялись солдатъ.

Отъ Ильинской Пугачевъ опять обратился къ Верхне-Озерной [7]). Ему непремѣнно хотѣлось ее взять, тѣмъ болѣе, что въ ней на-

[7]) Въ книгѣ своей г. Дубровинъ, на основаніи матеріаловъ, хранящихся въ Арх. Главн. Штаба (въ Спб.) и извѣстныхъ также Пушкину, сообщаетъ: „... Пугачевъ въ тотъ же день (29 ноября, день вторичнаго занятія Ильинской

ходилась жена бригадира Корфа. Онъ грозился ее повѣсить, злобясь на ея мужа, который думалъ обмануть его лживыми переговорами ***).

30-го ноября онъ снова окружилъ крѣпость и цѣлый день стрѣлялъ по ней изъ пушекъ, покушаясь на приступъ то съ той, то съ другой стороны. Демаринъ для ободренія своихъ цѣлый день стоялъ на валу, самъ заряжая пушку [8]). Пугачевъ отступилъ и хотѣлъ итти противу Станиславскаго, но перехвативъ оренбургскую почту, раздумалъ и возвратился въ Бердскую слободу.

Во время его отсутствія Рейнсдорпъ хотѣлъ сдѣлать вылазку, и 30-го ночью войско выступило было изъ города; но лашади, изнуренныя безкормицей, падали и дохли подъ тяжестью артиллеріи [9]), а нѣсколько казаковъ бѣжало. Валленштернъ принужденъ былъ возвратиться.

Въ Оренбургѣ начиналъ оказываться недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Рейнсдорпъ требовалъ оныхъ отъ Декалонга и Стани-

***) Корфъ, послѣ сраженія 14-го ноября, подсылалъ къ Пугачеву казака съ предложеніями о сдачѣ Оренбурга и съ обѣщаніемъ выйти къ нему на встрѣчу. Пугачевъ осторожно подъѣзжая къ Оренбургу и усомнясь въ искренности предложеній, скоро возвратился въ Берду.

крѣпости) въ сумерки, съ пѣснями, выступилъ въ Берду...“ „Онъ не пытался снова атаковать Верхне-Озерной крѣпости, потому что было получено извѣстіе о приближеніи 14 легкой полевой команды подъ начальствомъ г.-м. Станиславскаго, шедшаго изъ Орской крѣпости на помощь маіора Заева“ (VI гл.). Вообще разсказы о вторичномъ занятіи Ильинской крѣпости у Пушкина и г. Дубровина совпадаютъ, ибо оба пользовались тѣмъ же матеріаломъ (Показанія капрала Ивана Кайгородова, кн. II, листъ 377. Показаніе гренадера Ивана Ахлестина, кн. II, л. 387. Показаніе фурьера Степана Панова кн. II, л. 375, а также листы 383 и 384. (Арх. Гл. Шт.). Лѣтопись Рычкова (§ 56, 57 и 58). Присутствіе же Пугачева при вторичномъ нападеніи мятежниковъ на Верхне-Озерную Пушкинъ основалъ очевидно на сообщенной въ лѣтописи Рычкова (§ 70) перепискѣ Рейнсдорпа съ Декалонгомъ (тамъ сказано: „... самъ извѣстный государственный злодѣй Пугачевъ, отлучаясь отселѣ изъ Бердской слободы, въ нѣкоторой партіи подъ Озерной крѣпостью и съ пушками по двоекратной атакѣ ничего сдѣлать не могъ...“) и на неизвѣстномъ источникѣ, откуда заимствовалъ и побудительную причину къ взятію этой крѣпости, о чемъ ничего нѣтъ у Рычкова; нѣтъ и у Дубровина.

[8]) Свѣдѣнія о дѣятельности Демарина заимствованы Пушкинымъ изъ рапорта Демарина къ Рейнсдорпу, изложеннаго въ лѣтописи Рычкова (§ 60): „... онъ, Демаринъ, для подачи примѣра подчиненнымъ своимъ... къ неустрашимости, принужденнымъ нашелся самъ стрѣлять изъ пушекъ...“

[9]) У Рычкова о дѣйствіяхъ 30 ноября находимъ слѣдующее: „... Г. губернаторъ, примѣчая, при неоднократныхъ сраженіяхъ, что въ разсужденіи превосходной злодѣйской команды, а напротивъ того *изнуренія здѣшнихъ казачьихъ лошадей*, и что отъ лагеря злодѣйскаго до самаго города простирается степь, совершеннаго успѣха одержать безъ сикурса надежды не предвидѣлось, съ г.г. оберъ-комендантомъ генералъ - маіоромъ Валленстерномъ, штабъ и оберъ-офицерами имѣлъ общій совѣтъ, и сдѣлана имъ, губернаторомъ, такая секретная диспозиція, чтобъ собравъ тотъ корпусъ до разсвѣта, итти въ тотъ злодѣйскій лагерь ночью и нечаяннымъ образомъ сильно его атаковать“... „по коей диспозиціи хотя тотъ корпусъ и за городъ вышелъ было, только къ несчастію по справкѣ оказалось, что назначенныхъ подъ артиллерію кавалерійскихъ лошадей 30 въ ту ночь отъ безкормицы пало, и у обывателей вскорости собрать время не доставало, а между тѣмъ и разсвѣтало, и дабы на разсвѣтѣ отъ оной злодѣйской толпы по предводительству

славскаго [10]). Оба отговаривались. Онъ ежечасно ожидалъ прибытія новаго войска[11]) и не получалъ о немъ никакого извѣстія, будучи отрѣзанъ отвсюду, кромѣ Сибири и Киргизъ-кайсацкихъ степей. Для поимки языка высылалъ онъ иногда до тысячи человѣкъ, и то нерѣдко безъ успѣха. Вздумалъ онъ, по совѣту Тимашева, разставить капканы около вала и, какъ волковъ, ловить мятежниковъ, разъѣзжающихъ ночью близь города. Сами осажденные смѣялись надъ сею военной хитростію, хоть имъ было не до смѣха [12]); а Падуровъ въ одномъ изъ своихъ писемъ язвительно упрекалъ губернатора его неудачной выдумкой, предрекая ему гибель и насмѣшливо совѣтуя покориться самозванцу ****) [13]).

****) Рейнсдорпъ, потерявъ надежду побѣдить Пугачева силой оружія, пустился въ полемику, не весьма приличную. Въ отвѣтъ на дерзкія увѣщанія самозванца, онъ послалъ ему письмо съ слѣдующею надписью: Пресущему злодѣю и отъ Бога отступившему человѣку, сатанину внуку, Емелькѣ Пугачеву. Секретари Пугачева не остались въ долгу. Помѣщаемъ здѣсь письмо Падурова (см. вын. 12), какъ образецъ канцелярскаго его слога: „Оренбургскому губернатору, сатанину внуку, дьявольскому сыну. Прескверное ваше увѣщеваніе (*по чтенію г. Дубровина*: увѣщаніе) здѣсь получено, за что васъ, яко всескверного общему покою ненавистника, благодаримъ. Да и сколько ты себя, по дѣйству (*Дубр.*: демству) сатанину, ни ухищрялъ, однако власть Божію не перемудришь (*Дубр.*: перемудрилъ). Вѣдай, мошенникъ (да и по всему тебѣ, бестіи, знать должно), сколько ты ни пробовалъ своего всескверного сча-

---

ся здѣшняя команда ко вреду подвержена не была, и что при томъ случились и дезертиры, того ради принуждено оный корпусъ возвратить, отложа то намѣреніе до удобнаго времени (Лѣтоп. Рычкова § 58).

[10]) Составлено по лѣтоп. Рычкова (§ 63). Вообще же дѣйствія и положеніе Декалонга у Пушкина не выяснены. Г. Дубровинъ сообщаетъ, что ген.-пор. Декалонгъ, командовавшій войсками на Сибирской линіи, при первомъ извѣстіи о Пугачевѣ выступилъ съ отрядомъ къ Оренбургу. Въ то же время были двинуты на Оренбургскую линію войска изъ Тобольска подъ начальствомъ маіора Заева, комендантомъ же Троицкой крѣпости предполагалось собрать отрядъ до 6 тысячъ человѣкъ и отправить къ Оренбургу. Отправляясь самъ къ Троицкой крѣпости, Декалонгъ сообщилъ Рейнсдорпу о движеніи полевыхъ командъ и спрашивалъ, не прикажетъ ли онъ бригадиру Корфу не выступать изъ Озерной крѣпости, чтобы, дождавшись полевыхъ командъ, дѣйствовать совокупными силами противъ мятежниковъ. „При энергическомъ наступленіи, силъ этихъ,“ говоритъ г. Дубровинъ, „было, конечно, достаточно для того, чтобы разогнать сборище Пугачева и возстановить спокойствіе.“ Въ Троицкой крѣпости Декалонгъ получилъ увѣдомленіе отъ Рейнсдорпа, *что онъ вовсе не имѣетъ нужды въ его полевыхъ командахъ*, что въ самомъ непродолжительномъ времени, „уповая на милость Божію,“ какъ скоро соберутся оренбургскія войска, онъ, губернаторъ, „надъ злодѣями атаку учинитъ“. Онъ предписалъ Декалонгу расположить свои войска въ Орской и Троицкой крѣпостяхъ. Сибирскія войска оставались безо всякой дѣятельности довольно долго. — Обращаясь теперь къ Декалонгу, Рейнсдорпъ оправдывался тѣмъ, что„ скорѣе имъ (ген. Кару и Фрейману) съ войсками, нежели сибирскому корпусу прибыть сюда уповалъ“. Почти поголовное возстаніе башкирцевъ лишило Декалонга возможности оказать теперь помощь Оренбургу. — (Id. III и VII гл.).

[11]) т. е. войска съ ген. Каромъ и Фрейманомъ во главѣ (Рычк. § 63).

[12]) Положеніе Оренбурга и дѣйствія Рейнсдорпа изложены по лѣтописи Рычкова (§§ 63, 73, 83).

[13]) Письмо (отъ 23 февр. 1774 г. хранящееся въ Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. IV), приведенное Пушкинымъ въ примѣчаніи, было написано по приказанію Пугачева (Дубр. II т. XVI гл.). Автора письма не указываетъ и Рычковъ, упоминающій дважды въ своей лѣтописи о бранномъ письмѣ

Яицкой городокъ, сіе первое гнѣздо бунта, долго не выходилъ изъ повиновенія, устрашенный войскомъ Симонова. Наконецъ частыя пересылки съ бунтовщиками и ложные слухи о взятіи Оренбурга ободрили приверженцевъ Пугачева. Казаки, отряжаемые Симоновымъ изъ города для содержанія карауловъ или поимки возмутителей, подсылаемыхъ изъ Бердской слободы, начали явно оказывать неповиновеніе, освобождать схваченныхъ бунтовщиковъ, вязать вѣрныхъ старшинъ и перебѣгать въ лагерь къ самозванцу. Разнесся слухъ о приближеніи мятежническаго отряда [14]). Въ ночь съ 29-го на 30-е декабря старшина Мостовщиковъ выступилъ противу него. Черезъ нѣсколько часовъ трое изъ бывшихъ съ нимъ казаковъ прискакали въ крѣпость и объявили, что Мостовщиковъ въ семи верстахъ отъ города былъ окруженъ и захваченъ многочисленными толпами бунтовщиковъ. Смятеніе въ городѣ было велико [15]). Симоновъ оробѣлъ; къ счастію, въ крѣпости находился капитанъ Крыловъ, человѣкъ рѣшительный и благоразумный. Онъ въ первую минуту

стія, однако счастіе ваше (*у Дубр. этихъ трехъ словъ нѣтъ*) служитъ (*Дубр.*: служишь единому твоему отцу, сатанѣ. Разумѣй, бестія (*у Дубр.*: *этого обращенія нѣтъ*), хотя ты по дѣйству сатанину (*Дубр.*: сатанинову) во многихъ мѣстахъ капканы (и) разставилъ: однако ваши труды остаются вотще, а на тебя здѣсь хотя веревочныхъ (*Дубр.*: Варавиныхъ) не станетъ петель, а мы у Мордвина хоть (*Дубр.*: хотя) гривну дадимъ, мочальныхъ (возьмемъ) (*у Дубр. этихъ 2 словъ нѣтъ*), да на тебя веревку свить можемъ; не сумнѣвайся (*Дубр.*: ты) мошенникъ, изъ ... сдѣланъ (*у Дубр. этихъ трехъ словъ нѣтъ*). Нашъ всемилостивѣйшій Монархъ, аки орелъ поднебесный, во всѣхъ арміяхъ на одинъ день бываетъ, а (*Д.*: и) съ нами всегда присутствуетъ. Да и бъ (*Д.*: Дабы) мы вамъ совѣтовали, оставя свое невѣріе (*Д.*: зловредіе , придти къ нашему чадолюбивому отцу и всемилостивѣйшему монарху; егда придешь въ покореніе, сколько (*Д.*: бы) твоихъ озлобленій ни было, не только во всѣхъ извиненіяхъ всемилостивѣйше прощаетъ, да и сверхъ того васъ прежняго достоинства не лишаетъ; а здѣсь не безъизвѣстно, что вы и мертвечину въ честь кушаете. И такъ объ-

---

мятежниковъ къ Рейнсдорпу (§§ 82 и 84). Очевидно Пушкинъ приписалъ его Падурову по соображенію, основанному на слѣдующихъ фактахъ. При отъѣздѣ своемъ изъ Берды къ Яицкому городку Пугачевъ оставлялъ начальниками „Хлопушу да имѣющагося у него оренбургскаго казачьяго сотника Подурова" (§ 75); 14 февр. „подъѣзжали къ валу (Оренбурга) два человѣка и, привязавъ къ копьямъ, оставили 2 письма, изъ коихъ объ одномъ сказывали, что отъ находящагося у злодѣевъ сотника Подурова къ женѣ его"... (§ 79); что Подуровъ былъ грамотный, свидѣтельствуетъ и его переписка съ Бородинымъ (см. въ приложеніяхъ). Сверхъ того, 10 февр. подъѣзжалъ къ Оренбургу „сотникъ Подуровъ, имѣя при себѣ злодѣевъ человѣкъ до 30-ти, изъ коихъ отважнѣйшіе выскакивали напередъ, кричали: долго ли де вамъ городскимъ ѣсть кобылятину, пора ужъ городъ сдавать; у насъ хлѣба довольно,—выговаривая при томъ и другія, но все сумасбродныя и пьяныя рѣчи" (§ 83). Эти рѣчи совпадаютъ съ содержаніемъ письма, приписаннаго Пушкинымъ Падурову. И въ приложенной къ „И. П. бунта" сентенціи 1775 г. янв. 10, въ число обвиненій Падурова включено: „писалъ угрозительныя письма къ оренб. губернатору..., которыми письмами сей измѣнникъ убѣжденъ и признался".

[14]) Согласно лѣтописи Рычкова: (§§ 67 и 72), хотя очевидно дополнено изъ другихъ источниковъ, которыми пользовался Пушкинъ („Оборона Яика отъ партій мятежниковъ" въ Отеч. Зап. 1824 г., ч. 19, и журналъ Симонова, см. вын. ††† къ V гл).

[15]) Симоновъ приказалъ ударить въ набатъ. Это было сигналомъ для желающихъ перейти въ ретраншаментъ подъ защиту войскъ. Но такихъ оказалось не болѣе 70 человѣкъ (Id.).

безпорядка принялъ начальство надъ гарнизономъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія [16]). 31-го декабря отрядъ мятежниковъ подъ предводительствомъ Толкачева вошелъ въ городъ. Жители приняли его съ восторгомъ и тутъ же, вооружась чѣмъ ни попало, съ нимъ соединились, бросились къ крѣпости [17]) изо всѣхъ переулковъ, засѣли въ высокія избы и начали стрѣлять изъ окошекъ. Выстрѣлы, говоритъ одинъ свидѣтель, сыпались подобно дроби, битой десятью барабанщиками. Въ крѣпости падали не только люди, стоявшіе на виду, но и тѣ, которые на минуту приподымались изъ-за заплотовъ. Мятежники, безопасные въ десяти саженяхъ отъ крѣпости и большею частію гулебщики (охотники), попадали даже въ щели, изъ которыхъ стрѣляли осажденные. Симоновъ и Крыловъ хотѣли зажечь ближайшіе дома. Но бомбы падали въ снѣгъ и угасали или тотчасъ были заливаемы. Ни одна изба не загоралась. Наконецъ трое рядовыхъ вызвались зажечь ближайшій дворъ, что имъ и удалось. Пожаръ быстро распространился. Мятежники выбѣжали; изъ крѣпости начали по нихъ стрѣлять изъ пушекъ; они удалились, унося убитыхъ и раненыхъ. Къ вечеру ободренный гарнизонъ сдѣлалъ вылазку и успѣлъ зажечь еще нѣсколько домовъ.

Въ крѣпости находилось до тысячи гарнизонныхъ солдатъ и послушныхъ, довольное количество пороху, но мало съѣстныхъ припасовъ. Мятежники осадили крѣпость, завалили бревнами обгорѣлую площадь и ведущіе къ ней улицы и переулки; за строеніями взвели до шестнадцати батарей; въ избахъ, подверженныхъ выстрѣламъ, подѣлали двойныя стѣны, засыпавъ промежутокъ землею, и начали вести подкопы [18]). Осажденные старались только отдалить непрія-

---

явя вамъ сіе, да (и) пребудемъ по склонности вашей ко услугамъ готовы. Февраля 23 дня 1774 года". (Это письмо прочитано г. Дубровинымъ въъ Моск. Арх. Гл. Шт. Опись 47, кн. IV).

---

[16]) Г. Дубровинъ въ выноскѣ къ XV гл. пишетъ: „А. С. Пушкинъ обвиняетъ Симонова въ робости, но это едва ли справедливо. Осторожность не есть робость, а между тѣмъ ни въ одномъ изъ многочисленныхъ показаній мы не встрѣтили ни одного намека въ подтвержденіе этого факта, да и самъ капитанъ Крыловъ, считавшій себя недостаточно награжденнымъ, изложилъ свои заслуги въ письмѣ Г. А. Потемкину, но не упоминалъ, что онъ распоряжался вмѣсто Симонова."

[17]) Подъ крѣпостію здѣсь надо разумѣть ретраншаментъ, находившійся внутри города. Г. Дубровинъ сообщаетъ (во II т. гл. XV), что укрѣпленія (ретраншементъ) заключали въ своей чертѣ часть города и главныя зданія: домъ войсковой канцеляріи, гауптвахту и проч. Соборная церковь съ колокольней, находясь въ чертѣ укрѣпленій, составляли одну линію съ валомъ передняго фаса. Колокольня имѣла входъ на самый верхъ; подъ колоколами были 2 помоста съ 8 окнами на всѣ стороны. На этихъ помостахъ были поставлены 2 пушки, и расположены искуснѣйшіе стрѣлки. Пушки эти наносили сильный вредъ. Внутри крѣпости былъ помѣщенъ провіантъ, порохъ, запасъ дровъ и землянки для нижнихъ чиновъ.

[18]) Послѣ трехдневныхъ вылазокъ и поджиганія передъ ретраншемантомъ образовалась обширная обгорѣлая площадь, шириною отъ 25—100 саж. „Желая преградить доступъ къ своимъ жилищамъ, казаки строили завалы въ нѣсколько бревенъ толщиной, продѣлывали въ крайнихъ избахъ бойницы, и устраивали насыпи въ разныхъ мѣстахъ подъ батареи" (Журналъ дѣйствій команды въ яицкомъ ретраншаментѣ. Показаніе казака Ивана Харчева и понамаря Петра Живѣтина. Гос. Арх. VI д. №№ 506 и 508. См. также статью „Оборона Яика отъ партій мя-

теля, очищая площадь и нападая на укрѣпленныя избы. Сіи опасныя вылазки производились ежедневно, иногда два раза въ день, и всегда съ успѣхомъ: солдаты были остервенены, а послушные не могли ожидать пощады отъ мятежниковъ.

Положеніе Оренбурга становилось ужаснымъ. У жителей отобрали муку и крупу и стали имъ производить ежедневную раздачу. Лошадей давно уже кормили хворостомъ. Большая часть ихъ пала и употреблена была въ пищу. Голодъ увеличивался. Куль муки продавался (и то самымъ тайнымъ образомъ) за двадцать пять рублей. По предложенію Рычкова (академика, находившагося въ то время въ Оренбургѣ), стали жарить бычачьи и лошадиныя кожи и, мелко изрубивъ, мѣшать въ хлѣбы. Произошли болѣзни. Ропотъ становился громче. Опасались мятежа [19]).

Въ сей крайности Рейнсдорпъ рѣшился еще разъ попробовать счастія оружія, и 13-го января всѣ войска, находившіяся въ Оренбургѣ, выступили изъ города тремя колоннами, подъ предводительствомъ Валленштерна, Корфа и Наумова. Но темнота зимняго утра, глубина снѣга и изнуреніе лошадей препятствовали дружному содѣйствію войскъ. Наумовъ первый прибылъ къ назначенному мѣсту. Мятежники увидѣли его и успѣли сдѣлать свои распоряженія. Вал-

---

тежниковъ" въ Отеч. Зап. 1824 г. ч. XIX). (Дубр., II т. XV гл). Въ выноскѣ къ этой главѣ г. Дубровинъ прибавляетъ: „А. С. Пушкинъ разсказъ о происшествіяхъ подъ Яикомъ основалъ на этой статьѣ („Оборона Яика отъ партій мятежниковъ"), но она во многомъ не вѣрна, а главное — преувеличена опасность положенія гарнизона, его потери и проч".

[19]) Многія изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Пушкинымъ о бѣдствіяхъ осажденнаго Оренбурга, находимъ въ лѣтописи Рычкова (§§ 73, 71, 72, 80). Но у Рычкова не сказано, чтобы продажа хлѣба совершалась тайно. Вообще (колебавшаяся во все время осады) цѣна зерноваго хлѣба, указанная Пушкинымъ, выше указанной въ § 71 лѣтописи Рычкова: „Корыстолюбивые же люди, чрезъ свои пронырства знавъ про оное (про приближеніе Пугачева къ Оренбургу), весь привозимый на базаръ хлѣбъ и харчъ наперерывъ скупали, а потомъ, какъ воспослѣдовала осада городу, по своей цѣнѣ на все оное поднимать начали, а наконецъ и довели до того, что по недостатку хлѣбному въ народѣ, принуждены были городскіе жители покупать у нихъ ржаной муки четверть отъ 12 до 15 р., а пшеничной отъ 15 до 20 р., прочее же все вздорожало въ пропорціи онаго". У Рычкова о раздачѣ хлѣба гражданамъ сообщено только (§ 72): „... крайне безпокоитъ бѣдственное страданіе гражданъ о хлѣбѣ, который давно у всякаго изошелъ, и затѣмъ принуждено ихъ, кромѣ служивыхъ, *тысячъ до четырехъ душъ* изъ казеннаго довольствовать; но ежели бъ онаго было достаточно, то бъ обойтись было можно, а то и казенный весь безъ остатка въ расходъ вышелъ"... Въ книгѣ своей г. Дубровинъ, описывая положеніе осажденныхъ и пользуясь „Экстрактомъ, сочиненнымъ изъ дѣла, о самозванцѣ Емельянѣ Пугачевѣ произведеннаго, объ обстоятельствахъ съ нимъ, Пугачевымъ, и съ измѣнническою его толпой происшедшихъ, и какія притомъ здѣшнія распоряженія и дѣйства учинены", отъ 4 янв. 1774 г. сообщаетъ: „Рейнсдорпъ принужденъ былъ сдѣлать распоряженіе о выдачѣ гражданамъ продовольствія изъ казенныхъ магазиновъ, и такимъ образомъ провіантъ выдавался ежедневно болѣе, чѣмъ *16 тысячамъ человѣкъ*". — Относительно подспорья, составленнаго, по словамъ Пушкина, по предложенію Рычкова, въ лѣт. самого Рычкова, (§ 71) сказано: „Въ подспорье онаго (хлѣба) промышленъ былъ способъ отъ одного находящагося въ Оренбургѣ Вольнаго Экономическаго Общ. члена, какъ употреблять въ пищу... говяжьи и бараньи кожи, да и довелъ онъ до того, что на базарахъ сію новую пищу продавать стали противъ хлѣба гораздо меньшею цѣною; о которомъ способѣ здѣсь для того не рас-

ленштернъ, долженствовавшій занять высоты у дороги изъ Берды къ Каргале, былъ предупрежденъ. Корфъ былъ встрѣченъ сильнымъ пушечнымъ огнемъ; толпы мятежниковъ начали заѣзжать въ тылъ обѣимъ колоннамъ. Казаки, оставленные въ резервѣ, бѣжали отъ нихъ и, прискакавъ къ колоннѣ Валленштерна, произвели общій безпорядокъ. Онъ очутился между трехъ огней; отрядъ его смѣшался. Валленштернъ отступилъ; Корфъ ему послѣдовалъ; Наумовъ, сначала дѣйствовавшій довольно удачно, страшась быть отрѣзаннымъ, кинулся за ними. Все войско бѣжало въ безпорядкѣ до самаго Оренбурга, потерявъ до четырехсотъ убитыми и ранеными и оставя пятнадцать орудій въ рукахъ разбойниковъ. Послѣ сей неудачи Рейнсдорпъ уже не осмѣливался дѣйствовать наступательно и подъ защитою стѣнъ и пушекъ сталъ ожидать своего освобожденія [20]).

Бибиковъ прибылъ въ Казань 25-го декабря. Въ городѣ не нашелъ онъ ни губернатора, ни главныхъ чиновниковъ [21]). Большая часть дворянъ и купцовъ бѣжала въ губерніи, еще безопасныя. Брантъ былъ въ Козмодемьянскѣ. Пріѣздъ Бибикова оживилъ унывшій городъ; выѣхавшіе жители стали возвращаться. 1-го января 1774 года, послѣ молебствія и слова, говореннаго казанскимъ архіереемъ Веніаминомъ, Бибиковъ собралъ у себя [22]) дворянство и произнесъ умную и сильную рѣчь, въ которой, изобразивъ настоящее бѣдствіе и попеченія правительства о пресѣченіи онаго, обратился къ сословію, которое вмѣстѣ съ правительствомъ обречено было на гибель крамолою, и требовалъ содѣйствія отъ его усердія къ отечеству и вѣрности къ престолу. Рѣчь сія произвела глубокое впечатлѣніе. Собраніе тутъ же положило на свой счетъ составить и вооружить конное войско, поставя съ двухъ сотъ душъ одного рекрута. Генералъ-маіоръ Ларіоновъ, родственникъ Бибикова, былъ избранъ въ начальники легіона [23]). Дворянство симбирское, свіяжское и пензенское послѣдовало сему примѣру: были составлены еще два конныхъ отряда

пространяется, что онъ по представленію того члена напечатанъ уже въ изданіи помянутаго общества". Откуда Пушкинъ узналъ, что этотъ членъ Вольн. эк. Общ. былъ самъ авторъ лѣтописи — неизвѣстно. Быть можетъ, это оказалось по справкѣ въ упомянутомъ выше изданіи общества.

[20]) Дѣйствія 13 янв. изложены согласно § 78 лѣтописи Рычкова. Въ книгѣ г. Дубровина (II т. XVI гл.) вылазка 13 янв. разсказана иначе (на основаніи рапорта Валленштерна ген. Рейнсдорпу 6 февр. и рапорта Наумова Валленштерну 4 февр. 1774 г. Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 47, книга IV). Окруженъ мятежниками былъ Валленштернъ, а не Наумовъ. Многочисленность и энергія мятежниковъ понудили къ отступленію. Потеря отряда — 8 орудій, 281 ч. убитыми и 133 ранеными.

[21]) „Въ ночь на 26 дек. А. И. Бибиковъ пріѣхалъ въ Казань, гдѣ былъ встрѣченъ губернаторомъ фонъ Брандтомъ и прочими представителями власти". (Письмо кн. Волконскаго императрицѣ 7 янв. 1774 г. Осмнадцатый вѣкъ, изд. П. Бартенева, кн. I, 105. Сравни: Записки о жизни и службѣ Бибикова, изд. 1865 г., стр. 126, и статью г. Д. Анучина „Дѣйствія Бибиковъ въ Пугачевщину", Русск. Вѣстн. 1872 г. № 6, стр. 472) (Id. II т. XII гл.). У Рычкова пріѣздъ Бибикова въ Казань отнесенъ къ 27 дек. (§ 70).

[22]) „Изъ церкви А. И. Бибиковъ отправился въ домъ предводителя къ собравшемуся дворянству". (Id. XII гл.).

[23]) Ополченіе составило казанскій дворянскій *вооруженный конный корпусъ*. (Id.).

и поручены начальству маіоровъ Гладкова и Чемесова и капитана Матюнина [24]). Казанскій магистратъ также вооружилъ на свое иждивеніе одинъ эскадронъ гусаръ.

Императрица изъявила казанскому дворянству монаршее благоволеніе, милость и покровительство, и въ особомъ письмѣ къ Бибикову, именуя себя казанскою помѣщицею, вызывалась принять участіе въ мѣрахъ, предпринимаемыхъ общими силами. Дворянскій предводитель Макаровъ отвѣчалъ императрицѣ рѣчью, сочиненною гвардіи поручикомъ Державинымъ, находившимся тогда при главнокомандующемъ *****) [25])

Бибиковъ, стараясь ободрить окружавшихъ его жителей и подчиненныхъ, казался равнодушнымъ и веселымъ; но безпокойство, досада и нетерпѣніе терзали его. Въ письмахъ къ графу Чернышеву, Фонъ-Визину и своимъ родственникамъ онъ живо изображаетъ затруднительность своего положенія. 30-го декабря писалъ онъ своей женѣ: „Навѣдавшись о всѣхъ обстоятельствахъ, дѣла здѣсь нашелъ прескверны, такъ что и описать, буде бъ хотѣлъ, не могу; вдругъ себя увидѣлъ гораздо въ худшихъ обстоятельствахъ и заботѣ, нежели какъ сначала въ Польшѣ со мною было. Пишу день и ночь, пера изъ рукъ не выпуская; дѣлаю все возможное и прошу Господа о помощи. Онъ единъ исправить можетъ своею милостію. Правда, поздненько хватились. Войска мои прибывать начали вчера; баталіонъ гренадеръ и два эскадрона гусаръ, что я велѣлъ везти на почтѣ, прибыли. Но къ утушенію заразы сего очень мало, а зло таково, что похоже (помнишь) на петербургской пожаръ, какъ въ разныхъ мѣстахъ вдругъ горѣло, и какъ было поспѣвать всюду трудно. Со всѣмъ тѣмъ, съ надеждою на Бога, буду дѣлать, что только въ моей возможности будетъ. Бѣдный старикъ губернаторъ Брантъ такъ замученъ, что насилу уже таскается. Отдастъ Богу отвѣтъ

*****) Я не имѣлъ случая читать эту рѣчь. Помѣщаемъ письмо, сочиненное также Державинымъ по тому же поводу. (Здѣсь Пушкинъ приводитъ письмо тождественное съ Державинскою, рѣчью отъ Общества дворянства казанскаго. См. эту рѣчь въ Избр. соч. Держ. стр. 71—74).

[24]) Предводителемъ корпуса симбирскаго былъ назначенъ секундъ-маіоръ Степанъ Ѳедоровичъ Глятковъ (а не Гладковъ), пензенскаго — прокуроръ и предводитель дворянства Ефимъ Чемесовъ; свіяжское же ополченіе, по малочисленности дворянства, не могло составить отдѣльнаго корпуса и положило присоединиться къ казанскому и признать начальникомъ своимъ капитана Гавріила Матюнина (Id.).

[25]) По прочтеніи рескрипта императрицы, предводитель казанскаго уѣзда Макаровъ прочелъ письмо, въ коемъ выражалъ благодарность за милость императрицы и попеченіе ея оградить подданныхъ отъ „бѣдствія напастей нашихъ“; онъ благодарилъ и Бибикова, прося принять въ свое покровительство казанскій дворянскій корпусъ (Всеподданнѣйшее донесеніе Бибикова отъ 5 февр. 1774 г. № 10, Военно-ученый архивъ. дѣло № 104 (А), листъ 140—146). По прочтеніи же Бибиковымъ письма къ нему императрицы, въ которомъ она приняла на себя званіе казанской помѣщицы, предводитель Макаровъ просилъ Бибикова дозволить выразить чувство дворянства самодержицѣ. „Получивъ на это разрѣшеніе Бибикова, *казанскій помѣщикъ Бестужевъ* подошелъ къ портрету Екатерины II и прочелъ извѣстную рѣчь, сочиненную Г. Р. Державинымъ (Гос. Арх. VI д. № 527. Собственноручное донесеніе Бибикова императрицѣ отъ 5 февр. „Записки Академіи наукъ“, т. I, приложеніе № 4, стр. 59). (Id.).

въ пролитой крови и погибели множества людей невинныхъ, кто скоростію перепакостилъ здѣшнія дѣла и обнажилъ отъ войскъ. Впрочемъ я здоровъ; только пить, ни ѣсть не хочется, и сахарныя яства на умъ нейдутъ. Зло велико, преужасно. Батюшку, милостиваго государя, прошу о родительскихъ молитвахъ, а праведную Евпраксію ******) нерѣдко поминаю. Ухъ! дурно".

Въ самомъ дѣлѣ положеніе дѣлъ было ужасно. Общее возмущеніе башкирцевъ, калмыковъ и другихъ народовъ, разсѣянныхъ по тамошнему краю, отвсюду пресѣкало сообщеніе. Войско было малочисленно и ненадежно. Начальники оставляли свои мѣста и бѣжали, завидя башкирца съ сайдакомъ или заводскаго мужика съ дубиной †). Зима усугубила затрудненія. Степи покрыты были глубокимъ снѣгомъ ††). Невозможно было двинуться впередъ, не запасшись не только хлѣбомъ, но и дровами †††). Селенія были пусты; главные города въ осадѣ, другіе заняты шайками бунтовщиковъ; заводы разграблены и выжжены; чернь вездѣ волновалась и злодѣйствовала. Войска, посланныя изо всѣхъ концовъ государства, подвигались медленно. Зло, ничѣмъ не прегражденное, разливалось быстро и широко. Отъ Илецкаго городка до Гурьева яицкіе казаки бунтовали. Губерніи Казанская, Нижегородская и Астраханская ††††) были наполнены шайками разбойниковъ; пламя могло ворваться въ самую Сибирь; въ Перми начинались безпокойства; Екатеринбургъ былъ въ опасности; киргизъ-кайсаки, пользуясь отсутствіемъ войскъ, начали переходить черезъ открытую границу, грабить хутора, отгонять скотъ, захватывать жителей †††††). Закубанскіе народы шевелились, возбуждаемые Турціею; даже нѣкоторыя изъ европейскихъ державъ думали воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ, въ коемъ находилась тогда Россія *).

******) Монахиня Евпраксія Кириловна, бабка Александра Ильича. Онъ ею былъ воспитанъ; въ семействѣ своемъ почиталась она праведною.

†) См. въ Приложеніи письмо Бибикова къ графу Чернышеву отъ 24-го января 1774 года.—5-го января того же года писалъ онъ къ Философову: „Терпѣніе мое часъ отъ часу становится короче въ ожиданіи полковъ, ибо ежечасно получаю страшныя извѣстія; съ другой же стороны, что башкирцы съ всякою сволочью партіями разъѣзжаютъ, заводы и селенія грабятъ и дѣлаютъ убійства. Воеводы и начальники отовсюду бѣгутъ съ устрашеніемъ, и глупая чернь охотно на обольщеніе злодѣйское бѣжитъ навстрѣчу къ нимъ же. Не могу тебѣ, мой другъ, подробно описать бѣдствіе и разореніе здѣшняго края, слѣдовательно суди и о моемъ по тому положенію. Скареды и срамцы здѣшніе гарнизоны всего боятся, никуда носа не смѣютъ показать, сидятъ по мѣстамъ какъ сурки и только что рапорты страшные присылаютъ. Пугачевскія дерзости и его сообщниковъ изъ всѣхъ предѣловъ вышли; всюду посылаютъ манифесты, указы. День и ночь работаю какъ каторжный, рвусь, надсѣдаюсь и горю какъ въ огнѣ адскомъ; но варварству предательствъ и злодѣйству не вижу еще перемѣны, не устаетъ злость и свирѣпство, а можно ли отъ домашняго врага довольно охраниться, все къ измѣнѣ, злодѣйству и къ бунту на скопищахъ. Богъ одинъ всемогущъ обратить все сіе въ лучшее. Я при моихъ заботахъ непрестанно его прошу" и проч.

††) Снѣгъ въ Оренбургской губерніи выпадаетъ иногда на три аршина.

†††) См. въ Приложеніи письмо Бибикова къ графу Чернышеву.

††††) Не должно терять изъ виду тогдашнее раздѣленіе государства на губерніи и провинціи.

†††††) Въ 1774 году уведено въ плѣнъ киргизами до 1380 человѣкъ.

*) См. Въ запискахъ Храповицкаго (въ 1791 году) весьма любопытный разговоръ государыни о Густавѣ III.

Виновникъ сего ужаснаго смятенія привлекалъ общее вниманіе **). Въ Европѣ принимали Пугачева за орудіе турецкой политики. Вольтеръ, тогдашній представитель господствующихъ мнѣній, писалъ Екатеринѣ: „C'est apparemment le chevalier de Tott qui a fait jouer cette farce, mais nous ne sommes plus au tems de Demetrius, et telle pièce de théâtre qui réussissait il y a deux cents ans, est sifflée aujourd'hui“. Императрица, досадуя на сплетни европейскія, отвѣчала Вольтеру съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ: „Monsieur, les gazettes seules font beaucoup de bruit du brigand Pougatschef lequel n'est en relation directe, ni indirecte avec Mr. de Tott. Je fais autant de cas des canons fondus par l'un, que des entreprises de l'autre. Mr. de Pougatschef et Mr. de Tott ont cependant cela de commun, que le premier file tous les jours sa corde de chanvre et que le second s'expose à chaque instant au cordon de soie“ ***).

Несмотря на свое презрѣніе къ разбойнику, императрица не упускала ни одного средства образумить ослѣпленную чернь. Разосланы были всюду увѣщательные манифесты; обѣщано десять тысячъ рублей за поимку самозванца. Особенно опасались сношеній Яика съ Дономъ. Атаманъ Ефремовъ былъ смѣненъ, а на его мѣсто избранъ Семенъ Сулинъ. Послано въ Черкаскъ повелѣніе сжечь домъ и имущество Пугачева, а семейство его безо всякаго оскорбленія отправить въ Казань, для уличенія самозванца въ случаѣ поимки его. Донское начальство въ точности исполнило слова высочайшаго указа: домъ Пугачева, находившійся въ Зимовейской станицѣ, былъ за годъ предъ симъ проданъ его женою, пришедшею въ крайнюю бѣдность, и уже сломанъ и перенесенъ на чужой дворъ. Его перевезли на прежнее мѣсто и въ присутствіи духовенства и всей станицы сожгли. Палачи развѣяли пепелъ на вѣтеръ, дворъ окопали и огородили, оставя навѣки въ запустѣніи, какъ мѣсто проклятое. Начальство, отъ имени всѣхъ зимовейскихъ казаковъ, просило дозволенія перенести ихъ станицу на другое мѣсто, хотя бы и менѣе выгодное. Государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердія и только переименовала Зимовейскую станицу въ Потемкинскую, покрывъ мрачныя воспоминанія о мятежникѣ сла-

---

**) Густавъ III, изъясняя въ 1790 году всѣ свои неудовольствія, хвалился тѣмъ, что онъ, несмотря на всѣ представленія, не воспользовался смятеніемъ, произведеннымъ Пугачевымъ.—Есть чѣмъ хвастать, говорила государыня, что король не вступилъ въ союзъ съ бѣглымъ каторжникомъ, вѣшавшимъ женщинъ и дѣтей. (*Прим., не включенное Пушкинымъ въ изд. Ефр. VI, стр. 126*).

***) См. переписку Вольтера съ императрицею. Вотъ цитаты эти въ переводѣ: „Вѣроятно шевалье де-Тоттъ пустилъ въ ходъ этотъ фарсъ: но мы не живемъ болѣе во времена Димитрія, и театральная піеса, имѣвшая успѣхъ 200 л. тому назадъ, нынѣ освистана“.—„М. Г., однѣ газеты шумятъ о Пугачевѣ, который не состоитъ ни въ прямыхъ, ни въ косвенныхъ отношеніяхъ съ г-мъ де-Тоттъ. Я придаю равно малое значеніе какъ пушкамъ, которые отливаетъ одинъ, такъ и предпріятіямъ другого; однако г. Пугачевъ и г. де-Тоттъ оба имѣютъ общаго то, что первый ежедневно вьетъ веревки изъ конопли, а второй ежедневно подвергается опасности попасть въ петлю изъ шелковаго шнурка“.

вой имени новаго, уже любезнаго ей и отечеству. Жена Пугачева, сынъ и двѣ дочери (всѣ трое малолѣтные) были отосланы въ Казань, куда отправленъ и родной его братъ, служившій казакомъ во второй арміи. Между тѣмъ отобраны слѣдующія подробныя свѣдѣнія о злодѣѣ, колебавшемъ государство ****).

Емельнъ Пугачевъ, Зимовейской станицы служилый казакъ, былъ сынъ Ивана Михайлова, умершаго въ давнихъ годахъ. Онъ былъ сорока лѣтъ отъ роду [26]), росту средняго, смуглъ и худощавъ; волосы

****) Помѣщаемъ здѣсь показанія жены Пугачева, Софьи Дмитріевой, въ томъ видѣ, какъ они были представлены въ военную коллегію.

Описаніе извѣстному злодѣю и самозванцу, какого онъ есть свойства и примѣтъ, учиненное по объявленію жены его Софьи Дмитріевой.

1. Мужа ея, войска донскаго Зимовейской станицы служилаго казака, зовутъ Емельянъ Ивановъ сынъ, прозывается Пугачевымъ.

2. Отецъ его родной былъ той же Зимовейской станицы служилой казакъ, Иванъ Михайловъ сынъ, Пугачевъ же, который въ давнихъ годахъ умре.

3. Тому мужу ея нынѣ отъ роду будетъ лѣтъ сорокъ, лицомъ сухощавъ, во рту верхняго спереди зуба нѣтъ, который онъ выбилъ саласками [1]), еще въ малолѣтствѣ въ игрѣ, а отъ того времени и донынѣ не выростаетъ. На лѣвомъ виску отъ болѣзни круглый бѣлый признакъ, отъ лица совсѣмъ отмѣнный, величиною въ двукопѣечникъ; на обѣихъ грудяхъ, назадъ тому третій годъ, были провалы, отъ чего и мнитъ она, что быть надобно признакамъ же. На лицѣ имѣетъ желтыя конопатины; самъ собою смугловатъ, волосы на головѣ темнорусые, по-казацки подстригалъ, росту средняго, борода была клиномъ черная, небольшая.

4. Вѣру содержалъ истинно православную; въ церковь Божію ходилъ, исповѣдовался и святыхъ таинъ пріобщался, на что и имѣлъ отца духовнаго, Зимовейской же станицы священника Ѳедора Тихонова; а крестъ ко изображенію совокуплялъ большой съ двумя послѣдними пальцами.

5. Женился тотъ мужъ ея на ней, и она шла, оба первобрачные, назадъ тому лѣтъ съ десять, и съ которымъ и прижили дѣтей пятерыхъ, изъ коихъ двое померли, а трое и теперь въ живыхъ. Первый—сынъ Трофимъ десяти лѣтъ, да дочери—вторая Аграфена по седьмому году, а третья Христина по четвертому году.

6. Оный же мужъ ея, назадъ тому три года, посланъ на службу во вторую армію, гдѣ и былъ два года, и оттуда, нынѣ другой годъ, за грудною болѣзнію, о которой выше значитъ, по веснѣ отпущенъ, а посему и былъ въ домѣ одно лѣто, въ которую бытность и нанялъ вмѣсто себя въ службу въ Бахмутѣ на Донцѣ казака, а какъ его звать и прозванія, да и гдѣ теперь находится, не знаетъ; а послѣ сего

7) Въ октябрѣ мѣсяцѣ 772 года онъ, оставивши ее съ дѣтьми, невѣдомо куда бѣжалъ, и гдѣ былъ, и какія отъ него происходили дѣла, объ ономъ, какъ онъ ничего не сказывалъ, такъ и сама не знала; а

8) 773 года, въ великомъ посту, тотъ мужъ ея тайнымъ образомъ пришелъ къ хуторскому ихъ дому вечеромъ подъ окошко, котораго она и пустила; но того жъ самаго часа объявила казакамъ, а они, взявши его, повезли къ станичному атаману, а онъ-де отправилъ въ Верхнюю Чирскую станицу, къ старшинѣ, но о имени его не упомнитъ, а оттуда въ Черкасской; но не довезя однакожъ до онаго, въ Цымлянской станицѣ бѣжалъ, и потому, гдѣ теперь находится, не вѣдаетъ.

[26]) „Пугачеву было всего 30 лѣтъ отъ роду. (Показаніе Пугачева, данное Шешковскому 4 ноября 1774 г. Гос. Арх. VI д., № 512), но жизнь состарила его преждевременно, и ему казалось на видъ лѣтъ подъ сорокъ". (Id. I т. V гл.).

[1]) Техническій терминъ у кулачныхъ бойцовъ, значитъ ударъ по челюстямъ.

имѣлъ темнорусые, бороду черную, небольшую и клиномъ. Верхній зубъ былъ вышибенъ еще въ ребячествѣ въ кулачномъ бою. На лѣвомъ виску имѣлъ онъ бѣлое пятно, а на обѣихъ грудяхъ знаки, остав-

---

9. Во время жъ той мужа ея поимки, сказывалъ онъ атаману и на сборѣ всѣмъ казакамъ, что былъ въ Моздокѣ, но что дѣлалъ, потому жъ не знаетъ.

10. Писемъ онъ къ ней, какъ съ службы изъ арміи, такъ и изъ бѣговъ своихъ никогда не присылывалъ; да и чтобъ въ станицу ихъ или къ кому другому писалъ, объ ономъ не знаетъ; онъ же вовсе и грамотѣ не умѣетъ.

11. Что же мужъ ея точно есть упоминаемый Емельянъ Пугачевъ, то сверхъ ея самоличнаго съ дѣтьми сознанія и уличенія, могутъ въ справедливость доказать и родной его братъ, Зимовейской же станицы казакъ Дементій Ивановъ сынъ Пугачевъ (который нынѣ находится въ службѣ въ 1-й арміи), да родныя жъ сестры, изъ коихъ первая Ульяна Иванова, коя нынѣ находится въ замужствѣ той же станицы за казакомъ Ѳедоромъ Григорьевымъ по прозванію Брыкалинымъ, а вторая Ѳедосья Иванова, которая также замужемъ за казакомъ изъ прусакъ Симономъ Никитинымъ, а прозванія не знаетъ, кой нынѣ жительство имѣетъ въ Азовѣ, которыя всѣ мужа ея также знаютъ довольно.

12. Рѣчь и разговоры мужъ ея имѣлъ по обыкновенію казацкому, а иностраннаго языка никакого не зналъ.

13. Домомъ они жили въ Зимовейской станицѣ своимъ собственнымъ, который по побѣгѣ мужа (что дневнаго пропитанія съ дѣтьми имѣть стало не отъ чего) продала за 24 руб. за 50 коп. Есауловской станицы казаку Еремѣ Евсѣеву на сломъ, который его въ ту Есауловскую станицу по сломкѣ и перевезъ; а нынѣ особою командою паки въ Зимовейскую станицу перевезенъ и на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ и они жили, сожженъ; а хуторъ ихъ, состоящій также неподалеку Зимовейской станицы, сожженъ же.

14. Сама же та Пугачева жена казачья дочь, и отецъ ея былъ Есауловской станицы служилый казакъ Дмитрій, по прозванію Недюжинъ, а отчества не припомнитъ, потому что она послѣ него осталась въ малолѣтствѣ; и послѣ жъ котораго остались и теперь вживѣ находятся дочери его, а ей сестры родныя, первая Анна Дмитріева въ замужствѣ Есауловской станицы за казакомъ Ѳомою Андреевымъ, по прозванію Пилюгинымъ, который и находится въ службѣ тому нынѣ осьмой годъ, а въ которой арміи, не знаетъ. Вторая Василиса Дмитріева въ замужствѣ также Есауловской станицы за казакомъ Григоріемъ Ѳедоровымъ, по прозванію Махичевымъ; да третій сынъ отъ отца ея, а ей братъ родной, Иванъ Дмитріевъ по прозванію Недюжинъ, живетъ въ Есауловской же станицѣ служилымъ казакомъ, и по отъѣздѣ ея въ здѣшнее мѣсто, былъ при домѣ своемъ и къ наряду въ службу въ готовности.—

Прилагаю не менѣе любопытное извлеченіе изъ показанія бывшаго въ 1771 году Зимовейской станицы атаманомъ отставнаго казака Трофима Ѳомина:

„Въ 1771 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, Емельянъ Пугачевъ отбылъ въ городъ Черкаскъ для излѣченія болѣзни, со взятымъ у меня станичнымъ билетомъ, и черезъ мѣсяцъ возвратился на карей лошади. На допросъ мой, гдѣ онъ ее досталъ, отвѣчалъ онъ, на станичномъ сборѣ, что купилъ въ Таганрожской крѣпости коннаго казацкаго полку у казака Василья Кусачкина. Но казаки, не повѣря ему, послали его взять письменный видъ отъ ротнаго командира. Пугачевъ и поѣхалъ, но предъ его возвращеніемъ, зять его, Прусакъ, бывшій Зимовейской станицы казакъ, а нынѣ состоящій въ Таганрогскомъ казацкомъ полку, явился у насъ, и на станичномъ сборѣ показалъ, что онъ съ женою и Василій Кусачкинъ, да еще третій, по уговору Пугачева, бѣгали за Кубань на Куму рѣку, гдѣ онъ (Прусакъ) побывъ малое время, оставилъ ихъ и возвратился на Донъ. Почему и отправилъ я при станичномъ рапортѣ въ Черкаскъ Прусака съ женою и родною ея матерью, по причинѣ ихъ побѣга. Въ декабрѣ того же года Пугачевъ былъ пойманъ въ его хуторѣ и содержался подъ карауломъ. Намѣренъ я былъ его, какъ праздношатающагося, выдать находящемуся тогда въ сыскѣ и высылкѣ бѣглыхъ всякаго званія людей старшинѣ Михайлѣ Макарову. Но Пугачевъ со станичной избы-подъ (изъ-подъ?) караула бѣжалъ и уже чрезъ три мѣсяца на томъ же хуторѣ пойманъ и показалъ на станичномъ сборѣ, что былъ въ Моздокѣ, почему при рапортѣ и посланъ мною къ старшинѣ Макарову

шіеся послѣ болѣзни, называемой черною немочью *****). Онъ не зналъ грамотѣ и крестился по-раскольничьи. Лѣтъ тому десять женился на казачкѣ Софьѣ Недюжиной, отъ которой имѣлъ пятеро дѣтей [27]). Въ 1770 году былъ онъ на службѣ во второй арміи, находился при взятіи Бендеръ, и черезъ годъ отпущенъ на Донъ, по причинѣ болѣзни [28]). Онъ ѣздилъ для излѣченія въ Черкаскъ [29]). По его возвращеніи на родину, зимовейскій атаманъ спрашивалъ его на станичномъ сборѣ, откуда взялъ онъ карюю лошадь, на которой пріѣхалъ домой. Пугачевъ отвѣчалъ, что купилъ ее въ Таганрогѣ; но казаки, зная его безпутную жизнь, не повѣрили и послали его взять тому письменное свидѣтельство. Пугачевъ уѣхалъ. Между тѣмъ узнали, что онъ подговаривалъ нѣкоторыхъ казаковъ, поселенныхъ подъ Таганрогомъ, бѣжать за Кубань. Положено было отдать Пугачева въ руки правительству. Возвратясь въ декабрѣ мѣсяцѣ, онъ скрывался на

въ нижнюю Черкаскую станицу, а сей чрезъ нашу станицу послалъ уже его при рапортѣ въ Черкаскъ. Когда его привели, увидя по подорожной, что посланъ онъ былъ въ колодкѣ, которой на немъ уже не было, приказалъ я ему набить другую, и отослалъ его въ верхнюю Курмоярскую станицу, отъ которой въ принятіи онаго Пугачева росписку получилъ. Черезъ двѣ недѣли, спустя, отъ старшины Макарова по всѣмъ станицамъ прислано было объявленіе, что оный Пугачевъ бѣжалъ съ дороги, и не иначе ежели явится гдѣ, изловить; а какъ онъ бѣжалъ, не знаю.

За неумѣніемъ грамотѣ, Василій Ермолаевъ руку приложилъ“.

*****) Г. Левшинъ пишетъ, что самозванецъ показывалъ сіи пятна легковѣрнымъ своимъ сообщникамъ и выдавалъ ихъ за какіе-то царскіе знаки. Оно не совсѣмъ такъ; самозванецъ, хвастая, показывалъ ихъ какъ знаки ранъ, имъ полученныхъ.

---

[27]) У г. Дубровина находимъ слѣдующія дополнительныя свѣдѣнія: По достиженіи 17-ти лѣтняго возраста, Пугачевъ былъ зачисленъ на службу и женился еще при жизни родителей. Проживъ съ молодой женой только одну недѣлю, Пугачевъ былъ посланъ съ другими казаками въ Пруссію, гдѣ и поступилъ въ составъ отряда, находившагося подъ начальствомъ гр. З. Г. Чернышева. Тамъ Пугачевъ находился до вступленія на престолъ Екатерины II. Однажды ночью на передовую казачью партію напали прусаки и произвели тревогу, среди которой Пугачевъ упустилъ одну лошадь, принадлежавшую полковнику Денисову, за что и былъ наказанъ „нещадно плетью“. Проживъ года полтора въ Зимовейской станицѣ, Пугачевъ былъ командированъ въ командѣ есаула Яковлева въ Польшу, „для выгнанія бывшихъ тамъ бѣглыхъ раскольниковъ“. (Id.).

[28]) Болѣзнь тянулась долго, и старики-казаки совѣтовали Пугачеву хлопотать объ отставкѣ и ѣхать въ Черкаскъ (Id.).

[29]) Изъ Черкаска Пугачевъ поѣхалъ въ Таганрогъ, куда были отправлены (въ началѣ Турецкой войны) на вѣчное житье, въ числѣ другихъ казаковъ, зять его Павловъ съ женою, сестрою Пугачева. Казаки роптали, что, подобно оставшимся на Дону, не могли сохранить своихъ привилегій и древнихъ обычаевъ; что ихъ хотятъ обучить всякимъ регулярнымъ военнымъ подвигамъ; что вмѣсто старшинъ у нихъ ротмистры и т. д. Павлову хотѣлось бѣжать. Пугачевъ совѣтовалъ бѣжать на Терекъ. Онъ разсказалъ бѣжавшимъ путь, которымъ они должны слѣдовать, и перевезъ ихъ черезъ Донъ на ногайскую сторону. Черезъ мѣсяцъ или полтора Павловъ съ товарищами, не найдя дороги, вернулся въ Зимовейскую станицу, гдѣ они и были арестованы и показали, что Пугачевъ перевезъ ихъ и хотѣлъ съ ними бѣжать. Зная, что всѣмъ казакамъ подъ страхомъ смертной казни запрещено перевозить за рѣку бѣглецовъ, Пугачевъ бѣжалъ. (Id.).

своемъ хуторѣ, гдѣ и былъ пойманъ, но успѣлъ убѣжать [30]); скитался мѣсяца три невѣдомо гдѣ [31]); наконецъ, въ великомъ посту, однажды вечеромъ, пришелъ тайно къ своему дому и постучался въ окошко. Жена впустила его и дала знать о немъ казакамъ. Пугачевъ былъ снова пойманъ и отправленъ подъ карауломъ къ сыщику, старшинѣ Макарову въ Нижнюю Чирскую станицу, а оттуда въ Черкаскъ [32]). Съ дороги онъ бѣжалъ опять и съ тѣхъ поръ уже на Дону не являлся. Изъ показаній самого Пугачева, въ концѣ 1772 года приведеннаго въ канцелярію дворцовыхъ дѣлъ, извѣстно уже было, что послѣ своего побѣга скрывался онъ за польской границей въ раскольничьей слободѣ Веткѣ; потомъ взялъ паспортъ съ Добрянскаго форпоста, сказавшись выходцемъ изъ Польши, и пробрался на Яикъ, питаясь милостыней [33]).—Всѣ сіи извѣстія были обнародованы; между тѣмъ

---

30) Въ домѣ его не сыскали потому, что не могли старшины думать, чтобы осмѣлился жить тамъ (Показаніе Пугачева отъ 4 ноября 1774 г.). (Id.)

31) За 2 дня до Рождества Пугачевъ уѣхалъ за Донъ. Тамъ войсковой атаманъ Терскаго Семейнаго войска, не зная, что онъ бѣглый, записалъ его въ Каргалинскую, а потомъ въ Дубовскую станицу. Отсюда онъ отправился въ Іщорскую станицу и подговаривалъ казаковъ ближнихъ станицъ избрать его атаманомъ, обѣщая выхлопотать имъ въ военной коллегіи отпускъ, жалованье и провіанта наравнѣ съ Терск. Семейн. войскомъ. Его выбрали и дали 20 р. денегъ. Пугачевъ отправился, но былъ схваченъ при выѣздѣ изъ Моздока 9 февр. 1772 года и прикованъ цѣпью къ стулу. Черезъ 2 дня онъ бѣжалъ и унесъ съ собою три звена цѣпи и замокъ. (Рапортъ моздокскаго коменданта кизлярскому, 20 февр. „Чтенія общ. истор. и древн. росс. 1848 г. кн. I.—Рапортъ плацъ-маіора Повѣскина моздокскому коменданту Иванову 13 февр. Тамъ же). Неудача на Терекѣ заставила Пугачева вернуться домой. Здѣсь онъ самъ рѣшился предаться въ руки правосудія и послалъ жену донести о своемъ возвращеніи (Id.).

32) Его отправили въ Чирскую станицу, въ розыскную команду (на обязанности которой было ловить воровъ и разбойниковъ и конвоировать колодниковъ) къ старшинѣ Михаилѣ Ѳедотову. (Id.).

33) Былъ не далеко отъ слободы Черниговки (на р. Койсухѣ) на хуторѣ Осипа Коровки, старовѣра, выведеннаго изъ Польши. Здѣсь впервые выдавалъ себя за раскольника. Взявъ у Коровки 50 р., пару лошадей и сына, обѣщалъ ему вывѣдать о вымышленныхъ поселеніяхъ подъ Бендерами и поѣхалъ въ Стародубскія слободы. Въ Стародубскомъ монастырѣ признался старцу Василію, что онъ бѣглый донской казакъ, и спрашивалъ, гдѣ лучше прожить. Старецъ обѣщалъ провести его черезъ заставу въ раскольничью слободу Вѣтку (находившуюся на островѣ рѣки Сожи, въ предѣлахъ нынѣшней Могилевской губ.), а оттуда на Добрянскій форпостъ, гдѣ надо сказаться польскимъ выходцемъ; польскихъ же выходцевъ (по указу Петра III и Екатерины II всѣмъ возвращающимся обѣщаны разныя льготы) велѣно селить по желанію; для того съ форпоста выдаются имъ билеты на прожитіе. Современемъ Пугачевъ могъ достать, хотя воровски, и жену къ себѣ и жить цѣлый вѣкъ спокойно. Картина этой свободной жизни прельстила Пугачева. Ждать пришлось недѣль 15. Наконецъ старецъ вывелъ Пугачева и его спутника на тропинку, ведущую въ Вѣтку; по ней можно было двигаться только пѣшкомъ. Пробывъ съ недѣлю на Вѣткѣ, онъ отправился на Добрянскій форпостъ, гдѣ отъ другихъ бѣглецовъ узналъ, что являясь на форпостѣ надо говорить, что родился въ Польшѣ и не сказываться „чьимъ изъ Россіи“, а то сдѣлаютъ привязку. Пугачевъ такъ и поступилъ: сказался польскимъ уроженцемъ Емельяномъ Ивановымъ сыномъ Пугачева. Сидя на форпостѣ въ карантинѣ 6 недѣль, Пугачевъ познакомился съ бѣглымъ солдатомъ Логачевымъ. Оба признались во всемъ другъ другу и условились итти вмѣстѣ на поселеніе на Иргизъ въ дворцовую Малыковскую волость. „А какъ ѣсть имъ обоимъ было нечего, то работали тутъ

правительство запретило народу толковать о Пугачевѣ, коего имя волновало чернь. Сія временная полицейская мѣра имѣла силу закона до самаго вошествія на престолъ покойнаго государя императора Александра, когда разрѣшено было писать и печатать о Пугачевѣ ******). Донынѣ престарѣлые свидѣтели тогдашняго смятенія неохотно отвѣчають на вопросы любопытныхъ †).

******) Многіе и воспользовались симъ разрѣшеніемъ; несмотря на то, исторія Пугачевскаго возмущенія мало извѣстна. Въ Запискахъ о жизни и службѣ А. И. Бибикова мы находимъ самое подробное извѣстіе объ ономъ; но сочинитель довелъ свой разсказъ только до смерти Бибикова. Книжка, изданная подъ заглавіемъ: Михельсонъ въ Казани, есть не что иное, какъ весьма любопытное письмо архимандрита Платона Любарскаго, напечатанное почти безъ всякой перемѣны, съ пріобщеніемъ незначущихъ показаній. Г. Левшинъ, въ своемъ Историческомъ и статистическомъ обозрѣніи уральскихъ казаковъ, слегка коснулся Пугачева. Сей кровавый и любопытный эпизодъ царствованія Екатерины мало извѣстенъ.

†) Уральскіе казаки, (*въ друг. сп.* большею частію раскольники) (особлива старые люди), донынѣ привязаны къ памяти Пугачева. Грѣхъ сказать, говорила мнѣ 80-ми-лѣтняя казачка, на него мы не жалуемся; онъ намъ зла не сдѣлалъ.— Разскажи мнѣ, говорилъ я Дмитрію Пьянову, какъ Пугачевъ былъ у тебя посаженымъ отцомъ? — Онъ для тебя Пугачевъ, отвѣчалъ мнѣ сердито старикъ, а для меня онъ былъ великій государь Петръ Ѳедоровичъ. — Когда упоминалъ я о его скотской жестокости, старики оправдывали его, говоря: не его воля была; наши пьяницы его мутили. (*Прим., не внесенное Пушкинымъ. См. въ изд. Ефр. 1882 г. VI, стр. 130*).

въ Добрянкѣ у жителя Косоротова баню". Получивъ паспорта для свободнаго прохода на Иргизъ и не имѣя ни денегъ, ни запасовъ, они отправились къ добрянскому купцу Кожевникову, который далъ имъ хлѣбъ и велѣлъ кланяться отцу Филарету на Иргизѣ, гдѣ Кожевникова всѣ знали. По дорогѣ на Иргизъ Пугачевъ прибѣгалъ къ хитростямъ, обману и насилію надъ тѣми, кто оказывалъ ему необходимую помощь деньгами и лошадьми. Пріѣхавъ въ Глазуновскую станицу, путники узнали о безпорядкахъ въ Царицынѣ и о сочувствіи, которое было оказано самозванцу Богомолову со стороны царицынскаго населенія и донскихъ казаковъ, и о томъ, что онъ скрылся неизвѣстно куда. Пріѣхавъ въ дворцовое село Малыковку и получивъ приказаніе отъ управителя явиться въ Симбирскъ и тамъ записаться, Пугачевъ отправился въ Мечетную слободу (въ 100 верст. отъ Малыковки) искать раскольничьяго старца Филарета. Этотъ старецъ, узнавъ отъ него, что онъ раскольникъ, бывавшій въ Вѣткѣ и Стародубскихъ раскольничьихъ слободахъ, принялъ его ласково. Среди разговоровъ Пугачевъ узналъ отъ Филарета о происшествіяхъ на Яикѣ, о положеніи казаковъ и объ ихъ намѣреніи бѣжать къ Золотой мечети. Здѣсь родилась у Пугачева мысль воспользоваться неудовольствіями казаковъ, выселить ихъ на Кубань и сдѣлаться ихъ атаманомъ. По просьбѣ Филарета, Пугачевъ получилъ разрѣшеніе отсрочить поѣздку въ Симбирскъ до крещенія. Онъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы побывать въ Яицкомъ городкѣ. Онъ отправился въ Яицкій городокъ изъ Мечетной слободы съ крестьяниномъ Семеномъ Филипповымъ. Старецъ Филаретъ далъ Пугачеву денегъ. Дорогою онъ открылъ Филиппову свое намѣреніе подговорить казаковъ бѣжать на Кубань и, поселившись на р. Лабѣ, отдаться въ подданство турецкому султану. Филипповъ былъ тестемъ Косова, у котораго Пугачевъ только что крестилъ ребенка и потому считалъ его себѣ близкимъ. Не доѣзжая 60 в. до Яицкаго городка, путники остановились ночевать на р. Таловой, на уметѣ Степана Оболяева. Здѣсь Пугачевъ бесѣдовалъ съ казаками Григоріемъ и Ефремомъ Закладновыми; они обнадежили его въ успѣхѣ его замысла. На слѣдующій день 22 ноября 1772 года Пугачевъ *впервые* въѣхалъ въ Яицкій городокъ, въ домъ казака Пьянова (Id.).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Распоряженія Бибикова.—Первые успѣхи.—Взятіе Самары и Заинска.—Державинъ.—Михельсонъ.—Продолженіе осады Яицкаго городка.—Свадьба Пугачева.—Разореніе Илецкой Защиты.—Смерть Лысова.—Сраженіе подъ Татищевой.—Бѣгство Пугачева.—Казнь Хлопуши.—Освобожденіе Оренбурга.—Пугачевъ разбитъ вторично.—Сраженіе при Чесноковкѣ.—Освобожденіе Уфы и Яицкаго городка.—Смерть Бибикова.

Наконецъ войска, отовсюду посланныя противу Пугачева, стали приближаться къ мѣсту своего назначенія. Бибиковъ устремилъ ихъ къ Оренбургу. Генералъ-маіоръ князь Голицынъ съ своимъ корпусомъ долженъ былъ заградить московскую дорогу, дѣйствуя отъ Казани до Оренбурга. Генералъ-маіору Мансурову ввѣрено было правое крыло, для прикрытія Самарской линіи, куда со своими отрядами слѣдовалъ маіоръ Муфель и подполковникъ Гриневъ [1]). Генералъ-маіоръ Ларіоновъ посланъ былъ къ Уфѣ и къ Екатеринбургу, Декалонгъ охранялъ Сибирь и долженъ былъ отрядить маіора Гагрина съ одною полевою командою для защиты Кунгура [2]). Въ Малыковку посланъ былъ гвардіи поручикъ Державинъ для прикрытія Волги со стороны Пензы и Саратова [3]). Успѣхъ оправдалъ сіи распоряженія. Бибиковъ сначала сомнѣвался въ духѣ своего войска. Въ одномъ изъ полковъ (во Владимірскомъ) оказались было приверженцы Пугачева [4]). Начальникамъ городовъ, чрезъ которые полкъ проходилъ, ве-

---

[1]) Ка началу февраля военныя дѣйствія, въ которыхъ съ успѣхомъ принимали участіе поименованные выше Пушкинымъ маіоръ Муфель, подполк. Гриневъ, ген.-м. Мансуровъ и кн. Голицынъ, имѣли цѣлію очистить отъ мятежниковъ все пространство отъ границъ Башкиріи до рѣки Волги и далѣе на югъ по рѣкамъ Ику и Кинели до Самарской линіи, чтобы соединившись съ отрядомъ Фреймана (въ Бугульмѣ) дѣйствовать подъ Оренбургомъ (Id. XIV гл).

[2]) Секундъ-маіоръ Нарвскаго пѣхотнаго полка Гагринъ, лично извѣстный А. И. Бибикову, былъ отправленъ имъ къ Кунгуру, въ который и вступилъ 25 января (Id. XVIII гл). Ларіоновъ же только 6 февраля выступилъ изъ Казани (Id. XVI гл).

[3]) Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка поручикъ Г. Р. Державинъ былъ при А. И. Бибиковѣ въ числѣ тѣхъ нѣсколькихъ выборныхъ изъ гвардіи оберъ и унтеръ-офицеровъ, которыхъ разрѣшено было главнокомандующему взять съ собою „для большаго оказательства“ (Id. IX гл). Въ тайномъ наставленіи или инструкціи, данной А. И. Бибиковымъ Державину, было сказано, что онъ посылается въ Малыковку для исполненія слѣдующихъ порученій: 1) Въ случаѣ разбитія Пугачева подъ Оренбургомъ и бѣгства его на Иргизъ, собрать „все-удобь-возможное стараніе къ тому, чтобъ узнать тѣхъ людей, къ коимъ бы онъ въ такомъ случаѣ прибѣгнуть могъ, или, по крайней мѣрѣ, черезъ кого вы о нихъ узнать можете, а узнавши, расположите таковыя мѣры, чтобъ сей злодѣй поимки избѣгнуть не могъ“; 2) До разбитія самозванца, Державину поручалось употребить стараніе, „чтобъ узнать о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ злодѣя и его толпы, ихъ состояніе и силу, взаимную между ними связь, и чѣмъ подробнѣе и обстоятельнѣе вы узнаете, тѣмъ болѣе и заслуги вашей“ (Соч. Державина съ примѣч. Я. К. Грота т. V стр. 10—14) (Id. III т. XI гл).

[4]) Во Владимірскомъ пѣхотномъ п. ходили разнаго рода непріятные слухи. Солдаты жаловались на тяжелую службу. По прибытіи въ Москву, они разсказывали, что появившійся подъ Оренбургомъ—не Пугачевъ, а истинный государь (Всеподданнѣйшій рапортъ кн. Волконскаго, 6 февр. 1774 г. Гос. Арх., VI д. № 465) (Id. II т. XIV гл).

лѣно было разослать по кабакамъ переодѣтыхъ чиновниковъ. Такимъ образомъ возмутители были открыты и захвачены. Впослѣдствіи Бибиковъ былъ доволенъ своими полками. „Дѣла мои, Богу благодареніе (писалъ онъ въ февралѣ), идутъ часъ отъ часу лучше; войска подвигаются къ гнѣзду злодѣевъ. Что мною довольны (въ Петербургѣ), то я изо всѣхъ писемъ вижу; только спросили бы гуся: не забнутъ ли ноги?“ [5]).

Маіоръ Муфель съ одною полевою командою 29-го декабря приблизился къ Самарѣ, занятой наканунѣ шайкою бунтовщиковъ, и встрѣченный ими, разбилъ и гналъ ихъ до самаго города. Тутъ они подъ прикрытіемъ городскихъ пушекъ думали сопротивляться. Но драгуны ударили въ палаши и въѣхали въ городъ, рубя и попирая бѣгущихъ. Въ самое сіе время въ двухъ верстахъ отъ Самары показались ставропольскіе калмыки *), идущіе на помощь бунтовщикамъ. Они побѣжали, увидя высланную противу нихъ конницу. Городъ былъ очищенъ. Шесть пушекъ и двѣсти плѣнныхъ достались побѣдителю [6]). Вслѣдъ за Муфелемъ вступили въ Самару подполковникъ Гриневъ и генералъ-маіоръ Мансуровъ. Послѣдній немедленно послалъ отрядъ къ Ставрополю для усмиренія калмыковъ; но они разбѣжались, и отрядъ, не видавъ ихъ, возвратился въ Самару [7]).

*) Крещеные калмыки, поселенные въ Оренбургской губерніи, раздѣлялись на оренбургскихъ и ставропольскихъ. См. въ Рычковѣ (въ его Оренбургской Топографіи) подробное о нихъ извѣстіе.

[5]) Въ текстѣ: „Исторіи“, на этой же стр., Пушкинъ при печатаніи, выпустилъ окончаніе письма Бибикова: „Ой-да работка! Одинъ Всевышній да будетъ помощникъ! Однако работаю и работать буду до положенія ризъ. Твори Богъ волю свою“. (*Ефр.*).

[6]) Въ книгѣ г. Дубровина (II т. XIV гл.) дѣйствія Муфеля въ Самарѣ разсказаны иначе: „(Маіоръ Муфель) въ 7 час. утра 29 дек. подошелъ къ Самарѣ, гдѣ былъ встрѣченъ огнемъ изъ 2 полевыхъ и 6 чугунныхъ орудій. Не теряя времени на перестрѣлку, онъ смѣло двинулся впередъ, и хотя встрѣтилъ упорное сопротивленіе, но штыками выгналъ мятежниковъ изъ города, захватилъ 200 ч. плѣнныхъ и всѣ орудія, причемъ самъ лишился 3 ч. убитыми и 15 ранеными“. Число побитыхъ злодѣевъ было трудно узнать, такъ какъ трупы ихъ заносило снѣгомъ и метелью. Въ донесеніи своемъ Муфель особенно хвалилъ команду волжскихъ казаковъ, которые „немало свергали ихъ (мятежниковъ) съ коней пиками“. Ставропольскіе калмыки не показывались; о движеніи ихъ къ Самарѣ предупреждали Муфеля, когда онъ былъ въ 5 верстахъ отъ Самары (Id).

[7]) Пушкинъ ошибся, говоря, что посланный Мансуровымъ отрядъ (Гринева) къ Ставрополю не видалъ калмыковъ. Въ „Экстрактѣ изъ журнала командующаго войсками Е. И. В., ген.-м. и кавалера кн. Петра Мих. Голицына о деташементахъ, командированныхъ въ разныя мѣста для поиска и истребленія злодѣевъ, и какія отъ нихъ дѣйствія и успѣхи были“, приложенномъ Рычковымъ къ его лѣтописи и напечатанномъ Пушкинымъ при „Пугачевскомъ бунтѣ“, находимъ въ § 9 слѣдующее: „Г. Подполковникъ Гриневъ, послѣ завладѣнія злодѣями Ставропольской крѣпости, напавъ на тѣхъ злодѣевъ около Красноярской крѣпости, *сію злодѣйскую толпу разбилъ*, и взятые ими въ Ставрополѣ пушки и порохъ съ снарядами у нихъ отбилъ“.— У г. Дубровина дѣйствія противъ калмыковъ изложены подробно; оттуда приводимъ для разъясненія слѣдующее: „20 января калмыки ворвались въ г. Ставрополь. Ген.-м. Мансуровъ командировалъ подполк. Гринева съ его 22-ю

Полковникъ Бибиковъ, отряженный изъ Казани съ четырьмя гренадерскими ротами и однимъ эскадрономъ гусаръ на подкрѣпленіе генералъ-маіора Фреймана [8]), стоящаго въ Бугульмѣ безъ всякаго дѣйствія, пошелъ на Заинскъ, коего семидесятилѣтній комендантъ капитанъ Мертвецовъ [9]) принялъ съ честью шайку разбойниковъ, сдавъ имъ начальство надъ городомъ. Бунтовщики укрѣпились какъ умѣли; въ пяти верстахъ отъ города Бибиковъ услышалъ ихъ пушечную пальбу. Рогатки ихъ были сломаны, батареи взяты, предмѣстія заняты; все бѣжало. Двадцать пять бунтовавшихъ деревень пришли въ повиновеніе. Къ Бибикову являлось въ день до четырехъ тысячъ раскаявшихся крестьянъ; имъ выдавали билеты и всѣхъ распускали по домамъ.

Державинъ, начальствуя тремя фузелерными ротами, привелъ въ повиновеніе раскольничьи селенія, находящіяся на берегахъ Иргиза, и орды племенъ, кочующихъ между Яикомъ и Волгою **) [10]). Узнавъ однажды, что моножество народу собралось въ одной деревнѣ съ намѣреніемъ итти служить у Пугачева, онъ пріѣхалъ съ двумя казаками прямо къ сборному мѣсту и потребовалъ отъ народа объясненія. Двое изъ зачинщиковъ выступили изъ толпы, объявили ему свое намѣреніе и начали къ нему приступать съ укорами и угрозами. Народъ уже готовъ былъ остервениться. Но Державинъ строго на нихъ прикрикнулъ и велѣлъ своимъ казакамъ вѣшать обо-

**) Державинъ, въ объясненіяхъ на свои сочиненія, говоритъ, что онъ имѣлъ счастіе освободить около полуторы тысячи плѣнныхъ колонистовъ отъ киргизовъ. Державинъ написалъ свои „Записки“, къ сожалѣнію, еще неизданныя (См. о нихъ въ „Избр. соч. Держ.“ стр. 1).

легкою полевою командою и ротой гусаръ къ Красному-Яру. Отступая отъ Ставрополя калмыки наткнулись на отрядъ Гринева, атаковали его, но были разбиты и прогнаны. Мятежники бросили 5 пушекъ, захваченныя ими въ Ставрополѣ, потеряли 120 ч. убитыми и 40 плѣнными. (II т. XIV гл). Очевидно Пушкинъ смѣшалъ это преслѣдованіе калмыковъ съ преслѣдованіемъ, произведеннымъ ранѣе тѣмъ же Гриневымъ. 9 янв. Гриневъ двинулся вверхъ по р. Самарѣ къ Красному Яру, гдѣ по свѣдѣніямъ, собрались ставропольскіе калмыки, но *калмыковъ не настигъ*, такъ какъ они ушли за атаманами Араповымъ и Чулошниковымъ, отступившими вверхъ по р. Кинелю. (Рап. подполк. Гринева А. И. Бибикову 11 янв. 1774 г. Гос. Арх. VI д. № 507 (1) (Дубровинъ II т. XIV гл).

[8]) Въ томъ же „экстрактѣ“ въ § 2 сказано: „Въ первыхъ числахъ января командированъ былъ отъ г. генералъ-аншефа и кавалера А. И. Бибикова съ особливымъ деташементомъ *вверхъ по Камѣ рѣкѣ до пригорода Мензелинска* родной его племянникъ г. полковникъ (Ю.) Бибиковъ, коему отдѣлено было баталіонъ гренадеръ и 2 эскадрона конныхъ“.... Взявъ Заинскъ, прибылъ въ Ногайбацкую крѣпость; атаковалъ крѣпостцу Бакалы (отъ Нагайбака въ 37 верстахъ), выгналъ и преслѣдовалъ мятежниковъ, „а оттуда возвратясь въ Нагайбакъ, *пошелъ черезъ Бугульму для соединенія съ корпусомъ Его Сіятельства*“. (см. 12 вын).

[9]) Г. Дубровинъ называетъ капитана Мертвецова не комендантомъ, а „начальникомъ инвалидныхъ солдатъ“. (Id. X гл).

[10]) Послѣ освобожденія Яицкаго городка (16 апр.) Державину было поручено очистить окрестность отъ Малыковки вверхъ по р. Иргизу до Сызранской дороги отъ шаекъ мятежниковъ. При немъ была довольно значительная команда. (Рапортъ ген.-м. Мансурова кн. Щербатову отъ 29 апр. 1774 г. Моск. Арх. Гл. Шт. опись 47, кн. VIII) (Id. XXI гл).

ихъ зачинщиковъ. Приказъ его былъ тотчасъ исполненъ, и сборище разбѣжалось ***).

Генералъ-маіоръ Ларіоновъ, начальникъ дворянскаго легіона, отряженный для освобожденія Уфы, не оправдалъ общей довѣренности [11]). „За грѣхи мои (писалъ Бибиковъ) навязался мнѣ братецъ мой А. Л., который самъ вызвался сперва командовать особливымъ деташментомъ, а теперь съ мѣста сдвинуть не могу“. Ларіоновъ оставался въ Бакалахъ безъ всякаго дѣйствія. Его неспособность заставила главнокомандующаго послать на его мѣсто нѣкогда раненаго при его глазахъ и уже отличившагося въ войнѣ противу конфедератовъ офицера, подполковника Михельсона.

Князь Голицынъ принялъ начальство надъ войсками Фреймана. 22-го января перешелъ онъ чрезъ Каму. 6-го февраля соединился съ нимъ полковникъ Бибиковъ; Мансуровъ—10-го [12]). Войско двинулось къ Оренбургу.

Пугачевъ зналъ о приближеніи войскъ и мало о томъ заботился. Онъ надѣялся на измѣну рядовыхъ и на оплошность начальниковъ. Попадутся сами намъ въ руки, отвѣчалъ онъ своимъ сообщникамъ, когда настойчиво звали они его навстрѣчу приближающихся отрядовъ [13]). Въ случаѣ жъ пораженія намѣревался онъ бѣжать, оставя

***) Державинъ, приближаясь къ одному селу близъ Малыковки съ двумя казаками, узналъ, что множество народу собралось и намѣрено итти къ Пугачеву. Онъ пріѣхалъ прямо къ сборной избѣ и требовалъ отъ писаря Злобина (впослѣдствіи богача) изъясненія, зачѣмъ собрался народъ и по чьему приказанію? Начальники выступили и объявили, что идутъ соединиться съ государемъ Петромъ Өедоровичемъ, и начали было наступать на Державина. Онъ велѣлъ двухъ повѣсить, а народу велѣлъ принести плетей и всю деревню пересѣкъ. Сборище разбѣжалось. Державинъ увѣрилъ, что за нимъ идутъ три полка (слышалъ отъ сенат. Баранова). *Въ друг. спискѣ только*: И. И. Дмитріевъ увѣрялъ, что Державинъ повѣсилъ сихъ двухъ мужиковъ болѣе изъ поэтическаго любопытства, нежели изъ настоящей необходимости. (*Прим., не внесенное Пушкинымъ въ изд.*).

[11]) Движеніе Ларіонова по направленію къ Уфѣ относится къ 4 марту 1774 г. (Id. XVII гл.).

[12]) У р. Камы былъ сосредоточенъ отрядъ кн. П. М. Голицына. 4 февраля кн. Голицынъ вошелъ въ Бугульму, гдѣ и соединился съ ген. Фрейманомъ. Кн. Голицынъ и Мансуровъ двигались по двумъ направленіямъ: кн. Голицынъ по ново-московской дорогѣ (т. е. черезъ Казань, Кичуевскій фельдшанецъ, Бугульму и далѣе до Оренбурга), Мансуровъ же (какъ сказано и у Пушкина въ 5 и 6 строкахъ начала V главы) по Самарской линіи (Самара, пригородъ Алексѣевскъ, Мачинская слобода, крѣпости: Борская, Бузулукская, Тоцкая, Сорочинская, Переволоцкая, Татищева и далѣе къ Оренбургу), и соединиться 10 февраля они не могли, какъ ошибочно сказано у Пушкина. 14 февр. Мансуровъ вступилъ въ Бузулукъ и опередилъ Голицына, который былъ занятъ заготовленіемъ продовольствія для себя и Оренбурга, и только 27 февр. достигъ Бугуруслана. Для прикрытія оставленной половины транспорта, кн. Голицынъ приказалъ Ю. Бибикову выступить изъ Нагайбака къ Бугульмѣ. Только 11 марта кн. Голицынъ соединился въ Сорочинскѣ съ Мансуровымъ. (Id. XIV и XVI гл.).

[13]) Это заимствовано Пушкинымъ изъ § 86 лѣтописи Рычкова, гдѣ изложено сообщеніе выбѣжавшаго 24 апрѣля изъ злодѣйскаго лагеря канонера Макарова. „По имѣющимся-де у злодѣевъ извѣстіямъ, генералъ-маіоръ Фрейманъ якобы и понынѣ находится еще въ Бугульмѣ для прикрытія тамошней стороны, а вышеозначенная-де по Сакмарѣ рѣкѣ слѣдующая команда, у коей командиромъ генералъ-маіоръ Мансуровъ, можетъ сюда прибыть не прежде

свою сволочь на произволъ судьбы. Для того держалъ онъ на лучшемъ корму тридцать лошадей, выбранныхъ имъ на скачкѣ [14]). Башкирцы подозрѣвали его намѣреніе и роптали. „Ты взбунтовалъ насъ", говорили они, „и хочешь насъ оставить, а тамъ насъ будутъ усмирять, какъ усмиряли отцовъ нашихъ" ****)[15]). (Казни 1740 года были у нихъ въ свѣжей памяти) *****). Яицкіе же казаки въ случаѣ неудачи думали предать Пугачева въ руки правительства и тѣмъ заслужить себѣ помилованіе. Они стерегли его, какъ заложника [16]). Бибиковъ понималъ ихъ и Пугачева, когда писалъ Фонъ-Визину слѣдующія замѣчательныя строки: „Пугачевъ не что иное, какъ чучело, которымъ играютъ воры, яицкіе казаки: не Пугачевъ важенъ, важно общее негодованіе" ******).

Пугачевъ изъ-подъ Оренбурга отлучился къ Яицкому городку. Его прибытіе оживило дѣятельность мятежниковъ. 20-го января онъ самъ предводительствовалъ достопамятнымъ приступомъ. Ночью взорвана была часть вала подъ батареею, устроенною при Старицѣ (прежнемъ руслѣ Яика). Мятежники, подъ дымомъ и пылью, съ крикомъ бросились къ крѣпости, заняли ровъ и, ставя лѣстницы, силились взойти на валъ, но были опрокинуты и отражены. Всѣ

****) Бунтовавшіе башкирцы жестоко усмирены были генераломъ-лейтенантомъ княземъ Урусувымъ, прозваннымъ, какъ Силла, счастливымъ, ибо все ему удавалось.

*****) Казни, произведенныя въ Башкиріи генераломъ княземъ Урусовымъ, невѣроятны. Около 130 человѣкъ были умерщвлены посреди всевозможныхъ мученій. (*Добавл*: Иныхъ, пишетъ Рычковъ, растыкали по кольямъ, другихъ повѣсили ребромъ за крюки, нѣкоторыхъ четвертовали). Остальныхъ, человѣкъ до тысячи, простили, отрѣзавъ имъ носы и уши. „Многіе изъ сихъ прощенныхъ должны были быть живы во время Пугачевскаго бунта. *(Прим., не внесенное Пушкинымъ въ изд.)*.

******) См. въ приложеніи письмо Бибикова къ Фонъ-Визину. Письмо сіе, вмѣстѣ съ другими драгоцѣнными бумагами, доставлено было родственниками и наслѣдниками Фонъ-Визина князю Вяземскому, занимавшемуся біографіей автора Недоросля. Надѣемся въ непродолжительномъ времени издать въ свѣтъ сіе замѣчательное по всѣмъ отношеніямъ сочиненіе („Біогр. Ф.-Визина" кн. Вяземскаго вышла только въ 1848 году).

какъ развѣ на первой недѣлѣ поста; *сообщники-де его Пугачева больше совѣтуютъ ему, чтобъ итти противъ оной команды* еще, *но онъ не соглашаясь увѣряетъ ихъ, что она и безъ того въ руки ему достанется*". Но въ лѣтописи эту надежду Пугачевъ высказываетъ послѣ неудачи въ сраженіи между Бузулуцкой и Тоцкою крѣпостями.

[14]) Въ лѣтописи Рычкова (§ 39): „... собравъ онъ самыхъ лучшихъ людей и лошадей, велѣлъ имъ скакать взапуски, и кои лошади выпередили другихъ, изъ тѣхъ самыхъ лучшихъ и рѣзвыхъ выбралъ онъ тридцать лошадей и невѣдомо-де для чего, всегда содержитъ ихъ на хорошемъ корму у себя". Въ „Прибавленіи первомъ" (Продолженіе лѣтописи) находимъ: „Самозванецъ Пугачевъ, какъ *всегда имѣлъ готовыхъ къ побѣгу береженыхъ лошадей*, подхватя тутъ четыре заводныя лошади, бѣжалъ"...

[15]) О ропотѣ башкирцевъ на Пугачева ничего не находимъ у Рычкова; но въ § 91 и 92 упоминается о башкирцахъ, „пошедшихъ (изъ Бердской слободы послѣ пораженія Пугачева кн. Голицынымъ) въ Башкирію, въ свои домы".

[16]) Отношенія къ Пугачеву его ближайшихъ сообщниковъ очевидны въ дѣйствіяхъ Шигаева и Логинова, разсказанныхъ въ § 93 лѣтописи Рычкова, и въ разсказахъ о поимкѣ и сдачѣ правительству Пугачева яицкими казаками въ „Прибавленіи второмъ" (Продолженіе лѣтописи) Рычкова.

жители, даже женщины и дѣти, подкрѣпляли ихъ. Пугачевъ стоялъ во рву съ копьемъ въ рукѣ, сначала стараясь лаской возбудить ревность приступающихъ, наконецъ самъ коля бѣгущихъ. Приступъ длился девять часовъ сряду при неумолкной пальбѣ и перестрѣлкѣ. Наконецъ подпоручикъ Толстоваловъ[17]) съ пятидесятью охотниками сдѣлалъ вылазку, очистилъ ровъ и прогналъ бунтовщиковъ, убивъ до четырехъ сотъ человѣкъ и потерявъ не болѣе пятнадцати. Пугачевъ скрежеталъ. Онъ поклялся повѣсить не только Симонова и Крылова, но и все семейство послѣдняго, находившееся въ то время въ Оренбургѣ. Такимъ образомъ обреченъ былъ смерти и четырехъ-лѣтній ребенокъ, впослѣдствіи славный Крыловъ[18]).

Пугачевъ въ Яицкомъ городкѣ увидѣлъ молодую казачку Устинью Кузнецову и влюбился въ нее. Онъ сталъ ее сватать. Отецъ и мать изумились и отвѣчали ему: „Помилуй, государь! дочь наша не княжна, не королевна; какъ ей быть за тобою? Да и какъ тебѣ жениться, когда матушка государыня еще здравствуетъ“?[19]) Пугачевъ однако въ началѣ февраля женился на Устиньѣ, наименовалъ ее императрицей и назначилъ ей штатсъ-дамъ и фрейлинъ изъ яицкихъ казачекъ и хотѣлъ, чтобъ на ектеніи поминали послѣ государя Петра Ѳедоровича супругу его государыню Устинью Петровну. Попы его не согласились, сказывая, что не получали на то разрѣшенія отъ синода. Отказъ ихъ огорчилъ Пугачева, но онъ не настаивалъ въ своемъ требованіи. Жена его оставалась въ Яицкомъ городкѣ, и онъ ѣздилъ къ ней каждую недѣлю. Его присутствіе ознаменовано было всегда новыми покушеніями на крѣпость. Осажденные, съ своей стороны, не теряли бодрости. Ихъ пальба не умолкала, вылазки не прекращались.

19-го февраля, ночью, прибѣжалъ изъ города въ крѣпость малолѣтокъ †) и объявилъ, что съ прошедшаго дня подведенъ подъ колокольню подкопъ, куда и положено двадцать пудъ пороху, и что Пугачевъ назначалъ того же числа напасть на крѣпость. Извѣтъ показался невѣроятнымъ. Симоновъ полагалъ, что малолѣтокъ былъ подосланъ нарочно для посѣянія пустаго страха. Осажденные вели контрмину и не слыхали никакой земляной работы: двадцатью пудами пороху мудрено взорвать было шестиярусную, высокую колокольню. Однакоже какъ подъ нею сохранялся весь пороховой за-

†) Малолѣтокъ, не достигшій 14-ти-лѣтняго возраста.

17) Подпоручикъ Пустоваловъ, а не Толстоваловъ (Дубр. т. II, гл. XV).

18) О дѣйствіяхъ Пугачева и его приверженцевъ при осадѣ Яицкаго городка въ лѣтописи Рычкова мало свѣдѣній (§ 76, 78). Пушкинъ пользовался другими источниками (см. нашу вын. 14 къ гл. IV).

19) Устинья Кузнецова лишилась матери до сватовства Пугачева. Г. Дубровинъ приводитъ другія слова отца ея, который „плакалъ горько о томъ, что она молодехонько принуждена итти замужъ неволею“. Бросившись въ ноги самозванцу, онъ говорилъ: „меня некому ни обшить, ни обмыть—а старухи (жены) не имѣю“. (Id.). Въ лѣтописи Рычкова въ § 90 объ Устиньѣ Кузнецовой, женѣ Пугачева, записано по слухамъ, какъ о дочери яицкаго казака и *кузнеца*. Г. Дубровинъ объясняетъ женитьбу Пугачева на казачкѣ совѣтомъ „лицъ, преслѣдовавшихъ свои личныя узко-корпоративныя цѣли“ (Дубр. II т. XV гл.).

пасъ (что могли знать и мятежники), то и поспѣшили оный убрать, разобрали кирпичный полъ и начали вести контрмину. Гарнизонъ приготовился, ожидали взрыва и приступа. Не прошло и двухъ часовъ, какъ вдругъ подкопъ былъ приведенъ въ дѣйство; колокольня тихо зашаталась. Нижняя палата развалилась, и верхніе шесть ярусовъ осѣли, подавивъ нѣсколько людей, находившихся близъ колокольни. Камни, не бывъ разметаны, свалились въ груду. Бывшіе же въ самомъ верхнемъ ярусѣ шесть часовыхъ при пушкѣ свалились оттолѣ живы; а одинъ изъ нихъ, въ то время спавшій, опустился не только безъ всякаго вреда, но даже не проснувшись.

Еще колокольня валилась, какъ уже изъ крѣпости загремѣли пушки; гарнизонъ, стоявшій въ ружьѣ, тотчасъ занялъ развалины колокольни и поставилъ тамъ батарею. Мятежники, не ожидавшіе таковой встрѣчи, остановились въ недоумѣніи. Чрезъ нѣсколько минутъ они подняли свой обычный визгъ, но никто не шелъ впередъ. Напрасно предводители кричали: „на сломъ, на сломъ, атаманы-молодцы!“ Приступу не было; визгъ продолжался до зари, и бунтовщики разошлись, ропща на Пугачева, обѣщавшаго, что при взрывѣ колокольни на крѣпость упадетъ каменный градъ и передавитъ весь гарнизонъ.

На другой день Пугачевъ получилъ изъ-подъ Оренбурга извѣстіе о приближеніи князя Голицына и поспѣшно уѣхалъ въ Берду, взявъ съ собою пятьсотъ человѣкъ конницы и до полуторы тысячи подводъ. Сія вѣсть дошла и до осажденныхъ. Они предались радости, разсчитывая, что помощь приспѣетъ къ нимъ чрезъ двѣ недѣли. Но минута ихъ освобожденія была еще далека.

Во время частыхъ отлучекъ Пугачева, Шигаевъ, Падуровъ и Хлопуша управляли осадой Оренбурга [20]). Хлопуша, пользуясь его отсутствіемъ, вздумалъ овладѣть Илецкою Защитой ††) (гдѣ добывается каменная соль) и въ концѣ февраля, взявъ съ собой четыреста человѣкъ, напалъ на оную. Защита была взята при помощи тамошнихъ ссыльныхъ работниковъ, между коими находилось и семейство Хлопуши. Казенное имущество было разграблено; офицеры перебиты, кромѣ одного, пощаженнаго по просьбѣ работниковъ; колодники присоединены къ шайкѣ мятежниковъ. Пугачевъ, возвратясь въ Берду, негодовалъ на своеволіе смѣлаго каторжника и укорялъ его за разореніе Защиты, какъ за ущербъ государственной казнѣ [21]). Пугачевъ выступилъ противъ князя Голицына съ десятью

††) Илецкая защита находится отъ Оренбурга въ 62-хъ верстахъ, въ степи, за рѣкою Ураломъ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ добывается славная илецкая соль (Пушкинъ приводитъ здѣсь выписку изъ „Топографіи“ Рычкова о добываніи соли).

[20]) Въ лѣт. Рычкова § 76 отъ 9 января: Пугачевъ „пошелъ для взятія яицкаго городка, и что оставленные отъ него въ той толпѣ начальники изъ яицкихъ казаковъ атаманъ Лысовъ, да изъ здѣшнихъ казаковъ сотникъ Подуровъ и ссыльный названный Хлопуша“ ... § 83 отъ 10 февраля: „въ небытность-де Пугачева начальствуютъ тамъ изъ яицкихъ казаковъ вышеозпаченные: Кожевниковъ, Лысовъ и Шигаевъ, оренбургскій сотникъ Подуровъ, да ссылочный Хлопуша“...

[21]) О разореніи Илецкой защиты Хло-

тысячами отборнаго войска, оставя подъ Оренбургомъ Шигаева съ двумя тысячами. Накануне велелъ онъ тайно задавить одного изъ верныхъ своихъ сообщниковъ, Дмитрія Лысова. Несколько дней предъ темъ они ехали вместе изъ Каргале въ Берду, будучи оба пьяны, и дорогою поссорились. Лысовъ наскакалъ сзади на Пугачева и ударилъ его копьемъ. Пугачевъ упалъ съ лошади; но панцырь, который всегда носилъ онъ подъ платьемъ, спасъ его жизнь. Ихъ помирили товарищи, и Пугачевъ пилъ еще съ Лысовымъ за несколько часовъ до его смерти [22]).

Пугачевъ занялъ крепости Тоцкую и Сорочинскую †††) и съ обыкновенною дерзостью, ночью, въ сильный буранъ, напалъ на передовые отряды Голицына, но былъ отраженъ маіорами Пушкинымъ и Елагинымъ [23]). Въ семъ сраженіи убитъ храбрый Елагинъ. Въ самое сіе время Мансуровъ соединился съ княземъ Голицынымъ [24]). Пугачевъ [25]) отступилъ къ Новосергіевской ††††), не успевъ сжечь крепостей, имъ оставленныхъ. Голицынъ, оставя въ Сорочинской свои запасы подъ прикрытіемъ четырехъ сотъ человекъ при осьми пушкахъ, черезъ два дня пошелъ далее. Пугачевъ сделалъ движеніе на Илецкій городокъ, и вдругъ, поворотя къ Татищевой, въ ней заселъ и сталъ тамъ укрепляться [26]). Голицынъ послалъ было къ Илецкому городку подполковника Бедрягу съ тремя эскадронами конницы, подкрепляемой пехотою и пушками, а самъ пошелъ прямо на Переволоцкую †††††) (куда возвратился и Бедряга); оттуда,

---

†††) Тоцкая крепость, при устье реки Сороки, въ 206 верстахъ отъ Оренбурга. Выстроена при Кирилове, въ 1736 г. — Сорочинская крепость, главная на Самарской дистанціи, въ 176 верстахъ отъ Оренбурга и въ 30 отъ Тоцкой.

††††) Крепость Новосергіевская отъ Сорочинской въ 40, а отъ Оренбурга въ 136 верстахъ. Выстроена при тайномъ советнике Татищеве, подъ именемъ Тевкелева Брода, и переименована при Неплюеве въ Новосергіевскую.

†††††) Переволоцкая, большою дорогою въ 78 верстахъ отъ Оренбурга, а прямо степью въ 60. Выстроена въ верховье реки Самары.

пушей и негодованіи на него Пугачева изложено у Пушкина по летописи Рычкова (§ 85, 86 и отчасти по 89 и 97).

[22]) По летописи Рычкова (§ 91).

[23]) Маіоръ Елагинъ былъ начальникомъ отряда, на который неожиданно напалъ (въ деревне Пронкиной) Пугачевъ. Секундъ-маіоръ Пушкинъ принялъ начальство по смерти Елагина. Пушкинъ успелъ собрать отрядъ и атаковать мятежниковъ. (См. Экстрактъ изъ журнала командующаго войсками кн. П. М. Голицына, § 15, приложенный къ летописи Рычкова и напечатанный при Пугачевскомъ бунте Пушкинымъ).

[24]) т. е. 11 марта, въ Сорочинской крепости, откуда отступили пугачевцы. (Дубр. II т. XVI гл.).

[25]) Не Пугачевъ, а пугачевцы подъ начальствомъ Овчинникова. Пугачевъ же после битвы въ Пронкине отправился въ Берду (показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Гос. Арх. VI, д. № 512) — (Id.). Въ лет. Рычкова § 85 и 86, отъ 23-го и 24-го марта: „Известно стало, что злодей Пугачевъ возвратился въ Берду... только въ 10 человекъ; ходилъ онъ съ сообщниками своими тысячахъ въ трехъ и более на встречу следующихъ въ Оренбургъ командъ, изъ коихъ съ одною... имелъ онъ сраженіе между Бузулуцкой и Тоцкою крепостями... самъ-де онъ спасся уходомъ“...

[26]) Татищева крепость имела весьма важное стратегическое значеніе для обеихъ сторонъ: она прикрывала пути къ Оренбургу, въ Илецкъ и Яицкій городокъ. Пугачевъ, собравъ въ Берде все свободныя силы, отправился самъ въ Татищеву; туда же приказалъ следовать и Овчинникову изъ Илецкой крепости (Дубр. т. II, гл. XVI).

оставя обозъ подъ прикрытіемъ одного баталіона при подполковникѣ Гриневѣ, 22-го марта подступилъ подъ Татищеву.

Крѣпость, въ прошедшемъ году взятая и выжженная Пугачевымъ, была уже имъ исправлена. Сгорѣвшія деревянныя укрѣпленія были замѣнены снѣговыми. Распоряженія Пугачева удивили князя Голицына, не ожидавшаго отъ него такихъ свѣдѣній въ военномъ искусствѣ. Голицынъ сначала отрядилъ триста человѣкъ [27]) для высмотра непріятеля ††††††). Мятежники, притаясь, подпустили ихъ къ самой крѣпости и вдругъ сдѣлали сильную вылазку, но были удержаны двумя эскадронами, подкрѣплявшими первыхъ. Полковникъ Бибиковъ тотъ же часъ послалъ егерей, которые, бѣгая на лыжахъ по глубокому снѣгу, заняли всѣ выгодныя высоты. Голицынъ раздѣлилъ войска на двѣ колонны, сталъ приближаться и открылъ огонь, на который изъ крѣпости отвѣчали столь же сильно. Пальба продолжалась три часа. Голицынъ увидѣлъ, что однѣми пушками одолѣть было невозможно и велѣлъ генералу Фрейману съ лѣвою колонною идти на приступъ. Пугачевъ выставилъ противъ него семь пушекъ. Фрейманъ ихъ отнялъ и бросился на оледенѣлый валъ [28]).

---

††††††) Les rebelles restèrent si tranquilles à Tatitscheva, que le Prince lui-même doutait qu'ils fussent dans cette place. Pour en apprendre des nouvelles, il envoya trois cosaques qui s'approchèrent de la forteresse, sans rien apercevoir. Les rebelles leur envoyèrent une femme, qui leur présenta du pain et du sel, selon l'usage des Russes, et qui interrogée par les cosaques, les assura que les rebelles après avoir été dans la place, en étaient tous sortis. Lorsque Pougatshef crut avoir trompé les cosaques par cette ruse, il fit sortir de la forteresse quelques centaines d'hommes pour s'emparer d'eux. L'un des trois fut tué et le second pris; mais le troisième s'échappa et vint rendre compte à Galitzin de ce qu'il venait de voir. Aussitôt le Prince résolut de marcher sur la place dans le jour même et d'attaquer l'ennemi dans ses retranchements.—(**Histoire de la révolte de Pougatschef**). (т. е.: „Мятежники оставались въ Татищевой до такой степени покойно, что самъ князь сомнѣвался въ томъ, находились ли они тамъ. Чтобы разузнать о томъ, онъ послалъ 3 казаковъ, которые приблизились къ крѣпости, ничего не замѣчая. Мятежники выслали къ нимъ бабу, которая подала имъ хлѣбъ-соль, по русскому обычаю, и на вопросъ казаковъ, увѣрила ихъ, что мятежники, побывавъ въ этомъ мѣстѣ, всѣ изъ него удалились. Пугачевъ думалъ, что этою хитростію обманулъ казаковъ, выслалъ изъ крѣпости нѣсколько сотенъ, чтобъ схватить ихъ. Одинъ изъ троихъ былъ убитъ, а другой схваченъ; но 3-й бѣжалъ и передалъ Голицыну о случившемся. Князь рѣшился итти въ тотъ же день атаковать непріятеля въ его укрѣпленіяхъ"). Этотъ разсказъ подтверждается показаніями Пугачева 16 сент. и 4 ноября 1774 г. и Ивана Почиталина 8 мая 1774 г. (Госуд. Арх., VI д. №№ 512 и 506. См. Дубр. II, гл. XVI).

---

[27]) Авангардъ подъ начальствомъ полк. Ю. Бибикова, состоялъ изъ баталіона гренадеръ, баталіона егерей, 200 лыжниковъ и 3-хъ эскадроновъ кавалеріи (Дубр. id).

[28]) Въ „Прибавленіи первомъ" (продолженіе лѣтописи Рычкова) сказано: „Стремленіе злодѣевъ весьма было на нихъ (на атакующихъ) усилено, да и *вывезли они 7 пушекъ*, поставя ихъ на одномъ пригоркѣ, который былъ противу баталіона атакующихъ; но съ нашихъ батарей *оныя были сбиты* и сіе *мѣсто занялъ г. генералъ-маіоръ Фрейманъ*"…. „не взирая на то, что изъ крѣпости производили уже пушечную картечную пальбу, атакующія войска, подъ *предводительствомъ храбраго генералъ-маіора Фреймана кинулись на валъ*". — Г. Дубровинъ, описывая взятіе Татищевой крѣпости подробно, сообщаетъ, что контръ-атака мятежниковъ была такъ стремительна и отчаянна, что привела въ замѣшательство баталіоны. Фрейманъ тѣмъ не менѣе перешелъ въ наступленіе. Силы мятежниковъ поддер-

Мятежники защищались отчаянно [29]), но принуждены были оступить силѣ правильнаго оружія и бѣжали во всѣ стороны. Конница, дотолѣ не дѣйствовавшая, преслѣдовала ихъ по всѣмъ дорогамъ. Кровопролитіе было ужасно. Въ одной крѣпости пало до тысячи трехъ сотъ мятежниковъ. На пространствѣ двадцати верстъ кругомъ, около Татищевой, лежали ихъ тѣла. Голицынъ потерялъ до четырехъ сотъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ болѣе двадцати офицеровъ *). Побѣда была рѣшительная. Тридцать шесть пушекъ и болѣе трехъ тысячъ плѣнныхъ достались побѣдителю. Пугачевъ съ шестидесятью казаками пробился сквозь непріятельское войско и прискакалъ самъ-пятъ въ Бердскую слободу съ извѣстіемъ о своемъ пораженіи [30]). Бунтовщики начали выбираться изъ Берды, кто верхомъ, кто на саняхъ. На воза громоздили заграбленное имущество. Женщины и дѣти шли пѣшія. Пугачевъ велѣлъ разбить бочки вина, стоявшія у его избы, опасаясь пьянства и смятенія. Вино хлынуло по улицѣ. Между тѣмъ Шигаевъ, видя, что все пропало, думалъ заслужить себѣ прощеніе и, задержавъ Пугачева и Хлопушу **), послалъ отъ себя къ оренбургскому губернатору съ предложеніемъ о выдачѣ ему самозванца, и прося дать ему сигналъ двумя пушечными выстрѣла-

*) Бибиковъ въ письмѣ отъ 26 марта: „Мы потеряли 9 офицеровъ и 150 рядовыхъ убито; 12 офицеровъ ранено и 150 рядовыхъ. Вотъ какая была пирушка! А бѣдный мой Кошелевъ (Р. А. Кошелевъ, впослѣдствіи оберъ-гофмейстеръ) тяжело въ ногу раненъ; боюсь, чтобъ не умеръ, хотя Голицынъ и пишетъ, что не опасно“.

**) Рычковъ пишетъ, что Шигаевъ велѣлъ связать Пугачева и Хлопушу. Показаніе невѣроятное. Увидимъ, что Пугачевъ и Шигаевъ дѣйствовали заодно нѣсколько времени послѣ бѣгства изъ-подъ Оренбурга.

живались новыми войсками изъ крѣпости. Было очевидно, что на этомъ пунктѣ должна была быть рѣшена участь боя. Кн. Голицынъ принялъ здѣсь личное начальство. Боевыя силы атакующихъ были увеличены; но длившійся бой на площадкѣ передъ крѣпостію шелъ съ перемѣннымъ счастіемъ. Кн. Голицынъ рѣшился ввести въ дѣло послѣдній резервный баталіонъ. Онъ приказалъ Ю. Бибикову ударить во флангъ непріятелю, ген. Мансурову перейти въ наступленіе съ кавалеріей, а ген. Фрейману атаковать мятежниковъ. Фрейманъ бросился впередъ, а за нимъ всѣ остальные войска. Самъ Голицынъ шелъ по грудь въ снѣгу съ обнаженной шпагой передъ однимъ изъ баталіоновъ (Дубр. Id).

[29]) „Злодѣи хотя и увидѣли тутъ неминуемую свою гибель, но еще, да и отчаяннѣе прежняго, оборонялись“ („Прибавленіе первое“ — продолж. лѣтоп. Рычкова).

[30]) Въ § 88 лѣтоп. Рычкова: „на 24 число и отъ г. генералъ-маіора и кавалера князя Голицына получено сообщеніе, что онъ съ ввѣреннымъ ему корпусомъ достигъ до Татищевой крѣпости и вышеописанной злодѣйской толпѣ пораженіе учинилъ, въ коей-де по объявленію плѣнныхъ, было не менѣе девяти тысячъ выбранныхъ и отчаянныхъ злодѣевъ, причемъ-де ихъ побито до двухъ тысячъ, да *въ плѣнъ взято 3000 человѣкъ* и *36 орудій въ добычу получено*, только-де самъ злодѣй Пугачевъ могъ отъ того уйти, потому что кавалерія за усталостію лошадей... не могла сего бѣглеца достичь, хотя *преслѣдованіе было 20 верстъ*“. Но Пушкинъ не точно передалъ сообщенное въ томъ же § со словъ „выбѣжавшаго изъ злодѣйской толпы яицкихъ казаковъ сотника Логинова“, что „самъ злодѣй..., въ Татищевой крѣпости засѣвшій, разбитъ и *только самъ-пятъ* съ нимъ. Логиновымъ. нашелъ случай бѣжать въ гнѣздо свое, въ Бердскую слободу“... — О томъ, что Пугачевъ пробился *съ 60 казаками* нѣтъ ни въ § 88 лѣтоп., ни въ „Прибавленіи первомъ“ (продолженіи лѣтописи), гдѣ подробное описаніе побѣды подъ Татищевой крѣпостію заимство-

ми. Сотникъ Логиновъ, сопровождавшій бѣгство Пугачева, явился къ Рейнсдорпу съ симъ извѣстіемъ. Бѣдный Рейнсдорпъ не смѣлъ повѣрить своему счастію и цѣлыхъ два часа не могъ рѣшиться дать требуемый сигналъ! Пугачевъ и Хлопуша были между тѣмъ освобождены ссылочными, находившимися въ Бердѣ. Пугачевъ бѣжалъ съ десятью пушками, съ заграбленною добычею и съ двумя тысячами остальной сволочи. Хлопуша прискакалъ къ Каргале съ намѣреніемъ спасти жену и сына. Татары связали его и послали увѣдомить о томъ губернатора [31]). Славный каторжникъ былъ привезенъ въ Оренбургъ, гдѣ, наконецъ, отсѣкли ему голову въ іюнѣ 1774 года.

Оренбургскіе жители, услыша о своемъ освобожденіи, толпами бросились изъ города вслѣдъ за шестьюстами человѣкъ пѣхоты, высланной Рейнсдорпомъ къ оставленной слободѣ, и овладѣли жизненными запасами. Въ Бердѣ найдено осьмнадцать пушекъ, семнадцать бочекъ мѣдныхъ денегъ ***) и множество хлѣба. Въ Оренбургѣ спѣшили принести Богу благодареніе за нечаянное избавленіе. Благословляли Голицына. Рейнсдорпъ писалъ ему поздравляя его съ по-

---

***) Пугачевъ, вопреки общему мнѣнію, никогда не билъ монеты съ изображеніемъ государя Петра III и съ надписью Redivivus et ultor (какъ увѣряютъ иностранные писатели) т. е.: Безграмотные и полуграмотные бунтовщики не могли вымышлять замысловатыя латинскія надписи, и довольствовались уже готовыми деньгами.

вано Рычковымъ „изъ журнала его сіятельства г. генералъ-маіора и кавалера князя Петра Михайловича Голицына" (выноска къ § 88).—Г. Дубровинъ (II т. XVI гл.) сообщаетъ на основаніи показанія самого Пугачева (отъ 4 ноября. Гос. Арх. VI д. № 512), что Пугачевъ бѣжалъ изъ Татищевой не болѣе какъ съ 4 человѣками, а на основаніи рапорта князя Голицына А. И. Бибикову (отъ 24 марта 1774 г. № 504 Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. VII): „Войска преслѣдовали отступавшихъ на протяженіи 11 верстъ, и впослѣдствія было найдено по дорогѣ, въ лѣсу и сугробахъ 1,180 убитыхъ. Въ плѣнъ взято 290 яицкихъ и илецкихъ казаковъ и болѣе 3000 человѣкъ разнаго сброда. Вся артиллерія самозванца состоявшая изъ 36 орудій со снарядами и зарядными ящиками, осталась въ рукахъ побѣдителей, которые лишились убитыми: 3 офицеровъ и 138 нижнихъ чиновъ; ранеными: 19 офицеровъ и 497 нижнихъ чиновъ". Въ выноскѣ г. Дубровинъ замѣчаетъ: „У Пушкина сраженіе подъ Татищевой описано не вполнѣ вѣрно".

[31]) По лѣтоп. Рычкова (§ 93). Г. Дубровинъ на основаніи показаній Григорія Бородина, Максима Шигаева (Гос. Арх. VI д. №№ 467 и 506), самого Пугачева, Хлопуши, Ивана Почиталина, Ивана Творогова (тамъ же №№ 505, 512) считаетъ многое сообщенное Рычковымъ въ § 93 невѣрнымъ. А именно: Пугачевъ бѣжалъ изъ подъ Татищевой въ сопровожденіи Ивана Почиталина, Василія Коновалова, Григорія Бородина и шурина своего Ивана Кузнецова (въ числѣ ихъ не было сотника Логинова, указаннаго у Пушкина на основаніи § 93 лѣтописи Рычкова). Мысль о выдачѣ Пугачева оренбургскому губернатору съ цѣлію заслужить помилованіе принадлежала среди сообщниковъ самозванца *Григорію Бородину;* Шигаевъ и другіе одобрили ее, и Григорій Бородинъ (а не Логиновъ) ночью отправился къ Рейнсдорпу. Пугачевъ на утро узналъ о совѣтахъ Бородина и его бѣгствѣ и тотчасъ же принялъ мѣры противъ заговора. Надежнымъ пособникомъ его былъ Хлопуша. Поднимать вопросъ о выдачѣ самозванца было теперь равносильно жертвованію жизнью: Пугачевъ не жалѣлъ ничьей головы для собственной безопасности. (II т. XX гл.).—Выступленіе жителей Берды, описанное выше Пушкинымъ, произошло послѣ того, какъ Пугачевъ выѣхалъ изъ слободы. Потерявъ вѣру въ самозванца и ища помилованія,

бѣдою и называя спасителемъ Оренбурга ****). Отвсюду начали въ городъ навозить запасы. Настало изобиліе, и бѣдственная шестимѣсячная осада была забыта въ одно радостное мгновеніе. 26-го марта Голицынъ пріѣхалъ въ Оренбургъ; жители приняли его съ восторгомъ неописаннымъ *****) [32]).

Бибиковъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ сего перелома. Для ускоренія военныхъ дѣйствій, выѣхалъ онъ изъ Казани и былъ встрѣченъ въ Бугульмѣ извѣстіемъ о совершенномъ пораженіи Пугачева. Онъ обрадовался несказанно. „То-то жерновъ съ сердца свалился (писалъ онъ отъ 26 го марта женѣ своей). Сегодня войдутъ мои въ Оренбургъ; немедленно и я туда поспѣшу добраться, чтобы еще ловче было поворачивать своими; а сколько сѣдыхъ волосъ прибавилось въ бородѣ, то Богъ видитъ; а на головѣ плѣшь еще болѣе стала, однако, я по морозу хожу безъ парика“.

Между тѣмъ Пугачевъ, миновавъ разосланные разъѣзды, прибылъ утромъ 24-го въ Сеитовскую ******) слободу [33]), зажегъ ее и пошелъ

****) La victoire que Votre Altesse vient de remporter sur les rebelles rend la vie aux habitants d'Orenbourg. Cette ville bloquée depuis six mois et réduite à une famine affreuse retentit d'allégresse et les habitants font des voeux pour la prospérité de leur illustre libérateur. Un poude de farine coutai tdéjà 16 roubles et maintenant l'abondance succède à la misère. J'ai tiré un transport de 500 czetwerts de Kargalé et j'attends un autre de 1000 d'Orsk. Si le détachement de Votre Altesse réussit de captiver Pougatschef, nous serons au comble de nos souhaits et les Baschkirs ne manqueront pas de chercher grâce (Письмо Рейнсдорпа къ кн. Голицыну, отъ 24-го марта 1774) (т. е.: „Побѣда, которую ваше сіятельство одержали надъ мятежниками, возвращаетъ жизнь жителямъ Оренбурга. Этотъ городъ, осажденный въ продолженіе 6 мѣсяцевъ и доведенный до ужаснаго голода, исполнился радости, и жители шлютъ моленія о благоденствіи своего славнаго освободителя. Пудъ муки стоилъ уже 16 руб., а теперь изобиліе смѣнило недостатокъ. Я получилъ транспортъ въ 500 четвертей изъ Каргале и ожидаю другого въ 1000 чет. изъ Орской кр. Если отряду вашего сіятельства удастся взять въ плѣнъ Пугачева, мы достигнемъ верха нашихъ желаній, и башкирцы не замедлятъ просить помилованія“).

*****) Князь Голицынъ, нанесшій первый ударъ Пугачеву, былъ молодой человѣкъ и красавецъ. — Императрица замѣтила его въ Москвѣ на балѣ (въ 1775) и сказала: какъ онъ хорошъ, настоящая куколка! Это слово его погубило. Шепелевъ (впослѣдствіи женатый на одной изъ племянницъ князя Потемкина) вызвалъ Голицына на поединокъ и закололъ его, сказываютъ, измѣннически. Молва обвинила Потемкина... *Прим., не внесенное Пушкинымъ въ изд.*).

******) Слобода Сеитовская (она же и Каргалинская), часто упоминаемая въ сей исторіи, находится въ 20-ти верстахъ отъ Берды, а отъ Оренбурга въ 18-ти. Названа по имени казанскаго татарина Сеита-Хаялина, перваго, явившагося въ оренбургскую канцелярію съ просьбою объ отводѣ земель подъ по-

жители направлялись къ Оренбургу (id). У Пушкина не ясно, *куда* они выбирались.

[32]) По лѣтописи Рычкова (§ 93, 97) и по „Прибавленію первому“ (продолж. лѣт.). Пріѣздъ кн. Голицына въ Оренбургъ въ обоихъ источникахъ указанъ 31 марта (а не 26-го).—Въ книгѣ „Пугачевъ и его сообщники“ г. Дубровина пріѣздъ кн. Голицына въ Оренбургъ тоже отнесенъ къ 31. (II т. гл. XX).

[33]) Нападеніе Пугачева на Сеитовскую слободу (Каргале) въ § 96 лѣт. Рычкова отнесено къ 27 марта. „*На 28 число* ночью пріѣхалъ изъ Сакмарскаго городка тамошній атаманъ Донской ... сей атаманъ самъ сказывалъ... *вчерашняго-де числа* послалъ онъ, Донской, въ Каргалинскую слободу роднаго своего брата съ однимъ казакомъ для развѣдыванія, что тамъ дѣлается, которые оба пріѣхали туда въ самое то время, какъ отъ злодѣевъ передовые люди... пріѣхали въ ту слободу (но

къ Сакмарскому городку, забирая дорогою новую сволочь. Онъ полагалъ навѣрное, что изъ Татищевой Голицынъ со всѣми своими силами долженъ былъ обратиться къ Яицкому городку, и вдругъ пошелъ занять снова Бердскую слободу, надѣясь нечаянно овладѣть Оренбургомъ. Голицынъ, узнавъ о таковой дерзости чрезъ полковника Хорвата, преслѣдовавшаго Пугачева отъ самой Татищевой, усилилъ свое войско бывшими въ Оренбургѣ пѣхотными отрядами и казаками; взявъ для послѣднихъ лошадей у своихъ офицеровъ, немедленно пошелъ на встрѣчу самозванцу и встрѣтилъ его въ Каргале. Пугачевъ, увидя свою ошибку, сталъ отступать, искусно пользуясь мѣстоположеніемъ. На узкой дорогѣ, противъ полковниковъ Бибикова и Аршеневскаго, выставилъ онъ семь пушекъ и подъ ихъ прикрытіемъ проворно устремился къ рѣкѣ Сакмарѣ. Но тутъ къ Бибикову подоспѣли пушки; онъ, занявъ гору, выстроилъ батарею; Хорватъ въ послѣдней тѣснинѣ, бросясь на мятежниковъ, отбилъ орудія и, обратя въ бѣгство, восемь верстъ преслѣдовалъ ихъ толпы и вмѣстѣ съ ними въѣхалъ въ Сакмарскій городокъ. Пугачевъ потерялъ послѣднія пушки, четыреста человѣкъ убитыми и три тысячи пятьсотъ взятыми въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ находились и главные его сообщники: Шигаевъ, Почиталинъ, Падуровъ и другіе. Пугачевъ съ четырьмя заводскими мужиками бѣжалъ къ Пречистенской и оттолѣ на Уральскіе заводы. Усталая конница не могла его достичь [34]). Послѣ сей рѣшительной побѣды

селеніе. Въ Сеитовской слободѣ числилось до 1200 душъ, состоящихъ на особыхъ правахъ.

тутъ ли былъ предводитель ихъ Пугачевъ, онаго они узнать не могли), и сдѣлавъ въ оной слободѣ тревогу, начали-де по всѣмъ улицамъ разъѣзжать, изъ лучшихъ-де тамошнихъ богатыхъ татаръ закололи копьями 4 человѣкъ и дворы ихъ зажгли"... Въ „Прибавл. первомъ" (продолж. лѣт.) отъ 29 числа: „...сего же числа получилъ его сіятельство подлинное извѣстіе, что злодѣй Пугачевъ, узнавъ, что со всѣхъ сторонъ къ пресѣченію побѣга его на Яикъ взяты мѣры, со всею своею толпой обратился назадъ черезъ Общій Сыртъ, съ намѣреніемъ занять Каргалинскую слободу".... Въ книгѣ г. Дубровина нападеніе на Каргале отнесено къ 26 марта. (Id).

[34]) По лѣтоп. (§ 96, 97) и „Прибавл. первому" Рычкова. Взятые въ плѣнъ изъ главныхъ сообщниковъ Пугачева указаны въ лѣтописи и Прибавленіи различно. Въ § 97 лѣтоп. отъ 1 апрѣля: „пойманы-де тутъ ... изъ яицкихъ казаковъ Шигаевъ, да оренбургскій сотникъ Подуровъ"... Тутъ же отъ 2 числа: „взято при семъ сраженіи въ плѣнъ болѣе 2000 человѣкъ и... въ томъ числѣ названные отъ него полковники, яицкій казакъ Шигаевъ и оренбургскій сотникъ Подуровъ, писарь или секретарь его Горшковъ и другіе"... и тутъ же отъ 4 числа: „... Сотникъ Подуровъ, отставной солдатъ Жилкинъ... изъ яицкихъ казаковъ Горшковъ... а о Шигаевѣ ген.-маіоръ Наумовъ сказывалъ, что при поимкѣ его заколотъ гусарами". Въ „Прибавленіи": „при семъ рѣшительномъ сраженіи бунтовщикъ Пугачевъ потерялъ безъ остатка всѣ свои силы; плѣнныхъ взято 2800 человѣкъ, убито 400; между первыми найдены всѣ первые самозванцевы старшины, а именно: Подуровъ, Горшковъ, Жилкинъ и прочіе". Въ числѣ забранныхъ въ плѣнъ мятежниковъ послѣ сакмарскаго сраженія г. Дубровинъ называетъ слѣдующихъ изъ главныхъ сообщниковъ Пугачева: Максимъ Шигаевъ, Иванъ Почиталинъ — секретарь Пугачева, Максимъ Горшковъ—привилегированный его писарь, Тимофей Подуровъ, солдатъ Жилкинъ и мн. другіе (Показанія Максима Шигаева и Ивана Почиталина 8 мая 1774 г. Показаніе Ивана Творогова 27 октября 1774 г.

Голицынъ возвратился въ Оренбургъ, отрядивъ Фреймана для усмиренія Башкиріи, Аршеневскаго для очищенія новомосковской дороги, а Мансурова къ Илецкому городку, дабы, очистя всю ту сторону, шелъ онъ на освобожденіе Симонова [35]).

Михельсонъ, съ своей стороны, дѣйствовалъ не менѣе удачно. Принявъ 18-го марта начальство надъ своимъ отрядомъ, онъ тотчасъ двинулся къ Уфѣ [36]). Противъ него для прегражденія пути выслано было Чикою двѣ тысячи человѣкъ съ четырьмя пушками, которые и ожидали его въ деревнѣ Жуковѣ. Михельсонъ оставя ихъ у себя въ тылу, пошелъ прямо на Чесноковку, гдѣ стоялъ Чика съ десятью тысячами мятежниковъ и, разсѣя дорогою нѣсколько мелкихъ отрядовъ, 25-го, на разсвѣтѣ, пришелъ въ деревню Требикову [37]) (въ пяти верстахъ отъ Чесноковки). Тутъ онъ былъ встрѣченъ толпою бунтовщиковъ съ двумя пушками. Маіоръ Харинъ разбилъ ихъ и разсѣялъ; егери отняли пушки, и Михельсонъ двинулся впередъ. Обозъ его шелъ подъ прикрытіемъ ста человѣкъ и одной пушки. Они прикрывали и тылъ Михельсона въ случаѣ нападенія. 26-го, на разсвѣтѣ, у деревни Зубовки встрѣтилъ онъ мятежниковъ. Часть ихъ выбѣжала на лыжахъ и верхами и, растянувшись по обѣимъ сторонамъ дороги, старалась окружить его. Три тысячи, подкрѣпленныя десятью пушками, пошли прямо ему на встрѣчу. Между тѣмъ открыли огонь изъ батареи, поставленной въ деревнѣ. Сраженіе продолжалось четыре часа. Бунтовщики дрались храбро. Наконецъ Михельсонъ, увидя конницу, идущую къ нимъ на подкрѣпленіе, устремилъ всѣ свои силы на главную толпу и велѣлъ своей конницѣ, спѣшившейся въ началѣ сраженія, садиться на конь и ударить въ палаши. Передовыя толпы бѣжали, бросяя пушки. Харинъ, рубя ихъ, вмѣстѣ съ ними вступилъ въ Чесноковку. Между тѣмъ конница, шедшая къ нимъ на помощь въ Зубовку, была отражена и бѣжала къ Чесноковкѣ же, гдѣ Харинъ встрѣтилъ ее и всю захватилъ. Лыжники, успѣвшіе зайти въ тылъ Михельсону и отрѣзать отъ него обозъ, въ то же время были разбиты двумя ротами гренадеръ. Они разбѣжались по лѣсамъ. Взято въ плѣнъ три тысячи бунтовщиковъ. Заводскіе и экономическіе крестьяне распущены были по деревнямъ. Захвачено двадцать пять пушекъ и множество запасовъ. Михельсонъ повѣсилъ двухъ главныхъ бунтовщиковъ: башкирскаго старшину и выборнаго села Чес-

---

Гос. Арх. VI д. №№ 505 и 506. (Id). Г. Дубровинъ объясняетъ нападеніе Пугачева на Каргале. Берду и Сакмарскій городокъ оплошностію Рейнсдорпа, которому кн. Голицынъ поручилъ наблюдать за всѣмъ теченіемъ Яика и занять войсками эти 3 слободы. „Подъ впечатлѣніемъ неудачъ во время осады, Рейнсдорпъ весьма долгое время оставался въ пассивномъ положеніи и опасался взять на себя иниціативу дѣйствій. Посты, выставленные имъ въ тѣхъ пунктахъ, о занятіи которыхъ просилъ князь Голицынъ, были такъ слабы, что не могли задержать самозванца, и онъ успѣлъ воспользоваться оплошностію губернатора". (Id).

[35]) Согласно „Прибавленію первому" (Продолж. лѣтоп.) Рычкова.

[36]) 18 марта Михельсонъ прибылъ въ Бакалы, откуда выступилъ съ своимъ отрядомъ 20 марта (Дубр. II т. XVII гл.).

[37]) Деревня Третьякова, а не Требикова (см. Дубровина id).

поковки. Уфа была освобождена. Михельсонъ, нигдѣ не останавливаясь, пошелъ на Табинскъ, куда послѣ чесноковскаго дѣла прискакали Ульяновъ и Чика. Тамъ они были схвачены †) казаками и выданы побѣдителю, который отослалъ ихъ скованныхъ въ Уфу. Послѣ того Михельсонъ учредилъ разъѣзды во всѣ стороны и успѣлъ возстановить спокойствіе въ большей части бунтовавшихъ деревень [38]).

Илецкій городокъ и крѣпости Озерная и Разсыпная, свидѣтели первыхъ успѣховъ Пугачева, были уже оставлены мятежниками. Начальники ихъ, Чулошниковъ и Кизилбашинъ, бѣжали въ Яицкій городокъ. Вѣсть о пораженіи самозванца подъ Татищевой въ тотъ же день до нихъ достигла. Бѣглецы, преслѣдуемые гусарами Хорвата, проскакали черезъ крѣпости, крича: спасайтесь, дѣтушки! все пропало!—Они наскоро перевязывали свои раны и спѣшили къ Яицкому городку [39]). Вскорѣ настала весенняя оттепель; рѣки вскрылись, и тѣла убитыхъ подъ Татищевой поплыли мимо крѣпостей ††). Жены и матери стояли у берега, стараясь узнать между ними своихъ мужьевъ и сыновей.

Мансуровъ 6-го и 7-го апрѣля занялъ оставленныя крѣпости и Илецкій городокъ, нашедъ въ послѣднемъ четырнадцать пушекъ. 15-го, при опасной переправѣ чрезъ разлившуюся рѣчку Быковку, на него напали Овчинниковъ, Перфильевъ и Дегтеревъ. Мятежники были разбиты и разсѣяны. Бедряга и Бородинъ ихъ преслѣдовали; но распутица спасла предводителей. Мансуровъ немедленно пошелъ къ Яицкому городку [40]).

Крѣпость находилась въ осадѣ съ самаго начала года †††). Отсутствіе Пугачева не охлаждало мятежниковъ. Въ кузницахъ пригото-

---

†) По своемъ разбитіи, Чика съ Ульяновымъ остановились ночевать въ Богоявленскомъ мѣдиплавиленномъ заводѣ. Приказчикъ угостилъ ихъ допьяна, ночью связалъ и представилъ въ Табинскъ. Михельсонъ подарилъ 500 рублей приказчиковой женѣ, подавшей совѣтъ напоить бѣглецовъ.

††) Въ озерной старая казачка (мать Ст. Разина) каждый день бродила надъ Яикомъ, клюкою пригребая къ берегу плывующіе трупы и приговаривая: „Не ты ли, мое дѣтище? Не ты ли, мой Степушка? Не твои ли черны кудри свѣжа вода моетъ?“ И видя лицо незнакомое, тихо отталкивала трупъ. (Въ рукописи это было помѣщено въ самомъ текстѣ „Исторіи“).

†††) Слѣдующія любопытныя подробности взяты мною изъ весьма замѣчательной статьи (Оборона Яицкой крѣпости отъ партіи мятежниковъ), напечатанной въ Отечественныхъ Запискахъ П. П. Свиньина. Въ нѣкоторыхъ показаніяхъ слѣдовалъ я журналу Симонова, предполагая болѣе достовѣрности въ оффиціальномъ документѣ, нежели въ воспоминаніяхъ старика.

---

[38]) 28 марта Чика и Ульяновъ были привезены въ Уфу, а 4 апр. въѣхалъ самъ Михельсонъ. — Дѣйствія Михельсона разсказаны Пушкинымъ вполнѣ вѣрно и замѣчательно полно при всей сжатости изложенія. Все сообщаемое въ этомъ отрывкѣ V главы согласно съ тѣмъ, что сообщаетъ и г. Дубровинъ въ XVII гл. II т. на основаніи рапортовъ Михельсона, и „Журнала дѣйствій отряда подп. Михельсона“. Въ лѣтоп. Рычкова свѣдѣнія о Михельсонѣ, освобождающемъ Уфу, невѣрны или бѣдны (въ § 97 и „Прибавленіи второмъ“).

[39]) Изложено согласно документамъ, коими могъ пользоваться Пушкинъ.— У г. Дубровина находимъ тѣ же свѣдѣнія, но онъ не упоминаетъ Кизильбашина. (II т. XXI гл.).

[40]) То же и у г. Дубровина на основаніи оффиціальныхъ документовъ. (Id).

вялись ломы и лопаты; возвышались новыя батареи. Мятежники дѣятельно продолжали свои земляныя работы, то обрывая берегъ Чечоры и тѣмъ уничтожая сообщеніе одной части города съ другою, то копая траншеи, дабы препятствовать вылазкамъ. Они намѣрены были вести подкопы по яру Старицы, кругомъ всей крѣпости, подъ соборную церковь, подъ батареи и подъ комендантскія палаты. Осажденные находились въ вѣчной опасности и съ своей стороны принуждены были отовсюду вести контрмины, съ трудомъ прорубая землю, промерзшую на цѣлый аршинъ; перегораживали крѣпость новую стѣною и кулями, наполненными кирпичемъ взорванной колокольни.

9-го марта, на развѣтѣ, двѣсти пятьдесятъ рядовыхъ вышли изъ крѣпости; цѣлью вылазки было уничтоженіе новой батареи, сильно безпокоившей осажденныхъ. Солдаты дошли до заваловъ, но были встрѣчены сильнымъ огнемъ. Они смѣшались. Мятежники хватали ихъ въ тѣсныхъ проходахъ между завалами и избами, которыя хотѣли они зажечь; кололи раненыхъ и падающихъ и топорами отсѣкали имъ головы. Солдаты бѣжали. Убито ихъ было до тридцати человѣкъ, ранено до осьмидесяти. Никогда съ такимъ урономъ гарнизонъ съ вылазки не возвращался. Удалось сжечь одну батарею, не главную, да нѣсколько избъ. Показаніе трехъ захваченныхъ бунтовщиковъ увеличило уныніе осажденныхъ: они объявили о подкопахъ, веденныхъ подъ крѣпость [41]), и о скоромъ прибытіи Пугачева. Устрашенный Симоновъ велелѣлъ всюду производить новыя работы; около его дома безпрестанно пробовали землю буравами; стали копать новый ровъ. Люди, изнуренные тяжкою работою, почти не спали; ночью половина гарнизона всегда стояла въ ружьѣ; другой позволено было только сидя дремать. Лазаретъ наполнился больными; съѣстныхъ запасовъ оставалось не болѣе, какъ дней на десять. Солдатамъ начали выдавать въ сутки только четверть фунта муки, то есть десятую часть мѣры обыкновенной. Не было уже ни крупъ, ни соли. Вскипятивъ артельный котелъ воды и забѣливъ ее мукою, каждый выпивалъ чашку свою, что и составляло ихъ насуточную пищу. Женщины не могли болѣе вытерпливать голода; онѣ стали проситься вонъ изъ крѣпости, что и было имъ позволено. Нѣсколько слабыхъ и больныхъ солдатъ вышли за ними; но бунтовщики ихъ не приняли, а женщинъ, продержавъ одну ночь подъ карауломъ, прогнали обратно въ крѣпость, требуя выдачи своихъ сообщниковъ и обѣщаясь за то принять и прокормить высланныхъ. Симоновъ на то не согласился, опасаясь умножить число враговъ. Голодъ часъ отъ часу становился ужаснѣе. Лошадинаго мяса, раздававшагося на вѣсъ, уже не было. Стали ѣсть кошекъ и собакъ. Въ началѣ осады, мѣ-

---

Но вообще статья неизвѣстнаго очевидца носитъ драгоцѣнную печать истины, неукрашенной и простодушной.

---

[41]) „Слухъ, что казаки роютъ новый подкопъ подъ комендантскій домъ, крайне безпокоилъ осажденныхъ, и гарнизону, при ограниченности пищи, приходилось еще усиленно трудиться надъ рытьемъ рва вокругъ дома, чтобы открыть направленіе непріятельскихъ подземныхъ работъ“. (Id).

сяца за три до сего, брошены были на ледъ убитыя лошади; о нихъ вспомнили и люди съ жадностію грызли кости, объѣденныя собаками. Наконецъ и сей запасъ истощился. Стали изобрѣтать новые способы къ пропитанію. Нашли родъ глины, отмѣнно мягкой и безъ примѣси песку. Попробовали ее сварить, и составя изъ нея какой-то кисель, стали употреблять въ пищу. Солдаты совсѣмъ обезсилѣли. Нѣкоторые не могли ходить. Дѣти больныхъ матерей чахли и умирали. Женщины нѣсколько разъ покушались тронуть мятежниковъ и, валяясь въ ихъ ногахъ, умоляли о позволеніи остаться въ городѣ. Ихъ отгоняли съ прежними требованіями. Однѣ казачки были приняты. Ожидаемой помощи не приходило. Осажденные отлагали свою надежду со дня на день, съ недѣли на другую. Бунтовщики кричали гарнизону, что войска правительства разбиты, что Оренбургъ, Уфа и Казань уже преклонились самозванцу, что онъ скоро придетъ къ Яицкому городку, и что тогда ужъ пощады не будетъ. Въ случаѣ жъ покорности, обѣщали они отъ его имени не только помилованіе, но и награды. То же старались они внушить и бѣднымъ женщинамъ, которыя просились изъ крѣпости въ городъ. Начальникамъ невозможно было обнадеживать осажденныхъ скорымъ прибытіемъ помощи; ибо никто не могъ ужъ и слышать о томъ безъ негодованія: такъ ожесточены были сердца долгимъ напраснымъ ожиданіемъ! Старались удержать гарнизонъ въ вѣрности и повиновеніи, повторяя, что позорною измѣною никто не спасется отъ гибели, что бунтовщики, озлобленные долговременнымъ сопротивленіемъ, не пощадятъ и клятвопреступниковъ. Старались возбудить въ душѣ несчастныхъ надежду на Бога всемогущаго и всевидящаго, и ободренные страдальцы повторяли, что лучше предать себя волѣ его, нежели служить разбойнику, и во все время бѣдственной осады, кромѣ двухъ или трехъ человѣкъ, изъ крѣпости бѣглыхъ не было.

Наступила страстная недѣля. Осажденные питались одною глиною уже пятнадцатый день. Никто не хотѣлъ умереть голодною смертью. Рѣшились всѣ до одного (кромѣ совершенно изнеможенныхъ) идти на послѣднюю вылазку. Не надѣялись побѣдить (бунтовщики такъ укрѣпились, что уже ни съ какой стороны къ нимъ изъ крѣпости приступу не было), хотѣли только умереть честною смертію воиновъ.

Во вторникъ, въ день назначенный къ вылазкѣ, часовые, поставленные на кровлѣ соборной церкви, примѣтили, что бунтовщики въ смятеніи бѣгали по городу, прощаясь между собою, соединяясь и толпами выѣзжали въ степь. Казачки провожали ихъ. Осажденные догадывались о чемъ-то необыкновенномъ и предались опять надеждѣ. „Все это насъ такъ ободрило", говоритъ свидѣтель осады, претерпѣвшій весь ея ужасъ, „какъ будто мы съѣли по куску хлѣба". Мало по малу смятеніе утихло; все, казалось, вошло въ обыкновенный порядокъ. Уныніе овладѣло осажденными пуще прежняго. Они молча глядѣли въ степь, отколѣ ожидали еще недавно избавителей... Вдругъ, въ пятомъ часу пополудни, вдали показалась пыль, и они увидѣли толпы, безъ порядка скачущія изъ-за рощи одна за дру-

гою. Бунтовщики выѣзжали въ разныя ворота, каждый въ тѣ, близъ коихъ находился его домъ. Осажденные понимали, что мятежники разбиты и бѣгутъ, но еще не смѣли радоваться; опасались отчаяннаго приступа. Жители бѣгали взадъ и впередъ по улицамъ, какъ на пожарѣ. Къ вечеру ударили въ соборный колоколъ, собрали кругъ, потомъ кучею пошли къ крѣпости. Осажденные готовились ихъ отразить, но увидѣли, что они ведутъ связанныхъ своихъ предводителей, атамановъ Каргина и Толкачева. Бунтовщики приближались, громко моля о помилованіи. Симоновъ принялъ ихъ, самъ не вѣря своему избавленію. Гарнизонъ бросился на коврыги хлѣба, нанесенныя жителями. До свѣтлаго воскресенія, пишетъ очевидецъ сихъ происшествій, осталось еще четыре дня, но для насъ уже сей день былъ свѣтлымъ праздникомъ. Самые тѣ, которые отъ слабости и болѣзни не поднимались съ постели, мгновенно были исцѣлены. Все въ крѣпости было въ движеніи; благодарили Бога; поздравляли другъ друга; во всю ночь никто не спалъ. Жители увѣдомили осажденныхъ объ освобожденіи Оренбурга и о скоромъ прибытіи Мансурова. 17-го апрѣля прибылъ Мансуровъ [42]). Ворота крѣпости, запертыя и заваленныя съ самаго 30-го декабря, отворились. Мансуровъ принялъ начальство надъ городомъ. Начальники бунта, Каргинъ, Толкачевъ и Горшковъ [43]), и незаконная жена самозванца Устинья Кузнецова были подъ стражею отправлены въ Оренбургъ.

Таковъ былъ успѣхъ распоряженій искуснаго, умнаго военачальника. Но Бибиковъ не успѣлъ довершить начатаго имъ: измученный трудами, безпокойствомъ и досадами, мало заботясь о своемъ уже разстроенномъ здоровьѣ, онъ занемогъ въ Бугульмѣ [44]) горячкою и, чувствуя приближающуюся кончину, сдѣлалъ еще нѣсколько распоряженій. Онъ запечаталъ всѣ свои тайныя бумаги, приказавъ доставить ихъ императрицѣ, и сдалъ начальство генералъ-поручику Щербатову, старшему по немъ. Узнавъ по слухамъ объ освобожденіи Уфы, онъ успѣлъ еще донести о томъ императрицѣ, и скончался 9-го апрѣля, въ 11 часовъ утра, на сорокъ четвертомъ году отъ рожденія. Тѣло его нѣсколько дней стояло на берегу Камы, черезъ которую въ то время не было возможности переправиться. Казань желала погребсти его въ своемъ соборѣ и соорудить памятникъ своему избавителю; но, по требованію его семейства, тѣло

[42]) Мансуровъ вступилъ въ Яицкій городокъ 16 апрѣля (Дубр. id).

[43]) Г. Дубровинъ сообщаетъ на основаніи „журнала дѣйствій команды въ Яицкомъ ретраншементѣ“ о выдачѣ мятежниками Каргина и Толкачева и девяти человѣкъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей, не упоминая о Горшковѣ (секретарѣ Пугачева), который былъ взятъ въ плѣнъ послѣ сраженія у Сакмарска (см. выш. 34), и о которомъ вовсе не упоминаетъ въ числѣ мятежниковъ Яицкаго городка.—Г. Дубровинъ, дополняя свое изложеніе по документамъ, которыхъ не имѣлъ Пушкинъ, упоминаетъ о другихъ грамотеяхъ среди мятежниковъ, а именно: о писарѣ Петрѣ Живѣтинѣ, раскольничьемъ старцѣ съ Иргиза—Гуріи, бѣгломъ солдатѣ Иванѣ Мамаевѣ, которые по порученію атамана Каргина составили письмо въ отвѣтъ на увѣщеваніе Симонова. (Id).

[44]) По мѣрѣ того, какъ подвигались впередъ отряды къ Оренбургу и по Самарской линіи, и очищались крѣпости, занятыя мятежниками, А. И. Бибиковъ, переѣхалъ изъ Казани въ Кичуевскій фельдшанецъ, а оттуда въ Бугульму (Id).

Бибикова отвезено было въ его деревню. Андреевская лента, званіе сенатора и чинъ полковника гвардіи не застали его въ живыхъ. Умирая, говорилъ онъ: „не жалѣю о дѣтяхъ и женѣ: государыня призритъ ихъ; жалѣю объ отечествѣ“ ††††).—Молва приписала смерть его дѣйствію яда, будто бы даннаго ему однимъ изъ конфедератовъ. Державинъ воспѣлъ кончину Бибикова. Екатерина оплакала его и осыпала его семейство своими щедротами †††††). Петербургъ и Москва поражены были ужасомъ. Вскорѣ и вся Россія почувствовала невозвратную потерю ††††††).

---

††††) Слова сіи сохранены Державинымъ въ одѣ его на смерть Бибикова. Послѣдняя строфа должна была быть вырѣзана на его гробѣ:

Онъ былъ искусный вождь во брани,
Совѣта мужъ, любитель музъ,
Отечества подпора тверда,
Блюститель вѣры, правды другъ;
Екатериной чтимъ за службу,
За здравый умъ, за добродѣтель,
За искренность души его.
Онъ умеръ, тронъ обороняя:
Стой, путникъ! стой благоговѣйно.
Здѣсь Бибикова прахъ сокрытъ.

†††††) Императрица велѣла спросить у вдовы покойнаго, чего она собственно для себя желала; супруга Бибикова просила обезпечить судьбу одного изъ родственниковъ ея мужа, служившаго подъ его начальствомъ.

††††††) Державинъ, до конца своей жизни чтившій память перваго своего покровителя, узнавъ, что сынъ А. И. Бибикова намѣренъ былъ издать записки о жизни и службѣ отца, написалъ о немъ слѣдующія строки:

„Посвятивъ краткую, наполненную славными дѣяніями жизнь свою на службу отечеству, Александръ Ильичъ Бибиковъ по всей справедливости заслужилъ уваженіе и признательность соотечественниковъ; они не престанутъ воспоминать съ почтеніемъ полезныя обществу дѣла сего знаменитаго мужа и благословлять его память.

„Читая о службѣ и перемѣнахъ въ оной сего примѣрнаго государственнаго человѣка, всякой легко усмотритъ необыкновенныя его способности, мужество, предусмотрѣніе, предпріимчивость и расторопность, такъ что онъ во всѣхъ родахъ налагаемыхъ на него должностей съ отличіемъ и достовѣрностію былъ употребляемъ; вездѣ показалъ искусство свое и ревность, не токмо прежде, въ царствованіе императрицы Елисаветы, но и во многихъ порученіяхъ отъ Екатерины Великой, ознаменованныя успѣхами. Онъ былъ хорошій генералъ, мужъ въ гражданскихъ дѣлахъ проницательный, справедливый и честный; тонкій политикъ, одаренный умомъ просвѣщеннымъ, всеобщимъ, гибкимъ, но всегда благороднымъ. Сердце доброе его готово было къ услугамъ и къ помощи друзьямъ своимъ, даже и съ пожертвованіемъ собственныхъ своихъ пользъ; твердый нравъ, вѣрою и благочестіемъ подкрѣпленный, доставлялъ ему отъ всѣхъ довѣренность, въ которой онъ былъ непоколебимъ; любилъ словесность и самъ весьма хорошо писалъ на природномъ языкѣ; зналъ нѣмецкій и французскій языкъ и незадолго передъ смертію выучилъ и англійскій; умѣлъ выбирать людей, былъ доступенъ и благопривѣтливъ всякому; но зналъ однако важною своею поступью, соединенною съ пріятностью, держать подчиненныхъ своихъ въ должномъ подобострастіи. Важность не умаляла въ немъ веселія, а простота не унижала важности. Всякій низшій и высшій чиновникъ его любилъ и боялся. Послѣдній подвигъ къ защитѣ престола и къ спасенію отечества соверша, кончиною своею увѣнчалъ добродѣтельную жизнь, къ сожалѣнію всей имперіи, тогда пресѣкшуюся“.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Новые успѣхи Пугачева.—Башкирецъ Салаватъ.—Взятіе сибирскихъ крѣпостей.—Сраженіе подъ Троицкою.—Отступленіе Пугачева.—Первая встрѣча его съ Михельсономъ.—Преслѣдованіе Пугачева.—Бездѣйствіе войскъ.—Взятіе Осы.—Пугачевъ подъ Казанью.

Пугачевъ, коего положеніе казалось отчаяннымъ, явился на Авзяно-Петровскихъ заводахъ [1]). Овчинниковъ и Перфильевъ, преслѣдуемые маіоромъ Шевичемъ, проскакали чрезъ Сакмарскую линію съ тремя стами яицкихъ казаковъ и успѣли съ нимъ соединиться [2]). Ставропольскіе и оренбургскіе калмыки хотѣли имъ послѣдовать, и въ числѣ шестисотъ кибитокъ двинулись было къ Сорочинской крѣпости. Въ ней находился при провіантѣ и фуражѣ отставной подполковникъ Мельковичъ [3]), человѣкъ умный и рѣшительный. Онъ принялъ начальство надъ гарнизономъ, и на нихъ напавъ, принудилъ ихъ возвратиться на прежнія жилища.

Пугачевъ быстро переходилъ съ одного мѣста на другое. Чернь по прежнему стала стекаться около него; башкирцы, уже почти усмиренные, снова взволновались. Комендантъ Верхо-Яицкой крѣпости полковникъ Ступишинъ вошелъ въ Башкирію, сжегъ нѣсколько пустыхъ селеній и, захвативъ одного изъ бунтовщиковъ, обрѣзалъ ему уши, носъ, пальцы правой руки и отпустилъ его, грозясь поступать такимъ же образомъ со всѣми бунтовщиками. Башкирцы не унялись. Старый ихъ мятежникъ Юлай, скрывшійся во время казней 1741 года *), явился между ними съ сыномъ своимъ Салаватомъ. Вся Башкирія возстала и бѣдствіе разгорѣлось съ вящшей силою. Фрейманъ долженъ былъ преслѣдовать Пугачева [4]). Михельсонъ силился пересѣчь ему дорогу [5]), но распутица его спасла. Дороги были

*) См. Рычкова Исторію Оренбургскую.

---

[1]) Послѣ неудачи подъ Сакмарскимъ городкомъ, Пугачевъ бѣжалъ въ село Ташлы, отсюда—въ Башкирію, гдѣ собралъ себѣ новую толпу и пришелъ на Вознесенскій заводъ. Увеличивъ ее здѣсь въ продолженіе 2 дней, Пугачевъ перешелъ на Авзяно-Петровскій заводъ, а затѣмъ на Бѣлорѣцкій, гдѣ провелъ всю святую недѣлю (Показанія Пугачева и Василія Коновалова. Гос. Арх. VI, дд. № 505 и 512) (Н. Дубров. III т. II гл.)

[2]) Г. Дубровинъ указываетъ другой путь, по которому атаманъ Овчинниковъ и сотникъ Перфильевъ бѣжали, пораженные Мансуровымъ на р. Быковкѣ. Они бѣжали сначала къ Бугуруслану, а потомъ къ Бугульмѣ, гдѣ, сдѣлавъ окружный путь въ 300 верстъ отъ Оренбурга, прорвались на ново-московскую дорогу и успѣли уйти въ Башкирію (Рапорты кн. Голицына кн. Щербатову отъ 1 и 5 мая 1774 г. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. VIII). Они соединились съ Пугачевымъ, усиленнымъ одновременно прибытіемъ Бѣлобородова, въ Магнитной крѣпости (Id.).

[3]) Подполковникъ Милковичъ, а не Мельковичъ (Id. 1 гл.).

[4]) Для преслѣдованія Пугачева были сформированы 2 отряда: одинъ подъ начальствомъ ген.-м. Фреймана, другой подъ начальствомъ подполк. Аршеневскаго. Руководя обоими отрядами, Фрейманъ долженъ былъ наступать по уфимской дорогѣ, а Аршеневскій по новомосковской. Оба отряда были отправлены кн. Голицынымъ изъ Сакмарска 2 апрѣля. (Id.).

[5]) Подп. Михельсонъ торопился выступить изъ Уфы. Онъ намѣренъ былъ уничтожить сборища мятежниковъ (Бѣлобородова у Симскаго завода и нахо-

непроходимы, люди вязли въ бездонной грязи; рѣки разливались на нѣсколько верстъ; ручьи становились рѣками. Фрейманъ остановился въ Стерлитамацкѣ [6]). Михельсонъ, успѣвшій еще переправиться черезъ Вятку по льду, а черезъ Уфу на осьми лодкахъ [7]), продолжалъ путь, не смотря на всевозможныя препятствія, и 5-го мая, у Симскаго завода настигъ толпу башкирцевъ, предводительствуемыхъ свирѣпымъ Салаватомъ. Михельсонъ прогналъ ихъ, заводъ освободилъ и черезъ день пошелъ далѣе. Салаватъ остановился въ осьмнадцати верстахъ отъ завода, ожидая Бѣлобородова. Они соединились и выступили на встрѣчу Михельсону съ двумя тысячами бунтовщиковъ и съ восемью пушками [8]). Михельсонъ разбилъ ихъ снова, отнялъ у нихъ пушки, положилъ на мѣстѣ до трехъ сотъ человѣкъ, разсѣялъ остальныхъ и спѣшилъ къ Уйскому заводу, надѣясь настигнуть самого Пугачева, но вскорѣ узналъ, что самозванецъ находился уже на Бѣлорѣцкихъ заводахъ [9]).

За рѣкою Юрзенемъ Михельсонъ успѣлъ разбить еще толпу мятежниковъ и преслѣдовалъ ихъ до Саткинскаго завода. Тутъ узналъ онъ, что Пугачевъ, набравъ до шести тысячъ башкирцевъ и крестьянъ, пошелъ на крѣпость Магнитную. Михельсонъ рѣшился углубиться въ Уральскія горы, надѣясь соединиться съ Фрейманомъ около вершины Яика.

Пугачевъ, зажегши ограбленные имъ Бѣлорѣцкіе заводы, быстро перешелъ черезъ Уральскія горы, и 5-го мая приступилъ къ Маг-

---

дившагося неподалеку отъ него Салавата Юлаева), двинуться къ Бѣлорѣцкому и „встрѣтить тамъ злодѣя Пугачева, если не пойдетъ къ Верхне-Яицкой крѣпости". (Рапортъ на имя А. И. Бибикова, отъ 16 апрѣля 1774 г. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. VIII) (Id.).

[6]) Фрейманъ за разлитіемъ рѣкъ долженъ былъ остановиться въ Табынскѣ (а не Стерлитамацкѣ), гдѣ онъ присоединилъ къ себѣ отрядъ Аршеневскаго и заготовлялъ поромы и продовольствіе для войскъ (Id.).

[7]) Переправа черезъ Вятку, о которой упоминаетъ здѣсь Пушкинъ, относится конечно къ первой половинѣ марта, когда Михельсонъ, получивъ назначеніе замѣстить Ларіонова, ѣхалъ изъ Казани въ Бакалы (см. 5-ю главу). При движеніи его изъ Уфы къ Симскому заводу, кромѣ возстановленія 73 мостовъ по дорогѣ, были затруднительны переправы черезъ р. Уфу и р. Симъ. (Рапортъ Михельсона кн. Щербатову отъ 25 апрѣля 1774 г. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47; кн. VII) (Id.).

[8]) Бѣжавшій съ Симскаго завода Салаватъ соединился съ мятежниками въ дер. Ераль (Юралъ), въ 16 верстахъ отъ завода, бывшей мѣстомъ сбора мятежниковъ. Бѣлобородова же тутъ не было. О немъ Михельсонъ узналъ только, что онъ ушелъ съ Саткинскаго завода, но куда—неизвѣстно. На помощь Салавату шелъ старшина Аника съ 500 башкирцами, но опоздалъ. (Рапортъ Михельсона кн. Щербатову 5 мая 1774 г. Тамъ же) (Id.).

[9]) Получивъ свѣдѣнія, что мятежники (башкирцы) группируются преимущественно у Катавскаго завода, Михельсонъ двинулся въ этомъ направленіи. Онъ доносилъ: „Не усмиря здѣшнихъ башкиръ, коихъ можетъ собраться тысячи съ три, въ здѣшнихъ мѣстахъ долженъ буду обращаться нѣсколько дней, пока все усмирю". Занявъ Усть-Катавскій заводъ и принявъ многихъ старшинъ съ повинною, Михельсонъ спѣшилъ къ Саткинскому заводу. (Рапортъ кн. Щербатову см. выше) (Id.). Михельсонъ такимъ образомъ дѣйствовалъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Пугачевъ и Бѣлобородовъ на первыхъ порахъ имѣли наибольшій успѣхъ въ Башкиріи, и откуда главнымъ образомъ набирались ихъ мятежныя толпы. Настигнуть же Пугачева было бы пока только счастливой случайностію. (см. выноску 10).

нитной [10]), не имѣя при себѣ ни одной пушки. Капитанъ Тихановскій оборонялся храбро. Пугачевъ самъ былъ раненъ картечью въ руку и отступилъ, претерпѣвъ значительный уронъ. Крѣпость казалась спасена; но въ ней открылась измѣна: пороховые ящики ночью были взорваны. Мятежники бросились, разобрали заплоты и ворвались. Тихановскій съ женою были повѣшены [11]; крѣпость разграблена и выжжена. Въ тотъ же день пришелъ къ Пугачеву Бѣлобородовъ съ четырьмя тысячами бунтующей сволочи [12]).

Генералъ-поручикъ Декалонгъ изъ Челябинска, недавно освобожденнаго отъ бунтовщиковъ, двинулся къ Верхо-Яицкой крѣпости, надѣясь настигнуть Пугачева еще на Бѣлорѣцкихъ заводахъ; но, вышедъ на линію, получилъ отъ верхо-яицкаго коменданта полковника Ступишина донесеніе, что Пугачевъ идетъ вверхъ по линіи отъ одной крѣпости на другую, какъ въ началѣ своего грознаго появленія [13]). Декалонгъ спѣшилъ къ Верхо-Яицкой. Тутъ узналъ онъ о взятіи Магнитной. Онъ двинулся къ Кизильской, но, прошедъ уже пятнадцать верстъ, узналъ отъ пойманнаго башкирца, что Пугачевъ, услыша о приближеніи войска, шелъ уже не къ Кизильской, а прямо Уральскими горами на Карагайскую. Декалонгъ пошелъ назадъ. Приближаясь къ Карагайской, онъ увидѣлъ однѣ дымящіяся развалины: Пугачевъ покинулъ ее наканунѣ. Декалонгъ надѣялся догнать его въ Петрозаводской [14]), но и тутъ уже его не засталъ. Крѣпость была разорена и выжжена, церковь разграблена, жители уведены.

Декалонгъ, оставя линію [15]), пошелъ внутреннею дорогою прямо на Уйскую крѣпость. У него оставалось овса только на однѣ сутки. Онъ думалъ настигнуть Пугачева хотя въ Степной крѣпости; но узнавъ, что и Степная уже взята [16]), пустился къ Троицкой. На до-

---

[10]) О томъ, гдѣ находился самозванецъ, ни главнокомандующій, ни начальники отрядовъ въ концѣ апрѣля въ точности не знали. Менѣе всего его ожидали на Верхне-Яицкой линіи. (III т. II гл.).

[11]) Взятіе Магнитной у Пушкина разсказано не вѣрно. Г. Дубровинъ сообщаетъ: „Бывшій за коменданта капитанъ Тихановскій встрѣтилъ мятежниковъ выстрѣлами и, при содѣйствіи жителей и гарнизона, до вечера отбивалъ всѣ атаки инсургентовъ. При всѣхъ усиліяхъ, Пугачевъ, не имѣя при себѣ артиллеріи, не могъ овладѣть Магнитной, и самъ былъ легко раненъ въ руку. Съ наступленіемъ ночи, мятежники, раздѣленные на 5 отрядовъ, подошли скрытно къ заплотамъ, успѣли ихъ разбить, и въ 3 часа утра 6 мая овладѣли крѣпостью, при чемъ Тихановскій съ женою, священникъ и жена поручика Можаитинова были повѣшены". (Id.).

[12]) Пугачевъ оставался 2 дня въ Магнитной и былъ усиленъ прибытіемъ Бѣлобородова съ толпою и яицкими казаками подъ начальствомъ Овчинникова (Id.).

[13]) Здѣсь Пушкинъ неудачнымъ выраженіемъ приписалъ донесенію Ступишина свой собственный общій обзоръ движенія Пугачева по Верхне-Яицкой линіи. Уже по прибытіи Декалонга въ Верхне-Озерную началось движеніе Пугачева отъ крѣпости къ крѣпости по Верхне-Яицкой линіи, и Ступишинъ не могъ предвидѣть этого движенія.

[14]) Петропавловская крѣпость, а не Петрозаводская, ибо такой крѣпости по Верхне-Яицкой линіи не было.

[15]) „Уничтоженіе мятежниками запасовъ и мостовъ на дорогахъ заставило Декалонга отказаться отъ слѣдованія по этому пути". (Дубр. III т. II гл.).

[16]) Успѣхъ Пугачева объясняется тѣмъ, что по требованію коменданта Верхне-Яицкой дистанціи, Ступишина, гарнизоны изъ Карагайской, Петропавловской и Степной крѣпостей были

рогѣ, въ Сепарской, нашелъ онъ множество народа изъ окрестныхъ разоренныхъ крѣпостей. Офицерскія жены и дѣти, босыя, оборванныя, рыдали, не зная, гдѣ искать убѣжища. Декалонгъ принялъ ихъ подъ свое покровительство и отдалъ на попеченіе своимъ офицерамъ. 21-го мая утромъ приблизился онъ къ Троицкой, прошедъ шестьдесятъ верстъ усильнымъ переходомъ, и наконецъ увидѣлъ Пугачева, расположившагося лагеремъ подъ крѣпостью, взятою имъ наканунѣ [17]). Декалонгъ тотчасъ на него напалъ. У Пугачева было болѣе десяти тысячъ войска и до тридцати пушекъ. Сраженіе продолжалось цѣлыхъ четыре часа. Во все время Пугачевъ лежалъ въ своей палаткѣ, жестоко страдая отъ раны, полученной имъ подъ Магнитною. Дѣйствіями распоряжалъ Бѣлобородовъ. Наконецъ мятежники разстроились. Пугачевъ сѣлъ на лошадь и съ подвязанною рукою бросался всюду, стараясь возстановить порядокъ; но все разсѣялось и бѣжало [18]). Пугачевъ ушелъ съ одною пушкою по челябинской дорогѣ. Преслѣдовать было невозможно. Конница была слишкомъ изнурена. Въ лагерѣ найдено до трехъ тысячъ людей всякаго званія, пола и возраста, захваченныхъ самозванцемъ и обреченныхъ погибели. Крѣпость была спасена отъ пожара и грабежа. Но комендантъ бригадиръ Фейерваръ былъ убитъ наканунѣ, во время приступа, а офицеры его повѣшены [19]).

Пугачевъ и Бѣлобородовъ, вѣдая, что усталость войска и изнуреніе лошадей не позволятъ Декалонгу воспользоваться своею побѣдою, привели въ устройство свои разсѣянныя толпы и стали въ порядкѣ отступать, забирая крѣпости и быстро усиливаясь. Маіоры Гагринъ и Жолобовъ, отряженные Декалонгомъ на другой день послѣ сраженія, преслѣдовали ихъ, но не могли достигнуть.

собраны къ Верхне-Яицкой крѣпости. Пугачевъ, не встрѣчая никакого сопротивленія, безпрепятственно овладѣлъ ими. (Н. Дубр. III т. II гл.).

17) Самозванецъ овладѣлъ Троицкою крѣпостію 19 мая (Рапортъ Декалонга военной коллегіи 4 іюня 1774 г. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. IV, № 999). (Id.). Въ „Прибавленіи второмъ“ (продолж. лѣтоп.) Рычкова, взятіе Троицкой крѣпости отнесено къ 20 мая. Впрочемъ Пушкинъ въ этой главѣ почти не пользуется „Прибавл. вторымъ“ Рычкова, имѣя болѣе подробные и точные источники.

18) Г. Дубровинъ разсказываетъ иначе сраженіе подъ Троицкой. „Въ 7 часовъ утра 21 мая Декалонгъ подошелъ къ лагерю мятежниковъ и былъ встрѣченъ сначала огнемъ изъ орудій, а затѣмъ *Пугачевъ* атаковалъ отрядъ всѣми своими силами. Атака многочисленной, но нестройной толпы не имѣла успѣха, и лишь только Декалонгъ успѣлъ оправиться отъ перваго впечатлѣнія атаки и перешелъ въ наступленіе, инсургенты, по преимуществу башкирцы, тотчасъ же обратились въ бѣгство. Самъ Пугачевъ бѣжалъ съ нѣсколькими казаками...“ (III т., II гл.) О пребываніи раненаго Пугачева въ палаткѣ во время сраженія Пушкинъ заимствовалъ изъ „Прибавленія второго“ Рычкова.

19) Пушкинъ опустилъ сообщаемыя Рычковымъ въ „Прибавленіи второмъ“ подробности о бригадирѣ Фейерварѣ и истязаніе мятежниками жены его. „Бывшій здѣсь комендантъ, г. бригадиръ Фейерваръ, который на сей бѣдственный случай находясь боленъ и возимъ былъ въ коляскѣ, заколотъ копьями. Г-жа бригадирша, жена его, по жалобѣ на нее одного слуги или служанки, якобы въ жестокомъ содержаніи, привязана была къ лошадиному хвосту; и таскали ее живую еще по улицамъ, а наконецъ оные злодѣи тирански ее умертвили“.

Михельсонъ, между тѣмъ, шелъ Уральскими горами, по дорогамъ малоизвѣстнымъ [20]). Деревни башкирскія были пусты. Не было возможности достать нужные припасы. Отрядъ его былъ въ ежечасной опасности. Многочисленные шайки бунтовщиковъ кружились около него. 13-го [21]) мая башкирцы, подъ предводительствомъ мятежнаго старшины, на него напали и сразились отчаянно; загнанные въ болото, они не сдавались. Всѣ, кромѣ одного, насильно пощаженнаго, были изрубленны вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ. Михельсонъ потерялъ одного офицера и шестьдесятъ рядовыхъ убитыми и ранеными.

Плѣнный башкирецъ, обласканный Михельсономъ, объявилъ ему о взятіи Магнитной и о движеніи Декалонга [22]). Михельсонъ, нашедъ сіи извѣстія сообразными съ своими предположеніями, вышелъ изъ горъ и пошелъ на Троицкую, въ надеждѣ освободить сію крѣпость или встрѣтить Пугачева въ случаѣ его отступленія. Вскорѣ услышалъ онъ о побѣдѣ Декалонга и пошелъ на Варламово, съ намѣреніемъ пресѣчь дорогу Пугачеву. Въ самомъ дѣлѣ, 22-го мая утромъ, приближаясь къ Варламову, онъ встрѣтилъ передовые отряды Пугачева [23]). Увидя стройное войско, Михельсонъ не могъ сначала вообразить, чтобъ это былъ остатокъ сволочи, разбитой наканунѣ, и принялъ его (говоритъ онъ насмѣшливо въ своемъ донесеніи) за корпусъ генералъ-поручика и кавалера Декалонга; но вскорѣ удостовѣрился въ истинѣ. Онъ остановился, удерживая выгодное свое положеніе у лѣса, прикрывавшаго его тылъ. Пугачевъ двинулся противу него и вдругъ поворотилъ на Чербакульскую крѣпость. Михельсонъ пошелъ черезъ лѣсъ и перерѣзалъ ему дорогу. Пугачевъ въ первый разъ увидѣлъ передъ собою того, кто долженъ былъ нанести ему столько ударовъ и положить предѣлъ кровавому его поприщу. Пугачевъ тотчасъ напалъ на его лѣвое крыло, привелъ оное въ разстройство и отнялъ двѣ пушки. Но Михельсонъ ударилъ на мятежниковъ со всею своею конницею, разсѣялъ ихъ въ одно мгновеніе, взялъ назадъ свои пушки, а съ ними и послѣднюю, оставшуюся у Пугачева послѣ его разбитія подъ Троицкой, положилъ на мѣстѣ до шестисотъ человѣкъ, въ плѣнъ взялъ до пятисотъ и гналъ остальныхъ нѣсколько верстъ [24]). Ночь прекратила преслѣдованіе. Ми-

---

[20]) Прибывъ 15 мая въ Саткинскій заводъ, Михельсонъ выступилъ 16-го къ вершинамъ р. Яика, желая выйти на встрѣчу Пугачеву, который приближался къ Косльской крѣпости. 17 мая онъ подошелъ къ Уральскимъ горамъ. (Н. Дубр. III т. II гл.).

[21]) 17 мая, а не 13-го, произошло сраженіе Михельсона съ толпой башкирцевъ (Рапортъ Михельсона кн. Щербатову отъ 22 мая 1774 г. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. IX) (Id.).

[22]) О взятіи Магнитной Михельсонъ узналъ ранѣе, когда былъ на Саткинскомъ заводѣ (Дубр. III т., I гл.). Очиствивъ себѣ путь въ Уральскихъ горахъ и прибывъ въ Кудравинскую слободу, онъ узналъ о разбитіи Пугачева *подъ Троицкой* и бѣгствѣ его. (Id. II гл.).

[23]) Пройдя верстъ 20 (отъ Кудравинской слободы), Михельсонъ лишь только сталъ выходить изъ лѣсу, *близъ дер. Лпушиной* (а не Варламовой), какъ увидѣлъ на полянѣ толпу мятежниковъ въ 2000 человѣкъ. (Рапортъ кн. Щербатову, отъ 23 мая 1774 г. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. IX). (Id.).

[24]) Мятежники лишились также продовольственныхъ припасовъ и обоза, въ которомъ была найдена голубая лента установленнаго Пугачевымъ ордена, которую онъ надѣвалъ на себя въ

хельсонъ ночевалъ на полѣ сраженія. На другой день отдалъ онъ въ приказѣ строгій выговоръ ротѣ, потерявшей свои пушки, и отнялъ у ней пуговицы и обшлага до выслуги. Рота не замедлила загладить свое безчестіе **).

23-го Михельсонъ пошелъ на Чербакульскую крѣпость. Казаки, въ ней находившіеся, бунтовали. Михельсонъ привелъ ихъ къ присягѣ, присоединивъ къ своему отряду, и въ послѣдствіи былъ всегда ими доволенъ.

Жолобовъ и Гагринъ дѣйствовали медленно и нерѣшительно. Жолобовъ, увѣдомивъ Михельсона, что Пугачевъ собралъ остатокъ разсѣянной толпы и набираетъ новую, отказался идти противъ него, подъ предлогомъ разлитія рѣкъ и дурныхъ дорогъ. Михельсонъ жаловался Декалонгу, а Декалонгъ, самъ обѣщаясь выступить для истребленія послѣднихъ силъ самозванца, остался въ Челябѣ и еще отозвалъ къ себѣ Жолобова и Гагрина [25]).

Такимъ образомъ преслѣдованіе Пугачева предоставлено было одному Михельсону. Онъ пошелъ къ Златоустовскому заводу, услыша, что тамъ находилось нѣсколько яицкихъ бунтовщиковъ; но они бѣжали, узнавъ о его приблеженіи. Слѣдъ ихъ чѣмъ далѣе шелъ, тѣмъ болѣе разсыпался, и наконецъ совсѣмъ пропалъ [26]).

27-го мая Михельсонъ прибылъ на Саткинскій заводъ ***). Салаватъ съ новою шайкою злодѣйствовалъ въ окрестностяхъ [27]). Уже Сим-

**) Histoire de la révolte de Pougatschef.

***) Троицко-Саткинскій заводъ, одинъ изъ важнѣйшихъ въ Оренбургской губерніи, на рѣчкѣ Саткѣ, въ 254 верстахъ отъ Уфы.

торжественныхъ случаяхъ. (Въ журналѣ дѣйствій отряда Михельсона записано: „Сказываютъ, что орденъ сей назывался *Черная борода*“). (Id.).

[25]) „Узнавъ въ Чебаркулѣ, что Пугачевъ находится въ 20 верстахъ за р. Коельгою, и желая окружить его со всѣхъ сторонъ, Михельсонъ просилъ Жолобова и Гагрина продолжать движеніе, а самъ повернулъ на Златоустовскій заводъ. Такимъ образомъ, если бы самозванецъ повернулъ на правую сторону, къ Кыштымскому заводу, то онъ встрѣтилъ бы отрядъ Декалонга, въ лѣвую—отрядъ Михельсона; позади же себя имѣлъ отряды Жолобова и Гагрина. Будучи охваченъ съ трехъ сторонъ, доносилъ Михельсонъ (въ рапортѣ кн. Щербатову отъ 27 мая 1774 г., тамъ же), „злодѣй останется у насъ въ срединѣ и къ одному или другому изъ насъ попасться долженъ“. (Id.).

[26]) Послѣдняя подробность о бѣгствѣ мятежниковъ заимствована изъ рапорта Михельсона кн. Щербатову (см. вын. 27), но ошибочно перенесена къ описанію бѣгства изъ Златоустовскаго завода. Въ Златоустовскомъ заводѣ яицкіе казаки набирали ополченіе для Пугачева, о чемъ узналъ Михельсонъ, будучи въ 7 верстахъ отъ завода, одновременно съ извѣстіемъ о сборищѣ мятежниковъ въ Саткинскомъ заводѣ и о движеніи Пугачева къ этому же заводу; туда и поспѣшилъ повернуть Михельсонъ, не дойдя до Златоустовскаго и никого оттуда не преслѣдуя.

[27]) При появленіи отряда мятежники стали быстро отступать отъ Саткинскаго завода. „Хотя“, доносилъ Михельсонъ (въ рап. кн. Щерб. отъ 27 мая 1774 г. Моск. Арх. Гл. Шт., опис 47, кн. IX), „болѣе 20 верстъ отряженнымъ мною маіоромъ Харинымъ и были преслѣдованы, однако догнать ихъ было невозможно. По слѣдамъ видно было, что они *чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе разсыпались, и напослѣдокъ слѣдъ пропалъ*“ (выраженіе рапорта, удержанное Пушкинымъ). Разореніе Симскаго завода Салаватомъ было произведено имъ послѣ изгнанія его изъ Саткинскаго, а потому Михельсонъ прошелъ изъ Саткинскаго завода за Салаватомъ на Симскій заводъ, а оттуда на р. Ай. Пушкинъ пере-

ской заводъ былъ имъ разграбленъ и сожженъ. Услыша о Михельсонѣ, онъ перешелъ рѣку Ай и остановился въ горахъ, гдѣ Пугачевъ, избавясь отъ погони Гагрина и Жолобова и собравъ уже до двухъ тысячъ всякой сволочи, съ нимъ успѣлъ соединиться [28]).

Михельсонъ на Саткинскомъ заводѣ, спасенномъ его быстротою, сдѣлалъ первый свой роздыхъ по выступленіи изъ подъ Уфы. Чрезъ два дня пошелъ онъ противъ Пугачева и Салавата [29]) и прибылъ на берегъ Ая. Мосты были сняты. Мятежники на противномъ берегу, видя малочисленность его отряда, полагали себя въ безопасности.

Но 30-го, утромъ, Михельсонъ приказалъ пятидесяти казакамъ переправиться вплавь, взявъ съ собою по одному егерю. Мятежники бросились было на нихъ, но были разсѣяны пушечными выстрѣлами съ противнаго берега. Егери и казаки удержались кое-какъ, а Михельсонъ между тѣмъ переправился съ остальнымъ отрядомъ; порохъ перевезла конница, пушки потопили и перетащили по дну рѣки на канатахъ. Михельсонъ быстро напалъ на непріятеля, смялъ и преслѣдовалъ его болѣе двадцати верстъ, убивъ до четырехсотъ и взявъ множество въ плѣнъ. Пугачевъ, Бѣлобородовъ и раненый Салаватъ едва успѣли спастись [30]).

Окрѣстности были пусты. Михельсонъ ни отъ кого не могъ узнать о стремленіи непріятеля. Онъ пошелъ наудачу и 2-го іюня отряженный имъ капиталъ Карташевскій ночью былъ окруженъ шайкою Салавата. Къ утру Михельсонъ подоспѣлъ къ нему на помощь. Мятежники разсыпались и бѣжали. Михельсонъ преслѣдовалъ ихъ съ крайнею осторожностію. Пѣхота прикрывала его обозъ. Самъ онъ шелъ немного впереди съ частію своей конницы. Сіи распоряженія спасли его. Многочисленная толпа мятежниковъ неожиданно окружила его обозъ и напала на пѣхоту. Самъ Пугачевъ ими предводительствовалъ, успѣвъ въ теченіе шести дней близъ Саткинскаго завода набрать около пяти тысячъ бунтовщиковъ [31]). Михельсонъ прискакалъ на помощь; онъ послалъ Харина соединить всю свою конницу, а самъ съ пѣхотой остался у обоза. Мятежники были разбиты

далъ невѣрно эти три, слѣдующія другъ за другомъ движенія Михельсона за Салаватомъ, при томъ въ битвѣ на р. Ай ошибочно упомянулъ Пугачева и Бѣлобородова. Салаватъ, Пугачевъ и Бѣлобородовъ въ то время дѣйствовали отдѣльно другъ отъ друга.

[28]) См. нашу выноску 31.

[29]) Михельсонъ выступилъ 30 мая изъ Саткинскаго завода къ Симскому заводу, противъ *Салавата*, который тамъ разбойничалъ одинъ съ своей толпой.

[30]) Пушкинъ ошибочно говоритъ, что въ этой битвѣ участвовалъ Пугачевъ и Бѣлобородовъ. Пушкинъ, судя по многимъ подробностямъ его разсказа, несомнѣнно пользовался свѣдѣніями изъ рапорта Михельсона къ кн. Щербатову (отъ 1 іюня 1774 г.), слѣдуя которому г. Дубровинъ сообщаетъ о битвѣ Михельсона на р. Ай съ однимъ Салаватомъ и его 800 башкирцами. О Пугачевѣ же, свободномъ въ то время отъ преслѣдованія Жолобова и Гагрина, никто не имѣлъ даже извѣстій. (III т. II гл.). Также ошибочно Пушкинъ отнесъ эту битву къ 30 мая, такъ какъ 30-го Михельсонъ выступилъ только изъ Саткинскаго завода.

[31]) Простоявъ на *р. Міасъ* (а не на р. Ай) 4 дня, Пугачевъ усилилъ свое сборище до 2000 чел., сжегъ Чебаркуль, Кундравинскую слободу, Златоустовскій и Саткинскій заводы, и 3 іюня совершенно неожиданно атаковалъ Михельсона (Рапортъ Михельсона кн. Щербатову 4 іюня 1774 г. № 35, Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. X). (Н. Дубр. III т. II гл.).

и снова бѣжали. Тутъ Михельсонъ узналъ отъ плѣнныхъ, что Пугачевъ имѣлъ намѣреніе идти на Уфу. Онъ поспѣшилъ пресѣчь ему дорогу, и 5-го іюня встрѣтилъ его снова. Сраженіе было неизбѣжимо. Михельсонъ быстро напалъ на него и снова разбилъ и прогналъ [32]).

При всѣхъ своихъ успѣхахъ Михельсонъ увидѣлъ необходимость прекратить на время свое преслѣдованіе. У него уже не было ни запасовъ, ни зарядовъ. Оставалось только по два патрона на человѣка. Михельсонъ пошелъ въ Уфу, дабы тамъ запастись всѣмъ для него нужнымъ [33]).

Пока Михельсонъ, бросаясь во всѣ стороны, вездѣ поражалъ мятежниковъ, прочіе начальники оставались неподвижны. Декалонгъ стоялъ въ Челябѣ и, завидуя Михельсону, нарочно не хотѣлъ ему содѣйствовать. Фрейманъ, лично храбрый, но предводитель робкій и нерѣшительный, стоялъ въ Кизильской крѣпости, досадуя на Тимашева, ушедшаго въ Зелаирскую ****) крѣпость съ лучшею его конницею [34]). Станиславскій, узнавъ, что Пугачевъ близь Верхо-Яицкой крѣпости собралъ значительную толпу, отказался отъ службы и скрылся въ любимую свою Орскую крѣпость [35]). Полковники Якубовичъ [36])

****) Зелаирская крѣпость находится въ самомъ центрѣ Башкиріи, въ 229 верстахъ отъ Оренбурга. Она выстроена въ 1755 году, послѣ послѣдняго башкирскаго бунта (передъ Пугачевскимъ).

[32]) На утро послѣ боя (у дер. Кпги), Михельсонъ узналъ, что Пугачевъ ночевалъ въ 15 верстахъ отъ отряда и переправляется на противоположную сторону р. Міаса. Михельсонъ двинулся тотчасъ же на перерѣзъ пути, и лишь только появился въ виду мятежниковъ, какъ Пугачевъ самъ атаковалъ его и былъ разбитъ. (Рапортъ кн. Щербатову отъ 8 іюня 1774 г. тамъ же, кн. IX). (Id.). О намѣреніи своемъ итти на Уфу Пугачевъ говорилъ башкирцамъ и, желая завлечь ихъ, увѣрялъ, что тамъ встрѣтится съ сыномъ своимъ Павломъ Петровичемъ, который идетъ къ нему съ 40,000 войскомъ. (Id. IV гл.).

[33]) Слѣдуя затѣмъ изъ Уфы къ Бирску, Михельсонъ надѣялся перерѣзать Пугачеву путь и не допускать его въ приволжскія губерніи. (Тотъ же рапортъ кн. Щербатову). (Id.).

[34]) Гдѣ находился Пугачевъ, Фрейманъ не зналъ и въ то время, когда Михельсонъ дрался съ Пугачевымъ, Фрейманъ получивъ рапортъ Ступишина о томъ, что Пугачевъ стоитъ съ 7000 чел. въ 12 верстахъ отъ Верхне-Яицкой крѣпости двинулся къ этой крѣпости. (Id.).

[35]) Въ іюнѣ Станиславскій съ 14 легкою полевою командою находился въ Троицкой крѣпости. (Дубров. III т. IV и V гл.).

[36]) Полковникъ Якубовичъ въ іюнѣ 1774 г. находился съ своимъ отрядомъ въ Уфѣ. Когда Михельсонъ подошелъ къ Уфѣ, то „нашелъ всѣхъ отъ злодѣевъ въ немаломъ страхѣ“. Убійства, грабежи и разоренія башкирцевъ навели ужасъ на жителей, вѣрныхъ правительству. Якубовичъ притянулъ къ себѣ маіора Дуве; подъ предлогомъ поиска надъ башкирцами сформировалъ и отрядъ болѣе 700 чел., съ 3 орудіями, выступилъ съ ними къ Бирску. Отойдя верстъ 20 отъ Уфы, онъ остановился, и черезъ нѣсколько дней пошелъ назадъ, подъ предлогомъ, что Уфѣ угрожаетъ опасность. Маіоръ Дуве замѣтилъ ему, что въ 8 верстахъ стоитъ Михельсонъ и опасности никакой быть не можетъ. Якубовичъ не послушалъ его и, отобравъ у него половину его отряда, пошелъ въ Уфу, приказавъ ему производить поиски надъ мятежниками съ остальной частію отряда. Считая, что съ такими ограниченными силами ничего сдѣлать нельзя, Дуве жаловался Михельсону и просилъ взять его въ свой отрядъ. Онъ писалъ главнокомандующему: „Служба моя, къ коей имѣю ревность, не позволяетъ на одномъ мѣстѣ сидѣть безъ дѣла“. Якубовичъ же убѣ-

и Обернибѣсовъ [37]) и маіоръ Дуве находились около Уфы. Вкругъ ихъ спокойно собирались бунтующіе башкирцы. Бирскъ сожженъ былъ почти въ ихъ виду, а они переходили съ одного мѣста на другое, избѣгая малѣйшей опасности и не думая о дружномъ содѣйствіи. По распоряженію князя Щербатова, войско Голицына оставалось безъ всякой пользы около Оренбурга и Яицкаго городка, въ мѣстахъ уже безопасныхъ; а край, гдѣ снова разгорался пожаръ, оставался почти беззащитенъ *****).

Пугачевъ, отраженный отъ Кунгура маіоромъ Поповымъ, двинулся было къ Екатеринбургу, но узнавъ о войскахъ, тамъ находящихся, обратился къ Красно-Уфимску [38]).

Кама была открыта и Казань въ опасности. Брантъ наскоро послалъ въ пригородъ Осу маіора Скрыпицына съ гарнизоннымъ отрядомъ и съ вооруженными крестьянами, а самъ писалъ князю Щербатову, требуя немедленной помощи. Щербатовъ понадѣялся на Обернибѣсова и Дуве, которые должны были помочь маіору Скрыпицыну въ случаѣ опасности, и не сдѣлалъ никакихъ новыхъ распоряженій [39]).

*****) Державинъ въ примѣчаніяхъ къ своимъ сочиненіямъ говоритъ, что князь Щербатовъ, князь Голицынъ и Брантъ перессорились, другъ къ другу не пошли въ команду, дали скопиться новымъ злодѣйскимъ силамъ и разстроили начало побѣдъ.

ждалъ Михельсона не выступать изъ Уфы, а разослать партіи для прикрытія Уфы. „Я разсуждая", доносилъ Михельсонъ, „что лучшая партія и прикрытіе есть то—сыскавъ непріятеля, его разбить и что разъѣзды единственно нужны для полученія о непріятелѣ свѣдѣнія", не согласился съ Якубовичемъ и рѣшился дѣйствовать наступательно. Михельсонъ, не ожидая, чтобы Якубовичъ двинулся изъ Уфы, уговорилъ его обмѣнить 84 солдата Томскаго полка, которые отъ форсированныхъ маршей „не мало потерли ноги", на столько же солдатъ болѣе свѣжихъ Владимірскаго полка, и присоединилъ къ себѣ маіора Дуве съ его эскадрономъ въ 90 чел. (Id. IV гл.). О дальнѣйшей славной дѣятельности Дуве см. въ 7-й главѣ у Пушкина.

[37]) Полковникъ Обернибѣсовъ находился въ Бакалахъ и имѣлъ подъ начальствомъ отрядъ въ 100 человѣкъ. По рѣкѣ Бѣлой (въ іюнѣ 1774 г.) было расположено нѣсколько небольшихъ отрядовъ: въ Бугульчанахъ—полк. Хорватъ, въ Стерлитамакѣ—подполк. Рылѣевъ, въ Табынскѣ—полк. Шепелевъ, въ Бакалахъ—Обернибѣсовъ (Id. IV гл.) Почему обвиненіе Пушкина пало на Обернибѣсова, не понятно.

[38]) Не Пугачевъ, а Бѣлобородовъ былъ отраженъ (11 іюня) подполковникомъ Поповымъ, вышедшимъ изъ Кунгура съ своимъ отрядомъ для разсѣянія толпы мятежниковъ въ 3000 челов., собравшейся у Красноуфимска подъ начальствомъ Бѣлобородова. Бѣлобородовъ же, а не Пугачевъ былъ подъ Екатеринбургомъ. Пугачевъ захватилъ Красноуфимскъ и хотѣлъ занять Кунгуръ, чтобы удовлетворить желанію башкирцевъ, но потомъ перемѣнилъ свое намѣреніе, прошелъ черезъ Иргинскій заводъ, переправился черезъ р. Тулву и повернулъ на Осу, съ тѣмъ, чтобы итти потомъ на Казань (Id. IV гл.). Пушкинъ не имѣлъ вѣроятно точныхъ свѣдѣній о Бѣлобородовѣ; всякій разъ, упоминая его, впадаетъ онъ въ ошибку; здѣсь дѣйствія Бѣлобородова приписываются Пугачеву.

[39]) 2 іюня, по первымъ извѣстіямъ о появленіи башкирцевъ (въ числѣ 30 0 челов.) въ окрестностяхъ Осы. Брандтъ послалъ туда Скрыпицына. Ко времени же появленія Пугачева подъ Осою, силы назначенныя для защиты ея, вмѣстѣ съ вооруженными жителями простирались до 1100 чел. съ 13 орудіями. (Рапортъ Башмакова пермской провинціальной канцеляріи отъ 19 іюня. 1774 г. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47 книга X). Дуве былъ въ іюнѣ въ Уфѣ

18-го іюня Пугачевъ явился передъ Осою. Скрыпицынъ выступилъ противъ него, но потерявъ три пушки въ самомъ началѣ сраженія, поспѣшно возвратился въ крѣпость. Пугачевъ велѣлъ своимъ спѣшиться и идти на приступъ. Мятежники вошли въ городъ, выжгли его, но отъ крѣпости отражены были пушками.

На другой день Пугачевъ со своими старшинами ѣздилъ по берегу Камы, высматривая мѣста, удобныя для переправы. По его приказанію поправляли дорогу и мостили топкія мѣста. 20-го снова приступилъ онъ къ крѣпости и снова былъ отраженъ. Тогда Бѣлобородовъ присовѣтовалъ ему окружить крѣпость возами сѣна, соломы и бересты, и зажечь такимъ образомъ деревянныя стѣны. Пятнадцать возовъ были подвезены на лошадяхъ въ близкое разстояніе отъ крѣпости, а потомъ подвигаемы впередъ людьми, безопасными подъ ихъ прикрытіемъ. Скрыпицынъ, уже колебавшійся, потребовалъ сроку на однѣ сутки, и сдался на другой день, принявъ Пугачева на колѣнахъ, съ иконами и хлѣбомъ-солью. Самозванецъ обласкалъ его и оставилъ при немъ его шпагу. Несчастный, думая современемъ оправдаться, написалъ, обще съ капитаномъ Смирновымъ и подпоручикомъ Минеевымъ, письмо къ казанскому губернатору и носилъ при себѣ, въ ожиданіи удобнаго случая тайно его отослать. Минеевъ донесъ о томъ Пугачеву. Письмо схвачено, Скрыпицынъ и Смирновы повѣшены, а доносчикъ названъ отъ Пугачева полковникомъ.

23-го іюня Пугачевъ переправился черезъ Каму и пошелъ на винокуренные заводы Ижевскій и Воткинскій. Венцель, начальникъ оныхъ, былъ мучительски умерщвленъ, заводы разграблены, и всѣ работники забраны въ злодѣйскую толпу. Минеевъ, измѣною своею заслужившій довѣренность Пугачева, совѣтовалъ ему идти прямо на Казань. Распоряженія губернатора были ему извѣстны. Онъ вызвался вести Пугачева и ручался за успѣхъ. Пугачевъ недолго колебался и пошелъ на Казань.

Щербатовъ, получивъ извѣстіе о взятіи Осы, испугался. Онъ послалъ Обернибѣсову повелѣніе занять Шумской перевозъ, а маіора Меллина отправилъ къ Шурманскому; Голицыну приказалъ скорѣе слѣдовать въ Уфу, дабы оттуда дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію, а самъ съ однимъ эскадрономъ гусаръ и ротою гренадеръ отправился въ Бугульму [40]).

Въ Казани находилось только полторы тысячи войска; но шесть тысячъ были наскоро вооружены [41]). Брантъ и комендантъ Баннеръ

(см. нашу выноску 36), Обернибѣсовъ въ первыхъ числахъ іюля былъ въ Бакалахъ, и кн. Щербатовъ не могъ надѣяться на помощь Дуве и Обернибѣсова Осѣ.

[40]) Полковника Обернибѣсова (изъ Бакалъ) и графа Меллина (изъ Бугульмы) вызвалъ къ перевозамъ полковникъ Кожинъ, а не кн. Щербатовъ. Самъ же главнокомандующій выѣхалъ изъ Оренбурга въ Бугульму по настоянію Брандта, и ничего не предпринималъ для защиты Казани, надѣясь на „расторопность" Михельсона (Н. Дубр. III т. V гл.). Пушкинъ заимствовалъ неточныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ кн. Щербатова изъ „Прибавл. втораго" Рычкова.

[41]) Число регулярнаго войска къ 10 іюля доходило до 700 человѣкъ. Всѣхъ защитниковъ города, считая и вооружившихся жителей, было до полутора тысячи (Н. Дубр. III т. V гл.).

приготовились къ оборонѣ. Генералъ-маіоръ Потемкинъ, начальникъ тайной коммиссіи, учрежденной по дѣлу Пугачева, усердно имъ содѣйствовалъ [42]). Генералъ-маіоръ Ларіоновъ не дождался Пугачева. Онъ съ своими людьми переправился чрезъ Волгу и уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ.

Полковникъ Толстой, начальникъ казанскаго коннаго легіона, выступилъ противъ Пугачева и 10-го іюля встрѣтилъ его въ двѣнадцати верстахъ отъ города. Произошло сраженіе. Храбрый Толстой былъ убитъ, а его отрядъ разсѣянъ. На другой день Пугачевъ показался на лѣвомъ берегу Казанки и расположился лагеремъ у Троицкой мельницы. Вечеромъ, въ виду всѣхъ казанскихъ жителей, онъ самъ ѣздилъ высматривать городъ и возвратился въ лагерь, отложа приступъ до слѣдующаго утра.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Пугачевъ въ Казани.—Бѣдствіе города.—Появленіе Михельсона.—Три сраженія.—Освобожденіе Казани.—Свиданіе Пугачева съ его семействомъ.—Опроверженіе клеветы.—Распоряженія Михельсона.

12-го іюля, на зарѣ, мятежники, подъ предводительствомъ Пугачева, потянулись отъ села Царицына по Арскому полю, двигая передъ собою возы сѣна и соломы, между коими везли пушки. Они быстро заняли находившіеся близъ предмѣстья кирпичные сараи, рощу и загородный домъ Кудрявцева, устроили тамъ свои батареи и сбили слабый отрядъ, охранявшій дорогу [1]). Онъ отступилъ, выстроясь въ каре и оградясь рогатками.

---

[42]) Ген.-м. Потемкинъ прибылъ въ Казань только 8 іюля и потому уже мало содѣйствовалъ приготовленію къ ея оборонѣ. Онъ не вѣрилъ въ появленіе Пугачева ранѣе Михельсона. Потемкинъ писалъ хвастливыя письма о своей дѣятельности; когда же бѣда обрушилась надъ Казанью, то писалъ клеветы на другихъ, выгораживая себя и рисуясь передъ своимъ двоюроднымъ братомъ Потемкинымъ (впослѣдствіи кн. Таврическимъ) (Н. Дубр. III т. V гл.). Пушкинъ очевидно довѣрился невѣрнымъ источникамъ.

[1]) У Дубровина находимъ слѣдующее описаніе Казани 1774 года. „Находясь между рѣкой Казанкой и Булакомъ, тогдашняя Казань состояла преимущественно изъ деревянныхъ построекъ и раздѣлялась на три части: крѣпость, городъ и слободы. Крѣпость была въ полуразрушенномъ состояніи и находилась въ западной части города на берегу Казанки, причемъ самый длинный фасъ ея шелъ параллельно р. Булаку. Образуя сомкнутый многоугольникъ, крѣпость имѣла 750 саж. длины, и въ юго-восточномъ углу ея былъ Спасскій монастырь. Къ востоку отъ крѣпости раскинулся городъ, въ которомъ наиболѣе выдающимися зданіями были гостинный дворъ и дѣвичій монастырь. Оба зданія находились вблизи крѣпости, и потому овладѣвъ ими, можно было обстрѣливать крѣпость съ двухъ сторонъ. Вокругъ крѣпости и города насыпаны были земляныя батареи, соединенныя между собою рогатками, за ними лежали слободы, составлявшія предмѣстія города. На берегу озера Кабана находилась слобода Архангельская, а лѣвѣе ея—Суконная, черезъ которую проходила дорога въ Оренбургъ. Къ Суконной слободѣ прилегало Арское поле, въ западной части котораго, со стороны р. Казанки были: загородный губернаторскій домъ, кирпичные заводы и роща, принадлежавшая помѣщицѣ Нееловой. Между заводами и рощею пролегалъ большой сибирскій трактъ“... ...„Ко времени появленія Пугачева было заложено до девяти батарей, но успѣли окончить только пять, при чемъ каждая батарея была вооружена не болѣе, какъ однимъ орудіемъ. Начиная отъ Арскаго поля и р. Казанки—около Суконной слободы, селъ: Архангельскаго,

Прямо противъ Арскаго поля находилась главная городская батарея. Пугачевъ на нее не пошелъ, а съ праваго своего крыла отрядилъ къ предмѣстію толпу заводскихъ крестьянъ, подъ предводительствомъ измѣнника Минеева. Эта сволочь, большею частію безоружная, подгоняемая казацкими нагайками, проворно перебѣгала изъ буерака въ буеракъ, изъ лощины въ лощину, перепалзывала черезъ высоты, подверженныя пушечнымъ выстрѣламъ, и такимъ образомъ забралася въ овраги, находящіеся на краю самого предмѣстія [2]). Опасное сіе мѣсто защищали гимназисты съ одною пушкою. Но, не смотря на ихъ выстрѣлы, бунтовщики въ точности исполнили приказаніе Пугачева: влѣзли на высоту прогнали гимназистовъ голыми кулаками, пушку отбили, заняли лѣтній губернаторскій домъ, соединенный съ предмѣстіями; пушку поставили въ ворота, стали стрѣлять вдоль улицъ и кучами ворвались въ предмѣстія [3]). Съ другой стороны лѣвое крыло Пугачева бросилось къ Суконной слободѣ. Суконщики (люди разнаго званія и большею частію кулачные бойцы), ободряемые преосвященнымъ Веніаминомъ, вооружились чѣмъ ни попало, поставили пушку у Горлова кабака и приготовились къ оборонѣ. Башкирцы съ Шарной горы пустили въ нихъ свои стрѣлы и бросились въ улицы. Суконщики приняли было ихъ въ рычаги, въ копья и сабли; но ихъ пушку разорвало съ перваго выстрѣла и убило канонира. Въ это время Пугачевъ на Шарной горѣ поставилъ свои пушки и пустилъ картечью по своимъ и по чужимъ. Слобода загорѣлась. Суконщики бѣжали *). Мятежники сбили караулы

*) Въ сентенціи сказано было, что Пугачевъ ворвался въ городъ измѣною суконщиковъ. Слѣдствіе доказало, что суконщики не измѣнили; напротивъ, они послѣдніе бросили оружіе и уступили превосходной силѣ.

Плѣтеней, слободъ: Мокрой и Ямской, снова до р. Казанки—все пространство было обнесено рогатками". (III т. V гл.).

[2]) При описаніи дѣйствій Пугачева въ Казани Пушкинъ пользовался главн. образомъ источникомъ, помѣщеннымъ имъ въ приложеніяхъ къ „И. П. б". подъ заглавіемъ: „Краткое извѣстіе о злодѣйскихъ на Казань дѣйствіяхъ вора, измѣнника и бунтовщика Емельки Пугачева, собранное Платономъ Любарскимъ, Архимандритомъ Спасо-Казанскимъ, 1774 года августа 24 дня.

[3]) Извѣстіе объ участіи гимназистовъ въ защитѣ города Пушкинымъ заимствовано изъ неизвѣстнаго источника; въ „Кратк. извѣстіи" Платона Любарскаго, указаны только дѣйствія этого отряда: „Поставленною на семъ опасномъ мѣстѣ одною небольшою пушкою и производима была по нихъ (мятежникамъ) пальба, однако они... пушку отбили и влѣзши въ Губернаторскій лѣтній домъ, между двумя оными буераками стоящій и съ предмѣстіями соединяющійся, какъ изъ воротъ, такъ и изъ-за заборовъ онаго дома... начали палить изъ ружей"... Сообщенное Пушкинымъ свѣдѣніе объ этой попыткѣ юнаго населенія Казани подтверждается позднѣйшими повѣствователями: Г. Дубровинъ по „Исторической запискѣ о 1-й казанской гимназіи" —В. Владимірова (Изд. 1867 г. т. I) сообщаетъ слѣдующее: „Директоръ казанской гимназіи фонъ-Каницъ донесъ, (губернатору), что команда его будетъ состоять изъ 6 человѣкъ дворовыхъ людей, директора, 13 учителей, 39 учениковъ и 2 приказныхъ; что дворовые и ученики будутъ вооружены пиками, а учителя и два дежурныхъ офицера, какъ *„люди шпажные"*, будутъ имѣть по парѣ пистолетовъ". Гимназистамъ назначено было защищать батарею, поставленную на открытомъ мѣстѣ, противъ Арскаго поля. Гимназисты были построены въ 2 шеренги, изъ коихъ передняя имѣла карабины, а задняя пики. Впослѣдствіе къ нимъ присоединились художники и ремесленники изъ нѣмцевъ, вооружен-

и рогатки и устремились по городскимъ улицамъ. Увидя пламя, жители и городское войско, оставя пушки, бросились къ крѣпости, какъ къ послѣднему убѣжищу. Потемкинъ вошелъ вмѣстѣ съ ними [4]). Городъ сталъ добычею мятежниковъ. Они бросились грабить домы и купеческія лавки; вбѣгали въ церкви и монастыри, обдирали иконостасы; рѣзали всѣхъ, которые попадались имъ въ нѣмецкомъ платьѣ. Пугачевъ, поставя свои батареи въ трактирѣ гостиннаго двора, за церквами, у тріумфальныхъ воротъ стрѣлялъ по крѣпости, особенно по Спасскому монастырю, занимающему ея правый уголъ и коего ветхія стѣны едва держались. Съ другой стороны Минеевъ, втащивъ одну пушку на врата казанскаго монастыря [5]), а другую поставя на церковной паперти, стрѣлялъ по крѣпости въ самое опасное мѣсто. Прилетѣвшее оттолѣ ядро разбило одну изъ его пушекъ. Разбойники, надѣвъ на себя женскія платья, поповскіе стихари, съ крикомъ бѣгали по улицамъ, грабя и зажигая домы. Осаждавшіе крѣпость имъ завидовали, боясь остаться безъ добычи... Вдругъ Пугачевъ приказалъ имъ отступить и, зажегши еще нѣсколько домовъ, возвратился въ свой лагерь. Настала буря. Огненное море разлилось по всему городу. Искры и головни летѣли въ крѣпость и зажгли нѣсколько деревянныхъ кровель. Въ сію минуту часть одной стѣны съ громомъ обрушилась и подавила нѣсколькихъ человѣкъ. Осажденные, стѣснившіеся въ крѣпости, подняли вопль, думая, что злодѣй вломился, и что послѣдній ихъ часъ уже насталъ [6]).

Изъ города погнали плѣнныхъ и повезли добычу. Башкирцы, не смотря на строгія запрещенія Пугачева, били нагайками народъ и кололи копьями отстающихъ женщинъ и дѣтей. Множество потонуло, переправляясь въ бродъ черезъ Казанку. Народъ, пригнанный въ лагерь, поставленъ былъ на колѣни передъ пушками. Женщины подняли вой. Имъ объявили прощеніе. Всѣ закричали: „ура!“ и кинулись къ ставкѣ Пугачева. Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ, принимая дары казанскихъ татаръ, пріѣхавшихъ къ нему съ поклономъ. Потомъ спрашивали: кто желаетъ служить государю Петру Ѳедоровичу? — Охотниковъ нашлось множество [7]).

ные 50 карабинами и размѣстившіеся по флангамъ гимназистовъ. Послѣ нападенія толпы Минѣева, гимназическій отрядъ отступилъ въ крѣпость, лишившись 19 человѣкъ убитыми и ранеными: въ числѣ послѣднихъ было 6 учениковъ и директоръ гимназіи (Госуд. Арх. VI д. № 489), („Пугачевъ“ Н. Дубр. III т. V гл.).

[4]) При описаніи дѣйствій лѣваго крыла мятежниковъ, Пушкинъ развиваетъ сжатый разсказъ Любарскаго многими подробностями о Суконщикахъ, о вліяніи на нихъ преосв. Веніамина, о дѣйствіяхъ Башкирцевъ и Пугачева и отступленіи Потемкина, заимствованныхъ изъ другихъ источниковъ, (см. примѣчанія Пушкина къ этой главѣ).

[5]) Покровскій дѣвичій монастырь въ Казани.

[6]) Въ описаніи бѣдствій Казани, дѣйствій Пугачева и Минѣева, грабежей мятежниковъ, отступленія Пугачева и паники, распространившейся въ крѣпости—Пушкинъ слѣдуетъ Платону Любарскому. Описаніе же пожара и паденіе стѣны заимствовано изъ неизвѣстнаго источника. Рычковъ сообщаетъ только, что мятежники „сдѣлали... великіе пожары“... („Прибавл. второе“).

[7]) Разсказъ о плѣнныхъ, захваченныхъ въ Казани мятежниками, и о пріемѣ казанскихъ татаръ — Пушкинъ заимствовалъ изъ другихъ источниковъ: Пл. Любарскій ничего о томъ не пишетъ. Рычковъ кратко сообщаетъ: „захватили великое число обоего пола людей и отослали въ свой злодѣйскій ла-

Преосвященный Веніаминъ **) во все время приступа находился въ крѣпости, въ Благовѣщенскомъ соборѣ, и на колѣнахъ со всѣмъ народомъ молилъ Бога о спасеніи христіанъ. Едва умолкла пальба, онъ поднялъ чудотворныя иконы и, не смотря на нестерпимый зной пожара и на падающія бревна, со всѣмъ бывшимъ при немъ духовенствомъ, сопровождаемый народомъ, обошелъ снутри крѣпость при молебномъ пѣніи.—Къ вечеру буря утихла и вѣтеръ оборотился въ противную сторону. Настала ночь, ужасная для жителей! Казань, обращенная въ груды горящихъ углей, дымилась и рдѣла во мракѣ. Никто не спалъ [8]). Съ разсвѣтомъ жители спѣшили взойти на крѣпостныя стѣны и устремили взоры въ ту сторону, откуда ожи-

**) Впослѣдствіи Веніаминъ былъ оклеветанъ однимъ изъ мятежниковъ (Аристовымъ) и нѣсколько времени находился въ немилости. Императрица, убѣдясь въ его невинности, вознаградила его саномъ митрополитскимъ и прислала ему бѣлый клобукъ при слѣдующемъ письмѣ:

Преосвященнѣйшій митрополитъ, Веніаминъ Казанскій!

По пріѣздѣ моемъ, первымъ попеченіемъ было для меня разсматривать дѣла бездѣльника Аристова: и узнала я, къ крайнему удовольствію моему, что невинность вашего преосвященства совершенно открылась. Покройте почтенную главу вашу симъ отличнымъ знакомъ чести; да будетъ оный для всякаго всегдашнимъ напоминаніемъ торжествующей добродѣтели вашей; позабудьте прискорбіе и печаль, кои васъ уязвляли; припишите сіе судьбѣ Божіей, благоволившей васъ прославить по несщастныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ тамошняго края; принесите молитвы Господу Богу; а я съ отмѣннымъ доброжелательствомъ есмь Екатерина.

Отвѣтъ Веніамина, митрополита казанскаго.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Милость и судъ безпримѣрные вашего императорскаго величества, кои на мнѣ соизволили удивить предъ цѣлымъ свѣтомъ, воскресили меня отъ гроба, возвратили жизнь, которую я отъ младыхъ ногтей посвятилъ на службу по Бозѣ въ непоколебимой вѣрности вашему монаршему престолу и отечественной пользѣ, сколько отъ меня зависитъ; а продолжалась она пятьдесятъ три года, но которую клевета, наглость и злоба противъ совѣсти и человѣчества исторгнуть покушались. Неоцѣненнымъ монаршихъ вашихъ щедротъ залогомъ, который съ несказаннымъ чувствованіемъ моего сердца сподобихся пріяти на главу мою, покрыся и отъяся поношеніе мое, поношеніе мое въ человѣцѣхъ. Что-жъ воздамъ тебѣ, правосуднѣйшая въ свѣтѣ монархиня, толико попечительному о спасеніи моемъ Господеви? Истощеніе всей дарованной мнѣ вашимъ высоко-монаршимъ великодушіемъ жизни въ возблагодареніе не довлѣетъ; развѣ, до послѣдняго моего издыханія, Вышняго молить не престану день и нощь, да сохранитъ дражайшую жизнь вашу за толь сердобольное сохраненіе моей до позднѣйшихъ человѣку возможныхъ лѣтъ; да ниспошлетъ съ высоты святыя своея на вѣнценосную главу вашу вся благословенія, коими древле благословенъ былъ Соломонъ. Крѣпкая десница Господа силъ да отвращаетъ во вся дни живота отъ превождѣлѣннаго здравія вашего недуги, отъ неусыпныхъ трудовъ утомленіе, отъ возрастающей и процвѣтающей славы зависть и злобу; да будетъ домъ, держава и престолъ вашъ яко дніе неба. Съ таковымъ моимъ усердствованіемъ и всеподданическою вѣрностію, пока духъ во мнѣ пребудетъ, есмь

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ и богомолецъ, смиренный Веніаминъ, митрополитъ казанскій.

геръ, гдѣ умерщвлены были отъ нихъ многіе". Сообщаемое Пушкинымъ согласно съ сообщаемымъ о томъ же г. Дубровинымъ (III т. VI гл.). на основаніи показанія Ивана Творогова (Гос. Арх. VI д. № 429) и Пермскихъ Губ. Вѣдѣм. 1864 г. № 2.

[8]) О дѣйствіяхъ преосв. Веніамина и положеніи находившихся въ крѣпости Пушкинъ разсказываетъ почти до слово по Пл. Любарскому.

дали новаго приступа. Но вмѣсто Пугачовскихъ полчищъ съ изумленіемъ увидѣли гусаровъ Михельсона, скачущихъ въ городъ съ офицеромъ, посланнымъ отъ него къ губернатору [9]).

Никто не зналъ, что уже наканунѣ Михельсонъ, въ семи верстахъ отъ города, имѣлъ жаркое дѣло съ Пугачевымъ и что мятежники отступили въ безпорядкѣ.

Мы оставили Михельсона неутомимо преслѣдующимъ опрометчивое стремленіе Пугачева. Въ Уфѣ оставилъ онъ своихъ больныхъ и раненыхъ, взялъ съ собою маіора Дуве и 21-го іюня находился въ Бурновѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бирска. Мостъ, сожженный Якубовичемъ, былъ опять наведенъ мятежниками. Около трехъ тысячъ вышли навстрѣчу Михельсону. Онъ ихъ разбилъ и отрядилъ Дуве противу шайки башкирцевъ, находившихся не въ дальнемъ разстояніи. Дуве ихъ разсѣялъ. Михельсонъ пошелъ на Осу, и 27-го іюня, разбивъ на дорогѣ толпу башкирцевъ и татаръ, узналъ отъ нихъ о взятіи Осы и о переправѣ Пугачева черезъ Каму. Михельсонъ пошелъ по его слѣдамъ. На Камѣ не было ни мостовъ, ни лодокъ. Конница переправилась вплавь, пѣхота на плотахъ. Михельсонъ, оставя Пугачева вправѣ, пошелъ прямо на Казань и 11-го іюля вечеромъ былъ уже въ пятидесяти верстахъ отъ нея [10]).

Ночью отрядъ его тронулся съ мѣста. Поутру, въ сорока пяти верстахъ отъ Казани, услышалъ онъ пушечную пальбу. Къ полудню густой, багровый дымъ возвѣстилъ ему о жребіи города [11]).

Полдневный жаръ и усталость отряда заставили Михельсона остановиться на одинъ часъ. Между тѣмъ узналъ онъ, что недалеко

---

[9]) Утро въ крѣпости 13 іюля разсказано Пушкинымъ по Любарскому, но съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, очевидно, для того, чтобы ярче передать читателю радость погибающихъ при спасительномъ появленіи Михельсона. Вотъ это мѣсто изъ описанія Любарскаго: „По разсвѣтаніи, взошедъ на высшія зданія, обращали взоръ свой въ ту сторону, откуда наступленія вчерашней боялись ужасной тучи, разрушеніемъ крѣпости и погубленіемъ всѣхъ въ ней находившихся грозящей, не вѣдая, что вчера еще пополудни въ шестомъ часу нетерпѣливо ожидаемый г. Михельсонъ необыкновеннымъ маршемъ, преодолѣвъ невѣроятныя трудности, съ малочисленною своею командою подоспѣвши, на Арскомъ полѣ безъ отдохновенія имѣлъ удачное дѣло со злодѣемъ, и на мѣстѣ сраженія проводилъ ночь, не разоружившись; но къ превеликому обрадованію, *вскорѣ заподлинно извѣстились* о всемъ томъ благополучномъ происхожденіи, *и что превожделѣнную вѣсть сію присланный тогда жъ отъ г. Михельсона штабъ-офицеръ приноситъ*. Вообразить не можно, коль не описанная радость въ тотъ часъ объяла несчастныхъ: *всякій предупреждаетъ другъ друга, стремится взбѣжать на крѣпостную стѣну*, чтобъ воззрѣть на сего ангела Божія, *желая увѣриться собственными глазами*"...

[10]) Михельсонъ двинулся по кратчайшей Зюрейской дорогѣ, надѣясь выйти на встрѣчу Пугачеву, прежде чѣмъ онъ придетъ въ Казань. „Я бы охотнѣе пошелъ по Арской дорогѣ", доносилъ Михельсонъ (въ рап. ген. Брандту отъ 2 іюля 1774 г. Моск. Арх. Глава. Шт., оп. 47, кн. X.). „но опасаясь, что его (Пугачева) не догоню, а онъ (Пугачевъ шелъ по Арской дорогѣ) мнѣ снятіемъ переправъ по р. Вяткѣ можетъ сдѣлать остановку". Въ ночь со 2-го на 3-е іюля Михельсонъ съ большими затрудненіями переправился черезъ р. Каму, 3-го числа дошелъ до села Пьянаго-бора, 5 числа переправился черезъ р. Ижь, 6-го — черезъ р. Вятку, и не смотря на многочисленныя препятствія, 11 іюля былъ въ 65 верст. отъ Казани. (Н. Дубр. III т. V и VI гл.).

[11]) На основаніи рапорта Михельсона кн. Щербатову отъ 13 іюля 1774 г., въ которомъ Михельсонъ пишетъ,

находилась толпа мятежниковъ. Михельсонъ на нихъ напалъ и взялъ четыреста въ плѣнъ; остальные бѣжали къ Казани и извѣстили Пугачева о приближеніи непріятеля. Тогда-то Пугачевъ, опасаясь нечаяннаго нападенія, отступилъ отъ крѣпости и приказалъ своимъ скорѣе выбираться изъ города, а самъ, занявъ выгодное мѣстоположеніе, выстроился близъ Царицына, въ семи верстахъ отъ Казани.

Михельсонъ, получивъ о томъ донесеніе, пустился черезъ лѣсъ одною колонною и, вышедъ въ поле, увидѣлъ передъ собою мятежниковъ, стоящихъ въ боевомъ порядкѣ.

Михельсонъ отрядилъ Харина противъ ихъ лѣваго крыла, Дуве противу праваго, а самъ пошелъ прямо на главную непріятельскую батарею. Пугачевъ, ободренный побѣдою и усилясь захваченными пушками, встрѣтилъ нападеніе сильнымъ огнемъ. Передъ батареей простиралось болото, черезъ которое Михельсонъ долженъ былъ перейти, между тѣмъ какъ Харинъ и Дуве старались обойти непріятеля. Михельсонъ взялъ батарею; Дуве на правомъ флангѣ отбилъ также двѣ пушки. Мятежники, раздѣлясь на двѣ кучи, пошли— одни навстрѣчу Харину, и остановясь въ тѣснинѣ за рвомъ, поставили батареи, и открыли огонь; другіе старались заѣхать въ тылъ отряду. Михельсонъ, оставя Дуве, пошелъ на подкрѣпленіе Харина, проходившаго черезъ оврагъ подъ непріятельскими ядрами. Наконецъ, послѣ пяти часовъ упорнаго сраженія, Пугачевъ былъ разбитъ и бѣжалъ, потерявъ восемьсотъ человѣкъ убитыми и сто восемьдесятъ взятыми въ плѣнъ. Потеря Михельсона была незначительна. Темнота ночи и усталость отряда не позволили Михельсону преслѣдовать Пугачева [12]).

Переночевавъ на мѣстѣ сраженія, передъ свѣтомъ Михельсонъ пошелъ къ Казани. Навстрѣчу ему поминутно попадались кучи грабителей, пьянствовавшихъ цѣлую ночь на развалинахъ сгорѣвшаго города. Ихъ рубили и брали въ плѣнъ. Прибывъ къ Арскому полю, Михельсонъ увидѣлъ приближающагося непріятеля: Пугачевъ, узнавъ о малочисленности его отряда, спѣшилъ предупредить его соединеніе съ городскимъ войскомъ. Михельсонъ, пославъ увѣдомить о томъ губернатора, встрѣтилъ пушечными выстрѣлами толпу, кинувшуюся на него съ воплемъ и визгомъ, и принудилъ ее отступить. Потемкинъ подоспѣлъ изъ города съ гарнизономъ. Пугачевъ перешелъ черезъ Казанку и удалился за пятнадцать верстъ отъ города, въ село Сухую Рѣку. Преслѣдовать его было невозможно: у Михельсона не было и тридцати годныхъ лошадей [13]).

что видѣнный имъ во 2-мъ часу пополуночи „великій дымъ, который ежечасно умножался“, ему „довольнымъ былъ доказательствомъ“ взятія Казани мятежниками.

[12]) Всѣ эти дѣйствія Михельсона противъ Пугачева и его побѣда разсказаны Пушкинымъ согласно съ рапортомъ Михельсона кн. Щербатову отъ 13 іюля 1774 г. Г. Дубровинъ въ VI гл. III т. приводитъ и подлинныя слова Михельсона, изложенныя Пушкинымъ въ концѣ описанія побѣды его, а именно: „Ночь, мѣсто и утомленные мои кони не позволяли мнѣ сею побѣдою пользоваться, какъ бы я могъ, ежели бы лошади были хотя въ маломъ состояніи“. И только число плѣнныхъ мятежниковъ показано Пушкинымъ невѣрно (180 человѣкъ, вмѣсто 737 чел.).

[13]) Разсказъ о приближеніи Михельсона къ Казани и о второй битвѣ его

Казань была освобождена. Жители тѣснились на стѣнѣ крѣпости, дабы издали взглянуть на лагерь своего избавителя [14]). Михельсонъ не трогался съ мѣста, ожидая новаго нападенія. Въ самомъ дѣлѣ, Пугачевъ, негодуя на свои неудачи, не терялъ однако же надежды одолѣть наконецъ Михельсона. Онъ отовсюду набиралъ новую сволочь, соединяясь съ отдѣльными своими отрядами, и 15-го іюля утромъ, приказавъ прочесть передъ своими толпами манифестъ, въ которомъ объявлялъ о своемъ намѣреніи итти на Москву, устремился въ третій разъ на Михельсона. Войско его состояло изъ двадцати пяти тысячъ всякаго сброду. Многочисленныя толпы двинулись тою же дорогою, по которой уже два раза бѣжали. Облака пыли, дикіе вопли, шумъ и грохотъ возвѣстили ихъ приближеніе. Михельсонъ выступилъ противу нихъ съ осьмьюстами карабинеровъ, гусаръ и чугуевскихъ казаковъ [15]). Онъ занялъ мѣсто прежняго сраженія близъ Царицына и раздѣлилъ войско свое на три отряда, въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другого [16]). Бунтовщики на него бросились. Яицкіе казаки стояли въ тылу и по приказанію Пугачева должны были колоть своихъ бѣглецовъ. Но Михельсонъ и Харинъ съ двухъ сторонъ на нихъ ударили, опрокинули и погнали. Все было кончено въ одно мгновеніе [17]). Напрасно Пугачевъ старался удержать разсыпавшіяся толпы, сперва доскакавъ до перваго своего лагеря, а потомъ и до второго. Харинъ живо его преслѣдовалъ, не давая ему времени нигдѣ остановиться [18]). Въ сихъ лагеряхъ находи-

---

съ Пугачевымъ согласенъ съ рапортомъ Михельсона кн. Щербатову отъ 13 іюля, которому слѣдуетъ и г. Дубровинъ въ своемъ изложеніи. Мѣсто, куда удалился Пугачевъ послѣ своего пораженія, указано Пушкинымъ на основаніи „Краткаго извѣстія“ Любарскаго, гдѣ сказано: Пугачевъ „удалился отъ города по Галицкой дорогѣ за село, Сухая Рѣка, называемое, верстъ за 15“.—Г. Дубровинъ сообщаетъ, что Пугачевъ „поскакалъ къ сторонѣ Алатской дороги“. (Id).

[14]) Заимствовано изъ того мѣста „Кратк. извѣстія“ Любарскаго, которое приведено выше въ 8 выноскѣ нашей.

[15]) Эти свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Пугачева, устремившагося въ третій разъ на Михельсона 15 іюля, и о составѣ войска Михельсона почти дословно заимствованы Пушкинымъ изъ „Крат. извѣстія“ Любарскаго и изъ „Прибавл. втор.“. Но Михельсонъ въ рапортѣ, приведенномъ Рычковымъ въ „Прибавл. второмъ“ въ копіи, пишетъ: „будучи подкрѣпленъ полученіемъ отъ его превосходительства г. ген.-маіора и кавалера Потемкина полутораста чел. пѣхоты, пошелъ къ нимъ (мятежникамъ) навстрѣчу“... — Въ VI гл. III т. „Пугачева“ г. Дубровинъ сообщаетъ, что на помощь Михельсону было выслано изъ крѣпости П. Потемкинымъ 200 человѣкъ, но что атака этого отряда была столь не удачна, что вся слава побѣды принадлежитъ одному Михельсону и его малочисленному регулярному отряду.

[16]) Свѣдѣніе о мѣстѣ сраженія у Пушкина указано согласно Всеподаннѣйшему рапорту П. Потемкина отъ 15 іюля (Воен. — учен. Арх. Отд. I, № 104 (А), листъ 286). (Дубр. III т. VI гл.).

[17]) „Въ теченіе четырехъ часовъ длился упорный бой“ сообщаетъ г. Дубравинъ (Id). Пушкинъ слѣдовалъ Любарскому, ошибочно сообщающему въ „Кратк. извѣстіи“: „злодѣй, по весьма слабомъ и *короткомъ* сопротивленіи, остановивъ всѣ свои тягости военныя, многолюдство и великимъ хищеніемъ собранное богатство, опрометью, какъ ему обыкновенно, побѣжалъ“... У Рычкова же изъ копіи съ рапорта Михельсона кн. Щербатову (отъ 16 іюля 1774 г.), Пушкинъ заимствовалъ многія подробности сраженія, опустивъ однако, что оно длилось въ продолженіи 4 часовъ.

[18]) О стараніи мятежниковъ задержать въ 2 своихъ лагеряхъ преслѣ-

лось до десяти тысячъ казанскихъ жителей всякаго пола и званія. Они были освобождены. Казанка была запружена мертвыми тѣлами; пять тысячъ плѣнныхъ и девять пушекъ остались въ рукахъ у побѣдителя. Убито въ сраженіи до двухъ тысячъ, большею частію татаръ и башкирцевъ [19]). Михельсонъ потерялъ до ста человѣкъ убитыми и ранеными [20]). Онъ вошелъ въ городъ при кликахъ восхищенныхъ жителей, свидѣтелей его побѣды. Губернаторъ, измученный болѣзнію, отъ которой онъ и умеръ черезъ двѣ недѣли, [21]) встрѣтилъ побѣдителя за воротами крѣпости, въ сопровожденіи дворянства и духовенства. Михельсонъ отправился прямо въ соборъ, гдѣ преосвященный Веніаминъ отслужилъ благодарственный молебенъ.

Состояніе Казани было ужасно: изъ двухъ тысячъ осьмисотъ шестидесяти семи домовъ, въ ней находившихся, двѣ тысячи пятьдесятъ семь сгорѣло. Двадцать пять церквей и три монастыря также сгорѣли. Гостиный дворъ и остальные домы, церкви и монастыри были разграблены; найдено до трехъ сотъ убитыхъ и раненыхъ обывателей; около пятисотъ пропали безъ вести [22]). Въ числѣ убитыхъ находился директоръ гимназіи Каницъ, нѣсколько учителей и учениковъ [23])и полковникъ Родіоновъ. Генералъ-маіоръ Кудрявцевъ, ***) старикъ стодесятилѣтній, не хотѣлъ скрыться въ крѣпость, не смотря на всевозможныя увѣщанія. Онъ на колѣнахъ молился въ казанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Вбѣжало нѣсколько грабителей.

***) Генералъ-маіоръ Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ, сынъ Никиты Алферьевича, пользовавшагося довѣренностью Петра Великаго, въ чинѣ поручика гвардіи Преображенскаго полка участвовалъ въ первомъ персидскомъ походѣ; въ царствованіе Анны Іоанновны сражался противу турокъ и татаръ, а при императрицѣ Елисаветѣ противу прусаковъ; вышелъ въ отставку при императрицѣ Екатеринѣ II. Тѣло его погребено въ той церкви, гдѣ онъ былъ убитъ. (Извлеченіе изъ неизданаго Историческаго Словаря, составленнаго Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ).

дующія ихъ войска Пушкинъ сообщаетъ, слѣдуя копіи съ рапорта Михельсона.

[19]) Число взятыхъ у мятежниковъ пушекъ, плѣнныхъ и убитыхъ указано Пушкинымъ вѣрно на основаніи той же копіи съ рапорта Михельсона.—Тоже сообщаетъ и г. Дубровинъ (Id).

[20]) Потеря Михельсона была значительнѣе: онъ лишился 35 чел. убитыми и 121 ранеными. (Н. Дубр. id.). Рычковъ сообщаетъ: „убито разныхъ командъ 35, тяжело раненыхъ 68“. Пл. Любарскій не пишетъ о числѣ убитыхъ и раненыхъ.

[21]) Свѣдѣніе изъ Рычкова.

[22]) „День 12-го іюля дорого стоилъ Казани: она лишилась 162 человѣкъ убитыми, 129 ранеными, 486 пропавшими безъ вѣсти и 2 сгорѣвшими — всего 779 человѣкъ. Изъ 2,873 домовъ, считавшихся въ городѣ и слободахъ, было сожжено и разграблено 2,063 дома и уцѣлѣло 810 домовъ“. (Письмо кн. Щербатова графу З. Г. Чернышеву отъ 1-го августа 1774 г. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. IV) „Цифры эти не сходятся съ помѣщенными у Пушкина“, пишетъ въ выноскѣ г. Дубровинъ (III т. VI гл.).

[23]) Директоръ гимназіи фонъ Каницъ и шесть учениковъ были ранены, а не убиты. За участіе въ дѣйствіяхъ противъ Пугачева императрица наградила Каница полугодовымъ, учителей третнымъ, а учениковъ годовымъ окладомъ жалованія (Указъ Казанск. губернатору 25 авг. Арх.. Сената. кн. № 208) (Id.).

Онъ сталъ ихъ увѣщевать. Злодѣи умертвили его на церковной паперти.

Такъ темный колодникъ [a]), за годъ тому бѣжавшій изъ Казани, отпраздновалъ свое возвращеніе! Тюремный дворъ, гдѣ ожидалъ онъ плетей и каторги, былъ имъ сожженъ, а невольники, его недавніе товарищи, выпущены. Въ казармахъ содержалась уже нѣсколько мѣсяцевъ казачка Софья Пугачева съ тремя своими дѣтьми. Самозванецъ, увидя ихъ, сказываютъ, заплакалъ, но не измѣнилъ самому себѣ. Онъ велѣлъ ихъ отвести въ лагерь, сказавъ, какъ увѣряютъ: я ее знаю: мужъ ея оказалъ мнѣ великую услугу ****) [24]). Измѣнникъ Минеевъ, главный виновникъ бѣдствія Казани, при первомъ разбитіи Пугачева попался въ плѣнъ и, по приговору военнаго суда загнатъ былъ сквозь строй до смерти *****).

Казанское начальство стало пещись о размѣщеніи жителей по уцѣлѣвшимъ домамъ. Они были приглашены въ лагерь для разбора добычи, отнятой у Пугачева, и для обратнаго полученія своей собственности. Спѣшили раздѣлиться кое-какъ. Люди зажиточные стали нищими; кто былъ скуденъ, очутился богатъ.

---

a) Въ рукописи было „бѣдный колодникъ“.

****) Такъ говоритъ авторъ исторической записки: Histoire de la révolte de Pougatschef; въ оффиціальныхъ документахъ, бывшихъ у меня въ рукахъ, я ничего о томъ не отыскалъ. Достовѣрно однако жъ то, что семейство Пугачева находилось при немъ до 24 августа 1774 года.

*****) Показаніе нѣкоторыхъ историковъ, утверждавшихъ, что ни одинъ изъ дворянъ не былъ замѣшанъ въ Пугачевскомъ бунтѣ, совершенно несправедливо. Множество офицеровъ (по чину своему сдѣлавшихся дворянами) служили въ рядахъ Пугачева, не считая тѣхъ, которые изъ робости пристали къ нему. Изъ хорошихъ фамилій — Шванвичъ былъ сынъ кронштадскаго коменданта, разрубившаго нѣкогда палашомъ, въ трактирной ссорѣ, щеку Алексѣя Орлова. Замѣчательна разность, которую правительство полагало между дворянствомъ личнымъ и дворянствомъ родовымъ. Прапорщикъ Минеевъ и нѣсколько другихъ офицеровъ были прогнаны сквозь строй, наказаны батогами, и проч.; а Шванвичъ только ошельмованъ преломленіемъ надъ головою шпаги. Екатерина уже готовилась освободить дворянство отъ тѣлеснаго наказанія. (*Прим., не включенное Пушкинымъ въ изданіе*).

Къ сему въ рук. выноска: Нѣмецкіе указы Пугачева были писаны рукою Шван-

---

23) Жена Пугачева, Софья, была освобождена въ числѣ другихъ арестантовъ, содержавшихся въ казанской городской тюрьмѣ и частныхъ домахъ. При Софьѣ находились трое дѣтей: сынъ Трофимъ (11 лѣтъ) и дочери Аграфена и Христина. Сначала она содержалась въ частномъ домѣ, но подъ присмотромъ; съ приближеніемъ же мятежниковъ къ Казани ее перевели въ помѣщеніе секретной коммиссіи. Пожаръ, дошедшій до зданія коммиссіи, заставилъ караульнаго офицера отступить съ своею командою, и тогда инсургенты освободили заключенныхъ. Софья, вмѣстѣ съ другими, была отправлена въ лагерь самозванца. Когда Трофимъ узналъ отца, разъѣзжавшаго верхомъ среди толпы, то Софья крикнула громко: „Экой собака, невѣрный супостатъ“. Пугачевъ подъѣхалъ къ ней, но не призналъ ее женою, а назвалъ женою друга своего Емельяна Пугачева, замученнаго будто бы за него въ тюрьмѣ подъ розыскомъ. „Помня мужа ея мнѣ одолженіе, я не оставлю ее“, объявилъ Пугачевъ окружающимъ. Софьѣ дали телѣгу и отвезли въ лагерь, гдѣ была поставлена для нея и дѣтей ея полатка возлѣ полатки Пугачева. Самозванецъ обходился съ нею „отмѣнно отъ прочихъ“. (Показанія Θедора Чумакова, Ивана Творогова и Софьи Дмитріевой. Гос. Арх., VI, дд. №№ 505 и 506. Также Русск. Старина т. XVI, стр. 506). (Дубр. III т. V гл.).

Исторія должна опровергнуть клевету, легкомысленно повторенную свѣтомъ: утверждали, что Михельсонъ могъ предупредить взятіе Казани, но что онъ нарочно далъ мятежникамъ время ограбить городъ, дабы въ свою очередь поживиться богатою добычею, предпочитая какую бы то ни было прибыль славѣ, почестямъ и царскимъ наградамъ, ожидавшимъ спасителя Казани и усмирителя бунта. Читатели видѣли, какъ быстро и какъ неутомимо Михельсонъ преслѣдовалъ Пугачева. Если бы Потемкинъ и Брантъ сдѣлали свое дѣло и успѣли бы удержаться хоть нѣсколько часовъ, то Казань была бы спасена [24]). Солдаты Михельсона, конечно, обогатились; но стыдно было бы намъ обвинять безъ доказательства стараго заслуженаго воина, проведшаго всю жизнь на полѣ чести и умершаго главнокомандующимъ русскими войсками *****).

вича. Отецъ его, Александръ Мартыновичъ, былъ маіоромъ и кронштадскимъ комендантомъ, послѣ переведенъ въ Новгородъ. Онъ былъ высокій и сильный мужчина. Имъ разрубленъ былъ Алексѣй Орловъ въ трактирной ссорѣ. Играя съ Свѣчинымъ въ ломберъ, онъ имѣлъ привычку закуривать свою пѣнковую трубочку и между тѣмъ заглядывать въ карты. Женатъ былъ на нѣмкѣ. Сынъ его старшій недавно умеръ. (Слышалъ отъ Н. Свѣчина).

Анекдотъ о разрубленной щекѣ любопытенъ. Четыре брата Орловы (потомки стрѣльца Адлера, пощаженнаго Петромъ Великимъ за его хладнокровіе передъ плахою) были до 1762 г. бѣдные гвардейскіе офицеры, извѣстные буйной и безпутной жизнью. Народъ ихъ зналъ за силачей, и никто въ Петербургѣ не осмѣливался съ ними спорить, кромѣ Шванвича, такого же повѣсы и силача. Порознь онъ могъ сладить съ каждымъ изъ нихъ, но вдвоемъ Орловы (Алексѣй и Ѳедоръ) брали надъ нимъ верхъ. Послѣ многихъ дракъ, они между собой положили, въ избѣжаніе напрасныхъ побоевъ, слѣдующее правило: одинъ Орловъ уступаетъ Шванвичу и гдѣ бы его ни встрѣтилъ — повинуется ему безпрекословно; двое же Орловыхъ, встрѣтя Шванвича, берутъ передъ, и Шванвичъ имъ повинуется. Таковое перемиріе не могло долго существовать. Шванвичъ встрѣтился однажды съ Ѳ. Орловымъ въ трактирѣ и, пользуясь своимъ правомъ, овладѣлъ бильярдомъ, виномъ и... Онъ торжествовалъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, является тутъ же Алексѣй Орловъ, и оба брата, по силѣ договора, отымаютъ у Шванвича вино, бильярдъ и... Шванвичъ, уже хмѣльной, хотѣлъ воспротивитьси; тогда Орловы вытащили его изъ дверей. Шванвичъ, въ бѣшенствѣ, сталъ дожидаться ихъ выхода, притаясь за воротами. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ Алексѣй Орловъ. Шванвичъ обнажилъ палашъ, разрубилъ ему щеку и ушелъ; ударъ пьяной руки не былъ смертеленъ, однакожъ Орловъ упалъ. Шванвичъ долго скитался, боясь встрѣтиться съ Орловыми.

Черезъ нѣсколько времени произошелъ переворотъ, возведшій Екатерину на престолъ, а Орловыхъ на первую степень въ государствѣ. Шванвичъ почиталъ себя погибшимъ. Орловъ пришелъ къ нему, обнялъ его и остался съ нимъ пріятелемъ. Сынъ Шванвича, находившійся въ командѣ Чернышева, имѣлъ малодушіе пристать къ Пугачеву и глупость служить ему со всеусердіемъ. Графъ Ал. Орловъ выпросилъ у государыни смягченіе приговора. (*Пр., не вкл. П. въ изд.*).

*****) Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, генералъ отъ кавалеріи и главнокомандующій молдавскою арміею, родился около 1735 года, умеръ въ 1809. Подъ его начальствомъ находился, въ началѣ славной службы своей, князь Варшав-

---

[24]) Г. Дубровинъ пишетъ: „Приближеніе Пугачева къ р. Камѣ и взятіе Осы вызвали со стороны Казанскаго Губернатора фонъ-Брандта усиленную дѣятельность, но, къ сожалѣнію, онъ лишенъ былъ всѣхъ средствъ защиты". Плохія укрѣпленія города, были расположены такъ, что мятежникамъ представлялась возможность дѣйствовать во флангъ и тылъ. Къ тому же въ городѣ число регулярныхъ войскъ доходило только до 700 человѣкъ. И Брандтъ и П. С. Потемкинъ надѣялись, что Михельсонъ придетъ въ Казань ранѣе Пугачева. Эта надежда была всеобщей. (III т. V гл.).

14-го іюля прибылъ въ Казань подполковникъ графъ Мелинъ [25]) и былъ отряженъ Михельсономъ для преслѣдованія Пугачева. Самъ Михельсонъ остался въ городѣ, для возобновленія своей конницы и для заготовленія припасовъ [26]). Прочіе начальники наскоро сдѣлали нѣкоторыя военныя распоряженія, ибо, несмотря на разбитіе Пугачева, знали уже, сколь былъ опасенъ сей предпріимчивый и дѣятельный мятежникъ. Его движенія были столь быстры и непредвидимы, что не было средства его преслѣдовать; къ тому же конница была слишкомъ изнурена. Старались перехватить ему дорогу; но войска, разсѣянныя на великомъ пространствѣ, не могли всюду поспѣвать и дѣлать скорые обороты. Должно сказать и то, что рѣдкій изъ тогдашнихъ начальниковъ былъ въ состояніи управиться съ Пугачевымъ или съ менѣе извѣстными его сообщниками †).

скій. Михельсонъ въ глубокой старости сохранилъ юношескую живость, любилъ воинскія опасности и еще посѣщалъ передовыя перестрѣлки.

†) Кто были сіи смышленные сообщники, руководившіе дѣйствіями самозванца?—Перфильевъ? Шигаевъ? Это должно явствовать изъ процесса Пугачева, но къ сожалѣнію я его не читалъ, не смѣвъ его распечатать безъ высочайшаго на то соизволенія. (*Примѣч., не включенное Пушкинымъ въ изданіе*). [27])

---

[25]) Гр. Меллинъ прибылъ въ Казань 16 іюля (Id.).

[26]) „Полк. Михельсонъ передалъ отъ себя 300 человѣкъ гр. Меллину, довелъ его отрядъ до 700 человѣкъ и отправилъ за Волгу для преслѣдованія самозванца. Черезъ день были отправлены за Волгу же еще 150 человѣкъ кавалеріи и имъ приказано слѣдовать на соединеніе съ гр. Меллинымъ. Самъ Михельсонъ признавалъ необходимымъ остаться въ Казани и дожидаться прибытія какого-либо отряда, „ибо", доносилъ онъ (въ рап. кн. Щербатову отъ 17 іюля 1774 г. Моск. Арх. Гл. Шт., оп. 47, кн. X) „весь народъ въ великомъ колебаніи". На его рукахъ было болѣе 700 плѣнныхъ, которые послѣ присяги распускались по домамъ, но при отсутствіи войскъ легко могли образовать шайки и предаться грабежамъ". (Н. Дубр. III т. VI гл.).

[27]) Яицкій сотникъ Аѳанасій Перфильевъ былъ дѣятельнымъ сообщникомъ Пугачева до конца. Онъ сдался вслѣдъ за поимкой Пугачева и не раскаялся въ своихъ преступленіяхъ на послѣдней исповѣди, „яко сущій раскольникъ".

Шигаевъ, яицкій казакъ, одинъ изъ первыхъ пособниковъ самозванца, былъ захваченъ въ числѣ другихъ главнѣйшихъ мятежниковъ въ началѣ апрѣля 1774 г. войсками кн. Голицына въ дѣлѣ у Пильной мельницы, между Каргалой и Сакмарскимъ городкомъ (см. выше 343 стр.). Пушкинъ очевидно не могъ считать Шигаева въ числѣ пособниковъ Пугачева при бѣгствѣ изъ Казани и назвалъ его по ошибкѣ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Пугачевъ за Волгою.—Общее смятеніе.—Письмо генерала Ступишина.—Намѣреніе Екатерины.—Графъ П. Ив. Панинъ.—Движеніе войскъ.—Взятіе Пензы.—Смерть Всеволожскаго.—Споры Державина съ Бошнякомъ.—Взятіе Саратова.—Пугачевъ подъ Царицынымъ.—Смерть астронома Ловица.—Пораженіе Пугачева.—Суворовъ.—Пугачевъ выданъ правительству.—Разговоръ его съ графомъ Панинымъ.—Судъ надъ Пугачевымъ и надъ его сообщниками.—Казнь бунтовщиковъ.

Пугачевъ бѣжалъ по кокшайской дорогѣ на перемѣнныхъ лошадяхъ съ тремя стами яицкихъ и илецкихъ казаковъ, и наконецъ ударился въ лѣсъ. Харинъ, преслѣдовавшій его цѣлыя тридцать верстъ, принужденъ былъ остановиться. Пугачевъ ночевалъ въ лѣсу [1]). Его семейство было при немъ. Между его товарищами находились два новыхъ лица: одинъ изъ нихъ былъ молодой Пулавскій, родной братъ славнаго конфедерата *). Онъ находился въ Казани военноплѣннымъ и изъ ненависти къ Россіи присоединился къ шайкѣ Пугачева. Другой былъ пасторъ реформатскаго исповѣданія. Во время казанскаго пожара онъ былъ приведенъ къ Пугачеву; самозванецъ узналъ его: нѣкогда, ходя въ цѣпяхъ по городскимъ улицамъ, Пугачевъ получалъ отъ него милостыню. Бѣдный пасторъ ожидалъ смерти. Пугачевъ принялъ его ласково и пожаловалъ въ полковники. Пасторъ-полковникъ посаженъ былъ верхомъ на башкирскую лошадь. Онъ сопровождалъ бѣгство Пугачева и, нѣсколько дней уже спустя, отсталъ отъ него и возвратился въ Казань **).

Пугачевъ два дня бродилъ то въ одну, то въ другую сторону, обманывая тѣмъ высланную погоню. Сволочь его, разсыпавшись, производила обычные грабежи. Бѣлобородовъ пойманъ былъ въ окрестности Казани, высѣченъ кнутомъ, потомъ отвезенъ въ Москву и казненъ смертію [2]). Нѣсколько сотенъ бѣглецовъ присоединились къ Пу-

---

*) Ихъ было три брата. Старшій, извѣстный дерзкимъ покушеніемъ на особу короля Станислава Понятовскаго; меньшой съ 1772 года находился въ плѣну и жилъ въ домѣ губернатора, которымъ онъ былъ принятъ, какъ родной.

**) Слышано мною отъ К. Ф. Фукса, доктора и профессора медицины при казанскомъ университетѣ, человѣка столь же ученаго, какъ и любезнаго и снисходительнаго. Ему обязанъ я многими любопытными извѣстіями касательно эпохи и стороны, здѣсь описанныхъ.

---

[1]) Изъ рап. Михельсона къ кн. Щербатову отъ 16 іюля 1774 г. (въ „Прибавленіи второмъ, — продолженіи лѣт. Рычкова), гдѣ сказано: „...препоруча всю кавалерію Маіору Харину, не велѣлъ онаго (Пугачева) спускать съ глазъ“... „Воръ Пугачевъ изъ втораго его лагеря (подъ Казанью) едва ускакалъ изъ рукъ нашихъ, и бывъ *преслѣдованъ болѣе 30-ти верстъ, ударился онъ въ лѣсъ,* а наши кони были не въ состояніи далѣе иттп“.

[2]) „Разсыпавшись по Казанской и Нижегородской губерніямъ, сообщники Пугачева бродили партіями, сначала человѣка по 2, по 3 и не болѣе 6, но затѣмъ, встрѣтивъ громадное сочувствіе среди крестьянскаго населенія, быстро увеличивали свои шайки, выбирали себѣ атамановъ и подъ ихъ предводительствомъ вѣшали дворянъ, помѣщиковъ, прикащиковъ и грабили имѣнія“... „Для возстановленія сообщенія и спокойствія были высланы по разнымъ направленіямъ небольшія команды, которыя успѣли захватить нѣсколько важныхъ сообщниковъ Пугачева“... „были пойманы и доставлены въ Казань: 18

гачеву. 18-го іюля онъ вдругъ устремился къ Волгѣ, на Кокшайскій перевозъ, и въ числѣ пятисотъ человѣкъ лучшаго своего войска переправился на другую сторону [3]).

Переправа Пугачева произвела общее смятеніе. Вся западная сторона Волги возстала и передалась самозванцу. Господскіе крестьяне взбунтовались; иновѣрцы и новокрещенные стали убивать русскихъ священниковъ. Воеводы бѣжали изъ городовъ, дворяне изъ помѣстій; чернь ловила тѣхъ и другихъ и отвсюду приводила къ Пугачеву. Пугачевъ объявилъ народу вольность, истребленіе дворянскаго рода, отпущеніе повинностей и безденежную раздачу соли ***) [4]). Онъ пошелъ на Цывильскъ, ограбилъ городъ, повѣсилъ воеводу [5]) и, раздѣливъ шайку свою на двѣ части, послалъ одну по нижегородской дорогѣ, а другую по алатырской [6]) и пресѣкъ такимъ

***) Предъ симъ цѣна соли, установленная Пугачевымъ, была по 5 коп. за пудъ; подушный окладъ по 3 коп. съ души; жалованье военнымъ чинамъ обѣщалъ онъ устроить, а рекрутскій наборъ производить черезъ каждыя пять лѣтъ.

іюля татары Аліевъ и Махмутовъ, солдаты Яковлевъ и Свѣшниковъ, а 19 іюля ближайшій сподвижникъ самозванца и его полковникъ Бѣлобородовъ" (Письмо ген. Бранта кн. Щербатову отъ 19 іюля 1774 г. Моск. Арх. Гл. Шт., оп. 47, кн. X). (Н. Дубр. III т. VI гл.). Въ выноскѣ къ этой главѣ г. Дубровинъ сообщаетъ: „По сентенціи секретной коммиссіи 13 авг., Бѣлобородову было дано въ Казани 100 ударовъ кнутомъ, а затѣмъ онъ отосланъ въ Москву, для публичнаго отсѣченія головы. 5 сент. казнь эта была совершена". „Великія тысячи смотрителей были", писалъ кн. Волконскій къ Г. А. Потемкину: онъ прощался съ народомъ, призналъ себя виновнымъ передъ Богомъ и государемъ и что сія ему казнь достойна" („Графы Н. и П. Панины" соч. П. Лебедева, стр. 334).

[3]) Всѣ захваченные сподвижники самозванца „единогласно показали, что Пугачевъ не болѣе какъ съ 400 человѣкъ, *17 іюля*, переправился черезъ Волгу. Переправа эта совершилась въ нѣсколькихъ пунктахъ, но самъ Пугачевъ съ небольшимъ числомъ сообщниковъ переправился въ 3 верстахъ ниже селенія Сундыри (нынѣ Маріинскій посадъ) на Кокшайскомъ перевозѣ, частію на судахъ, частію вплавь на лошадяхъ". (Переплетъ (?) по повелѣнію его высокографскаго сіятельства гр. П. И. Панина о присылкѣ къ его сіятельству о злодѣѣ Пугачевѣ вѣдомости. Казанскія Губернскія Вѣдомости 1867 г., № 33) (Н. Дубр. III т. VI гл.). Пушкинъ пользовался неизвѣстнымъ источникомъ. У Рычкова Пугачевъ переправился „подъ Козьмодемьянскомъ чрезъ Васильевскій перевозъ".

[4]) У Пушкина здѣсь—извлеченіе главнаго содержанія изъ манифеста Пугачева. Г. Дубровинъ приводитъ этотъ манифестъ (Госуд. Арх. VI, д. №№ 414 и 415) Дѣйствіе манифеста на крестьянъ, чувашей и вотяковъ, описанное г. Дубровинымъ на основаніи Всеподданн. рап. кн. Щербатова (отъ 22 іюля 1774 г. Моск. Арх. Гл. Шт., оп. 47, кн. IV) и рап. Михельсона кн. Щербатову (отъ 25 іюля, тамъ же), согласно съ тѣмъ, что разсказано выше у Пушкина (Н. Дубр. III т. VII гл.).

[5]) „Приближаясь къ Цивильску, Пугачевъ отправилъ впередъ казака Чумакова взять тамъ годныхъ лошадей. Чумаковъ (а не Пугачевъ) разграбилъ городъ, повѣсилъ воеводу Копьева съ женою, прапорщика Абарина и секретаря Попова съ ихъ женами и 2 мѣщанъ. Когда пріѣхалъ въ городъ самъ Пугачевъ, то жители не привыкшіе къ такимъ сценамъ, спрашивали, за что повѣсили ихъ господъ, когда они не сопротивлялись? Самозванецъ отвѣчалъ, что хотя отъ него и не было дано приказанія вѣшать, но что теперь того уже не воротишь". (Н. Дубр. III т. VII гл.).

[6]) „Показывая, что послѣ переправы Пугачевъ двинулся на московскую дорогу, Махмутовъ и Аліевъ (Показанія пойманныхъ. Моск. Арх. Гл. Шт. оп. 47, кн. X) прибавляли, что толпа раздѣлилась на 2 части: самъ Пугачевъ съ одною частью направился къ Чебок-

образомъ сообщеніе Нижняго съ Казанью. Нижегородскій губернаторъ генералъ-поручикъ Ступишинъ писалъ къ князю Волконскому, что участь Казани ожидаетъ и Нижній, и что онъ не отвѣчаетъ и за Москву. Всѣ отряды, находившіеся въ губерніяхъ Казанской и Оренбургской, пришли въ движеніе и устремлены были противъ Пугачева. Щербатовъ изъ Бугульмы, а князь Голицынъ [7]) изъ Мензелинска, поспѣшили въ Казань; Меллинъ [8]) переправился черезъ Волгу и 19-го іюля выступилъ изъ Свіяжска; Мансуровъ изъ Яицкаго городка двинулся къ Сызрани; Муфель пошелъ къ Симбирску; Михельсонъ изъ Чебоксаръ устремился къ Арзамасу, дабы пресѣчь Пугачеву дорогу къ Москвѣ [9])...

Но Пугачевъ не имѣлъ уже намѣренія итти на старую столицу. Окруженный отовсюду войсками правительства, не довѣряя своимъ

сарамъ, а другая часть пошла въ чувашскія селенія и помѣщичьи жительства". (Id). Слѣдовательно раздѣленіе состоялось до вступленія въ Цывильскъ.

7) Кн. Голицынъ, задержанный гористой мѣстностію и столкновеніями съ башкирцами, только къ 12 іюля пришелъ въ Уфу, 14-го двинулся къ Нагайбаку, а оттуда къ Заинску. Онъ писалъ главнокомандующему (въ рап. отъ 19 іюля 1774 г. № 1465 Моск. Арх. Гл. Шт., оп. 47, кн. X): „изволите требовать, чтобы легкія войска впередъ отправить; я не надѣюсь, чтобы они могли передъ взять отъ пѣхоты, потому какъ оная посажена на подводахъ; а когда слишкомъ форсировать маршъ кавалеріи, то выбьется вовсе изъ силъ— уже теперь довольно изнурены" (Н. Дубр., III т. VI гл.). См. также ниже вын. 9.

8) См. 25 вын. нашу къ 7 главѣ.

9) Послѣ разгрома Казани, „первою заботою главнокомандующаго было прикрыть первопрестольную столицу отъ всякихъ покушеній мятежниковъ"... „Михельсонъ получилъ спеціально назначеніе итти на флангѣ самозванца и отрѣзать ему всѣ пути, ведущіе въ первопрестольную столицу. Выступивъ изъ Казани и двигаясь на Свіяжскъ и Чебоксары, Михельсонъ, несмотря на то, что получилъ извѣстіе о поворотѣ Пугачева на югъ и движеніи къ Алатырю, все-таки предписалъ гр. Меллину не итти прямо по слѣдамъ мятежнической толпы, а имѣть ее всегда въ лѣвой сторонѣ. Если бы Пугачевъ спустился еще на югъ и двинулся къ Симбирску, „то надѣюсь", доносилъ Михельсонъ (въ рап. кн. Щерб. отъ 21 іюля 1774. Моск. Арх. Гл. Шт., оп. 47, кн. X.), „могутъ быть употреблены другія свѣжія войска къ истребленію сихъ злодѣевъ". Такимъ свѣжимъ войскомъ могъ быть только одинъ отрядъ подполк. Муфеля, слѣдовавшаго съ Самарской линіи къ Казани (431 чел. пѣхоты, 76 драгунъ и 4 орудія). Казанск. губ. фонъ-Брандтъ просилъ убѣдительно кн. Щербатова направить этотъ отрядъ прямо къ Симбирску на перерѣзъ пути самозванцу (Письмо Брандта кн. Щербатову отъ 20 іюля 1774 г. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. X.). Такое направленіе было бы совершенно правильнымъ и вполнѣ соотвѣтствовало тогдашней обстановкѣ. Соединившись съ симбирскимъ гарнизономъ, подп. Муфель могъ остановить мятежниковъ, преслѣдуемыхъ гр. Меллинымъ и угрожаемыхъ съ фланга отрядомъ Михельсона. Совокупными дѣйствіями 3 отрядовъ Пугачевъ могъ быть прижатъ къ р. Волгѣ и поставленъ въ крайне затруднительное положеніе. Чѣмъ болѣе онъ подвигался на югъ, тѣмъ рѣка становилась шире, а переправа затруднительнѣе. Къ сожалѣнію мѣра эта не могла осуществиться, такъ какъ у главнокомандующаго не было подъ руками никакихъ войскъ. Правда, что получивъ извѣстіе о переправѣ Пугачева черезъ р. Волгу, кн. Щербатовъ приказалъ Голицыну съ его отрядомъ стать въ Мензелинскѣ, части отряда ген.-м. Мансурова перейти изъ Яицкаго городка въ Сызрань, а подп. Муфелю повернуть къ Симбирску и слѣдовать на подводахъ (Всеподданн. рап. кн. Щербатова отъ 22 іюля 1774 г. Тамъ же кн. IV)—но всѣ эти распоряженія были настолько запоздалыми, что Пугачевъ въ теченіе болѣе чѣмъ 3 недѣль не встрѣчалъ ни войскъ, ни сопротивленія со стороны мѣстныхъ властей и хозяйничалъ въ приволжскихъ губерніяхъ". (Н. Дубр. III т. VI гл.).

сообщникамъ, онъ уже думалъ о своемъ спасеніи; цѣль его была пробраться за Кубань или въ Персію [10]). Главные бунтовщики предвидѣли конецъ затѣянному ими дѣлу и уже торговались о головѣ своего предводителя! Перфильевъ, отъ имени всѣхъ виновныхъ казаковъ, послалъ тайно въ Петербургъ одного повѣреннаго съ предложеніемъ о выдачѣ самозванца. Правительство, однажды имъ обманутое, худо вѣрило, ему—однако вошло съ нимъ въ сношеніе ****). [11]) Пугачевъ бѣжалъ; но бѣгство его казалось нашествіемъ. Никогда успѣхи его не были ужаснѣе, никогда мятежъ не свирѣпствовалъ съ такою силою. Возмущеніе переходило отъ одной деревни къ другой, отъ провинціи къ провинціи. Довольно было появленія двухъ или трехъ злодѣевъ, чтобъ взбунтовать цѣлыя области. Составлялись отдѣльныя шайки грабителей и бунтовщиковъ, и каждая имѣла у себя своего Пугачева...

Сіи горестныя извѣстія сдѣлали въ Петербургѣ глубокое впечатлѣніе и омрачили радость, произведенную окончаніемъ турецкой войны и заключеніемъ славнаго Кучукъ-кайнарджискаго мира. Императрица, недовольная медлительностью князя Щербатова, еще въ началѣ іюля рѣшилась отозвать его и поручить главное началь-

****) За сообщеніе бумагъ, обнаруживающихъ сношеніе Перфильева съ правительствомъ (обстоятельство вовсе неизвѣстное), обязаны мы благодарностію А. П. Галахову, внуку капитана гвардіи, на коего правительствомъ возложены были въ то время важныя порученія.

[10]) Г. Дубровинъ сообщаетъ, что пойманные мятежники единогласно показывали, что самозванецъ намѣренъ итти на Нижній, по просьбѣ яицкихъ казаковъ. Отойдя верстъ 15 отъ Волги и встрѣтивъ чувашей, увѣрявшихъ, что Нижній сильно укрѣпленъ и что въ городѣ много войскъ, а изъ Свіяжска на Цивильскъ идетъ отрядъ правительственныхъ войскъ, Пугачевъ отказался отъ намѣренія итти по направленію къ Москвѣ. Онъ говорилъ: „Нѣтъ, дѣтушки, потерпите, не пришло еще мое время“... „Теперь же я намѣренъ итти на Донъ, тамъ меня нѣкоторые знаютъ и примутъ съ радостію“. Казаки принуждены были согласиться съ мнѣніемъ своего повелителя, тѣмъ болѣе, что толпа ихъ состояла не болѣе какъ изъ 400 человѣкъ. Въ это время Пугачевъ легко могъ быть уничтоженъ, если бы главнокомандующій былъ на мѣстѣ дѣйствій и не выпустилъ войскъ изъ своихъ рукъ. (III т. VI гл.).

[11]) Перфильевъ не посылалъ въ Петербургъ съ предложеніемъ сдать самозванца. Правительство было введено въ обманъ Долгополовымъ, назвавшимся яицкимъ казакомъ Евстафіемъ Трифоновымъ, посланнымъ отъ Аѳанасія Перфильева и отъ 324 яицкихъ казаковъ. Евстафій Трифоновъ Долгополовъ, разорившійся ржевскій купецъ, рѣшился воспользоваться смутою и поправить свои дѣла. Онъ явился къ Пугачеву, когда самозванецъ былъ передъ Осою, и съ тѣхъ поръ оставался при немъ, выдавая себя за присланнаго отъ вел. кн. Павла Петровича. Послѣ бѣгства Пугачева изъ Казани Долгополовъ счелъ выгоднымъ выдать Пугачева правительству, сочинилъ письмо къ кн. Г. Г. Орлову отъ имени Перфильева съ 324 казаками и съ этимъ письмомъ явился въ началѣ августа 1774 года въ Петербургѣ кн. Г. Г. Орлову. Орловъ представилъ его императрицѣ, которая бесѣдовала съ Долгополовымъ, одарила его и согласилась по его условіямъ наградить казаковъ за выдачу Пугачева. Долгополовъ былъ отправленъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ капитаномъ л.-гв. Преображенскаго полка Галаховымъ, которому назначено было выдать до 33.400 р. Императрица не жалѣла денегъ, „чтобъ купить народный покой“. Обманъ Долгополова удался вполнѣ. (Id. гл. IV и IX). Пушкинъ, пользуясь указаннымъ имъ въ примѣчаніи матеріаломъ, очевидно не зналъ объ обманѣ Долгополова.

ство надъ войскомъ князю Голицыну [12]). Курьеръ, ѣхавшій съ симъ указомъ, остановленъ былъ въ Нижнемъ-Новѣгородѣ по причинѣ небезопасности дороги. Когда же государыня узнала о взятіи Казани и о перенесеніи бунта за Волгу, тогда она уже думала сама ѣхать въ край, гдѣ усиливалось бѣдствіе и опасность, и лично предводительствовать войскомъ. Графъ Никита Ивановичъ Панинъ успѣлъ уговорить ее оставить сіе намѣреніе. Императрица не знала, кому предоставить спасеніе отечества. Въ сіе время вельможа, удаленный отъ двора и подобно Бибикову бывшій въ немилости, графъ Петръ Ивановичъ Панинъ †) самъ вызвался принять на себя подвигъ, недовершенный его предшественникомъ. Екатерина съ признательностію увидѣла усердіе благороднаго своего подданнаго, и графъ Панинъ, въ то время, какъ вооруживъ своихъ крестьянъ и дворовыхъ, готовился итти на встрѣчу Пугачеву, получилъ въ своей деревнѣ повелѣніе принять главное начальство надъ губерніями, гдѣ свирѣпствовалъ мятежъ, и надъ войсками, туда посланными. Такимъ образомъ покоритель Бендеръ пошелъ войною противу простаго казака, четыре года тому назадъ безвѣстно служившаго въ рядахъ войска, ввѣреннаго его начальству.

20-го іюля Пугачевъ подъ Курмышемъ переправился вплавь черезъ Суру. Дворяне и чиновники бѣжали. Чернь встрѣтила его на берегу съ образами и хлѣбомъ. Ей прочтенъ возмутительный манифестъ. Инвалидная команда приведена была къ Пугачеву. Маіоръ Юрловъ, начальникъ оной, и унтеръ-офицеръ, коего имя къ сожалѣнію не сохранилось, одни не захотѣли присягнуть и въ глаза обличали самозванца. Ихъ повѣсили и мертвыхъ били нагайками. Вдова Юрлова спасена была ея дворовыми людьми. Пугачевъ велѣлъ раздать чувашамъ казенное вино, повѣсилъ нѣсколько дворянъ, приведенныхъ ему крестьянами ихъ, и пошелъ къ Ядринску [13]), оставя

†) Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, генералъ-аншефъ, орденовъ Св. Андрея первой степени кавалеръ и проч., сынъ генералъ-поручика Ивана Васильевича, родился въ 1721 году. Началъ службу свою подъ начальствомъ фельдмаршала графа Миниха; въ 1736 году находился при взятіи Перекопа и Бахчисарая. Во время семилѣтней войны служилъ генералъ-маіоромъ и былъ главнымъ виновникомъ успѣха Франкфуртскаго сраженія. 1762 года пожалованъ онъ въ сенаторы. 1769 назначенъ онъ былъ главнокомандующимъ второй арміи. 1770 взяты имъ Бендеры; въ томъ же году вышелъ онъ въ отставку. Возмущеніе Пугачева вызвало снова Панина изъ уединенія на поприще трудовъ политическихъ. Онъ скончался въ Москвѣ въ 1789 году, на 69 году отъ рожденія.

[12]) Уже извѣстіе о томъ, что Пугачевъ оставилъ позади себя большую часть войскъ, высланныхъ для его преслѣдованія, и приближается къ р. Камѣ было крайне непріятно императрицѣ. Приписывая прорывъ самозванца въ Казанскую губернію оплошности и бездѣятельности главнокомандующаго кн. Щербатова, императрица приказала отозвать его ко двору, а вмѣсто него былъ назначенъ, 8 іюля, главнокомандующимъ кн. П. М. Голицынъ. (Указъ военной коллегіи отъ 8 іюля. Моск. Арх. Гл. Шт. опись 47, кн. V) (Н. Дубр. III т. VIII гл.).

[13]) Направляясь къ Курмышу, Пугачевъ получилъ извѣстіе, что жители находящагося на пути городка Ядрина (а не Ядринска) приготовились къ сопротивленію и не намѣрены впускать мятежниковъ. По совѣту поручика Лихутина они вооружились поголовно. *Пугачевъ счелъ лучшимъ обойти Ядринъ*, но отдѣлившаяся отъ него толпа стала приближаться къ городу. Поручикъ Лихутинъ, послѣ напутственнаго

городъ подъ начальствомъ четырехъ яицкихъ казаковъ и давъ имъ въ распоряженіе шестьдесятъ приставшихъ къ нему холопьевъ. Онъ оставилъ за собою малую шайку для задержанія графа Меллина. Михельсонъ, шедшій къ Арзамасу, отрядилъ Харина къ Ядринску, куда спѣшилъ и графъ Меллинъ. Пугачевъ, узнавъ о томъ обратился къ Алатырю, но прикрывая свое движеніе, послалъ къ Ядринску шайку, которая и была отбита воеводою и жителями, а послѣ сего встрѣчена графомъ Меллинымъ и совсѣмъ разсѣяна. Меллинъ поспѣшилъ къ Алатырю, мимоходомъ освободилъ Курмышъ, гдѣ повѣсилъ нѣсколькихъ мятежниковъ, а казака, назвавшагося воеводою, взялъ съ собою, какъ языка. Офицеры инвалидной команды, присягнувшіе самозванцу, оправдывались тѣмъ, что присяга дана была ими не отъ искренняго сердца, но для наблюденія интереса ея Императорскаго Величества. „А что мы, писали они Ступишину, передъ Богомъ и всемилостивѣйшею государынею нашей нарушили присягу и тому злодѣю присягали, въ томъ приносимъ наше христіанское покаяніе и слезно просимъ отпущенія сего нашего невольнаго грѣха; ибо не иное насъ къ сему привело, какъ смертный страхъ". Двадцать человѣкъ подписали сіе постыдное извиненіе.

Пугачевъ стремился съ необыкновенною быстротою, отряжая во всѣ стороны свои шайки. Не знали, въ которой находился онъ самъ. Настичь его было невозможно: онъ скакалъ проселочными дорогами, забирая свѣжихъ лошадей, и оставлялъ за собою возмутителей, которые въ числѣ двухъ, трехъ и не болѣе пяти разъѣзжали безопасно по селеніямъ и городамъ, набирая всюду новыя шайки. Трое изъ нихъ явились въ окрестностяхъ Нижняго-Новгорода; крестьяне Демидова связали ихъ и представили Ступишину. Онъ велѣлъ ихъ повѣсить на баркахъ и пустить внизъ по Волгѣ, мимо бунтующихъ береговъ [11]).

27-го іюля Пугачевъ вошелъ въ Саранскъ. Онъ былъ встрѣченъ не только чернымъ народомъ, но духовенствомъ и купечествомъ ††)...

---

††) Въ Саранскѣ архимандритъ Александръ принялъ Пугачева съ крестомъ и евангеліемъ и во время молебствія, на ектеніи, упомянулъ государыню Устинію Петровну. Архимандритъ преданъ былъ гражданскому суду въ Казани. 13 октября 1774 года въ полдень приведенъ онъ былъ въ оковахъ въ соборъ. Его повели въ алтарь и возложили на него полное облаченіе. Солдаты съ примкнутыми штыками стояли у сѣверныхъ дверей. Протопопъ и протодьяконъ поставили его посреди церкви во всемъ облаченіи и въ оковахъ. Послѣ обѣдни былъ онъ выведенъ на площадь; ему прочли его вины. Послѣ того сняли съ него ризы, обрѣзали волосы и бороду, надѣли мужицкій армякъ и сослали на вѣчное заточеніе. Народъ былъ въ ужасѣ и жалѣлъ о преступникѣ. Въ указѣ велѣно было вывести Александра въ одеждѣ монашеской. Но Потемкинъ (Павелъ Сер-

---

молебна, переправился съ вооруженнымъ населеніемъ за Суру, имѣлъ горячее дѣло съ мятежниками и отбросилъ ихъ отъ города. Потерпѣвъ неудачу подъ Ядриномъ, толпа потянулась по слѣдамъ самозванца къ Курмышу. (Id. VII гл.).

[11]) Описаніе движенія Пугачева и его шаекъ за Волгой, а также поступокъ крестьянъ Демидова и расправа Ступишина заимствованы Пушкинымъ изъ „Прибавленія втораго" (продолженіе лѣт. Рычкова). Вообще же движенія и дѣйствія Пугачева послѣ бѣгства изъ Казани разсказаны у Рычкова очень кратко, и Пушкинъ мало пользовался имъ, имѣя другіе болѣе полные источники.

Триста человѣкъ дворянъ, всякаго пола и возраста, были имъ тутъ повѣшены [16]); крестьяне и дворовые люди стекались къ нему толпами. Онъ выступилъ изъ города 30-го. На другой день Меллинъ вошелъ въ Саранскъ, взялъ подъ караулъ прапорщика Шахмаметева, посаженнаго въ воеводы отъ самозванца, также и другихъ важныхъ измѣнниковъ духовнаго и дворянскаго званія, а черныхъ людей велѣлъ высѣчь плетьми подъ висѣлицею.

Михельсонъ изъ Арзамаса устремился за Пугачевымъ [17]). Муфель изъ Симбирска спѣшилъ ему же навстрѣду. Меллинъ шелъ по его пятамъ. Такимъ образомъ три отряда окружали Пугачева. Князь Щербатовъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія войскъ изъ Башкиріи, дабы отправить подкрѣпленіе дѣйствующимъ отрядамъ, и самъ хотѣлъ спѣшить за ними, но получа указъ отъ 8-го іюля, сдалъ начальство князю Голицыну [18]) и отправился въ Петербургъ.

Между тѣмъ Пугачевъ приблизился къ Пензѣ. Воевода Всеволожскій нѣсколько времени держалъ чернь въ повиновеніи и далъ время дворянамъ спастись. Пугачевъ явился передъ городомъ. Жители вышли къ нему навстрѣчу съ иконами и хлѣбомъ и пали предъ нимъ на колѣна. Пугачевъ въѣхалъ въ Пензу. Всеволожскій, оставленный городскимъ войскомъ, заперся въ своемъ домѣ съ двѣнадцатью дворянами и рѣшился защищаться. Домъ былъ зажженъ;

гѣевичъ) отступилъ отъ сего, для большаго эффекта. *(Прим., не включ. Пушкинымъ въ изд.* [15]).

---

[15]) На основаніи письма архимандрита Платона Любарскаго къ Н. Н. Бантышъ-Каменскому отъ 16 октября, вѣроятно доставленнаго Пушкину Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ и находящагося теперь въ Гос. Арх., VI, д. № 527.

[16]) Въ Саранскѣ Пугачевъ повѣсилъ предводителя дворянства, отставного ген.-м. Сипягина, и 62 человѣка помѣщиковъ и дворянъ, приведенныхъ крестьянами (Рапортъ подпоруч. Иванова генералу Брандту отъ 4 авг. 1774 г. Гос. Арх. VI д. № 489). (Id.).

[17]) Пришедъ 25 іюля въ село Сундырь, Михельсонъ узналъ, что Пугачевъ точно пошелъ къ Алатырю. Ранѣе Михельсонъ не вѣрилъ, что Пугачевъ пошелъ на югъ, и полагалъ, что онъ дѣлаетъ „маску", и считалъ за долгъ „остерегать сторону отъ Москвы" (Рапортъ кн. Щербатову отъ 22 іюля 1774 г. Моск. Арх. Гл. Шт., оп. 47, кн. X). Пересѣкая всѣ главнѣйшія дороги къ Москвѣ и пройдя лѣвѣе г. Арзамаса, Михельсонъ направился на село Починки съ намѣреніемъ повернуть на Саранскъ и слѣдовать по пятамъ Пугачева. 30 іюля Михельсонъ получилъ извѣстіе, что Пугачевъ идетъ на Арзамасъ. Михельсонъ тотчасъ же повернулъ назадъ къ Арзамасу и уже подходя къ городу узналъ, что извѣстіе было ложное. (Рап. Михельсона кн. Щербатову 1 авг. 1774 г. Тамъ же, VI д. № 490). Будучи останавливаемъ на каждомъ шагу шайками бунтующихъ „богомерзкихъ обывателей", которые старались „брать другъ у друга преимущества своими варварскими поступками", Михельсонъ не могъ итти по пятамъ Пугачева, тѣмъ болѣе что Ступишинъ настаивалъ на необходимости усмирить прежде всего Нижегородскую губернію. „Я боюсь", писалъ Ступишинъ Михельсону (отъ 31 іюля 1774 г. Тамъ же), „дабы злодѣй, завезши деташементы всѣ отсель, не сдѣлалъ обороту къ Нижнему или на московскую дорогу: первое потому важно, что здѣсь великія тысячи на судахъ бурлаковъ прибывшихъ и отъ времени въ другое пребывающихъ, а московская дорога не менѣе важна своихъ ради причинъ". (Н. Дубр. III т., VII гл.).

[18]) Указъ и рескриптъ были получены только въ концѣ іюля, и кн. П. М. Голицынъ могъ вступить въ командованіе войсками лишь 1 августа (Всеподд. рапортъ Кн. Голицына 2 авг. 1774 г. Военно-учен. Арх., отд. I, д. № 104, А, листъ 290) (Id VIII гл.)

храбрый Всеволожскій погибъ съ своими товарищами [19]); казенные и дворянскіе домы были ограблены. Пугачевъ посадилъ въ воеводы господскаго мужика [20]) и пошелъ къ Саратову.

Узнавъ о занятіи Пензы, саратовское начальство стало дѣлать свои распоряженія.

Въ Саратовѣ находился тогда Державинъ. Онъ отряженъ былъ (какъ мы уже видѣли) въ село Малыковку, дабы оттуда пресѣчь дорогу Пугачеву, въ случаѣ побѣга его на Иргизъ. Державинъ, извѣстясь о сношеніяхъ Пугачева съ киргизъ-кайсаками, успѣлъ отрѣзать ихъ отъ кочующихъ ордъ по рѣкамъ Узенямъ и намѣревался итти на освобожденіе Яицкаго городка, но былъ предупрежденъ генераломъ Мансуровымъ. Въ концѣ іюля прибылъ онъ въ Саратовъ, гдѣ чинъ гвардіи поручика, рѣзкій умъ и пылкій характеръ доставили ему важное вліяніе на общее мнѣніе.

1-го августа Державинъ, обще съ главнымъ судіею конторы опекунства колонистовъ Лодыжинскимъ, потребовалъ саратовскаго коменданта Бошняка для совѣщанія о мѣрахъ, кои должно было предпринять въ настоящихъ обстоятельствахъ [21]). Державинъ утверждалъ, что около конторскихъ магазиновъ, внутри города, должно было сдѣлать укрѣпленія, перевезти туда казну, лодки на Волгѣ сжечь, по берегу разставить батареи и итти навстрѣчу Пугачеву. Бошнякъ не соглашался оставить свою крѣпость и хотѣлъ держаться за городомъ. Спорили, горячились, и Державинъ, вышедъ изъ себя, предлагалъ арестовать коменданта [22]). Бошнякъ остался непоколебимъ,

---

[19]) О гибели Всеволожскаго г. Дубровинъ сообщаетъ иначе. Въ трехдневное пребываніе Пугачева подъ Пензою толпа его разсыпалась по всему уѣзду небольшими шайками, которыя предавались грабежу и насилію и быстро увеличивались. Предводители шаекъ разсылали указы самозванца, приказывавшіе вязать помѣщиковъ, везти ихъ въ Пензу или убивать на мѣстѣ. Такихъ несчастныхъ впослѣдствіи было насчитано до 150 семействъ или 600 человѣкъ. Воевода Всеволожскій, его товарищъ Гуляевъ, офицеры Суровцовъ и Слѣпцовъ были захвачены въ домѣ помѣщика Кандалаева и отправлены въ Пензу, но по дорогѣ въ дер. Скачки были сожжены живыми. (Id. X гл.).

[20]) Воеводы въ Пензѣ Пугачевъ не назначилъ, но поручилъ содержать городъ подъ вѣдѣніемъ и почитаться главнымъ командиромъ секундъ-маіору Гаврилѣ Герасимову, произведенному самозванцемъ въ полковники. (Id.).

[21]) Управляющій конторою иностранныхъ поселенцевъ, статскій совѣтникъ М. М. Ладыженскій, служилъ прежде въ инженерномъ вѣдомствѣ и былъ бригадиромъ. По недавнему назначенію на свою должность, онъ самъ называлъ себя человѣкомъ новымъ, но считалъ себя старше полковника Бошняка, саратовскаго коменданта. Ладыженскій смотрѣлъ на себя, какъ на первое лицо въ городѣ, и былъ обиженъ, что астраханскій губернаторъ П. Н. Кречетниковъ, отъѣзжая изъ Саратова, поручилъ все правленіе по городу воинскихъ дѣлъ коменданту полк. И. К. Бошняку. По мнѣнію г. Дубровина, пререканія, возникшія между Ладыженскимъ и примкнувшимъ къ нему Г. Р. Державинымъ съ Бошнякомъ, были причиною печальныхъ событій, совершившихся въ Саратовѣ. Ни Ладыженскій, ни Державинъ не захотѣли подчиниться коменданту. Пренебреженіе противниковъ къ полк. Бошняку ввело Пушкина въ неточность: Ладыженскій не могъ *потребовать* саратовскаго коменданта для совѣщанія. Совѣщаніе, о которомъ упоминаетъ Пушкинъ, было уже вторымъ по иниціативѣ Ладыженскаго и состоялось въ опекунской конторѣ, коей членомъ былъ Ладыженскій (III т. гл. XI) (см. нашу выноску 23).

[22]) Обширность города отнимала всѣ способы „сдѣлать такое укрѣпленіе, которое бы въ короткое время въ оборонительное состояніе приведено быть

повторяя, что онъ ввѣренной ему крѣпости и Божіихъ церквей покинуть на расхищеніе не хочетъ[23]). Державинъ, оставя его, пріѣхалъ въ магистратъ: предложилъ, чтобы всѣ обыватели поголовно явились на земляную работу къ мѣсту, назначенному Ладыжинскимъ. Бошнякъ жаловался; но никто его не слушалъ[24]). Памятни-

могло, да и военной команды на закрытіе онаго столько же недостаточно, сколько и артиллеріи". Какъ бывшій инженеръ, Ладыженскій составилъ еще 24 іюля, при первомъ совѣщаніи, проектъ укрѣпленія, о которомъ сообщаетъ Пушкинъ, а полк. Бошнякъ обѣщалъ выслать на работу городскихъ обывателей. (Id).

[23]) Для разъясненія дѣйствій коменданта Бошняка приводимъ извлеченіе изъ книги г. Дубровина. 25 іюля комендантъ получилъ увѣдомленіе отъ кн. Щербатова, что 15 іюля Пугачевъ разбитъ Михельсономъ, что онъ пробирается преслѣдуемый гр. Меллиномъ къ Курмышу и Ядрину, и что городу Саратову „опасности быть не можетъ", такъ какъ со стороны Сызрани и Самары кн. Щербатовъ приказалъ „обратить для перехваченія сего изверга стоящія тамъ войска" (предписаніе кн. Щербатова полк. Бошняку отъ 22 іюля 1774 г. М. Арх. Гл. Шт. оп. 47., кн. IV). Нѣсколько поспѣшное заключеніе кн. Щербатова о безопасности Саратова опровергалось полученнымъ въ тотъ же день извѣстіемъ изъ Пензы, что Пугачевъ съ толпою до 2000 чел. появился въ виду г. Алатыря и приближается къ этому городу. Кому вѣрить— Бошнякъ не зналъ, и затѣмъ рѣшилъ не приступать къ возведенію укрѣпленія до разъясненія обстоятельствъ (Рапортъ полк. Бошняка ген. Кречетникову отъ 26 іюля 1774 г. Гос. Арх. VI, д. № 454). Онъ вѣрилъ болѣе сообщенію главнокомандующаго и, имѣя въ виду, что большинство населенія занято необходимыми полевыми работами, отложилъ нарядъ рабочихъ для укрѣпленія города. Когда до города дошелъ слухъ, что Пугачевъ прошелъ Алатырь и занялъ Саранскъ, находившійся не далѣе 300 верстъ отъ Саратова, Бошнякъ успѣлъ собрать наскоро до 40 чел. и отправить ихъ на работу укрѣпленія. Но успѣхъ работъ не отвѣчалъ принятому рѣшенію построить укрѣпленіе въ кратчайшій срокъ. Ладыженскій собралъ второй совѣтъ, на которомъ присутствовалъ и комендантъ. Постановленіе этого совѣта устраняло самостоятельность коменданта и лишало его первенства въ защитѣ города, ему порученной. Тогда комендантъ отказался принять участіе въ постройкѣ укрѣпленія и совѣтовалъ возобновить прежній городской валъ, обнести его снаружи рвомъ съ палисадомъ, построить на немъ батареи, а впереди рва накидать рогатки. Бошнякъ доказывалъ, что если городъ будетъ защищенъ, то и провіантскіе магазины будутъ цѣлы. Онъ требовалъ, чтобы Ладыженскій осмотрѣлъ съ нимъ городской валъ, и просилъ прислать до 20 чел. рядовыхъ изъ мастерской артиллерійской команды, состоящей при опекунствѣ иностранныхъ поселенцевъ, для исправленія пушекъ и лафетовъ, поврежденныхъ во время пожара (бывшаго въ началѣ 1774). Предоставляя опекунству построить небольшое укрѣпленіе у магазиновъ, полк. Бошнякъ говорилъ, что оставить городъ безъ защиты онъ не можетъ потому, „что церкви Божіи будутъ обнажены, къ тому же острогъ съ колодниками и не малое число вина останется на расхищеніе злодѣямъ". Ладыженскій и Державинъ отправились къ Бошняку для совѣщанія. Они предлагали теперь возвести укрѣпленіе внутри города, которое заключило бы въ себѣ: соборъ, женскій монастырь, Никольскую и Казанскую церкви, домъ соляной конторы, воеводскую канцелярію съ острогомъ и винные погреба. Но Бошнякъ отказался его принять, доказывая, что тогда пришлось бы сломать многіе дома, „дабы удобнѣе по непріятелю пальбу производить„ (въ рапортѣ Кречетникову отъ 1 авг. 1774 г. Гос. Арх., VI, д. № 454), оставляя же эти дома, дали бы непріятелю подойти безнаказанно къ укрѣпленію и укрываться въ нихъ. Не обращая вниманія на дерзкія письма Ладыженскаго и Державина (письмо Державина см. въ приложеніяхъ), полк. Бошнякъ 30 іюля отправился къ Ладыженскому, и старался доказать ему, что лучше перенести укрѣпленіе на московскую дорогу. Вновь избираемое мѣсто для укрѣпленія изобиловало водою и находилось на прямомъ пути наступленія мятежниковъ и имѣло болѣе важное значеніе, чѣмъ построенное въ сторонѣ и вдали отъ города у провіантскихъ магазиновъ. Ла-

комъ сихъ споровъ осталось язвительное письмо Державина къ упрямому коменданту †††).

4-го августа узнали въ Саратовѣ, что Пугачевъ выступилъ изъ Пензы и приближается къ Петровску. Державинъ потребовалъ отрядъ донскихъ казаковъ и пустился съ ними въ Петровскъ, дабы вывезти оттуда казну, порохъ и пушки [25]). Но, подъѣзжая къ городу, услышалъ онъ колокольный звонъ и увидѣлъ передовыя толпы мятежниковъ, вступающія въ городъ, и духовенство, вышедшее къ нимъ навстрѣчу съ образами и хлѣбомъ. Онъ поѣхалъ впередъ съ есауломъ и двумя казаками и, видя, что болѣе дѣлать было нечего, пустился съ ними обратно къ Саратову [26]). Отрядъ его остался на дорогѣ, ождиая Пугачева. Самозванецъ къ нимъ подъѣхалъ въ сопровожденіи своихъ сообщниковъ. Они приняли его, стоя на колѣнахъ. Услыша отъ нихъ о гвардейскомъ офицерѣ, Пугачевъ тутъ же перемѣнилъ

†††) См. Приложенія.

дыженскій не согласился съ доказательствами коменданта и объявилъ, что не дастъ ни своихъ командъ, ни мастеровъ для исправленія городскихъ орудій. (Рапортъ полк. Бошняка ген. Кречетникову отъ 30 іюля 1774 г. Гос. Арх., VI, д. № 454). (Id.).

24) Державинъ явился въ магистратъ 1-го августа.—Желая увеличить своихъ сторонниковъ, Ладыженскій и Державинъ пригласили въ присутствіе, помимо Бошняка, его подчиненныхъ, которые подъ руководствомъ Ладыженскаго и Державина совѣтовались, „чтобы къ безопасности здѣшняго города и къ спасенію жителей и ихъ имѣнія сдѣлать учрежденія“. Постановленіе было подписано и отправлено къ коменданту. Бошнякъ подписать это постановленіе отказался. Ладыженскій и его компанія строили свое укрѣпленіе, а Бошнякъ успѣлъ возобновить очень небольшую часть городского вала и устроить нѣсколько батарей. „Мѣры, принятыя обѣими сторонами“, пишетъ г. Дубровинъ, „не имѣли никакого значенія въ военномъ отношеніи. и благодаря спорамъ, городъ остался беззащитнымъ“. Строго обвиняетъ онъ Ладыженскаго и „пылкаго юношу“ Державина за то, что они оба, „какъ люди военные, обязанные знать, что начальникъ или комендантъ въ городѣ есть полный распорядитель и хозяинъ, которому подчиняются всѣ команды и жители“, вступили въ споръ съ комендантомъ и вмѣшивались не въ свое дѣло. Бошняка же обвиняетъ г. Дубровинъ въ томъ, что не рѣшившись на энергическія мѣры противъ Ладыженскаго и Державина, онъ „далъ средство развиться безпорядкамъ, далъ случай Ладыженскому и Державину написать постыдныя для нихъ письма и подорвалъ въ глазахъ городскаго населенія свое значеніе и власть“. (Id).

25) Воеводскій товарищъ Буткевичъ написалъ (3 авг.) изъ Петровска Державину, чтобъ онъ немедленно командировалъ въ Петровскъ „человѣкъ доста“. Державинъ рѣшился въ тотъ же день исполнить это требованіе и притомъ лично присоединиться къ командѣ. Еще на первомъ совѣщаніи, происходившемъ въ Саратовѣ 24 іюля, Державинъ обязался дать свою команду для разъѣздовъ къ сторонѣ Петровска и, въ случаѣ приближенія Пугачева, присоединить ее къ саратовскому отряду. Но такъ какъ команда его оставалась въ Малыковкѣ, онъ выпросилъ изъ опекунской конторы 100 человѣкъ донскихъ казаковъ съ есауломъ Фоминымъ. 4 числа, рано утромъ, Державинъ пустился въ путь вмѣстѣ съ маіоромъ Гогелемъ, добровольно присоединившимся къ нему. Цѣлью поѣздки было вывести изъ Петровска не только казну и дѣла, но также пушки и порохъ, узнать силы Пугачева и „подать саратовскимъ властямъ примѣръ рѣшимости“. (Соч. Державина, Я. Грота, 8 т. VI гл.). Г. Дубровинъ сообщаетъ, что команда донскихъ казаковъ состояла изъ 60 человѣкъ (III т. X гл.).

26) Верстахъ въ 20 отъ Петровска онъ узналъ отъ встрѣчнаго мужика, что мятежники уже только въ 5 верстахъ отъ города. Державинъ остановился, чтобы послать погоню за отправленнымъ наканунѣ (3 авг.) отрядомъ съ поруче-

лошадь, и взявъ въ руки дротикъ, самъ съ четырьмя казаками поскакалъ за нимъ въ погоню. Одинъ изъ казаковъ, сопровождавшихъ Державина, былъ заколотъ Пугачевымъ [27]). Державинъ успѣлъ добраться до Саратова, откуда на другой день выѣхалъ вмѣстѣ съ Лодыжинскимъ, оставя защиту города на попеченіе осмѣяннаго имъ Бошняка ††††) [29]).

5-го августа Пугачевъ пошелъ къ Саратову. Войско его состояло изъ трехсотъ яицкихъ казаковъ и ста пятидесяти донскихъ, приставшихъ къ нему наканунѣ, и тысячъ до десяти калмыковъ, башкирцевъ, ясачныхъ татаръ, господскихъ крестьянъ и всякой сволочи. Тысячъ до двухъ были кое-какъ вооружены; остальные шли съ топорами вилами и дубинами. Пушекъ было у него тринадцать [30]).

††††) Показанія казаковъ Ѳомина и Лепелина. Они не знаютъ имени гвардейскиго офицера, съ ними отряженнаго къ Петровску, но Бошнякъ въ своемъ донесеніи именуетъ Державина.

ніемъ заготовлять по станціямъ ему лошадей. Гогель вызвался ѣхать къ отряду, желая развѣдать, въ какомъ числѣ приближающаяся толпа. Нагнавъ казаковъ, онъ отрядилъ 4 человѣка къ Петровску. Они долго пропадали; вернувшись, сознались, что были у Пугачева. Прочіе объявили, что они поѣдутъ къ мнимому государю. Гогель, опасаясь быть схваченнымъ, поспѣшилъ уѣхать. Есаулъ Фоминъ спасся, прибѣгнувъ къ хитрости. Гогель и есаулъ прискакали къ Державину, крича: „Казаки измѣнили, спасайтесь“! Державинъ вмѣстѣ съ ними поскакалъ къ Саратову. (Соч. Державина Я. Грота, 8, т. VI гл.). Г. Дубровинъ строго осуждаетъ Державина какъ за то, что онъ не самъ поѣхалъ къ своей командѣ, а предпочелъ отправить Гогеля, такъ и за то, что онъ, хотя и былъ съ незначительнымъ отрядомъ, но не вступилъ въ бой съ мятежниками и, оставивъ отрядъ, спасся бѣгствомъ (III т. X гл.).

[27]) Въ руки мятежниковъ попалъ только слуга Державина, гусаръ изъ польскихъ конфедератовъ. Онъ не былъ убитъ, но захваченъ людьми Пугачева (Соч. Державина, Я. Грота 8 т. VI гл.).

[28]) По мнѣнію академика Я. К. Грота, „Пушкинъ въ первый разъ сообщилъ довольно вѣрныя, но не совсѣмъ точныя свѣдѣнія объ экспедиціи Державина подъ Петровскъ“. (Id.).

[29]) Въ запискахъ своихъ Державинъ говоритъ, что выпросилъ у артиллеріи маіора Семанжа роту, которая не имѣла офицера, и намѣренъ былъ сражаться въ общихъ рядахъ, но поздно вечеромъ (5 авг.) получилъ донесеніе своего повѣреннаго Герасимова, что собранные на помощь Саратову 500 чел. крестьянъ начали волноваться. Державинъ въ ту же ночь отправился въ село Чердынь, гдѣ находилось его ополченіе, а на утро 6 августа полк. Бошнякъ узналъ, что и Ладыженскій сѣлъ на судно съ денежною казною, съ письменными дѣлами и со всею конторою. Бошнякъ могъ считать теперь себя единственнымъ распорядителемъ по защитѣ, хотя въ условіяхъ крайне невыгодныхъ: силы его были ничтожны, позиція слаба, и оборонялась небольшимъ числомъ орудій на дурныхъ лафетахъ (Н. Дубр., III т. XI гл.).

[30]) Толпа Пугачева простиралась до 4 т. человѣкъ съ 13 орудіями. Вооруженныхъ было не болѣе 2 т. человѣкъ, а остальные „съ вилами, чекушками, дрючьемъ, а прочіе и безо всего“. Близъ самаго города, передъ Московскими воротами, за укрѣпленіемъ, имѣвшимъ впереди ровъ и рогатки, стоялъ полк. Бошнякъ съ 30 офицерами и 180 рядовыми саратовскаго баталіона. 150 человѣкъ плохо вооруженныхъ разночинцевъ, собранныхъ купечествомъ, расположилось на правомъ флангѣ между укрѣпленіемъ и Соколовой горой. По предписанію Ладыженскаго, артиллеріи маіоръ Семанжъ, присоединивъ къ себѣ волжскихъ и оставшихся донскихъ казаковъ, выступилъ съ фузилерною ротою противъ Пугачева. Семанжъ долженъ былъ стараться разбить Пугачева и до Саратова не допустить, въ случаѣ же неудачи соединиться съ отрядомъ полк. Бошняка и дѣйствовать по его указанію. Въ отрядѣ Семанжа было 397 человѣкъ. (Id.).

6-го Пугачевъ пришелъ къ Саратову и остановился въ трехъ верстахъ отъ города.

Бошнякъ отрядилъ саратовскихъ казаковъ для поимки языка [31]), но они передались Пугачеву. Между тѣмъ обыватели тайно подослали къ самозванцу купца Кобякова съ измѣнническими предложеніями. Бунтовщики подъѣхали къ самой крѣпости, разговаривая съ солдатами. Бошнякъ велѣлъ стрѣлять. Тогда жители, предводительствуемые городскимъ головою Протопоповымъ [32]), явно возмутились и приступили къ Бошняку, требуя, чтобъ онъ не начиналъ сраженія и ожидалъ возвращенія Кобякова. Бошнякъ спросилъ, какъ осмѣлились они безъ его вѣдома вступить въ переговоры съ самозванцемъ? Они продолжали шумѣть. Между тѣмъ Кобяковъ возвратился съ возмутительнымъ письмомъ. Бошнякъ, выхвативъ его изъ рукъ измѣнника, разорвалъ и растопталъ, а Кобякова велѣлъ взять подъ караулъ. Купцы пристали къ нему съ просьбами и угрозами, и Бошнякъ принужденъ былъ имъ уступить и освободить Кобякова. Онъ однако приготовился къ оборонѣ. Въ это время Пугачевъ занялъ Соколову гору, господствующую надъ Саратовомъ, поставилъ батарею и началъ по городу стрѣлять. По первому выстрѣлу крѣпостные казаки и обыватели разбѣжались. Бошнякъ велѣлъ выпалить изъ мортиры; но бомба упала въ пятидесяти саженяхъ. Онъ обошелъ свое войско и всюду увидѣлъ уныніе, однако не терялъ своей бодрости. Мятежники напали на крѣпость. Онъ открылъ огонь и уже успѣлъ ихъ отразить, какъ вдругъ триста артиллеристовъ, выхватя изъ-подъ пушекъ клинья и фитили, выбѣжали изъ крѣпости и передались [33]). Въ это время самъ Пугачевъ кинулся съ горы на крѣпость. Тогда Бошнякъ съ однимъ саратовскимъ баталіономъ рѣшился продраться сквозь толпы мятежниковъ [34]). Онъ приказалъ маіору Салманову выступить съ первою половиной баталіона, но замѣтя въ немъ робость или готовность измѣнить, отрѣшилъ его отъ начальства. Маіоръ Бутыринъ заступился за него. Бошнякъ вторично оказалъ слабость: онъ оставилъ Салманова при его мѣстѣ, и обратясь ко второй половинѣ баталіона, приказалъ распускать знамена и выходить изъ укрѣпленій. Въ сію минуту Салмановъ передался, и Бошнякъ остался съ шестидесятью человѣками офицеровъ и солдатъ [35]). Храбрый Бошнякъ съ этою горстью людей высту-

---

[31]) Бошнякъ выслалъ саратовскихъ казаковъ и приказалъ имъ отхватить мелкія партіи непріятеля, подъѣзжавшія къ городу для рекогносцировки. (Id.).

[32]) Бургомистръ Матвѣй Протопоповъ. (Id.).

[33]) При первыхъ выстрѣлахъ съ Соколовой горы жители начали перебѣгать на сторону самозванца. Находившійся на крайней батареѣ съ 12 канонирами прапорщикъ Сосинъ подошелъ къ Царицынскимъ воротамъ и кричалъ городничему, чтобы тотъ ихъ отворилъ. Мятежники хлынули въ отворенныя ворота и разсыпались по городу. Появленіе мятежниковъ въ городѣ вызвало всеобщую панику: стоявшіе за укрѣпленіемъ пахотные солдаты и вооруженные разночинцы бѣжали въ толпу; ихъ примѣру послѣдовали стоявшіе при опекунствѣ иностранныхъ колонистовъ 357 чел. солдатъ 1-го фузилернаго артиллерійскаго полка, вышедшіе изъ укрѣпленія подъ предлогомъ вылазки, и подъ начальствомъ своихъ офицеровъ передались непріятелю (Id.).

[34]) Видя измѣну, полк. Бошнякъ рѣшился *отступить* (Id.).

[35]) Бошнякъ остался съ маіоромъ Семанжемъ, 26-ю штабъ и оберъ-офицерами и съ 40 нижними чинами (Id.).

пилъ изъ крѣпости и цѣлые шесть часовъ сряду шелъ, пробиваясь сквозь безчисленныя толпы разбойниковъ. Ночь прекратила сраженіе [36]). Бошнякъ достигъ береговъ Волги, казну и канцелярскія дѣла отправилъ рѣкою въ Астрахань [37]), а самъ 11-го августа благополучно прибылъ въ Царицынъ.

Мятежники, овладѣвъ Саратовомъ, выпустили колодниковъ, отворили хлѣбные и соляные амбары, разбили кабаки и разграбили домы. Пугачевъ повѣсилъ всѣхъ дворянъ, попавшихся въ его руки, и запретилъ хоронить тѣла; назначилъ въ коменданты города казацкаго пятидесятника Уфимцева и 9-го августа, въ полдень, выступилъ изъ города.—11-го въ разоренный Саратовъ прибылъ Муфель [38]), а 14-го—Михельсонъ. Оба, соединясь, поспѣшили вслѣдъ за Пугачевымъ.

Пугачевъ слѣдовалъ по теченію Волги. Иностранцы, тутъ поселенные, большею частію бродяги и негодяи [39]), всѣ къ нему присоединились, возмущенные польскимъ конфедератомъ (не извѣстно, кѣмъ по имени, только не Пулавскимъ: послѣдній уже тогда отсталъ отъ Пугачева, негодуя на его звѣрскую свирѣпость) [40]). Пугачевъ составилъ изъ нихъ гусарскій полкъ. Волжскіе казаки перешли также на его сторону.

Такимъ образомъ Пугачевъ со дня на день усиливался. Войско его состояло уже изъ двадцати тысячъ. Шайки его наполняли губерніи Нижегородскую, Воронежскую и Астраханскую. Бѣглый холопъ Евсигнеевъ, назвавшись также Петромъ III, взялъ Инсару, Троицкъ, Наровчатъ и Керенскъ, повѣсилъ воеводъ и дворянъ и

---

[36]) Мятежники преслѣдовали отступавшихъ на протяженіи 6 верстъ; наступленіе ночи остановило преслѣдованіе (Id.).

[37]) Комендантъ отправилъ главнѣйшія дѣла и денежную казну, поручивъ сохраненіе ея штатной команды поручику Алексѣеву на суднѣ по Волгѣ при приближеніи Пугачева къ Саратову, и они дѣйствительно были спасены (Id.).

[38]) 11 августа прибыли въ Саратовъ отряды Муфеля и гр. Меллина. Не считая себя довольно сильными, чтобы вступить въ дѣло съ самозванцемъ, и поджидая прибытія Михельсона, они остановились въ деревнѣ, въ 55 верстахъ отъ города, но когда узнали, что Пугачевъ ушелъ изъ Саратова, то они продолжали путь (Рапортъ Михельсона гр. Панину 12 авг. 1774 г. Гос. Арх., VI, д. № 490). Графъ Панинъ поручилъ Михельсону сдѣлать замѣчаніе Муфелю и гр. Меллину за то, что не подоспѣли на помощь Саратову, и за то, что не рѣшились атаковать мятежниковъ (Ордеръ отъ 15 авг. 1774 г.) (Id.). Отряды Муфеля, гр. Меллина и Михельсона соединились верстахъ въ 80 за Саратовомъ, (Id. гл. XIII).

[39]) „Находясь еще въ Саратовѣ, Пугачевъ усилилъ свою толпу возмутившимися колонистами, которые добровольно приставали къ его толпѣ и оставались въ ней до окончательнаго разсѣянія ея. Такихъ лицъ было доставлено потомъ въ Саратовъ 432 человѣка обоего пола. Трусость ли колонистовъ или одно желаніе сохранить свои дома и имущество отъ разграбленія были причиною ихъ присоединенія къ мятежникамъ, но во всякомъ случаѣ поступокъ этотъ удивилъ правительственныхъ лицъ“ (Id. XII гл.).

[40]) Польскій конфедератъ Пулавскій, о коемъ Пушкинъ упоминается вторично въ этой главѣ, не былъ сообщникомъ Пугачева. При освобожденіи Михильсономъ Казани, Пулавскій отличился, дѣйствуя въ его отрядѣ и былъ за то награжденъ чиномъ (Всеподданнѣйшее донесеніе П. Потемкина отъ 7 авг. Гос. Арх. VI, д. № 489). При атакѣ и преслѣдованіи мятежниковъ въ сраженіи у Сальникова завода особенно отличился въ числѣ другихъ, опредѣленныхъ изъ польской службы, волонтеръ Пулавскій (Рап. Михельсона гр. П. И. Панину 29 авг. 1774 г. Тамъ же № 490) (Id. гл. XIII).

вездѣ учредилъ свое правленіе [41]). Разбойникъ Фирска подступилъ подъ Симбирскъ, убивъ въ сраженіи полковника Рычкова, заступившаго мѣсто Чернышева, погибшаго подъ Оренбургомъ при началѣ бунта; гарнизонъ измѣнилъ ему. Симбирскъ былъ спасенъ однакожъ прибытіемъ полковника Обернибѣсова. Фирска наполнилъ окрестности убійствами и грабежами [42]). Верхній и Нижній Ломовъ [43]) были ограблены и сожжены другими злодѣями. Состояніе сего обширнаго края было ужасно. Дворянство обречено было погибели. Во всѣхъ селеніяхъ на воротахъ барскихъ дворовъ висѣли помѣщики или ихъ управители †††††). Мятежники и отряды, ихъ преслѣдующіе, отнимали у крестьянъ лошадей, запасы и послѣднее имущество. Правленіе было повсюду пресѣчено. Народъ не зналъ, кому повиноваться. На вопросъ: кому вы вѣруете—Петру Ѳедоровичу или Екатеринѣ Алексѣевнѣ? мирные люди не смѣли отвѣчать, не зная, какой сторонѣ принадлежали вопрошатели.

13-го августа Пугачевъ приблизился къ Дмитріевску (Камышенкѣ) [44]). Его встрѣтилъ маіоръ Дицъ съ пятьюстами гарнизонныхъ солдатъ, тысячью донскихъ казаковъ и пятьюстами калмыковъ, предводительствуемыхъ князьями Дондуковымъ и Дербетевымъ. Сраженіе завязалось. Калмыки разбѣжались при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Казаки дрались храбро и доходили до самыхъ пушекъ, но были отрѣзаны и передались. Дицъ былъ убитъ. Гарнизонные

†††††) Въ то время изданъ былъ списокъ (еще не весьма полный) жертвамъ Пугачева и его товарищей (Пушкинъ приложилъ этотъ списокъ).

---

[41]) „Въ трехдневное пребываніе Пугачева въ Алатырѣ силы его быстро возрасли, и движеніе по одному пути представляло неудобства относительно прокормленія. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было уклоненіе въ стороны небольшихъ партій, предводителями коихъ явились наиболѣе энергическіе люди, принявшіе на себя званіе полковниковъ и даже называвшихъ себя государемъ. Такъ, въ городъ Инсаръ пріѣхали два крестьянина, изъ коихъ одинъ, Петръ Евстафьевъ (а не Евсигнеевъ) называлъ себя именемъ Петра III и требовалъ покорности. Паника была такъ сильна, что двое прибывшихъ заставили воеводу бѣжать, а городъ покориться“. Изъ Инсара Евстафьевъ пошелъ уже съ шайкой на Троицкъ, Краснослободскъ, Темниковъ и приблизился къ Ардатову. Въ Керенскъ же прибыла команда изъ 12 человѣкъ подъ начальствомъ вахмистра, говорившаго по-польски и объявившаго, что онъ команды государя Петра III и посланъ за инсарскимъ воеводою. Керенскій воевода бѣжалъ. (Н. Дубр. III т. X гл.).

[42]) Вблизи Симбирска бродилъ съ шайкой своей крестьянинъ Фирсъ Ивановъ. Вышедшій на пораженіе этой толпы, симбирскій комендантъ Рычковъ былъ разбитъ 26 августа подъ Карсунемъ и самъ поплатился жизнію. (Id. XV гл.). Разбойникъ и другіе эпитеты очень часто сопровождаютъ имена мятежниковъ какъ въ частныхъ, такъ и оффиціальныхъ сообщеніяхъ о нихъ; Пушкинъ удержалъ этотъ эпитетъ при имени мятежника Фирса.

[43]) *Нижній* Ломовъ подвергся нападенію шайки мятежниковъ. (Id. X и XV гл.).

[44]) „Съ толпою до 5000 человѣкъ Пугачевъ, *11* августа подошелъ къ *Камышину* (Дмитріевску) и занялъ его. Впереди города встрѣтили самозванца 30 царицынскихъ казаковъ, которые были въ разъѣздахъ, и добровольно пристали къ его толпѣ. Жители вышли съ хлѣбомъ и солью, а духовенство—съ крестами. Комендантъ Меллинъ заперся въ крѣпости и, не стрѣляя, ожидалъ рѣшенія своей участи. Предводимые атаманомъ Овчинниковымъ мятежники разбили ворота, ворвались въ крѣпость и убили коменданта“... „Въ Камышинѣ присоединились къ самозванцу 600 человѣкъ малороссійскихъ казаковъ,

солдаты со всѣми пушками были взяты [45]). Пугачевъ ночевалъ на мѣстѣ сраженія, на другой день занялъ Дубовку [46]) и двинулся къ Царицыну.

Въ семъ городѣ, хорошо укрѣпленномъ, начальствовалъ полковникъ Цыплетевъ. Съ нимъ находился храбрый Бошнякъ [47]). 21-го августа Пугачевъ подступилъ съ обыкновенною дерзостію. Отбитый съ урономъ, онъ удалился за восемь верстъ отъ крѣпости [48]). Противъ него выслали полторы тысячи донскихъ казаковъ; но только четыреста возвратились: остальные передались [49]).

и отсюда Пугачевъ разослалъ по станицамъ волжскаго войска своихъ посланныхъ съ требованіемъ, чтобы казаки покорились его власти". Всѣ встрѣчавшіеся на пути Пугачева волжскіе казаки присоединялись къ нему. (О ихъ измѣнѣ Пушкинъ сообщилъ выше). (Id. XII гл.).

[45]) Здѣсь Пушкинъ ошибочно внесъ не совсѣмъ точное описаніе боя 16 августа на р. Пролейкѣ, гдѣ уже послѣ взятія Камышина Пугачевъ встрѣтился съ войскомъ, предводительствуемымъ кн. Дундуковымъ, и гдѣ былъ убитъ маіоръ Дицъ, начальствовавшей 1-й легкой полевою командою. Кн. Дундуковъ имѣлъ 3000 калмыковъ, которые частію передались на сторону непріятеля, частію бѣжали; къ кн. Дундукову присоединился Ѳ. Кутейкинъ съ своимъ полкомъ (300 чел. донскихъ казаковъ). Во время сраженія мятежники отрѣзали казаковъ отъ легкой полевой команды и подавили ихъ своею численностію. Кутейкинъ оставилъ сраженіе и съ нѣсколькими человѣками нагналъ въ 20 верстахъ полковн. кн. Дундукова съ 25 калмыками. Маіоръ Дицъ отбивался одинъ на полѣ сраженія, построивъ свою команду въ каре, и былъ окруженъ мятежниками, густую толпу которыхъ ему не удалось прорвать. (Id.).

[46]) Дубовку Пугачевъ занялъ 17 августа. Дубовка—главный пунктъ тогдашняго волжскаго войска, поселеннаго по берегу Волги и Иловли для охраненія этой мѣстности. Дубовка сдалась, получивъ извѣстіе, что отрядъ кн. Дундукова разбитъ. Пробывъ 3 дня вблизи Дубовки, самозванецъ двинулся далѣе. Въ лагерѣ на р. Пичугѣ Пугачевъ принималъ и дарилъ калмыцкаго владѣльца Цендера, пришедшаго къ нему съ 3000 подвластныхъ калмыковъ. (Id.).

[47]) „Значительный, по населенію, городъ Царицынъ былъ средоточіемъ управленія такъ называемой Царицынской линіи, соединявшей Донъ съ Волгой и состоявшей изъ землянаго вала, тянувшагося отъ Качалинской станицы и до Царицына. На этой линіи, кромѣ Царицына, находилось 3 крѣпостцы и 1 редутъ, защищаемые всего 300 человѣкъ при 12 мѣдныхъ и 61 чугунныхъ орудій"... „Появленіе Пугачева подъ Оренбургомъ заставило Циплетева принять мѣры къ наблюденію за луговою стороною Волги. Разставивъ казачьи посты противъ станицъ Волжскаго войска, Циплетевъ протянулъ ихъ внизъ по Волгѣ до Чернаго-Яра, а у Ахтубинскаго шелковаго завода поставилъ заставу изъ пѣхоты при 1 орудіи... На главнѣйшихъ путяхъ были устроены заставы"... Съ уходомъ полевой команды фонъ-Дица изъ Царицына, въ городѣ остались четыре гарнизонныхъ роты и 300 человѣкъ вооруженныхъ жителей. Гарнизонъ былъ усиленъ небольшою командою Бошняка, прибывшею изъ Саратова. Донцы шли къ Царицыну по вызову Циплетева, но на пути встрѣтились (20 авг.) съ мятежниками и на р. Мечетной атаковали ихъ. Полковникъ Ѳ. Кутейкинъ былъ раненъ, полки поколебались, и многіе стали уходить къ мятежникамъ (до 400 казаковъ). Прибывшую половину донскихъ казаковъ Циплетевъ убѣдилъ быть стойкими. (Id. XIII гл.).

[48]) Канонада, начавшаяся въ половинѣ второго часа дня, продолжалась до седьмого часа вечера. Осажденные подбили одну изъ непріятельскихъ батарей и взорвали зарядный ящикъ. Послѣ этого бой прекратился, и мятежники скрылись за высотами. Царицынъ былъ спасенъ и былъ первымъ городомъ на Волгѣ, не допустившимъ себя до разграбленія самозванцемъ (Id.).

[49]) Пушкинъ ошибся сообщая о 1500 донскихъ казаковъ, высланныхъ противъ Пугачева послѣ его удаленія отъ Царицына. Очевидно, тутъ надо признать неточное свѣдѣніе о тѣхъ полкахъ, которые встрѣтились съ мятежниками на р. Мечетной. (См. выше 47 выноску нашу).

На другой день Пугачевъ подступилъ къ городу со стороны Волги и былъ опять отбитъ Бошнякомъ [50]). Между тѣмъ услышалъ онъ о приближеніи отрядовъ и поспѣшно сталъ удаляться къ Сарептѣ.

Михельсонъ, Муфель и Меллинъ прибыли 20-го въ Дубовку, а 22-го вступили въ Царицынъ [51]).

Пугачевъ бѣжалъ по берегу Волги. Тутъ онъ встрѣтилъ астронома Ловица и спросилъ, что онъ за человѣкъ. Услыша, что Ловицъ наблюдалъ теченіе свѣтилъ небесныхъ, онъ велѣлъ его повѣсить поближе къ звѣздамъ. Адъюнктъ Иноходцевъ, бывшій тутъ же, успѣлъ убѣжать.

Пугачевъ отдыхалъ въ Сарептѣ цѣлыя сутки, скрываясь въ своемъ шатрѣ съ двумя наложницами ††††††). Семейство его находилось тутъ же. Онъ пустился внизъ къ Черному Яру. Михельсонъ шелъ по его пятамъ. Наконецъ, 25-го на разсвѣтѣ, онъ настигнулъ Пугачева въ ста пяти верстахъ отъ Царицына [52]).

Пугачевъ стоялъ на высотѣ, между двумя дорогами. Михельсонъ ночью обошелъ его и сталъ противу мятежниковъ. Утромъ Пугачевъ опять увидѣлъ передъ собою своего грознаго гонителя, но не смутился, а смѣло пошелъ на Михельсона, отрядивъ свою пѣшую сволочь [53]) противу донскихъ и чугуевскихъ казаковъ, стоящихъ по обоимъ крыламъ отряда [54]). Сраженіе продолжалось не долго. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ разстроили мятежниковъ. Михельсонъ на нихъ ударилъ. Они бѣжали, брося пушки и весь обозъ. Пугачевъ, переправясь черезъ мостъ, напрасно старался ихъ удержать: онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ ними [55]). Ихъ били и преслѣдовали сорокъ верстъ.

---

††††††) См. Benjamin Bergmann's nomadische Streifereien u. s. w.

---

[50]) Къ Царицыну Пугачевъ подступалъ только разъ, и со стороны Волги съ Бошнякомъ дѣла не имѣлъ. Но Бошняку были поручены всѣ иррегулярныя команды казаковъ и калмыковъ, находившіяся внутри царицынскаго укрѣпленія во время нападенія мятежниковъ. (Н. Дубр. III т. XIII гл.).

[51]) „Изъ заднихъ толпы разъѣздовъ узналъ“, показывалъ Пугачевъ (4 ноября 1774 г. Гос. Арх. VI, д. № 512), „что подходитъ воинская команда, и думалъ, что идетъ кн. Голицынъ или Михельсонъ, коихъ онъ оробѣлъ, потому что надежныхъ въ его толпѣ людей осталось, т. е. яицкихъ казаковъ, мало. А хотя другой сволочи число людей (было) и велико, то они только услыша о Голицынѣ и Михельсонѣ, то сробѣютъ и разбѣгутся и стоять противъ ихъ не станутъ; то онъ уклоняясь отъ драки, и пошелъ, оставя Царицынъ, мимо, ибо прямое его намѣреніе было, чтобъ дошедъ до Чернаго-Яра итти прямо въ Яицкій городокъ и тутъ зимовать“. О такомъ намѣреніи Пугачева знали только близкіе его пособники: Овчинниковъ и Давилинъ. Толпѣ же своей самозванецъ „разглашалъ, что будто бы зимовать идетъ въ Астрахань, для того, что толпа его охотнѣе итти туда хотѣла. На Яикъ бы охотниковъ итти было мало, кромѣ яицкихъ казаковъ, а донскіе и волжскіе казаки, да царицынскіе совсѣмъ бы отъ него отстали, равно заводскіе и боярскіе крестьяне“... (Id.).

[52]) О приближеніи Михельсона Пугачевъ узналъ, остановившись вечеромъ 24 августа у Сальникова завода, и тотчасъ же приготовился къ оборонѣ (Id).

[53]) Пугачевъ выставилъ въ одну линію всѣ свои 24 орудія, за которыми и расположилъ пѣхоту. При появленіи Михельсона, Пугачевъ открылъ огонь изъ всѣхъ орудій и двинулъ впередъ пѣхоту. (Id.).

[54]) Войска Михельсона, построенныя въ боевомъ порядкѣ, имѣли въ центрѣ пѣхоту... (Id).

[55]) Атака чугуевцевъ и донцовъ была настолько стремительна, что пѣхотѣ почти не пришлось дѣйствовать. Мятежники, „будучи всѣ въ крайней ро-

Пугачевъ потерялъ до четырехъ тысячъ убитыми и до семи тысячъ взятыми въ плѣнъ. Остальные разсѣялись [56]). Пугачевъ въ семидесяти верстахъ отъ мѣста сраженія переплылъ Волгу выше Черноярска на четырехъ лодкахъ и ушелъ на луговую сторону не болѣе, какъ съ тридцатью казаками. Преслѣдовавшая его конница опоздала четвертью часа. Бѣглецы, не успѣвшіе переправиться на лодкахъ, бросились вплавь и перетонули [57]).

Сіе пораженіе было послѣднимъ и рѣшительнымъ. Графъ Панинъ, прибывшій въ то время въ Керенскъ [58]), послалъ въ Петербургъ радостное извѣстіе, отдавъ въ донесеніи своемъ полную справедливость быстротѣ, искусству и храбрости Михельсона. Между тѣмъ новое, важное лицо является на сценѣ дѣйствія: Суворовъ прибылъ въ Царицынъ.

Еще при жизни Бибикова государственная коллегія, видя важность возмущенія, вызывала Суворова, который въ то время находился подъ стѣнами Силистріи; но графъ Румянцовъ не пустилъ его, дабы не подать Европѣ слишкомъ великаго понятія о внутрен-

---

бости, не старались удерживать храброе стремленіе войскъ и чрезъ короткое время, уступая свое мѣсто, показали тылъ. Хотя злодѣй, будучи позади своей толпы, и старался словами своими остановить оную и поощрять къ сопротивленію, но столь великъ былъ во всѣхъ страхъ, что ни мало не слушая его словъ, разсыпались во всѣ стороны". (Показаніе Творогова 27 окт. 1774. Гос. Арх., VI, д. № 505). (Id.).

56) Всѣ орудія мятежниковъ были захвачены и бѣгущіе преслѣдованы по разнымъ направленіямъ болѣе 40 верстъ (Сообщеніе донской канцеляріи ген.-м. Потапову 2 сент. 1774 г. Моск. Гл. Шт., оп. 47, кн. IV).—Почти тѣ же цыфры убитыхъ и плѣнныхъ и у г. Дубровина.—Въ этомъ сраженіи Пугачевъ лишился самаго близкаго къ нему человѣка, атамана Овчинникова, пропавшаго безъ вѣсти (Id.).

57) Разбитый подъ Сальниковымъ заводомъ, Пугачевъ бѣжалъ съ толпою не болѣе 400 человѣкъ (по показанію Творогова въ толпѣ было 200 яицкихъ казаковъ и человѣкъ 200 разночинцевъ). Верстахъ въ 17 отъ Чернаго-Яра онъ остановился и совѣтовался съ нѣкоторыми изъ сообщниковъ, куда бѣжать; Пугачевъ думалъ бѣжать въ Моздокъ, но его отговорили, и онъ рѣшился перейти черезъ Волгу на Ахтубу рѣку и итти чернями (морской берегъ) близъ моря по ватагамъ къ Яику рѣкѣ. „Пришедши на Яикъ", говорилъ Пугачевъ, „мы пойдемъ на Трухменскій кряжъ; тамъ у меня есть знакомые владѣльцы. Черезъ ихъ землю, хотя трудно, но пройдемъ въ Персію; тамъ у меня есть ханы знакомые, и хотя они разорены, однако мнѣ помогутъ" (Показаніе казака Василія Горскаго. Гос. Арх. VI, № 463). Поворотивъ къ Волгѣ, они захватили нѣсколько лодокъ на берегу и у рыбаловов; переправлялись, кто въ лодкѣ, а кто вплавь, но попали не на луговой берегъ, а на островъ, раздѣлявшій теченіе Волги на-двое. Бѣглецы дали вздохнуть на островѣ усталымъ лошадямъ, а между тѣмъ авангардъ преслѣдующихъ войскъ появился уже на нагорномъ берегу. Пугачевъ сѣлъ въ лодку и съ небольшимъ числомъ приближенныхъ переправился на луговую сторону. Остальные переправлялись съ помощію маленькихъ плотовъ *(салы)*, на которые клали платье, сѣдла, привязавъ плотъ къ хвосту лошади; казакъ переправлялся, держась самъ за гриву. Аѳанасій Перфильевъ и 40 казаковъ остались на островѣ за усталостію лошадей (Показаніе Дубровскаго 27 окт. 1774 г. Гос. Арх. VI, д. № 505). (Id. XIV гл.).

58) Пушкинъ, отнесшись сочувственно къ гр. Панину (см. выше 375 стр.), не упоминаетъ о его дѣятельности, какъ главнокомандующаго, и только здѣсь сообщаетъ о его появленіи въ Керенскѣ. Приводимъ необходимыя свѣдѣнія о дѣятельности Панина, по Н. Дубровину. Шайки мятежниковъ держали въ страхѣ города; другія маленькія шайки бродили по разнымъ направленіямъ, грабили и разоряли. Населеніе мало обращало вниманія на увѣщанія гр. Панина. Народъ говорилъ, будто онъ, какъ братъ воспитателя наслѣдника цесаревича,

нихъ безпокойствахъ государства. Такова была слава Суворова! *). По окончаніи же войны Суворовъ получилъ повелѣніе немедленно ѣхать въ Москву, къ князю Волконскому, для принятія дальнѣйшихъ препорученій. Онъ свидѣлся съ графомъ Панинымъ въ его деревнѣ [59]) и явился въ отрядѣ Михельсона нѣсколько дней послѣ послѣдней побѣды. Суворовъ имѣлъ отъ графа Панина предписаніе начальникамъ войскъ и губернаторамъ исполнять всѣ его приказанія. Онъ принялъ начальство надъ Михельсоновымъ отрядомъ, посадилъ пѣхоту на лошадей, отбитыхъ у Пугачева, и въ Царицынѣ переправился черезъ Волгу [60]). Въ одной изъ бунтовавшихъ деревень онъ взялъ, подъ видомъ наказанія, пятьдесятъ паръ воловъ и съ симъ запасомъ углубился въ пространную степь, гдѣ нѣтъ ни лѣса, ни воды, и гдѣ днемъ должно было ему направлять путь свой по солнцу, а ночью по звѣздамъ.

Пугачевъ скитался по той же степи. Войска отовсюду окружали его; Меллинъ и Муфель, также перешедшіе черезъ Волгу, отрѣзывали ему дорогу къ сѣверу; легкій полевой отрядъ шелъ ему навстрѣчу изъ Астрахани; князь Голицынъ и Мансуровъ преграждали

---

*) Настоящая причина, по которой Румянцовъ не захотѣлъ отпустить Суворова. была зависть, которую питалъ онъ къ Бибикову, какъ вообще ко всѣмъ людямъ, коихъ соперничество казалось ему опаснымъ. Вмѣсто Суворова послалъ онъ Щербатова. Императрица Екатерина не любила Румянцова за его низкій характеръ. *(Прим., не внесенное Пушкинымъ въ изд.)*.

ѣдетъ встрѣчать Пугачева съ хлѣбомъ-солью. Гр. Панинъ рѣшился превысить власть, предоставленную ему, и приказалъ казнить смертью въ городахъ и селахъ всѣхъ предводителей шаекъ. Озабоченный уничтоженіемъ шаекъ, чтобы не допустить въ тылу своего войска развитія мятежа, гр. Панинъ, держался на большомъ разстояніи отъ передовыхъ отрядовъ (въ Коломнѣ, Рязани, Шацкѣ, Керенскѣ, Нижнемъ-Ломовѣ, Пензѣ и Симбирскѣ) и, разобщенный съ ними возставшимъ населеніемъ, не могъ имѣть никакого вліянія на дѣйствія войскъ, а тѣмъ болѣе управлять ими. Онъ получалъ донесенія о фактахъ, уже совершившихся. (Id. XV гл.).

[59]) Суворовъ явился къ гр. Панину 24 августа, въ *селѣ Уголовѣ* (между Ряжскомъ и Моршанскомъ; онъ прискакалъ „въ одномъ только кафтанѣ, на открытой почтовой телѣгѣ". Въ тотъ же день и точно такимъ же образомъ Суворовъ, по просьбѣ главнокомандующаго, поскакалъ далѣе для принятія начальства надъ самыми передовыми отрядами (Всеподданн. донесеніе гр. Панина отъ 25 авг. 1774 г. Сборн. историч. общества т. VI. 117). (Id).

[60]) 2 сентября ген.-поручикъ Суворовъ, принявшій общее начальство надъ *всѣми отрядами*, преслѣдовавшими Пугачева, прибылъ въ Царицынъ. Онъ приказалъ полк. Михельсону переправиться черезъ Волгу и настигать „по слѣдамъ укрывательство злодѣя"; кн. Голицыну сообщено, чтобы онъ также шелъ за р. Волгу съ того мѣста, гдѣ застанетъ его это сообщеніе; Мансуровъ отправленъ съ его отрядомъ въ Дмитріевскъ съ тѣмъ, чтобы протянулъ свои посты до Саратова; кн. Багратіону приказано слѣдовать къ Царицыну и имѣть сообщеніе съ постами, находящимися въ Дмитріевскѣ, и Черномъ-Яру, гдѣ остановленъ подполк. Муфель съ своею легкою полевою командою (Рап. Суворова гр. Панину отъ 3 сент. 1774 г. Гос. Арх., VI, д. № 490. Также Записки Академіи, т. XXV, прилож. № 4, стр. 43). Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, Суворовъ отправился въ отрядъ гр. Меллина и *въ Ахтубѣ переправился черезъ Волгу*. Съ нимъ же поѣхали Галаховъ и Евстафій Трифоновъ (о нихъ см. 11 выноску нашу). Имѣя на рукахъ 43 т. руб. золотою монетою, Галахову было рискованно пуститься въ степь, и онъ рѣшился переправиться обратно черезъ Волгу, а Суворовъ нагналъ отрядъ гр. Меллина и двинулся съ нимъ къ рѣчкамъ Узенямъ (Id. XIII).

его отъ Яика[61]); Дундуковъ съ своими калмыками рыскалъ по степи; разъѣзды учреждены были отъ Гурьева до Саратова и отъ Чернаго до Краснаго Яра. Пугачевъ не имѣлъ средствъ выбраться изъ сѣтей, его стѣсняющихъ. Его сообщники, съ одной стороны видя неминуемую гибель, а съ другой—надежду на прощеніе, стали сговариваться и рѣшились выдать его правительству[62]).

Пугачевъ хотѣлъ итти къ Каспійскому морю, надѣясь какъ нибудь пробраться въ Киргизъ-кайсацкія степи. Казаки на то притворно согласились, но, сказавъ, что хотятъ взять съ собою женъ и дѣтей, повезли его на Узени, обыкновенное убѣжище тамошнихъ преступниковъ и бѣглецовъ. 14 сентября они прибыли въ селенія тамошнихъ старовѣровъ. Тутъ произошло послѣднее совѣщаніе. Казаки, не согласившіеся отдаться въ руки правительства, разсѣялись. Прочіе пошли къ ставкѣ Пугачева[64]).

Пугачевъ сидѣлъ одинъ въ задумчивости. Оружіе его висѣло въ сторонѣ. Услыша вошедшихъ казаковъ, онъ поднялъ голову и спросилъ, чего имъ надобно. Они стали говорить о своемъ отчаянномъ положеніи и между тѣмъ тихо подвигаясь, старались загоро-

---

61) Кн. Голицынъ, переправившись съ своимъ отрядомъ черезъ р. Волгу, двинулся по р. Иргизу, торопясь къ Яицкому городку, чтобы не дать возможности самозванцу вновь усилиться казаками (Рап. кн. Голицына гр. Панину, отъ 7 сент. 1774 г. Гос. Арх., VI, д. № 490). (Id.).

62) Извлечено Пушкинымъ изъ „Прибавленія втораго“ (Продолженіе лѣтоп. Рычкова), гдѣ сказано: „... сообщники его, Пугачева, узнавъ, что со всѣхъ сторонъ за ними сильные деташементы, отъ которыхъ они неминуемо окружены и стѣснены быть имѣютъ къ неизбѣжной ихъ погибели, начали для спасенія своего помышлять о поимкѣ помянутаго самозванца, дабы отдачею онаго отъ себя сколько-нибудь облегчить свои винности, кои сказывали, что сіе намѣреніе между сообщниками Пугачева въ побѣгѣ ихъ отъ Волги продолжалось нѣсколько времени...“ У г. Дубровина (т. III, гл. XIV) находимъ подробности объ этомъ рѣшеніи сообщниковъ Пугачева. Предсѣдатель пугачевской „коллегіи“ Иванъ Твороговъ подъ тяжестію гнетущихъ событій рѣшился высказать товарищамъ свое убѣжденіе, что Пугачевъ—самозванецъ. „Какому государю мы служимъ: онъ грамотѣ не знаетъ.... Донскіе казаки называютъ его Емельяномъ Ивановымъ, и когда пришли было къ нему и на него пристально смотрѣли, то онъ рожу свою отъ нихъ отворачивалъ...“ Казаки (6 человѣкъ) согласились его связать и уговорить къ тому каждый своего пріятеля.

63) Частію извлечено Пушкинымъ изъ выноски къ „Прибавл. второму“ (Прод. лѣт. Рычкова), гдѣ передано извѣстіе, которое „одинъ капитанъ, въ Яицкомъ городкѣ при командѣ находящійся, сообщилъ въ Оренбургъ“ о побѣгѣ Пугачева отъ Царицына и поимкѣ его сообщниками. „*Самъ онъ злодѣй намѣревался, чтобъ итти въ Киргизскую орду*, чтобъ какъ оную, такъ и другіе смежные къ нимъ народы въ помощь свою привлечь и, тѣмъ усилясь, вновь тѣ жъ самыя, какія уже злодѣйства чинили, распространить; но его сообщники (всѣ они были до одного человѣка изъ яицкихъ казаковъ) на такія предложенія не соглашались, а сдали его, чтобъ ѣхать на Узени (сіе такое мѣсто, въ которомъ наилучшее для бѣглыхъ воровъ убѣжище, отстоящее отъ Яицкаго городка верстъ ста съ два).

64) На ночномъ совѣщаніи съ находившимися при немъ яицкими казаками, Пугачевъ предлагалъ итти внизъ по Волгѣ и, собравъ хлѣба на ватагахъ, пробраться къ запорожскимъ казакамъ. „Тамъ близко есть у меня знакомыхъ 2 князька: у одного наберется тысячъ съ 17, а у другого тысячъ съ десять, — они за меня вѣрно вступятся“. Большинство присутствовавшихъ знали только, что запорожцы живутъ далеко гдѣ-то, скитальческая жизнь имъ надоѣла, и они отказались

дить его отъ висѣвшаго оружія. Пугачевъ началъ опять ихъ уговаривать итти къ Гурьеву городку. Казаки отвѣчали, что они долго ѣздили за нимъ, и что уже ему пора ѣхать за ними. Что же? сказалъ Пугачевъ: вы хотите измѣнить своему государю?—Что дѣлать! отвѣчали казаки и вдругъ на него кинулись. Пугачевъ успѣлъ отъ нихъ отбиться. Они отступили на нѣсколько шаговъ. Я давно видѣлъ вашу измѣну, сказалъ Пугачевъ и, подозвавъ своего любимца, илецкаго казака Творогова, протянулъ ему свои руки и сказалъ: вяжи! Твороговъ хотѣлъ ему скрутить локти назадъ. Пугачевъ не дался. Развѣ я разбойникъ? говорилъ онъ гнѣвно. Ка-

---

слѣдовать за своимъ предводителемъ. Пугачевъ звалъ ихъ въ Сибирь, „а не то въ калмыцкую орду“. Казаки говорили: „...у насъ здѣсь отцы, матери и жены—зачѣмъ итти въ чужую землю“? Пугачевъ сердился. Твороговъ и Чумаковъ (согласившіеся выдать самозванца) предложили итти вверхъ по Волгѣ, пробираться къ Узенямъ и тамъ придумать, что дѣлать. Казаки настаивали, и Пугачевъ согласился. На слѣдующее утро толпа двинулась вверхъ по Волгѣ и шла степью цѣлыя сутки безъ воды и почти не имѣя хлѣба. Пугачевъ потребовалъ, чтобы шли къ Волгѣ; „пусть тамъ меня поймаютъ, да все-таки достанемся въ руки человѣческіе, а въ степи помремъ, какъ собаки“. Казаки повернули къ Волгѣ, при чемъ многіе татары, башкиры и разночинцы отстали и пошли степью. Въ толпѣ еще оставалось до 160 человѣкъ, изъ коихъ многіе вѣрили, что Пугачевъ истинный государь, и переговоры о выдачѣ не могли окончиться скоро. Твороговъ и Чумаковъ просили Пугачева, чтобы онъ разрѣшилъ казакамъ, потерявшимъ на пути лошадей, отобрать ихъ у разночинцевъ и послѣднихъ отпустить по домамъ. Пугачевъ съ трудомъ, но сдался на эту просьбу. Лишенія, холодъ въ степи становились невыносимыми. Кое-какъ добрались до Узеней. На утро 2 охотниковъ, возвратившись въ станъ, объявили, что недалеко нашли въ землянкахъ 2 старцевъ-отшельниковъ. Узнавъ, что у старцевъ видѣли дыни и буквы (растеніе, похоже на рѣдьку). Пугачевъ пригласилъ нѣсколько человѣкъ отправиться съ нимъ къ старцамъ. „Мы, почитая сіе мѣсто за удобнѣйшее къ произведенію нашего намѣренія“, говорилъ Твороговъ, „съ радостью согласились съ нимъ туда ѣхать...“ „Собравшись человѣкъ съ 20 надежныхъ другъ другу людей, поѣхали, вооружась... и предпріявъ совершенно исполнить тамъ свое намѣреніе, поелику злодѣй сѣлъ на посредственную лошадь...“ Когда старцы пошли съ казаками срывать дыни и буквы съ грядъ, находившихся не въ далекомъ разстояніи отъ землянокъ, съ Пугачевымъ остались 5 казаковъ, согласившихся выдать его. Чумаковъ спросилъ самозванца, куда, онъ думаетъ итти теперь. Пугачевъ отвѣчалъ: „вѣдь у насъ выдумано, куда ѣхать: на форпосты. Забравъ съ нихъ людей, пойду къ Гурьеву-городку; тутъ мы перезимуемъ, а какъ ледъ вскроется, то, сѣвши на суда, поѣдемъ за Каспійское море и тамъ подымемъ орды“. Казаки объявили, что воевать теперь не хотятъ и что лучше итти въ Яицкій городокъ. Видя настойчивость и вольность казаковъ, Пугачевъ понялъ, въ чемъ дѣло. То краснѣя, то блѣднѣя, онъ старался отговорить ихъ отъ поѣздки въ Яицкъ, но въ концѣ концовъ принужденъ былъ согласиться. Чумаковъ совѣтовалъ ему скорѣе возвратиться въ станъ. Заговорщикамъ хотѣлось скорѣе переманить его на ту сторону рѣчки, гдѣ остались ихъ лошади: они боялись, чтобы онъ отъ нихъ тутъ же не ушелъ. Когда переправились, и Чумаковъ держалъ лошадей — свою и самозванца, а Пугачевъ собирался садиться, то моментъ показался удобнымъ; и мнимаго государя окружили только люди, преданные другъ другу. „Иванъ!“ крикнулъ казакъ Федульевъ казаку Бурнову, „что задумали, то затѣвай: сними съ него саблю“. Бурновъ схватилъ Пугачева за руки выше локтей. Пугачевъ поблѣднѣлъ. Прерывающимся голосомъ увѣщевалъ ихъ: „Вѣдь вы только меня погубите, а и сами не воскреснете“. Казаки требовали, чтобы Пугачевъ добровольно отдалъ свое оружіе Бурнову. „Мнѣ безчестно отдать это тебѣ“, сказалъ самозванецъ, „а отдамъ я своему пол-

заки посадили его верхомъ и повезли къ Яицкому городку [65]). Во всю дорогу Пугачевъ имъ угрожалъ местью великаго князя. Однажды нашелъ онъ способъ высвободить руки, выхватилъ саблю и пистолетъ, ранилъ выстрѣломъ одного изъ казаковъ и закричалъ, чтобъ вязали измѣнниковъ. Но никто уже его не слушалъ [66]). Казаки, подъѣхавъ къ Яицкому городку, послали увѣдомить о томъ коменданта. Казакъ Харчевъ и сержантъ Бардовскій высланы были къ нимъ навстрѣчу, приняли Пугачева, посадили его въ колодку и привезли въ городъ, прямо къ гвардіи капитанъ-поручику Маврину, члену слѣдственной коммиссіи **) [67]).

Мавринъ допросилъ самозванца. Пугачевъ съ перваго слова открылся ему. Богу было угодно, сказалъ онъ, наказать Россію черезъ мое окаянство. — Велѣно было жителямъ собраться на городскую площадь; туда приведены были и бунтовщики, содержащіеся въ оковахъ. Мавринъ вывелъ Пугачева и показалъ его народу.

**) Мавринъ съ 1773 года находился при Бибиковѣ; онъ отряженъ былъ отъ секретной коммиссіи въ Яицкій городокъ, гдѣ и производилъ слѣдствіе. Мавринъ отличался умѣренностію и благоразуміемъ.

ковнику Федульеву". Пугачева посадили на лошадь, одинъ казакъ держалъ ея поводъ, а остальные окружили его со всѣхъ сторонъ. Они направились къ переправѣ черезъ Узень на яицкую сторону. Видѣвшій всю эту сцену одинъ изъ старцевъ одобрилъ рѣшеніе казаковъ и сообщилъ имъ, что слышалъ: въ Яицкій городокъ пріѣхалъ какой-то милостивый судья, капитанъ или маіоръ. Старецъ говорилъ о членѣ секретной коммиссіи, капитанъ-поручикѣ Саввѣ Мавринѣ (Id. XIV гл.).

[65]) Болѣе точныя свѣдѣнія о поимкѣ Пугачева по Н. Дубровину см. вын. 64.

[66]) Въ выноскѣ къ „Прибавл. второму" (Прод. лѣт. Рычкова), коей пользовался Пушкинъ, сообщено слѣдующее: ...„пріѣхавъ на Узени и отманя Пугачева отъ прочихъ далѣе, арестовали, а потомъ увезли уже до самыхъ форпостовъ подъ карауломъ, однакожъ не связаннаго, ибо-де онъ проговаривалъ, что за такое безчестіе ему, безъ наказанія оставлены они не будутъ, и яко бы *Насльдникъ за него конечно вступится*"... „Драки при заарестованія сего чудовища у его партизановъ не было; а хотя онъ въ одномъ мѣстѣ, сказываютъ, *и схватилъ-было у казака саблю и пистолетъ, приказывая главныхъ предводителей ловить и вязать, только никто уже его не слушалъ*, и смотрѣли накрѣпко, чтобъ онъ какимъ-либо образомъ не ушелъ". — О томъ, что Пугачевъ „ранилъ выстрѣломъ одного изъ казаковъ", какъ сообщаетъ здѣсь Пушкинъ, не пишетъ и г. Дубровинъ, пользовавшійся обильными источниками и излагающій подробно поимку Пугачева (см. III т. XIV гл.)

[67]) Въ „Прибавленіи второмъ" (прод. лѣт. Рычкова) сказано только: „...для привоза и пріема его, и командированъ былъ сержантъ Бордовскій, которому онъ, Пугачевъ, и отданъ былъ связанный".—Пушкинъ, упомянувъ Харчева, неточно пользовался другимъ источникомъ. Г. Дубровинъ сообщаетъ, что добравшись до Бударинскаго форпоста, Твороговъ и Чумаковъ (отправленные отъ казаковъ со вторичнымъ извѣстіемъ о поимкѣ Пугачева) встрѣтили сотника Харчева, *высланнаго изъ Яицкаго городка съ 50 казаками для разъѣздовъ*. Бывшіе пособники Пугачева объявили Харчеву, „что ѣдутъ отъ своего государя, т. е. отъ извѣстнаго злодѣя самозванца Пугачева, въ Яицкій городокъ съ раскаяніемъ, да и злодѣйскій самозванецъ у нихъ пойманъ".... Обезоруживъ ихъ, и отправивъ въ сопровожденіи своего казака въ Яицкій городокъ, самъ Харчовъ направился къ Будоринскому форпосту. Обнадеживъ сообщниковъ самозванца прощеніемъ, Харчевъ взялъ на свои руки Пугачева на Кошъ-Яицкомъ форпостѣ и передалъ его прибывшему изъ Яицкаго городка сержанту Бардовскому, который въ полночь съ 14 на 15 сентября доставилъ его въ Яицкій городокъ къ капитану Маврину. — (Рапортъ сотника Харчова полк. Симонову 15 сент. Гос. Арх., VI. д. № 490. По-

Всѣ узнали его; бунтовщики потупили голову. Пугачевъ громко сталъ ихъ уличать и сказалъ: вы погубили меня; вы нѣсколько дней сряду меня упрашивали принять на себя имя покойнаго великаго государя; я долго отрицался, а когда и согласился, то все, что ни дѣлалъ, было съ вашей воли и согласія; вы же поступали часто безъ вѣдома моего и даже вопреки моей воли. Бунтовщики не отвѣчали ни слова [68]).

Суворовъ между тѣмъ прибылъ на Узени и узналъ отъ пустынниковъ, что Пугачевъ былъ связанъ его сообщниками, и что они повезли его къ Яицкому городку. Суворовъ поспѣшилъ туда же. Ночью сбился онъ съ дороги и нашелъ на огни, раскладенные въ степи ворующими киргизами. Суворовъ на нихъ напалъ и прогналъ, потерявъ нѣсколько человѣкъ, и между ними своего адъютанта Максимовича. Черезъ нѣсколько дней прибылъ онъ въ Яицкій городокъ. Симоновъ сдалъ ему Пугачева. Суворовъ съ любопытствомъ разспрашивалъ славнаго мятежника о его военныхъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ и повезъ его въ Симбирскъ, куда долженъ былъ пріѣхать и графъ Панинъ.

Пугачевъ сидѣлъ въ деревянной клѣткѣ на двуколесной телѣгѣ [69]). Сильный отрядъ, при двухъ пушкахъ, окружалъ его. Суворовъ отъ него не отлучался. Въ деревнѣ Мостахъ (во ста сорока верстахъ отъ Самары) случился пожаръ близъ избы, гдѣ ночевалъ Пугачевъ. Его высадили изъ клѣтки, привязали къ телѣгѣ вмѣстѣ съ его сыномъ, рѣзвымъ и смѣлымъ мальчикомъ, и во всю ночь Суворовъ самъ ихъ караулилъ. Въ Коспорьѣ, противъ Самары, ночью, въ волновую погоду, Суворовъ переправился черезъ Волгу и пришелъ въ Симбирскъ въ началѣ октября [70]).

казаніе казака Ивана Федульева. Гос. Арх., VI, д. № 505. Рапортъ полк. Симонова Суворову отъ 16 сент. Гос. Арх., VI, д. № 490) (III т. XIV гл.).

68) О допросѣ Маврина Пугачеву и о появленіи Пугачева передъ народомъ сообщено у Рычкова въ выноскѣ къ „Прибавл. второму“ на основаніи „извѣстія, отъ офицеровъ въ Оренбургъ сообщеннаго“. Но подлинныхъ словъ обращенія Пугачева къ народу тамъ нѣтъ. „Когда жъ онъ отъ реченнаго капитана выведенъ былъ на площадь для показанія содержавшимся тамъ подъ карауломъ его сообщникамъ и народу, то всѣ его сообщники, посмотрѣвъ на него и признавъ его своимъ бывшимъ предводителемъ, потупили глаза свои въ землю, а онъ, Пугачевъ, публично уличалъ ихъ, что они упрашивали его нѣсколько дней принять на себя вышеозначенное званіе и быть бы ихъ предводителемъ, отъ чего онъ сперва отрицался, а наконецъ хотя къ тому и склонился, однакожъ всѣ свои поступки и злодѣйства производилъ онъ по ихъ волѣ, а многія-де злодѣйства и сами они, не сказывая ему, дѣлали“, и проч.— Г. Дубровинъ, сообщая о допросѣ, произведенномъ Мавринымъ, не пишетъ о томъ, что Пугачевъ былъ показанъ народу (III т. гл.).

69) Что Пугачевъ перевозился на телѣгѣ въ деревянной клѣткѣ, заимствовано Пушкинымъ у Рычкова („Прибавленіе второе“—прод. лѣт.). То же сообщаетъ и Антингъ (біографъ Суворова): „On l'enferma dans une cage sur une voiture à quatre roues, fait exprès pour lui, afin qu'il n'échappât point“. О такомъ же устройствѣ клѣтки писалъ П. Потемкинъ капитанъ-поручику Маврину (Н. Дубр. III т., выноска къ XVI гл.).

70) О переправѣ Суворова съ плѣннымъ Пугачевымъ г. Дубровинъ сообщаетъ слѣдующее: „... Суворовъ поручилъ ген.-маіору Мансурову устроить переправу черезъ Волгу *у Сызрани* (а не въ Коспорьѣ) „множественнымъ числомъ судовъ исправныхъ“, и подъ собственнымъ своимъ наблюденіемъ повезъ Пугачева степью, и вечеромъ 1-го ок-

Пугачева привезли прямо на дворъ къ графу Панину, который встрѣтилъ его на крыльцѣ, окруженный своимъ штабомъ. Кто ты таковъ? спросилъ онъ у самозванца.—Емельянъ Ивановъ Пугачевъ, отвѣчалъ тотъ.—Какъ же смѣлъ ты, воръ, назваться государемъ? продолжалъ Панинъ.—Я не воронъ (возразилъ Пугачевъ, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновенію, иносказательно): я вороненокъ, а воронъ-то еще летаетъ.— Надобно знать, что яицкіе бунтовщики въ опроверженіе общей молвы распустили слухъ, что между ними дѣйствительно находился нѣкто Пугачевъ, но что онъ съ государемъ Петромъ III, ими предводительствующимъ, ничего общаго не имѣетъ. Панинъ, замѣтя, что дерзость Пугачева поразила народъ, столпившійся около двора, ударилъ самозванца по лицу до крови и вырвалъ у него клокъ бороды. Пугачевъ сталъ на колѣна и просилъ помилованія [71]). Онъ посаженъ былъ подъ крѣпкій караулъ, скованный по рукамъ и по ногамъ, съ желѣзнымъ обручемъ около поясницы, на цѣпи, привинченной къ стѣнѣ. Академикъ Рычковъ, отецъ убитаго симбирскаго коменданта, видѣлъ его тутъ и описалъ свое свиданіе. Рычковъ спросилъ его, какъ могъ онъ отважиться на такія великія злодѣянія? Пугачевъ отвѣчалъ: виноватъ предъ Богомъ и государыней, но буду стараться заслужить всѣ мои вины. Говоря о своемъ сынѣ, Рычковъ не могъ удержаться отъ слезъ; Пугачевъ, глядя на него, самъ заплакалъ.

Наконецъ Пугачева отправили въ Москву [72]), гдѣ участь его должна была рѣшиться ***). Его везли въ зимней кибиткѣ, на перемѣнныхъ

***) Императрица 22-го октября 1774 года писала Вольтеру: Volontiers, Monsieur, je satisferai votre curiosité sur le compte de Pougatschef: ce me sera d'autant plus aisé, qu'il y a un mois qu'il est pris, ou pour parler plus exactement qu'il a été lié et garrotté par ses propres gens dans la plaine inhabitée entre le Volga et

---

тября доставилъ его въ Симбирскъ вмѣстѣ съ женою Софьею и несовершеннолѣтнимъ сыномъ Трофимомъ (Всеподданн. рапортъ П. Потемкина отъ 1 окт. 1774 г. Гос. Арх., VI, д. № 489).

71) Въ выноскѣ къ XVI гл. III т. г. Дубровинъ пишетъ: „Разсказъ А. С. Пушкина о встрѣчѣ гр. Панина съ Пугачевымъ намъ кажется плодомъ позднѣйшей фантазіи. Слова, приписанныя Пугачеву, несообразны ни съ характеромъ, ни со складомъ ума бывшаго самозванца, никогда не отличавшагося остротою и находчивостью. Свидѣтели-современники, присутствовавшіе при этомъ свиданіи, не упоминаютъ ни слова о такихъ отвѣтахъ. Рычковъ говоритъ: „*можетъ быть*, по привычкѣ своей или по злой натурѣ отвѣтствовалъ на вопросы его сіятельства очень; смѣло и дерзновенно“. Руничъ также не упоминаетъ объ этомъ ни слова, и намъ кажется, что пощечинами графъ Панинъ хотѣлъ показать только народу, что Пугачевъ не государь, а самозванецъ. Если бы подобный разговоръ происходилъ, то графъ Панинъ не преминулъ бы упомянуть о немъ въ своемъ донесеніи Императрицѣ“. Въ той же главѣ III т. г. Дубровинъ приводитъ слѣдующую выписку изъ письма гр. Панина къ кн. М. Н. Волконскому, написаннаго въ тотъ самый день, когда главнокомандующій впервые увидалъ Пугачева и ударилъ его: „Пугачевъ, на площади скованный, передъ всѣмъ народомъ велегласно признавался и каялся въ своемъ злодѣяніи и отвѣдалъ тутъ отъ моей распалившейся крови на его произведенныя злодѣянія нѣсколько моихъ пощечинъ, отъ которыхъ изъ своего гордаго вида тотчасъ низвергся въ порабощеніе“.

72) Изъ Симбирска Пугачевъ былъ отправленъ въ Москву 25 октября; 4 ноября прибылъ въ Москву (Н. Дубр. III т. XVIII гл.).

обывательскихъ лошадяхъ; гвардіи капитанъ Галаховъ и капитанъ Повало-Швейковскій, нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ бывшій въ плѣну у самозванца [73]), сопровождали его. Онъ былъ въ оковахъ. Солдаты кормили его изъ своихъ рукъ и говорили дѣтямъ, которыя тѣснились около его клѣтки: помните, дѣти, что вы видѣли Пугачева. Старые люди еще разсказываютъ о его смѣлыхъ отвѣтахъ на вопросы проѣзжающихъ господъ. Во всю дорогу онъ былъ веселъ и спокоенъ. Въ Москвѣ встрѣченъ онъ былъ многочисленнымъ народомъ, недавно ожидавшимъ его съ нетерпѣніемъ, и едва усмиреннымъ поимкою грознаго злодѣя. Онъ былъ посаженъ на Монетный дворъ, гдѣ съ утра до ночи въ теченіе двухъ мѣсяцевъ любопытные могли видѣть его прикованнаго къ стѣнѣ и еще страшнаго въ самомъ безсиліи. Разсказываютъ, что многія женщины падали

---

le Iaïck, où il avait été chassé par les troupes envoyées contre eux de toutes parts. Privés de nourriture et de moyens pour se ravitailler, ses compagnons excédés d'ailleurs des cruautés qu'ils commettaient et espérant obtenir leur pardon, le livrèrent au commandant de la forteresse du Iaïck qui l'envoya à Simbirsk au général comte Panine. Il est présentement en chemin pour être conduit à Moscou. Emmené devant le comte Panine, il avoua naïvement dans son interrogatoire qu'il était cosaque du Don, nomma l'endroit de sa naissance, dit qu'il était marié à la fille d'un cosaque du Don, qu'il avait trois enfants, que dans ces troubles il avait épousé une autre femme, que ses frères et ses neveux servaient dans la première armée, que lui même avait servi les deux premières campagnes contre la Porte, etc, etc.

Comme le général Panine a beaucoup de cosaques du Don avec lui, et que les troupes de cette nation n'ont jamais mordu à l'hameçon de ce brigand, tout ceci fut bientôt vérifié par les compatriotes de Pougatschef. Il ne sait ni lire, ni écrire, mais c'est un homme extrêmement hardi et déterminé. Jusqu'ici il n'y a pas la moindre trace qu'il ait été l'instrument de quelque puissance, ni qu'il ait suivi l'inspiration de qui que ce soit. Il est à supposer que Mr. Pougatschef est maître brigand, et non valet d'âme qui vive.

Je crois qu'après Tamerlan il n'y en a guère un qui ait plus détruit l'espèce humaine. D'abord il faisait pendre sans rémisson, ni autre forme de procès toutes les races nobles, hommes, femmes et enfants, tous les soldats qu'il pouvait attraper: nul endroit, où il a passé n'a été épargné, il pillait et saccageait ceux même, qui pour éviter ses cruautés, cherchaient à se le rendre favorable par une bonne réception: personne n'était devant lui à l'abri de pillage, de la violence et du meurtre.

Mais ce qui montre bien jusqu'où l'homme se flatte, qu'il ose concevoir quelque espérance. Il s'imagine qu'à cause de son courage, je pourrai lui faire grâce, et qu'il ferait oublier ses crimes passés, par ses services futurs. S'il n'avait offensé que moi, son raisonnement pourrait être juste et je lui pardonnerais. Mais cette cause est celle de l'empire qui a ses loix. (т. е.: „Охотно, М. Г., я удовлетворю Ваше любопытство относительно Пугачева: это будетъ для меня тѣмъ легче, что уже мѣсяцъ тому назадъ онъ схваченъ, или, точнѣе, что онъ былъ связанъ своими собственными людьми въ пустынной равнинѣ между Волгой и Яикомъ, куда онъ былъ загнанъ войсками, посланными противъ него отовсюду. Лишенные припасовъ и всякой возможности доставать ихъ, его сообщники, къ тому же утомленные жестокостями, которыя они производили, и надѣясь на прощеніе, выдали его

---

[73]) Г. Дубровинъ сообщаетъ, что въ Симбирскѣ Пугачевъ „былъ переданъ подъ наблюденіе и охрану *капитану Галахову*, „съ подтвержденіемъ“, доносилъ гр. Панинъ Императрицѣ отъ 3 окт. 1774 г. (Сборникъ Имп. русск. истр. общества, т. VI, стр. 155), „что въ упущеніи и поврежденіи его имѣетъ онъ животомъ своимъ передъ престоломъ вашего императорскаго величества отвѣтственность“ (Id., XVI гл.). По прибытіи Пугачева въ Москву, надзоръ за нимъ былъ порученъ кн. Волконскимъ тому же капитану Галахову (Id., XVIII гл.). Очевидно Пушкинъ заимствовалъ свѣдѣніе о Повало-Швейковскомъ изъ сомнительнаго источника.

въ обморокъ отъ его огненнаго взора и грознаго голоса [74]). Передъ судомъ онъ оказалъ неожиданную слабость духа ****). Принуждены были постепенно приготовить его къ услышанію смертнаго приговора. Пугачевъ и Перфильевъ приговорены были къ четвертованію; Чика къ отсѣченію головы; Шигаевъ, Падуровъ *****) и Торновъ къ висѣлицѣ; осьмнадцать человѣкъ къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ на

коменданту Яицкой крѣпости, который и отправилъ его въ Симбирскъ къ генералу гр. Панину. Теперь онъ на дорогѣ въ Москву. Будучи приведенъ къ гр. Панину, онъ сознался на допросѣ, что онъ — донской казакъ, назвалъ мѣсто своего рожденія, объяснилъ, что былъ женатъ на дочери донского казака, что у него было трое дѣтей, что во время бунта онъ женился на другой, что его братья и племянники служили въ первой арміи, что и самъ онъ служилъ во время двухъ первыхъ турецкихъ кампаній и т. д. и т. д. Такъ какъ ген. Панинъ имѣетъ при себѣ много донскихъ казаковъ, и такъ какъ это войско никогда не попадалось на уду этого разбойника, то все это скоро было провѣрено показаніями замляковъ Пугачева. Онъ не умѣетъ ни читать, ни писать: но это человѣкъ чрезвычайно смѣлый и рѣшительный. Донынѣ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда того, чтобы онъ былъ орудіемъ какой-нибудь державы, ни того, чтобы онъ слѣдовалъ чьимъ-либо внушеніямъ. Должно предполагать, что г. Пугачевъ разбойникъ по призванію, а не чей-нибудь слуга. — Думаю, что послѣ Тамерлана не было никого, кто бы до такой степени истреблялъ человѣческій родъ. Сначала онъ безпощадно приказывалъ вѣшать помимо всякой другой расправы всѣхъ дворянъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, всѣхъ офицеровъ и солдатъ, которые попадались въ его руки; ни одно мѣсто, гдѣ только онъ прошелъ, не было пощажено: онъ грабилъ, разорялъ даже тѣхъ, которые, избѣгая его жестокости, старались расположить его къ себѣ хорошимъ пріемомъ: никто не былъ обезпеченъ отъ его грабежа, насилія и убійствъ. Но что́ показываетъ, насколько можетъ обольщаться человѣкъ—это то, что онъ и теперь еще питаетъ надежды: онъ воображаетъ, что за его храбрость я могу пощадить его, и что онъ можетъ загладить свои прошлыя преступленія будущими заслугами. Если бы онъ былъ виноватъ только предо мною, то его разсчетъ могъ бы быть вѣренъ—и я простила бы его. Но это вопросъ государства, которое имѣетъ свои законы").

****) Le marquis de Pougatschef dont vous me parlez encore dans votre lettre du 16 décembre, a vécu en scélérat et va finir en lâche. Il a paru si timide et si faible en sa prison, qu'on a été obligé de le préparer à sa sentence avec précaution, crainte qu'il ne mourût de peur sur le champ. (т. е.: „Маркизъ Пугачевъ, о которомъ Вы опять упоминаете мнѣ въ Вашемъ письмѣ отъ 16 декабря, жилъ разбойникомъ и скоро кончитъ, какъ трусъ. Въ тюрьмѣ онъ оказался столь робкимъ и слабодушнымъ, что были принуждены приготовить его къ выслушанію приговора съ предосторожностями, чтобы онъ не умеръ внезапно отъ страха). (Письмо Императрицы къ Вольтеру, отъ 29 декабря 1774 года).

*****) Падуровъ, какъ депутатъ, въ силу привилегій, данныхъ указомъ, не могъ ни въ какомъ случаѣ быть казненнымъ смертію. Не знаю, прибѣгнулъ ли онъ во время суда къ защитѣ сего закона; можетъ быть, онъ его не зналъ; можетъ быть, судьи о томъ не подумали; тѣмъ не менѣе, казнь сего злодѣя противу закона. Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ, доказывающихъ необходимость адвокатовъ. *(Прим., не внесенное Пушкинымъ въ изд.)*.

---

74) Пугачевъ былъ привезенъ на монетный дворъ (въ Охотномъ ряду) при большомъ стеченіи народа. „Народу въ каретахъ и дамъ столько было у Воскресенскихъ воротъ", писалъ кн. Волконскій (въ письмѣ Императрицѣ отъ 4 ноября 1774 г., *Осмнадцатый вѣкъ*, кн. 1, стр. 133), „что проѣхать съ нуждою было можно, только что глядятъ на палаты. Я думаю, что они ожидали, не подойдетъ ли злодѣй къ окошку. Однакожъ зрители въ семъ обманулись, что его видѣть никакъ невозможно". Скованный по рукамъ и ногамъ, Пугачевъ сверхъ того былъ еще прикованъ и къ стѣнѣ, и потому не могъ показаться любопытнымъ зрителямъ (Н. Дубр. III т. XVIII гл.). Въ выноскѣ

каторжную работу [75]).—Казнь Пугачева и его сообщниковъ совершилась въ Москвѣ, 10-го января 1775 года. Съ утра безчисленное множество народа столпилось на Болотѣ, гдѣ воздвигнутъ былъ высокій намостъ. На немъ сидѣли палачи и пили вино въ ожиданіи жертвъ. Около намоста стояли три висѣлицы. Кругомъ выстроены были пѣхотные полки. Офицеры были въ шубахъ, по причинѣ жестокаго мороза. Кровли домовъ и лавокъ усѣяны были людьми; низкая площадь и ближнія улицы заставлены каретами и колясками. Вдругъ все заколебалось и зашумѣло; закричали: везутъ, везутъ! Вслѣдъ за отрядомъ кирасиръ ѣхали сани съ высокимъ амвономъ. На немъ съ открытою головою сидѣлъ Пугачевъ, насупротивъ его духовникъ [76]). Тутъ же находился чиновникъ тайной экспедиціи. Пугачевъ, пока его везли, кланялся на обѣ стороны. За санями слѣдовала еще конница, и шла толпа прочихъ осужденныхъ. Очевидецъ (въ то время едва вышедшій изъ отрочества, нынѣ старецъ, увѣнчанный славою поэта и государственнаго мужа) описываетъ слѣдующимъ образомъ кровавое позорище:

„Сани остановились противъ крыльца лобнаго мѣста. Пугачевъ и любимецъ его Перфильевъ, въ препровожденіи духовника и двухъ чиновниковъ, едва взошли на эшафотъ, раздалось повелительное слово: на караулъ, и одинъ изъ чиновниковъ началъ читать манифестъ. Почти каждое слово до меня доходило.

„При произнесеніи чтецомъ имени и прозвища главнаго злодѣя, также и станицы, гдѣ онъ родился, оберъ-полицеймейстеръ спрашивалъ его громко: ты ли донской казакъ Емелька Пугачевъ? Онъ столь же громко отвѣтствовалъ: такъ, государь, я донской казакъ Зимовейской станицы, Емелька Пугачевъ [77]). Потомъ, во все продолженіе чтенія манифеста, онъ, глядя на соборъ, часто крестился, между тѣмъ какъ сподвижникъ его, Перфильевъ, немалаго роста, сутулый, рябой и свирѣповидный, стоялъ неподвижно, потупя глаза въ землю. По прочтеніи манифеста духовникъ сказалъ имъ нѣсколько словъ, благословилъ ихъ и пошелъ съ эшафота. Читавшій манифестъ послѣдовалъ за нимъ. Тогда Пугачевъ, сдѣлавъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, обратился къ соборамъ,

---

(къ этой главѣ) г. Дубровинъ пишетъ: „А. С. Пушкинъ рисуетъ другую картину, не соотвѣтствующую той обстановкѣ, въ которую былъ поставленъ Пугачевъ“.

[75]) 8 человѣкъ приговорены къ наказанію кнутомъ и по вырваніи ноздрей къ отправленію на каторгу; 10 человѣкъ высѣчь кнутомъ и по вырваніи ноздрей отправить на поселеніе; 4 человѣка высѣчь плетьми (Id.).

[76]) Въ саняхъ съ высокимъ помостомъ сидѣли *Пугачевъ и Перфильевъ*, а противъ нихъ священникъ въ ризахъ и съ крестомъ въ рукахъ и чиновникъ тайной экспедиціи. По свидѣтельству очевидцевъ, Пугачевъ держалъ въ рукахъ „двѣ толстыя восковыя свѣчи изъ желтаго воска, который, отъ движенія оплывая, залѣплялъ ему руки (Преданіе о казни Пугачева, *Русск. Архивъ* 1877 г. т. II 204) (Id.).

[77]) „Видъ и образъ его, замѣчаетъ Болотовъ (*Записки*, т. III, стр. 490), показался мнѣ совсѣмъ не соотвѣтствующимъ такимъ дѣяніямъ, какія производилъ сей извергъ. Онъ походилъ не столько на звѣрообразнаго какого-нибудь лютаго разбойника, какъ на какого-либо маркитантишка или харчевника плюгаваго. Бородка небольшая, волосы всклокоченные и весь видъ ничего незначащій“ (Id.).

потомъ съ уторопленнымъ видомъ сталъ прощаться съ народомъ; кланялся на всѣ стороны, говоря прерывающимися голосомъ: прости, народъ православный; отпусти, въ чемъ я согрубилъ предъ тобою... прости, народъ православный! При семъ словѣ экзекуторъ далъ знакъ: палачи бросились раздѣвать его; сорвали бѣлый бараній тулупъ; стали раздирать рукава шелковаго малиноваго полукафтанья. Тогда онъ, сплеснувъ руками, повалился навзничъ, и вмигъ окровавленная голова уже висѣла въ воздухѣ ******).“

******) „Въ скоромъ времени по прибытіи нашемъ въ Москву, я увидѣлъ позорище, для всѣхъ чрезвычайное, для меня же и новое: смертную казнь; жребій Пугачева рѣшился. Онъ осужденъ на четвертованіе. Мѣсто казни было на такъ называемомъ Болотѣ.

„Въ цѣломъ городѣ, на улицахъ, въ домахъ, только и было рѣчей объ ожидаемомъ позорищѣ. Я и братъ нетерпѣливо желали быть въ числѣ зрителей; но мать моя долго на то не соглашалась. Наконецъ, по убѣжденію одного изъ нашихъ родственниковъ, она ввѣрила насъ ему подъ строгимъ наказомъ, чтобъ мы ни на шагъ отъ него не отходили.

„Это происшествіе такъ врѣзалось въ память мою, что я надѣюсь и теперь съ возможною вѣрностію описать его, по крайней мѣрѣ, какъ оно мнѣ тогда представлялось.

„Въ десятый день января тысяча семьсотъ семьдесятъ пятаго года, въ восемь или девять часовъ по-полуночи, пріѣхали мы на Болото; на серединѣ его воздвигнутъ былъ эшафотъ, или лобное мѣсто, вкругъ коего построены были пѣхотные полки. Начальники и офицеры имѣли знаки и шарфы сверхъ шубъ, по причинѣ жестокаго мороза. Тутъ же находился и оберъ-полицеймейстеръ Архаровъ, окруженный своими чиновниками и ординарцами. На высотѣ или помостѣ лобнаго мѣста увидѣлъ я съ отвращеніемъ въ первый разъ исполнителей казни. Позади фрунта все пространство Болота или, лучше сказать, низкой лощины, всѣ кровли домовъ и лавокъ, на высотахъ съ обѣихъ сторонъ ея, усѣяны были людьми обоего пола и различнаго состоянія. Любопытные зрители даже вспрыгивали на козлы и запятки каретъ и колясокъ. Вдругъ все восколебалось и съ шумомъ заговорило: везутъ, везутъ! Вскорѣ появился отрядъ кирасиръ, за нимъ необыкновенной высоты сани, и въ нихъ сидѣлъ Пугачевъ; насупротивъ духовникъ его и еще какой-то чиновникъ, вѣроятно, секретарь тайной экспедиціи; за санями слѣдовалъ еще отрядъ конницы.

„Пугачевъ, съ непокрытою головою, кланялся на обѣ стороны, пока везли его. Я не замѣтилъ въ чертахъ лица его ничего свирѣпаго. На взглядъ онъ былъ сорока лѣтъ, роста средняго, лицомъ смуглъ и блѣденъ; глаза его сверкали; носъ имѣлъ кругловатый, волосы, помнится, черные, и небольшую бороду клиномъ.

„Сани остановились противъ крыльца лобнаго мѣста. Пугачевъ и любимецъ его Перфильевъ, въ препровожденіи духовника и двухъ чиновниковъ, едва взошли на эшафотъ; раздалось повелительное слово: на караулъ, и одинъ изъ чиновниковъ началъ читать манифестъ. Почти каждое слово до меня доходило.

„При произнесеніи чтецомъ имени и прозвища главнаго злодѣя, также и станицы, гдѣ онъ родился, оберъ-полицеймейстеръ спрашивалъ его громко: „Ты ли донской казакъ Емелька Пугачевъ?“ Онъ столь же громко отвѣтствовалъ: „Такъ, государь, я донской казакъ Зимовейской станицы, Емелька Пугачевъ“. Потомъ, во все продолженіе чтенія манифеста, онъ, глядя на соборъ, часто крестился, между тѣмъ, какъ сподвижникъ его Перфильевъ, не малаго роста, сутулый, рябой и свирѣповидный, стоялъ неподвижно, потупя глаза въ землю. (По словамъ другихъ свидѣтелей, Перфильевъ на эшафотѣ одурѣлъ отъ ужаса; можно было принять его безчувствіе за равнодушіе). По прочтеніи манифеста, духовникъ сказалъ имъ нѣсколько словъ, благословилъ ихъ и пошелъ съ эшафота. Читавшій манифестъ послѣдовалъ за нимъ. Тогда Пугачевъ сдѣлалъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, обратясь къ соборамъ; потомъ съ уторопленнымъ видомъ сталъ прощаться съ народомъ; кланялся на всѣ стороны, говоря прерывающимся голосомъ: „прости, народъ православный; отпусти мнѣ, въ чемъ

Палачъ имѣлъ тайное повелѣніе сократить мученія преступниковъ [78]). У трупа отрѣзали руки и ноги, палачи разнесли ихъ по четыремъ угламъ эшафота, голову показали уже потомъ и воткнули на высокій колъ. Перфильевъ, перекрестясь, простерся ницъ и остался недвижимъ. Палачи его подняли и казнили такъ же, какъ и Пугачева. Между тѣмъ Шигаевъ, Падуровъ и Торновъ уже висѣли въ послѣднихъ содроганіяхъ... Въ сіе время зазвенѣлъ колокольчикъ: Чику повезли въ Уфу, гдѣ казнь его должна была совершиться. Тогда начались торговыя казни; народъ разошелся; осталась малая кучка любопытныхъ около столба, къ которому одинъ подлѣ другаго привязывались преступники, присужденные къ кнуту. Отрубленные члены четвертованныхъ мятежниковъ были разнесены по московскимъ заставамъ, и нѣсколько дней послѣ сожжены вмѣстѣ съ тѣлами. Палачи развѣяли пепелъ. Помилованные мятежники были на другой день казней приведены передъ Грановитую палату. Имъ объявили прощеніе и при всемъ народѣ сняли съ нихъ оковы.

Такъ кончился мятежъ, начатый горстью непослушныхъ казаковъ, усилившійся по непростительному нерадѣнію начальства и поколебавшій государство отъ Сибири до Москвы и отъ Кубани до Муромскихъ лѣсовъ. Совершенное спокойствіе долго еще не водворялось. Панинъ и Суворовъ цѣлый годъ оставались въ усмиренныхъ губерніяхъ, утверждая въ нихъ ослабленное правленіе, возобновляя города и крѣпости и искореняя послѣднія отрасли пресѣченнаго бунта †) [79]). Въ концѣ 1775 года обнародовано было общее прощеніе и повелѣно все дѣло предать вѣчному забвенію. Екатерина, желая

я согрубилъ предъ тобою; прости, народъ православный!"—При семъ словѣ экзекуторъ далъ знакъ: палачи бросились раздѣвать его: сорвали бѣлый бараній тулупъ: стали раздирать рукава шелковаго малиноваго полукафтанья. Тогда онъ сплеснулъ руками, опрокинулся навзничь, и вмигъ окровавленная голова уже висѣла въ воздухѣ: палачъ взмахнулъ ее за волосы. Съ Перфильевымъ послѣдовало то же".—(Изъ неизданныхъ записокъ И. И. Дмитріева).

Подробности сей казни разительно напоминаютъ казнь другаго донского казака, свирѣпствовавшаго за сто лѣтъ предъ Пугачевымъ, почти въ тѣхъ же мѣстахъ и съ такими же ужасными успѣхами. См. Rélation des particularités de la rebellion de Stenko-Razin contre le grand duc de Moskovie. La naissance, le progrès et la fin de cette rebellion, avec la manière dont fut pris ce rebelle, sa sentence de mort et son exécution, traduit de l'anglois, par C. Desmares. MDCLXXXVII. Книга сія весьма рѣдка: я видѣлъ одинъ экземпляръ оной въ библіотекѣ А. С. Норова, нынѣ принадлежащей князю Н. И. Трубецкому.

†) См. Приложеніе, I.

---

[78]) По приговору, Пугачеву должны были отрубить сначала руки и ноги, а потомъ голову, но палачъ отрубилъ ему прежде всего голову и „Богу уже извѣстно, какимъ образомъ это сдѣлалось". Среди толпы зрителей раздался глухой шумъ, и слышались отдѣльные голоса: „вотъ тебѣ корона, вотъ и престолъ" (Письмо кн. Вяземскаго Г. А. Потемкину 11 Янв. 1775 г. Арх. кабинета Его Имп. Величества) (Id.). Въ выноскѣ (тутъ же) г. Дубровинъ пишетъ: „Пушкинъ говоритъ, что дано было тайное приказаніе сократить мученія преступниковъ; но на чемъ основаны эти слова — намъ неизвѣстно. Болотовъ же слышалъ, какъ экзекуторъ бранилъ за это палача".

[79]) „Независимо отъ заботъ правительства по улучшенію экономическаго быта разореннаго населенія, Пугачевскій бунтъ указалъ на многіе недостатки въ администраціи, и Императрица Екатерина намѣтила себѣ вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ и трудилась впослѣдствіи"... ... „въ числѣ первыхъ мѣръ

истребить воспоминаніе объ ужасной эпохѣ, уничтожила древнее названіе рѣки, коей берега были первыми свидѣтелями возмущенія. Яицкіе казаки переименованы были въ уральскіе, а городокъ ихъ назвался симъ же именемъ. Но слѣды страшнаго бунтовщика сохранились еще въ краяхъ, гдѣ онъ свирѣпствовалъ. Народъ живо еще помнитъ кровавую пору, которую такъ выразительно прозвалъ онъ Пугачевщиною ††).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Манифесты и указы, относящіеся къ пугачевскому бунту.

1) Собственноручный указъ Императрицы Екатерины II, данный 14-го октября 1773 года генералъ-маіору Кару.

Изъ представленныхъ Намъ рапортовъ отъ оренбургскаго и казанскаго губернаторовъ и письма къ президенту военной коллегіи отъ генералъ-аншефа князя Волконскаго усмотрѣли Мы, что бѣжавшій изъ-подъ караула, содержавшійся въ Казани бездѣльникъ, донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, онъ же и раскольникъ, учиня непростительную дерзость принятіемъ на себя имени Императора Петра III и обольстя въ жилищахъ Яицкаго войска тамошній народъ всякими

††) Общія замѣчанія. Весь черный народъ былъ за Пугачева; духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты, и архіереи. Одно дворянство было открытымъ образомъ на сторонѣ правительства. Пугачевъ и его сообщники хотѣли сперва и дворянъ склонить на свою сторону, но выгоды ихъ были слишкомъ противуположны. (NB. Классъ приказныхъ и чиновниковъ былъ еще малочисленъ и рѣшительно принадлежалъ простому народу. То же можно сказать и о выслужившихся изъ солдатъ офицерахъ. Множество изъ сихъ послѣднихъ были въ шайкахъ Пугачева. Шванвичъ одинъ былъ изъ хорошихъ дворянъ).

Всѣ нѣмцы, находившіеся въ среднихъ чинахъ, сдѣлали честно свое дѣло: Михельсонъ, Муфель, Меллинъ, Диць, Деморинъ, Дуве etc. Но всѣ тѣ, которые были въ бригадирскихъ и генеральскихъ, дѣйствовали слабо, безъ усердія: Рейнсдорпъ, Брантъ, Каръ, Фрейманъ, Корфъ, Валленштернъ, Биловъ, Декалонгъ etc. etc.

Разбирая мѣры, предпринятыя Пугачевымъ и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали средства самыя надежныя и дѣйствительныя къ достиженію своей цѣли. Правительство съ своей стороны дѣйствовало слабо, медленно, ошибочно.

Нѣтъ зла безъ добра: Пугачевскій бунтъ доказалъ правительству необходимость многихъ перемѣнъ, и въ 1775 году послѣдовало новое учрежденіе губерніямъ. Государственная власть была сосредоточена; губерніи слишкомъ пространныя раздѣлились; сообщеніе всѣхъ частей государства сдѣлалось быстрѣе etc. *(Прим., не внесенное П. въ изд.).*

было улучшеніе пространства губерній, измѣненіе администраціи губернскихъ правленій, измѣненіе началъ въ управленіи башкирцами и киргизъ-кайсаками, преобразованіе казачьихъ войскъ, переселеніе волжскихъ казаковъ на Кавказъ, уничтоженіе Запорожской Сѣчи и проч.

лживыми обѣщаніями, не только сдѣлалъ, какъ пишутъ, великое возмущеніе, но причиняетъ смертныя убійства, разореніе селеній и самыхъ крѣпостей; и хотя губернаторами, какъ оренбургскимъ, такъ и казанскимъ, и помянутымъ генералъ-аншефомъ, приняты къ захваченію его и пресѣченію всего зла возможнѣйшія мѣры, о коихъ усмотрите вы изъ копій, которыя Мы сообщить вамъ повелѣли; но дабы все оное произведено было съ лучшимъ успѣхомъ и скоростію, то повелѣваемъ вамъ, какъ—наискорѣе туда отправиться, и принявъ въ свою команду, какъ тамо находящіяся войска, такъ и отправленныхъ изъ Москвы 300 человѣкъ рядовыхъ, при генералъ-маіорѣ Фрейманѣ, да изъ Новагорода гренадерскую роту, равномѣрно жъ, если въ томъ нужду усмотрите, башкирцевъ и поселенныхъ въ Казанской губерніи отставныхъ столько, сколько надобность потребуетъ, учинить надъ онымъ злодѣемъ поискъ и стараться какъ самого его, такъ и злодѣйскую его шайку переловить и тѣмъ всѣ злоумышленія прекратить. О споспѣшествованіи вамъ во всемъ, въ чемъ только будетъ нужно, дали Мы повелѣніе Нашей военной коллегіи, и при семъ прилагаемъ къ казанскому и оренбургскому губернаторамъ отверстыя Наши повелѣнія. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ почтете вы за надобное чего либо требовать, можете учинить то именемъ Нашимъ; а башкирцамъ и поселеннымъ объявить, въ случаѣ, когда ихъ употребите, что ревностнымъ исполненіемъ по вашимъ распоряженіямъ помянутаго поиска окажутъ они Намъ новый опытъ своего усердія и пріобрѣтутъ себѣ особливое Монаршее Наше благоволеніе. Вслѣдъ за вами, Мы немедленно отправимъ увѣщательный манифестъ, который вы сами, или же обще съ губернаторами, имѣете тамъ на мѣстѣ по усмотрѣнію публиковать *).

*) Въ матеріалахъ, собранныхъ Пушкинымъ, находятся, между прочимъ, слѣдующіе манифесты Пугачева, самимъ Пушкинымъ не напечатанные и письмо Падурова.

1. Первый указъ Пугачева.

Отъ Самодержавнаго Императора Петра Өеодоровича Всероссійскаго и проч. и проч. и проч.

Симъ моимъ именнымъ указомъ въ Разсыпной крѣпости всякаго званія людямъ повелѣваю: какъ вы мои вѣрные рабы служили и покорны были напередъ сего мнѣ, будьте вѣрны и послушны, ожидать меня старайтесь къ себѣ съ истинною вѣрностью, вѣрноподданническою радостью и дѣтскою ко мнѣ, государю вашему и отчу, любовью. Потомъ старайтесь послужить вѣрно и неизмѣнно. За что жаловать васъ буду всѣхъ, въ-первыхъ: вѣчною вольностью, рѣками, лугами, всѣми выгонами, жалованьемъ, провіантомъ, порохомъ и свинцомъ, чинами и честью; а вольность, хотя и не регулярные, навѣки получите. Кто же сего моего указа не преслушаетъ, тотъ самъ узнаетъ праведный гнѣвъ противникамъ моимъ.

Подлинный подписалъ Великій Государь Петръ Третій Всероссійскій.

Такой же указъ повторенъ яицкимъ казакамъ.

Переводъ съ листа на татарскомъ языкѣ, въ Башкирію отправленнаго, учиненный октября 4 дня 1773 года.

Тысячью великій и высокій и государственный владѣтель надъ цвѣтущими селеніями, всѣмъ отъ Бога сотворенннымъ людямъ самодержецъ, тайнымъ и публичнымъ даже до твари наградитель, усердственный и въ святости искусный; милостивъ и милосердъ, сожалительное сердце имѣющій, государь императоръ Петръ Өедоровичъ, царь Россійскій, во всемъ свѣтѣ славный, въ вѣрности свять, реченнымъ разнаго рода людямъ подъ своимъ скипетромъ самодержавецъ, еще и прочихъ, и прочихъ, и прочихъ.

Время отъ времени пришедшимъ въ подданство, свѣтскому народу въ городахъ и провинціяхъ, тако жъ въ степи и въ поляхъ повелѣніямъ моимъ повиную-

2) Указъ военной коллегіи объ увольненіи генералъ-маіора Кара отъ службы.

Минувшаго 30-го ноября, Ея Императорское Величество, усмотрѣвъ изъ рапортовъ отправленнаго отсюда для нѣкоторой порученной отъ Ея Императорскаго Величества экспедиціи генералъ-маіора Кара, что въ самое то время, когда предсталъ подвигъ должному его къ службѣ усердію и мужеству, и когда не насиліе только нѣкоторое здоровью своему сдѣлать обязывали его долгъ и присяга, но, въ случаѣ неизбѣжности, не щадить и живота своего, онъ о болѣзненномъ себя сказавши припадкѣ, оставилъ извѣстной ему важности постъ, сдалъ тотчасъ порученную ему команду и самовольно отъ оной удалился; то по таковой слабости духа въ персонѣ званія его, примѣромъ для подчиненныхъ своихъ быть долженствующей, не находитъ Ея Императорское Величество прочности въ немъ къ Ея службѣ, и Высочайше указать соизволила военной коллегіи

щимся, добрымъ и худымъ людямъ моимъ, съ женами, съ дѣтьми и дочерьми, извѣстно и вѣдомо да будетъ — сіи мои указы публиковать во всѣхъ странахъ, живущимъ въ деревняхъ, въ пути проѣзжающимъ, и въ деревняхъ по каждой улицѣ вездѣ распространяя – вездѣ разглашать повелѣвъ, показывать нужнымъ моимъ людямъ жадное, радостное: мои милости. Для отворенія у высочайшаго моего двора дверей съ посланцемъ башкирскимъ моимъ областямъ старшинѣ и деревенскимъ старикамъ большимъ и меньшимъ заблаговременно повелѣніе посылается съ моимъ поздравленіемъ. Тако жъ съ другихъ странъ заблуждая и претерпѣвая нужду и печаль находящіеся, да и сбоку вспомня меня и услыша о моемъ имени—пріѣзжающимъ, желающимъ быть въ моемъ подданствѣ, какимъ образомъ и чѣмъ отцы и прадѣды ваши издревле предкамъ отца моего и прежнимъ дядьямъ и теткамъ служили, проливая кровь и непріятелямъ сопротивляясь, пріятелямъ же помогу давали, и нынѣ такимъ же образомъ душевно усердствующей и сердечно вѣрнѣйшей и несомнительнѣйшей, дражайшей, свѣтлое лицо имѣющей, сладчайшій и честнѣйшій разговоръ имѣющей государынѣ вашей служите безъизмѣнно, не промѣняя сердца свои, повелѣніямъ бы моимъ были послушны, не вложа сердца укривленію — точно вѣрьте. Вначалѣ Богъ, а потомъ на землѣ я самъ, властительный вашъ государь, и мнѣ служить будете, не щадя живота своего, и души своя принося въ жертву, и непріятелямъ моимъ сопротивляясь къ пролитію крови при мнѣ въ готовности быть. Ибо справедливо и точно сіе есть, въ чемъ во увѣреніе ваше своеручно повсюду, а потомъ и къ вамъ указы мои разослалъ. И такъ, будете послушными, и къ сей моей службѣ преданность учините, то я вслѣдствіе первыхъ примѣровъ всѣмъ тѣмъ, что вы отъ меня и единаго Бога просите—равно пожалую, ибо всемилостивѣйшій вашъ государь я, о чемъ вѣрно знайте и вѣрьте. Отнынѣ я васъ жалую землями, водами, лѣсами, рыбными ловлямя, жилищами, покосами и лугами, хлѣбомъ, вѣрою и закономъ вашимъ, посѣвомъ, пшеномъ, пропитаніемъ, рубашками, жалованьемъ, свинцомъ, порохомъ и провіантомъ — словомъ всѣмъ тѣмъ, что вы желаете во всю жизнь вашу и будьте подобными степнымъ звѣрямъ; а происшедшія отъ васъ въ сей жизни добрыя и худыя дѣла упущаю, купно съ потомками вашими обоего пола до будущаго пришествія. Вслѣдствіе чего, исполняя повелѣніе мое, послушайте, что истинный вашъ государь самъ идетъ и съ усердіемъ и вѣрностью вашей благословенное лицо мое видѣть встрѣчайте. Уповаю на Господа: отъ худыхъ дѣлъ, чтобы сіе выдумано было—въ сердцѣ не держите никакого сомнѣнія; а когда повелѣнію господина скорымъ временемъ лицо отвратите и придете на мой гнѣвъ, тѣ мои подданные, отъ меня не ожидавъ хорошее упованіе, милосердія бъ ужъ не просили, чтобъ на нихъ мой гнѣвъ въ противность не пришелъ, для чего точно я присягаю именемъ Божіимъ, послѣ чего прощать не буду: ей-ей!

Сей мой указъ писанъ сентября въ послѣднихъ числахъ, во вторникъ начало, въ день Покрова подтвержденъ.

Доброжелатель тысячью великой и высокой единъ великой императоръ государь Петръ Ѳеодоровичъ Третій руку приложилъ.

(Переводилъ коллежскій регистраторъ Артамонъ Имановъ).

отъ оной его уволить и дать абшидъ, почему онъ изъ воинскаго стата и списка и выключенъ.

3. Манифесты 29-го ноября и 23-го декабря 1773 г. о бунтѣ казака Пугачева и о мѣрахъ, принятыхъ къ искорененію сего злодѣя.

А.—Объявляемъ всѣмъ, до кого сіе принадлежитъ. Нѣтъ, да и не можетъ быть въ свѣтѣ общества, кое не почитало бы первымъ своимъ блаженствомъ учрежденіе и сохраненіе между разными и всѣми частьми и степенями граждан внутренняго благоустройства, покоя и тишины, равно какъ нѣтъ же и бѣдственнѣйшаго пути къ разрушенію и пагубѣ обществъ, какъ внутренніе въ нихъ раздоры и междоусобія. Чрезъ одиннадцатилѣтнее время ввѣреннаго Намъ отъ промысла Божія и онымъ донынѣ благословеннаго царствованія Нашего, не выпускали Мы никогда изъ мыслей Нашихъ сей первоначальной цѣли человѣческаго общежитія: но паче считая себя предъ Царемъ Царей, предъ свѣтомъ и предъ имперіею Нашею обязанными въ томъ верховнымъ и священнѣйшимъ долгомъ, неусыпно и всѣми силами старались, наилучше поспѣшествуя оной, искоренить въ конецъ поносное наименованіе варваровъ, подъ которымъ прочіе въ Европѣ христіанскіе народы продолжали еще, по дѣяніямъ прошлаго вѣка, познавать и почитать россіянъ, подобно туркамъ и другимъ нечестивымъ народамъ. Къ неизреченному порадованію Нашего къ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ истинною, прямо матернею и никогда неугасаемою любовію прилѣпленнаго сердца, имѣли уже Мы удовольствіе видѣть и ощущать, что труды Наши въ семъ великомъ подвигѣ начинали, по благости Всевышняго, приносить дѣйствительные плоды, превращая презрѣніе и отчужденіе другихъ христіанскихъ народовъ къ имени россіянъ въ прямое и многихъ изъ окрестныхъ народовъ завидное уже почтеніе. Кто не утопленъ въ невѣжествѣ и у кого не окаменѣло совсѣмъ сердце къ отечеству, тотъ не можетъ не познать сей для славы и величества имперіи толь важной и полезной перемѣны.

Но чѣмъ болѣе по времени и по продолжительнымъ Нашимъ неутомленнымъ стараніямъ, въ коихъ обыкли Мы нимало не щадить собственнаго Нашего покоя въ угодную жертву Всевышнему Подателю всѣхъ благъ, приближалось то время, когда просвѣщеніе, человѣколюбіе и милосердіе, насажденныя и еще насаждаемыя Нами во правахъ и законахъ, предвѣщали и готовили на будущее время Намъ Самимъ и потомству Нашему богатую жатву сихъ сладчайшихъ плодовъ: съ тѣмъ вящшимъ оскорбленіемъ и пораженіемъ матерняго Нашего сердца принуждены Мы нынѣ слышать, что бѣглый съ Дону казакъ Емельянъ Пугачевъ, скитавшійся предъ симъ въ Польшѣ, по примѣру прежняго государственнаго злодѣя и предателя Гришки Разстриги отважившись, даже безъ всякаго подобія и вѣроятности, взять на себя имя покойнаго Императора Петра III, тѣмъ не меньше предуспѣлъ въ своемъ измѣнническомъ и злодѣйскомъ умыслѣ сначала присоединить къ себѣ толпу бродягъ и подобныхъ ему злодѣевъ, а потомъ съ помощію оныхъ обольстить и принудить въ сообщеніе себѣ и нѣкоторую часть жителей Оренбургской губерніи. Всякій благоразумный человѣкъ можетъ безъ ошибки разсудить, что ослѣпленіе и приведеніе въ развратъ людей толь грубымъ и всесвѣтнымъ обманомъ не могли бы имѣть толь бѣдственнаго и печальнаго дѣйствія, если бъ не воспособствовало оному глубокое невѣжество, въ коемъ тамошній край по удаленію своему болѣе другихъ погруженъ еще былъ. Не для чего теперь изображать здѣсь тѣхъ пагубныхъ слѣдствій, кои по сю пору родились уже отъ возженнаго Емельяномъ Пугачевымъ огня внутренняго между-

усобія. Невинно пролитая кровь вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ и истинныхъ сыновъ отечества сама о себѣ вопіетъ на Небо о праведномъ мщеніи надъ симъ извергомъ рода человѣческаго и скаредными его сообщниками, да и правосудіе Божіе не попуститъ конечно, чтобъ измѣна и злодѣйство ихъ, на толь грубомъ и всесвѣтномъ обманѣ основанныя, возмогли долго устоять: ибо мы не перестаемъ еще надѣяться, что прилѣпившіеся къ Емельяну Пугачеву не отъ злости сердецъ своихъ, но изъ единаго обольщенія, скоро познаютъ заблужденіе свое и не захотятъ до конца и истребленія своего пребыть орудіями скареднѣйшаго и злѣйшаго врага государственнаго.

Содрогаетъ духъ Нашъ отъ воспоминанія временъ, посѣтившихъ Россію бѣдствіями гражданскаго междоусобія, и не истинный тотъ россіянинъ, кто безъ ужаса и трепета можетъ мыслить о сихъ плачевныхъ, отъ одного невѣжества происшедшихъ, и почти до сего еще времени названіе варварскаго народа предъ свѣтомъ Россіи оставившихъ временахъ, когда отъ явленія многихъ самозванцевъ, обманщиковъ и предателей, города и села огнемъ и мечемъ истребляемы, кровь россіянъ отъ россіянъ же потоками проливаема, всѣ союзы, цѣлость государственную составляющіе, собственными же руками россіянъ въ конецъ разрушаемы были; когда окрестные народы, умножая внутреннюю Нашу напасть непріязненными своими нашествіями, коимъ въ междоусобномъ раздорѣ никто и противиться не помышлялъ, терзали страждущее отечество во всѣхъ его частяхъ, и раздробляли владѣнія онаго по себѣ; и когда напослѣдокъ самый престольный градъ Москва, безъ брани и сопротивленія иноплеменниками завоеванный, въ рукахъ и подъ властію ихъ чрезъ долгое время въ такомъ порабощеніи оставался, что тамъ имя россіянина становилось уже поносно, что святыя Наши церкви отчасти въ римскіе костелы, а отчасти, о горестное и плачевное воспоминаніе! въ самыя конюшни превращены и осквернены были, и что основаніе уже положено было сдѣлать Россію Польшѣ подвластною, слѣдовательно же и святую нашу восточную греко-каѳолическую вѣру въ конецъ попрать и подвергнуть римскому стулу, вмѣсто того, чтобъ православная Наша церковь, въ самой Греціи подъ игомъ злочестія Магометова стенящая, въ одной только Россіи, какъ нынѣ, благословенно процвѣтаетъ, и тогда уже безпечное себѣ пристанище имѣла, къ прославленію имени Христа Спасителя нашего, коего на искупленіе рода человѣческаго изліянная кровь была и въ оное злосчастное для отечества Нашего время единымъ Его невидимымъ покровомъ и послѣдовавшимъ затѣмъ счастливымъ сохраненіемъ и превозможеніемъ надъ супостаты. О! удали отъ Насъ, Боже, возобновленіе подобныхъ плачевныхъ позорищъ и не допусти въ благости Своей къ православному Своему народу, чтобъ вожженная нынѣ дерзкимъ врагомъ отечества и нарушителемъ его благоденствія, подобнымъ, каковы прежніе были, самозванцемъ Емельяномъ Пугачевымъ, бѣглымъ съ Дону и въ Польшѣ, какъ они, бывшимъ казакомъ,—искра гражданскаго междоусобія въ Оренбургской губерніи могла, при остервенившемся невѣжествѣ ослѣпленныхъ его сообщниковъ, распространиться въ другія стороны, и вложить въ руки оружіе брату на брата. Да и въ самое то время, когда уже имперія Наша отъ нечестиваго и непримиримаго врага святаго имени Твоего вѣроломною съ его стороны войною упражнена: но паче щадя и милуя заблуждающихъ отъ пагубнаго обольщенія овецъ паствы Твоея, обрати праведный Твой гнѣвъ на развращающемъ оное, хищномъ волкѣ Емельянѣ Пугачевѣ, яко единомъ виновникѣ ихъ разврата и осквернителѣ той вѣрности, которую Намъ отъ промысла Твоего избранной Миропомазанницѣ клялись

любезные Наши подданные предъ самымъ лицемъ Твоимъ и во святыхъ Твоихъ храмахъ.

Что до Насъ принадлежитъ, сожалѣя матерински и по долгу монаршаго Нашего званія, и по сродному Намъ человѣколюбію, которое всегда способы кротости предпочитать обыкло, гдѣ только оные дѣйствовать могутъ, и страшась наконецъ, дабы не исчерпать втунѣ благости пекущагося о Россіи промысла Божія, въ месть за тѣ звѣрскія и лютыя беззаконія, которыя нынѣ противу воли и предѣла Вседержителя Творца толь нагло возобновляются, отъ подлыхъ и въ гнусномъ невѣжествѣ утопающихъ людей, восхотѣли Мы еще, при употребленіи нынѣ ввѣренныхъ намъ отъ десницы Всевышняго вмѣстѣ со скипетромъ имперіи силъ, слѣдовательно же и праведной строгости противу возмутителей общаго покоя въ Оренбургской губерніи, испытать оные способы кротости въ пользу тѣхъ, кои еще не вовсе отреклись отъ всякаго человѣческаго понятія и чувствія: и для того отправляя туда съ полною властію и довѣренностію Нашею, также и съ достаточными войсками на конечное пораженіе сущихъ государственныхъ враговъ и злодѣевъ, Нашего генералъ-аншефа, лейбъ-гвардіи маіора и кавалера Александра Бибикова, поручили Мы ему обнародовать сей Нашъ указъ, обѣщая здѣсь въ послѣдній уже разъ Императорскимъ Нашимъ словомъ, всемилостивѣйше простить и упустить мимошедшее безъ всякаго взысканія всѣмъ тѣмъ, кои пристали къ самозванцу Емельяну Пугачеву, и нынѣ въ заблужденіи своемъ и въ препебреженіи должной намъ и отечеству присяги вѣрности и раскаявшись чистосердечно, сами собою удалятся отъ его злодѣйства и явятся къ помянутому Нашему, на искорененіе его Емельяна Пугачева и сообщниковъ его именно уполномоченному генералу-аншефу Бибикову, или къ кому изъ другихъ Нашихъ, военныхъ или гражданскихъ, ему подчиненныхъ, начальниковъ, какъ кому гдѣ способнѣе быть можетъ, для безвреднаго спасенія себя отъ толпы злодѣевъ и измѣнщиковъ, да и новою клятвою подтвердятъ прежнюю свою присягу вѣрности.

Если же кто изъ сихъ на истинный путь благовременнымъ раскаяніемъ и познаніемъ пагубнаго обмана возвращающихся сыновъ отечества, и въ вящшее заглажденіе важнаго своего проступка, добровольно употребитъ себя въ мужественномъ ополченіи и дѣйствительной службѣ при Нашихъ вѣрныхъ и храбрыхъ войскахъ: таковы будутъ уже имѣть право, сверхъ полученнаго единожды въ мимошедшемъ Всемилостивѣйшаго прощенія, ожидать и особливаго воззрѣнія на ихъ услуги, по мѣрѣ ихъ важности, чѣмъ Мы напередъ всѣхъ и каждаго порознь чрезъ сіе и обнадеживаемъ.

Безъ чувствительнѣйшаго оскорбленія Матерняго Нашего сердца, не можемъ Мы подумать, чтобъ настоящія въ Оренбургской губерніи злоключительныя неустройства съ опустошеніемъ толь многихъ селеній, съ истребленіемъ полезныхъ государству заводовъ, и съ толикими убійствами, а наипаче выше сего изображенное живое начертаніе прежнихъ отечества Нашего бѣдъ, напастей и стыда отъ подобныхъ ему самозванцевъ, кои Россію ставили уже на самомъ краю пропасти и конечнаго разрушенія ея и всего благочестія нашего, не подвигли на раскаяніе и на отверстый путь исправленія всѣхъ тѣхъ изъ жителей ея и другихъ Нашихъ подданныхъ, кои по одной ихъ простотѣ самозванцемъ обольщены и допустили себя уловить въ согласіе его: почему и не хотимъ сумнѣваться, что сіи послѣдніе, коль скоро увидятъ для себя растворенныя двери Монаршаго Нашего милосердія, помилованія и совершеннаго прощенія, не укоснятъ тѣмъ какъ можно скорѣе воспользоваться, дабы инако послѣ въ числѣ сущихъ измѣнни-

ковъ не быть отъ войскъ Нашихъ безъ всякой пощады преслѣдуемымъ, а напослѣдокъ и преданнымъ праведному, но строгому уже суду попранныхъ ими законовъ, гдѣ всякое раскаяніе поздно и тщетно было бы; ибо всѣ тѣ, кои въ неблагодарности своей къ Намъ за всѣ Наши къ общему отечеству благотворенія, за Наше во все время царствованія Нашего оказыванное примѣрное милосердіе, за Нашу кротость, за Наше человѣколюбіе, за Наше правосудіе, за Наше неусыпное попеченіе о пользѣ, славѣ и приращеніи имперіи, за Наше особенное призрѣніе и покровительство и самыхъ иновѣрцевъ Нашихъ вѣрноподданныхъ, за Наше не меньшее ревностное стараніе о истребленіи въ обществѣ мглы пагубнаго невѣжества, и за Нашу ко всѣмъ безъ различія вѣрнымъ подданнымъ прямо матернюю любовь, пребудутъ злостно и упорно при измѣнникѣ Емельянѣ Пугачевѣ, и оставаясь участниками въ измѣнѣ его, какъ злодѣи и враги отечества, нынѣ ли съ оружіемъ въ рукахъ, или же послѣ гдѣ либо взяты или пойманы будутъ, отнюдь и ни подъ какимъ видомъ не могутъ и не должны ожидать себѣ помилованія; но паче, какъ въ сей жизни самой строжайшей и неизбѣжной казни, такъ и въ будущемъ вѣцѣ безконечной, но праведной и достойной муки отъ страшнаго судіи всего рода человѣческаго, яко изверги онаго и разрушители священнѣйшихъ союзовъ гражданскаго общежитія, слѣдовательно же и оскорбители самыхъ Божественныхъ законовъ и самой Церкви Христовой. (29-го ноября).

Б.—Объявляемъ чрезъ сіе всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ. Къ крайнему оскорбленію и сожалѣнію Нашему, увѣдомились Мы, что по рѣкѣ Иргисѣ, въ Оренбургской губерніи, предъ недавнимъ временемъ, нѣкто бѣглый съ Дону и въ Польшѣ скитавшійся казакъ Емельянъ Пугачевъ, набравъ толпу подобныхъ себѣ бродягъ, дѣлаетъ въ тамошнемъ краю ужасные разбои, безчеловѣчно отъемля съ жизнію имѣнія тамошнихъ жителей; а чтобъ злодѣйскую свою толпу умножать отъ-часу болѣе, не токмо всѣми встрѣчающимися себѣ злодѣями, но и тѣми несчастными людьми, коихъ чаетъ онъ найти погруженными еще во тьмѣ крайняго невѣжества, дерзнулъ сей злодѣй принять на себя имя покойнаго Императора Петра III. Излишне было бы обличать и доказывать здѣсь нелѣпость и безуміе такого обмана, который ни малѣйшей вѣроподобности не можетъ представить человѣку, имѣющему только общій смыслъ человѣческій. Богу благодареніе! протекло уже то для Россіи страшное невѣжества время, въ которое симъ самымъ гнуснымъ и ненавистнымъ обманомъ могли влагать мечъ въ руки брата на брата такіе отечества предатели, каковъ былъ Гришка Отрепьевъ и его послѣдователи. Уже всѣ истинные сыны отечества познали и долговременно вкушали потомъ плоды внутренняго спокойствія въ такой степени, что нынѣ приводитъ каждаго въ содроганіе и единое тѣхъ плачевныхъ временъ воспоминаніе. Словомъ, нѣтъ и не можетъ нынѣ быть ни одного изъ носящихъ достойно имя россіянина, который бы не возгнушался толь безумнымъ обманомъ, какимъ разбойникъ Пугачевъ мечтаетъ себѣ найти и обольщать невѣждъ, унижающихъ человѣчество своею крайнею простотою, обѣщая вывести ихъ изъ всякой властямъ подчиненности. Какъ будто бы не самъ Творецъ всея твари основалъ и учредилъ человѣческое общество таковымъ, что оно безъ посредственныхъ между государя и народа властей, существовать не можетъ. Но какъ дерзновеніе сего изверга имѣетъ вредныя для тамошняго края слѣдствія, такъ что и слухъ о производимыхъ тамо отъ него лютѣйшихъ варварствахъ можетъ устрашить людей, обыкшихъ представлять себѣ несчастіе другихъ, далече отстоящихъ, приближе-

ніемъ опасности для себя самихъ: то Мы, прилагая всегда неусыпное попеченіе о внутреннемъ душевномъ спокойствіи каждаго изъ Нашихъ вѣрноподданныхъ, чрезъ сіе всемилостивѣйше объявляемъ, что къ конечному истребленію сего злодѣя приняли Мы немедленно всѣ достаточныя мѣры и съ числомъ войскъ, довольнымъ на искорененіе толпы разбойниковъ, которые отважились уже нападать на бывшія въ той сторонѣ малыя военныя команды и умерщвлять варварскимъ образомъ попадавшихся въ ихъ руки офицеровъ, отправили туда Нашего генералъ-аншефа, лейбъ-гвардіи маіора и кавалера Александра Бибикова, не сомнѣваясь объ успѣхѣ сихъ предпринятыхъ Нами мѣръ къ возстановленію спокойства и къ разгнанію свирѣпствующихъ злодѣевъ въ части Оренбургской губерніи, пребываемъ Мы въ томъ внутреннемъ удостовѣреніи, что всѣ Наши любезные вѣрноподданные, гнушаясь дерзновеннѣйшимъ и ниже тѣни вѣроятности имѣющимъ обманомъ разбойника Пугачева, никогда не допустятъ себя уловить и никакими ухищреніями людей злоковарныхъ, ищущихъ своей корысти въ слабомыслящихъ людяхъ и не могущихъ насытить алчности своей иначе, какъ опустошеніями и пролитіемъ невинной крови. Впрочемъ надѣемся Мы несумнѣнно, что, внимая долгу своему, каждый изъ истинныхъ сыновъ отечества возспособствуетъ сохраненію тишины и порядка огражденіемъ себя отъ уловленія злонамѣренныхъ и должнымъ начальству повиновеніемъ. Тако да поживутъ любезные подданные Наши, ради собственнаго блаженства своего, къ чему обращаемъ Мы все попеченіе Наше, и въ чемъ всю славу Нашу полагаемъ и всегда полагати будемъ.

4) Именный указъ 1-го мая 1774 года, данный оренбургскому губернатору Рейнсдорпу, военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ и всѣмъ вообще жителямъ онаго города— объ изъявленіи Высочайшаго благоволенія жителямъ города Оренбурга за оказанную вѣрность при осадѣ онаго бунтовщиками.

Выдержаніе городомъ Оренбургомъ шестимѣсячной осады, съ голодомъ и всѣми другими въ таковыхъ случаяхъ нераздѣльно бываемыми нуждами, отъ клятвопреступниковъ, воровъ и разбойниковъ, пребудетъ навсегда въ дѣяніяхъ любезнаго Нашего отечества славнымъ и неувядаемымъ знаменіемъ вѣрности, истиннаго усердія къ общему благу, и непоколебимой твердости, предъ Нами же истинною и никогда незабвенною услугою какъ жителей онаго, такъ и всѣхъ тѣхъ наипаче, кои по долгу званія своего въ службѣ Нашей тамъ находились, и возложенную на нихъ по состоянію каждаго монаршую довѣренность Нашу совершенно оправдали, объявляя сіе Наше матернее благоволеніе вѣрному Нашему городу Оренбургу, справедливо разумѣемъ Мы тутъ первымъ онаго членомъ васъ, генералъ-поручика и губернатора, яко мужественнымъ вашимъ духомъ и неусыпными трудами достохвальный примѣръ бодрствованія всему обществу подавшаго; и для того обнадеживаемъ васъ отличною Нашею Императорскою милостію, повелѣвая вамъ въ то же время возвѣстить отъ собственнаго Нашего имени и лица, и всѣмъ въ защитѣ и оборонѣ города Оренбурга подъ вашею командою соучаствовавшимъ, по мѣрѣ каждаго трудовъ и подвиговъ, Всемилостивѣйшее Наше воззрѣніе; самимъ же жителямъ городскимъ дѣйствительно на два года увольненіе ихъ отъ подушнаго сбора, а притомъ и пожалованіе на ихъ общество въ нынѣшній годъ всего прибыльнаго чрезъ откупъ сбора съ питейныхъ домовъ изъ города. Впрочемъ пребываемъ вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны.

5) Манифестъ 19-го декабря 1774 года, о преступленіяхъ казака Пугачева.

Объявляемъ во всенародное извѣстіе. Всему свѣту вѣдомо есть и многими опытами дѣлъ Нашихъ повсюду доказано, что Мы, принявъ отъ промысла Божія самодержавную власть Всероссійской имперіи, главнѣйшимъ правиломъ въ царствованіе Наше положили пещись о благосостояніи ввѣренныхъ намъ отъ Всевышняго вѣрноподданныхъ, по намѣреніямъ и въ угодность Подателя всякаго блага, Творца, несмотря ни на какой родъ препятствія. Мы жизнь Нашу посвятили къ тому, чтобъ доставить въ имперіи Нашей живущимъ всякаго состоянія людямъ мирное и безмятежное житіе. Для того Мы безпрерывный трудъ прилагаемъ къ утвержденію христіанскаго благочестія къ поправленію законовъ гражданскихъ, къ воспитанію юношества, къ пресѣченію несправедливости и пороковъ, къ искорененію притѣсненій, лихоиманій и взятковъ, къ умаленію праздности и нерадѣнія къ должностямъ. Неутомимое Наше рвеніе о благѣ общемъ наивящше ознаменилось въ сіи послѣдніе прошедшіе годы, когда защищая имперію бодрымъ духомъ отъ нападенія сильнаго непріятеля, разными Нашими предпріятіями не токмо оный, Божіимъ благословеніемъ, праведнымъ Нашимъ орудіемъ и храбростію побѣдоносныхъ Нашихъ войскъ, не допущенъ до предѣловъ россійскихъ, но повсюду далеко отведенъ былъ отъ своего нападающаго намѣренія. Чѣмъ наконецъ, по многимъ трудностямъ достигли Мы до заключенія съ Оттоманскою Портою, безъ посредственниковъ, желаемаго и похвальнаго мира, утверждающаго внѣшнюю безопасность имперіи и доставляющаго вѣрноподданнымъ Нашимъ время наслаждаться, благодарными сердцами хваля Бога, покоемъ и тишиною во время таковое; и видя единственное стремленіе ума нашего довести имперію дѣлами подобными до высшей степени благосостоянія, кто не будетъ имѣть праведнаго омерзѣнія къ тѣмъ внутреннимъ врагамъ отечественнаго покоя, которые, выступя изъ послушанія всякаго рода, дерзнули, во-первыхъ, поднять оружіе противу законной власти, пристали къ извѣстному бунтовщику и самозванцу, донскому казаку Зиновейской станицы Емелькѣ Пугачеву, а потомъ обще съ нимъ чрезъ цѣлый годъ производили лютѣйшія варварства въ губерніяхъ Оренбургской, Казанской, Нижегородской и Астраханской, истребляя огнемъ церкви Божіи, грады и селенія, грабя святыхъ мѣстъ и всякаго рода имущества, поражая мечемъ и разными ими вымышленными мученіями и убивствомъ священнослужителей и состоянія вышняго и нижняго обоего пола людей, даже и до невинныхъ младенцевъ?

Дѣло сіе такого существа, что безъ ужаса на оное воззрѣть не можно! Оно доказываетъ, что человѣкъ, погруженный въ невѣжество, забывъ долгъ и присягу, данную предъ Богомъ верховной монаршей власти, и не опасаясь за то ни вѣчныя, ни временныя казни, выступя изъ послушанія законовъ, преступаетъ тѣмъ самымъ всѣ предѣлы обязательства предъ родомъ человѣческимъ вообще. Преступленія главнаго злодѣя и его способниковъ столь многочисленны и разнообразны суть, какъ по слѣдствію оказалось и собственнымъ добровольнымъ признаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ открылась таковая рѣдкость, что, чиня преступленія всякаго рода, сами они не упомнятъ числа содѣяннаго зла. Несчастному же происшествію сего Пугачевскаго бунта описаніе прилагается на особливомъ листѣ.

Помянутое слѣдствіе злодѣйскихъ дѣлъ, касающихся до сего бунта отъ самаго начала производили, по повелѣнію Нашему, генералъ-аншефъ князь Михайло Волконскій и генералъ-маіоръ Павелъ Потемкинъ въ царствующемъ градѣ

Москвѣ, которое окончавъ, нынѣ въ Нашъ Сенатъ отсылаемъ, повелѣвая ему купно съ синодскими членами, въ Москвѣ находящимися, призвавъ первыхъ трехъ классовъ персонъ съ президентами всѣхъ коллегій, выслушать оное отъ помянутыхъ присутствующихъ въ тайной экспедиціи, яко производителей сего слѣдствія, и учинить въ силу государственныхъ законовъ опредѣленіе и рѣшительную сентенцію по всѣмъ ими содѣяннымъ преступленіямъ противу имперіи, къ безопасности личныя человѣческаго рода и имущества.

Касающееся же до оскорбленія Нашего Величества, Мы презирая предаемъ оныя вѣчному забвенію: ибо сіи вины суть единственно тѣ, въ коихъ при семъ случаѣ милосердіе и человѣколюбіе Наше обыкновенное мѣсто имѣть могутъ. Мы всеусердно Бога молимъ и просимъ, да отвратитъ впредь мечъ гнѣва Своего отъ врученной Намъ Его же премудрымъ промысломъ имперіи, да возстановить паки повсюду мирное и безмятежное житіе, и да укрѣпитъ всѣхъ въ оной живущихъ Нашихъ вѣрноподданныхъ и Насъ самихъ во всѣхъ Ему Творцу угодныхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ.

Описаніе происхожденія дѣлъ и сокрушенія злодѣя, бунтовщика и самозванца Емельки Пугачева.

Емелька Пугачевъ родился на Дону, какъ и самъ показалъ, въ Зимовейской станицѣ. Дѣдъ и отецъ его были той же станицы казаки, и жена его—дочь казака Дмитрія Никифорова, Софья. Онъ служилъ во время прусской войны и нынѣшней турецкой простымъ казакомъ. Былъ во второй арміи при взятьи Бендеръ. Оттуда отлучась, просилъ отставки; но въ семъ ему отказано. Въ то время зять его посланъ былъ на поселеніе подъ городъ Таганрогъ и, не желая тамо жить, подговаривалъ Емельку и другихъ бѣжать; а какъ сіе открылось въ Черкаскѣ, и велѣно было ихъ туда выслать, онъ, заперщись въ подговорѣ зятя своего, бѣжалъ въ Польшу въ раскольническіе скиты, укрывался у раскольниковъ, и ознакомившись съ бѣглымъ гренадеромъ Алексѣемъ Семеновымъ, кормились въ Добрянскѣ отъ подаянія. Потомъ и оттуда перешелъ въ малороссійскія селенія и, бывъ у раскольниковъ, опасаясь, чтобъ его не поймали, положилъ бѣжать на Яикъ и подговаривать тамошнихъ казаковъ къ побѣгу на Кубань. Тамъ-то назвалъ онъ себя бывшимъ Императоромъ Петромъ Третьимъ. Но команда его сковала и отвезла въ Симбирскъ, а оттуда посланъ онъ былъ въ Казань, гдѣ подговоривъ караульнаго солдата бѣжалъ на Яикъ и объявилъ себя паки покойнымъ императоромъ Петромъ Третьимъ.

На Яикѣ нашелъ онъ прибѣжище у нѣкоторыхъ изъ того войска преступниковъ, кои по дѣламъ внутренняго яицкаго войска тогдашняго несогласія и неустройства, опасаясь праведнаго приговореннаго наказанія, сами тогда въ бѣгахъ находились. Сіи казаки не токмо пристали къ Емелькѣ, но и старались повсюду разносить о немъ слухъ. Когда сіе дошло до свѣдѣнія коменданта Яицкаго городка, выслалъ онъ къ поимкѣ ихъ команду. Но Емелька съ шайкою своей скрылись и, отъѣзжая отъ городка далѣе, старался о умноженіи сволочи своей. Въ чемъ предуспѣвъ, возвратились къ Яицкому городку. Но не могши оному причинить вреда, пошли далѣе по Оренбургской линіи, бравъ крѣпосцы частію отъ оплошности въ нихъ находящихся командировъ, а частію отъ слабости силъ живущихъ въ оныхъ престарѣлыхъ гарнизонныхъ командъ. Умножая дерзости по мѣрѣ успѣховъ, разбойникъ Емелька со сволочью своей, изъ коихъ главные были вооруженные яицкіе казаки, состоящіе отъ двухъ до трехъ сотъ человѣкъ, кои до конца безотлучно почти при немъ находились и изъ воли его, а онъ изъ

ихъ, не выходили. Такимъ образомъ простирая злодѣйства и истребляя по дорогѣ селенія, а противоборющихся всячески умерщвляя, приступили они къ Оренбургу прежде, нежели могъ сюда дойти слухъ о толь дерзостномъ, сколь и неожиданномъ злодѣйственномъ предпріятіи. Сколь же скоро повсюду извѣстно сдѣлалось о сихъ бунтовщичьихъ неистовствахъ, наряжаемы были разные воинскіе командиры съ достаточными командами вѣрныхъ Ея Императорскаго Величества войскъ, и послѣднія были умножаемы по мѣрѣ нужды. А потомъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1773 года посланъ былъ генералъ-аншефъ Бибиковъ съ полною властію и наставленіемъ для пресѣченія сихъ отъ-часу умножающихся безпорядковъ и своевольствъ. Успѣхи соотвѣтствовали благоразумнымъ сего генерала распоряженіямъ. Отряженный отъ него храбрый и ревностный генералъ-маіоръ князь Петръ Голицынъ разбилъ подъ Татищевою крѣпостью злодѣйское сонмище въ великомъ числѣ состоящее при помянутыхъ яицкихъ казакахъ изъ башкирцевъ и другихъ бѣглыхъ русскихъ людей и заводскихъ крестьянъ. Къ сожалѣнію общему, рановременная кончина покойнаго генерала Бибикова не дозволила сему достойному мужу окончить дѣло, на него возложенное. Между тѣмъ измѣнникъ Емелька бывъ паки разбитъ сказаннымъ генералъ-маіоромъ княземъ Голицынымъ подъ Сакмарою, кинулся на рудокопные заводы Оренбургской губерніи, гдѣ умноживъ вновь толпу и вылилъ пушки, наивящшія началъ дѣлать истребленія селеніямъ и заводамъ, грабительства имуществамъ и убивства людямъ. И хотя не единожды былъ достигнутъ и потомъ разбитъ храбрымъ полковникомъ Михельсономъ; но находя всякій разъ способы уйти, вновь собиралъ толпы. Наконецъ, взявъ пригородокъ Осу, перешелъ Каму и пришелъ къ Казани. Тутъ нашелъ онъ отпоръ храбрымъ и мужественнымъ поведеніемъ генералъ-маіора Павла Потемкина, за два дня предъ тѣмъ въ Казань пріѣхавшаго по повелѣнію Ея Императорскаго Величества. Сей генералъ, собравъ сколько тамо случилось войскъ, пошелъ злодѣю на встрѣчу; но злодѣи, видя свою въ полѣ неудачу противу вѣрныхъ Ея Императорскаго Величества войскъ, нашли способъ сквозь линіи суконщиковъ, измѣною ихъ, прорваться въ предмѣстіе съ Арскаго поля и жительство зажечь. Генералъ-маіору Потемкину не оставалось въ таковыхъ обстоятельствахъ инаго предпріять, какъ единственно спасти отъ злодѣйскихъ рукъ казанскій кремль. Что онъ и учинилъ, и вошедъ въ оный, до тѣхъ поръ оборонялся, пока приспѣлъ въ помощь къ городу неутомимый полковникъ Михельсонъ съ деташементомъ. Злодѣи, узнавъ о приходѣ войскъ, побѣжали изъ города въ поле, гдѣ по трикратномъ сраженіи въ три разные дня разбойники на голову разбиты были. Часть ихъ съ воровскимъ атаманомъ Емелькою бросилась къ рѣкѣ Волгѣ, которую переплывъ, устремлялась къ разоренію всего: зажигая церкви, селенія и города Цывильскъ и Курмышъ, и дѣлая повсюду неслыханныя варварства и безчеловѣчія, побѣжала стремглавъ къ Алатырю.

Въ таковыхъ обстоятельствахъ писалъ къ Ея Императорскому Величеству тогда побуждаемый ревностію, въ отставкѣ находящійся, генералъ графъ Петръ Панинъ, прося о порученіи ему команды для истребленія государственнаго врага и самозванца. Ея Императорское Величество, воззря на таковое усердіе къ службѣ Ея и отечеству, не мѣшкавъ ни мало, соизволила послать къ сему генералу повелѣнія и наставленія къ искорененію бунта, нарядя притомъ въ прибавокъ войскъ, тамо находящихся, три полка отселѣ. Сего вѣрноусерднаго генерала предводительство Богъ благословилъ окончаніемъ бунта и поимкою главнаго измѣнника. Между тѣмъ измѣнники, умноживъ свою сволочь, побѣжали къ Саранску и Пензѣ, бывъ преслѣдуемы по пятамъ корпусомъ усерднаго полковника

Михельсона, и прошедъ оные, стремились далѣе чрезъ Петровскъ къ Саратову и овладѣли онымъ, гдѣ однакожъ комендантъ полковникъ, Бошнякъ, обороняясь храбро, наконецъ съ пятьюдесятьми человѣками офицеровъ и солдатъ сквозь толпу пробился и прибылъ въ Царицынъ.

Злодѣи, ограбя Саратовъ и убивая всѣхъ, кто по взгляду ихъ не показался, прошли къ Царицыну. Сія крѣпость учинила имъ сопротивленіе сильнѣе многихъ городовъ, принудила ихъ отступить и бѣжать впередъ, но проходя къ Черноярску, въ сорока верстахъ за Царицынымъ, по астраханской дорогѣ достигнуты злодѣи были паки корпусомъ Михельсона, всѣ трудности и препятствія безпрерывно преодолѣвающаго. Къ сему полковнику подоспѣли тогда донскіе казаки, съ помощію которыхъ въ послѣдній разъ Емелька со всею толпою безповоротно разбитъ былъ; но самъ злодѣй ушелъ, переплывъ рѣку Волгу съ малымъ числомъ яицкихъ казаковъ на луговую сторону, и пробирались къ Узенямъ на степи, между рѣками Волгою и Яикомъ находящимися. Въ семъ мѣстѣ судьбы Всевышняго предали сего злодѣя рода человѣческаго и имперіи въ руки правосудія, и сами сообщники и любимцы его, казаки: илецкій Твороговъ, да яицкіе Чумаковъ и Федулевъ, раскаяся въ содѣянномъ ими злодѣйствѣ и узнавъ о обѣщанномъ манифестами Ея Императорскаго Величества прощеніи тѣмъ, кои явятся съ чистымъ покаяніемъ, условились между собою Емельку Пугачева связать и привести въ Яицкій городокъ, на что уговоря другихъ казаковъ числомъ до 25 человѣкъ, сіе они самымъ дѣломъ исполнили. Генералъ-поручикъ Суворовъ, пріѣхавши изъ арміи, поспѣшалъ къ передовымъ корпусамъ на пораженіе злодѣевъ: и хотя разрушеніе оныхъ послѣдовало прежде, не оставилъ онъ подоспѣть съ нѣкоторымъ числомъ войскъ на Яикъ, для обнадеживанія стражи надъ государственнымъ врагомъ, и принявъ Пугачева въ Яицкомъ городѣ, привезъ его въ Симбирскъ, откуда усердный генералъ графъ Панинъ сего злодѣя съ главными его сообщниками прислалъ подъ крѣпкою стражею въ царствующій градъ Москву, гдѣ и примутъ должную месть.

6. Высочайшій рескриптъ, данный на имя генерала графа Панина, отъ 9-го августа 1775 года, изъ села Царицына.

Графъ Петръ Ивановичъ! Въ настоящее время, когда уже исчезли всѣ безпокойства внутреннія, когда повсюду тишина возстановлена въ полной мѣрѣ, да и когда прощеніе обнародовано, Я увѣрена, что вы чувствуете въ себѣ душевное удовольствіе, видя съ симъ купно окончаніе и той коммиссіи, въ которой вашъ самопроизвольный подвигъ прославилъ вѣчно усердіе ваше къ отечеству, и о коемъ оказанную вамъ Мою отличную признательность видѣла уже публика. Я сіе вновь вамъ подтверждаю засвидѣтельствованіемъ Моего благодаренія за ваши полезные труды, и увольняя васъ нынѣ отъ коммиссіи успокоенія внутреннихъ возмущеній, которыя, Богу благодареніе! болѣе не существуютъ, слѣдственно и дѣла объ оныхъ прекращены; послѣ чего остается вамъ теперь упомянутыя дѣла отдать губернаторамъ, или которыя куда надлежатъ, и быть впрочемъ благонадежнымъ, что заслуги ваши не будутъ никогда забвенны, какъ и Я не престану быть вамъ благосклонна.

II.

7) Письма А. И. Бибикова.

А.—Къ графу З. Г. Чернышеву, отъ 30-го декабря 1773 года.

Милостивый государь, графъ Захаръ Григорьевичъ! Изъ донесенія моего Ея Императорскому Величеству, в. с. свѣдать изволите о всѣхъ здѣшнихъ обстоя-

тельствахъ, каковыя мнѣ при первомъ случаѣ открылись: они столько дурны, что я довольно того описать не могу; умолчавъ многія мелочныя извѣстія, которыя до меня дошли, изъ донесенныхъ уже усмотрите, какою опасностію грозитъ всеобщее возмущеніе башкиръ, калмыкъ и разныхъ народовъ, обитающихъ въ здѣшнемъ краю, а паче если и приписанные къ заводамъ крестьяне къ нимъ прилѣпятся, къ чему уже Пермской провинціи и есть начало. — Коммуникація съ Сибирью отъ опасности на волоску, да и самая Сибирь тому жъ подвержена. Всего же болѣе прилѣпленіе черни къ самозванцу и его злодѣйской толпѣ. Одна надежда на войска, которыхъ, по умножающемуся злодѣйскому многолюдству, видится быть недостаточно, а паче въ разсужденіи обширности и разстоянія сего края мѣстъ.

Толпу Пугачева я разбить не отчаиваюсь и съ тѣми, кои теперь мнѣ назначены, когда соберутся: но тушить вездѣ пожаръ и останавливать злодѣйское стремленіе конечно конныя войска въ прибавокъ необходимы.

Въ проѣздъ мой чрезъ Москву, генералъ Берхъ меня увѣрялъ, что отъ 2-й арміи три или четыре полка конницы отдѣлить можно безъ всякой для тамошней стороны опасности, за что онъ отвѣчаетъ; но откуда бъ то ни было, а умножить необходимо надлежитъ. Войдите въ сіе дѣло, в. с. Вы увидите, что я говорю вамъ истину.

На здѣшніе гарнизоны и другія команды никакого счету дѣлать не извольте: они, съ ихъ офицерами, такъ скаредны, что и башкирцамъ сопротивляться не могутъ. Печальные опыты съ Чернышевымъ и маіоромъ Заевымъ вамъ доказываютъ, да и здѣсь уже по всѣмъ рапортамъ я увидѣлъ, что они, разставленные отъ Фреймана и отъ губернатора по постамъ, бѣгаютъ съ одного мѣста на другое при малѣйшей тревогѣ.

Благодарю всепокорнѣйше в. с. за почтеннѣйшее письмо отъ 21-го декабря и за преподанный мнѣ совѣтъ къ доставленію Оренбургу и Яицкому городку провіанту отъ Симбирска и Самары посредствомъ команды генералъ-маіора Мансурова. Первая моя теперь о томъ настоитъ и забота, чтобъ доставить симъ утѣсненнымъ и крайнему бѣдствію отъ недостатка пропитанія подверженнымъ мѣстамъ. Но какъ еще и легкія команды только двѣ, а именно 22 и 24 прибыли, а о другихъ двухъ, гдѣ находятся, и слуху нѣтъ, тожъ и о генералъ-маіорѣ Мансуровѣ ничего не знаю, да хоть бы они и всѣ соединены были, опасаюсь я отважить сей конвой, подъ прикрытіемъ сихъ однѣхъ полевыхъ командъ, дабы паки не были они жертвою злодѣйскою. Но сіе съ надежною силою исполнить должно, что я при первомъ случаѣ и предприму и первымъ своимъ попеченіемъ конечно поставляю. А между тѣмъ провіантъ въ Симбирскѣ заготовлять велѣлъ; прибывшія же двѣ легкія команды послалъ я на выгнаніе злодѣевъ изъ города Самары, которую они злодѣи 24-го заняли; а теперь ожидаю рапорта.

Прежде доставленныхъ сюда для вооруженія здѣшнихъ командъ и поселянъ двѣ тысячи ружей недостаточно: для того в. с. покорнѣйше прошу, какъ скоро возможно, дать повелѣніе о отправленіи сюда на всякій случай 2000 ружей, 1000 карабинъ, 1000 паръ пистолетовъ. — Кажется неминуемо здѣшнихъ поселянъ вооружить, обнадежась прежде въ ихъ твердости. О семъ писалъ я къ е. с. князю Михайлу Никитичу съ прибавленіемъ о сабляхъ, сѣдлахъ и уздахъ, ибо въ конницѣ большая нужда (своеручно).

Сволочь Пугачева злодѣйской толпы конечно порядочнаго вооруженія, ниже строю имѣть не можетъ, кромѣ свойственныхъ таковымъ бродягамъ буйности

и колобродства: но ихъ болѣе шести тысячъ по всѣмъ извѣстіямъ считать должно, а считая нынѣ воровъ башкирцевъ, число крайне быть должно велико.— Не считаю я трудности, м. г., разбить сію кучу; но собрать войска, запастись не только провіантомъ и фуражемъ, но и дровами, проходить въ настоящее время степныя и пустыя мѣста съ корпусомъ, суть наиглавнѣйшія трудности; а между тѣмъ отражать во всѣхъ концахъ убивства и разоренія и удерживать отъ заразы преклонныхъ отъ страху и прельщенія простыхъ обывателей.

Со всѣмъ тѣмъ отвѣчаю вамъ за себя, что я все исполню, что только въ моей будетъ возможности, и остаюсь навсегда съ особымъ высокопочитаніемъ и проч.

P. S. (Собственноручно). Сейчасъ получилъ рапортъ отъ генералъ-маіора Мансурова, что по приключившейся ему горячкѣ пролежалъ онъ въ Серпуховѣ безъ памяти семь дней. Теперь онъ здоровъ; настигъ 23 и 25 полевыя команды, и съ ними соединясь, слѣдуетъ къ Симбирску, но только отъ него еще въ 409 верстахъ, въ деревнѣ Миндани.

Б.—Къ нему же, изъ Казани, отъ 17-го января 1774.

Милостивый государь, графъ Захаръ Григорьевичъ! Сославшись на донесенія Ея Императорскому Величеству, за излишнее почитаю повторить вашему сіятельству описаніе о здѣшнемъ дурнѣ, да только то промолвить осмѣливаюсь, что если Оренбургъ имѣетъ пропитаніе, то надѣюсь его спасти, а симъ уповаю и главную всему злу преломлю преграду: но маршемъ поспѣшить великія настоятъ трудности, потому что число подводъ для подвозу пропитанія на корпусъ и для способствованія городу выходитъ большое по дальнему и степному положенію, — а притомъ разсѣявшуюся сволочь сперва прогнать и землю очистить надобно, ибо сей саранчи столь много, что около постовъ Фреймановскихъ проходу нѣтъ и на насъ лѣзутъ;—конвоированіе великаго подвозу требуетъ по степнымъ мѣстамъ людей; безъ прикрытія жъ и саму Казань со стороны Башкиріи оставить нельзя. Время часъ отъ часу становится драгоцѣнно; а полкъ карабинерный только сегодня сюда вступилъ, и лошади въ дурномъ состояніи. На гарнизонныя команды ничего считать нельзя, что уже и испытаніемъ знаю. Сія негодница довольна, что ихъ не трогаютъ, и до первой деревни дошедши, остановясь, присылаетъ рапорты, что окружены, и далѣе итти нельзя. Нужно было нѣсколько разъ посылать имъ на выручку. Они ободрили и злодѣевъ, что осмѣлились въ самые имъ лѣзть глаза.

Вотъ, м. г., положеніе, въ которомъ я себя вижу. Не можно болѣе претерпѣвать прискорбія отъ досады, сожалѣнія и получаемыхъ ежедневно слуховъ. Одинъ Всевышній можетъ обратить все въ лучшее и помочь мнѣ въ сихъ крайностяхъ. Сказавъ сіе, съ истиннымъ высокопочитаніемъ всегда останусь и проч.

P. S. (Собственноручно). При семъ отправленный курьеръ привезъ ко мнѣ Высочайшій Ея Императорскаго Величества рескриптъ отъ 10-го числа января, препровождаемый съ письмомъ в. с. Я предоставя впредь о томъ съ первымъ отправленіемъ доносить, теперь только о полученіи его увѣдомляю.

Сейчасъ получилъ рапортъ отъ генералъ-маіора Фреймана, что высланный для поиску надъ злодѣями Томскаго полка капитанъ Фатѣевъ при деревнѣ Кувицкой-Аппітеряковой разбилъ многочисленную сволочь, побивъ на мѣстѣ и въ преслѣдованіи великое число, способомъ посаженныхъ на обывательскихъ

лошадей гренадеръ и бѣгающихъ на лыжахъ солдатъ, отбивъ четыре пушки, двадцать человѣкъ взялъ въ полонъ.

В.—Къ нему же, изъ Казани, отъ 24-го января 1774.

Милостивый государь, графъ Захаръ Григорьевичъ! Изъ донесенія моего къ Ея Императорскому Величеству увидѣть изволите, что войски, прибывшія сюда, дѣйствовать начали, и полковникъ Бибиковъ съ деташементомъ своимъ, состоящимъ въ четырехъ ротахъ пѣхоты и трехъ ротъ гусаръ, разбилъ злодѣйскую сволочь, не потерявъ ни одного человѣка, городъ Заинскъ освободилъ отъ злодѣевъ. Надѣюсь очистить сей уголъ; но прискорбныя вѣсти получаю со стороны сибирской: господинъ Калонгъ, не находя средства не только сдѣлать транспортъ провіанту и фуражу въ Оренбургъ, но и самъ итти опасается, написавъ премножество затрудненій. Совѣтуетъ онъ мнѣ сей транспортъ сдѣлать. Я и безъ того всѣ способы къ тому употребляю, да время проходитъ, а оно драгоцѣнно. Я писалъ къ нему, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ хотя въ Башкирію сдѣлалъ диверсію въ то время, какъ я къ Оренбургу подвинусь въ исходѣ нынѣшняго мѣсяца или въ началѣ февраля.

Екатеринбургъ въ опасности отъ внутреннихъ предательствъ и измѣны. О Кунгурѣ слуху послѣ 10-го числа нѣтъ. Зло распространяется весьма далеко. Позвольте и теперь мнѣ, в. с., повторить: не непріятель опасенъ, какое бы множество его ни было, но народное колебаніе, духъ бунта и смятеніе. Тушить оное, кромѣ войскъ, въ скорости не видно еще теперь способовъ, а могутъ ли на такой обширности войски поспѣвать и дѣлиться, безъ моего объясненія представить можете. Спѣшу и всѣ силы употребляю запасать провіантъ и фуражъ, тожъ и подводы къ подвозу за войсками. Но сами представить легко можете, коликимъ затрудненіямъ по нынѣшнему времени все сіе подвержено, и тѣмъ паче, что внутрь и внѣ злодѣйство, предательство и непослушаніе отъ жителей. Не очистя саранчу злую, впередъ шагу податься нельзя. Въ томъ теперь и упражняюсь, а войски подаются впередъ. Жду съ нетерпѣніемъ Чугуевскаго казачьяго полку, о которомъ слышу, что уже въ Москву пришелъ. Вотъ м. г., все то, что я теперь донесть вамъ могу; а заключу истиннымъ моимъ высокопочитаніемъ, и проч. (Собственноручно) P. S. Приложенную резолюцію покорнѣйше прошу Ея Величеству поднесть.

Г.—Къ Д. И. Фонъ-Визину, изъ Казани, отъ 29-го января 1774 года.

Благодарю тебя, мой любезный Денисъ Ивановичъ, за дружеское и пріятнѣйшее письмо отъ 16-го января и за всѣ сдѣланныя вами увѣдомленія. Лестно слышать полагаемую отъ всѣхъ на меня надежду въ успѣхѣ моего нынѣшняго дѣла. Отвѣчаю за себя, что употреблю всѣ способы, и забочусь ежечасно, чтобъ истребить на толикомъ пространствѣ разлившійся духъ мятежа и бунта. Бить мы вездѣ начали злодѣевъ, да только сей саранчи умножилось до невѣроятнаго числа. Побить ихъ не отчаяваюсь; да успокоить почти всеобщаго черни волненія великія предстоятъ трудности. Болѣе жъ всего неудобнымъ дѣлаетъ то великая обширность сего зла. Но буди воля Господня! дѣлаю и буду дѣлать, что могу. Неужели-то проклятая сволочь не образумится? Вѣдь не Пугачевъ важенъ, да важно всеобщее негодованіе. А. Пугачевъ чучела, которою воры яицкіе казаки играютъ. Увѣдомляй, мой другъ, сколь можно чаще о дѣлахъ внѣшнихъ. Неужели и теперь о мирѣ не думаете? Эй пора, право, пора! Га-

зеты я получилъ: надѣюсь, что по твоей дружбѣ и впредь получать буду. J'avois diaboliquement peur de mes soldats, qu'ils ne fassent pas comme ceux de garnison de mettre les armes bas vis-à-vis des rebelles. Mais non, ils les battent comme il faut, et les traitent en rebelles. Ceci me donne du courage. Да то бѣда, какъ нарочно все противу насъ: и снѣга, и метели, и бездорожица. Но все однакоже одолѣвать будемъ. Прости мой другъ; будь увѣренъ, что я тебя сердцемъ и душою люблю.

Напомни, мой другъ, графу Никитѣ Ивановичу о баронѣ Ашѣ. Онъ обѣщался ему по крайней мѣрѣ хотя для сейма что ни есть исходатайствовать. Ты меня очень одолжишь, ежели сему честному человѣку поможешь.

8) Письма графа П. И. Панина.

А.—Гвардіи капитану А. П. Галахову, изъ Пензы, отъ 14-го сентября 1774 г.

Высокоблагородный и высокопочтенный лейбъ-гвардіи капитанъ!

Государь мой! На рапортъ отъ вашего высокоблагородія, съ симъ вручителемъ ко удовольствію моему полученный, нахожу вамъ отвѣтствовать:

Къ принятымъ вами мѣрамъ и къ сдѣланному распоряженію я ничего присовокупить не имѣю, какъ оныя и мнѣ собственно, по сображенію всѣхъ обстоятельствъ, за удобнѣйшія представляются, потому особливо, что порученнаго вамъ дѣла, безъ отваги ничего произвести съ успѣхомъ никакъ нельзя, а тутъ не отважено ничего инаго, кромѣ такого числа денегъ, которыя по общему дѣлу инымъ не можетъ поставлено быть, какъ бездѣлицею; впрочемъ же противу дальнѣйшаго требуется одной предосторожности, коей мы постараемся и не упустить. Въ томъ намѣреніи приказалъ я уже сегодня отсель выступя, итти подъ точное ваше начальство на Сызрань, одному эскадрону драгунъ, да и я, выступя отсель не помѣшкавъ, возьму свою позицію по берегу Волги, примкнувъ къ Сызрани; одно только мнѣ остается примѣтить и лежитъ на моемъ сердцѣ, чтобъ не сдѣлалъ утечки (ежели полагаемая нами на извѣстнаго человѣка вѣрность насъ обманетъ) открывшійся вамъ житель царицынской. Не лучше ли и не можно ли вамъ кого-нибудь изъ своихъ подчиненныхъ вѣрнаго спрепроводить туда подъ нѣкоторымъ предлогомъ, дѣлать скрытное надъ онымъ надзираніе? Что вы по сему предпримите, а и впрочемъ какія происхожденія у васъ изъявляться будутъ, стану я ожидать отъ вашего высокоблагородія себѣ увѣдомленія, прибывъ скоро къ берегу рѣки Волги, на предпріемлемую мною позицію; а вездѣ и всегда останусь съ почтеніемъ и усердіемъ, вашего высокоблагородія и проч.

Б.—Къ нему же, изъ Пензы, отъ 19-го сентября 1774 года.

Государь мой, Александръ Павлычъ! Вручитель сего, господинъ маіоръ Руничъ, пріѣхалъ ко мнѣ съ словесными отъ васъ представленіями, на которыя я инаго и лучшаго вамъ, государь мой, сказать и присовѣтовать не могу, какъ во первыхъ похваляю, что по свѣдѣніи вашемъ о поимкѣ государственнаго злодѣя, послали вы тотчасъ отъискивать отправившагося отъ васъ, съ тѣмъ намѣреніемъ извѣстнаго коммиссіонера. Новое счастіе будетъ, если возвратимъ еще и употребленныя съ онымъ казенныя деньги; да чего уже ожидать невозможно отъ благословляющей такъ ощутительно десницы Вышней всѣ дѣянія во благое нашей Всемилостивѣйшей Государыни?

Мнѣ мнится, что вамъ, государь мой, въ теперешнемъ случаѣ лучше всего перенестись къ свиданію со мною въ Симбирскъ, куда уже я дня чрезъ два отсель прямо слѣдовать буду.

Касательно до царицынскаго жителя, вамъ извѣстнаго сообщника бунтовщику—то я, коль скоро получилъ извѣстіе о поимкѣ злодѣя, тотчасъ послалъ туда повелѣніе онаго сообщника, взявъ подъ крѣпкій караулъ, прислать ко мнѣ, да и эскадрону драгунскому, отправленному къ вамъ въ Сызрань, а остановленному на дорогѣ симъ господиномъ маіоромъ, далъ повелѣніе съ нимъ же маршировать въ другое мѣсто, гдѣ по теперешнему положенію земли, удобнѣе и безубыточнѣе было прокормить войски. Впрочемъ я есмь всегда съ почтеніемъ и проч.

Рукою гр. Панина приписано:

P. S. Рекомендую, имѣющуюся при васъ денежную наличную сумму привезти ко мнѣ въ Симбирскъ.

9) Письма лейбъ-гвардіи поручика Державина полковнику Бошняку.

А.—Изъ Саратова, отъ 30-го іюля 1774 года.

Высокоблагородному и высокопочтенному г. города Саратова коменданту и правящему въ ономъ городѣ воеводскую должность.

Милостивый государь мой! Когда вамъ его превосходительство г. астраханскій губернаторъ П. Н. Кречетниковъ, отъѣзжая отсюда, не далъ знать, съ чѣмъ я присланъ въ страну сію, то черезъ сіе имѣю честь вашему высокоблагородію сказать, что я присланъ сюда отъ его высокопревосходительства покойнаго г. генералъ-аншефа и кавалера А. И. Бибикова, въ слѣдствіе именнаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго повелѣнія по секретной коммисіи, и предписано по моимъ требованіямъ исполнять все; а какъ по обстоятельствамъ извѣстнаго бунтовщика Пугачева, сего мѣсяца 16-го числа пріѣхалъ я въ Саратовъ, и требовалъ, чтобъ въ семъ городѣ была отъ онаго злодѣя взята предосторожность, въ слѣдствіе чего 24-го числа, при общемъ собраніи нашемъ въ конторѣ опекунства иностранныхъ, и сдѣлано опредѣленіе, по которому всѣ, согласясь, и подписались, чтобъ около магазиновъ и въ мѣстѣ, найденномъ за способное его высокородіемъ г. статскимъ совѣтникомъ М. М. Лодыженскимъ, яко служащимъ штабъ-офицеромъ въ инженерномъ корпусѣ, сдѣлать для защищенія людей и казеннаго имущества полевое укрѣпленіе и прочія готовности, что въ томъ опредѣленіи именно значитъ, которое опредѣленіе при рапортѣ моемъ послано уже главнокомандующимъ куда надлежитъ, да и чаять должно было, что все въ вышеупомянутомъ опредѣленіи написанное уже исполнено. А какъ сего 30-го числа прибывъ я паки въ Саратовъ, не только по тому опредѣленію какую готовность нашелъ, но ниже какой не принято предосторожности; а какъ изъ рапорта вашего конторѣ опекунства иностранныхъ 29-го числа вижу я, что вы отъ своего опредѣленія отступились и ретраншамента, прожектированнаго его высокородіемъ статскимъ совѣтникомъ М. М. Лодыженскимъ, дѣлать не хотите, но желаете, пропустя столь долгое время, не зная совсѣмъ правилъ военной архитектуры, дѣлать около почтоваго жительства города Саратова валъ, не разсудя ниже мѣста способности лежащаго подъ высокою горою, отрѣзаннаго отъ воды и столь обширнаго, что ниже 3000 регулярнаго войска и великою артиллеріей защищать невозможно, пріемля только въ непреклонное себѣ правило, что вы, яко комендантъ, города и въ немъ церквей Божіихъ

покинуть не можете: то на сіе, окромѣ всѣхъ гг. штабъ и оберъ офицеровъ, находящихся здѣсь, согласныхъ со мною, объяснить вамъ имѣю, что комендантъ ввѣренной себѣ крѣпости никакъ до конца жизни своей покинуть не долженъ, тогда, когда уже онъ имѣетъ ее укрѣпленную и довольную людьми и потребностьми къ защищенію оной; а ежели всего онаго не имѣетъ, такъ какъ теперь и сожженный городъ Саратовъ, имѣющій единственное наименованіе города, то долженъ находить способы, чтобъ укрѣпиться въ пристойномъ по правиламъ военной архитектуры мѣстѣ, и въ немъ имѣть отъ непріятеля оборону. Мы же, какъ въ вышеупомянутомъ опредѣленіи согласились, чтобъ малое число оставить для защищенія въ ретраншаментѣ, а съ прочими силами итти на встрѣчу злодѣю, то чѣмъ вы свой обширный валъ, выходя на встрѣчу злодѣю, защищать будете? Это никому непонятно. Да и какое вы, не зная инженернаго искусства, лучше укрѣпленіе сдѣлать хотите, то также всѣмъ благоразумнымъ неизвѣстно. Церкви же Божіи защитить конечно должно; но какъ церковь не что иное есть, какъ собраніе людей правовѣрныхъ, слѣдовательно, ежели вы благоразумно защитите оныхъ, то въ нихъ защитите и церковь, а утвари оныхъ церквей въ томъ ретраншаментѣ помѣстить можете. На сіе на все прошу ваше высокоблагородіе скорѣйше мнѣ дать отвѣтъ, для донесенія его превосходительству, г. генералъ-маіору и кавалеру П. С. Потемкину, яко непосредственному начальнику Высочайшей Ея Величества власти, присланному нынѣ по коммиссіи бунтовщика Пугачева именнымъ Ея Императорскаго Величества Высочайшимъ повелѣніемъ. Мы же, находящіеся здѣсь штабъ и оберъ-офицеры, пріемлемъ всю тягость законовъ на себя, что вы оставите свой пустой, обширный и укрѣпленію неспособный лоскутъ земли, именуемой вами крѣпостію Саратовской, и за лучшее почтете едиными силами и нераздѣльно сдѣлать намъ вышеозначенный ретраншаментъ, такъ и поражать злодѣевъ, приказавъ нынѣ же всему вами собранному народу дѣлать прожектированное г. статскимъ совѣтникомъ Лодыженскимъ укрѣпленіе, въ чемъ во всемъ при васъ же и купцы здѣшняго города давно уже согласились

Б.—Изъ Саратова, отъ 3-го августа 1774 г.

Г. полковнику и саратовскому коменданту, лейбъ-гвардіи отъ поручика и коммисіонера Державина.

Сообщеніе.

Сего августа 3-го сообщеніе ваше получилъ и при немъ съ ордеру его превосходительства П. П. Кречетникова къ вамъ копію. На сіе вашему высокоблагородію сказать имѣю, что его превосходительство г. генералъ-маіоръ и кавалеръ то преминовать изволилъ, что ему его высокопревосходительство покойный г. генералъ-аншефъ и кавалеръ А. И. Бибиковъ обо мнѣ сообщить изволилъ. Ему написано было, что вслѣдствіе именнаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, я посланъ въ сію область, и предписано ему было во всѣхъ моихъ просьбахъ вспомоществовать. Но какъ его превосходительству о существѣ всей моей коммиссіи и ея потребностяхъ знать не дано, но рѣка Иргизъ не есть единственный мой постъ, и что не по-пусту требовалъ я въ бытность его превосходительства въ Саратовѣ отъ конторы опекунства иностранныхъ команду, то апробовано отъ высшихъ моихъ начальниковъ мнѣ съ похвалою. Сей мой отзывъ, въ самомъ его оригиналѣ, его превосходительству поднесть можете.

3.

Объ исторіи пугачевскаго бунта.

(Разборъ статьи, напечатанной въ „Сынѣ Отечества“, въ январѣ 1835 года).

(1836).

Въ отдѣлѣ Библіографіи № 3 „Сына Отечества и Сѣвернаго Архива“ за 1835 годъ явился отзывъ объ „Исторіи Пугачевскаго бунта“, подписанный буквами *П. К.* Свидѣтельствуя о невысокомъ уровнѣ литературнаго образованія автора, отзывъ этотъ, написанный нѣсколько съ высока, раздражилъ Пушкина — и онъ отвѣтилъ въ 3-й книжкѣ Современника желчною статьею, не пощадивъ автора рецензіи, имя котораго было обнаружено Сѣверною Пчелою. Авторъ ея былъ Владиміръ Богдановичъ Броневскій (1784—1835), морякъ, бывшій инспекторомъ тульскаго дворянскаго училища и затѣмъ помощникомъ инспектора пажескаго корпуса. Изъ сочиненій его Пушкину была извѣстна „Исторія Донскаго войска, описаніе земли Донской и поѣздка на Кавказъ“, въ 4 частяхъ (Спб. 1834). Кромѣ того онъ написалъ „Путешествіе изъ Тріеста до Петербурга“ (2 ч. Спб. 1810), „Записки морскаго офицера въ продолженіе кампаніи на Средиземномъ морѣ подъ начальствомъ Д. И. Синявина“ (4 ч. Спб. 1818, 1819), „Обозрѣніе южнаго берега Тавриды въ 1815 г.“ (Тула, 1822) и „Письма морскаго офицера“ (2 ч. М. 1825, 1826).

Вотъ отзывъ его объ „Исторіи Пугачевскаго бунта“:

„Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали мы этой книги, давно обѣщанной и „долго не выходившей въ свѣтъ. Многіе надѣялись и были въ томъ увѣрены, „что знаменитый нашъ поэтъ нарисуетъ намъ сей кровавый эпизодъ царствова-„нія Екатерины Великой кистію Байрона, подаритъ насъ картиною ужасною, „отъ которой, какъ отъ взгляда Пугачевскаго, не одна дама упадетъ въ обмо-„рокъ. Намъ казалось, что историческій отрывокъ, написанный слогомъ возвы-„шеннымъ, живымъ, перомъ пламеннымъ, поэтическимъ, не потеряетъ своего „внутренняго достоинства; ибо событія, извлеченныя изъ документовъ, не под-„лежащихъ сомнѣнію, еще свѣжихъ и памятныхъ для многихъ стариковъ, при „ихъ свидѣтельствѣ, не могли лишиться чрезъ это своей достовѣрности.

„Послѣ долгаго ожиданія, наконецъ получили мы двѣ толстыя книги, въ „мрачной, какъ тюремныя стѣны, оберткѣ, съ торопливостію разрѣзали первую „часть, съ жадностію прочли ее. За одинъ пріемъ прочли и вторую; и не уто-„мленные чтеніемъ, но чѣмъ-то недовольные, мы снова, и съ большимъ внима-„ніемъ принялись за первую часть, которой половина составляетъ неотъемлемую „собственность автора. Но къ крайнему сожалѣнію убѣдились наконецъ, что „авторъ на новомъ для него историческомъ поприщѣ, разрѣшился d'un enfant „mort-né. Это мертворожденное дитя, при ближайшемъ его разсмотрѣніи, не „походитъ на знаменитаго своего родителя. — Въ Исторіи Пугачевскаго бунта, „дѣйствительно все такъ холодно и сухо, что тщетно будутъ искать въ немъ „труда знаменитаго нашего поэта. Къ удивленію, и признаюсь, къ сожалѣнію „нашему, мы не нашли въ немъ, ни одного чувства, ни одной искры жизни. „Пушкинъ, какъ историкъ, такъ мало походитъ на Пушкина поэта, что мы „удивляясь такому его самоотверженію, не хвалимъ его за насиліе самому себѣ „сдѣланное, и досадуемъ, что ему вздумалось, исписавъ 168 страницъ, ни однимъ „словомъ, ни однимъ выраженіемъ не измѣнить своей пламенной природѣ, все-„гда сильно чувствующей и пишущей перомъ огненнымъ.

„Конечно, авторъ имѣлъ свои причины написать Исторію П. б. такимъ, а „не инымъ слогомъ; на то была его воля, и онъ по праву, принадлежащему „всякому гражданину литературной республики, написалъ ее такъ, какъ ему „вздумалось, или какъ случилось. Мы не осуждаемъ его за то, но по добро„желательству къ нему, изъявивъ только наше личное о томъ сожалѣніе, раз„смотримъ трудъ его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ предлагаетъ его публикѣ.

„Твореніе г. Пушкина заключаетъ въ себѣ все то, что было обнародовано „правительствомъ, касательно Пугачева; онъ присоединилъ къ этому нѣсколько „рукописей, преданій и свидѣтельствъ живыхъ. Сіи совокупленные вмѣстѣ фак„ты составляютъ драгоцѣнный матеріалъ, и притомъ столь полезный, что буду„щему историку и безъ пособія нераспечатаннаго еще дѣла о Пугачевѣ, не трудно „будетъ исправить нѣкоторые поэтическіе вымыслы, незначущіе недосмотры, и „дать сему мертвому матеріалу жизнь новую и блистательную. Если г. Пушкину „не разсудилось освѣтить свои труды надлежащимъ свѣтомъ, если ему не угодно „было взглянуть на свое твореніе съ надлежащей точки зрѣнія и покрыть его „колоритомъ Пугачевщины и всѣхъ ужасовъ сего страшнаго періода времени; то „по долгу безпристрастія мы похваляемъ его за первый дѣльный, полезный трудъ, „въ которомъ онъ сохранилъ все существенное, все то, что́ французы называ„ютъ la chose. Добросовѣстно хваля трудолюбіе его, мы съ удовольствіемъ при„бавимъ, что въ Исторіи п. б. мы нашли весьма немного ошибокъ, которыя по „долгу критики замѣчаемъ, не въ судъ и осужденіе автору, а единственно для „пользы наукъ, для его и общей пользы".

Далѣе слѣдовали тѣ 12 замѣчаній, которыя читатель найдетъ ниже при отвѣтахъ Пушкина, потому что Пушкинъ выписалъ ихъ всѣ до одного дословно и безъ всякихъ сокращеній. Статья заключалась слѣдующими словами:

„Сіи немногіе недостатки ни мало не уменьшаютъ внутренняго достоинства „книги, и если бы нашлось и еще нѣсколько ошибокъ, книга по содержанію сво„ему всегда останется достойною вниманія публики. Въ недавнемъ еще времени „сочинители жаловались на равнодушіе читателей, читатели съ большею спра„ведливостію могли жаловаться на равнодушіе писателей. Одни романы, повѣсти „и сказки еще въ прошедшемъ годѣ занимали всѣхъ и каждаго.—Съ удовольствi„емъ можно теперь замѣтить, что въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ истекшаго „года, вышло нѣсколько историческихъ сочиненій, и ни одного почти романа, „кромѣ дѣятельнаго производства фабрики Орлова и комп. Сказанія Курбскаго, „Исторія Донская [1]), Исторія Армянская, Исторія Ойротовъ, Извѣстія о Волж„скихъ Калмыкахъ, Записки о походѣ 1813 г., Исторія Пугачевскаго бунта, „Картина послѣдней съ Персіею войны и пр. и пр. Замѣнятъ ли сіи важныя со„чиненія убыль въ романахъ, и будутъ ли они, вообще говоря, съ такою же „благосклонностію приняты публикою—покажетъ время. Пріятное всегда пред„почиталось полезному. Желательно, чтобы почтенные писатели нашли столь же „трудолюбивыхъ послѣдователей; желательно, чтобы они нашли достаточное чи„сло такихъ читателей, которые иногда и полезное предпочитаютъ пріятному".

Нѣсколько дней послѣ выхода изъ печати „Исторіи Пугачевскаго Бунта" явился въ „Сынѣ Отечества" разборъ этой книги. Я почелъ за долгъ прочитать его со вниманіемъ, надѣясь воспользоваться замѣчаніями неизвѣстнаго критика. Въ самомъ дѣлѣ, онъ

[1]) Авторъ имѣетъ въ виду свое сочиненіе (см. стр. 417).

указалъ мнѣ на одну ошибку и на три важныя опечатки. Статья вообще показалась мнѣ произведеніемъ человѣка, имѣющаго мало свѣдѣній о предметѣ, мною описанномъ. Я собирался при другомъ изданіи исправить замѣченныя погрѣшности, оправдаться въ несправедливыхъ обвиненіяхъ и принести изъявленіе искренней моей благодарности рецензенту, тѣмъ болѣе, что его разборъ написанъ со всевозможной умѣренностію и благосклонностію.

Недавно въ „Сѣверной Пчелѣ" сказано было, что сей разборъ составленъ покойнымъ Броневскимъ, авторомъ „Исторіи Донскаго Войска". Это заставило меня перечесть его критику и возразить на оную въ моемъ журналѣ, тѣмъ болѣе что „Исторія Пугачевскаго Бунта", не имѣвъ въ публикѣ никакого успѣха, вѣроятно не будетъ имѣть и новаго изданія.

Въ началѣ своей статьи, критикъ, изъявляя сожалѣніе о томъ, что „Исторія Пугачевскаго Бунта" писана вяло, холодно, сухо, а не пламенной кистію Байрона и проч., признаетъ, что эта книга „есть драгоцѣнный матеріалъ, и что будущему историку, и безъ пособія нераспечатаннаго еще дѣла о Пугачевѣ, не трудно будетъ исправить нѣкоторые поэтическіе вымыслы, незначащіе недосмотры, и дать сему мертвому матеріалу жизнь новую и блистательную". За симъ г. Броневскій отмѣчаетъ сіи поэтическіе вымыслы и недосмотры „не въ судъ и осужденіе автору, а единственно для пользы наукъ, для его и общей пользы". Будемъ слѣдовать за каждымъ шагомъ нашего рецензента.

Критика г. Броневскаго. „На сей-то рѣкѣ (Яикѣ)", говоритъ г. Пушкинъ, въ XV столѣтіи явились донскіе казаки".

Выписанное въ подтвержденіе сего факта изъ Исторіи Уральскихъ Казаковъ г. Левшина (см. прим. 1, 3—8 стр.) долженствовало бы убѣдить автора, что донскіе казаки пришли на Яикъ въ XVI, а не въ XV столѣтіи, и именно около 1584 года.

Объясненіе. Есть разница между появленіемъ казаковъ на Яикѣ и поселеніемъ ихъ на сей рѣкѣ. Въ русскихъ лѣтописяхъ упоминается о казакахъ не прежде, какъ въ XVI столѣтіи; но преданіе могло сохранить то, о чемъ умалчивала хроника. Наша лѣтопись въ первый разъ о татарахъ упоминаетъ въ XIII столѣтіи, но татаре существовали и прежде. Г. Левшинъ неоспоримо доказалъ, что казаки поселились на Яикѣ не прежде XVI столѣтія. Къ сему же времени должно отнести и существованіе полу-баснословной Гугнихи. Г. Левшинъ, опровергая Рычкова, спрашиваетъ: какъ могла она (Гугниха) помнить происшествія, которыя были почти за сто лѣтъ до ея рожденія? Отвѣчаю: такъ же, какъ и мы помнимъ происшествія временъ Императрицы Анны Іоанновны—по преданію.

Критика г. Броневскаго. Вся первая глава, служащая введеніемъ къ „Исторіи Пугачевскаго Бунта", какъ краткая выписка изъ сочиненія г. Левшина, не имѣла, какъ думаемъ, никакой нужды въ огромномъ примѣчаніи къ сей главѣ (26 стр. мелкой печати), которое составляетъ почти всю небольшую книжку г. Левшина. Книжка эта не есть древность или такая рѣдкость, которой за деньги

купить нельзя; посему почтенный авторъ могъ и долженъ былъ ограничить себя однимъ указаніемъ, откуда первая глава имъ заимствована.

Объясненіе. Полное понятіе о внутреннемъ управленіи яицкихъ казаковъ, объ образѣ жизни ихъ и проч. необходимо для совершеннаго объясненія Пугачевскаго бунта; и потому необходимо и огромное (т. е. пространное) примѣчаніе къ 1-й главѣ моей книги. Я не видѣлъ никакой нужды пересказывать по своему то, что было уже сказано какъ нельзя лучше г-мъ Левшинымъ, который, по своей благосклонной снисходительности, не только дозволилъ мнѣ воспользоваться его трудомъ, но еще доставилъ мнѣ свою книжку, сдѣлавшуюся довольно рѣдкою.

Критика г. Броневскаго. „Извѣстно", говоритъ авторъ, „что въ царствованіе Анны Іоанновны Игнатій Некрасовъ успѣлъ увлечь за собою множество Донскихъ казаковъ въ Турцію". Стр. 16.

Некрасовцы бѣжали съ Дона на Кубань въ царствованіе Петра Великаго, во время Булавинскаго бунта, въ 1708 году. См. Исторію Д. Войска, Исторію Петра Великаго Берхмана и другія.

Объясненіе. Что Булавинъ и Некрасовъ бунтовали въ 1708 году, это неоспоримо. Неоспоримо и то, что въ слѣдующемъ сей послѣдній оставилъ Донъ и поселился на Кубани. Но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобъ при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ не могъ онъ съ своими единомышленниками перейти на турецкіе берега Дуная, гдѣ нынѣ находятся селенія Некрасовцевъ. Въ Исторіи Петра I-го въ послѣдній разъ объ нихъ упоминается въ 1711 году, во время переговоровъ при Прутѣ. Некрасовцы поручены покровительству крымскаго хана (къ великой досадѣ Петра I-го, требовавшаго возвращенія бѣглецовъ и наказанія ихъ предводителя). Положившись на показанія рукописнаго Историческаго Словаря, составленнаго учеными и трудолюбивыми издателями „Словаря о святыхъ угодникахъ", я повѣрилъ, что Некрасовцы перешли съ Кубани на Дунай во время походовъ графа Миниха, въ то время, какъ запорожцы признали снова владычество русскихъ государей *). Но это показаніе несправедливо: Некрасовцы оставили Кубань гораздо позже, именно въ 1775 году. Г. Броневскій (авторъ „Исторіи Донскаго Войска") и самъ не зналъ сихъ подробностей; но тѣмъ не менѣе благодаренъ я ему за дѣльное замѣчаніе, заставившее меня сдѣлать новыя успѣшныя изслѣдованія.

Критика г. Броневскаго. Атаманъ Ефремовъ былъ смѣненъ, а на его мѣсто избранъ Семенъ Силинъ. Послано повелѣніе въ Черкаскъ сжечь домъ Пугачева... Государыня не согласилась по просьбѣ начальства перенесть станицу на другое мѣсто, хотя бы и менѣе выгодное; она согласилась только переименовать Зимовейскую станицу Потемкинскою. Стр. 74.

---

*) Измѣнникъ Орликъ, сподвижникъ Мазепы, современникъ Некрасова, былъ тогда еще живъ и пріѣзжалъ изъ Бендеръ уговаривать старинныхъ своихъ товарищей (Пр. П.)

Въ 1772 году войсковой атаманъ Степанъ Ефремовъ, за недоставленіе отчетовъ объ израсходованныхъ суммахъ, былъ арестованъ и посаженъ въ крѣпость; вмѣсто его пожалованъ изъ старшинъ въ наказные атаманы Алексѣй Иловайскій. Силинъ не былъ донскимъ войсковымъ атаманомъ. Изъ Донской Исторіи не видно, чтобы правительство приказало сжечь домъ Пугачева; а видно только, что, по прошенію донскаго начальства, Зимовейская станица перенесена на выгоднѣйшее мѣсто и названа Потемкинскою. См. „Исторію Д. Войска" стр. 88 и 124 части I.

Объяснение. Въ 1773 и 74 году войсковымъ атаманомъ донскаго войска былъ Семенъ Сулинъ (а не Силинъ). Иловайскій былъ избранъ уже на его мѣсто. У меня было въ рукахъ болѣе пятнадцати указовъ на имя войсковаго атамана Семена Сулина и столько же докладовъ отъ войсковаго атамана Семена Сулина. Въ „Русскомъ Инвалидѣ", въ нынѣшнемъ 1836 году, напечатано нѣсколько донесеній отъ полковника Платова къ войсковому атаману Семену Никитичу Сулину во время осады Силистріи въ 1773 году. Правда, что въ „Исторіи Донскаго Войска" (сочиненіи моего рецензента) не упомянуто о Семенѣ Сулинѣ. Это пропускъ важный и, къ сожалѣнію, не единственный въ его книгѣ.

Г. Броневскій также несправедливо оспориваетъ мое показаніе, что послано было изъ Петербурга повелѣніе сжечь домъ и имущество Пугачева, ссылаясь опять на свою „Исторію Донскаго Войска", гдѣ о семъ обстоятельствѣ опять не упомянуто. Указъ о томъ, писанный на имя атамана Сулина, состоялся 1774 года января 10 (NB казнь Пугачева совершилась ровно черезъ годъ, 1775 года 10 января). Вотъ собственныя слова указа:

„Дворъ Емельки Пугачева, въ какомъ бы онъ худомъ или лучшемъ состояніи ни находился, и хотя бы состоялъ онъ въ развалившихся токмо хижинахъ, имѣетъ донское войско, при присланномъ отъ оберъ-коменданта крѣпости Св. Димитрія штабъ-офицерѣ, собравъ священный той станицы чинъ, старѣйшинъ и прочихъ оной жителей, при всѣхъ ихъ сжечь, и на томъ мѣстѣ черезъ палача или профоса пепелъ развѣять; потомъ это мѣсто огородить надолбами, или рвомъ окопать, оставя на вѣчныя времена безъ поселенія, какъ оскверненное жительствомъ на немъ всѣ казни лютыя и истязанія дѣлами своими превосшедшаго злодѣя, котораго имя останется мерзостію навѣки, а особливо для донскаго общества, яко оскорбленнаго ношеніемъ тѣмъ злодѣемъ казацкаго на себѣ имени, — хотя отнюдь такимъ богомерзкимъ чудовищемъ ни слава войска донскаго, ни усердіе онаго, ни ревность къ Намъ и Отечеству помрачаться и ни малѣйшаго нареканія претерпѣть не можетъ".

Я имѣлъ въ рукахъ донесеніе Сулина о точномъ исполненіи указа (иначе и быть не могло). Въ семъ-то донесеніи Сулинъ отъ имени жителей Зимовейской станицы проситъ о дозволеніи перенести ихъ жилища съ земли, оскверненной пребываніемъ злодѣя, на другое мѣсто, хотя бы и менѣе удобное. Отвѣта я не нашелъ; но по всѣмъ новѣйшимъ картамъ видно, что Потемкинская станица стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ на старинныхъ означена Зимовейская.

Изъ сего я вывелъ заключеніе, что государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердія, и только переименовала Зимовейскую станицу въ Потемкинскую.

Критика г. Броневскаго. Авторъ не сличилъ показанія жены Пугачева съ его собственнымъ показаніемъ; явно, что свидѣтельство жены не могло быть вѣрно: она, конечно, не могла знать всего и, конечно, не все высказала, что знала. Собственное же признаніе Пугачева, что онъ скрывался въ Польщѣ, должно предпочесть показанію станичнаго атамана Трофима Ѳомина, въ которомъ сказано, что будто бы Пугачевъ, отлучаясь изъ дому въ разное время, кормился милостынею!! и въ 1771 былъ на Кумѣ. — Но Пугачевъ въ началѣ 1772 года явился на Яикъ съ польскимъ фальшивымъ паспортомъ, котораго онъ на Кумѣ достать не могъ.

На Дону по преданію извѣстно, что Пугачевъ до Семилѣтней войны промышлялъ, по обычаю предковъ, на Волгѣ, на Кумѣ и около Кизляра; послѣ первой турецкой войны скрывался между польскими и глуховскими раскольниками. Словомъ, въ мирное время иногда приходилъ въ домъ свой на короткое время; а постоянно занимался воровствомъ и разбоемъ въ окрестностяхъ Донской земли, около Данкова, Таганрога и Острожска.

Объясненіе. Показанія мои извлечены изъ оффиціальныхъ, неоспоримыхъ документовъ. Рецензентъ мой, укоряя меня въ несообразностяхъ, не показываетъ, въ чемъ оныя состоятъ. Изъ показаній жены Пугачева, станичнаго атамана Ѳомина и наконецъ самого самозванца, въ концѣ (а не въ началѣ) 1772 года приведеннаго въ Малыковскую канцелярію, видно, что онъ въ 1771 году отпущенъ изъ арміи на Донъ по причинѣ болѣзни; что въ концѣ того же года, уличенный въ возмутительныхъ рѣчахъ, онъ успѣлъ убѣжать, и тайно возвратясь домой въ началѣ 1772 года, былъ схваченъ, и бѣжалъ опять. Здѣсь прекращаются свѣдѣнія, собранныя правительствомъ на Дону. Самъ Пугачевъ показалъ, что весь 1772 годъ скитался онъ за польской границею и пришелъ оттуда на Яикъ, кормясь милостынею (о чемъ Ѳоминъ не упоминаетъ ни слова). Г. Броневскій, выписывая сіе послѣднее показаніе, подчеркиваетъ слово милостыня и ставитъ нѣсколько знаковъ удивленія (!!); но что жъ удивительнаго въ томъ, что нищій бродяга питается милостынею? Г. Броневскій, не взявъ на себя труда сличить мои показанія съ документами, приложенными къ „Исторіи Пугачевскаго Бунта", кажется, не читалъ и манифеста о преступленіяхъ казака Пугачева, въ которомъ именно сказано, что онъ кормился отъ подаянія. (См. манифестъ отъ 19-го декабря 1774 года, въ „Приложеніи къ Исторіи Пугачевскаго Бунта").

Г. Броневскій, опровергая свидѣтельство жены Пугачева, показанія станичнаго атамана Ѳомина и оффиціально обнародованное извѣстіе, пишетъ, что Пугачевъ въ началѣ 1772 года явился на Яикѣ съ польскимъ фальшивымъ паспортомъ, котораго онъ на Кумѣ достать не могъ. — Пугачевъ въ началѣ 1772 года былъ на Кубани и на Дону; онъ явился на Яикъ въ концѣ того же года не съ польскимъ фальшивымъ паспортомъ, но съ рус-

скимъ, даннымъ ему отъ начальства, имъ обманутаго, съ Добрянскаго форноста. Преданіе, слышанное г. Броневскимъ, будто бы Пугачевъ, по обычаю предковъ (!), промышлялъ разбоями на Волгѣ, на Кумѣ и около Кизляра, ни на чемъ не основано и опровергнуто оффиціальными, достовѣрнѣйшими документами. Пугачевъ былъ подозрѣваемъ въ воровствѣ (см. показаніе Ѳомина); но до самаго возмущенія Яицкаго войска ни въ какихъ разбояхъ не бывалъ.

Г. Броневскій, оспоривая достовѣрность неоспоримыхъ документовъ, имѣлъ, кажется, въ виду оправдать собственныя свои показанія, помѣщенныя имъ въ „Исторіи Донскаго Войска". Тамъ сказано, что природа одарила Пугачева чрезвычайной живостію, и съ неустрашимымъ мужествомъ дала ему и силу тѣлесную и твердость душевную; но что, къ несчастію, ему недоставало самой лучшей и нужнѣйшей прикрасы— добродѣтели; что отецъ его былъ убитъ въ 1738 г.; что двѣнадцатилѣтній Пугачевъ, гордясь своимъ одиночествомъ, своею свободою, съ дерзостію и самонадѣяніемъ вызывалъ дѣтей равныхъ съ нимъ лѣтъ на бой, нападалъ храбро, билъ ихъ всегда; что въ одной изъ такихъ забавъ убилъ онъ предводителя противной стороны; что по пятнадцатому году онъ уже не терпѣлъ никакой власти; что на двадцатомъ году ему стало тѣсно и душно на родной землѣ; что честолюбіе мучило его; что вслѣдствіе того онъ сѣлъ однажды на коня и пустился искать приключеній въ чистое поле; что онъ поѣхалъ на востокъ, достигнулъ Волги и увидѣлъ большую дорогу; что встрѣтивъ четырехъ удальцовъ, началъ онъ съ ними грабить и разбойничать; что, вѣроятно, онъ занимался разбоями только во время мира, а во время войны служилъ въ казачьихъ полкахъ; что генералъ Тотлебенъ, во время Прусской войны, увидѣвъ однажды Пугачева, сказалъ окружавшимъ его чиновникамъ: „чѣмъ болѣе смотрю на сего казака, тѣмъ болѣе поражаюсь сходствомъ его съ великимъ княземъ" и проч. и проч. (См. „Исторію Донскаго Войска" ч. II гл. XI). Все это ни на чемъ не основано и заимствовано г. Броневскимъ изъ пустаго нѣмецкаго романа „Ложный Петръ III", не заслуживающаго никакого вниманія. Г. Броневскій, укоряющій меня въ какихъ-то поэтическихъ вымыслахъ, самъ поступилъ неосмотрительно, повторивъ въ своей „Исторіи" вымыслы столь нелѣпые.

Критика г. Броневскаго. „Шигаевъ, думая заслужить себѣ прощеніе, задержалъ Пугачева и Хлопошу, и послалъ къ оренбургскому губернатору сотника Лонгинова съ предложеніемъ о выдачѣ самозванца". Но въ поставленномъ тутъ же подъ № 12 примѣчаніи авторъ говоритъ, что сіе показаніе Рычкова невѣроятно: ибо Пугачевъ и Шигаевъ, послѣ бѣгства ихъ изъ-подъ Оренбурга, продолжали дѣйствовать заодно.

Если показаніе Рычкова невѣроятно, то въ текстъ и не должно было его ставить; если же Шигаевъ только въ крайнемъ случаѣ въ самомъ дѣлѣ думалъ предать Пугачева, то это обстоятельство

не мѣшало продолжать дѣйствовать заодно съ Пугачевымъ: ибо бѣда еще не наступила. Историку, конечно, показалось труднымъ сличать противорѣчащія показанія и выводить изъ нихъ слѣдствія; но это его обязанность, а не читателей".

Объясненіе. Выписываю точныя слова текса и примѣчаніе на оный:

„Послѣ сраженія подъ Татищевой, Пугачевъ съ 60 казаками пробился сквозь непріятельское войско и прискакалъ самъ-пятъ въ Бердскую слободу съ извѣстіемъ о своемъ пораженіи. Бунтовщики начали выбираться изъ Берды, кто верхомъ, кто на саняхъ. На воза громоздили награбленное имущество. Женщины и дѣти шли пѣшія. Пугачевъ велѣлъ разбить бочки вина, стоявшія у его избы, опасаясь пьянства и смятенія. Вино хлынуло по улицѣ. Между тѣмъ Шигаевъ, видя, что все пропало, думалъ заслужить себѣ прощеніе, и задержавъ Пугачева и Хлопушу, послалъ отъ себя къ оренбургскому губернатору съ предложеніемъ о выдачѣ ему самозванца, и прося дать ему сигналъ двумя пушечными выстрѣлами.

„Примѣчаніе. Рычковъ пишетъ, что Шигаевъ велѣлъ связать Пугачева. Показаніе невѣроятное. Увидимъ, что Пугачевъ и Шигаевъ дѣйствовали заодно нѣсколько времени послѣ бѣгства ихъ изъ-подъ Оренбурга".

Шигаевъ, человѣкъ лукавый и смышленый, могъ подъ какимъ ни есть предлогомъ задержать нехитрага самозванца; но не думаю, чтобъ онъ его связалъ: Пугачевъ этого ему бы не простилъ.

Критика г. Броневскаго. Стр. 97. „Уфа была освобождена. Михельсонъ, нигдѣ не останавливаясь, пошелъ на Тибинскъ, куда послѣ Чесноковскаго дѣла прискакали Ульяновъ и Чика. Тамъ они были схвачены казаками и выданы побѣдителю, который отослалъ ихъ скованныхъ въ Уфу". Въ примѣчаніи же 16-мъ принадлежащемъ къ сей V главѣ, сказано совсѣмъ другое, именно: „По своемъ разбитіи, Чика съ Ульяновымъ остановился ночевать въ Богоявленскомъ мѣдноплавильномъ заводѣ. Прикащикъ угостилъ ихъ и, напоивъ до пьяна, ночью связалъ и представилъ въ Тобольскъ. Михельсонъ подарилъ 500 руб. прикащиковой женѣ, подавшей совѣтъ напоить бѣглецовъ".

Мѣсто дѣйствія находилось въ окрестностяхъ Уфы; а посему прикащикъ не имѣлъ нужды отсылать преступниковъ въ Тобольскъ, находящійся отъ Уфы въ 1145 верстахъ.

Объясненіе. Если бы г. Броневскій потрудился взглянуть на текстъ, то онъ тотчасъ исправилъ бы опечатку, находящуюся въ примѣчаніи. Въ текстѣ сказано, что Ульяновъ и Чика были выданы Михельсону въ Табинскѣ (а не въ Тобольскѣ, который слишкомъ далеко отстоитъ отъ Уфы, и не въ Тибинскѣ, который не существуетъ).

Критика г. Броневскаго. „Солдатамъ начали выдавать въ сутки по четыре фунта муки, т. е. десятую часть мѣры обыкновенной". Стр. 100.

Солдатъ получаетъ въ сутки два фунта муки, или по три фунта печенаго хлѣба. По означенной выше мѣрѣ выйдетъ, что солдаты

во время осады получали двойную порцію, или что весь гарнизонъ состоялъ изъ 20 только человѣкъ. Тутъ что нибудь да не такъ.

Объясненіе. Очевидная опечатка: вмѣсто четыре фунта, должно читать четверть фунта, что и составитъ около десятой части мѣры обыкновенной, т. е. двухъ фунтовъ печенаго хлѣба. Смотри статью „Объ осадѣ Яицкой крѣпости", откуда заимствовано сіе показаніе. Вотъ собственныя слова неизвѣстнаго повѣствователя: „Солдатамъ стали выдавать въ сутки только по четверти фунта муки, что составляетъ десятую часть обыкновенной порціи".

Критика г. Броневскаго. Въ примѣчаніи 18, стр. 52, сказано, что оборона Яицкой крѣпости составлена по статьѣ, напечатанной въ „Отечественныхъ Запискахъ" и по журналу коменданта полковника Симонова. Какъ авторъ принялъ уже за правило помѣщать вполнѣ всѣ акты, изъ которыхъ онъ что-либо заимствовалъ, то журналъ Симонова, нигдѣ до сего не напечатанный, заслуживалъ быть помѣщеннымъ въ примѣчаніяхъ также вполнѣ, какъ Рычкова — объ осадѣ Оренбурга и архимандрита Платона—о сожженіи Казани.

Объясненіе. Я не могъ помѣстить всѣ акты, изъ коихъ заимствовалъ сои свѣдѣнія. Это составило бы болѣе десяти томовъ: я долженъ былъ ограничиться любопытнѣйшими.

Критика г. Броневскаго. Стр. 129. „Михельсонъ, оставя Пугачева вправѣ, пошелъ прямо на Казань, и 11-го іюля вечеромъ былъ уже въ 15 верстахъ отъ нея. — Ночью отрядъ его тронулся съ мѣста. Поутру, въ 45 верстахъ отъ Казани, услышалъ пушечную пальбу!.." Маленькій недосмотръ!

Объясненіе. Важный недосмотръ: вмѣсто въ 15 верстахъ, должно читать въ пятидесяти.

Критика г. Броневскаго. „Пугачевъ отдыхалъ сутки въ Сарептѣ, оттуда пустился внизъ къ Черному Яру. Михельсонъ шелъ по его пятамъ. Наконецъ, 25 августа на разсвѣтѣ, онъ настигнулъ Пугачева въ ста пяти верстахъ отъ Царицына. Здѣсь Пугачевъ, разбитый въ послѣдній разъ, бѣжалъ, и въ семидесяти верстахъ отъ мѣста сраженія переплылъ Волгу выше Черноярска". Стр. 155—156.

Изъ сего описанія видно, что Пугачевъ переплылъ Волгу въ 175 верстахъ ниже Царицына; а какъ между симъ городомъ и Чернояромъ считается только 155 верстъ, то изъ сего выходитъ, что онъ переправился чрезъ Волгу ниже Чернояра въ 20 верстахъ.— По другимъ извѣстіямъ, Пугачеву нанесенъ послѣдній ударъ подъ самымъ Царицынымъ, откуда онъ бѣжалъ по дорогѣ къ Чернояру, и въ сорока верстахъ отъ Царицына переправился черезъ Волгу, то есть верстахъ въ десяти ниже Сарепты.

Объясненіе. Выписываю точныя слова текста:

„Пугачевъ стоялъ на высотѣ, между двумя дорогами. Михельсонъ ночью обошелъ его и сталъ противу мятежниковъ. Утромъ Пугачевъ опять увидѣлъ предъ собою своего грознаго гонителя; но не смутился, а смѣло пошелъ на Михельсона, отрядивъ свою пѣшую сволочь противу донскихъ и чугуевскихъ казаковъ, стоящихъ

по обоимъ крыламъ отряда. Сраженіе продолжалось недолго. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ разстроили мятежниковъ. Михельсонъ на нихъ ударилъ. Они бѣжали, бросая пушки и весь обозъ. Пугачевъ, переправясь черезъ мостъ, напрасно старался ихъ удержать; онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ ними. Ихъ били и преслѣдовали сорокъ верстъ. Пугачевъ потерялъ до четырехъ тысячъ убитыми и до семи тысячъ взятыми въ плѣнъ. Остальные разсѣялись. Пугачевъ, въ семидесяти верстахъ отъ мѣста сраженія, переплылъ Волгу выше Черноярска на четырехъ лодкахъ и ушелъ на луговую сторону, не болѣе какъ съ тридцатью казаками. Преслѣдовавшая его конница опоздала четвертью часа. Бѣглецы, не успѣвшіе переправиться на лодкахъ, бросились вплавь и перетонули".

Рецензентъ пропустилъ безъ вниманія главное обстоятельство, поясняющее дѣйствіе Михельсона, который ночью обошелъ Пугачева и, слѣдственно, разбивъ его, погналъ не внизъ, а вверхъ по Волгѣ, къ Царицыну. Такимъ образомъ мнимая нелѣпость моего разсказа исчезаетъ. Не понимаю, какимъ образомъ военный человѣкъ и военный писатель (ибо г. Броневскій писалъ военныя книги) могъ сдѣлать столь опрометчивую критику на мѣсто столь ясное само по себѣ!

Критика г. Броневскаго. Къ VI главѣ 6 примѣчанія не достаетъ. См. 123 и 55 стр..

На картѣ не означено многихъ мѣстъ, и даже городовъ и крѣпостей. Это чрезвычайно затрудняетъ читателя.

Объясненіе. Цыфръ, означающій ссылку на замѣчаніе, есть опечатка.

Карта далеко не полна; но оная была необходима, и я не имѣлъ возможности составить другую, болѣе совершенную.

Г. Броневскій заключаетъ свою статью слѣдующими словами: „Сіи немногіе недостатки нимало не уменьшаютъ внутренняго достоинства книги, и если бы нашлось и еще нѣсколько ошибокъ, книга, по содержанію своему, всегда останется достойною вниманія публики".

Если бы всѣ замѣчанія моего критика были справедливы, то врядъ ли книга моя была бы достойна вниманія публики, которая въ правѣ требовать отъ историка если не таланта, то добросовѣстности въ трудахъ и осмотрительности въ показаніяхъ. Знаю, что оправдываться опечатками легко; но, надѣюсь, читатели согласятся, что Тобольскъ вмѣсто Табинскъ, въ пятнадцати верстахъ вмѣсто въ пятидесяти верстахъ, и наконецъ четыре фунта вмѣсто четверти фунта болѣе походятъ на опечатки, нежели слѣдующія errata, которыя гдѣ-то мы видѣли: Митрополитъ—читай: простой священникъ, духовникъ царскій; зала въ тридцать саженей вышины — читай: зала въ пятнадцать аршинъ вышины; Петръ I изъ Вѣны отправился въ Венецію — читай: Петръ I изъ Вѣны поспѣшно возвратился въ Москву.

Рецензенту, наскоро набрасывающему бѣглыя замѣчанія на книгу, бѣгло прочитанную, очень извинительно ошибаться; но автору, посвятившему два года на составленіе ста шестидесяти осьми стра-

ничекъ, таковое небреженіе и легкомысліе были бы непростительны. Я долженъ былъ поступать тѣмъ съ большею осмотрительностію, что въ изложеніи военныхъ дѣйствій (предметѣ для меня совершенно новомъ) не имѣлъ я тутъ никакого руководства, кромѣ донесеній частныхъ начальниковъ, показаній казаковъ, бѣглыхъ крестьянъ и тому подобнаго—показаній, часто другъ другу противорѣчащихъ, преувеличенныхъ, иногда совершенно ложныхъ. Я прочелъ со вниманіемъ все, что было напечатано о Пугачевѣ, и сверхъ того 18 толстыхъ томовъ in-folio разныхъ рукописей, указовъ, донесеній и проч. Я посѣтилъ мѣста, гдѣ произошли главныя событія эпохи мною описанной, повѣряя мертвые документы словами еще живыхъ, но уже престарѣлыхъ очевидцевъ, и вновь повѣряя ихъ дряхлѣющую память историческою критикою.

Сказано было, что „Исторія Пугачевскаго Бунта“ не открыла ничего новаго, неизвѣстнаго. Но вся эта эпоха была худо извѣстна. Военная часть оной никѣмъ не была обработана; многое даже могло быть обнародовано только съ Высочайшаго соизволенія. Взглянувъ на „Приложенія къ Исторіи Пугачевскаго Бунта“, составляющія весь второй томъ, всякій легко удостовѣрится во множествѣ важныхъ историческихъ документовъ, въ первый разъ обнародованныхъ. Стóитъ упомянуть о собственноручныхъ указахъ Екатерины II, о нѣсколькихъ ея письмахъ, о любопытной лѣтописи нашего славнаго академика Рычкова, коего труды ознаменованы истинной ученостію и добросовѣстностію—достоинствами столь рѣдкими въ наше время, о множествѣ писемъ знаменитыхъ особъ, окружавшихъ Екатерину: Панина, Румянцова, Бибикова, Державина и другихъ... Признаюсь, я полагалъ себя въ правѣ ожидать отъ публики благосклоннаго пріема, конечно, не за самую „Исторію Пугачевскаго Бунта“, но за историческія сокровища, къ ней приложенныя. Сказано было, что историческая достовѣрность моего труда поколебалась отъ разбора г. Броневскаго. Вотъ доказательство, какое вліяніе имѣетъ у насъ критика, какъ бы поверхностна и неосновательна она ни была!

Теперь обращаюсь къ г. Броневскому, уже не какъ къ рецензенту, но какъ къ историку.

Въ своей „Исторіи Донскаго Войска“ онъ помѣстилъ краткое извѣстіе о Пугачевскомъ бунтѣ. Источниками служили ему: вышеупомянутый романъ „Ложный Петръ III“, „Жизнь А. И. Бибикова“, и, наконецъ, преданія, слышанныя имъ на Дону. О романѣ мы уже сказали наше мнѣніе. „Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова“ по всѣмъ отношеніямъ очень замѣчательная книга, а въ нѣкоторыхъ—и авторитетъ. Что касается до преданій, то если оныя съ одной стороны драгоцѣнны и незамѣнимы, то съ другой я по опыту знаю, сколь много требуютъ они строгой повѣрки и осмотрительности. Г. Броневскій не умѣлъ ими пользоваться. Преданія, собранныя имъ, не даютъ его разсказу печати живой современности, а показанія, на нихъ основанныя, сбивчивы, темны, а иногда и совершенно ложны.

Укажемъ и мы на нѣкоторые вымыслы (къ сожалѣнію,

не поэтическіе), на нѣкоторые недосмотры и явныя несообразности.

Приводя вышеупомянутый анекдотъ о Тотлебенѣ, будто бы замѣтившемъ сходство между Петромъ III и Пугачевымъ, г. Броневскій пишетъ: „Если анекдотъ сей справедливъ, то можно согласиться, что слова сіи, просто сказанныя, хотя въ то время не сдѣлали на умъ Пугачева большаго впечатлѣнія, по впослѣдствіи могли подать ему мысль называться императоромъ". А черезъ нѣсколько страницъ г. Броневскій пишетъ: „Пугачевъ принялъ предложеніе яицкаго казака Ивана Чики, болѣе его дерзновеннаго, называться Петромъ III".—Противорѣчіе!

Анекдотъ о Тотлебенѣ есть вздорная выдумка. Историку не слѣдовало о немъ и упоминать, и того менѣе выводить изъ него какое бы то ни были заключеніе. Государь Петръ III былъ дороденъ, бѣлокуръ, имѣлъ голубые глаза; самозванецъ былъ смуглъ, сухощавъ, малорослъ; словомъ, ни въ одной чертѣ не сходствовалъ съ государемъ.

Страница 98. „12 генваря 1773, раскольники (въ Яицкомъ городкѣ) взбунтовались и убили какъ генерала (Траубенберга), такъ и своего атамана".

Не въ 1773, но въ 1771. См. Левшина, Рычкова, Ист. Пугачевскаго бунта и пр.

Стран. 102. „Полковникъ Чернышевъ прибылъ на освобожденіе Оренбурга, и 29-го апрѣля 1774 года сражался съ мятежниками; губернаторъ не подалъ ему никакой помощи" и проч.

Не 29-го апрѣля 1774, а 13-го ноября 1773; въ апрѣлѣ 1774 года разбитый Пугачевъ скитался въ Уральскихъ горахъ, собирая новую шайку.

Г. Броневскій, описавъ прибытіе Бибикова въ Казань, пишетъ, что въ то время (въ январѣ 1774) самозванецъ въ Самарѣ и Пензѣ былъ принятъ народомъ съ хлѣбомъ и солью.

Самозванецъ въ январѣ 1774 года находился подъ Оренбургомъ и разъѣзжалъ по окрестностямъ онаго. Въ Самарѣ онъ никогда не бывалъ, а Пензу взялъ уже послѣ сожженія Казани, во время своего страшнаго бѣгства, за нѣсколько дней до своей собственной погибели.

Описывая первыя дѣйствія генерала Бибикова и медленное движеніе войскъ, идущихъ на пораженіе самозванца къ Оренбургу, г. Броневскій пишетъ: „Пугачевъ, умѣя грабить и рѣзать, не умѣлъ воспользоваться симъ выгоднымъ для него положеніемъ. Повѣривъ распущеннымъ нарочно слухамъ, что будто отъ Астрахани идетъ для нападенія на него нѣсколько гусарскихъ полковъ съ донскими казаками, онъ долго простоялъ на мѣстѣ, потомъ обратился къ низовью Волги, и чрезъ то упустилъ время, чтобы стать на угрожаемомъ нападеніемъ мѣстѣ".

Показаніе ложное. Пугачевъ все стоялъ подъ Оренбургомъ и не думалъ обращаться къ низовью Волги.

Г. Броневскій пишетъ: „новый главноначальствующій графъ Панинъ не нашелъ на мѣстѣ (на какомъ мѣстѣ?) всѣхъ нужныхъ

средствъ, чтобы утишить пожаръ мгновенно, и не допустить распространенія онаго за Волгою".

Графъ П. И. Панинъ назначенъ главноначальствующимъ, когда уже Пугачевъ переправился черезъ Волгу и когда пожаръ уже распространился отъ Нижняго-Новагорода до Астрахани. Графъ прибылъ изъ Москвы въ Керенскъ, когда уже Пугачевъ разбитъ былъ окончательно полковникомъ Михельсономъ.

Умалчиваю о нѣсколькихъ незначащихъ ошибкахъ, но не могу не замѣтить важныхъ пропусковъ. Г. Броневскій не говоритъ ничего о генералъ-маiорѣ Карѣ, игравшемъ столь замѣчательную и рѣшительную роль въ ту несчастную эпоху. Не сказываетъ, кто былъ назначенъ главноначальствующимъ по смерти А. И. Бибикова. Дѣйствія Михельсона въ Уральскихъ горахъ, его быстрое, неутомимое преслѣдованіе мятежниковъ оставлены безъ вниманія. Ни слова не сказано о Державинѣ, ни слова о Всеволожскомъ. Осада Яицкаго городка описана въ трехъ слѣдующихъ отрокахъ: „Онъ (Мансуровъ) освободилъ Яицкій городокъ отъ осады и избавилъ жителей отъ голодной смерти, ибо они уже употребляли въ пищу землю".

Политическія и нравоучительныя размышленія *), коими г. Броневскій украсилъ свое повѣствованіе, слабы и пошлы, и не вознаграждаютъ читателей за недостатокъ фактовъ, точныхъ извѣстій и яснаго изложенія происшествій.

Я не имѣлъ случая изучать исторію Дона, и потому не могу судить о степени достоинства книги г. Броневскаго; прочитавъ ее, я не нашелъ ничего новаго, мнѣ неизвѣстнаго; замѣтилъ нѣкоторыя ошибки, а въ описаніи эпохи мнѣ знакомой—непростительную опрометчивость. Кажется, г. Броневскій не имѣлъ ни средствъ, ни времени совершить истинно историческій памятникъ. „Тяжкая болѣзнь"— говоритъ онъ въ началѣ „Исторіи Донскаго Войска"—„принудила меня отправиться на Кавказъ. Первый курсъ лѣченія пятигорскими минеральными водами хотя не оказалъ большаго дѣйствія, но по совѣту медиковъ я рѣшился взять другой курсъ. Ѣхать въ Петербургъ и къ веснѣ назадъ возвращаться было слишкомъ далеко и убыточно; оставаться на зиму въ горахъ—слишкомъ холодно и скучно; и такъ 15-го сентября 1831 года отправился я въ Новочеркасскъ, гдѣ родной мой братъ жилъ по службѣ съ своимъ семействомъ. Осьмимѣсячное мое пребываніе въ городѣ донскаго войска доставило мнѣ случай познакомиться со многими почтенными особами

---

*) Напримѣръ: „Нравственный міръ такъ же, какъ и физическій, имѣетъ свои феномены, способные устрашить всякаго любопытнаго, дерзающаго разсматривать оные. Если вѣрить философамъ, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ стихій, добра и зла, то Емелька Пугачевъ безспорно принадлежалъ къ рѣдкимъ явленіямъ, къ извергамъ, внѣ законовъ природы рожденнымъ; ибо въ естествѣ его не было и малѣйшей искры добра, того благаго начала, той духовной части, которыя разумное твореніе отъ безсмысленнаго животнаго отличаютъ. Исторія сего злодѣя можетъ изумить порочнаго и вселить отвращеніе даже въ самыхъ разбойникахъ и убійцахъ. Она вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, какъ низко можетъ падать человѣкъ, и какою адскою злобою можетъ быть преисполнено его сердце. Если бы дѣянія Пугачева подвержены были малѣйшему сомнѣнію, я съ радостію вырвалъ бы страницу сію изъ труда моего".

донскаго края“ и проч. „Впослѣдствіи, увѣрившись, что въ словесности нашей недостаетъ исторіи донскаго войска, имѣя досугъ и добрую волю, я рѣшился пополнить этотъ недостатокъ“ и проч.

Читатели г. Броневскаго могли, конечно, удивиться, увидя вмѣсто статистическихъ и хронологическихъ изслѣдованій о казакахъ, подробный отчетъ о лѣченіи автора; но кто не знаетъ, что для больнаго человѣка здоровье его не въ примѣръ занимательнѣе и любопытнѣе всевозможныхъ историческихъ изысканій и предположеній! Изъ добродушныхъ показаній г. Броневскаго видно, что онъ въ своихъ историческихъ занятіяхъ искалъ только невиннаго развлеченія. Это лучшее оправданіе недостаткамъ его книги.

III.

СТАТЬИ АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ.

1. Отрывки изъ лицейскихъ записокъ.

(1815–1817.)

I.

Семья моего отца, его воспитаніе, французы-учителя: Воит.... Mr. Martin. Отецъ и дядя въ гвардіи. Ихъ литературныя знакомства. Бабушка и ея мать—ихъ бѣдность. Иванъ Абрамовичъ. Свадьба отца. Смерть Императрицы Екатерины—рожденіе Ольги. Отецъ выходитъ въ отставку и ѣдетъ въ Москву. Рожденіе мое.

Первыя впечатлѣнія. Юсуповъ садъ [1]), землетрясеніе [2]), няня. Отъѣздъ матери въ деревню. Первыя непріятности—гувернантки. Рожденіе Льва. Мои непріятныя воспоминанія. Смерть Николая [3]). Монфоръ, Русло [4]) Кат. П. и Анна Ивановна. Нестерпимое состояніе. Охота къ чтенію. Меня везутъ въ Петербургъ. Езуиты. Тургеневъ. Лицей.

1811. Философскія мысли.—Мартинизмъ.—Мы прогоняемъ Пилецкаго [4]).

1812, 1813. Дядя Василій Львовичъ. Дм. Дм., война съ Ан. Ник. Свѣтская жизнь. Лицей, открытіе, Куницынъ. Гр. Аракчеевъ. Начальники наши. Мое положеніе. Чачковъ, Фроловъ [5]).

1814. Государыня въ Царскомъ Селѣ. Графъ Кочубей. Смерть Малиновскаго. Безначаліе. Пріѣздъ Карамзина. 15 лѣтъ.

1815. Извѣстіе о взятіи Парижа. Пріѣздъ матери. Пріѣздъ отца. Стихи etc. Отношеніе къ товарищамъ. Мое тщеславіе. Экзаменъ, Державинъ.

---

[1]) Здѣсь, при встрѣчѣ съ Императоромъ Павломъ, няня Пушкина не успѣла снять картуза съ дитяти, за что Императоръ ее разбранилъ и самъ снялъ съ него картузъ. Поэтому Пушкинъ впослѣдствіи говаривалъ, что его сношенія съ дворомъ начались при Императорѣ Павлѣ.

[2]) 14 октября 1802 г., въ Москвѣ. — [3]) Старшій братъ поэта, умершій ребенкомъ. — [4]) Гувернеры. — [5]) Мартынъ Степановичъ Пилецкій-Урбановичъ, инспекторъ классовъ Царскосельскаго Лицея. — [6]) Инспекторы Лицея.

II.

. . . . большой грузинскій нось, а партизанъ почти вовсе былъ безъ носу. „Давыдовъ является къ Бенигсену: „Князь Багратіонъ, говоритъ, прислалъ меня доложить вашему высокопревосходительству, что непріятель у насъ на носу...“—На чьемъ носу, Денисъ Васильевичъ, „отвѣчаетъ генералъ“: ежели на вашемъ, то онъ ужъ близко, если же на носу князя Багратіона, то мы успѣемъ еще отобѣдать.

Жуковскій даритъ мнѣ свои стихотворенія.

8-го ноября. Шишковъ и г-жа Бунина увѣнчали недавно князя Шаховскаго лавровымъ вѣнкомъ...

Мои мысли о Шаховскомъ.—Шаховской никогда не хотѣлъ учиться своему искусству и сталъ посредственный стихотворецъ. Шаховской не имѣетъ большаго вкуса: онъ худой писатель. Что же онъ такое? Неглупый человѣкъ, который, замѣчая все смѣшное или замысловатое въ обществахъ, пришедъ домой, все записываетъ и потомъ, какъ ни попало, вклеиваетъ въ свои комедіи.

10 декабря.—Вчера написалъ я третью главу: Фатама или разумъ человѣческій, читалъ ее С. С., и вечеромъ съ товарищами тушилъ свѣчки и лампы въ залѣ. Прекрасное занятіе для философа! Поутру читалъ жизнь Вольтера.

Началъ я комедію—не знаю, кончу ли ее. Третьяго дня хотѣлъ я написать ироническую поэму: Игорь и Ольга...

Лѣтомъ напишу я Картину Царскаго Села.

1 Картина сада.

2. Дворецъ. День въ Ц. С.

3. Утреннее гулянье.

4. Полуденное гулянье.

5. Вечернее гулянье.

6. Жители Царскаго Села.

Вотъ главные предметы всседневныхъ моихъ занятій,—но это еще будущее.

29-го.—Итакъ, я счастливъ былъ, итакъ, я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгомъ упивался!..
И гдѣ веселья быстрый день?
Промчались летомъ сновидѣнья,
Увяла прелесть наслажденья.
И снова вкругъ меня угрюмой скуки тѣнь!..

Я счастливъ былъ! нѣтъ, я вчера не былъ счастливъ: поутру я мучился ожиданьемъ, съ неописаннымъ волненьемъ стоя подъ окошкомъ, смотрѣлъ на снѣжную дорогу—ее не видно было! Наконецъ я потерялъ надежду, вдругъ нечаянно встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ... сладкая минута!

Онъ пѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ.
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку. (*Жуковскій*).

Какъ она мила была! какъ черное платье пристало къ милой Бакуниной!

Я былъ счастливъ пять минутъ.

III.

Собственноручный списокъ лицейскихъ стихотвореній.

Снимокъ этого автографа помѣщенъ въ брошюрѣ И. Алекс. Лицея: „Въ память пятидесятилѣтія кончины А. С. Пушкина" (Спб. 1887).

---

1 часть.		Лирическія.
Посланія:	Пущину.	Наполеонъ на Эльбѣ.
Къ Александру.	Ломоносову.	Воспоминанія въ Ц. С.
Къ Жуковскому +	Трубецкому.	(Къ) Оранскому принцу.
Къ Батюшкову.	Лицинію.	Пѣвецъ.
Къ Галичу.	Кюхельбекеру.	Слеза.
Дельвигу +	Аристарху.	Истина.
Дельвигу.	Оправданная лѣнь.	Усы.
Сестрѣ +	Друзьямъ.	Мечтатель.
Бонапарте +	Шишкову.	Ринальдо.
Къ Юдину.	Актрисѣ.	Двѣ пѣсни.
	(Завѣщанье)	Пирующіе студенты.
		=
		XV элегій.
		Эпигр. Надписи.
		Картины.
		Леда.

---

2. Изъ кишиневскаго дневника.

(1821).

Автографъ этого отрывка находится въ Румянцевскомъ музеѣ. Пушкинъ, повидимому, предполагалъ писать свои кишиневскія воспоминанія; на это указываетъ сохранившійся въ его тетрадяхъ отрывокъ программы: „Кишиневъ.— Пріѣздъ мой изъ Кавказа и Крыма.—Орловъ.—Ипсиланти.—Каменка.—(Фонт.),— Греческая революція.—Липранди.—12 годъ.—Mort de sa femme.—Le rénégat.— Паша арзрумскій".

2-го апрѣля (1821) вечеръ провелъ у N. G. Прелестная гречанка. Говорили объ А. Ипсиланти; между пятью греками, я одинъ говорилъ какъ грекъ; всѣ отчаявались въ успѣхѣ предпріятія этеріи. Я твердо увѣренъ, что Греція восторжествуетъ, и 2.500,000 турковъ оставятъ цвѣтущую страну Эллады законнымъ наслѣдникамъ Гомера и Ѳемистокла. Съ крайнимъ сожалѣніемъ узналъ я, что Владиміреско не имѣетъ другаго достоинства, кромѣ храбрости необыкновенной—храбрости достанетъ и у Ипсиланти.

3-го. Третьяго дня хоронили мы здѣшняго митрополита; во всей церемоніи болѣе всего понравились мнѣ жиды: они наполняли тѣсныя улицы, взбирались на кровли и составляли тамъ живописныя группы. Равнодушіе изображалось на ихъ лицахъ; со всѣмъ тѣмъ— ни одной улыбки, ни одного нескромнаго движенія! Они боятся христіанъ и потому во сто кратъ благочиннѣе ихъ.

Читалъ сегодня посланіе князя Вяземскаго къ Жуковскому [1]. Смѣлость, сила, умъ и рѣзкость; но что за звуки! Къ кому былъ Фебъ изъ русскихъ ласковъ—неожиданная риѳма „Херасковъ" не примиряетъ меня съ такой какофоніей. Баратынскій—прелесть.

...18 Juillet 1821. Nouvelle de la mort de Napoléon.

Bal chez l'rchevêque arménien.

Получилъ письмо отъ Чедаева. Другъ мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мнѣ замѣнила счастье,—одного тебя можетъ любить холодная душа моя [2].—Жалѣю, что не получилъ онъ моихъ писемъ: они...

3. Встрѣча съ П. А. Ганнибаломъ [3].

Впервые напеч. въ Матер. Анненкова.

1824 года ноября 19-го, Михайловское.—Вышедъ изъ Лицея, я тотчасъ почти уѣхалъ въ псковскую деревню моей матери. Помню, какъ обрадовался сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ и проч. Но все это нравилось мнѣ недолго. Я любилъ и донынѣ люблю шумъ и толпу.

На оборотѣ того же листка:

... попросилъ водки. Подали водку. Наливъ рюмку себѣ, велѣлъ онъ ее и мнѣ поднести; я не поморщился и тѣмъ, казалось, чрезвычайно одолжилъ стараго арапа. Черезъ четверть часа онъ опять попросилъ водки, и повторилъ разъ 5 или 6 до обѣда...

4. Остатки автобіографіи.

(1825—1826).

Впервые напеч. въ посмертномъ изд.; дополненія въ кн: „А. С. Пушкинъ" (стр. 119 и 169).

Болѣзнь остановила на время образъ жизни, избранный мною. Я занемогъ гнилою горячкою. Лейтонъ за меня не отвѣчалъ. Семья моя была въ отчаяніи; но черезъ шесть недѣль я выздоровѣлъ. Сія болѣзнь оставила во мнѣ впечатлѣніе пріятное. Друзья навѣщали меня довольно часто: ихъ разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровленія—одно изъ самыхъ сладостныхъ. Помню нетерпѣніе, съ которымъ ожидалъ я весны, хоть это время года обыкновенно

---

1) „Сынъ Отечества" 1821, № 10. Стихи, о которыхъ говоритъ Пушкинъ:

Хочу ль сказать, къ кому былъ Фебъ изъ русскихъ ласковъ?
Державинъ рвется въ стихъ, а втащится Херасковъ.

Кн. Вяземскій (Соч., I, стр. XLII) по поводу этого замѣчанія пишетъ: „Пушкина разсердилъ и огорчилъ я другимъ стихомъ изъ этого посланія, а именно тѣмъ, въ которомъ говорю, что языкъ нашъ риѳмами бѣденъ.—Какъ хватило въ тебѣ духа, сказалъ онъ мнѣ, сдѣлать такое признаніе? Оскорбленіе русскому языку принималъ онъ за оскорбленіе, лично ему нанесенное".—2) Ср. т. I, № 65: „Чаадаеву".—3) Петръ Абрамовичъ Ганнибалъ, послѣдній сынъ (1740—1822) Абрама Петровича.

наводитъ на меня тоску и даже вредитъ моему здоровью. Но душный воздухъ и закрытыя окна такъ мнѣ надоѣли во время болѣзни моей, что весна являлась моему воображенію со всею поэтическою своей прелестью. Это было въ февралѣ 1818 года. Первые восемь томовъ Русской Исторіи Карамзина вышли въ свѣтъ. Я прочелъ ихъ въ своей постелѣ съ жадностію и со вниманіемъ. Появленіе сей книги и (какъ и быть надлежало) надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе; 3,000 экземпляровъ разошлось въ одинъ мѣсяцъ (чего никакъ не ожидалъ и самъ Карамзинъ)—примѣръ единственный въ нашей землѣ. Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать исторію своего отечества, дотолѣ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія казалась найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени ни о чемъ иномъ не говорили. Когда по моемъ выздоровленіи я снова явился въ свѣтъ, толки были во всей силѣ. Признаюсь, они были въ состояніи отучить всякаго отъ охоты къ славѣ. Ничего не могу вообразить глупѣе свѣтскихъ сужденій, которыя удалось мнѣ слышать насчетъ духа и слога Исторіи Карамзина. Одна дама, впрочемъ весьма почтенная [4]), при мнѣ, открывъ вторую часть, прочла вслухъ: Владиміръ усыновилъ Святополка, однако не любилъ его... Однако!.. зачѣмъ не но? Однако! какъ это глупо! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина? Однако!—Въ журналахъ его не критиковали. Каченовскій бросился на одно предисловіе...

У насъ никто не въ состояніи изслѣдовать огромное созданіе Карамзана, за то никто не сказалъ спасибо человѣку, уединившемуся въ ученый кабинетъ во время самыхъ лестныхъ успѣховъ и посвятившему цѣлыхъ 12-ть лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ. Ноты Русской Исторіи свидѣтельствуютъ обширную ученость Карамзина, пріобрѣтенную имъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно оконченъ, и хлопоты по службѣ замѣняютъ усилія къ просвѣщенію. Молодые якобинцы негодовали; нѣсколько отдѣльныхъ размышленій въ пользу самодержавія... казались имъ верхомъ варварства и униженія. Они забывали, что Карамзинъ печаталъ Исторію свою въ Россіи; что государь, освободивъ его отъ цензуры, симъ знакомъ довѣренности, нѣкоторымъ образомъ, налагалъ на Карамзина обязанность возможной скромности и умѣренности. Онъ разсказывалъ со всею вѣрностію историка, онъ вездѣ ссылался на источники; чего жъ болѣе требовать было отъ историка? Повторяю, что Исторія Государства Россійскаго есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка.

Нѣкоторые изъ людей свѣтскихъ письменно критиковали Карамзина. Ник. Муравьевъ, молодой человѣкъ, умный и пылкій, разобралъ предисловіе, или введеніе: предисловіе!.. Мих. Орловъ [а], въ письмѣ къ Вяземскому [б], пѣнялъ Карамзину, зачѣмъ въ началѣ Исторіи не помѣстилъ онъ какой-нибудь блестящей гипотезы о про-

---

[а] О. (*Посм. изд.*).—[б] Бутурлину (*П. и.*).

---

[4]) Кн. Е. И. Голицына (см. т. I, | вступ. зам. къ № 34).

исхожденіи славянъ т. е. требовалъ романа въ исторіи—ново и смѣло! Нѣкоторые остряки за ужиномъ переложили первыя главы Тита Ливія слогомъ Карамзина. Римляне временъ Тарквинія, не понимающіе спасительной монархіи, Брутъ, осуждающій на смерть своихъ сыновъ, ибо рѣдко основатели республикъ славятся нѣжною чувствительностію, конечно были очень смѣшны. Мнѣ приписали одну изъ лучшихъ русскихъ эпиграммъ; это не лучшая черта моей жизни.

...Кстати, замѣчательная черта. Однажды началъ онъ при мнѣ излагать свои любимые парадоксы. Оспаривая его, я сказалъ: „Итакъ, вы рабство предпочитаете свободѣ?“ Карамзинъ вспыхнулъ и назвалъ меня своимъ клеветникомъ. Я замолчалъ, уважая самый гнѣвъ прекрасной души. Разговоръ перемѣнился. Я всталъ. Карамзину стало совѣстно, и прощаясь со мной, онъ ласково упрекалъ меня, какъ бы самъ извиняясь въ своей горячности: „Вы сказали на меня то, чего ни Шаховской, ни Кутузовъ на меня не говорили“. Въ теченіе шестилѣтняго знакомства только въ этомъ случаѣ упомянулъ онъ при мнѣ о своихъ непріятеляхъ, противъ которыхъ не имѣлъ онъ, кажется, никакой злобы, не говоря уже о Шишковѣ, котораго онъ просто полюбилъ. Однажды, отправляясь въ Павловскъ и надѣвая свою ленту, онъ посмотрѣлъ на меня наискось... Я прыснулъ, и мы оба расхохотались...

---

5. Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ.

(1830—1831).

Напечатано въ посмертномъ изданіи, но съ исключеніями, сдѣланными по требованію отца поэта. Въ полномъ видѣ, съ пропускомъ двухъ фразъ—въ „Сынѣ Отеч.“ 1840, № 7. Вполнѣ напеч. въ изд. общ. п. н. л. и у.

Нѣсколько разъ принимался я за ежедневныя записки, и всегда отступался изъ лѣности. Въ 1821 году началъ я мою біографію, и нѣсколько лѣтъ сряду занимался ею. Въ концѣ 1825, при открытіи несчастнаго заговора, я принужденъ былъ сжечь свои тетради, которыя могли замѣшать имена многихъ, а можетъ быть и умножить число жертвъ. Не могу не сожалѣть о ихъ потерѣ; я въ нихъ говорилъ о людяхъ, которые послѣ сдѣлались историческими лицами, съ откровенностію дружбы или короткаго знакомства. Теперь какая-то торжественность ихъ окружаетъ, и вѣроятно будетъ дѣйствовать на мой слогъ и образъ мыслей—за то буду осмотрительнѣе въ моихъ запискахъ. Если записки будутъ менѣе живы, то болѣе достовѣрны.

Избравъ себя лицомъ, около котораго постараюсь собрать другія лица, болѣе достойныя замѣчанія, скажу нѣсколько словъ о моемъ происхожденіи.

Мы ведомъ свой родъ отъ прусскаго выходца Радши или Рачи (мужа честна, говоритъ лѣтописецъ, т. е. знатнаго, благороднаго), въѣхавшаго въ Россію во время княженія св. Александра

Ярославича Невскаго. Отъ него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменскіе, Бутурлины, Кологривовы, Шефердиновы и Товарковы. Имя предковъ моихъ встрѣчается поминутно въ нашей исторіи. Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, уцѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ царя Ивана Васильевича Грознаго, исторіографъ именуетъ и Пушкиныхъ. Григорій [1]) Гавриловичъ Пушкинъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ въ эпоху самозванцевъ. Другой Пушкинъ, во время междуцарствія начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, сдѣлалъ честно свое дѣло. Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою о избраніи на царство Романовыхъ, а одинъ изъ нихъ, окольничій Матвѣй Степановичъ,—подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества (что мало дѣлаетъ чести его характеру). При Петрѣ Первомъ, сынъ его, стольникъ Ѳедоръ Матвѣевичъ, уличенъ былъ въ заговорѣ противу государя и казненъ вмѣстѣ съ Цыклеромъ и Соковнинымъ. Прадѣдъ мой Александръ Петровичъ былъ женатъ на меньшой дочери графа Головина, перваго андреевскаго кавалера. Онъ умеръ весьма молодъ, въ припадкѣ сумасшествія зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его Левъ Александровичъ служилъ въ артиллеріи, и въ 1762 году, во время возмущенія, остался вѣренъ Петру III. Онъ былъ посаженъ въ крѣпость, гдѣ содержался два года. Съ тѣхъ поръ онъ уже въ службу не вступалъ, а жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ.

Дѣдъ мой былъ человѣкъ пылкій и жестокій. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломѣ, заключенная имъ въ домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ея связь съ французомъ, бывшимъ учителемъ его сыновей, и котораго онъ весьма феодально повѣсилъ на черномъ дворѣ. Вторая жена его, урожденная Чичерина; довольно отъ него натерпѣлась. Однажды онъ велѣлъ ей одѣться и ѣхать съ нимъ куда-то въ гости. Бабушка была на сносяхъ и чувствовала себя нездоровой, но не смѣла отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дѣдъ мой велѣлъ кучеру остановиться, и она въ каретѣ разрѣшилась чуть ли не моимъ отцомъ. Родильницу привезли домой полумертвую, и положили на постелю всю разряженную и въ брилліантахъ. Все это знаю я довольно темно. Отецъ мой никогда не говорилъ о странностяхъ дѣда, а старые слуги давно перемерли.

Родословная матери моей еще любопытнѣе. Дѣдъ ея былъ негръ, сынъ владѣтельнаго князька. Русскій посланникъ въ Константинополѣ какъ-то досталъ его изъ сераля, гдѣ содержался онъ аманатомъ, и отослалъ его Петру Первому, вмѣстѣ съ двумя другими арапчатами. Государь крестилъ маленькаго Ибрагима въ Вильнѣ, въ 1707 году, съ польскою королевою, супругою Августа, и далъ ему фамилію Ганнибалъ. Въ крещеніи наименованъ онъ былъ Петромъ; но какъ онъ плакалъ и не хотѣлъ носить новаго имени, то до самой смерти назывался Абрамомъ. Старшій братъ его пріѣз-

---

[1]) Ошибка: должно быть Гаврило | вын. 4 и стр. 148).
Григорьевичъ (см. т. III, стр. 197, |

жалъ въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ, но Петръ оставилъ при себѣ своего крестника. До 1716 года Ганнибалъ находился неотлучно при особѣ государя, спалъ въ его токарнѣ, сопровождалъ его во всѣхъ походахъ, потомъ посланъ былъ въ Парижъ, гдѣ нѣсколько времени обучался въ военномъ училищѣ, вступилъ во французскую службу, во время испанской войны былъ въ голову раненъ въ одномъ подземномъ сраженіи (сказано въ рукописной его біографіи [2]), и возвратился въ Парижъ, гдѣ долгое время жилъ въ разсѣяніи большаго свѣта. Петръ Первый неоднократно призывалъ его къ себѣ, но Ганнибалъ не торопился, отговариваясь подъ разными предлогами. Наконецъ государь написалъ ему, что онъ неволить его не намѣренъ, что представляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію или остаться во Франціи; но что во всякомъ случаѣ онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Тронутый Ганнибалъ немедленно отправился въ Петербургъ. Государь выѣхалъ къ нему навстрѣчу и благословилъ образомъ Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но котораго я не могъ уже отыскать. Государь пожаловалъ Ганнибала въ бомбардирскую роту Преображенскаго полка капитанъ-лейтенантомъ. Извѣстно, что самъ Петръ былъ ея капитаномъ. Это было въ 1722 году.

Послѣ смерти Петра Великаго судьба Ганнибала перемѣнилась. Меншиковъ, опасаясь его вліянія на Императора Петра II, нашелъ способъ удалить его отъ двора. Ганнибалъ былъ переименованъ въ маіоры тобольскаго гарнизона и посланъ въ Сибирь съ препорученіемъ измѣрить китайскую стѣну. Ганнибалъ пробылъ тамъ нѣсколько времени и самовольно возвратился въ Петербургъ, узнавъ о паденіи Меншикова и надѣясь на покровительство князей Долгорукихъ, съ которыми онъ былъ связанъ. Судьба Долгорукихъ извѣстна. Минихъ спасъ Ганнибала, отправя его тайно въ ревельскую деревню, гдѣ и жилъ около десяти лѣтъ въ поминутномъ безпокойствѣ. До самой кончины своей, онъ не могъ безъ трепета слышать звонъ колокольчика. Когда Императрица Елизавета взошла на престолъ, тогда Ганнибалъ написалъ ей евангельскія слова: „помяни мя, егда пріидеши во царствіе свое". Елизавета тотчасъ призвала его ко двору, произвела въ бригадиры, и вскорѣ потомъ въ генералъ-маіоры и въ генералъ-аншефы, пожаловала ему нѣсколько деревень въ губерніяхъ Псковской и Петербургской — въ первой: Зуёво [3]), Боръ, Петровское и другія; во второй: Кобрино, Суйду и Таицы, также деревню Раголу, близъ Ревеля, въ которомъ нѣсколько времени былъ онъ оберъ-комендантомъ. При Петрѣ III вышелъ онъ въ отставку и умеръ философомъ (говоритъ его нѣмецкій біографъ), въ 1781 году, на 93-мъ году своей жизни. Онъ написалъ было свои записки на французскомъ языкѣ, но въ припадкѣ паническаго страха, коему былъ подверженъ, велѣлъ ихъ сжечь вмѣстѣ съ другими драгоцѣнными бумагами.

Въ семейственной жизни прадѣдъ мой Ганнибалъ такъ же былъ несчастливъ, какъ и прадѣдъ Пушкинъ. Первая жена его, красавица,

[2]) Упомянутая здѣсь рукописная біографія А. П. Ганнибала, на нѣмецкомъ языкѣ, сохранилась въ бумагахъ Пушкина.—[3]) Михайловское то жъ.

родомъ гречанка, родила ему бѣлую дочь. Онъ съ нею развелся и принудилъ ее постричься въ Тихвинскомъ монастырѣ, а дочь ея Поликсену оставилъ при себѣ, далъ ей тщательное воспитаніе, богатое приданое, но никогда не пускалъ ее къ себѣ на глаза. Вторая жена его, Христина-Регина фонъ-Шеберхъ, вышла за него въ бытность его въ Ревелѣ оберъ-комендантомъ и родила ему множество черныхъ дѣтей обоего пола.

Старшій сынъ, Иванъ Абрамовичъ, столь же достоинъ замѣчанія, какъ и его отецъ. Онъ пошелъ въ военную службу, вопреки волѣ родителя, отличился и, ползая на колѣнахъ, выпросилъ отцовское прощеніе. Подъ Чесмою онъ распоряжалъ брандерами и былъ одинъ изъ тѣхъ, которые спаслись съ корабля, взлетѣвшаго на воздухъ. Въ 1770 году взялъ Наваринъ; въ 1779 выстроилъ Херсонъ. Его постановленія донынѣ уважаются въ полуденномъ краю Россіи, гдѣ въ 1821 году видѣлъ я стариковъ, живо еще хранившихъ его память. Онъ поссорился съ Потемкинымъ. Государыня оправдала Ганнибала и надѣла на него александровскую ленту; но онъ оставилъ службу и съ тѣхъ поръ жилъ по большей части въ Суйдѣ, уважаемый всѣми замѣчательными людьми славнаго вѣка, между прочими Суворовымъ, который при немъ оставлялъ свои проказы, и котораго принималъ онъ, не завѣшивая зеркалъ и не наблюдая никакихъ тому подобныхъ церемоній.

Дѣдъ мой, Осипъ Абрамовичъ—настоящее имя его было Януарій, но прабабушка моя не согласилась звать его этимъ именемъ, труднымъ для ея нѣмецкаго произношенія... Дѣдъ мой служилъ во флотѣ и женился на Марьѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, дочери тамбовскаго воеводы, роднаго брата дѣду отца моего (который доводится внучатнымъ братомъ моей матери); и сей бракъ былъ несчастливъ: ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствій и ссоръ, которыя кончились разводомъ. Африканскій характеръ моего дѣда, пылкія страсти, соединенныя съ ужаснымъ легкомысліемъ, вовлекли его въ удивительныя заблужденія. Онъ женился на другой женѣ, представя фальшивое свидѣтельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя Императрицы, которая съ живостію вмѣшалась въ это дѣло. Новый бракъ дѣда моего объявленъ былъ незаконнымъ: бабушкѣ моей возвращена трехлѣтняя ея дочь, а дѣдушка посланъ на службу въ черноморскій флотъ. 30 лѣтъ они жили розно. Дѣдъ мой умеръ въ 1797 году [4]), въ своей псковской деревнѣ, отъ слѣдствій невоздержной жизни. Одиннадцать лѣтъ послѣ того бабушка скончалась въ той же деревнѣ. Смерть соединила ихъ. Они покоятся другъ подлѣ друга въ Святогорскомъ монастырѣ.

---

6. Изъ записной книжки.

(1831).

П. В. Анненковъ („Восп. и крит. оч.", III, 252) сообщаетъ, что эти замѣтки, взятыя Пушкинымъ изъ записной книжки, были представлены гр.

---

[4]) вм. 1806.

Бенкендорфу, какъ образчики тона и пріемовъ, съ какими Пушкинъ былъ намѣренъ излагать факты нашей внутренней жизни въ газетѣ, о разрѣшеніи которой онъ въ то время хлопоталъ (см. выше стр. 175). Замѣтка о холерѣ, также сохранившаяся въ записной книжкѣ, написана, по всей вѣроятности, позже 1831 года. Отрывки впервые напеч. „въ Библ. Зап.“ 1859 г.—Дополн. г. Ефремовымъ по рукописи.

---

26 іюля (1831 г.). Вчера государь императоръ отправился въ Военныя Поселенія (въ Новгородской губерніи) для усмиренія возникшихъ тамъ безпокойствъ. Нѣсколько офицеровъ и лѣкарей убито бунтовщиками. Ихъ депутаты пришли въ Ижору съ повинною головою и съ распискою одного изъ офицеровъ, котораго передъ смертію принудили бунтовщики письменно показать, будто бы онъ и лѣкаря отравливали людей. Государь говорилъ съ депутатами мятежниковъ, послалъ ихъ назадъ, приказалъ во всемъ слушаться гр. Орлова, посланнаго въ Поселенія при первомъ извѣстіи о бунтѣ, и обѣщалъ самъ къ нимъ пріѣхать. „Тогда я васъ прощу“, сказалъ онъ имъ. Кажется, все усмирено, а ежели нѣтъ еще, то все усмирится присутствіемъ государя.

Однакожъ сіе рѣшительное средство, какъ послѣднее, не должно быть употребляемо. Народъ не долженъ привыкать къ царскому лицу, какъ обыкновенному явленію. Расправа полицейская должна одна вмѣшиваться въ волненія площади, и царскій голосъ не долженъ угрожать ни картечью, ни кнутомъ. Царю не должно сближаться лично съ народомъ. Чернь перестанетъ скоро бояться таинственной власти и начнетъ тщеславиться своими сношеніями съ государемъ. Скоро въ своихъ мятежахъ она будетъ требовать появленія его, какъ необходимаго обряда. Донынѣ государь, обладающій даромъ слова, говорилъ одинъ; но можетъ найтиться въ толпѣ голосъ для возраженія. Таковые разговоры неприличны, а пренія площадныя превращаются тотчасъ въ ревъ и вой голоднаго звѣря. Россія имѣетъ 12.000 верстъ въ ширину. Государь не можетъ явиться вездѣ, гдѣ можетъ вспыхнуть мятежъ.

*

Покамѣстъ полагали, что холера прилипчива какъ чума, до тѣхъ поръ карантины были зло необходимое. Но какъ скоро начали замѣчать, что холера находится въ воздухѣ, то карантины должны были тотчасъ быть уничтожены. Шестнадцать губерній вдругъ не могутъ быть оцѣплены, а карантины, не подкрѣпленные достаточною цѣпью, военною силою, суть только средства къ притѣсненію и причины къ общему неудовольствію. Вспомнимъ, что турки предпочитаютъ чуму карантинамъ. Въ прошломъ году карантины остановили всю промышленность, заградили путь обозамъ, привели въ нищету подрядчиковъ и извощиковъ и чуть не взбунтовали 16 губерній. Злоупотребленія неразлучны съ карантинными постановленіями, которыхъ не понимаютъ ни употребляемые на то люди, ни народъ. Уничтожьте карантины—народъ не будетъ отрицать существованія заразы, станетъ принимать предохранительныя мѣры и прибѣгнетъ къ лѣкарямъ и правительству; но покамѣстъ карантины тутъ, мень-

шее зло будетъ предпочтено большему, и народъ будетъ болѣе безпокоиться о своемъ продовольствіи, о угрожающей нищетѣ и голодѣ, нежели о болѣзни невѣдомой и коей признаки такъ близки къ отравѣ.

*

29 іюля (1831 г.). Третьяго дня государыня родила великаго князя Николая. Наканунѣ она позволила фрейлинѣ Россети выйти за Смирнова. Государь пріѣхалъ передъ самыми родами императрицы. Бунтъ въ новгородскихъ колоніяхъ усмиренъ его присутствіемъ. Нѣсколько генераловъ, полковниковъ и почти всѣ офицеры полковъ Аракчеевскаго и короля Прусскаго перерѣзаны. Мятежники имѣли списки мнимыхъ отравителей, т. е. начальниковъ и лѣкарей. Генерала они засѣкли на плацѣ. Надъ нѣкоторыми жертвами убійцы ругались. Посадивъ на стулъ одного маіора, они подходили къ нему съ шутками: „выше высокоблагородіе, что вы это такъ поблѣднѣли? Вы сами не свои. Вы такъ смирны!"—и съ этимъ словомъ били его по лицу. Лѣкарей убито 15 человѣкъ. Одинъ изъ низъ спасенъ больными, лежащими въ лазаретѣ. Этотъ лѣкарь находился 12 лѣтъ въ колоніи, былъ отмѣнно любимъ солдатами за его усердіе и добродушіе. Мятежники отдавали ему справедливость, но хотѣли однакоже его зарѣзать, ибо и онъ стоялъ въ спискѣ жертвъ. Больные вытребовали его изъ-подъ караула. Мятежники хотѣли-было ѣхать къ Аракчееву въ Грузино, чтобъ убить его, а домъ разграбить. Тридцать троекъ были уже готовы. Жандармскій офицеръ, взявшій надъ ними власть, успѣлъ уговорить ихъ оставить это намѣреніе. Онъ было спасъ и офицеровъ полка Прусскаго короля, уговоривъ мятежниковъ содержать несчастныхъ подъ арестомъ, но послѣ его отъѣзда убійства совершились. Государь обѣдалъ въ Аракчеевскомъ полку. Солдаты встрѣтили его съ хлѣбомъ и медомъ. Арендъ, находившійся при семъ, сказалъ имъ съ негодованіемъ: „вамъ бы должно вынести кутью". Государь собралъ полкъ въ манежѣ, приказалъ попу читать молитвы, приложился и обратился къ мятежникамъ. Онъ разбранилъ ихъ, объявилъ, что не можетъ ихъ простить и требовалъ, чтобы они выдали ему зачинщиковъ. Полкъ обѣщался. Свидѣтели съ восторгомъ и изумленіемъ говорятъ о мужествѣ и силѣ духа императора. Восемь полковъ, возмутившихся въ Старой Русѣ, получили повелѣніе итти въ Гатчино.

*

Сентября 4. Суворовъ привезъ сегодня извѣстіе о взятіи Варшавы. Паскевичъ раненъ въ бокъ. Мартыновъ и Ефимовичъ убиты. Гейсмаръ раненъ. Нашихъ пало 6.000. Поляки защищались отчаянно. Приступъ начался 24 августа. Варшава сдалась безусловно 27-го. Раненый Паскевичъ сказалъ: Du moins j'ai fait mon devoir [1]). Гвардія все время стояла подъ ядрами. Суворовъ былъ два раза на переговорахъ и въ опасности быть повѣшеннымъ. Государь пожаловалъ его полковникомъ въ Суворовскомъ полку. Паскевичъ сдѣланъ княземъ свѣтлѣйшимъ. Скржинецкій скрывается. Лелевель при Ро-

---

[1]) т. е. По крайней мѣрѣ я исполнилъ свой долгъ.

марино. Суворовъ видѣлъ въ Варшавѣ Montebello, Высоцкаго, зачинщика революціи, гр. А. Потоцкаго и другихъ. Взятіе подъ стражу еще не началось. Государь тому удивился; мы также.

NB. „Сколько въ Суворовскомъ полку осталось?“ спросилъ государь у Суворова.—300 человѣкъ, ваше величество. „Нѣтъ 301: ты въ немъ полковникъ“.

*

На дняхъ скончался въ Петербургѣ Фонъ-Фокъ [2]), начальникъ III отдѣленія государевой канцеляріи (тайной полиціи), человѣкъ добрый, честный и твердый. Смерть его есть бѣдствіе общественное. Государь сказалъ: „J'ai perdu Fock; je ne puis que le pleurer et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer“ [3]). Вопросъ: кто будетъ на его мѣстѣ? важнѣе другаго вопроса: что сдѣлаемъ съ Польшей?

*

Мнѣніе Жомини о польской кампаніи. Главная ошибка Дибича состояла въ томъ, что онъ, предвидя скорую оттепель, поспѣшилъ начать свои дѣйствія, наперекоръ здравому смыслу. Пятнадцать дней—разницы не сдѣлало бы. Счастье во многомъ помогло Паскевичу: 1) онъ не могъ перейти со всѣми силами Вислу, но на Палена Скржинецкій не напалъ; 2) онъ долженъ былъ пойти на приступъ, а изъ Варшавы выступило 20.000 и ушли слишкомъ далеко. Ошибки Скржинецкаго состояли въ томъ, что онъ пожертвовалъ 8.000 избраннаго войска понапрасну подъ Остроленкой. Позиція его была чрезвычайно сильная, и Паскевичъ опасался ея. Но Скржинецкаго смѣнили недовольные его дѣйствіями или бездѣйствіемъ начальники мятежа, и Польша погибла.

ЗАМѢТКА О ХОЛЕРѢ.

Въ концѣ 1825 года я часто видѣлся съ однимъ дерптскимъ студентомъ (нынѣ онъ гусарскій офицеръ и промѣнялъ свои нѣмецкія книги, свое пиво, свои поединки на гнѣдую лошадь, на польскія грязи) [4]). Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затверженное понятіе, въ ожиданіи собственной повѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ. Однажды, играя со мною въ шахматы и давъ конемъ матъ моему королю и королевѣ, онъ мнѣ сказалъ: Холера-morbus подошла къ нашимъ границамъ и черезъ пять лѣтъ будетъ у насъ. О холерѣ имѣлъ я довольно темное понятіе, хотя въ 1822 году старая молдаванская княгиня, набѣленная и нарумяненная, умерла при мнѣ въ этой болѣзни. Я сталъ его разспрашивать. Студентъ объяснилъ мнѣ, что холера есть повѣтріе, что въ Индіи она поразила не только людей и животныхъ, но и самыя растенія, что она желѣзной полосою стелется вверхъ по тече-

---

[2]) Максимъ Яковлевичъ, предшественникъ Л. В. Дубельта, ум. 27 августа 1831.—[3]) т. е.: „Я потерялъ Фока; мнѣ остается оплакивать его и сожалѣть, что я не могъ его любить“. — [4]) Сосѣдъ Пушкина по имѣнію, Алексѣй Николаевичъ Вульфъ (т. I, стр. 161 .

нію рѣкъ, что по мнѣнію нѣкоторыхъ она зарождается отъ гнилыхъ плодовъ и прочее — все, чему послѣ мы успѣли наслышаться.

Такимъ образомъ, въ дальнемъ уѣздѣ Псковской губерніи, молодой студентъ и вашъ покорнѣйшій слуга, вѣроятно одни во всей Россіи, бесѣдовали о бѣдствіи, которое черезъ пять лѣтъ сдѣлалось мыслію всей Европы.

Спустя пять лѣтъ, я былъ въ Москвѣ: домашнія обстоятельства требовали непремѣнно моего присутствія въ нижегородской деревнѣ. Передъ моимъ отъѣздомъ Вяземскій показалъ мнѣ письмо, только что имъ полученное: ему писали о холерѣ, уже перелетѣвшей изъ Астрахани въ Саратовскую губернію. По всему видно было, что она не минуетъ и Нижегородской (о Москвѣ мы еще не безпокоились). Я поѣхалъ съ равнодушіемъ, коимъ былъ обязанъ пребыванію моему между азіятцами. Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на извѣстныя предосторожности. Пріятели, у коихъ дѣла были въ порядкѣ (или въ привычномъ безпорядкѣ, что совершенно одно), упрекали меня за то и важно говорили, что легкомысленное безчувствіе не есть еще истинное мужество.

На дорогѣ встрѣтилъ я Макарьевскую ярмарку, прогнанную холерой. Бѣдная ярмарка! Она бѣжала, разбросавъ въ половину свои товары, не успѣвъ пересчитать свои барыши. Воротиться въ Москву казалось мнѣ малодушіемъ; я поѣхалъ далѣе, какъ можетъ быть случалось вамъ ѣхать на поединокъ, съ досадой и большой неохотой.

Едва успѣлъ я пріѣхать, какъ узнаю, что около меня оцѣпляются деревни, учреждаются карантины. Я занялся моими дѣлами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказочки и не ѣздя по сосѣдамъ. Между тѣмъ начинаю думать о возвращеніи и безпокоиться о карантинѣ. Вдругъ (2 октября) получаю извѣстіе, что холера въ Москвѣ... Я тотчасъ собрался въ дорогу и поскакалъ. Проѣхавъ 20 верстъ, ямщикъ мой останавливается: застава!

Нѣсколько мужиковъ съ дубинами охраняли переправу черезъ какую-то рѣчку. Я сталъ разспрашивать ихъ, и доказывалъ имъ, что вѣроятно гдѣ-нибудь да учрежденъ карантинъ, что не сегодня, такъ завтра на него наѣду, и въ доказательство предложилъ имъ серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многія лѣта.

---

7. Отрывки изъ дневника.

(1833—1834).

Отрывки эти явились впервые, съ позволенія А. А. Пушкина, въ „Русск. Мысли“ 1880 и затѣмъ въ „Русск. Архивѣ“ 1880, II, 488—499. Къ этимъ отрывкамъ въ послѣднемъ изданіи соч. Пушкина прибавленъ еще одинъ, сообщенный П. В. Анненковымъ въ статьѣ „Общественные идеалы Пушкина“ („В. Евр.“ 1880, № 6, и „Восп. и крит. очерки“, III, 236).

---

24 ноября (1833). Обѣдалъ у К. А. Карамзиной. Видѣлъ Жуковскаго. Онъ здоровъ и помолодѣлъ. Вечеромъ раутъ у Фикель-

монтъ [1]). Странная встрѣча: ко мнѣ подошелъ мужчина лѣтъ 45, въ усахъ и съ просѣдью. Я узналъ по лицу грека, и принялъ за одного изъ моихъ старыхъ кишиневскихъ пріятелей. Это былъ Суццо, бывшій молдавскій господарь. Онъ теперь посланникомъ въ Парижѣ. Не знаю еще, зачѣмъ здѣсь. Онъ напомнилъ мнѣ, что въ 1821 году былъ я у него въ Кишиневѣ вмѣстѣ съ Пестелемъ. Я разсказалъ ему, какимъ образомъ Пестель обманулъ его и предалъ этерію, представя ее Императору Александру отраслію карбонаризма. Суццо не могъ скрыть ни своего удивленія, ни досады: тонкость фанаріота была побѣждена хитростію русскаго офицера! это оскорбило его самолюбіе.

30 ноября. Вчера балъ у Бутурлина. Жомини. Любопытный разговоръ съ Блайемъ: Зачѣмъ у васъ флотъ въ Балтійскомъ морѣ?—Для безопасности Петербурга? Но онъ защищенъ Кронштадтомъ. Игрушка!—Долго ли вамъ распространяться? (Мы смотрѣли карту постепеннаго распространенія Россіи, составленную Бутурлинымъ). Ваше мѣсто—Азія: тамъ совершите вы достойный подвигъ цивилизаціи... etc.

Нѣсколько офицеровъ подъ судомъ за неисправность въ дежурствѣ. Великій князь [2]) засталъ ихъ за ужиномъ, кого въ шлафрокѣ, кого безъ шарфа. Онъ пораженъ мыслію объ упадкѣ гвардіи. Но какими средствами думаетъ онъ возвысить ея духъ? При Екатеринѣ караульный офицеръ ѣхалъ за своимъ взводомъ въ возкѣ и въ лисьей шубѣ. Въ началѣ царствованія Александра офицеры были своевольны, заносчивы, неисправны, а гвардія была въ своемъ цвѣтущемъ состояніи.

*

4-го декабря. Вечеромъ у Загряжской (Натальи Кирилловны). Разговоръ о Екатеринѣ. Наталья Кирилловна была на галерѣ вмѣстѣ съ Петромъ III, во время революціи. Только два раза видѣла она Екатерину сердитою, и оба раза на княгиню Дашкову. Екатерина звала ее въ Эрмитажъ. Княгиня Дашкова спросила у придворныхъ, какъ ходятъ они туда. Ей отвѣчали: черезъ алтарь. Дашкова на другой день съ десятилѣтнимъ сыномъ прямо забралась въ алтарь, остановилась на минуту, поговорила съ сыномъ о святости того мѣста и прошла съ нимъ въ Эрмитажъ. На другой день всѣ ожидали государыню, въ томъ числѣ и Дашкова. Вдругъ дверь отворилась, государыня влетѣла и прямо къ Дашковой. Всѣ замѣтили по краскѣ ея лица и по живости рѣчи, что она была сердита. Фрейлины перепугались. Дашкова извинялась во вчерашнемъ поступкѣ, говоря, что она не знала, чтобъ женщинѣ былъ запрещенъ входъ въ алтарь.—Какъ вамъ не стыдно! отвѣчала Екатерина. Вы русская и не знаете своего закона; священникъ принужденъ на васъ мнѣ жаловаться... Наталья Кирилловна разсказала анекдотъ съ большой живостью. Княгиня Кочубей замѣтила, что Дашкова

---

[1]) Австрійскій посланникъ.

[2]) Михаилъ Павловичъ.

вошла, вѣроятно, въ алтарь въ качествѣ президента русской академіи. Втораго анекдота я не выслушалъ.

*

1-го января 1834. Третьяго дня я пожалованъ въ камеръ-юнкеры (что довольно неприлично моимъ лѣтамъ). Меня спрашивали, доволенъ ли я моимъ камеръ-юнкерствомъ?—Доволенъ, потому что государь имѣлъ намѣреніе отличить меня, а не сдѣлать смѣшнымъ; а по мнѣ хоть въ камеръ-пажи, только бъ не заставили меня учиться французскимъ вокабуламъ и ариѳметикѣ.

*

7-го января. Государь сказалъ княгинѣ Вяземской: J'espère que Pouchkine a pris en bonne part sa nomination. Jusqu'à présent il m'a tenu parole, et j'ai été content de lui [3]) etc. Великій князь намедни поздравилъ меня въ театрѣ.—Покорнѣйше благодарю, ваше высочество; до сихъ поръ всѣ надо мною смѣялись: вы первый меня поздравили.

*

17-го января. Балъ у графа Бобринскаго (Алексѣя Алексѣевича), одинъ изъ самыхъ блистательныхъ. Государь мнѣ о моемъ камеръ-юнкерствѣ не говорилъ, а я не благодарилъ его. Говоря о моемъ Пугачевѣ, онъ сказалъ мнѣ: „Жаль, что я не зналъ, что ты о немъ пишешь; я бы тебя познакомилъ съ его сестрицей, которая тому три недѣли умерла въ крѣпости".—Возможно ли? Съ 1774 года! Правда, она жила на свободѣ, въ предмѣстьи, но далеко отъ своей донской станицы, на чужой, холодной сторонѣ. Государыня спросила у меня, куда ѣздилъ я лѣтомъ. Узнавъ, что въ Оренбургъ, освѣдомилась о Перовскомъ съ большимъ добродушіемъ.

*

26-го января. Въ прошедшій вторникъ званъ я былъ въ Аничковъ. Пріѣхалъ въ мундирѣ. Мнѣ сказали, что гости во фракахъ. Я уѣхалъ, оставя Наталью Николаевну, и переодѣвшись, отправился на вечеръ къ Сергѣю Васильевичу Салтыкову. Государь былъ недоволенъ и нѣсколько разъ принимался говорить обо мнѣ. Il aurait pu se donner la peine d'aller mettre un frac et de revenir. Faites lui des reproches [4]).

Въ четвергъ балъ у кн. Трубецкаго (Василія Сергѣевича). Государь пріѣхалъ неожиданно, былъ на полчаса. Сказалъ женѣ: Est-ce à propos de bottes ou de boutons que votre mari n'est pas venu dernièrement? [5]) (Мундирныя пуговицы). Старуха графиня Бобринская извиняла меня тѣмъ, что у меня не были онѣ нашиты.

---

[3]) т. е.: Надѣюсь, что Пушкинъ хорошо принялъ свое назначеніе. До сихъ поръ онъ держалъ данное мнѣ слово, и я былъ имъ доволенъ.

[4]) т. е.: Онъ могъ бы потрудиться съѣздить, чтобы надѣть фракъ и возвратиться. Сдѣлайте ему замѣчаніе.

[5]) т. е.: Изъ-за сапогъ (=изъ-за пустяковъ) или изъ-за пуговицъ вашъ мужъ не пріѣхалъ въ послѣдній разъ?

Баронъ д'Антесъ [6]) и маркизъ де-Пина, два шуана [7]) будутъ приняты въ гвардію прямо офицерами. Гвардія ропщетъ.

*

28-го февраля. Протекшій мѣсяцъ былъ довольно шуменъ. Множество баловъ, раутовъ, etc. Масляница. Я представлялся. Государь позволилъ мнѣ печатать Пугачева; мнѣ возвращена моя рукопись съ его замѣчаніями (очень дѣльными). Въ воскресенье, на балѣ въ концертной, государь долго со мной разговаривалъ. Онъ говоритъ очень хорошо, не смѣшивая обоихъ языковъ, не дѣлая обыкновенныхъ ошибокъ и употребляя настоящія выраженія.

*

6-го марта. Царь далъ мнѣ взаймы 20,000 на напечатаніе Пугачева. Спасибо!...

*

17-го марта. Вчера было совѣщаніе литературное у Греча объ изданіи русскаго „Conversations-Lexicon" [8]). Насъ было человѣкъ со сто, большею частью неизвѣстныхъ мнѣ русскихъ великихъ людей. Гречъ сказалъ мнѣ предварительно: „Плюшаръ въ этомъ дѣлѣ есть шарлатанъ, а я пальясъ; пью его лѣкарство и хвалю его". Такъ и вышло. Я подсмотрѣлъ много шарлатанства и очень мало толку. Предпріятіе въ милліонъ, а выгоды не вижу, не говоря уже о чести. Охота лѣзть въ омутъ, гдѣ полощутся Булгаринъ, Полевой и Свиньинъ! Гаевскій подписался, но съ условіемъ. Князь Одоевскій и я послѣдовали его примѣру. Вяземскій не былъ приглашенъ на сіе литературное сборище. — Тутъ я встрѣтилъ добраго Галича и очень ему обрадовался. Онъ былъ нѣкогда моимъ профессоромъ, ободрялъ меня на поприщѣ, мною избранномъ. Онъ заставилъ меня написать для экзамена 1814 года мои „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ". Устряловъ сказывалъ мнѣ, что издаетъ процессъ Никоновъ. Важная вещь! [9])

Третьяго дня обѣдъ у австрійскаго посланника (графа Фикельмонтъ)....

*

2-го апрѣля. На дняхъ (въ прошедшій четвергъ) обѣдалъ у князя Трубецкого съ Вяземскимъ, Нарышкинымъ, съ Кукольникомъ, котораго видѣлъ въ первый разъ. Онъ, кажется, очень порядочный молодой человѣкъ. Не знаю, имѣетъ ли онъ талантъ. Я не дочелъ его „Тасса" и не видалъ его „Руки" [10]) etc. Онъ хорошій музыкантъ. Вяземскій сказалъ объ его игрѣ на фортепіано: il bredouille en musique, comme en vers [11]). Кукольникъ пишетъ „Ляпунова". Хомяковъ

6) Здѣсь Пушкинъ въ первый разъ упоминаетъ имя Дантеса, который впослѣдствіи убилъ его на дуэли. Жоржъ Дантесъ (D Anthès), усыновленный голландскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ, барономъ Геккерномъ (Heeckeren de Beverwaard) и присоединившій къ своему фамильному имени его имя, получилъ отъ Императора Николая дозволеніе вступить въ Кавалергардскій полкъ.

7) Шуанъ (Chouan)—приверженецъ королевской партіи (въ Вандеѣ, во вр. 1-й фр. революціи).

8) „Энциклопедическій Лексиконъ" Плюшара (вышедшій до буквы Д).

9) Это изданіе не осуществилось. —

10) Драмы Кукольника: „Торквато Тассо" и „Рука Всевышняго отечество спасла".—

11) т. е.: Онъ лепечетъ въ музыкѣ такъ же, какъ и въ стихахъ.

тоже. Ни тотъ, ни другой не напишутъ хорошей трагедіи. Баронъ Розенъ имѣетъ болѣе таланта.

Князь Одоевскій, Дирнинъ, Гаевскій, Зайцевскій и я выключены изъ числа издателей „Conversations-Lexicon". Прочіе были обижены нашею оговоркою; но честный человѣкъ, говоритъ Одоевскій, можетъ быть однажды обманутъ, но въ другой разъ обманутъ только дурака. Этотъ лексиконъ будетъ не что иное, какъ Сѣверная Пчела и Библіотека для Чтенія въ новомъ порядкѣ и объемѣ.

Въ прошлое воскресенье обѣдалъ я у Сперанскаго. Онъ разсказывалъ мнѣ о своемъ изгнаніи въ 1812 году. Онъ посланъ былъ изъ Петербурга по тихвинской глухой дорогѣ. Ему данъ былъ въ провожатые полицейскій чиновникъ, человѣкъ добрый и глупый. На одной станціи не давали ему лошадей; чиновникъ пришелъ просить покровительства у своего арестанта. Ваше превосходительство! помилуйте! заступитесь великодушно: эти канальи лошадей намъ не даютъ.—Сперанскій у себя очень любезенъ. Я говорилъ ему о прекрасномъ началѣ царствованія Александра. „Вы и Аракчеевъ, вы стоите въ дверяхъ противоположныхъ этого царствованія, какъ геніи зла и блага". Онъ отвѣчалъ комплиментами и совѣтовалъ мнѣ писать исторію моего времени.

*

Моя „Пиковая Дама" въ большой модѣ. Игроки понтируютъ на тройку, семерку и туза. При дворѣ нашли сходство между старой графиней и кн. Натальей Петровной (Голицыной) и, кажется, не сердятся.

Вчера Гоголь читалъ мнѣ сказку, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Тимофеичемъ [12]). Очень оригинально и очень смѣшно.

Гоголь, по моему совѣту, началъ исторію русской критики....

*

16-го. Вчера проводилъ Наталью Николаевну до Ижоры. Возвратясь, нашелъ у себя на столѣ приглашеніе на дворянскій балъ и приказъ явиться къ графу Литтѣ. Я догадался, что дѣло идетъ о томъ, что я не явился въ придворную церковь ни къ вечернѣ въ субботу, ни къ обѣднѣ въ вербное воскресенье. Такъ и вышло. Жуковскій сказалъ мнѣ, что государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ и сказалъ: „если имъ тяжело выполнять свои обязанности, то я найду средства ихъ избавить". Однакожъ я не поѣхалъ на головомытье, а написалъ изъясненіе.

Говорятъ, будто бы на дняхъ выйдетъ указъ о томъ, что уничтожается право русскимъ подданнымъ пребывать въ чужихъ краяхъ. Жаль во всѣхъ отношеніяхъ, если слухъ сей оправдается.

*

Середа на святой недѣлѣ.—Праздникъ совершеннолѣтія [13]) совершился. Я не былъ свидѣтелемъ. Это было вмѣстѣ тор-

---

[12]) т. е. Никифоровичемъ.—[13]) Великаго князя Александра Николаевича.—

жество государственное и семейственное. Всѣ были въ восхищеніи отъ необыкновеннаго зрѣлища. Многіе плакали, а кто не плакалъ, обтиралъ сухіе глаза, силясь выжать нѣсколько слезъ. Дворецъ былъ полонъ народу. Мнѣ надобно было свидѣться съ Катериною Ивановною Загряжской. Я къ ней пошелъ по задней лѣстницѣ, надѣясь никого не встрѣтить; но и тутъ была давка. Придворные ропщутъ: ихъ не пустили въ церковь, куда, говорятъ, всѣхъ пускали.

Мёрдеръ [14]) умеръ. Человѣкъ добрый и честный, незамѣнимый. Великій князь еще того не знаетъ: отъ него таятъ извѣстіе, чтобъ не отравить его радости. Откроютъ ему послѣ бала 28. Также умеръ Аракчеевъ, и смерть этого самодержца не произвела никакого впечатлѣнія. Губернаторъ новогородскій пріѣхалъ въ Петербургъ и явился къ Блудову съ извѣстіемъ о его болѣзни и для принятія приказаній на счетъ бумагъ, у графа находящихся. Это не мое дѣло, отвѣчалъ Блудовъ, отнеситесь къ Бенкендорфу. Въ Грузино посланы Клейнмихель и Игнатьевъ.

...Гулянье 1-го мая не удалось отъ дурной погоды: было экипажей десять. Случилось несчастіе: какая-то деревянная башня, памятникъ затѣй Милорадовича въ Екатерингофѣ, обрушилась и нѣсколько людей, бывшихъ на ней, ушиблись...

...Гоголь у Дашкова читалъ свою комедію...

*

2-го іюня. Много говорятъ въ городѣ объ Медемѣ, назначенномъ министромъ въ Лондонъ. Это дипломатическія суспиціи, какъ говорятъ городничихи. Англія не посылала намъ посланника: мы отзываемъ Ливена. Бива недоволенъ. Онъ говоритъ: mais Medem c'est un tout jeune homme, c'est à dire un blanc bec [15]). Государь не хотѣлъ принять Каннинга (Stratford), потому, что будучи великимъ княземъ, имѣлъ съ нимъ какую-то непріятность.

26-го мая былъ я на пороходѣ и провожалъ Мещерскихъ [16]), отправляющихся въ Италію.

На другой день представлялся великой княгинѣ (Еленѣ Павловнѣ). Насъ было человѣкъ 8, между прочими Красовскій, славный цензоръ. Великая княгиня спросила его: „Celà doit bien vous ennuyer d'être obligé de lire tout ce qui paraît?"—Oui, v. a. i., отвѣчалъ онъ:—la littérature actuelle est si détestable que c'est un supplice" [17]). Великая княгиня скорѣй отъ него отошла. Говорила со мной о Пугачевѣ.

Вчера вечеръ у Катерины Андреевны (Карамзиной). Она ѣдетъ въ Таицы, принадлежавшія нѣкогда Ганнибалу, моему прадѣду. У нея были Вяземскій, Жуковскій и Полетика. Я очень люблю Полетику. Говорили много о Павлѣ I-мъ, романтическомъ нашемъ императорѣ.

---

[14]) Карлъ Карловичъ, генералъ-адъютантъ, воспитатель наслѣдника Александра Николаевича (1788—1834) умеръ 24 марта.—[15]) т. е.: „Но вѣдь Медемъ совсѣмъ юноша, у него на губахъ молоко не обсохло".—[16]) Кн. Петра Ив. и княг. Ек. Никол., дочь Карамзина.—[17]) т. е.: „А вамъ должно быть очень скучно быть обязану читать все, что появляется."—„Да, ваше императорское высочество, настоящая литература до того отвратительна, что это—истинная мука".

3-го іюня. Обѣдали мы у Вяземскаго, Жуковскій, Давыдовъ и Киселевъ [18]). Много говорили объ его управленіи въ Валахіи. Онъ, можетъ, самый замѣчательный изъ нашихъ государственныхъ людей, не исключая Ермолова...

Генералъ Болховской [19]) хотѣлъ писать свои записки (и даже началъ ихъ; нѣкогда, въ бытность мою въ Кишиневѣ, онъ ихъ мнѣ читалъ). Киселевъ сказалъ ему: помилуй! да о чемъ ты будешь писать? что ты видѣлъ?—Что я видѣлъ? возразилъ Болховской. Да я видѣлъ такія вещи, о которыхъ никто и понятія не имѣетъ.

Тому недѣли двѣ получено здѣсь извѣстіе о смерти кн. Кочубея. Оно произвело сильное дѣйствіе. Государь былъ неутѣшенъ. Новые министры повѣсили головы... Вотъ сужденіе о немъ: c'était un ésprit éminemment conciliant; nul n'excellait comme lui à trancher une question difficile, à amener les opinions à s'entendre, etc [20]). Безъ него Совѣтъ иногда превращался только что не въ драку, такъ что принуждены были посылать за нимъ, больнымъ, чтобъ его присутствіемъ усмирить волненіе. Дѣло въ томъ, что онъ былъ человѣкъ хорошо воспитанный, а это у насъ рѣдко. И за то спасибо.

*

22-го іюля. Прошедшій мѣсяцъ былъ буренъ. Чуть было не поссорился я со дворомъ; но все перемололось. Однако это мнѣ не пройдетъ.

Маршалъ Мезонъ упалъ на маневрахъ съ лошади и чуть не былъ раздавленъ образцовымъ полкомъ. Арендъ объявилъ, что онъ внѣ опасности. Подъ Аустерлицемъ онъ искрошилъ кавалергардовъ. Долгъ платежемъ красёнъ.

*

9-го августа. Трощинскій въ концѣ царствованія Павла былъ въ опалѣ. Исключенный изъ службы, просился онъ въ деревню. Государь не велѣлъ ему выѣзжать изъ города. Трощинскій остался въ Петербургѣ, никуда не являясь, сидя дома, вставая рано, ложась рано. Однажды, въ два часа ночи, является къ его воротамъ фельдъегерь. Ворота заперты. Весь домъ спитъ. Онъ стучится, никто нейдетъ. Фельдъегерь въ протаявшемъ снѣгу отыскалъ камень и пустилъ его въ окошко. Въ домѣ проснулись, начали отворять ворота и поспѣшно прибѣжали къ спящему Трощинскому, объявляя ему, что государь его требуетъ, и что фельдъегерь за нимъ пріѣхалъ. Трощинскій встаетъ, одѣвается, садится въ сани и ѣдетъ. Фельдъегерь привозитъ его прямо къ Зимнему дворцу. Трощинскій не можетъ понять, что съ нимъ дѣлается. Наконецъ видитъ онъ, что его ведутъ на половину великаго князя Александра. Тутъ только догадался онъ о перемѣнѣ, происшедшей въ государствѣ. У дверей кабинета встрѣтилъ его Паленъ, обнялъ и поздравилъ съ новымъ императоромъ. Трощинскій нашелъ государя въ мундирѣ,

---

18) Пав. Дмитріевичъ, впослѣдствіи графъ. — 19) Или Бологовской, тотъ самый, который упоминается въ разсказѣ Липранди о Кирджали (см. т. IV, стр. Б, 360). — 20) т. е.: „Это былъ умъ, въ высшей степени умиротворительный; никто не превосходилъ его въ искусствѣ разрѣшить трудный вопросъ, привести мнѣніе къ соглашенію и т. д.“

облокотившимся на столъ и всего въ слезахъ. Александръ кинулся къ нему на шею и сказалъ: „будь моимъ руководителемъ“. Тутъ былъ тотчасъ же написанъ манифестъ и подписанъ государемъ, не имѣвшимъ силы ничѣмъ заняться.

*

28-го ноября. Я ничего не записывалъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Я былъ въ отсутствіи. Выѣхалъ изъ Петербурга за пять дней до открытія Александровской колонны, чтобы не присутствовать при церемоніи вмѣстѣ съ камеръ-юнкерами, своими товарищами; былъ въ Москвѣ нѣсколько часовъ, видѣлъ А. Раевскаго [21]), котораго нашелъ поглупѣвшимъ отъ ревматизмовъ въ головѣ. Можетъ быть, это пройдетъ. Отправился потомъ въ Калугу, на перекладныхъ, безъ человѣка. Въ Тарутинѣ пьяные ямщики чуть меня не убили, но я поставилъ на своемъ. „Какіе мы разбойники“? говорили мнѣ они: „намъ дана вольность, и поставленъ столпъ намъ въ честь“. Графа Румянцова вообще не хвалятъ за его памятникъ [22]), и увѣряютъ, что церковь была бы приличнѣе. Я довольно съ этимъ согласенъ. Церковь и при ней школа полезнѣе колонны съ орломъ и длинною надписью, которой безграмотный мужикъ нашъ долго не разберетъ. Въ Заводахъ [23]) прожилъ я двѣ недѣли, потомъ привезъ Наталью Николаевну въ Москву, а самъ съѣздилъ въ нижегородскую деревню, гдѣ управители меня морочили, а я предъ ними шарлатанилъ и, кажется, неудачно. Воротился къ 15-му октября въ Петербургъ, гдѣ и проживаю. Пугачевъ мой отпечатанъ. Я ждалъ все возвращенія царя изъ Пруссіи. Вечоръ онъ пріѣхалъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ привезъ эту новость на балъ Бутурлина. Балъ былъ прекращенъ. Воротились въ 3 часа.

*

5-го декабря. Завтра надобно будетъ явиться во дворецъ. У меня еще нѣтъ мундира. Ни за что не поѣду представляться съ моими товарищами камеръ-юнкерами, молокососами 18-лѣтними. Царь разсердится. Да что мнѣ дѣлать?

Путешествіе въ Арзрумъ во время похода 1829 года.

(1829—1835).

„Путешествіе въ Арзрумъ“ было написано Пушкинымъ въ 1829 г., но въ 1835 г. оно было имъ пересмотрѣно и исправлено. Въ печати сначала явились небольшіе отрывки въ „Литературной Газетѣ“ 1830 г. Все же оно напечатано впервые въ Современникѣ“ 1836 г. (томъ I, стр. 17 — 84), дополненія — въ „Библ. Зап.“ 1859 г.

„Въ черновой рукописи“, пишетъ П. В. Анненковъ (1855) „Пушкинъ изъясняетъ первую причину своего путешествія слѣдующимъ образомъ: „Въ 1829 г. отправился я на Кавказъ лѣчиться на водахъ. Находясь въ такомъ близкомъ

---

21) См. т. I, стр. 110. — 22) Въ его имѣніи Тарутинѣ, въ память 1812 г.— 23) Полотняные заводы—имѣніе Гончаровыхъ.

разстояніи отъ Тифлиса, мнѣ захотѣлось туда съѣздить для свиданія съ нѣкоторыми изъ моихъ пріятелей и съ братомъ, служившимъ тогда въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку. Пріѣхавъ въ Тифлисъ, я уже никого изъ нихъ не нашелъ; армія выступила въ походъ. Желаніе видѣть войну и сторону малоизвѣстную побудило меня просить позволенія пріѣхать въ армію. Такимъ образомъ видѣлъ я блестящую войну, конченную въ нѣсколько недѣль и увѣнчанную переходомъ черезъ Саганъ-Лу и взятіемъ Арзрума". Слова эти взяты изъ предисловія, (написаннаго) въ то время, какъ уже Пушкинъ началъ приводить журналъ свой въ порядокъ (1835). Журналъ этотъ начатъ былъ въ Георгіевскѣ; А. С. возвратился къ нему во 2-й разъ во Владикавказѣ 22 мая. Въ іюнѣ, переѣхавъ Кавказъ, онъ уже былъ въ Тифлисѣ, гдѣ прожилъ около двухъ недѣль, ожидая позволенія явиться въ дѣйствующую противъ турокъ армію. Получивъ его, онъ тотчасъ выѣхалъ, и 13 іюня, прибылъ въ русскій лагерь, расположенный за хребтами Саганъ-Лу, на берегу Карса-Чая. Тифлисскія Вѣдомости разнорѣчатъ съ этимъ показаніемъ самого поэта, говоря, что онъ прибылъ только 16 іюня въ лагерь нашъ при Исканъ-Су; какъ бы то ни было, но съ этого времени онъ раздѣлялъ труды и походы арміи, находился при разбитіи сераскира арзрумскаго, при пораженіи Гаки-паши и при взятіи самого Арзрума 27 іюня. Онъ былъ одинъ во всемъ лагерѣ въ статскомъ платьѣ и довольно забавно писалъ въ Москву, что солдаты величаютъ его пасторомъ, когда онъ проѣзжаетъ мимо ихъ верхомъ. 19 іюля покинулъ онъ Арзрумъ".

Въ дополненіе къ этимъ замѣткамъ Анненковъ приводитъ нѣсколько журнальныхъ извѣстій о путешествіи поэта:

Изъ Тифлисскихъ Вѣдомостей (№ 29, 28 іюня 1829 г., пятница): „Надежды наши исполнились. Пушкинъ посѣтилъ Грузію. Онъ не долго былъ въ Тифлисѣ: желая видѣть войну, онъ испросилъ дозволеніе находиться въ походѣ при дѣйствующихъ войскахъ и 16 іюня прибылъ въ лагерь при Исканъ-Су. Первоклассный поэтъ нашъ пребываніе свое въ разныхъ краяхъ Россіи означилъ произведеніями славнаго его пера: съ Кавказа далъ онъ намъ Кавказскаго Плѣнника, въ Крыму написалъ Бахчисарайскій Фонтанъ, въ Бессарабіи—Цыганъ, во внутреннихъ провинціяхъ писалъ онъ прелестныя картины Онѣгина. Теперь читающая публика наша соединяетъ самыя пріятныя надежды съ пребываніемъ А. Пушкина въ странѣ кавказскихъ войнъ и вопрошаетъ: чѣмъ любимый поэтъ нашъ, свидѣтель кровавыхъ битвъ, подаритъ насъ изъ стана военнаго? Подобно Горацію, поручавшему друга своего опасной стихіи моря, мы просимъ судьбу сохранить нашего поэта среди ужасовъ брани".

Изъ № 32 той же газеты 9 окт. 1829 г. (при вторичномъ посѣщеніи Тифлиса): „6 августа А. Пушкинъ, возвратившійся изъ Арзрума, выѣхалъ изъ Тифлиса къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Любители изящнаго должны теперь ожидать прелестныхъ подарковъ, коими геній Пушкина, возбужденный воспоминаніями о за-кавказскомъ краѣ, безъ сомнѣнія, надѣлитъ нашу литературу".

Корреспонденція Сѣверной Пчелы изъ Владикавказа отъ 10 авг. (№ 110, 12 сент. 1829 г.): „Сего числа былъ здѣсь проѣздомъ А. С. Пушкинъ. Онъ пріѣхалъ къ намъ изъ Арзрума и на другой день отправился далѣе, съ намѣреніемъ побывать на кавказскихъ минеральныхъ водахъ и потомъ отправиться чрезъ Моздокъ и Кизляръ въ Астрахань".

Изъ Сѣв. Пчелы (№ 138, 16 ноября): „А. С. Пушкинъ возвратился въ здѣшнюю столицу изъ Арзрума. Онъ былъ на блистательномъ поприщѣ побѣдъ и торжествъ русскаго воинства, наслаждался зрѣлищемъ, любопытнымъ для каж-

даго, особенно для русскаго. Многіе почитатели его музы надѣются, что онъ обогатитъ нашу словесность какимъ-нибудь произведеніемъ, вдохновеннымъ подъ тѣнью военныхъ шатровъ, въ виду неприступныхъ горъ и твердынь, на которыхъ мощная рука эриванскаго героя водрузила русскія знамена".

О кавказскихъ стихотвореніяхъ Пушкина см. т. I, стр. 287, о Галубѣ см. т. II, стр. 210.

Въ черновыхъ бумагахъ 1829 г. [1]) сохранилась программа путевыхъ записокъ Пушкина. Приводимъ то, что можно разобрать:

Владикавказъ, 22 мая 1829 г.

„18 іюня, Арзрумъ; карантинъ; обѣдъ у гр. Паскевича; харемъ; сабля".

(Сабля, подаренная Пушкину гр. Паскевичемъ, съ надписью на клинкѣ: „18 іюля 1829 года", хранится у сына поэта. Г. А. Пушкина).

„Переходъ черезъ Кавказъ. Даріалъ, Казбекъ, Осетинцы, похороны. Поэтъ персидскій. Принцъ персидскій. Снѣговая гора... Грузія, Арагва (Дукатъ). Тифлисъ... Араратъ, граница Европы. Дорога до Карса. Карсъ. Лагерь гр. Паскевича. Перестрѣлка. Рекогносцировка... война".

„27 іюня, Арзрумъ. Дворецъ, обратный путь".

„Увидѣли Терекъ, разливающійся въ разныхъ направленіяхъ".

„14 іюля, Арзрумъ, баня, чума".

Въ другой тетради [2]) набросанъ маршрутъ отъ Тифлиса до Арзрума и отъ Карса до Кеприкёва и первоначальный текстъ предисловія:

Предисловіе.
1835
Спб.

(Рисунокъ: цѣпь горъ).

„Сіи записки, будучи занимательны только для немногихъ, никогда не были бы напечатаны, если бъ къ тому не побудила меня особая причина. Прошу позволенія объяснить ее и для того войти въ подробности очень неважныя, ибо онѣ касаются одного меня.

„Въ 1829 году отправился я на кавказскія воды. Въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Тифлиса, мнѣ захотѣлось туда съѣздить для свиданія съ братомъ и съ нѣкоторыми изъ моихъ пріятелей. Пріѣхавъ въ Тифлисъ, я уже никого изъ нихъ не нашелъ. Армія выступила въ походъ. Желаніе видѣть войну и сторону малоизвѣстную побудило меня просить у е. с. графа Паскевича-Эриванскаго позволенія пріѣхать въ армію. Такимъ образомъ видѣлъ я блистательный походъ, увѣнчанный взятіемъ Арзрума.

„Журналисты какъ-то о томъ провѣдали. Въ газетѣ (политической) побранили меня не на шутку за то, что по возвращеніи моемъ напечаталъ я стихотвореніе, не относившееся ко взятію Арзрума. „Мы надѣялись", писалъ неизвѣстный рецензентъ, и пр. Одинъ изъ московскихъ журналовъ также поропталъ на пѣвуновъ, не воспѣвшихъ успѣха нашего оружія.

„Я, конечно, не былъ обязанъ писать по заказу гг. журналистовъ; къ тому же, частная жизнь писателя, какъ и всякаго гражданина, не подлежитъ обнародованію. Нельзя было бы, напримѣръ, напечатать въ газетахъ: мы надѣялись, что г. прапорщикъ такой-то возвратится изъ похода съ георгіевскимъ крестомъ; вмѣсто того вывезъ онъ изъ Молдавіи одну лихорадку. Явно, что цензура этого не пропустила бы.

---

[1]) Р. С. 1884. XI. Описаніе рукоп. № 2382 Рум. Муз. (листъ 10.10*об.* и 14*об.* и 103).

[2]) Ibid. Рукоп. № 2383.

„Зная, что публика столь же мало заботится о моихъ путешествіяхъ, какъ и о требованіяхъ рецензентовъ, я не сталъ оправдываться. Но важнѣйшее обвиненіе заставляетъ меня прервать молчаніе.

„Недавно попалась мнѣ въ руки“, и т. д., до конца, безъ перемѣнъ. Въ концѣ—помѣта: 3 апрѣля 1835 [3]).

Маршрутъ отъ Тифлиса до Арзрума. Телеты 14 верстъ. Коды 11 в. Больш. Шулаверы 27 в. Постъ Самисы 20 в. Постъ Акцибеукъ $19^1/_2$ в. Укрѣпленіе Джелаль-Оглу $19^1/_2$ в. Гергерскій постъ 13 в. Кишлякскій п. 13 в. (противъ двухъ послѣднихъ сбоку: „Переѣздъ чер. Безобдалъ“). Амамлы 13 в. Бекантъ 15 в. Укр. Гумры 27 в. Сел. Джалумлы 28 в. Сел. Халивъ-Оглы $18^1/_2$ в. Карсъ 21 в. Сел. Котанлы 24 в. Разв. Чирихли 22 в. Рѣчка Инжа-су (гдѣ былъ лагерь нашъ съ 14-го по 18-е іюня на вершинѣ Саганлуга) 12 в. Рѣчка Гункеръ-су 13 в. Загинъ-су 16 в. Замокъ Зивинъ 12 в. Сел. Ардасъ 24 в. Сел. Кеприкёвъ 26 в. (Мостъ на Араксѣ). Дер. Гассанъ-Кала $14^1/_2$ в. Арзрумъ 35 в.

Другая дорога до Карса черезъ Милюдизъ до Кеприкёва. Село Котанлы 24 версты. Ур. Дели-Муса-Пурунъ 30 в. Разв. Караванъ-Сарая на вершинѣ Саганлугскихъ горъ 12 в. Ур. Мили-Дюзъ, гдѣ былъ лагерь Гакки-паши 7 в. Замокъ Минджегертъ 9 в. Р. Черникъ, при коей теплыя желѣзныя воды $10^1/_2$ в. Дер. Хоросанъ 12 в. Дер. Кеприкёвъ 25 в.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Недавно попалась мнѣ въ руки книга, напечатанная въ Парижѣ въ прошломъ 1834 году подъ названіемъ: Voyages en Orient entrepris par ordre du Gouvernement François. Авторъ, по-своему описывая походъ 1829 года, оканчиваетъ свои разсужденія слѣдующими словами:

„Un poëte destingué par son imagination a trouvé dans tout de hauts faits dont il a été témoin, non le sujet d'un poëme, mais celui d'une satyre“ [4]).

Изъ поэтовъ, бывшихъ въ турецкомъ походѣ, зналъ я только объ А. С. Хомяковѣ и объ А. Н. Муравьевѣ. Оба находились въ арміи графа Дибича. Первый написалъ въ то время нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній, второй обдумывалъ свое путешествіе къ святымъ мѣстамъ, произведшее столь сильное впечатлѣніе. Но я не читалъ никакой сатиры на арзрумскій походъ.

Никакъ бы я не могъ подумать, что дѣло здѣсь идетъ обо мнѣ, если бы въ этой самой книгѣ не нашелъ я своего имени между именами генераловъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Parmi les chefs qui la commandoint (l'armée du Prince Paskéwitch) on distinguoit le Général Mouravief... le Prince Georgien Tsitsevaze... le Prince Arménien Béboutof... le Prince Potemkine, le Général Raiewsky, et enfin—M. Pouchkine... qui avoit quitté la capitale pour chanter les exploits de ses compatriotes [5]).

---

[3]) Предисловіе это встрѣчается вторично въ тетради № 2387 (л. 27 и 71) въ полномъ видѣ, нѣсколько отличающееся отъ № 2383 (Р. С. XII, стр. 557).

[4]) т. е.: „Одинъ поэтъ, отличавшійся своимъ воображеніемъ, нашелъ во всѣхъ высокихъ дѣяніяхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, предметъ не для поэмы, а для сатиры“.

[5]) т. е.: „Въ числѣ начальниковъ

Признаюсь: эти строки французскаго путешественника, несмотря на лестные эпитеты, были мнѣ гораздо досаднѣе, нежели брань русскихъ журналовъ. Искать вдохновенія всегда казалось мнѣ смѣшной и нелѣпой причудою: вдохновенія не сыщешь; оно само должно найти поэта. Пріѣхать на войну съ тѣмъ, чтобъ воспѣвать будущіе подвиги, было бы для меня съ одной стороны слишкомъ самолюбиво, а съ другой слишкомъ непристойно. Я не вмѣшиваюсь въ военныя сужденія. Это не мое дѣло. Можетъ быть, смѣлый переходъ черезъ Соганъ-Лу, движеніе, коимъ графъ Паскевичъ отрѣзалъ сераскира отъ Османъ-паши, пораженіе двухъ непріятельскихъ корпусовъ въ теченіе однихъ сутокъ, быстрый походъ къ Арзруму—все это, увѣнчанное полнымъ успѣхомъ, можетъ быть, и чрезвычайно достойно посмѣянія въ глазахъ военныхъ людей (каковы, напримѣръ, г. купеческій консулъ Фонтанье, авторъ путешествія на Востокъ): но я устыдился бы писать сатиры на прославленнаго полководца, ласково принявшаго меня подъ сѣнь своего шатра и находившаго время посреди своихъ великихъ заботъ оказывать мнѣ лестное вниманіе [6]). Человѣкъ, не имѣющій нужды въ покровительствѣ сильныхъ, дорожитъ ихъ радушіемъ и гостепріимствомъ, ибо инаго отъ нихъ не можетъ и требовать. Обвиненіе въ неблагодарности не должно быть оставлено безъ возраженія, какъ ничтожная критика или литературная брань. Вотъ почему рѣшился я напечатать это предисловіе и выдать свои путевыя записки, какъ *все*, что мною было написано о походѣ 1829 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Степи.—Калмыцкая кибитка.—Кавказскія воды.—Военная Грузинская дорога.—Владикавказъ.—Осетинскія похороны.—Терекъ.—Даріальское ущелье.—Переѣздъ чрезъ снѣговыя горы.—Первый взглядъ на Грузію.—Водопроводы.—Хозревъ-мирза.—Душетскій городничій.

15 мая. Георгіевскъ.

...Изъ Москвы поѣхалъ я (1-го мая) на Калугу, Бѣлевъ и Орелъ и сдѣлалъ такимъ образомъ двѣсти верстъ лишнихъ, за то увидѣлъ Ермолова [a]. Онъ живетъ въ Орлѣ, близъ коего находится его деревня. Я пріѣхалъ къ нему въ 8 часовъ утра и не засталъ его дома. Извощикъ мой сказалъ мнѣ, что Ермоловъ ни у кого не бываетъ, кромѣ какъ у отца своего, простаго, набожнаго старика; что онъ не принимаетъ однихъ только городскихъ чиновниковъ, а что всякому другому доступъ свободенъ. Черезъ часъ я снова къ нему пріѣхалъ. Ермоловъ принялъ меня съ обыкновенною своею любезностію. Съ перваго взгляда я не нашелъ въ немъ ни малѣйшаго сходства съ его портретами, писанными обыкновенно

---

[a] увидѣлъ *** (*Современникъ*).

(арміи гр. Паскевича) различали ген. Муравьева .. кн. Г. Чавчавадзе... кн. Потемкина. ген. Раевскаго, и наконецъ — г. Пушкина... который покинулъ столицу, чтобы пѣть подвиги своихъ соотечественниковъ".

[6]) См. т. I, стр.

профилемъ. Лицо круглое, огненные сѣрые глаза, сѣдые волосы дыбомъ. Голова тигра на Геркулесовомъ торсѣ. Улыбка непріятная, потому что неестественна. Когда же онъ задумывается и хмурится, то онъ становится прекрасенъ и разительно напоминаетъ поэтическій портретъ, писанный Довомъ. Онъ былъ въ зеленомъ черкесскомъ чекменѣ. На стѣнахъ его кабинета висѣли шашки и кинжалы—памятники его владычества на Кавказѣ. Онъ, повидимому, нетерпѣливо сноситъ свое бездѣйствіе. Нѣсколько разъ принимался онъ говорить о Паскевичѣ и всегда язвительно: говоря о легкости его побѣдъ, онъ сравнивалъ его съ Навиномъ, предъ которымъ стѣны падали отъ трубнаго звука, и называлъ графа Эриванскаго—графомъ Эрихонскимъ. „Пускай нападетъ онъ", говорилъ Ермоловъ, „на пашу не умнаго, не искуснаго, но только упрямаго, напримѣръ на пашу, начальствовавшаго въ Шумлѣ,—и Паскевичъ пропалъ". Я передалъ Ермолову слова гр. Толстаго, что Паскевичъ такъ хорошо дѣйствовалъ въ персидскую компанію, что умному человѣку осталось бы только дѣйствовать похуже, чтобы отличиться отъ него. Ермоловъ засмѣялся, но не соглашался. „Можно было бы сберечь людей и издержки", сказалъ онъ. Думаю, что онъ пишетъ, или хочетъ писать свои записки. Онъ недоволенъ исторіей Карамзина: онъ желалъ бы, чтобы пламенное перо изобразило переходъ русскаго народа отъ ничтожества къ славѣ и могуществу. О запискахъ кн. Курбскаго говорилъ онъ con amore. Нѣмцамъ досталось. „Лѣтъ черезъ 50", сказалъ онъ, „подумаютъ, что въ нынѣшнемъ походѣ была вспомогательная прусская или австрійская армія, предводительствуемая какими-то нѣмецкими генералами." Я пробылъ у него часа два; ему было досадно, что не помнилъ моего полнаго имени. Разговоръ нѣсколько разъ касался литературы. О стихахъ Грибоѣдова говоритъ онъ, что отъ ихъ чтенія скулы болятъ. О правительствѣ и политикѣ не было ни слова [б].

Мнѣ предстоялъ путь черезъ Курскъ и Харьковъ, но я своротилъ на прямую тифлисскую дорогу, жертвуя хорошимъ обѣдомъ въ курскомъ трактирѣ (что не бездѣлица въ нашихъ путешествіяхъ), и не любопытствуя посѣтить харьковскій университетъ, который не стоитъ курской ресторации [в]. До Ельца дороги ужасны. Нѣсколько разъ коляска моя вязла въ грязи, достойной грязи одесской. Мнѣ случалось въ цѣлые сутки [г] проѣхать не болѣе 50 верстъ. Смотря на маневры ямщиковъ, я со скуки пародировалъ американца Купера въ его описаніяхъ морскихъ эволюцій [д]. Наконецъ воронежскія степи оживили мое путешествіе. Я [е] свободно покатился по зеленой равнинѣ и благополучно прибылъ въ Новочеркаскъ, гдѣ нашелъ [ж] гр. Вл. Пушкина, также ѣдущаго [з] въ Тифлисъ. Я сердечно ему обрадовался [и], и мы согласились путешествовать вмѣстѣ. Онъ ѣдетъ въ огромной бричкѣ. Это родъ укрѣпленнаго мѣстечка; мы ее про-

---

[б] „Онъ живетъ въ Орлѣ—ни слова" *нѣтъ въ Совр.* — [в] посѣтить ***.—„харьковскій—ресторации" *нѣтъ въ Совр.* — [г] въ сутки (*Совр.*). — [д] „Смотря—эволюцій"—*нѣтъ въ Совр.* — [е] Наконецъ увидѣлъ я Воронежскія степи и (*Совр.*). — [ж] „и—гдѣ" *нѣтъ въ Совр.* — Въ Новочеркаскѣ нашелъ я..... — [з] Графа П., ѣхавшаго также (*Совр.*). — [и] „Я—обрадовался" *нѣтъ въ Совр.*

звали Отрадною. Въ сѣверной ея части хранятся вина и съѣстные припасы; въ южной—книги, мундиры, шляпы etc. etc. Съ западной и восточной стороны она защищена ружьями, пистолетами, мушкетонами, саблями и проч. На каждой станціи выгружается часть сѣверныхъ запасовъ, и такимъ образомъ мы проводимъ время какъ нельзя лучше [1].

Переходъ отъ Европы къ Азіи дѣлается часъ отъ часу чувствительнѣе: лѣса исчезаютъ, холмы сглаживаются, трава густѣетъ и являетъ бóльшую силу растительности; показываются птицы, невѣдомыя въ нашихъ лѣсахъ; орлы сидятъ на кочкахъ, означающихъ большую дорогу, какъ будто на стражѣ, и гордо смотрятъ на путешественника. Калмыки располагаются около станціонныхъ хатъ. У кибитокъ ихъ пасутся уродливыя, косматыя козы, знакомыя вамъ по прекраснымъ рисункамъ Орловскаго.

Надняхъ посѣтилъ я калмыцкую кибитку (клѣтчатный плетень, обтянутый бѣлымъ войлокомъ). Все семейство собиралось завтракать; котелъ варился посрединѣ, и дымъ выходилъ въ отверстіе, сдѣланное въ верху кибитки. Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, куря табакъ. Я сѣлъ подлѣ нея. „Какъ тебя зовутъ?"— *** —„Сколько тебѣ лѣтъ?"—Десять и восемь.—„Что ты шьешь?"—Портка.—„Кому?"—Себя [к].—Она подала мнѣ свою трубку и стала завтракать. Въ котлѣ варился чай съ бараньимъ жиромъ и солью. Она предложила мнѣ свой ковшикъ. Я не хотѣлъ отказаться и хлебнулъ, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже. Я попросилъ чѣмъ-нибудь заѣсть. Мнѣ дали кусочекъ сушеной кобылятины; я былъ и тому радъ [л]. Калмыцкое кокетство испугало меня, я поскорѣе выбрался изъ кибитки [м] и поѣхалъ отъ степной цирцеи [м].

Въ Ставрополѣ увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за девять лѣтъ. Они были все тѣ же, все на томъ же мѣстѣ. Это—снѣжныя вершины Кавказской цѣпи.

Изъ Георгіевска я заѣхалъ на Горячія воды. Здѣсь нашелъ я большую перемѣну. Въ мое время ванны находились въ лачужкахъ, наскоро построенныхъ. Источники, большею частію въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ коры или дномъ разбитой бутылки. Нынче выстроены великолѣпныя ванны и дома. Бульваръ, обсаженный липками, проведенъ по склоненію Машука. Вездѣ чистенькія дорожки, зеленыя лавочки, правильные цвѣтники, мостики, павильоны. Ключи обдѣланы, выложены камнемъ; на стѣнахъ ваннъ прибиты предписанія отъ полиціи; вездѣ порядокъ, чистота, красивость...

Признаюсь: кавказскія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей; но мнѣ было жаль прежняго, дикаго состоянія; мнѣ было

---

[1] Онъ ѣдетъ—лучше *нѣтъ въ Совр.* — [к] *Въ рук. далѣе:*—Поцѣлуй меня. — Неможна. стыдно. — Голосъ ея былъ чрезвычайно пріятенъ. — [л] и я съ большимъ удовольствіемъ проглотилъ его. — [м] Послѣ сего подвига я думалъ, что

жалъ крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и не огороженныхъ пропастей, надъ которыми, бывало, я карабкался. Съ грустью оставилъ я воды и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усѣялось милліонами звѣздъ; я ѣхалъ берегомъ Подкумка. Здѣсь, бывало, сиживалъ со мною Ал. Раевскій [н], прислушиваясь къ мелодіи водъ. Величавый Бешту чернѣе и чернѣе рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами, и наконецъ исчезъ во мракѣ...

На другой день мы отправились далѣе и прибыли въ Екатериноградъ [1]), бывшій нѣкогда намѣстническимъ городомъ.

Мая 22. Владикавказъ.

Съ Екатеринограда начинается Военная Грузинская дорога: почтовый трактъ прекращается. Нанимаютъ лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачій и пѣхотный и одна пушка. Почта отправляется два раза въ недѣлю, и проѣзжіе къ ней присоединяются: это называется оказіей. Мы дожидались недолго. Почта пришла на другой день, и на третье утро въ 9 часовъ мы были готовы отправиться въ путь. На сборномъ мѣстѣ соединился весь караванъ, состоявшій изъ пятисотъ человѣкъ или около. Пробили въ барабанъ. Мы тронулись. Впередъ поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдатокъ, переѣзжающихъ изъ одной крѣпости въ другую; за нами заскрипѣлъ обозъ двухколесныхъ аробъ. По сторонамъ бѣжали конскіе табуны и стада воловъ. Около нихъ скакали ногайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Все это сначала мнѣ очень нравилось, но скоро надоѣло. Пушка ѣхала шагомъ, фитиль курился, и солдаты раскуривали имъ свои трубки. Медленность нашего похода (въ первый день мы прошли только пятнадцать верстъ), несносная жара, недостатокъ припасовъ, безпокойные ночлеги, наконецъ безпрерывный скрипъ ногайскихъ аробъ выводили меня изъ терпѣнія. Татары [о] тщеславятся этимъ скрипомъ, говоря, что они разъѣзжаютъ какъ честные люди, не имѣющіе нужды укрываться. На сей разъ пріятнѣе было бы мнѣ путешествовать не въ столь почтенномъ обществѣ. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонамъ холмы. На краю неба—вершины Кавказа, каждый день являющіяся выше и выше. Крѣпости, достаточныя для здѣшняго края, со рвомъ, который каждый изъ насъ перепрыгнулъ бы встарину не разбѣгаясь, съ заржавѣвшими [п] пушками, не стрѣлявшими со временъ графа Гудовича, съ обрушеннымъ [р] валомъ, по которому бро-

---

имѣю право на нѣкоторое вознагражденіе, но моя гордая ударила меня балалайкой по головѣ. Калмыцкая любезность мнѣ надоѣла, я выбрался изъ кибитки и поѣхалъ далѣе. Вотъ къ ней посланіе, которое вѣроятно, никогда до нея не дойдетъ *(Рук.)*. (Далѣе должно слѣдовать стих. „Калмычкѣ", см. т. I). — [н] А. Р. *(Совр.)*. — [о] Татаре *(Совр.)*. — [п] „заржавѣвшими" *нѣтъ въ Совр.* — [р] „обрушеннымъ" *нѣтъ въ Совр.*

---

[1]) Въ Екатериноградской станицѣ оканчивалась почтовая дорога. Здѣсь сосредоточивалось все, слѣдующее изъ Россіи въ Тифлисъ, а также въ армію. Казенные и частные транспорты и почта отправлялись отсюда по наряду отъ казаковъ за прогоны до Владикавказа, отстоящаго на 105 верстъ.

дитъ гарнизонъ курицъ и гусей. Въ крѣпостяхъ нѣсколько лачужекъ, гдѣ съ трудомъ можно достать десятокъ яицъ и кислаго молока.

Первое замѣчательное мѣсто есть крѣпость Минаретъ. Приближаясь къ ней, нашъ караванъ ѣхалъ по прелестной долинѣ, между курганами, обросшими липой и чинаромъ. Это могилы нѣсколькихъ тысячъ умершихъ чумою. Пестрѣлись цвѣты, порожденные зараженнымъ пепломъ. Справа сіялъ снѣжный Кавказъ; впереди возвышались огромная, лѣсистая гора, за нею находилась крѣпость: кругомъ ея видны были слѣды разореннаго аула, называвшагося Татартубомъ и бывшаго нѣкогда главнымъ въ Большой Кабардѣ. Легкій одинокій минаретъ свидѣтельствуетъ о бытіи исчезнувшаго селенія. Онъ стройно возвышается между грудами камней, на берегу изсохшаго потока. Внутренняя лѣстница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, съ которой уже не раздается голосъ муллы.[i] Тамъ нашелъ я нѣсколько неизвѣстныхъ именъ, нацарапанныхъ на кирпичахъ славолюбивыми путешественниками.

Дорога наша сдѣлалась живописна. Горы тянулись надъ нами. На ихъ вершинахъ ползали чуть видныя стада и казались насѣкомыми. Мы различили и пастуха, быть можетъ, русскаго, нѣкогда взятаго въ плѣнъ и состарѣвшагося въ неволѣ. Мы встрѣтили еще курганы, еще развалины. Два, три надгробныхъ памятника стояли на краю дороги. Тамъ, по обычаю черкесовъ, похоронены ихъ наѣздники. Татарская надпись, изображеніе шашки, тамга [c], изсѣченыя на камнѣ, оставлены хищнымъ внукамъ въ память хищнаго предка.

Черкесы насъ ненавидятъ. Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ; аулы ихъ разорены, цѣлыя племена уничтожены. Они часъ отъ часу далѣе углубляются въ горы и оттуда направляютъ свои набѣги. Дружба мирныхъ черкесовъ ненадежна: они всегда готовы помочь буйнымъ своимъ единоплеменникамъ. Духъ дикаго ихъ рыцарства замѣтно упалъ. Они рѣдко нападаютъ въ равномъ числѣ на казаковъ, никогда на пѣхоту, и бѣгутъ, завидя пушку. Зато никогда не пропустятъ случая напасть на слабый отрядъ или на беззащитнаго. Здѣшняя сторона полна молвой о ихъ злодѣйствахъ. Почти нѣтъ никакого способа ихъ усмирить, пока ихъ не обезоружатъ, какъ обезоружили крымскихъ татаръ, что чрезвычайно трудно исполнить, по причинѣ господствующихъ между ними наслѣдственныхъ распрей и мщенія крови. Кинжалъ и шашка суть члены ихъ тѣла, и младенецъ начинаетъ владѣть ими прежде, нежели лепетать. У нихъ убійство—простое тѣлодвиженіе. Плѣнниковъ они сохраняютъ въ надеждѣ на выкупъ, но обходятся съ ними съ ужаснымъ безчеловѣчіемъ, заставляютъ работать сверхъ силъ, кормятъ сырымъ тѣстомъ, бьютъ, когда вздумается, и приставляютъ къ нимъ для стражи своихъ мальчишекъ, которые за одно слово въ правѣ ихъ изрубить своими дѣтскими шашками. Недавно поймали мирнаго черкеса, выстрѣлившаго въ солдата. Онъ оправды-

---

[c] тамга (*Совр.*). —

вался тѣмъ, что ружье его слишкомъ долго было заряжено. Что дѣлать съ таковымъ народомъ? Должно однакожъ надѣяться, что пріобрѣтеніе восточнаго края Чернаго моря, отрѣзавъ черкесовъ отъ торговли съ Турціей, принудитъ ихъ съ нами сблизиться. Вліяніе роскоши можетъ благопріятствовать ихъ укрощенію: самоваръ былъ бы важнымъ нововведеніемъ. Есть, наконецъ т средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе евангелія у; но объ этомъ средствѣ Россія донынѣ и не подумала. Терпимость сама по себѣ вещь очень хорошая, но развѣ апостольство съ ней не совмѣстно? Развѣ истина дана намъ для того, чтобъ скрывать ее подъ спудомъ? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и никто еще изъ насъ не думалъ препоясаться и итти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братіямъ, лишеннымъ донынѣ свѣта истиннаго. Такъ ли исполняемъ мы долгъ христіанства? Кто изъ насъ, мужъ вѣры и смиренія, уподобится святымъ старцамъ, скитающимся по пустынямъ Африки, Азіи и Америки, въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленнымъ теплымъ усердіемъ? Какая награда ихъ ожидаетъ?—Обращеніе престарѣлаго рыбака, или странствующаго семейства дикихъ, или мальчика, а затѣмъ нужда, голодъ, мученическая смерть. Кажется, для нашей холодной лѣности легче, взамѣнъ слова живаго, выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, не знающимъ грамоты, чѣмъ подвергаться трудамъ и опасностямъ, по примѣру древнихъ апостоловъ и новѣйшихъ римско-католическихъ миссіонеровъ. Мы умѣемъ спокойно въ великолѣпныхъ храмахъ блестѣть велерѣчіемъ. Мы читаемъ свѣтскія книги и важно находимъ въ суетныхъ произведеніяхъ выраженія предосудительныя. Предвижу улыбку на многихъ устахъ. Многіе, сближая мои коллекціи стиховъ съ черкесскимъ негодованіемъ, подумаютъ, что не всякій имѣетъ право говорить языкомъ высшей истины. Я не такого мнѣнія. Истина, какъ добро Мольера, тамъ и берется, гдѣ попадается.—Черкесы очень недавно приняли магометанскую вѣру. Они были увлечены дѣятельнымъ фанатизмомъ апостоловъ К о р а н а, между коими отличался Мансуръ, человѣкъ необыкновенный, долго возмущавшій Кавказъ противу русскаго владычества, наконецъ схваченный нами и умершій въ Соловецкомъ монастырѣ. Кавказъ ожидаетъ христіанскихъ миссіонеровъ ф.

Мы достигли Владикавказа, прежняго Капъ-кая, преддверія горъ. Онъ окруженъ осетинскими аулами. Я посѣтилъ одинъ изъ нихъ и попалъ на похороны. Около сакли толпился народъ. На дворѣ стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершаго съѣзжались со всѣхъ сторонъ и съ громкимъ плачемъ шли въ саклю, ударяя себя кулаками въ лобъ. Женщины стояли смирно. Мертвеца вынесли на буркѣ...

...like a warrior taking his rest
With his martial cloak around him [2])

т „наконецъ" *нѣтъ въ Совр.* у *Дамье*: „но объ этомъ—гдѣ попадется" *нѣтъ въ Совр.* — ф Но тщетно въ замѣну слова живаго выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, не знающимъ грамоты (*Совр*).

[2]) См. т. II, стр. 211.

положили его на арбу. Одинъ изъ гостей взялъ ружье покойника, сдулъ съ полки порохъ и положилъ его подлѣ тѣла. Волы тронулись. Гости поѣхали слѣдомъ. Тѣло должно было быть похоронено въ горахъ, верстахъ въ тридцати отъ аула. Къ сожалѣнію, никто не могъ объяснить мнѣ сихъ обрядовъ [3]).

Осетинцы самое бѣдное племя изъ народовъ, обитающихъ на Кавказѣ; женщины ихъ прекрасны и, какъ слышно, очень благосклонны къ путешественникамъ. У воротъ крѣпости встрѣтилъ я жену и дочь заключеннаго осетинца. Онѣ несли ему обѣдъ. Обѣ казались спокойны и смѣлы; однакожъ при моемъ приближеніи обѣ потупили голову и закрылись своими изорванными чадрами. Въ крѣпости видѣлъ я черкесскихъ аманатовъ, рѣзвыхъ и красивыхъ мальчиковъ. Они поминутно проказятъ и бѣгаютъ изъ крѣпости. Ихъ держатъ въ жалкомъ положеніи. Они ходятъ въ лохмотьяхъ, полунагіе и въ отвратительной нечистотѣ. На иныхъ видѣлъ я деревянныя колодки. Вѣроятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалѣютъ о своемъ пребываніи въ Владикавказѣ [x].

Пушка оставила насъ. Мы отправились съ пѣхотой и казаками. Кавказъ насъ принялъ въ свое святилище. Мы услышали глухой шумъ и увидѣли Терекъ, разливающійся по разнымъ направленіямъ. Мы поѣхали по его лѣвому берегу. Шумныя волны его приводятъ въ движеніе колеса низенькихъ осетинскихъ мельницъ, похожихъ на собачьи конуры. Чѣмъ далѣе углублялись мы въ горы, тѣмъ уже становилось ущеліе. Стѣсненный Терекъ съ ревомъ бросаетъ свои мутныя волны чрезъ утесы, преграждающіе ему путь. Ущеліе извивается вдоль его теченія. Каменныя подошвы горъ обточены его волнами. Я шелъ пѣшкомъ и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестію природы. Погода была пасмурная; облака тяжело тянулись около черныхъ вершинъ. Графъ Пушкинъ [и] и Ш., смотря на Терекъ, вспоминали Иматру и отдавали преимущество рѣкѣ, на сѣверѣ гремящей. Но я ни съ чѣмъ не могъ сравнить мнѣ предстоявшаго зрѣлища.

Не доходя до Ларса, я отсталъ отъ конвоя, засмотрѣвшись на огромныя скалы, между коими хлещетъ Терекъ съ яростію неизъяснимой [4]). Вдругъ бѣжитъ ко мнѣ солдатъ, крича издали: не останавливайтесь, в. б., убьютъ! Это предостереженіе съ непривычки показалось мнѣ чрезвычайно страннымъ. Дѣло въ томъ, что осетинскіе разбойники, безопасные въ этомъ узкомъ мѣстѣ, стрѣляютъ черезъ Терекъ въ путешественниковъ. Наканунѣ нашего перехода, они напали такимъ образомъ на генерала Бековича, проскакавшаго сквозь ихъ выстрѣлы. На скалѣ видны развалины какого-то замка: онѣ облѣплены саклями мирныхъ осетинцевъ, какъ будто гнѣздами ласточекъ.

Въ Ларсѣ остановились мы ночевать. Тутъ нашли мы путешественника француза, который напугалъ насъ предстоящею дорогой.

[x] „Ихъ держатъ—въ Владикавказѣ“ *нѣтъ въ Совр.* — [и] Н. (*Совр.*).

[3]) См. ихъ объясненіе въ т. II. стр. 211.

[4]) Поэтическое воспроизведеніе картины Терека см. въ т. I, № 295.

Онъ совѣтовалъ намъ бросить экипажи въ Коби и ѣхать верхомъ. Съ нимъ выпили мы въ первый разъ кахетинскаго вина изъ вонючаго бурдюка[5]), воспоминая пированія Иліады:

„И въ козіихъ мѣхахъ вино, отраду нашу!"

Здѣсь нашелъ я измаранный списокъ Кавказскаго Плѣнника и признаюсь, перечелъ его съ большимъ удовольствіемъ. Все это слабо, молодо, неполно, но многое угадано и выражено вѣрно.

На другой день поутру отправились мы далѣе. Турецкіе плѣнники разработывали дорогу. Они жаловались на пищу, имъ выдаваемую. Они никакъ не могли привыкнуть къ русскому черному хлѣбу. Это напоминало мнѣ слова моего пріятеля Ш, по возвращеніи его изъ Парижа: „Худо, братъ, жить въ Парижѣ: ѣсть нечего; чернаго хлѣба не допросишься!"

Въ семи верстахъ отъ Ларса находится Даріальскій постъ. Ущелье носитъ то же имя. Скалы съ обѣихъ сторонъ стоятъ параллельными стѣнами. Здѣсь такъ узко, пишетъ одинъ путешественникъ, что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тѣсноту. Клочокъ неба, какъ лента, синѣетъ надъ вашей головою. Ручьи, падающіе съ горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мнѣ похищеніе Ганимеда, странную картину Рембрандта. Къ тому же и ущелье освѣщено совершенно въ его вкусѣ. Въ иныхъ мѣстахъ Терекъ подмываетъ самую подошву скалъ, и на дорогѣ, въ видѣ плотины, навалены каменья. Недалеко отъ поста мостикъ смѣло переброшенъ черезъ рѣку. На немъ стоишь, какъ на мельницѣ. Мостикъ весь такъ и трясется, а Терекъ шумитъ, какъ колеса, движущія жерновъ. Противъ Даріала, на крутой скалѣ, видны развалины крѣпости. Преданіе гласитъ, что въ ней скрывалась какая-то царица Дарія, давшая имя свое ущелію: сказка. Даріалъ на древнемъ персидскомъ языкѣ значитъ ворота. По свидѣтельству Плинія, Кавказскія ворота, ошибочно называемыя Каспійскими, находились здѣсь. Ущеліе замкнуто было настоящими воротами, деревянными, окованными желѣзомъ. Подъ ними, пишетъ Плиній, течетъ рѣка Диріодорисъ. Тутъ была воздвигнута и крѣпость для удержанія набѣговъ дикихъ племенъ, и проч. (см. Путешествіе графа И. Потоцкаго, коего ученыя изысканія столь же занимательны, какъ и испанскіе романы).

Изъ Даріала отправились мы къ Казбеку. Мы увидѣли Троицкія ворота (арка, образованная въ скалѣ взрывомъ пороха); подъ ними шла нѣкогда дорога, а нынѣ протекаетъ Терекъ, часто мѣняющій свое русло.

Недалеко отъ селенія Казбекъ, переѣхали мы чрезъ Бѣшеную Балку, оврагъ, во время сильныхъ дождей превращающійся въ яростный потокъ. Онъ въ это время былъ совершенно сухъ и громокъ однимъ своимъ именемъ.

Деревня Казбекъ находится у подошвы горы Казбекъ и принадлежитъ князю Казбеку. Князь, мужчина лѣтъ сорока-пяти, ростомъ выше преображенскаго флигельмана. Мы нашли его въ духанѣ (такъ

---

[5]) Бурдюкъ—мѣхъ изъ кожи.

называются грузинскія харчевни, которыя гораздо бѣднѣе и не чище русскихъ). Въ дверяхъ лежалъ пузастый бурдюкъ (воловій мѣхъ), растопыря свои четыре ноги. Великанъ тянулъ изъ него чихирь и сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые отвѣчалъ я съ почтеніемъ, подобаемымъ его званію и росту. Мы разстались большими пріятелями.

Скоро притупляются впечатлѣнія. Едва прошли сутки, и уже ревъ Терека и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего вниманія. Нетерпѣніе доѣхать до Тифлиса исключительно овладѣло мною. Я столь же равнодушно ѣхалъ мимо Казбека, какъ нѣкогда плылъ мимо Чатырдага. Правда и то, что дождливая и туманная погода мѣшала мнѣ видѣть его снѣговую груду, по выраженію поэта, подпирающую небосклонъ.

Ждали персидскаго принца. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Казбека попались намъ навстрѣчу нѣсколько колясокъ и затруднили узкую дорогу. Покамѣстъ экипажи разъѣзжались, конвойный офицеръ объявилъ намъ, что онъ провожаетъ придворнаго персидскаго поэта и, по моему желанію, представилъ меня Фазилъ-хану. Я, съ помощію переводчика, началъ было высокопарное восточное привѣтствіе; но какъ же мнѣ стало совѣстно, когда Фазилъ-ханъ отвѣчалъ на мою неумѣстную затѣйливость простою, умной учтивостію порядочнаго человѣка! „Онъ надѣялся увидѣть меня въ Петербургѣ; онъ жалѣлъ, что знакомство наше будетъ непродолжительно“, и проч. Со стыдомъ принужденъ я былъ оставить важно-шутливый тонъ и съѣхать на обыкновенныя европейскія фразы. Вотъ урокъ нашей русской насмѣшливости. Впередъ не стану судить о человѣкѣ по его бараньей попахѣ *) и по крашенымъ ногтямъ.

Постъ Коби находится у самой подошвы Крестовой горы, чрезъ которую предстоялъ намъ переходъ. Мы тутъ остановились ночевать и стали думать, какимъ бы образомъ совершить сей ужасный подвигъ: сѣсть ли, бросивъ экипажи, на казачьихъ лошадей, или послать за осетинскими волами? На всякій случай, я написалъ отъ имени всего нашего каравана оффиціальную просьбу къ Ч***, начальствующему въ здѣшней сторонѣ, и мы легли спать въ ожиданіи подводъ **).

На другой день около 12 часовъ услышали мы шумъ, крики, и увидѣли зрѣлище необыкновенное: осьмнадцать паръ тощихъ малорослыхъ воловъ, понуждаемыхъ толпою полунагихъ осетинцевъ, насилу тащили легкую вѣнскую коляску пріятеля моего О**. Это зрѣлище тотчасъ разсѣяло всѣ мои сомнѣнія. Я рѣшился отправить мою тяжелую петербургскую коляску обратно въ Владикавказъ и ѣхать верхомъ до Тифлиса. Графъ Пушкинъ [ч] не хотѣлъ слѣдовать

ч П (*Совр.*).

*) Такъ называются персидскія шапки.

**) Въ бумагахъ Пушкина осталась черновая этой просьбы: „Нѣсколько путешественниковъ, ѣдущихъ по казенной надобности, находятся здѣсь въ весьма затруднительномъ положеніи и рѣшились прибѣгнуть къ вашему покровительству, зная по слухамъ вашу снисходительность. Сдѣлайте милость послать къ старшинѣ... Мы готовы заплатить. О семъ просятъ убѣдительнѣйше Бауманъ, графъ Пушкинъ и я. Примите“, и пр.

моему примѣру. Онъ предпочелъ впрячь цѣлое стадо воловъ въ свою бричку, нагруженную запасами всякаго рода, и съ торжествомъ переѣхать черезъ снѣговой хребетъ. Мы разстались, и я поѣхалъ съ полковникомъ Ог...., осматривающимъ здѣшнія дороги.

Дорога шла черезъ обвалъ, обрушившійся въ концѣ іюня 1827 года. Таковые случаи бываютъ обыкновенно каждыя семь лѣтъ. Огромная глыба, свалясь, засыпала ущеліе на цѣлую версту и запрудила Терекъ. Часовые, стоявшіе ниже, слышали ужасный грохотъ и увидѣли, что рѣка быстро мелѣла и въ четверть часа совсѣмъ утихла и истощилась. Терекъ прорылся сквозь обвалъ не прежде, какъ черезъ два часа. То-то былъ онъ ужасенъ! [6]).

Мы круто подымались выше и выше. Лошади наши вязли въ рыхломъ снѣгу, подъ которымъ шумѣли ручьи. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на дорогу и не понималъ возможности ѣзды на колесахъ.

Въ это время услышалъ я глухой грохотъ. „Это обвалъ", сказалъ мнѣ г. Ог.... Я оглянулся и увидѣлъ въ сторонѣ груду снѣга, которая осыпалась и медленно съѣзжала съ крутизны. Малые обвалы здѣсь не рѣдки. Въ прошломъ году русскій извощикъ ѣхалъ по Крестовой горѣ; обвалъ оборвался: страшная глыба свалилась на его повозку, поглотила телѣгу, лошадь и мужика, перевалилась черезъ дорогу и покатилась въ пропасть съ своею добычею. Мы достигли самой вершины горы. Здѣсь поставленъ гранитный крестъ, старый памятникъ, обновленный ген. Ермоловымъ.

Здѣсь путешественники обыкновенно выходятъ изъ экипажей и идутъ пѣшкомъ. Недавно проѣзжалъ какой-то иностранный консулъ: онъ такъ былъ слабъ, что велѣлъ завязать себѣ глаза; его вели подъ руки, и когда сняли съ него повязку, тогда онъ сталъ на колѣна, благодарилъ Бога и проч., что очень изумило проводниковъ.

Мгновенный переходъ отъ грознаго Кавказа къ миловидной Грузіи восхитителенъ. Воздухъ юга вдругъ начинаетъ повѣвать на путешественника. Съ высоты Гутъ-горы открывается Кайшаурская долина съ ея обитаемыми скалами, съ ея садами, съ ея свѣтлой Арагвой, извивающейся, какъ серебряная лента, и все это въ уменьшенномъ видѣ, на днѣ трехверстной пропасти, по которой идетъ опасная дорога.

Мы спускались въ долину. Молодой мѣсяцъ показался на ясномъ небѣ. Вечерній воздухъ былъ тихъ и тепелъ. Я ночевалъ на берегу Арагвы, въ домѣ г. Ч. На другой день я разстался съ любезнымъ хозяиномъ и отправился далѣе.

Здѣсь начинается Грузія. Свѣтлыя долины, орошаемыя веселой Арагвою, смѣнили мрачныя ущелія и грозный Терекъ. Вмѣсто голыхъ утесовъ, я видѣлъ около себя зеленыя горы и плодоносныя деревья. Водопроводы доказывали присутствіе образованности. Одинъ изъ нихъ поразилъ меня совершенствомъ оптическаго обмана: вода, кажется, имѣетъ свое теченіе по горѣ снизу вверхъ.

Въ Пайсанаурѣ остановился я для перемѣны лошадей. Тутъ я встрѣтилъ русскаго офицера, провождающаго персидскаго принца.

---

[6]) Поэтическое воспроизведеніе картины обвала см. т. I, стр. 295.

Вскорѣ услышалъ я звукъ колокольчиковъ, и цѣлый рядъ катаровъ, (муловъ), привязанныхъ одинъ къ другому и навьюченныхъ по-азіатски, потянулся по дорогѣ. Я пошелъ пѣшкомъ, не дождавшись лошадей, и въ полуверстѣ отъ Ананура [ш] на поворотѣ дороги, встрѣтилъ Хозревъ-Мирзу. Экипажи его стояли. Самъ онъ выглянулъ изъ своей коляски и кивнулъ мнѣ головою. Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ нашей встрѣчи, на принца напали горцы. Услыша свистъ пуль, Хозревъ выскочилъ изъ своей коляски, сѣлъ на лошадь и ускакалъ. Русскіе, бывшіе при немъ, удивились его смѣлости. Дѣло въ томъ, что молодой азіатецъ, не привыкшій къ коляскѣ, видѣлъ въ ней скорѣе западню, нежели убѣжище.

Я дошелъ до Ананура, не чувствуя усталости. Лошади мои не приходили. Мнѣ сказали, что до города Душета оставалось не болѣе, какъ десять верстъ, и я опять отправился пѣшкомъ. Но я не зналъ, что дорога шла въ гору. Эти десять верстъ стоили добрыхъ двадцати.

Наступилъ вечеръ; я шелъ впередъ, подымаяся все выше и выше. Съ дороги сбиться было невозможно; но мѣстами глинистая грязь, образуемая источниками, доходила мнѣ до колѣна. Я совершенно утомился. Темнота увеличивалась. Я слышалъ вой и лай сабакъ и радовался, воображая, что городъ недалеко. Но ошибался: лаяли собаки грузинскихъ пастуховъ, а выли шакалы, звѣри въ той сторонѣ обыкновенные. Я проклиналъ свое нетерпѣніе, но дѣлать было нечего. Наконецъ увидѣлъ я огни и около полуночи очутился у домовъ, осѣненныхъ деревьями. Первый встрѣчный вызвался провести меня къ городничему и потребовалъ за то съ меня а б а з ъ.

Появленіе мое у городничаго, стараго офицера изъ грузинъ, произвело большое дѣйствіе. Я требовалъ, во-первыхъ, комнаты, гдѣ бы могъ раздѣться, во-вторыхъ, стакана вина, въ-третьихъ, абаза для моего провожатаго. Городничій не зналъ, какъ меня принять, и посматривалъ на меня съ недоумѣніемъ. Видя, что онъ не торопится исполнить мои просьбы, я сталъ передъ нимъ раздѣваться, прося извиненія de la liberté grande. Къ счастію, нашелъ я въ карманѣ подорожную, доказывавшую, что я мирный путешественникъ, а не Ринальдо-Ринальдини. Благословенная хартія возымѣла тотчасъ свое дѣйствіе: комната была мнѣ отведена, стаканъ вина принесенъ, и абазъ выданъ моему проводнику, съ отеческимъ выговоромъ за его корыстолюбіе, оскорбительное для грузинскаго гостепріимства. Я бросился на диванъ, надѣясь послѣ моего подвига заснуть богатырскимъ сномъ: не тутъ-то было! блохи, которыя гораздо опаснѣе шакаловъ, напали на меня и во всю ночь не дали мнѣ покою. Поутру явился ко мнѣ мой человѣкъ и объявилъ, что графъ Пушкинъ [щ] благополучно переправился на волахъ чрезъ снѣговыя горы и прибылъ въ Душетъ. Нужно было мнѣ торопиться! Графъ Пушкинъ [ъ] и Ш. посѣтили меня и предложили опять отправиться вмѣстѣ въ дорогу. Я оставилъ Душетъ съ пріятной мыслію, что почую въ Тифлисѣ.

[ш] Аканура (*какъ и ниже, ошибочно въ Совр.*) — [щ] П. (*Совр.*). — [ъ] П. (*Совр.*).

Дорога была такъ же пріятна и живописна, хотя рѣдко видѣли мы слѣды народонаселенія. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гарцискала мы переправились черезъ Куру по древнему мосту, памятнику римскихъ походовъ, и крупной рысью, а иногда и вскачь, поѣхали къ Тифлису, въ которомъ непримѣтнымъ образомъ и очутились часу въ одиннадцатомъ вечера.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Тифлисъ.—Народныя бани.—Безносый Гассанъ.—Нравы грузинскіе.—Пѣсни.—Кахетинское вино.—Причина жаровъ.—Дороговизна.—Описаніе города.—Отъѣздъ изъ Тифлиса.—Грузинская ночь.—Видъ Арменіи.—Двойной переходъ.—Армянская деревня.—Гергеры.—Грибоѣдовъ.—Безобдалъ.—Минеральный ключъ.—Буря въ горахъ.—Ночлегъ въ Гумрахъ.—Араратъ.—Граница.—Турецкое гостепріимство.—Карсъ.—Армянская семья.—Выѣздъ изъ Карса.—Лагерь графа Паскевича.

Я остановился въ трактирѣ; на другой день отправился въ славныя тифлисскія бани. Городъ показался мнѣ многолюденъ. Азіатскія строенія и базаръ напомнили мнѣ Кишиневъ. По узкимъ и кривымъ улицамъ бѣжали ослы съ перекидными корзинами; арбы, запряженныя волами, перегорожали дорогу. Армяне, грузинцы, черкесы, персіяне тѣснились на неправильной площади; между ними молодые русскіе чиновники разъѣзжали верхами на карабахскихъ жеребцахъ. При входѣ въ бани сидѣлъ содержатель, старый персіянинъ. Онъ отворилъ мнѣ дверь; я вошелъ въ обширную комнату, и что же увидѣлъ? Болѣе пятидесяти женщинъ, молодыхъ и старыхъ, полуодѣтыхъ и вовсе не одѣтыхъ, сидя и стоя, раздѣвались, одѣвались на лавкахъ, разставленныхъ около стѣнъ. Я остановился. „Пойдемъ, пойдемъ", сказалъ мнѣ хозяинъ: „сегодня вторникъ: женскій день. Ничего, не бѣда".—Конечно, не бѣда, отвѣчалъ я ему, напротивъ. Появленіе мужчинъ не произвело никакого впечатлѣнія. Онѣ продолжали смѣяться и разговаривать между собою. Ни одна не поторопилась покрыться своею чадрою; ни одна не перестала раздѣваться. Казалось, я вошелъ невидимкой. Многія изъ нихъ были въ самомъ дѣлѣ прекрасны и оправдывали воображеніе Т. Мура:

....a lovely Georgian maid,
With all the bloom, the freshened Glow
Of her own contry maiden's looks,
When warm they rise from Teflis brooks [1]).

Lalla Rookh.

Зато не знаю ничего отвратительнѣе грузинскихъ старухъ; это вѣдьмы.

Персіянинъ ввелъ меня въ бани: горячій, желѣзосѣрный источникъ лился въ глубокою ванну, изсѣченную въ скалѣ. Отъ роду не встрѣчалъ я ни въ Россіи, ни въ Турціи ничего роскошнѣе тифлисскихъ бань. Опишу ихъ подробно.

Хозяинъ оставилъ меня на попеченіе татарину-баньщику. Я долженъ признаться, что онъ былъ безъ носу; это не мѣшало ему

---

[1]) Милая дѣва Грузіи, пылающая юной | ручьевъ Тифлиса.
свѣжестію дѣвъ ея родины на берегахъ |

быть мастеромъ своего дѣла. Гассанъ (такъ назывался безносый татаринъ) началъ съ того, что разложилъ меня на тепломъ каменномъ полу, послѣ чего началъ онъ ломать мнѣ члены, вытягивать суставы [а], бить меня сильно кулакомъ: я не чувствовалъ ни малѣйшей боли, но удивительное облегченіе. (Азіатскіе баньщики приходятъ иногда въ восторгъ, вспрыгиваютъ вамъ на плеча, скользятъ ногами по бедрамъ и пляшутъ по спинѣ въ присядку, e sempre bene). Послѣ сего долго теръ онъ меня шерстяною рукавицей и, сильно оплескавъ теплой водою, сталъ умывать намыленнымъ полотнянымъ пузыремъ—ощущеніе неизъяснимое: горячее мыло обливаетъ васъ, какъ воздухъ! NB. Шерстяная рукавица и полотняный пузырь непремѣнно должны быть приняты въ русской банѣ; знатоки будутъ благодарны за таковое нововведеніе.

Послѣ пузыря Гассанъ отпустилъ меня въ ванну; тѣмъ и кончилась церемонія.

Въ Тифлисѣ я надѣялся найти Раевскаго [б]; но, узнавъ, что полкъ его уже выступилъ въ походъ, я рѣшился просить у графа Паскевича позволенія пріѣхать въ армію.

Въ Тифлисѣ пробылъ я около двухъ недѣль и познакомился съ тамошнимъ обществомъ. Санковскій [в], издатель „Тифлисскихъ Вѣдомостей“ [1]), разсказывалъ мнѣ много любопытнаго о здѣшнемъ краѣ, о князѣ Циціановѣ, объ А. П. Ермоловѣ и проч. Санковскій любитъ Грузію и предвидитъ для нея блестящую будущность.

Грузія прибѣгнула подъ покровительство Россіи въ 1783 году, чтó не помѣшало славному Агѣ-Махомеду взять и разорить Тифлисъ и двадцать тысячъ жителей увести въ плѣнъ (1795 г.). Грузія перешла подъ скипетръ Императора Александра въ 1802. Грузины народъ воинственный. Они доказали свою храбрость подъ нашими знаменами. Ихъ умственныя способности ожидаютъ большей образованности. Они вообще нрава веселаго и общежительнаго. По праздникамъ мужчины пьютъ и гуляютъ по улицамъ. Черноглазые мальчики поютъ, прыгаютъ и кувыркаются; женщины пляшутъ лезгинку.

Голосъ пѣсенъ грузинскихъ пріятенъ; мнѣ перевели одну изъ нихъ слово въ слово: она, кажется, сложена въ новѣйшее время; въ ней есть какая-то восточная безсмыслица, имѣющая свое поэтическое достоинство. Вотъ вамъ она:

„Душа, недавно рожденная въ раю! Душа, созданная для моего счастія! Отъ тебя, безсмертная, ожидаю жизни.

„Отъ тебя, весна цвѣтущая, луна двунедѣльная, отъ тебя, ангелъ мой хранитель, отъ тебя ожидаю жизни.

„Ты сіяешь лицомъ и веселишь улыбкою. Не хочу обладать міромъ: хочу твоего взора. Отъ тебя ожидаю жизни.

„Горная роза, освѣженная росою! избранная любимица природы! Тихое, потаенное сокровище! отъ тебя ожидаю жизни“.

а составы (*Совр.*).—б Р. (*Совр.*).—в С. (*Совр.*).

---

1) Павелъ Степановичъ Санковскій былъ давнимъ знакомымъ Пушкина (Р. С. 1880. № 7. стр. 581.)

Грузинцы пьютъ—и не по нашему, и удивительно крѣпки. Вина ихъ не терпятъ вывоза и скоро портятся; но на мѣстѣ они прекрасны. Кахетинское и карабахское стоятъ нѣкоторыхъ бургонскихъ. Вино держатъ въ марапахъ, огромныхъ кувшинахъ, зарытыхъ въ землю. Ихъ открываютъ съ торжественными обрядами. Недавно русскій драгунъ, тайно открывъ таковой кувшинъ, упалъ въ него и утонулъ въ кахетинскомъ винѣ, какъ несчастный Кларенсъ въ бочкѣ малаги.

Тифлисъ находится на берегахъ Куры, въ долинѣ, окруженной каменистыми горами. Онѣ укрываютъ его со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ и, раскалясь на солнцѣ, не нагрѣваютъ, а кипятятъ недвижный воздухъ. Вотъ причина нестерпимыхъ жаровъ, царствующихъ въ Тифлисѣ, несмотря на то, что городъ находится только еще подъ 41 градусомъ широты. Самое его названіе (Тбимикаларъ) значитъ жаркій городъ.

Большая часть города выстроена по-азіатски: дома низкіе, кровли плоскія. Въ сѣверной части возвышаются дома европейской архитектуры и около нихъ начинаютъ образовываться правильныя площади. Базаръ раздѣляется на нѣсколько рядовъ; лавки полны турецкихъ и персидскихъ товаровъ, довольно дешевыхъ, если принять въ разсужденіе всеобщую дороговизну. Оружіе тифлиское дорого цѣнится на всемъ Востокѣ. Графъ С. и В., прослывшіе здѣсь богатырями, обыкновенно пробовали свои новыя шашки, съ одного маху перерубая на-двое барана или отсѣкая голову быку.

Въ Тифлисѣ главную часть народонаселенія составляютъ армяне: въ 1825 году было ихъ здѣсь до двухъ тысячъ пятисотъ семействъ. Во время нынѣшнихъ войнъ число ихъ еще умножилось. Грузинскихъ семействъ считается до тысячи пятисотъ. Русскіе не считаютъ себя здѣшними жителями. Военные, повинуясь долгу, живутъ въ Грузіи, потому что такъ имъ велѣно. Молодые титулярные совѣтники пріѣзжаютъ сюда за чиномъ ассесорскимъ, толико вожделѣннымъ. Тѣ и другіе смотрятъ на Грузію, какъ на изгнаніе.

Климатъ тифлисскій, сказываютъ, нездоровъ. Здѣшнія горячки ужасны; ихъ лѣчатъ меркуріемъ, коего употребленіе безвредно, по причинѣ жаровъ. Лѣкаря кормятъ имъ своихъ больныхъ безъ всякой совѣсти. Генералъ С., говорятъ, умеръ оттого, что его домовый лѣкарь, пріѣхавшій съ нимъ изъ Петербуга, испугался пріема, предлагаемаго тамошними докторами, и не далъ онаго больному. Здѣшнія лихорадки похожи на крымскія и молдавскія и лѣчатся одинаково.

Жители пьютъ курскую воду, мутную, но пріятную. Во всѣхъ источникахъ и колодцахъ вода сильно отзывается сѣрой. Впрочемъ вино здѣсь въ такомъ общемъ употребленіи, что недостатокъ въ водѣ былъ бы незамѣтенъ.

Въ Тифлисѣ удивила меня дешевизна денегъ. Переѣхавъ на извощикѣ черезъ двѣ улицы и отпустивъ его черезъ полчаса, я долженъ былъ заплатить два рубля серебромъ. Я сперва думалъ, что онъ хотѣлъ воспользоваться незнаніемъ новопріѣзжаго; но мнѣ сказали, что цѣна точно такова. Все прочее дорого въ соразмѣрности.

Мы ѣздили въ нѣмецкую колонію и тамъ обѣдали. Пили тамъ дѣлаемое пиво, вкусу очень непріятнаго, и заплатили очень дорого за очень плохой обѣдъ. Въ моемъ трактирѣ кормили меня также дорого и дурно. Г. С., извѣстный гастрономъ, позвалъ однажды меня отобѣдать; по несчастію, у него разносили кушанья по чинамъ, а за столомъ сидѣли англійскіе офицеры въ генеральскихъ эполетахъ. Слуги такъ усердно меня обносили, что я всталъ изъ-за стола голодный. Чортъ побери тифлисскаго гастронома!

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ разрѣшенія моей участи. Наконецъ получилъ я записку отъ Раевскаго [г]. Онъ писалъ мнѣ, чтобы я спѣшилъ къ Карсу, потому что черезъ нѣсколько дней войско должно было итти далѣе. Я выѣхалъ на другой же день.

Я ѣхалъ верхомъ, перемѣняя лошадей на казачьихъ постахъ. Вокругъ меня земля была опалена зноемъ. Грузинскія деревни издали казались мнѣ прекрасными садами, но, подъѣзжая къ нимъ, видѣлъ я нѣсколько бѣдныхъ сакель, осѣненныхъ пыльными тополями. Солнце сѣло, но воздухъ все еще былъ душенъ:

Ночи знойныя!
Звѣзды чудныя!

Луна сіяла; все было тихо; топотъ моей лошади одинъ раздавался въ ночномъ безмолвіи. Я ѣхалъ долго, не встрѣчая признаковъ жилья. Наконецъ увидѣлъ уединенную саклю. Я сталъ стучаться въ дверь. Вышелъ хозяинъ. Я попросилъ воды, сперва по-русски, а потомъ по-татарски. Онъ меня не понялъ. Удивительная безпечность! Въ тридцати верстахъ отъ Тифлиса, и на дорогѣ въ Персію и Турцію, онъ не зналъ ни слова ни по-русски, ни по-татарски.

Переночевавъ на казачьемъ посту, на разсвѣтѣ я отправился далѣе. Дорога шла горами и лѣсомъ. Я встрѣтилъ путешествующихъ татаръ; между ними были нѣсколько женщинъ. Онѣ сидѣли верхами, окутанныя въ чадры; видны были у нихъ только глаза да каблуки.

Я сталъ подыматься на Безобдалъ, гору, отдѣляющую Грузію отъ древней Арменіи. Широкая дорога, осѣненная деревьями, извивается около горы. На вершинѣ Безобдала я проѣхалъ сквозь малое ущеліе, называемое, кажется, Волчьими Воротами, и очутился на естественной границѣ Грузіи. Мнѣ представились новыя горы, новый горизонтъ; подо мною разстилались злачныя зеленыя нивы. Я взглянулъ еще разъ на опаленную Грузію и сталъ спускаться по отлогому склоненію горы къ свѣжимъ равнинамъ Арменіи. Съ неописаннымъ удовольствіемъ замѣтилъ я, что зной вдругъ уменьшился: климатъ былъ другой.

Человѣкъ мой съ вьючными лошадьми отъ меня отсталъ. Я ѣхалъ въ цвѣтущей пустынѣ, окруженной издали горами. Въ разсѣянности проѣхалъ я мимо поста, гдѣ долженъ былъ перемѣнить лошадей. Прошло болѣе шести часовъ, и я началъ удивляться пространству перехода. Я увидѣлъ въ сторонѣ груды камней, похожія на сакли, и отправился къ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, я пріѣхалъ въ армянскую

[г] Р. (*Совр.*).

деревню. Нѣсколько женщинъ въ пестрыхъ лохмотьяхъ сидѣли на плоской кровлѣ подземной сакли. Я изъяснился кое-какъ. Одна изъ нихъ сошла въ саклю и вынесла мнѣ сыру и молока. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, я пустился далѣе и на высокомъ берегу рѣки увидѣлъ противъ себя крѣпость Гергеры. Три потока съ шумомъ и пѣной низвергались съ высокаго берега. Я переѣхалъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько грузинъ сопровождали арбу. „Откуда вы?" спросилъ я ихъ.—Изъ Тегерана. „Что вы везете?"—Грибоѣда.—Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ [2]).

Не думалъ я встрѣтить уже когда-нибудь нашего Грибоѣдова! Я разстался съ нимъ въ прошломъ году, въ Петербургѣ, предъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печаленъ и имѣлъ странныя предчувствія. Я было хотѣлъ его успокоить, онъ мнѣ сказалъ: Vous ne connaissez pas ces gens-là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux [3]). Онъ полагалъ, что причиною кровопролитія будетъ смерть шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарѣлый шахъ еще живъ, а пророческія слова Грибоѣдова сбылись. Онъ погибъ подъ кинжалами персіянъ, жертвой невѣжества и вѣроломства. Обезображенный трупъ его, бывшій три дня игралищемъ тегеранской черни, узнанъ былъ только по рукѣ, нѣкогда простреленной пистолетною пулею.

Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества, все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о немъ, какъ о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой-нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ „Московскомъ Телеграфѣ". Впрочемъ, уваженіе наше къ славѣ происходитъ, можетъ быть, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ.

Жизнь Грибоѣдова была затемнена нѣкоторыми облаками: слѣдствіе пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ. Онъ почувствовалъ необходимость разсчесться единожды навсегда съ своею молодостію и круто поворотить свою жизнь. Онъ простился съ Петербургомъ и съ праздной разсѣянностію; уѣхалъ въ Грузію, гдѣ пробылъ восемь лѣтъ въ уединенныхъ, неусыпныхъ занятіяхъ. Возвращеніе его въ Москву въ 1824 году было переворотомъ въ его

---

[2]) А. С. Грибоѣдовъ убитъ 30 января 1829 года.

[3]) т. е.: „Вы не знаете, что̀ это за люди: вы увидите, что придется пустить въ ходъ ножи".

судьбѣ и началомъ безпрерывныхъ успѣховъ. Его рукописная комедія Горе отъ ума произвела неописанное дѣйствіе и вдругъ поставила его наряду съ первыми нашими поэтами. Черезъ нѣсколько времени потомъ, совершенное знаніе того края, гдѣ начиналась война, открыло ему новое поприще; онъ назначенъ былъ посланникомъ. Пріѣхавъ въ Грузію, женился онъ на той, которую любилъ... [1]). Не знаю ничего завиднѣе послѣднихъ годовъ бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смѣлаго, неравнаго боя, не имѣла для Грибоѣдова ничего ужаснаго, ничего томительнаго. Она была мгновенна и прекрасна.

Какъ жаль, что Грибоѣдовъ не оставилъ своихъ записокъ! Написать его біографію было бы дѣломъ его друзей; но замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Мы лѣнивы и нелюбопытны...

Въ Гергерахъ встрѣтилъ я Б., который, какъ и я, ѣхалъ въ армію. Б. путешествовалъ со всевозможными прихотями. Я отобѣдалъ у него какъ бы въ Петербургѣ. Мы положили путешествовать вмѣстѣ; но демонъ нетерпѣнія опять мною овладѣлъ. Человѣкъ мой просилъ у меня позволенія отдохнуть. Я отправился безъ проводника. Дорога все была одна и совершенно безопасна.

Переѣхавъ черезъ гору и опустясь въ долину, осѣненную деревьями, я увидѣлъ минеральный ключъ, текущій поперекъ дороги. Здѣсь я встрѣтилъ армянскаго попа, ѣхавшаго въ Ахалцыкъ изъ Эривани. „Что новаго въ Эривани?" спросилъ я его.—Въ Эривани чума, отвѣчалъ онъ: а что слыхать объ Ахалцыкѣ?—„Въ Ахалцыкѣ чума", отвѣчалъ я ему. Обмѣнявшись сими пріятными извѣстіями, мы разстались.

Я ѣхалъ посреди плодоносныхъ нивъ и цвѣтущихъ луговъ. Жатва струилась, ожидая серпа. Я любовался прекрасной землею, коей плодородіе вошло на востокѣ въ пословицу. Къ вечеру прибылъ я въ Пернике. Здѣсь былъ казачій постъ. Урядникъ предсказывалъ мнѣ бурю и совѣтовалъ остаться ночевать, но я хотѣлъ непремѣнно въ тотъ же день достигнуть Гумровъ.

Мнѣ предстоялъ переходъ черезъ невысокія горы, естественную границу Карскаго пашалыка. Небо покрыто было тучами; я надѣялся, что вѣтеръ, который часъ отъ часу усиливался, ихъ разгонитъ. Но дождь сталъ накрапывать и шелъ все крупнѣе и чаще. Отъ Пернике до Гумровъ считается двадцать семь верстъ. Я затянулъ ремни моей бурки, надѣлъ башлыкъ на картузъ и поручилъ себя Провидѣнію.

Прошло болѣе двухъ часовъ. Дождь не переставалъ. Вода ручьями лилась съ моей отяжелѣвшей бурки и съ башлыка, напитаннаго дождемъ. Наконецъ холодная струя начала пробираться мнѣ за галстухъ, и вскорѣ дождь меня промочилъ до послѣдней нитки. Ночь была темная. Казакъ ѣхалъ впереди, указывая дорогу. Мы стали подыматься на горы. Между тѣмъ дождь пересталъ и тучи разсѣялись. До Гумровъ оставалось верстъ десять.

[1]) На княжнѣ Чавчавадзе.

Вѣтеръ, дуя на свободѣ, былъ такъ силенъ, что въ четверть часа высушилъ меня совершенно. Я не думалъ избѣжать горячки. Наконецъ я достигнулъ Гумровъ около полуночи. Казакъ привезъ меня прямо къ посту. Мы остановились у палатки, куда спѣшилъ я войти. Тутъ нашелъ я двѣнадцать казаковъ, спящихъ одинъ возлѣ другаго. Мнѣ дали мѣсто: я повалился на бурку, не чувствуя самъ себя отъ усталости. Въ этотъ день проѣхалъ я 75 верстъ. Я заснулъ какъ убитый.

Казаки разбудили меня на зарѣ. Первою моею мыслію было, не лежу ли въ лихорадкѣ, но почувствовалъ, что слава Богу, былъ здоровъ; не было слѣда не только болѣзни, но и усталости. Я вышелъ изъ палатки на свѣжій утренній воздухъ. Солнце всходило. На ясномъ небѣ бѣлѣла снѣговая двуглавая гора. Что за гора? спросилъ я, потягиваясь, и услышалъ въ отвѣтъ: это Араратъ. Какъ сильно дѣйствіе звуковъ! Жадно глядѣлъ я на библейскую гору, видѣлъ ковчегъ, причалившій къ ея вершинѣ съ надеждой обновленія и жизни—и врана и голубицу излетающихъ, символы казни и примиренія...

Лошадь моя была готова. Я поѣхалъ съ проводникомъ. Утро было прекрасное. Солнце сіяло. Мы ѣхали по широкому лугу, по густой зеленой травѣ, орошенной росою и каплями вчерашняго дождя. Передъ нами блистала рѣчка, черезъ которую должны мы были переправиться. Вотъ и Арпачай, сказалъ мнѣ казакъ. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакалъ къ рѣкѣ съ чувствомъ неизъяснимымъ. Никогда еще не видалъ я чужой земли. Граница имѣла для меня что-то таинственное; съ дѣтскихъ лѣтъ путешествія были моею любимою мечтою. Долго велъ я потомъ жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по сѣверу, и никогда еще не вырывался изъ предѣловъ необъятной Россіи. Я весело въѣхалъ въ завѣтную рѣку, и добрый конь вынесъ меня на турецкій берегъ. Но этотъ берегъ былъ уже завоеванъ; я все еще находился въ Россіи.

До Карса оставалось мнѣ еще 75 верстъ. Къ вечеру я надѣялся увидѣть нашъ лагерь. Я нигдѣ не останавливался. На половинѣ дороги, въ армянской деревнѣ, выстроенной въ горахъ на берегу рѣчки, вмѣсто обѣда съѣлъ я проклятый чюрекъ, армянскій хлѣбъ, испеченный въ видѣ лепешки пополамъ съ золою, о которомъ такъ тужили турецкіе плѣнники въ Даріальскомъ ущеліи. Дорого бы я далъ за кусокъ русскаго чернаго хлѣба, который былъ имъ такъ противенъ. Меня провожалъ молодой турокъ, ужасный говорунъ. Онъ во всю дорогу болталъ по-турецки, не заботясь о томъ, понималъ ли я его или нѣтъ. Я напрягалъ вниманіе и старался угадать его. Казалось, онъ побранивалъ русскихъ и, привыкнувъ видѣть ихъ всѣхъ въ мундирахъ, по платью принималъ меня за иностранца. Навстрѣчу намъ попался русскій офицеръ. Онъ ѣхалъ изъ нашего лагеря и объявилъ мнѣ, что армія уже выступила изъ-подъ Карса. Не могу описать моего отчаянія: мысль, что мнѣ должно возвратиться въ Тифлисъ, измучась понапрасну въ пустынной Арменіи, совершенно убивала меня. Офицеръ поѣхалъ

въ свою сторону; турокъ началъ опять свой монологъ, но уже мнѣ было не до него. Я перемѣнилъ иноходь на крупную рысь и вечеромъ пріѣхалъ въ турецкую деревню, находящуюся въ двадцати верстахъ отъ Карса.

Соскочивъ съ лошади, я хотѣлъ войти въ первую саклю, но въ дверяхъ показался хозяинъ и оттолкнулъ меня съ бранію. Я отвѣчалъ на его привѣтствіе нагайкою. Турокъ раскричался: народъ собрался. Проводникъ мой, кажется, за меня заступился. Мнѣ указали караванъ-сарай; я вошелъ въ большую саклю, похожую на хлѣвъ. Не было мѣста, гдѣ бы я могъ разостлать бурку. Я сталъ требовать лошадь. Ко мнѣ явился турецкій старшина. На всѣ его непонятныя рѣчи отвѣчалъ я одно: в е р б а н а а т ъ (дай мнѣ лошадь). Турки не соглашались. Наконецъ я догадался показать имъ деньги (съ чего надлежало бы мнѣ начать). Лошадь тотчасъ была приведена, и мнѣ дали проводника.

Я поѣхалъ по широкой долинѣ, окруженной горами. Вскорѣ увидѣлъ я Карсъ, бѣлѣющійся на одной изъ нихъ. Турокъ мой указывалъ мнѣ на него, повторяя: Карсъ, Карсъ! и пускалъ вскачь свою лошадь; я слѣдовалъ за нимъ, мучась безпокойствомъ: участь моя должна была рѣшиться въ Карсѣ. Здѣсь долженъ я былъ узнать, гдѣ находится нашъ лагерь, и будетъ ли еще мнѣ возможность догнать армію. Между тѣмъ небо покрылось тучами, и дождь пошелъ опять; но я объ немъ ужъ не заботился.

Мы въѣхали въ Карсъ. Подъѣзжая къ воротамъ стѣны, услышалъ я русскій барабанъ: били зорю. Часовой принялъ отъ меня билетъ и отправился къ коменданту. Я стоялъ подъ дождемъ около получаса. Наконецъ меня пропустили. Я велѣлъ проводнику везти меня прямо въ бани. Мы поѣхали по кривымъ и крутымъ улицамъ; лошади скользили по дурной турецкой мостовой. Мы остановились у одного дома довольно плохой наружности. Это были бани. Турокъ слѣзъ съ лошади и сталъ стучаться у дверей. Никто не отвѣчалъ. Дождь ливмя лилъ на меня. Наконецъ изъ ближняго дома вышелъ молодой армянинъ и, переговоря съ моимъ туркомъ, позвалъ меня къ себѣ, изъясняясь на довольно чистомъ русскомъ языкѣ. Онъ повелъ меня по узкой лѣстницѣ во второе жилье своего дома. Въ комнатѣ, убранной низкими диванами и ветхими коврами, сидѣла старуха, его мать. Она подошла ко мнѣ и поцѣловала мнѣ руку. Сынъ велѣлъ ей разложить огонь и приготовить мнѣ ужинъ. Я раздѣлся и сѣлъ передъ огнемъ. Вошелъ меньшій братъ хозяина, мальчикъ лѣтъ семнадцати. Оба брата бывали въ Тифлисѣ и живали въ немъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Они сказали мнѣ, что войска наши выступили наканунѣ, и что лагерь нашъ находится въ двадцати пяти верстахъ отъ Карса. Я успокоился совершенно. Скоро старуха приготовила мнѣ баранину съ лукомъ, которая показалась мнѣ верхомъ поваренняго искусства. Мы всѣ легли спать въ одной комнатѣ; я разлегся противу угасающаго камина и заснулъ въ пріятной надеждѣ увидѣть на другой день лагерь графа Паскевича.

Поутру пошелъ я осматривать городъ. Младшій изъ моихъ хо-

зяевъ взялся быть моимъ чичерономъ. Осматривая укрѣпленія и цитадель, выстроенную на неприступной скалѣ, я не понималъ, какимъ образомъ мы могли овладѣть Карсомъ. Мой армянинъ толковалъ мнѣ, какъ умѣлъ, военныя дѣйствія, коимъ самъ онъ былъ свидѣтелемъ. Замѣтя въ немъ охоту къ войнѣ, я предложилъ ему ѣхать со мною въ армію. Онъ тотчасъ согласился. Я послалъ его за лошадьми. Черезъ полчаса выѣхалъ я изъ Карса, и Артемій (такъ назывался мой армянинъ) уже скакалъ подлѣ меня на турецкомъ жеребцѣ, съ гибкимъ куртинскимъ дротикомъ въ рукѣ, съ кинжаломъ за поясомъ, и бредя о туркахъ и о сраженіяхъ.

Я ѣхалъ по землѣ, вездѣ засѣянной хлѣбомъ; кругомъ видны были деревни, но онѣ были пусты: жители разбѣжались. Дорога была прекрасна и въ топкихъ мѣстахъ вымощена; черезъ ручьи выстроены были каменные мосты. Земля примѣтно возвышалась; передовые холмы хребта Саганъ-лу (древняго Тавра) начинали появляться. Прошло около двухъ часовъ. Я взъѣхалъ на отлогое возвышеніе и вдругъ увидѣлъ нашъ лагерь, расположенный на берегу Карсъ-чая; черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ палаткѣ Раевскаго [д].

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Переходъ черезъ Саганъ-лу.—Перестрѣлка.—Лагерная жизнь.—Язиды.—Сраженіе съ сераскиромъ Арзрумскимъ.—Взорванная сакля.

Я пріѣхалъ во-время. Въ тотъ же день (13 іюня) войско получило повелѣніе итти впередъ. Обѣдая у Раевскаго [а], слушалъ я молодыхъ генераловъ, разсуждавшихъ о движеніи, имъ предписанномъ. Генералъ Бурцовъ отряженъ былъ влѣво по большой арзрумской дорогѣ прямо противу турецкаго лагеря, между тѣмъ какъ все прочее войско должно было итти правою стороною въ обходъ непріятелю.

Въ пятомъ часу войско выступило. Я ѣхалъ съ нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ, разговаривая съ Раевскимъ, съ которымъ ужъ нѣсколько лѣтъ не видался. Настала ночь; мы остановились въ долинѣ, гдѣ все войско имѣло привалъ. Здѣсь имѣлъ я честь быть представленъ графу Паскевичу.

Я нашелъ графа дома, передъ бивачнымъ огнемъ, окруженнаго своимъ штабомъ. Онъ былъ веселъ и принялъ меня ласково. Чуждый воинскому искусству, я не подозрѣвалъ, что участь похода рѣшилась въ эту минуту. Здѣсь увидѣлъ я нашего Вальховскаго [б], запыленнаго съ ногъ до головы, обросшаго бородой, изнуреннаго заботами [1]). Онъ нашелъ однако время побесѣдовать со мною, какъ старый товарищъ. Здѣсь увидѣлъ я и М. П., раненаго въ прошломъ году. Онъ любимъ и уважаемъ, какъ славный товарищъ и

[д] Р. (*Совр.*). — [а] Р. (*Совр.*). — [б] В. (*Совр.*).

---

[1]) Владиміръ Дмитріевичъ, лицейскій товарищъ Пушкина. (См. т. I, стр. 205, вып. 10).

храбрый солдатъ. Многіе изъ старыхъ моихъ пріятелей окружили меня. Какъ они перемѣнились! какъ быстро уходитъ время!

Heu fugaces, Posthume, Posthume,
Labuntur anni .. [2]).

Я воротился къ Раевскому и ночевалъ въ его палаткѣ. Посреди ночи разбудили меня ужасные крики: можно было подумать, что непріятель сдѣлалъ нечаянное нападеніе. Раевскій послалъ узнать причину тревоги. Нѣсколько татарскихъ лошадей, сорвавшихся съ привязи, бѣгали по лагерю, и мусульмане (такъ зовутся татары [в], служащіе въ нашемъ войскѣ) ихъ ловили.

На зарѣ войско двинулось. Мы подъѣхали къ горамъ, поросшимъ лѣсомъ. Мы въѣхали въ ущеліе. Драгуны говорили между собою: смотри, братъ, держись — какъ разъ картечью хватитъ. Въ самомъ дѣлѣ, мѣстоположеніе благопріятствовало засадамъ; но турки, отвлеченные въ другую сторону движеніемъ генерала Бурцова, не воспользовались своими выгодами. Мы благополучно прошли опасное ущеліе и стали на высотахъ Саганъ-лу, въ десяти верстахъ отъ непріятельскаго лагеря.

Природа около насъ была угрюма. Воздухъ былъ холоденъ, горы покрыты печальными соснами. Снѣгъ лежалъ въ оврагахъ.

...nec Armeniis in oris,
Amice Valge, stat glacies iners
Menses per omnes... [3]).

Только успѣли мы отдохнуть и отобѣдать, какъ услышали ружейные выстрѣлы. Раевскій послалъ освѣдомиться. Ему донесли, что турки завязали перестрѣлку на передовыхъ нашихъ пикетахъ. Я поѣхалъ съ Семичевымъ [г] посмотрѣть новую для меня картину. Мы встрѣтили раненаго казака: онъ сидѣлъ, шатаясь на сѣдлѣ, блѣденъ и окровавленъ. Два казака поддерживали его. Много ли турковъ? Спросилъ Семичевъ.—Свиньёмъ валитъ, ваше благородіе, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. Проѣхавъ ущеліе, вдругъ увидѣли мы на склоненіи противоположной горы до двухсотъ казаковъ, выстроенныхъ въ лаву [4]), и надъ ними около пятисотъ турковъ. Казаки отступали медленно; турки наѣзжали съ большою дерзостію, прицѣливались шагахъ въ двадцати, и выстрѣливъ, скакали назадъ. Ихъ высокія чалмы, красивые доломаны и блестящій уборъ коней составляли рѣзкую противоположность съ синими мундирами и простою сбруей казаковъ. Человѣкъ пятнадцать нашихъ было уже ранено. Подполковникъ Басовъ послалъ за подмогой. Въ это время самъ онъ былъ раненъ въ ногу. Казаки было смѣшались; но Басовъ опять сѣлъ на лошадь и остался при своей командѣ. Подкрѣпленіе подоспѣло. Турки, замѣтивъ его, тотчасъ исчезли, оставя на горѣ голый трупъ казака, обезглавленный и обрубленный. Турки отсѣченныя головы отсылаютъ въ Константинополь, а кисти рукъ, обмакнувъ въ крови, отпечатлѣваютъ на своихъ знаменахъ. Вы-

[в] Татаре (*Совр.*). — [г] С. (*Совр.*).

---

[2]) т. е.: „Увы, Постумъ, Постумъ! проносятся быстролетные годы....“ — [3]) т. е.: „И въ странахъ Арменіи, другъ Вальгій, не всѣ мѣсяцы стоитъ неподвижно ледъ“. — [4]) Лава — строй казачьей сотни въ одну шеренгу, выгнутый дугою.

стрѣлы утихли. Орлы, спутники войскъ, поднялися надъ горою, съ высоты высматривая себѣ добычу. Въ это время показалась толпа генераловъ и офицеровъ: графъ Паскевичъ пріѣхалъ и отправился на гору, за которою скрылись турки. Они были подкрѣплены четырьмя [a] тысячами конницы, скрытой въ лощинѣ и въ оврагахъ. Съ высоты горы открылся намъ турецкій лагерь, отдѣленный отъ насъ оврагами и высотами. Мы возвратились поздно. Проѣзжая нашимъ лагеремъ, я видѣлъ нашихъ раненыхъ, изъ коихъ человѣкъ пять умерло въ ту же ночь и на другой день. Вечеромъ навѣстилъ я молодаго Остенъ-Сакена, раненаго въ тотъ же день въ другомъ сраженіи [5]).

Лагерная жизнь очень мнѣ нравилась. Пушка подымала насъ на зарѣ. Сонъ въ палаткѣ удивительно здоровъ. За обѣдомъ запивали мы азіатскій шашлыкъ англійскимъ пивомъ и шампанскимъ, застывшимъ въ снѣгахъ таврійскихъ. Общество наше было разнообразно. Въ палаткѣ генерала Раевскаго собирались беки мусульманскихъ полковъ, и бесѣда шла черезъ переводчика. Въ войскѣ нашемъ находились и народы закавказскихъ нашихъ областей, и жители земель, недавно завоеванныхъ. Между ними съ любопытствомъ смотрѣлъ я на язидовъ, слывущихъ на Востокѣ дьяволопоклонниками. Около трехсотъ семействъ обитаютъ у подошвы Арарата. Они признали владычество русскаго государя. Начальникъ ихъ, высокій, уродливый мужчина, въ красномъ плащѣ и черной шапкѣ, приходилъ иногда съ поклономъ къ генералу Раевскому, начальнику всей конницы. Я старался узнать отъ язида правду о ихъ вѣроисповѣданіи. На мои вопросы отвѣчалъ онъ, что молва, будто бы язиды поклоняются сатанѣ, есть пустая басня; что они вѣруютъ въ единаго Бога, что по ихъ закону проклинать дьявола, правда, почитается неприличнымъ и неблагороднымъ, ибо онъ теперь несчастливъ, но современемъ можетъ быть прощенъ, ибо нельзя положить предѣловъ милосердію Аллаха. Это объясненіе меня успокоило. Я очень радъ былъ за язидовъ, что они сатанѣ не поклоняются, и заблужденія ихъ показались мнѣ уже гораздо простительнѣе.

Человѣкъ мой явился въ лагерь черезъ три дня послѣ меня. Онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ вагенбургомъ, который въ виду непріятеля благополучно соединился съ арміей. NB. Во все время похода ни одна арба изъ многочисленнаго нашего обоза не была захвачена непріятелемъ. Порядокъ, съ каковымъ обозъ слѣдовалъ за войскомъ, въ самомъ дѣлѣ удивителенъ.

---

[a] четырью (*Совр.*).

---

[5]) Ген. Ушаковъ въ „Исторіи военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи", (Спб. 1836), сообщая объ этой перестрѣлкѣ 14 іюня, упоминаетъ, что Пушкинъ „выскочилъ изъ ставки, сѣлъ на лошадь и мгновенно очутился на аванпостахъ... Маіоръ Семичевъ едва настигнулъ его и вывелъ насильно изъ передовой цѣпи казаковъ въ ту минуту, когда Пушкинъ, одушевленный отвагою, схвативъ пику послѣ одного изъ убитыхъ казаковъ, устремился противъ непріятельскихъ всадниковъ". Поэтъ былъ въ круглой шляпѣ и въ буркѣ.

17 іюня утромъ услышали вновь мы перестрѣлку и черезъ два часа увидѣли Карабахскій полкъ возвращающимся съ осьмью турецкими знаменами; полковникъ Фридериксъ имѣлъ дѣло съ непріятелемъ, засѣвшимъ за каменными завалами, вытѣснилъ его и прогналъ; Османъ-паша, начальствовавшій конницей, едва успѣлъ спастись.

18 іюня лагерь передвинулся на другое мѣсто. 19-го, едва пушка разбудила насъ, все въ лагерѣ пришло въ движеніе. Генералы поѣхали къ своимъ постамъ. Полки строились; офицеры становились у своихъ взводовъ. Я остался одинъ, не зная, въ которую сторону ѣхать, и пустилъ лошадь на волю Божію. Я встрѣтилъ генерала Бурцова, который взялъ меня на лѣвый флангъ. Что такое лѣвый флангъ? подумалъ я, и поѣхалъ далѣе. Я увидѣлъ генерала Муравьева, разставлявшаго пушки. Вскорѣ показались делибаши [6]) и закружились въ долинѣ, перестрѣливаясь съ нашими казаками. Между тѣмъ густая толпа ихъ пѣхоты шла по лощинѣ. Генералъ Муравьевъ приказалъ стрѣлять. Картечь хватила въ самую середину толпы. Турки повалили въ сторону и скрылись за возвышеніемъ. Я увидѣлъ графа Паскевича, окруженнаго своимъ штабомъ. Турки обходили наше войско, отдѣленное отъ нихъ глубокимъ оврагомъ. Графъ послалъ П. осмотрѣть оврагъ. П. поскакалъ. Турки приняли его за наѣздника и дали по немъ залпъ. Всѣ засмѣялись. Графъ велѣлъ выставить пушки и палить. Непріятель разсыпался по горѣ и по лощинѣ. На лѣвомъ флангѣ, куда звалъ меня Бурцовъ, происходило жаркое дѣло. Передъ нами (противу центра) скакала турецкая конница. Графъ послалъ противъ нея генерала Раевскаго, который повелъ въ атаку свой Нижегородскій полкъ. Турки исчесли. Татары [е] наши окружали ихъ раненыхъ и проворно раздѣвали, оставляя нагихъ посреди поля. Генералъ Раевскій остановился на краю оврага. Два эскадрона, отдѣлясь отъ полка, занеслись въ своемъ преслѣдованіи; они были выручены полковникомъ Симоничемъ.

Сраженіе утихло. Турки у насъ въ глазахъ начали копать землю и таскать каменья, укрѣпляясь по своему обыкновенію. Ихъ оставили въ покоѣ. Мы слѣзли съ лошадей и стали обѣдать, чѣмъ Богъ послалъ. Въ это время къ графу привели нѣсколькихъ плѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ былъ жестоко раненъ. Ихъ разспросили. Около шестаго часу войска опять получили приказъ итти на непріятеля. Турки зашевелились за своими завалами, приняли насъ пушечными выстрѣлами и вскорѣ начали отступать. Конница наша была впереди; мы стали спускаться въ оврагъ. Земля обрывалась и осыпалась подъ конскими ногами. Поминутно лошадь моя могла упасть, и тогда (сводный) [ж] уланскій полкъ переѣхалъ бы черезъ меня. Однако Богъ вынесъ. Едва выбрались мы на широкую дорогу, идущую горами, какъ вся наша конница поскакала во весь опоръ. Турки

[е] Татаре (*Совр.*). — [ж] ** (*Совр.*).

[6]) См. т. I, стр. 291.

бѣжали; казаки стегали нагайками пушки, брошенныя на дорогѣ, и неслись мимо. Турки бросались въ овраги, находящіеся по обѣимъ сторонамъ дороги; они уже не стрѣляли; по крайней мѣрѣ ни одна пуля не просвистала мимо моихъ ушей. Первые въ преслѣдованіи были наши татарскіе полки, коихъ лошади отличаются быстротою и силою. Лошадь моя, закусивъ повода, отъ нихъ не отставала: я насилу могъ ее сдержать. Она остановилась передъ трупомъ молодаго турка, лежавшимъ поперекъ дороги. Ему, казалось, было лѣтъ осьмнадцать; блѣдное дѣвическое лицо не было обезображено; чалма его валялась въ пыли; обритый затылокъ прострѣленъ былъ пулею. Я поѣхалъ шагомъ; вскорѣ нагналъ меня Раевскій. Онъ написалъ карандашемъ на клочкѣ бумаги донесеніе графу Паскевичу о совершенномъ пораженіи непріятеля и поѣхалъ далѣе. Я слѣдовалъ за нимъ издали. Настала ночь. Усталая лошадь моя отставала и спотыкалась на каждомъ шагу. Графъ Паскевичъ повелѣлъ не прекращать преслѣдованія, и самъ имъ управлялъ. Меня обогнали конные наши отряды. Я увидѣлъ полковника Полякова, начальника казацкой артиллеріи, игравшей въ тотъ день важную роль, и съ нимъ вмѣстѣ прибылъ въ оставленное селеніе, гдѣ остановился графъ Паскевичъ, прекратившій преслѣдованіе по причинѣ наступившей ночи.

Мы нашли графа на кровлѣ подземной сакли, передъ огнемъ. Къ нему приводили плѣнныхъ. Тутъ находились почти всѣ начальники. Казаки держали въ поводьяхъ ихъ лошадей. Огонь освѣщалъ картину, достойную Сальватора-Розы; рѣчка шумѣла во мракѣ. Въ это время донесли графу, что въ деревнѣ спрятаны пороховые запасы, и что должно опасаться взрыва. Графъ оставилъ саклю со всею своею свитою. Мы поѣхали къ нашему лагерю, находившемуся уже въ тридцати верстахъ отъ мѣста, гдѣ мы ночевали. Дорога полна была конныхъ отрядовъ. Только успѣли мы прибыть на мѣсто, какъ вдругъ небо освѣтилось, какъ будто метеоромъ, и мы услышали глухой взрывъ. Сакля, оставленная нами назадъ тому четверть часа, взорвана была на воздухъ; въ ней находился пороховой запасъ. Разметанные камни задавили нѣсколько казаковъ.

Вотъ все, что въ то время успѣлъ я увидѣть. Вечеромъ я узналъ, что въ семъ сраженіи разбитъ сераскиръ арзрумскій, шедшій на присоединеніе къ Гаки-пашѣ съ тридцатью тысячами войска. Сераскиръ бѣжалъ къ Арзруму; войско его, переброшенное за Саганъ-лу, было разсѣяно, артиллерія взята, и Гаки-паша одинъ оставался у насъ на рукахъ. Графъ Паскевичъ не далъ ему времени распорядиться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сраженіе съ Гаки-пашою.—Смерть татарскаго бека.—Плѣнный паша.—Араксъ.—Мостъ пастуха.—Гассанъ-Кале.—Горячій источникъ.—Походъ къ Арзруму.—Переговоры.—Взятіе Арзрума.—Турецкіе плѣнники.—Дервишъ.

На другой день, въ пятомъ часу, лагерь проснулся и получилъ приказаніе выступить. Вышедъ изъ палатки, встрѣтилъ я графа

Паскевича, вставшаго прежде всѣхъ. Онъ увидѣлъ меня. „Etes-vous fatigué de la journée d'hier?"—Mais un peu, M. le Comte.—„J'en suis faché pour vous, car nous allons faire encore une marche pour joindre le pacha, et puis il faudra poursuivre l'ennemi encore une trentaine de verstes" [1]).

Мы тронулись, и къ осьми часамъ пришли на возвышеніе, съ котораго лагерь Гаки-паши виденъ былъ какъ на ладони. Турки открыли безвредный огонь со всѣхъ своихъ батарей. Между тѣмъ въ лагерѣ ихъ замѣтно было большое движеніе. Усталость и утренній жаръ заставили многихъ изъ насъ слѣзть съ лошадей и лечь на свѣжую траву. Я опуталъ поводья около рули [2]) и сладко заснулъ, въ ожиданіи приказа итти впередъ. Чрезъ четверть часа меня разбудили. Все было въ движеніи. Съ одной стороны колонны шли на турецкій лагерь; съ другой конница готовилась преслѣдовать непріятеля. Я поѣхалъ было за Нижегородскимъ полкомъ, но лошадь моя хромала, я отсталъ. Мимо меня пронесся уланскій полкъ. Потомъ Вальховскій проскакалъ съ тремя пушками. Я очутился одинъ въ лѣсистыхъ горахъ. Мнѣ попался навстрѣчу драгунъ, который объявилъ, что лѣсъ наполненъ непріятелемъ. Я воротился. Я встрѣтилъ генерала Муравьева [a] съ пѣхотнымъ полкомъ. Онъ отрядилъ одну роту въ лѣсъ, дабы его очистить. Подъѣзжая къ лощинѣ, увидѣлъ я необыкновенную картину. Подъ деревомъ лежалъ одинъ изъ нашихъ татарскихъ бековъ, раненый смертельно. Подлѣ него рыдалъ его любимецъ. Мулла, стоя на колѣнахъ, читалъ молитвы. Умирающій бекъ былъ чрезвычайно спокоенъ и неподвижно глядѣлъ на молодаго своего друга. Въ лощинѣ собрано было человѣкъ пятьсотъ плѣнныхъ. Нѣсколько раненыхъ турковъ подзывали меня знаками, вѣроятно, принимая меня за лѣкаря и требуя помощи, которой я не могъ имъ подать. Изъ лѣсу вышелъ турокъ, зажимая свою рану окровавленною тряпкою. Солдаты подошли къ нему, съ намѣреніемъ его приколоть, можетъ быть, изъ человѣколюбія. Но это слишкомъ меня возмутило: я заступился за бѣднаго турку и насилу привелъ, его, изнеможаннаго и истекающаго кровью, въ кучкѣ его товарищей. При нихъ былъ полковникъ А. Онъ курилъ дружелюбно изъ ихъ трубокъ, несмотря на то, что были слухи о чумѣ, будто бы открывшейся въ турецкомъ лагерѣ. Плѣнные сидѣли, спокойно разговаривая между собою. Почти всѣ были молодые люди. Отдохнувъ, пустились мы далѣе. По всей дорогѣ валялись тѣла. Верстахъ въ пятнадцати нашелъ я Нижегородскій полкъ, остановившійся на берегу рѣчки, посреди скалъ. Къ вечеру пришли мы въ долину, окруженную густымъ лѣсомъ, и наконецъ могъ я выспаться вволю, проскакавъ въ эти два дня болѣе восьмидесяти верстъ.

---

[a] М. (*Совр.*).

---

[1]) т. е.: „Не утомилъ ли васъ вчерашній день?—Да, немного, графъ.—Мнѣ очень досадно за васъ, потому что мы должны сдѣлать еще переходъ, чтобы соединиться съ пашою, а потомъ надобно будетъ преслѣдовать непріятеля еще верстъ тридцать. — [2]) Руля—ружейный стволъ (мпрос.):

На другой день войска, преслѣдовавшія непріятеля, получили приказъ возвратиться въ лагерь....

Войско наше стояло въ турецкомъ лагерѣ, взятомъ наканунѣ. Палатка графа Паскевича стояла близъ зеленаго шатра Гаки-паши, взятаго въ плѣнъ нашими казаками. Я пошелъ къ нему и нашелъ его окруженнаго нашими офицерами. Онъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги и куря трубку. Онъ казался лѣтъ сорока. Важность и глубокое спокойствіе изображались на прекрасномъ лицѣ его. Отдавшись въ плѣнъ, онъ просилъ, чтобъ ему дали чашку кофею и чтобъ его избавили отъ вопросовъ.

Мы стояли въ долинѣ. Снѣжныя и лѣсистыя горы Саганъ-лу были уже за нами. Мы пошли впередъ, не встрѣчая нигдѣ непріятеля. Селенія были пусты, окрестная сторона печальна. Мы увидѣли Араксъ, быстро текущій въ каменистыхъ берегахъ своихъ. Въ пятнадцати верстахъ отъ Гассанъ-Кале находится мостъ, прекрасно и смѣло выстроенный на семи неравныхъ сводахъ. Преданіе приписываетъ его построеніе разбогатѣвшему пастуху, умершему пустынникомъ на высотѣ холма, гдѣ донынѣ показываютъ его могилу, осѣненную двумя пустынными соснами. Сосѣдніе поселяне стекаются къ ней на поклоненіе. Мостъ называется Чабанъ-Кэпри (мостъ пастуха). Дорога въ Тебризъ лежитъ черезъ него.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моста посѣтилъ я темныя развалины караванъ-сарая. Я не нашелъ въ немъ никого, кромѣ больнаго осла, вѣроятно брошеннаго здѣсь бѣгущими поселянами.

24 іюня утромъ пошли мы къ Гассанъ-Кале, древней крѣпости, наканунѣ занятой княземъ Бековичемъ. Она была въ пятнадцати верстахъ отъ мѣста нашего ночлега. Длинные переходы утомили меня. Я надѣялся отдохнуть; но вышло иначе.

Передъ выступленіемъ конницы, явились въ нашъ лагерь армяне, живущіе въ горахъ, требуя защиты отъ турковъ, которые три дня тому назадъ отогнали ихъ скотъ. Полковникъ А., хорошо не разобравъ, чего они хотѣли, вообразилъ, что турецкій отрядъ находился въ горахъ, и съ однимъ эскадрономъ уланскаго полка поскакалъ въ сторону, давъ знать Раевскому, что три тысячи турковъ находятся въ горахъ. Раевскій отправился вслѣдъ за нимъ, дабы подкрѣпить его въ случаѣ опасности. Я почиталъ себя прикомандированнымъ къ Нижегородскому полку, и съ великою досадою поскакалъ на освобожденіе армянъ. Проѣхавъ верстъ двадцать, въѣхали мы въ деревню и увидѣли нѣсколько отставшихъ улановъ, которые, спѣшась, съ обнаженными саблями преслѣдовали нѣсколькихъ куръ. Здѣсь одинъ изъ поселянъ растолковалъ Раевскому, что дѣло шло о трехъ тысячахъ воловъ, три дня назадъ отогнанныхъ турками, и которыхъ весьма легко будетъ догнать дня черезъ два. Раевскій приказалъ уланамъ прекратить преслѣдованіе куръ и послалъ полковнику А. повелѣніе воротиться. Мы поѣхали обратно и, выбравшись изъ горъ, прибыли подъ Гассанъ-Кале. Но такимъ образомъ дали мы сорокъ верстъ крюку, дабы спасти жизнь нѣсколькимъ армянскимъ курицамъ, что вовсе не казалось мнѣ забавнымъ.

Гассанъ-Кале почитается ключемъ Арзрума. Городъ выстроенъ у подошвы скалы, увѣнчанной крѣпостью. Въ немъ находилось до ста армянскихъ семействъ. Лагерь нашъ стоялъ въ широкой равнинѣ, разстилающейся передъ крѣпостью. Тутъ посѣтилъ я круглое, каменное строеніе, въ коемъ находится горячій желѣзосѣрный источникъ.

Круглый бассейнъ имѣетъ сажени три въ діаметрѣ. Я переплылъ его два раза и, вдругъ почувствовавъ головокруженіе и тошноту, едва имѣлъ силъ выйти на каменный край источника. Эти воды славятся на востокѣ; но, не имѣя порядочныхъ лѣкарей, жители пользуются ими наобумъ и, вѣроятно, безъ большаго успѣха.

Подъ стѣнами Гассанъ-Кале течетъ рѣка Мургъ; берега ея покрыты желѣзными источниками, которые бьютъ изъ подъ камней и стекаютъ въ рѣку. Они не столь пріятны вкусу, какъ кавказскій Нарзанъ, и отзываются мѣдью.

25 іюня, въ день рожденія Государя Императора, въ лагерѣ нашемъ, подъ стѣнами крѣпости, полки отслушали молебенъ. За обѣдомъ у графа Паскевича, когда пили здоровье государя, графъ объявилъ походъ къ Арзруму. Въ пять часовъ вечера войско уже выступило.

26 іюня мы стали въ горахъ, въ пяти верстахъ отъ Арзрума. Горы эти называются Акъ-дагъ (бѣлыя горы); онѣ мѣловыя; бѣлая язвительная пыль ѣла намъ глаза; грустный видъ ихъ наводилъ тоску. Близость Арзрума и увѣренность въ окончаніи похода утѣшала насъ.

Вечеромъ графъ Паскевичъ ѣздилъ осматривать мѣстоположеніе. Турецкіе наѣздники, цѣлый день кружившіеся передъ нашими пикетами, начали по немъ стрѣлять. Графъ нѣсколько разъ погрозилъ имъ нагайкою, не переставая разсуждать съ генераломъ Муравьевымъ [6]. На ихъ выстрѣлы не отвѣчали.

Между тѣмъ въ Арзрумѣ происходило большое смятеніе. Сераскиръ, прибѣжавшій въ городъ послѣ своего пораженія, распустилъ слухъ о совершенномъ разбитіи русскихъ. Вслѣдъ за нимъ отпущенные плѣнники доставили жителямъ воззваніе графа Паскевича. Бѣглецы уличили сераскира во лжи. Вскорѣ узнали о быстромъ приближеніи русскихъ. Народъ сталъ говорить о сдачѣ. Сераскиръ и войско думали защищаться. Произошелъ мятежъ. Нѣсколько франковъ были убиты озлобленной черныю.

Въ лагерь нашъ (26-го утромъ) явились депутаты отъ народа и сераскира. День прошелъ въ переговорахъ; въ пять часовъ вечера депутаты отправились въ Арзрумъ, и съ ними генералъ князь Бековичъ, хорошо знающій азіатскіе языки и обычаи.

На другой день утромъ войско наше двинулось впередъ. Съ восточной стороны Арзрума, на высотѣ Топъ-дага, находилась турецкая батарея. Полки подошли къ ней, отвѣчая на турецкую пальбу барабаннымъ боемъ и музыкою. Турки бѣжали, и Топъ-дагъ былъ

---

[6] М. (*Совр.*).

занятъ. Я пріѣхалъ туда съ поэтомъ Юзефовичемъ [в]. На оставленной батареѣ нашли мы графа Паскевича со всею его свитою. Съ высоты горы, въ лощинѣ, открывался взору Арзрумъ со всею цитаделью, съ зелеными кровлями, наклеенными одна на другую. Графъ былъ верхомъ. Передъ нимъ на землѣ сидѣли турецкіе депутаты, пріѣхавшіе съ ключами города. Но въ Арзрумѣ замѣтно было волненіе. Вдругъ на городскомъ валу мелькнулъ огонь, закурился дымъ, и ядра полетѣли къ Топъ-дагу. Нѣсколько ихъ пронеслись надъ головою графа Паскевича: „Voyez les turcs"—сказалъ онъ мнѣ—„on ne peut jamais se fier à eux." [2]). Въ сію минуту прискакалъ на Топъ-дагъ князь Бековичъ, со вчерашняго дня находившійся въ Арзрумѣ на переговорахъ. Онъ объявилъ, что сераскиръ и народъ давно согласны на сдачу, но что нѣсколько непослушныхъ арнаутовъ, подъ предводительствомъ Топчи-паши, овладѣли городскими батареями, бунтуютъ. Генералы подъѣхали къ графу, прося позволенія заставить молчать турецкія батареи. Арзрумскіе сановники, сидѣвшіе подъ огнемъ своихъ же пушекъ, повторили ту же просьбу. Графъ нѣсколько времени медлилъ; наконецъ далъ повелѣніе, сказавъ: полно имъ дурачиться. Тотчасъ подвезли пушки, стали стрѣлять, и непріятельская пальба мало-по-малу утихла. Полки наши пошли въ Арзрумъ, и 27 іюня, въ годовщину Полтавскаго сраженія, въ шесть часовъ вечера, русское знамя развилось надъ арзрумской цитаделію.

Раевскій поѣхалъ въ городъ—я отправился съ нимъ. Мы въѣхали въ городъ, представлявшій удивительную картину. Турки съ плоскихъ кровель своихъ угрюмо смотрѣли на насъ. Армяне шумно толпились въ тѣсныхъ улицахъ. Ихъ мальчишки бѣжали передъ нашими лошадьми, крестясь и повторяли: христіянъ! христіянъ!.. Мы подъѣхали къ крѣпости, куда входила наша артиллерія. Съ крайнимъ удивленіемъ встрѣтилъ я тутъ моего Артемія, уже разъѣзжающаго по городу, несмотря на строгое предписаніе никому изъ лагеря не отлучаться безъ особеннаго позволенія.

Улицы города тѣсны и кривы, дома довольно высоки. Народу множество; лавки были заперты. Пробывъ въ городѣ часа съ два, я возвратился въ лагерь: сераскиръ и четверо пашей, взятые въ плѣнъ, находились уже тутъ. Одинъ изъ пашей, сухощавый старичокъ, ужасный хлопотунъ, съ живостію говорилъ нашимъ генераламъ. Увидѣвъ меня во фракѣ, онъ спросилъ, кто я таковъ. П. далъ мнѣ титулъ поэта. Паша сложилъ руки на грудь и поклонился мнѣ, сказавъ черезъ переводчика: „Благословенъ часъ, когда мы встрѣчаемъ поэта. Поэтъ—братъ дервишу. Онъ не имѣетъ ни отечества, ни благъ земныхъ: и между тѣмъ, какъ мы, бѣдные, заботимся о славѣ, о сокровищахъ, онъ стоитъ наравнѣ съ властелинами земли, и ему поклоняются".

Восточное привѣтствіе паши всѣмъ намъ очень полюбилось. Я пошелъ взглянуть на сераскира. При входѣ въ его палатку встрѣ-

[в] Ю. (*Совр.*).

[2]) т. е.: „Видите турокъ? Имъ никогда нельзя довѣрять".

тилъ я его любимаго пажа, черноглазаго мальчика лѣтъ четырнадцати, въ богатой арнаутской одеждѣ. Сераскиръ, сѣдой старикъ, наружности самой обыкновенной, сидѣлъ въ глубокомъ унынiи. Около него была толпа нашихъ офицеровъ. Выходя изъ его палатки, увидѣлъ я молодаго человѣка, полунагаго, въ бараньей шапкѣ, съ дубиной въ рукѣ и съ мѣхомъ (outre) за плечами. Онъ кричалъ во все горло. Мнѣ сказали, что это былъ братъ мой дервишъ, пришедшій привѣтствовать побѣдителей. Его насилу отогнали.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Арзрумъ. — Азіатская роскошь. — Климатъ.—Кладбища.—Сатирическіе стихи.—Сераскирскій дворецъ. — Харемъ турецкаго паши. — Чума.—Смерть Бурцова.—Выѣздъ изъ Арзрума.—Обратный путь.—Русскій журналъ.

Арзрумъ (неправильно называемый Арзерумъ, Эрзрумъ, Эрзронъ) основанъ около 415 года, во время Ѳеодосія Втораго, и названъ Ѳеодосіополемъ. Никакого историческаго воспоминанія не соединяется съ его именемъ. Я зналъ о немъ только то, что здѣсь, по свидѣтельству Гаджи-Бабы [1], поднесены были персидскому послу, въ удовлетвореніе какой-то обиды, телячьи уши вмѣсто человѣчьихъ.

Арзрумъ почитается главнымъ городомъ въ Азіатской Турціи. Въ немъ считалось до ста тысячъ жителей; но, кажется, число сіе слишкомъ увеличено. Дома въ немъ каменные, кровли покрыты дерномъ, что даетъ городу чрезвычайно странный видъ, если смотришь на него съ высоты.

Главная сухопутная торговля между Европою и Востокомъ производится чрезъ Арзрумъ. Но товаровъ въ немъ продается мало; ихъ здѣсь и не выкладываютъ, что замѣтилъ и Турнефоръ [2], пишущій, что въ Арзрумѣ больной можетъ умереть за невозможностію достать ложку ревеня, между тѣмъ, какъ цѣлые мѣшки онаго находятся въ городѣ.

Не знаю выраженія, которое было бы безсмысленнѣе словъ: азіатская роскошь. Эта поговорка, вѣроятно, родилась во время крестовыхъ походовъ, когда бѣдные рыцари, оставя голыя стѣны и дубовые стулья своихъ зáмковъ, увидѣли въ первый разъ красные диваны, пестрые ковры и кинжалы съ цвѣтными камешками на рукояти. Нынѣ можно сказать: азіатская бѣдность, азіатское свинство и проч., но роскошь, конечно, принадлежность Европы. Въ Арзрумѣ ни за какія деньги нельзя купить того, что вы найдете въ мелочной лавкѣ перваго уѣзднаго городка Псковской губерніи.

Климатъ арзрумскій суровъ. Городъ выстроенъ въ лощинѣ, возвышающейся надъ моремъ на семь тысячъ футовъ. Горы, окружающія его, покрыты снѣгомъ большую часть года. Земля безлѣсна, но плодоносна. Она орошена множествомъ источниковъ и

---

[1] Хаджи-Баба—главное дѣйствующее лицо романа Морієра того же имени.

[2] Извѣстный путешественникъ по Востоку.

отовсюду пересѣчена водопроводами. Арзрумъ славится своею водою. Эвфратъ течетъ въ трехъ верстахъ отъ города; но фонтановъ вездѣ множество. У каждаго виситъ жестяной ковшикъ на цѣпи, и добрые мусульмане пьютъ и не нахвалятся. Лѣсъ доставляется изъ Саганъ-лу.

Въ арзрумскомъ арсеналѣ нашли множество стариннаго оружія, шлемовъ, латъ, сабель, ржавѣющихъ, вѣроятно, еще со временъ Годфреда.

Мечети низки и темны. За городомъ находится кладбище. Памятники состоятъ обыкновенно въ столбахъ, убранныхъ каменною чалмою. Гробницы двухъ или трехъ пашей отличаются большей затѣйливостію, но въ нихъ нѣтъ ничего изящнаго: никакого вкусу, никакой мысли... Одинъ путешественникъ пишетъ, что изъ всѣхъ азіатскихъ городовъ въ одномъ Арзрумѣ нашелъ онъ башенные часы, и тѣ были испорчены.

Нововведенія, затѣваемыя султаномъ, не проникли еще въ Арзрумъ. Войско носитъ еще свой живописный восточный нарядъ. Между Арзрумомъ и Константинополемъ существуетъ соперничество, какъ между Казанью и Москвою. Вотъ начало сатирической поэмы, сочиненной янычаромъ Аминомъ-Оглу:

Стамбулъ гяуры нынче славятъ,
А завтра кованной пятой,
Какъ змія спящаго, раздавятъ,
И прочь пойдутъ—и такъ оставятъ:
Стамбулъ заснулъ передъ бѣдой.
Стамбулъ отрекся отъ пророка;
Въ немъ правду древняго Востока
Лукавый Западъ омрачилъ.
Стамбулъ для сладостей порока
Мольбѣ и саблѣ измѣнилъ.
Стамбулъ отвыкъ отъ поту битвы
И пьетъ вино въ часы молитвы.
Въ немъ вѣры чистой жаръ потухъ,
Въ немъ жены по кладбищамъ ходятъ,
На перекрестки шлютъ старухъ,
А тѣ мужчинъ въ харемы вводятъ,
И спитъ подкупленный евнухъ.
Но не таковъ Арзрумъ нагорный,
Многодорожный нашъ Арзрумъ:
Не спимъ мы въ роскоши позорной,
Не черплемъ чашей непокорной
Въ винѣ развратъ, огонь и шумъ.
Постимся мы: струею трезвой
Святыя воды насъ поятъ;
Толпой безтрепетной и рѣзвой
Джигиты наши въ бой летятъ;
Харемы наши недоступны,
Евнухи строги, неподкупны,
И смирно жены тамъ сидятъ [3]).

Я жилъ въ сераскировомъ дворцѣ, въ комнатахъ, гдѣ находился харемъ. Цѣлый день бродилъ я по безчисленнымъ переходамъ, изъ комнаты въ комнату, съ кровли на кровлю, съ лѣстницы на лѣстницу. Дворецъ казался разграбленнымъ: сераскиръ, предполагая бѣжать, вывезъ изъ него, что только могъ. Диваны были ободраны, ковры сняты. Когда гулялъ я по городу, турки подзывали меня и показывали мнѣ языкъ. (Они принимаютъ всякаго франка за лѣкаря). Это мнѣ надоѣло—я готовъ былъ отвѣчать имъ тѣмъ же. Вечера проводилъ я съ умнымъ и любезнымъ Сухоруковымъ [a]; сходство нашихъ занятій сближало насъ. Онъ говорилъ мнѣ о своихъ литературныхъ предположеніяхъ, о своихъ историческихъ изысканіяхъ,

[a] С. (*Совр.*).

[3]) Имя поэта янычара Амина-Оглу вымышленно Пушкинымъ. Въ первоначальной рукописи этого стихотворенія, написаннаго 17 октября 1830 г., есть варіанты и дополненія,—см. т. I, № 199.

нѣкогда начатыхъ имъ съ такою ревностію и удачей. Ограниченность его желаній и требованій поистинѣ трогательна. Жаль, если они не будутъ исполнены.

Дворецъ сераскира представлялъ картину вѣчно оживленную: тамъ, гдѣ угрюмый паша молчаливо курилъ посреди своихъ женъ и отроковъ, тамъ его побѣдитель получалъ донесенія о побѣдахъ своихъ генераловъ, раздавалъ пашалыки, разговаривалъ о новыхъ романахъ. Мушской паша пріѣзжалъ къ графу Паскевичу просить у него мѣста для своего племянника. Ходя по дворцу, важный турокъ остановился въ одной изъ комнатъ, съ живостію проговорилъ нѣсколько словъ и впалъ потомъ въ задумчивость: въ этой самой комнатѣ обезглавленъ былъ его отецъ по повелѣнію сераскира. Вотъ впечатлѣнія настоящія восточныя! Славный Бей-булатъ, гроза Кавказа, пріѣзжалъ въ Арзрумъ съ двумя старшинами черкесскихъ селеній, возмутившихся во время послѣднихъ войнъ. Они обѣдали у графа Паскевича. Бей-булатъ мужчина лѣтъ тридцати-пяти, малорослый и широкоплечій. Онъ по-русски не говоритъ, или притворяется, что не говоритъ. Пріѣздъ его въ Арзрумъ меня очень обрадовалъ: онъ былъ уже мнѣ порукой въ безопасномъ переѣздѣ черезъ горы и Кабарду.

Османъ-паша, взятый въ плѣнъ подъ Арзрумомъ и отправленный въ Тифлисъ вмѣстѣ съ сераскиромъ, просилъ графа Паскевича за безопасность харема, имъ оставляемаго въ Арзрумѣ. Въ первые дни объ немъ было забыли. Однажды, за обѣдомъ, разговаривая о тишинѣ мусульманскаго города, занятаго десятью тысячами войска, и въ которомъ ни одинъ изъ жителей ни разу не пожаловался на насиліе солдата, графъ вспомнилъ о харемѣ Османа-паши и приказалъ г. А. съѣздить въ домъ паши и спросить у его женъ, довольны ли онѣ, и не было ли имъ какой-нибудь обиды. Я просилъ позволенія сопровождать г. А. Мы отправились. Г-нъ А. взялъ съ собою въ переводчики русскаго офицера, коего исторія любопытна. Осьмнадцати лѣтъ попался онъ въ плѣнъ къ персіянамъ... онъ болѣе двадцати лѣтъ служилъ евнухомъ въ харемѣ одного изъ сыновей шаха. Онъ разсказывалъ о своемъ несчастіи въ пребываніе въ Персіи съ трогательнымъ простодушіемъ...

Мы пришли къ дому Османа-паши; насъ ввели въ открытую комнату, убранную очень порядочно, даже со вкусомъ; на цвѣтныхъ окнахъ начертаны были надписи, взятыя изъ корана. Одна изъ нихъ показалась мнѣ очень замысловата для мусульманскаго харема: Тебѣ подобаетъ связывать и развязывать. Намъ поднесли кофею въ чашечкахъ, оправленныхъ въ серебрѣ. Старикъ съ бѣлой почтенной бородою, отецъ Османа-паши, пришелъ отъ имени женъ благодарить графа Паскевича, но г. А. сказалъ на-отрѣзъ, что онъ посланъ къ женамъ Османа-паши и хочетъ ихъ видѣть, дабы отъ нихъ самихъ удостовѣриться, что онѣ въ отсутствіе супруга всѣмъ довольны. Едва персидскій плѣнникъ успѣлъ все это перевести, какъ старикъ, въ знакъ негодованія, защелкалъ языкомъ и объявилъ, что никакъ не можетъ согласиться на наше требованіе, и что если паша, по своемъ возвращеніи, провѣдаетъ, что чужіе

мужчины видѣли его женъ, то и ему, старику, и всѣмъ служителямъ харема велитъ отрубить голову. Прислужники, между коими не было ни одного евнуха, подтвердили слова старика; но г. А. былъ неколебимъ. „Вы боитесь своего паши", сказалъ онъ имъ, „а я своего сераскира, и не смѣю ослушаться его приказаній". Дѣлать было нечего. Насъ повели черезъ садъ, гдѣ были два тощіе фонтана. Мы приблизились къ маленькому каменному строенію. Старикъ сталъ между нами и дверью, осторожно ее отперъ, не выпуская изъ рукъ задвижки; мы увидѣли женщину, съ головы [6] до желтыхъ туфель покрытую бѣлой чадрою. Нашъ переводчикъ повторилъ ей вопросъ: мы услышали шамканіе семидесятилѣтней старухи; г. А. прервалъ ее: „Это мать паши, сказалъ онъ: а я присланъ къ женамъ, приведите одну изъ нихъ". Всѣ изумились догадкѣ гяуровъ: старуха ушла и черезъ минуту возвратилась съ женщиной, покрытой такъ же, какъ и она,—изъ-подъ покрывала раздался молодой, пріятный голосокъ. Она благодарила графа за его вниманіе къ бѣднымъ вдовамъ и хвалила обхожденіе русскихъ. Г-нъ А. имѣлъ искусство вступить съ нею въ дальнѣйшій разговоръ; я, между тѣмъ, глядя около себя, увидѣлъ вдругъ надъ самой дверью круглое окошко, и въ этомъ кругломъ окошкѣ пять или шесть круглыхъ головокъ съ черными любопытными глазами. Я хотѣлъ было сообщить о своемъ открытіи г. А., но головки закивали, замигали, и нѣсколько пальчиковъ стали мнѣ грозить, давая знать, чтобъ я молчалъ. Я повиновался и не подѣлился моею находкою. Всѣ онѣ были пріятны лицомъ, но не было ни одной красавицы; та, которая разговаривала у дверей съ г. А., была, вѣроятно, повелительницею харема, сокровищницею сердецъ, розою любви — по крайней мѣрѣ, я такъ воображалъ.

Наконецъ г. А. прекратилъ свои разспросы. Дверь затворилась. Лица въ окошкѣ исчезли. Мы осмотрѣли садъ и домъ и возвратились, очень довольные своимъ посольствомъ.

Такимъ образомъ видѣлъ я харемъ: это удалось рѣдкому европейцу. Вотъ вамъ основаніе для восточнаго романа.

Война, казалось, кончена. Я собирался въ обратный путь. 14 іюля пошелъ я въ народную баню, и не радъ былъ жизни! Я проклиналъ нечистоту простынь, дурную прислугу и проч. Какъ можно сравнить бани арзрумскія съ тифлисскими!

Возвращаясь во дворецъ, узналъ я отъ К., стоявшаго въ караулѣ, что въ Арзрумѣ открылась чума. Мнѣ тотчасъ представились ужасы карантина, и я въ тотъ же день рѣшился оставить армію. Мысль о присутствіи чумы очень непріятна съ непривычки. Желая изгладить это впечатлѣніе, я пошелъ гулять по базару. Остановясь передъ лавкою оружейнаго мастера, я сталъ разсматривать какой-то кинжалъ, какъ вдругъ ударили меня по плечу. Я оглянулся: за мною стоялъ ужасный нищій. Онъ былъ блѣденъ какъ смерть; изъ красныхъ, загноенныхъ глазъ его текли слезы. Мысль о чумѣ опять мелькнула въ моемъ воображеніи. Я оттолкнулъ нищаго съ чувствомъ отвраще-

---

[6] съ ногъ (*ошибочно въ Совр.*).

нія необъяснимаго, и воротился домой, очень недовольный своею прогулкою.

Любопытство однакожъ превозмогло; на другой день я отправился съ лѣкаремъ въ лагерь, гдѣ находились зачумленные. Я не сошелъ съ лошади и взялъ предосторожность стать по вѣтру. Изъ палатки вывели намъ больнаго; онъ былъ чрезвычайно блѣденъ и шатался, какъ пьяный. Другой больной лежалъ безъ памяти. Осмотрѣвъ чумнаго и обѣщавъ несчастному скорое выздоровленіе, я обратилъ вниманіе на двухъ турковъ, которые выводили его подъ руки, раздѣвали, щупали, какъ будто чума была не что иное, какъ насморкъ. Признаюсь, я устыдился моей европейской робости въ присутствіи такого равнодушія, и поскорѣе возвратился въ городъ.

19 іюля, пришедъ проститься съ графомъ Паскевичемъ, я нашелъ его въ сильномъ огорченіи. Получено было извѣстіе, что генералъ Бурцовъ былъ убитъ подъ Байбуртомъ. Жаль было храбраго Бурцова, но это происшествіе могло быть печально и для всего нашего малочисленнаго войска, зашедшаго глубоко въ чужую землю и окруженнаго непріязненными народами, готовыми возстать при слухѣ о первой неудачѣ. Итакъ война возобновилась! Графъ предлагалъ мнѣ быть свидѣтелемъ дальнѣйшихъ предпріятій; но я спѣшилъ въ Россію... Графъ подарилъ мнѣ на память турецкую саблю. Она хранится у меня памятникомъ моего странствованія вослѣдъ блестящаго героя по завоеваннымъ пустынямъ Арменіи. Въ тотъ же день я оставилъ Арзрумъ.

Я ѣхалъ обратно въ Тифлисъ, по дорогѣ уже мнѣ знакомой. Мѣста, еще недавно оживленныя присутствіемъ пятнадцати тысячъ войска, были молчаливы и печальны. Я переѣхалъ Саганъ-лу и едва могъ узнать мѣсто, гдѣ стоялъ нашъ лагерь. Въ Гумрахъ выдержалъ я трехдневный карантинъ. Опять увидѣлъ я Безобдалъ и оставилъ возвышенныя равнины холодной Арменіи для знойной Грузіи. Въ Тифлисъ я прибылъ 1-го августа. Здѣсь остался я нѣсколько дней въ любезномъ и веселомъ обществѣ. Нѣсколько вечеровъ провелъ я въ садахъ, при звукѣ музыки и пѣсенъ грузинскихъ. Я отправился далѣе. Переѣздъ мой черезъ горы замѣчателенъ былъ для меня тѣмъ, что близъ Коби ночью застала меня буря. Утромъ, проѣзжая мимо Казбека, увидѣлъ я чудное зрѣлище: бѣлыя, оборванныя тучи перетягивались черезъ вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавалъ въ воздухѣ, несомый облаками. Бѣшеная Балка также явилась мнѣ во всемъ своемъ величіи: оврагъ, наполнившійся дождевыми водами, превосходилъ въ своей свирѣпости самый Терекъ, тутъ же грозно ревѣвшій. Берега были растерзаны, огромные камни сдвинуты съ мѣста и загромождали потокъ. Множество осетинцевъ разработывали дорогу. Я переправился благополучно. Наконецъ я выѣхалъ изъ тѣснаго ущелья на раздолье широкихъ равнинъ Большой Кабарды. Во Владикавказѣ нашелъ я Д. и П. Оба ѣхали на воды лѣчиться отъ ранъ, полученныхъ ими въ нынѣшніе походы. У П. на столѣ нашелъ я русскіе журналы. Первая статья, мнѣ попавшаяся, была разборъ одного изъ моихъ

сочиненій. Въ ней всячески бранили меня и мои стихи [4]). Я сталъ читать ее вслухъ. П. остановилъ меня, требуя, чтобъ я читалъ съ бо́льшимъ мимическимъ искусствомъ. Надобно знать, что разборъ былъ украшенъ обыкновенными затѣями нашей критики: это былъ разговоръ между дьячкомъ, просвирней и корректоромъ типографіи, Здравомысломъ этой маленькой комедіи. Требованіе П—на показалось мнѣ такъ забавно, что досада, произведенная на меня чтеніемъ журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались отъ чистаго сердца.

Таково было мнѣ первое привѣтствіе въ любезномъ отечествѣ.

Анекдоты [1]).

(1834—1836).

Эти анекдоты (историческіе и литературные) записывались Пушкинымъ въ разное время и на отдѣльныхъ листахъ разныхъ форматовъ (на бумагѣ клейма 1830, 1831, 1834 г.), а потомъ были занумерованы. При жизни Пушкина изъ нихъ было напечатано, въ 3-й кн. „Современника“ 1836 г., одиннадцать (XVIII—XXVII и XLVI, послѣдній — въ измѣненномъ видѣ); затѣмъ, въ посмертномъ изданіи были напечатаны первые 17 анекдотовъ, съ пропускомъ пяти разсказовъ Загряжской; остальные явились въ „Библ. Зап.“ 1859 и въ „Лит. Газетѣ“ 1860, № 1: послѣдній вошелъ въ статью „Мысли на дорогѣ“. Дополненія—въ изд. г. Ефремова.

Наталья Кириловна Загряжская, разсказы которой записаны Пушкинымъ, дочь гр. Кирилла Григорьевича Разумовскаго, долго занимала въ высшемъ петербургскомъ обществѣ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. „Пушкинъ“, по словамъ кн. Вяземскаго, „заслушивался ея расказовъ: онъ ловилъ въ ней отголоски поколѣній и общества, которыя уже сошли съ лица земли; онъ въ бесѣдѣ съ нею находилъ необыкновенную прелесть историческую и поэтическую, потому что и въ исторіи много истинной и возвышенной поэзіи, и въ поэзіи есть своя доля исторіи.“ (Соч. кн. Вяз. VIII, 185).

I.

Славный анекдотъ объ указѣ, разорванномъ княземъ Яковомъ Долгорукимъ, разсказанъ у Голикова ошибочно и не вполнѣ. Долгорукій послѣ дерзкаго своего поступка уѣхалъ домой изъ сената. Государь, узнавъ обо всемъ, очень прогнѣвался и пріѣхалъ къ нему. Князь Яковъ сталъ передъ нимъ на колѣна и просилъ помилованія. Государь, побранивъ его, сталъ съ нимъ разсуждать о сущности разорваннаго указа. Долгорукій изложилъ ему свое мнѣніе. „Развѣ не могъ ты то же самое сказать“, замѣтилъ ему Петръ, „не раздирая моего указа?“—Правда твоя, государь, отвѣчалъ Долгорукій, „но я зналъ, что если я его раздеру, то уже впредь таковыхъ подписывать не станешь, жалѣя мою старость и усердіе. Государь съ нимъ помирился, но пріѣхавъ къ себѣ, приказалъ царицѣ, которая къ кня-

---

[4]) См. отзывъ В. Е. 1829 (ст. Н. Надеждина) о Полтавѣ (т. II, стр. 155).

[1]) Въ рук.: Table-Talk (т. е. розсказни за столомъ).

зьямъ Долгорукимъ была особенно милостива, призвать князя Якова и присовѣтовать ему на другой день при всемъ сенатѣ просить прощенія у государя. Князь Яковъ начисто отказался. На другой день онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, встрѣтилъ въ сенатѣ государя и болѣе, нежели когда-нибудь, его оспаривалъ. Петръ, видя, что съ нимъ дѣлать нечего, оставилъ это дѣло, и болѣе о томъ уже не упоминалъ. (Сл. отъ кн. А. Н. Г.).

II.

Кречетниковъ, по возвращеніи своемъ изъ Польши, позванъ былъ въ кабинетъ императрицы. „Исполнилъ ли ты мои приказанія?" спросила императрица.—Нѣтъ, государыня, отвѣчалъ Кречетниковъ. Государыня вспыхнула. „Какъ нѣтъ?" Кречетниковъ сталъ излагать причины, не дозволившія ему исполнить высочайшія повелѣнія. Императрица его не слушала; въ порывѣ величайшаго гнѣва она осыпала его укоризнами и угрозами. Кречетниковъ ожидалъ своей погибели. Наконецъ императрица умолкла и стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Кречетниковъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Чрезъ нѣсколько минутъ государыня снова обратилась къ нему и сказала уже гораздо тише: „Скажите же мнѣ, какія причины помѣшали вамъ исполнить мою волю?" Кречетниковъ повторилъ свои прежнія оправданія. Екатерина, чувствуя его справедливость, но не желая признаться въ своей вспыльчивости, сказала ему съ видомъ совершенно успокоеннымъ: „Это дѣло другое. Зачѣмъ же ты мнѣ тотчасъ этого не сказалъ?" (Сл. отъ гр. Вьельг.).

III.

Нѣкто кн. Мих. Вас. Хованскій [a], возвратясь изъ Парижа въ Москву, отличался невоздержностію языка и при всякомъ случаѣ язвительно поносилъ Екатерину. Императрица велѣла сказать ему черезъ фельдмаршала графа Салтыкова, что за таковыя дерзости въ Парижѣ сажаютъ въ Бастилію, а у насъ недавно рѣзали языки; что, не будучи отъ природы жестока, она для такого бездѣльника, каковъ Х., правъ своихъ перемѣнять не намѣрена; однако совѣтуетъ ему впредь быть осторожнѣе.

IV.

Когда графъ д'Артуа пріѣзжалъ въ Петербургъ, то государыня приняла его самымъ ласковымъ и блистательнымъ образомъ. Онъ ей однако надоѣлъ, и она велѣла сказать дамамъ своимъ, чтобъ онѣ постарались его занять. Однажды посадила она графа д'Артуа въ свою карету. Графъ Д. Ав...., капитанъ гвардіи принца, имѣя право повсюду слѣдовать за нимъ, хотѣлъ было сѣсть также въ карету, но государыня остановила его, сказавъ: „Cette fois-ci c'est moi qui me charge d'être le capitaine de gardes de M-r le comte d'Artois" [1]) (Сл. отъ кн. К. Ѳ. Долг.).

V.

Французскіе принцы имѣли большой успѣхъ при всѣхъ дворахъ, куда они являлись. Были однакожъ съ ихъ стороны нѣкоторые

---

[a] *К. Х. (Посм. изд.).*

---

[1]) т. е.: „На этотъ разъ я заступаю | мѣсто капитана гвардіи принца..."—

промахи. Они сыпали деньги и дорогіе подарки. Въ Берлинѣ старый князь Витгенштейнъ сказалъ Брессону, который хвастался ихъ расточительностію: „mais, mon cher M-r Bresson, ce n'est pas convenable du tout; vos princes sont de la maison de Bourbon et non pas de la maison Rotschild“ [3]). (Сл. отъ гр. Вьельг., іюнь 1836).

VI.

Потемкину доложили однажды, что нѣкто графъ Морелли [б], житель Флоренціи, превосходно играетъ на скрипкѣ. Потемкину захотѣлось его послушать; онъ приказалъ его выписать. Одинъ изъ адъютантовъ отправился курьеромъ въ Италію, явился къ графу Морелли, объявилъ ему приказъ свѣтлѣйшаго и предложилъ тотъ же часъ садиться въ его телѣжку и скакать въ Россію. Благородный виртуозъ взбѣсился и послалъ къ чорту и Петербургъ, и курьера съ его телѣжкою. Дѣлать было нечего. Но какъ явиться къ князю, не исполнивъ его приказанія? Догадливый адъютантъ отыскалъ какого-то скрипача, бѣдняка не безъ таланта, и легко уговорилъ его назваться графомъ Морелли и ѣхать въ Россію. Его привезли и представили Потемкину, который остался доволенъ его игрою. Онъ принятъ былъ потомъ въ службу подъ именемъ графа Морелли и дослужился до полковничьяго чина [в].

VII.

Одинъ изъ адъютантовъ Потемкина, жившій въ Москвѣ и считавшійся въ отпуску (Спечинскій) [г], получилъ приказъ немедленно явиться къ своей должности. Родственники засуетились; не знаютъ, чему приписать требованіе свѣтлѣйшаго. Одни боятся внезапной немилости, другіе видятъ неожиданное счастіе. Молодаго человѣка снаряжаютъ наскоро въ путь. Онъ отправляется изъ Москвы, скачетъ день и ночь и пріѣзжаетъ въ лагерь свѣтлѣйшаго. Объ немъ тотчасъ докладываютъ. Потемкинъ приказываетъ ему явиться. Адъютантъ съ трепетомъ входитъ въ его палатку и находитъ Потемкина въ постели, со святцами въ рукахъ. Вотъ ихъ разговоръ: Потемкинъ. Ты, братецъ, мой адъютантъ такой-то?—Адъютантъ. Точно такъ, ваша свѣтлость.—Потемкинъ. Правда ли, что ты святцы знаешь наизусть?—Адъютантъ. Точно такъ.—Потемкинъ (смотря въ святцы). Какого же святаго празднуютъ 18 мая?—Адъютантъ. Мученика Ѳеодота, ваша свѣтлость.—Потемкинъ. Такъ. А 29 сентября?—Адъютантъ. Преподобнаго Кvріака.—Потемкинъ. Точно. А 5 февраля?—Адъютантъ. Мученицы Агаѳьи.—Потемкинъ (закрывая святцы). Ну, поѣзжай же себѣ домой.

VIII.

N. N., вышедшій изъ пѣвчихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, былъ недоволенъ обхожденіемъ князя Потемкина. „Развѣ

[б] Мор... (*П. и., какъ вездѣ и ниже*).—[в] Онъ... чина *нѣтъ въ П. и*—[г] „Спечинскій“ *нѣтъ въ П. и.*

---

[3]) т. е. „но, любезный Брессонъ, это совсѣмъ не прилично; ваши принцы изъ дома Бурбоновъ, а не изъ дома Ротшильда“.

не знаетъ князь", говорилъ онъ на своемъ нарѣчіи *), „что я такой же генералъ?" Это пересказали Потемкину, который сказалъ ему при первой встрѣчѣ: „Что ты врешь? какой ты генералъ? ты генералъ-басъ".

IX.

РАЗГОВОРЫ Н. К. ЗАГРЯЖСКОЙ.

1) 12 августа 1835 г.—Вы слыхали про Ветошкина? Это удивительно, что никто его не знаетъ. Надобно вамъ сказать, что Торжокъ былъ въ то время деревушка. Государыня сдѣлала изъ него порядочный городокъ. Жители торговали (не знаю, какъ это сказать: ils faisaient le commerce des grains) крупами, что ли? и привозили на баркахъ, не помню куда. Вотъ этотъ Ветошкинъ былъ прикащикомъ на этихъ баркахъ. Онъ былъ раскольникъ. Однажды онъ является къ митрополиту и проситъ объяснить ему догматы православія. Митрополитъ отвѣчалъ ему, что для того нужно быть ученымъ, знать по-гречески, по-еврейски и Богъ вѣдаетъ, что еще. Ветошкинъ уходитъ отъ него и черезъ два года является опять. Вообразите, что въ это время успѣлъ онъ выучиться всему этому. Онъ отрекся отъ своего раскола и принялъ истинную вѣру. Въ городѣ только что про него и говорили. Я жила тогда на Мойкѣ, дверь объ дверь съ графомъ А. С. Строгановымъ. Ромъ жилъ у нихъ въ учителяхъ... Онъ очень былъ умный человѣкъ, c'était une forte tête, un grand raisonneur, il vous eut rendu claire l'Apocalypse [4]). Онъ у меня былъ каждый день съ своимъ питомцемъ. Я ему разсказываю про Ветошкина. „Madame, c'est impossible".—Mon cher M-r Rom, je vous répète ce que tout le monde me dit. Au reste si vous êtes curieux de voir Ветошкинъ chez le prince Potemkine, il y vient tous les jours.—„Madame, je n'y manquerai pas" [5]). Ромъ отправился къ Потемкину и увидѣлся съ Ветошкинымъ. Онъ приходитъ ко мнѣ. Hé bien, M-r?—„Madame, je n'en reviens pas: c'est que véritablement c'est un savant" [6]). Мнѣ очень хотѣлось встрѣтить Ветошкина. И. И. Шуваловъ доставилъ мнѣ случай увидѣть его въ своемъ домѣ. Я застала тамъ двухъ молодыхъ раскольниковъ, съ которыми Ветошкинъ имѣлъ une controverse (преніе). Ветошкинъ былъ щедушный мужчина лѣтъ 35. Преніе ихъ очень меня занимало. Послѣ того за ужиномъ я сидѣла противъ Ветошкина. Я спросила его, какимъ образомъ добился онъ учености. „Сначала было трудно", отвѣчалъ онъ, „а потомъ все легче и легче. Книги доставляли мнѣ добрые люди, графъ Иванъ Ивановичъ да князь Григорій Александровичъ".—Вамъ, думаю, скучно въ Торжкѣ.—„Нѣтъ, сударыня, я живу съ моими ро-

*) „Хиба винъ не тямитъ того, що я такій енораль, якъ винъ самъ". *А. П.*

[4]) т. е.: „Это была умная голова, большой умникъ; онъ объяснилъ бы вамъ и Апокалипсисъ".—[5]) т. е.: „Сударыня, это невозможно.—Любезный г. Ромъ, я повторяю вамъ лишь то, что мнѣ всѣ говорятъ. Впрочемъ если Ветошкинъ возбуждаетъ ваше любопытство и вы желаете его видѣть у кн. Потемкина, то вѣдь онъ тамъ бываетъ ежедневно. — Сударыня, я не премину воспользоваться этимъ. — [6]) т. е.: „Ну что?—Сударыня, я пораженъ: это въ самомъ дѣлѣ ученый".

дителями и цѣлый день занять книгами". Потемкинъ, страстный ко всему необыкновенному, наконецъ такъ полюбилъ Ветошкина, что не могъ съ нимъ разстаться. Онъ взялъ его съ собою въ Молдавію, гдѣ Ветошкинъ занемогъ тамошней лихорадкою и умеръ почти въ одно время съ княземъ. Очень странный человѣкъ этотъ Ветошкинъ.

2) 12 августа.—Это было передъ самымъ Петровымъ днемъ, Мы ѣхали въ Знаменское: матушка, сестра Елизавета Кириловна, я—въ одной каретѣ; батюшка (гр. Разумовскій) съ Василіемъ Ивановичемъ (Чулковымъ)—въ другой. На дорогѣ останавливаетъ насъ курьеръ изъ Кабинета, подходитъ къ каретамъ и объявляетъ, что государь (Петръ III) приказалъ звать насъ въ Петергофъ. Батюшка велѣлъ было ѣхать, а Василій Ивановичъ сказалъ ему: „Полно, не слушайся; знаю, что такое. Государь сказалъ, что онъ когда-нибудь пошлетъ за дамами, чтобъ онѣ явились во дворецъ, какъ ихъ застанутъ, хоть въ однѣхъ рубашкахъ. И охота ему проказить наканунѣ праздника". Но курьеръ попросилъ батюшку выйти на минуту. Они поговорили—и батюшка велѣлъ тотчасъ ѣхать въ Петергофъ. Подъѣзжаемъ ко дворцу; насъ не пускаютъ; часовой сунулъ намъ въ окошко пистолетъ или что-то этакое. Я испугалась и начала плакать и кричать. Отецъ мнѣ сказалъ: „полно, перестань; что за глупость", и потомъ, оборотясь къ часовому: „мы пріѣхали по приказанію государя".—„Извольте же итти въ караульню". Батюшка пошелъ, а насъ отправили къ ***, который жилъ въ домикахъ. Насъ приняли. Часа черезъ два приходятъ отъ батюшки просить насъ на Monplaisir; всѣ поѣхали; матушка въ спальномъ платьѣ, какъ была. Пріѣзжаемъ въ Monplaisir; видимъ множество дамъ, разряженныхъ en robe de cour, а государь со шляпою на бекрень и ужасно сердитый. Увидя государя, я испугалась, сѣла на полъ и закричала: „ни за что не пойду на галеру". Насилу меня уговорили. Минихъ былъ съ нами. Мы пріѣхали въ Кронштадтъ. Государь первый вышелъ на берегъ; всѣ дамы за нимъ; матушка осталась съ нами на галерѣ (мы не принадлежали той партіи). Графиня Анна Карловна Воронцова обѣщала прислать за нами шлюпку. Вмѣсто шлюпки черезъ нѣсколько минутъ видимъ государя и всю его компанію. Бѣгутъ назадъ всѣ опять на галеру. Кричатъ, что сейчасъ станутъ насъ бомбардировать. Государь ушелъ à fond de cale[7]) съ графиней Лизаветой Романовной; а Минихъ, какъ ни въ чемъ не бывало, разговариваетъ съ дамами, leur faisant la cour [8]). Мы пріѣхали въ Ораніенбаумъ. Государь пошелъ въ крѣпость, а мы во дворецъ.—На другой день зовутъ насъ къ обѣднѣ. Мы узнали уже все [9]). Государь былъ очень жалокъ. На эктиньѣ его еще поминали. Мы съ нимъ простились. Онъ далъ матушкѣ траурную свою карету съ короною. Мы поѣхали въ ней. Въ Петербургѣ народъ принялъ насъ за императрицу и кричалъ намъ ура. На другой день государыня привезла матушкѣ ленту.

---

[7]) въ трюмъ.

[8]) ухаживая за нимп.

[9]) о воцареніи Екатерины II.

3) 12 августа. — Потемкинъ очень меня любилъ; не знаю, что́ бы онъ для меня не сдѣлалъ. У Машеньки была une maîtresse de clavecin [1]. Разъ она мнѣ говоритъ: „Madame, je ne puis rester à Pétersbourg.“—Pourquoi ça?—„Pendant l'hiver je puis donner des leçons, mais en été tout le monde est à la campagne et je ne suis pas en état de payer un équipage, ou bien de rester oisive.“ — Mademoiselle, vous ne partirez pas; il faut arranger cela de manière ou d'autre [2]. Пріѣзжаетъ ко мнѣ Потемкинъ. Я говорю ему: „какъ ты хочешь, Потемкинъ, а мамзель мою пристрой куда-нибудь.“ — Ахъ, моя голубушка, сердечно радъ; да что для нея сдѣлать? право, не знаю.—Что же? черезъ нѣсколько дней приписали мою мамзель къ какому-то полку и дали ей жалованье. Нынче этого сдѣлать уже нельзя.

4) Orloff était mal élevé et avait un très mauvais ton [3]. Однажды у государыни сказалъ онъ при насъ: по одёжкѣ держи ножки. Je trouvai cette expression bien triviale et bien inconvenante: c'était un homme d'esprit et depuis je crois qu'il s'est formé. Il avait l'air de brigand avec sa balafre [4].

5) Потемкинъ, сидя у меня, сказалъ мнѣ однажды: „Наталья Кириловна, хочешь ты зе́мли?“—Какія земли?—„У меня тамъ есть въ Крыму.“—Зачѣмъ мнѣ брать у тебя земли, къ какой стати!—„Разумѣется, государыня подаритъ, а я только ей скажу.“ — Сдѣлай одолженіе.—Я говорила объ этомъ съ Тепловымъ, который мнѣ сказалъ: „спросите у князя планы, а я вамъ выберу земли.“ Такъ и сдѣлалось. Проходитъ годъ, мнѣ приносятъ 80 рублей. „Откуда, батюшки?“—Съ вашихъ новыхъ земель; тамъ ходятъ стада, и за это вотъ вамъ деньги.—„Спасибо, батюшки.“ Проходитъ еще годъ, другой, Тепловъ говоритъ мнѣ: „что же вы не думаете о заселеніи вашихъ земель? Десять лѣтъ пройдетъ, такъ худо будетъ: вы заплатите большой штрафъ.“—Да что же мнѣ дѣлать?—„Напишите вашему батюшкѣ письмо: онъ не откажетъ вамъ дать крестьянъ на заселеніе.“ Я такъ и сдѣлала: батюшка пожаловалъ мнѣ 300 душъ; я ихъ поселила; на другой годъ они всѣ разбѣжались, не знаю отчего. Въ то время сватался К. за Машу. Я ему и сказала: „возьми, пожалуйста, мои крымскія земли, мнѣ съ ними только что хлопоты.“ Что же? Эти земли давали послѣ К. 50,000 рублей доходу. Я очень была рада.

6) Я была очень смѣшлива. Государь, который часто ѣзжалъ къ матушкѣ, бывало, нарочно смѣшилъ меня разными гримасами. Онъ не похожъ былъ на государя.

7) Государь однажды объявилъ, что будетъ въ нашемъ домѣ церемонія въ сѣняхъ. У него былъ арапъ Нарцисъ. Этотъ арапъ

---

[1]) т. е.: „учительница на клавесинѣ“. — [2]) т. е.: „Сударыня, я не могу оставаться въ Петербургѣ. — Почему же? —Зимою я могу давать уроки, но лѣтомъ всѣ въ деревнѣ, и я не въ состояніи платить за экипажъ, или оставаться безъ дѣла“. — [3]) т. е. „Орловъ былъ дурно воспитанъ и былъ очень дурного тона“. — [4]) т. е.: „Я находила это выраженіе очень тривіальнымъ и очень неприличнымъ: это былъ человѣкъ умный и, думаю, что съ тѣхъ поръ онъ образовался. Онъ имѣлъ видъ разбойника съ своимъ рубцомъ на лицѣ“.

Нарцисъ подрался на улицѣ съ палачемъ, и государь хотѣлъ снять съ него безчестье (il voulait le réhabiliter). Привели арапа къ намъ въ сѣни, принесли знамена и прикрыли его ими. Тѣмъ и дѣло кончилось.

8) Потемкинъ пріѣхалъ со мною проститься. Я сказала ему: „Ты не повѣришь, какъ я о тебѣ грущу.“—А что такое?—Не знаю, куда мнѣ будетъ тебя дѣвать.“—Какъ такъ?—„Ты моложе государыни; ты ее переживешь; что тогда изъ тебя будетъ? Я знаю тебя, какъ свои руки: ты никогда не согласишься быть вторымъ человѣкомъ.“ Потемкинъ задумался и сказалъ: „не безпокойся; я умру прежде государыни; я умру скоро.“ И предчувствіе его сбылось. Ужъ я больше его не видала...

X.

Когда Пугачевъ сидѣлъ на Мѣновомъ дворѣ, праздные москвичи, между обѣдомъ и вечеромъ, заѣзжали на него поглядѣть, подхватить какое-нибудь отъ него слово, которое спѣшили потомъ развозить по городу. Однажды сидѣлъ онъ задумавшись. Посѣтители молча окружали его, ожидая, чтобъ онъ заговорилъ. Пугачевъ сказалъ: „Извѣстно по преданіямъ, что Петръ I, во время персидскаго похода, услыша, что могила Стеньки Разина находилась не вдалекѣ, нарочно къ ней поѣхалъ и велѣлъ разметать курганъ, дабы увидѣть его кости...“ Всѣмъ извѣстно, что Разинъ былъ четвертованъ и сожженъ въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе сказка замѣчательна, особенно въ устахъ Пугачева. Въ другой разъ нѣкто ***, симбирскій дворянинъ, бѣжавшій отъ него, пріѣхалъ на него посмотрѣть и, видя его крѣпко привинченнаго къ цѣпи, сталъ осыпать его укоризнами. *** былъ очень дуренъ лицомъ, къ тому же и безъ носу. Пугачевъ, на него посмотрѣвъ, сказалъ: „Правда, много перевѣшалъ я вашей братіи, но такой гнусной образины, признаюсь, не видывалъ.“

XI.

Денисъ Давыдовъ явился однажды въ авангардъ къ князю Багратіону и сказалъ: „главнокомандующій приказалъ доложить вашему сіятельству, что непріятель у насъ на носу, и проситъ васъ немедленно отступить.“ Багратіонъ *) отвѣчалъ: непріятель у насъ на носу? на чьемъ? если на твоемъ, такъ онъ близко; а коли на моемъ, такъ мы успѣемъ еще отобѣдать.

XII.

Генералъ Раевскій былъ насмѣшливъ и желченъ. Во время турецкой войны, обѣдая у главнокомандующаго графа Каменскаго, онъ замѣтилъ, что кондиторъ вздумалъ выставить графскій вензель на крыльяхъ мельницы изъ сахара, и сказалъ графу какую-то колкую шутку. Въ тотъ же день Раевскій былъ высланъ изъ главной квартиры. Онъ сказывалъ мнѣ, что Каменскій былъ трусъ и не могъ хладнокровно слышать ядра; однако подъ какою-то крѣпостію онъ видѣлъ Каменскаго вдавшагося въ опасность. Одинъ изъ нашихъ генераловъ, не пользующійся блистательною славой, въ 1812 году

---

*) Можетъ быть, не всѣмъ извѣстно, что у князя Багратіона былъ очень большой носъ. *А. П.*

взялъ нѣсколько пушекъ, брошенныхъ непріятелемъ, и выпросилъ себѣ за то награжденіе. Встрѣтясь съ ген. Раевскимъ и боясь его шутокъ, чтобы ихъ предупредить, онъ бросился было его обнимать; Раевскій отступилъ и сказалъ ему съ улыбкою: „Кажется, ваше превосходительство принимаете меня за пушку безъ прикрытія"...

XIII.

Херасковъ очень уважалъ Кострова [1]) и предпочиталъ его талантъ своему собственному. Это приноситъ большую честь и его сердцу, и его вкусу. Костровъ нѣсколько времени жилъ у Хераскова, который не давалъ ему напиваться. Это наскучило Кострову. Онъ однажды пропалъ. Его бросились искать по всей Москвѣ и не нашли. Вдругъ Херасковъ получаетъ отъ него письмо изъ Казани. Костровъ благодарилъ его за всѣ его милости, „но", писалъ поэтъ, „воля для меня всего дороже."

Костровъ былъ отъ Императрицы Екатерины наименованъ университетскимъ стихотворцемъ, и въ семъ званіи получалъ 1,500 рублей жалованья.

Когда наступали торжественные дни, Кострова искали по всему городу для сочиненія стиховъ и находили обыкновенно въ кабакѣ или у дьячка, великаго пьяницы, съ которымъ былъ онъ въ тѣсной дружбѣ.

Однажды въ университетѣ сдѣлался шумъ. Студенты, недовольные своимъ столомъ, разбили нѣсколько тарелокъ и швырнули въ эконома нѣсколькими пирогами. Начальники, разбирая это дѣло, въ числѣ бунтовщиковъ нашли баккалавра Ермила Кострова. Всѣ очень изумились. Костровъ былъ нрава самаго кроткаго, да ужъ и не въ такихъ лѣтахъ, чтобъ бить тарелки и швырять пирогами. Его позвали въ конференцію. „Помилуй, Ермилъ Ивановичъ", сказалъ ему ректоръ, „ты-то какъ сюда попался?"—Изъ состраданія къ человѣчеству, отвѣчалъ добрый Костровъ.

XIV.

Никто такъ не умѣлъ сердить Сумарокова, какъ Барковъ. Сумароковъ очень уважалъ Баркова, какъ ученаго и остраго критика, и всегда требовалъ его мнѣнія касательно своихъ сочиненій. Барковъ, который обыкновенно его не баловалъ, придя однажды къ Сумарокову, сказалъ ему: „Сумароковъ великій человѣкъ! Сумароковъ первый русскій стихотворецъ!" Обрадованный Сумароковъ велѣлъ тотчасъ подать ему водки, а Баркову только того и хотѣлось. Онъ напился. Выходя, сказалъ онъ ему: „Нѣтъ, Александръ Петровичъ, я тебѣ солгалъ: первый-то русскій стихотворецъ—я, второй Ломоносовъ, а ты только что третій." Сумароковъ чуть его не зарѣзалъ.

XV.

Дельвигъ однажды вызвалъ на дуэль Булгарина. Булгаринъ отказался, сказавъ: „скажите барону Дельвигу, что я на своемъ вѣку видѣлъ болѣе крови, нежели онъ чернилъ."

---

[1]) Костровъ Е. И. (1752—1796)— переводчикъ 9 пѣсенъ Иліады, „Золотаго осла" Апулея, Оссіана и авторъ одъ. Онъ былъ подверженъ пьянству.

XVI.

Сатирикъ Милоновъ пришелъ однажды къ Гнѣдичу пьяный, по своему обыкновенію, оборванный и растрепанный. Гнѣдичъ принялся увѣщевать его. Растроганный Милоновъ заплакалъ и, указывая на небо, сказалъ: „тамъ найду я награду за всѣ мои страданія...“ — Братецъ, возразилъ ему Гнѣдичъ, посмотри на себя въ зеркало: пустятъ ли тебя туда?

XVII.

У Крылова надъ диваномъ (гдѣ онъ обыкновенно сиживалъ), сорвавшись съ одного гвоздика, висѣла наискось по стѣнѣ большая картина въ тяжелой рамѣ. Кто-то ему далъ замѣтить, что и остальной гвоздь, на которомъ она еще держалась, не проченъ, и что картина когда-нибудь можетъ упасть и убить его. „Нѣтъ“, отвѣчалъ Крыловъ, „уголъ рамы долженъ будетъ въ такомъ случаѣ непремѣнно описать косвенную линію и миновать мою голову“.

XVIII.

На Потомкина часто находила хандра. Онъ по цѣлымъ суткамъ сидѣлъ одинъ, никого къ себѣ не пуская, въ совершенномъ бездѣйствіи. Однажды, когда былъ онъ въ такомъ состояніи, множество накопилось бумагъ, требовавшихъ немедленнаго его разрѣшенія; но никто не смѣлъ къ нему войти съ докладомъ. Молодой чиновникъ, по имени Пѣтушковъ, подслушавъ толки, вызвался представить нужныя бумаги князю для подписи. Ему поручили ихъ съ охотою, и съ нетерпѣніемъ ожидали, что́ изъ этого будетъ. Потемкинъ сидѣлъ въ халатѣ, босой, нечесаный, грызя ногти въ задумчивости. Пѣтушковъ смѣло объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, и положилъ предъ нимъ бумаги. Потемкинъ, молча, взялъ перо и подписалъ ихъ одну за другою. Пѣтушковъ поклонился и вышелъ въ переднюю съ торжествующимъ лицомъ. „Подписалъ!..“ Всѣ къ нему кинулись, глядятъ: всѣ бумаги въ самомъ дѣлѣ подписаны. Пѣтушкова поздравляютъ. „Молодецъ! нечего сказать“. Но кто-то всматривается въ подпись — что же? На всѣхъ бумагахъ вмѣсто: князь Потемкинъ—подписано: Пѣтушковъ, Пѣтушковъ, Пѣтушковъ...

XIX.

Надменный въ сношеніяхъ своихъ съ вельможами, Потемкинъ былъ снисходителенъ къ низшимъ. Однажды ночью онъ проснулся и началъ звонить. Никто не шелъ. Потемкинъ соскочилъ съ постели, отворилъ дверь и увидѣлъ ординарца своего, спящаго въ креслахъ. Потемкинъ сбросилъ съ себя туфли и босой прошелъ въ переднюю тихонько, чтобъ не разбудить молодаго офицера.

XX.

Молодой Ш. какъ-то напроказилъ. Князь Безбородко собирался пожаловаться на него самой государынѣ. Родня перепугалась. Кинулись къ князю Потемкину, прося его заступиться за молодаго человѣка. Потемкинъ велѣлъ Ш. быть на другой день у него и прибавилъ: „да сказать ему, чтобъ онъ со мною былъ посмѣлѣе“. — Ш. явился въ назначенное время. Потемкинъ вышелъ изъ кабинета въ обыкновенномъ своемъ нарядѣ, не сказалъ никому ни слова и сѣлъ играть въ карты. Въ это время пріѣзжаетъ князь Безбородко.

Потемкинъ принимаетъ его какъ нельзя хуже и продолжаетъ играть. Вдругъ онъ подзываетъ къ себѣ Ш. „Скажи, братъ", говоритъ Потемкинъ, показывая ему свои карты, „какъ мнѣ тутъ сыграть?"—Да мнѣ какое дѣло, ваша свѣтлость, отвѣчалъ ему Ш., играйте, какъ умѣете! „Ахъ, мой батюшка", возразилъ Потемкинъ, и „слова нельзя тебѣ сказать; ужъ и разсердился!" Услыша таковой разговоръ, князь Безбородко раздумалъ жаловаться.

XXI.

Графъ Румянцовъ однажды рано утромъ расхаживалъ по своему лагерю. Какой-то маіоръ въ шлафрокѣ и въ колпакѣ стоялъ передъ своею палаткою и въ утренней темнотѣ не узналъ приближающагося фельдмаршала, пока не увидѣлъ его передъ собою лицомъ къ лицу. Маіоръ хотѣлъ было скрыться, но Румянцовъ взялъ его подъ руку и, дѣлая ему разные вопросы, повелъ съ собою по лагерю, который между тѣмъ проснулся. Бѣдный маіоръ былъ въ отчаяніи. Фельдмаршалъ, разгуливая такимъ образомъ, возвратился въ свою ставку, гдѣ уже вся свита ожидала его. Маіоръ, умирая отъ стыда, очутился посреди генераловъ, одѣтыхъ во всей формѣ. Румянцовъ, тѣмъ еще не довольный, имѣлъ жестокость напоить его чаемъ и потомъ уже отпустилъ, не сдѣлавъ никакого замѣчанія.

XXII.

Нѣкто, отставной мичманъ, будучи еще ребенкомъ, представленъ былъ Петру I въ числѣ дворянъ, присланныхъ на службу. Государь открылъ ему лобъ, взглянулъ въ лицо и сказалъ: „Ну! этотъ плохъ. Однако, записать его во флотъ. До мичмановъ авось дослужится". Старикъ любилъ разсказывать этотъ анекдотъ и всегда прибавлялъ: „таковъ былъ пророкъ, что и въ мичманы-то попалъ я только при отставкѣ!" (Сл. отъ кн. А. Н. Г.).

XXIII.

Всѣмъ извѣстны слова Петра Великаго, когда представили ему двѣнадцатилѣтняго школьника Василія Тредьяковскаго; вѣчный труженикъ! Какой взглядъ! Какая точность въ опредѣленіи! Въ самомъ дѣлѣ, что былъ Тредьяковскій, какъ не вѣчный труженикъ?

XXIV.

Графъ Самойловъ получилъ Георгія на шею въ чинѣ полковника. Однажды во дворцѣ государыня замѣтила его, заслоненнаго толпою генераловъ и придворныхъ. „Графъ Александръ Николаевичъ", сказала она ему, „ваше мѣсто здѣсь впереди, какъ и на войнѣ".

XXV.

Государыня Екатерина II говаривала: „когда хочу заняться какимъ-нибудь новымъ установленіемъ, я приказываю порыться въ архивахъ и отыскать, не говорено ли было уже о томъ при Петрѣ Великомъ — и почти всегда открывается, что предполагаемое дѣло было уже имъ обдумано". (Сл. отъ кн. А. Н. Г.).

XXVI.

Петръ I говаривалъ: „несчастія бояться — счастья не видать".

XXVII.

Любимый изъ племянниковъ князя Потемкина былъ покойный Н. Н. Раевскій. Потемкинъ для него написалъ нѣсколько наставле-

ній; Н. Н. ихъ потерялъ и помнилъ только первыя строки: „во-первыхъ, старайся испытать, не трусъ ли ты; если нѣтъ, то укрѣпляй врожденную смѣлость частымъ обхожденіемъ съ непріятелемъ".

XXVIII.

Я встрѣтился съ Надеждинымъ у Погодина. Онъ показался мнѣ весьма простонароднымъ, vulgar, скученъ, заносчивъ и безъ всякаго приличія. Напримѣръ, онъ поднялъ платокъ, мною уроненный. Критики его [1]) были оченъ глупо написаны, но съ живостью, а иногда и съ краснорѣчіемъ. Въ нихъ не было мыслей, но было движеніе; шутки были плоски.

XXIX.

Графа Кочубея похоронили въ Невскомъ монастырѣ. Графиня выпросила у государя позволеніе огородить рѣшеткою часть пола, подъ которой онъ лежитъ. Старушка Новосильцева сказала: посмотримъ, каково-то ему будетъ въ день втораго пришествія; онъ еще будетъ карабкаться черезъ свою рѣшетку, а другіе давно ужъ будутъ на небесахъ.

XXX.

Будри, профессоръ французской словесности въ царскосельскомъ лицеѣ, былъ родной братъ Марату. Екатерина II перемѣнила ему фамилію по просьбѣ его, придавъ ему аристократическую частицу de, которую Будри тщательно сохранялъ. Онъ былъ родомъ изъ Будри. Онъ очень уважалъ память своего брата, и однажды въ классѣ, говоря о Робеспьерѣ, сказалъ намъ, какъ ни въ чемъ не бывало: „C'est lui qui sous main travailla l'esprit de Charlotte Corday et fit de cette fille un second Ravaillac". [2]) Впрочемъ Будри, несмотря на свое родство, демократическія мысли, замасленный жилетъ и вообще наружность, напоминавшую якобинца, былъ на своихъ коротенькихъ ножкахъ очень ловкій придворный. Будри сказывалъ, что братъ его былъ необыкновенно силенъ, несмотря на свою сухощавость и малый ростъ. Онъ расказывалъ также много о его добродушіи, любви къ родственникамъ, etc. etc...

XXXI.

Голландская королева, женщина съ умомъ замѣчательнымъ и рѣзкимъ, сказала принцу Орлеанскому на балѣ: „J'avais des projets hostiles pour vous".—Et quoi donc, Madame?—„Je voulais paraitre inondée de fleurs de lis". Madame, отвѣчалъ принцъ, croyez que j'aurais donné tout mon sang pour avoir le droit de porter cet emblême [3]).

(1836, іюня).

XXXII.

Когда въ 1815 году дѣло шло о возстановленіи Польши, тогда графъ Поццо-ди-Борго прислалъ государю свое мнѣніе. (Графъ про-

---

[1]) См. т. IV, стр. 141.

[2]) т. е. „Вѣдь это онъ втайнѣ выработалъ образъ мыслей Шарлотты Корде и изъ этой дѣвушки приготовилъ втораго Равальяка".

[3]) Т. е.: „У меня были относительно васъ планы самыя враждебныя. — Что же такое, сударыня?—Я хотѣла явиться вся осыпанная лиліями.—Сударыня, повѣрьте, что я отдалъ бы послѣднюю каплю крови за право носить эту эмблему..."

тивился всѣми силами исполненію сей великой ошибки). Государь, прочитавъ его, сказалъ князю Козловскому: Le comte Pozzo a plus d'esprit que moi, je le lui accorde. Mais ce que je sais bien, c'est que j'ai plus de conscience, et vous pouvez le lui dire [1]). Козловскій не преминулъ. Поццо отвѣчалъ: celà peut-être, aussi dans cette occasion, n'ai-je pas parlé comme confesseur? [2]).

XXXV.

О Потемкинѣ.—Однажды Потемкинъ, недовольный запорожцами, сказалъ одному изъ нихъ: „Знаете ли вы, хохлачи, что у меня въ Николаевѣ строится такая колокольня, что какъ станутъ звонить, такъ въ Сѣчѣ будеть слышно".—Тутъ дива нѣтъ, отвѣчалъ запорожецъ: у насъ есть такіе бандуристы, что какъ заиграютъ въ Сѣчѣ, такъ въ Петербургѣ затанцуютъ". (Перевести по-малороссійски.) *Выноска:* То не диво: у насъ у Запорощинѣ е такіе кобзары, що якъ заграютъ, то аже у Петербурси затанцюютъ).

XXXVII.

Зоричъ былъ очень простъ. Собираясь въ чужіе края, онъ не зналъ, какъ назвать себя, и непремѣнно думалъ путешествовать подъ чужимъ именемъ, чтобъ не обезпокоить Европу. Онъ былъ влюбленъ въ кн. Долгорукую, которая жила въ Москвѣ, гдѣ мужъ ея начальствовалъ дивизіей. У Зорича былъ домашній театръ, и княгиня играла въ немъ въ оперѣ Annette et Lubin. Зоричъ, не зная, какъ ее угостить, вздумалъ велѣть палить изъ пушекъ, когда Annette войдетъ хозяйкой въ свою хижину. Когда она бросается на колѣна передъ своимъ господиномъ, то изъ-за кулисъ велѣно было выдвинуть ей бархатную подушку, etc.

XXXVIII.

Государь долго не производилъ въ генералы Болдырева за карточную игру. Однажды, въ какой-то праздникъ, во дворцѣ, проходя мимо его въ церковь, онъ сказалъ: „Болдыревъ, поздравляю тебя". Болдыревъ обрадовался; всѣ бывшіе тутъ думали, какъ и онъ, и поздравили его. Государь, вышедъ изъ церкви и проходя опять мимо Болдырева, сказалъ ему: „поздравляю тебя — ты, говорятъ, вчера выигралъ".—Болдыревъ былъ въ отчаяніи.

XLI.

Графъ К. Разумовскій былъ въ заговорѣ 1762 г. Исполненіе было ускорено измѣною одного изъ сообщниковъ. Екатерина уже бѣжала изъ Петергофа, а Разумовскій еще ничего не зналъ. Онъ былъ дома. Вдругъ слышитъ, къ нему стучатся. „Кто тамъ?"— „Орловъ. Отоприте". Алексѣй Орловъ, котораго до тѣхъ поръ гр. Разумовскій не видывалъ, вошелъ и объявилъ, что Екатерина въ Измайловскомъ полку; но что полкъ, взволнованный двумя офицерами (дѣдомъ моимъ А. А. Пушкинымъ и не помню кѣмъ еще), не хочетъ ей присягать. Разумовскій взялъ пистолеты въ карманы, поѣхалъ въ фурѣ, приготовленной для посуды, явился въ полкъ и

---

[1]) т. е.: „Гр. Поццо умнѣе меня, согласна. Но я хорошо знаю, что у меня болѣе совѣсти—и вы можете сказать ему это.—[2]) т. е.: „Это можетъ быть—и потому въ этомъ случаѣ не говорилъ ли я, какъ духовникъ?

увлекъ его. Дѣдъ мой посаженъ былъ въ крѣпость, гдѣ и сидѣлъ два года.

XLIII.

Потемкинъ, встрѣчаясь съ Шешковскимъ (или Шишковскимъ), [1]) обыкновенно говаривалъ ему: „что́, Степанъ Ивановичъ, каково кнутобойничаешь?" На что Шешковскій отвѣчалъ всегда съ низкимъ поклономъ: „помаленьку, ваше свѣтлость!"

XLIV.

Когда родился Иванъ Антоновичъ, то Императрица Анна Ивановна послала къ Эйлеру приказаніе составить гороскопъ новорожденному. Эйлеръ сначала отказывался, но принужденъ былъ повиноваться. Онъ занялся гороскопомъ вмѣстѣ съ другимъ академикомъ—и какъ добросовѣстные нѣмцы, они составили его по всѣмъ правиламъ астрологіи, хотя и не вѣрили ей. Заключеніе, выведенное ими, ужаснуло обоихъ математиковъ, и они послали Императрицѣ другой гороскопъ, въ которомъ предсказывали новорожденному всякія благополучія. Эйлеръ сохранилъ однако первый и показывалъ его графу К. Разумовскому, когда судьба несчастнаго Ивана VI совершилась. (Слышалъ отъ Загряжской Н. К.).

XLVI.

Суворовъ наблюдалъ посты. Потемкинъ однажды сказалъ ему, смѣясь: „видно, графъ, хотите вы въѣхать въ рай верхомъ на осетрѣ". Эта шутка, разумѣется, принята была съ восторгомъ придворными святлѣйшаго. Нѣсколько дней послѣ, одинъ изъ самыхъ низкихъ угодниковъ Потемкина, прозванный имъ Сенькою-Бандуристомъ, вздумалъ повторить самому Суворову: „правда ли, ваше сіятельство, что вы хотите въѣхать въ рай на осетрѣ?" Суворовъ обратился къ забавнику и сказалъ ему холодно: „знайте, что Суворовъ иногда дѣлаетъ вопросы, а никогда не отвѣчаетъ".

XLVII.

Старый генералъ Щ. представлялся однажды Екатеринѣ II-й. „Я до сихъ поръ не знала васъ", сказала Императрица. „Да и я, матушка государыня, не зналъ васъ до сихъ поръ", отвѣчалъ онъ простодушно. „Вѣрю", возразила она съ улыбкой: „гдѣ и знать меня, бѣдную вдову!"

XLVIII.

Шуваловъ, заспоривъ однажды съ Ломоносовымъ, сказалъ ему сердито: „Мы отставимъ тебя отъ академіи".—„Нѣтъ", возразилъ великій человѣкъ: „развѣ академію отставите отъ меня".

---

[1]) Слѣдователь при Екатеринѣ II.

IV.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ.

(1820—1837).

VI

[illegible]

[illegible]

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ

(критическія, литературныя и автобіографическія).

1.

Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому.

(мартъ или апрѣль 1820).

Пушкинъ еще въ Лицеѣ началъ переписку съ кн. Вяземскимъ. Въ 1816 г. писалъ онъ князю Вяземскому, прося его письма и стиховъ: „Признаюсь, что одна только надежда получить изъ Москвы русскіе стихи Шапеля [1]) и Буало могла побѣдить мою благословенную лѣность... Я не намѣренъ оставить васъ въ покоѣ, покамѣстъ хромой софійскій почталіонъ не принесетъ мнѣ вашей прозы и стиховъ“. „Любезный арзамасецъ“, прибавляетъ Пушкинъ далѣе, „утѣшьте насъ своими посланіями“. Еще въ дѣтствѣ, въ домѣ отца, гдѣ выслушивалъ Пушкинъ литературные толки своего дяди Вас. Львовича, Жуковскаго и кн. Вяземскаго, Пушкинъ образовалъ свой вкусъ въ духѣ этихъ поэтовъ новой школы (см. прим. къ №№ 1, 2, 3, 4 тома I-го) членовъ Арзамаса. Съ нетерпѣніемъ ожидая окончанія курса, Пушкинъ дѣлился съ кн. Вяземскимъ своими впечатлѣніями. „Съ радостью“, пишетъ онъ въ томъ же письмѣ, „согласился бы я двѣнадцать разъ перечитать всѣ 12 пѣсенъ пресловутой Россіяды, даже съ присовокупленіемъ къ тому премудрой критики Мерзлякова [2]) съ тѣмъ только, чтобы гр. Разумовскій [3]) сократилъ время моего заключенія. Безбожно молодаго человѣка держать въ заперти и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную Академію и Бесѣду губителей россійскаго слова“ [4]).

Въ слѣдующей ниже выдержкѣ изъ письма къ кн. Вяземскому Пушкинъ отзывается о Катенинѣ несочувственно. Позже Пушкинъ любилъ поощрять его и защищалъ отъ нападокъ, но самъ выражался, что связь его съ нимъ „основана не на одинаковомъ образѣ мыслей, но на любви къ одинаковымъ занятіямъ“ [5]). Склонность къ славянизмамъ въ стихахъ Катенина вызывала порицанія сторонниковъ новаго направленія.

---

[1]) Луилье де ла Фаръ (Шапелль)— одинъ изъ легкихъ французскихъ поэтовъ, образовавшихъ оппозицію ложноклассицизму писателей вѣка Людовика XIV.

[2]) Въ издававшемся имъ журн. „Амфіонъ“, 1815.

[3]) Гр. Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій — министръ народнаго просвѣщенія.

[4]) т. е. участвовать въ засѣданіяхъ Арзамаса.

[5]) См. письмо къ нему 14 сент 1825 г.

Пушкинъ въ письмѣ своемъ обращается къ кн. Вяземскому съ критическими замѣчаніями о его стихотвореніяхъ, какъ неоднократно и послѣ.

Я читалъ преображенскому пріятелю [6]) нѣсколько строкъ, тобою мнѣ написанныхъ въ письмѣ къ Тургеневу [7])... Онъ, кажется, боится твоей сатирической палицы. Твои четыре стиха насчетъ его въ посланіи къ Дмитріеву [8])—прекрасны. Остальные, нужные для поясненія личности, слабы и холодны, и—дружба въ сторону—Катенинъ сто́итъ чего-нибудь получше и позлѣе. Онъ опоздалъ родиться, и своимъ характеромъ и образомъ мыслей весь принадлежитъ XVIII столѣтію. Въ немъ та же авторская спесь [9]), тѣ же литературныя сплетни и интриги, какъ и въ прославленномъ вѣкѣ философіи. Тогда ссора Фрерона и Вольтера занимала Европу, но теперь этимъ не удивишь. Что ни говори, вѣкъ нашъ—не вѣкъ поэтовъ. Жалѣть, кажется, нечего; а все-таки жаль. Кругъ поэтовъ дѣлается часъ отъ часу тѣснѣе. Скоро мы будемъ принуждены, по недостатку слушателей, читать свои стихи другъ другу на ухо. И то хорошо. Покамѣстъ присылай намъ своихъ стиховъ; они плѣнительны и оживлены. „Первый снѣгъ"—прелесть. „Уныніе"—прелестнѣе [10]). Читалъ ли ты послѣднее произведеніе Жуковскаго, въ Бозѣ почивающаго? Слышалъ ты его „Голосъ съ того свѣта" [11]), и что ты объ немъ думаешь?..

2.

Изъ письма къ Н. И. Гнѣдичу.

(4 декабря 1820).

Въ этомъ письмѣ Пушкинъ отзывается о критикахъ, появившихся вслѣдъ за выходомъ его „Руслана и Людмилы". Изъ нихъ особенное вниманіе обратило на себя въ № 44 Сына Отечества „Письмо къ сочинителю критики на поэму „Русланъ и Людмила". Въ этомъ письмѣ авторъ (гвардейскій офицеръ Д. П. Зыковъ) обращается съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ о недостаткахъ поэмы (см. эти вопросы во II т., стр. 20), которые Пушкинъ сначала приписалъ было Катенину и часть которыхъ Пушкинъ помѣстилъ въ предисловіи къ 2-му изданію своей поэмы. Онъ отзывается одобрительно объ отвѣтахъ на эти вопросы:

---

[6]) Начавъ службу въ Деп. Нар. Просв. Катенинъ послѣ 1809 г. поступилъ въ Преображенскій полкъ.

[7]) А. И. Тургеневу.

[8]) Иль, утромъ возмечтавъ, что комикомъ рожденъ.
На скуку вечеромъ сзываетъ городъ онъ;
Иль, и того смѣшнѣй, любовникъ красноцекій.
Блѣднѣетъ на стихахъ въ элегіи „Къ жестокой".....

Арзамасецъ Вигель въ воспоминаніяхъ своихъ такъ изображаетъ Катенина: „Круглолицый, полнощекій и румяный, какъ херувимъ на вербѣ, этотъ мальчикъ вѣчно кипѣлъ, какъ кофейникъ на канфоркѣ" (III, 147).

[9]) Вигель замѣчаетъ, согласно съ этимъ, что Катенинъ не давалъ пощады „ни русскимъ, ни иностраннымъ, ни древнимъ, ни новымъ" писателямъ. „Можетъ быть, ему не хотѣлось быть наряду съ обыкновенными людьми", прибавляетъ онъ, „и смѣлостію сужденій стать выше ихъ: а скорѣе не было ли это слѣдствіемъ страсти къ спорамъ? Катенину много помогали твердая память и сильная грудь; съ его памятью онъ всякаго перекрикивалъ и долго продолжалъ еще спорить, когда утомленный противникъ давно отвѣчалъ ему молчаніемъ.... Видалъ я людей самолюбивыхъ до безумія, но подобнаго ему не встрѣчалъ" (id.).

[10]) См. соч. кн. Вяз. III, 146 и 193.

[11]) Одно изъ стих., вошедшихъ въ изд. „Для немногихъ".

„1) Зачѣмъ Финнъ дожидается Руслана?—*Отв.* Онъ предвидѣлъ, что Русланъ къ нему прійдетъ. 2) Зачѣмъ Финнъ разсказываетъ Руслану свою исторію?—*Отв.* Затѣмъ, что онъ зналъ, кто Финнъ; притомъ старики словоохотливы.— 3) Какъ можетъ Русланъ въ несчастномъ положеніи внимать старцу?— *Отв.* Его положеніе не было несчастно: Финнъ его сначала ободрилъ.—4) Зачѣмъ Русланъ присвистываетъ?—*Отв.* Дурная привычка. Или свистали вмѣсто того, чтобы погонять лошадь англійскимъ хлыстикомъ. — 5) Зачѣмъ трусъ Фарлафъ поѣхалъ искать Людмилу?—*Отв.* Трусы часто ѣздятъ туда же, куда и храбрые.— 6) Справедливо ли сравненіе на стр. 43?—*Отв.* Точно.—7) Зачѣмъ карла приходитъ къ Людмилѣ? — *Отв.* Какъ хозяинъ съ визитомъ. — 8) Какъ Людмилѣ вздумалось надѣть шапку?—*Отв.* Съ испугу, какъ справедливо замѣтилъ и вопрошатель.—9) Какъ колдунъ это позволилъ?—*Отв.* Она безъ позволенія сдѣлала это. — 10) Какъ Русланъ бросилъ Рогдая въ воду, какъ ребенка? — *Отв.* Прочитайте въ поэмѣ.—11) Зачѣмъ карла не вылѣзъ изъ котомки?—*Отв.* Русланъ прежде смерти крѣпко затянулъ котомку ремнемъ, оставивъ небольшое отверстіе, черезъ которое карла могъ просовывать только голову [1]).

Нѣкоторые нумера „Сына“ доходили до меня. Видѣлъ я прекрасный переводъ Андромахи [2]), котораго читали вы мнѣ въ вашемъ эпикурейскомъ кабинетѣ [3]), и вдохновенныя строфы:

„Уже въ послѣдній разъ привѣтствовать я мнилъ“ и пр.

Онѣ оживили во мнѣ воспоминанія объ васъ и чувство прекраснаго, всегда драгоцѣнное для моего сердца, но не примирили меня съ критиками, которыя нашелъ я въ томъ же „Сынѣ Отечества“ [4]). Кто такой этотъ В [5]), который хвалитъ мое цѣломудріе, укоряетъ меня въ безстыдствѣ, говоритъ мнѣ: „краснѣй, несчастный“! (что, между прочимъ, очень неучтиво), говоритъ, что „характеры моей поэмы писаны мрачными красками этого нѣжнаго, чувствительнаго Корреджіо, и смѣлою кистью Орловскаго, „который кисти въ руки не беретъ и рисуетъ только почтовыя тройки да киргизскихъ лошадей“ [6])? Согласенъ со мнѣніемъ неизвѣстнаго эпиграмматиста—критика, его для меня „ужасно какъ тяжка“ [7]). Допросчикъ [8]) умнѣе, а тотъ, кто взялъ на себя трудъ отвѣчать ему (благодарность и самолюбіе въ сторону) умнѣе всѣхъ ихъ“.

---

[1]) См. эти отвѣты въ припискѣ Плетнева къ письму 26 сент. 1825 г. къ Пушкину. Отвѣты принадлежатъ Алексѣю Алексѣевичу Перовскому, писавшему подъ псевдонимомъ „Погорѣльскаго“. Онъ отличался остроуміемъ и былъ охотникъ до всякаго рода мистификацій.

[2]) Отрывки перевода Гнѣдича „Андромахи“, трагедіи Расина, помѣщенные въ „Сынѣ Отечества“.

[3]) Такъ называетъ кабинетъ Гнѣдича Пушкинъ и въ письмѣ къ Н. И. Гречу (21 сент. 1821), гдѣ жалуется на Гнѣдича, не пишущаго ему. „Дельвигу и Гнѣдичу пробовалъ я писать, да они и въ усъ не дуютъ... Я бы и самъ ихъ забылъ, если бъ жилъ съ эпикурейцами, въ эпикурейскомъ кабинетѣ, и умѣлъ читать Гомера; но если они на меня сердятся или разочли, что письма ихъ мнѣ не нужны—такъ плохо“.

[4]) На „Руслана и Людмилу“.

[5]) Критика, помѣщенная въ № 38 „Сына Отечества“ принадлежала Воейкову. См. о ней т. II, стр. 21.

[6]) Орловскій († 1830) — художникъ, славившійся своими рисунками карандашемъ. (См. „Пут. въ Арзрумъ“ гл. I).

[7]) Стихъ изъ эпиграммы И. А. Крылова на критику Воейкова. См. т. II, стр. 21.

[8]) Авторъ „Письма къ сочинителю критики на поэму Р. и Л.“—„Замѣчанія“ на это письмо напечатаны въ № 41 „С. О.“, съ подписью: К. Григорій Б—въ.

3.

Изъ письма къ бар. А. А. Дельвигу.

(23 марта 1821).

О Дельвигѣ и отношеніяхъ къ нему Пушкина см. т. I, стр. 30 и 31. Въ слѣдующей ниже выдержкѣ изъ письма къ нему Пушкинъ высказываетъ свое мнѣніе о характерѣ таланта своего „парнасскаго брата“ и возбуждаетъ лѣнивца.

Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ!
Твоей я прозой былъ утѣшенъ;
Но признаюсь, баронъ, я грѣшенъ:
Стихамъ я больше былъ бы радъ...
Ты знаешь, я въ минувши годы,
У береговъ кастальскихъ водъ,
Любилъ марать поэмы, оды;
Ревнивый зрѣлъ меня народъ
На кукольномъ театрѣ моды.
Поклонникъ правды и свободы,
Бывало, что ни напишу,
Все для иныхъ не Русью пахнетъ;
О чемъ цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковскій ахнетъ...
...
Наскуча музъ безплодной службой,
Другой богиней, тихой дружбой,
Я славы замѣнилъ кумиръ;
Но все люблю мои поэмы,
Фантазіи волшебный міръ,
И чуждымъ пламенемъ согрѣтый
Внимаю звуки вашихъ лиръ...

... Ты все тотъ же талантъ прекрасный и лѣнивый [1]). Долго ли тебѣ размѣнивать свой геній на серебряные четвертаки?—Напиши поэму славную, только не „Четыре части дня“ и не „Четыре времени года“. — Напиши своего „Монаха“. Поэзія мрачная, богатырская, сильная, байроническая—твой истинный удѣлъ; умертви въ себѣ ветхаго человѣка—не убивай вдохновеннаго поэта.

4

Изъ письма къ Н. И. Гнѣдичу.

(24 марта 1821).

Въ слѣдующей выдержкѣ изъ стихотворенія, начинающаго письмо, Пушкинъ высказываетъ свое отношеніе къ журнальнымъ критикамъ, на которыя онъ отвѣчалъ только эпиграммами (см. примѣчаніе къ „Письму къ издателю“ С. О. 1824).

---

[1]) Дельвигъ сознавалъ свою лѣность и выразилъ это въ эпитафіи, написанной самому себѣ:

„Что жизнь его? — протяжный сонъ.
Что смерть? Отъ грезъ ужасныхъ пробужденье“—

а также въ другой эпитафіи, сочиненной экспромтомъ:

„Прохожій! здѣсь лежитъ философъ-человѣкъ:
Онъ проспалъ цѣлый вѣкъ“.

... Избранникъ Феба! твой привѣтъ,
Твои хвалы мнѣ драгоцѣнны;
Для музъ и дружбы живъ поэтъ;
Его враги ему презрѣнны:
Онъ музу битвой площадной
Не унижаетъ предъ народомъ.

5.

Изъ письма къ Л. С. Пушкину.

(27 іюня 1821).

О новостяхъ литературныхъ.

Пиши же мнѣ о новостяхъ нашей словесности. Что такое „Сотвореніе міра“ Милонова [1])? Чтó дѣлаетъ Катенинъ? Онъ ли задавалъ вопросы Воейкову въ „Сынѣ Отечества“ прошлаго года? Кто на ны?

6.

Изъ письма къ А. И. Тургеневу.

(въ іюнѣ 1821).

Черновой отрывокъ этого письма сохранился въ кишиневскихъ тетрадяхъ Пушкина. Тономъ арзамасскихъ протоколовъ здѣсь Пушкинъ („Сверчокъ“, по арзамасскому прозвищу) обращается изъ Кишинева къ сочлену по обществу, память о которомъ жила въ душѣ Пушкина. Изгнаннику на этотъ разъ, очевидно, напомнили о немъ гуси, такъ какъ гусь былъ символомъ Арзамаса [2]).

Въ лѣто пятое отъ Липецкаго потопа [3]) превосходительный Раекъ [4]) и превосходительный жалобный Сверчокъ на лужицѣ города Кишинева, именуемой Быкомъ [5]), сидѣли и плакали, вспоминая тебя, Арзамасъ, Іерусалимъ ума и вкуса. Благородные гуси величественно барахтались предъ ихъ глазами въ мутныхъ водахъ упомянутой рѣчки. Живо представлялись имъ ваши отсутствующія превосходительства, и въ полнотѣ сердца своего они положили увѣдомить о себѣ членовъ православнаго братства, украшающихъ берега Мойки и Фонтанки...

7.

Письмо къ В. П. Горчакову.

(1821).

Письмо вызвано замѣчаніями кишиневскаго пріятеля Пушкина на „Кавказскаго плѣнника“. Здѣсь высказанъ строгій приговоръ Пушкина своему „Кавказскому Плѣннику“ и выражено сознаніе въ субъективности автора при изображеніи героя.

---

[1]) М. В. Милоновъ (1792—1821) принадлежалъ къ московскому университетскому кружку десятыхъ годовъ слушателей проф. Мерзлякова. Милоновъ переводилъ изъ Горація, писалъ посланія и особенно удачно—сатиры. По отзыву Вигеля онъ имѣлъ „огромный талантъ, потопленный имъ въ винѣ“. Кн. Вяземскій очень цѣнилъ стихи Милонова, но находилъ въ немъ мало поэтическаго увлеченія.

[2]) См. „Жуковскій и его произведенія“ Загарина. Изд. 2, гл. XVI.

[3]) Намекъ на „Липецкія воды“.

[4]) т. е. Н. Н. Раевскій-сынъ (см. I т., стр. 110). Онъ, сколько извѣстно, не былъ членомъ Арзамаса.

[5]) Рѣка въ Кишиневѣ.

Замѣчанія твои, моя радость, очень справедливы и слишкомъ снисходительны. Зачѣмъ не утопился мой Плѣнникъ вслѣдъ за черкешенкой? Какъ человѣкъ, онъ поступилъ очень благоразумно, но въ героѣ поэмы не благоразумія требуется. Характеръ плѣнника неудаченъ. Это доказываетъ, что я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія. Я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи 19-го вѣка. Конечно, поэму приличнѣе бы назвать „Черкешенкой" — я объ этомъ не подумалъ.

Черкесы, ихъ обычаи и нравы занимаютъ бо́льшую и лучшую часть моей повѣсти, но все это ни съ чѣмъ не связано и есть истинный hors d'oeuvre. Вообще я своей поэмой очень недоволенъ и почитаю ее гораздо ниже „Руслана" — хоть стихи въ ней зрѣлѣе. Прощай, моя радость.

8.

Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому.

(2 января 1822).

Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, Пушкинъ снова взываетъ къ презрѣнію, съ которымъ должно относиться къ придиркамъ журналовъ [1]), подобнымъ критикѣ Каченовскаго, подписывавшаго статьи свои въ „Вѣстникѣ Европы" псевдонимомъ „Лужницкій старецъ", и старается оправдать свое собственное противъ него двустишіе въ „Посланіи къ Чаадаеву" (1821):

Ораторъ Лужниковъ, никѣмъ не замѣчаемъ,
Мнѣ мало досаждалъ своимъ невиннымъ лаемъ.

(См. т. I, стр. 119).

Благодарю тебя за всѣ твои сатирическія, пророческія и вдохновенныя творенія. Они прелестны. Благодарю за все вообще. Бранюсь съ тобой за одно Посланіе къ Каченовскому [2]). Какъ могъ ты сойти въ арену вмѣстѣ съ этимъ хилымъ кулачнымъ бойцомъ. Ты сбилъ его съ ногъ, но онъ облилъ безславный твой вѣнокъ кровью, желчью и сивухой. Какъ съ нимъ связываться? Довольно было съ него лихаго хлыста, а не сатирической твоей палицы. Ежели я его задѣлъ въ Посланіи къ Чаадаеву, то это не изъ ненависти къ нему, но чтобы поставить съ нимъ на одномъ ряду Толстаго [3]) котораго презирать мудренѣе [4]). — Жуковскій меня бѣситъ. Что́ ему понравилось въ этомъ Мурѣ [5]) чопорномъ подражателѣ безобразному восточному воображенію? Вся „Лалла Рукъ" не стоитъ десяти строчекъ Тристама Шанди [6]). Пора ему имѣть собственное воображеніе и крѣпостные вымыслы. — Но каковъ Баратынскій? Признайся, что

---

[1]) Ср. выше на стр. 9 вступ. зам. къ „Письму къ издателю Сына Отечества" (1824).

[2]) явившееся въ С. О. 1821 г. (№ 2).

[3]) Въ „Посл. къ Чаадаеву" стихи о Каченовскомъ слѣдуютъ за стихами о Ѳ. И. Толстомъ („американцѣ"), — „философѣ, ставшемъ картежнымъ воромъ" См. т. I, № 65, вып. 7.

[4]) „Онъ вовсе не глупецъ", замѣчаетъ о Толстомъ Пушкинъ въ письмѣ къ Гречу 21 сент. 1821.

[5]) „Лалла Рукъ", поэма Томаса Мура, изъ которой часть переведена Жуковскимъ („Пери и Ангелъ").

[6]) „Тристамъ Шанди" — юмористическое произведеніе Стерна 1759 г. (О Стернѣ см. Избр. соч. Кар. I, стр. 98).

онъ превзойдетъ и Парни [7]), и Батюшкова, если впредь зашагаетъ, какъ шагалъ до сихъ поръ. Вѣдь 23 года счастливцу! Оставимъ все ему эротическое поприще и кинемся каждый въ свою сторону, а то спасенья нѣтъ...

Желаю счастія дядѣ [8]). Я не пишу къ нему, потому что опасаюсь журнальныхъ почестей [9]). Скоро ли выйдутъ его творенія? Всѣ они вмѣстѣ не стоятъ „Буянова". А что-то съ нимъ будетъ въ потомствѣ?

9.

Изъ письма къ Н. И. Гнѣдичу.

(29 апрѣля 1822).

Письмо писано при порученіи изданія „Кавк. Плѣнника" и на полученную отъ Гнѣдича идиллію его „Рыбаки". Черновой набросокъ этого письма, заключающій указаніе недостатковъ поэмы, см. т. II, стр. 66 и 67.

Поэту возвышенному, просвѣщенному цѣнителю поэтовъ, вамъ предаю моего „Кавказскаго Плѣнника": въ награду за присылку прелестной вашей идилліи (о которой поговоримъ на досугѣ) завѣщаю вамъ скучныя заботы изданія, но дружба ваша меня избаловала. Назовите это стихотвореніе сказкой, повѣстію, поэмой или вовсе никакъ не называйте, издайте его въ двухъ пѣсняхъ или только въ одной, съ предисловіемъ или безъ, отдаю вамъ въ полное распоряженіе [10]).

10.

Изъ письма къ Н. И. Гнѣдичу.

(13 мая 1822).

Поручивъ Гнѣдичу изданіе „Кавк. Плѣнника", Пушкинъ возражаетъ ему на предложеніе вмѣсто предисловія лучше присоединить къ поэмѣ новыя стихотворенія Пушкина, потому что Пушкинъ велъ въ это время переговоры о продажѣ своихъ стихотвореній. (См. объ этомъ изданіи въ т. II, стр. 71). Въ письмѣ затѣмъ выраженъ взглядъ Пушкина на вкусъ публики.

... Не кончить ли дѣло предисловіемъ? Дайте попробовать, авось не наскучу.

Я что-то въ милости у русской публики.

Je n'ai pas mérité
Ni cet excès d'honneur, ni cette indignité [11]).

Какъ бы то ни было, воспользуюсь симъ случаемъ, говоря ей правду, неучтивую, но, можетъ быть, полезную. Я очень знаю мѣру понятія, вкуса и просвѣщенія этой публики. Есть у насъ люди, которые выше ея: этихъ она недостойна чувствовать; другіе ей по плечу: этихъ она любитъ и почитаетъ. Помню, что Хмѣльницкій читалъ однажды мнѣ своего „Нерѣшительнаго"; услыша стихъ:

---

7) См. соч. П. т. I, стр. 11, вын. 4).
8) Вас. Львовичу Пушкину.
9) т. е. появленія въ какомъ-нибудь журналѣ отвѣтнаго посланія В. Л. Пушкина.
10) Поэма вышла въ августѣ 1822, въ 2 пѣсняхъ, съ портретомъ юнаго Пушкина и небольшимъ предисловіемъ Гнѣдича (см. т. II, стр. 71).
11) т. е. „Я не заслужилъ ни такого избытка почестей, ни такого оскорбленія".

„И должно честь отдать, что нѣмцы аккуратны" — я сказалъ ему: вспомните мое слово, при этомъ стихѣ все захлопаетъ и захохочетъ. А что́ тутъ остраго, смѣшнаго? Очень желалъ бы знать, сбылось ли мое предсказаніе.

Вы, коего геній и труды слишкомъ высоки для этой дѣтской публики, что́ вы дѣлаете, что́ дѣлаетъ Гомеръ? Давно не читалъ я ничего прекраснаго. Кюхельбекеръ пишетъ мнѣ четырестопными стихами, что онъ былъ въ Германіи, въ Парижѣ, на Кавказѣ, и что онъ падалъ съ лошади. Все это кстати о Кавказкомъ Плѣнникѣ.

11.

Изъ письма къ Н. И. Гнѣдичу.

(17 іюня 1822).

Въ письмѣ этомъ Пушкинъ снова говоритъ о недостаткахъ своего „Кавк. Плѣнника", на этотъ разъ вызванный замѣчаніями Гнѣдича (ср. выше № 7). Въ согласіи Пушкина однако чувствуется горечь сознанія, что его произведенія не вполнѣ понимаются. Письмо заключаетъ также нѣсколько характерныхъ указаній на то, что́ онъ считаетъ истинной и ложной поэзіей.

Ваши замѣчанія на счетъ его (Кавк. Пл.) недостатковъ совершенно справедливы и слишкомъ снисходительны; но дѣло сдѣлано. Пожалѣйте обо мнѣ: живу между гетовъ и сарматовъ; никто не понимаетъ меня; со мною нѣтъ преосвященнаго Аристарха; пишу какъ-нибудь, не слыша ни оживительныхъ совѣтовъ, ни похвалъ, ни порицаній.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю „Шильонскаго Узника" [1]); это не чета „Пери" и достойно такого переводчика, каковъ пѣвецъ „Громобоя" и „Старушки". Впрочемъ, мнѣ досадно, что онъ переводитъ, и переводитъ отрывками—иное дѣло Тассъ, Аріостъ и Гомеръ, иное дѣло пѣсня Маттисона и уродливыя повѣсти Мура. Когда-то говорилъ онъ мнѣ о поэмѣ „Родригъ" Саутея [2]), попросите его отъ меня, чтобъ онъ оставилъ его въ покоѣ, несмотря на просьбу одной прелестной дамы. Англійская словесность начинаетъ имѣть вліяніе на русскую. Думаю, что оно будетъ полезнѣе вліянія французской поэзіи, робкой и жеманной. Тогда нѣкоторые люди упадутъ, и посмотримъ, гдѣ очутится Ив. Ив. Дмитріевъ съ своими чувствами и мыслями, взятыми изъ Флоріана и Легуве [3]). Такъ-то пророчу я не въ своей землѣ...

12.

Изъ письма къ П. А. Катенину.

(19 іюля 1822).

И въ этомъ письмѣ Пушкинъ высказывается противъ всего условнаго въ поэзіи (см. предыд. №).

---

[1]) Поэму Байрона, тогда переведенную Жуковскимъ.

[2]) Робертъ Соути (1774 — 1843) — одинъ изъ поэтовъ такъ называемой „Озерной школы".

([3] Флоріанъ (1755—1794)—фр. баснописецъ и авторъ идилліи „Эстелла" и нравственныхъ романовъ.—Ж. Б. Легуве (1764—1812) - фр. дидактическій лирикъ и трагикъ. Сочиненія его отличаются холодной напыщенностью.

Ты перевелъ „Сида [5])“; поздравляю тебя и стараго моего Корнеля. Сидъ кажется мнѣ лучшею его трагедіею. Скажи: имѣлъ ли ты похвальную смѣлость оставить пощечину рыцарскихъ вѣковъ на жеманной сценѣ XIX столѣтія? Я слыхалъ, что она неприлична, смѣшна, ridicule. Ridicule! Пощечина, данная рукою гишпанскаго рыцаря воину, посѣдѣвшему подъ шлемомъ! Ridicule! Боже мой, она должна произвести болѣе ужаса, чѣмъ чаша Атреева... Прощай, Эсхилъ, обнимаю тебя, какъ поэта и друга.

13.

Изъ письма къ Л. С. Пушкину.

(Августъ или сентябрь 1822).

Мнѣнія о „Шильонскомъ Узникѣ“ Жуковскаго, о петербургскомъ театрѣ, стихахъ Кюхельбекера, Плетнева и Рылѣева.

То, что я читалъ изъ Шильонскаго Узника — прелесть. Съ нетерпѣніемъ ожидаю успѣха Орлеанской... [6]) Но, актеры, актеры! Пятистопные стихи безъ риѳмъ требуютъ совершенно новой декламаціи. Слышу отсюда драмо-торжественный ревъ Г л у х о-р е в а [7]). Трагедія будетъ сыграна тономъ Смерти Роллы. Что̀ сдѣлаетъ великолѣпная Семенова, окруженная такъ, какъ она окружена? Господь защити и помилуй—но боюсь. Не забудь увѣдомить меня объ этомъ и возьми у Жуковскаго билетъ дла перваго представленія на мое имя. Читалъ стихи и прозу Кюхельбекера. Что̀ за чудакъ! Только въ его голову могла войти жидовская мысль воспѣвать Грецію, [9]) великолѣпную, классическую, поэтическую Грецію, Грецію, гдѣ все дышитъ миѳологіей и героизмомъ—словяно-русскими стихами, цѣликомъ взятыми изъ Іереміи. Что̀ бы сказалъ Гомеръ и Пиндаръ—но что̀ говорятъ Дельвигъ и Баратынскій? „Ода къ Ермолову“ лучше, но стихъ: „Такъ пѣлъ въ Суворова влюбленъ Державинъ...“ слишкомъ ужъ греческій. Стихи къ Грибоѣдову достойны поэта, нѣкогда написавшаго: „Страхъ при звонѣ мѣди заставляетъ народъ устрашенный толпами стремиться въ храмъ священный. Зри Боже! число великій унылыхъ тебя просящихъ сохранить имъ—цѣлъ трудъ многимъ людямъ принадлежащій [10])“ и пр. Справься объ этихъ стихахъ у б. Дельвига.—Батюшковъ правъ, что сердится на Плетнева; на его мѣстѣ я бы съ ума сошелъ отъ злости. „Б. изъ Рима“ [11]) не имѣетъ человѣческаго смысла, даромъ что новость на Олимпѣ мила. Вообще мнѣніе мое,—что Плетневу приличнѣе проза,

---

[5]) „Сидъ, трагедія въ 5 д., въ стихахъ, Корнеля. Спб. 1822. (Представлена 14 дек. въ бенефисъ В. Каратыгина).

[6]) „Орлеанской Дѣвы“ Шиллера, перев. Жуковскимъ, которую предполагалось поставить на сцену.

[7]) Глухарева.

[8]) Знаменитая петербургская трагическая актриса К. Семенова.

[9]) „Олимпійскія игры“.

[10]) Нѣсколько переиначенный стихъ изъ лицейскаго стих. Кюхельбекера. Отрывокъ изъ прозы С. Ламберта (въ рукоп. журналѣ „Вѣстникъ“ 3 дек. 1811).

[11]) „Б(атюшковъ) изъ Рима“, элегія Плетнева, явившаяся въ С. О. 1821 г., № 8, гдѣ находились стихи:

Я снялъ свой миртовый вѣнецъ
И дни влачу безъ славы,

обидѣвшіе Батюшкова. См. отвѣтъ Плетнева на отзывъ Пушкина № 15.

нежели стихи—онъ не имѣетъ никакого чувства, никакой живости; слогъ его блѣденъ, какъ мертвецъ. Кланяйся ему отъ меня (т. е. Плетневу, а не его слогу) и увѣрь его, что онъ нашъ Гёте...

Милый мой—у васъ пишутъ, что лучъ денницы проникалъ въ полдень въ темницу Хмельницкаго [12]). Это не Хвостовъ написалъ—вотъ что́ меня огорчило—что́ дѣлаетъ Дельвигъ? чего онъ смотритъ?

14.

Изъ письма къ Н. И. Гнѣдичу.

(27 сент. 1822).

О „Шильонскомъ узникѣ" Жуковскаго. О его слогѣ.

Переводъ Жуковскаго est un tour de force. Злодѣй! „въ бореньяхъ съ трудностью силачъ необычайный" [1])! Должно быть Байрономъ, чтобъ выразить съ столь страшной истиной первые признаки сумасшествія, а Жуковскимъ—чтобы это не выразить. Мнѣ кажется, что слогъ Жуковскаго въ послѣднее время ужасно возмужалъ, хотя утратилъ первоначальную прелесть. Ужъ онъ не напишетъ ни „Свѣтланы", ни „Людмилы", ни прелестныхъ Элегій I-й части „Спящихъ Дѣвъ". Дай Богъ, чтобъ онъ началъ создавать.

15.

Изъ письма къ Л. С. Пушкину.

(6 октября 1822).

По поводу нескромности Л. С. Пушкина, показавшаго Плетневу отзывы Пушкина о его элегіи (см. выше № 13). Пушкинъ узналъ объ этомъ, получивъ посланіе Плетнева, начинавшееся такъ:

Я не сержусь на ѣдкій твой упрекъ:
На немъ печать твоей открытой силы,
И можетъ быть взыскательный урокъ
Ослабшія мои возбудитъ крылы.
Твой гордый гнѣвъ, скажу безъ лишнихъ словъ,
Успѣшнѣе хвалы простонародной:
Я узнаю судью моихъ стиховъ,
А не льстеца съ улыбкою холодной.
Притворство прочь: на поприщѣ моемъ
Я не свершилъ достойное поэта,
Но мысль моя божественнымъ огнемъ
Въ минуты думъ не разъ была согрѣта.

Далѣе авторъ высказываетъ, что въ написанномъ имъ не выражены его завѣтныя мечты. Подавленный заботами, онъ не имѣетъ достаточной свободы для поэзіи. Къ тому жъ

... какъ здѣсь бороться съ жизнью намъ
И пламенно предаться страсти милой,
Гдѣ хладъ въ сердцахъ къ плѣнительнымъ мечтамъ
И даръ убитъ невѣжествомъ и силой!
Кому сказать: „Искусства въ общій кругъ,

---

[12]) Рылѣевъ въ думѣ „Богданъ Хмельницкій (Русск. Инв. 1822, № 54).

[1]) Стихъ кн. Вяземскаго о Жуковскомъ.

Какъ братьевъ, насъ на вѣкъ соединили;
Другъ съ другомъ мы и трудъ свой и досугъ
И жребій нашъ съ любовію дѣлили;
Ихъ счастіемъ я счастливъ былъ равно;
Въ моей тоскѣ я видѣлъ ихъ унылыхъ,
Мнѣ въ славѣ ихъ участіе дано,
Я буду жить безсмертіемъ мнѣ милыхъ"?

Посланіе вызываетъ одобреніе Пушкина.

Въ томъ же письмѣ онъ освѣдомляется о впечатлѣніи отъ своего „Кавк. Плѣнника" на публику и на журналы.

Если бъ ты былъ у меня подъ рукой, моя прелесть, то я бы тебѣ уши выдралъ. Зачѣмъ ты показалъ Плетневу письмо мое? Въ дружескомъ отношеніи я предаюсь рѣзкимъ и необдуманнымъ сужденіямъ; они должны оставаться между нами. Вся моя ссора съ Толстымъ происходитъ отъ нескромности кн. Шаховскаго [2]). Впрочемъ посланіе Плетнева, можетъ быть, первая его піеса, которая вырвалась отъ полноты чувства; она блещетъ красотами истинными. Онъ умѣлъ воспользоваться своимъ выгоднымъ противъ меня положеніемъ; тонъ его смѣлъ и благороденъ. На будущей почтѣ отвѣчу ему [3]).

Скажи, мнѣ мой милый, шумитъ ли мой „Плѣнникъ"? A-t-il produit du scandale? пишетъ мнѣ Orlof, voilà l'essentiel [4]). Надѣюсь, что критики не оставятъ въ покоѣ характера Плѣнника; онъ для нихъ созданъ, душа моя. Я журналовъ не получаю, такъ потрудися, напиши мнѣ ихъ толки—не ради исправленія моего, но ради смиренія кичливости моей.

16.

Письмо къ П. А. Плетневу.

(1822).

Это черновой текстъ отвѣта Плетневу на его посланіе (см. выше № 15), заключающій очеркъ достоинствъ стиховъ Плетнева.

Я долго не отвѣчалъ тебѣ, мой милый Плетневъ; собирался отвѣчать стихами, достойными твоихъ, но отложилъ попеченіе; положеніе твое противъ меня слишкомъ выгодно, и ты слишкомъ хорошо умѣешь имъ воспользоваться. Если первый стихъ твоего посланія написанъ такъ же отъ души, какъ и всѣ прочіе, то я не раскаиваюсь въ минутной моей несправедливости: она доставила неожиданное украшеніе словесности. Если же ты на меня сердитъ, то стихи твои, какъ они ни прелестны, никогда не утѣшатъ меня. Ты конечно бъ извинилъ мои легкомысленныя строки, если бы зналъ, какъ часто бываю подверженъ такъ называемой хандрѣ. Въ эти минуты я золъ на цѣлый свѣтъ, и никакая поэзія не шевелитъ моего сердца. Не подумай, однако, что не умѣю цѣнить неоспоримаго твоего дарованія. Чувство изящнаго не совсѣмъ во мнѣ при-

---

[2]) См. выше вып. къ № 8.
[3]) См. слѣдующій № 16
[4]) т. е.: „Произвелъ ли онъ шумъ—вотъ въ чемъ суть". Ген. М. Ѳ. Орловъ, одинъ изъ арзамасцевъ (см. о немъ т. I, стр. 79).

тупилось, и когда я въ совершенной памяти, твоя гармонія, поэтическая точность, благородство выраженій, стройность, чистота въ отдѣлкѣ стиховъ плѣняютъ меня, какъ поэзія моихъ любимцевъ.

По письмамъ моего брата вижу, что онъ съ тобою друженъ; завидую ему и тебѣ. Sine ira, милый пѣвецъ, по рукамъ и до свиданія.

Я не вполнѣ подтверждаю, что́ писалъ о твоей прозѣ, но, признаюсь, это стихотвореніе [1]) недостойно ни тебя, ни Батюшкова. Многіе приняли его за сочиненіе послѣдняго. Знаю, что съ посредственнымъ писателемъ этого не случится. Но Батюшковъ, не будучи доволенъ твоей элегіей, разсердился на тебя за ошибку другихъ; я разсердился послѣ Батюшкова....

Извини мое чистосердечіе, но оно—залогъ моего къ тебѣ уваженія. Sine ira.

17.

Изъ письма къ Л. С. Пушкину.

(ЯНВАРЬ 1823 Г. ИЗЪ КИШИНЕВА).

О промахахъ современныхъ писателей.

Душа моя, какъ перевести по-русски bévues [2])? Дожно бы издавать у насъ журналъ: Revues des bévues [3]) — мы помѣстили бы тамъ выписки изъ критикъ Воейкова, полуденную денницу Рылѣева [4]), его же гербъ россійскій на вратахъ византійскихъ [5]) (во время Олега герба русскаго не было—а двуглавый орелъ есть гербъ византійскій и значитъ раздѣленіе имперіи на Западную и Восточную—у насъ же онъ ничего не значитъ). Повѣришь ли, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи нашихъ журналовъ, чтобъ не найти съ десятокъ этихъ bévues. Поговори объ этомъ съ нашими.

18.

Изъ письма къ Л. С. Пушкину.

(30 ЯНВАРЯ 1823 Г. ИЗЪ КИШИНЕВА).

О „Полярной Звѣздѣ“, альманахѣ на 1823 г., А. А. Бестужева; о своихъ стих.: „Къ Овидію“ [6]) и „Война“ [7]), помѣченныхъ здѣсь двумя звѣздочками вм. имени автора; о стихахъ Гнѣдича и Дельвига.

Бестужевъ прислалъ мнѣ „Звѣзду“—эта книга достойна всякаго вниманія; жалѣю, что Баратынскій поскупился—я надѣялся на него. Каковы стихи къ Овидію? Душа моя, и „Русланъ“ и Noël [8])—все дрянь въ сравненіи съ ними. Ради Бога, люби двѣ звѣздочки; онѣ обѣщаютъ достойнаго соперника знаменитому Панаеву [9]), знамени-

---

[1]) т. е. „Б. изъ Рима“ (см. выше № 13).

[2]) Bévue—погрѣшность, промахъ.

[3]) „Обозрѣніе промаховъ“.

[4]) Средь мрачной и сырой темницы,
Куда лишь въ *полдень* проникалъ,
Скользя по сводамъ, лучъ *денницы*
(„Богд. Хмѣльницкій“, дума Рылѣева).
Ошибка эта была Рылѣевымъ исправлена.

[5]) Прибилъ свой щитъ съ *гербомъ России*
Къ царьградскимъ воротамъ
(„Олегъ вѣщій“, дума его же).

[6]) См. т. I, № 71.

[7]) См. т. I, № 69.

[8]) Одинъ изъ раннихъ памфлетовъ Пушкина.

[9]) Вл. Ив. Панаевъ (1792—1859)

тому Рылѣеву и прочимъ знаменитымъ нашимъ поэтамъ. „Мечта воина“ [10]) привела въ задумчивость воина, чтó служитъ въ иностранной коллегіи и находится нынѣ въ бессарабской канцеляріи. Эта „Мечта“ напечатана съ ошибочнаго списка—призванье вмѣсто взыванье [11]); тревожныхъ думъ [12]) — слово употребляемое знаменитымъ Рылѣевымъ, но которое по-русски ничего не значитъ. „Воспоминаніе и брата и друзей“ — [13]) стихъ трогательный, а въ „Звѣздѣ“ просто плоскій....

Гнѣдичъ у меня перебиваетъ лавочку—„Увы напрасно ждалъ тебя женихъ печальный [14]) и пр. непростительно прелестно. Зналъ бы своего Гомера, а то и намъ не будетъ мѣста на Парнасѣ. — Дельвигъ, Дельвигъ! пиши ко мнѣ и прозой, и стихами; благословляю и поздравляю тебя—добился ты наконецъ до точности языка—единственной вещи, которой у тебя недоставало: en avant! marche!

19.

Изъ письма къ А. А. Бестужеву.

(13 іюня 1823 г. изъ Кишинева).

Съ отзывомъ о двухъ повѣстяхъ самого А. А. Бестужева и съ замѣчаніемъ о его „Взглядѣ на старую и новую словесность въ Россіи“ (о Радищевѣ, Майковѣ и Осиповѣ); о собственныхъ „Братьяхъ-разбойникахъ“.

Милый Бестужевъ, позволь мнѣ первому перешагнуть чрезъ приличія и сердечно поблагодарить тебя за „Полярную Звѣзду“, за твои письма, за статью о литературѣ, за „Ольгу“, и особенно за „Вечеръ на бивакѣ“ [1])! Все это ознаменовано твоей печатью, т. е. умомъ и чудесной живописью. О „Взглядѣ“ можно бы намъ поспорить на досугѣ. Признаюсь, что ни съ кѣмъ мнѣ такъ не хочется спорить, какъ съ тобою да съ Вяземскимъ: вы одни можете разгорячить меня. Покамѣстъ жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ статьѣ о русской словесности забыть Радищева [2])? Кого же мы будемъ помнить? Это молчаніе непростительно ни тебѣ, ни Гречу: я отъ тебя его не ожидалъ. Еще слово: зачѣмъ хвалить холоднаго, однообразнаго Осипова [3]), и обижать Майкова [4])? „Елисей“ истинно смѣшонъ... „Разбойниковъ“ я сжегъ—и подѣломъ. Одинъ отрывокъ уцѣлѣлъ въ рукахъ у Ник. Раевскаго. Если отечественные звуки:

—идилликъ, нынѣ забытый. Въ 1822 г. Пушкинъ написалъ на него эпиграмму:

Русскому Геснеру.

Куда ты холоденъ и сухъ!
Какъ слогъ твой чопоренъ и блѣденъ!
Какъ въ изобрѣтеньяхъ ты бѣденъ!
Какъ утомляешь ты мой слухъ!
Твоя пастушка, твой пастухъ
Должны ходить въ овчинной шубѣ;
Ты ихъ морозишь на-легкѣ!
Гдѣ ты нашелъ ихъ? Въ шустеръ-клубѣ
Или на Красномъ кабачкѣ?

[10]) Подъ этимъ заглавіемъ было напечатано стих. Пушкина „Война“ Пол. Зв. 1823.

[11]) Въ стихѣ 14-мъ.—

[12]) вм. „привычныхъ думъ“ въ стихѣ 27-мъ.

[13]) Стихъ 23-й.

[14]) Стихъ въ „Тарентинской Дѣвѣ“ Гнѣдича.

[1]) „Романъ и Ольга, старинная повѣсть“ и „Вечеръ на бивакѣ“, очеркъ А. Бестужева.

[2]) См. выше стр. 131.

[3]) Ник. Петр. Осиповъ — авторъ „Энеиды, вывороченной наизнанку“ (1791—1808) и такихъ же „Превращеній Овидія“ (1803) (См. т. II, стр. 22, вын. 4).

[4]) В. И. Майковъ—авторъ шуточной поэмы „Елисей“.

харчевня, кнутъ, острогъ не напугаютъ нѣжныхъ ушей читательницъ „Полярной Звѣзды“, то напечатай его [5]). Впрочемъ чего бояться читательницъ? Ихъ нѣтъ и не будетъ на русской землѣ...

20.

Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому.

(14 окт. 1823 г. изъ Одессы).

О кн. Шаховскомъ и Стурдзѣ. О „Братьяхъ-разбойникахъ“, „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ и стихахъ кн. Вяземскаго.

Дружба твоя съ Шаховскимъ [1]) радуетъ миролюбивую мою душу. Онъ, право, добрый малый, изрядный авторъ... Вотъ тебѣ новость въ томъ же родѣ. Здѣсь Стурдза монархическій [2]); я съ нимъ не только пріятель, но кой о чемъ и мыслимъ одинаково, не лукавя другъ передъ другомъ. Читалъ ли ты его послѣднюю brochure о Греціи?

Замѣчанія твои насчетъ моихъ „Разбойниковъ“ несправедливы; какъ сюжетъ, c'est un tour de force.

Это не похвала, напротивъ; но какъ слогъ—я ничего лучше не написалъ [a]. „Бахчисарайскій Фонтанъ“, между нами,—дрянь, но эпиграфъ его—прелесть. Кстати объ эпиграфахъ, знаешь ли эпиграфъ „Кавк. Плѣнника“?

Подъ бурей рока—твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти—легкій листъ [3])?

Понимаешь, почему не оставилъ его? Но за твои четыре стиха я бы отдалъ три четверти своей поэмы.

21.

Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому.

(4 ноября 1823 г. изъ Одессы).

Въ черновомъ текстѣ этого письма, несравненно болѣе полномъ, заключаются мысли объ А. Шенье [4]), о французскихъ романтикахъ, о Рылѣевѣ, И. Дмитріевѣ и др.

Перечитывая твои письма, беретъ меня охота спорить... Говоря о романтизмѣ, ты гдѣ-то пишешь, что даже стихи со времени революціи имѣютъ новый образъ, и упоминаешь объ А. Шенье. Никто болѣе меня не уважаетъ, не любитъ болѣе этого поэта, но онъ истинный грекъ, изъ классиковъ классикъ. C'est un imitateur savant [5]). Отъ него такъ и пахнетъ Ѳеокритомъ и Анѳологіей. Онъ освобожденъ отъ итальянскихъ concetti и отъ французскихъ anti-

[a] *Въ черннов. прибавлено*: кромѣ посланія къ Овидію.

---

[5]) Напеч. въ „Полярной Звѣздѣ“ 1825 г.

[1]) Кн. Алекс. Алекс. Шаховской (1777—1846)—драматич. писатель, авторъ комедіи „Липецкія воды“.

[2]) Алекс. Скарлат. Стурдза (1791—1854)—писатель и дипломатъ, котораго за его строгія церковныя и монархическія правила Пушкинъ называлъ „библическимъ“ и „монархическимъ“. Въ 1823 г. онъ издалъ брошюру на фр. яз.: „Греція въ 1821 и 1822 годахъ“.

[3]) Эти 2 стиха взяты изъ посланія кн. Вяземскаго къ гр. Ѳ. И. Толстому („американцу“, см. т. I, стр. 119), а Пушкинъ былъ теперь въ ссорѣ съ нимъ.

[4]) О Шенье см. т. I, № 96.

[5]) т. е.: „Это ученый подражатель“.

thèses, но романтизма въ немъ нѣтъ еще ни капли... Первыя думы Ламартина въ своемъ родѣ едва ли не лучше думъ Рылѣева; послѣднія прочелъ я недавно и еще не опомнился: такъ онъ вдругъ выросъ! Парни—древній, Millevoye—ни то, ни се, но хорошъ только въ мелочахъ элегическихъ. Lavigne—школьникъ Вольтера и бьется въ старыхъ сѣтяхъ Аристотеля. Романтизма нѣтъ еще во Франціи, а онъ-то и возродитъ умершую поэзію. Помни мое слово—первый поэтическій геній въ отечествѣ Буало ударится въ такую свободу—что что́ твои нѣмцы! Покамѣстъ во Франціи поэтовъ менѣе, чѣмъ у насъ... О Дмитріевѣ спорить съ тобою не стану, хоть всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова, всѣ его сатиры—одного изъ твоихъ посланій, а все прочее—перваго стихотворенія Жуковскаго. Сказки написаны въ дурномъ родѣ, холодны и растянуты. „Ермакъ"—такая дрянь, что мочи нѣтъ. По мнѣ, Дмитріевъ ниже Нелединскаго—и стократъ ниже стихотворца-Карамзина. Хорошъ русскій поэтъ, poète de notre civilisation [7]),—хороша и наша civilisation! Грустно мнѣ видѣть, что у насъ все клонится Богъ знаетъ куда,—ты одинъ бы могъ прикрикнуть налѣво и направо, порастрясти старыя репутаціи, приструнить новыя и показать имъ часть истины, а ты покровительствуешь старому вралю [8]).... и (пренебрегаешь?) нами и, что всего хуже, бросилъ поэзію,—этого я переварить не въ силахъ.

Что тебѣ пришло въ голову оперу писать и закабалить поэзію музыкѣ? Чинъ чина почитай,—я бы и для Россини не пошевелился.

(Далѣе Пушкинъ сообщаетъ о своемъ новомъ трудѣ—„Евгеніи Онѣгинѣ", см. т. IV, стр. А. 166).

22.

Изъ письма къ бар. А. А. Дельвигу.

(16 ноября 1823 г. изъ Одессы).

О сонетахъ Дельвига, о Языковѣ и Баратынскомъ, по поводу слѣдующаго сонета перваго: „Н. М. Языкову".

„Младой пѣвецъ, дорогою прекрасной
Тебѣ итти къ парнасскимъ высотамъ,
Тебѣ вѣнокъ (повѣрь моимъ словамъ)
Плететъ Амуръ съ Каменой сладкогласной.
  Отъ раннихъ лѣтъ я пламень не напрасный
Храню въ душѣ, благодаря богамъ,
Я имъ влекомъ къ возвышеннымъ пѣвцамъ
Съ какою-то любовію пристрастной.

[7]) т. е.: „поэтомъ нашей цивилизаціи".

[8]) Пушкинъ имѣетъ въ виду „Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева" (1828) кн. Вяземскаго, гдѣ дѣйствіе на общій вкусъ поэзіи Дмитріева онъ приравниваетъ дѣйствію Ломоносова и Державина; сказку „Причудницу" называетъ „драгоцѣннѣйшимъ жемчугомъ его вѣнца", а поэму „Ермакъ"—„мрачной и угрюмой картиной, въ коей поэзія—та же живопись", и наконецъ „не находитъ въ поэтѣ порока коренного, отличительнаго и неразлучнаго съ похвальными его свойствами", которыя опредѣляетъ такъ: „Правильность языка, красивость слога, свободность стихосложенія, вѣрный вкусъ, умъ острый и замысловатый, воображеніе не стремительное, но живое, насмѣшливость не язвительная, но колкая, совершенство отдѣлки и вообще тотъ глянецъ искусства, который преимущественно замѣтенъ въ твореніяхъ французовъ и придаетъ послѣдній блескъ красотѣ".

Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,
Съ нимъ раздѣлялъ и грусть и наслажденье,
И первый я его услышалъ пѣнье,
И за себя боговъ благословилъ.
Пѣвца Пировъ [3]) я съ Музой подружилъ,
И славой ихъ горжусь въ вознагражденье".

Затѣмъ нѣсколько словъ о „Бахчисарайскомъ фонтанѣ".

Надняхъ попались мнѣ твои прелестные сонеты — прочелъ ихъ съ жадностью, восхищеніемъ и благодарностію за вдохновенное воспоминаніе дружбы нашей. Раздѣляю твои надежды на Языкова и давнюю любовь къ непорочной музѣ Баратынскаго. Жду и не дождусь появленія въ свѣтъ вашихъ стиховъ... Сатира къ Гнѣдичу [4]) мнѣ не нравится, даромъ что стихи прекрасные; въ нихъ мало перца. „Сомовъ [5]) безмундирный"—непростительно. Просвѣщенному ли человѣку, русскому ли сатирику пристало смѣяться надъ независимостью писателя?.. Ты просишь „Бахчисарайскаго Фонтана" — онъ надняхъ отосланъ къ Вяземскому. Это безсвязные отрывки, за которые ты меня пожуришь, а все-таки похвалишь. Пишу теперь новую поэму, въ которой забалтываюсь до-нельзя... [6]).

23.

Изъ письма къ Л. С. Пушкину.

(Въ январѣ 1824 г. изъ Одессы).

О переводѣ Лобанова „Расиновой „Федры".

... Что до славы, то ею въ Россіи мудрено довольствоваться. Русская слава можетъ льстить какому-нибудь В. Козлову, которому льстятъ и петербургскія знакомства, а человѣкъ немного порядочный презираетъ и тѣхъ и другихъ. Mais pourquoi chantais-tu [1])? На сей вопросъ Ламартина отвѣчаю: я пѣлъ, какъ булочникъ печетъ, портной шьетъ, Козловъ пишетъ, лѣкарь моритъ—за деньги, за деньги, за деньги—таковъ я въ наготѣ моего цинизма [2]). Плетневъ пишетъ мнѣ, что „Бахчисарайскій Фонтанъ" у всѣхъ въ рукахъ [3]). Благодарю васъ, друзья мои, за ваше милостивое попеченіе о моей славѣ! Благодарю въ особенности Тургенева [4]), моего благодѣтеля; благодарю Воейкова, моего высокаго покровителя и знаменитаго друга! остается узнать, раскупится ли хоть одинъ экземпляръ печатный тѣми, у которыхъ есть полныя рукописи; но это бездѣлица—поэтъ не долженъ думать о своемъ пропитаніи, и долженъ, какъ Корниловичъ, писать съ надеждою сорвать улыбку прекраснаго пола [5]). Душа моя, меня тошнитъ съ досады—на что ни взгляну, все такая

---

[3]) „Пиры" — поэма Баратынскаго.— [4]) Посланіе къ Гнѣдичу Рылѣева.—[5]) Ор. Мих. Сомовъ жилъ исключительно литературнымъ трудомъ.

[6]) См. т. IV, стр. А. 166.

[1]) т. е.: „Но почему же ты пѣлъ?"— [2]) Какъ рѣшалъ Пушкинъ этотъ вопросъ серьёзно—см. въ томѣ I вводную статью къ стих.: „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ" (№ 89), написанному въ томъ же году, какъ и это письмо.—[3]) т. е., что онъ расходится въ рукописяхъ. — [4]) Александра Ивановича.—[5]) А. О. Корниловичъ—издатель альманаха: „Русская Старина, карманная книжка для любителей отечественнаго на 1825 г.". Въ предисловіи къ этому альманаху находится осмѣива-

гадость, такая подлость, такая глупость — долго ли этому быть? Кстати о гадости—читалъ я „Федору" Лобанова [6])—хотѣлъ писать на нее критику, не ради Лобанова, а ради маркиза Расина — перо вывалилось изъ рукъ—и объ этомъ у васъ шумятъ, и это называютъ ваши журналисты прекраснѣйшимъ переводомъ извѣстной трагедіи г. Расина! Voulez vous découvrir la trace de ses pas [7])—

Надѣешься найти
Тезея жаркій слѣдъ, иль темные пути—

... вотъ какъ все переведено. А чѣмъ и держится Иванъ Ивановичъ Расинъ, какъ не стихами, полными смысла, точности и гармоніи! Планъ и характеръ „Федры"—верхъ глупости и ничтожества въ изобрѣтеніи; Тезей не что иное, какъ первый Мольеровъ рогачъ; Ипполитъ, le superbe, le fier Hyppolyte—et même un peu farouche [8]), Ипполитъ, суровый скиѳъ... — не что иное, какъ благовоспитанный мальчикъ, учтивый и почтительный —

D'un mensonge si noir... и проч. [9]).

Прочти всю хваленую тираду, и удостовѣришься, что Расинъ понятія не имѣетъ объ созданіи трагическаго лица — сравни его съ рѣчью молодаго любовника Паризины Байроновой, увидишь разницу умовъ. А Тераменъ, аббатъ и — vous même où seriez vous,

---

емая Пушкинымъ фраза. См. ниже выноску къ письму 28.—[6]) т. е. „Федру" Расина (1677) въ переводѣ М. Лобанова (Спб. 1823).—[7]) т. е. „Хочешь ли отыскать слѣдъ его шаговъ".—[8]) т. е.: „высокомѣрный, гордый Ипполитъ—и даже нѣсколько дикій".—[9]) Пушкинъ имѣетъ въ виду рѣчь Ипполита Тезею во 2-й сц. IV акта „Федры":

D'un mensonge si noir justement irrité,
Je devrois faire ici parler la vérité,
Seigneur; mais je supprime un secret qui vous touche,
Approuvez le respect qui me ferme la bouche,
Et sans vouloir vous-même augmenter vos ennuis,
Examinez ma vie, et songez qui je suis.
Quelques crimes toujours précèdent les grands crimes;
Quiconque a pu franchir les bornes légitimes
Peut violer les droits les plus sacrés:
Ainsi que la vertu, le crime a ses degrés;
Et jamais on n'a vu la timide innocence
Passer subitement à l'extrême licence.
Un seul jour ne fait point d'un mortel vertueux
Un perfide assassin, un lâche incestueux.
Elevé dans le sein d'une chaste héroïne,
Je n'ai point de son sang démenti l'origine.
Pitthée, estimé sage entre tous les humains,
Daigna m'instruire encore au sortir de ses mains.
Je ne veux point me peindre avec trop d'avantage;
Mais si quelque vertu m'est tombée en partage,
Seigneur, je crois surtout avoir fait éclater
La haine des forfaits qu'on ose m'imputer.
C'est par-là qu'Hyppolyte est connu dans la Grèce.
J'ai poussé la vertu jusque à la rudesse:
On sait de mes chagrins l'inflexible rigueur.
Le jour n'est pas plus pur que le fond de mon coeur.
Et l'on veut qu'Hyppolyte, épris d'un feu profane...

(т. е.: „Справедливо возмущенный черной ложью, я долженъ бы былъ заставить говорить теперь истину, государь; но меня сдерживаетъ тайна, васъ касающаяся. Оцѣните то чувство, которое замыкаетъ мнѣ уста, и не желая увеличивать свои тревоги, вглядитесь въ мою жизнь и подумайте, кто я. Какіе-нибудь проступки всегда предшествуютъ большимъ преступленіемъ; кто могъ перейти чрезъ предѣлы законнаго, тотъ можетъ посягнуть на самыя священныя права: какъ добродѣтель, такъ и порокъ имѣетъ свои ступени, и никогда не видано, чтобы скромная невинность внезапно перешла къ крайней разнузданности. Добродѣтельный смертный не пересоздается однимъ днемъ въ вѣроломнаго убійцу, въ низкаго кровосмѣ-

etc... — вотъ глубина глупости! Съ Рылѣевымъ мирюсь: „Войнаровскій“ полонъ жизни [10])...

24.

Изъ письма къ А. А. Бестужеву.

(12 января 1824 г. изъ Одессы).

Приводимъ стихотвореніе Баратынскаго „Признаніе“, упоминаемое здѣсь Пушкинымъ, по тексту Полярной Звѣзды 1824 г., гдѣ оно явилось впервые:

Притворной нѣжности не требуй отъ меня:
Я сердца моего не скрою хладъ печальный.
Ты пра́ва, въ немъ ужъ нѣтъ прекраснаго огня
Моей любви первоначальной...
Напрасно я себѣ на память приводилъ
И милый образъ твой, и прежнія мечтанья:
Безжизненны мои воспоминанья.
Я клятвы далъ, но далъ ихъ выше силъ.
Спокойна будь: я не плѣненъ другою;
Душой моей досель владѣла ты одна;
Но тѣнью легкою прошла моя весна:
Подъ бременемъ заботъ я изнемогъ душою.
Утихнуло волненіе страстей,
Промчались дни; безъ пищи, самъ собою
Огонь любви погасъ въ душѣ моей.
Вѣрь, бѣденъ я одинъ: любви я знаю цѣну,
Но сердцемъ жить не буду вновь,
Вновь не забудусь я: измѣной за измѣну
Мститъ оскорбленная любовь.
Предательства вѣрнѣй узнавъ науку,
Служа приличію, Фортунѣ иль Судьбѣ,
Подругу нѣкогда я выберу себѣ,
И безъ любви отдать рѣшусь ей руку.
Въ сіяющій и полный ликовъ храмъ,
Обычаю безчувственно послушный,
Введу ее, и дѣвѣ простодушной
Я клятву жалкую во мнимой страсти дамъ...
И вѣсть къ тебѣ придетъ, но не завидуй намъ—
Не насладимся мы взаимностью отрадной,
Сердечной прихоти мы воли не дадимъ,
Мы не сердца Гимена связью хладной—
Мы жребій свой одинъ соединимъ.

сителя. Вскормленный на лонѣ цѣломудренной героини, я не опозорилъ кровь своего рода. Питей, мудрецъ уважаемый среди всѣхъ людей, благоволилъ наставлять меня по окончаніи моего воспитанія. Не хочу преувеличивать своихъ достоинствъ, но если какая-нибудь добродѣтель принадлежитъ мнѣ, то смѣю думать, государь, что болѣе всего я проявилъ ненависть къ тѣмъ преступленіямъ, которыя осмѣливаются взводить на меня. Вотъ чѣмъ извѣстенъ Ипполитъ во всей Греціи. Я довелъ добродѣтель до жесткости: кому не извѣстна непоколебимая сила моихъ страданій? Не такъ ясенъ день, какъ глубина души моей. И хотятъ, чтобы Ипполитъ, охваченный огнемъ нечистымъ...)

[10]) См. т. II, стр. 149—151.

Прости, забудь меня; мы вмѣстѣ или донынѣ.
Путь новый избралъ я; путь новый избери,
Печаль безплодную разсудкомъ усмири,
Какъ я, безропотно покорствуя судьбинѣ.
Не властны мы въ самихъ себѣ,
И слишкомъ вѣтренно въ младыя наши лѣты
Даемъ нескромные обѣты,
Смѣшные, можетъ быть, всевидящей Судьбѣ!

Ты — все ты, т. е. милъ, живъ, уменъ; Баратынскій—прелесть и чудо. Признаніе—совершенство! Послѣ него никогда не стану печатать своихъ элегій, хотя бы наборщикъ клялся мнѣ Евангеліемъ поступать со мною милостивѣе. Рылѣева Войнаровскій несравненно лучше всѣхъ его Думъ: слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти еще нѣтъ. Дельвигъ — молодецъ. Я буду ему писать...

25.

Изъ письма къ А. А. Бестужеву.

(8 февраля 1824 г. изъ Одессы).

Произведенія о которыхъ упоминаетъ въ этомъ письмѣ Пушкинъ: повѣсть А. Бестужева „Замокъ Нейгаузенъ", напечатанная въ „Полярной Звѣздѣ" на 1824 г.; арабская сказка—„Витязь буланаго коня" О. И. Сенковскаго; мадригалъ Родзянки: „Къ милой", оканчивающійся стихами:

Вчера, сегодня, безпрестанно
Люблю и мыслю о тебѣ.

Стих. Плетнева „Родина", напечатано въ той же книжкѣ „Полярной Звѣзды". Вотъ оно:

Есть любимый сердца край;
Память съ нимъ не разлучится:
Бездны моря преплывай,
Онъ вездѣ невольно снится.
Помнишь хижинъ скромныхъ рядъ
Съ холма къ берегу идущій,
Гдѣ стоитъ знакомый садъ
И журчитъ ручей бѣгущій?
Видишь: гнется до зыбей
Распустившаяся ива,
И цвѣтетъ среди полей
Зеленѣющая нива.
На лугахъ, въ тѣни кустовъ,
Стадо вольное играетъ;
Мнится, вѣтеръ съ тѣхъ луговъ
Запахъ милый навѣваетъ.
Лицъ привѣтливыхъ черты,
Слуху сладостныя рѣчи
Узнаешь въ забвеньи ты
Безъ привѣта и безъ встрѣчи.
Возвращаешь давнихъ дней
Неоплаканную радость,
И опять объемлешь съ ней
Обольстительницу-радость.
Долго ль мнѣ въ мечтѣ одной
Зрѣть тебя, страна родная,
И безплодной жить тоской,
Къ небу руки простирая?
Хоть бы разъ глаза возвесть
Далъ мнѣ рокъ на кровъ домашній,
И съ родными рядомъ сѣсть
За некупленныя брашны!

Тамъ же были помѣщены піесы Баратынскаго: „Признаніе" (см. вступ. зам. къ письму 27) и извѣстное стих.: „Истина". Стихотворенія самого Пушкина, помѣщенныя въ той же книжкѣ „Пол. Звѣзды": „Адель" (А. В. Давыдовой), „Домовому" (см. т. I, № 40), „Друзьямъ", „Къ Морфею", „Къ портрету кн. Вяземскаго" (см. т. I, № 72), „Нереида", „Посланіе къ В. Л. Пушкину", „Рѣ-

дѣетъ облаковъ летучая гряда" (см. т. I. № 52) и „Элегія": „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты".

О твоей повѣсти въ Полярной Звѣздѣ скажу, что она не въ примѣръ лучше (т. е. занимательнѣе) тѣхъ, которыя были напечатаны въ прошломъ годѣ, et c'est beaucoup dire. Корниловичъ славный малый и много обѣщаетъ, но зачѣмъ пишетъ онъ: для снисходительнаго вниманія, милостивый государь NN и ожидаетъ одобрительной улыбки прекраснаго пола, для продолженія любопытныхъ своихъ трудовъ [1])? Все старо, ненужно и слишкомъ уже пахнетъ Шаликовскою невинностью. Булгаринъ говоритъ, что Николай Бестужевъ отличается новостію мыслей; можно бы съ бóльшимъ уваженіемъ употреблять слово мысли [2]).

Арабская сказка — прелесть. Совѣтую тебѣ держать за воротъ этого Сенковскаго. Между поэтами, не вижу Гнѣдича—это досадно; нѣтъ и Языкова — и его жаль... мадригалъ А. Родзянки можно бы оставить покойному Нахимову [a]. „Вчера люблю и мыслю" помѣстятъ современемъ въ грамматику для примѣра безсмыслицы. Плетнева Родина хороша; Баратынскій—чудо; мои піесы плохи. Вотъ тебѣ и все о Полярной.

... Ты требуешь отъ меня десятка пьесъ, какъ будто у меня ихъ сотни. Едва ли наберу ихъ и пятокъ, да и то не забудь моихъ отношеній съ цензурой. Даромъ у тебя брать денегъ не стану; къ тому же я обѣщалъ Кюхельбекеру, которому вѣрно мои стихи нужнѣе, нежели тебѣ...

26.

Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому.

(отъ 8 марта 1824 г., изъ Одессы).

Приводимъ главныя мысли изъ статьи кн. Вяземскаго: „Замѣчанія на краткое обозрѣніе русской литературы 1822 г., напечатанной въ № 5 Сѣвернаго Архива 1823 г.", которую Пушкинъ называетъ здѣсь „лучшею изъ полемическихъ статей его".

„... Полуистины вреднѣе въ нашемъ быту, чѣмъ гдѣ-нибудь. Тамъ, гдѣ истины обнародываются множествами голосовъ, мнѣнія превратныя прямятся мнѣніемъ общественнымъ, или заглушаются и погибаютъ непримѣтно. У насъ же каждый нечаянный звукъ долго отзывается и пріемлетъ нѣкоторую существенность... Справедливо ли полагаетъ онъ (г. Булгаринъ) причину недостатка въ хорошихъ авторахъ въ недостаткѣ читателей? Одинъ хорошій авторъ рождаетъ сотни читателей; но цѣлый народъ читателей не произведетъ ни единаго, даже посредственнаго автора..." „Честь занять мѣсто въ позлащенныхъ шкафахъ свѣтскаго человѣка, о коихъ упоминаетъ г. Булгаринъ, есть ненадежное вдохновеніе... Конечно, писателямъ поощреніе нужно, но не то, коего желаетъ имъ г. Булгаринъ. Не тутъ ищетъ онъ причины задержанія успѣховъ нашихъ на

[a] Въ чернов: а не печатать въ европейскомъ изданіи.

---

[1]) См. вып. 5 къ письму 26.

[2]) Николай Александровичъ Бестужевъ (1791—1855)—членъ Вольн. общ. люб. росс. слов., авторъ „Записокъ о Голландіи 1815 года" (Спб. 1821), и переводчикъ „Обожателей огня", вост. пов. Т. Мура (Спб. 1821).

литературномъ поприщѣ. Если не читатели зажигаютъ въ авторѣ искру дарованія, то еще болѣе не они налагаютъ на него оковы... Хорошія книги читаются у насъ охотно, или по крайней мѣрѣ, чтобы судить по наружности, охотно раскупаются. „Исторія Государства Россійскаго“, „Теорія о налогахъ“, „Опытъ о партизанскомъ дѣйствіи“, сочиненія различнаго содержанія и достоинства, но, однимъ словомъ, сочиненія европейскія, доведены въ скорое время до втораго изданія...“ „Охота къ чтенію, жажда познаній очевидно усиливается въ наше время и въ нашемъ поколѣніи. Нѣтъ сомнѣнія, что отличная часть читателей нашихъ преимущественно предается чтенію иностранныхъ книгъ; но не потому ли, что иностранныя произведенія удовлетворяютъ болѣе господствующимъ требованіямъ нашего поколѣнія, соглашаются болѣе съ степенью образованности умовъ?...“ „Утверждать, что у насъ не пишутъ отъ того, что не читаютъ, значитъ утверждать, что нѣмой не говоритъ отъ того, что его не слушаютъ. Развяжите языкъ нѣмаго, и онъ будетъ имѣть слушателей. Дайте намъ авторовъ; пробудите благородную дѣятельность въ людяхъ мыслящихъ, и читатели родятся. Они готовы, многіе изъ нихъ и вслушиваются, но ничего отъ насъ дослышаться не могутъ, и обращаются поневолѣ къ тѣмъ, кои не лепечутъ, а говорятъ...“ „Мысль г. Булгарина, что извѣстность лучшихъ литераторовъ нашихъ зависѣть должна обыкновенно отъ какихъ-нибудь благопріятныхъ обстоятельствъ, кажется мнѣ совершенно ошибочна и даже предосудительна какъ для самихъ дарованій, такъ для мнѣнія общественнаго. Державинъ, конечно, не чинамъ и почестямъ своимъ обязанъ, что Россія затвердила стихи его; но скорѣе можно опредѣлить, что дарованіе его было первою степенью успѣховъ его по службѣ...“ „Нельзя не замѣтить, что мы имѣемъ какое-то уничиженіе, намъ однимъ свойственное, уничиженіе, ослѣпляющее насъ на счетъ тѣхъ изъ соотечественниковъ нашихъ, коими по справедливости могли бы мы наиболѣе гордиться и передъ собою, и передъ иностранцами. Намъ все какъ будто не вѣрится, что можемъ въ числѣ современниковъ нашихъ имѣть писателей отличныхъ... Другіе спѣшили бы радоваться появленію свѣтила и привѣтствовать его чувствомъ признательнымъ—мы спѣшимъ утѣшиться тѣмъ, что и въ этомъ солнцѣ есть пятна. Сіе смиреніе нѣкоторыхъ, можетъ быть, впрочемъ и благонамѣренныхъ людей тѣмъ пагубнѣе, что оно нехотя угождаетъ и зависти, также по своимъ разсчетамъ не признающей дарованій, и если не въ заблужденіяхъ, то по крайней мѣрѣ въ дѣйствіяхъ своихъ сливается съ нею въ одно чувство...“ „Если г. Булгарину трудно повѣрить, чтобы нѣсколько легкихъ и мелкихъ прозаическихъ сочиненій (впрочемъ, на какихъ вѣсахъ опредѣляетъ онъ легкость и мелкость оныхъ сочиненій?), помѣщенныхъ въ московскихъ журналахъ, могли преобразовать языкъ до такой степени, на какой онъ находится въ наше время, то почему же вѣритъ и удостовѣряетъ онъ, что одинъ Ломоносовъ по справедливости назваться можетъ преобразователемъ языка? И Ломоносовъ написалъ не болѣе, какъ два похвальныя слова и слабое начертаніе русской исторіи. Его „Грамматика“ и „Реторика“, о коихъ упоминаетъ обозрѣватель, не могутъ утвердить за нимъ чести преобразованія: во 1-хъ, потому, что ни грамматика, ни реторика никогда не могутъ преобразовать языкъ, а только установить его правила, такъ сказать, собрать и обнародовать его законы; во 2-хъ, потому, что ни та, ни другая не остались у насъ не только классическими, но даже и классными, или училищными твореніями. Признать Ломоносова преобразователемъ русскаго стихосложенія — дѣло другое. Въ нашемъ стихотворствѣ и понынѣ, болѣе или менѣе, господствуютъ еще

правила и формы, имъ введенныя: но какъ назвать его преобразователемъ нынѣ существующаго прозаическаго слога, когда никто не пишетъ по его образцу?..“ „Упоминая о собраніи образцовыхъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ, кажется, обозрѣватель обязанъ былъ сказать утвердительно, что всѣ таковыя собранія, доселѣ у насъ вышедшія, погрѣшаютъ противъ изящности...“ „Извѣстіе о собраніи сочиненій гр. Хвостова должно было бы по справедливости оставить безъ уваженія, если бъ послѣднія строки не содержали мнѣнія, вовсе не обдуманнаго, хотя и выставленнаго съ какою-то увѣрительностію: „Легче и надежнѣе судить о поэтахъ, которые еще не перешли за средину своего литературнаго поприща, нежели о людяхъ, которые уже совершили оное“. Совсѣмъ напротивъ!.. „Нынѣ современная русская библіографія по бо́льшей части не что иное, какъ списокъ съ книжныхъ объявленій или, еще правильнѣе, выписка, безъ разборчивости составленная: ибо, когда съ точностію упоминается въ ней о бриллiантовыхъ книжкахъ для малыхъ дѣтей и тому подобныхъ, нѣкоторыя сочиненія, въ особенности же переводы, истинно-европейскаго достоинства, пропускаются безъ вниманія...“ „По истинѣ республика словесности не раздѣлена у насъ на партіи; но въ ней отдѣляется одна партія „посредственности“, не золотой, а развѣ свинцовой, не той, которую воспѣвалъ Горацій, но той, которая отъ современныхъ ему Бавіевъ и Мевіевъ считаетъ клевретовъ своихъ въ противникахъ писателей знаменитыхъ и образцовыхъ“. „Уважаю г. Гнѣдича и дарованіе его, многими опытами ознаменованное; но, самымъ уваженіемъ къ нему побуждаемый, скажу, не запинаясь, что, вопреки мнѣнію обозрѣвателя и многихъ другихъ, не признаю въ „Рыбакахъ“ его особенной услуги поэзіи. Мы слишкомъ очерствѣли; въ быту нашихъ Титировъ и Мелибеевъ такъ мало буколической изящности и свободы; вѣкъ ихъ такъ мало похожъ на золотой вѣкъ, что идилліи и эклоги наши, несмотря на достоинство стихосложенія, всегда будутъ холодны и пасмурны, какъ небо, которое бо́льшую часть года однимъ мракомъ одѣваетъ природу, вовсе не темпейскую“. „Намъ кажется неосновательнымъ упрекъ, дѣлаемый обозрѣвателемъ богатымъ русскимъ боярамъ, что они не любятъ по примѣру англичанъ, французовъ и нѣмцевъ предаваться трудностямъ отдаленнаго путешествія и ограничиваются обыкновенно Парижемъ, Италіею и Лондономъ. Далекія и неизвѣстныя страны могутъ возбуждать безпокойное или ученое любопытство иностранцевъ, кои, не выѣзжая изъ земель своихъ, пользуются всѣми сокровищами образованности государственной и зрѣлаго просвѣщенія, но наши путешественники, движимые другимъ любопытствомъ, ѣздятъ по классическимъ землямъ образованности европейской, чтобы удовлетворять потребностямъ, менѣе отвлеченнымъ и болѣе намъ сроднымъ. Не споримъ, что похвально отыскивать сокровенный источникъ Нила и разбирать на мѣстѣ таинственные іероглифы, но искать источники благосостоянія народовъ и правительствъ, учиться тайнамъ государственной науки въ тѣхъ странахъ, гдѣ преподается она издавна и всенародно, еще того похвальнѣе и стократъ полезнѣе“.

Упоминаемая въ этомъ же письмѣ „Жизнь Дмитріева“ есть „Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева“ при книгѣ: „Стихотворенія И. И. Дмитріева“, изд. 6-е. Спб. 1823.

Недавно прочелъ я твои давнишнія замѣчанія на Булгарина. Это лучшая изъ твоихъ полемическихъ статей. Жизни Дмитріева еще не видалъ; но, милый, грѣхъ тебѣ унижать нашего Крылова.

Твое мнѣніе должно быть закономъ въ нашей словесности, а ты по непростительному пристрастію судишь вопреки своей совѣсти и покровительствуешь чортъ знаетъ кому. И что такое Дмитріевъ? Всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова, всѣ его сатиры—одного изъ твоихъ посланій, а все прочее—перваго стихотворенія Жуковскаго. Ты его когда-то назвалъ le poète de notre civilisation [1]). Быть такъ, но хороша наша civilisation [2])!

27.

Изъ письма къ бар. А. А. Дельвигу.

(въ декабрѣ 1824 г., изъ Михайловскаго).

О „Путешествіи по Тавридѣ“ И. М. Муравьева-Апостола (вышло въ 1823, въ Спб.).

Путешествіе по Тавридѣ прочелъ я съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ. Я былъ на полуостровѣ въ тотъ же годъ и почти въ то же время, какъ и Иванъ Матвѣевичъ. Очень сожалѣю, что мы не встрѣтились. Оставляю въ сторонѣ остроумныя его изысканія; для повѣрки оныхъ потребны обширныя свѣдѣнія. Но знаешь ли, что̀ болѣе всего поразило меня въ этой книгѣ? Различіе нашихъ впечатлѣній... [3]).

28.

Изъ письма къ А. А. Бестужеву.

(послѣ 25 января 1825 г., изъ Михайловскаго).

Это отчетъ въ томъ впечатлѣніи, которое было произведено на Пушкина чтеніемъ „Горя отъ ума“ 11 января Пущинымъ, навѣстившимъ его въ Михайловскомъ [4]).

Слушалъ Чацкаго, но только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, коего онъ достоинъ. Вотъ что мелькомъ успѣлъ я замѣтить. Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признаннымъ. Слѣдственно не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его—характеры и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи Фамусовъ и Скалозубъ превосходны. Софья начертана не ясно... Молчалинъ не довольно рѣзко подлъ; не нужно ли было сдѣлать изъ него и труса? Старая пружина — но штатскій трусъ въ большомъ свѣтѣ между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. Les propos du bal, сплетни, разсказъ Репетилова о клубѣ, Загорѣцкій, всѣми отъявленный и вездѣ принятый—вотъ черты истинно-комическаго генія.—Теперь вопросъ: въ комедіи Горе отъ ума кто умное дѣйствующее лицо? Отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь ли, что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малый, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣ-

---

[1]) См. стр. 519, вып. 1. — [2]) Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ къ кн. Вяземскому Пушкинъ такъ отзывается объ „Извѣстіи о жизни и стих. Дмитріева“: „Недавно прочелъ я и жизнь Дмитріева. Все, что въ ней разсужденіе— прекрасно. Но эта статья—tour de force et affaire de parti“ (натяжка и дѣло партіи).

[3]) См. т. I, № 51, и т. II, № 5.

[4]) См. т. I, стр. 201—203.

довымъ) и напитавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями. Все, что говоритъ онъ, очень умно. Но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину?—Это непростительно.—Первый признакъ умнаго человѣка—съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и не метать бисера передъ Репетиловыми и т. п. Кстати, что такое Репетиловъ? Въ немъ два, три, десять характеровъ.—Зачѣмъ дѣлать его гадкимъ? Довольно того, что онъ вѣтренъ и глупъ съ такимъ простодушіемъ; довольно, чтобъ онъ признавался поминутно въ своей глупости, а не въ мерзостяхъ. Это смущеніе чрезвычайно ново на театрѣ, хоть кому изъ насъ не случалось конфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся. Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи, недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софьи къ Молчалину— прелестна — и какъ натуральна! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія; но Грибоѣдовъ, видно, не захотѣлъ—его воля.

О стихахъ я не говорю—половина должна войти въ пословицу. Покажи это Грибоѣдову; можетъ быть, я въ иномъ ошибся.—Слушая его комедію, я не критиковалъ, а наслаждался. Эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда уже не могъ я справиться.— По крайней мѣрѣ говорю прямо, безъ обиняковъ, какъ истинному таланту.

29.

Изъ письма къ Л. С. Пушкину.

(въ половинѣ февраля 1825 г., изъ михайловскаго).

Стихотвореніе Туманскаго, которое Пушкинъ называетъ „миленькой піеской“, было написано въ сентябрѣ 1824 г. и явилось въ „Новостяхъ литературы“ (февр. 1825) подъ заглавіемъ: „Дѣвушка влюбленному поэту“. Вотъ нѣсколько строфъ изъ этого стихотворенія:

1. Повѣрьте мнѣ—души своей
Не разгадали вы доселѣ:
Вамъ хочется любить сильнѣй,
Чѣмъ любите вы въ самомъ дѣлѣ.

2. Вы очень милы—вы поэтъ!
Творенья ваши всѣмъ отрада;
Но я должна, хоть и не рада,
Сказать, что въ васъ чего-то нѣтъ.
. . . . . .

4. Начну ль бесѣдовать я съ вами?
Какъ будто сидя съ авторами,
Вамъ замѣчательнѣй всего
Ошибки слога моего.
. . . . . .

8. Съ душой, надеждою согрѣтой,
Хочу, въ дни лучшіе мои,
Любимой быть я—для любви,
А не затѣмъ, чтобъ быть воспѣтой.

Элегія Туманскаго, упоминаемая тутъ же, написана въ августѣ 1824 года. Вотъ она:

На скалы, на холмы глядѣть безъ наглядѣнья;
Подъ каждымъ деревомъ искать успокоенья;
Питать бездѣйствіемъ задумчивость свою;
Подслушивать въ горахъ журчащую струю,
Иль звонкое о брегъ плесканье океана;
Подъ зыбкой пеленой вечерняго тумана
Взирать на облака, разбросанны кругомъ
Въ узорахъ и цвѣтахъ и въ блескѣ золотомъ,—
Вотъ жизнь моя въ странѣ, гдѣ кипарисы сѣни
Средь лавровъ возрастя, приманиваютъ къ лѣни,

Гдѣ хижины татаръ вѣнчаетъ виноградъ,
Гдѣ роща каждая есть благовонный садъ.

Фуше, о запискахъ котораго упоминаетъ здѣсь Пушкинъ, былъ министромъ полиціи при Наполеонѣ I и славился какъ искусный сыщикъ и шпіонъ.

Ты мнѣ не присылаешь Conversations de Byron, добро! но милый мой, если только возможно — отыщи, купи, выпроси, укради записки Фуше, и давай мнѣ ихъ сюда; за нихъ отдалъ бы я всего Шекспира; ты не воображаешь, что такое Fouché! Онъ, по мнѣ, очаровательнѣе Байрона. Эти записки должны быть сто разъ поучительнѣе, занимательнѣе, ярче записокъ Наполеона, т. е. какъ политика, потому что въ войнѣ я ни чорта не понимаю. На своей скалѣ (прости, Боже, мое согрѣшеніе!) Наполеонъ поглупѣлъ — вопервыхъ лжетъ какъ ребенокъ (т. е. замѣтно); во-вторыхъ, судитъ о такомъ-то не какъ Наполеонъ, а какъ парижскій памфлетёръ, какой-нибудь Прадтъ или Гизо. Мнѣ что-то очень, очень кажется, чте Bertrand и Montholon подкуплены! Тѣмъ болѣе, что самыхъ важныхъ свѣдѣній именно и не находится. Читалъ ты записки Napoléon? Если нѣтъ, такъ прочти. Это, между прочимъ, прекрасный романъ, mais tout ce qui est politique n'est fait que pour la canaille [1]).

Довольно о вздорѣ, поговоримъ о важномъ. Мой Коншинъ [2]) написалъ, ей-Богу, миленькую пьесу: „Дѣвушка влюбленному поэту“—кромѣ автора́ми [3]), А куда онъ, Коншинъ! Его Элегія въ „Цвѣтахъ“ какова? Твое сужденіе о комедіи Грибоѣдова слишкомъ строго. Бестужеву писалъ я объ ней подробно; онъ покажетъ тебѣ письмо мое [4]).

30.

Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому.

(19 февраля 1825 г., изъ Михайловскаго).

О кн. Шаликовѣ.

Онѣгинъ напечатанъ; думаю, уже выступилъ въ свѣтъ. Ты увидишь въ разговорѣ поэта и книгопродавца [1]) мадригалъ кн. Шаликову. Онъ милый поэтъ, человѣкъ достойный уваженія, и надѣюсь, что искренняя и полная похвала съ моей стороны не будетъ ему непріятна. Онъ именно поэтъ прекраснаго пола. Il a bien mérité du sexe, et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement [6]).

---

[1]) т. е.: „но все политическое пригодно лишь для сволочи“.

[2]) Пушкинъ такъ называетъ здѣсь В. И. Туманскаго.

[3]) См. выше 2-й стихъ 4 строфы.

[4]) См. выше пис. 31.

[1]) Въ „Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ“ 107-й стихъ: „Пускай ихъ (прелестные глаза и волшебныя уста) Шаликовъ поетъ“ (см. т. I № 89). Въ письмѣ 25 мая къ кн. Вяземскому Пушкинъ писалъ: „Спросите у братца Леона: онъ скажетъ вамъ, что, увидѣвъ у меня имя кн. Шаликова, онъ присовѣтовалъ мнѣ замѣнить его Батюшковымъ. Я было и послушался, да стало жаль, et j'ai remis bravement Chalikof (и я храбро возстановилъ Шаликова). Это могу доказать черновою бумагою. При новой перепечаткѣ „Разговора“ Пушкинъ замѣнилъ имя Шаликова словомъ: юноша.

[6]) т. е.: „онъ сослужилъ службу этому полу, и я очень доволенъ тѣмъ, что заявилъ объ этомъ публично“.

31.

Изъ письма къ Н. И. Гнѣдичу.

(23 февраля 1825 г., изъ Михайловскаго).

Темы для поэмъ.

Братъ говоритъ мнѣ о скоромъ совершеніи вашего Гомера. Это будетъ первый классическій, европейскій подвигъ въ нашемъ отечествѣ. Но отдохнувъ послѣ Иліады, что предпримете вы въ полномъ цвѣтѣ генія, возмужавъ во храмѣ Гомеровомъ, какъ Ахиллъ въ вертепѣ Кентавра? Я жду отъ васъ эпической поэмы. Тѣнь Святослава скитается не воспѣтая — писали вы мнѣ когда-то. А Владиміръ? А Мстиславъ? А Донской? А Ермакъ? А Пожарскій? Исторія народа принадлежитъ поэту.

Когда вашъ корабль, нагруженный сокровищами Греціи, входитъ въ пристань при ожиданіи толпы — стыжусь вамъ говорить о моей мелочной лавкѣ № 1. Много у меня начато; ничего не кончено. Сижу у моря, жду перемѣны погоды. Ничего не пишу, а читаю мало, потому что вы мало печатаете.

32.

Изъ письма къ А. А. Бестужеву.

(21 марта 1825 г., изъ Михайловскаго).

Письмо вызвано статьею А. А. Бестужева: „Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1824 и въ началѣ 1825 года“ въ „Полярн. Звѣздѣ“ на 1825 г. Пушкинъ получилъ ее еще до выхода альманаха.

Отвѣчаю на первый параграфъ твоего Взгляда. „У римлянъ вѣкъ посредственности предшествовалъ вѣку геніевъ“. Грѣхъ отнять это титло у такихъ людей, каковы Виргилій, Горацій, Тибуллъ, Овидій и Лукрецій, хоть они, кромѣ двухъ послѣднихъ (виноватъ! Горацій не подражатель), шли столбовой дорогой подражанія. Критики греческой мы не знаемъ. Въ Италіи Dante и Petrarca предшествовали Тассу и Аріосту; сіи предшествовали Alfieri и Foscolo. У англичанъ Мильтонъ и Шекспиръ писали прежде Аддисона и Попа, послѣ которыхъ явились Southey, Walter Scott, Moore и Byrn. Изъ этого мудрено вывести какое-нибудь заключеніе и правило. Слова твои вполнѣ можно примѣнить къ одной французской литературѣ.

„У насъ есть критика, и нѣтъ литературы“. Гдѣ же ты это нашелъ? Именно критики у насъ недостаетъ. Отселѣ репутація Ломоносова (уважаю въ немъ великаго человѣка, но конечно не великаго поэта; онъ понялъ истинный источникъ русскаго языка и красоты онаго; вотъ его главная заслуга) и Хераскова, и если послѣдній упалъ въ общемъ мнѣніи, то вѣрно ужъ не отъ критики Мерзлякова. — Кумиръ Державина, $1/4$ золотой, $3/4$ свинцовый, донынѣ еще не оцѣненъ. „Ода къ Фелицѣ“ стоитъ наряду съ „Вельможей“, ода „Богъ“ — съ одой „На смерть Мещерскаго“. Ода къ Зубову недавно открыта. Княжнинъ безмятежно пользуется своею славою, Богдановичъ причисленъ къ лику великихъ поэтовъ, Дмитріевъ—также. Мы не имѣемъ ни единаго комментарія, ни единой

критической книги. Мы не знаемъ, что такое Крыловъ—Крыловъ, который столь же выше Лафонтена, какъ Державинъ выше Ж. Б. Руссо.—Что же ты называешь критикой? Вѣстникъ Европы и Благонамѣренный? Библіографическія извѣстія Греча и Булгарина? Свои статьи и... Но признайся, что все это не можетъ установить мнѣнія въ публикѣ (у одного только народа критика предшествовала литературѣ—у германцевъ), не можетъ почесться уложеніемъ вкуса.— Каченовскій тупъ и скученъ, Гречъ и ты остры и забавны — вотъ и все, что можно сказать объ васъ. Но гдѣ же критика? Нѣтъ, фразу твою можно сказать наоборотъ: литература кой-какая у насъ есть, а критики нѣтъ. Впрочемъ ты и самъ немного позже съ этимъ согласишься.

„Отчего у насъ нѣтъ геніевъ и мало талантовъ"? Во-первыхъ, у насъ Державинъ и Крыловъ; во-вторыхъ, гдѣ же бываетъ много талантовъ?

„Ободренія у насъ нѣтъ, и слава Богу". Отчего же нѣтъ? Державинъ, Дмитріевъ были въ ободреніе сдѣланы министрами. Вѣкъ Екатерины—вѣкъ ободреній; отъ этого онъ еще не хуже другаго. Карамзинъ, кажется, ободренъ; Жуковскій не можетъ жаловаться, Крыловъ—также. Гнѣдичъ въ тишинѣ кабинета совершаетъ свой подвигъ; посмотримъ, когда появится его Гомеръ. Изъ неободренныхъ вижу только себя и Баратынскаго — и не говорю: слава Богу!

„Ободреніе можетъ оперить только обыкновенные таланты". Не говорю объ Августовомъ вѣкѣ, но Тассъ и Аріостъ оставили въ своихъ поэмахъ слѣды княжескаго покровительства. Шекспиръ лучшія свои комедіи написалъ по заказу Елизаветы. Мольеръ былъ камердинеромъ Людовика. Безсмертный Тартюфъ, плодъ самаго сильнаго напряженія комическаго генія, обязанъ бытіемъ своимъ заступничеству монарха. Вольтеръ лучшую свою поэму писалъ подъ покровительствомъ Фредерика. Державину покровительствовали три царя. Ты не то сказалъ, что хотѣлъ... Рылѣеву не пишу, жду сперва Войнаровскаго. Скажи ему, что въ отношеніи мнѣнія Байрона онъ правъ; я хотѣлъ было покривить душой, да не удалось. И Bowles, и Byron въ моемъ спорѣ заврались. У меня есть на то очень, очень дѣльное опроверженіе...

Откуда ты взялъ, что я льщу Рылѣеву? Мнѣніе свое о его „Думахъ" я сказалъ вслухъ и ясно [1]); о поэмахъ его также. Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, но онъ идетъ своей дорогой. Онъ въ душѣ поэтъ; я опасаюсь его не на шутку... Жду съ нетерпѣніемъ Войнаровскаго и перешлю ему всѣ мои замѣчанія.—Ради Христа, чтобъ онъ писалъ, да болѣе, болѣе!

... Предвижу, что буду согласенъ съ тобою въ твоихъ мнѣніяхъ литературныхъ. Надѣюсь, что наконецъ отдашь справедливость Катенину. Это было бы, кстати, благородно, достойно тебя. Ошибаться и усовершенствовать сужденія свои сродно мыслящему созданію. — Безкорыстное признаніе въ этомъ требуетъ душевной

---

[1]) См. и ниже письмо 39-е.

силы.—Впрочемъ этому буду радъ для Катенина, а для себя жду твоихъ повѣстей. Да возьмись за романъ. — Что́ тебя держитъ? Вообрази: у насъ ты будешь первый во всѣхъ значеніяхъ слова; въ Европѣ также получишь свою цѣну: во-первыхъ, какъ истинный талантъ; во-вторыхъ, по новизнѣ предметовъ, красокъ, etc. Подумай, братъ, объ этомъ на досугѣ... но тебѣ хочется въ ротмистры!...

33.

Изъ письма къ Л. С. Пушкину.

(27 марта, изъ михайловскаго).

„Бабушкинымъ котомъ" здѣсь Пушкинъ называетъ повѣсть А. А. Перовскаго (писавшаго подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго): „Лафертовская маковница". Герой этой повѣсти Аристархъ (а не Аркадій) Фалалеичъ Мурлыкинъ.

Душа моя, что за прелесть „Бабушкинъ Котъ"! Я перечелъ два раза и однимъ духомъ всю повѣсть, теперь только и брежу Аркадіемъ Фалалеичемъ Мурлыкинымъ. Выступаю плавно, зажмуря глаза, повертывая голову и выгибая спину.—Погорѣльскій вѣдь Перовскій, не правда ли?

... Получилъ ли ты мои стихотворенія? Вотъ въ чемъ должно состоять предисловіе: 1. Многія изъ сихъ стихотвореній — дрянь и недостойны вниманія россійской публики—но какъ они часто бывали печатаны Богъ вѣсть кѣмъ, чортъ знаетъ подъ какими заглавіями, съ поправками наборщика и съ ошибкамя издателя—такъ вотъ они, извольте-съ кушать-съ... 2. Мы (сирѣчь издатели) должны были изъ полнаго собранія выбросить многія штуки, которыя могли бы показаться полными, будучи написаны въ обстоятельствахъ неизвѣстныхъ или малозанимательныхъ для почтеннѣйшей публики (россійской), или могущія быть занимательными единственно нѣкоторымъ частнымъ лицамъ [a] или какъ угодно. 3. Пожалуйста безъ малѣйшей похвалы мнѣ—это непристойность, и въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ" я забылъ замѣтить это Вяземскому. 4. Все это должно быть выражено романтически, безъ буфонства. Напротивъ. Во всемъ этомъ полагаюсь на Плетнева [1]). Если я скажу, что проза его лучше моей, вѣдь онъ не повѣритъ.—Ну, по крайней мѣрѣ столь же хороша. Доволенъ ли онъ? Да перешли на всякій случай это предисловіе въ Михайловское, а я пришлю вамъ замѣчанья свои.

34.

Письмо къ А. Н. Вульфу.

(Весною 1825 г. изъ михайловскаго).

Посланіе Языкова Пушкину, упоминаемое здѣсь, оканчивается слѣдующими стихами:

Богъ вѣсть, что́ въ мірѣ ожидаетъ
Мои стихи, что́ буду я
На темномъ полѣ бытія,
Куда неопытность моя

[a] или слишкомъ незрѣлыя, ибо г. Пушкинъ изволилъ печатать свои стишки въ 1814 году, т. е. 14 лѣтъ (Приписка сбоку).

[1]) Плетневъ завѣдывалъ въ это время изданіемъ и продажей сочиненій Пушкина.

Меня зачѣмъ-то порываетъ;
Но будь, что̀ будетъ—не боюсь;
Въ бытописаньи русскихъ музъ
Меня твое благоволенье
Предастъ въ другое поколѣнье,
И сталь плѣшиваго косца,
Всему ужасная, не скоситъ
Тобой хранимаго пѣвца.
Такъ камень съ низменныхъ полей
Носитель Зевсовыхъ огней,
Играя, на гору заноситъ.

Любезный Алексѣй Николаевичъ—благодарю васъ за воспоминанья, обнимаю васъ братски, также и Языкова; Посланіе его и чувствительная Элегія прелесть. Въ посланіи, послѣ „тобой хранимаго" стихъ пропущенъ. А стихъ Языкова мнѣ дорогъ.

35.

Изъ письма къ Л. С. Пушкину.

(Въ началѣ апрѣля 1825 г., изъ Михайловскаго).

О „Войнаровскомъ" Рылѣева и о Хмѣльницкомъ.

... Что Плетневъ умолкъ? Конечно, бѣдный боленъ или „Войнаровскимъ" недоволенъ [1])—Кстати, каковы мои замѣчанія?.. Войнаровскій мнѣ очень нравится. Мнѣ даже скучно, что его здѣсь нѣтъ у меня. Если можно, пришли мнѣ послѣднюю Genlis—да Child Harold—Lamartine (то-то чепуха должна быть!) да вообще что-нибудь новенькаго, да и „Старину"! „Талію" [2]) получилъ и письмо отъ издателя. Не успѣлъ еще пробѣжать: „Ворожея" [3]) показалась мнѣ du bon comique. А Хмѣльницкій [4]) моя старинная любовница—я къ нему имѣю такую слабость, что готовъ помѣстить въ честь его цѣлый куплетъ въ 1-ю пѣснь Онѣгина...

36.

Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому.

(Въ апрѣлѣ 1825 г., изъ Михайловскаго).

Упоминаемая здѣсь пародія „Книжная лавка" Полеваго, напечатанная въ „Невскомъ Альманахѣ", затѣмъ вызвала со стороны издателя извиненіе въ его „Моск. Телеграфѣ", гдѣ онъ заявилъ, что это „давно забытая, вздорная пародія" появилась въ альманахѣ безъ его вѣдома.

Занимаетъ ли еще тебя россійская литература? Я было на Полеваго очень ощетинился за Невскій Альманахъ и за пародію на Жуковскаго. Но теперь съ нимъ помирился. Я даже такого мнѣнія, что должно непремѣнно поддержать его журналъ. Хочешь? Я согласенъ.

Стихотворенія мои отосланы въ Петербургъ, подъ Бирукова [1]). Почти все извѣстно уже, но все нужно было соединить воедино. Изъ всего, что̀ должно было предать забвенію, болѣе всего жалѣю о своихъ эпиграммахъ. Ихъ всѣхъ около 50, и всѣ оригинальныя;

[1]) Плетневъ увѣдомлялъ 3 марта Пушкина изъ Спб. о томъ, что скоро выйдутъ „Думы" Рылѣева и Войнаровскій.

[2]) „Русская Талія"—альманахъ, изд. въ 1825 г. Булгаринымъ.

[3]) „Ворожея, или танцы духовъ"—комедія-водевиль кн. Шаховскаго. Нѣсколько сценъ изъ нея были помѣщены въ „Таліи".

[4]) Тамъ же были помѣщены отрывки изъ комедіи Хмѣльницкаго".

[1]) Цензоръ.

но, по несчастію, я могу сказать, какъ Chamfort: Tous ceux contre lesquels j'en ai fait sont encore en vie [2]), а съ живыми — полно, не хочу ссориться. Изъ посланія къ Чадаеву вымаралъ я стихи, которые тебѣ не понравились, единственно для тебя, изъ уваженія къ тебѣ, а не потому, что они другимъ не понутру [3]).

37.

Изъ письма къ К. Ѳ. Рылѣеву.

(въ концѣ апрѣля 1825 г., изъ михайловскаго).

О сочиненіяхъ Рылѣева. Вотъ заключительныя строфы думы „Петръ Великій въ Острогожскѣ“, которыя одобряетъ здѣсь Пушкинъ:

Гдѣ жъ свиданіе съ Мазепой
Дивный свѣту царь имѣлъ?
Гдѣ герою вождь свирѣпый
Клясться въ искренности смѣлъ?

Тамъ, гдѣ волны Острогощи
Въ Сосну Тихую влились,
Гдѣ дубовъ сѣнистыхъ рощи
Надъ потокомъ разрослись;
Гдѣ съ отвагой молодецкой
Русскій крымцевъ поражалъ;
Гдѣ напрасно Брюховецкій
Добрыхъ граждан возмущалъ;

Гдѣ плѣненный славы звукомъ,
Посѣдѣвшій въ битвахъ дѣдъ
Завѣщалъ кипящимъ внукамъ
Жажду воли и побѣдъ;
Тамъ, гдѣ съ щедростью обычной,
За ничтожный, легкій трудъ
Плодъ оратаю сторичный
Нивы шумныя даютъ.

Гдѣ въ лугахъ необозримыхъ,
При журчаніи волны,
Кобылицъ неукротимыхъ
Гордо бродятъ табуны;
Гдѣ, въ странѣ благословенной,
Потонулъ въ глуши садовъ
Городокъ уединенный
Острогожскихъ казаковъ.

Вотъ 3 послѣднія строфы и изъ думы: „Иванъ Сусанинъ“, упоминаемой въ этомъ же письмѣ Пушкина:

„Убейте! замучьте! - моя здѣсь могила!
Но знайте, и рвитесь—я спасъ Михаила!
Предателя, мнили, во мнѣ вы нашли:
Ихъ нѣтъ и не будетъ на Русской земли!
Въ ней каждый отчизну съ младенчества любитъ.
И душу измѣной свою не погубитъ“!

„Злодѣй!“ закричали враги, закипѣвъ:
„Умрешь подъ мечами!“—„Не страшенъ вашъ гнѣвъ!
Кто русскій по сердцу, тотъ бодро и смѣло
И радостно гибнетъ за правое дѣло!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнувъ, умру за царя и за Русь!“

—„Умри же!“ сарматы герою вскричали—
И сабли надъ старцемъ, свистя, засверкали.
„Погибни, предатель! конецъ твой насталъ!“
И твердый Сусанинъ весь въ язвахъ упалъ.
Снѣгъ чистый чистѣйшая кровь обагрила:
Она для Россіи спасла Михаила!

---

[2]) т. е.: „Всѣ тѣ, на кого я писалъ ихъ, еще живы“.

[3]) См. т. I, № 65 (стихи о гр. Ѳ. И. Толстомъ).

Думаю, ты уже получилъ замѣчанія мои на „Войнаровскаго“. Прибавлю одно: вездѣ, гдѣ я ничего не сказалъ, должно подразумѣвать: знаки восхищенія, прекрасно, и пр. Полагая, что хорошее писано съ умыслу—не счелъ за нужное отмѣчать для тебя. Что сказать тебѣ о „Думахъ“? Во всѣхъ встрѣчаются стихи живые; окончательныя строфы „Петра въ Острогожскѣ“ чрезвычайно оригинальны. Но вообще всѣ онѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ. Всѣ онѣ на одинъ покрой, составлены изъ общихъ мѣстъ (loci topici): описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и нравоученіе. Національнаго русскаго нѣтъ въ нихъ ничего [1]), кромѣ именъ (исключая Ивана Сусанина—первую думу, по которой началъ я подозрѣвать въ тебѣ истинный талантъ).

Ты напрасно не поправилъ въ „Олегѣ“ герба Россіи. Древній гербъ, св. Георгій, не могъ находиться на щитѣ языческаго Олега. Новѣйшій, двуглавый орелъ, есть гербъ византійскій, и принятъ у насъ во время Іоанна III, не прежде. Лѣтописецъ просто говоритъ: „тоже повѣси щитъ свой на вратѣхъ на показаніе побѣды“.

Объ Исповѣди Наливайко скажу, что мудрено что-нибудь у насъ напечатать истинно хорошаго въ этомъ родѣ. Нахожу отрывокъ этотъ растянутымъ; но и тутъ, конечно, наложилъ ты свою печать....

38.

Изъ письма къ А. А. Бестужеву.

(въ концѣ апрѣля, изъ михайловскаго).

О чувствѣ независимости русскихъ поэтовъ.—О повѣсти А. Бестужева.

Такъ! мы можемъ праведно гордиться: наша словесность, уступая другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ передъ ними отличается, что не носитъ на себѣ печати рабскаго униженія.—Наши таланты благородны, независимы. Съ Державинымъ умолкнулъ голосъ лести, а какъ онъ льстилъ?

„О вспомни! какъ въ томъ восхищеньѣ
Пророча, я тебя хвалилъ.
Смотри, я рекъ, тріумфъ—минуту,
А добродѣтель вѣкъ живетъ“.

Прочти посланіе къ Александру (Жуковскаго, 1815 г.). Вотъ какъ русскій поэтъ говоритъ русскому царю. Пересмотри наши журналы, все текущее въ литературѣ....

О нашей лирѣ можно сказать, что Мирабо сказалъ о Сіесѣ: Son silence est une calamité publique [2]). Иностранцы намъ изумляются; они отдаютъ намъ полную справедливость, не понимая, какъ это сдѣлалось. Причина ясна. У насъ писатели взяты изъ высшаго класса общества. Аристократическая гордость сливается у нихъ съ авторскимъ самолюбіемъ; мы не хотимъ быть покровительствуемы равными — вотъ что... Воронцовъ не понимаетъ. Онъ воображаетъ, что русскій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или съ одою, а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе, какъ шестисотлѣтній дворянинъ. Дьявольская разница!...

---

[1]) Ср. отзывъ о „Думахъ“ въ письмѣ 30.

[2]) т. е.: „Его молчаніе есть общественное бѣдствіе“.

Все, что́ ты говоришь о нашемъ воспитаніи, о чужестранныхъ и междоусобныхъ (прелесть!) подражаніяхъ — прекрасно, выражено сильно и съ краснорѣчіемъ сердечнымъ; вообще мысли въ тебѣ кипятъ. Объ Онѣгинѣ ты не высказалъ всего, что́ имѣлъ на сердцѣ; чувствую почему—и благодарю; но зачѣмъ же ясно не обнаружить своего мнѣнія? Покамѣсть мы будемъ руководствоваться личными нашими отношеніями, критики у насъ не будетъ, а ты долженъ ее создать.

Твой „Турниръ" напоминаетъ турниръ W. Scott'а. Брось нѣмцевъ и обратись къ намъ православнымъ; да полно тебѣ писать быстрыя повѣсти съ романтическими переходами, это хорошо для поэмы романтической. Романъ требуетъ болтовни, высказывай все на-чисто. -- Твой Владиміръ говоритъ языкомъ нѣмецкой драмы, смотритъ на солнце въ полночь (стр. 300) etc: но описаніе стана литовскаго, разговоръ плотника съ часовымъ --- прелесть; конецъ также. Впрочемъ, вездѣ твоя необыкновенная живость... [1]).

Рылѣевъ покажетъ тебѣ, конечно, мои замѣчанія на „Войнаровскаго", а ты пришли мнѣ свои возраженія. Покамѣстъ обнимаю тебя отъ души...

39.

Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому.

(24 мая 1825 г., изъ Михайловскаго).

О поэзіи Жуковскаго, сочиненіяхъ Рылѣева; о Дельвигѣ и романтизмѣ.

Ты спрашиваешь, доволенъ ли я тѣмъ, что́ сказалъ ты обо мнѣ въ Телеграфѣ [2]). Что́ за вопросъ? Европейскія статьи такъ рѣдки въ нашихъ журналахъ! А твоимъ перомъ водятъ и вкусъ, и пристрастіе дружбы. Но ты слишкомъ бережешь меня въ отношеніи къ Жуковскому. Я не слѣдствіе, а точно ученикъ его, и только тѣмъ и беру, что не смѣю сунуться на дорогу его, и бреду проселочной. Никто не имѣлъ и не будетъ имѣть слога, равнаго въ могуществѣ и разнообразіи слогу его. Въ бореньяхъ съ трудностью силачъ необычайный! [3]). Переводы избаловали его, излѣнили; онъ не хочетъ самъ создавать; но онъ, какъ Voss [4]), геній перевода.

Къ тому же смѣшно говорить объ немъ, какъ объ отцвѣтшемъ, тогда какъ слогъ его еще мужаетъ. Былое сбудется опять, а я все чаю въ воскресеніе мертвыхъ. Читалъ я твое о Чернецѣ; ты исполнилъ долгъ своего сердца. Эта поэма, конечно, полна чувства и умнѣе „Войнаровскаго", но въ Рылѣевѣ есть болѣе замашки или размашки въ слогѣ. У него есть какой-то тамъ палачъ съ засученными рукавами, за котораго я бы дорого далъ [5]). Зато Думы —

---

[1]) Рѣчь идетъ о повѣсти А. А. Бестужева: „Ревельскій Турниръ" (Полярная Звѣзда на 1825 г.).—[2]) „Жуковскій, Пушкинъ, О новой піитикѣ басенъ" (статья кн. Вяз. въ Литературной смѣси № 4-го Телеграфа 1825 г.—[3]) Стихъ кн. Вяземскаго о Жуковскомъ.—[4]) Іоганнъ Генрихъ Фоссъ (1751—1826) -знаменитый нѣмецкій переводчикъ древнеклассическихъ поэтовъ (Гомера, „Георгикъ" Виргилія, Овидія и др.).

[5]) Пушкинъ здѣсь имѣетъ въ виду слѣдующее мѣсто въ „Войнаровскомъ":
„Вотъ, вотъ они!.. при нихъ палачъ!"
Онъ говорилъ, дрожа отъ страху:
„Вотъ ихъ взвели уже на плаху,
Кругомъ стенанія и плачъ ..

дрянь [6]), и названіе сіе происходитъ отъ нѣмецкаго dumm [7]), а не отъ польскаго, какъ казалось бы съ перваго взгляда. Стихи Нелова—прелесть. Статьи и стиховъ Шаликова не читалъ. Неужто онъ обижается моими стихами? Вотъ уже тутъ-то я невиненъ, какъ барашекъ. Спросите у братца Леона: онъ скажетъ вамъ, что, увидѣвъ у меня имя кн. Шаликова, онъ присовѣтовалъ мнѣ замѣнить его Батюшковымъ. Я было и послушался, да стало жаль, et j'ai remis bravement Chalikof! Это могу доказать черновою бумагою.—Твои каламбуры очень милы. Здѣшнія дѣвицы находятъ ихъ весьма забавными, а все-таки жду твое о Байронѣ. Благодарю за Casimir (какъ бы выкроить изъ него calembour? выгадай-ка!) Ты, кажется, любишь Казимира (Делавинь) [8]), а я такъ нѣтъ. Конечно, онъ поэтъ, но все не Вольтеръ, не Гёте... далеко кулику до орла! Первый геній тамъ будетъ романтикъ и увлечетъ французскія головы Богъ вѣдаетъ куда. Кстати: я замѣтилъ, что всѣ (даже и ты) имѣютъ у насъ самое темное понятіе о романтизмѣ. Объ этомъ надобно будетъ на досугѣ потолковать [9]), но не теперь; мочи нѣтъ, усталъ. Писалъ ко всѣмъ—даже и къ Булгарину.

40.

Изъ письма къ В. А. Жуковскому.

(въ маѣ или іюнѣ 1825 г., изъ Михайловскаго).

О Блудовѣ.—Объ изданіи стих. Жуковскаго, о „Цыганахъ", о „Думахъ" Рылѣева.

... Ничего не говорилъ я тебѣ о твоихъ стихотвореніяхъ [1]). Зачѣмъ слушаешься ты маркиза Блудова [2])? Къ тому же, не вижу въ немъ и безкорыстной любви къ твоей славѣ. Выбрасывая, уничтожая самовластно, онъ не исключилъ изъ собранія Посланія къ нему, произведенія конечно слабаго. Нѣтъ, Жуковскій,

Веселаго пути
Я Блудову желаю
Ко древнему Дунаю... [3])

Готовъ ужъ исполнитель муки;
Вотъ засучилъ онъ рукава,
Вотъ взялъ уже сѣкиру въ руки...
Вотъ покатилась голова...
И вотъ другая!.. всѣ трепещутъ!
Смотри! какъ страшно очи блещутъ!.."
(ч. II).

Ср. съ изображеніемъ палача у самого Пушкина въ „Полтавѣ" (п. II, ст. 420—430).

[6]) См. еще выше стр. 531—[7]) глупый.

[8]) Казимиръ Жанъ Франсуа Делявинь (1793—1843)—франц. поэтъ. Сочиненія его отличаются внѣшними достоинствами. Писалъ блестящія драмы и лирическія стихотворенія (поэтическую декламацію по политическимъ вопросамъ).—[9]) См. выше стр. 10.

[1]) Пушкинъ имѣетъ въ виду изданіе стих. Жуковскаго 1824 г.—[2]) Гр. Блудовъ, воспитанный подъ руководствомъ эмигрантовъ, а потомъ по-преимуществу литературами французской, нѣмецкой и итальянской, началъ свою службу переводами дипломатическихъ актовъ въ Арх. Госуд. Колл. Ин. Дѣлъ; въ молодости руководимый Озеровымъ, онъ былъ лишенъ чувства народности. Жуковскій въ посвященіи своего „Вадима" называетъ вкусъ Блудова своимъ учителемъ, тайнымъ вождемъ-хранителемъ, проложившимъ ему путь къ цѣли".

[3]) Здѣсь Пушкинъ пародируетъ начало Посланія Жуковскаго къ Блудову:

Счастливаго пути
Любезному желаю
Ко древнему Дунаю...

Надпись къ Гёте, „Ахъ, если бъ мой милый", „Генію" — все это прелесть; а гдѣ они? Знаешь, что выйдетъ? Послѣ твоей смерти все это напечатаютъ съ ошибками и съ пріобщеніемъ стиховъ Кюхельбекера [4]). Подумать страшно! Дельвигъ [5]) разскажетъ тебѣ мои литературныя занятія. Жалѣю, что нѣтъ у меня твоихъ совѣтовъ— или хоть присутствія: оно вдохновеніе. Кончи, ради Бога „Водолаза" [6]).—Ты спрашиваешь, какая цѣль у Цыгановъ? Вотъ на! Цѣль поэзіи—поэзія, какъ говоритъ Дельвигъ (если не укралъ этого). Думы Рылѣева и цѣнятъ, а все невпопадъ...

41.

Изъ письма къ бар. А. А. Дельвигу.

(8 іюня 1825 г., изъ михайловскаго).

О Державинѣ и Крыловѣ. Строки о Державинѣ вызваны споромъ съ Дельвигомъ, который велъ съ нимъ Пушкинъ во время пріѣзда къ нему Дельвига: потому Пушкинъ останавливается наиболѣе на отрицательной сторонѣ произведеній Державина.

По твоемъ отъѣздѣ перечелъ я Державина всего, и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ ниже Ломоносова)—онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи—ни даже о правилахъ стихосложенія. Вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы (исключая чего знаешь). Что же въ немъ? — Мысли, картины и движенія истинно поэтическія; читая его, кажется, читаешь дурной, вольный переводъ съ какого-то чуднаго подлинника. Ей-Богу, его геній думалъ по-татарски, — а русской грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ, современемъ переведенный, изумитъ Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего, что мы знаемъ объ немъ (не говоря уже о его министерствѣ); у Державина должно сохранить будетъ одъ восемь да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ Суворова — жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ. — Что дѣлаетъ Жуковскій? передай его мнѣніе о 2-й главѣ Онѣгина, да о томъ, что у меня въ пяльцахъ. Какую Крыловъ выдержалъ операцію? Дай Богъ ему многія лѣта — его Мельникъ [1]) хорошъ, какъ Демьянъ и Оока. Видѣлъ ли ты Н. М. [2])? Идетъ ли впередъ исторія? Гдѣ онъ остановится? Не на избраніи ли Романовыхъ?.. Шесть Пушкиныхъ подписали избирательную грамоту! да два руку приложили за неумѣніемъ писать! А я, грамотный потомокъ ихъ, что я? гдѣ я?..

42.

Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому.

(въ іюнѣ 1825 г., изъ михайловскаго).

О Н. Полевомъ. Отвѣтъ на вызовъ кн. Вяземскаго, сдѣланный Пушкину, помѣщать въ „Моск. Телеграфѣ" свои произведенія.

---

[4]) См. т. I, стр. 59. — [5]) посѣтившій Пушкина въ Михайловскомъ въ апрѣлѣ 1825 г. — [6]) т. е. переводъ баллады „Кубокъ" Шиллера.

[1]) „Мельникъ" Крылова явился въ Сѣв. Цв. 1825 г.—[2]) т. е. Н. М. Карамзина.

... Я радъ помогать ему (Н. Полевому), а условій вѣрно никакихъ не выполню — слѣдственно и денегъ его мнѣ не надобно. Да ты смотри за нимъ, ради Бога! И ему случается завираться. Напримѣръ: Донъ Кихотъ искоренилъ въ Европѣ странствующихъ рыцарей!!!—Въ Италіи, кромѣ Dante единственно, не было романтизма. А онъ въ Италіи-то и возникъ. Что же такое Аріосто? А предшественники его отъ Buovo d'Antona [3]) до Orlando inamorato? [4]) Какъ можно писать такъ наобумъ! А ты не пренебрегай журнальными мелочами: Napoléon ими занимался и былъ лучшимъ журналистомъ Парижа (какъ замѣтилъ, помнится, Фуше).

43.

Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому.

(въ іюнѣ 1825 г., изъ михайловскаго).

О сотрудничествѣ въ „Моск. Телеграфѣ". Въ этомъ журналѣ за 1825 г. Пушкинымъ были помѣщены двѣ эпиграммы, отрывокъ изъ „Цыганъ", „Телѣга жизни" и „Въ альбомъ" (Если жизнь тебя обманетъ...); позднѣе (въ 1826 г.)— Элегія (Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный) и эпиграммы на Каченовскаго.

Думаю, что ты уже получилъ отвѣтъ мой на предложенія Телеграфа. Если ему нужны стихи мои, то пошли ему, чтó тебѣ попадется (кромѣ Онѣгина); если же мое имя, какъ сотрудника, то не соглашусь изъ благородной гордости, т. е. амбиціи. Телеграфъ человѣкъ порядочный и честный, но враль и невѣжда, а вранье и невѣжество журнала дѣлится между его издателями; въ часть эту входить не намѣренъ. Несмотря на перемѣну министерства и на улучшенія цензуры, все-таки не могу отвѣчать за Красовскаго съ братьею. Пожалуй, я подряжусь выставлять по стольку-то піесъ, да въ накладѣ можетъ остаться журналъ... Я всегда былъ склоненъ аристократичествовать, а съ тѣхъ поръ какъ пошелъ моръ на Пушкиныхъ, я и пуще зачуфырился: стихами торгую en gros, а свою мелочную лавку № 1 запираю. Къ тому же между нами: братъ Левъ у меня на рукахъ; отъ отца ему денегъ на шампанское не будетъ; такъ пускай Телеграфъ съ нимъ сдѣлается, и дай Богъ имъ расторговаться съ моей легкой руки. A demain les affaires sérieuses [1])... Какую пѣсню изъ Béranger перевелъ дядя В. Л.? Уже не le bon Dieu ли? Объяви ему за тайну, что его въ томъ подозрѣваютъ въ Петербургѣ и что готовится уже слѣдственная коммиссія, составленная изъ гр. Хвостова, Магницкаго и г-жи Хвостовой (автора Камина и слѣдов. соперницы Вас. Львовича).....

44.

Изъ письма къ Н. А. Полевому.

(2 августа 1825 г., изъ михайловскаго).

О томъ же.

---

[3]) Итал. сказка, послужившая образцомъ сказки о Бовѣ Королевичѣ. — [4]) „Влюбленный Роландъ"—поэма итал. поэта Маттео-Маріи Боярдо, гр. Скандіано (1430 — 1494). Въ этой поэмѣ романтическій идеалъ рыцарства выведенъ изъ области насмѣшки въ сферу серьезнаго вдохновенія, почему его поэма и представляетъ важное исключеніе изъ обычнаго тона итальянскихъ эпопей его времени. Эпизодъ его поэмы о любви Руджьеро и Брадаманты взятъ предметомъ поэмы Аріосто: „Неистовый Роландъ".

[1]) т. е. „серьезныя дѣла—до завтра".

...Радуюсь, что стихи мои могутъ пригодиться вашему журналу (конечно, лучшему изъ всѣхъ нашихъ журналовъ). Я писалъ кн. Вяземскому, чтобы онъ потрудился вамъ ихъ доставить. У него много моихъ бредней. Надѣюсь на вашу снисходительность и желаю, чтобы они понравились публикѣ.

45.

Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому.

(10 августа 1825 г., изъ Михайловскаго).

О современной журналистикѣ.

Какова наша текучая словесность? Настоящій насморкъ! Мнѣ жаль, что отъ Кюхельбекера отбили охоту къ журналамъ; онъ человѣкъ дѣльный съ перомъ въ рукахъ, хоть и сумасбродъ. Жду разбора Шихматова. То-то вранья чаю! Сейчасъ прочелъ антикритику Полеваго.—Нѣтъ, мой милый. Не то и не такъ! Разборъ новой піитики басенъ—вотъ критика [1]). Когда-то мы возьмемся за журналъ! Мочи нѣтъ хочется, а покамѣстъ смотри хоть за Полевымъ.

---

[1]) Кн. Вяземскій написалъ статью о Письмѣ на Кавказъ (С. О. 1825. № 3, стр. 313), гдѣ рѣчь идетъ о новыхъ басняхъ Крылова, напеч. въ Сѣв. Цвѣтахъ. „Онѣ прекрасны", сказано въ Письмѣ, „замысловаты... но—право не хочется высказать—по разсказу не могутъ сравниться съ прежними его баснями, въ которыхъ съ прелестью поэзіи соединено что-то русское, національное. Въ прежнихъ басняхъ И. А. Крылова мы видимъ русскую курицу, русскаго ворона, медвѣдя, соловья и т. п. Я не могу хорошо изъяснить того, что чувствую при чтеніи его первыхъ басенъ, но мнѣ кажется, будто я гдѣ-то видалъ этихъ звѣрей и птицъ, будто они водятся въ моей родительской вотчинѣ". Объ этой критикѣ кн. Вяземскій въ статьѣ своей: „Жуковскій—Пушкинъ—О новой піитикѣ басенъ" замѣтилъ: „Въ другихъ земляхъ требовали и требуютъ, чтобы драм. писатели и творцы эпическихъ поэмъ почерпали предметы и вымыслы свои изъ отечественныхъ источниковъ; но нашъ Шлегель увлекается гораздо далѣе въ порывѣ пламеннаго патріотизма. Онъ не довольствуется отечественнымъ пантеономъ; онъ требуетъ еще и отечественнаго звѣринца, отечественнаго курятника, отечественнаго птичника. По немъ, сохрани Боже, чтобы русскій баснописецъ употребилъ въ баснѣ своей, напримѣръ, цесарскую курицу или швабскаго гуся—давай ему непремѣнно курицъ русскихъ, гусей русскихъ; поэтическій желудокъ его не варитъ другихъ, кромѣ русскихъ ...одно тревожитъ меня: гдѣ будетъ предѣлъ его требованіямъ?.. Первыя басни г. Крылова нравились литератору-патріоту, но чѣмъ? Ему казалось, что герои оныхъ водились въ его родительской вотчинѣ. Искренно поздравляемъ нашего Аристарха—помѣщика съ родительскою вотчиною; не каждому литератору можно похвалиться подобною собственностью; поздравляемъ и съ тѣмъ, что онъ имѣетъ при ней курицъ и соловьевъ, пріятную пищу для желудка и ушей, хотя сожалѣемъ вчужѣ, что въ этой вотчинѣ водятся медвѣди, потому что отъ нихъ сельскія прогулки могутъ вовлечь хозяина въ непріятныя встрѣчи. Понимаемъ также, что для образованнаго помѣщика очень пріятно имѣть домашняго Лафонтена біографомъ-живописцемъ господскаго птичьяго двора; но пускай указатель новой піитики царства безсловесныхъ сжалится немного надъ затруднительнымъ положеніемъ баснописца, который въ такомъ случаѣ долженъ приписаться къ какой-нибудь вотчинѣ, чтобъ доставлять читателю своему пріятныя воспоминанія о его домашнемъ хозяйствѣ".

Въ позднѣйшей припискѣ къ этой статьѣ кн. Вяземскій разъясняетъ свой взглядъ на требованіе національности, такъ узко понятое авторомъ „Письма на Кавказъ". „Національность", пишетъ кн. Вяземскій (1876) „есть чувство свободное, врожденное: мы любимъ родину

46.

Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому.

(отъ 15 августа 1825 г., изъ михайловскаго).

О поэзіи кн. Вяземскаго.

Мой милый, поэзія—твой родной языкъ, слышна по выговору; но кто жъ виноватъ, что ты столь же рѣдко говоришь на немъ, какъ дамы 1807 года на славяно-русскомъ! И нѣтъ надъ тобою какъ бы нѣкоего Шишкова или Сергѣя Глинки, или моей няни Василисы, чтобъ на тебя прикрикнуть: изволь-де браниться въ риѳмахъ, извольте жаловаться въ стихахъ. Благодарю очень за Водопадъ [1])...

47.

Изъ письма къ П. А. Катенину.

(14 сентября 1825 г., изъ михайловскаго).

О поэзіи Катенина. О Жандрѣ. О собственныхъ занятіяхъ.

Ты не можешь себѣ вообразить, милый и почтенный Павелъ Александровичъ, какъ обрадовало меня твое письмо, знакъ не измѣнившейся твоей дружбы... Наша связь основана не на одинаковомъ образѣ мыслей, но на любви къ одинаковымъ занятіямъ. Ты огорчаешь меня увѣреніемъ, что оставилъ поэзію—общую нашу любовницу. Если это правда, что жъ утѣшаетъ тебя, кто утѣшитъ ее? Я думалъ, что въ своей глуши—ты созидаешь; нѣтъ—ты хлопочешь и тягаешься, а между тѣмъ годы бѣгутъ. Heu fugant, Posthume, Posthume, labuntur anni [2]).

А что всего хуже, съ ними улетаютъ и страсти, и воображеніе. Послушайся, милый, запрись, да примись за романтическую трагедію въ 18-ти дѣйствіяхъ (какъ трагедіи Софіи Алексѣевны). Ты сдѣлаешь переворотъ въ нашей словесности, и никто болѣе тебя того не достоинъ. Прочелъ въ Булг. [3]) твое 3-е дѣйствіе, прелестное въ величавой простотѣ своей. Оно мнѣ живо напомнило одинъ изъ лучшихъ вечеровъ моей жизни; помнишь?.. На чердакѣ кн. Шаховскаго?

Какъ ты находишь первый актъ Венцеслава? [4]). По мнѣ чудно хорошо. Старика Rotrou, признаюсь, я не читалъ, по-гишпански не читаю, а отъ Жандра въ восхищеніи; кончена ли вся трагедія?

Что сказать тебѣ о себѣ, о своихъ занятіяхъ? Стихи покамѣстъ я бросилъ и пишу свои mémoires, т. е. переписываю набѣло скучную сбивчивую черновую тетрадь. 4 пѣсни Онѣгина у меня готовы

свою, народъ, которому принадлежимъ, который нашъ и насъ считаетъ своими, по тому же закону природы, по которому любимъ себя, а въ себѣ любимъ и семью свою, родителей, братьевъ, сестеръ. Захотѣть же вложить это чувство въ систему, въ ученіе, въ законъ —это то же, что задушить его"...

[1]) Далѣе слѣдуетъ разборъ отдѣльныхъ выраженій этого стихотворенія, который уже приведенъ нами выше (стр. 6 и 7).—[2]) Стихъ Горація (см. выше). — [3]) Въ „Таліи" Булгарина 1825 г.—отрывки изъ 3-го дѣйствія „Андромахи" Катенина.—[4]) Тамъ же сцены изъ трагедіи „Венцеславъ" Ротру, передѣланной А. А. Жандромъ.

и еще множество отрывковъ; но мнѣ не до нихъ. Радуюсь, что 1-я пѣснь тебѣ по нраву—я самъ ее люблю; впрочемъ, на всѣ мои стихи я гляжу довольно равнодушно, какъ на старыя проказы съ Каверинымъ, съ театральнымъ маіоромъ и проч. Больше не буду!—Addio, poëta, a rivederla, ma quando? [1]).

48.

Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому.

(15 сентября 1825 г., изъ Михайловскаго).

О Н. Полевомъ.

—

...Какъ мнѣ жаль, что Полевой пустился безъ тебя въ антикритику! Онъ длиненъ и скученъ, педантъ и невѣжда. Ради Бога, надѣнь на него строгій мундштукъ и выѣзжай его на досугѣ. Будутъ и стихи, но погоди немного.

49.

Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому.

(въ сентябрѣ 1825 г., изъ Михайловскаго).

О Байронѣ. О своемъ знакомствѣ съ англійскимъ языкомъ. О мемуарахъ вообще.

—

Милый, мнѣ надоѣло тебѣ писать, потому что не могу являться тебѣ въ халатѣ на-распашку и спустя рукава. Разговоръ нашъ похожъ на предисловіе г-на Лемонте [2]). Мы съ тобою толкуемъ лишь о Полевомъ да о Булгаринѣ—а они несносны и въ бумажномъ переплетѣ. Ты уменъ, о чемъ ни заговори, а я передъ тобою дуракъ дуракомъ. Условимся: пиши мнѣ и не жди отвѣтовъ.

Твоя статья о аббатствѣ Байрона? что за чудо Д. Жуанъ! Я знаю только пять первыхъ пѣсенъ; прочитавъ первыя двѣ, я сказалъ тотчасъ Раевскому, что это chef d'oeuvre Байрона, и очень обрадовался послѣ, увидя, что W. Scott моего мнѣнія. Мнѣ нуженъ англійскій языкъ, и вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: не имѣю способовъ учиться, пока пора.... [3]).

---

[1]) т. е.: „Прощай, поэтъ, до свиданія, но когда?“.

[2]) См. выше, стр. 18.

[3]) М. В. Юзефовичъ въ своей статьѣ: „Памяти Пушкина“ (Р. А. 1880. III, 2) пишетъ о занятіяхъ Пушкина англійскимъ языкомъ на югѣ: „Пушкинъ имѣлъ хорошее общее образованіе. Кромѣ основательнаго знакомства съ иностранной литературой, онъ зналъ хорошо нашу исторію, и вообще для своего серьезнаго образованія воспользовался съ успѣхомъ ссылкой (на югъ). Такъ, между прочимъ, онъ выучился по-англійски. Съ нимъ было нѣсколько книгъ, и въ томъ числѣ Шекспиръ. Однажды онъ въ нашей палаткѣ переводилъ брату и мнѣ нѣкоторыя изъ него сцены. Я когда-то учился англійскому яз., но не доучившись какъ слѣдуетъ, забылъ его впослѣдствіи. Однакожъ все-таки мнѣ остались знакомы его звуки. Въ чтеніи же Пушкина англійское произношеніе было до того уродливо, что я заподозрилъ его знаніе языка и рѣшилъ подвергнуть его экспертизѣ. Для этого на другой день я завелъ къ себѣ его родственника, Захара Чернышева, знавшаго англійскій яз., какъ свой родной, и предупредивъ его, въ чемъ было дѣло, позвалъ къ себѣ Пушкина съ Шекспиромъ. Онъ охотно принялся переводить намъ его. Чернышевъ при первыхъ же словахъ, прочитанныхъ Пушкинымъ по-англійски, расхохотался: „Ты скажи прежде, на какомъ языкѣ читаешь?“ Расхохотался въ свою очередь и Пушкинъ, объяснивъ, что онъ выучился по-англійски самоучкой, а потому читаетъ англійскую грамоту,

Зачѣмъ жалѣешь ты о потерѣ Записокъ Байрона? Чортъ съ ними! Слава Богу, что потеряны. Онъ исповѣдался въ своихъ стихахъ, невольно увлеченный восторгомъ поэзіи. Въ хладнокровной прозѣ онъ бы лгалъ и хитрилъ, то стараясь блеснуть искренностію, то марая своихъ враговъ. Его бы уличили, какъ уличили Руссо; а тамъ злоба и клевета снова бы торжествовали. Оставь любопытство толпѣ и будь заодно съ геніемъ. Поступокъ Мура [1]) лучше его „Лалла Рукъ" (въ его поэтическомъ отношеніи). Мы знаемъ Байрона довольно. Видѣли его на тронѣ славы въ мученіяхъ великой души, видѣли въ гробѣ посреди воскресающей Греціи... Толпа жадно читаетъ исповѣди, записки etc., потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могучаго. При открытіи всякой мерзости она въ восхищеніи. Онъ малъ какъ мы, онъ мерзокъ какъ мы! Врете, подлецы: онъ и малъ, и мерзокъ—не такъ, какъ вы—иначе! Писать свои mémoires заманчиво и пріятно. Никого такъ не любишь, никого такъ не знаешь, какъ самого себя. Предметъ неистощимый. Но трудно. Не лгать—можно; быть искреннимъ—невозможность физическая. Перо иногда остановится, какъ съ разбѣга передъ пропастью—на томъ, что посторонній прочелъ бы равнодушно. Презирать судъ людей не трудно; презирать судъ собственный невозможно.

50.

Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому.

(осенью 1825 г., изъ Михайловскаго).

О Крыловѣ (по поводу статьи кн. Вяземскаго о новой піитикѣ басенъ по поводу „Письма на Кавказъ", см. выше вын. къ письму 45).

Ты уморительно критикуешь Крылова. „Молчи, то знаю я сама: да эта крыса мнѣ кума". Я назвалъ его [2]) представителемъ духа русскаго народа—не ручаюсь, чтобъ онъ отчасти не вонялъ. Въ старину нашъ народъ назывался смердъ (см. Исторію Карамзина). Дѣло въ томъ, что Крыловъ — преоригинальная туша, графъ Орловъ [3]) забавенъ, а мы розини и пр.

...Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Михайловскомъ, только два раза хохоталъ: при разборѣ новой піитики басенъ и при посвященіи... Какъ же мнѣ не любить тебя?...

51.

Изъ письма къ А. А. Бестужеву.

(30 ноября 1825 г., изъ Михайловскаго).

Мысли о журналѣ. О собственныхъ поэмахъ. О Якубовичѣ. Предложеніе Бестужеву писать романъ. О Рылѣевѣ.

какъ латинскую. Но дѣло въ томъ, что Чернышевъ нашелъ переводъ его совершенно правильнымъ и пониманіе языка безукоризненнымъ. Это можетъ, между прочимъ, служить отвѣтомъ г. Пржецлавскому, который съ польскимъ приниженіемъ передъ Пушкинымъ выставилъ его рядомъ съ Мицкевичемъ совершеннымъ невѣждой". О занятіяхъ Пушкина англ. языкомъ см. также т. I, стр. 81 и 110 (выноску).

[1]) Записки Байрона уничтожены Томасомъ Муромъ.—[2]) Въ статьѣ „О предисловіи Лемонте", см. выше, стр. 22).—[3]) Гр. Г. В. Орловъ, издатель французскихъ переводовъ басенъ Крылова.

...Ты да, кажется, Вяземскій—одни изъ нашихъ литераторовъ учатся; всѣ прочіе разучаются. Жаль! высокій примѣръ Карамзина долженъ былъ ихъ образумить. — Ты ѣдешь въ Москву, поговори тамъ съ Вяземскимъ о журналѣ; онъ самъ чувствуетъ въ немъ необходимость, а дѣло было бы чудно-хорошо. Ты пеняешь мнѣ за то, что я не печатаюсь: надоѣла мнѣ печать опечатками, критиками, запрещеніями etc.—Однако поэмы мои скоро выйдутъ [1]). И онѣ надоѣли. Русланъ—молокососъ, Плѣнникъ—зеленъ, и предъ поэзіей кавказской природы поэма моя—Голиковская проза. Кстати, кто писалъ о горцахъ въ „Пчелѣ“? Вотъ поэзія! Не Якубовичъ ли [2]), герой моего воображенія? Когда я вру съ женщинами, я ихъ увѣряю, что я съ нимъ разбойничалъ на Кавказѣ, прострѣливалъ Грибоѣдова, хоронилъ Шереметева, etc. Въ немъ много въ самомъ дѣлѣ романтизма. Жаль, что я съ нимъ не встрѣтился въ Кабардѣ — поэма моя была бы еще лучше... Жду твоей новой повѣсти. Да возьмись-ка за цѣлый романъ, и пиши его со всею свободою разговора или письма, иначе все будетъ сбиваться на коцебятину [3]). Кланяюсь планщику Рылѣеву [4]), какъ говаривалъ покойникъ Платовъ, но я, право, болѣе люблю стихи безъ плана, чѣмъ планъ безъ стиховъ. Желаю вамъ, друзья мои, здравія и вдохновенія.

52.

Изъ письма къ П. А. Плетневу.

(въ декабрѣ 1825 г., изъ михайловскаго).

О „Новостяхъ литературы“ Воейкова.—О Загорскомъ.—О „Шекспировыхъ Духахъ“, драмѣ въ 2 д., въ стихахъ (Спб. 1825) Кюхельбекера.

Воейковъ не напроказилъ ли чего-нибудь? Я его сентябрьской книжки не читалъ. Онъ что-то со мною труситъ. Кюхель(бекера) Духи—дрянь; стиховъ хорошихъ очень мало; вымысла нѣтъ никакого; предисловіе одно порядочно. Не говори этого ему—онъ огорчится. Неужели Ил. Мур. Загорскаго? Если нѣтъ, кто же псевдонимъ? Если да: какъ жаль, что онъ умеръ!

53.

В. К. Кюхельбекеру.

(въ декабрѣ 1825 г., изъ михайловскаго).

О „Шекспировыхъ Духахъ“.—О кн. Шихматовѣ.

Прежде чѣмъ поблагодарю тебя, хочу съ тобою побраниться. Получивъ твою комедію, я надѣялся найти въ ней и письмо. Я трясъ, трясъ ее, и ждалъ, не выпадетъ ли хоть четвертушка почтовой бумаги; напрасно! ничего не вытрясъ, и со злости духомъ прочелъ „Духовъ“ (Calembour! reconnais-tu le sang?) [5]) сперва про себя, а потомъ и вслухъ. Нужна ли тебѣ моя критика? Нѣтъ! не правда ли? Все равно, критикую. Ты сознаешься, что характеръ поэта неправ-

[1]) Это изданіе было предложено Пушкину Плетневымъ, но были изданы одни мелкія стихотворенія. — [2]) Извѣстный своими приключеніями, дуэлистъ. — [3]) Такъ Жуковскій называлъ драмы Коцебу.—[4]) Рылѣевъ обыкновенно составлялъ планъ, когда принимался за „Думу“.

[5]) Т. е.: „Каламбуръ! Узнаёшь ли кровь?“.

доподобенъ: сознаніе похвальное; но надобно бы сію неправдоподобность оправдать, извинить въ самой комедіи, а не въ предисловіи. Поэтъ могъ бы самъ совѣститься, стыдиться своего суевѣрія: отселѣ новыя комическія черты. Зато Калибанъ — прелесть. Не понимаю, что у тебя за охота пародировать Жуковскаго [1]). Это простительно Цертелеву, а не тебѣ. Ты скажешь, что насмѣшка падаетъ на подражателей, а не на него самого! Милый, вспомни, что ты если пишешь для насъ, то печатаешь для черни; она принимаетъ вещи буквально, видитъ твое неуваженіе къ Жуковскому—и рада.

„Сиръ — слово старое, прочтутъ иные сыръ" etc [2]) — очень мило и дѣльно. Отъ жеманства надобно насъ отучать.—„Пасъ стада главы моей (вшей)? [3]) Впрочемъ вездѣ, гдѣ поэтъ бредитъ Шекспиромъ, его легкое воздушное творенье, рѣчь Аріеля и послѣдняя тирада — прекрасно. О стихосложеніи скажу, что оно небрежно, не всегда натурально, выраженія не всегда точно-русскія; напр.: слушать въ оба уха, брось видъ угрюмый, взглядъ унылый, молодецъ ретивый, сдернетъ чепецъ на старухѣ etc.— Все это прощаю за Калибана, который чудо какъ милъ. Ты видишь, мой милый, что я съ тобою откровененъ по-прежнему и увѣренъ, что тебя этимъ не разсержу,—но вотъ чѣмъ тебя разсержу: кн. Шихматовъ, несмотря на твой разборъ и смотря на твой разборъ—бездушный, холодный, надутый, скучный пустомеля... Ай-ай!.. больше не буду! Не бей меня.

54.

А. А. Бестужеву.

(въ декабрѣ 1825 г., изъ Михайловскаго).

О независимости русскихъ писателей. Ср. выше пис. 32 и 38-е. Отвѣтъ на письмо Рылѣева, который писалъ Пушкину, что онъ „ободреніе и покровительство принимаетъ за одно и то же").

...Мнѣ досадно, что Рылѣевъ меня не понимаетъ. Въ чемъ дѣло? Что у насъ не покровительствуютъ литературѣ, и что—слава Богу! Зачѣмъ же объ этомъ говорить? Напрасно! Равнодушію правительства и притѣсненію цензуры обязаны мы духомъ нашей словесности. Чего жъ тебѣ болѣе? Загляни въ журналы: въ теченіе шести лѣтъ, посмотри, сколько разъ упоминали о мнѣ, сколько разъ меня хвалили подѣломъ и понапрасну, а далѣе... ни-гугу! Почему? Ужъ вѣрно не отъ гордости радикализма такого-то журналиста — нѣтъ! Всякій знаетъ, что хоть онъ расподличайся—никто ему спасибо не скажетъ и не дастъ ни 5 рублей: такъ ужъ лучше даромъ быть благороднымъ человѣкомъ. Ты сердишься за то, что я хвалюсь 600-лѣтнимъ дворянствомъ (NB. мое дворянство старѣе). Какъ же ты не

---

[1]) Въ піесѣ Кюхельбекера поэтъ, сочиняя стихи, пародируетъ „Жалобу Цереры" Жуковскаго и монологи изъ его „Орлеанской Дѣвы".—[2]) Поэтъ въ піесѣ Кюхельбекера при своемъ стихѣ: „Грустенъ я, унылъ и сиръ" замѣчаетъ:

Сиръ? слово старое; прочтутъ иные сыръ;
Сиръ никого не тронетъ;
Да вспомнятъ лимбургскій, голландскій, всякій сыръ,
Сиръ! Слово сиръ мою элегію уронитъ.

[3]) Я всегда въ уединеніи
Пасъ стада главы моей,
Васъ, созданья вдохновенія" (Ш. Д.).

видишь, что духъ нашей словесности отчасти зависитъ отъ сословія писателей? Мы не можемъ подносить нашихъ сочиненій вельможамъ, ибо по своему рожденію почитаемъ себя равными имъ. Отселѣ гордость etc. Не должно русскихъ писателей судить какъ иноземныхъ. Тамъ пишутъ для денегъ, а у насъ (кромѣ меня) изъ тщеславія. Тамъ стихами живутъ, а у насъ гр. Хвостовъ прожился на нихъ. Тамъ ѣсть нечего—такъ пиши книгу, а у насъ ѣсть нечего—такъ служи, да не сочиняй. Милый мой, ты — поэтъ, и я — поэтъ, но я сужу болѣе прозаически и чуть ли отъ этого не правъ.

55.

Изъ письма къ П. А. Катенину.

(въ февралѣ 1826 г., изъ Михайловскаго).

Мысли о журналѣ и о необходимости здравой критики.—О Катенинѣ.

Будущій альманахъ [1]) радуетъ меня несказанно, если разбудитъ онъ тебя для поэзіи. Душа проситъ твоихъ стиховъ; но знаешь ли что? Вмѣсто альманаха, не затѣять ли намъ журнала въ родѣ Edinburgh Review? Голосъ истинной критики необходимъ у насъ; кому же, какъ не тебѣ, забрать въ руки общее мнѣніе и дать нашей словесности новое, истинное направленіе? Покамѣстъ, кромѣ тебя, нѣтъ у насъ критики. Многіе (въ томъ числѣ и я) много тебѣ обязаны; ты отучилъ меня отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность есть пагуба мысли. Если бъ согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принесъ бы ты русской словесности. Какъ думаешь? Да что „Андромаха“ и собраніе твоихъ стиховъ?

56.

Изъ письма къ П. А. Плетневу.

(2 марта 1826 г., изъ Михайловскаго).

О Карамзинѣ и Гнѣдичѣ.

Карамзинъ боленъ!—милый мой, это хуже многаго—ради Бога, успокой меня, не то мнѣ страшно вдвое будетъ распечатывать газеты. Гнѣдичъ не умретъ прежде совершенія Иліады...

57.

Изъ письма къ И. Е. Великопольскому.

(10 марта 1826 г., изъ Михайловскаго).

О Слѣпушкинѣ. — Ѳедоръ Никифоровичъ Слѣпушкинъ (1783—1848)—поэтъ-самоучка, сынъ крестьянина Ярославской губ., по фамиліи Скударный. Названъ Слѣпушкинымъ потому, что ослѣпъ. Сначала торговалъ близъ Спб., потомъ имѣлъ кирпичный заводъ. На досугѣ писалъ стихи и занимался живописью. Въ 1826 г. вышли его „Досуги сельскаго жителя“.

Стихотворенія Слѣпушкина получилъ и перечитываю все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ удивленіемъ. Ваша прекрасная мысль объ улучшеніи состоянія поэта-крестьянина, надѣюсь не пропадетъ.

---

[1]) Катенинъ просилъ у Пушкина стиховъ въ альманахъ одного изъ своихъ знакомыхъ и писалъ, что самъ „для него рѣшается нарушить зарокъ и написать что-нибудь порядочное“.

58.

Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому.

(24 мая 1826 г., изъ михайловскаго).

О стихахъ кн. Вяземскаго.

Твои стихи Къ мнимой красавицѣ (ахъ, извини: счастливицѣ) слишкомъ умны; а поэзія, прости Господи, должна быть глуповата. Характеристика—зла. Экой ты неуимчивый, какъ говоритъ моя няня. „Семь пятницъ"—лучшій твой водевиль [1]). Напиши жъ мнѣ что-нибудь, моя радость. Я безъ твоихъ писемъ глупѣю: это нездорово, хоть я и поэтъ.

59.

Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому.

(въ началѣ іюня 1826 г., изъ михайловскаго).

О современной журналистикѣ.—О чувствѣ національнаго достоинства.

... Пора бы намъ отослать и Булгарина, и Благонамѣреннаго, и Полеваго, друга нашего. Теперь не до того; я ей-Богу, когда-нибудь примусь за журналъ. Жаль мнѣ, что съ Катенинымъ ты никакъ не ладишь. А для журнала онъ находка. Читалъ я въ газетахъ, что Lancelot [2]) въ Петербургѣ. Чортъ ли въ немъ? Читалъ я также, что 30 словесниковъ давали ему обѣдъ. Кто эти безсмертные? Считаю по пальцамъ и не досчитаюсь. Когда пріѣдешь въ Петербургъ, овладѣй этимъ Lancelot (котораго я нисколько не помню) и не пускай его по кабакамъ отечественной словесности. Мы въ отношеніи съ иностранцами не имѣемъ ни гордости, ни стыда. При англичанахъ дурачимъ Василія Львовича; предъ m-me de Staël заставляемъ Милорадовича отличаться въ мазуркѣ. Русскій баринъ кричитъ: Мальчикъ! забавляй Гекторку (датскаго кобеля). Мы хохочемъ и переводимъ эти барскія слова любопытному путешественнику. Все это попадаетъ въ его журналъ и печатается въ Европѣ. Это мерзко....

60.

Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому.

(10 іюня 1826 г., изъ михайловскаго).

О Карамзинѣ.

Читая въ журналахъ статьи о смерти Карамзина, бѣшусь, какъ онѣ холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесетъ достойной дани его памяти! Отечество въ правѣ отъ тебя того требовать. Напиши намъ его жизнь: это будетъ 13-й томъ русской исторіи. Карамзинъ принадлежитъ исторіи. Но скажи все...

---

[1]) т. е. куплеты, какихъ не мало написалъ кн. Вяземскій. Вотъ одинъ изъ 8-ми куплетовъ упоминаемаго Пушкинымъ стихотворенія:

Семь пирамидъ, семь мудрецовъ
И семь чудесъ намъ древность славитъ,
Владыкѣ снилось семь коровъ,
Римъ семь холмовъ подошвой давитъ,
Семь городовъ входили въ споръ
О славной Грекамъ колыбели,
Да и вездѣ, какъ на подборъ,
Семь пятницъ на одной недѣлѣ.

[2]) Путешественникъ, издавшій впослѣдствіи описаніе своего путешествія по Россіи (Six mois en Russie).

Я писалъ тебѣ въ Петербургъ, еще не зная о смерти Карамзина. Получилъ ли ты это письмо? Отпиши.

61.

Изъ письма къ бар. А. А. Дельвигу.

(20 іюля 1826 г., изъ михайловскаго).

Объ „Эдѣ“, поэмѣ Баратынскаго.—О Слѣпушкинѣ.

———

... Что за прелесть эта Эда! Оригинальности разсказа наши критики не поймутъ. Но какое разнообразіе! Гусаръ, Эда и самъ поэтъ—всякій говоритъ по-своему. А описанія финляндской природы! а утро послѣ первой ночи! А сцена съ отцомъ!—чудо!—Видѣлъ я и Слѣпушкина; неужто никто ему не поправилъ Святки, Масляницу, Избу? У него истинный свой талантъ; пожалуйста, пошлите ему отъ меня экземпляръ Руслана и моихъ стих.—съ тѣмъ, чтобы онъ мнѣ не подражалъ, а продолжалъ итти своею дорогою. Жду „Цвѣтовъ“.

62.

Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому.

(9 ноября 1826 г., изъ михайловскаго).

О журналѣ.—О Карамзинѣ, Дмитріевѣ и Языковѣ.

———

Милый мой, Москва оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе, но все таки лучше съ вами видѣться, чѣмъ переписываться. Къ тому же журналъ.—Я ничего не говорилъ тебѣ о твоемъ рѣшительномъ намѣреніи соединиться съ Полевымъ, а ей-Богу грустно. Итакъ никогда порядочные литераторы вмѣстѣ у насъ ничего не произведутъ! Все въ одиночку. Полевой, Погодинъ, Сушковъ, Завальевскій, кто бы ни издавалъ журналъ, все равно. Дѣло въ томъ, что намъ надо завладѣть однимъ журналомъ самовластно и единовластно. Мы слишкомъ лѣнивы, чтобъ переводить, выписывать, объявлять etc. etc. Это черная работа журнала; вотъ зачѣмъ и издатель существуетъ. Но онъ долженъ 1) знать грамматику русскую, 2) писать со смысломъ, т. е. согласовать существительное съ прилагательнымъ и связывать ихъ глаголомъ. А этого-то Полевой и не умѣетъ. Ради Христа, прочти первый параграфъ его извѣстія о смерти Румянцова и Растопчина, и согласись со мной, что ему невозможно довѣрить изданія журнала, освященнаго нашими именами. Впрочемъ ничего не ушло. Можетъ быть, не Погодинъ, а я буду хозяинъ новаго журнала....

63.

А. Х. Бенкендорфу.

(20 іюля 1827 г., въ спб.).

О нарушеніи литературной собственности Ольдекопомъ, перепечатавшимъ „Кавк. Плѣнника“.

———

Въ 1824 году г. статскій совѣтникъ Ольдекопъ, безъ моего согласія и вѣдома, перепечаталъ стихотвореніе мое „Кавказскій Плѣнникъ“, и тѣмъ лишилъ меня невозвратно выгодъ втораго изданія, за которое уже предлагали мнѣ въ то время книгопродавцы 3000

рублей. Вслѣдствіе сего родитель мой, статскій совѣтникъ Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, обратился съ просьбою къ начальству, но не получилъ никакого удовлетворенія, а отвѣтствовали ему, что Ольдекопъ перепечаталъ-де „Кавказскаго Плѣнника" для справокъ оригинала съ нѣмецкимъ переводомъ; что къ тому же не существуетъ въ Россіи закона противу перепечатыванія книгъ, и что имѣетъ онъ, статскій совѣтникъ Пушкинъ, преслѣдовать Ольдекопа токмо развѣ яко мошенника, на что не смѣлъ я согласиться изъ уваженія къ его званію и опасаясь заплатить за безчестіе. Не имѣя другаго способа въ обезпеченіи своего состоянія, кромѣ выгодъ отъ посильныхъ трудовъ моихъ, и нынѣ лично ободренный вашимъ превосходительствомъ, осмѣливаюсь наконецъ прибѣгнуть къ вашему превосходительству, дабы и впредь оградить себя отъ подобныхъ покушеній на свою собственность [1]).

64.

А. Х. Бенкендорфу.

(10 сентября 1827 г., изъ Опочки).

О томъ же.

Вы изволили весьма справедливо замѣтить, что и тамъ, гдѣ находятся положительные законы насчетъ перепечатанія книгъ, не возбраняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками. Но сіе относится только къ сочиненіямъ древнихъ или умершихъ писателей. Если же допустить у насъ, что переводъ даетъ право на перепечатаніе подлинника, то невозможно будетъ оградить литературную собственность отъ покушеній хищника. Повергая сіе мое мнѣніе на благоусмотрѣніе вашего превосходительства, полагаю, что въ составленіи постоянныхъ правилъ для обезпеченія литературной собственности вопросъ о правѣ перепечатывать книгу при переводѣ, замѣчаніяхъ или предисловіи, весьма важенъ.

65.

Бар. А. А. Дельвигу.

(31 іюля 1827 г., изъ Михайловскаго).

О сотрудничествѣ въ Сѣв. Цвѣтахъ.—О Карамзинѣ.

Вотъ тебѣ обѣщанная элегія, душа моя [2]). Теперь у тебя отрывокъ изъ Онѣгина [3]), отрывокъ изъ Бориса [4]) да эта піеса. Постараюсь прислать еще что-нибудь. Вспомни, что у меня на рукахъ Московскій Вѣстникъ [5]), и что я не могу оставить его на произволъ судьбы. Если кончу Посланіе къ тебѣ о черепѣ тво-

---

[1]) На это письмо Бенкендорфъ отвѣчалъ: „На письмо ваше о перепечатаніи г. Ольдекопомъ Кавказскаго Плѣнника вмѣстѣ съ нѣм. переводомъ мнѣ не остается ничего другаго вамъ отвѣтить, какъ то, что родителю вашему объявлено было тѣми мѣстами, отъ которыхъ это зависѣло. Перепечатаніе вашихъ стиховъ вмѣстѣ съ переводомъ вѣроятно послѣдовало съ позволенія цензуры, которая на то имѣетъ свои правила. Впрочемъ, даже и тамъ, гдѣ находятся положительные законы на счетъ перепечатанія книгъ, не возбраняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками".

[2]) „На смерть г-жи Ризничъ" (С. Цв. 1828 г.). См. т. I, № 124.—[3]) Обмолвка вм.: „Гр. Нулина".—[4]) „Граница Литовская". —[5]) Туда Пушкинъ послалъ для №. VI (1827) два отрывка изъ Е. Онѣгина

его дѣда [6]) то мы и его тиснемъ. Въ концѣ осени буду у васъ. Вдохновенія еще нѣтъ; покамѣстъ принялся я за прозу [7]). Пиши мнѣ о своихъ занятіяхъ. Что твоя поэзія? Рыцарскій Ревель разбудилъ ли твою заспанную музу? У васъ ***? Кстати, Сомовъ говорилъ о „Вечерѣ у Карамзина“. Не печатай его въ своихъ „Цвѣтахъ“ [8]). Ей-Богу, неприлично. Конечно, вольно собакѣ и на владыку лаять—но пусть лаетъ онъ на дворѣ, а не у тебя въ комнатахъ. Наше молчаніе о Карамзинѣ и такъ неприлично: не Булгарину прерывать его — это было бъ еще неприличнѣе. — Что твоя жена? Помогло ли ей море? Няня ее цѣлуетъ, а я ей кланяюсь. Пиши жъ.

66.

Изъ письма къ М. П. Погодину.

(31 августа 1817 г., изъ Михайловскаго).

О журналистикѣ и альманахахъ. О статьяхъ кн. Вяземскаго.

...Вы хотите издать Уранію [1]). Et tu, Brute!... [2]) Но подумайте: на что это будетъ похоже? Вы, издатель европейскаго журнала въ азіатской Москвѣ, вы честный литераторъ между лавочниками литературы, вы!.. Нѣтъ, вы не захотите марать себѣ руки альманашной грязью. „У васъ много накопилось статей, которыя не входятъ въ журналъ“; но какихъ же? quod licet Uraniae, licet тѣмъ паче Вѣстнику; не только licet, но decet [3]). И „другія причины“. Какія? Деньги? деньги будутъ, будутъ. Ради Бога, не покидайте Вѣстника, на будущій годъ обѣщаюсь вамъ безусловно дѣятельно участвовать въ его изданіи; для того разрываю непремѣнно всѣ связи съ альманашниками обѣихъ столицъ. Главная ошибка наша была въ томъ, что мы хотѣли быть слишкомъ дѣльными; стихотворная часть у насъ славная; проза можетъ быть еще лучше, но вотъ бѣда: въ немъ слишкомъ мало вздору. Вѣдь вѣрно есть у васъ повѣсть для Ураніи? Давайте ее въ Вѣстникъ. Кстати о повѣстяхъ: онѣ должны быть непремѣнно существенной частію журнала, какъ моды у Телеграфа. У насъ не то, что въ Европѣ—повѣсти въ диковинку. Онѣ составили первоначальную славу Карамзина, у насъ про нихъ еще толкуютъ. Ваша индѣйская сказка „Переправа“ [4]) въ европейскомъ журналѣ обратитъ общее вниманіе, какъ любопытное открытіе учености; у насъ тутъ видятъ просто повѣсть и важно находятъ ее глупою. Чувствуете разницу? Московскій Вѣстникъ, по моему безпристрастному, совѣстному мнѣнію — лучшій изъ русскихъ журналовъ. Въ „Телеграфѣ“ похвально одно ревностное трудолюбіе, а хороши однѣ статьи Вяземскаго; но зато за одну статью Вяземскаго въ Телеграфѣ отдамъ три дѣльныхъ статьи Московскаго Вѣстника. Его критика, положимъ, несправедлива; но образъ

(„Одесса“ и „Женщины“) и для № I (1828): „Москва“ и „Альбомы“—[6]) См. т. I. № 135.—[7]) т. е. за „Арапа Петра В.“.—[8]) „Встрѣчу съ Карамзинымъ“ Ѳ. Булгарина, напечатанную въ „Альбомѣ сѣверныхъ музъ“ на 1828 г.—[1]) М. П. Погодинъ предполагалъ въ 1827 году издать новый томъ альманаха „Уранія“ (изданнаго имъ въ 1826 г.). — [2]) т. е.: „И ты, Брутъ“!..“—[3]) т. е.: „что̀ приличествуетъ „Ураніи“, тѣмъ паче приличествуетъ Вѣстнику; не только приличествуетъ, но подобаетъ“. —[4]) переведенная съ нѣмецкаго В. П. Титовымъ.

его побочныхъ мыслей и ихъ выраженія рѣзко оригинальны; онъ мыслитъ, сéрдитъ и заставляетъ мыслить и смѣяться: важное достоинство, особенно для журналиста! Если вы съ нимъ увидитесь, скажите ему, что я предъ нимъ виноватъ, но что все собираюсь загладить свою вину. Не знаю, увижу ли я васъ нынѣ; по крайней мѣрѣ хочется побывать въ Бѣлокаменной... Весь вашъ, безъ церемоній.

P. S. Еще слово: изданіе Ураніи, ей-Богу, можетъ, хотя несправедливо, а вредить вамъ въ общемъ мнѣніи порядочныхъ людей. Прочтите, что Вяземскій сказалъ объ альманахѣ издателя „Благонамѣреннаго“ [5]); онъ совершенно правъ—публика наша глупа, но не должно ее морочить. Такъ точно какъ NN глупъ, но не должно его навѣрное обыгрывать въ карты. Издатель журнала долженъ всѣ мѣры употребить, дабы сдѣлать свой журналъ какъ можно совершеннымъ, а не бросаться за барышемъ.

Лучше ужъ прекратить изданіе, но сіе было бы стыдно. Говорю вамъ просто и прямо, потому что васъ искренно уважаю. Прощайте.

67.

М. П. Погодину.

(19 февраля 1828 г., изъ СПБ.).

О Булгаринѣ.

Вы, конечно, правы и угадали, что я въ примѣчаніи Булгарина [1]) совсѣмъ не участвовалъ—ни дѣломъ, ни словомъ, ни согласіемъ, ни вѣдѣніемъ. Когда бъ я видѣлъ его корректуру, то вѣрно бъ ужъ не пропустилъ выходку, которая васъ такъ безпокоитъ—печатайте ваше возраженіе, если вы думаете, что Сѣв. Пчела того стоитъ—а я не вмѣшиваюсь, ибо мое правило — не трогать, чего знаете. О герой, Ѳаддей Венедиктовичъ! витязь великосердый, подвизайся, подвизайся. А вы, любезный Михайло Петровичъ, утѣшьтесь, какъ говоритъ Тредьяковскій, плюньте на суку [2]) Сѣверную Пчелу.

---

[5]) „Календарь музъ“ на 1827 г., изд. А. Измайловымъ. Кн. Вяземскій писалъ о немъ: „...главный признакъ Календаря Музъ есть прозаическое уклоненіе къ дольнему міру. Тутъ какъ въ силу какого-то закона литературнаго тяготѣнія, все болѣе или менѣе земное, житейское, но впрочемъ съ движеніемъ къ нѣкоторому усовершенствованію, потому что Календарь Музъ на 1827 г. лучше того, который мы видѣли въ 1826 г... Отдѣленіе стихотворное—не поэтическая часть Календаря Музъ. За исключеніемъ малаго числа стихотвореній, заключающихъ въ себѣ нѣкоторое достоинство, прочее могло бы остаться въ рукописи для домашняго обихода. Переписка съ кумами, крестниками, о зубной боли, о Благонамѣренномъ и проч. и проч. ... такіе стихи, какъ нѣкоторыя домашнія шутки, должно хранить про себя („Объ альманахахъ 1827 г.).

[1]) Дѣло идетъ о примѣчаніи, которое Булгаринъ помѣстилъ подъ перепечатаннымъ имъ въ „Сѣв. Пчелѣ“ отрывкомъ изъ Онѣгина: „Москва“, который былъ помѣщенъ въ М. Вѣстникѣ съ ошибками.—[2]) Ср. въ пѣсенкѣ, которую Тредьяковскій сочинилъ на свой въѣздъ въ чужіе края, строфу:

Плюнь на суку
Морску скуку,
Держись черней, и знай штуку:
Стать отишно...

На дняхъ пришлю вамъ прозу, да Христа-ради, не обижайте моихъ сиротъ-стишонковъ опечатками и т. под. Шевыреву пишу особо. Грѣхъ ему не чувствовать Баратынскаго, но Богъ ему судья.

68.

Изъ письма къ М. П. Погодину.

(1 іюля 1828 г., изъ спб.).

О Московскомъ Вѣстникѣ.—Стихи Языкова.

Простите мнѣ долгое мое молчаніе, любезный Михайло Петровичъ; право всякій день упрекалъ я себя въ неизвинительной лѣни, всякій день собирался къ вамъ писать, и все не собрался. По сему самому и не посылалъ вамъ ничего въ Московскій Вѣстникъ. Правда, что и посылать было нечего; но дайте сроку, осень у воротъ; я заберусь въ деревню и пришлю вамъ оброкъ сполна.—Надобно, чтобъ нашъ журналъ издавался и на слѣдующій годъ. Онъ, конечно, будь сказано между нами, первый, единственный журналъ на святой Руси: но должно терпѣніемъ, добросовѣстностію, благородствомъ и особенно настойчивостію оправдать ожиданія истинныхъ друзей словесности и одобреніе великаго Гёте. — Честь и слава милому нашему Шевыреву [1]). Вы прекрасно сдѣлали, что напечатали письмо нашего германскаго патріарха. Оно, надѣюсь, дастъ Шевыреву болѣе вѣсу во мнѣніи общемъ. А того-то и надобно. Пора уму и знаніямъ вытѣснить и Булгарина и Өедорова. Я здѣсь на досугѣ поддразниваю ихъ за несогласіе ихъ мнѣнія съ мнѣніемъ Гёте. За разборъ „Мысли“, одного изъ замѣчательнѣйшихъ стихотвореній текущей словесности, уже досталось нашимъ Сѣвернымъ Шмелямъ отъ Крылова, осудившаго ихъ и NN..., каждаго по достоинству; Впередъ! и да здравствуетъ Московскій Вѣстникъ! Растолковали ли вы Телеграфу, что онъ дуракъ?.. Въ бытность свою въ С.-Петербургѣ Ксенофонтъ Телеграфъ со мною въ томъ было согласился (но сіе да будетъ между нами. Т. добрый и честный человѣкъ, и съ нимъ я ссориться не хочу). Кланяйтесь Калибану [2]) — надняхъ пишу къ нему — пришлю ему денегъ, а вамъ стиховъ — за симъ обнимаю васъ отъ сердца.

... Надняхъ читалъ я стихи Языкова, гдѣ говоритъ онъ о своихъ стихахъ:

Что жъ? Въ Бѣлокаменную, съ Богомъ,
Въ Московскій Вѣстникъ. Трудно, братъ:
Онъ выступаетъ въ чинѣ строгомъ,
Разборчивъ, строгъ, аристократъ,
Такъ и пріязнь ему не въ ладъ
Со мной, парнасскимъ демагогомъ.
Ну, въ Аѳиней — что́ Аѳиней?
Журналъ казенно-философскій,
Отступникъ Пушкина, злодѣй,
Благонамѣренный Московскій.

---

[1]) Шевыревъ помѣстилъ въ Моск. Вѣстникѣ изложеніе и разборъ II ч. „Фауста“ и письмо къ нему Гёте по поводу этой статьи. — [2]) С. А. Соболевскому.

69.

Изъ письма къ Н. И. Гнѣдичу.

(6 января 1830 г., спб.).

Прочитавъ замѣтку Пушкина о переводѣ Иліады въ Литературной Газетѣ [1]), Гнѣдичъ написалъ Пушкину: „Любезный Пушкинъ! Сердце мое полно, а я одинъ: прими его изліяніе. Не знаю, кѣмъ написаны во 2 № Лит. Газеты нѣсколько строкъ объ Иліадѣ; но едва ли цѣлое похвальное слово, величиною съ Плиніево Траяну, такъ бы тронуло меня, какъ эти нѣсколько строкъ. Едва ли мнѣ въ жизни случится читать что-либо о моемъ трудѣ, что было бы сказано такъ благородно и было бы мнѣ такъ утѣшительно и сладко! Это лучше царскихъ награжденій. Обнимаю тебя“. Пушкинъ отвѣчалъ на это письмо.

———

Я радуюсь, я счастливъ, что нѣсколько строкъ, робко написанныхъ мною въ Газетѣ, могли тронуть васъ до такой степени. Незнаніе греческаго языка мѣшаетъ мнѣ приступить къ полному разбору Иліады вашей. Онъ не нуженъ для вашей славы, но былъ бы нуженъ для Россіи. Обнимаю васъ отъ сердца.

70.

М. Н. Загоскину.

(11 января 1830 г., спб.).

О „Юріи Милославскомъ“, историческомъ романѣ Загоскина.

———

М. Г. Михаилъ Николаевичъ! Прерываю увлекательное чтеніе вашего романа, чтобъ сердечно поблагодарить васъ за присылку Юрія Милославскаго — лестный знакъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Поздравляю васъ съ успѣхомъ полнымъ и вполнѣ заслуженнымъ, а публику съ однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи. Всѣ читаютъ его. Жуковскій провелъ за нимъ цѣлую ночь. Дамы отъ него въ восхищеніи. Въ Литературной Газетѣ будетъ о немъ статья Погорѣльскаго [2]). Если въ ней не все будетъ высказано, то постараюсь досказать. Простите. Дай Богъ вамъ многія лѣта, т. е. дай Богъ вамъ многіе романы и проч.

71.

Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому.

(въ мартѣ 1830 г., изъ москвы).

О документѣ для біографіи Ломоносова и Сумарокова.

———

Посылаю тебѣ драгоцѣнность: доносъ Сумарокова на Ломоносова. Подлинникъ за собственноручною подписью видѣлъ я у Ив. Ив. Дмитріева. Онъ отысканъ въ бумагахъ Миллера, надорванный — вѣроятно, въ присутствіи — и, вѣроятно, сохраненный Миллеромъ, какъ документъ распутства Ломоносова: они были врагами. Состряпай изъ этого статью и тисни въ Литературной Газетѣ [3]).

---

[1]) См. т. I, № 187. — [2]) псевдонимъ А. А. Перовскаго.

[3]) Документъ напечатанъ въ № 28 Лит. Газеты 1830 г.

72.

Н. А. Полевому.

(28 марта 1830 г., Москва).

Пушкинъ былъ избранъ членомъ московскаго Общества Любителей Россійской Словесности (см. ниже письмо къ М. П. Погодину 6 апрѣля 1834 г.).

Сдѣлайте одолженіе, милостивый государь Николай Алексѣевичъ, дайте мнѣ знать, что́ дѣлать мнѣ съ Писаревымъ, съ его обществомъ и съ моимъ дипломомъ. Все это меня чрезвычайно затрудняетъ [1]).

73.

С. П. Шевыреву.

(приписка въ письмѣ Погодина 29 апрѣля 1830 г.).

Привѣтъ Шевыреву и надежда на него (Ср. выше письмо 68).

Примите и мой сердечный привѣтъ, любезный Степанъ Петровичъ. Мы, жители прозаической Москвы, осмѣливаемся писать вамъ въ поэтическій Римъ, надѣясь на дружбу вашу. Возвратитесь, обогащенный воспоминаніями, новымъ знаніемъ, вдохновеніями. Возвратитесь и оживите нашу дремлющую сѣверную литературу.

74.

Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому.

(2 мая 1830 г., Москва).

О монополіи политической газеты Булгарина.

Пріѣзжай, мой милый... мы поговоримъ объ газетѣ или альманахѣ. Дельвигъ въ самомъ дѣлѣ лѣнивъ, однакожъ его газета хороша; ты много оживилъ ее. Поддерживай ее, покамѣстъ нѣтъ у насъ другой. Стыдно будетъ уступить поле Булгарину. Дѣло въ томъ, что чисто-литературной газеты у насъ быть не можетъ: должно принять въ союзницы или моду, или политику. Соперничать съ Раичемъ и Шаликовымъ какъ-то совѣстно. Неужто Булгарину отдали монополію политическихъ новостей? Неужто кромѣ Сѣверной Пчелы ни одинъ журналъ не смѣетъ у насъ объявить, что въ Мексикѣ было землетрясеніе, и что камера депутатовъ закрыта до сентября? Неужто нельзя выхлопотать этого дозволенія? Справься-ка съ молодыми министрами и съ Бенкендорфомъ. Тутъ дѣло идетъ не о политическихъ мнѣніяхъ, но о сухомъ изложеніи происшествій. Да и не прилично правительству заключать союзъ — съ кѣмъ? Съ Булгаринымъ

---

[1]) Полевой отвѣчалъ: „Ничего, совершенно ничего, м. г. А. С.; мы всѣ, старые члены, ничего не дѣлаемъ, по крайней мѣрѣ я; изъ этого и выводится законъ, такъ какъ по *старымъ рѣшеніямъ* иностранные юристы составляютъ законы. Избраніе ваше сопровождалось рукоплесканіями и показало, что желаніе Общества украсить списокъ своихъ членовъ вашимъ именемъ было согласно съ чувствами публики весьма обширной. За дипломъ взносятъ члены (т. е. за пергаментъ) 25 рублей. Если въ самомъ дѣлѣ рѣшатся поднять Общество, какъ было хотѣли, вы, я увѣренъ въ этомъ, не отказались бы участвовать... Но теперь Богъ знаетъ, что сдѣлается съ Обществомъ, и не будетъ ли оно имѣть участи Общества Соревнователей — никто не ручается. Съ почтеніемъ есмь всегда вашъ покорный слуга Н. Полевой“.

и Гречемъ. Пожалуйста, поговори объ этомъ, но втайнѣ: если Булгаринъ будетъ это подозрѣвать, то онъ, по своему обыкновенію, пустится въ доносы и клевету—и съ нимъ не справишься.

Отчего не напечатано мое посвященіе тебѣ въ третьемъ изданіи Фонтана? Неужто мой цензоръ не пропустилъ? Это для меня очень досадно. Узнай, пожалуйста, какъ и зачѣмъ?

75.

Изъ письма къ П. А. Плетневу.

(въ началѣ мая 1830 г., изъ москвы).

О Булгаринѣ.

... Скажи: имѣлъ ли вліяніе на расходъ Онѣгина отзывъ „Сѣверной Пчелы?" [1]) Знаешь ли что? У меня есть презабавные матеріалы для романа: Ѳаддей Выжигинъ. Теперь некогда, а современемъ можно будетъ написать это [2]). Какое дѣйствіе произвела вообще и въ частности статья о Видокѣ [3])? Пожалуйста отпиши.

76.

Изъ письма къ П. А. Плетневу.

(31 августа 1830 г., изъ москвы).

Передъ отъѣздомъ въ Болдино. См. т. I, стр. 324.

---

[1]) „Ни одного чувствованія, ни одной картины достойной воззрѣнія! Совершенное паденіе, chûte complète!.. Въ описаніи московской жизни и общества поэтъ взялъ обильную дань изъ Горе отъ ума и—просимъ не прогнѣваться —изъ другой извѣстной книги..." (Сѣв. Пч. 1830, №№ 35 и 39).—[2]) Въ слѣдующемъ году Пушкинъ помѣстилъ въ Телескопѣ (1831, № 15) подъ псевдонимомъ Ѳ. Косичкина статью: „Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ", которая оканчивается пародіей на романъ Булгарина „Иванъ Выжигинъ": „Между тѣмъ полагаю себя въ правѣ объявить о существованіи романа, коего заглавіе прилагаю здѣсь. Онъ поступитъ въ печать или останется въ рукописи, смотря по обстоятельствамъ:

Настоящій Выжигинъ.
Историко-нравственно-сатирическій романъ XIX вѣка.
Содержаніе:

Глава I. Рожденіе Выжигина въ кудлашкиной конурѣ. Воспитаніе ради Христа. — Гл. II. Первый пасквиль Выжигина. Гарнизонъ. — Гл. III. Драка въ кабакѣ. Ваше благородіе! Дайте опохмелиться.—Гл. IV. Дружба съ Евгеніемъ. Фризовая шинель. Кража. Бѣгство. —Глава V. Ubi bene, ibi patria.—Глава VI. Московскій пожаръ. Выжигинъ грабитъ Москву. — Глава VII. Выжигинъ перебѣгаетъ. — Глава VIII. Выжигинъ безъ куска хлѣба. Выжигинъ ябедникъ. Выжигинъ торгашъ.—Глава IX. Выжигинъ игрокъ. Выжигинъ и отставной квартальный. — Глава X. Встрѣча Выжигина съ Высухинымъ.—Глава XI. Веселая компанія. Курьезный куплетъ и письмо-анонимъ къ знатной особѣ. — Глава XII. Танта. Выжигинъ попадается въ дураки. Глава XIII. Свадьба Выжигина. Бѣдный племянничекъ! Ай да дядюшка!—Глава XIV. Господинъ и г-жа Выжигины покупаютъ на трудовыя денежки деревню и съ благодарностію объявляютъ о томъ почтеннѣйшей публикѣ.—Глава XV. Семейственныя непріятности. Выжигинъ ищетъ утѣшенія въ бесѣдѣ музъ и пишетъ пасквили и доносы. — Глава XVI. Видокъ или маску долой!—Глава XVII. Выжигинъ раскаивается и дѣлается порядочнымъ человѣкомъ. — Глава XVIII и послѣдняя. Мышь въ сырѣ".

Личные намеки въ этой пародіи объясняются біографическими данными о Булгаринѣ (такъ главы V, VI и VII ясны изъ краткаго біографическаго свѣдѣнія о его жизни: см. выше стр. 61 (выноску 5-ю). Упоминаемая въ гл. XII „танта" была всѣмъ извѣстная тетка Булгарина.

[3]) См. выше стр. 60 64.

...Осень подходитъ; это любимое мое время; здоровье мое обыкновенно крѣпнетъ, пора моихъ литературныхъ трудовъ настаетъ, а я долженъ хлопотать о приданомъ, да о свадьбѣ, которую сыграемъ Богъ вѣсть когда. Все это не очень пріятно. Ѣду въ деревню; Богъ вѣсть, буду ли тамъ имѣть время заниматься и душевное спокойствіе, безъ котораго ничего не произведешь, кромѣ эпиграммъ на Каченовскаго.

77.

Изъ письма къ П. А. Плетневу.

(9 сентября 1830 г., изъ Болдина).

О смерти Василія Львовича Пушкина.—Жизнь въ Болдинѣ.

...Бѣдный дядя Василій—знаешь ли его послѣднія слова? Пріѣзжаю къ нему, нахожу его въ забытьи; очнувшись, онъ узналъ меня, погоревалъ, потомъ, помолчавъ: „какъ скучны стихи Катенина“—и болѣе ни слова. Каково? Вотъ что значитъ умереть честнымъ воиномъ на щитѣ, le cri de guerre à la bouche!

Ты не можешь вообразить, какъ весело удрать отъ невѣсты, да и засѣсть стихи писать. Жена не то, что невѣста. Куда! Жена свой братъ! При ней пиши сколько хошь,—а невѣста пуще цензора Щеглова, языкъ и руки связываетъ...

Ахъ, мой милый! Что за прелесть здѣшняя деревня! Вообрази: степь да степь, сосѣдей ни души, ѣзда верхомъ, сколько душѣ угодно, пиши дома, сколько вздумается—никто не помѣшаетъ. Ужъ я тебѣ наготовлю всячины, и прозы, и стиховъ...

78.

Изъ письма къ П. А. Плетневу.

(29 сентября 1830 г., изъ Болдина).

О Болдинской жизни.

...Мѣсяцъ я здѣсь прожилъ, не видя ни души, не читая журналовъ, такъ что не знаю, что дѣлаетъ Филиппъ [1]), и здоровъ ли Полиньякъ; я бы хотѣлъ прислать тебѣ проповѣдь мою здѣшнимъ мужикамъ о холерѣ, ты бы со смѣху умеръ, да не стоишь ты этого подарка. Прощай, душа моя...

79.

Изъ письма къ П. А. Плетневу.

(29 октября 1830 г., изъ Болдина).

О сотрудничествѣ въ Литературной Газетѣ.

...Журналовъ вашихъ я не читаю; кто кого? Скажи Дельвигу, чтобъ онъ крѣпился; что я къ нему явлюся непремѣнно на подмогу зимой, коли здѣсь не околѣю. Покамѣстъ онъ ужъ можетъ заказать виньетку на деревѣ, изображающую меня голенькаго въ видѣ Атланта, на плечахъ поддерживающаго Лит. Газету.

---

[1]) Франц. король Людовикъ-Филиппъ.

80.

Изъ письма къ бар. А. А. Дельвигу.

(4 ноября 1830 г., изъ Болдина).

О томъ же и о занятіяхъ своихъ въ Болдинѣ.

...Доношу тебѣ, моему владѣльцу, что нынѣшняя осень была дѣтородна, и что коли твой смиренный вассалъ не околѣетъ отъ сарацинскаго падежа, холерой именуемаго и занесеннаго намъ крестовыми воинами, т. е. бурлаками, то въ за́мкѣ твоемъ, Литературной Газетѣ, пѣсни трубадуровъ не умолкнутъ круглый годъ. Я, душа моя, написалъ пропасть полемическихъ статей, но не получая журналовъ, отсталъ отъ вѣка и не знаю, въ чемъ дѣло—и кого надлежитъ душить: Полеваго или Булгарина. Отецъ мнѣ ничего про тебя не пишетъ, а это безпокоитъ меня, видя мое осеннее прилежаніе.—Прощай, душа; на другой почтѣ я, можетъ быть, еще что-нибудь тебѣ пришлю.

81.

Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому.

(5 ноября 1830 г., изъ Болдина).

О современной журналистикѣ.

...Здѣсь я кое-что написалъ; но досадно, что не получалъ журналовъ. Я былъ въ духѣ ругаться и отдѣлалъ бы ихъ на ихъ же манеръ. Въ полемикѣ мы скажемъ съ тобою: и нашего тутъ капля меду ѣсть.—Радуюсь, что ты принялся за Фонъ-Визина [1]). Что ты ни скажешь о немъ, или кстати о немъ, все будетъ хорошо, потому что будетъ сказано. Объ истинѣ (т. е. о точности примѣненія истины) нечего тебѣ заботиться; пуля виноватаго сыщетъ. Всѣ твои литературныя обозрѣнія полны этихъ пуль-дуръ. Собери-ка свои статьи критическія, посмотри, что́ за перестрѣлка подымется...

82.

Изъ письма къ П. А. Плетневу.

(9 декабря 1830 г., изъ Москвы).

О запрещеніи Литературной Газеты Дельвига вслѣдствіе интриги Булгарина.

...Итакъ русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу! Жаль, но чего смотрѣлъ и Дельвигъ? Охота ему была печатать конфектный билетецъ этого несноснаго Лавинья [2]). Но все же Дельвигъ долженъ оправдаться передъ государемъ. Онъ можетъ доказать, что никогда въ его Газетѣ не было и тѣни не только мятежности, но и недоброжелательства къ правительству. Поговори съ нимъ объ этомъ, а то шпіоны-литераторы заѣдятъ его, какъ барана, а не какъ барона...

---

[1]) Кн. Вяземскій, запертый холерою въ своемъ подмосковномъ Остафьевѣ, принялся за біографію Ф.-Визина, напечатанную уже въ 1848 г.

[2]) Четверостишіе Казиміра Делявиня на предполагавшійся памятникъ жертвамъ іюльскихъ дней.

83.

Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому.

(2 января 1831 г., изъ москвы).

О стихахъ кн. Вяземскаго.—О современной журналистикѣ.

Стихи твои—прелесть. Не хочется мнѣ отдать ихъ; лучше отошлемъ ихъ Дельвигу. Обозы, поросята, бригадиръ удивительно забавны. Яковлевъ издаетъ къ масляницѣ альманахъ Блинъ. Жаль, если первый блинъ его будетъ комомъ. Не отдашь ли ты ему Обозы, а Дѣвичій сонъ Максимовичу? Яковлевъ тѣмъ еще хорошъ, что отмѣнно храбръ и готовъ намазать свой блинъ жиромъ Булгарина и икрою Полеваго. Пошли ему свои сатирическія статьи, коли есть. Знаешь ли ты, какіе подарки получилъ я на новый годъ? Билетъ на Телеграфъ, да билетъ на Телескопъ отъ издателей, въ знакъ искренняго почтенія. Каково? И въ Пчелѣ предлагаютъ миръ, упрекая насъ (тебя да меня) въ неукротимой враждѣ и службѣ вѣчной Немезидѣ.... Сѣв. Цвѣты что-то блѣдны. Каковъ шутъ Дельвигъ, въ круглый годъ ничего самъ не написавшій и издавшій свой альманахъ въ потѣ лицъ нашихъ?.. Денисъ здѣсь. Онъ написалъ краснорѣчивый Eloge Раевскаго [1]). Мы совѣтуемъ ему написать жизнь его....

84.

Изъ письма къ П. А. Плетневу.

(7 января 1831 г., изъ москвы).

О Сѣверныхъ Цвѣтахъ Дельвига и стихотвореніи Ѳ. Глинки.

...Видѣлъ я, душа моя, Цвѣты. Странная вещь, непонятная вещь! Дельвигъ ни единой строчки въ нихъ не помѣстилъ. Онъ поступилъ съ нами, какъ помѣщикъ съ своими крестьянами: мы трудимся—а онъ сидитъ... да насъ побраниваетъ. Нехорошо и неблагоразумно. Онъ открываетъ намъ глаза, и мы видимъ, что мы въ дуракахъ. Странная вещь, непонятная вещь!—Бѣдный Глинка работаетъ какъ батракъ, а проку все нѣтъ. Кажется мнѣ, онъ съ горя рехнулся. Кого вздумалъ просить себѣ въ кумовья! [2]). Вообрази, въ какое положеніе приведетъ онъ и священника, и дьячка, и бабку, да и самаго кума—котораго заставятъ же отрекаться отъ дьявола, плевать, дуть, сочетаться и проч.... Нащокинъ увѣряетъ, что всѣхъ избаловалъ покойный царь, который у всѣхъ крестилъ ребятъ. Я до сихъ поръ отъ дерзости Глинкиной опомниться не могу. Странная вещь, непонятная вещь!...

---

[1]) „Некрологія ген. Н. Н. Раевскаго" Дениса Давидова.

[2]) Ѳ. Глинка помѣстилъ въ „С. Цв." 1831 г. слѣдующее стих.:

Не плачь, жена! Мы здѣсь земные постояльцы;
Я вѣрю: гдѣ-то есть и намъ пріютный домъ!
Подчасъ вздохну я, сидя за перомъ,
Слезу роняешь ты на пяльцы;
Ты все о будущемъ полна заботныхъ думъ;
Богъ дастъ дѣтей?.. Ну что жъ?—Пусть Онъ нашъ будетъ кумъ.

85.

Изъ письма къ П. А. Плетневу.

(13 января 1831 г., изъ Москвы).

О современной журналистикѣ.

...Что газета наша? Надобно намъ о ней подумать. Подъ конецъ она была очень вяла. Иначе и быть нельзя: въ ней отражается русская литература. Въ ней говорили подъ конецъ объ одномъ Булгаринѣ; такъ и быть должно: въ Россіи пишетъ одинъ Булгаринъ. Вотъ текстъ для славной филиппики. Кабы я не былъ лѣнивъ, да не былъ женихъ, да не былъ очень добръ, да умѣлъ бы читать и писать, то я бы каждую недѣлю писалъ обозрѣніе литературное,—да лихъ терпѣнія нѣтъ, злости нѣтъ, времени нѣтъ, охоты нѣтъ. Впрочемъ посмотримъ...

86.

Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому.

(въ половинѣ января 1831 г., изъ Москвы).

О Ф. Визинѣ для кн. Вяземскаго. О сотрудничествѣ въ журналахъ.

...Вчера видѣлъ я кн. Юсупова [1]) и исполнилъ твое препорученіе: допросилъ его о Фонъ-Визинѣ, и вотъ чего добился. Онъ очень зналъ Фонъ-Визина, который нѣсколько времени жилъ съ нимъ въ одномъ домѣ; c'etait un autre Beaumarchais pour la conversation [2]). Онъ знаетъ пропасть его bons-mots, да не припомнитъ... Что до Телескопа... то у меня его покамѣстъ нѣту. Да напиши къ Салаеву, чтобы онъ тебѣ всю эту дрянь выслалъ. Твою статью о Пушкинѣ [3]) пошлю къ Дельвигу. Что ты чужихъ прикармливаешь? Свои голодны. Максимовичу однакожъ отдалъ Обозы, скрѣпя сердце...

87.

Изъ письма къ П. А. Плетневу.

(31 января 1831 г., изъ Москвы).

О Дельвигѣ и В. Туманскомъ.

Бѣдный Дельвигъ! Помянемъ его Сѣверными Цвѣтами—но мнѣ жаль, если это будетъ ущербъ Сомову [4]). Онъ былъ искренно къ нему привязанъ—и смерть нашего друга едва ли не ему всего тяжеле: чувства души слабѣютъ и мѣняются; нужды жизненныя не дремлютъ.

Баратынскій собирается написать жизнь Дельвига. Мы всѣ поможемъ ему нашими воспоминаніями. Не правда ли? Я зналъ его въ Лицеѣ—былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣченнаго развитія его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. Съ нимъ читалъ я Державина и Жуковскаго — съ нимъ толковалъ обо всемъ, „что душу волнуетъ, что сердце томитъ“. Я хорошо знаю, однимъ словомъ, его первую молодость; но,

---

[1]) См. т. I, № 189. — [2]) т. е.: „Это былъ второй Бомарше въ бесѣдѣ“.—[3]) Статью о Василіи Львовичѣ Пушкинѣ.—

[4]) Сомовъ, существовавшій только участіемъ въ изданіи С. Цвѣтовъ и Литературной Газеты.

ты и Баратынскій знаете лучше его раннюю зрѣлость. Вы были свидѣтелями возмужалости его души. Напишемъ же втроемъ жизнь нашего друга, жизнь богатую не романическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами.—Отвѣчай мнѣ на это.

Вижу по письму твоему, что Туманскій въ Петербургѣ—обними его за меня. Полюби его, если ты еще его не любишь. Въ немъ много прекраснаго, несмотря на нѣкоторыя мелочи характера малороссійскаго.

Что за мысль пришла Гнѣдичу послать свои стихи [1]) въ Сѣв. Пчелу?...

88.

Изъ письма къ П. А. Плетневу.

(26 марта 1831 г., изъ москвы).

Планы послѣ женитьбы о жизни и занятіяхъ въ Царскомъ Селѣ.—О Погодинѣ и Шевыревѣ.

...Послѣ Святой отправляюсь въ Петербургъ. Знаешь ли что? Мнѣ мочи нѣтъ, хотѣлось бы къ вамъ не доѣхать, а остановиться въ Царскомъ Селѣ. Мысль благословенная! Лѣто и осень такимъ образомъ провелъ бы я въ уединеніи вдохновительномъ, вблизи столицы, въ кругу милыхъ воспоминаній и тому подобныхъ удобностей. А домá, вѣроятно, нынѣ тамъ не дороги: гусаровъ нѣтъ, Двора нѣтъ—квартиръ пустыхъ много. Съ тобою, душа моя, видался бы я всякую недѣлю, съ Жуковскимъ также — Петербургъ подъ бокомъ — жизнь дешевая, экипажа не нужно. Чего, кажется, лучше? Подумай объ этомъ на досугѣ, да и перешли мнѣ свое рѣшеніе. Книги Белизара [2]) я получилъ и благодаренъ. Прикажи ему прислать мнѣ еще Crabe, Wordsworth, Southey и Shakespeare въ домъ Хитровой на Арбатѣ... Сомову скажи, чтобъ онъ прислалъ мнѣ, если можетъ, Лит. Газету за прошлый годъ (за нынѣшній не нужно: самъ за нимъ пріѣду), да и Сѣв. Цвѣты, послѣдній памятникъ нашего Дельвига; объ альманахѣ переговоримъ. Я не прочь издать съ тобою послѣдніе С. Цвѣты. Но затѣваю и другое, о которомъ также переговоримъ. Мнѣ сказывали, что Жуковскій очень доволенъ Мароой Посадницей [3]). Если такъ, то пусть же выхлопочетъ онъ у Бенкендорфа или у кого ему будетъ угодно, позволеніе напечатать всю драму, произведеніе чрезвычайно замѣчательное, несмотря на неравенство общаго достоинства и слабости стихосложенія. Погодинъ очень, очень дѣльный и честный молодой человѣкъ, истинный нѣмецъ по чистой любви своей къ наукѣ, трудолюбію и умѣренности. Его надобно поддержать, также и Шевырева, котораго куда бы не худо посадить на опустѣвшую каѳедру Мерзлякова, добраго пьяницы, но ужаснаго невѣжды. Это была бы побѣда надъ университетомъ, т. е. надъ предразсудками и вандализмомъ.

---

[1]) На смерть Дельвига.—[2]) Белизаръ — франц. книгопродавецъ.—[3]) См. выше стр. 91—107.

89.

Изъ письма къ П. А. Плетневу.

(11 апрѣля 1831 г., изъ москвы).

О современной литературѣ.

...Мнѣ кажется, что если всѣ мы будемъ въ кучкѣ, то литература не можетъ не согрѣться и что-нибудь да не произвести: альманаха, журнала, чего добраго—и газеты! Вяземскій везетъ къ вамъ Жизнь Ф. Визина, книгу, едва ли не самую замѣчательную съ тѣхъ поръ, какъ пишутъ у насъ книги (все-таки исключая Карамзина). Петръ Ивановичъ [1]) приплылъ и въ Москву, гдѣ, кажется, приняли его довольно сухо. Что за дьявольщина? Неужто мы вразумили публику? Или сама догадалась, голубушка? А кажется, Булгаринъ такъ для нея созданъ, а она для него, что имъ вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать. На Выжигина II-го [2]) я еще не посягалъ; а какъ, сказываютъ, обо мнѣ въ немъ нѣтъ ни слова, то и не посягну. Разумѣю, не стану читать, а ругать все-таки буду. Сомовъ написалъ мнѣ длинное письмо, на которое я еще не отвѣчалъ. Скажи ему, что Делорма я самъ привезу, потому и не посылаю.

90.

Изъ письма къ П. А. Плетневу.

(въ апрѣлѣ 1831 г. изъ москвы).

О молодыхъ писателяхъ. О Жуковскомъ.

...Вотъ тебѣ пунктуальные отвѣты на твои запросы. Деларю [3]) слишкомъ гладко, слишкомъ правильно, слишкомъ чопорно пишетъ для молодаго лицеиста. Въ немъ не вижу я ни капли творчества, а много искусства. Это второй томъ Подолинскаго. Впрочемъ, можетъ быть онъ и разовьется. О Гоголѣ не скажу тебѣ ничего, потому что доселѣ его не читалъ за недосугомъ. Отлагаю чтеніе до Царскаго Села...

Обними Жуковскаго за участіе, въ которомъ я никогда не сомнѣвался. Не пишу ему, потому что не привыкъ съ нимъ переписываться. Съ нетерпѣніемъ ожидаю новыхъ его балладъ. Итакъ былое съ нимъ сбывается опять. Слава Богу! Но ты не пишешь, что такое его баллады: переводы или сочиненіе? Дмитріевъ, думая критиковать Жуковскаго, далъ ему прездравый совѣтъ. Жуковскій, говоритъ онъ, въ своей деревнѣ заставляетъ старухъ себѣ ноги гладить и разсказывать сказки, а потомъ перекладываетъ ихъ въ стихи. Преданія русскія ничуть не уступаютъ въ фантастической поэзіи преданіямъ ирландскимъ и германскимъ. Если все еще его несетъ вдохновеніемъ, то присовѣтуй ему читать Четь-Минею, особенно легенды о кіевскихъ чудотворцахъ: прелесть простоты и вымысла.

91.

Изъ письма къ П. А. Плетневу.

(1 іюня 1831 г., изъ царскаго села).

О Вельтманѣ.

---

[1]) „Выжигинъ", романъ Булгарина.
[2]) См. выше письмо 75-е.
[3]) Лицеистъ выпуска 1829 г.

...Я сейчасъ увидѣлъ въ Литературной Газетѣ разборъ Вельтмана [1]) очень неблагосклонный и несправедливый; чтобъ не подумалъ онъ, что я тутъ какъ-нибудь вмѣшался. Дѣло въ томъ, что и я виноватъ: полѣнился исполнить обѣщанное, не написалъ самъ разбора: но некогда было.

92.

Изъ письма къ М. П. Погодину.

(въ іюнѣ 1831 г., изъ ц. села).

О Погодинѣ и московскомъ университетѣ.

...Пишите Петра; не бойтесь его дубины. Въ его время вы были бы одинъ изъ его помощниковъ; въ наше время будьте хоть живописцемъ. Жалѣю, что вы не раздѣлались съ московскимъ университетомъ, который долженъ рано или поздно извергнуть васъ изъ среды своей, ибо ничего чуждаго не можетъ оставаться ни въ какомъ тѣлѣ, а ученость, дѣятельность и умъ чужды московскому университету...

93.

Изъ письма къ П. А. Плетневу.

(въ іюлѣ, изъ ц. села).

О Сѣв. Цвѣтахъ въ пользу братьевъ Дельвига.

... Что же твой планъ Сѣв. Цвѣтовъ въ пользу братьевъ Дельвига? Я даю въ нихъ Моцарта и нѣсколько мелочей. Жуковскій дастъ свою гекзаметрическую сказку. Пиши Баратынскому: онъ пришлетъ намъ сокровища. Онъ въ своей деревнѣ. Отъ тебя стиховъ не дождешься; если бъ ты собрался, да написалъ что-нибудь о Дельвигѣ, — то-то было бъ хорошо! Во всякомъ случаѣ, проза нужна; коли ты ничего не дашь, такъ она сядетъ на мель. Обозрѣнія словесности не надобно: чортъ ли въ нашей словесности? придется бранить Полеваго да Булгарина,—кстати ли такое аллилуія на могилѣ Дельвига? Подумай обо всемъ этомъ хорошенько, да и распорядись, а издавать уже пора, т. е. приготовляться къ изданію....

94.

Изъ письма къ А. Х. Бенкендорфу.

(въ іюлѣ 1831 г., изъ ц. села).

О намѣреніи издавать журналъ политическій и литературный [2]).

Если государю императору угодно будетъ употребить перо мое для политическихъ статей, то постараюсь съ точностію и съ усердіемъ исполнить волю его величества. Въ Россіи періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій (которыхъ у насъ и не существуетъ)—и правительству нѣтъ надобности имѣть свой оффиціальный журналъ. Но тѣмъ не менѣе общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо. Нынѣ, когда справедливое не-

---

[1]) „Странникъ", ром. въ 2 ч., и пов. въ стихахъ: „Бѣглецъ" А. Ө. Вельтмана (1800—1870).

[2]) См. выше стр. 175.

годованіе и старая народная вражда, долго растравляемая завистью, соединила всѣхъ насъ противъ польскихъ мятежниковъ, озлобленная Европа нападаетъ покамѣстъ не оружіемъ, но ежедневной бѣшеной клеветою [2]). Конституціонныя правительства хотятъ мира, а молодыя поколѣнія, волнуемыя журналами, требуютъ войны... Пускай позволятъ намъ, русскимъ писателямъ, отражать безстыдныя и невѣжественныя нападенія иностранныхъ газетъ. Съ радостію взялся бы я за редакцію политическаго и литературнаго журнала, т. е. такого, въ которомъ печатались бы политическія и заграничныя новости, около котораго соединилъ бы писателей съ дарованіями, и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію. Осмѣливаюсь также просить дозволенія заняться историческими изысканіями въ нашихъ государственныхъ архивахъ и библіотекахъ. Не смѣю и не хочу взять на себя званіе исторіографа послѣ незабвеннаго Карамзина, но могу современемъ исполнить мое давнишнее желаніе написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до государя Петра III.

95.

Изъ письма къ М. Л. Яковлеву [3]).

(19 іюля 1831 г. изъ Царскаго Села).

О Сѣверныхъ Цвѣтахъ въ пользу семьи Дельвига.

... На дняхъ пересмотрѣлъ я у себя письма Дельвига; можетъ быть, современемъ это напечатаемъ. Нѣтъ ли у ней [4]) моихъ къ нему писемъ? Мы бы ихъ соединили. Еще просьба: у Дельвига находились готовыя къ печати двѣ трагедіи нашего Кюхли [5]) и его же Ижорскій, также и моя баллада о рыцарѣ, влюбленномъ въ Дѣву [6]). Не можетъ ли это все Софья Михайловна оставить у тебя? Плетневъ и я, мы бы постарались что-нибудь изъ этого сдѣлать....

96.

Изъ письма къ П. В. Нащокину [7]).

(21 іюля 1831 г., изъ Царскаго Села).

О современной критикѣ.

... Ты пишешь мнѣ о какомъ-то критическомъ разговорѣ [8]), котораго я еще не читалъ. Если бы ты читалъ наши журналы, то увидѣлъ бы, что все, что́ называютъ у насъ критикой, одинаково глупо и смѣшно. Съ моей стороны, я отступился; возражать серьезно—невозможно, и плясать передъ публикою не намѣренъ. Да къ тому жъ ни критика, ни публика не достойны дѣльныхъ возра-

[2]) См. лирическія произведенія, вызванныя этими клеветами въ т. I, № 215 и 216.—[3]) М. Л. Яковлевъ—лицейскій товарищъ Пушкина, управлявшій типографіей II отдѣленія.—[4]) У вдовы Дельвига, Софьи Михайловны. — [5]) Кухельбекера. — [6]) Стих.: „Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный“...

[7]) О Нащокинѣ см. т. I, стр. 309.

[8]) „О Борисѣ Годуновѣ сочиненія Александра Пушкина разговоръ“. М. 1831, 16 стр. Это—разговоръ „помѣщика, проѣзжающаго изъ Москвы черезъ уѣздный городокъ“ и „вольнопрактикующаго въ ономъ учителя русской словесности“. Онъ помѣченъ 15 апрѣля

женій. Нынче осенью займусь литературой, а зимою зароюсь въ архивы, куда входъ дозволенъ мнѣ царемъ. Царь со мною очень милостивъ и любезенъ....

97.

Изъ письма къ П. А. Плетневу.

(3 августа 1831 г., изъ Царскаго Села).

О Сѣверныхъ Цвѣтахъ въ пользу братьевъ Дельвига. О Литераной Газетѣ. О гр. Хвостовѣ.

... Что жъ Цвѣты? Ей-Богу, не знаю, что́ мнѣ дѣлать. Яковлевъ пишетъ, что покамѣстъ нельзя за нихъ приняться. Почему же? развѣ типографіи остановились? развѣ нѣтъ бумаги? развѣ Сомовъ боленъ или отказывается отъ изданія?

Кстати: что́ сдѣлалось съ Лит. Газетою? Она неисправнѣе Меркурія. Кстати: не умеръ ли Бестужевъ-Рюминъ? Говорятъ, холера уноситъ пьяницъ. Съ душевнымъ прискорбіемъ узналъ я, что Хвостовъ живъ. Посреди столькихъ гробовъ, столькихъ раннихъ или безцѣнныхъ жертвъ Хвостовъ торчитъ какимъ-то кукишемъ.... Перечитывалъ я на дняхъ письма Дельвига; въ одномъ изъ нихъ пишетъ онъ о смерти Д. Веневитинова [1]): „Я въ тотъ же день встрѣтилъ Хвостова“, говоритъ онъ, „и чуть не разругалъ его: зачѣмъ онъ живъ?“—Бѣдный нашъ Дельвигъ! Хвостовъ и его пережилъ. Вспомни мое пророческое слово: Хвостовъ и меня переживетъ. Но въ такомъ случаѣ именемъ нашей дружбы заклинаю тебя его зарѣзать—хоть эпиграммой [2]). Прощай, будьте здоровы. Сказки мои возвратились ко мнѣ, не достигнувъ до тебя.

98.

А. Ѳ. Воейкову.

(21—25 августа 1831 г., изъ Царскаго Села)

О Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки Гоголя. О приличіи литературныхъ произведеній.

Сейчасъ прочелъ „Вечера близъ Диканьки“. Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился. Мнѣ сказывали, что когда издатель вошелъ въ типографію, гдѣ печатались „Вечера“, то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая ротъ рукою. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу [3]). Мольеръ и Фильдингъ, вѣроятно, были бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю публику съ истинно-веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ.

Ради Бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на неприличіе его выраженій, на дур-

---

1831 г. Изъ Астрахани. (Пр. П. О. Мороз.) — [1]) См. т. IV, стр. 79.—[2]) Гр. Хвостовъ умеръ 22 октября 1835 г.

[3]) Это сообщилъ Пушкину самъ Гоголь въ письмѣ отъ 21 августа.

мой тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять les précieuses redicules нашей словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ, и все это слогомъ камердинера профессора Тредьяковскаго.

99.

Неизвѣстному.

(около того же времени).

О приличіи литературныхъ произведеній.

Отдавая полную справедливость благонамѣренности и безпристастію вашей газеты, признаюсь, не могъ я согласиться съ мнѣніями, которыя обнаруживаетъ она касательно критики и полемики.

Во-первыхъ, что́ значатъ вѣчные толки о вѣжливости? Если бы критики нашихъ журналовъ погрѣшали единою своею грубостію, то бѣда была бы еще небольшая...

Вы поминутно говорите о приличіи журнала; но позвольте дать замѣтить, что и газета, стараясь быть равно учтива и важна въ отношеніи ко всѣмъ книгамъ, ею разбираемымъ, безъ сомнѣнія погрѣшала бы противу правилъ приличія. Вы въ обществѣ локтемъ задѣли вашего сосѣда, вы извиняетесь,—очень хорошо; но, гуляя въ толпѣ подъ качелями, толкнули лавочника—вы не скажете ему: mille pardons. Вы зовете извощика и говорите ему: „пошелъ въ Коломну", а не „сдѣлайте одолженіе, потрудитесь свезти въ Коломну". Разница—критиковать „Исторію Государства Россійскаго" и, напримѣръ, ***.

У насъ вошло въ обыкновеніе между писателями, заслужившими довѣренность и уваженіе публики, не возражать на критики. Рѣдко кто изъ нихъ подаетъ голосъ, и то не за себя. Обыкновеніе, вредное для литературы. Такія антикритики имѣли бы двойную пользу: исправленіе ошибочныхъ мнѣній и распространеніе здравыхъ понятій касательно искусства. Вы скажете, что по большей части журнальная критика заключается въ личностяхъ и брани, что публика etc...

Возразятъ, что иногда нападающее лицо, само по себѣ, такъ презрительно, что честному человѣку никакъ нельзя войти въ сношеніе съ нимъ, не марая себя. Въ такомъ случаѣ объяснитесь, извинитесь передъ публикою. Видокъ васъ обругалъ — изъяснитесь, почему вы никоимъ образомъ отвѣчать ему не намѣрены. Въ этомъ отношеніи мнѣ нравится одна изъ статей вашего журнала, какъ доброе дѣло.

100.

Изъ письма къ Н. В. Гоголю.

(25 августа 1831 г., изъ Царскаго Села).

О современной журналистикѣ и успѣхѣ „Вечеровъ на хуторѣ" Гоголя.

Любезный Николай Васильевичъ! Очень благодарю васъ за письмо и доставленіе Плетневу моей посылки, особенно за письмо... Проектъ вашей ученой критики удивительно хорошъ. Но вы слиш-

комъ лѣнивы, чтобъ привести его въ дѣйствіе. Статья Косичкина [1]) еще не явилась. Не знаю, что это значитъ: не убоялся ли Надеждинъ гнѣва Ѳаддея Венедиктовича? — Поздравляю васъ съ первымъ вашимъ торжествомъ — съ фырканьемъ наборщиковъ и изъясненіемъ фактора [2]). Съ нетерпѣніемъ ожидаю и другаго — толковъ журналистовъ и отзыва остренькаго сидѣльца [3]). У насъ все благополучно... Жуковскій расписался, я чую осень и собираюсь засѣсть...

101.

Къ С. С. Уварову.

(21 октября 1831 г., спб.).

О переводѣ „Клеветникамъ Россіи" на фр. яз. С. С. Уваровымъ.

М. Г. Сергѣй Семеновичъ. Князь Дундуковъ доставилъ мнѣ прекрасные, истинно вдохновенные стихи, которые угодно было вашей скромности назвать подражаніемъ. Стихи мои послужили вамъ простою темою для развитія геніальной фантазіи. Мнѣ остается отъ сердца васъ благодарить за вниманіе, мнѣ оказанное, и за силу и полноту мыслей, великодушно мнѣ присвоенныхъ вами. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

102.

Изъ письма къ П. В. Нащокину.

(24 октября 1831 г., спб.).

О современной журналистикѣ.

...Москва—губернскій городъ, получающій журналы модъ. Плохо. Жду Вяземскаго. Не знаю, не затѣю ли что-нибудь литературнаго—журнала, альбома или тому подобнаго. Лѣнь. Кстати: я издаю Сѣверные Цвѣты для братьевъ нашего покойнаго Дельвига; заставь ихъ разбирать. Доброе дѣло сдѣлаемъ. Повѣсти мои напечатаны; на дняхъ получишь...

103.

Н. М. Языкову.

(18 ноября 1831 г., спб.).

О литературныхъ новостяхъ.

Сердечно благодарю васъ, любезный Николай Михайловичъ, васъ и Кирѣевскаго, за дружескія письма и за прекрасные стихи. Если бы къ тому присовокупили вы еще свои адресы, то я былъ бы совершенно доволенъ. Поздравляю всю братію съ рожденіемъ Европейца [4]). Готовъ, съ моей стороны, служить вамъ, чѣмъ угодно, прозой и стихами, по совѣсти и противъ совѣсти. Ѳ. Косичкинъ до слезъ тронутъ вниманіемъ, коимъ удостоиваете вы его; на дняхъ получилъ онъ благодарственное письмо отъ А. Орлова и собирается отвѣчать ему [5]) потрудитесь отыскать его (Орлова) и доставить ему отвѣты его друга (или отъ его друга, какъ пишетъ Погодинъ). Жу-

[1]) Статья Пушкина подъ этимъ псевдонимомъ напечатана въ „Телескопѣ" 1831 (V): „Торжество дружбы".— [2]) См. вып. къ письму 98.— [3]) Н. Полеваго.— [4]) Журналъ, изд. Кирѣевскимъ.— [5]) См. письмо 104.

ковскій пріѣхалъ; извѣстія, имъ привезенныя, очень утѣшительны; стѣна (?), пробитая вами, очень поправитъ домашнія обстоятельства нашей бѣдной литературы [6]). Надѣюсь на Хомякова: Самозванецъ его не будетъ уже студентъ, а стихи его все будутъ попрежнему прекрасны. Торопите Вяземскаго, пусть онъ пришлетъ мнѣ своей прозы и стиховъ; стыдно ему; да и Баратынскому стыдно. Мы правимъ тризну по Дельвигѣ; а вотъ какъ нашихъ поминаютъ! и кто же?—друзья его! ей-Богу, стыдно. Хвостовъ написалъ мнѣ посланіе, гдѣ онъ помолодѣлъ и тряхнулъ стариною. Онъ говоритъ:

Приближася похода къ знаку,
Я сталъ союзникъ зодіаку;
Холеры не любя пилюль,
Я пѣлъ при старости іюль—

и пр., въ томъ же родѣ. Собираюсь достойно отвѣчать союзнику Водолея, Рака и Козерога. Впрочемъ все у насъ благополучно.

104.

А. А. Орлову.

(9 января 1832 г., спб.).

О „Новомъ Выжигинѣ" А. А. Орлова.—Александръ Анѳимовичъ Орловъ (авторъ плохихъ романовъ) былъ взятъ Пушкинымъ подъ защиту отъ нападокъ Булгарина и Полеваго, назвавшаго его два сочиненія „двумя глупѣйшими, вышедшими въ Москвѣ книжонками"—„Чѣмъ возгордилась петербургская литература?" писалъ Пушкинъ въ своей юмористической статьѣ „Торжество дружбы, или оправданный А. А. Орловъ" (въ Телескопѣ 1831 г., № 13) подъ псевдонимомъ Ѳеофилакта Косичкина": г. Булгаринымъ?... Согласенъ, что сей великій писатель, равно почтенный и дарованіями, и характеромъ, заслужилъ безсмертную славу; но произведенія Орлова ставятъ московскаго романиста если не выше, то по крайней мѣрѣ наравнѣ съ петербургскимъ его соперникомъ". — Письмо Пушкина есть отвѣтъ на письмо Орлова, благодарившаго его за статьи: „Торжество дружбы" и „О мизинцѣ г. Булгарина".

М. Г. Александръ Анѳимовичъ! Искренно благодарю васъ за удовольствіе, доставленное мнѣ письмомъ вашимъ. Радуюсь, что посильное заступленіе мое за дарованіе, конечно не имѣющее нужду ни въ чьемъ заступленіи, заслужило вашу благосклонность. Вы оцѣнили мое усердіе, а не успѣхъ. Малъ бѣхъ въ братіи моей, и если мой камышекъ угодилъ въ мѣдный лобъ Голіаѳу Фиглярину, то слава Создателю! Первая глава новаго вашего „Выжигина" есть новое доказательство неистощимости вашего таланта. Но, почтенный Александръ Анѳимовичъ! Удержите сіе благородное, справедливое негодованіе, обуздайте свирѣпость творческаго духа вашего! Не приводите яростью пера вашего въ отчаяніе присмирѣвшихъ издателей „Пчелы" [1]). Оставьте меня впереди соглядатаемъ и стражемъ. Даю вамъ слово, что если они чуть пошевельнутся, то Ѳ.

---

[6]) Вѣроятно, Пушкинъ здѣсь говоритъ о добытомъ разрѣшеніи на изданіе новаго журнала.

[1]) „Сѣверной Пчелы", газеты Булгарина.

Косичкинъ заваритъ такую кашу или паче кутью, что они ею подавятся. Читалъ я въ „Молвѣ... [2]) объявленіе о намѣреніи вашемъ писать „Исторію русскаго народа“ [3]): можно ли вѣрить сей пріятной новости?

Съ истиннымъ почтеніемъ и неизмѣннымъ усердіемъ остаюсь, всегда готовый къ вашимъ услугамъ...

105.

И. И. Дмитріеву.

(14 февраля 1832 г., спб.).

Отвѣтъ на письмо Дмитріева. Извѣщеніе о судьбѣ „Европейца“.

М. Г. Иванъ Ивановичъ. Приношу вашему высокопревосходительству глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить, — драгоцѣнный памятникъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Ваше вниманіе утѣшаетъ меня въ равнодушіи непосвященныхъ. Радуюсь, что успѣлъ вамъ угодить стихами, хотя и бѣлыми. Вы должны любить риѳму, какъ вѣрнаго слугу, который никогда съ вами не спорилъ и всегда повиновался малѣйшимъ вашимъ прихотямъ. Утѣшительно для всякаго русскаго видѣть живость вашей дѣятельности и внимательности: по физіологическимъ примѣчаніямъ, это порука въ долголѣтіи и здравіи. Живите жъ долго, милостивый государь! Переживите наше поколѣніе, какъ мощные и стройные стихи ваши переживутъ тщедушныя нынѣшнія произведенія.

Вѣроятно, вы изволите уже знать, что журналъ Европеецъ запрещенъ вслѣдствіе доноса. Кирѣевскій, добрый и скромный Кирѣевскій, представленъ правительству сорванцомъ и якобинцемъ! Всѣ здѣсь надѣются, что онъ оправдается, и что клеветники—или по крайней мѣрѣ клевета—устыдится и будетъ изобличена. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію, честь имѣю быть, м. г., вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга.

106.

М. П. Погодину.

(11 іюля 1832 г. спб.).

О современной критикѣ.

Исполнивъ коммиссію вашу касательно Смирдина и не получивъ отъ него удовлетворительнаго отвѣта, я все не рѣшался писать къ вамъ объ ономъ. Варварство нашей литературной торговли меня бѣситъ. Смирдинъ опутанъ самъ разными обстоятельствами, накупивъ романовъ и т. п., и ни къ какимъ условіямъ не приступаетъ. Трагедіи нынче не раскупаются, говоритъ онъ своимъ техническимъ языкомъ. Переждемъ же и мы: мнѣ сказывали, что васъ гдѣ-то разбранили за Посадницу; надѣюсь, что это никакого вліянія не будетъ имѣть на ваши труды. Вспомните, что меня лѣтъ 10 сряду

---

[2]) „Молва“ — еженедѣльное приложеніе къ „Телескопу“.

[3]) Объявленіе это было помѣщено Надеждинымъ на-смѣхъ Полевому, автору „Исторія Русскаго народа“.

хвалили Богъ вѣсть за что, а разругали за Годунова и Полтаву. У насъ критика, конечно, ниже даже и публики, не только самой литературы—сердиться на нее можно, но довѣрять ей въ чемъ бы то ни было—непростительная слабость. Ваша Мароа [1]), вашъ Петръ исполнены истинной драматической силы, и если когда-нибудь могутъ быть разрѣшены сценическою цензурой, то предрекаю вамъ такой народный успѣхъ, какого мы, холодные сѣверные зрители Скрибовыхъ водевилей и Дидлотовыхъ балетовъ, и представить себѣ не можемъ.

Знаете ли вы, что государь разрѣшилъ мнѣ политическую газету? Дѣло важное, ибо монополія пала. Вы чувствуете, что дѣло безъ васъ не обойдется.

Но журналъ будучи торговымъ предпріятіемъ, я ни къ чему приступить не дерзаю, ни къ предложеніямъ, ни къ условіямъ, покамѣстъ порядкомъ не осмотрюсь; не хочу продать вамъ кожу медвѣдя еще живаго, или собрать подписку на Исторію русскаго народа, существующаго только въ нелѣпой башкѣ моей.... [2]) Кстати, скажите Надеждину, что опрометчивость его сужденій непростительна. Недавно прочелъ я въ его журналѣ сравненіе между мной и Полевымъ; оба де морочатъ публику: одинъ выманиваетъ у ней деньги, выдавая по одной главѣ своего Онѣгина, а другой по одному тому своей Исторіи. Разница—собрать подписку, обѣщавшись въ годъ выдать 12 томовъ, а между тѣмъ въ три года напечатать три тома на проценты съ выманенныхъ денегъ, и разница напечатать по главамъ сочиненіе, о которомъ сказано въ предисловіи: Вотъ начало стихотворенія, которое вѣроятно, никогда не будетъ кончено [3]). Надеждинъ воленъ находить мои стихи дурными, но сравнивать меня съ Полевымъ есть съ его стороны свинство: какъ послѣ этого порядочному человѣку связываться съ этимъ народомъ? И что, если бы еще должны мы были уважать мнѣнія Булгарина, Полеваго, Надеждина? Приходилось бы стрѣляться послѣ каждаго нумера ихъ журналовъ. Слава Богу, что общее мнѣніе (каково бы у насъ ни было) избавляетъ насъ отъ хлопотъ.

Я Шишкову не отвѣчалъ и не благодарилъ его. Обнимите его за меня. Дай Богъ ему здоровья за Фортуната [4]). Не будете ли вы къ намъ? Эй, пріѣзжайте.

107.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(30 сентября 1832 г. изъ москвы).

Объ альманашникѣ (ср. выше стр. 69). О посѣщеніи моск. университета. Мысль о романѣ.

---

[1]) См. выше, стр. 91.

[2]) т. е. собрать съ подпищиковъ деньги впередъ, не приготовивъ издаваемое (см. выше стр. 43).

[3]) См. т. IV, стр. А. 4.

[4]) Фортунатъ, драматическая сказка Людвига Тика, въ III ч. „Избраннаго нѣмецкаго театра“ (4 ч. М. 1831), изданнаго Алекс. Александровичемъ Шишковымъ (Пр. П. О. Мороз.).

... Сейчасъ отъ меня альманашникъ. Насилу отговорился отъ него. Онъ сталъ просить стиховъ для альманаха, а я статьи для газеты, такъ и разошлись. На дняхъ былъ я приглашенъ Уваровымъ въ университетъ. Тамъ встрѣтился съ Каченовскимъ (съ которымъ, надобно тебѣ сказать, бранивались мы, какъ торговки на Вшивомъ рынкѣ), а тутъ разговорились съ нимъ такъ дружески, такъ сладко, что у всѣхъ предстоящихъ потекли слезы умиленія. .... Мнѣ пришелъ въ голову романъ, и я, вѣроятно, за него примусь; но покамѣстъ голова моя кругомъ идетъ при мысли о газетѣ. Какъ-то слажу съ нею? Дай Богъ здоровье Отрыжкову [1]); авось вывезетъ.

108.

Графу Д. И. Хвостову.

(въ октябрѣ 1832 г. спб.).

Гр. Д. И. Хвостовъ написалъ Пушкину посланіе „Соловей въ Таврическомъ саду“ (Пушкинъ жилъ на Фурштатской у Таврическаго сада), которое оканчивалось такъ:

Любитель музъ съ зарею майской
Спѣши къ источникамъ ключей:
Ступай подслушать на Фурштатской,
Поетъ гдѣ Пушкинъ-соловей.

Эти стихи были положены на музыку. Гр. Хвостовъ прислалъ ихъ женѣ поэта. Письмо Пушкина есть отвѣтъ на эту присылку.

М. Г., графъ Дмитрій Ивановичъ. Жена моя благодаритъ васъ за принесенный неожиданный подарокъ. Позвольте и мнѣ принести вашему сіятельству сердечную мою благодарность. Я въ долгу передъ вами: два раза почтили вы меня лестнымъ ко мнѣ обращеніемъ и пѣснями лиры заслуженной и вѣчно юной. На дняхъ буду имѣть честь явиться съ женою на поклоненіе къ нашему славному и любезному патріарху.

109.

Изъ письма къ П. В. Нащокину.

(20 октября 1832 г. спб.).

О журналѣ. Объ изд. стих. Баратынскаго.

... Мой журналъ остановился потому, что долго не приходило разрѣшеніе. Нынѣшній годъ онъ издаваться не будетъ. Я и радъ. Къ будущему успѣю осмотрѣться и приготовиться; покамѣстъ буду жаться по немногу..... Скажи Баратынскому, что Смирдинъ въ Москвѣ, и что я говорилъ съ нимъ о изданіи Полныхъ стихотвореній Евг. Баратынскаго. Я говорилъ о 8 и о 10 тысячахъ, а Смирдинъ боялся, что Баратынскій не согласится, слѣдственно Баратынскій можетъ съ нимъ сдѣлаться. Пускай онъ попробуетъ. Что Вельтманъ? Каковы его обстоятельства, и что́ его опера [2])?

---

[1]) Такъ называетъ Пушкинъ Паркиза Ив. Тарасенко-Отрѣшкова, получившаго довѣренность отъ Пушкина на изданіе газеты (см. выше стр. 175).

[2]) Либретто для оперы Есаулова „Сонъ въ лѣтнюю ночь“.

110.

Графу А. И. Чернышеву.

(9 февраля 1833 г., спб.).

О матеріалахъ для исторіи Суворова.

Приношу вашему сіятельству искреннѣйшую благодарность за вниманіе, оказанное къ моей просьбѣ. Слѣдующіе документы, касающіеся исторіи графа Суворова, должны находиться въ архивахъ Главнаго Штаба: 1) Слѣдственное дѣло о Пугачевѣ, 2) Донесенія гр. Суворова во время кампаніи 1794 г., 3) Донесенія его 1799 г., 4) Приказы его по войскамъ. Буду ожидать отъ вашего сіятельства дозволенія пользоваться сими драгоцѣнными матеріалами.

111.

М. П. Погодину.

(5 марта 1833 г., спб.).

О занятіяхъ въ архивахъ. О сотрудничествѣ Погодина въ историческихъ трудахъ.

По секрету. Вотъ въ чемъ дѣло: по уговору нашему, долго собирался я улучить время, чтобъ выпросить васъ въ сотрудники.— Да все какъ-то не удавалось. Наконецъ, на масляницѣ царь заговорилъ какъ-то со мной о Петрѣ I, и я тутъ же представилъ, что трудиться мнѣ одному надъ архивами невозможно, и что помощь просвѣщеннаго, умнаго и дѣятельнаго ученаго мнѣ необходима. Государь спросилъ, кого же мнѣ надобно, и при вашемъ имени было нахмурился. Онъ смѣшиваетъ васъ (т. е. Погодина) съ Полевымъ: извините великодушно... Я кое-какъ умѣлъ васъ отрекомендовать, и Д. Н. Блудовъ все поправилъ и объяснилъ, что между вами и Полевымъ общаго только первый слогъ вашихъ фамилій. Къ сему присовокупился и благосклонный отзывъ Бенкендорфа. Такимъ образомъ дѣло слажено, и архивы вамъ открыты (кромѣ тайнаго). Теперь остается рѣшить, на какомъ основаніи намѣрены вы приступить къ дѣлу. Думаю, что вамъ надо требовать вашего адъюнктскаго жалованья во все время вашихъ трудовъ—и только. А труды ваши не пропадутъ ни въ какомъ отношеніи. Ибо все, елико можно будетъ напечатать, напечатаете вы и для себя. Это будетъ вамъ и пріятно, и выгодно. Сколько отдѣльныхъ книгъ можно составить тутъ, сколько творческихъ мыслей тутъ могутъ развиться! Съ вашей вдохновенной дѣятельностью, съ вашей чистой добросовѣстностью вы произведете такія чудеса, что мы и потомство наше будемъ за васъ Бога молить, какъ за Шлёцера и Ломоносова.

Напишите же мнѣ оффиціальное письмо, которое могъ бы я показать, и я поспѣшу все здѣсь окончить.—Ожидаю васъ съ распростертыми объятіями.

112.

Графу А. И. Чернышеву.

(8 марта 1833 г., спб.).

О матеріалахъ для Исторіи Пугачевскаго бунта.

Доставленныя мнѣ по приказанію вашего сіятельства изъ Московскаго отдѣленія Инспекторскаго архива книги получить имѣлъ я честь. Принося вашему сіятельству глубочайшую мою благодарность, осмѣливаюсь безпокоить васъ еще одною просьбою: благосклонность и просвѣщенная снисходительность вашего сіятельства совсѣмъ избаловали меня.

Въ бумагахъ касательно Пугачева извѣстія о немъ доведены токмо до назначенія генералъ-аншефа Бибикова, но донесеній сего генерала въ военную коллегію, также какъ и рапортовъ кн. Голицына, Михельсона и самого Суворова тутъ не находится. Если угодно будетъ его сіятельству оныя донесенія и рапорты (съ января 1776 г. по конецъ того же года) приказать мнѣ доставить, то почту сіе за истинное мнѣ благодѣяніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, преданностію и благодарностію честь имѣю быть....

113.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(26 августа 1833 г., изъ Москвы).

О книгахъ изъ библіотеки въ Яропольцѣ.

... Въ Ярополецъ пріѣхалъ я въ середу поздно. Наталья Ивановна [1]) встрѣтила меня какъ нельзя лучше... Она живетъ очень уединенно и тихо въ своемъ разоренномъ дворцѣ, и разводитъ огороды надъ прахомъ твоего прадѣдушки Дорошенки, къ которому ходилъ я на поклоненіе. Сем. Фед., съ которымъ мы большіе пріятели, водилъ меня на его гробницу и показывалъ мнѣ прочія достопамятности Ярополъца. Я нашелъ въ домѣ старую библіотеку, и Нат. Ив. позволила мнѣ выбрать нужныя книги. Я отобралъ ихъ десятка три, которыя къ намъ и прибудутъ съ вареньемъ и наливками. Такимъ образомъ набѣгъ мой на Ярополецъ былъ вовсе не напрасенъ.

114.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(8 сентября 1833 г., изъ Казани).

О собираніи свѣдѣній для Исторіи Пугачевскаго бунта.

... Здѣсь я возился съ стариками, современниками моего героя, объѣзжалъ окрестности города, осматривалъ мѣста сраженій, разспрашивалъ, записывалъ и очень доволенъ, что не напрасно посѣтилъ эту сторону...

... Здѣсь Баратынскій...

115.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(12 сентября 1833 г., изъ с. Языкова).

О томъ же.—О казанскомъ знакомствѣ съ проф. К. Ѳ. Фуксомъ. А. А. Фуксъ—жена его, написавшая стихи на проѣздъ А. С. Пушкина черезъ Казань въ „Заволжскомъ Муравьѣ“ 1834 г. № 1.

---

[1]) тёща Пушкина Н. Н.

Пишу тебѣ изъ деревни поэта Языкова, къ которому заѣхалъ и не нашелъ дома. Третьяго дня прибылъ я въ Симбирскъ... Я путешествую, кажется, съ пользою, но еще не на мѣстѣ и ничего не написалъ. И сплю и вижу пріѣхать въ Болдино и тамъ запереться.

Изъ Казани написалъ я тебѣ нѣсколько строчекъ—некогда было. Я таскался по окрестностямъ, по полямъ, по кабакамъ и попалъ на вечеръ къ одной blue stockings [1]), сорокалѣтней несносной бабѣ съ вощеными зубами и съ ногтями въ грязи. Она развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ двѣсти какъ ни въ чемъ не бывало. Баратынскій написалъ ей стихи и съ удивительнымъ безстыдствомъ расхвалилъ ея красоту и геній. Я такъ и ждалъ, что принужденъ буду написать ей въ альбомъ — но Богъ помиловалъ; однако она взяла мой адресъ и стращаетъ меня перепиской и пріѣздомъ въ Петербургъ, съ чѣмъ тебя и поздравляю. Мужъ ея—умный и ученый нѣмецъ, въ нее влюбленъ и въ изумленіи отъ ея генія; однако онъ одолжилъ меня очень—и я радъ, что съ нимъ познакомился. Сегодня ѣду въ Симбирскъ, отобѣдаю у губернатора, а къ вечеру отправляюсь въ Оренбургъ—послѣдняя цѣль моего путешествія.

116.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(19 сентября 1833 г., изъ Оренбурга).

О своемъ путешествіи и о предстоящихъ трудахъ.

Я здѣсь со вчерашняго дня. Насилу доѣхалъ — дорога прескучная, погода холодная. Завтра ѣду къ яицкимъ казакамъ, пробуду у нихъ дня три—и отправлюсь въ деревню черезъ Саратовъ и Пензу... Кабы не стыдно было, воротился бы прямо къ тебѣ, ни строчки не написавъ. Да нельзя, мой ангелъ — взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ—то есть уѣхалъ писать, такъ пиши же романъ за романомъ, поэму за поэмой.—А ужъ чувствую, что дурь на меня находитъ—я и въ колясѣ сочиняю; что жъ будетъ въ постелѣ? [2])

117.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(2 октября 1833 г., изъ Болдина).

О собираніи свѣдѣній для Исторіи Пугачевскаго бунта.

... я въ Болдинѣ со вчерашняго дня. Послѣднее письмо мое должна ты была получить изъ Оренбурга. Оттуда поѣхалъ я въ Уральскъ. Тамошній атаманъ и казаки приняли меня славно, дали мнѣ два обѣда, подпили за мое здоровье, на-перерывъ давали мнѣ всѣ извѣстія, въ которыхъ имѣлъ нужду—и накормили меня свѣжей икрой, при мнѣ изготовленной... Проѣзжая мимо Языкова, я къ нему заѣхалъ, засталъ всѣхъ трехъ братьевъ, отобѣдалъ съ ними очень весело, ночевалъ и отправился сюда...

Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ 6 мѣсяцевъ, имѣлъ я une bonne fortune—нашелъ 75-лѣтнюю казачку, которая помнитъ

[1]) т. е.: синій чулокъ.

[2]) Пушкинъ имѣлъ обыкновеніе утромъ долго оставаться въ постелѣ, предаваясь литературнымъ занятіямъ.

это время, какъ мы съ тобою помнимъ 1830 годъ... Теперь надѣюсь многое привести въ порядокъ, многое написать и потомъ къ тебѣ съ добычей... Прости—оставляю тебя для Пугачева...

118.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(8 октября 1833 г., изъ Болдина).

Занятія въ Болдинѣ Исторіей Пугачевскаго бунта.

Вотъ ужъ недѣлю, какъ я въ Болдинѣ, привожу въ порядокъ мои записки о Пугачевѣ, а стихи пока еще спятъ. Коли царь позволитъ мнѣ Записки, то у насъ будетъ тысячъ 30 чистыхъ денегъ. Заплатимъ половину долговъ, и заживемъ припѣваючи... Коли увидишь Жуковскаго, поцѣлуй его за меня и поздравь съ возвращеніемъ и звѣздою; каково его здоровье? напиши. Карамзинымъ и Мещерскимъ мой сердечный поклонъ.

119.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(11 октября 1833 г., изъ Болдина).

Порученіе для Исторіи Пугачевскаго бунта.—Отзывы провинціи о Пушкинѣ.

...Съѣзди къ Плетневу и попроси его, чтобъ онъ къ моему пріѣзду велѣлъ переписать изъ Собранія законовъ (годы 1774 и 1775 и 1773) всѣ указы, относящіеся къ Пугачеву. Не забудь.

...Я пишу, я въ хлопотахъ, никого не вижу—и привезу тебѣ пропасть всякой всячины. Надѣюсь, что Смирдинъ аккуратенъ. На дняхъ пришлю ему стиховъ.—Знаешь ли, что́ обо мнѣ говорятъ въ сосѣднихъ губерніяхъ? Вотъ какъ описываютъ мои занятія—какъ Пушкинъ стихи пишетъ: передъ нимъ стоитъ штофъ славнѣйшей настойки—онъ хлопъ стаканъ, другой, третій—и ужъ начнетъ писать!—Это слава!..

120.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(21 октября 1833 г., изъ Болдина).

Жизнь въ Болдинѣ.

О себѣ тебѣ скажу, что я работаю лѣниво, черезъ пень колоду валю. Всѣ эти дни голова болѣла, хандра грызла меня. Нынче легче. Началъ многое, но ни къ чему нѣтъ охоты; Богъ знаетъ, что́ со мной дѣлается. Старамъ стала, и умомъ плохамъ!... Не жди меня прежде конца ноября; не хочу къ тебѣ съ пустыми руками явиться; взялся за гужъ, не скажу, что не дюжъ.

121.

Изъ письма къ кн. В. Ѳ. Одоевскому.

(30 октября 1833 г., изъ Болдина).

О томъ же. О сотрудничествѣ въ предполагавшемся альманахѣ.

Виноватъ, ваше сіятельство, кругомъ виноватъ! Пріѣхалъ въ деревню, думалъ—распишусь, не тутъ-то было. Головная боль, хо-

зяйственныя хлопоты, лѣнь—барская, помѣщичья лѣнь, такъ одолѣли меня, что не приведи Боже. Не дожидайтесь Бѣлкина; не на шутку, видно, онъ покойникъ, не бывать ему на новосельѣ ни въ гостиной Гомозѣйки, ни на чердакѣ Панька. Не достоинъ онъ, видно, быть въ ихъ компаніи... А куда бы не худо до погреба-то добраться! [1]) Кланяюсь Гоголю. Что́ его комедія, въ ней же есть закорючка? [2]).

122.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(6 ноября 1833 г., изъ Болдина).

О стихахъ.

...Я привезу тебѣ стишковъ много, но не разглашай этого: а то альманашники заѣдятъ меня.

123.

И. И. Лажечникову (?).

(въ ноябрѣ 1833 г., спб.).

Пушкинъ пользовался для Исторіи Пугачевскаго бунта тремя списками лѣтописи Рычкова: „Осада Оренбурга", доставленными ему Спасскимъ, Лажечниковымъ и Языковымъ (см. выше стр. 398, вын. ***).

Это черновое письмо обращено къ одному изъ этихъ 3 лицъ.

Осмѣливаюсь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою. Мнѣ сказывали, что у васъ находится любопытная рукопись Рычкова о времени Пугачева. Вы оказали бы мнѣ истинное благодѣяніе, если бъ позволили пользоваться нѣсколько дней сею драгоцѣнностію. Будьте увѣрены, что я возвращу ее въ цѣлости и при первомъ вашемъ востребованіи. Съ истиннымъ и пр.

124.

И. И. Дмитріеву.

(въ ноябрѣ 1833 г., спб.).

Съ просьбою доставить воспоминаніе о Пугачевѣ.—Оно помѣщено Пушкинымъ въ прим. къ главѣ VIII (см. выше стр, 397, вын. ******).

М. Г. Иванъ Ивановичъ. Имѣвъ всегда счастіе пользоваться благосклонностью вашего превосходительства, осмѣливаюсь нынѣ обратиться къ вамъ со всепокорнѣйшей просьбою. Случай доставилъ въ мои руки нѣкоторыя важныя бумаги, касающіяся Пугачева, собственныя письма Екатерины, Бибикова, Румянцова, Панина, Державина и другихъ. Я привелъ ихъ въ порядокъ и надѣюсь ихъ издать. Въ Историческихъ Запискахъ (которыя дай Богъ намъ прочесть какъ можно позже) вы говорите о Пугачевѣ и какъ очевидецъ описали его смерть. Могу ли надѣяться, что вы, м. г.,

---

[1]) Намекъ на альманахъ: „Тройчатка, или альманахъ въ три этажа", который предполагали издать подъ псевдонимами кн. Одоевскій (Гомозѣйка), Гоголь (Рудый Панько) и Пушкинъ (Бѣлкинъ), причемъ каждый бралъ себѣ особый „этажъ" (Прим. П. О. Морозова, VII, 332).

[2]) Это выраженіе означало въ пріятельскомъ кружкѣ что-либо заслуживающее особаго вниманія. Здѣсь идетъ рѣчь о „Ревизорѣ" (Пр. Одоевскаго).

не откажетесь занять мѣсто между знаменитыми людьми, коихъ имена и свидѣтельства дадутъ цѣну моему труду, и позволите помѣстить собственныя ваши строки въ одномъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ царствованія Великой Екатерины?

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть, м. г., вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою.

125.

Гр. А. Х. Бенкендорфу.

(6 декабря 1833 г., спб.).

Съ просьбою о дозволеніи представить Исторію Пугачевскаго бунта на Высочайшее разсмотрѣніе.

Я думалъ нѣкогда написать историческій романъ, относящійся къ временамъ Пугачева; но нашедъ множество матеріаловъ, я оставилъ вымыселъ и написалъ исторію Пугачевщины. Осмѣливаюсь просить ваше сіятельство дозволеніе представить оную на Высочайшее разсмотрѣніе. Не знаю, можно ли мнѣ будетъ ее напечатать; но смѣю надѣяться, что сей историческій отрывокъ будетъ любопытенъ для его величества, особенно въ отношеніи военныхъ дѣйствій, доселѣ худо извѣстныхъ.

126.

Изъ письма къ П. В. Нащокину.

(6 декабря 1833 г., спб.).

О цензурныхъ затрудненіяхъ.

...Здѣсь имѣлъ я непріятности денежныя: я сговорился было со Смирдинымъ, и принужденъ былъ уничтожить договоръ, потому что Мѣднаго Всадника цензура не пропустила. Это мнѣ убытокъ. Если не пропустятъ Исторію Пугачевскаго бунта, то мнѣ придется ѣхать въ деревню.

127.

Изъ письма къ П. В. Нащокину.

(въ мартѣ или апрѣлѣ 1834 г., спб.).

О разрѣшеніи Исторіи Пугачевскаго бунта къ печати.

...Пугачевъ пропущенъ, и я печатаю его на счетъ государя. Это совершенно меня утѣшило, тѣмъ болѣе, что, конечно, сдѣлавъ меня камеръ-юнкеромъ, государь думалъ о моемъ чинѣ, а не о моихъ лѣтахъ и вѣрно не думалъ ужъ меня кольнуть...[1])

128.

М. П. Погодину.

(6 апрѣля 1834 г., изъ спб.).

Объ Обществѣ Любителей Россійской Словесности при И. Моск. университетѣ.—Объ „Исторіи Петра Великаго".

Радуюсь случаю поговорить съ вами откровенно. Общество Любителей поступило со мною такъ, что никакимъ образомъ я не могу

---

[1]) См. выше стр. 447 (131).

быть съ нимъ въ сношеніи. Оно выбрало меня въ свои члены [1]) вмѣстѣ съ Булгаринымъ, въ то самое время, какъ онъ единогласно забаллотированъ въ англійскомъ клубѣ (NB въ Петербургскомъ)..., въ то самое время, какъ я въ отвѣтъ на всѣ его ругательства принужденъ былъ напечатать статью о Видокѣ [2]). Мнѣ нужно было доказать публикѣ, которая въ правѣ была удивляться моему долготерпѣнію, что я имѣю полное право презирать мнѣніе Булгарина и не требовать удовлетворенія отъ..., толкующаго о чести и нравственности. И что же? Въ то самое время читаю въ газетѣ Шаликова: „Александръ Сергѣевичъ и Ѳаддей Викентьевичъ, сіи два корифея нашей словесности, удостоены" etc. etc. Воля ваша: это пощечина. Вѣрю, что Общество въ этомъ случаѣ поступило какъ Фамусовъ, не имѣя намѣренія оскорбить меня:

„Я всякому, ты знаешь, радъ".

Но долгъ мой былъ немедленно возвратить присланный дипломъ; я того не сдѣлалъ, потому что тогда мнѣ было не до дипломовъ— но ужъ имѣть сношенія съ Обществемъ любителей я не въ состояніи.

Вы спрашиваете меня о Мѣдномъ Всадникѣ, о Пугачевѣ и о Петрѣ. Первый не будетъ напечатанъ. Пугачевъ выйдетъ къ осени. Къ Петру приступаю со страхомъ и трепетомъ, какъ вы къ исторической каѳедрѣ. Вообще пишу много про себя, а печатаю поневолѣ и единственно для денегъ: охота являться передъ публикою, которая васъ не понимаетъ, чтобъ... дураки ругали васъ потомъ шесть мѣсяцевъ въ своихъ журналахъ... Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Нынѣ это вшивый рынокъ. Быть такъ.

129.

Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

(1 мая 1834 г., спб.).

О снимкѣ для Исторіи Пугачевскаго бунта.

М. Г. Дмитрій Николаевичъ! Позвольте принести вамъ глубочайшую мою благодарность за письмо, драгоцѣнный знакъ вашей благосклонности, и за снимокъ съ печати Самозванца, который я тотчасъ и отдалъ гравировать. Портретъ его у меня есть, и также гравируется. Съ нетерпѣніемъ буду ждать біографію Пугачева, которую изволите мнѣ обѣщать съ такою снисходительностью.

Жалѣю, что время не позволяетъ мнѣ повергнуть мой трудъ вашему разсмотрѣнію. Мнѣнія и замѣчанія такого человѣка, каковъ вы, послужили бы мнѣ руководствомъ и ободрили бы первый мой историческій опытъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

130.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(15 мая 1834 г., спб.).

О занятіяхъ. Планы о перемѣнѣ жизни.

---

[1]) См. извѣщеніе объ этомъ Полеваго | выше стр. 574. — [2]) См. выше стр. 60.

...Я никого не вижу, нигдѣ не бываю; принялся за работу и пишу по утрамъ... Дай Богъ тебя мнѣ увидѣть здоровою, дѣтей цѣлыхъ и живыхъ: да плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить бариномъ! Непріятна зависимость; особенно, когда лѣтъ 20 человѣкъ былъ независимъ. Это не попрекъ тебѣ, а ропотъ на самого себя. — Благословляю всѣхъ васъ, дѣтушки.

131.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(29 мая 1834 г., спб.).

То же.

...Ты спрашиваешь, что́ я дѣлаю. — Ничего путнаго, мой ангелъ. Однако дома сижу до 4 часовъ и работаю. Въ свѣтѣ не бываю; отъ фрака отвыкъ; въ клубѣ провожу вечера. Книги изъ Парижа пріѣхали, и моя библіотека растетъ и тѣснится... Хлопоты по имѣнію меня бѣсятъ; съ твоего позволенія, надобно будетъ, кажется, выйти мнѣ въ отставку и со вздохомъ сложить камеръ-юнкерскій мундиръ, который такъ пріятно льстилъ моему честолюбію, и въ которомъ, къ сожалѣнію, не успѣлъ я пощеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я увѣренъ, что тебѣ не труднѣе будетъ исполнить долгъ доброй матери, какъ исполняешь ты долгъ честной и доброй жены. Зависимость и растройство въ хозяйствѣ ужасны въ семействѣ; и никакіе успѣхи тщеславія не могутъ вознаградить спокойствія и довольства. Вотъ тебѣ и мораль... Ты спрашиваешь меня о Петрѣ.—Идетъ помаленьку; скопляю матерьялы—привожу въ порядокъ—и вдругъ вылью мѣдный памятникъ, котораго нельзя будетъ перетаскивать съ одного конца города на другой, съ площади на площадь, изъ переулка въ переулокъ.—Вчера видѣлъ я Сперанскаго, Карамзиныхъ, Жуковскаго, Вьельгорскаго, Вяземскаго—всѣ тебѣ кланяются...

132.

Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

(3 іюня 1834 г., спб.).

О матеріалахъ для Исторіи Пугачевскаго бунта. Объ Энциклопедическомъ Словарѣ Плюшара.

М. Г. Д. Н! Не знаю, какъ васъ благодарить за доставленіе бумагъ, касающихся Пугачева. Несмотря на то, что я имѣлъ уже въ рукахъ множество драгоцѣнныхъ матеріаловъ, я тутъ нашелъ неизвѣстныя, любопытныя подробности, которыми непремѣнно воспользуюсь. Смирдину отдалъ я вашу прекрасную статью о Панинѣ. Онъ взялъ ее къ себѣ съ благодарностію. Не согласитесь ли вы участвовать въ его журналѣ и на какихъ условіяхъ?

Вы вѣроятно изволили слышать о торговомъ и литературномъ предпріятіи Плюшара, о русскомъ Conversations-Lexicon. Великое множество біографическихъ статей, вами заготовленныхъ, могли бы войти въ составъ этого лексикона. Не войдете ли вы въ сношеніе

съ Плюшаромъ? Въ такомъ случаѣ прошу васъ выбрать меня въ свои повѣренные, а мы рады стараться.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

133.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(8 іюня 1834 г., спб.).

О стѣсненномъ матеріальномъ положеніи.

Если не взяться за имѣніе, то оно пропадетъ же даромъ; Ольга Серг. и Левъ Серг. останутся на подножномъ корму, а придется взять ихъ мнѣ же на руки, тогда-то наплáчусь и наплачýсь, а имъ и горя мало! Меня же будутъ цыганить. Охъ, семья, семья!

134.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(въ тотъ же день).

О томъ же.—Занятія исторіей Петра В.

... Мой совѣтъ тебѣ и сестрамъ—быть подалѣ отъ двора... Вы же не богаты. На тетку нельзя вамъ всѣмъ навалиться. Боже мой! Кабы Заводы [1]) были мои, такъ меня бы въ Петербургъ не заманили и московскимъ калачемъ. Жилъ бы себѣ бариномъ.—Но вы, бабы, не понимаете счастія независимости, и готовы закабалить себя навѣки, чтобы только сказали про васъ: hier madame une telle était décidément la plus belle et la mieux mise du bal [2]).... Петръ I идетъ; того и гляди, напечатаю I томъ къ зимѣ.

135.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(21 іюня 1834 г., спб.).

О томъ же.

... Меня въ Петербургѣ останавливаетъ одно: залогъ имѣнія нижегородскаго [3]); я даже Пугачева намѣренъ препоручить Яковлеву, да и дернуть къ тебѣ, мой ангелъ, на Полотняный Заводъ.

Туда бы отъ жизни удралъ, улизнулъ!

136.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(въ концѣ іюня 1834 г. спб.).

О томъ же.

... Я крѣпко думаю объ отставкѣ. Должно подумать о судьбѣ нашихъ дѣтей. Имѣніе отца, какъ я въ томъ удостовѣрился, разстроено до невозможности, и только строгой экономіей можетъ еще поправиться. Я могу имѣть большія суммы, но мы много и проживемъ. Умри я сегодня, чтó съ вами будетъ!... Меня здѣсь удерживаетъ одно: типографія. Виноватъ, еще другое: залогъ имѣнія.

---

[1]) Полотняный Заводъ — Калужское имѣніе Гончаровыхъ.

[2]) т. е.: „Такая-то была рѣшительно прекраснѣе всѣхъ и лучше всѣхъ одѣта на вчерашнемъ балѣ“.

[3]) Болдина.

137.

Гр. А. Х. Бенкендорфу.

(въ іюнѣ 1834 г. спб.).

Съ просьбою о разрѣшеніи печатать Исторію Пугачевскаго бунта на свой счетъ въ казенной типографіи и о ссудѣ потребной для того суммы. Подлинникъ на фр. языкѣ.

Представляя его величеству второй томъ Пугачева, позволяю себѣ обратить вниманіе вашего сіятельства на обстоятельства, до меня касающіяся, и прибѣгнуть къ вашей обычной благосклонности.

Разрѣшивъ печатаніе труда этого, его величество упрочило мое состояніе. Сумма, которую я могу за него выручить даетъ мнѣ возможность принять наслѣдство, отъ котораго я долженъ былъ отказаться по неимѣнію 40,000 рублей.

Этотъ трудъ доставитъ ихъ мнѣ, если я самъ буду его издателемъ безъ помощи книгопродавца. Мнѣ было бы для того достаточно 15,000.

Испрашиваю два предмета: во-первыхъ, чтобы мнѣ дозволили напечатать трудъ мой на свой счетъ въ собственной его величества типографіи, управляемой Яковлевымъ, единственной, гдѣ я увѣренъ, что меня не обманутъ; во 2-хъ, получить на напечатаніе 15,000 на два года, сумму, которая дозволитъ мнѣ посвятить на изданіе все время и весь трудъ, для того необходимый.

Не имѣю никакихъ правъ на милость, о которой прошу, кромѣ щедротъ, которыми я уже пользовался и которыя даютъ мнѣ смѣлость и надежду снова прибѣгнуть къ нимъ. Ввѣряю вашему покровительству всепокорнѣйшую просьбу мою....

138.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(2 іюля 1834 г., спб.).

О печатаніи Исторіи Пугачевскаго бунта.

Послѣ завтра начну печатать Пугачева, который до сихъ поръ лежитъ у Сперанскаго. Онъ задержитъ меня съ мѣсяцъ....

139.

М. Л. Яковлеву.

(3 іюля 1834 г., спб).

Лицейскому товарищу, управлявшему типографіей II отд. Собственной Его И. Величества Канцеляріи. О печатаніи Исторіи Пугачевскаго бунта.

М. Г. Михайло Лукьяновичъ. Вслѣдствіе даннаго вамъ начальствомъ порученія касательно напечатанія рукописи моей, подъ названіемъ Исторія Пугачевскаго бунта, и по личному моему съ вами о томъ объясненію, поспѣшаю васъ увѣдомить:

1-е. Желаю я, чтобъ означенная рукопись была напечатана въ восьмую долю листа такого же формата, какъ Сводъ законовъ.

2-е. Число экземпляровъ полагаю я 3000, изъ коихъ для 1200 прошу заготовить бумагу на счетъ казенный, а потребное количество оной для 1800 экз. доставлю я самъ въ типографію.

3-е. Что́ касается до шрифта и вообще до изданія книги, то во всемъ полагаюсь на ваше благоусмотрѣніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.

140.

Гр. А. Х. Бенкендорфу.

(3 іюля 1834 г., спб.).

Въ іюнѣ 1834 г. Пушкинъ писалъ гр. Бенкендорфу, что по обстоятельствамъ, для него интереснымъ, онъ имѣетъ надобность отправиться въ Москву и долженъ оставить службу, но просилъ дозволить посѣщеніе архивовъ. 30 іюня ему отвѣчали, что и Его Величество не желаетъ никого удерживать противъ воли, но что на посѣщеніе государственныхъ архивовъ, для извлеченія справокъ, Е. В. не изъяснилъ соизволенія, такъ какъ право это можетъ принадлежать только людямъ, пользующимся особенною довѣренностію начальства.

Вслѣдствіе такого отвѣта Пушкинъ и написалъ это письмо (подлинникъ на фр. яз.).

Графъ! Нѣсколько дней тому назадъ я имѣлъ честь обратиться къ вашему сіятельству, испрашивая у васъ дозволеніе оставить службу. Такъ какъ поступокъ этотъ неприличенъ, то и прошу васъ, графъ, не давать моей просьбѣ дальнѣйшаго хода. Предпочитаю лучше казаться непослѣдовательнымъ, нежели быть неблагодарнымъ. Однакоже отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ былъ бы мнѣ необходимъ. Имѣю честь быть и пр.

141.

Гр. А. Х. Бенкендорфу.

(4 іюля 1834 г., спб.).

О томъ же.

М. Г. гр. А. Х.! Письмо вашего сіятельства отъ 30-го іюня удостоился я получить вчера вечеромъ. Крайне огорченъ я, что необдуманное прошеніе мое, вынужденное отъ меня непріятными обстоятельствами и досадными мелочными хлопотами, могло показаться безумною неблагодарностію и сопротивленіемъ волѣ того, кто донынѣ былъ болѣе моимъ благодѣтелемъ, нежели государемъ. Буду ждать рѣшенія участи моей, но во всякомъ случаѣ ничто не измѣнитъ чувства глубокой преданности моей къ царю и сыновней благодарности за прежнія его милости.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

142.

В. А. Жуковскому.

(4 іюля 1834 г., спб.).

О предполагавшемся выходѣ въ отставку.

Получивъ первое письмо твое, я тотчасъ написалъ графу Бенкендорфу, прося его остановить мою отставку, ma démarche étant inconsidérée [1]), и сказалъ, que j'aimais mieux avoir l'air

---

[1]) т. е.: „потому что мой поступокъ | безразсуденъ“.

inconsequent qu'ingrat[2]). Но вслѣдъ затѣмъ получилъ оффиціальное извѣщеніе о томъ, что отставку я получу, но что входъ въ архивы мнѣ будетъ запрещенъ. Это огорчило меня во всѣхъ отношеніяхъ. Подалъ въ отставку я въ минуту хандры и досады на всѣхъ и на все. Домашнія обстоятельства мои затруднительны; положеніе мое невесело; перемѣна жизни почти необходима. Изъяснять все это гр. Бенкендорфу мнѣ недостало духа—отъ этого и письмо мое должно было показаться сухо, а оно просто глупо.

Впрочемъ, я ужъ вѣрно не имѣлъ намѣренія произвести, что̀ вышло. Писать письмо прямо къ государю, ей-Богу, не смѣю, особенно теперь. Оправданія мои будутъ похожи на просьбы, а онъ ужъ и такъ много сдѣлалъ для меня.... Буду еще писать къ гр. Бенкендорфу.

143.

Гр. А. Х. Бенкендорфу.

(6 іюля 1834 г., спб).

Съ просьбой не давать дальнѣйшаго хода прошенію объ отставкѣ. Оригиналъ на франц. языкѣ.

Графъ, позвольте мнѣ говорить съ вами откровенно. Испрашивая отставку, я думалъ лишь о моихъ семейныхъ дѣлахъ, затруднительныхъ и тягостныхъ. Я имѣлъ въ виду только неудобство частыхъ поѣздокъ, между тѣмъ какъ я буду состоять на службѣ. Богомъ и душою моею клянусь, что это было единственнымъ моимъ помышленіемъ; съ глубокимъ прискорбіемъ вижу, что оно истолковано такъ жестоко. Императоръ осыпалъ меня милостями съ первой же минуты, когда царская его мысль обратилась ко мнѣ. Между ними есть такія, о которыхъ я не могу вспоминать безъ глубокаго сердечнаго движенія—столько вложилъ онъ въ нихъ справедливости и великодушія. Онъ всегда былъ для меня провидѣніемъ, и если въ теченіе этихъ осьми лѣтъ мнѣ случалось роптать, то никогда, клянусь вамъ, чувство горечи не примѣшивалось къ тѣмъ, которыя я посвятилъ ему. И въ настоящую минуту сердце мое переполнено скорбію отъ мысли не о томъ, что могу лишиться всемогущаго покровителя, но о томъ, что могу оставить въ душѣ его впечатлѣніе, мною, по чести, не заслуженное.

Повторяю, ваше сіятельство, мою всепокорнѣйшую просьбу не давать дальнѣйшаго хода прошенію, поданному мною столь опрометчиво.

Поручая себя вашему мощному покровительству, осмѣливаюсь принести вамъ дань моего глубокаго уваженія. Съ чувствомъ уваженія, графъ, остаюсь почтительный и покорнѣйшій слуга....

144.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(13 іюля 1834 г., спб.).

О печатаніи Исторіи Пугачевскаго бунта.—Заботы о матеріальныхъ нуждахъ.

---

[2]) т. е.: „я предпочитаю лучше казаться непослѣдовательнымъ, нежели неблагодарнымъ“.

... Я закладываю имѣніе отца; это, конечно, будетъ черезъ недѣлю. Я печатаю Пугачева; это займетъ цѣлый мѣсяцъ.... Я сплю и вижу, чтобъ къ тебѣ пріѣхать; да кабы могъ остаться въ одной изъ вашихъ деревень подъ Москвою, такъ бы Богу свѣчку поставилъ; радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Дай, сдѣлаю деньги, для себя, для тебя. Я деньги мало люблю—но уважаю въ нихъ единственный способъ благопристойной независимости.

145.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(26 іюля 1834 г., спб.).

О печатаніи Исторіи Пугачевскаго бунта.

... Я работаю до низложенія ризъ. Держу корректуру двухъ томовъ вдругъ, пишу примѣчанія, закладываю деревни, Льва Сергѣича выпроваживаю въ Грузію. Все слажу и сломя голову къ тебѣ прискачу.... Въ свѣтѣ я не бываю.

146.

М. Л. Яковлеву.

(въ половинѣ августа 1834 г., спб.).

По поводу списка лѣтописи Рычкова и предисловія Исторіи Пугачевскаго бунта.

Вотъ 18-й листъ.—Справлялся я въ другихъ спискахъ и смысла не нашелъ и тамъ. Изъ предисловія (ты правъ, любимецъ музъ) должно будетъ выкинуть имя Вольтера, хоть я и очень люблю его. № 14 [1]).

147.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(15 сентября 1834 г., изъ Болдина).

О матеріальныхъ затрудненіяхъ.

... Охъ, кабы у меня было 100,000! какъ бы я все это уладилъ; да Пугачевъ, мой оброчный мужичекъ, и половины мнѣ того не принесетъ, да и то мы съ тобою какъ разъ промотаемъ; не такъ ли? Ну, нечего дѣлать: буду живъ, будутъ и деньги...

148.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(25 сентября 1834 г., изъ Болдина).

О занятіяхъ въ Болдинѣ.

Вотъ ужъ скоро двѣ недѣли, какъ я въ деревнѣ... Скучно, мой ангелъ. И стихи въ голову не идутъ, и романъ не переписываю. Читаю Вальтеръ-Скотта и Библію, а все объ васъ думаю... Много вещей, о которыхъ безпокоюсь. Видно нынѣшнюю осень мнѣ долго въ Болдинѣ не прожить. Дѣла мои я кой-какъ уладилъ. Погожу еще немножко, не распишусь ли; коли нѣтъ, такъ съ Богомъ и въ путь...

---

[1]) Лицейскій № Пушкина.

149.

Изъ письма къ Н. М. Языкову.

(26 сентября 1834 г., изъ Болдина).

Объ изданіи журнала.

Я былъ обрадованъ въ моемъ уединеніи пріѣздомъ Александра Михайловича [1])... Разговаривая о различныхъ предметахъ, мы рѣшили, что весьма не худо было бы мнѣ приняться за альманахъ или паче за журналъ; я и не прочь, но для того долженъ быть увѣренъ въ вашемъ содѣйствіи. Какъ думаете, сударь? Сами видите: щелкоперы насъ одолѣваютъ. Пора, ей-ей пора дать имъ порядочный отпоръ. На-дняхъ отправлюсь въ Петербургъ...

150.

Изъ письма къ А. А. Фуксъ.

(19 октября 1834 г., спб.).

Объ Исторіи Пугачевскаго бунта.

... Надѣюсь на-дняхъ доставить вамъ отвратительную, ужасную исторію Пугачева. Не браните меня. Поэзія, кажется, для меня изсякла. Я весь въ прозѣ, да еще въ какой!.. право, совѣстно...

151.

Изъ письма къ П. В. Нащокину.

(20 января 1835 г., спб.).

О томъ же.

... Ты видѣлъ, вѣроятно, Пугачева, и надѣюсь, что его не купилъ. Я храню для тебя особый экземпляръ. Каково время? Пугачевъ сдѣлался добрымъ, исправнымъ плательщикомъ оброка, Емелька Пугачевъ оброчный мой мужикъ! Денегъ онъ мнѣ принесъ довольно, но какъ около двухъ лѣтъ жилъ я въ долгъ, то ничего и не остается у меня за пазухой, и все идетъ на расплату...

152.

Гр. А. Х. Бенкендорфу.

(26 января 1835 г., спб.).

О новыхъ источникахъ для Исторіи Пугачевскаго бунта.

Осмѣливаюсь просить ваше сіятельство о испрошеніи важной для меня милости: о высочайшемъ дозволеніи прочесть пугачевское дѣло, находящееся въ архивѣ. Въ свободное время я могъ бы изъ онаго составить краткую выписку, если не для печати, то по крайней мѣрѣ для моего труда, безъ того несовершеннаго, и для успокоенія исторической моей совѣсти.

153.

Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

(26 января 1835 г., спб.).

Объ Исторіи Пугачевскаго бунта.

---

[1]) Братъ Н. М. Языкова.

М. Г. Д. Н. Съ благодарностію отсылаю къ вамъ статьи, коими, по вашему расположенію ко мнѣ, пользовался я при составленіи моей Исторіи. При нихъ препровождаю и экземпляръ Исторіи самой. Мнѣніе ваше о ней, во всякомъ случаѣ, мнѣ драгоцѣнно: похвала отъ настоящаго историка, а не поверхностнаго разсказщика или переписчика, будетъ лестна для меня, а изъ укоризны—научуся (чего, знаете вы сами, не дождуся отъ записныхъ нашихъ критиковъ).

Прошу васъ взять на себя трудъ переправить двѣ ошибки, справедливо замѣченныя въ Сынѣ Отечества [1]): на стр. 129: былъ уже въ 15 верстахъ, должно читать: въ 50.—Изъ примѣчанія въ пятой главѣ (92) вмѣсто Тобольскъ—Табинскъ...

154.

И. И. Дмитріеву.

(14 февраля 1835 г., спб.).

О томъ же и о другихъ петербургскихъ новостяхъ (о Россійской академіи, о гр. Хвостовѣ и пр.).

М. Г. И. И. Молодой Карамзинъ показывалъ мнѣ письмо вашего высокопревосходительства, въ которомъ укоряете вы меня въ невѣжливости непростительной. Спѣшу оправдаться: я до сихъ поръ не доставилъ вамъ своей дани потому, что поминутно поджидалъ портретъ Емельяна Ивановича, который гравируется въ Парижѣ; я хотѣлъ поднести вамъ книгу свою во всей исправности. Не исполнить того было бы съ моей стороны не только скупостію но, и неблагодарностію: хроника моя обязана вамъ яркой и живой страницей [2]), за которую много будетъ мнѣ прощено самыми строгими читателями.

Вы смѣетесь надъ нашимъ поколѣніемъ, и конечно, имѣете на то полное право. Не стану заступаться за историковъ и стихотворцевъ моего времени: тѣ и другіе имѣли въ старину—первые менѣе шарлатанства и болѣе учености и трудолюбія, вторые болѣе искренности и душевной теплоты. Что касается до выгодъ денежныхъ, то позвольте замѣтить, что Карамзинъ первый у насъ показалъ примѣръ большихъ оборотовъ въ торговлѣ литературной.

Не знаю, занимаетъ ли васъ участь нашей академіи, которая недавно лишилась своего секретаря [3]), умершаго на щитѣ, то есть на послѣднемъ корректурномъ листѣ своего словаря. Неизвѣстно, кто будетъ его преемникомъ. Святое мѣсто пусто не будетъ; но мѣсто непремѣннаго секретаря было довольно пустое, даже не будучи упразднено.

Современникъ вашъ, о которомъ изволите упоминать въ письмѣ, къ А. Н. К. [4]), слава Богу, здравствуетъ и продолжаетъ посѣщать книжную лавку Смирдина ежедневно, а академію по субботамъ. Въ лавкѣ забираетъ онъ свои сочиненія, все еще не распроданныя, и раздаетъ ихъ въ академіи сочленамъ съ трогательнымъ безкорыстіемъ.

---

[1]) См. выше стр. 417.
[2]) См. 397.
[3]) П. И. Соколова.
[4]) Гр. Д. И. Хвостовъ.
[4]) Къ Андрею Ник. Карамзину.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть, м. г., вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою...

155.

Изъ письма къ И. И. Дмитріеву.

(26 апрѣля 1835 г., спб.).

Объ Исторіи Пугачевскаго бунта.

М. Г. И. И.

Приношу искреннюю мою благодарность вашему высокопревосходительству за ласковое слово и утѣшительное одобреніе моему историческому отрывку. Его побраниваютъ, и подѣломъ: я писалъ его для себя, не думая, чтобъ могъ напечатать, и старался только объ одномъ ясномъ изложеніи происшествій, довольно запутанныхъ. Читатели любятъ анекдоты, черты мѣстности и пр.; а я все это отбросилъ въ примѣчанія. Что касается до тѣхъ мыслителей, которые негодуютъ на меня за то, что Пугачевъ представленъ у меня Емелькою Пугачевымъ, а не Байроновымъ Ларою [1], то охотно отсылаю ихъ къ г. Полевому, который, вѣроятно за сходную цѣну возьмется идеализировать это лицо по самому послѣднему фасону...

156.

Гр. А. Х. Бенкендорфу.

(въ іюнѣ 1835 г., спб.).

На просьбу о дозволеніи на нѣсколько лѣтъ отправиться въ деревню, государь велѣлъ спросить Пушкина: хочетъ ли онъ отставки, потому что иначе нѣтъ возможности уволить на такой продолжительный срокъ. Получивъ извѣщеніе объ этомъ, Пушкинъ написалъ свой отвѣтъ.

Предаю совершенно судьбу мою въ царскую волю и желаю только, чтобъ рѣшеніе его величества не было для меня знакомъ немилости, и чтобъ входъ въ архивы, когда обстоятельства позволятъ мнѣ оставаться въ Петербургѣ, не былъ мнѣ запрещенъ [1]).

157.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(21 сентября 1835 г., изъ михайловскаго).

О своей жизни въ Михайловскомъ.

Жена моя, вотъ и 21-е, а я отъ тебя еще ни строчки не получилъ. Это меня безпокоитъ поневолѣ... я все безпокоюсь и не пишу, а время идетъ. Ты не можешь вообразить, какъ живо работаетъ воображеніе, когда сидимъ одни между четырехъ стѣнъ, или ходимъ по лѣсамъ, когда никто не мѣшаетъ намъ думать, думать до того, что голова закружится. А о чемъ я думаю? Вотъ о чемъ: чѣмъ

---

1) См. выше стр.

2) Государь предложилъ Пушкину 10,000 руб. и полугодичный отпускъ. На новомъ письмѣ къ Бенкендорфу помѣта: „Императоръ жалуетъ ему 30,000 руб. съ удержаніемъ, согласно просьбѣ, его жалованья". Это распоряженіе воспослѣдовало на письмо Пушкина къ гр. А. Х. Бенкендорфу, гдѣ Пушкинъ просилъ исходатайствовать ему возможность уплатить половину долговъ (60.000 р.) въ видѣ займа съ удержаніемъ получаемаго жалованья впредь до погашенія долга.

намъ жить будетъ?.. Царь не позволяетъ мнѣ ни записаться въ помѣщики, ни въ журналисты. Писать книги для денегъ, видитъ Богъ, не могу. У насъ ни гроша вѣрнаго дохода, а вѣрнаго расхода 30,000... Былъ я у Вревскихъ [1]) третьяго дня... Я взялъ у нихъ Вальтеръ-Скотта и перечитываю его. Жалѣю, что не взялъ съ собою англійскаго. Кстати: пришли мнѣ, если можно, Essays de M. Montaigne — 4 синихъ книги, на длинныхъ моихъ полкахъ. Отыщи. Сегодня погода пасмурная. Осень начинается. Авось засяду... Я много хожу, много ѣзжу верхомъ, на клячахъ, которыя очень тому рады, ибо имъ за то даютъ овесъ, къ которому онѣ не привыкли. Ѣмъ я печеный картофель [2]), какъ маймистъ, и яица въ смятку, какъ Людовикъ XVIII. Вотъ мой обѣдъ. Ложусь въ 9, встаю въ 7.

156.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(21 сентября 1835 г., изъ Тригорскаго [3]).

Старыя сосны. Мысль о старости. Ср. стих.: „Вновь я посѣтилъ"... (т. I, № 238).

Пишу тебѣ изъ Тригорскаго. Что это, женка? вотъ ужъ 25-е, а я все отъ тебя не имѣю ни строчки. Это меня сердитъ и безпокоитъ. — Куда адресуешь ты свои письма? Пиши: Во Псковъ, Ея Высокородію Пр. Ал. Осиповой, для доставленія А. С. П., извѣстному сочинителю — вотъ и все. Такъ вѣрнѣе дойдутъ до меня твои письма, безъ которыхъ я совершенно одурѣю... Вообрази, что до сихъ поръ не написалъ я ни строчки, а все потому, что не спокоенъ. Въ Михайловскомъ нашелъ я все по старому, кромѣ того, что нѣтъ ужъ въ немъ няни моей, и что около знакомыхъ старыхъ сосенъ поднялась, во время моего отсутствія, молодая сосновая семья, на которую досадно мнѣ смотрѣть, какъ иногда досадно мнѣ видѣть молодыхъ кавалергардовъ на балахъ, на которыхъ уже не пляшу. Но дѣлать нечего; все кругомъ меня говоритъ, что я старѣю — иногда даже чистымъ русскимъ языкомъ. Напримѣръ, вчера мнѣ встрѣтилась знакомая баба, которой не могъ я не сказать, что она перемѣнилась. А она мнѣ: да и ты, мой кормилецъ, состарѣлся, да и подурнѣлъ... Гуляю пѣшкомъ и верхомъ, читаю романы В. Скотта, отъ которыхъ въ восхищеніи, да охаю о тебѣ [4]).

156.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(2 октября 1835 г., изъ Михайловскаго).

О собственныхъ занятіяхъ.

...Со вчерашняго дня началъ я писать (чтобы не сглазить только). Погода у насъ портится; кажется, осень наступаетъ не на шутку. Авось распишусь.

---

[1]) См. т. IV, стр. 236 А. вып. 22.
[2]) См. т. IV, стр. 377. Б. вып. 1.
[3]) См. т. I, стр. 63.
[4]) Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 29 сентября прибавлено: „Вечеромъ ѣзжу въ Тригорское, роюсь въ старыхъ книгахъ, да орѣхи грызу. А ни стиховъ, ни прозы писать не думаю".

159.

Изъ письма къ П. А. Плетневу.

(въ октябрѣ 1835 г., изъ Михайловскаго).

Приготовленіе къ изданію альманаха (замѣненнаго въ слѣдующемъ году „Современникомъ“).

Очень обрадовался я, получивъ отъ тебя письмо (дѣльное по твоему обычаю). Постараюсь отвѣчать по пунктамъ и обстоятельно; ты получилъ Путешествіе [2]) отъ цензуры... Спасибо, великое спасибо Гоголю за его Коляску; въ ней альманахъ далеко можетъ уѣхать, но мое мнѣніе—даромъ Коляски не брать, а установить ей цѣну. Гоголю нужны деньги. Ты требуешь имени для альманаха: назовемъ его Аріонъ или Оріонъ; я люблю имена, не имѣющія смысла; шуточкамъ привязаться не къ чему. Лангера [1]) заставь также нарисовать виньетку безъ смысла. Были бы цвѣточки, да лиры, да плющъ, какъ на квартирѣ Алекс. Ив. въ комедіи Гоголя. Это будетъ очень натурально. Въ ноябрѣ я бы радъ явиться къ вамъ, тѣмъ болѣе, что такой безплодной осени отроду мнѣ не выдавалось. Пишу—черезъ пень колоду валю. Для вдохновенья нужно сердечное спокойствіе; а я совсѣмъ не спокоенъ. Ты дурно дѣлаешь, что становишься нерѣшителенъ. Я всегда находилъ, что все тобою придуманное мнѣ удавалось. Начнемъ альманахъ съ „Путешествія“. Присылай мнѣ корректуру, а я перешлю тебѣ—стиховъ. Кто будетъ нашъ цензоръ?...

160.

Изъ письма къ П. В. Нащокину.

(въ октябрѣ 1835 г., спб.).

О журналѣ.—О семейной жизни.

...Денежныя дѣла мои плохи. Я принужденъ былъ приняться за журналъ. Не вѣдаю, какъ еще пойдетъ. Смирдинъ уже предлагаетъ мнѣ 15.000, чтобъ я отъ своего предпріятія отступился и сталъ бы снова сотрудникомъ его Библіотеки [3]). Сенковскій такая бестія, а Смирдинъ такая дура, что съ ними связываться невозможно...

Мое семейство умножается, растетъ, шумитъ около меня. Теперь, кажется, и на жизнь роптать, и старости нечего бояться. Холостяку на свѣтѣ скучно: ему досадно видѣть новыя молодыя поколѣнія; одинъ отецъ семейства смотритъ безъ зависти на молодость, его окружающую. Изъ этого слѣдуетъ, что мы хорошо сдѣлали, что женились... [4]).

161.

И. И. Лажечникову.

(3 ноября 1835 г.).

По поводу сочиненій Лажечникова.

---

[1]) „Путешествіе въ Арзрумъ“.

[2]) Валер. Плат. Лангеръ, лицеистъ 2-го выпуска, извѣстный своими иллюстраціями (Прим. П. О. Морозова).

[3]) Библіотеки для чтенія“, изд. Смирдина подъ ред. Сенковскаго съ 1834 г.

[4]) Ср. письмо 133.

М. Г. И. И! Во-первыхъ, долженъ я просить у васъ прощенiе за медленность и неисправность свою.

Портретъ Пугачева получилъ мѣсяцъ тому назадъ и, возвратясь изъ деревни, узналъ я, что до сихъ поръ экземпляръ его Исторiи вамъ не доставленъ. Возвращаю вамъ рукопись Рычкова, коей пользовался я по вашей благосклонности.

Позвольте, м. г., благодарить теперь за прекрасные романы, которые всѣ мы прочли съ такою жадностiю и съ такимъ наслажденiемъ. Можетъ быть, въ художественномъ отношенiи „Ледяной Домъ" и выше „Послѣдняго Новика", но истина историческая въ немъ не соблюдена, и это современемъ, когда дѣло Волынскаго будетъ обнародовано, конечно, повредитъ вашему созданiю; но поэзiя останется всегда поэзiей, и многiя страницы вашего романа будутъ жить, доколѣ не забудется русскiй языкъ. За Василiя Тредьяковскаго, признаюсь, я готовъ съ вами поспорить. Вы оскорбляете человѣка, достойнаго во многихъ отношенiяхъ уваженiя и благодарности нашей. Въ дѣлѣ же Волынскаго играетъ онъ лицо мученика. Его донесенiе академiи трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать безъ негодованiя на его мучителя. О Биронѣ можно бы также потолковать. Онъ имѣлъ несчастiе быть нѣмцемъ; на него свалили весь ужасъ царствованiя Анны, которое было въ духѣ его времени и въ нравахъ народа. Впрочемъ, онъ имѣлъ великiй умъ и великiе таланты.

Позвольте сдѣлать вамъ филологическiй вопросъ, коего разрѣшенiе для меня важно: въ какомъ смыслѣ упомянули вы слово хоботъ [1]) въ послѣднемъ вашемъ творенiи и по какому нарѣчiю?

162.

П. А. Клейнмихелю.

(19 ноября 1835 г., спб.).

О новыхъ матерiалахъ для Исторiи Пугачевскаго бунта.

Уже по отпечанiи Исторiи Пугачевскаго бунта, вслѣдствiе письма Пушкина къ гр. Бенкендорфу съ просьбою о дозволенiи прочесть Пугачевское дѣло, находящееся въ сенатскомъ архивѣ, гр. Бенкендорфъ 2 февраля увѣдомилъ министра юстицiи Д. В. Дашкова о разрѣшенiи Пушкину прочтенiя дѣла, но такъ-какъ это дѣло въ 8 запечатанныхъ пакетахъ уже предполагалось передать изъ сенатскаго архива въ госуд. архивъ м. ин. дѣлъ, то по докладу Дашкова государь приказалъ предварительно совершить эту передачу, а потомъ уже допустить Пушкина къ чтенiю его. Дашковъ увѣдомилъ объ этомъ министра иностр. дѣлъ гр. Нессельрода 21 февраля. Однако, вѣроятно, по соглашенiю между обоими министрами, дѣло изъ сената было доставлено прямо Пушкину, который, распечатавъ и прочитавъ всѣ 8 связокъ, не нашелъ въ нихъ допроса, снятаго съ Пугачева въ Москвѣ, почему 28 августа и просилъ завѣдывавшаго Спб. архивомъ снестись съ московскимъ отдѣленiемъ, что́ и было сдѣлано 20 сент. Въ Москвѣ оффицiальныхъ бумагъ о Пугачевѣ не оказалось, но Пушкину были сообщены поступившiя изъ портфеля Миллера 6 тетрадей и отъ Н. Н. Бантышъ-Каменскаго томъ частныхъ бумагъ о Пугачевскомъ бунтѣ. Между тѣмъ въ сентябрѣ же 1835 г. дежурный генералъ Клейнмихель

---

[1]) Въ выраженiи: „такимъ-то хоботомъ" въ смыслѣ: такимъ-то образомъ.

потребовалъ отъ Пушкина находившіяся у него дѣла инспекторскаго департамента, и Пушкинъ, бывшій тогда въ Михайловскомъ, немедленно по возвращеніи въ Спб., написалъ письмо, здѣсь печатаемое. По наведенной справкѣ оказалось, что желаемая Пушкинымъ книга находится въ архивѣ военно-топографическаго депо, и Клейнмихель отвѣчалъ Пушкину 29 янв. 1836 г. только, что книги этой „ни въ здѣшнемъ, ни въ Моск. архивѣ инспекторскаго департамента нѣтъ". Такъ Пушкинъ и не узналъ о ней. Но въ архивѣ инсп. деп. было и еще нѣсколько книгъ о Пугачевѣ, не извѣстныхъ Пушкину и потому не вытребованныхъ имъ: объ нихъ Клейнмихель запретилъ даже и сообщать Пушкину „во избѣжаніе излишней переписки" (Сообщеніе г. Ефремова. Изд. Соч. П. 1882. Т. VI., стр. 479).

Возвратясь изъ путешествія, нашелъ я предписаніе вашего высокопревосходительства, коему и поспѣшилъ повиноваться. Книги и бумаги, коими пользовался я по благосклонности его сіятельства гр. Чернышева, возвращены мною въ военное министерство.—Обращаюсь къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою: въ главномъ штабѣ находится одна мнѣ еще неизвѣстная книга, содержащая послѣднія письма и донесенія генерала Бибикова (1774 г.). Мнѣ было бы необходимо справиться съ сими документами; осмѣливаюсь просить на то соизволеніе вашего в. п. съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.

163.

Н. В. Гоголю.

(1835).

О повѣсти Гоголя „Невскій Проспектъ".

Прочелъ съ большимъ удовольствіемъ. Кажется, все можетъ быть пропущено. Сѣкуцію жаль выпустить; она, мнѣ кажется, необходима для эффекта вечерней мазурки [1]). Авось Богъ вынесетъ. Съ Богомъ!

164.

Н. В. Гоголю.

(1835).

О Булгаринѣ.

Г. Булгаринъ, въ предисловіи къ одному изъ своихъ романовъ увѣдомляетъ публику, что есть люди, не признающіе въ немъ никакого таланта. Это, повидимому, очень его удивляетъ. Онъ даже выразилъ свое удивленіе и знакомъ препинанія—(!).

Съ нашей стороны, мы знаемъ людей, которые признаютъ талантъ въ г. Булгаринѣ, но и тутъ не удивляемся.

Новый романъ г. Булгарина [2]) нимало не уступаетъ его прежнимъ...

---

[1]) Рѣчь идетъ о поручикѣ Пироговѣ, высѣченномъ нѣмцами.

[2]) „Записки Чухина" (1835).

165.

Гр. А. Х. Бенкендорфу.

(31 декабря 1835 г., спб.).

Объ изданіи „Современника“ (см. выше стр. 173.

Я желалъ бы въ слѣдующемъ 1836 году издать четыре тома статей чисто литературныхъ (какъ-то: повѣстей, стихотвореній, etc), историческихъ, ученыхъ, также критическихъ разборовъ русской и иностранной словесности, на подобіе трехъ-мѣсячныхъ Reviews. Отказавшись отъ участія во всѣхъ нашихъ журналахъ, я лишился и своихъ доходовъ.

Изданіе таковой Review доставило бы вновь независимость, а вмѣстѣ и способъ продолжать труды, мною начатые. Это было бы для меня новымъ благодѣяніемъ государя.

166.

А. А. Фуксъ.

(20 февраля 1836 г., спб.).

О г-жѣ Фуксъ см. пис. № 115. При посылкѣ Исторіи Пугачевскаго бунта. Приглашеніе сотрудничества въ Современникѣ.

Я столько предъ вами виноватъ, что не осмѣливаюсь и оправдываться. Недавно возвратился я изъ деревни и нашелъ у себя письмо, коимъ изволили меня удостоить. Не понимаю, какимъ образомъ мой бродяга Емельянъ Пугачевъ не дошелъ до Казани, мѣсто для него памятное: видно, шатался по сторонамъ и загулялся по своей привычкѣ. Теперь гр. Апраксинъ снисходительно взялся доставить къ вамъ мою книгу. При семъ позвольте мнѣ, м. г., препроводить къ вамъ и билетъ на полученіе Современника, мною издаваемаго. Смѣю ли надѣяться, что вы украсите его когда-нибудь произведеніями пера вашего?

Свидѣтельствую глубочайшее мое почтеніе любезному, почтенному Карлу Ѳедоровичу, поручая себя вашей и его благосклонности.

Честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію и проч.

167.

Кн. В. Ѳ. Одоевскому.

(въ мартѣ 1835 г., спб.).

Съ порученіемъ по поводу печатанія I тома Современника.

Весьма и весьма доволенъ и благодаренъ. Если въ недѣлю можно будетъ отпечатать по пяти листовъ, то это славно, и дѣло наше въ шляпѣ. Корректуру „Путешествія“ прикажите однако присылать ко мнѣ. Тутъ много ошибокъ въ рукописи. Что́ ваша повѣсть Зизи? Это славная вещь.

168.

Кн. В Ѳ. Одоевскому.

(въ началѣ апрѣля 1836 г., спб.).

О статьяхъ для Современника.

У меня въ 1 № не будетъ ни одной строчки вашего пера — грустно мнѣ; но времени вамъ не достало, а за меня пріятели дали предъ публикою обѣтъ выдать Современникъ на Ѳоминой [1]).

Думаю 2 № начать статьей вашей, дѣльной, умной и сильной, и которую хочется мнѣ наименовать: О враждѣ къ просвѣщенію [2]); ибо въ томъ же № хочется мнѣ помѣстить и „Разборъ Постоялаго Двора", подъ названіемъ: О нѣкоторыхъ романахъ [3]). Разрѣшите ли вы?

О Сегеліелѣ [4]), кажется, задумалась цензура, но я не очень имъ доволенъ; къ тому же, какъ отрывокъ, онъ и въ печати можетъ повредить изданію полнаго вашего произведенія.

Я ѣду во вторникъ. Увижу ли васъ дотолѣ? Весь вашъ.

„Разговоръ недовольныхъ" не помѣстилъ я, потому что ужъ „Сцены" Гоголя [5]) были у меня напечатаны, и что вы могли другъ другу повредить въ эффектѣ.

169.

Изъ письма къ Н. М. Языкову.

(14 апрѣля 1836 г., изъ михайловскаго).

О стихотвореніяхъ Языкова.

...Вы получите мой Современникъ; желаю, чтобъ онъ заслужилъ ваше одобреніе. Изъ статей критическихъ моя одна: о Конисскомъ. Будьте моимъ сотрудникомъ непремѣнно [6]). Ваши стихи—вода живая, наши—вода мертвая; мы ею окатили Современника; опрысните его вашими кипучими каплями. Посланіе къ Давыдову—прелесть! Нашъ боецъ чернокудрявый окрасилъ было свою сѣдину, замазалъ и свой бѣлый локонъ, но послѣ вашихъ стиховъ опять его вымылъ—и правъ [7]). Это знакъ благоговѣнія къ поэзіи. Прощайте, пишите мнѣ, да кстати ужъ напишите и къ Вяземскому отвѣтъ на его посланіе, напечатанное въ Новосельѣ (помнится) и о которомъ вы ему ни слова не молвили. Будьте здоровы и пишите, т. е.: живи и жить давай другимъ [8])...

Пришлите мнѣ, ради Бога, стихъ объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ и еще какую-нибудь легенду: нужно.

170.

М. П. Погодину.

(14 апрѣля 1836 г. изъ михайловскаго).

О Современникѣ.

Пишу къ вамъ изъ деревни, куда заѣхалъ вслѣдствіе печальныхъ обстоятельствъ [9]). Журналъ мой вышелъ безъ меня, и вѣроятно вы

---

[1]) Пушкинъ съ 26 февр. до конца марта былъ въ Москвѣ, а потомъ поѣхалъ въ Михайловское хоронить свою мать.

[2]) См. выше содержаніе II т. „Современника" (стр. 181).

[3]) См. тамъ же содержаніе III т. „Современника".

[4]) Неизданное соч. кн. Одоевскаго.

[5]) „Утро дѣлового человѣка" (т. I „Современника").

[6]) Въ т. II „Современника" помѣщена сказка Языкова.

[7]) Въ посланіи Языкова къ Д. В. Давыдову находятся стихи:

Ты боецъ чернокудрявый
Съ бѣлымъ локономъ на лбу.

(Моск. Наблюд. 1835).

[8]) Стихъ Державина.

[9]) т. е. похоронъ матери.

его ужъ получили. Статья о вашихъ Афоризмахъ [1]) писана не мною, и я не имѣлъ ни времени, ни духа ее порядочно разсмотрѣть. Не сердитесь на меня, если вы ею недовольны. Не войдете ли вы со мною въ сношенія литературныя и торговыя? Въ такомъ случаѣ прошу васъ объявить безъ обиняковъ ваши требованія. Если увидите Надеждина, благодарите его отъ меня за Телескопъ. Пошлю ему Современникъ. Сегодня ѣду въ Петербургъ. А въ Москву буду въ маѣ—порыться въ архивѣ и свидѣться съ вами.

171.

И. И. Лажечникову.

(1 мая 1836 г., изъ Твери).

О личномъ свиданіи съ Лажечниковымъ.

Я все еще надѣялся, почтенный и любезный Иванъ Ивановичъ, лично благодарить васъ за ваше ко мнѣ благорасположеніе, за два письма, за романы и пугачевщину, но неудача меня преслѣдуетъ.— Проѣзжаю черезъ Тверь на перекладныхъ, и въ такомъ видѣ, что никакъ не осмѣливаюсь къ вамъ явиться возобновить старое, минутное знакомство.—Отлагаю до сентября, то есть, до возвратнаго пути; покамѣстъ поручаю себя вашей снисходительности и доброжелательству.—Сердечно васъ уважающій...

172.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(4 мая 1836 г., изъ Москвы).

О Брюловѣ. О московскихъ знакомцахъ.

... Я остановился у Нащокина... Мы, разумѣется, другъ другу очень обрадовались, и цѣлый вчерашній день проболтали Богъ знаетъ о чемъ. Я успѣлъ уже посѣтить Брюлова. Я нашелъ его въ мастерской какого-то скульптора, у котораго онъ живетъ. Онъ очень мнѣ понравился. Онъ хандритъ, боится русскаго холода и прочаго, жаждетъ Италіи, а Москвой очень недоволенъ. У него видѣлъ я нѣсколько начатыхъ рисунковъ... Мнѣ очень хочется привести Брюлова въ Петербургъ. А онъ настоящій художникъ, добрый малый, и готовъ на все. Здѣсь Перовскій его было заполонилъ; перевезъ его къ себѣ, заперъ на ключъ и заставилъ работать. Брюловъ насилу отъ него уѣхалъ... Видѣлъ я свата нашего Толстаго; дочь у него также почти сумасшедшая, живетъ въ мечтательномъ мірѣ, окруженная видѣніями, переводитъ съ греческаго Анакреона, и лѣчится омеопатически [2]). Чадаева, Орлова, Раевскаго и Наблюдателей [3]) (которыхъ Нащокинъ называетъ les treizes) еще не успѣлъ видѣть. Съ Наблюдателями и книгопродавцами намѣренъ я кокетничать, и постараюсь какъ можно лучше распорядиться съ Современникомъ...

---

[1]) „Историческіе афоризмы" М. Погодина. М. 1836 статью о нихъ см. выше стр. 177.

[2]) Сара Толстая. О ея стихотвореніяхъ см. статью юнаго Каткова въ От. Зап. 1839 г.

[3]) т. е. сотрудниковъ журнала „Наблюдатель".

173.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(6 мая 1836 г., изъ москвы).

О московской жизни.—О постановкѣ Ревизора.

Вотъ ужъ три дня, какъ я въ Москвѣ, и все еще ничего не сдѣлалъ. Архива не видалъ, съ книгопродавцами не сторговался, всѣхъ визитовъ не отдалъ... что прикажешь дѣлать? Нащокинъ встаетъ поздно, я съ нимъ забалтываюсь... Вчера былъ у Дмитріева, у Орлова, Толстаго, сегодня собираюсь къ остальнымъ... Пошли ты за Гоголемъ и прочти ему слѣдующее: видѣлъ я актера Щепкина, который ради Христа проситъ его пріѣхать въ Москву, прочесть Ревизора. Безъ него актерамъ не спѣться. Онъ говоритъ, комедія будетъ карикатурна и грязна (къ чему Москва всегда имѣла поползновеніе). Съ моей стороны, я то же ему совѣтую: не надобно, чтобъ Ревизоръ упалъ въ Москвѣ, гдѣ Гоголя болѣе любятъ, нежели въ Петербургѣ.—При семъ пакетъ къ Плетневу, для Современника; коли цензоръ Крыловъ не пропуститъ, отдать въ комитетъ, и ради Бога, напечатать во 2 №... Экое горе! Вижу, что непремѣнно нужно имѣть мнѣ 80,000 доходу. И буду ихъ имѣть. Не даромъ же пустился въ журнальную спекуляцію...

174.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(11 мая 1836 г., изъ москвы).

О дѣлахъ съ книгопродавцами, о Современникѣ. О московскихъ знакомцахъ. О Брюловѣ.

... Воображаю твои хлопоты, и прошу прощенія у тебя за себя и книгопродавцевъ. Они ужасный мове-тонъ, какъ говоритъ Гоголь, т. е. хуже, нежели мошенники. Но Богъ намъ поможетъ. Благодарю и Одоевскаго за его типографическія хлопоты. Скажи ему, чтобъ онъ печаталъ, какъ вздумаетъ — порядокъ ничего не значитъ. Что записки Дуровой? пропущены ли цензурою? онѣ мнѣ необходимы. Безъ нихъ я пропалъ. Ты пишешь о статьѣ Гольцовской. Что такое? Кольцовской или Гоголевской? — Гоголя печатать, а Кольцова разсмотрѣть. Впрочемъ, это не важно... Раевскій (Ал.), который прошлаго разу казался мнѣ немного поглупѣвшимъ, кажется, опять оживился и поумнѣлъ... Ѣду хлопотать по дѣламъ Современника. Боюсь, чтобъ книгопродавцы не воспользовались моимъ мягкосердіемъ и не выпросили себѣ уступки вопреки строгихъ твоихъ предписаній. Но постараюсь оказать благородную твердость... Былъ я у Перовскаго, который показывалъ мнѣ недоконченныя картины Брюлова. Брюловъ, бывшій у него въ плѣну, отъ него убѣжалъ и съ нимъ поссорился. Перовскій показывалъ мнѣ взятіе Рима Гензерикомъ (которое стоитъ Послѣдняго дня Помпеи), приговаривая: Замѣть, какъ прекрасно подлецъ этотъ нарисовалъ этого всадника, мошенникъ этакой! Какъ онъ умѣлъ, эта свинья, выразить свою канальскую, геніальную мысль, мерзавецъ онъ, бестія... Умора...

175.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(16 мая 1836 г., изъ москвы).

О московскихъ литераторахъ.—О своемъ бюстѣ.

Съ литературой московскою кокетничаю, какъ умѣю, но Наблюдатели меня не жалуютъ. Любитъ меня одинъ Нащокинъ... Слушая здѣшнихъ литераторовъ, дивлюсь, какъ они могутъ быть такъ порядочны въ печати и такъ глупы въ разговорѣ. Признайся: такъ ли со мною? право, боюсь. Баратынскій однакожъ очень милъ... ... Здѣсь хотятъ лѣпить мой бюстъ. Но я не хочу. Тутъ арапское мое безобразіе предано будетъ безсмертію во всей своей мертвой неподвижности...

176.

Изъ письма къ Н. Н. Пушкиной.

(18 мая 1836 г., изъ москвы).

О положеніи своемъ, какъ журналиста.

... У меня у самого душа въ пятки уходитъ, какъ вспомню, что я журналистъ. Будучи еще порядочнымъ человѣкомъ, я получалъ ужъ полицейскіе выговоры, и мнѣ говорили: Vous avez trompé [1]), и тому подобное. Что же теперь со мною будетъ? Мордвиновъ [2]) будетъ на меня смотрѣть какъ на Ѳаддея Булгарина и Николая Полеваго, какъ на шпіона...

177.

Изъ письма къ П. В. Нащокину.

(27 мая 1836 г., изъ спб.).

Порученіе къ Бѣлинскому. См. выше стр. 179

Я оставилъ у тебя два порожнихъ экземпляра Современника. Одинъ отдай кн. Гагарину, а другой пошли отъ меня Бѣлинскому (тихонько отъ Наблюдателей NB) и вели сказать ему, что очень жалѣю, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться...

178.

Д. В. Давыдову.

(въ маѣ 1836 г., спб.).

Черновое письмо о статьяхъ Д. Давыдова для Современника.

Я сейчасъ изъ Москвы. Статью о Дрезденѣ [3]) не могу тебѣ прислать прежде, нежели ее напечатаютъ, ибо она есть цензурный документъ. Успѣешь наглядѣться на ея благородныя раны. Покамѣстъ благодарю за позволеніе напечатать ее и въ настоящемъ видѣ...

Вяземскій совѣтуетъ мнѣ напечатать твои „Очи“ безъ твоего позволенія, да какъ-то боюсь. Какъ думаешь, вѣдь можно бы безъ имени. Отъ Языкова жду писемъ.

---

[1]) т. е.: „Вы обманули“.

[2]) См. т. I, № 105.

[3]) См. въ IV т. „Современника“ ст.: „Воспоминанія объ осадѣ Дрездена“.

179.

Изъ письма къ И. И. Дмитріеву.

(14 іюня 1836 г., спб.).

По поводу появившихся въ Моск. Вѣдомостяхъ и Литер. Прибавленіяхъ статей съ подписью И. Д., вызвавшихъ въ Современникѣ замѣтку, что статьи эти не принадлежатъ Ивану Ивановичу Дмитріеву.

... Благосклонный вашъ отзывъ о Современникѣ ободряетъ меня на поприщѣ, для меня новомъ. Постараюсь и впредь оправдать ваше доброе мнѣніе.

Замѣчаніе о вашемъ омонимѣ украситъ второй № Современника и будетъ напечатано слово въ слово. Вашъ Созій не сынъ Юпитера [1]), и его встрѣча съ вами для него не выгодна во всѣхъ отношеніяхъ.

Дай Богъ вамъ здоровье и многія лѣта! Переживите молодыхъ нашихъ словесниковъ, какъ ваши стихи переживутъ молодую нашу словесность. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, м. г., вашего в. п. покорнѣйшимъ слугою.

180.

Надеждѣ Андреевнѣ Дуровой.

(1836).

О Запискахъ Дуровой [2]), вышедшихъ особой книгою подъ загл.: „Кавалеристъ-дѣвица. Происшествіе въ Россіи. Издалъ Ив. Бутовскій. Спб. 1836, 2 ч.“

Вотъ начало вашихъ Записокъ. Всѣ экземпляры уже напечатаны и теперь переплетаются. Не знаю, возможно ли будетъ остановить изданіе. Мнѣніе мое искреннее и безкорыстное—оставить какъ есть. Записки Амазонки какъ-то слишкомъ изысканно, манерно, напоминаетъ нѣмецкіе романы; Записки Дуровой—просто, искренно и благородно. Будьте смѣлы — вступайте на поприще литературное столь же отважно, какъ и на то, которое васъ прославило. Полумѣры никуда не годятся...

181.

Бар. М. А. Корфу.

(14 октября 1836 г., спб.).

О каталогѣ иностранныхъ сочиненій о Россіи, составленномъ бар. М. А. Корфомъ и присланномъ Пушкину въ виду его занятій Исторіей Петра Великаго.

Вчерашняя посылка твоя мнѣ драгоцѣнна во всѣхъ отношеніяхъ и останется у меня памятникомъ. Право, жалѣю, что государственная служба отняла у насъ историка. Не надѣюсь тебя замѣнить. Прочитавъ эту номенклатуру, я испугался и устыдился: большая часть цитованныхъ книгъ мнѣ неизвѣстна. Употребляю всевозможныя старанія, дабы ихъ достать. Какое поле—эта новѣйшая русская исторія! И какъ подумаешь, что оно вовсе еще не обработано, и

---

[1]) Меркурій, сынъ Юпитера, принявъ видъ Амфитріонова слуги Созія, дурачитъ его въ комедіи Мольера: „Амфитріонъ“.—[2]) См. выше стр. 195.

что кромѣ насъ, русскихъ, никто того не можетъ и предпринять!— Но исторія долга, жизнь коротка, а пуще всего человѣческая природа лѣнива (русская природа въ особенности). До свиданія. Завтра, вѣроятно, увидимся у Мясоѣдова.

182.

П. Я. Чаадаеву.

(19 октября 1836 г., спб.).

Въ этомъ письмѣ (черновомъ), имѣющемъ важное значеніе для опредѣленія воззрѣній Пушкина и найденномъ въ бумагахъ В. А. Жуковскаго, горячо и убѣдительно возражаетъ онъ на несправедливое приниженіе Чаадаевымъ своего отечества и основныхъ началъ его жизни, высказанное въ первомъ „Философическомъ письмѣ“, переведенномъ и напечатанномъ въ Телескопѣ.

Всѣхъ „Философическихъ писемъ“ было написано Чаадаевымъ на франц. языкѣ четыре (четвертое объ архитектурѣ) [1]). Обращены они къ Ек. Дм. Пановой (урожденной Улыбышевой). Изъ нихъ одно въ переводѣ Кетчера напечатано въ № 15 Телескопа за 1836 г. Пушкинъ свое письмо пишетъ въ отвѣтъ на полученный имъ отъ автора оттискъ русскаго перевода I письма. Французскаго подлинника онъ въ рукахъ не имѣлъ. „Иначе“, замѣчаетъ П. И. Бартеневъ [2]), „онъ не похвалилъ бы перевода, который очень произволенъ. Кромѣ пропусковъ, смягченій и искаженій ради цензуры, есть опущенія безпричинныя и неточности, обнаруживающія плохое пониманіе подлинника. Слова trouble dans les idées переведены „возмущеніемъ мыслей“, слова chez nous опускаются тамъ, гдѣ въ нихъ вся суть дѣла; causer la peine—„возбудить страданія“. Слогъ переведа тяжелый... Слово zèle передается „ревнительностью“, dissiper en rosée —„преобразиться въ росу“; выраженіе à la face du monde не понято и переведено словами: „на землѣ“ и пр.

Извѣстно, что за напечатаніе этого письма Чаадаева Телескопъ былъ запрещенъ, вслѣдствіе всеподданнѣйшей докладной записки министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова отъ 20 октября 1836 г., въ которой, между прочимъ, сказано, что „статья эта дышитъ нелѣпою ненавистію къ отечеству и наполнена ложными и оскорбительными понятіями какъ на счетъ прошедшаго, такъ и на счетъ настоящаго и будущаго существованія государства“.

„Я зналъ Чаадаева лично въ послѣдніе три года его жизни“, сообщаетъ П. И. Бартеневъ. „Онъ былъ человѣкъ многоначитанный, мягкосердечный, отмѣнно общительный, а въ то же время необычайно суетный. Heureux à force de vanité (самодоволенъ въ суетности), говаривалъ про него тотъ же Пушкинъ, любившій его до конца, но въ зрѣлыхъ лѣтахъ гораздо менѣе уважавшій, нежели по выходѣ своемъ изъ Лицея. Можно навѣрное сказать, что по возвращеніи Пушкина изъ ссылки Чаадаевъ просто надоѣдалъ ему своими писаніями, въ которыхъ такъ много непереваренпаго чужаго добра, и чтó ни слово, то театральная поза. Смѣшно было слышать, какъ этотъ старикъ неустанно твердилъ о своей исторіи съ „Философическими письмами“. Еще за нѣсколько дней до кончины, поглаживая свой почти совершенно голый черепъ, сказалъ онъ мнѣ чуть ли не въ сотый разъ, что по изслѣдованію докторовъ и френологовъ, голова у него устроена такъ, что поврежденіе ума невозможно [3]). Давыдовъ изо-

---

[1]) Всѣ они напечатаны уже по смерти Чаадаева іезуитомъ Гагаринымъ въ 1862 г. (Oeuvres choisis de Pierre Tchadaieff).

[2]) „Пушкинъ“. II, стр. 88.

[3]) Извѣстно, что государь, отозвавшійся о „Философическомъ письмѣ“,

бразилъ его въ своей „Современной пѣснѣ“ [1]); но только выраженіе маленькій аббатикъ не вѣрно: скорѣе бы сказать: худенькій. Чаадаевъ былъ сухощавъ и довольно высокаго роста. Всегда щегольски одѣтый, вѣчно охорашивался онъ и былъ рабомъ всевозможныхъ свѣтскихъ приличій. Это былъ настоящій представитель Александровскаго времени, когда преобладали съ одной стороны сантиментальные Маниловы, а съ другой — люди изысканной рѣчи и напускной ходульности. Къ послѣднимъ вполнѣ принадлежитъ Чаадаевъ.

„Въ сущности Чаадаевъ могъ быть доволенъ громкою исторіею „Телескопа“. Произведеніе его появилось въ журналѣ съ предисловіемъ издателя (Надеждина), усладительно щекотавшимъ его самолюбіе:

„Письма эти писаны однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ. Рядъ ихъ со„ставляетъ цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, развивающее одну главную „мысль. Возвышенность предмета, глубина и обширность взглядовъ, строгая по„слѣдовательность выводовъ и энергическая искренность выраженія даютъ имъ „особенное право на вниманіе мыслящихъ читателей. Въ подлинникѣ они пи„саны на французскомъ языкѣ. Предлагаемый переводъ не имѣетъ всѣхъ до„стоинствъ оригинала относительно наружной отдѣлки. Мы съ удовольствіемъ „извѣщаемъ читателей, что имѣемъ дозволеніе украсить журналъ другими изъ „этого ряда писемъ. *Изд.*“

...„Чуть ли не съ того же времени“, продолжаетъ г. Бартеневъ, „начались странствованія по понедѣльникамъ въ отдаленную Басманную, въ тогдашній домъ Е. Г. Левашевой (потомъ Шульца, нынѣ Прохорова), гдѣ въ небольшомъ флигелѣ проживалъ опальный философъ. Даже И. И. Дмитріевъ увлекся общимъ настроеніемъ и, при всей своей важности, навѣстилъ его. Позднѣе Чаадаевъ заказалъ фотографію своего кабинета съ изображеніемъ самого себя, охотно раздавалъ ее и любилъ показывать на стѣнѣ надъ диваномъ пятно, оставшееся будто отъ головы Пушкина, тогда какъ намъ теперь извѣстно, что въ немногіе пріѣзды свои въ Москву, Пушкинъ навѣщалъ его весьма не часто. Любопытно было бы сыскать донесенія извѣстнаго доктора Гульковскаго, который въ теченіе нѣкотораго времени обязанъ былъ свидѣтельствовать умственное здравіе отшельника на Басманной.

„Въ Петербургъ, какъ приказано было государемъ, Чаадаева, кажется, не возили, и съ Пушкинымъ, вскорѣ погибшимъ, онъ не видался послѣ своей исторіи.

„Теперь, по прошествіи почти полувѣка, къ прискорбію сказать, что Николай Павловичъ имѣлъ нравственное право опалиться гнѣвомъ на Чаадаева, ко-

---

что оно содержитъ безсмыслицу, достойную умалишеннаго, приказалъ имѣть за сочинителемъ этой статьи медико-полицейскій надзоръ.

[1]) Утопистъ, идеологъ
Президентъ собранья,
Старыхъ барынь духовникъ,
Маленькій аббатикъ,
Что въ гостиныхъ бить привыкъ
Въ маленькій набатикъ.
Всѣ кричатъ ему привѣтъ
Съ аханьемъ и пискомъ.
А онъ важно имъ въ отвѣтъ:
„Dominus vobiscum!“
И раздолье языкамъ
И ужъ тутъ не шутка:
И народамъ и царямъ
Всѣмъ приходитъ жутко.
Все, что́ есть—все въ пыль и прахъ!
Все, что́ процвѣтаетъ
Съ корнемъ вонъ! Арсепагъ
Такъ опредѣляетъ.
И жужжитъ онъ, полнъ грозой,
Царства низвергая;
А Россіи—Боже мой
Та́ска, да какая!
И весь размежеванъ свѣтъ,
Безъ войны и драки
И Россіи уже нѣтъ;
И въ Москвѣ—поляки....

торый потомъ и самъ сознавалъ, что съ нимъ поступили снисходительно (Oeuvres choisies de P. Tchadaieff, стр. 126 въ статьѣ: Apologie d'un fou). Видимъ тутъ заступничество стариннаго его пріятеля и товарища по гвардейской службѣ, гр. Бенкендорфа. „Философическія письма" содержатъ въ себѣ все, что папство и слѣпое Каинское братоненавидѣніе, подмѣченное еще Екатериною Великою, могли придумать противъ Россіи и русской жизни. Ни одинъ сынъ Русской земли не превзошелъ его въ гласномъ самооплеваніи и отступничествѣ. Чаадаевъ идетъ много дальше Радищева: у того все-таки слышится неподдѣльная любовь къ простонародью, и злобится онъ только на правительство и власть имущихъ. Чаадаевъ же обнаруживаетъ полное „своей землѣ несвоеземство". Ему противно не только наше вѣроученіе, но и самыя внѣшнія лицевыя очертанія русскихъ людей. Нынѣ дознано, что все это онъ позаимствовалъ отъ великаго ненавистника Россіи, ею облагодѣтельствованнаго, сардинскаго графа Жозефа де-Местра.

„Грустно подумать, какъ много тутъ напускнаго, чопорно-ходульнаго, и какое съ обѣихъ сторонъ господствовало донъ-кишотство. А еще Чаадаевъ несомнѣнно былъ одинъ изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ русскихъ людей"!

Письмо напеч. впервые въ кн. П. И. Бартенева: „Пушкинъ" II, М. 1885. стр. 86, 87.

---

*) Благодарю васъ за брошюру, которую вы мнѣ прислали. Мнѣ было пріятно перечесть ее, хотя я очень удивился, что она переведена и напечатана. Переводомъ я доволенъ: въ немъ сохранена энергія и непринужденность подлинника. Что касается мыслей, вы знаете, что я далекъ отъ полнаго согласія съ вашимъ мнѣніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и „схизма" насъ отдѣлила отъ остальной Европы, и что мы не участвовали ни въ одномъ изъ великихъ событій, которыя ее волновали; но мы имѣли наше собственное призваніе. Кто же, какъ не Россія, не ея громадное пространство, по-

---

*) Въ виду важности письма этого приводимъ его въ подлинникѣ:

Je vous remercie de la brochure que vous m'avez envoyée. J'ai été charmé de la relire, quoique très-étonné de la voir traduite et imprimée. Je suis content de la traduction: elle a conservé de l'énergie et du laisser-aller de l'original Quant aux idées, vous savez que je suis loin d'être tout-à-fait de votre avis. Il n'y a pas de doute que le schisme nous a séparé du reste de l'Europe et que nous n'avons pas participé à aucun des grands évènements qui l'ont remuée: mais nous avons eu notre mission à nous. C'est la Russie, c'est son immense étendue qui a absorbé la conquête des Mogoles. Les Tartares n'ont pas osé franchir nos frontières occidentales et nous laisser à dos. Ils se sont retirés vers leurs déserts, et la civilisation chrétienne a été sauvée. Pour cette fin, nous avons dû avoir une existence tout-à-fait à part, qui, en nous laissant chrétiens, nous laissait cependant tout-à-fait étrangers au monde chrétien, en sorte que notre martyre ne donnait aucune distraction à l'énergique développement de l'Europe catholique.

Vous dites que la source, où nous sommes allés puiser le christianisme était impure, que Byzance était méprisable et méprisée etc Hé, mon ami! Jésus Christ lui-même n'était-il pas né Juif et Jérusalem n'était-elle pas la fable des nations? L'Évangile en est-il moins admirable? Nous avons pris de Grecs l'Évangile et les traditions, et non l'esprit de puérilité et de controverse. Les moeurs de Byzance n'ont jamais été celles de Kiov. Le clergé Russe, jusqu'à Théophane, a été respectable; il ne s'est jamais soullié des infamies du papisme et certes n'aurait jamais provoqué la réformation au moment où l'humanité avait le plus besoin d'unité. Je conviens que notre clergé actuel est en retard. En voulez vous savoir la raison? C'est qu'il est barbu, voilà tout. Il n'est pas de bonne compagnie.

глотилъ монгольское завоеваніе? Татары не посмѣли перейти наши западныя границы и оставить насъ въ тылу. Они удалились въ свои пустыни, и христіанское просвѣщеніе было спасено. Для этого мы должны были жить совершенно особою жизнью, которая оставивъ насъ христіанами, сдѣлала однако чуждыми христіанскому міру, такъ что благодаря нашему мученичеству, католическая Европа безъ помѣхи могла энергически развиваться.

Вы говорите, что источникъ, изъ котораго мы черпали христіанство, былъ не чистъ, что Византія была достойна презрѣнія и презираема и т. п. Но, другъ мой! развѣ самъ Христосъ не родился евреемъ, и Іерусалимъ не былъ притчею во языцѣхъ? Развѣ Евангеліе отъ этого менѣе дивно? Отъ грековъ мы приняли евангеліе и преданіе, а не духъ ребяческой мелочности и преній. Нравы Византіи отнюдь не были нравами Кіева. Русское духовенство до самаго Ѳеофана было достойно уваженія: оно никогда не оскверняло себя безславными дѣлами папства и, конечно, не вызвало бы реформаціи въ ту минуту, когда человѣчество нуждалось болѣе всего въ единствѣ. Соглашаюсь, что наше нынѣшнее духовенство отстало. Но хотите ли знать причину? Оно носитъ бороду—вотъ и все. Оно не принадлежитъ къ хорошему обществу.

Что же касается нашего историческаго ничтожества, то я положительно не могу согласиться съ вами. Развѣ войны Олега и Свя-

---

Quant à notre nullité historique, décidément je ne puis être de votre avis. Les guerres d'Oleg et de Sviatoslav, et même les guerres d'apanage n'est-ce pas cette vie d'effervescence avantureuse et d'activité âpre et sans but qui caractérise la jeunesse de tous les peuples? L'invasion des Tartars est un triste et grand tableau. Le réveil de la Russie, le développement de sa puissance, sa marche vers l'uniié (unité russe, bien entendu), les deux Ivan, le drame sublime commencé à Ouglitch et terminé au monastère d'Ipatief—quoi? Tout cela ne serait pas de l'histoire, mais un rêve pâle et à demi-oublié? Et Pierre-le-Grand, qui à lui seul est une histoire universelle? Et Catherine II, qui a placé la Russie sur le seuil de l'Europe? Et Alexandre, qui vous a mené à Paris? Et (la main sur le coeur), ne trouvez-vous pas quelque chose d'imposant dans la situation actuelle de la Russie, quelque chose qui frappera le futur historien? Croyez-vous qu'il nous mettra hors de l'Europe?

Quoique personnellement attaché de coeur à l'E., je suis loin d'admirer tout ce que je vois autour de moi. Comme homme de lettres, je suis aigri; comme homme á préjugés, je suis froissé. Mais je vous jure sur mon honneur que pour rien au monde je n'aurais voulu changer de patrie, ni avoir d'autre histoire que celle de nos ancêtres, telle que Dieu nous l'a donnée.

Voici une bien longue lettre. Après vous avoir contredit, il faut bien que je vous dise que beaucoup de choses dans votre épître sont profondément vraies. Il faut bien avouer que notre existence sociale est une triste chose, que cette absence d'opinion publique, cette indifférence pour tout ce qui est devoir, justice et vérité, ce mépris cynique pour la pensée et la dignité de l'homme, sont une chose vraiment désolante. Uous avez bien tait de le dire tout haut; mais je crains que vos opinions historiques ne vous fassent du tort,.. Enfin, je suis fâché de ne pas m'être trouvé près de vous lorsque vous avez livré votre manuscript aux journalistes. Je ne vais nulle part etne vous puis dire si l'article fait effet. J'espère qu'on ne le fera pas monsser.

Avez-vous lu le 3-me № du Современникъ? L'ar icle Voltaire et John Tenner sont de moi. Козловскій serait ma providence, s'il voulait une bonne fois devenir homme de lettre. Adieu, mon ami. Si vous voyez... dites leur bien des choses... Que disent-ils de vos lettres, eux qui sont si médiocrement chrétiens?

тослава и даже удѣльныя войны, не составляютъ ту жизнь кипучей отваги и юной, беззавѣтной дѣятельности, которая характеризуетъ молодость всѣхъ народовъ? Нашествіе татаръ есть зрѣлище печальное и великое. Пробужденіе Россіи, развитіе ея могущества, ея путь къ единству (конечно, единству русскому), оба Іоанна величественная драма, начавшаяся въ Угличѣ и окончившаяся въ Ипатьевскомъ монастырѣ — какъ? неужели это все не исторія, а только сонъ блѣдный и полузабытый? А Петръ В., который одинъ — всемірная исторія? А Екатерина II, помѣстившая Россію на порогѣ Европы? А Александръ, который привелъ насъ въ Парижъ? И (положа руку на сердце) развѣ вы не находите чего-то величественнаго въ настоящемъ положеніи Россіи, чего-то такого, что̀ поразитъ будущаго историка? Думаете ли, что онъ поставитъ насъ внѣ Европы?

Хотя я лично привязанъ сердечно къ императору, но я далекъ отъ того, чтобы приходить въ восторгъ ото всего, что̀ вижу вокругъ себя. Какъ писатель, я раздраженъ; какъ человѣкъ съ предразсудками, я оскорбленъ. Но клянусь вамъ честію, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы перемѣнить отечество, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую, какую намъ Богъ послалъ.

Вотъ предлинное письмо. Послѣ моего разногласія съ вами, я долженъ сказать вамъ, что въ вашемъ посланіи есть много вещей глубоко справедливыхъ. Нужно признаться, что наша общественная жизнь очень печальна, что это отсутствіе общественнаго мнѣнія, это равнодушіе ко всему, что̀ составляетъ долгъ, справедливость и правду, это циническое презрѣніе къ мысли и къ человѣческому достоинству въ самомъ дѣлѣ приводитъ въ отчаяніе. Вы поступили хорошо, высказавъ это во всеуслышаніе; но я боюсь, что мнѣнія ваши объ исторіи повредятъ вамъ. Наконецъ я сожалѣю, что не былъ при васъ, когда вы отдавали вашу рукопись журналистамъ. Я нигдѣ не бываю и не могу сказать вамъ, производитъ ли ваша статья впечатлѣніе. Надѣюсь, что ее не раздуютъ.

Читали ли вы 3-й № Современника? Статьи „Вольтеръ“ и „Джонъ-Теннеръ“—мои. Козловскій былъ бы для меня провидѣніемъ, если бы онъ захотѣлъ сдѣлаться разъ навсегда писателемъ. Прощайте, другъ мой. Если вы увидите..., передайте имъ мой привѣтъ. Что̀ говорятъ они, столь плохіе христіане, о вашемъ письмѣ?

183.

Кн. В. Ө. Одоевскому.

(въ ноябрѣ 1836 г. спб.).

О повѣстяхъ кн. Одоевскаго.

Конечно, Княжна Зизи имѣетъ болѣе истины и занимательности, нежели Сильфида; но всякое даяніе ваше благо. Кажется, „письмо тестя“ холодно и слишкомъ незначительно, зато въ другихъ много прелестнаго. Я замѣтилъ одно мѣсто знакомъ: ? Оно показалось мнѣ невразумительно. Во всякомъ случаѣ Сильфиду ли,

Княжну ли, но окончивайте и высылайте [5]). Безъ васъ пропалъ Современникъ.

184.

Кн. В. Ѳ. Одоевскому.

(1836 г. спб.).

О статьѣ Волкова.—Матвѣй Степ. Волковъ—полковникъ инженеровъ путей сообщенія, былъ профессоромъ строительнаго искусства. Статья его была написана по просьбѣ кн. Одоевскаго по поводу статьи Наркиза Ив. Тарасенко-Отрѣшкова противъ желѣзныхъ дорогъ. Эпиграфъ статьи: „Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ" и пр. [1]).

Статья г. Волкова въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательна, дѣльно и умно написана и занимательна для всякаго. Однакожъ я ея не помѣщу, потому что, по моему мнѣнію, правительству вовсе не нужно вмѣшиваться въ проектъ этого Герстнера [2]). Россія не можетъ бросить 3.000.000 на попытку. Дѣло о новой дорогѣ касается частныхъ людей: пускай они и хлопочутъ. Все, чтó можно имъ обѣщать, такъ это привилегію на 12 или 15 лѣтъ. Дорога (желѣзная) изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ еще была бы нужнѣе дороги изъ Москвы въ Петербургъ. И мое мнѣніе было бы—съ нея начать... Я конечно не противъ желѣзныхъ дорогъ, но я противъ того, чтобъ этимъ занялось правительство. Нѣкоторыя возраженія противу проекта неоспоримы. Напримѣръ: о заносѣ снѣга. Для сего должна быть выдумана новая машина, sine qua non; о высылкѣ народа или о наймѣ работниковъ для сметанія снѣга нечего и думать: это нелѣпость.

Статья Волкова писана живо, остро. Отрѣшковъ отдѣланъ очень смѣшно; но не должно забывать, что противу желѣзныхъ дорогъ были многіе изъ государственнаго совѣта [3]); и тонъ статьи вообще долженъ быть очень смягченъ. Я бы желалъ, чтобъ статья была напечатана особо, или въ другомъ журналѣ; тогда бы мы объ ней представили выгодный отчетъ съ обильными выписками.

185.

Кн. В. Ѳ. Одоевскому.

(въ декабрѣ 1836 г., спб.).

О знакомствѣ съ Ив. Петровичемъ Сахаровымъ, извѣстнымъ археологомъ, работами котораго Пушкинъ очень интересовался [4]).

Я согласенъ съ вами, что эпиграфъ, выбранный Волковымъ, неприличенъ. Слова Петра I были бы всего болѣе приличны.

Я не очень здоровъ и занятъ. Если вы сдѣлаете мнѣ милость ко мнѣ пожаловать съ г. Сахаровымъ, то очень меня обяжете. Жду съ нетерпѣніемъ.

---

[5]) „Сильфида" была кн. Одоевскимъ прислана съ передѣланнымъ „письмомъ тестя". Процензурова она была 11 ноября 1836 г., но напечатана уже въ № 1 Современника 1837 г. (Пр. П. О. Мор.).

[1]) См. Соч. П., изд. о. д. п. н. л. и у. VII, 413.

[2]) Ф. А. фонъ-Герстнеръ—австріецъ, главный учредитель компаніи Царскосельской желѣзной дороги (первой въ Россіи) напечаталъ тогда докладъ о выгодахъ ея построенія (ibid).

[3]) Въ числѣ другихъ, противъ желѣзныхъ дорогъ высказывался тогдашній министръ финансовъ гр. Канкринъ (ibid).

[4]) Id., стр. 417.

186.

А. О. Ишимовой.

25 января 1837 г. спб.).

О переводахъ съ англійскаго для Современника. Александра Осиповна Ишимова—извѣстная дѣтская писательница.

Мнѣ хотѣлось бы познакомить публику съ произведеніями Barry Cornwall [1]). Не согласитесь ли вы перевести нѣсколько изъ его драматическихъ очерковъ? Въ такомъ случаѣ буду имѣть честь препроводить къ вамъ его книгу.

187.

А. О. Ишимовой.

(27 января 1837 г., спб.).

О томъ же.

Милостивая государыня, А. О. Крайне жалѣю, что мнѣ невозможно будетъ сегодня явиться на ваше приглашеніе. Покамѣстъ честь имѣю препроводить къ вамъ Barry Carnwall. Вы найдете въ концѣ піесы, отмѣченныя карандашемъ: переведите ихъ, какъ умѣете—увѣряю васъ, что переведете какъ нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открылъ вашу „Исторію въ разсказахъ“ и поневолѣ зачитался. Вотъ какъ надобно писать!

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, м. г., вашимъ покорнѣйшимъ слугою...

---

1) См. т. I, № 203, вын. 1.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

КЪ ТОМУ І-МУ.

Стр. 15. Выноска 5. В. Л. Пушкинъ въ приведенныхъ стихахъ имѣетъ въ виду А. М. Пушкина, а не А. С.

Стр. 16. Выноска 16. Въ стихѣ 145 Пушкинъ подъ именемъ Аристарха разумѣетъ Лагарпа.

Стр. 35. и 36 Текстъ „Заздравнаго кубка". 4 стиха 1-й строфы въ рукописи исправлены такъ:

Кубокъ тяжелый
Полонъ давно,
Пѣною бѣлой
Блещетъ вино.

4 стиха 2-й строфы:

Здравіе славы
Выпью ли я?
Бранной забавы
Мы не друзья.

Въ 3-й строфѣ вмѣсто Климены—Камены.

Во вступительной замѣткѣ къ № 14, при стихотвореніи „Осень" должно поставить: (1828).

Стр. 36. Строка 1-я снизу. Вмѣсто №№ должно быть: № 1 (то же и на стр. 37, въ строкѣ 7 св.).

Стр. 37. Строка 1-я сверху. Вмѣсто 15-лѣтняго—17-лѣтняго; въ строкѣ 3-й св.: послѣ мнимыхъ боевыхъ трудовъ.

Стр. 56. Строка 13 св. Вм. № 38—№ 42.

Стр. 57, во 2-й выноскѣ сноска вм. № 59—№ 64.—Стихъ 15-й № 28 имѣетъ въ виду Ѳедора Николаевича Глинку, а не брата его Сергѣя Николаевича.

Стр. 79. Въ 1-й строкѣ снизу. Слова: „дорогою посѣтилъ онъ Тульчинъ" излишни.

Стр. 80. О печатаніи „Руслана и Людмилы" должно быть перенесено ниже въ число порученій Гнѣдичу.

Стр. 116. 24 строка сн. Вм. Павелъ должно быть: **Петръ.**

Стр. 121. Стихи 17 и 18, согласно рукописи, должны слѣдовать послѣ стиха 24-го. Точки, коими означенъ стихъ 19-й, излишни.

Стр. 122. Стихи 104—107, согласно рукописи, должно помѣстить между стихами 99 и 100.

Стр. 142. Въ строкѣ 22-й вм. 1885 должно быть 1855.

Стр. 172. Въ строкѣ 14 св. вм.: „Стихи“ должно быть: „Стихи 33 и 34“.

Стр. 176. Въ строкахъ 24—26 слова: „Притомъ—Байроновой“ должно исключить, а въ строкѣ 27-й слова: „въ Андѣ“ замѣнить словомъ: „тамъ“.

Стр. 184. Въ стихѣ 13-мъ вм. „Поднялась“ должно быть: „Подъялась“, въ стихѣ 46-мъ вм. „теперь“—„топоръ“.

Стр. 188. Въ стихѣ 9-мъ вм. „Поднимемъ“—„Подымемъ“.

Стр. 222. Строка 2-я. Вм.: „строфы 4-й“ должно быть: „строфы 3-й“.

Стр. 223. Строка 7. Вм.: Раппъ должно быть: Риппъ.

Стр. 227. Строка 11-я св. Шевыревъ въ то время еще не былъ профессоромъ.

Стр. 241. Въ стихѣ 65 вм. „Увѣренность“ должно быть: „Умѣренность“.

Стр. 246. Сюда должно перенести Посвященіе IV и V гл. Онѣгина, послѣ № 141.

Стр. 249. Альбомъ, упоминаемый здѣсь, принадлежалъ не Екатеринѣ Николаевнѣ Ушаковой, а сестрѣ ея Елизаветѣ Николаевнѣ, какъ намъ заявилъ сынъ ея.

Стр. 284. Строка 5-я. Вм. „мелкихъ“ должно быть: „легкихъ“. Подъ стих. слѣдуетъ прибавить дату: 29 декабря 1827.

Стр. 288. Строка 10-я. Вм.: „Недоумко“ должно быть: „Надоумко“.

Стр. 296. Слова: „Поэтъ представляетъ идеальными чертами“ слѣдуетъ замѣнить словами: „Въ олицетвореніи сказались идеальныя черты“.

Стр. 298. Строка 18-я св. Вм. 1828 должно быть 1829.

Стр. 319. Вмѣсто словъ: „По свидѣтельству—не Н. Н. Гончаровой“ слѣдуетъ помѣстить слова самого Пушкина изъ письма 30 іюля 1830 г. невѣстѣ: „Дамы спрашиваютъ у меня вашъ портретъ и не прощаютъ мнѣ того, что у меня его нѣтъ. Я утѣшаю себя, проводя цѣлые часы передъ бѣлокурой мадонной, похожей на васъ, какъ двѣ капли воды; я купилъ бы ее, если бъ она не стоила 40,000 руб. (Подлинникъ по-французски).

Стр. 321. Въ 4-мъ стихѣ 2-й строфы. Вм. „Провожалъ“ должно быть: „Провождалъ“.

Стр. 346. Въ выноскѣ, стихъ: „И какъ пышно бы блистала“ читается правильнѣе: „Какъ бы пышно заблистала“.

Стр. 387. Къ вводной замѣткѣ слѣдуетъ прибавить ссылку на письмо 156-е въ V томѣ.

Стр. 409. Въ алфавитный указатель подъ буквою Я слѣдуетъ внести: Я помню чудное мгновенье... стр. 194.

КЪ ТОМУ II-МУ.

Стр. 10. При вопросахъ Зыкова о „Русланѣ и Людмилѣ“ слѣдуетъ сослаться на отвѣты Перовскаго (т. V, стр. 507).

Стр. 83. Строка 20-я св. Слова: „изъ первой гл. Евг. Он.“ должно исключить.

Стр. 84. Строка 14-я св. Слова: „строфъ 1 гл. Евг. Он.“ должно исключить и вмѣсто нихъ поставить: „отрывковъ“.

Стр. 94. Строка 20-я св. Слова: „и I-й главой Евг. Он.“ и дожно исключить.

Стр. 146. Во вводной замѣткѣ къ „Сказкѣ о медвѣдицѣ“ первыя 4 строки должны быть замѣнены слѣдующими словами: „Сказка о медвѣдицѣ написана

на бумагѣ 1830 года среди набросковъ „Моей родословной" и „Скупаго рыцаря". Равно и слова г. Голохвастова о „Пѣсняхъ о С. Разинѣ" должны быть замѣнены слѣдующими словами: „Я. К. Гротъ признаетъ Пушкина ихъ авторомъ" („Пушкинъ", 1887, стр. 184).

„Сказка о медвѣдицѣ", согласно выясненному рукописями времени ея написанія, должна быть перенесена на стр. 215-ю, между „Галубомъ" и „Сказкой о царѣ Салтанѣ". Въ текстѣ ея, между стихами 77 и 78, должны быть вставлены 2 стиха:

(Приходилъ байбакъ тутъ глумянъ,
Живетъ онъ, байбакъ, позади гумянъ).

Стр. 197. Строка 16-я сн. Вм.: „первомъ" должно быть: „правомъ".

Стр. 216. Строка 16-я св. Слова „первою главою Евг. Онѣгина" должно исключить.

Стр. 249. Въ выноскѣ переводъ заглавія: Dei costumi dei Morlachi долженъ быть: „Объ обычаяхъ морлаковъ".

Стр. 257. Въ пѣснѣ о женѣ Ассана Аги слѣдующія отмѣны отъ рукописи должны быть исправлены согласно ей: въ стихѣ 4-мъ вм. „Если бъ лебеди" должно быть: „Были бъ лебеди"; въ стихѣ 7-мъ вм. „въ немъ"—„на немъ"; въ стихѣ 8 вм. „мать"—„матерь"; въ ст. 9, вм. „застыдилася"—„застыдилась"; въ стихѣ 11, вм.: „женѣ"—„любѣ".

КЪ ТОМУ III-му.

А. *Стр. 48.* Въ перечнѣ VI главы прибавить: и „Европейца".

Стр. 57. Къ словамъ „изъ одной петерб. газеты" (строка 6 снизу) слѣдуетъ выноска: изъ „Сѣв. Меркурія".

Стр. 149. Выноска относится къ предыдущей страницѣ (2 строкѣ св. къ словамъ: „По примѣру Шекспира", и въ ней вм: „хроникѣ" должно быть: „хроникахъ".

Стр. 208. Строка 15 снизу. Вм. „мѣстности" должно быть: „маетности".

Стр. 271. 24 строка сн. Вм. „корабль съ колонистами" должно быть: „испанскій корабль".

Стр. 274. 1-я строка св. Вм. „вѣренъ"—должно быть: „вѣритъ".

Б. *Стр. 8.* Должно исправить повторенную здѣсь опечатку всѣхъ изданій въ строкѣ 2-й: covetous вм. caveteous и согласно съ этимъ въ выноскѣ перевести слово covetous словомъ: „скупой".

Стр. 42. Строка 10 св. Вмѣсто: „ничему ни" должно быть: „ни во что не".

Стр. 101. Въ цитатѣ Бѣлинскаго изъ Русалки. вм.: „Я на все готова" слѣдуетъ: „Я все готова".

КЪ ТОМУ IV-му.

А. *Стр. 52.* Строка 6 св. Вм. „оброкъ" слѣдуетъ: „повинности".

Стр. 67. Къ выноскѣ 84-й слѣдуетъ прибавить: „Здѣсь намекъ на подпись Рубана: „Колоссъ Родосскій днесь смири свой гордый видъ".

Стр. 95. Подъ буквою В. должно разумѣть Воейкова.

Стр. 105. Строка 17 снизу. Вмѣсто „писателей" слѣдуетъ: „журналистовъ".

Стр. 120. Строка 9 св. Вм. „своихъ" слѣдуетъ: „его".

Стр. 239. Строка 1 св. Вм. „дыма" слѣдуетъ: „дамы".

Стр. 271. Въ выноскѣ 25-й ссылка на стр. 79.

Б. *Стр. 67.* Строка 17 св. Слова: „по толкованію Григорьева“ излишни.

Стр. 100. Къ выноскѣ 1-й.: „См. въ сказкѣ Измайлова: „Дура Пахомовна“:

Явился въ лавочку Фаддеичъ съ миной важной,
Съ сѣкирою въ бронѣ сермяжной“.

Стр. 239. Мѣсто отъ словъ: „Въ романѣ своемъ“ до словъ: „а послѣ Буланинымъ“ должно замѣнить словами:

„Въ романѣ своемъ Пушкинъ заимствовалъ имена нѣкоторыхъ лицъ изъ матеріаловъ „Исторіи Пугаческаго бунта“. Въ приложеніяхъ къ ней (въ сентенціи 10 января 1775 г.) упоминается отставной подпоручикъ Гриневъ въ числѣ другихъ лицъ, которыя находились подъ карауломъ, будучи сначала подозрѣваемы въ сообщеніи съ злодѣями, но по слѣдствію оказались невинными. Въ числѣ этихъ лицъ Гриневъ поименованъ на первомъ мѣстѣ. Фамилія „Швабринъ“ замѣнила первоначальную „Шванвичъ“—имя, упоминаемое въ Исторіи. Герой первоначально назывался Башаринымъ (а не Баширинымъ) — фамиліей одного капитана Ильинской крѣпости, помилованнаго Пугачевымъ по просьбѣ солдатъ,— а послѣ Буланинымъ“.

Стр. 279 и 280. Сообщенныя по черновой рукописи Рум. музея наброски Путешествія Онѣгина нынѣ могутъ быть замѣнены полнымъ текстомъ этой главы Евгенія Онѣгина, возстановленнымъ А. Ѳ. Бычковымъ (Р. С. 1888, № 1) по собственноручной тетради Пушкина.

Текстъ стиховъ этой тетради сличенъ А. Ѳ. Бычковымъ съ текстами ихъ въ черновой рук. Рум. музея, если эти стихи тамъ находятся. Первоначальная редакція стиховъ въ тетради, впервые напечатанной А. Ѳ. Бычковымъ, приводится имъ внизу съ обозначеніемъ буквою *П*, а варіанты рукописи Рум. музея—съ обозначеніемъ буквою *М*; отрывки Путешествія, напечатанные самимъ Пушкинымъ, введены въ текстъ безъ измѣненій (кромѣ стиховъ въ 153—158 для образованія строфы), но съ указаніемъ внизу страницы разнорѣчій, представляемыхъ тетрадью *П* и рукописью Рум. музея.

Приводимъ здѣсь текстъ Путешествія Онѣгина по редакціи А. Ѳ. Бычкова со всѣми варіантами.

Путешествіе Онѣгина.

Предметомъ ставъ сужденій шумныхъ,
Несносно, согласитесь въ томъ,
Между людей благоразумныхъ
Прослыть притворнымъ чудакомъ,
Какимъ-то квакеромъ, масономъ,
Иль доморощеннымъ Байрономъ,
Иль даже Демономъ моимъ.
Онѣгинъ (вновь займуся имъ),
Доживъ безъ цѣли и трудовъ
До двадцати шести годовъ,
Убивъ на поединкѣ друга,
Томясь въ объятіяхъ досуга,
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Быть чѣмъ нибудь давно хотѣлъ *).

***

Наскуча или слыть Мельмотомъ,
Иль маской щеголять иной,
Проснулся разъ онъ патріотомъ

---

*) Эти четырнадцать стиховъ взяты, какъ сказано выше, изъ черновой рукописи Пушкина, хранящейся въ Румянцовскомъ музеѣ подъ № 2382. Нѣкоторые изъ этихъ стиховъ были передѣлываемы Пушкинымъ; приводимъ ихъ въ первоначальной редакціи:

Ст. 1. Предметомъ ставъ сужденій строгихъ.

Ст. 5. Мельмотомъ (Злодѣемъ), квакеромъ, масономъ.

Ст. 8. Онѣгинъ (вновь займемся имъ).

Дождливой, скучною порой.
Россія, господа, мгновенно
Ему понравилась отмѣнно,
И рѣшено — ужъ онъ влюбленъ,
Ужъ Русью только бредитъ онъ!
Ужъ онъ Европу ненавидитъ
Съ ея политикой сухой,
Съ ея развратной суетой.
Онѣгинъ ѣдетъ; онъ увидитъ
Святую Русь: ея поля,
Пустыни, грады и моря *).

* *
*

Онъ собрался — и слава Богу!
Іюня третьяго числа
Коляска легкая въ дорогу
Его по почтѣ понесла.
Среди равнины полудикой
Онъ видитъ Новгородъ-Великой:
Смирились площади — средь нихъ
Мятежный колоколъ утихъ,
Но бродятъ тѣни великановъ:
Завоеватель Скандинавъ,
Законодатель Ярославъ,
Съ четою грозныхъ Іоанновъ,
И вкругъ покинувшихъ церквей
Кипитъ народъ минувшихъ дней**).

* *
*

Тоска, тоска! Спѣшитъ Евгеній
Скорѣе далѣе... Теперь
Мелькаютъ мелькомъ, будто тѣни,
Предъ нимъ Валдай, Торжокъ и Тверь.
Тутъ у привязчивыхъ крестьянокъ
Беретъ три связки онъ баранокъ;
Здѣсь покупаетъ туфли, — тамъ
По гордымъ Волжскимъ берегамъ
Онъ скачетъ сонный. Кони мчатся
То по горамъ, то вдоль рѣки;
Мелькаютъ версты; ямщики
Поютъ, и свищутъ, и бранятся;

Между 8 и 9 стихами находится три редакціи зачеркнутаго стиха:
а) Прохладнаго слуга досуга.
б) Слуга холоднаго досуга.
в) Томимый быть слугой досуга.
Ст. 13. а) Скучая (Зѣвая) съ дѣломъ и безъ дѣлъ.
б) Не зная ни заботъ, ни дѣлъ.
Ст. 14. а) Быть чѣмъ то захотѣлъ.
б) Заняться чѣмъ то захотѣлъ.
в) Переродиться захотѣлъ.

*) Стихи 15—28 въ тетради II перечеркнуты. Стихи 16, 17, 20, 21 и 23—27 въ черновой рукописи М имѣютъ окончательную редакцію ту же, какъ и въ тетради II.

Ст. 15. а) Наскуча слыть или Мельмотомъ (П и М).
б) Наскуча щеголять Мельмотомъ (М).
Ст. 16. Или чудовищемъ инымъ (М).
Ст. 17. Онъ быть задумалъ патріотомъ (М).
Ст. 18. а) Въ Hôtel de Londres, что въ Морской (П и М).
б) Дождливой вешнею порой (П)
Ст. 19. Россія!... Русь!... она мгновенно (М).
Ст. 21. а) И онъ (И вотъ) влюбился безъ ума (М).
б) Влюбился онъ въ святую Русь (М).
Ст. 22. а) Ужъ сю только бредитъ онъ (М).
б) Россіей только бредитъ онъ (М).
Ст. 24—25. Онъ хочетъ Русь свою узнать (М).
Ст. 26. а) Онъ ѣдетъ; онъ Русь увидитъ (М).
б) Онъ тотчасъ ѣдетъ; онъ увидитъ (М).
Ст. 27. Ея поля, ея лѣса (М).
Ст. 28. а) Дубравы, степи и моря (М).
б) Дубравы, горы и моря (М).
в) Селенья, грады и моря (М).

**) Стихи 30, 32—35 и 39—42 въ черновой рукописи М имѣютъ окончательную редакцію ту же, какъ и въ тетради II.

Стихи 36—38 сохранились въ черновой рукописи М въ неотдѣланномъ видѣ; они всѣ зачеркнуты, и можно только прочесть слѣдующія фразы и слова, дающія понятіе о томъ, что намѣревался сказать поэтъ: „И древняго Волхова

Пыль вьется.—Вотъ Евгеній мой
Въ Москвѣ проснулся на Тверской *).

* * *

Москва Онѣгина встрѣчаетъ
Своей спесивой суетой,
Своими дѣвами прельщаетъ,
Стерляжей подчуетъ ухой.
Въ палатѣ англійскаго клоба
(Народныхъ засѣданій проба),
Безсмолвно въ думу погруженъ,
О кашахъ пренья слышитъ онъ.
Замѣченъ онъ. Объ немъ толкуетъ
Разнорѣчивая молва.
Имъ занимается Москва,
Его шпіономъ именуетъ,
Слагаетъ въ честь его стихи
И производитъ въ женихи **).

* * *

Тоска, тоска! Онъ въ Нижній хочетъ,
Въ отчизну Минина! Предъ нимъ
Макарьевъ суетно хлопочетъ,
Кипитъ обиліемъ своимъ.
Сюда жемчугъ привезъ Индѣецъ,
Поддѣльны вина Европеецъ.
Табунъ бракованныхъ коней
Пригналъ заводчикъ изъ степей,
Игрокъ привезъ свои колоды
И горсть услужливыхъ костей,

брега", „Кругомъ его монастырей", „И колоколъ", „рокотомъ", „И тѣни прежнихъ поколѣній".

Ст. 29. а) И вотъ собрался онъ въ дорогу (М).
б) Собрался—слава Богу (М).
Ст. 31. Коляска Вѣнская въ дорогу (П и М).
Ст. 38. Мощный Скандинавъ (М).
Ст. 41. Сидятъ—и около церквей (М).

*) Стихи 43, 44, 46, 50, 51, 53 и 56 въ черновой рукописи М имѣютъ окончательную редакцію ту же, какъ и въ тетради П.

Ст. 45. а) Предъ нимъ мелькаютъ, будто тѣни (М).
б) Мелькаютъ, какъ пустыя тѣни (П. и М).
Ст. 47. а) Тамъ у привязчивыхъ крестьянокъ (М).
б) Здѣсь у привязчивыхъ крестьянокъ (П и М).
Ст. 49. Тутъ онъ обѣдаетъ,—а тамъ (П).
Ст. 56. Въ Москвѣ очнулся на Тверской (П).
Стихи 48 – 56 въ черновой рукописи М читаются такъ:

Беретъ онъ баранокъ;
Здѣсь (Тамъ) онъ обѣдаетъ, а тамъ
По гордымъ Волжскимъ берегамъ
Онъ скачетъ сонный. Кони мчатся
(Пыль вьется; свищутъ ямщики)
Сквозь лѣсъ, чрезъ холмы, вдоль рѣки;
Мелькаютъ версты (села); ямщики
Поютъ, свищутъ, бранятся;
Пыль вьется—и Евгеній мой
Въ Москвѣ очнулся (проснулся) на Тверской.

**) Стихи 57, 59—61, 65, 66 и 70 въ черновой рукописи М имѣютъ окончательную редакцію ту же, какъ и въ тетради П.

Ст. 58. а) Своей роскошной суетой (М).
б) Своею важной суетой (М).
Ст. 59. Старинной кухней угощаетъ (М).
Ст. 61. Онъ пренья Англійскаго клуба (М).
Ст. 64. О кашѣ пренья слышитъ онъ (П).
Послѣ этого стиха въ тетради П зачеркнуты слѣдующіе три:

Онъ слышитъ (И слезы) на большихъ обѣдахъ
Разсказы (И ропотъ) отставныхъ бояръ.
Онъ видитъ Кремль, Тверской бульваръ.

Ст. 66. Велерѣчивая Москва (П и М).
Ст. 68. Его масономъ (повѣсой) (шпіономъ) именуетъ (М).
Ст. 69. Сплетаетъ про него стихи (П и М).

Помѣщикъ спѣлыхъ дочерей,
А дочки—прошлогодни моды.
Всякъ суетится, лжетъ за двухъ,
И всюду меркантильный духъ *).

* *
*

Тоска! Евгеній ждетъ погоды.
Ужъ Волга—рѣкъ, озеръ, краса—
Его зоветъ на пышни воды
Подъ полотняны паруса:
Взманить охотника не трудно.
Нанявъ купеческое судно,
Поплылъ онъ быстро внизъ рѣки.
Надулась Волга; бурлаки,
Опершись на багры стальные,
Унывнымъ голосомъ поютъ
Про тотъ разбойничій пріютъ,
Про тѣ разъѣзды удалые,
Какъ Стенька Разинъ въ старину
Кровавилъ Волжскую волну **);

* *
*

Въ черновой рукописи М стихи 62—70 сохранились еще въ слѣдующей первоначальной редакціи:

О вистѣ (Безмолвно) пренья слышитъ онъ,
Глубоко въ думу (Въ раздумье молча) погруженъ.
Онъ видитъ башни Годунова,
Дворцы и площади (И храмы древняго) Кремля,
И храмъ, гдѣ царская семья
Почіетъ близъ мощей Святова.
Онъ ходитъ (бродитъ) межъ густыхъ алей
Въ садахъ Московскихъ богачей.

*) Ст. 71 и 72. Тоска, тоска! Онъ далѣ (Онъ ѣхать) хочетъ,
Онъ скачетъ въ Нижній. Передъ нимъ (П).

Ст. 73. Какъ море, ярмонка хлопочетъ (П). — Затѣмъ исправленъ какъ въ текстѣ.

Ст. 77 и 78. Заводчикъ изъ своихъ степей
Пригналъ бракованныхъ коней (П).

Затѣмъ эти стихи исправлены какъ въ текстѣ.

Ст. 83. Начинался въ П: И всюду; затѣмъ эти слова замѣнены словомъ: Всякъ.

Въ черновой рукописи М стихи 71—84 читаются, насколько возможно было ихъ разобрать, такъ:

Тоска, тоска! Онъ далѣ хочетъ,
(Тоска, тоска! Онъ мчится далѣ (Онъ далѣ мчится)
(Въ торговый Нижній. Передъ нимъ)
Онъ скачетъ въ Нижній. Передъ нимъ
(скупая) ярмонка хлопочетъ,
Блеститъ (Кипитъ) обиліемъ своимъ
И всюду меркантильный
(Индѣецъ желтый, Нѣмецъ чистый).
Сюда жемчугъ привезъ Индѣецъ,
Поддѣльны вина Европеецъ;
Заводчикъ порченыхъ коней;
Игрокъ привезъ свои колоды
И горсть услужливыхъ костей;
Помѣщикъ—спѣлыхъ дочерей,
А дочки—прошлогодни моды.

**) Стихи 88, 90—94 и 96—98, въ черновой рукописи М имѣютъ окончательную редакцію ту же, какъ въ тетради П.

Ст. 85 Тоска, тоска!... Досады полный (П).
Тоска, тоска!... Но Волга (М).

Ст. 86 и 87. Но Волга—рѣкъ, озеръ краса—
Его манитъ на пышны воды (П и М).

Ст. 89. Взманить Онѣгина (Евгенія) не трудно (П).
Онѣгина взманить не трудно (М).

Ст. 92. Надулась (Струится) Волга. Бурлаки (М).

Ст. 95. а) Про свой разбойничій пріютъ (П и М).
б) Про Стеньки Разина пріютъ (М).

Поютъ про тѣхъ гостей незваныхъ,
Что жгли да рѣзали. Но вотъ,
Среди степей своихъ песчаныхъ,
На берегу соленыхъ водъ
Торговый Астрахань открылся.
Онѣгинъ только углубился
Въ воспоминанье прошлыхъ дней,
Какъ жаръ полуденныхъ лучей
И комаровъ нахальныхъ тучи,
Пища, жужжа со всѣхъ сторонъ,
Его встрѣчаютъ—и, взбѣшонъ,
Каспійскихъ водъ брега сыпучи
Онъ оставляетъ тотъ же часъ.
Тоска! Онъ ѣдетъ на Кавказъ *)

***

Онъ видитъ: Терекъ своенравный
Крутые роетъ берега;
Предъ нимъ паритъ орелъ державный,
Стоитъ олень, склонивъ рога;
Верблюдъ лежитъ въ тѣни утеса,
Въ лугахъ несется конь Черкеса,
И вкругъ кочующихъ шатровъ
Пасутся овцы Калмыковъ.
Въ дали—Кавказскія громады:
Къ нимъ путь открытъ. Пробилась брань
За ихъ естественную грань,
Чрезъ ихъ опасныя преграды;
Брега Арагвы и Куры
Узрѣли Русскіе шатры **).

***

Уже пустыни сторожъ вѣчный,

Ст. 96. Да про разъѣзды удалые (П).
Про ихъ разъѣзды удалые (М).

*) Ст. 99—106, 108, 109, 111 и 112 въ черновой рукописи М имѣютъ ту же окончательную редакцію, какъ и въ тетради П.

Ст. 101 первоначально: Среди степей своихъ сыпучихъ (М).

Ст. 103 первоначально: Вотъ Астрахань торговый (М).

Ст. 104 первоначально: Онѣгинъ молча поклонился (М).

Ст. 106 первоначально: Но жаръ полуденныхъ лучей (М).

Ст. 107. И комаровъ докучныхъ тучи (П).
а) И комаровъ пискливыхъ жала (М).
б) И комаровъ крикливыхъ тучи (М).

Ст. 109 первоначально: а) Его объемлютъ.... онъ (М).
б) Его преслѣдуютъ—взбѣшонъ, (М).

Ст. 110. Каспійской лужи брегъ сыпучій (П и М).

Ст. 115 и 116 первоначально:
Надъ нимъ (Вдали) паритъ орелъ державный,
Бѣжитъ олень, склонивъ рога (П).

Ст. 118 первоначально: Въ лугахъ гуляетъ конь Черкеса (П).

**) Ст. 120 первоначально: Стада пасутся Калмыковъ (П).

Ст. 121—123 первоначально:
Онъ видитъ горныя громады,
Сію естественную грань.
Къ нимъ (Въ нихъ) путь пробитъ. Промчалась брань (П).

Ст. 122. Къ нимъ путь открытъ. Промчалась брань (П).

Ст. 124. Чрезъ ихъ упорныя преграды (П).

Ст. 125 и 126 первоначально: И брегъ Арагвы и Куры
Увидѣлъ Русскіе шатры (П).

Изъ черновой рукописи М приводятся здѣсь разобранные стихи; наброски стиховъ, зачеркнутыхъ поэтомъ, помѣщены въ скобкахъ:

Онъ видитъ: Терекъ своенравный
Крутые роетъ берега
(Его крутые берега)
(То голы... въ тѣни дубравной на днѣ спятъ)
(И вдали символъ державный)
орелъ державный,
Олень стоитъ, склонивъ рога
(Черкесъ Калмыкъ кочуетъ)
(Вдали громады горъ снѣговыхъ)
(Черкесъ добычи проситъ)

Стѣсненный холмами вокругъ,
Стоитъ Бешту остроконечный
И зеленѣющій Машукъ,
Машукъ податель струй цѣлебныхъ;
Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ
Больныхъ тѣснится блѣдный рой;
Кто жертва чести боевой,
Кто почечуя, кто Киприды;
Страдалецъ мыслитъ жизни нить
Въ волнахъ чудесныхъ укрѣпить,
Кокетка—злыхъ годовъ обиды
На днѣ оставить, а старикъ
Помолодѣть—хотя на мигъ *).

* * *

Питая горьки размышленья,
Среди печальной ихъ семьи,
Онѣгинъ взоромъ сожалѣнья
Глядитъ на дымныя струи
И мыслитъ, грустью отуманенъ:
Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?
Зачѣмъ не хилой я старикъ,
Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
Зачѣмъ, какъ Тульскій засѣдатель,
Я не лежу въ параличѣ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма? — Ахъ, Создатель!
(И я, какъ эти господа,
Надежду могъ бы знать тогда! **)

* * *

(Возносится, блеститъ какъ туча)
(Черкесъ въ ущельи)
(Черкесъ пищаль наводитъ)
(Бѣлѣются среди луговъ)
(Кибитки мирныхъ Калмыковъ)
Въ глухихъ разсѣлинахъ утеса
(Въ ущельяхъ ютятся)
(Блеститъ оружіе Черкеса)
Верблюдъ лежитъ въ тѣни утеса
(Вдали бѣжитъ, скачетъ, мчится конь Черкеса,
Онъ видитъ горныя громады
(Казбекъ (славную) естественную грань)
(Но ужъ давно брань)
(Великолѣпныя врата)
(Враждебной Грузіи мѣста)
(Давно уже промчалась брань)
За ихъ естественную грань
(Попралъ природныя преграды)
Чрезъ ихъ упорныя преграды,
Чтобъ на брегахъ Куры
Раскинуть Русскіе шатры.

*) Стихи 127—129, 131—134, 136 и 138—140 въ черновой рукописи М имѣютъ окончательную редакцію ту же, какъ и въ тетради II.

Ст. 127 первоначально:
Пошолъ!.. (Вокругъ) (Предъ нимъ) пустыни сторожъ вѣчный (П).

Ст. 130. И соблазнительный Машукъ (М).

Ст. 133 и 134 первоначально:
Больныхъ блуждаетъ блѣдный рой;
Кто жертва жизни боевой (П).

Ст. 135. Кто гемороя, кто Киприды (П).
Кто ревматизма, кто Киприды (М).

Ст. 136 первоначально:
а) Кто мыслитъ юность обновить,
б) Старикъ надѣясь жизни нить (М).

Ст. 137. Въ волнахъ могучихъ укрѣпить (П и М).

Ст. 140. Помолодѣть—хотя бъ на мигъ (П).

**) Ст. 141—144. Онѣгинъ взоромъ сожалѣнья
На воды дымныя глядитъ
размышленья
печальной сей семьи (М).

Блаженъ, кто старъ! Блаженъ, кто боленъ!
Надъ нимъ лежитъ судьбы рука.
Но я здоровъ, я молодъ, воленъ);
Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!..
Простите, снѣжныхъ горъ вершины
И вы, Кубанскія равнины!
Онъ ѣдетъ къ берегамъ инымъ.
Онъ прибылъ изъ Тамани въ Крымъ.
Воображенью край священный:
Съ Атридомъ спорилъ тамъ Пиладъ,
Тамъ закололся Митридатъ,
Тамъ пѣлъ Мицкевичъ вдохновенный
И, посреди прибрежныхъ скалъ,
Свою Литву воспоминалъ *).

***

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля
При свѣтѣ утренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я;
Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ синемъ и прозрачномъ
Сіяли груды вашихъ горъ,
Долинъ, деревьевъ, селъ узоръ
Разостланъ былъ передо мною.
А тамъ, межъ хижинокъ Татаръ...
Какой во мнѣ проснулся жаръ!
Какой волшебною тоскою
Стѣснилась пламенная грудь!
Но, Муза! прошлое забудь **).

***

Какія бъ чувства ни таились
Тогда во мнѣ—теперь ихъ нѣтъ:
Они прошли иль измѣнились...
Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!

Ст. 144. Глядитъ на чудные ручьи (П).
Ст. 145. Онъ мыслитъ, грустью отуманенъ (П).
Стихи 153—158 были исключены Пушкинымъ при печати и замѣнены слѣдующимъ: „Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка“.
Ст. 154. а) Надежду зналъ бы я тогда (П).
б) Надежду бъ могъ имѣть тогда (П).

*) Стихи 159—162 и 164—166 имѣютъ въ черновой рукописи М ту же окончательную редакцію, какъ и въ тетради П.
Ст. 156. Блаженъ, чья смерть уже близка (П).
Ст. 159—160. Прощайте, снѣжныхъ горъ вершины,
Вы, Закубанскія равнины,
Вы, степи (М).
Ст. 161. Онъ (скачетъ) къ берегамъ инымъ (М).
Ст. 163 первоначально: Онъ зритъ поэту край священный (П и М).
Ст. 165 первоначально: Тамъ умеръ гордый Митридатъ (П и М).
Тамъ (отравился) Митридатъ (М).
Ст. 166. Тамъ пѣлъ изгнанникъ вдохновенный (П).
Стихи 155—168 въ тетради П перечеркнуты.
Въ черновой рукописи М послѣ 162-го стиха находится нѣсколько зачеркнутыхъ стиховъ, и въ числѣ ихъ:
Онъ видитъ Керчь уединенный.

**) Стихи 170—172 и 174 въ черновой рукописи М имѣютъ ту же окончательную редакцію, какъ и въ тетради П.
Ст. 169. Прелестны вы, брега Тавриды (М).
Ст. 173. Вы мнѣ явились въ блескѣ брачномъ (М).
И въ П стихъ этотъ первоначально также начинался:
Вы мнѣ яви
Стихи 175 и 176 первоначально:
Темнѣли груды вашихъ горъ;
Долинъ, деревьевъ, скалъ узоръ (П).
Ст. 175. Темнѣлись груды вашихъ горъ (М).
Ст. 178 первоначально: а) Бѣлѣли хижинки Татаръ (П).
б) И между хижинокъ Татаръ (П).
Ст. 187. Стѣснялась пламенная грудь (П).
Ст. 182 первоначально: Но полно! старое забудь (П).

Въ ту пору мнѣ казались нужны
Пустыни, волнъ края жемчужны,
И моря шумъ, и груды скалъ,
И гордой дѣвы идеалъ,
И безыменныя страданья...
Другіе дни, другіе сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтическій бокалъ
Воды я много подмѣшалъ *).

***

Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи—
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ;
Теперь мила мнѣ балалайка
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака.
Мой идеалъ теперь—хозяйка.
Мои желанія—покой,
Да щей горшокъ, да самъ большой **).

***

Порой дождливою намедни

Стихи 183—186 въ черновой рукописи М имѣютъ ту же окончательную редакцію, какъ и въ тетради П.

Ст. 184 первоначально: Тогда во мнѣ, но ихъ ужъ нѣтъ (П).

Ст. 186. Миръ вамъ, мечтанья прежнихъ лѣтъ (М).

Ст. 187 первоначально:

Тогда, тогда мнѣ были (стали) нужны (П).

Ст. 188 первоначально: а) Стремнины, волнъ брега жемчужны (П).
б) Широкихъ водъ брега жемчужны (П).

Ст. 189 первоначально: а) И бури шумъ, и груды скалъ (П).
б) Стремнины, груды горъ и скалъ (П).

Ст. 190 первоначально: а) И между ими идеалы (П).
б) Какой нибудь надменной дѣвы (П).
в) Мнѣ дѣвы идеалъ (П).

Ст. 191 первоначально: а) И безнадежныя страданья (П).
б) И славы блескъ, и мракъ изгнанья (П).

Ст. 192 набросанъ первоначально такъ: Мнѣ другіе дни, сны (П).

Ст. 196 первоначально: Я много прозы подмѣшалъ (П).

**) Ст. 197 первоначально: Милѣй мнѣ скромныя картины (П).

Ст. 199 первоначально: Ручеекъ среди долины (П).

Ст. 200 первоначально: а) Колодезь, сломанный заборъ (П).
б) Да гдѣ нибудь избушку и заборъ (П).
в) Плотину, сломанный заборъ (П).

За этимъ стихомъ слѣдовали наброски слѣдующихъ стиховъ:

Да черезъ свѣтлую полянку
(И съ ведромъ черезъ полянку)
Вдали бѣгущую крестьянку
(Къ ручью бѣгущую крестьянку) (П).

Стихи 201 и 202 въ первоначальной редакціи;

а) За нивой дымные овины,
(Солому дымную (свѣжую) въ овинѣ)
(Подъ коромысломъ)
Да стройныхъ прачекъ у плотины
(Веселыхъ прачекъ на плотинѣ) (П).
б) На небѣ сѣренькія тучки,
Дѣтей кучки.
Теперь гуляя на досугѣ (П).

в) Зачеркнутые:

Часовню, дымные овины,
Да стройныхъ прачекъ у плотины (П).

Передъ 205 стихомъ зачеркнутый:

Ребятъ, приказныхъ, франтовъ шайка (П).

Ст. 206 первоначально: Да пьяный топотъ ямщика (П).

Ст. 207 первоначально: Предъ всякой дверью кабака (П).

Я, завернувъ на скотный дворъ...
Тьфу! прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!
Таковъ ли былъ я, расцвѣтая?
Скажи, фонтанъ Бахчисарая!
Такія ль мысли мнѣ на умъ
Навелъ твой безконечный шумъ,
Когда безмолвно предъ тобою
Зарему я воображалъ...
Средь пышныхъ, опустѣлыхъ залъ,
Спустя три года, вслѣдъ за мною,
Скитаясь въ той же сторонѣ
Онѣгинъ вспомнилъ обо мнѣ *).

***

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной...
Тамъ долго ясны небеса,
Тамъ хлопотливо торгъ обильной
Свои подъемлетъ паруса;
Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ,
Все блещетъ Югомъ и пестрѣетъ
Разнообразностью живой.
Языкъ Италіи златой
Звучитъ по улицѣ веселой,
Гдѣ ходитъ гордый Славянинъ,
Французъ, Испанецъ, Армянинъ,
И Грекъ, и Молдаванъ тяжелой,
И сынъ Египетской земли,
Корсаръ въ отставкѣ, Морали... **)

***

Одессу звучными стихами
Нашъ другъ Туманскій описалъ,
Но онъ пристрастными глазами
Въ то время на нее взиралъ.
Пріѣхавъ, онъ прямымъ поэтомъ
Пошелъ бродить съ своимъ лорнетомъ
Одинъ надъ моремъ—и потомъ
Очаровательнымъ перомъ
Сады Одесскіе прославилъ.
Все хорошо, но дѣло въ томъ,
Что степь нагая тамъ кругомъ;
Кой-гдѣ недавный трудъ заставилъ
Младыя вѣтви въ знойный день
Давать насильственную тѣнь ***).

***

А гдѣ, бишь, мой разсказъ несвязной?
Въ Одессѣ пыльной, я сказалъ.
Я бъ могъ сказать: въ Одессѣ грязной—
И тутъ бы право не солгалъ.
Въ году недѣль пять-шесть Одесса,
По волѣ бурнаго Зевеса,
Потоплена, запружена,
Въ густой грязи погружена.
Всѣ домы на аршинъ загрязнутъ;
Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ
По улицѣ дерзаетъ въ бродъ:
Кареты, люди тонутъ, вязнутъ,

После стиха 207 зачеркнутъ слѣдующій:
Иль (Да) колокольчикъ ямщика (П),
Ст. 208 первоначально: а) Мой идеалъ теперь хозяйка
(Простая добрая душа)
Простая, тихая (добрая) жена (П).
б) Мой идеалъ: жена-хозяйка (П).

*) Стихи 211—214 и 219—224 въ черновой рукописи М имѣютъ окончательную редакцію ту же, какъ и въ тетради П.
Ст. 214 первоначально: Фламандской школы гадкій соръ! (П и М).
Ст. 220 первоначально: Гиреевъ я воспоминалъ (П и М).
Стихи 222—224 въ тетради П перечеркнуты.

**) Въ концѣ 225-го стиха въ тетради П написано: etc.
Въ черновой рукописи М:
Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ,
Все движетъ лирою пѣвца,
и внизу:
Я жилъ поэтомъ—
Безъ дровъ зимой, безъ дрожекъ лѣтомъ
Но всякій...

***) Ст. 242. Повѣрьте, на нее взиралъ (М).
Ст. 245. Плѣнился моремъ—и потомъ (М).
Ст. 251 и 252. Кой гдѣ упорный трудъ заставилъ
Сухія вѣтви въ знойный день.

И въ дрожкахъ волъ, рога склоня,
Смѣняетъ хилаго коня *).

***

Но ужъ дробитъ каменья молотъ,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный городъ,
Какъ будто кованной броней.
Однако въ сей Одессѣ влажной
Еще есть недостатокъ важной;
Чего бъ вы думали?—воды.
Потребны тяжкіе труды...
Что жъ? это небольшое горе,
Особенно, когда вино
Безъ пошлины привезено.
Но солнце южное, но море...
Чего жъ вамъ болѣе, друзья?
Благословенные края!

***

Бывало, пушка заревая
Лишь только грянетъ съ корабля,
Съ крутаго берега сбѣгая,
Ужъ къ морю отправлюсь я.
Потомъ за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленной,
Какъ Мусульманъ въ своемъ раю,
Съ восточной гущей кофе пью.
Иду гулять. Ужъ благосклонный
Открытъ Casino: чашекъ звонъ
Тамъ раздается, на балконъ
Маркеръ выходитъ полусонный
Съ метлой въ рукахъ, и у крыльца
Уже сошлися два купца.

***

Глядишь и площадь запестрѣла.
Все оживилось; здѣсь и тамъ
Бѣгутъ за дѣломъ и безъ дѣла,
Однако больше по дѣламъ.
Дитя разсчета и отваги,
Идетъ купецъ взглянуть на флаги,
Провѣдать, шлютъ ли небеса
Ему знакомы паруса?
Какіе новыя товары
Вступили нынче въ карантинъ?
Пришли ли бочки жданныхъ винъ?
И что чума? И гдѣ пожары?
И нѣтъ ли голода, войны,
Или подобной новизны? **)

***

Но мы, ребята безъ печали,
Среди заботливыхъ купцовъ,
Мы только устрицъ ожидали
Отъ Цареградскихъ береговъ.
Что устрицы? — Пришли! —О радость!
Летитъ обжорливая младость
Глотать изъ раковинъ морскихъ
Затворницъ жирныхъ и живыхъ,
Слегка обрызгнутыхъ лимономъ.
Шумъ, споры—легкое вино
Изъ погребовъ принесено
На столъ услужливымъ Отономъ [1]);

***

Часы летятъ, а грозный счетъ
Межъ тѣмъ невидимо растетъ***).
Но ужъ темнѣетъ вечеръ синій,
Пора намъ въ оперу скорѣй:
Тамъ упоительный Россини,
Европы баловень—Орфей.
Не внемля критикѣ суровой,
Онъ вѣчно тотъ же, вѣчно новой,
Онъ звуки льетъ—они кипятъ,
Они текутъ, они горятъ,
Какъ поцѣлуи молодые,
Всѣ въ нѣгѣ, въ пламени любви,
Какъ зашипѣвшаго Аи
Струя и брызги золотые...
Но, господа, позволено ль
Съ виномъ равнять do-re-mi-sol? [2]).

***

А только ль тамъ очарованій?

---

*) Стихи 257—259. По манію.... Зевеса
Въ году недѣли три Одесса
Запачкана, запружена (М).

**) Ст. 299. Разсчетовъ сынъ и другъ отваги (М).

***) Ст. 310. Въ толпѣ заботливыхъ купцовъ (М).

Ст. 316—318. Чуть-чуть обрызгнувъ ихъ лимономъ.
Шабли—студеное вино—
Изъ погреба принесено (М).

1) Извѣстный рестораторъ въ Одессѣ.

Ст. 326. Нашъ избалованный Орфей (М).

2) Ст. 336. Съ виномъ равнять ре-ми-фа-sol! (М).

А разыскательный лорнетъ?
А закулисныя свиданья
А prima dona? а балетъ?
А ложа, гдѣ красой блистая,
Негоціантка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабовъ окружена?
Она и внемлетъ и не внемлетъ
И каватинѣ, и мольбамъ,
И шуткѣ съ лестью пополамъ...
А мужъ — въ углу за нею дремлетъ,
Въ просонкахъ фора закричитъ,
Зѣвнетъ—и снова захрапитъ *).

*
* *

Финалъ грѣмитъ; пустѣетъ зала;
Шумя, торопится разъѣздъ;
Толпа на площадь побѣжала
При блескѣ фонарей и звѣздъ.
Сыны Авзоніи счастливой
Слегка поютъ мотивъ игривой,
Его невольно затвердивъ,
А мы ревемъ речитативъ.
Но поздно. Тихо спитъ Одесса;
И бездыханна и тепла
Нѣмая ночь. Луна взошла,
Прозрачно-легкая завѣса
Объемлетъ небо. Все молчитъ;
Лишь море Черное шумитъ... **).

*
* *

И такъ я жилъ тогда въ Одессѣ
Средь новоизбранныхъ друзей,
Забывъ о сумрачномъ повѣсѣ,
Героѣ повѣсти моей.
Онѣгинъ никогда со мной
Не хвасталъ дружбой почтовой.
А я, счастливый человѣкъ,
Не переписывался ввѣкъ
Ни съ кѣмъ. Какимъ же изумленьемъ,
Судите, былъ я пораженъ,
Когда ко мнѣ явился онъ
Неприглашеннымъ привидѣньемъ,
И какъ заахали друзья,
И какъ обрадовался я! ***)

*
* *

Дань дружбы... гласъ натуры!!..
Взглянувъ другъ на друга, потомъ,
Какъ Цицероновы авгуры,
Мы разсмѣялися тишкомъ...
. . . .
. . . . ****)

*
* *

Не долго вмѣстѣ мы бродили
По берегамъ Эвксинскихъ водъ:
Судьбы насъ снова разлучили
И намъ назначили походъ.
Онѣгинъ, очень охлажденный
И тѣмъ, что видѣлъ, насыщенный,
Пустился къ Невскимъ берегамъ,
А я отъ милыхъ южныхъ дамъ,
Отъ жирныхъ устрицъ Черноморскихъ,
Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ,
И, слава Богу, отъ вельможъ,
Уѣхалъ въ тѣнь лѣсовъ Тригорскихъ,
Въ далекій сѣверный уѣздъ,—
И былъ печаленъ мой пріѣздъ*****).

*
* *

---

*) Ст. 349. Въ просонкахъ фора проворчитъ (М).
**) Стиховъ 226—364 нѣтъ въ тетради П.
***) Стихъ 366 начинался зачеркнутымъ словомъ: Забывъ (П).
Ст. 369. Онѣгинъ никогда предъ мною (П).
Ст. 371. А я, лѣнивый (свободный) человѣкъ (П).
Ст. 377. Какъ громко ахнули друзья (П).
****) Ст. 379. а) Дань сердца, гласъ натуры! (П).
б) Святая дружба, дань натуры! (П).
Ст. 382. Мы засмѣялися тишкомъ (П).
Послѣ этого стиха въ тетради П слѣдуетъ нѣсколько строкъ точекъ.
*****) Стиховъ 383—396 въ тетради П нѣтъ.
Ст. 385. Судьбы опять опредѣлили (М).
Ст. 386. Намъ и разлуку, и походъ (М).
Ст. 391. Отъ устрицъ Черноморскихъ (М).
Ст. 395. Въ пустынный сѣверный уѣздъ (М).
Ст. 396. И былъ печаленъ мой отъѣздъ (М).

О, гдѣ бъ судьба ни назначала
Мнѣ безъименный уголокъ,
Гдѣ бъ ни былъ я, куда бъ ни мчала
Она смиренный мой челнокъ,
Гдѣ поздній миръ мнѣ бъ ни сулила,
Гдѣ бъ ни ждала меня могила,
Вездѣ, вездѣ въ душѣ моей
Благословлю моихъ друзей.
Нѣтъ, нѣтъ! нигдѣ не позабуду
Ихъ милыхъ, ласковыхъ рѣчей.
Вдали, одинъ, среди людей
Воображать я вѣчно буду
Васъ, тѣни прибережныхъ ивъ,
Васъ, миръ и сонъ Тригорскихъ нивъ *).

КЪ ТОМУ V-МУ.

Стр. 5. Строка 10 снизу. Вм. „метофорахъ“ слѣдуетъ „метафорахъ“.

Стр. 32 и 33. №№ статей 14 и 15 слѣдуетъ исправить на 15 и 16.

Стр. 57. Строка 20 св. Вм.: „помѣщавшихся“ должно быть: „помѣщавшимися“.

Стр. 65. Строка 10 св. слово „мы“ исключить.

Стр. 118. Выноска. Вм.: „стр. 14“, должно быть: „стр. 114“.

Стр. 120. Строка 6 св. Вм.: „быдуиновъ“—„бедуиновъ“.

Стр. 180. Вын. 15. Вм.: „Давыдова“ должно быть: „Языкова“.

Стр. 198. Вм. „М. А. Лобанова“ слѣдуетъ: „М. Е. (Михаила Евстафьевича) Лобанова“.

Стр. 286. Строка 21 и 22 сн. Вм.: „принадлежалъ казаку Оболяеву, прозванному...“ должно быть: „арендовалъ пахотный солдатъ Оболяевъ, прозванный“.

Стр. 345. Вын. 39. Вм.: „документамъ“ должно быть: „источникамъ“.

Стр. 389. Строка 3 сн. Вм.: „Надеждиной“ должно быть: „Надеждина“.

Стр. 399. Строка 4 сн.: Вмѣсто: „улучшеніе“ должно быть: „уменьшеніе“.

Въ листѣ 28 страницы обозначены ошибочно, вмѣсто 435—450.

Стр. 489. При заглавіи „Анекдоты“ слѣдуетъ поставить: 9.

---

*) Ст. 404. Благословлю въ душѣ моей (II).
Ст. 405. О, нѣтъ нигдѣ не позабуду (II).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи, замѣтки критическія и историко-литературныя (1822—1837).

II. Сочиненія историческія (1832—1836).

III. Статьи автобіографическія.

*) Въ листѣ 28-мъ страницы означены ошибочно (онѣ здѣсь указаны въ скобахъ).

IV. Выдержки изъ писемъ

критическія, литературныя и автобіографическія.

(1820—1837).

Дополненія и поправки.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

В.

Г.

